V6641.

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

16641
16917.
16641
Библіотека Ученаго Комитета Мин. Фин.

БИБЛІОТЕКА „ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ“.

(ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ).

ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШАГО ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Г. Дюкудрэ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Переводъ съ французскаго **А. А. Позенъ**,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. А. Коропчевскаго.

СО МНОГИМИ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

Изданіе редакціи журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія: Москва, Б. Молчановка, д. Дм. Ив. Тихомирова, № 24.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утверж. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°**
Пименовская улица, собственный домъ.

1898.

39
Библиотека НКФ СССР

79905

Дозволено цензурою. Москва, 12 августа 1898 г

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . I.

Предисловіе автора 1

Древніе народы Востока.

Глава I. Происхожденіе цивилизаціи 3

Глава II. Памятники и искусства Египта 20

Глава III. Ассирійцы и вавилоняне 51

Глава IV. Евреи, ихъ религія и общество. 77

Глава V. Торговля финикіянъ. 102

Глава VI. Цивилизація арійцевъ. Индусы и персы. 118

Греческая цивилизація.

Глава VII. Религія грековъ. 132

Глава VIII. Государственный строй грековъ. 152

Глава IX. Литература и искусство грековъ. 180

Глава X. Распространеніе греческой образованности 215

Римскій міръ.

Глава XI. Римская республика 235

Глава XII. Завоеванія Рима, преобразованіе республики. 266

Глава XIII. Римское общество во времена имперіи. 294

Глава XIV. Христіанство. Преобразованіе и упадокъ Римской имперіи . . . 325

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ этой книги имѣетъ въ виду читателей, знакомыхъ лишь съ учебнымъ курсомъ исторіи: онъ писалъ ее, сообразуясь съ программами высшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній во Франціи. Онъ желалъ дать своимъ читателямъ именно тѣ дополнительныя познанія по религіозной, общественной и экономической жизни, по литературѣ, искусству, техникѣ и матеріальной культурѣ древнихъ и новыхъ народовъ, которыя не могутъ найти себѣ мѣста въ учебномъ курсѣ исторіи за невозможностью увеличить его размѣры. Между тѣмъ, уже въ педагогическихъ цѣляхъ не можетъ не быть желательнымъ, чтобы ученики, интересующіеся исторіей, могли имѣть подъ рукою книгу, освѣщающую домашній и общественный бытъ, умственную и художественную дѣятельность народовъ, политическія судьбы которыхъ они изучаютъ. Это дополненіе учебника, прибавленіе къ сообщаемымъ имъ познаніямъ другихъ наглядныхъ и живыхъ свѣдѣній, составляетъ первую и ближайшую задачу, какую ставитъ себѣ авторъ «Исторіи цивилизаціи». Но удовлетвореніемъ ея еще не исчерпывается значеніе названной книги. Она можетъ быть полезна и въ качествѣ введенія при переходѣ отъ учебнаго къ научному чтенію, давая читателю, уже оставившему среднюю школу, цѣльную, доступную ему систему понятій по общественнымъ знаніямъ, по исторіи науки, литературы и искусства. Прочтя сочиненіе Дюкудрэ, онъ можетъ уже ориентироваться среди наростающей у насъ съ каждымъ днемъ популярной и самообразовательной литературы. Въ связи съ тѣмъ, что онъ узналъ изъ школьнаго изученія исторіи, онъ извлечетъ изъ него ясное пред-

ставленіе объ историческихъ эпохахъ и объ участіи каждаго народа въ общемъ развитіи образованности. Задавшись нелегкою цѣлью—изложить въ одномъ небольшомъ томѣ исторію цивилизаціи отъ древнѣйшихъ до нашихъ временъ, авторъ долженъ былъ неизбѣжно держаться краткаго, почти конспектнаго изложенія. Но такъ какъ въ то же время онъ не опускаетъ ничего существеннаго, то эту краткость можно только вмѣнить ему въ достоинство. Это сочетаніе сжатости изложенія и полноты содержанія удовлетворяетъ третьей цѣли, которая можетъ быть поставлена для подобной книги: сочиненіе Дюкудрэ, при помощи приложеннаго въ концѣ его алфавитнаго указателя, можетъ служить и справочною книгой, давая возможность освѣжить въ памяти факты и лица изъ исторіи вѣрованій, законодательствъ, литературы, науки, художествъ и т. п. Книга Дюкудрэ по своимъ достоинствамъ,—широтѣ программы, сжатости, ясности и безпристрастности изложенія, не имѣетъ подобной себѣ ни въ нѣмецкой, ни въ англійской литературѣ. Доказательство того мы видимъ въ томъ, что она существуетъ въ переводѣ на англійскій языкъ. Мы надѣемся, что въ нашей литературѣ, не столь богатой общедоступными историческими сочиненіями, она сослужитъ еще болѣе полезную службу.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Знаменитый историкъ Гердеръ говорилъ: „Сколько работы задаетъ намъ движеніе цивилизаціи у различныхъ народовъ, въ различныя эпохи, въ различныхъ областяхъ! Смѣшеніе расъ и ихъ видоизмѣненія, религіи, хронологія, правительства и философіи Азіи; искусство, философія и правительство Египта; ариѳметика, языкъ и роскошь Финикіи; вся цивилизація Греціи и Рима; религія, законы, нравы, воинственный духъ и чувство чести народовъ Сѣвера; времена папства, монашескіе ордена, ученость, Крестовые походы и рыцарство, пробужденіе науки; вѣкъ Людовика XIV; роль Англіи, Голландіи и Германіи: какой громадный предметъ!“

Безъ сомнѣнія, понадобилась бы цѣлая жизнь, чтобы изложить этотъ предметъ; но если работа такъ обширна, что она до сихъ поръ не могла быть охвачена въ цѣломъ, можно попытаться, по крайней мѣрѣ, очертить ея рамку. Это именно то, что мы старались сдѣлать въ настоящей книгѣ. Нами руководило желаніе привлечь вниманіе учителей и учащихся къ дѣйствительно полезной сторонѣ исторіи, предложить имъ выдѣлить многочисленные и разнообразные факты общественной жизни народовъ, сгруппировать и распредѣлить большими эпохами, а затѣмъ вѣками, движеніе политическое, экономическое, умственное и нравственное. Исторія, такимъ образомъ, лучше понимается и усвоивается. Ее слѣдуетъ излагать въ систематическомъ и сжатомъ видѣ, тѣмъ болѣе, что она расширяется съ каждымъ днемъ, и школьныя программы оказываются недостаточными, если мы захотимъ углубиться въ безконечное разнообразіе ея картинъ и эпизодовъ.

Мы старались написать книгу по возможности полную, и, быть можетъ, она не покажется слишкомъ обширной, если принять во

вниманіе, что въ ней содержатся въ краткомъ видѣ всѣ области исторіи. Особое вниманіе было посвящено части литературной, научной и художественной. Читатели, интересующіеся исторіей, безъ сомнѣнія, имѣютъ въ своемъ распоряженіи учебники и книги по литературѣ и наукамъ, но имъ удобно будетъ найти здѣсь краткое и точное изложеніе всей исторіи, науки и словесности. Художественное движеніе можно изучать только по спеціальнымъ сочиненіямъ, но мы старались, чтобы оно было выяснено въ своемъ цѣломъ для каждой эпохи. Посвященныхъ ему страницъ, конечно, не можетъ быть достаточно для полнаго знакомства съ нимъ, но онѣ помогутъ болѣе сознательно и отчетливо пользоваться художественными музеями. Читателямъ будутъ извѣстны, по крайней мѣрѣ, всѣ выдающіяся имена, и если мы возбудимъ только ихъ любопытство, мы уже сдѣлаемъ нѣчто полезное. Было бы ошибкою думать, что всему можно выучиться въ школѣ. Къ сожалѣнію, учителя могутъ только научить, какъ надо учиться, и лишь впослѣдствіи каждый можетъ пополнить начатое имъ въ школѣ чтеніемъ и личнымъ трудомъ. Мы старались, чтобы всѣ имена были соединены съ хронологіей, и желали избавить любознательныхъ читателей отъ затруднительныхъ справокъ.

Мы не льстимъ себя надеждой, что намъ удалась задача столь трудная, какъ изложеніе и критика всѣхъ цивилизацій, но, быть можетъ, намъ будутъ благодарны, по крайней мѣрѣ, за эту попытку.

ДРЕВНІЕ НАРОДЫ ВОСТОКА.

ГЛАВА I.

Происхожденіе цивилизаціи.

Опредѣленіе исторіи; ея мѣсто среди другихъ наукъ. — Историческій методъ; историческая достовѣрность. — Источники исторіи; преданія. — Памятники; археологія.— Письменныя повѣствованія. — Историки. — Опредѣленіе цивилизаціи. — Доисторическія времена. — Первыя орудія цивилизаціи; каменный вѣкъ. — Курганы, долмены. — Вѣкъ металловъ; бронзовый вѣкъ.— Озерныя постройки.— Желѣзный вѣкъ.— Цивилизованныя расы.—Раздѣленіе бѣлой расы.—Общій ходъ исторіи цивилизаціи.—Раздѣленіе исторіи.

„Исторія,—сказалъ Бэконъ [1]),—есть разсказъ о событіяхъ, составляющихъ жизнь народовъ: эта наука возводитъ отдѣльные факты къ законамъ, управляющимъ ими, и къ причинамъ нравственнымъ, вызывающимъ ихъ“.

Въ этомъ качествѣ, исторія должна посвящать насъ во всѣ перемѣны земного шара, въ явленія міра физическаго и въ прогрессъ міра нравственнаго. Она должна, въ сжатомъ видѣ, содержать всѣ человѣческія знанія, быть, однимъ словомъ, наукою всемірной. Но, будучи тѣсно связанной съ другими науками, такъ какъ всѣ онѣ нуждаются въ исторіи и всѣ приходятъ къ ней на помощь, она должна ограничить свою область. Слѣдя, главнымъ образомъ, за жизнью человѣка, она остается *наукою нравственной*.

Безъ сомнѣнія, исторія отличается отъ философіи, которая старается проникнуть въ тайны душевной жизни. Но, доставляя послѣдней точные элементы для оцѣнки явленій и многочисленныя наблюденія ихъ, она, въ то же время, заимствуетъ у нея законы и методы; этотъ удачный союзъ выражается въ сочетаніи словъ *философія исторіи*.

Настоящая польза исторіи и ея могущественная привлекательность

[1]) Бэконъ, англійскій философъ и ученый (1561—1626).

сосредоточиваются, преимущественно, въ философскихъ выводахъ, которые могутъ быть сдѣланы изъ нея. Исторія развертываетъ картину древнихъ обществъ, открываетъ ихъ происхожденіе, выясняетъ ихъ прогрессъ, истолковываетъ ихъ упадокъ. Она позволяетъ намъ присутствовать при первыхъ актахъ драмы, продолжающейся предъ нашими глазами, и заставляетъ насъ, въ извѣстной мѣрѣ, извлекать пользу изъ жизни, которой мы не застали. Она прибавляетъ къ нашей жизни тысячелѣтія и обогащаетъ се сокровищами опыта. Такъ, великій римскій ораторъ Цицеронъ имѣлъ право воскликнуть: „Исторія есть свидѣтель временъ, свѣтъ истины, жизнь памяти, властитель жизни, вѣстникъ древности“ [1]).

Изъ двухъ великихъ методовъ, употребляемыхъ науками, исторія пользуется, главнымъ образомъ, методомъ *индуктивнымъ*. Она наблюдаетъ, собираетъ, анализируетъ, какъ физика, множество частныхъ фактовъ, группируетъ ихъ, сравниваетъ и выводитъ изъ нихъ общіе законы.

„Но,— говоритъ Вольней [2]),— физика наблюдаетъ живые факты, а факты, изслѣдуемые исторіей, мертвы“. Отсюда исходитъ вопросъ, поднятый философами: „Существуетъ ли историческая достовѣрность?“— Безъ сомнѣнія, такъ какъ она основывается на авторитетѣ *свидѣтельства* людей. Мы обладаемъ безсознательною вѣрой въ человѣческое слово и вынуждены вѣрить тѣмъ, кто видѣлъ страны, которыхъ мы не посѣщали, или событія, при которыхъ мы не присутствовали. Дѣло заключается только въ томъ, чтобы не подвергнуться обману или ошибкѣ. Одного свидѣтельства недостаточно; слѣдуя старинной пословицѣ, „одинъ свидѣтель не есть свидѣтель“. Но когда многія свидѣтельства, исходящія отъ просвѣщенныхъ людей, согласуются между собою относительно извѣстнаго факта, мы достигаемъ *исторической достовѣрности*.

Свидѣтельство можетъ быть устнымъ или письменнымъ. Оно можетъ быть даже нѣмымъ, т.-е. въ видѣ предмета вещественнаго. Отсюда три источника исторіи: *преданія, памятники и письменныя повѣствованія*.

Если свидѣтельства передавались устно изъ поколѣнія въ поколѣніе, они называются *преданіями*. Это—первоначальная форма исторіи, наименѣе чистая, такъ какъ человѣкъ, пересказывая факты, склоненъ ихъ преувеличивать, даже искажать; ошибка смѣшивается съ истиной, вымыселъ—съ исторіей. Происхожденіе народовъ, вообще, окутано этими вымыслами, болѣе или менѣе чудесными, но все же изображающими, по крайней мѣрѣ, состояніе умовъ, вѣрованій и обычаевъ. Въ этомъ

[1]) Цицеронъ (Маркъ Туллій), 107—43 до Р. Х.

[2]) Вольней, французскій ученый, критикъ, философъ и путешественникъ (1757—1820).

отношеніи они достовѣрны и служатъ точнымъ отраженіемъ первобытныхъ временъ.

Люди, однако, со временъ самыхъ отдаленныхъ, чувствовали потребность обезпечить правдивость своихъ свидѣтельствъ вещественнымъ доказательствомъ. Они воздвигали камни на мѣстахъ, гдѣ происходили событія, память которыхъ хотѣли увѣковѣчить. Это были памятники, сперва загадочные, а затѣмъ разъяснявшіеся и одушевлявшіеся изображеніями, именами и числами.

Изученіе памятниковъ стало особой наукой—*археологіей*, поглощающей нерѣдко цѣлую жизнь людей, увлеченныхъ стариною. Археологія наполнила музеи остатками памятниковъ, различныхъ предметовъ, утвари, оружія, сосудовъ, драгоцѣнностей. Благодаря ей, мы видимъ, мы осязаемъ предметы, принадлежавшіе народамъ древности, мы сравниваемъ ихъ промышленность и искусства.

Археологія разбираетъ *надписи*, раскрывающія намъ исторію Египта, административное устройство, іерархію общественныхъ должностей, религіозныя или военныя установленія древнихъ народовъ. Ученые собирали *монеты* и *медали*, и это составило вѣтвь, отдѣльную отъ археологіи, особую науку, *нумизматику*.

Казалось бы, памятники должны служить источникомъ безусловной достовѣрности, потому что они говорятъ нашему глазу. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ вполнѣ довѣряться имъ, такъ какъ, по большей части, они являются намъ въ искаженномъ видѣ. Кромѣ того, и камни иногда бываютъ лживы. Тріумфальныя арки, носящія торжественныя надписи, воздвигались, чтобы польстить властителямъ, заслуживавшимъ порицанія. Во всякомъ случаѣ, памятники могутъ доставить только обломки истины, если они не дополняются для насъ письменными свидѣтельствами.

Мы ближе стоимъ къ достовѣрности, если современники или почти современники событій отмѣтили ихъ письменно. Будучи записанными, эти свѣдѣнія не могли измѣниться. Сперва довольствовались тѣмъ, что записывали ихъ годъ за годомъ: такъ произошли лѣтописи [1]). *Хроники* схожи съ лѣтописями въ томъ, что отмѣчаютъ послѣдованіе событій во времени, безъ всякой системы и критики. Нѣкоторые современники ограничивались изложеніемъ событій, какихъ были свидѣтелями или въ какихъ принимали участіе: эти повѣствованія называются *записками* или *мемуарами*; какъ бы полезны они ни были, ими можно пользовать-

[1]) Это слово, однако, употреблялось для обозначенія самой исторіи. Такъ Тацитъ, великій римскій историкъ, озаглавилъ одинъ изъ своихъ главныхъ трудовъ: *Лѣтопись* (Annales).

ся только съ осторожностью, такъ какъ часто они имѣли цѣлью возвеличеніе извѣстной партіи или самого автора.

Задачей современнаго ученаго должна быть провѣрка повѣствованій, сопоставляя ихъ одно съ другимъ, пользуясь, такъ сказать, ежедневными открытіями археологіи и всѣми возможными справками. Изученіе старинныхъ документовъ, *хартій*, *владѣнныхъ записей*, *семейныхъ бумагъ*, стало однимъ изъ средствъ для такихъ справокъ и создало новую науку, *палеографію*. Во Франціи основана даже спеціальная школа для изученія письменности и языка среднихъ вѣковъ (École des chartes).

Исторія, которая въ одно и то же время есть и наука, и искусство, собираетъ всѣ свѣдѣнія, доставляемыя преданіями, памятниками, лѣтописями, хрониками и мемуарами. Она ихъ обсуждаетъ, критикуетъ, взвѣшиваетъ, сравниваетъ; она отыскиваетъ причины и послѣдствія событій и затѣмъ составляетъ систематическій, оживленный разсказъ. Въ качествѣ путеводителей чрезъ всѣ вѣка, намъ служатъ настоящіе историки древнихъ и новыхъ временъ, возсоздавшіе, если можно такъ сказать, прошлое.

Но можемъ ли мы довѣряться имъ вполнѣ? Нѣтъ, такъ какъ они могли ошибаться, увлекаясь своими предразсудками или страстями. Поэтому, мы достигаемъ исторической достовѣрности лишь путемъ согласованія нѣсколькихъ историковъ, достойныхъ этого имени. Благодаря ученой критикѣ, благодаря средствамъ, какими она располагаетъ въ настоящее время для приближенія къ истинѣ, исторія стремится все болѣе и болѣе къ тому, чтобы оправдать опредѣленіе, данное ей Бэкономъ, и воспроизвести, со всѣми красками, точную картину древнихъ цивилизацій.

Слово *цивилизація*—вполнѣ современное; оно не имѣло у древнихъ соотвѣтствующаго названія. Философы Греціи и Рима, описывая условія, въ коихъ человѣкъ жилъ на землѣ, пользовались только словами *политика*, *республика*, *законы*, *нравы*.

Между тѣмъ, терминъ, который мы употребляемъ теперь, исходитъ отъ латинскаго слова *civitas* (городъ, городская община), соотвѣтствовавшій тому, что̀ греки называли *polis*—городъ. Какъ у грековъ, такъ и у римлянъ городъ былъ главной формой *государства*. Наука о городѣ или государствѣ, законахъ, управлявшихъ его организаціей, обычаяхъ, поддерживавшихъ его, составляла то, что̀ они называли и что̀ мы называемъ и теперь *политикой*.

Но терминъ *цивилизація* имѣетъ болѣе обширный смыслъ у народовъ новаго времени. Онъ охватываетъ собою все *развитіе человѣче-*

ства—политическое, общественное, экономическое, умственное и *нравственное*: государственныя учрежденія, разнообразныя условія жизни одного и того же народа, матеріальныя средства, воспитаніе ума и сердца. „Идея прогресса, развитія—вотъ основная мысль, заключающаяся въ словѣ *цивилизація*“, говоритъ Гизо. „Какой это прогрессъ и какое развитіе? Этимологія слова, казалось бы, отвѣчаетъ ясно и удовлетворительно: она говоритъ, что это—усовершенствованіе гражданской жизни, развитіе общества въ собственномъ смыслѣ, отношенія людей между собою. Дѣйствительно, это—первая идея, приходящая въ голову, когда мы слышимъ слово *цивилизація*; мы тотчасъ же представляемъ себѣ распространеніе наибольшей дѣятельности и наилучшую организацію общественныхъ отношеній,—съ одной стороны, умноженіе источниковъ силы и благосостоянія общества, а съ другой—болѣе справедливое распредѣленіе силы и благосостоянія между отдѣльными лицами. Но все дѣло еще не заключается въ этомъ развитіи жизни общественной; имъ однимъ еще не исчерпывается значеніе слова *цивилизація*. Къ этому важному элементу слѣдуетъ прибавить еще другой: развитіе жизни индивидуальной, жизни внутренней, развитіе самого человѣка, его способностей, чувствъ, идей.

„И не только эти два фактора составляютъ цивилизацію: ихъ одновременность, ихъ тѣсная связь, ихъ взаимодѣйствіе необходимы для ея усовершенствованія. Я указалъ, что если они не всегда являются вмѣстѣ, если по временамъ развитіе общества или развитіе личности идетъ быстрѣе и уходитъ дальше, тѣмъ не менѣе, они необходимы другъ другу и рано или поздно дѣйствуютъ другъ на друга возбуждающимъ и улучшающимъ образомъ“.

„Если значительное соціальное улучшеніе, большой прогрессъ благосостоянія обнаруживаются у какого-либо народа безъ соотвѣтственнаго крупнаго умственнаго развитія, то такой общественный прогрессъ кажется преждевременнымъ, непонятнымъ, почти несправедливымъ. Является вопросъ—какими общими идеями онъ вызывается и оправдывается, какими принципами онъ связывается? Если, наоборотъ, гдѣлибо обнаружится значительное умственное развитіе при отсутствіи всякаго общественнаго прогресса, тогда это удивляетъ и тревожитъ. Кажется, что видишь прекрасное дерево, не дающее плодовъ, солнце, не грѣющее и не освѣщающее“ [1]).

Цивилизація заключаетъ въ себѣ смыслъ, противоположный *варварству*, термину, также заимствованному изъ латинскаго языка и

---

[1]) См. Guizot: *Histoire de la civilisation en Europe, 1-re leçon.*

утратившему свое первоначальное значеніе. Древніе словомъ *варвары* обозначали народы, чуждые Греціи, а позднѣе—обширной римской республикѣ. Кромѣ того, такъ какъ эти чужеземцы въ большинствѣ случаевъ не знали законовъ, сообразно которымъ совершенствуется человѣческое общество, слово *варваръ* сдѣлалось синонимомъ народовъ дикихъ, безпорядочныхъ и необузданныхъ. *Варварство*—состояніе народовъ, подчиняющихся лишь естественнымъ потребностямъ, рабовъ своихъ инстинктовъ, вращающихся постоянно въ одномъ и томъ же кругѣ жизни и смерти, не смягчая жизни и не дѣлая смерть болѣе спокойной.

Цивилизація представляетъ состояніе народовъ, у которыхъ выработаны умственныя способности, смягчены нравы и процвѣтаютъ искусства. „Это,—говоритъ де-Бональ [1]),—усовершенствованіе законовъ и нравовъ“, или, какъ говоритъ Бальмесъ [2]),—„наибольшая сумма нравственности, умственнаго развитія и благосостоянія у возможно большаго количества лицъ“. Нѣкоторые авторы пытались опредѣлить это слово еще точнѣе: „Цивилизація народа—это его образованность“ [3]). „Цивилизація—обработанная природа“ [4]).

Жизнь человѣчества началась съ состоянія варварства. Къ человѣку можно примѣнить то, что̀ говоритъ латинскій поэтъ Лукрецій о новорожденномъ ребенкѣ, „лежащемъ обнаженнымъ на землѣ, безъ словъ, безъ помощи, наполняя воздухъ крикомъ, какъ это и слѣдуетъ существу, призванному перенести столько бѣдствій“ [5]). Оставленный такимъ образомъ безъ защиты на землѣ, болѣе слабый, чѣмъ животныя, которыхъ природа сразу надѣляетъ средствами охраны отъ непогоды и отъ враговъ, человѣкъ жилъ безпорядочно жизнью дикихъ животныхъ, изъ которыхъ многія подавляли его своими громадными размѣрами. Новѣйшая наука подтвердила глубокую древность человѣка. Дѣйствительно, остатки его находятъ въ отложеніяхъ почвы, называемыхъ геологіей „четвертичными“, и даже, какъ говорятъ, въ еще болѣе древнихъ, называемыхъ „третичными“.

Успѣхи палеонтологіи прежде всего привели къ открытіямъ относительно древности человѣка. Кювье первый (1769—1832), силою своего генія, возстановилъ виды до-диллювіальныхъ животныхъ. Многіе ученые продолжали разысканія, и палеонтологія стала важною отраслью есте-

---

1) Де-Бональ, французскій философъ и государственный человѣкъ (1754—1840 г.).
2) Бальмесъ, испанскій публицистъ и философъ (1810—1848).
3) О. Феликсъ, современный французскій проповѣдникъ.
4) Э. Берсо, современный французскій философъ и публицистъ.
5) *Лукрецій*, кн. V.

ственныхъ наукъ. Ей посвящена особая каѳедра естественно-историческаго музея въ Парижѣ, а съ 1885 г. ей принадлежитъ и собственный музей. Тамъ можно видѣть скелетъ *мегатерія* и скелетъ *южнаго слона*, найденный въ Дюрфорѣ (въ Гардск. деп.), *мастодонта* „съ узкими зубами", меньшаго размѣра, но болѣе рѣдкаго и болѣе древняго, чѣмъ мамонтъ и американскій мастодонтъ, *оленя*, называемаго *большерогимъ*, *пещернаго медвѣдя*, гигантскаго *крокодила*, *ихтіозавра* и, наконецъ, *палеотерія*, извлеченнаго изъ каменоломни Витри близъ Шуази-ле-Руа. Это ископаемое оказалось вполнѣ сходнымъ съ животнымъ, возстановленнымъ Кювье, согласно указаніямъ, извлеченнымъ изъ нѣсколькихъ скелетовъ.

Среди костей животныхъ встрѣчались, повидимому, и человѣческія кости. Съ 1823 г. французскій геологъ Эме Буэ добылъ изъ наслоеній четвертичной эпохи въ долинѣ Рейна кости человѣка. Англійскій геологъ Бёклендъ издалъ трудъ, посвященный описанію пещеры въ Кинлэкѣ. Затѣмъ послѣдовали открытія Турноля (Одъ), Кристоля (Монпелье), Шмерлинга (Бельгія), Жоли (Монпелье) и Марселя де-Серръ.

Начиная съ 1836 г., Буше де-Пертъ предпринялъ правильныя раскопки въ пескахъ Соммы (въ окрестности Аббевиля) и въ 1847 г. издалъ первый томъ „Кельтическихъ и до-диллювіальныхъ древностей", содержавшій въ себѣ наблюденія, уже сдѣланныя въ Англіи и Бразиліи. Буше де-Пертъ отдался со всею страстью этимъ изслѣдованіямъ, и вѣра его въ это дѣло вскорѣ сообщилась другимъ ученымъ. Въ 1854 г. д-ръ Келлеръ изъ Цюриха открылъ озерныя поселенія и доставилъ новыя доказательства промышленности первобытныхъ людей до и послѣ введенія металловъ. Подобныя же станціи были указаны на сѣверѣ Италіи и въ Савойѣ. Открытія и изслѣдованія все увеличивались, и въ 1860 г. знаменитый геологъ Эдуардъ Ларте прибавилъ къ нимъ еще болѣе замѣчательное открытіе, а именно—мѣсто погребенія доисторическаго человѣка въ Ориньякѣ (Верхняя Гаронна).

Остатки ископаемыхъ были отысканы еще (1862 г.) въ пещерѣ Брюникель (Тарнъ и Гаронна) Гарригу и Фильолемъ. Человѣческая челюсть была найдена въ Мулэнъ Киньонѣ, близъ Аббевиля, въ 1863 г., и съ тѣхъ поръ доказательства въ пользу древности человѣка стали такъ многочисленны, что они составили, до извѣстной степени, отдѣльную науку, обогатившуюся изслѣдованіями аббата Буржуа, Меньяна, епископа Шалонскаго, Александра Бертрана, хранителя Сенъ-Жерменскаго музея, Мортилье и др.

Человѣка, жившаго среди мамонтовъ, носороговъ, медвѣдей, львовъ,

большихъ тигровъ, зубровъ и громадныхъ оленей, мы называемъ *доисторическимъ*. Даже и въ то время онъ выказывалъ свое превосходство надъ чудовищами, которыхъ страшился: онъ получилъ даръ болѣе драгоцѣнный, чѣмъ громадные размѣры, а именно разумъ. Человѣкъ, изъ всѣхъ живыхъ существъ, одинъ высоко держалъ голову и видѣлъ предъ собой небо; онъ могъ подчинить себѣ природу и замѣнить собственную слабость силами, какія доставлялись ему стихіями.

Наконечникъ копья изъ кремня.

Сначала человѣкъ добылъ огонь; съ помощью ли искры отъ удара камень о камень, или отъ тренія кусковъ дерева одинъ о другой, онъ получилъ возможность согрѣваться и освѣщаться, защищать и поддерживать свою жизнь. Зажженные костры держали хищныхъ животныхъ въ отдаленіи отъ пещеръ, гдѣ человѣкъ проводилъ ночи, и позволяли ему приготовлять себѣ менѣе грубую пищу. Поэтому древніе не находили достаточно выраженій восторга передъ титаномъ Прометеемъ [1]), похитившимъ огонь съ неба и оказавшимъ неоцѣнимую услугу людямъ.

Первымъ орудіемъ человѣка были камни съ острыми и съ рѣжущими краями. Съ помощью другихъ камней, онъ ихъ обдѣлывалъ въ формѣ топоровъ [2]) и молотковъ или заострялъ ихъ въ видѣ наконечниковъ стрѣлъ. Музеи во Франціи и въ остальной Европѣ [3]) полны этими первыми свидѣтельствами промышленности доисторическаго человѣка.

Бронзовый браслетъ, найденный въ швейцарскихъ озерахъ.

Каменный вѣкъ подраздѣляется на нѣсколько эпохъ. Когда исчезли громадныя животныя, стада сѣверныхъ оленей появились во множествѣ, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ; отсюда произошло названіе *эпохи сѣвернаго оленя*. Человѣкъ усовершенствовалъ обработку кремня; у него были оружіе и орудія изъ *слоновой кости* или изъ оленьяго рога. Онъ устраивалъ подъ навѣсами скалъ убѣжища, болѣе удобныя, чѣмъ пещеры; онъ выучился удить рыбу въ рѣкахъ и озерахъ.

---

1) Легенда о Прометеѣ и возмущеніи его противъ Юпитера вдохновила греческаго поэта Эсхила, написавшаго на эту тему одну изъ своихъ лучшихъ трагедій.

2) Эти каменные топоры, вдѣланные въ куски дерева, служатъ еще до сихъ поръ орудіемъ, которымъ пользуются дикари Америки и народцы Океаніи.

3) Въ числѣ этихъ музеевъ мы въ особенности должны отмѣтить музей въ Сенъ-Жерменскомъ замкѣ близъ Парижа, гдѣ собраны любопытнѣйшіе образцы археологи-

Человѣкъ того времени одѣвался въ оленьи шкуры, освобожденныя отъ шерсти, и сшивалъ ихъ вмѣстѣ: это доказывается найденными первобытными иглами. Онъ даже умѣлъ рисовать, потому что встрѣчаются изображенія животныхъ на кускахъ оленьяго рога и на пластинкахъ изъ шифера или мамонтовой кости.

Послѣ четвертичной эпохи наступилъ періодъ наводненій, образовавшій отложенія такъ называемой *диллювіальной формаціи*, составляющей до сихъ поръ почву большинства европейскихъ странъ. Къ этой эпохѣ относится вѣкъ *полированнаго камня*. Наконечники стрѣлъ, кинжалы, пилы выказываютъ необычайную тщательность работы; кремни часто насаживались на рукоятки изъ оленьяго рога. Люди строили укрѣпленныя жилища на возвышенностяхъ, окружая себя огромными камнями, не скрѣплявшимися ни цементомъ, ни известкой, и защищались отъ враговъ, скатывая эти камни на нападающихъ. Предполагаютъ, что имъ уже было извѣстно плаваніе на судахъ, и что, при помощи огня, они могли выдалбливать стволы деревьевъ.

Въ изслѣдованныхъ пещерахъ встрѣчаются орудія изъ кости или рога сѣвернаго оленя вмѣтѣ съ кремневыми орудіями. Тамъ были найдены кости, имѣвшія форму крючковъ для рыбной ловли, наконечники стрѣлъ, остроги съ большими зазубринами изъ костей или роговъ сѣвернаго оленя; свистки, сдѣланные изъ суставовъ сѣвернаго оленя, издаютъ до сихъ поръ ясные звуки.

Тамъ найдены также мамонтовыя и слоновыя кости и пластинки шифера съ изображеніями животныхъ: мамонта, сѣвернаго оленя, лошадей съ длинными ушами, особаго вида лебедя, рыбъ съ ясно обозначенною чешуей и пресмыкающихся, которыхъ болѣе или менѣе можно узнать. Одна изъ пластинокъ шифера представляетъ почти цѣлую картину двухъ дерущихся сѣверныхъ оленей, а на одномъ жезлѣ начальника видно изваяніе, изображающее высокаго человѣка, худощаваго тѣлосложенія, стоящаго между двухъ лошадиныхъ головъ. Образцы этого наивнаго, но реальнаго искусства, встрѣчались, главнымъ образомъ, во Франціи (въ Дордоньѣ, Шарантѣ, Тарнѣ, Гароннѣ и Аріэжѣ).

Оказалось возможнымъ установить мѣсто нѣсколькихъ большихъ мастерскихъ, изготовлявшихъ предметы изъ кремня, какъ, напр., мастерскія Большого Прессиньи (Эндра и Луара). Тамъ находятъ первичный матеріалъ въ неотдѣланномъ видѣ, а именно ядра или большіе куски кремня, на которыхъ обтачивались лезвія, обтесывались топоры,

---

ческихъ открытій, относящихся къ промышленности доисторическихъ временъ галло-римской эпохи.

молотки простые и остроконечные, кремни, заостренные съ обоихъ концовъ и пробуравленные посрединѣ для бо̀льшаго удобства прикрѣпленія къ рукояткѣ.

Въ Дордоньѣ (въ Везерѣ), повидимому, изготовлялись разнообразныя иглы: тамъ встрѣчаются костяныя иглы различной величины, цѣлыя кучи костей, изъ которыхъ выбирались длинные осколки, кремни съ тонкими концами, представлявшими ушко или отверстіе иголки. Среди этихъ обработанныхъ кремней нѣкоторые просто обтесаны, другіе же вполнѣ отполированы.

Къ этимъ доисторическимъ эпохамъ были отнесены и камни, которые долгое время во Франціи ошибочно назывались друидическими памятниками. *Долмены, крытыя каменныя аллеи*, вѣроятно, заключали въ себѣ могилы вождей. Вблизи долменовъ часто возвышаются *менгиры* (стоячіе камни), а вокругъ замѣчаются иногда кругообразныя ограды, обозначенныя камнями, поставленными на извѣстномъ разстояніи. Эти ограды называются *кромлехами*.

Эти мегалитическіе памятники встрѣчаются не въ одной только Франціи: въ Голландіи, Ганноверѣ, вдоль береговъ Балтійскаго моря, въ Мекленбургѣ, въ Помераніи и Пруссіи, ихъ находятъ во множествѣ; въ особенности, ими богаты Данія и южная Скандинавія. Они попадаются и на берегахъ Шотландіи, а также въ Уэльсѣ и Корнуэльсѣ. Ихъ замѣчали вплоть до Средней Азіи, въ Сибири, на Кавказѣ, въ Палестинѣ, въ Индіи и даже въ Африкѣ. Большинство предметовъ, найденныхъ подъ долменами, оружіе и украшенія сдѣланы изъ камня и кремня, и весьма вѣроятно, что люди, погребенные подъ ними, пользовались почти исключительно орудіями и оружіемъ этого рода [1]).

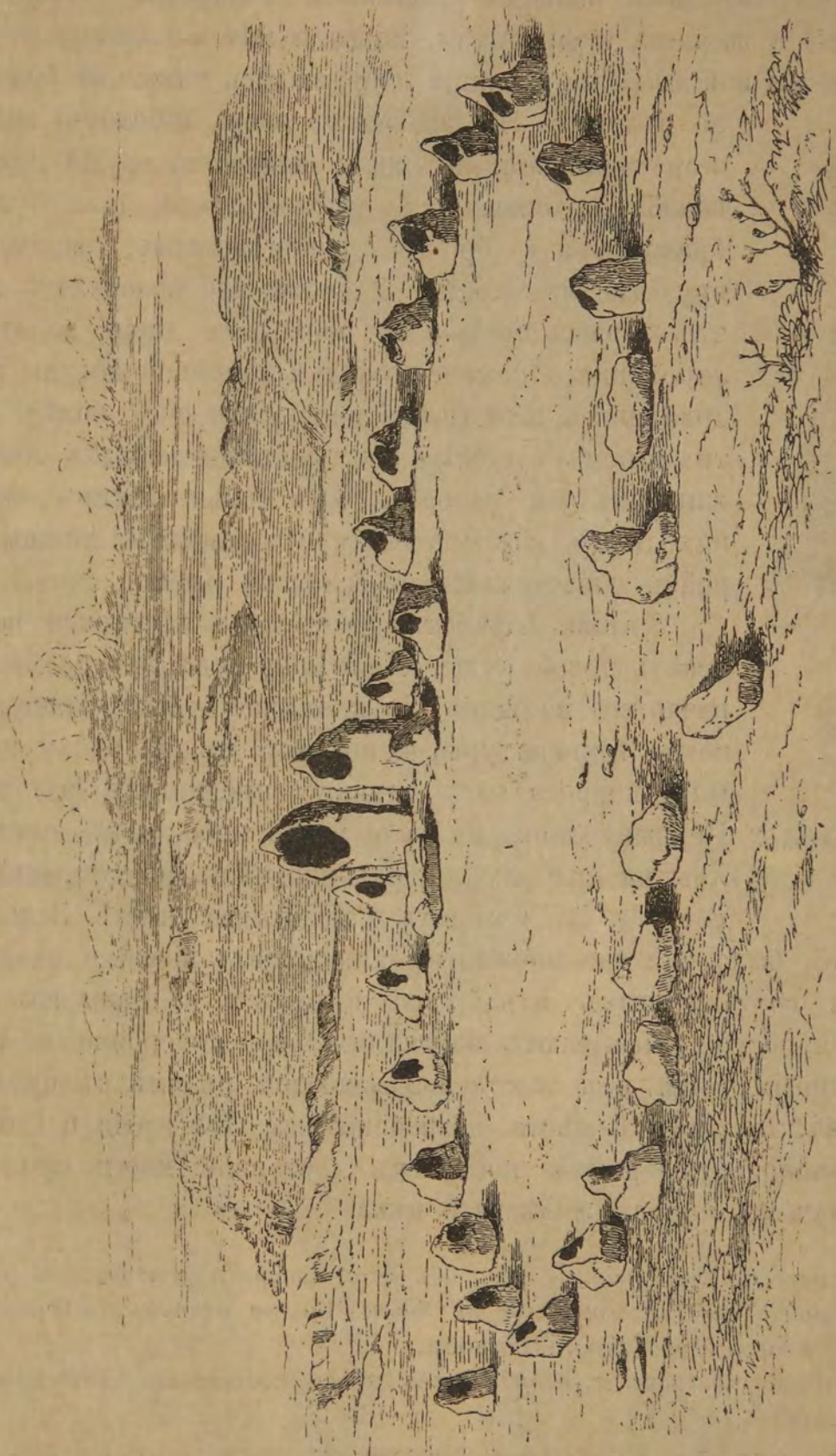
Бронза—металлъ, давшій человѣку средства впервые пользоваться всѣми благами природы. Изъ мѣдной руды и олова, сплавленныхъ вмѣстѣ, человѣкъ приготовлялъ бронзу; она могла оказать ему больше услугъ, чѣмъ мѣдь, и обработывалась легче чистой мѣди. Поэтому, продолжительный періодъ, послѣдовавшій за вѣкомъ полированнаго камня, получилъ названіе *бронзоваго вѣка*. Вооруженные металломъ относительно твердымъ, люди могли строгать дерево, строить себѣ жилища, прорывать и раскапывать землю, бороться съ бо̀льшимъ успѣхомъ съ животными и между собою. Бронзою продолжали пользоваться и позднѣе, когда было найдено желѣзо, а многіе народы уже въ историческія времена остались при исключительномъ пользованіи оружіемъ и орудіями изъ бронзы.

Къ этой же эпохѣ относятъ любопытныя *озерныя поселенія*, изуче-

---

[1]) См. Alexandre Bertrand: *Les monuments dits celtiques*.

ніе которыхъ въ значительной степени возбудило любопытство археологовъ. Въ озерахъ Швейцаріи, Баваріи и Австріи, Верхней Италіи и



Священные камни въ Декапѣ (въ Индіи). (Изъ „Начала цивилизаціи“ Дж. Лёббока).

Савойи находили остатки свай, очевидно, служившихъ для поддержки хижинъ, строившихся надъ водою. Д-ръ Келлеръ (въ Цюрихѣ) первый

въ 1854 г. убѣдился въ существованіи озерныхъ поселеній и открылъ путь, которымъ воспользовалось множество изслѣдователей. Постройкамъ этимъ онъ далъ названіе *„свайныхъ построекъ“* (Pfahlbauten). Итальянцы, а за ними и французы, назвали ихъ *палафитами* (palafites). *Озерныя* или свайныя жилища сооружались также на болотахъ и на прудахъ. На днѣ этихъ озеръ и болотъ, вмѣстѣ съ остатками свай, находили множество орудій, топоровъ, ножей, крючковъ для рыбной ловли, даже булавки и браслеты изъ бронзы, перемѣшанные, впрочемъ, съ орудіями изъ кремня и кости; это позволяетъ думать, что озерныя постройки восходятъ даже до вѣка полированнаго камня. Обломки глиняной посуды и кости домашнихъ животныхъ послужили еще болѣе доказательствомъ существованія многочисленныхъ семействъ, жившихъ на озерахъ. Эти семьи, такимъ образомъ, находились внѣ опасности отъ нападенія хищныхъ звѣрей и пользовались въ изобиліи рыбной пищей.

Датскій бронзовый ножъ.

Успѣхи обработки металловъ заставили человѣка искать новой руды. Желѣзная руда должна была привлечь его вниманіе, но плавленіе желѣза требуетъ высокой температуры, и поэтому въ ту эпоху не могло быть вопроса объ отливкѣ предметовъ изъ желѣза. Первыя плавильни были ничто иное, какъ выкопанныя ямы на склонахъ, обращенныхъ въ подвѣтренную сторону [1]). Въ могилахъ Гальштадта возлѣ Зальцбурга, въ Австріи, было найдено множество кинжаловъ, мечей и различныхъ украшеній, составленныхъ изъ бронзы и желѣза [2]). Вазы изъ бронзы и глиняная посуда указываютъ на значительное совершенство работы, и драгоцѣнныя вещи изъ золота встрѣчаются рядомъ съ предметами изъ желѣза. Нѣкоторыя мѣста погребенія въ Ломбардіи и Савойѣ, а также и раскопки озерныхъ построекъ доставили много предметовъ, восходящихъ къ началу желѣзнаго вѣка [3]).

---

[1]) L. Figuier, *L'homme primitif*. См. объ этомъ вопросѣ первобытныхъ плавилень Morlot, *Mémoires sur l'archéologie de la Suisse*. Кикере открылъ въ бернской Юрѣ 400 такихъ кузницъ первобытнаго человѣка.

[2]) Въ Сенъ-Жерменскомъ музеѣ находятся слѣпки предметовъ, найденныхъ въ могилахъ Гальштадта.

[3]) Желѣзо, которымъ пользовались египтяне, по крайней мѣрѣ, за 2500 лѣтъ до нашей эры, проникло въ Грецію лишь въ XV в. до Р. Х., въ Италію, по всей вѣроятности,—въ XII и только въ VII—въ Галлію. Въ Даніи же и Швеціи оно встрѣчается лишь въ началѣ христіанской эры.

Идеальная картина свайнаго поселенія на Лайбахскомъ озерѣ. (По рис. Авг. Гроша).

Съ этого времени человѣкъ овладѣлъ великимъ орудіемъ, при помощи котораго могъ одолѣвать всѣ препятствія. Именно, желѣзо дало ему возможность подняться до высокаго уровня цивилизаціи, достигнутаго нынѣшними народами. Съ этого времени началась настоящая общественная жизнь, открылась исторія.

Современная наука изучала также расовый вопросъ, а *антропологія* породила множество изслѣдованій, которыя не пришли еще къ точному заключенію. Получило ли человѣчество свое начало отъ одной расы, или оно имѣетъ различныхъ предковъ,—въ этомъ заключается весьма спорный вопросъ, но сторонники единства болѣе многочисленны [1]).

Мы не будемъ останавливаться на этихъ спорахъ, которые входятъ въ область естествознанія, и отмѣтимъ лишь разновидности человѣческаго рода, достигшія настоящей цивилизаціи. Мы должны исключить во-первыхъ, *черную расу,* съ покатымъ лбомъ, черноватой, маслянистой кожей и шерстистыми волосами, преобладающую въ Африкѣ. Хотя по нѣкоторымъ даннымъ ее можно сдѣлать менѣе грубой, такъ сказать, упорядочить и гуманизировать, но пока это еще не произошло. Эта раса не имѣетъ исторіи.

Въ Азіи мы видимъ *монгольскій* типъ, съ выдающимися скулами, маленькими, узкими, косо поставленными глазами: это—*желтая раса.* Въ Китаѣ, по преимуществу, эта раса достигла значительнаго уровня цивилизаціи, но, повидимому, она не имѣетъ склонности къ дальнѣйшему совершенствованію. Въ теченіе тысячелѣтій китайская цивилизація оставалась неподвижной, и мы не имѣемъ достаточно данныхъ для ея оцѣнки.

Въ Америкѣ *мѣдно-красная* или *красная* раса постоянно отступала передъ европейцами и не можетъ быть причислена къ цивилизованнымъ расамъ.

Бѣлая раса, если можно такъ выразиться, зажгла и переносила изъ страны въ страну тотъ „свѣточъ жизни“, о которомъ говорили древніе поэты и который у насъ называютъ нѣсколько устарѣлымъ именемъ свѣтильника цивилизаціи. Бѣлая раса, въ чистомъ или смѣшанномъ видѣ, образовала великія націи, воздвигала памятники, совершенствовала искусства, промышленность и законы. Она сумѣла избрать самостоятельное направленіе, установиться, обогатиться знаніемъ и возвысить достоинство человѣка, приблизить его къ Богу, создавшему его.

Преданія, археологическія открытія, сравнительное языкознаніе, все

---

1) См. книгу A. Maury, *La Terre et l'Homme.*

заставляетъ насъ видѣть первое мѣстообитаніе бѣлой расы въ центрѣ Азіи (плоскогорье Памира и Гинду-Кушъ). Оттуда, какъ говорятъ легенды всѣхъ восточныхъ народовъ, послѣ потопа, люди разсѣялись, и семейства Хама, Сима и Іафета образовали три главныя вѣтви бѣлой расы [1]).

Большая часть *хамитовъ* рано покинула Азію и, уступая мѣсто дѣтямъ Сима, заселила Африку: египтяне, по всей вѣроятности, были самой значительной вѣтвью хамитовъ [2]). *Семиты* образовали нѣсколько замѣчательныхъ народовъ: ассиріянъ, евреевъ, сирійцевъ и финикіянъ. Въ настоящее время представителями чистой семитической расы служатъ арабы, сохранившіе любовь къ патріархальной жизни разрозненныхъ племенъ.

Потомство *Іафета,* которое наука отожествляетъ съ *арійцами*, называется также *индо-европейцами. Арійцы*, на самомъ дѣлѣ, раздѣлялись на нѣсколько группъ. *Иранцы*, направившись къ западу, расположились на персидскомъ плоскогорьѣ (или Иранѣ) и оттуда проникли на Кавказъ, а затѣмъ въ Европу. Они сдѣлались родоначальниками мидійцевъ, персовъ и народовъ европейскихъ [3]). Смѣшанные съ низшими расами, какова раса монгольская, иранцы образовали *туранцевъ,* скиѳскія племена, заключавшія въ себѣ народности, нынѣ исчезнувшія, и дали начало *тюркамъ*, обитателямъ степей около Аральскаго моря, береговъ Волги (болгарамъ) и Урала, затѣмъ финнамъ, лопарямъ и т. д.

1905

Вторая главная вѣтвь арійцевъ или индусская вѣтвь спустилась черезъ Пенджабъ въ южный полуостровъ, получившій отъ нея свое имя—Индустанъ, страна индусовъ. Въ настоящее время установлено, что народы, населяющіе Индію и Европу, имѣютъ общее происхожденіе, и что европейскіе языки имѣютъ очевидную родственную связь съ *санскритомъ*, священнымъ языкомъ индусовъ.

Первыя, истинно цивилизованныя общества развились въ долинахъ большихъ рѣкъ, каковы: Гангъ, Тигръ, Евфратъ и Нилъ. Теплый климатъ, плодородная почва, обиліе воды,—все соединялось въ этихъ благодатныхъ мѣстностяхъ, способствуя развитію жизни и культуры.

---

[1]) Современная наука сохранила эти имена, переданныя намъ Библіей.

[2]) Египтянъ относятъ также къ первичнымъ семитическимъ расамъ; языкъ ихъ приближается къ семитическимъ языкамъ по своей грамматической формѣ.

[3]) Среди современныхъ персовъ, повидимому, лучше всего сохранился иранскій типъ, а на Кавказѣ можно видѣть самыхъ красивыхъ представителей бѣлой расы (отсюда названіе *кавказской*, данное этой расѣ, не смотря на то, что Кавказъ не былъ ея родиной).

До насъ дошло мало свѣдѣній о положеніи общества въ Индіи, но исторія обладаетъ, если и не полными, то болѣе точными данными объ общественной жизни Египта и Ассиріи. Къ этимъ двумъ царствамъ надо присоединить и народъ, обитавшій въ долинѣ Іордана, *евреевъ*, и народъ, занимавшій берега Сиріи, *финикіянъ*. Позднѣе достигли господства обитатели плоскогорья Ирана, *мидяне* и *персы*.

Европейскимъ народамъ удалось гораздо позднѣе упомянутыхъ народовъ Африки и Азіи основать благоустроенныя государства, но, достигнувъ этого, они быстрѣе пошли по пути прогресса. *Цивилизація грековъ* распространилась по всему Востоку, а *цивилизація римлянъ* охватила одновременно и Востокъ, и Западъ. Какъ ни велика была область этой римской цивилизаціи, ею пользовалась лишь небольшая часть міра. Древніе, въ дѣйствительности, цивилизовали лишь прибрежныя страны Средиземнаго моря. Римская имперія пала черезъ четыре вѣка послѣ начала христіанской эры, и новые народы проникли въ эту область съ сѣвера Европы и съ Аравійскаго полуострова. Историческая сцена тогда расширилась.

На первыхъ порахъ мы видимъ лишь страшные перевороты, далѣе—феодальный хаосъ, затѣмъ борьбу народовъ Сѣвера, принявшихъ христіанство, съ народами Юга и Востока, сдѣлавшихся мусульманами. Тѣмъ не менѣе, съ XII вѣка порядокъ начинаетъ возстанавливаться въ Европѣ, государства стремятся къ благоустройству, и прогрессъ выступаетъ все замѣтнѣе до XV вѣка, когда движеніе его становится болѣе и болѣе быстрымъ.

Въ эту эпоху какъ будто поднимается завѣса и открываетъ человѣку другую половину его владѣній—Новый Свѣтъ. Разумъ, повидимому, вступаетъ въ свои права, и наука съ каждымъ вѣкомъ расширяетъ свои предѣлы. Въ четыре слѣдующія столѣтія Европа подвергается полному обновленію, и создается образованная Америка, а въ наше время европейцы заняты возрожденіемъ Африки и Азіи.

Исходя съ Востока, цивилизація возвращается туда же. Хотя ей осталось сдѣлать еще много, она замыкаетъ теперь заколдованный кругъ, въ которомъ исторія показываетъ намъ одну неожиданность за другой, превосходя своимъ интересомъ драмы, наиболѣе живыя и разнообразныя. Свѣтъ пришелъ съ Востока, но Западъ возвращаетъ ему теперь этотъ свѣтъ гораздо болѣе яркимъ.

Начало христіанства послужило началомъ полнаго преобразованія міра, и поэтому хронологія вращается около этого факта. Всѣ времена, предшествующія ему, отнесены къ *древней исторіи*, а послѣдовавшія за нимъ—къ *новой исторіи*. Такимъ образомъ, установленъ обратный

счетъ годамъ древней исторіи, т.-е., начиная съ чиселъ наиболѣе крупныхъ, напримѣръ, съ 1.000 или 2.000 до 1, и наоборотъ, въ новой исторіи—начиная отъ 1 до 1.000 и т. д. Такъ, говорятъ: 1898 годъ христіанской эры.

Мусульманскіе народы считаютъ года, начиная съ Геджры (бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину) въ 622 году христіанскаго лѣтосчисленія. Поэтому, ихъ эра начинается позднѣе эры европейскихъ народовъ на 622 года и даже еще болѣе, такъ какъ ихъ года короче, будучи составлены изъ лунныхъ мѣсяцевъ. Нашъ 1885 годъ соотвѣтствуетъ 1302 году Геджры.

Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ, что ровно съ началомъ христіанской эры оканчивается древняя исторія; ее согласились продолжить до 395 года новаго лѣтосчисленія, года *вторженія варваровъ,* обозначившаго собою настоящій конецъ древней цивилизаціи.

Новая исторія, кромѣ того, имѣетъ еще одно подраздѣленіе. Наше новѣйшее общество вырабатывалось въ теченіе пятнадцати вѣковъ; первые одиннадцать вѣковъ, когда этотъ процессъ былъ еще довольно смутнымъ, составляютъ посредствующій періодъ *среднихъ вѣковъ,* съ 395 г. по Р. Х. до 1453 г., времени взятія турками Константинополя. Это событіе было избрано потому, что оно совпало съ бо́льшею частью великихъ открытій, вызвавшихъ быстрый прогрессъ послѣднихъ четырехъ вѣковъ. Время послѣ 1453 г. сохранило названіе *новой исторіи,* продолженіе которой составляетъ *современная исторія.*

Эти подраздѣленія воспроизводятъ ходъ цивилизаціи и различные возрасты человѣчества. Отсюда не слѣдуетъ, что ихъ можно сравнивать съ возрастами отдѣльнаго человѣка. Древнюю цивилизацію, по справедливости, нельзя приравнять къ дѣтству; у грековъ и римлянъ она достигла высокой степени зрѣлости и силы. Но, будучи несовершенной во многихъ отношеніяхъ, при своемъ возрожденіи у новыхъ народовъ, она возвысилась до матеріальнаго могущества и нравственнаго достоинства, неизвѣстныхъ древнимъ. Цивилизація затмилась на короткое время, чтобы появиться вновь обновленной, жизненной, болѣе широкой, великодушной и соотвѣтствующей назначенію человѣка.

ГЛАВА II.

Памятники и искусства Египта.

Египетъ; Нилъ.—Повѣствованія Геродота; открытія современной науки.—Шамполіонъ; послѣдователи Шамполіона; египтологія. — Египетскіе памятники, пирамиды.—Гробницы Саккараха; озеро Мерисъ; Лабиринтъ.—Вторженіе гиксовъ; новое Ѳивское царство.—Памятники новаго Ѳивскаго царства; зала Карнака; Луксоръ; Рамессеумъ.—Гроты Ипсамбула.—Религія египтянъ; поклоненіе животнымъ.—Ученіе египетскихъ жрецовъ.—Судьба человѣка; безсмертіе души.—Погребеніе, судъ мертвыхъ; муміи.—Политическое устройство; правленіе.—Общественная жизнь.—Нравы и обычаи; нравственныя понятія.—Земледѣліе.—Промышленность.—Торговля.—Искусства египтянъ.—Письменность; іероглифы.—Литература и науки.—Характеръ египетской цивилизаціи.

Между двухъ пустынь, близъ того мѣста, гдѣ Азія соприкасается съ Африкой, тянется узкая долина, оплодотворяемая періодическими наводненіями Нила. Это — Египетъ, зеленая полоса, обрамленная песчаными холмами, постоянно угрожающими ей, — мѣстопребываніе общества, правильно сложившагося раньше всѣхъ другихъ, перваго государства, усилившагося и прославившагося оружіемъ и памятниками; это—колыбель цивилизаціи.

Глубокая тайна еще недавно окутывала не только начала исторіи, но и самой рѣки, питающей Египетъ. Источники Нила были, наконецъ, открыты между 1855 и 1864 гг., а ученые археологи овладѣли источниками исторіи, отъ которой исходятъ всѣ другія исторіи. Благодаря Спику, Гранту и Бекеру, мы узнали изъ какихъ озеръ [1]) берутъ начало обильныя воды, которыя, черезъ правильные промежутки времени, поднимаются вслѣдствіе экваторіальныхъ дождей, выходятъ изъ береговъ, удобряютъ и освѣжаютъ своимъ иломъ землю Египта, небо котораго почти всегда мѣдно-краснаго цвѣта, никогда не даетъ дождя. Мы знаемъ также, какимъ образомъ это необычайное плодородіе способствовало благоустройству государства, оставившаго послѣ себя исполинскіе памятники.

Древніе знали объ Египтѣ лишь то, что̀ открывалось передъ ихъ глазами, такъ какъ не были знакомы съ языкомъ страны, а египтяне, долго жившіе уединенно, не любили посвящать чужеземцевъ въ тайны своей народной жизни.

Греческій историкъ Геродотъ, посѣтившій Египетъ въ пятомъ вѣкѣ до Р. Х. (около 460 или 455 г.), оставилъ (во второй книгѣ своей исторіи) живую и одушевленную картину этой страны. Но съ добро-

---

[1]) Викторія и Альбертъ-Ніанца.

совѣстностью, равной его простодушію, Геродотъ повѣрилъ всѣмъ разсказамъ, какіе слышалъ отъ египетскихъ жрецовъ. Въ позднѣйшее время, ни *Діодоръ,* жившій при одномъ изъ послѣднихъ царей греческой династіи Плотомеевъ [1]), ни географъ *Страбонъ,* при Августѣ, повидимому, не обладали болѣе достовѣрными свѣдѣніями. Египетскій жрецъ *Манеѳонъ* (въ III в. до Р. Х.) составилъ исторію Египта, отъ которой сохранилось лишь нѣсколько отрывковъ.

Заслуга открытія для современнаго міра тайнъ древняго Египта принадлежитъ французамъ. Когда генералъ Бонапартъ, въ 1798 г., рѣшилъ отнять Египетъ у мамелюковъ и подчинить его вліянію Англіи, онъ присоединилъ къ своимъ знаменитымъ итальянскимъ войскамъ еще армію знаменитыхъ ученыхъ [2]) и оказался столь же достойнымъ направлять послѣднюю, какъ и командовать первыми. Чтобы привести въ систему отдѣльные труды членовъ ученой коммиссіи, онъ учредилъ Каирскій институтъ. Исполненные ревности, возбуждаемые восторгомъ передъ столькими величественными памятниками, эти просвѣщенные піонеры принялись раскапывать землю, измѣрять камни, срисовывать фигуры, списывать надписи и составили удивительную опись археологическихъ богатствъ Египта. Наполеонъ императоръ пожелалъ, чтобы *Описаніе Египта* [3]) было издано роскошно, и правительство сдѣлало для этой страны то, чего никогда не дѣлало для Франціи. Но этотъ замѣчательный трудъ знакомилъ только съ искусствомъ Египта: фигуры и рисунки хранили еще свои тайны, и исторія египтянъ оставалась такою же необъяснимою загадкой, какъ и гизехскій сфинксъ.

Въ это время молодой воспитанникъ Гренобльскаго лицея *Шампольонъ,* родившійся въ Фижакѣ въ 1790 г., почувствовалъ склонность къ изученію восточныхъ языковъ. 16 лѣтъ, въ 1807 г., онъ уже выработалъ планъ труда, посвященнаго Египту, и введеніе къ нему прочелъ въ Гренобльской академіи. Префектомъ въ Гренобле тогда былъ Фурье, прежній членъ египетской коммиссіи. Онъ поощрялъ молодого человѣка, котораго братъ его, Шампольонъ старшій, отвезъ въ Парижъ. Въ 1809 году Шампольонъ вернулся въ Гренобль, въ каче-

[1]) Около 50 г. до Р. Х.

[2]) Ученая коммиссія состояла изъ академиковъ *Монжа* и *Бертоле, Доломьё, Денона;* главныхъ инженеровъ путей сообщенія *Лепера* и *Жирара;* математиковъ *Фурье, Костаза* и *Корансе;* астрономовъ *Нуэ, Бошана* и *Мешена;* естествоиспытателей *Жоффруа-Сентъ-Илера* и *Савиньи;* художниковъ *Дютертра* и *Редуте* и т. д., и человѣкъ двадцати студентовъ политехнической или горной школы, среди которыхъ были особенно замѣтны Жомаръ, Дюбуа старшій, Ланкре, Шаброль, Розьеръ, Кордье и Реньо.

[3]) Десять большихъ томовъ in folio, украшенные великолѣпными рисунками.

ствѣ профессора исторіи словеснаго факультета, и съ того времени началъ печатать свои труды, заслужившіе слѣдующую похвалу Фонтана, ректора университета: „Ваши ученые труды могли бы заставить забыть о вашихъ лѣтахъ, если бы воспоминаніе о нихъ не увеличивало еще болѣе ваши заслуги“. Но только въ эпоху Реставраціи, послѣ терпѣливыхъ изысканій, глубокаго изученія коптскаго языка и азіатскихъ нарѣчій, Шампольонъ нашелъ ключъ къ объясненію іероглифовъ.

Камень, вырытый въ Розеттѣ въ 1798 г., имѣлъ три весьма явственныя надписи, расположенныя тремя горизонтальными и параллельными рядами: одна изъ нихъ состояла изъ іероглифовъ, другая, повидимому, изъ демотическихъ или упрощенныхъ знаковъ, и третья—изъ греческихъ буквъ. Многіе ученые примѣняли свою проницательность къ этой тройной надписи, которая была ничто иное, какъ тройной переводъ, но никому изъ нихъ не удавалось найти соотвѣтствія между греческими буквами и іероглифическими знаками. Шампольонъ достигъ этого и, въ 1822 г., въ письмѣ къ Дасье, постоянному секретарю Академіи Надписей, изложилъ основы таинственныхъ письменъ. Поощряемый французскимъ правительствомъ, онъ поѣхалъ въ Туринъ изучать *папирусы,* которые и разобралъ; затѣмъ онъ отправился въ Римъ, гдѣ привелъ въ порядокъ египетскія древности. Въ то же время былъ основанъ египетскій музей въ Луврѣ (открытый въ 1827 г.), и Шампольону дано было порученіе отправиться въ Египетъ. Съ 1828 до 1829 года, онъ могъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими учениками, осматривать и осязать эти памятники, языкъ которыхъ ему былъ доступенъ. Жатва документовъ была обильною, но оказалась роковою для труженика. Шампольонъ, признанный членомъ Академіи Надписей въ 1830 г., умеръ два года спустя въ Фижакѣ, вслѣдствіе болѣзни, захваченной среди песковъ пустыни. Ему было съ небольшимъ 40 лѣтъ, и онъ оставилъ неоконченнымъ изданіе своихъ многочисленныхъ изысканій. Братъ его, Шампольонъ старшій, собралъ это драгоцѣнное наслѣдіе, и оно не было потеряно для науки.

На путь, указанный Шампольономъ, вступило множество ученыхъ въ Англіи, Германіи и Франціи, которые дали дальнѣйшій рѣшительный толчокъ наукѣ объ египетскихъ древностяхъ. Изъ французскихъ ученыхъ *де-Руже* [1]), хранитель Египетскаго музея въ Луврѣ, затѣмъ профессоръ въ Collège de France, перевелъ множество важныхъ египетскихъ текстовъ и привезъ изъ своего ученаго путешествія въ Еги-

---

[1]) Род. въ 1811 г. въ Бретани, умеръ въ 1872 г.

петъ большое количество надписей. Маріетъ [1]), причисленный къ египетскому музею въ Луврѣ въ 1848 г., былъ отправленъ въ Египетъ въ 1850 г. и открылъ знаменитый храмъ Серапеума, гробницу Аписовъ. Съ 1858 г. онъ остался на продолжительное время въ Египтѣ, гдѣ вице-король доставилъ ему средства основать Булакскій музей близъ Каира и продолжать раскопки. Онъ отыскалъ впослѣдствіи Абидосскую таблицу и списокъ царей, подтвердившій хронологію Манеѳона. Вся жизнь Маріета была посвящена наукѣ среди пустыни, и имя его должно стоять рядомъ съ именемъ Шампольона, какъ одного изъ самыхъ прославленныхъ творцовъ египтологіи.

Великій сфинксъ.

Онъ оставилъ послѣдователей, также горячо преданныхъ этому дѣлу, и среди нихъ *Масперо*, принявшаго его тяжелую обязанность въ музеѣ Каира и уже въ свою очередь отвоевавшаго у пустыни не мало памятниковъ.

Египтологія занимаетъ все болѣе и болѣе значительное мѣсто въ интересахъ ученаго міра [2]), и если она до сихъ поръ еще не достигла вполнѣ точныхъ выводовъ, то, по крайней мѣрѣ, доставила многс данныхъ, чтобы помочь намъ возстановить болѣе или менѣе вѣрную картину египетской цивилизаціи.

Защищенные отъ нападеній враговъ тѣми же пустынями, которыя

---

[1]) Род. въ 1821 г., умеръ въ Каирѣ въ 1881 г.

[2]) Въ Германіи читается болѣе 11 курсовъ по египтологіи. Англія гордится работами Уилькинсона и Бирча, Германія — Лепсіуса и Бругша. Французская школа также многочисленна: Брюне де-Прель, Шарль Ленорманъ, Летронъ, Ж. Ж. Амперъ, Маріетъ, Руже, Масперо, Лефебюръ и др.

ихъ отрѣзывали отъ остального міра, народы, вышедшіе изъ Азіи и утвердившіеся въ долинѣ Нила, обратили главное вниманіе на регулированіе разливовъ рѣки и на распредѣленіе воды по всѣмъ частямъ этой долины, лежавшимъ ниже рѣчного ложа. Изъ кирпичей, обожженныхъ или просто высушенныхъ на солнцѣ, они строили города на холмахъ, чтобы предохранить ихъ отъ наводненія. Затѣмъ, изъ камней, находившихся въ изобиліи на двухъ горныхъ хребтахъ, Ливійскомъ и Аравійскомъ, они воздвигали памятники, восторжествовавшіе надъ временемъ.

На лѣвомъ берегу Нила, вблизи древняго Мемфиса, возвышается *Сфинксъ*, фигура болѣе 20 метровъ высоты, до половины засыпанная пескомъ, столько же статуя, сколько и гора, величественнаго вида, и, несмотря на колоссальные размѣры, имѣющая выраженіе спокойствія и кротости. Неподалеку отъ этого страннаго памятника, возлѣ Гизеха, возвышаются исполинскія *пирамиды*, груды громадныхъ камней, правильно расположенныхъ уступами, — безпримѣрное торжество труда и могущества человѣка. Въ большой пирамидѣ было 146 метровъ высоты. Испытавъ послѣдовательныя уменьшенія, она имѣетъ теперь 137 метровъ. Она превышала колокольни собора въ Страсбургѣ, св. Стефана въ Вѣнѣ и соборъ св. Петра въ Римѣ. „Если бы эта пирамида, — говоритъ Амперъ, — была изъ жести и полая внутри, то ею можно было бы накрыть соборъ св. Петра, въ Римѣ, и онъ исчезъ бы въ ней, какъ шарикъ фокусника подъ стаканомъ“.

Самая большая—пирамида *Хеопса*; двѣ другія, меньшія—пирамида Хефрена (138 метр.) и Микерина (66 метр.). Эти своеобразные памятники, выстроенные, по крайней мѣрѣ, за четыре тысячи лѣтъ до начала христіанской эры, принадлежатъ періоду перваго египетскаго царства (IV династіи). Арабы, завладѣвшіе Египтомъ въ среднихъ вѣкахъ, не хотѣли допустить, чтобы такіе громадные памятники имѣли другое назначеніе, кромѣ храненія сокровищъ. Они искали и нашли входъ въ пирамиды; они проникли черезъ узкіе проходы, по которымъ путешественникъ можетъ идти только согнувшись, въ комнаты, гдѣ ничего не нашли, кромѣ гробовъ. Дѣйствительно, эти пирамиды были лишь величественными гробницами, какія приготовляли себѣ деспотическіе властелины, и гдѣ, однако, имъ не пришлось воспользоваться вѣчнымъ покоемъ, какой они думали обезпечить для себя. Гранитные саркофаги, найденные въ *покоѣ царя* и въ *покоѣ царицы*, оказались пустыми.

Пирамиды Гизеха, впрочемъ, не единственныя, существующія, въ Египтѣ. Ихъ встрѣчаютъ и по сосѣдству съ дельтой, въ числѣ около

Поле пирамидъ въ Гизехѣ (Изъ „Всеобщей исторіи въ отдѣльныхъ очеркахъ“ Онкена).

сотни, и нѣкоторыя изъ нихъ превосходятъ величиною пирамиду Микерина. Это была первоначальная форма надгробныхъ памятниковъ, и предположенія, будто онѣ предназначались для ученыхъ цѣлей и были нѣчто въ родѣ обсерваторій, вполнѣ произвольны.

„Всѣ путешественники,—говоритъ Вольней,—отзываются о пирамидахъ съ восторгомъ, и этотъ восторгъ нельзя считать преувеличеннымъ. Приближаясь къ этимъ искусственнымъ холмамъ, ихъ можно видѣть за десять миль. Какъ будто удаляясь по мѣрѣ приближенія къ нимъ, на разстояніи мили онѣ такъ выдѣляются отъ земли, что кажется, будто вы уже достигли ихъ подошвы. Наконецъ, вы къ нимъ приблизились, и трудно выразить разнообразіе ощущеній, какое онѣ заставляютъ испытывать: высота ихъ вершины, крутизна боковъ, величина ихъ поверхности, ихъ тяжесть, воспоминанія о прошлыхъ временахъ, стоимость труда на нихъ затраченнаго, мысль, что эти громадныя скалы созданы человѣкомъ, маленькимъ и слабымъ, ползающимъ у ихъ основанія,—все разомъ наполняетъ и умъ, и сердце удивленіемъ, ужасомъ, смиреніемъ, восторгомъ и уваженіемъ“ [1]).

Другой путешественникъ, Жомаръ, говоритъ:—„только на вершинѣ пирамиды можно составить себѣ о ней ясное понятіе, и зрѣлище превосходитъ ожиданіе. Оттуда можно было бы видѣть на двѣнадцать миль въ окружности, если бы глазъ въ силахъ былъ проникнуть такъ далеко . На этой высотѣ, на этой величественной вершинѣ кажется, будто душа стремится въ высь, будто умъ расширяется; все содѣйствуетъ подъему воображенія. Оттуда виднѣются бѣлая и зеленая поверхности; бѣлая это — пустыня; зеленая — долина Нила и его дельта. Камень, брошенный сильной рукой съ вершины, едва достигаетъ подошвы пирамиды; обыкновенно онъ падаетъ на уступы, достигая двухъ третей ея или трехъ четвертей; этотъ опытъ я дѣлалъ самъ нѣсколько разъ такъ же, какъ и мои спутники, съ одинаковымъ результатомъ. Арабы увѣряютъ, что даже съ помощью пращи нельзя бросить камень на большее разстояніе“ [2]).

Гробницы, открытыя близъ Саккараха, представляютъ рядъ небольшихъ колоннъ или усѣченныхъ пирамидъ, образующихъ своею группировкой узкія улицы и глухіе переулки, настоящій городъ мертвыхъ. Египтяне называли эти могилы, „вѣчными домами“, и богатое убранство погребальныхъ покоевъ, безчисленное множество изображеній, покрывающихъ стѣны, подтверждаютъ это названіе. Кромѣ

---

1) Volney, *Voyage en Egypte*, I, ch. XIV.

2) Jomard, *Mémoires de la Commission d'Egypte.*

того, въ этихъ похоронныхъ домахъ трупъ былъ тщательно скрытъ: глубокій отвѣсный колодезь приводилъ къ постепенно расширявшемуся горизонтальному проходу, заканчивавшемуся помѣщеніемъ, гдѣ находился саркофагъ, высѣченный изъ цѣльнаго камня.

Приблизительно въ эпоху двѣнадцатой династіи, долина, называемая теперь Файумъ, была приспособлена для храненія водъ Нила. Замѣчательный водоемъ, прославленный подъ именемъ озера Мерисъ, давалъ возможность сохранять избытокъ воды и затѣмъ выпускать эту воду, чтобы исправлять неправильности и прихоти наводненія. Это водохранилище, одно изъ чудесъ древняго Египта, имѣло нѣсколько названій: оно называлось *Гунтъ*,—наводненіе, *Мери*,—озеро по преимуществу; послѣднее имя греки передѣлали въ Мерисъ и Фьумъ, море, изъ котораго арабы заимствовали названіе Файума, распространеннаго ими на всю область [1]). Плотины, иногда до 50 метровъ шириною, запирали всю долину Файума. По срединѣ озера, какъ говорятъ, возвышались двѣ пирамиды, увѣнчанныя колоссальными фигурами въ сидячемъ положеніи, изъ которыхъ одна, по словамъ Геродота, изображала царя, строителя, а другая—царицу, жену его. Современные ученые отожествляютъ этого изобрѣтательнаго царя съ Аменемхатомъ III (XII династія).

Къ востоку отъ озера, на небольшомъ плоскогорьи, возвышался *Лабиринтъ*, громадный дворецъ, который Геродотъ называетъ чудомъ Египта. Дворецъ, въ 200 метровъ длиною, заключалъ въ себѣ три тысячи комнатъ, изъ которыхъ половина находилась подъ землею: это и былъ Лабиринтъ (Lope-ro-hount) [2]).

Узкіе корридоры, искусно перепутанные, соединяли эти тысячи залъ, куда нельзя было проникнуть безъ проводника. Нѣмецкій ученый Лепсіусъ, въ 1843 г., нашелъ развалины этого знаменитаго лабиринта. „Мы замѣчаемъ тамъ,—писалъ онъ,—сотни комнатъ, одна возлѣ другой, часто очень маленькія рядомъ съ большими, обширныя помѣщенія, поддерживаемыя небольшими колоннами, соединенныя между собой корридорами съ неправильными входами и выходами; въ этомъ отношеніи описанія Геродота и Страбона вполнѣ подтверждаются. Что же касается общаго расположенія, то оно состоитъ изъ трехъ соединенныхъ строеній, занимающихъ пространство въ 600 футовъ длины и 500 футовъ ширины. Четвертая изъ меньшихъ сторонъ занята пирамидой, имѣющей 300 квадратныхъ футовъ въ основаніи. На восточной сторонѣ стѣ-

---

[1]) Масперо, *Древняя исторія*, гл III.

[2]) Масперо, *Древняя исторія*.

ны комнатъ поднимаются на 10 футовъ надъ землею, а съ вершины пирамиды открывается правильный планъ всего зданія". Повидимому, Лабиринтъ былъ одновременно и дворцомъ, и храмомъ, куда помѣщались статуи божествъ или умершихъ царей и, вѣроятно, драгоцѣнные предметы и священныя одежды. Тамъ находился также гробъ Аменемхата III.

Наконецъ, гробницы Бени-Гассана, при помощи тысячи подробностей частной жизни, изображенныхъ на стѣнахъ или упоминаемыхъ въ надписяхъ погребальныхъ залъ, еще болѣе раскрыли намъ великолѣпіе и процвѣтаніе Египта при первыхъ царяхъ.

Четырнадцать династій (изъ которыхъ иныя правили въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ и насчитывали 50 или 60 царей) царствовали уже сперва въ Мемфисѣ, а затѣмъ въ Θивахъ, когда вторженіе азіатскихъ племенъ глубоко потрясло Египетъ въ двадцатомъ вѣкѣ до Р. Х. Это были кочевники или *Гик-Су* (грабители), (имя, оставленное Манеѳономъ), которыхъ греки называли гиксами. Ихъ владычество не было столь варварскимъ, какъ думали долгое время: новѣйшая археологія разыскала памятники, современные этимъ царямъ, *продолжавшимъ собою египетскія династіи* и оказавшимся ревностными послѣдователями египетскаго искусства.

Во всякомъ случаѣ, египетская народность удержалась на югѣ, въ Θивахъ, правители которыхъ, мало-по-малу, окрѣпли и прогнали иноземцевъ. Изгнанные сперва Ахмесомъ, а затѣмъ Тутмесомъ, кочевники возвратились въ Азію и съ того времени, подъ властью царей XVIII и XIX династій (въ XVII вѣкѣ, слѣдуя одному, и въ XVI, слѣдуя другому свидѣтельству, до Р. Х.), Египетъ достигъ снова высокой степени процвѣтанія. Сети I, Рамзесы, въ особенности Рамзесъ II Мейямунъ, сказанія о подвигахъ котораго дали начало греческой легендѣ о знаменитомъ Сезострисѣ, высоко подняли славу Египта, распространили его власть въ Азіи, въ Эѳіопіи, и оставили неопровержимыя доказательства своего могущества, въ видѣ поразительныхъ памятниковъ въ Θивахъ.

Поднимаясь вверхъ по Нилу, отъ Кенеха и Дендераха, мы встрѣчаемъ удивительные памятники новаго ѳивскаго царства. Θивы, въ особенности, хотя опустѣлыя и разрушенныя, поражаютъ воображеніе ученыхъ, наиболѣе освоившихся съ чудесами Египта; точно также этотъ городъ возбудилъ восторгъ солдатъ арміи генерала Дезе, которые, приблизясь къ громаднымъ аркамъ, аллеямъ изъ сфинксовъ, обелискамъ, храмамъ, дворцамъ, и увидавъ, насколько могъ охватить глазъ, другіе города такихъ же памятниковъ,—принялись рукоплескать

Внутренній видъ первой колоннады въ большомъ Карнакскомъ храмѣ (Изъ „Всеобщей исторіи въ отдѣльныхъ очеркахъ“ Онкена).

при видѣ чуднаго открывшагося передъ ними зрѣлища. А между тѣмъ, пирамиды еще раньше ознакомили ихъ съ необычайнымъ зодчествомъ этого изчезнувшаго народа, который, по выраженію Боссюэ, умѣлъ „запечатлѣть характеръ безсмертія на всѣхъ своихъ произведеніяхъ“.

Ѳивы свободно раскидывались по обоимъ берегамъ Нила. Онѣ не имѣли городскихъ воротъ, и выраженіе Гомера, прославлявшаго „стовратный городъ“, слѣдуетъ понимать: городъ съ сотней тріумфальныхъ арокъ. На правомъ берегу, прежде всего, привлекаетъ вниманіе зала Карнака, поддерживаемая колоннами. При длинѣ въ 102 и ширинѣ въ 51 метръ, 134 колонны поддерживали потолокъ не менѣе 23-хъ метровъ высоты въ средней части. Эта центральная часть опиралась на 12 колоннъ, болѣе массивныхъ, чѣмъ остальныя, и напоминавшихъ Вандомскую колонну въ Парижѣ или колонну Траяна въ Римѣ. Каждая изъ колоннъ, сохранившихся до настоящаго времени (потолокъ уже исчезъ), покрыта рисунками и іероглифами. Это—зала Рамзеса-Сезостриса, но она была почти вполнѣ отстроена отцомъ его, Сети, подвиги котораго изображены на стѣнахъ зданія. „Зрѣлище, которое у меня передъ глазами,—говоритъ Амперъ, по поводу этихъ развалинъ,—превосходитъ все, что̀ я когда-либо видѣлъ на землѣ. Нѣтъ, Уилькинсонъ нисколько не преувеличивалъ, говоря, что это—самая обширная и величественная руина древнихъ и новыхъ временъ. Шампольонъ, надѣленный способностью постиженія всего великаго, умѣвшій столько же восхищаться Египтомъ, сколько и понимать его, былъ какъ бы пораженъ молніей при видѣ этого чуда прошлыхъ временъ. „Замыслы египтянъ,—писалъ онъ,—судя по тому, что̀ я вижу, должны были бы исходить отъ людей въ сто футовъ ростомъ; воображеніе, которое въ Европѣ возносится значительно выше нашихъ портиковъ, останавливается и безсильно падаетъ у подножія этихъ 140 колоннъ карнакской залы... Я воздержусь отъ описаній,—прибавлялъ онъ,—такъ какъ все, что я могу сказать, не составитъ тысячной доли того, что слѣдуетъ сказать, говоря о такихъ предметахъ, или же, если бы я позволилъ себѣ изобразить ихъ даже въ слабыхъ и безцвѣтныхъ очертаніяхъ, я прослылъ бы за энтузіаста, а можетъ быть, даже за безумца“.

„Большая зала Карнака была окончена Рамзесомъ-Сезостриcомъ, но начата отцомъ его Сети, изображеніями дѣяній котораго покрыты стѣны зданія. Эти картины представляютъ въ барельефахъ буквально цѣлую эпопею, героемъ которой является фараонъ Сети I, изваянную и живую „Сетіаду“. Это выраженіе не должно казаться преувеличеннымъ: рисунки настолько носятъ гомеровскій характеръ, что Уилькинсонъ могъ предположить, будто Гомеръ, путешествуя по Египту, видѣлъ ихъ и,

вдохновившись ими, вознамѣрился изобразить битвы Иліады. Каждое отдѣленіе есть какъ бы особая пѣсня. Здѣсь мы видимъ Сети стоящимъ на колесницѣ и пронизывающимъ стрѣлами своихъ враговъ, которые падаютъ толпами, безчисленнымъ множествомъ позъ выражая свое отчаяніе. Царь, колесница, кони,—все имѣетъ исполинскіе размѣры въ сравненіи съ врагами Египта. Грудь лошадей, несущихся вскачь, возвышается надъ крѣпостью и покрываетъ всю армію побѣжденныхъ. Далѣе, доблестный фараонъ схватился съ непріятельскимъ вождемъ, котораго онъ держитъ за горло и готовится пронзить; нога его попираетъ противника, только что умерщвленнаго имъ. Движеніе, выражающее это двойное дѣйствіе,—превосходно. Въ другомъ мѣстѣ мы видимъ Сети, влекущимъ за собою народы, покоренные его оружіемъ, и, что̀ еще болѣе необыкновенно, — несущимъ нѣсколько вождей подъ мышкой, какъ хватаютъ упрямыхъ дѣтей. Затѣмъ, побѣжденные выказываютъ знаки покорности: они рубятъ деревья въ лѣсахъ своей родины, какъ бы для того, чтобы очистить путь побѣдителямъ. Царь возвращается съ тріумфомъ въ свои владѣнія, гдѣ принимаетъ привѣтствія народа; знатные люди и даже жрецы преклоняются передъ нимъ и, представленные въ размѣрѣ, гораздо меньшемъ въ сравненіи съ нимъ, смиренно выражаютъ преданность побѣдоносному фараону“ [1])

Отъ развалинъ Карнака направляется къ югу аллея изъ сфинксовъ съ бараньими головами; нѣкогда она достигала дворца *Луксора*. Луксоръ (арабское слово, означающее дворцы) еще и теперь представляетъ сочетаніе храмовъ, галлерей, арокъ и обелисковъ. Одинъ изъ обелисковъ, стоявшій передъ дворцомъ Рамзеса, перевезенъ въ Парижъ и поставленъ на площади Согласія въ царствованіе Людовика-Филиппа. Обелиски—большія, остроконечныя колонны, высѣченныя изъ гранита и украшенныя іероглифами и барельефами, ставились по обѣ стороны у входовъ; обелискъ, составляющій пару съ обелискомъ на площади Согласія, до сихъ поръ стоитъ въ Луксорѣ и сохранился лучше въ этомъ постоянномъ климатѣ. Его надписи, схожія съ надписями парижскаго обелиска, ничто иное, какъ рядъ священныхъ формулъ и восхваленій въ честь „Рамзеса, сына Солнца, властителя міра, который украсилъ Ѳивы большими и прочными зданіями“.

На лѣвомъ берегу Нила видны развалины Гурнаха и въ особенности Рамессеума, памятника, въ которомъ многіе ученые признавали гробницу Озимандіаса. На половину храмъ, на половину дворецъ, рядъ дворовъ и залъ со множествомъ колоннъ, Рамессеумъ полонъ воспоми-

---

1) J. J. Ampère „*Recherches sur l'Egypte*“.

наніями и славой Рамзеса II. Колоссальная гранитная фигура, въ 53 фута, представляла его сидящимъ на тронѣ; въ настоящее время она разбита. Ступня этой фигуры—въ два метра длины; „когда я вскарабкался на ея руку,—разсказываетъ Амперъ,—мнѣ казалось, что я поднялся на скалу".

Невдалекѣ оттуда виднѣются два колосса царя Аменхотена III, Мемнона грековъ. Одинъ изъ этихъ колоссовъ долгое время былъ извѣстенъ подъ названіемъ говорящей статуи; онъ издавалъ звуки при появленіи утренней зари, когда его касались первые солнечные лучи. Французскій ученый Летронъ объяснилъ это чисто физическое явленіе, исчезнувшее послѣ того, какъ статуя была исправлена. Зданія Мединетъ-Хабу, построенныя Рамзесомъ III, представляютъ дворъ, окруженный замѣчательной колоннадой, украшенной рисунками, изображающими подвиги фараона. Вблизи Θивъ, такъ же, какъ и возлѣ Мемфиса, рядомъ съ городомъ живыхъ, открытъ городъ мертвыхъ, высѣченный въ скалахъ съ западной стороны. По другую сторону горы, въ безплодной долинѣ, скрывались гробницы царей; эти гробницы, составлявшія безчисленныя галлереи и залы, доставляютъ множество легендъ, фигуръ, надписей и рисунковъ.

Входъ въ гробницу Рамзеса III.

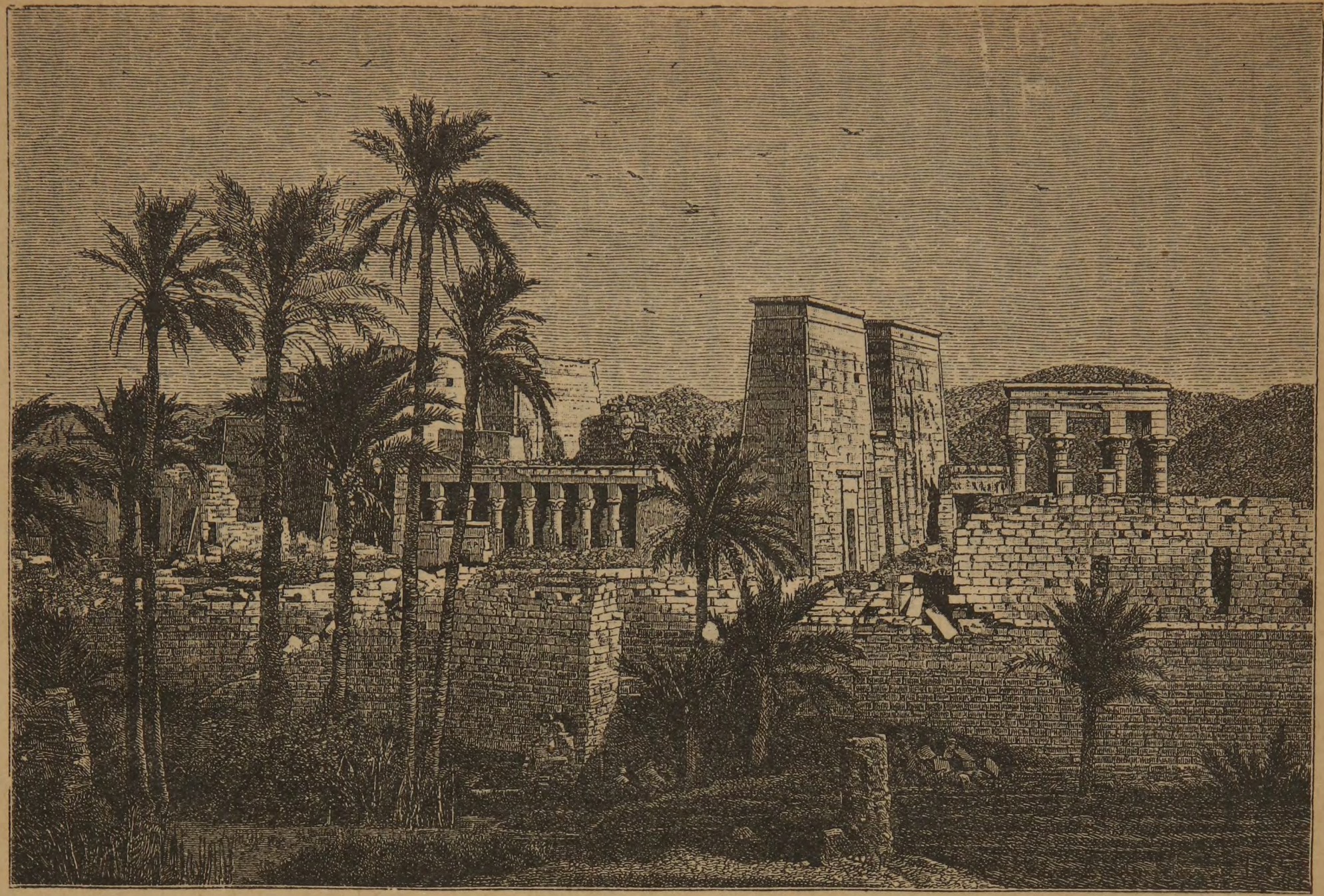
Развалины Θивъ представляютъ самое величественное зрѣлище, какое только можно видѣть; но столь же достойны вниманія и развалины Хермонтиса, храмъ Эснеха, два храма Эдфу (восходящіе, впрочемъ, не далѣе эпохи Птоломеевъ), храмъ Омбоса и, въ особенности, храмъ Элефантины. Въ Сіенѣ видны еще гранитныя каменоломни, откуда

египтяне добывали свои колоссы и обелиски. Надо миновать первые пороги, чтобы достигнуть Филъ, священнаго острова, послѣдняго убѣжища египетскихъ вѣрованій.

Развалины идутъ дальше и встрѣчаются иногда еще чаще въ Нубіи, свидѣтельствуя о распространеніи египетскаго владычества. Въ Бетъ Уальи, „спеосъ“, храмъ, высѣченный внутри скалы, показываетъ рядъ барельефовъ, изображающихъ торжество Рамзеса надъ врагами. Наконецъ, за длинными излучинами Нила, въ тѣсномъ и дикомъ пространствѣ, колоссы Ипсамбула вызываютъ крикъ удивленія. Надъ Ниломъ возвышаются двѣ скалы, и въ нихъ высѣчены два храма. Съ обѣихъ сторонъ двери небольшого храма изваяны въ скалѣ шесть стоящихъ колоссовъ—изображенія Рамзеса и его жены, царицы Нофреари. Но это—дѣти въ сравненіи съ колоссами большого храма. Между шестью колоссами находятся контрфорсы, точно такъ же высѣченные въ скалѣ, а на нихъ вырѣзаны іероглифы, самые красивые и крупные изъ всѣхъ существующихъ. Внутренность храма, когда ее можно видѣть при освѣщеніи, также представляетъ фигуру Рамзеса, устремляющагося на враговъ.

„Изображенія Рамзеса, стоящія передо мною,—говоритъ Амперъ,—носятъ на себѣ рѣзко обозначенныя черты завоевателя. Зрачки глазъ и брови дѣлаютъ эти изображенія живыми, а скрещенныя на груди руки, и вся поза выражаютъ сосредоточеніе. Это выраженіе спокойствія, продолжающагося болѣе трехъ тысячъ лѣтъ, эта молчаливая неподвижность вѣковыхъ статуй, поддерживающихъ горы въ молитвенной позѣ, этотъ царь, служащій опорою храма,—все это располагаетъ къ религіозному настроенію. Я разсматриваю одну за другой картины, украшающія три большія и шестнадцать меньшихъ залъ храма; краски этихъ картинъ столь свѣжи до сихъ поръ, что арабы говорятъ о нихъ: „Кажется, будто мастера не успѣли еще вымыть рукъ послѣ окончанія работы“. Я иду дальше, я забываюсь въ этихъ подземныхъ жилищахъ, я перехожу изъ большихъ залъ въ маленькія боковыя комнаты. Повсюду я удивляюсь величавости стиля эпохи великаго царя; я созерцаю колоссальныя каріатиды; я хожу среди этихъ аллей гигантовъ; я молчу такъ же, какъ и они; я прислушиваюсь къ ихъ торжественному безмолвію, и мнѣ начинаетъ казаться, что они его нарушали съ тѣхъ поръ, какъ были отдѣлены отъ свѣта и воздуха, погребенные въ глубинѣ горы. Что они могли говорить другъ другу въ теченіе вѣковъ этой долгой ночи?

„Я выхожу, я возвращаюсь къ ихъ братьямъ, рядомъ съ которыми они кажутся мнѣ маленькими. Одна изъ головъ скатилась въ песокъ



Островъ Филы. (Изъ „Всеобщей исторіи въ отдѣльн. очеркахъ“, Онкена).

и лежитъ у ногъ царя, обезглавленнаго временемъ; другая, вся бѣлая, кажется издали головой гигантскаго призрака; третья нѣсколько обезображена, но одна изъ нихъ отлично сохранилась и кажется въ профиль замѣчательно прекрасной—да, прекрасной! Зрѣлище этой удивительной массы, этого обломка высѣченной скалы, сливающагося издали съ другими скалами, нагроможденными около него, заключаетъ въ себѣ, говорю это прямо, много прелести“ [1]).

Этотъ бѣглый перечень египетскихъ памятниковъ можетъ дать лишь слабое понятіе объ археологическихъ богатствахъ, разсѣянныхъ въ прекрасной долинѣ Нила, и о той цивилизаціи, которая нѣкогда процвѣтала отъ Ипсамбула до Сіены, отъ Сіены до Θивъ, отъ Θивъ до Мемфиса. Нельзя оспаривать этихъ краснорѣчивыхъ и величавыхъ свидѣтелей исчезнувшей цивилизаціи. Археологи не прочли еще всей этой громадной книги камней, новыя страницы которой открываются съ каждымъ днемъ; но то, что имъ удалось уже разобрать, бросило новый свѣтъ на религію и нравы египтянъ, менѣе странные, чѣмъ это казалось ученымъ грекамъ.

Знаменитое изреченіе Боссюэ, что „у египтянъ все было божествомъ, кромѣ самого Бога“, до научныхъ открытій новѣйшаго времени могло казаться столько же вѣрнымъ, сколько и сильнымъ. Дѣйствительно, странная и даже забавная въ своихъ внѣшнихъ выраженіяхъ египетская религія обоготворяла все: и звѣзды, и самыхъ обыкновенныхъ животныхъ. Геродотъ изложилъ съ большими подробностями религіозныя предписанія египтянъ; онъ серьезно разсказываетъ о той заботливости, съ какою они содержали, кормили и бальзамировали священныхъ животныхъ. „Мертвыхъ кошекъ,—говоритъ онъ,—переносятъ въ посвященные для того дома; затѣмъ, набальзамировавъ, ихъ хоронятъ въ Бубастѣ. Собаки погребаются, каждая въ своемъ городѣ, въ предназначенныхъ для того комнатахъ, точно такъ же, какъ и ихневмоны“. „Для нѣкоторыхъ египтянъ,—говоритъ онъ далѣе,—крокодилъ—священное животное; другіе не признаютъ его таковымъ. Гиппопотамы въ округѣ Папремисъ считаются священными, но не всѣ египтяне такъ смотрятъ на нихъ“. Въ числѣ другихъ священныхъ животныхъ называли еще феникса, змѣю, ибиса, черную птицу съ журавлиными лапами и согнутымъ клювомъ.

Изъ всѣхъ священныхъ животныхъ у египтянъ ни одному не воздавалось такого почитанія, какъ быку Апису. Узнаваемый по особымъ примѣтамъ, этотъ божественный быкъ долженъ былъ быть чернаго

---

[1]) Ampère, *Recherches en Nubie*.

цвѣта съ бѣлымъ четвероугольникомъ на лбу, съ изображеніемъ орла на спинѣ и съ двойнымъ количествомъ волосъ на хвостѣ. У Аписа былъ свой храмъ и свои жрецы, совершавшіе въ честь его торжественныя служенія. Смерть Аписа погружала Египетъ въ трауръ. Надо было найти другого Аписа; если онъ медлилъ своимъ появленіемъ, тревога виднѣлась на всѣхъ лицахъ, но едва онъ появлялся — радость была безмѣрной и всеобщей. Маріетъ раскопалъ длинныя подземныя галлереи Серапеума въ Мемфисѣ, гдѣ каждый Апись имѣлъ свою отдѣльную гробницу, на подобіе царскихъ.

Погребальный покой Аписовъ.

Быть можетъ, это странное почитаніе животныхъ можно объяснить чувствомъ признательности, которое испытывали народы этой страны къ животнымъ, цѣннымъ, благодаря ихъ работѣ, какъ, напр., быкъ, или служившимъ знойной и ежегодно наводняемой странѣ для очищенія отъ безчисленнаго множества насѣкомыхъ и всевозможныхъ остатковъ, разложеніе которыхъ портитъ воздухъ [1]). Возможно также, что, согласно мнѣнію большинства ученыхъ, это поклоненіе животнымъ было лишь осязательной формой почитанія боговъ, оправдывавшейся въ египетской теологіи воззрѣніями, недоступными для народа.

Повидимому, египетскіе жрецы, въ дѣйствительности, имѣли о божествѣ болѣе возвышенное понятіе. Они вѣрили въ единое божество, вѣчное, неизмѣнное, „единственно творящее въ небѣ и на землѣ, не будучи сотвореннымъ“ [2]).

Но съ раннихъ временъ это опредѣленіе единаго божества иска-

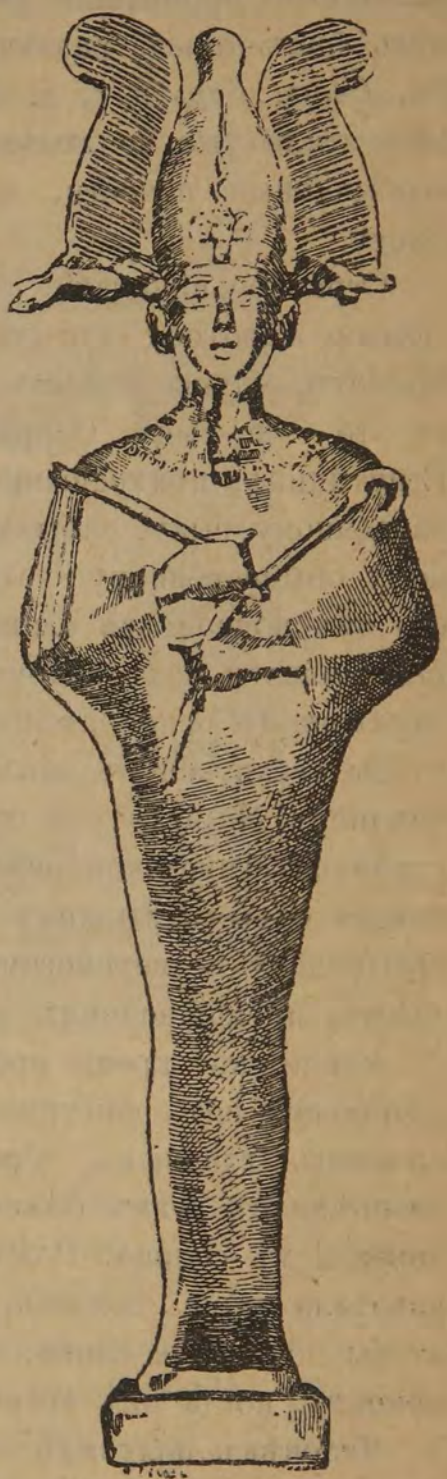
---

[1]) Georges Perrot, *Histoire de l'art dans l'anti quité.*

[2]) Масперо, *Древняя исторія.*

зилось и осложнилось раздѣленіемъ божественныхъ свойствъ, превратившихся, въ свою очередь, въ личности и въ божества. Имена *Ра, Аммона, Имхотепа, Фта, Озириса*, повидимому, были разныя названія одного и того же бога, олицетворявшагося подъ различными видами.

Этимъ богомъ, очевидно, было *Солнце*, столь ужасное и столь благодѣтельное въ этой странѣ, которую оно попеременно то жжетъ, то оплодотворяетъ. Надгробная колонна, хранящаяся въ Берлинскомъ музеѣ, заключаетъ въ себѣ молитву Солнцу, которую де-Руже перевелъ слѣдующими словами: „Поклоненіе богу Ра, Эму, Хеперу, Горусу двухъ поясовъ. Хвала тебѣ, *Саху*, божественное дѣтище, рождающееся отъ самого себя ежедневно! Хвала тебѣ, сіяющему въ небесныхъ водахъ для дарованія жизни! Имъ создано все, что̀ существуетъ и движется въ небесахъ. Хвала тебѣ, Ра! Когда оно пробуждается, его лучи несутъ жизнь всему чистому. Хвала тебѣ, создавшему первообразы въ ихъ совокупности! Когда оно прячется, пути его становятся невѣдомыми. Хвала тебѣ, когда ты вращаешься въ высшей области; боги, приближающіеся къ тебѣ, трепещутъ отъ радости“. Суточныя перемѣны движенія солнца разсматривались, какъ проявленія, какъ формы (хоперъ) его существа... Ежедневная жизнь солнца съ момента, когда оно появляется на горизонтѣ утромъ, до той минуты, когда оно исчезаетъ позади горы Запада, сдѣлалась жизнью высшаго бога, а его борьба съ мракомъ—борьбою бога съ „злыми началами“. Озирисъ былъ солнечнымъ богомъ, „существомъ добрымъ“ по преимуществу, находившимся въ вѣчной борьбѣ съ Сетомъ (Тифономъ), проклятымъ богомъ мрака и ночи. Озирисъ, послѣ своего исчезновенія на Западѣ, уходилъ въ таинственную область, въ тьму ада, куда никогда не проникалъ ни одинъ смертный, и проходилъ ее въ теченіе двѣнадцати часовъ, пока не до-



Озирисъ.

стигалъ Востока. Имъ олицетворялось ежедневное рожденіе и смерть солнца, каждое утро торжествовавшаго надъ ночью [1]).

Египетскіе жрецы, смѣшивая небо и землю, измыслили, кромѣ того, различныя проявленія божества, показывающагося людямъ подъ видомъ *боговъ-царей,* различныхъ для каждой области: *Ра, Шу,* сынъ Ра, *Сетъ, Горъ* и т. д. Затѣмъ эти воплощенія упростились, и земные боги стали уже не людьми, а животными; оттуда исходили, вѣроятно, необычайныя почести, воздававшіяся кошкѣ, крокодилу, змѣѣ, быку Апису.

Странное почитаніе быка Аписа возвышалось тѣмъ, что это священное животное считали воплощеніемъ божества. „Аписъ,—говоритъ Маріетъ,—душа Озириса, который даетъ ему свою собственную жизнь: но это — не сынъ Озириса, такъ какъ тѣло его исходитъ отъ Фта. Египтянинъ, приходившій молча и сосредоточенно поклониться обоготворенному быку, забывалъ, что величіе этого бога принадлежало самому обыкновенному четвероногому животному: напротивъ, въ лицѣ его онъ поклонялся благодѣтельному Озирису, хранителю душъ, который являлся подъ видомъ животнаго, какъ живое доказательство божественнаго покровительства, и оставлялъ свою безсмертную природу, чтобы вселиться въ оболочку, подверженную смерти. Впрочемъ,—прибавляетъ Маріетъ,—я не хочу придавать слишкомъ высокую цѣну этой странной египетской религіи, которая, исходя отъ божества, заканчивается самымъ жалкимъ извращеніемъ высокихъ ученій—поклоненіемъ обыденному четвероногому, котораго откармливали въ великолѣпномъ храмѣ, превращенномъ въ хлѣвъ“ [2]).

Египетскіе жрецы проповѣдывали о назначеніи человѣка ученія, заключавшія подъ фигуральными выраженіями возвышенный смыслъ. Поклоняясь, главнымъ образомъ, Озирису, они пришли къ уподобленію человѣка съ этимъ божествомъ, къ сближенію человѣческой жизни съ движеніемъ солнца. Рожденіе, возмужалость, старость, смерть—воспроизводили утро, полдень, вечеръ. Такъ же, какъ Озирисъ исчезалъ, чтобы подняться снова, человѣкъ погружался въ мракъ ночи до того момента, когда онъ возродится для новой жизни.

Человѣкъ получилъ частицу божественнаго разума, заключавшуюся въ его тѣлѣ; но этотъ божественный разумъ *(кху)* могъ бы сжечь тѣло: ему нужна была оболочка—*душа (ба)*, и самая душа имѣла еще оболочку — *духъ (ниву)*, связывавшій ее непосредственно съ *тѣломъ*

---

[1]) Масперо.

[2]) Mariette, *Mémoire sur la mère d'Apis.*

(кхатъ). Смерть разрушала темницу тѣла и, въ то же время, освобождала божественный разумъ, который отлеталъ въ высь. Оставалась только душа, опустѣвшая оболочка. Эта душа появлялась передъ судилищемъ, гдѣ возсѣдалъ Озирисъ, окруженный сорока двумя членами адскаго суда. „Нечестивая, покинутая душа, блуждающая между небомъ и землей, отыскиваетъ человѣческое тѣло, чтобы помѣститься въ немъ, и, какъ только находитъ, начинаетъ терзать его, обременять бо-

Взвѣшиваніе душъ.

лѣзнями, увлекать къ убійству или безумію. Когда по прошествіи вѣковъ, она, наконецъ, достигнетъ конца своихъ страданій, она подвергается вторичной смерти и возвращается къ небытію [1]).

Судъ производился съ помощью вѣсовъ: души взвѣшивались, и на памятникахъ представлены эти воображаемыя взвѣшиванія, рѣшавшія участь человѣка. Праведникъ становился приближеннымъ Озириса, но предварительно долженъ былъ пройти чрезъ новыя испытанія. „Умершій, спустившись въ подземный міръ (Керъ-нетеръ) долженъ былъ пройти черезъ пятнадцать арокъ или портиковъ, охраняемыхъ геніями, вооруженными мечами; онъ могъ пройти черезъ нихъ, только доказавъ свои добрыя дѣла и свое знаніе божественныхъ правилъ. Онъ

[1]) Масперо.

долженъ былъ подвергнуться тяжкимъ трудамъ, перечисленнымъ въ *Погребальномъ Уставѣ*, и выдержать страшную борьбу съ чудовищами, фантастическими животными, побѣждая ихъ лишь священными изреченіями, формулами, или заклинаніями, наполнявшими одиннадцать главъ *Устава*“ [1]).

Гробъ муміи.

Это вѣрованіе въ безсмертіе души поражало воображеніе грековъ, и Пиѳагоръ, вѣроятно, изъ этого источника почерпнулъ свое ученіе о *метемпсихозѣ* (о переселеніи душъ въ тѣла животныхъ). Оно объясняетъ заботу, съ какой египтяне относились къ своимъ мертвецамъ и ихъ гробницамъ. Они представляли себѣ небесный судъ въ видѣ торжественнаго судилища, въ которомъ участвуютъ родственники и друзья покойнаго. Если умершій, по общему убѣжденію, въ теченіе жизни дѣлалъ злыя дѣла, онъ лишался установленнаго погребенія. Если, наоборотъ, жизнь его была добродѣтельной и честной, произносилась похвала умершему, и онъ подвергался бальзамированію.

Египтяне достигли высокаго искусства въ сохраненіи труповъ, и найденныя муміи, по прошествіи тысячелѣтій, оказываются невредимыми. „Черты лица можно узнать, тѣло лишь незначительно утратило свою упругость; вѣки, губы, уши, носъ, щеки, всѣ мясистыя части имѣютъ видъ, приближающій ихъ къ естественному состоянію; зубы остались на своихъ мѣстахъ, и, наконецъ, волосы плотно держатся на головѣ“ [2]).

Муміи 50 фараоновъ, извлеченныя на дневной свѣтъ Масперо въ 1881 г. на западѣ отъ Ѳивъ и перевезенныя въ Булакскій музей, сохранились такъ хорошо, что черты ихъ лица не измѣнились. Полотняныя тесьмы не истлѣли, и даже найдены цвѣты, заключавшіеся въ каменныхъ гробахъ, казавшіеся увядшими не болѣе, какъ за нѣсколько мѣсяцевъ, тогда какъ они были срѣзаны четыре тысячи лѣтъ тому назадъ. Ученый ботаникъ Швейнфуртъ указалъ, что, по развитію цвѣ-

---

[1]) François Lenormant, *Manuel d'histoire ancienne de l'Orient*, t. I.

[2]) *Description de l'Egypte* (mémoire de Jomard).

товъ, можно опредѣлить время года, когда они были сорваны, чтобы украсить мумію; онъ составилъ превосходный гербарій изъ этихъ цвѣтовъ для музея въ Булакѣ. Муміи укладывались въ деревянные ящики или футляры, украшенные іероглифами и рисунками, а иногда въ саркофаги изъ порфира, базальта или алебастра. Некрополи или кладбища выбирались на мѣстахъ наиболѣе возвышенныхъ, вблизи холмовъ, обрамлявшихъ долину Нила такъ, чтобы могилы были предохранены отъ наводненій. Во время половодья, къ нимъ надо было подъѣзжать на лодкѣ; по мнѣнію Діодора, отсюда получило начало сказаніе грековъ о путешествіи въ адъ и о лодкѣ, перевозящей мертвыхъ.

„Египтяне,—говорилъ Боссюэ,—первые познали правила управленія государствомъ". Можно сказать, что это управленіе отожествлялось у нихъ съ религіей. Надгробныя надписи указываютъ намъ обоготвореніе царей. Въ одной изъ залъ Гурнаха, мы видимъ Рамзеса I, дѣда Рамзеса Сезостриса, принимающимъ, стоя позади Аммона, религіозныя почести отъ своего внука.

У фараоновъ были свои понятія объ *администраціи*. Они раздѣлили Египетъ на *номы* (небольшія области), „подраздѣлявшіяся, въ свою очередь, на нѣсколько частей: 1) главный городъ (нутъ), средоточіе гражданскаго и военнаго управленія и центръ религіи этой области; 2) плодородныя земли (уу), обработываемыя подъ хлѣбныя растенія и оплодотворяемыя наводненіями; 3) болотистыя земли (пех'у), на которыхъ разливы Нила образовали скопленія воды слишкомъ глубокія, чтобы ихъ легко было осушить, и 4) наконецъ, каналы, исходившіе изъ Нила для нуждъ земледѣлія и судоходства. Во главѣ гражданскаго и военнаго управленія можно видѣть то наслѣдственныхъ правителей, то *номарховъ*, прямо назначавшихся царемъ. Жители номовъ платили царю и его чиновникамъ налогъ натурой, соотвѣтственно своему земельному богатству, распредѣленіе котораго требовало частыхъ переписей и оцѣнокъ имущества. Они подвергались извѣстнаго рода набору для военной службы и несли повинности при исполненіи всѣхъ общественныхъ работъ, въ родѣ сооруженія храма, крѣпости, проведенія дороги, постройки плотины или прорытія канала. Число номовъ измѣнялось, смотря по времени. Большинство древнихъ историковъ ихъ насчитываетъ 36; египетскіе списки указываютъ иногда 44, изъ которыхъ 22 приходилось на Верхній Египетъ и 22 на Нижній [1]).

Царь, повидимому, былъ единственнымъ собственникомъ Египта:

---

[1]) Масперо, *Древняя исторія народовъ Востока*, гл. I.

какъ указываетъ Библія, по совѣту Іосифа, онъ собираетъ въ странѣ весь зерновой хлѣбъ для голодныхъ годовъ. Этотъ фактъ объясняетъ характеръ описываемой страны, сохранившійся до новѣйшихъ временъ. Въ XIX вѣкѣ Мегеметъ-Али являлся единственнымъ владѣтелемъ, единственнымъ хлѣбопашцемъ и промышленникомъ, эксплоатировавшимъ Египетъ, какъ собственное помѣстье. Деспотизмъ не переставалъ быть неизмѣннымъ на берегахъ Нила и остался столь же непоколебимымъ, какъ и памятники, которые онъ создалъ.

Неподвижность іерархіи была отличительной чертой общества, раздѣлявшагося, повидимому, на классы, если не на касты; двумя главными изъ нихъ были *воины* и *жрецы*. Ихъ земли были освобождены отъ налоговъ. Если вѣрить Геродоту, то, кромѣ классовъ жрецовъ и воиновъ, существовало еще пять другихъ, низшихъ: пастуховъ, свинопасовъ, купцовъ, толмачей и лоцмановъ. Въ этихъ классахъ можно видѣть скорѣе цехи, чѣмъ касты. Безъ сомнѣнія, сынъ обыкновенно продолжалъ профессію своего отца, что̀ соотвѣтствовало и постоянству характера египетскаго народа, но ни одинъ документъ не позволяетъ утверждать, будто эти цехи имѣли характеръ кастъ, въ которыхъ человѣкъ долженъ былъ оставаться отъ рожденія до смерти [1]).

Итакъ, у египтянъ было правильно организованное общество, строго раздѣленное на опредѣленные классы, основаніемъ котораго служило уваженіе семьи, благодарность по отношенію къ родителямъ, дружба и почитаніе старости.

„Египтяне,—говоритъ Геродотъ,—соблюдаютъ обычаи своихъ отцовъ и не вводятъ у себя новыхъ. Молодые люди, при встрѣчѣ со стариками, уступаютъ имъ дорогу и отходятъ въ сторону; приближеніе старшихъ заставляетъ ихъ вставать съ своего мѣста. Въ высшей степени вѣжливые, египтяне привѣтствовали другъ друга на улицѣ не словами, а кланялись, опуская руку до колѣна.

Одежда ихъ состояла изъ полотняной туники съ бахромой, доходившей до колѣнъ; поверхъ туники они носили плащи изъ бѣлой шерстяной ткани. Но въ храмъ нельзя было войти въ шерстяномъ платьѣ; было бы также нечестивымъ оставить его на умершемъ при погребеніи.

Египетскіе законы, повидимому, требовали строгаго соблюденія общественнаго порядка. Клятвопреступленіе наказывалось смертью; человѣкъ, который могъ спасти другого, подвергавшагося нападенію,

---

[1]) Амперъ опровергаетъ ученіе о кастахъ въ запискѣ, составляющей продолженіе его „Путешествія въ Египетъ“.

и не сдѣлалъ этого, наказывался смертью такъ же неуклонно, какъ и убійца. Каждый египтянинъ долженъ былъ представить въ судъ письменное свидѣтельство съ указаніемъ своихъ средствъ къ существованію; тотъ, кто доставлялъ ложныя свѣдѣнія или добывалъ себѣ средства беззаконнымъ путемъ, приговаривался къ смерти. Даже убійство раба влекло за собою смертную казнь.

За долги отбиралось имущество должника, но онъ лично оставался свободнымъ. Геродотъ говоритъ о законѣ, разрѣшавшемъ займы подъ залогъ муміи отца. Человѣкъ, не плативній своихъ долговъ, лишался почести быть похороненнымъ въ семейномъ склепѣ.

Ростовщичество было ограничено (проценты не могли превосходить капитала); суровыми наказаніями преслѣдовались измѣна, трусость на войнѣ, поддѣлка монетъ, мѣръ, вѣсовъ, печатей и судебныхъ актовъ.

Рисунки барельефовъ представляютъ „различные дома египтянъ, болѣе или менѣе пышные; роскошные паланкины, въ родѣ комнатъ съ открывающимися дверцами, поставленные на полозья и служившіе экипажемъ для знатныхъ лицъ древняго Египта; обезьянъ, кошекъ и собакъ, составлявшихъ принадлежность дома, такъ же, какъ и карликовъ и другихъ уродовъ, которые уже за 1500 лѣтъ до Р. Х., и даже ранѣе того, служили развлеченіемъ отъ скуки египетскимъ сановникамъ, какъ и 1500 лѣтъ послѣ того нашимъ старымъ европейскимъ вельможамъ. На этихъ картинахъ представлены и служители богатыхъ домовъ, домоправители и писцы: слуги, несущіе всевозможные съѣстные припасы, и служанки, также приносящія различную провизію; способъ убоя быковъ и разниманія ихъ на части, для домашняго употребленія. Цѣлый рядъ рисунковъ изображаетъ поваровъ, приготовляющихъ различныя кушанья и, наконецъ, слугъ, подающихъ готовыя блюда за столомъ господина“ [1]).

Но, очевидно, главная масса народа, угнетенная тяжестью различнаго рода принудительнаго труда, занятая, помимо полевыхъ работъ, тяжелыми постройками громадныхъ памятниковъ, требовавшихъ сотни тысячъ человѣческихъ рукъ, прозябала, какъ и современные намъ феллахи, въ невѣжествѣ и рабствѣ. Фигуры, изображенныя на памятникахъ, показываютъ намъ цѣлыя толпы людей, впряженныхъ для перевозки каменныхъ глыбъ или колоссовъ и двигающихся подъ ударами кнута.

А между тѣмъ въ надписяхъ и, въ особенности, въ „Книгѣ мертвыхъ“ мы читаемъ достойныя похвалы изложенія нравственныхъ зако-

---

[1]) Масперо.

новъ. Въ формѣ отрицанія, не признавая сдѣланнаго зла, начальникъ перечисляетъ всѣ дурные поступки, въ которыхъ онъ неповиненъ, и обнаруживаетъ въ этой исповѣди или, скорѣе, защитительной рѣчи, тонкость чувствъ, выказывающую египтянина въ неожиданномъ для насъ свѣтѣ. Какъ указываетъ Масперо, въ своей „Древней исторіи народовъ Востока", „въ главѣ CXXV *Книги мертвыхъ* находится наилучшее и наиболѣе полное выраженіе этихъ идей міровой любви и милосердія. „Книга мертвыхъ", экземпляръ которой находился при каждой муміи, была сборникомъ молитвъ и правилъ для пользованія въ иномъ мірѣ. Душа, приведенная на судъ Озириса, оправдывается передъ адскимъ судомъ. „Хвала вамъ, владыки истины и правды... Я, конечно, знаю васъ, владыки истины и правды, я принесъ вамъ истину, я уничтожилъ для васъ ложь. Я ничѣмъ не обманулъ людей! Я не мучилъ вдовы! Я не лгалъ передъ судомъ! Я не знаю лжи! Я не дѣлалъ ничего запрещеннаго! Я не заставлялъ смотрителя за рабочими исполнять ежедневно болѣе работы, чѣмъ слѣдовало! Я не былъ нерадивымъ! Я не былъ празднымъ! Я не былъ малодушнымъ! Я не ослабѣвалъ! Я не дѣлалъ того, что̀ противно богамъ! Я не вредилъ рабу передъ его господиномъ! Я никого не лишалъ пищи! Я никого не заставлялъ плакать! Я никого не заставилъ умертвить обманомъ! Я никого не обманулъ! Я не обращалъ въ свою пользу жертвенный хлѣбъ въ храмѣ! Я не похищалъ припасовъ и тесьмы мертвыхъ! Я не наживалъ незаконнымъ образомъ! Я не обманывалъ на хлѣбныхъ мѣрахъ! Я никого не обманулъ во время молотьбы хлѣба! Я не присвоивалъ себѣ ничего чужого въ поляхъ! Я не зналъ наживы обманомъ, увеличивая вѣсъ чашки вѣсовъ! Я никогда обманомъ не наклонялъ вѣсовъ! Я не отнималъ молока отъ устъ грудныхъ дѣтей! Я никогда не угонялъ священныхъ животныхъ съ ихъ пастбищъ! Я никогда не ловилъ сѣтями птицъ, посвященныхъ богамъ! Я не ловилъ священныхъ рыбъ въ прудахъ! Я не препятствовалъ водѣ разливаться въ ея время года! Я не гасилъ священнаго огня въ тѣ часы, когда онъ долженъ былъ горѣть! Я не нарушалъ божественнаго цикла въ назначенныхъ для него жертвоприношеніяхъ! Я не отвращался отъ быковъ съ божественными свойствами! Я не отвращался отъ божества во время процессій. Я чистъ, я чистъ, я чистъ!"

Памятники, преимущественно надгробные, даютъ намъ возможность представить себѣ способъ работы и образъ жизни египтянъ. Эти памятники, цѣлымъ рядомъ безчисленныхъ рисунковъ, воспроизводятъ всевозможныя сцены обыденной жизни. По указанію Шампольона, рисунки въ гротахъ Бени Гассана, относящіеся къ земледѣлію, изобра-

жаютъ обработку земли при помощи быковъ или человѣческихъ рукъ посѣвъ и размельченіе почвы — съ помощью барановъ (а не свиней какъ говоритъ Геродотъ). Тамъ можно найти до пяти видовъ плуговъ, самыхъ первобытныхъ, безъ колеса, такъ какъ почти не требовалось усилія, чтобы вспахивать размягченную водой почву. Эти картины изображаютъ жатву хлѣба и сборъ льна, житницы, собираніе *лотоса*, обработку виноградниковъ, винодѣліе, виноградный прессъ двухъ родовъ, одинъ ручной, другой механическій; разливку вина въ кувшины, перенесеніе его въ погребъ и т. п. Въ болотахъ дельты произрастали въ изобиліи водяныя растенія *лотосъ* и *папирусъ*, служившія одновременно и пищей, и предметомъ промышленности.

Надгробные рисунки даютъ также образцы всѣхъ искусствъ и ремеслъ. Какъ говоритъ Шампольонъ, „тамъ представленъ ваятель и рѣзчикъ, живописецъ статуй, живописецъ предметовъ архитектурныхъ, мебели и столярныхъ вещей, рабочіе каменоломень, переносящіе каменныя глыбы; тамъ можно видѣть все производство, относящееся къ гончарному искусству, мастеровыхъ, разминающихъ землю ногами или руками; мастеровъ тростей, различнаго рода веселъ; кожевниковъ, раскрашиваніе кожъ; башмачниковъ; прядильное мастерство; тканье полотенъ на различныхъ станкахъ; производство стекла [1]); мастеровъ золотыхъ и драгоцѣнныхъ вещей и кузнецовъ.

„На рисункахъ, относящихся къ играмъ, можно видѣть игру въ шары, игру со столбами, врытыми въ землю, охоту на дикихъ звѣрей. Одна изъ картинъ изображаетъ большую охоту; на ней представлено отъ 15 до 20 видовъ четвероногихъ. Многочисленныя картины изображаютъ ловлю птицъ сѣтями, рыбную ловлю посредствомъ удочки, трезубца, вилы, сѣтью и т. д. Рисунки, относящіеся къ мореплаванію, изображаютъ постройку лодокъ и игры моряковъ, напоминающихъ современныя намъ гонки шлюпокъ“ [2]). Египтяне дали и образцы туалетныхъ вещей, въ видѣ металлическихъ зеркалъ.

Расширеніе египетскаго государства при нѣкоторыхъ завоевателяхъ доказываетъ, повидимому, что Египетъ не жилъ уединенною жизнью, и многое подтверждаетъ, что, несмотря на свое презрѣніе къ иностранцамъ, онъ не избѣгалъ торговыхъ сношеній съ ними. Можно сказать съ увѣренностью, что у египтянъ не было флота, и греки уже гораздо позднѣе, при Амазисѣ, получили разрѣшеніе основать торговую колонію

---

[1]) Египтянамъ было извѣстно стекло; намъ остались отъ нихъ бутылки, частью изъ простого стекла, частью покрытыя сѣткой изъ ивовыхъ вѣтвей или папируса.

[2]) Champollion, *Lettres d' Egypte et de Nubie.*

въ Навкратисѣ. Но главная торговля производилась сухимъ путемъ, или по Верхнему Нилу съ Эѳіопіей, доставлявшей золото, слоновую кость и невольниковъ. Караваны, приходившіе изъ Аравіи, привозили благовонные товары. По свидѣтельству древнихъ, Египетъ получалъ прянности изъ Индіи, а вина—изъ Греціи и Финикіи. Онъ отпускалъ хлѣбъ, родившійся тамъ въ изобиліи, и полотно, пользовавшееся извѣстностью. Но египтяне, повидимому, не сами занимались вывозомъ своихъ товаровъ: они предлагали ихъ въ обмѣнъ привозимыхъ товаровъ и не покидали своей страны. И въ настоящее время черезъ Египетъ проходятъ безчисленные караваны, безъ всякаго участія со стороны мѣстныхъ жителей.

Памятники египтянъ громко говорятъ о величіи ихъ *искусства*. Нигдѣ архитектура не достигала такихъ размѣровъ. Города были скопленіемъ храмовъ и дворцовъ, походившихъ своей обширностью на города. Храмъ, памятникъ царскаго благочестія, скрывался за стѣнами, окружавшими его на нѣкоторомъ разстояніи вмѣстѣ со священною землей. Надо было пройти огромными дворами и крытыми галлереями, чтобы достигнуть святилища,—мѣстопребыванія бога. Египетскіе жрецы, безъ сомнѣнія, придавали такіе размѣры второстепеннымъ, внѣшнимъ частямъ храма ради бо̀льшаго порядка и торжественности процессій, изображенія которыхъ уцѣлѣли на стѣнахъ. Египетскіе зодчіе работали какъ будто только для боговъ и царей, имѣвшихъ почти равное значеніе. Эти зодчіе не оставили намъ законченныхъ образцовъ частныхъ зданій; кромѣ нѣсколькихъ домовъ знатныхъ лицъ, жилища содержались небрежно, и народъ относился къ нимъ, какъ къ временнымъ пріютамъ. Мы не находимъ и образцовъ военной архитектуры; лишь въ Нубіи, километрахъ въ 60 къ югу отъ пороговъ Уади-Гальфа, можно видѣть нѣчто въ родѣ замка, самый полный образецъ искусства укрѣпленія у египтянъ.

Ваяніе также пользовалось почетомъ въ Египтѣ; замѣчательно, что скульптурныя произведенія, относящіяся къ первымъ временамъ государства, выказываютъ наиболѣе развитое и точное наблюденіе природы. „Правильность соотношенія частей тѣла, тщательное изученіе главныхъ мышцъ, лицо, изваянное съ тонкостью и индивидуальностью портрета, схваченною часто весьма удачно,—таковы похвалы, какія можно и теперь высказать художникамъ вѣка первыхъ династій. Это можно сказать о нихъ и тогда, когда они обтесывали известковый камень, и тогда, когда они пользовались прекрасными древесными породами, которыя росли въ долинѣ Нила, и тогда, наконецъ, когда они обращались къ самымъ твердымъ породамъ и заставляли повиноваться себѣ

наиболѣе упорно сопротивляющійся гранитъ могуществомъ и гибкостью рѣзца, приводящими насъ въ безграничное изумленіе“ [1]).

Но это искусство осталось неподвижнымъ. Быть-можетъ, оно считалось второстепеннымъ дѣломъ, и религія намѣренно поддерживала его въ извѣстномъ состояніи символизма. Задача его заключалась лишь въ передачѣ человѣческой формы, не заботясь о подробностяхъ. Всѣ фигуры отличаются суровостью, обличающею предвзятую мысль—все принести въ жертву благородству позы, величественности цѣлаго, симметричности движеній. Вообще, египетская скульптура всегда оставалась монументальной; если она не освободилась отъ своей неподвижности, то это произошло никакъ не вслѣдствіе ея безсилія, такъ какъ изображенія животныхъ передаются ею съ крайнею точностью.

Сцены, безконечное число разъ повторяющіяся на стѣнахъ гробницъ, свидѣтельствуютъ и объ искусствѣ живописи у египтянъ. Но и живопись ихъ имѣла единственною цѣлью—возвысить украшеніями великолѣпіе гробницъ и храмовъ, и въ ней не слѣдуетъ искать ни свободы, ни разнообразія, ни мягкости. Живопись эта похожа на барельефы, изображенія которыхъ она дополняла или воспроизводила. Тѣмъ не менѣе, египетскіе художники владѣли такими живыми красками, что, по истеченіи шестидесяти вѣковъ, яркость ихъ не потускнѣла, и онѣ удивляютъ насъ своею свѣжестью.

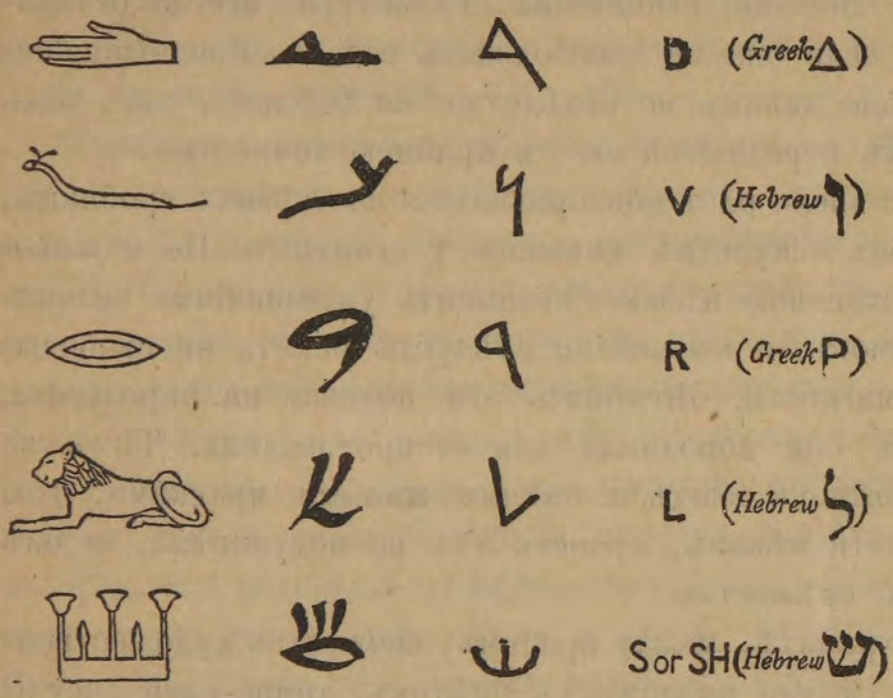
Музей въ Луврѣ хранитъ, между прочимъ, множество художественныхъ предметовъ изъ *стекла* различныхъ цвѣтовъ, темно-синіе сосуды съ блестками желтаго и бѣлаго цвѣта. Египтяне умѣли дѣлать украшенія изъ эмали и разрисовывать стеклянныя и глиняныя вазы. Какъ на чудо искусства, указываютъ на маленькую чернильницу изъ эмальированной глины цвѣта яри-мѣдянки, составленную изъ сидящихъ львовъ и образующую сквозную рѣшетку. Изъ драгоцѣнныхъ вещей отмѣчаютъ также маленькаго золотого, съ эмалью, быка, лежащаго съ распростертыми крыльями, и другіе символическіе предметы, свидѣтельствующіе, до какого изящества и тонкости достигало у египтянъ искусство эмальированія и ювелирнаго дѣла.

Замѣчательныя работы Шампольона и его послѣдователей обнаружили, какъ мы уже указали, истинный характеръ египетской письменности. Три различныя формы ея—*іероглифическая*, *іератическая* (священная) и *демотическая* (народная), сначала считавшіяся различными, были признаны разновидностями одной и той же письменности, болѣе или менѣе бѣглой, болѣе или менѣе образной. Первоначально въ іеро-

---

[1]) De Rougé, *Rapport au ministre de l'Instruction publique*, 1864.

глифическихъ фигурахъ пытались видѣть знаки *идей*. Шампольонъ открылъ, что они часто служили знаками *звуковъ*, и что фигуры имѣли лишь значеніе первой буквы обозначаемаго предмета. Такимъ образомъ, іероглифы могли обращаться въ азбучные знаки. Кромѣ азбучныхъ знаковъ, есть также знаки, представляющіе одинъ или нѣсколько звуковъ, образующихъ слогъ. Трудность чтенія ихъ усложняется еще тѣмъ, что іероглифы могутъ служить и выраженіемъ идеи или понятія; иногда, помѣщенные послѣ фонетическаго слова, они повторяютъ его и служатъ лишь наглядным его переводомъ.



Іероглифическія и іератическія письмена и превращеніе ихъ въ греческія и еврейскія буквы. (Изъ „Антропологіи“ Тэйлора).

Іероглифы были письменами памятниковъ и на стѣнахъ и колоннахъ Ѳивъ достигаютъ размѣровъ, достойныхъ своей рамки. Сокращенное письмо служило для изложенія литературныхъ произведеній: это была *іератическая* скоропись, писавшаяся отъ правой руки къ лѣвой и составлявшаяся изъ курсивныхъ знаковъ, уже не изображавшихъ матеріальныхъ предметовъ. Это письмо, упростившись, сократившись еще болѣе, превратилось въ *демотическое* письмо, весьма трудное для чтенія, вслѣдствіе своихъ тощихъ, выродившихся знаковъ.

Болѣе глубокое изученіе образцовъ египетской письменности дало возможность лучше оцѣнить ступень развитія, какой достигли у египтянъ *литература* и *науки*. Погребенный въ одной изъ гробницъ Гизеха сановникъ, временъ шестой династіи, носитъ титулъ *правителя дома книгъ* (или библіотеки). Объясненіе *„Книги мертвыхъ“* выказало развитіе религіозной литературы, не лишенной величія, а переводъ различныхъ поэмъ, между прочимъ, поэмы *Пентаура*, прославляющей подвиги Рамзеса II, показываетъ намъ, что египтяне умѣли воспроизводить живо и ярко сцены изъ военной жизни. Одинъ изъ *папирусовъ Турина* содержитъ полный списокъ царей, съ обозначеніемъ продолжительности

ихъ царствованія, и заставляетъ думать, что въ Египтѣ *исторія* не находилась въ пренебреженіи. Въ Туринѣ показывается также *отрывокъ* изъ *географіи* временъ Сети I, изображающій часть Нубіи. Другіе папирусы, находящіеся преимущественно въ Британскомъ музеѣ, заключаютъ собраніе писемъ замѣчательныхъ писцовъ, сохраняемыхъ, какъ образцы стиля, и во многихъ мѣстахъ представляющихъ интересъ для исторіи.

Египтяне, повидимому, довольно далеко подвинулись въ *геометріи*, такъ какъ соблюденіе законовъ ея замѣчается въ правильныхъ формахъ ихъ памятниковъ; успѣхи ихъ въ *ариѳметикѣ* были менѣе значительны.

Астрономія была самымъ постояннымъ изъ занятій египетскихъ жрецовъ, на которыхъ блестящія звѣзды прекраснаго ночного неба этой страны дѣйствовали обаятельно. Имъ былъ извѣстенъ Сиріусъ, звѣзда Изиды. „Его годичное восхожденіе, обозначавшее начало наводненія, указывало также начало гражданскаго года; такимъ образомъ, на немъ основывалась вся система хронологіи. Первоначальный годъ египтянъ состоялъ изъ 12 мѣсяцевъ, въ 30 дней каждый, т.-е. изъ 360 дней. Эти 12 мѣсяцевъ раздѣлялись на три времени года, по 4 мѣсяца въ каждомъ,—*начальный періодъ (ша)*, соотвѣтствующій времени наводненія, *періодъ посѣва (пре)*, соотвѣтствующій зимѣ, и *періодъ жатвы (шему)*, соотвѣтствующій лѣту. Каждый мѣсяцъ составлялся изъ трехъ декадъ. Каждый день и каждая ночь дѣлились на двѣнадцать часовъ; такимъ образомъ, полдень соотвѣтствовалъ 6-му часу дня, а полночь—6-му часу ночи. Между египетскимъ годомъ, какимъ онъ былъ тогда, и годомъ тропическимъ была разница на $5^1/_4$ дней. Дальнѣйшія наблюденія дали возможность астрономамъ вставить въ каждый годъ, послѣ двѣнадцатаго мѣсяца и передъ первымъ днемъ слѣдующаго года, пять дополнительныхъ дней. Они исправили также ошибку на одинъ день, получавшуюся каждые четыре года, и въ концѣ 1460 лѣтъ прибавили одинъ годъ“ [1]).

Послѣ астрономіи, египетскихъ ученыхъ, повидимому, всего болѣе привлекала *медицина*. Нельзя сказать, чтобъ это происходило отъ нездоровыхъ условій ихъ страны, такъ какъ воздухъ тамъ, по большей части, сухъ, и климатъ постояненъ. Но тамъ были особыя мѣстныя болѣзни, какъ, напр., офталмія [2]), до сихъ поръ часто встрѣчающаяся въ Египтѣ, и египтяне въ особенности изучали эти болѣзни. Въ числѣ

---

[1]) Масперо.

[2]) Болѣзнь глазъ.

папирусовъ, трактаты по медицинѣ знакомятъ насъ со множествомъ рецептовъ, бывшихъ въ употребленіи за двѣ тысячи лѣтъ до христіанской эры. Если бы не религіозный страхъ, не дозволявшій египтянамъ вскрывать трупы, возможно, что они достигли бы въ медицинѣ значительныхъ успѣховъ.

Итакъ, египтяне были медиками и астрономами, геометрами и поэтами. Они пытались читать чудную книгу неба и старались проникнуть въ тайны природы. Они обладали разсудительностью и воображеніемъ, и если насъ не вполнѣ трогаетъ ихъ слишкомъ оффиціальная поэзія, мы поражаемся поэзіей ихъ камней, столь величественной, что человѣкъ едва замѣчаетъ себя передъ этими памятниками, сдѣланными человѣческими руками. Искусные въ изготовленіи всевозможныхъ предметовъ, полезныхъ для жизни и служившихъ для украшенія жилищъ, египтяне знали различные предметы роскоши.

Но этой странѣ, въ которой процвѣтали древнѣйшая наука и наиболѣе величественное искусство, недоставало того, что̀ придаетъ жизнь наукѣ и искусству,—движенія. Неподвижность, зависѣвшая отъ религіознаго страха, отъ деспотизма властителей или, быть-можетъ, отъ постоянства климата, держала въ оцѣпенѣніи цивилизацію египтянъ, суровую, какъ ихъ статуи, и далеко не сказавшую послѣдняго слова, какъ ихъ необъяснимые сфинксы. Египетъ далъ начало всѣмъ искусствамъ, не усовершенствовавъ ни одного. Онъ удивилъ міръ многочисленностью своихъ колоннъ и обелисковъ, но не достигъ чистоты линій, служащей единственнымъ выраженіемъ истиннаго искусства. У него были законы, но онъ не зналъ настоящей справедливости, неразлучной съ достоинствомъ и свободой человѣка.

Египтомъ правили скорѣе тираны, чѣмъ цари. Онъ принизилъ свои божества воплощеніемъ ихъ въ гнусныхъ животныхъ. Нѣкоторое время онъ заставлялъ трепетать Азію громомъ своихъ военныхъ колесницъ, и подпалъ почти безъ сопротивленія власти Камбиза, жестокаго безумца.

Мы не знаемъ еще съ достаточной точностью сбивчивой исторіи этого перваго человѣческаго общества, расцвѣтшаго среди лотусовъ и пальмъ на берегахъ Нила, чтобъ объяснить себѣ всѣ поражающія насъ противорѣчія этой исторіи. Мы можемъ лишь привѣтствовать въ этомъ обществѣ прародителя цивилизаціи, перваго наставника человѣческаго рода. Греки признавали сами, что они были его учениками: изъ Египта они заимствовали, по ихъ словамъ, свою религію и основы своихъ знаній. Мы должны имъ вѣрить въ этомъ, хотя они обязаны многимъ и народамъ Азіи. „Миѳъ, прекрасный самъ по себѣ и имѣю-

щій большое значеніе,—говоритъ Гегель,—показываетъ намъ египетскаго сфинкса, поражаемаго рукою грека, который разгадываетъ загадку и находитъ рѣшеніе ея въ человѣкѣ, въ разумѣ, сознающемъ свою свободу". Именно, умственной свободы не доставало Египту, въ которомъ искусство, спеленатое, подобно муміямъ, сохраняло ихъ холодную неподвижность; оно осталось незыблемымъ, какъ памятники, какіе оно воздвигало подъ властью деспотизма, подъ небомъ столь же неподвижнымъ. Египетскій народъ былъ бы великъ, если бы онъ былъ свободенъ.

ГЛАВА III.

Ассирійцы и вавилоняне.

Цивилизаціи Азіи; долины Тигра и Евфрата.—Ассирійское царство; Ниневія.—Вавилонъ и халдейско-вавилонское царство.—Развалины и памятники Вавилона.—Развалины и памятники Ниневіи.—Религія ассирійцевъ и вавилонянъ.—Халдейскіе жрецы.—Правленіе ассирійцевъ.—Общество; нравы и обычаи.—Военное искусство.—Земледѣліе и промышленность.—Торговля.—Ассирійское искусство.—Ассирійская скульптура.—Астрономія у ассирійцевъ.—Клинообразныя надписи.—Литература и наука.—Характеръ ассирійской цивилизаціи.

Египетское общество, подобно замкнутой долинѣ, гдѣ оно процвѣтало, осталось уединеннымъ въ Африкѣ; смѣшеніе народовъ произошло въ Азіи. Въ этой части свѣта образовались обширныя царства, которыя просвѣщали и затѣмъ замѣщали другъ друга. Въ Азіи развились цивилизаціи, не лишенныя сходства между собою, и поэтому, несмотря на свои различія, онѣ могутъ быть объединены подъ общимъ именемъ *восточныхъ цивилизацій*. На самомъ дѣлѣ, онѣ блестѣли всею яркостью и страдали всѣми пороками Востока.

Въ сторонѣ Азіи, наиболѣе близкой къ Африкѣ, на сѣверѣ отъ Аравіи и Персидскаго залива, между 30° и 34° сѣв. шир., т.-е. въ области, сосѣдней съ тропиками, у подошвы Армянскихъ горъ, открывается двойная долина. Она плотно окаймлена на востокѣ горами Эльвендъ, на западѣ ограничена пустынями и представляетъ собою рамку, предназначенную для могущественнаго царства. Это—долина Тигра и Евфрата, рѣкъ, берущихъ начало въ тѣхъ же горахъ, текущихъ сначала параллельно и независимо другъ отъ друга, затѣмъ сливающихся и впадающихъ вмѣстѣ въ Персидскій заливъ. Эти рѣки, во время таянія снѣговъ въ Арменіи, въ половинѣ апрѣля, вздуваются, выходятъ изъ береговъ и входятъ снова въ свое русло не ранѣе іюня. Такимъ

образомъ, эта страна весьма сходна съ долиной Нила. Многочисленные каналы соединяли Тигръ и Евфратъ и разносили по всѣмъ направленіямъ воду, необходимую для земледѣлія въ этомъ знойномъ климатѣ. Страна, заключающаяся между этими рѣками, въ верхней своей части получила названіе *Мессопотаміи;* долина верхняго Тигра называлась *Ассиріей*, а нижняя часть обѣихъ долинъ — *Вавилономъ*, *Эламомъ* или *Сузіаной*.

Въ обѣихъ долинахъ, одинаково плодоносныхъ, образовались два близко-родственныхъ царства, то сливавшіяся, то разъединявшіяся, подобно ихъ столицамъ, навсегда прославленнымъ *Ниневіи* и *Вавилону*, городамъ-соперникамъ, поочередно бравшимъ верхъ другъ надъ другомъ. Это были царства *ассирійское* и *вавилонское*.

Долины Тигра и Евфрата съ древнѣйшихъ временъ лежали на пути множества различныхъ народовъ; происшедшее вслѣдствіе того смѣшеніе расъ нигдѣ не затрудняло въ такой степени современныхъ ученыхъ. *Туранцы*, помѣсь бѣлой и желтой расы, и *кушиты* (которыхъ нѣкоторые ученые относятъ къ хамитамъ), повидимому, составляли основное населеніе страны. Кромѣ того, тамъ были и *семиты*: ассирійцы, затѣмъ потомки *Ѳареса* и *Евера,* отъ которыхъ произошли евреи.

Съ этой отдаленной эпохи, страна, въ особенности, въ своей южной части, носила названіе Халдеи. Авраамъ, до своего призванія (2055 лѣтъ до Р. Х.), жилъ въ Урѣ, въ Халдеѣ. Происхожденіе халдеевъ, однако, неизвѣстно; они подчинили себѣ мѣстное населеніе и остались въ странѣ въ качествѣ высшей ученой касты.

По свидѣтельству Библіи, упоминающей о Немвродѣ — сильномъ ловцѣ, затѣмъ халдейскаго жреца Бероза (въ IV в. до Р. Х.), оставившаго драгоцѣнные, хотя и не полные списки царей, а также согласно надписямъ, разбиравшимся съ большимъ рвеніемъ, въ долинахъ Тигра и Евфрата возникли царства болѣе, чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. Египтяне во времена Тутмесовъ и Рамзесовъ (въ семнадцатомъ вѣкѣ до начала христіанской эры) покорили эти царства; связь ассирійскаго искусства съ египетскимъ должна быть отнесена къ этому отдаленному завоеванію.

Въ XV вѣкѣ обозначилось первое большое *ассирійское* царство. *Ассуръ* (имя царя, перешедшее къ божеству и къ народу) господствовалъ въ верхней части долины Тигра и подчинилъ себѣ всѣ сосѣднія страны, даже Бабель, древній Вавилонъ. Греки приняли на вѣру чудесные разсказы, какіе имъ оставилъ врачъ персидскихъ царей Ктезій [1]). Имъ

---

[1]) Ктезій, врачъ Артаксеркса II, жилъ въ V в. до Р. Х.

нравились легенды о *Нинѣ*, основателѣ Ниневіи, о *Семирамидѣ*, царицѣ-полубогинѣ, взятой на небо послѣ своихъ славныхъ дѣлъ, о Ниніасѣ и длинномъ рядѣ изнѣженныхъ царей. Эта династія заканчивалась *Сарданапаломъ*, женоподобнымъ царемъ, классическимъ типомъ изнѣженности, который воспрянулъ только для того, чтобы съ достоинствомъ похоронить себя подъ стѣнами Ниневіи, осажденной возмутившимися народами.

Надписи, изслѣдованныя новѣйшими учеными, уничтожили легенды грековъ, но онѣ не менѣе даютъ намъ возможности убѣдиться въ воинственномъ духѣ *Ниневійскаго царства*. Сирія, Финикія, Палестина постоянно составляли предметы его вожделѣній. Съ 745 г. до Р. Х. завоеванія *Саргонидовъ* дѣлаютъ ассирійскихъ властителей самыми страшными царями Азіи. Къ этой эпохѣ относится разрушеніе Израильскаго царства Салманасаромъ V и Саргономъ или Саріу-Киномъ. Это—время вторженія Сеннахериба въ Египетъ. Но тяжкое иго ассирійскихъ монарховъ, угнетавшее покоренныя народности, вызвало такую ненависть, что Ниневія въ 625 г. окончательно пала и уже не поднималась болѣе. Озлобленные народы разрушили городъ настолько, что вскорѣ было позабыто самое мѣсто, гдѣ возвышалась гордая, великолѣпная столица.

Вавилонъ, подчиненный въ теченіе вѣковъ Ниневіи, принималъ не менѣе яростное участіе въ ея разрушеніи. Онъ сдѣлался наслѣдникомъ ея могущества; Евфратъ пріобрѣлъ господство надъ Тигромъ.

Самый знаменитый изъ вавилонскихъ царей, Навуходоносоръ (604—561), закончилъ покореніе евреевъ и разрушилъ Іерусалимъ. Онъ не завладѣлъ Тигромъ, какъ это думали до недавняго времени, но господствовалъ надъ финикіянами, и владычество его достигало береговъ Средиземнаго моря. „Этотъ жестокій народъ, по словамъ Библіи, обладающій невѣроятной быстротой, которая позволяетъ ему проходить черезъ всѣ земли, чтобы завладѣвать жилищами другихъ“, несмотря на эту репутацію, оставшуюся за халдеями, повидимому, не имѣлъ силы поддерживать свое обширное царство. По энергичному выраженію пророка Даніила, колоссъ держался на глиняныхъ ногахъ. Въ 538 г. Вавилонъ палъ подъ ударами перса *Кира*, который съ 560 до 529 года установилъ въ Азіи настоящую военную монархію.

Вавилонское царство существовало не болѣе одного вѣка, съ 625 до 538 г., но Вавилонъ оставался одной изъ столицъ царей персидскихъ, а впослѣдствіи Александра. Городъ этотъ не былъ развѣнчанъ вполнѣ и исчезъ только въ средніе вѣка. Въ началѣ XIX столѣтія,

англичане *Ричъ* и *Портеръ* (въ 1811 — 1818 гг.) посѣтили развалины Вавилона, которыя вслѣдъ затѣмъ были тщательно изслѣдованы другимъ англичаниномъ *Лофтусомъ*, а позднѣе, въ 1853 г., французской экспедиціей съ Оппертомъ во главѣ.

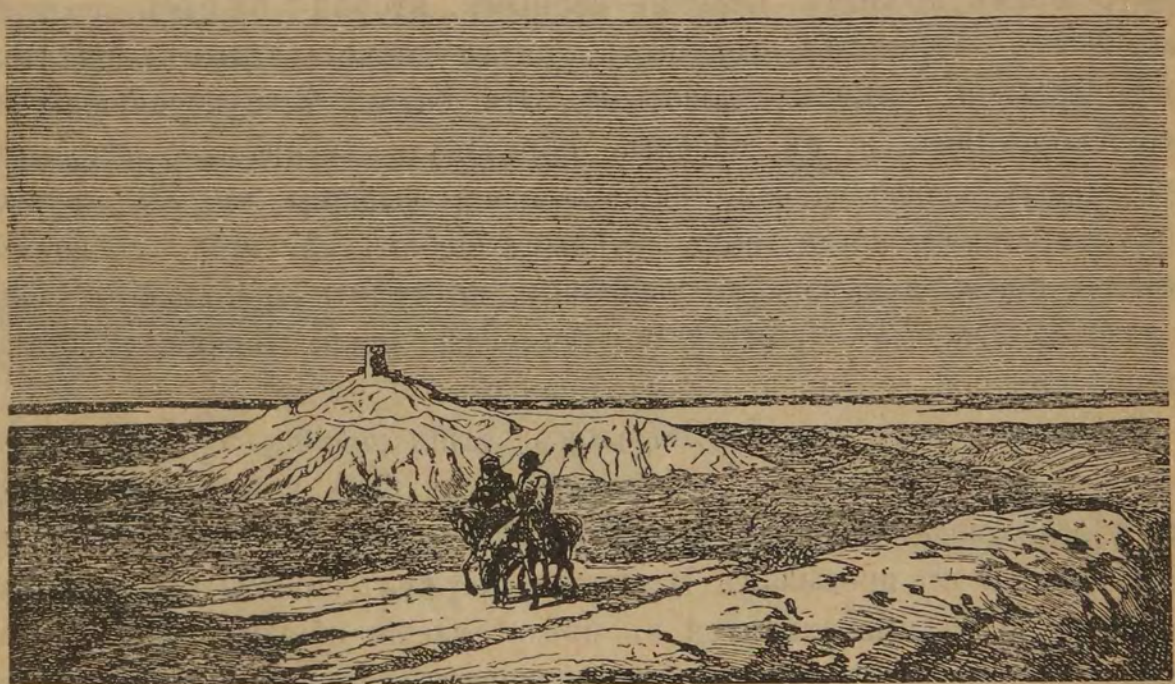
Эти развалины занимаютъ громадное пространство близъ Гилаха и Могавиля, деревень, лежащихъ въ четырехъ миляхъ одна отъ другой. На лѣвомъ (восточномъ) берегу Евфрата три главные холма изъ обломковъ указываютъ мѣсто наиболѣе обширныхъ зданій. Первый изъ этихъ холмовъ, лежащій къ сѣверу, обозначался арабами именемъ *Бабила* или *Маклубеха*. Оппертъ, ученый ассиріологъ, полагаетъ, что это—гробница *Бела*. Холмъ Касра (замокъ) на югъ отъ Бабила, повидимому, былъ большимъ *дворцомъ*, замкомъ Навуходоносора. Развалина *Амрана* возвышена менѣе другихъ, но имѣетъ небольшое протяженіе; повидимому, она обозначаетъ мѣсто знаменитыхъ *висячихъ садовъ*.

Гробница Бела или Ваала была пирамида, поддерживавшая, кромѣ купола оракуловъ, гдѣ покоилось божество, еще небольшое капище въ честь его супруги, храмъ, посвященный богинѣ земли Мелитѣ Тааутъ, матери боговъ, а также и святилище бога *Нэбо*. Вѣроятно, лѣстницы или покатые подъемы вели къ святилищамъ, находившимся на значительной высотѣ. Самую высокую часть зданія занималъ храмъ *Основъ земли*, покрытый мѣдью.

Въ *царскомъ замкѣ*, описанномъ Діодоромъ, стѣны были расписаны, украшены изображеніями животныхъ и воспроизведеніемъ охотничьяго парка. Дѣйствительно, на многихъ обломкахъ найдены были части изображеній деревьевъ и животныхъ. Замокъ, подобный описанному, стоялъ на правой сторонѣ Евфрата, но замокъ лѣваго берега, обозначаемый развалинами Касра, былъ гораздо болѣе обширнымъ и разукрашеннымъ. Вѣроятно, именно тамъ умеръ Александръ.

Діодоръ оставилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о *висячихъ садахъ*. „Тамъ былъ, — говоритъ онъ, — близъ Акрополя, висячій садъ, устроенный не Семирамидой, а однимъ изъ ея преемниковъ, приказавшимъ воздвигнуть его для удовольствія своей жены. Будучи, какъ говорятъ, родомъ изъ Персіи, она просила, чтобы царь, при помощи искусственной посадки деревьевъ, воспроизвелъ особенности характера ея родной страны. Садъ представляетъ холмъ съ выступами, и зданія, стоящія одно надъ другимъ, образуютъ родъ театральной сцены. Подъ искусственными холмами были арки, поддерживавшія тяжесть всей массы сада, гдѣ насыпалась земля достаточной толщины, чтобы сдерживать корни самыхъ большихъ деревьевъ. На самомъ высшемъ уров-

нѣ находилось зданіе съ машинами и отвѣсными каналами для подъема воды на желаемую высоту". Страбонъ и Квинтъ-Курцій сообщаютъ подробности въ томъ же родѣ. „Кто видитъ эти сады издали, можетъ подумать, что это—лѣсъ, прислоненный къ горѣ",—говоритъ Квинтъ-Курцій. Свидѣтельство жреца Бероза, болѣе авторитетное, подтверждаетъ существованіе этихъ садовъ, но онъ приписываетъ ихъ Навуходоносору. Оппертъ полагаетъ, что развалины Амрана можно отождествить съ этими знаменитыми садами, которые, какъ онъ представляетъ себѣ, были посажены на холмѣ и поддерживались громадными столбами, образуя четыре этажа или террассы, имѣвшихъ въ общемъ 78 метровъ



Видъ Бирсъ-Нимруда (Борсиппы).

высоты. Каждый нижній этажъ образовалъ выступъ относительно слѣдующаго, и такимъ образомъ все сооруженіе имѣло видъ пирамиды.

Но перейдемъ черезъ Евфратъ. На правомъ берегу его и въ 12 километрахъ отъ Гилаха возвышается холмъ *Бирсъ-Нимрудъ*, замокъ Немврода, называемый также *Борсиппой*; это мѣсто отождествляютъ съ древней вавилонской башней и *храмомъ Бела*, болѣе знаменитымъ, чѣмъ *гробница* того же бога.

Геродотъ упоминаетъ объ этомъ чудесномъ храмѣ. „Въ центрѣ его,—говоритъ онъ,—возвышается массивная башня, вышиною и шириною около стадіи (80 шаговъ); она поддерживаетъ собою вторую, на которой поставлена третья, и такъ далѣе, числомъ до восьми. Наружная винтовая лѣстница ведетъ изъ одной башни въ другую. Верхняя

башня увѣнчана обширнымъ покоемъ, заключавшимъ въ себѣ большое, богато убранное ложе, и рядомъ съ нимъ золотой столъ. Жрецы говорятъ, что богъ обходитъ храмъ и отдыхаетъ на ложѣ". Геродотъ описываетъ еще другія капища со статуями и жертвенниками изъ золота.

Жюль Оппертъ, при помощи разобранныхъ надписей, съемокъ и раскопокъ, могъ возстановить этотъ знаменитый храмъ Ваала. Поддерживавшее его основаніе имѣло 75 футовъ высоты. На этой террассѣ находилось зданіе изъ *семи башенъ*, поставленныхъ одна на другую и постепенно уменьшавшихся, причемъ каждая изъ нихъ была окрашена особымъ цвѣтомъ: первая—чернымъ, вторая—бѣлымъ, третья—оранжевымъ, четвертая—голубымъ, пятая—ярко-краснымъ, шестая—серебрянымъ и седьмая—золотымъ. Эти башни были посвящены богамъ и богинямъ и, въ общемъ, образовали гигантскую пирамиду, подавлявшую своею массой, внушительной вышины въ 250 футовъ, и ослѣпительной, когда, подъ знойнымъ небомъ Ассиріи, солнце заставляло сіять ея каменную облицовку, выступать ея краски, сверкать ея золото. Это былъ храмъ *Семи свѣточей* земли, башня, возстановленіемъ которой гордился Навуходоносоръ.

Можно спросить, какимъ образомъ зданія подобнаго размѣра, раздѣленныя значительными разстояніями, могли быть памятниками одного и того же города. Вопросъ о томъ, находился ли Бирсъ-Нимрудъ или Борсиппа въ предѣлахъ Вавилона, служилъ предметомъ большихъ споровъ, но мнѣнія сходятся въ представленіи общаго вида ассирійскихъ городовъ. „Ихъ протяженіе,—говоритъ Геренъ,—не можетъ служить мѣрою для исчисленія ихъ населенности. Способъ ихъ планировки ни въ чемъ не походилъ на наши города. Дома стояли отдѣльно и окружались садами и дворами, занимавшими иногда болѣе половины всего участка земли". Промежутки, раздѣлявшіе большія зданія, были воздѣланы и засѣяны, чтобы доставлять продовольствіе на случай осады.

По свидѣтельству исторіи, Вавилонъ былъ окруженъ величественными валами. Городъ состоялъ изъ двухъ частей, между которыми протекалъ Евфратъ. Прямыя улицы вели къ рѣкѣ, у которой онѣ открывались воротами. Теченіе рѣки сдерживалось набережными. Около средины, рѣка пересѣкалась мостомъ, но, составленный изъ подвижныхъ бревенъ, онъ могъ служить только въ теченіе дня; ночью обѣ части города были вполнѣ разобщены. Въ 1853 г. одинъ изъ французскихъ изслѣдователей Мессопотаміи, Френель, открылъ остатки набережныхъ. Діодоръ говоритъ о необычайной и своеобразной работѣ

для древняго міра, о туннелѣ, соединявшемъ царскія резиденціи праваго и лѣваго берега. Семирамида отвела Евфратъ въ обширный водоемъ и провела дорогу изъ одной резиденціи въ другую. Она построила своды изъ обожженнаго кирпича и покрыла ихъ слоемъ асфальта. Этотъ проходъ былъ сдѣланъ въ семь дней; затѣмъ царица спустила рѣку въ ея прежнее русло, и та потекла сверхъ туннеля.

Стѣны Вавилона служили предметомъ многочисленныхъ разногласій. Оппертъ ихъ измѣрилъ. Большая стѣна Вавилона заключала въ себѣ пространство въ 530 квадр. километровъ, т.-е., цѣлую область величиною въ департаментъ Сены.

Помимо интереса, представлявшагося развалинами Вавилона, наукѣ удалось сдѣлать еще открытіе, вполнѣ неожиданное, а именно развалинъ Ниневіи, погребенныхъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ подъ глубокими пластами земли и, вслѣдствіе того, оставшихся нетронутыми. Къ нашему удивленію, городъ, который хищные народы считали уничто-

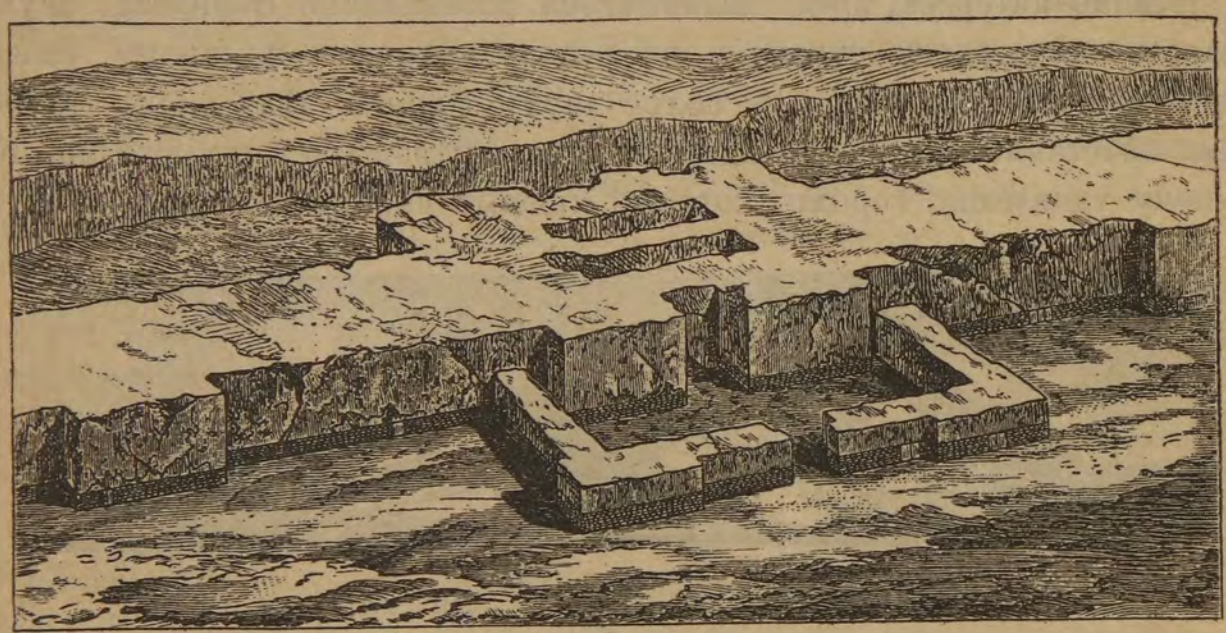
Хорсабадъ до раскопокъ Боттà. (Изъ „Вс. ист.“ изд. Онкен.).

женнымъ навѣки, доставилъ намъ остатки, сохранившіеся лучше, чѣмъ Вавилонъ, его честолюбивый соперникъ.

Назначенный французскимъ консуломъ въ Моссулъ въ 1842 г., *Боттà* изучалъ достопримѣчательности исторической страны, въ которой находился. Жители доставляли ему камни и кирпичи съ надписями, а одинъ красильщикъ принесъ ихъ въ значительномъ количествѣ и прибавилъ, что въ деревнѣ Хорсабадѣ онъ ихъ найдетъ, сколько захочетъ. Боттà направилъ въ эту сторону свои поиски, и лопата землекопа не замедлила (въ 1843 г.) извлечь на дневной свѣтъ хорошо сохранившіяся стѣны. Поощряемый французскимъ правительствомъ, Боттà преодолѣлъ недоброжелательство турецкой администраціи, скупилъ всѣ лачуги, построенныя на холмѣ Хорсабада, и откопалъ развалины великолѣпнаго дворца. Художникъ Фланденъ срисовалъ фигуры, и образцы лучшихъ частей были отправлены во Францію для пополненія Луврскаго музея.

Удача французскаго консула подстрекнула иностранцевъ. Англій-

скій ученый Лейярдъ раскопалъ холмы Нимруда, находившіеся въ двѣнадцати часахъ ходьбы отъ Хорсабада, и два дворца Нимруда и Куюнджика вышли на свѣтъ изъ своихъ могилъ. Французскій консулъ Викторъ Пласъ, въ свою очередь, продолжалъ работы Боттà. Наконецъ, турецкое правительство также дало распоряженіе производить раскопки, которыя привели къ открытію дворца Неби-Уюна. Такимъ образомъ, обнаружились стѣны, цѣлыя фигуры, цѣльные барельефы, и развалины Ниневіи были и остаются еще до сихъ поръ неисчерпаемымъ источникомъ, откуда ученые извлекаютъ документы для исторіи цивилизаціи ассиріянъ.



Часть городской стѣны въ Хорсабадѣ. (Изъ „Всем. Ист.“ изд. Онкена).

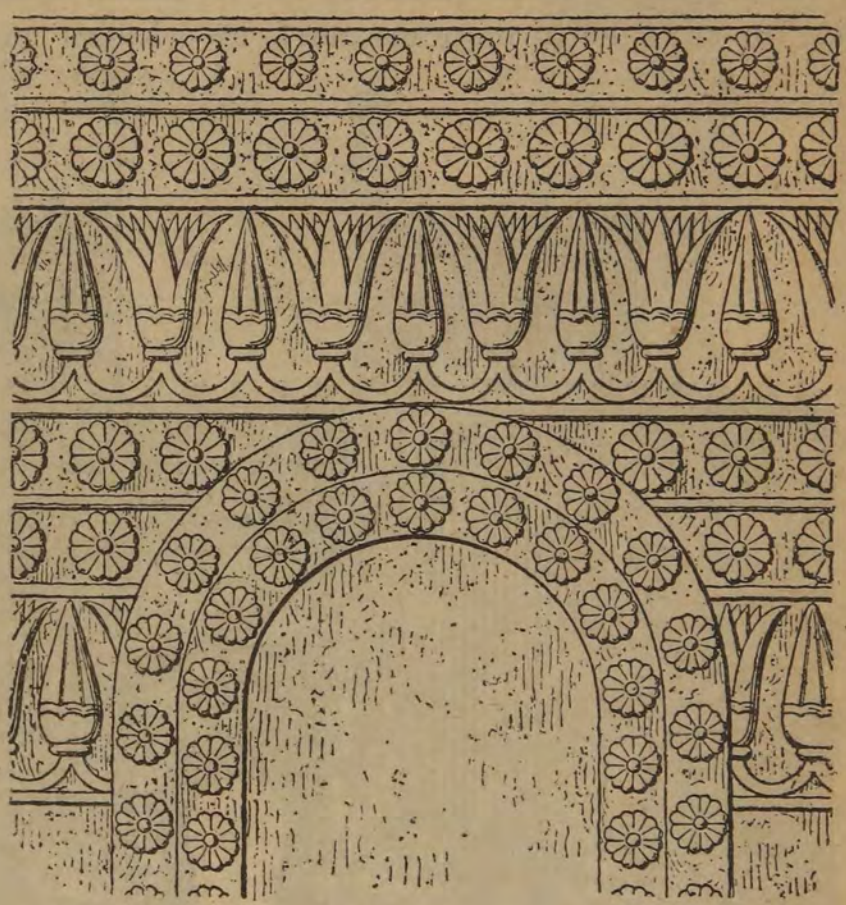
Ниневія находилась на берегу Тигра, приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается Моссулъ; но нельзя опредѣлить ея протяженія, такъ какъ не найдено слѣдовъ окружавшей ее стѣны. По словамъ пророка Іоны, надо было три дня, чтобы пройти этотъ городъ [1]). Мѣстонахожденіе *царскаго города* обозначено замѣчательными *курганами* въ Куюнджикѣ и Неби-Уюнѣ. Дворецъ Куюнджика, открытый Лейярдомъ, представляетъ настоящій лабиринтъ залъ. Одна изъ нихъ, въ 27 метровъ длины и 6 ширины, цѣликомъ выложена плитами скульптурной работы, изображающими походы царя въ Арменію и отличающимися своеобразностью содержанія; тамъ же были найдены многочисленныя *ассирійскія таблицы*, составившія цѣлую библіотеку. На разстояніи километра отъ Куюнджика, встрѣчается холмъ

---

[1]) Пророкъ Іона, гл. III, ст. 3.

Неби-Уюна,—мѣсто, гдѣ находился второй царскій дворецъ. Тамъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, открыты крылатые быки и надписи. По-видимому, этотъ дворецъ служилъ прибавленіемъ къ большому и состоялъ изъ пристроекъ.

Вокругъ царскаго города на большихъ разстояніяхъ встрѣчаются развалины, къ сѣверу дворецъ Хорсабада, къ югу—Нимруда или Калаха. Боттà открылъ изваянную часть хорсабадскаго дворца; его преемникъ Пласъ нашелъ основаніе башни и ея пристройки, занимавшія значительное пространство. Городъ и дворецъ *Хорсабада* были основаны *Саргономъ* около 710 г. Стѣна Хорсабада не тронута въ своей нижней части: она составляетъ продолговатый прямоугольникъ въ 1,800 и 1,700 метровъ. Восемь воротъ открывали доступъ въ городъ, какъ это указывается надписями. Пласъ нашелъ двое такихъ воротъ, своды которыхъ были украшены розетками и фигурами быковъ, сдѣланными изъ голубыхъ и бѣлыхъ кирпичей. На сѣверо-западной сторонѣ находится царскій дворецъ. Эта громадная развалина по формѣ напоминаетъ площадь, находящуюся между Лувромъ и Тюильрійскимъ дворцомъ въ Парижѣ, т.-е. неправильный квадратъ съ примыкающимъ къ нему болѣе широкимъ прямоугольникомъ. Многочисленные барельефы и надписи украшали пятнадцать залъ, планъ которыхъ Боттà имѣлъ возможность возстановить съ точностью [1]). Большая надпись,



Украшеніе воротъ въ Куюнджикѣ.

[1]) См. обо всѣхъ развалинахъ Ниневіи въ обширномъ трудѣ Боттá „Monuments de Ninive“ („Памятники Ниневіи“), 5 томовъ in folio.

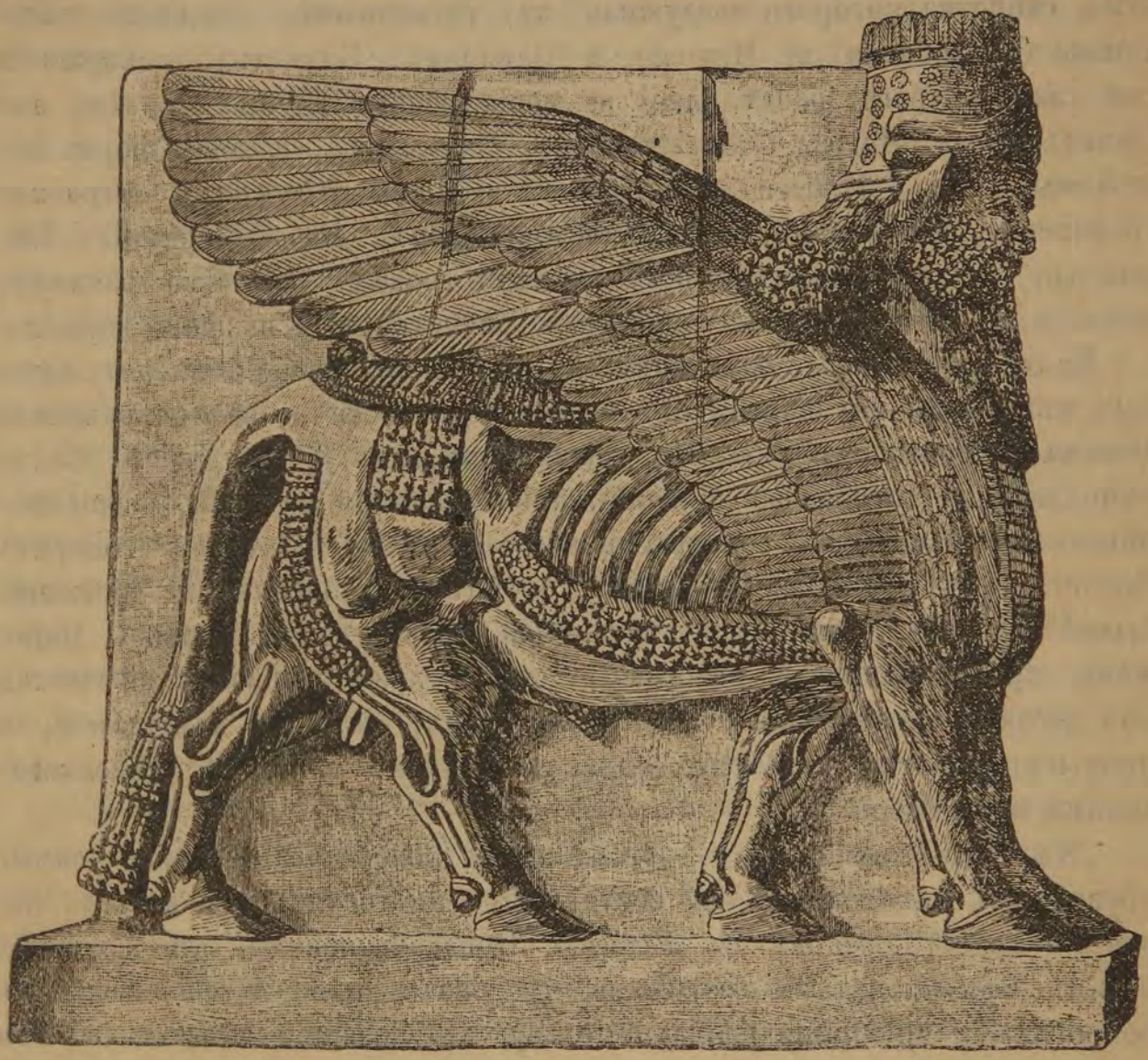
гдѣ Саргонъ говоритъ о сооруженіи дворца, кончается слѣдующими словами: „Но того, кто посягнетъ на дѣла моей руки, кто уничтожитъ мои изваянія, кто похититъ вазы, содержащія мои сокровища, кто расточитъ мою казну,—имя и сѣмя да истребятъ Ассуръ, Самосъ, Ао и боги, обитающіе въ этомъ городѣ, и да содѣлаютъ его навсегда рабомъ его враговъ!“.

Нимрудъ, древній Калахъ, въ 30 километрахъ къ югу отъ Ниневіи, до сихъ поръ представляетъ въ цѣломъ видѣ городскія стѣны и

Входныя ворота въ Дуръ-Саргонѣ въ Хорсабадѣ (воспроизвед. Пласомъ) (изъ „Вс. ист.“, изд. Онкеномъ).

крѣпостные окопы. Площадь города занимала 300 гектаровъ; тамъ находятъ дворцы, пирамиду въ нѣсколько ярусовъ и храмы, на которыхъ открыты драгоцѣнныя надписи. Дворецъ, называемый сѣверо-западнымъ, содержитъ тридцать комнатъ. Другой, называемый юго-западнымъ, былъ обширнѣе и украшенъ двойнымъ портикомъ съ изображеніемъ львовъ и ассирійскихъ сфинксовъ. Лейярдъ, откопавшій это зданіе, замѣтилъ, что его форма напоминала собою храмъ Соломона. Кромѣ того, въ Нимрудѣ Лейярдъ открылъ прекрасный ассирійскій памятникъ, извѣстный подъ названіемъ *обелиска Нимруда*, на которомъ вырѣзана одна изъ самыхъ замѣчательныхъ надписей.

Съ перваго взгляда эти развалины Ниневіи и Вавилона не могутъ идти въ сравненіе съ развалинами дворцовъ и храмовъ въ Египтѣ. Нужно большое напряженіе мысли, чтобы въ Ассиріи, изъ груды обломковъ, возстановить храмы, дворцы и башни. Изваянія и барельефы, перевезенные въ музеи Европы, доставили, однако, драгоцѣнныя свидѣтельства о религіи, обществѣ и искусствѣ ассирійцевъ.



Крылатый быкъ на воротахъ Дуръ-Саргона въ Хорсабадѣ. (Изъ „Вс. ист.“ изд. Онкена).

Можно только угадывать характеръ религіи Ассиріи и Вавилона. Своеобразность священныхъ статуй, оставленныхъ ими, поражаетъ насъ столько же, сколько ихъ гигантскіе размѣры. Несомнѣнно, эти народы имѣли возвышенное понятіе о божествѣ, воздвигая громадные храмы и сооружая на невѣроятной высотѣ храмъ „Семи свѣточей земли“. Но остается неизвѣстнымъ, въ какой формѣ они представляли себѣ это божество, олицетворяя его свойства въ фигурахъ, которыя показались

бы забавными, если бы не изумляли насъ своею массой, какъ, напр., въ *крылатыхъ быкахъ*, съ тѣломъ животнаго и головой человѣка,—безобразныхъ чудовищахъ, которымъ большія крылья неожиданно придаютъ нѣчто величественное. Вавилонъ и Ниневія, долго соперничавшіе между собою, имѣли, повидимому, одну и ту же религію.

Богъ Ассуръ носилъ въ Вавилонѣ имя Илу. Это—высшее божество, свойства котораго послужили къ установленію сложнаго политеизма (многобожія) въ Ниневіи и Вавилонѣ. Божества, исходившія отъ главнаго бога, раздѣлялись на тройственныя группы: 1) *Ану* или Оанесъ, *Белъ*, *Ао*; 2) *Самосъ*, солнце, *Синъ*, луна, и новая форма *Ао*, небесный сводъ; 3) боги пяти планетъ: *Адаръ* (Сатурнъ), *Меродахъ* (Юпитеръ), *Нергалъ* (Марсъ), *Истаръ* (Венера), *Нэбо* (Меркурій). Наконецъ, каждому главному богу соотвѣтствовало божество женскаго рода, а за ними слѣдовало множество олицетвореній низшаго порядка.

Халдейскіе жрецы, безъ сомнѣнія, умѣли прекрасно объяснять смутныя вѣрованія, исходившія отъ бога-рыбы Оанеса и заканчивавшіяся Беломъ, строителемъ міра. Но, повидимому, ихъ ученія всего болѣе опирались на астрологію. Явленія, происходившія на небѣ, были причиною всѣхъ событій, совершавшихся на землѣ. „Звѣзды,—говоритъ Діодоръ,—имѣютъ большое вліяніе, по мнѣнію халдеевъ, на рожденіе людей и рѣшаютъ ихъ счастливую или несчастливую судьбу. Перемѣны, происходящія въ атмосферѣ, также служатъ признаками счастья или несчастья, какъ для странъ и народовъ, такъ и для царей, и простыхъ смертныхъ. Звѣзды являются, такимъ образомъ, истолкователями воли боговъ“.

„Халдеи,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Діодоръ Сицилійскій,—самые древніе изъ вавилонянъ; они составляютъ въ государствѣ классъ, подобный классу жрецовъ въ Египтѣ. Предназначенные для служенія богамъ, они проводятъ всю жизнь въ размышленіи о философскихъ вопросахъ и пріобрѣли громкую славу въ познаніи астрологіи. Они посвятили себя въ особенности наукѣ гаданія и предсказываютъ будущее; они стараются отвратить зло и доставить добро посредствомъ очищеній, жертвоприношеній или волшебства. Они искусны въ предсказаніяхъ будущаго по полету птицъ; они объясняютъ сны и чудеса. Будучи опытными въ наблюденіи внутренностей жертвенныхъ животныхъ, они слывутъ за обладателей точной истины“. У халдеевъ были школы; по свидѣтельству Страбона, школа въ Борсиппѣ была самой знамснитой. Халдеи, эта жреческая каста, страшная даже для самихъ царей, придумали для народа сложные религіозные обряды. Они устраивали празднества съ невѣроятной роскошью, и религія ихъ дѣйство-

вала въ особенности на грубыя внѣшнія чувства, такъ какъ она превращала святилища въ мѣста разврата. Библія упоминаетъ съ презрѣніемъ объ этихъ обрядахъ, внушавшихъ настоящій ужасъ евреямъ, которымъ были открыты ученія болѣе возвышенныя и нравственныя.

Ассирійскій народъ, суевѣрный и легковѣрный, какъ и всѣ невѣжественные народы, былъ, кромѣ того, народомъ рабскимъ. Еще болѣе, чѣмъ народъ египетскій, онъ былъ типомъ тѣхъ населеній Востока, которымъ достоинство человѣческой души было, повидимому, неизвѣстно. Азіатскія царства легко возникаютъ и такъ же легко распадаются; народъ привыкаетъ къ перемѣнѣ властителей и мало заботится о рукѣ, которая держитъ бичъ, такъ какъ бичъ этотъ всегда одинъ и тотъ же. Сарданапалы и Навуходоносоры были лишь предшественниками персидскихъ царей и мусульманскихъ калифовъ. Исторія Востока страдаетъ однообразіемъ: при различныхъ обстановкахъ и различныхъ дѣйствующихъ лицахъ, разыгрывается повсюду одна и та же драма.

Впрочемъ, ассирійскій царь менѣе египетскаго считается божествомъ. Въ Ассиріи замѣчается нѣчто въ родѣ администраціи,—области, управляемыя непосредственно царскими правителями, или вассальныя провинціи. Тамъ три офиціальныхъ языка и три различныхъ вѣдомства, въ зависимости отъ этнографическаго дѣленія царства. Нашими учеными найдены были глиняныя плитки съ начертанными на нихъ прошеніями, позволяющими предполагать, что желанія подданныхъ иногда достигали подножія престола.

Помимо ученаго класса халдейскихъ жрецовъ, не обнаруживается никакихъ общественныхъ различій между ассирійцами, состоявшими въ одинаковомъ рабствѣ. Намъ мало извѣстны ихъ законы; впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ условій продажи и найма мы видимъ, какими торжественными и религіозными формальностями обставлялась передача собственности. Суровые законы отдавали неисправнаго должника въ рабство заимодавцу.

Полигамія (многоженство), какъ и повсюду на Востокѣ, разрѣшалась богатымъ людямъ. Тѣмъ не менѣе, „браки состояли подъ покровительствомъ особаго бога Нисроха, и жена, обыкновенно, приносила въ хозяйство недвижимое имущество, полученное отъ отца въ видѣ приданаго. Знаменитый вавилонскій камень, хранящійся въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ, извѣстный подъ именемъ *Камня Мишо*, содержитъ актъ, составленный объ одномъ изъ такихъ приданыхъ, въ видѣ недвижимой собственности, обезпечиваемой самыми страшными заклятіями противъ того, кто вздумалъ бы на нее покуситься.

Одна изъ глиняныхъ плитъ въ Британскомъ музеѣ содержитъ отрывокъ гражданскаго закона о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ мужа и жены, отца и дѣтей. Изъ нея можно видѣть, что установленія ассирійской семьи опирались на родительскую и супружескую власть, вполнѣ неограниченную, доведенную до крайнихъ предѣловъ“ [1]).

Уголовные законы были, повидимому, жестоки у этого народа, оставшагося свирѣпымъ. Пророки часто обозначаютъ Ниневію именемъ „Города Крови“. Въ надписяхъ цари постоянно похваляются своими жестокостями, какъ подвигами, достойными славы. „Я покрылъ,—говорятъ они,—трупами моихъ враговъ подножіе горы. Я отрубалъ имъ головы. Я разрушилъ стѣны ихъ городовъ. Я набралъ рабовъ, добычи, сокровищъ безъ числа“. И далѣе: „Я покрылъ развалинами страны Саранита и Амманита. Я преслѣдовалъ ихъ воиновъ, какъ дикихъ звѣрей; я завладѣлъ ихъ городами, я унесъ съ собою ихъ боговъ. Я многихъ заключилъ въ темницы, я завладѣлъ ихъ имуществомъ и ихъ сокровищами, я предавалъ города пламени, я ихъ разрушалъ, уничтожалъ, я обращалъ ихъ въ развалины и обломки, налагалъ на нихъ тяжелое иго моего владычества, и, въ ихъ присутствіи, я, въ благодарность, воздавалъ почести богу Ассуру, моему повелителю“. Еще въ другомъ мѣстѣ завоеватель говоритъ:—„Я пронзилъ двѣсти шестьдесятъ непріятельскихъ воиновъ, отрубилъ имъ головы и изъ нихъ сооружалъ пирамиды“. Говоря о наказаніи зачинщиковъ мятежа, одинъ царь даетъ слѣдующія ужасныя подробности:—„Я убивалъ одного изъ двухъ. Я выстроилъ стѣну предъ главными воротами; я велѣлъ содрать кожу съ предводителей возстанія и покрылъ эту стѣну ихъ кожей. Нѣкоторые были замурованы живыми; другіе распяты или посажены на колъ вдоль стѣны; многимъ я велѣлъ содрать кожу въ моемъ присутствіи и покрылъ ею стѣну. Я велѣлъ собрать ихъ головы и сложить ихъ въ формѣ вѣнковъ, а ихъ проколотые трупы—въ формѣ гирляндъ“. Это тѣ же ужасы, которые доставили печальную славу гуннамъ и монголамъ.

Неудивительно, что у этого народа военное искусство было въ почетѣ. Солдаты носили латы изъ мелкихъ металлическихъ пластинокъ или длинныя кольчуги, остроконечную каску, къ которой прикрѣплялась металлическая сѣтка, ниспадавшая на затылокъ и обрамлявшая подбородокъ, въ родѣ существующаго до сихъ поръ головного убора черкесовъ. Цари держали множество военныхъ колесницъ. Описанія древнихъ и изображенія на барельефахъ даютъ намъ понятіе о ширинѣ,

---

1) Fr. Lenormant: *Manuel d'histoire ancienne.*

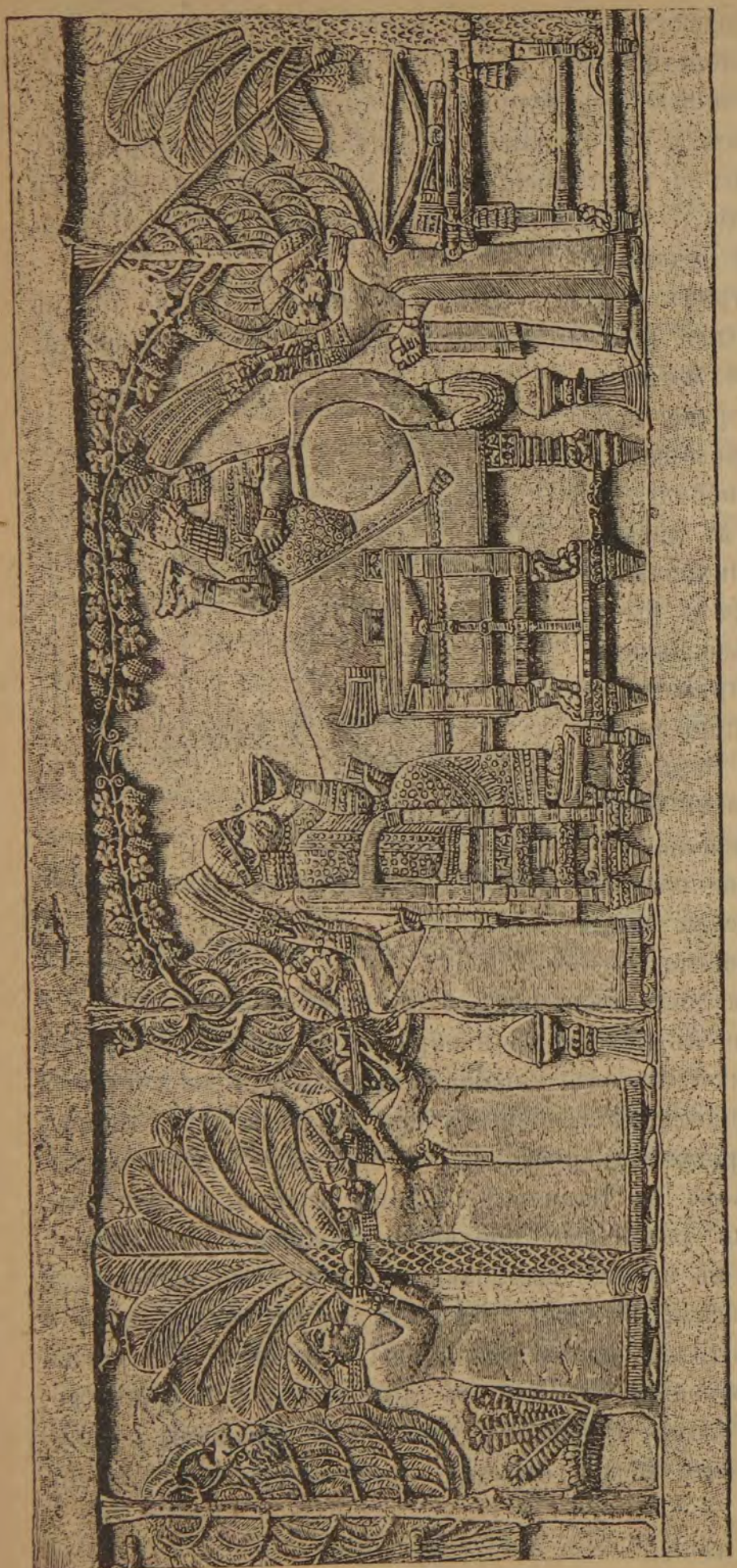
часто чрезмѣрной, городскихъ укрѣпленій, башенъ и зубчатыхъ стѣнъ. Средства осады совершенствовались вслѣдствіе успѣховъ обороны. Приступы дѣлались съ помощью веревочныхъ лѣстницъ, таранновъ, подкатывавшихся на колесахъ къ стѣнамъ по искусственнымъ дорогамъ, зажигательныхъ машинъ и т. п. Ассирійцы умѣли строить мосты. Они имѣли нѣкоторое понятіе о мореплаваніи и пользовались не только гребными, но и парусными судами 1).

При видѣ этихъ странъ, нѣкогда столь цвѣтущихъ, трудно теперь повѣрить ихъ плодородію, прославляемому многими свидѣтельствами. Небрежность турецкой администраціи допустила засореніе пескомъ каналовъ, сберегавшихъ воду, и наводненія образуютъ лишь вредныя болота въ дельтѣ Евфрата и Тигра. Лихорадка, отчаяніе и смерть царятъ нынѣ въ этой странѣ, пользовавшейся нѣкогда такою напряженною жизнью. Мессопотамія производила пшеницу и ячмень. Безъ сомнѣнія, въ ней не было ни оливковыхъ деревьевъ, ни смоковницъ, ни виноградниковъ, но посѣвы проса и кунжута достигали большихъ размѣровъ. Многочисленныя пальмовыя деревья доставляли родъ муки, вина и меда.

Осада крѣпости ассирійцами.

Одинаково искусные въ ремеслахъ и обработкѣ земли, ассирійцы изготовляли ткани яркихъ цвѣтовъ, украшали свои одежды множествомъ вышивокъ и носили великолѣпные головные уборы, въ родѣ тіаръ. Ковры, одинъ изъ главныхъ предметовъ роскоши Востока, нигдѣ не выдѣлывались такъ хорошо, какъ въ Вавилонѣ. Кромѣ одежды и ковровъ, вавилоняне изготовляли различные предметы украшенія и роскоши, какъ, наприм., трости съ изящно вырѣзанными фигурами животныхъ и т. п. Убранство комнатъ, по своему богатству и характеру, вполнѣ отличалось отъ того, что мы видимъ теперь на Востокѣ: ассирійцы, дѣйствительно, садились на кресла или на табуреты, и ѣли такъ же, какъ и мы, сидя за столомъ. Столы и стулья были украшены со вкусомъ и богатствомъ и, что весьма странно, представляютъ тѣ же ор-

1) Bottà: *Monuments de Ninive.*



Ассурбанипалъ съ царицей въ виноградникѣ (изъ „Всем. ист.“, изд. Онкена).

наменты, какъ и современная намъ мебель, въ родѣ львиныхъ лапъ, головъ животныхъ и т. п.; и теперь еще ихъ можно изучать и воспроизводить съ пользой.

Мебель часто украшалась инкрустаціей или покрывалась металломъ. Въ Британскомъ музеѣ хранится великолѣпный тронъ изъ бронзы, найденный въ Калахскомъ дворцѣ. На стѣнахъ фризы были составлены изъ выпуклыхъ бронзовыхъ листьевъ и представляли фигуры животныхъ или фантастическихъ чудовищъ. Балки также покрывались бронзою. Кромѣ того, ассирійцы изготовляли изящныя вазы изъ золота, серебра и бронзы.

„Они умѣли обрабатывать матеріалы самые

твердые такъ же, какъ и самые нѣжные, что показываютъ намъ цилиндры изъ яшмы или хрусталя и барельефы Хорсабада, изваянные

Голова крылатой фигуры изъ Ниневіи (Изъ „Всем. ист.“, изд. Онкена).

на гипсѣ или на кремнистомъ базальтѣ. Имъ извѣстны были стекло и различные роды эмали; они умѣли обжигать глину для выдѣлки изъ

Изображеніе древне-вавилонскаго царя (вѣроятно, Навуходоносора) на пограничномъ камнѣ (изъ „Всем. ист.“, изд. Онкеномъ).

нея кирпича или посуды, изъ массы болѣе или менѣе тонкой, смотря по назначенію. Наконецъ, искусство глазировать посуду и покрывать ее рисунками, исполненными съ помощью цвѣтной эмали, было также извѣстно въ Ниневіи“.

„Металломъ, наиболѣе употребительнымъ тамъ, повидимому, была мѣдь, какъ и у всѣхъ народовъ древности. Въ Мессопотаміи это легко объясняется близостью знаменитыхъ Аргана-Маденскихъ рудниковъ, находящихся около Діарбекира, на первыхъ уступахъ горъ, окружающихъ равнину съ сѣвера. Эти рудники до сихъ поръ не только удовлетворяютъ потребностямъ Оттоманской имперіи, но еще доставляютъ матеріалъ для значительнаго вывоза [1]).

Естественнымъ послѣдствіемъ такой промышленности должно было явиться развитіе торговли. Вавилонъ и Ниневія, въ особенности первый, были превосходно расположены для торговыхъ цѣлей. По своему мѣстоположенію, Вавилонъ могъ служить какъ для сухопутной торговли, такъ и для отправки товаровъ на морскихъ и рѣчныхъ судахъ.

1) Botta: *Monuments de Ninive.*

Постоянный обмѣнъ происходилъ между Вавилономъ и Мидіей; торговля распространялась еще гораздо далѣе къ востоку, до Индіи. Оттуда привозили цѣнные камни, изъ которыхъ вавилоняне дѣлали печати. Вавилонъ посылалъ также караваны въ Сирію и въ страны, лежавшія по берегамъ Средиземнаго моря, въ Малую Азію и Арменію. Армяне отправляли свои товары внизъ по рѣкамъ, но, вслѣдствіе быстроты теченія послѣднихъ, не могли подниматься вверхъ и возвращались сухимъ путемъ. Суда ихъ состояли изъ двухъ частей: деревяннаго остова и высокихъ кожаныхъ бортовъ. Дерево продавалось, а кожа привозилась обратно. Такимъ образомъ, въ Вавилонъ приходила флотилія, а оттуда выходилъ караванъ. Впрочемъ, у вавилонянъ были и настоящіе корабли, плававшіе по Эритрейскому морю.

Богатствами, накопленными торговлей, можно объяснить роскошь вавилонянъ, пышность ихъ двора и частое употребленіе драгоцѣнныхъ металловъ на украшеніе памятниковъ. Въ *архитектурѣ* ассирійцы, повидимому, стремились къ величественности, но болѣе всего къ искусственному блеску. Они воздвигали свои храмы въ формѣ башенъ, покрывавшихся, какъ мы уже говорили, разнообразными красками. Они смѣшивали громадное съ величественнымъ, массивность съ значительностью. Не удовлетворяясь общимъ видомъ своихъ памятниковъ изъ черепицы и кирпича, они старались прикрыть тусклую глину, заимствуя у красокъ и у металловъ блескъ, который Египту доставляли его гранитъ и мраморъ.

Ассирійцы, впрочемъ, своими изваяніями доказали, что они умѣли превосходно изображать на камнѣ природу и различныя житейскія сцены, даже, что они одарены были богатымъ воображеніемъ. Самыя разнообразныя животныя, какъ водяныя, такъ и наземныя, изображены съ большою вѣрностью, и, въ особенности, лошади представлены съ вѣрностью и изяществомъ, какъ на древнѣйшихъ изваяніяхъ грековъ. Воины, оружіе, военныя колесницы съ точностью воспроизведены на барельефахъ, которые переносятъ насъ во времена Саргоновъ и Сеннахерибовъ. Барельефы, относящіеся къ царствованію этого послѣдняго властителя, свидѣтельствуютъ даже о живомъ стремленіи къ правдивости. Каждая картина дополнена соотвѣтственной рамой, представляющей мѣстность, гдѣ происходили событія: горы, скалы, деревья, дороги, рѣки тамъ изображены прекрасно.

„Различныя породы деревьевъ обозначены на барельефахъ: сады, поля, пруды, тростники старательно представлены; дикія животныя, олени, кабаны, антилопы выступаютъ со своими отличительными чертами; птицы перелетаютъ съ дерева на дерево или сидятъ на своихъ

Статуя царя изъ Нимруда (изъ „Всем. ист.“, изд. Онкена).

гнѣздахъ, между тѣмъ, какъ птенцы протягиваютъ къ нимъ головки; рыбы играютъ въ водѣ; рыбаки, лодочники и земледѣльцы исполняютъ свои работы. Сцена изображаетъ, такъ сказать, фотографически, всѣ эти подробности, какъ незначительныя, такъ и болѣе важныя, одинаково намѣченныя, безъ всякой попытки выбора или задачи художественнаго единства“.

„Барельефы Сеннахериба показываютъ намъ весь ходъ работы, употребляемой при ваяніи и при переноскѣ громадныхъ каменныхъ быковъ, съ того момента, какъ ихъ извлекаютъ изъ каменоломни, въ видѣ большихъ не обдѣланныхъ глыбъ, до той минуты, когда

ихъ поднимаютъ на искусственное возвышеніе, служащее основаніемъ дворца, чтобы украсить величественный входъ царской резиденціи. Мы видимъ бурлаковъ, тянущихъ по теченію рѣки неотесанную каменную глыбу, положенную на плоскодонное судно; люди эти, раздѣленные на группы, управляются надсмотрщиками, пускающими въ дѣло палку при малѣйшемъ поводѣ. Сцена, вѣроятно, была представлена вполнѣ: это можно заключить изъ того, что всѣ бурлаки, въ числѣ трехсотъ, одѣты каждый въ свой особый, мѣстный костюмъ и нарисованы съ такимъ стараніемъ, какъ будто они не составляютъ точнаго воспроизведенія всѣхъ остальныхъ изъ той же сотни. Затѣмъ эту глыбу можно видѣть выгруженной на землю и грубо обтесанной въ формѣ быка; уменьшенная такимъ образомъ, она ставится на полозья и отвозится по ровной мѣстности отрядомъ рабочихъ, составленнымъ въ прежнемъ порядкѣ, до основанія насыпи, на которой она должна находиться. Такъ же подробно изображена постройка подножія. Здѣсь видны рабочіе, складывающіе кирпичи у его основанія, между тѣмъ, какъ каменьщики съ корзинами на спинѣ, нагруженными землей, кирпичами, камнями или щебнемъ, поднимаются съ трудомъ (такъ какъ холмъ доведенъ уже до половины высоты) и складываютъ тамъ свою ношу. Тогда быкъ, до сихъ поръ остававшійся на полозьяхъ, поднимается на вершину, по наклонной плоскости, четырьмя отрядами рабочихъ, въ присутствіи царя и его свиты. Вслѣдъ затѣмъ изваяніе доканчивается, и колоссъ, уже стоящій на ногахъ, передвигается на подмосткахъ до того мѣста, гдѣ онъ долженъ находиться“ [1]).

Крылатые быки, моделямъ которыхъ удивляются посѣтители второй залы ассирійскаго музея въ Луврѣ, имѣютъ величественные размѣры. Они образовали собою ворота Хорсабадскаго дворца. Недостатокъ мѣста не позволилъ помѣстить рядомъ съ быками два человѣческихъ колосса, которые ихъ сопровождали: ихъ должны были поставить взамѣнъ цѣльныхъ камней, составлявшихъ косякъ двери, воспроизведенной для Лувра. Головы и туловища этихъ колоссовъ повернуты прямо, тогда какъ ноги ихъ изваяны въ боковомъ положеніи, по направленію къ быкамъ, возлѣ которыхъ они были поставлены. Въ правой рукѣ они держатъ острое оружіе, въ лѣвой — переднюю лапу льва, прижимая ее къ своей груди. Что касается быковъ, то всѣ части тѣла ихъ исполнены съ тщательностью, указывающею старательное и умѣлое наблюденіе природы. „Головы ихъ выражаютъ большое достоинство и головное украшеніе имѣетъ благородную форму: это — цилиндрическая

---

[1]) Rawlinson, *Les Cinq grandes monarchies de l'Orient.*

тіара, украшенная красивыми розетками, изъ-подъ которыхъ выбивается множество кудрявыхъ волосъ. Борода также завита въ многочисленныя мелкія кольца. Обширныя крылья этихъ колоссовъ покры-

Приношеніе обезьянъ, рельефное изображеніе во дворцѣ въ Нимрудѣ (Изъ «Вс. ист.» изд. Онкена).

ваютъ внутреннія стѣны воротъ, которымъ быки служили опорою; между ногами быковъ вырѣзаны длинныя, клинообразныя надписи, чрезвычайно тонкой работы, превосходно сохранившіяся. Тѣмъ не менѣе, общій видъ этихъ фигуръ непріятенъ, вслѣдствіе неудачнаго положенія ногъ въ боковомъ направленіи, при туловищѣ, поставленномъ прямо.

„Вправо и влѣво отъ этихъ колоссовъ вдѣланы въ каменныя стѣны прелестные, маленькіе барельефы, изображающіе, безъ сомнѣнія, ассирійскія божества, которыхъ можно узнать по ихъ четыремъ крыльямъ. Во второй залѣ ассирійскаго музея находился еще *каменный алтарь* съ круглымъ столомъ, поддерживавшимся одной призматической ножкой, три развѣтвленія которой оканчивались львиными когтями. Если бы на немъ не было надписи, такой алтарь, хотя и вырытый изъ земли въ самомъ Хорсабадѣ, можно бы принять за произведеніе грековъ. Надъ этимъ алтаремъ помѣщался одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ памятниковъ ассирійскаго искусства—лежащій бронзовый левъ, спина котораго украшена толстымъ, круглымъ кольцомъ. Этотъ левъ, найденный придѣланнымъ къ порогу одной изъ внутреннихъ дверей дворца, представляетъ настоящій образецъ пластическаго искусства“ [1]).

Кромѣ скульптуры, у ассирійцевъ высоко стояло искусство *керамики*. Облицовка стѣнъ эмальированными кирпичами, своимъ сочетаніемъ, представляла настоящія картины, военныя или охотничьи сцены, изображенія божествъ, процессіи животныхъ. Она была однимъ изъ главныхъ украшеній ассирійско-халдейской архитектуры. Ктезій описываетъ эти украшенія въ вавилонскихъ дворцахъ, и остатки ихъ найдены въ зданіяхъ, откопанныхъ преимущественно въ Хорсабадѣ. Кромѣ сценъ изъ жизни, эти кирпичи представляли розетки, украшенія въ видѣ пальмоваго листа и яйцеобразныя, своимъ симметрическимъ расположеніемъ приближающіяся къ греческому искусству. У ассирійцевъ были еще многочисленные *расписанные глиняные сосуды*.

Мы могли проникнуть глубже, чѣмъ въ прежнее время, въ исторію и нравы ассирійцевъ, лишь благодаря современнымъ ученымъ: *Ботта, Лонперье, Соси, Опперту* во Франціи и *Лейярду, Лофтусу, Роулинсону* въ Англіи, которымъ удалось прочесть письмена ассирійцевъ, еще болѣе сложныя, чѣмъ египетскіе іероглифы. Эта странная письменность была сохранена персами, и открытіе надписи въ Бегистунѣ на трехъ языкахъ, персидскомъ, мидійскомъ и ассирійскомъ, дало возможность найти ключъ къ пониманію ассирійскихъ письменъ.

Эти письмена, восходя, повидимому, къ туранцамъ, въ началѣ были лишь письменностью іероглифической, изображавшей фигуры предметовъ линіями въ формѣ *гвоздей*, сочетаніе которыхъ приблизительно воспроизводило извѣстный предметъ. Линіи эти были еще болѣе упрощены и фигуры сведены лишь къ нѣсколькимъ чертамъ. Онѣ не начертывались ни на папирусѣ, ни на кожѣ, а вырѣзывались въ видѣ

---

[1]) De Saulcy: *Revue des Deux Mondes*, nov. 1847.

углубленнаго рисунка на мягкихъ глиняныхъ плиткахъ, которыя затѣмъ обжигались. Все болѣе и болѣе упрощаясь, эти черты подъ конецъ представляли только условныя сочетанія. Однѣ изъ нихъ озна-

Крылатый геній въ сценѣ жертвоприношенія, представленной на алебастровомъ барельефѣ въ Хорсабадѣ (3 метр. выс.), хран. въ Брит. муз. въ Лондонѣ (Изъ «Вс. ист.», изд. Онкена).

чали понятія, другія—звуки. Во всякомъ случаѣ, ассирійцы не дошли до раздѣленія на буквы: они остались при соединенныхъ буквахъ или слогахъ, болѣе или менѣе сложныхъ. Часто одни и тѣ же знаки одновременно употреблялись для выраженія понятія и для выраженія звука,

безъ связи между тѣмъ и другимъ. Это служило источникомъ неясности, еще болѣе увеличивавшейся различіемъ фонетическихъ значеній одного и того же знака.

Несмотря на множество текстовъ, прочитанныхъ современными учеными, весьма трудно составить понятіе объ ассирійской литературѣ. Однако, она, повидимому, была значительной, такъ какъ Лейярдъ нашелъ цѣлую библіотеку, основанную царемъ Ассурбанипаломъ, въ одной изъ залъ его дворца въ Ниневіи. Эта библіотека состояла изъ плоскихъ четвероугольныхъ плитокъ обожженной глины, каждая сторона которыхъ представляла страницу клинообразной скорописи, очень тонкой и сжатой. Эти дощечки, хранящіяся въ Британскомъ музеѣ, содержатъ нѣчто въ родѣ *грамматической энциклопедіи*, раздѣленной на отдѣльныя статьи. Кромѣ трактатовъ и грамматическихъ словарей, тамъ есть еще отрывки *законовъ*, отрывки изъ *миѳологіи*, изъ *естественной исторіи* и т. д.

Въ этой библіотекѣ заключались и трактаты по *ариѳметикѣ*, что̀ указываетъ на знакомство съ математическими науками, и записи о наблюденіяхъ надъ звѣздами и планетами. *Астрономія*, какъ мы уже говорили, пользовалась большимъ почетомъ у халдейскихъ жрецовъ, которые изучили движенія луны съ такою точностью, что могли предсказывать затмѣнія.

Астрономы древней Мессопотаміи дошли до опредѣленія средняго суточнаго движенія луны, мѣсячное движеніе которой служило имъ основою для измѣренія времени; при помощи періода въ 22 лунныхъ мѣсяца, который былъ ими опредѣленъ, они могли предсказывать лунныя затмѣнія. Самое древнее вычисленіе такого затмѣнія, а именно 10-го̀ марта 721 г. до Р. Х., принадлежитъ имъ, и эти вычисленія расходятся съ нашими всего лишь на нѣсколько минутъ. Не умѣя справиться съ вычисленіями затмѣній солнечныхъ, представлявшими бо̀льшія трудности, они, какъ говоритъ Діодоръ, не рѣшались ихъ предсказывать и ограничивались лишь наблюденіемъ и записываніемъ.

Изобрѣтя гномонъ, они первые раздѣлили сутки на 24 часа, часъ на 60 минутъ и минуту на 60 секундъ. Ихъ большіе періоды времени были основаны на томъ же началѣ.

Всѣ эти разсчеты опирались на особомъ способѣ счисленія дробей у халдео-ассирійцевъ. Они неизмѣнно дѣлили единицу на шестьдесятъ равныхъ частей, дѣлившихся, въ свою очередь, на шестьдесятъ, и продолжали до безконечности рядъ низшихъ дробей, изъ которыхъ каждая составляетъ одну шестидесятую предыдущей. Очевидно, это было результатомъ научныхъ соображеній, имѣло практическій харак-

теръ и должно было согласить двѣ системы счисленія — десятками и дюжинами, которыя, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣкъ, ведутъ между собою борьбу и раздѣляютъ народы“ [1]).

Если мы постараемся выдѣлить главные признаки этой цивилизаціи, доставляемые намъ самыми достовѣрными свѣдѣніями, мы должны будемъ очутиться среди противорѣчій. Несмотря на первобытную письменность, мы находимъ тамъ науки и развитую литературу, вытисненную на глиняныхъ дощечкахъ; искусство ваянія, достигшее тонкости исполненія; памятники, которые, не будучи величественными, подобно египетскимъ, должны были производить сильное впечатлѣніе своими размѣрами и блескомъ разнообразныхъ красокъ. Изысканная роскошь одежды и обстановки жилищъ указываетъ на большое богатство—плодъ дѣятельной торговли, и рядомъ съ этимъ мы видимъ у ассиріянъ жестокость, даже свирѣпость, подтверждаемую всей ихъ исторіей. Далѣе, передъ нами ученая каста жрецовъ, посвятившая себя страннымъ занятіямъ астрологіей; народъ—способный властвовать надъ Азіей, но своими царями приведенный въ состояніе презрѣннаго рабства; религія, возвышавшаяся нѣкоторыми понятіями о верховномъ божествѣ, но принижавшаяся фетишизмомъ и искажавшаяся распущенностью. Наконецъ, мы видимъ царей, съ достаточнымъ умственнымъ развитіемъ, чтобы строить громадные дворцы и обширные города, но относившихся къ побѣжденнымъ народамъ съ безсмысленною жестокостью и до извѣстной степени служившихъ предвѣстниками Чингисъ-Хановъ и Тамерлановъ. Вотъ что̀ намъ показываетъ исторія ассирійцевъ.

Представимъ себѣ мысленно громадные дворцы съ воротами, украшенными крылатыми быками; храмы съ поднимающимися до облаковъ башнями, посеребренными и позолоченными; огромныя лѣстницы, по которымъ поднимались на вершины этихъ колоссальныхъ пирамидъ; висячіе сады и искусственные холмы изъ зелени; царей въ длинныхъ, расшитыхъ одеждахъ, съ тіарами на головахъ, украшенными драгоцѣнными камнями; толпу царедворцевъ, одѣтыхъ не менѣе пышно, грохотъ боевыхъ колесницъ, множество всадниковъ и пѣхотинцевъ, купцовъ, стекающихся отовсюду въ громадныя столицы; рѣки въ обшитыхъ камнями берегахъ; обширныя пространства земли, окруженныя высокими стѣнами; военную добычу Азіи, размѣщенную въ царскихъ жилищахъ; Салманасаровъ, Саргоновъ, Сеннахерибовъ, Навуходоносоровъ, поднимающихся въ *храмъ семи свѣточей земли* для возложенія

---

[1]) Ленорманъ, *Древняя исторія народовъ Востока.*

золота на золотые алтари: если мы все это представимъ себѣ, эти картины могутъ показаться намъ ослѣпительными. Видя на барельефахъ изображенія всевозможныхъ производствъ и искусствъ, нельзя не признать, что ассирійскіе народы стояли гораздо выше народовъ сосѣднихъ. Легко понять, почему Грецію вдохновлялась произведеніями ассирійцевъ такъ же, какъ и произведеніями египтянъ.

Но если подумать, что искусство не состоитъ въ нагроможденіи массъ другъ на друга или искусственныхъ террассъ на своды и кирпичей на кирпичи; если вспомнить грубую религію ассирійцевъ и рабство, это начало разложенія для многихъ народовъ,—то нельзя не сказать себѣ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ народомъ чувственнымъ, сходнымъ со всѣми народами Востока, погруженнымъ въ грубый матеріализмъ и еще весьма далеко стоящимъ отъ прогресса нравственнаго. Ассирійская цивилизація блестѣла нѣкоторое время, но потомъ исчезла безъ слѣда, подобно горделивымъ городамъ, которые тщеславились ею и превратились въ безформенныя груды обломковъ, не могущихъ служить намъ, подобно прекраснымъ развалинамъ Египта, свидѣтельствомъ исчезнувшаго великолѣпія.

ГЛАВА IV.

Евреи, ихъ религія и общество.

Еврейскій народъ; Палестина.—Образованіе еврейской исторіи.—Библія.—Религія евреевъ; единство Бога.—Единство храма.—Богослуженіе; жертвоприношенія.—Суббота; праздники.—Духовный характеръ еврейской религіи.—Священники.—Пророки.—Различныя формы правленія.—Общество; семья.—Собственность; юбилей.—Уголовный законъ.—Земледѣліе, промышленность, торговля.—Литература и науки.—Искусства.—Общій характеръ еврейскаго народа; его нравственное величіе.—Причины упадка независимости евреевъ.—Судьба евреевъ послѣ ихъ разселенія; Талмудъ.—Евреи въ среднихъ вѣкахъ.—Современные евреи.

Ассирійское царство, распространившись на западъ, за долины Тигра и Евфрата, поглотило маленькій *народъ еврейскій*, много разъ порабощаемый, переселяемый, развѣнчиваемый и уцѣлѣвшій, несмотря на изгнанія и преслѣдованія. Это непрерывное существованіе народа, гонимаго и всегда любившаго свое отечество, затеряннаго и вѣрнаго себѣ во всѣхъ углахъ міра, есть одинъ изъ самыхъ неоспоримыхъ фактовъ и одна изъ самыхъ глубокихъ тайнъ исторіи. Кромѣ того, народъ этотъ, не блиставшій среди народовъ воинственныхъ, промыш-

ленныхъ или художественныхъ, оказалъ на общую цивилизацію необычайное вліяніе своей религіей.

Іерусалимъ—священный городъ. Страна, которой нѣкоторое время въ древности онъ былъ блестящей столицей, опустошенная ожесточенными войнами, лишенная богатыхъ городовъ, и теперь еще привлекаетъ паломниковъ всѣхъ національностей. Скалистая, изсохшая, унылая, подъ своимъ прекраснымъ небомъ, Палестина не перестаетъ оказывать магическое дѣйствіе не только на умы, религіозно настроенные, но даже на умы скептическіе. На самомъ дѣлѣ, на каждомъ шагу, отъ Сіонской возвышенности до горы Ѳавора, отъ Саронской равнины, радостной и цвѣтущей, до пустыни Мертваго моря, отъ потока Кедрона до моря Галилейскаго—все полно воспоминаніями Библіи и Евангелія. Тамъ на узкомъ пространствѣ, въ странѣ въ пятьдесятъ миль длиною и семьдесятъ пять шириною, развилось племя, единственное въ своемъ родѣ, исторія котораго сливается съ его религіей, жившее только своей вѣрой и для своей вѣры. Оттуда явился великій религіозный переворотъ, отдѣляющій древній міръ отъ новаго; оттуда возсіяли нравственныя идеи, преобразовавшія міръ.

Въ исторіи нельзя найти болѣе поразительнаго примѣра возникновенія народа и перехода отъ состоянія первобытнаго къ цивилизованному, чѣмъ мы это видимъ у народа еврейскаго. Исходя изъ семитическаго племени, которое вело свой родъ отъ Евера (отсюда названіе „евреи“) и отъ Авраама, еврейскій народъ сперва былъ лишь союзомъ нѣсколькихъ пастушескихъ племенъ, сохранявшихъ среди языческихъ народовъ понятіе объ Единомъ Богѣ. Двѣнадцать сыновей Іакова или Израиля дали начало двѣнадцати колѣнамъ, изъ которыхъ главное колѣно Іуды передало впослѣдствіи свое имя цѣлому народу (іудейскому). Это былъ кочевой народъ, дѣлившійся на племена и имѣвшій вполнѣ патріархальный образъ правленія. Какъ говоритъ Паскаль, „это былъ народъ, состоявшій изъ братьевъ; между тѣмъ, какъ другіе народы составились изъ соединенія безчисленнаго множества семействъ, этотъ народъ, несмотря на свою необычайную плодовитость, произошелъ весь отъ одного человѣка; будучи, такимъ образомъ, однимъ тѣломъ и членами его, онъ представляетъ собою величайшую силу одной и той же семьи. Это—примѣръ единственный“ [1]).

Народъ этотъ безъ затрудненій переселился въ Египетъ, гдѣ приверженность его къ своей религіи и обычаямъ навлекла на него презрѣніе и рабство. Закалившись тяжелыми испытаніями плѣна и сдѣ-

[1]) Паскаль, „*Мысли*“, ч. I.

лавшись достаточно многочисленнымъ, чтобъ освободиться, онъ вышелъ изъ Египта подъ предводительствомъ вдохновеннаго вождя *Моисея*. Такимъ образомъ, евреи составляли въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ простое, вполнѣ первобытное общество, сообразно тому характеру, какой до сихъ поръ сохранила семитическая раса.

Между тѣмъ Моисей воспользовался временемъ, пока евреи находились въ полномъ уединеніи въ Аравійской пустынѣ, чтобы дать этимъ колѣнамъ, которыя могли разъединиться, сильную религіозную связь и законодательныя установленія. Онъ создалъ народъ и умеръ, указавъ имъ отечество, которое они должны были завоевать. Этимъ отечествомъ евреи завладѣли съ помощью оружія. Они восторжествовали надъ народами земли *Ханаанской* и изъ пастуховъ превратились въ воиновъ. Затѣмъ они стали земледѣльцами. Кочевники пріобрѣли осѣдлость, заселили города и основали царство, оставаясь при прежнемъ дѣленіи на племена или колѣна. Повторявшіяся паденія сосѣднихъ народовъ заставили ихъ почувствовать необходимость большей сплоченности. Евреи (1906 г.) установили монархію, которая при *Саулѣ, Давидѣ* и *Соломонѣ* распространила далеко свое господство. Процвѣтавшее іудейское царство заключало тогда народонаселеніе въ пять милліоновъ.

Но это царство не избѣжало недостатковъ, обычныхъ человѣческимъ обществамъ: оно раздѣлилось на два царства, *Израильское* и *Іудейское*. Это раздѣленіе (976 г.) и вызванныя имъ войны отдали евреевъ во власть ниневійскихъ и вавилонскихъ царей. *Самарія*, столица израильтянъ, пала въ 721 г.; Іерусалимъ, столица іудеевъ, былъ разрушенъ въ 587 г.

Сидя на рѣкахъ вавилонскихъ, евреи плакали, вспоминая о Сіонѣ. Они отказывались сближаться съ вавилонянами такъ же, какъ отказывались смѣшиваться съ египтянами. Киръ освободилъ ихъ въ 536 г. Іерусалимъ возродился изъ пепла, и радостный народъ возвратился къ своимъ религіознымъ обрядамъ. Но независимость евреевъ уже утратилась. Послѣ владычества персовъ, они подпали подъ власть Александра; затѣмъ они оспаривались, какъ добыча, греческими правителями Египта и Сиріи, Лагидами и Селевкидами. Они подпали подъ ярмо послѣднихъ, и если имъ удалось на нѣкоторое время освободиться отъ него при помощи *Маккавеевъ*, они не замедлили испытать сначала покровительство, а затѣмъ, вмѣстѣ съ остальнымъ міромъ, владычество *римлянъ*.

Въ это время родился *Христосъ*. Но евреи не хотѣли признать въ немъ Мессію, обѣщаннаго Спасителя, и между тѣмъ, какъ рели-

гія Христа начала распространяться въ Азіи и даже въ Европѣ, евреи, приверженные попрежнему своимъ старымъ вѣрованіямъ, неизмѣнно надѣющіеся на свое всемірное владычество, возстаютъ противъ римлянъ, которые въ дѣйствительности владѣли міромъ и раздавили своими тяжеловѣсными арміями маленькую народность, впрочемъ, не уничтоживъ ея (70 г. послѣ Р. Х.).

Исторія и религія евреевъ нераздѣльны и заключаются въ одной книгѣ, въ *Библіи* (книга). Это—единственный документъ, доставляющій намъ свѣдѣнія о религіи, о политическомъ и общественномъ устройствѣ евреевъ. Кромѣ того, этотъ документъ не подлежитъ обычнымъ правиламъ исторической критики, по своему священному характеру, одинаково признаваемому и евреями, и христіанами. Какъ книга всего народа, символъ и гимнъ пламенной вѣры, Библія не есть произведеніе, написанное сразу или принадлежащее какой-нибудь одной эпохѣ, несмотря на единство религіознаго вдохновенія, которымъ она проникнута. Она состоитъ изъ отдѣльныхъ частей, объ обнародованіи которыхъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, и изъ повѣствованій, перемѣшанныхъ съ законами, пѣснопѣніями, правилами, пророчествами, но всецѣло проникнутыхъ прославленіемъ Бога Израиля.

Библія начинается съ книги *Бытія*, которая заключаетъ разсказъ о сотвореніи міра и исторію патріарховъ до смерти Іосифа. *Исходъ* прославляетъ выходъ изъ Египта, обнародованіе десяти заповѣдей на горѣ Синаѣ и даетъ намъ возможность присутствовать при установленіи религіознаго строя народа Божія, подробно описаннаго въ книгѣ *Левитъ*. Книга *Чиселъ* содержитъ нѣсколько народныхъ переписей еврейскаго народа, а *Второзаконіе* есть ни что иное, какъ краткое повтореніе закона. Эти книги, обыкновенно соединяемыя подъ именемъ *Пятикнижія*, приписываются Моисею.

Послѣ пятикнижія слѣдуютъ книги историческія: *Іисуса Навина* завоеваніе Палестины), *Судей* и *Царствъ*. *Паралипоменонъ* (или хроники) заключаютъ въ себѣ лишь сводъ древнихъ еврейскихъ лѣтописей, сдѣланныхъ по тѣмъ же источникамъ. Возвращеніе изъ плѣна и различные эпизоды, связанные съ нимъ, разсказаны, впрочемъ, очень кратко, въ книгѣ *Ездры*, *Товіи*, *Юдиѳи* и *Есѳири*. Освобожденіе евреевъ отъ тираніи Селевкидовъ подробно изложено въ книгѣ *Маккавеевъ*.

Въ другихъ книгахъ преобладаетъ поэзія: таковы *Притчи Соломоновы*, *Екклезіастъ*, книга *Іова* и удивительные *Псалмы*, составленные нѣсколькими поэтами, въ различныя эпохи, начиная съ Давида до Вавилонскаго плѣненія, и книги четырехъ великихъ пророковъ—

Исаіи, Іереміи, Езекіиля, Даніила и второстепенныхъ пророковъ, числомъ двѣнадцать.

Нѣкоторыя книги Библіи отвергнуты, какъ апокрифическія — однѣ католической церковью (часть книгъ Ездры и Маккавеевъ), другія евреями и протестантами (книги Товія, Юдиѳи, Мудрость, Екклезіастъ) книга Баруха, Есѳири, Даніила и двѣ первыя книги Маккавеевъ).

„Произведенія наиболѣе чуждыя для нашихъ нравовъ,—говоритъ Шатобріанъ въ „Геніи христіанства“,—какъ, наприм., священныя книги языческихъ народовъ, *Зендъ Авеста* персовъ, *Веды* браминовъ, *Коранъ* турокъ, *Эдда* скандинавовъ, правила *Конфуція*, санскритскія поэмы, насъ вовсе не поражаютъ; мы находимъ тамъ лишь обычную связь человѣческихъ идей; онѣ имѣютъ нѣчто общее между собою и по тону, и по мысли.

„Одна Библія вполнѣ своеобразна: это памятникъ, стоящій отдѣльно отъ другихъ. Попробуйте объяснять ее кафру или канадскому индѣйцу,—они одинаково будутъ изумлены. Это — фактъ, граничащій съ чудомъ! Двадцать авторовъ, жившихъ въ эпохи весьма отдаленныя одна отъ другой, трудились надъ священными книгами, и хотя они писали въ различныхъ стиляхъ, эти стили, всегда неподражаемые, не встрѣчаются ни въ какомъ другомъ сочиненіи. Новый Завѣтъ, столь отличающійся отъ Стараго по своему тону, тѣмъ не менѣе, раздѣляетъ съ нимъ эту поразительную своеобразность.

„И это—не единственное необычайное обстоятельство, которое всѣ одинаково признаютъ въ Священномъ Писаніи; сомнѣвающіеся въ подлинности Библіи, тѣмъ не менѣе, вѣрятъ ей противъ своего желанія. Вѣрующіе и невѣрующіе, большіе и малые, привлекаемые чѣмъ-то невѣдомымъ, не перестаютъ перелистывать этотъ трудъ въ теченіе всей жизни. Нѣтъ такого жизненнаго пожеланія, для котораго тамъ не было бы подходящаго изреченія, какъ будто нарочно написаннаго для даннаго случая. Насъ трудно убѣдить, что всевозможныя событія, счастливыя или несчастныя, не были предусмотрѣны со всѣми послѣдствіями въ одной книгѣ, написанной руками человѣческими.

„Несомнѣнно, что изъ Священнаго Писанія мы узнаемъ о происхожденіи міра и возвѣщеніе объ его концѣ, основы человѣческихъ знаній, правила политики, начиная съ правленія отца семейства до неограниченной власти, начиная съ временъ пастушескихъ до вѣковъ разложенія общества; нравственныя правила, примѣнимыя для счастливаго и для несчастнаго состоянія, для высшихъ классовъ и для самыхъ скромныхъ положеній въ жизни; наконецъ, всевозможнаго рода стили, образующіе одно общее цѣлое, составленное изъ сотни разнородныхъ

частей и, тѣмъ не менѣе, вовсе не похожихъ на произведенія человѣческія".

Патріархи, предки евреевъ, живя среди языческихъ народовъ, сохранили понятіе объ единомъ Богѣ. Это понятіе было опредѣлено и установлено на Синаѣ первыми правилами *Десяти Заповѣдей:* „Я Господь Богъ твой, Который вывелъ тебя изъ земли Египетской, изъ дома рабства. Да не будетъ тебѣ другихъ боговъ предъ лицемъ Моимъ. Не дѣлай себѣ кумира и никакого изображенія того, что на небѣ вверху, и что на землѣ внизу, и что въ водѣ ниже земли. Не поклоняйся имъ и не служи имъ; ибо Я, Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, наказывающій дѣтей за вину отцовъ до третьяго и четвертаго рода ненавидящихъ Меня, и творящій милость до тысячи родовъ любящихъ Меня и соблюдающихъ заповѣди Мои. Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно; ибо Господь не оставитъ безъ наказанія того, кто произноситъ имя Его напрасно".

Богъ единый, Богъ невидимый, всемогущій, вѣчный [1]), создатель всего [2]), безконечно справедливый и милосердый [3])—вотъ сущій по преимуществу *Яhвэ*, котораго мы называемъ именемъ *Іеговы*. Впрочемъ, евреи изъ благоговѣнія не произносили этого священнаго имени, а замѣняли его именемъ Адонай (Господь) или Елоимъ (Богъ). Единство Бога есть основной догматъ религіи Моисея,—догматъ, который Библія постоянно поддерживаетъ, такъ какъ народъ еврейскій былъ склоненъ возвратиться къ поклоненію золотому тельцу, воспоминанію объ египетскихъ обрядахъ, а позднѣе къ поклоненію *Ваалу* и сирійскимъ божествамъ.

Чтобы лучше запечатлѣть въ умѣ евреевъ идею о единомъ Богѣ, Моисей не хотѣлъ, чтобъ у нихъ было много храмовъ, какъ у другихъ народовъ. Въ ожиданіи, пока евреи будутъ имѣть отечество и выстроятъ себѣ храмъ изъ камня, Моисей далъ имъ переносный храмъ, скинію, которую можно было ставить и складывать, сообразно съ передвиженіями еврейскаго народа. Эта скинія заключала въ себѣ святилище, окруженное преддверіемъ, покрытымъ драгоцѣнною тканью. Вторая часть храма или *Святая Святыхъ* содержала *ковчегъ завѣта*. Этотъ ковчегъ былъ сдѣланъ изъ драгоцѣннаго дерева и окованъ чистымъ золотомъ внутри и снаружи съ золотыми же украшеніями. Черезъ че-

---

[1]) „Прежде, нежели родились горы и Ты образовалъ землю и вселенную, и отъ вѣка и до вѣка Ты—Богъ. (Псал. 89, 3 ст.).

[2]) „Твои небеса и твоя земля, и что̀ наполняетъ ее, Ты основалъ". (Псал. 88, ст. 12).

[3]) „Правосудіе и правота—основаніе престола Твоего; милость и истина предходятъ предъ лицемъ Твоимъ". (Псал. 88, ст. 15).

тыре золотыя кольца на четырехъ углахъ продѣвались деревянные, покрытые золотомъ брусья для переноски ковчега, заключавшаго въ себѣ двѣ скрижали закона или *Десяти Заповѣдей*. Наверху крышки были изображены два ангела или херувима изъ чеканнаго золота, смотрящими другъ на друга, со сложенными крыльями. Завѣса пурпуроваго и другихъ цвѣтовъ отдѣляла отъ остального храма Святую Святыхъ, куда могъ входить только первосвященникъ, и то одинъ разъ въ годъ.

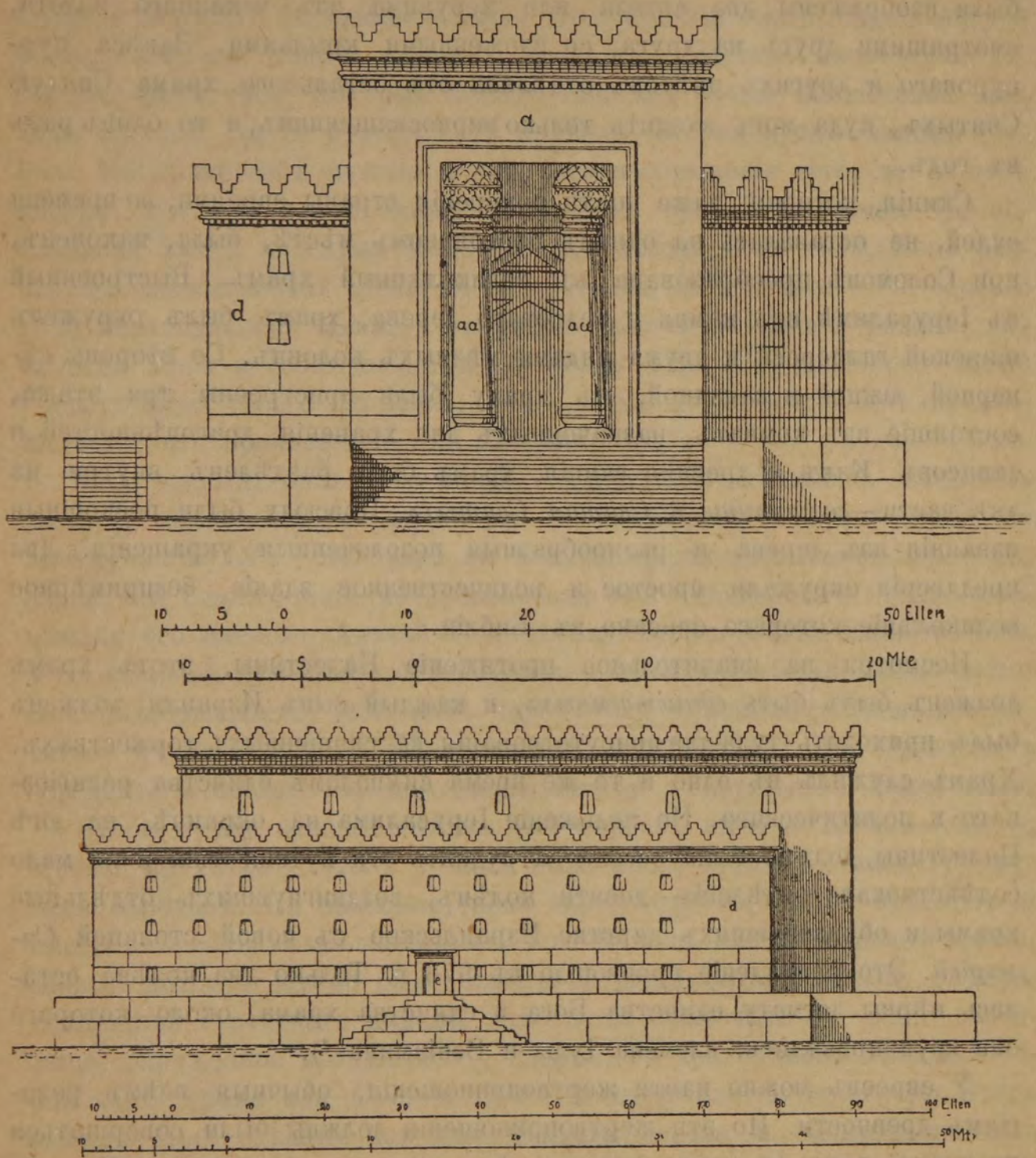
Скинія, которая даже послѣ покоренія страны евреями, во времена судей, не оставалась на одномъ постоянномъ мѣстѣ, была, наконецъ, при Соломонѣ преобразована въ великолѣпный храмъ. Выстроенный въ Іерусалимѣ изъ камня и кедроваго дерева, храмъ былъ окруженъ широкой галлереей и двумя рядами мѣдныхъ колоннъ. Со стороны сѣверной, южной и западной, къ храму были пристроены три этажа, состоящіе изъ комнатъ, назначенныхъ для храненія драгоцѣнностей и запасовъ. Какъ и древняя скинія, храмъ былъ раздѣленъ внутри на двѣ части—*святилище* и *Святая Святыхъ*. Повсюду были роскошныя изваянія изъ дерева и разнообразныя позолоченныя украшенія. Два преддверія окружали простое и величественное зданіе, безпримѣрное великолѣпіе котораго описано въ Библіи.

Несмотря на значительное протяженіе Палестины, этотъ храмъ долженъ былъ быть *единственнымъ*, и каждый сынъ Израиля долженъ былъ приходить туда для присутствованія на священныхъ торжествахъ. Храмъ служилъ въ одно и то же время символомъ единства религіознаго и политическаго. Но положеніе Іерусалима на окраинѣ, на югѣ Палестины, должно было весьма затруднять эти путешествія и не мало содѣйствовало отдѣленію десяти колѣнъ, воздвигнувшихъ отдѣльные храмы и образовавшихъ царство Израильское съ новой столицей *Самаріей*. Это распаденіе произошло въ 976 г. Только два колѣна остались вѣрны догмату единства Бога и единства храма, около котораго они группировались: племена Іуды и Веніамина [1]).

У евреевъ можно найти жертвоприношенія, обычныя всѣмъ религіямъ древности. Но эти жертвоприношенія должны были совершаться не иначе, какъ въ народномъ храмѣ и рукою священниковъ. Человѣческія жертвы были запрещены подъ страхомъ смерти. Кромѣ того, пророки проповѣдывали противъ жертвоприношеній, и псалмы указы-

[1]) Разрушенный въ 606 и 587 гг., храмъ былъ выстроенъ вновь по возвращеніи изъ плѣна (536 г.), но уже въ размѣрахъ гораздо меньшихъ, чѣмъ древній. Царь Иродъ перестроилъ его по болѣе обширному плану, но не на долго, такъ какъ храмъ былъ уничтоженъ Титомъ въ 70 г. по Р. Х.

ваютъ, что они вовсе не необходимы: „Господи! отверзу уста мои, и уста мои возвѣстятъ хвалу Твою. Ибо жертвы Ты не желаешь,—я далъ бы ее; ко всесожженію не благоволишь. Жертва Богу духъ со-



Видъ храма Соломона съ фасада и съ боку.

крушенный; сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь, Боже“ [1]).

Священники сохранили обычай жертвоприношеній, чтобы не сдѣлать

---

[1]) Псал. 50, ст. 17—19.

богослуженія слишкомъ простымъ, лишеннымъ всякихъ внѣшнихъ обрядовъ. Они различали *всесожженія*, жертвоприношенія, гдѣ заколотая жертва вся сжигалась огнемъ, *жертвоприношенія для очищенія грѣховъ и преступленій* и *мирныя жертвы*, приносимыя по обѣту или въ благодарность за милости, посланныя Богомъ. Эти послѣднія кончались общей торжественной трапезой. Жертвы сопровождались обыкновенно приношеніями лучшей пшеничной муки и оливковаго масла и возліяніями вина. Отъ имени всего народа приносились первые снопы жатвы, а затѣмъ хлѣбы, главнымъ образомъ, такъ-называемые *двѣнадцать хлѣбовъ предложенія*, которые должны были оставаться въ храмѣ и возобновляться каждую недѣлю.

Вообще внѣшнее исполненіе религіозныхъ правилъ у евреевъ было гораздо болѣе личнымъ, чѣмъ общественнымъ. Постъ, молитвы, предписанія, относящіяся къ чистотѣ тѣла и пищѣ, добровольное воздержаніе въ силу обѣта свидѣтельствовали объ искренности вѣры. Это была вполнѣ внутренняя религія, религія домашняго очага, свободная отъ суевѣрій и странныхъ обычаевъ языческихъ народовъ.

Законы о соблюденіи чистоты, предписанные Моисеемъ, можно разсматривать, до извѣстной степени, какъ правила медицинскихъ предписаній, общихъ всѣмъ народамъ Востока и подкрѣпленныхъ религіознымъ страхомъ. Но чистота тѣла для евреевъ была вмѣстѣ съ тѣмъ символомъ чистоты внутренней. Законъ Моисея заключаетъ также нѣкоторое число предписаній, касающихся пищи, основанныхъ на требованіяхъ гигіены и на отвращеніи къ нѣкоторымъ родамъ пищи, раздѣляемомъ почти всѣми восточными народами. Моисей запрещалъ ѣсть *свиное* мясо, очень вредное въ странахъ, подверженныхъ проказѣ. Онъ запрещалъ употреблять въ пищу нѣкоторыхъ животныхъ, мясо которыхъ любили сосѣдніе народы, для того, чтобъ установить различіе между этими народами и евреями; такъ, мясо верблюда и зайца, дозволенное арабамъ, было запрещено евреямъ.

Нѣкоторые евреи добровольно давали обѣты воздержанія; это были *назиры*, которые должны были воздерживаться отъ вина или другихъ опьяняющихъ напитковъ, даже отъ уксуса. Они должны были отпускать себѣ волосы и тщательно избѣгать прикосновенія къ трупу.

Одна изъ десяти заповѣдей устанавливала обрядъ почитанія одного изъ дней недѣли, *субботы:* „Помни день субботній, чтобы святить его. Шесть дней работай, и дѣлай всякія дѣла твои; а день седьмый—суббота—Господу Богу твоему: не дѣлай въ оный никакого дѣла, ни ты, ни сынъ твой, ни дочь твоя, ни рабъ твой, ни рабыня твоя, ни скотъ твой, ни пришлецъ, который въ жилищахъ твоихъ. Ибо въ шесть дней

создалъ Господь небо и землю, море и все, что̀ въ нихъ, а въ день седьмый почилъ. Посему благословилъ Господь день субботній и освятилъ его“ [1]).

Время евреи считали лунными мѣсяцами и не имѣли особыхъ названій для дней недѣли. Седьмой день былъ днемъ священнымъ, и предписанія Моисея соблюдались съ точностью во всѣ времена. Пища и другіе необходимые предметы должны были приготовляться наканунѣ. Земля также должна была черезъ каждыя шесть лѣтъ праздновать свою субботу, отдыхать. Это былъ *субботній годъ*, въ теченіе котораго нельзя было ни засѣвать полей, ни обрѣзать виноградную лозу; такой вынужденный покой былъ благопріятенъ для плодородія земли.

Евреи праздновали каждый годъ три главные праздника: *Пасху*, *Пятидесятницу* и праздникъ *Кущей*. *Пасха*, служившая воспоминаніемъ исхода изъ Египта, продолжалась семь дней. Наканунѣ праздника каждая семья должна была стоя ѣсть *пасхальнаго агнца* съ прѣснымъ хлѣбомъ (*опрѣснокъ*, оттуда названіе, данное этому празднеству: *праздникъ опрѣсноковъ*). Совпадая съ весной, Пасха была также праздникомъ жатвы ячменя, поспѣвающаго ранѣе другихъ хлѣбныхъ злаковъ. Черезъ пятьдесятъ дней послѣ Пасхи праздновалось обнародованіе закона, даннаго на Синаѣ; Моисей называлъ его праздникомъ *недѣль* (семь недѣль послѣ Пасхи), но позднѣе получило преобладаніе названіе Пятидесятницы. Пятнадцатый день седьмого мѣсяца начинался праздникомъ *Кущей* или палатокъ, въ воспоминаніе скиній и ковчега завѣта. Въ теченіе семи дней евреи должны были жить въ шатрахъ, которые ставились на улицахъ, на площадяхъ и во дворахъ домовъ. Чтобъ отпраздновать этотъ праздникъ самымъ достойнымъ образомъ, евреи приготовлялись къ нему за пять дней въ теченіе особаго дня, называемаго днемъ *искупленія*. Предписывается всеобщій постъ; жертвоприношенія козловъ отпущенія, на которыхъ возлагались грѣхи Израиля, очищали народъ; послѣдній сосредоточеннымъ и строгимъ видомъ свидѣтельствовалъ о своемъ покаяніи.

Эти праздники, каковы бы ни были ихъ внѣшніе обряды, у евреевъ выказывали, вообще, нравственное величіе, отличающее ихъ религію отъ всѣхъ древнихъ религій. Это именно была религія духовная. Живя среди народовъ, воплощавшихъ свои религіозныя понятія въ самыхъ странныхъ, матеріальныхъ формахъ, еврей долженъ былъ усвоить себѣ понятіе о Богѣ невидимомъ и вездѣсущемъ. Нельзя не удивляться этой внутренней борьбѣ человѣческаго духа у евреевъ, стре-

---

[1]) Исходъ, гл. 20.

мившагося бороться съ трудностью отвлеченія для того, чтобы выдѣлить изъ матеріи идею о Богѣ и признать конечнымъ разумомъ идею о безконечномъ, предшествующую ему.

Вѣра, чистая совѣсть, упованіе на справедливость и покорность волѣ Божіей, чувство смиренія и слабости человѣческой, надежда на Божественное милосердіе—таковы добродѣтели, которыя должны отличать человѣка, боящагося Бога. Псалмы, въ особенности, указываютъ, до какой высоты мысли и глубины чувства достигала еврейская религія. Христіане ихъ приняли и соединяютъ ихъ въ своемъ богослуженіи съ особыми пѣснопѣніями.

Книга *Екклезіаста* содержитъ замѣчательныя поученія о суетности дѣлъ человѣческихъ. „Суета суетъ, все суета!“ Книга *Мудрости* заключаетъ также краснорѣчивыя правила, вполнѣ указывающія, насколько еврейская религія уничтожала и возвышала человѣка передъ Богомъ, смиряла его гордость и воспламеняла его благородство, разрушала его притязанія и возбуждала надежды, заставляя его чувствовать тяжесть своей неблагодарности и давая ему утѣшеніе обѣщаніемъ милосердія, равнаго Божественной справедливости, т.-е. безконечнаго.

Тѣмъ не менѣе, Богъ, въ представленіи евреевъ, является всего чаще грознымъ, карающимъ, и ужасъ псалмопѣвцевъ, и угрозы пророковъ показываютъ намъ еврейскій народъ, болѣе опасающимся правосудія и гнѣва Божія, чѣмъ уповающимъ на Его благость. Это—одна изъ главныхъ чертъ, отличающихъ *іудейство* отъ *христіанства*.

Духовенство у евреевъ не имѣло ничего общаго съ подобнымъ ему классомъ у другихъ народовъ, какъ, напр., у египтянъ. Всѣ евреи считались избранниками Божіими, всѣ были равны передъ Нимъ. Одно изъ колѣнъ, племя Левіино было назначено для служенія при храмѣ, для сохраненія вѣры и преданій, для исполненія жертвоприношеній и обрядовъ. Но левиты не пользовались никакими преимуществами. Ихъ доходы состояли изъ десятинъ (*десятой части*), которыя собственники ежегодно жертвовали Богу изъ произведеній земледѣлія, плодовыхъ деревьевъ и виноградниковъ, а также и животныхъ изъ своихъ стадъ. Кромѣ того, левиты получали долю жертвеннаго мяса.

Священники, происходившіе изъ семейства Аарона, должны были быть безупречны. При исполненіи своихъ обязанностей, имъ надлежало воздерживаться отъ вина и другихъ спиртныхъ напитковъ. Одѣтые въ длинныя, льняныя одежды и нарядъ, тщательно установленный обрядомъ Моисея, священники возжигали благовонія на золотомъ престолѣ, чистили каждый день священный свѣтильникъ *въ семь вѣтвей* и

наливали масло въ лампады. Они возлагали на золотой столъ *хлѣбы предложенія*, приготовлявшіеся левитами. Они поддерживали въ преддверіи храма неугасимый огонь для всесожженія и приносили въ жертву животныхъ. Въ торжественныхъ случаяхъ они трубили въ трубы. Первосвященникъ, достоинство котораго оставалось наслѣдственнымъ въ домѣ Аарона и сына его Елеазара, завѣдывалъ храмомъ и богослуженіемъ. Онъ могъ одинъ разъ въ годъ, въ день искупленія, входить во Святую Святыхъ. Но ни священникамъ, ни левитамъ, хотя они и были обязаны, главнымъ образомъ, изучать законъ, не поручалась исключительно обязанность обученія. Дѣятельная, воинствующая роль принадлежала *пророкамъ*.

Назначеніемъ пророковъ была защита религіи Іеговы. Силой уединенныхъ размышленій, нѣкоторые изъ нихъ приходили къ живому и глубокому пониманію единства и величія Божія. Они воодушевлялись, становились восторженными, и славою ихъ наполнялись Израильское и Іудейское царства. Они не довольствовались, подобно псалмопѣвцамъ, порывами души къ Богу или личнымъ чувствомъ. Они проповѣдывали, они поражали словомъ идолопоклонство, безпрерывно возобновлявшееся; они предостерегали народъ, всегда склонный къ отпаденію въ язычество; они возбуждали его ревность и поддерживали его пылкость, указывая ему кару, готовую обрушиться на него. Убѣжденные въ своемъ общеніи съ Богомъ, они являлись передъ нечестивыми царями и говорили съ ними съ такой свободой, какая иногда навлекала на нихъ мученическую смерть. Любя отечество, они старались оживить вѣру, потому что вѣра для евреевъ отождествлялась съ отечествомъ, потому что ихъ религія, поддерживая ихъ мужество и связывая между собою племена, придавала смыслъ существованію ихъ націи и была главнымъ условіемъ его. Небольшой народъ, уединенный среди могущественныхъ монархій, евреи могли отстоять себя, лишь благодаря необычайной силѣ, почерпаемой въ своихъ вѣрованіяхъ. Если бы ихъ вѣра ослабѣла, евреи уподобились бы сосѣднимъ народамъ: матеріальное безсиліе ихъ не могло бы уравновѣшиваться нравственною силой, и они не могли бы избѣжать рабства. Пророки понимали это и усиливались заставить понять другихъ, утѣшая, впрочемъ, евреевъ угрозами, направленными противъ Ниневіи, Вавилона и Египта. Глубокіе наблюдатели, они видѣли непрочность сосѣднихъ государствъ и въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ предвозвѣщали ихъ гибель. „Они переносятся также въ отдаленное будущее и говорятъ о царствѣ Мессіи, о золотомъ вѣкѣ, который настанетъ вмѣстѣ съ этимъ царствомъ, и о торжествѣ вѣры въ единаго Бога, которая будетъ принята всѣми народами земли. Они

возвѣщаютъ это торжество съ глубокимъ убѣжденіемъ, какъ предѣлъ, къ которому должно придти послѣдовательное развитіе религіозной мысли человѣческаго рода. Это идеальное будущее они постоянно видятъ передъ собой и представляютъ его въ образѣ Мессіи (священнаго царя) изъ царскаго рода Давида“ [1]).

Изъ главныхъ пророковъ, произведенія которыхъ дошли до насъ,— четыре великихъ: Исаія, Іеремія, Езекіиль и Даніилъ, и двѣнадцать меньшихъ: Осія, Іоиль, Амосъ, Авдій, Іона, Михей, Наумъ, Аввакумъ, Софоній, Аггей, Захарія и Малахія.

У пророковъ образы сочетаются съ геніальною силой. Они описываютъ опустошенія войны, какъ будто она у нихъ передъ глазами. Слышны шумъ колесницъ, бряцаніе оружія, крики умирающихъ, вопли плѣнниковъ, трескъ пламени. Кажется, будто присутствуешь при разрушеніи Ниневіи, Тира, Вавилона и Іерусалима. Пророки, помимо своей религіозной и политической роли, были замѣчательными поэтами; сѣтованія Іереміи на развалинахъ Іерусалима показываютъ, какими возвышенными выраженіями эти поэты истолковывали скорбь евреевъ, насколько они сокрушались бѣдствіями народа, которыхъ не могли предотвратить. Никогда болѣе трогательная элегія не внушалась любовью къ отечеству, казавшемуся дѣтямъ его еще болѣе дорогимъ среди горя и слезъ.

Еврейскій народъ раздѣлялъ со многими другими народами печальное испытаніе превратностей судьбы. Быть можетъ, никто не испробовалъ съ большею довѣрчивостью различныя формы правленія: сперва правленіе *патріархальное*, затѣмъ—союзное или *федеративное*. Моисей, образуя изъ 12 колѣнъ цѣлый народъ, уважалъ древнюю свободу, и, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, евреи сохраняли демократическую форму правленія. *Старѣйшины* городовъ были облечены властью и судили проступки и преступленія. *Старѣйшины израильскіе*, числомъ *семьдесятъ*, управляли дѣлами союза. Кромѣ того, были 12 начальниковъ или князей племенъ и многочисленные начальники или представители второстепенные, являвшіеся отъ частей племени или отъ отдѣльныхъ семействъ. *Судьи*, по временамъ, правившіе израильтянами, были освободителями, которыхъ общественная признательность облекала властью на всю жизнь, но съ тѣмъ, чтобы республиканскія учрежденія оставались безъ измѣненія.

Семья была, послѣ религіи, главнымъ устоемъ еврейскаго общества. Ни у одного народа древности она не была столь сильной и столь

---

[1]) Munk, *La Palestine.*

справедливо установленной. *Родительскій авторитетъ* былъ священнымъ. Заповѣди вмѣняли въ безусловный законъ почитаніе отца и матери. Мать была поставлена на одинъ уровень съ отцомъ; жена была равна мужу. Законодательство Моисея давало, впрочемъ, дочерямъ нѣсколько меньшія права при раздѣлѣ имущества: онѣ могли наслѣдовать только въ томъ случаѣ, если не было сыновей. *Бракъ* находился подъ строгою защитой религіознаго закона. Хотя онъ и запрещался между самыми близкими родственниками, тѣмъ не менѣе, онъ заключался между членами одной и той же семьи или одного и того же колѣна. Строгое запрещеніе браковъ съ чужеземцами сохранило чистоту расы и своеобразность еврейскаго народа. Семьи тщательно вели свою генеалогію, и семейные списки со всѣми ихъ развѣтвленіями во множествѣ приведены въ Библіи. Кромѣ того, сколько отдѣльныхъ случаевъ показываютъ намъ дѣятельную роль женщины, допускавшейся пророчествовать и предводительствовать на войнѣ! Но Дебора и Юдифь—не болѣе, какъ исключенія, и не могли бы заставить насъ позабыть привлекательныя фигуры Реввеки, Рахили, Руѳи и Есфири. „Притчи Соломона“ содержатъ замѣчательное мѣсто, дающее намъ понятіе о томъ, какъ евреи цѣнили обязанности и заслуги женщины.

Съ *рабомъ*, считавшимся членомъ семьи, обращались ласково, такъ какъ рабство у евреевъ было лишь временнымъ. Впрочемъ, дѣлалось различіе между рабами-евреями и рабами-чужеземцами. Послѣдніе, хотя и пользовались хорошимъ обращеніемъ, были не болѣе, какъ законной собственностью. Первые же должны были приравниваться къ наемнымъ слугамъ. „И если братъ твой придетъ въ упадокъ и продастся тебѣ, онъ никогда не будетъ рабомъ. Онъ будетъ для тебя какъ бы наемникъ или слуга: онъ будетъ работать у тебя до года отпущенія (субботняго года, наступавшаго черезъ каждыя семь лѣтъ). Съ того времени онъ станетъ свободенъ, и дѣти его вмѣстѣ съ нимъ, и онъ вернется въ свою семью и можетъ вновь сдѣлаться собственникомъ отцовскаго наслѣдія. Не отягощай его работой“.

Этотъ *субботній годъ*, заставлявшій евреевъ давать отдыхъ своимъ полямъ каждыя семь лѣтъ и предоставлять бѣднымъ то, что̀ земля производила сама собою въ этотъ священный годъ,—есть одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ отношенія евреевъ къ *собственности*. Кромѣ того, въ концѣ семи разъ семи лѣтъ, каждыя сорокъ девять лѣтъ, праздновался *юбилейный* годъ [1]). Не только отдыхала земля, но уни-

[1]) Годъ отпущенія объявлялся громкимъ звукомъ *Іобеля* (вѣроятно, рога); оттуда названіе *Юбилей*.

чтожались и всѣ договоры продажи, и каждый снова получалъ утраченныя права владѣнія. Этотъ обычай, повидимому, уничтожавшій и закрѣплявшій одновременно право собственности, былъ предметомъ многихъ обсужденій: онъ уничтожалъ право собственности, такъ какъ пріобрѣтатель лишался имущества; онъ сохранялъ его, потому что собственность, благодаря ему, становилась неотчуждаемой. Юбилей объясняется происхожденіемъ еврейской собственности, данной Богомъ, какъ наслѣдіе колѣнъ, принадлежащее племени и семьѣ, а не отдѣльному лицу. Такимъ образомъ, юбилей имѣлъ цѣлью возстановлять, каждыя пятьдесятъ лѣтъ, равновѣсіе владѣній и богатства семей и племенъ. Эта идея до сихъ поръ лежитъ въ основѣ собственности среди арабскихъ кочевыхъ племенъ, той же семитической расы. Кромѣ того, пріобрѣтатель земли, очевидно, платилъ за нее цѣну, соотвѣтствовавшую сроку, остававшемуся со времени покупки до времени юбилея. Это была, скорѣе, аренда, чѣмъ покупка. Наибольшее затрудненіе въ этомъ случаѣ представляло домовладѣніе. Поэтому законъ подвергся измѣненію. „Если человѣкъ продалъ,—говорилось въ законѣ,—въ городской чертѣ жилой домъ, онъ будетъ имѣть право выкупить его до извѣстнаго времени; выкупъ можетъ состояться въ теченіе цѣлаго года. Но если онъ не былъ выкупленъ до того времени, пока исполнится годъ, домъ, находящійся въ укрѣпленномъ городѣ, будетъ принадлежать неотъемлемо покупателю и всему его потомству; онъ не будетъ уже подлежать отпущенію“. Мы видимъ, такимъ образомъ, не прекращающееся владѣніе на-ряду съ временнымъ и, въ нѣкоторомъ родѣ, общиннымъ.

Въ юбилейный годъ ссуды отсрочивались, но эти ссуды никогда не были значительными, такъ какъ законъ Моисея запрещалъ ссуды съ лихвою, и на одолженіе деньгами смотрѣли, отчасти, какъ на благодѣяніе. Впрочемъ, законодатель заботился о томъ, чтобы не дать развиться крайней бѣдности. Богатые всегда должны были удѣлять бѣднымъ и не пользоваться безусловно правомъ собственности: „Когда вы будете жать на вашей землѣ, вы не должны выполнять эту работу слишкомъ тщательно, вы не должны собирать колосьевъ, упавшихъ тамъ и сямъ. Вы будете собирать вашъ виноградъ только одинъ разъ, вы не будете подбирать просыпанныхъ зеренъ, оставляя ихъ бѣдняку и чужеземцу“. Въ этихъ правилахъ заключалось столько же экономической предусмотрительности, сколько и указанія благотворительности. Благодаря братству, господствовавшему у евреевъ, у нихъ не бросается въ глаза общественное неравенство и вражда.

Однако, уголовное законодательство у нихъ было строгимъ и не

было проникнуто тѣмъ же духомъ состраданія. Оно примѣняло правило непосредственнаго возмездія: „око за око, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу, обжогъ за обжогъ, рану за рану, ушибъ за ушибъ". Смертные приговоры произносились нерѣдко, и преступникъ усѣкался мечемъ или побивался камнями. У этого народа религія была тѣсно связана съ политикой, и уголовная кара поражала одинаково нарушеніе закона религіознаго и закона нравственнаго. Впрочемъ, судьи избирались среди старѣйшинъ народа и людей, наиболѣе достойныхъ уваженія. Они засѣдали у городскихъ воротъ, гдѣ происходили собранія; судъ былъ гласнымъ, и свидѣтельства строго провѣрялись. Это было судопроизводство патріархальное, но въ то же время народное и часто, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вызывавшее увлеченія и страсти толпы.

До завоеванія Ханаана, евреи занимались скотоводствомъ, но послѣ этого завоеванія сдѣлались земледѣльцами. Хлѣбные злаки, виноградная лоза и плоды служили главнымъ источникомъ ихъ благосостоянія. Жатва была праздникомъ, такъ же, какъ и собираніе винограда.

Хотя евреи, повидимому, немного занимались промышленностью и часто призывали иноземныхъ мастеровъ, какъ это дѣлали Давидъ и Соломонъ, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что финикійскіе художники оказали на нихъ глубокое вліяніе. Начиная съ эпохи построенія храма, развитіе роскоши и благосостоянія позволяютъ предположить, что выдѣлка и окрашиваніе матерій и изготовленіе мебели и оружія приняли большіе размѣры. Евреи еще гораздо раньше старались пріобрѣтать золото и драгоцѣнные камни: изъ серегъ и запястьевъ женъ и дочерей они отлили золотого тельца, и тѣ же драгоцѣнности дали Моисею возможность украсить скинію. Вмѣстѣ съ тѣмъ исторія указываетъ, что ассирійцы нашли богатую добычу въ Іерусалимѣ и собрали тамъ значительное количество предметовъ изъ золота и серебра.

Торговля, какъ мы уже упоминали, не поощрялась потому, что законъ Моисея воспрещалъ лихвенныя ссуды. Но этотъ законъ не примѣнялся буквально, и въ эпоху Давида и Соломона евреи пустились, подобно сосѣднимъ народамъ, въ торговыя предпріятія. У Соломона были корабли, выступавшіе изъ порта Асіонгабера въ Красномъ морѣ и раздѣлявшіе съ финикіянами выгоды торговли съ Офиромъ и Индіей. Этотъ царь каждый годъ посылалъ Хираму, царю тирскому, большое количество пшеницы и оливковаго масла. Только путемъ обмѣна, онъ могъ получать драгоцѣнные камни и благовонныя вещества. Лошадей для него покупали въ Египтѣ.

У евреевъ есть только одна книга, вмѣщающая и представляющая

всю ихъ литературу. Простота разсказа, восторженность пѣсенъ, то радостный, то грустный тонъ псалмовъ, вдохновенные порывы пророковъ придаютъ Библіи, помимо ея религіозной и исторической важности, значеніе одного изъ знаменитѣйшихъ литературныхъ памятниковъ древности. Библія свидѣтельствуетъ, что умственное образованіе было весьма развито у этого народа, полнаго воображенія и чувства. Среди священниковъ и левитовъ, а также и среди пророковъ, многіе должны были обладать значительнымъ образованіемъ и умомъ, способнымъ постигать наиболѣе высокія идеи и умѣньемъ выражать ихъ сильно и образно. У нихъ были *мудрецы*, составлявшіе нравственныя правила для жизни; книга *Притчей* служитъ образцомъ сборника изреченій и иносказаній.

Евреи занимались всѣми родами поэзіи: *лирикой*, въ ея различныхъ формахъ (гимнъ, ода, элегія) и поэзіей *дидактической*. Книга *Іова* есть длинная элегія, внушенная глубокимъ сознаніемъ человѣческаго несчастія. Какъ говоритъ Роленъ, „съ Іовомъ происходитъ то же, что и съ Гомеромъ: спорятъ о времени, когда онъ жилъ, о составѣ сочиненія, носящаго его имя, но никогда не было сомнѣнія о достоинствѣ и совершенствѣ этой первобытной поэзіи, объ ея своеобразномъ величіи, которое въ теченіе болѣе трехъ тысячъ лѣтъ возбуждало удивленіе всѣхъ вѣковъ“.

„Если бы,—говоритъ Лагарпъ,—творенія Моисея, Давида, Исаіи и другихъ пророковъ дошли до насъ лишь какъ произведенія чисто человѣческія, они были бы, тѣмъ не менѣе, по своей оригинальности и древности, достойными полнаго вниманія людей мыслящихъ, а по ихъ несравненной красотѣ, которою они блещутъ, достойными удивленія и изученія всѣхъ, кому доступно чувство прекраснаго. Это почитаніе имъ всегда воздавалось, и можно найти самыхъ крайнихъ противниковъ религіи, признававшихъ поэтами тѣхъ, кого они отвергали, какъ пророковъ. Дидро отводилъ Библіи мѣсто въ своей избранной библіотекѣ рядомъ съ Гомеромъ“.

Ламартинъ еще съ большею силой выражаетъ свое удивленіе псалмамъ Давида: „Это — первый изъ поэтовъ чувства! Это — царь лириковъ! Никогда человѣческое сердце не звучало аккордами столь искренними, проникающими въ душу и торжественными! Никогда мысль поэта не возносилась такъ высоко и не высказывалась такъ вѣрно! Никогда душа не изливалась передъ человѣкомъ и Богомъ въ выраженіяхъ и чувствахъ столь нѣжныхъ, понятныхъ и трогательныхъ! Всѣ самые сокровенные стоны человѣческаго сердца находили свой откликъ и свои звуки на устахъ и на арфѣ этого человѣка. Если перенестись

въ отдаленную эпоху, когда раздавались такія пѣсни на землѣ, если вспомнить, что въ то время лирическая поэзія наиболѣе культурныхъ націй воспѣвала только вино, любовь, кровь и побѣды Музъ и скакуновъ на играхъ Елиды, то нельзя не проникнуться глубокимъ удивленіемъ къ мистическимъ звукамъ царя-пророка, который говоритъ съ Богомъ, своимъ Создателемъ, какъ съ другомъ, который понимаетъ и восхваляетъ Его чудеса, удивляется Его правдѣ, взываетъ къ Его милосердію и, какъ преждевременное эхо, повторяетъ кроткія слова Христа прежде, чѣмъ услышалъ ихъ. Ни философъ, ни христіанинъ не откажутъ царю-поэту въ силѣ вдохновенія, какой не было дано ни одному человѣку. Попробуйте прочесть Горація или Пиндара послѣ одного изъ псалмовъ, — для меня, по крайней мѣрѣ, это невозможно".

Этой поэзіи ставятъ въ упрекъ ея однообразный размѣръ, происходящій отъ неизмѣнно одинаковаго дѣленія періодовъ, то, что называется *параллелизмомъ*. Но эти короткія фразы замѣчательно увеличиваютъ силу и живость мысли, выраженной сжатымъ и нервнымъ стилемъ. Правда, отсутствіе переходовъ производитъ иногда неясность. У священнаго поэта замѣчаются неожиданные переходы отъ одной мысли къ другой, и затѣмъ онъ снова возвращается къ первой, повторяя одно и то же нѣсколько разъ. Это вызываетъ нѣкоторую неровность, свойственную лирической поэзіи вообще, но такія смѣлыя отступленія встрѣчаются и въ другихъ литературахъ. Жители Востока, въ своей рѣчи, опускаютъ многое, что̀ должно восполняться знаками и жестами. Кромѣ того, по переводу мы не можемъ судить вполнѣ о достоинствахъ поэзіи, выражавшейся на языкѣ совершенно своеобразномъ.

Еврейскій языкъ, составляющій одну изъ древнѣйшихъ отраслей языка финикійскаго, принадлежитъ къ группѣ языковъ, называемыхъ *семитическими*. Хотя онъ и имѣетъ общее происхожденіе съ европейскими языками, но остался совершенно отличнымъ отъ нихъ. Письменность, вслѣдствіе свойственной ей формы буквъ, получила названіе письменности квадратной; она именно и встрѣчается въ рукописяхъ, въ изданіяхъ Библіи и во всѣхъ еврейскихъ книгахъ. Въ общемъ синтаксисъ очень простъ и не допускаетъ длинныхъ періодовъ. За недостаткомъ гибкости и мягкости, еврейскій языкъ вынуждаетъ самаго вдохновеннаго поэта останавливаться и переводить дыханіе.

Языкъ этотъ, повидимому, не былъ богатъ терминами, относящимися къ торговлѣ, наукамъ и искусству. Евреи не развили *ариѳметики* далѣе четырехъ основныхъ правилъ надъ цѣлыми числами. Ни откуда

не видно у нихъ познаній въ *геометріи*, ограничивавшейся нѣкоторыми обычными межевыми мѣрами, или *астрономіи*, касавшейся лишь наблюденій сельско-хозяйственныхъ. Извѣстно также, что они имѣли понятія о *физикѣ* и *медицинѣ*, и священники умѣли лечить нѣкоторыя болѣзни.

Многочисленные образы, заимствованные священными поэтами изъ природы, заставляютъ предполагать, что евреямъ, въ значительной мѣрѣ, была знакома естественная исторія, и свидѣтельствуютъ объ изученіи не только растеній мѣстныхъ, но также и растеній сосѣднихъ и даже отдаленныхъ странъ. Въ первой книгѣ Царей, Соломону приписывается общее описаніе растеній и животныхъ.

Евреи не представляли себѣ землю въ видѣ шара; ни одно мѣсто Библіи не высказываетъ точно мнѣніе этого народа о формѣ земли. Пророкъ Исаія говоритъ, что Богъ пребываетъ надъ *земнымъ кругомъ*. Въ Притчахъ Мудрость говоритъ, что она существовала уже, когда Богъ располагалъ небеса и провелъ *кругъ надъ бездною*. Въ Библіи часто упоминается о *четырехъ углахъ земли*, означающихъ, вѣроятно, четыре страны свѣта. Библія даетъ намъ множество этнографическихъ свѣдѣній о различныхъ народахъ, указывающихъ близкое знакомство евреевъ, въ историческія времена, съ сосѣдними землями. Впрочемъ, евреи не знали о существованіи отдаленныхъ народовъ, какъ, напр., китайцевъ и индусовъ.

Законъ Моисея воспрещалъ представлять Бога въ видимой формѣ и вообще дѣлать изображенія съ цѣлью воздавать имъ поклоненіе; такимъ образомъ, искусства, до извѣстной степени, были воспрещены. Вслѣдствіе того, у евреевъ не замѣчается ни живописи, ни скульптуры. У нихъ было мало общественныхъ зданій, такъ какъ дозволенъ былъ лишь одинъ храмъ. Соломонъ обращался къ финикійскимъ художникамъ для построенія въ Іерусалимѣ храма и своего дворца. Поэтому, собственно говоря, еврейской архитектуры не существовало. Подробное описаніе храма и дворца Соломона, какое даетъ Библія, касается всего болѣе внутренняго убранства залъ, украшенныхъ драгоцѣннымъ деревомъ, золотомъ и серебромъ. Соломонъ, повидимому, скорѣе имѣлъ цѣлью выказывать свое богатство, чѣмъ строить величественные памятники.

Между тѣмъ, евреи видѣли, даже сами строили египетскіе памятники и жили въ сосѣдствѣ съ ассирійцами; поэтому художественное чувство для нихъ не могло быть вполнѣ чуждымъ. Мы знаемъ объ ихъ знакомствѣ съ *керамикой*. Драгоцѣнный обломокъ, найденный въ Іудеѣ, хранящійся въ галлереяхъ Лувра, доказываетъ, что евреи пользова-

лись тѣми же красками, какъ и египтяне: изъ кремнистой глины съ синею глазурью они дѣлали амфоры, чаши и свѣтильники. Библейскій текстъ, согласно съ памятниками, собранными де-Соси, доказываетъ, что цвѣты колокольчиковъ, гранаты, виноградъ и, вообще, образцы, заимствованные изъ растительнаго царства, составляли основу орнамента евреевъ, отличавшихся этимъ отъ египтянъ и ихъ символическихъ изображеній.

Но всего болѣе евреи разработывали искусство *музыки*. Повидимому, она составляла часть ихъ религіозныхъ обрядовъ. Самые разнообразные инструменты аккомпанировали пѣнію хоровъ: струнные инструменты, *кинноръ* (арфа или гитара) въ десять струнъ, на которомъ играли рукой или смычкомъ; *небель*, перебиравшійся пальцами; духовые инструменты—флейта, труба и, наконецъ, инструменты болѣе шумные—бубенъ и кимвалы. Недостатокъ точныхъ свѣдѣній объ этой музыкѣ объясняется тѣмъ, что она не записывалась, а передавалась преданіемъ. Танцы оживляли праздники, сопровождая даже религіозныя торжества. Царь Давидъ плясалъ, предшествуя ковчегу, при перенесеніи его въ Іерусалимъ.

Не будучи ни художественнымъ, ни промышленнымъ народомъ, евреи, тѣмъ не менѣе, сохраняли за собою несомнѣнное превосходство и нравственное величіе надъ всѣми другими народами древности, свидѣтельствуемое ихъ религіей и законами. Народъ, до извѣстной степени возвышавшійся надъ вещественнымъ міромъ, отдававшійся поклоненію высшему, невидимому и всемогущему Существу, свободный отъ суевѣрій и идолопоклонства, тщательно соблюдавшій правила, поддерживающія семью, обязываемый къ безкорыстію и милосердію, этотъ народъ несомнѣнно имѣлъ сознаніе человѣческаго достоинства. Ученіе о безсмертіи души не вполнѣ ясно выражено въ Библіи, но общій смыслъ священныхъ книгъ указываетъ, что это вѣрованіе было опорою народа, который исполнялъ правила благочестія не изъ одной только боязни страшныхъ наказаній, какими ему часто угрожали. Религія чисто внутренняя, вполнѣ искренняя, стремленіе къ безпрерывному общенію съ Богомъ достаточно свидѣтельствуютъ, что евреи допускали иную жизнь, гдѣ это общеніе осуществлялось.

Общественная организація, основанная на правилахъ столь возвышенныхъ, была справедливою и свободною отъ грубой неравноправности, какая замѣчалась у другихъ народовъ, и отъ заразы почти повсемѣстнаго рабства.

Политическое устройство долгое время оставалось демократическимъ, и евреи наслаждались свободой, пока злоупотребленія не привели къ

установленію деспотическаго правленія. Чуждаясь союзовъ съ чужеземцами, они все-таки были гостепріимны, о чемъ напоминаетъ слѣдующее правило: „Вы будете добры къ чужестранцамъ, вспоминая, что сами были чужеземцами въ Египтѣ“.

Итакъ, человѣколюбіе было одной изъ добродѣтелей этого народа, уединеннаго среди жестокихъ народовъ, жертвою которыхъ онъ впослѣдствіи сдѣлался. Помимо своего религіознаго значенія, евреи занимали видное мѣсто въ мірѣ своими нравственными качествами, идущими въ разрѣзъ порокамъ восточныхъ народовъ, и еврейская цивилизація гораздо ближе другихъ подходила къ идеалу, къ какому должны стремиться всѣ общества. Духовная вѣра, приверженность къ основнымъ истинамъ нравственности были для этого народа той силой, которая позволила ему пережить вѣка, и благодаря которой исторія его продолжается еще до сихъ поръ среди всѣхъ другихъ исторій.

Независимость евреевъ окончилась съ разрушеніемъ Іерусалима въ 587 г. Хотя они и возвратились въ Палестину послѣ Вавилонскаго плѣна, но могли лишь на короткое время, при Селевкидахъ, основать отдѣльное царство, управлявшееся династіей *Маккавеевъ* (165—40 до Р. Х). Уже и тогда различныя причины, помимо возраставшаго владычества римлянъ въ Азіи, привели къ разложенію стариннаго еврейскаго общества. Іудеи распространились по всей Азіи, а Палестина была поглощена чужеземными идеями и ученіями. Кромѣ того, внутреннія распри, не говоря уже о тѣхъ, которыя вызывались соперничествомъ въ престолонаслѣдіи, разсѣяли единеніе, нѣкогда столь сильное.

Секта *фарисеевъ* придала священный характеръ нѣкоторымъ суевѣріямъ и свела Моисеево ученіе на степень столь же неподвижную, какъ и мелочную. *Садукеи,* съ своей стороны, имѣли притязаніе хранить въ чистотѣ ученіе Моисея и отвергали бо́льшую часть преданій. Они отрицали безсмертіе души, ученіе о будущихъ наказаніяхъ и наградахъ и существованіе ангеловъ и демоновъ. Они полагали счастье въ пользованіи земными благами. *Іессеи* дополняли вѣрованія фарисеевъ правилами экзальтированной нравственности. Они составляли небольшія общества и жили общею жизнью въ деревняхъ, гдѣ царила самая узкая и суровая дисциплина. Но каковы бы ни были ученія этихъ различныхъ сектъ, не имѣющихъ для насъ большого значенія, они подрывали еврейское царство и нарушали связь, какая нѣкогда соединяла всѣхъ дѣтей Израиля. Чужеземное владычество вмѣстѣ съ Иродомъ, царемъ, поставленнымъ римлянами (40 лѣтъ до Р. Х.), могло возстановить общественное спокойствіе, но не общее согласіе.

Пришествіе Христа довершило смуту. Большинство евреевъ отказалось признать его за *Мессію*, обѣщаннаго и предсказаннаго пророками. Другіе же, проникнувшись Его ученіемъ, въ одно и то же время высокимъ и простымъ, Его столь несправедливой, потрясающей смертью и мужественной проповѣдью апостоловъ, обратились къ новой вѣрѣ. Религіозные споры сдѣлались еще болѣе рѣзкими, и секта *ревнителей* увеличила смятеніе, возбуждая въ народѣ стремленіе къ свободѣ. Евреи мечтали свергнуть иго римлянъ въ то время, когда послѣдніе были неограниченными властителями міра. Соперничество потомковъ Ирода дало поводъ римлянамъ установить надъ Іудеей (44 г. по Р. Х.) непосредственное господство своихъ *прокураторовъ*, которые различными вымогательствами возбуждали старинную ненависть и вызывали возмущенія. Отказавшись признать Мессію во Христѣ, евреи не переставали ожидать Мессію-завоевателя, который упрочитъ за ними власть надъ міромъ. Поэтому, несмотря на очевидную неразумность возмущенія противъ столь могущественной монархіи, какова была монархія римлянъ, евреи въ 66 г. взялись за оружіе, даже ранѣе смерти Нерона и смутъ, послѣдовавшихъ за нею. Война продолжалась четыре года и стоила, какъ говорятъ, жизни милліона трехсотъ тысячъ евреевъ. Храмъ былъ разрушенъ навсегда (70 лѣтъ по Р. Х.) и началось разсѣяніе евреевъ. Оно продолжается уже въ теченіе восемнадцати вѣковъ.

Лишенные родины, гонимые императоромъ Адріаномъ, который нашелъ средства умножить развалины, оставленныя Титомъ, евреи распространились по главнымъ городамъ Римской имперіи [1]).

Они образовали значительную колонію въ *Александріи*, гдѣ большое число ихъ утвердилось уже съ давнихъ поръ, такъ какъ этотъ городъ былъ очагомъ науки и торговли. Затерянные среди чуждыхъ народовъ, не измѣняя своей древней вѣрѣ, евреи заботились только о сохраненіи своихъ ученій, и, къ удивленію, въ средѣ ихъ появилось литературное движеніе тогда, когда они уже были лишены центра и всякаго побужденія къ такой дѣятельности. *Раввины*, хранители преданій, замѣняли священниковъ и собирали ученія, которыя нѣкогда излагались въ школахъ и синагогахъ (мѣстахъ собраній). Изъ Тиве-

---

[1]) Въ эту эпоху жилъ историкъ *Іосифъ* (37—100 гг. по Р. Х.). Вознагражденный Веспасіаномъ за понесенныя имъ потери во время войны, онъ прибавилъ къ своему имени имя Флавія. Имъ написана въ Римѣ исторія еврейской войны; этотъ трудъ потерянъ, но до насъ дошла вторая его редакція, сдѣланная самимъ Іосифомъ на греческомъ языкѣ. Позднѣе, при Домиціанѣ, Іосифъ написалъ свои „Древности“, содержащія въ двадцати книгахъ исторію еврейскаго народа и составляютъ единственный доступный намъ документъ для дополненія Библіи.

ріадской академіи вышелъ знаменитый равви *Іуда,* прозванный *святымъ,* который собралъ отдѣльныя уложенія и старинные законы школы фарисеевъ. Въ началѣ третьяго вѣка христіанской эры онъ составилъ изъ нихъ обширный сводъ законовъ *Мишна* (повтореніе или второй законъ). Къ этому своду присоединились примѣчанія и комментаріи другихъ школъ Палестины и Вавилона, и это получило названіе *Гемары* (дополненіе). Эти сборники служатъ, въ одно и то же время, религіознымъ, законодательнымъ и литературнымъ памятникомъ, называемымъ *Талмудомъ* (ученіе). Первый изъ этихъ сборниковъ—*Талмудъ Іерусалимскій,* второй—*Талмудъ Вавилонскій;* онъ былъ оконченъ равви Іосифомъ въ 500 г. Этотъ послѣдній, болѣе полный и ясный, имѣетъ наибольшее значеніе у евреевъ.

Христіане, также преслѣдуемые, не могли бороться съ гонимыми евреями; но, послѣ торжества христіанства при Константинѣ, началась великая война между старой и новой вѣрой. Рвеніе христіанъ доводило ихъ до избіеній евреевъ повсюду, гдѣ оказывались еврейскія общины, и многіе правители напрасно старались этому воспрепятствовать.

Нашествіе варваровъ не измѣнило положенія евреевъ, за исключеніемъ тѣхъ странъ, гдѣ варвары обратились въ аріанство. Но католическая церковь распространила свою власть надъ всѣми варварами, и германцы, съ ревностью новообращенныхъ, сдѣлались яростными врагами евреевъ. Впрочемъ, послѣдніе были еще немногочисленны на Западѣ. Они держались въ Азіи, Африкѣ и Испаніи.

Испанскіе евреи, подвергавшіеся насиліямъ гòтовъ, отказавшихся отъ аріанства, съ радостью привѣтствовали появленіе арабовъ. Арабы были народомъ семитической расы, связывавшимъ вѣру своего пророка Магомета съ Авраамомъ, и евреи вздохнули свободнѣе подъ владычествомъ калифовъ. Школы ихъ умножились какъ въ Испаніи, такъ и на Востокѣ. Руководители этихъ школъ закончили тогда трудъ значительной важности, а именно *Массору* (критика преданій), устанавливавшій не только произношеніе текста, но и число стиховъ и даже буквъ Библіи. Евреи получали должности при дворѣ калифовъ, и при Абдерамѣ III, калифѣ Кордовы (945 г.), еврей занималъ мѣсто врача и министра. Въ эту эпоху среди евреевъ были писатели и ученые, которые способствовали, вмѣстѣ съ арабами, основанію медицинской школы въ Салернѣ и перевели Талмудъ на арабскій языкъ. У нихъ былъ поэтъ *Габироль* (или Авицебронъ), составившій философскій трудъ „*Источникъ жизни*“ (1050 г.). Ученый еврей *Раши* написалъ во Франціи весьма глубокомысленный комментарій къ Библіи и Талмуду.

Время *Крестовыхъ походовъ* составляетъ для евреевъ эпоху страшныхъ бѣдствій. Христіане повсюду начинали Крестовые походы съ избіенія евреевъ, и удивительно, какъ этотъ народъ, постоянно истребляемый, могъ уцѣлѣть. Тѣмъ не менѣе, ученые его не переставали трудиться даже среди этихъ бурь, и одинъ изъ нихъ, наиболѣе извѣстный, *Моисей Маймонидъ*, жившій съ 1135 до 1204 г., составилъ систематическое сокращеніе Талмуда и множество сочиненій по теологіи и медицинѣ.

Къ народной ярости присоединилось послѣдовательное гоненіе со стороны королей, прерывавшееся, однако, сообразно обстоятельствамъ, такъ какъ евреи, устраняемые отъ всякой промышленности, отдались торговлѣ драгоцѣнными металлами. Имъ разрѣшалось обогащаться, а затѣмъ ихъ имущество конфисковалось, что̀ можно сравнить съ губкой, которую оставляли напитываться и затѣмъ выжимали. Кромѣ того, подчиненные унизительнымъ законамъ, размѣщенные лишь въ извѣстныхъ кварталахъ, терпимые и проклинаемые, полезные и ненавистные, евреи, въ продолженіе среднихъ вѣковъ, испытывали во Франціи, Италіи, Англіи и Германіи всевозможныя притѣсненія и, несмотря на это, продолжали жить, отвѣчая христіанамъ ненавистью за ненависть и считая за собою полное право хитростью разорять тѣхъ, кто разорялъ ихъ силою. Постоянный страхъ, въ какомъ они жили, дѣлалъ ихъ сухими, недовѣрчивыми и безжалостными къ тѣмъ, кого необходимость заставляла обращаться въ ихъ ссудныя кассы. Этотъ страхъ привелъ ихъ къ изобрѣтенію *векселей*, которые евреи-путешественники носили съ собою вмѣсто золота и серебра и которые оплачивались деньгами тѣми, кому эти векселя были адресованы. Судьба евреевъ становилась особенно возмутительной въ годы эпидемическихъ болѣзней. Съ появленіемъ „черной смерти“ въ 1348 г., евреи, обвинявшіеся въ отравленіи источниковъ, погибали тысячами, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи. Впрочемъ, въ это время ихъ пріютила Польша въ царствованіе Казиміра Великаго (1333—1370), и въ этой странѣ они начали распространять свое вліяніе, которое еще болѣе усилилось въ послѣдующее время.

Евреи, пріобрѣтая убѣжище на востокѣ, теряли какъ бы второе отечество на югѣ Испаніи. Размножившись подъ владычествомъ мусульманъ, они обладали въ этой любимой ими странѣ цвѣтущими школами. Побѣда христіанъ нарушила ихъ глубокое спокойствіе. Фанатизмъ Фердинанда-Католика и его преемниковъ распространилъ на евреевъ гоненіе, направленное противъ мусульманъ. Въ числѣ болѣе 600,000, они покинули страну, сдѣлавшуюся для нихъ почти вто-

рымъ Египтомъ. Европа безучастно смотрѣла на этотъ новый исходъ. Второе разсѣяніе имѣло результатомъ распространеніе въ западной и восточной Европѣ многочисленныхъ еврейскихъ рукописей, такъ какъ евреи не переставали разработывать литературу и науки.

Послѣдующее время, приведшее съ собою умственный прогрессъ и смягченіе нравовъ, доставило евреямъ нѣкоторое спокойствіе: они были устранены отъ гражданской жизни, но оставались свободными. Въ Голландіи они образовали значительную колонію и содѣйствовали процвѣтанію этой страны своими коммерческими способностями, которыя необычайно развивались въ теченіе вѣковъ гоненія. Занимаясь торговлей, они не переставали думать и писать, и въ XVII вѣкѣ изъ ихъ рядовъ вышелъ знаменитый философъ *Борухъ Спиноза* (1632—1677), который, впрочемъ, отдалился отъ іудеизма своимъ пантеистическимъ ученіемъ.

Наконецъ, идеи вѣротерпимости восторжествовали въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Въ Австріи императоръ Іосифъ II обезпечилъ евреямъ почти полную равноправность, а французская революція освободила ихъ окончательно. Евреи смѣшиваются теперь съ прочими гражданами, получаютъ общественныя должности и отличаются на разныхъ поприщахъ. У нихъ есть свои синагоги; они исполняютъ свои религіозные обряды, значительно измѣненные временемъ, и связываютъ свою судьбу съ избраннымъ ими отечествомъ, въ то же время не забывая первоначальной родины. Впрочемъ, они еще не одинаково свободны во всѣхъ странахъ: на берегахъ Дуная, въ Румыніи, въ Венгріи взрывы ненависти случаются часто и въ наше время, такъ какъ евреи заняли въ этихъ странахъ видное мѣсто; это то, что̀ называется *антисемитическимъ* движеніемъ.

Евреи, въ числѣ около шести милліоновъ, распространились, главнымъ образомъ, въ Германіи, въ Польшѣ и Россіи, гдѣ они живутъ плотными группами, въ Турціи и на сѣверѣ Африки. Лишь немногіе возвратились въ Палестину и живутъ въ арабскихъ деревняхъ, гдѣ, подъ властью мусульманъ, они могутъ, по крайней мѣрѣ, созерцать страну столь печальную и пустынную, какою стала Земля Обѣтованная, которою, помимо всякаго вѣроятія, это упорное племя не теряетъ надежды овладѣть со временемъ.

Въ исторіи это — единственный примѣръ народа, распространеннаго повсемѣстно, нигдѣ не утвердившагося, смѣшаннаго со всевозможными націями и отличающагося отъ нихъ, чуждаго среди избраннаго имъ отечества, подчиняющагося законамъ самыхъ разнообразныхъ правительствъ, не отказываясь отъ своего собственнаго, переходяща-

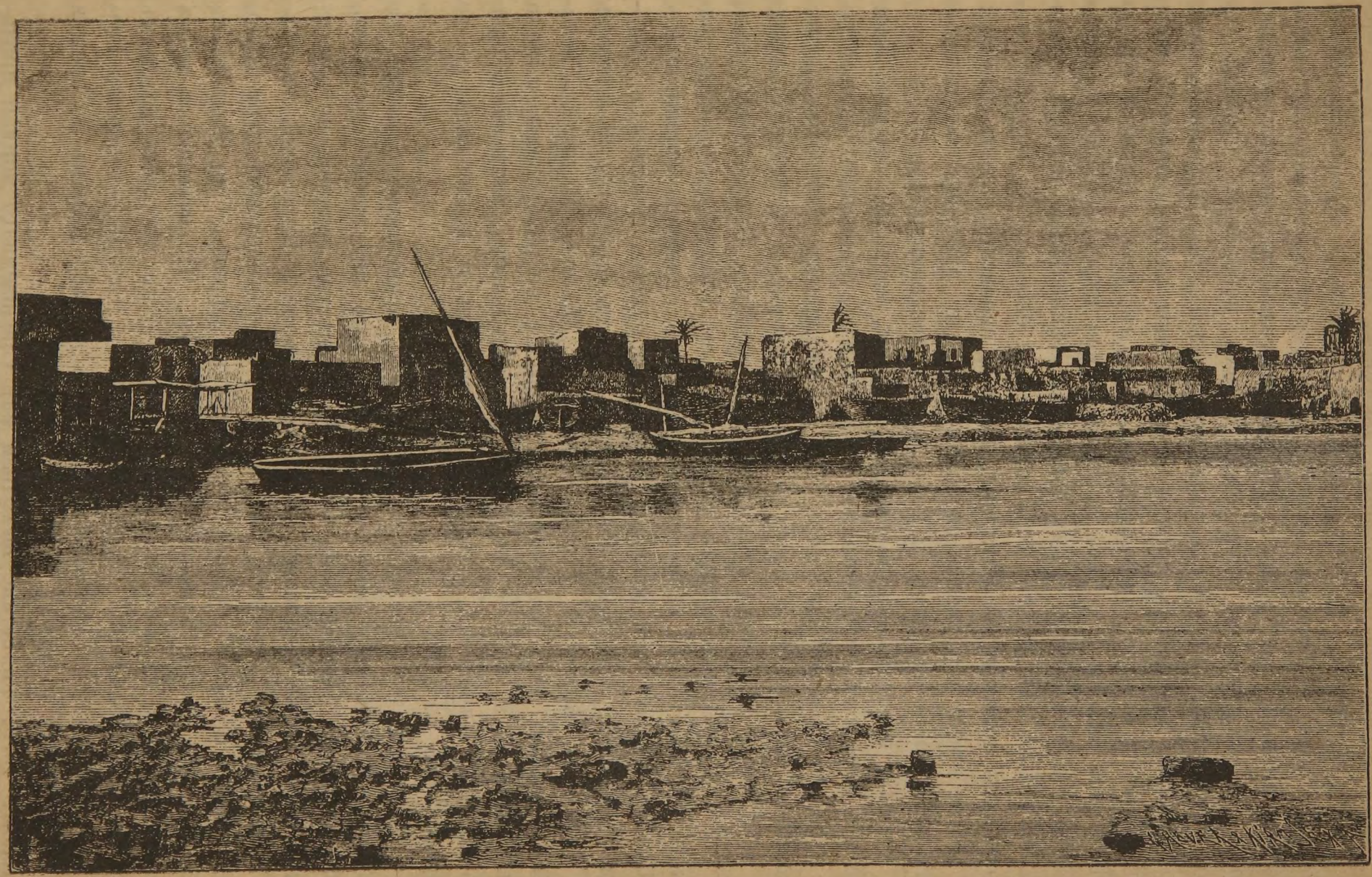
го съ мѣста на мѣсто, не будучи кочевымъ, соединеннаго подъ самыми враждебными другъ другу знаменами и считающаго себя за одну націю, хотя у него нѣтъ болѣе ни территоріи, ни центра, ни вождя. Евреи поддерживаютъ свою религію рядомъ съ христіанствомъ, которое заимствовало ея наиболѣе возвышенныя пѣсни, хотя бездна, лежащая между этими двумя религіями, никогда не изгладится. Они относятся съ презрѣніемъ къ магометанской религіи, которая въ ихъ глазахъ ни что иное, какъ выродившееся и огрубѣлое ученіе Моисея. Побѣжденные, но не истребленные, изгнанные, но устойчивые, они существуютъ своей вѣрой и семейнымъ духомъ, избѣгая болѣе всего браковъ съ иновѣрцами, и глубоко преданные обрядамъ, которые раввины измѣнили сообразно новымъ понятіямъ. Евреямъ удалось занять видное, съ политической точки зрѣнія, положеніе, пріобрѣтя финансовое могущество и заставляя этимъ считаться съ собою христіанскія или мусульманскія правительства. Они показываютъ намъ примѣръ народа, который, будучи разбросанъ по всѣмъ угламъ земного шара, сохраняется, тѣмъ не менѣе, общностью религіи, интересовъ, воспоминаній и надеждъ,—народа, сотни разъ истреблявшагося и снова возрождавшагося, словомъ, народа, который въ теченіе восемнадцати вѣковъ не можетъ вполнѣ ожить и не хочетъ умирать.

ГЛАВА V.

Торговля финикіянъ.

Финикійскій союзъ.—Финикійскія колоніи.—Разработка рудниковъ въ Испаніи.—Торговля морская и сухопутная.—Финикійская промышленность; стекло, пурпуръ.—Религія финикіянъ.—Финикійскія древности.—Финикійская письменность; происхожденіе европейскихъ алфавитовъ.—Значеніе финикійскаго народа.—Карѳагенъ; его положеніе; его владычество.—Торговля и мореплаваніе карѳагенянъ.—Причины паденія Карѳагена.—Торговля финикіянъ.

По сосѣдству съ народомъ, который былъ обязанъ своимъ величіемъ религіи и нравственнымъ законамъ, на узкой полосѣ земли, между Ливаномъ и Средиземнымъ моремъ, процвѣталъ народъ, обязанный своею славой торговлѣ; это былъ народъ финикійскій, происходившій отъ племени Хама, но сильно смѣшанный съ семитическою кровью. Этотъ народъ вырубалъ деревья лѣсовъ, увѣнчивавшихъ Ливанскій горный хребетъ, и рано началъ строить суда, на которыхъ плавалъ по всему Средиземному морю. Заключенный въ странѣ, не позволявшей ему сдѣлаться могущественной континентальной державой, онъ пріобрѣлъ власть на морѣ раньше всѣхъ въ древнемъ мірѣ.



Видъ Сура (въ древности Тира).

Расположенные на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, города *Арадъ, Триполисъ Библосъ* (нынѣшній Гебейль), *Беритъ* (Бейрутъ), *Сидонъ* (Саида) и *Тиръ* составляли какъ бы одну торговую улицу, окаймлявшую правый берегъ Сиріи. Въ дѣйствительности, это былъ одинъ городъ, раскинутый на пятидесяти миляхъ побережья, столица, съ многочисленными гаванями и тысячами предмѣстій. Свободные, самостоятельные финикійскіе города были связаны лишь общностью расы, интересовъ и религіи, превратившею ихъ въ *союзъ*. Каждый городъ имѣлъ свои законы и своихъ правителей или царей, свой флотъ и свои колоніи. Скорѣе братья, чѣмъ соперники, финикійскіе города соединялись только для защиты отъ сирійцевъ и евреевъ, а позднѣе отъ страшныхъ повелителей Вавилона. Какъ и еврейскій народъ, финикіяне долгое время оставались свободными среди рабства, тяготѣвшаго надъ азіатскими народами и подъ конецъ раздавившаго ихъ.

Финикія простиралась за предѣлы страны, носившей это имя. Каждый изъ городовъ ея повторялся въ колоніяхъ, усѣвавшихъ всѣ острова и берега Средиземнаго моря. На привѣтливыхъ оазисахъ, поднимающихся надъ волнами этого внутренняго моря, и на берегахъ Африки и Европы, финикіяне предшествовали грекамъ. Вынужденные рано уступить послѣднимъ острова *Кипръ, Критъ, Спорады, Циклады*, финикіяне сосредоточили свои силы на берегахъ сѣверной Африки и Испаніи. Въ Африкѣ они основали *Утику, Адрумет*ъ, *Лептисъ* и, главнымъ образомъ, *Карѳагенъ*. Въ Испаніи у нихъ были важныя факторіи въ *Тартессѣ, Картехѣ, Гадесѣ* (Кадиксъ), *Малакѣ* (Малага), *Гиспалисѣ* (Севилья). Ихъ владѣнія были обширны, но разбросаны, и когда ихъ власть пала, паденіе не было окончательнымъ, такъ какъ одна изъ колоній, Карѳагенъ, сохранила ея остатки и поддержала ее до второго вѣка до Р. Х.

Смѣлые для того времени мореплаватели, финикіяне не только изслѣдовали Средиземное море, гдѣ земля рѣдко исчезаетъ изъ глазъ, а безчисленные острова представляютъ множество гаваней, но они отваживались также проникать въ Красное море и Персидскій заливъ. По свидѣтельству Геродота, они, по порученію египетскаго царя Нехо, предприняли большое путешествіе вокругъ Африки. Они ѣздили въ землю *Офиръ*, столь знаменитую въ древности. Что̀ называлось этимъ именемъ—трудно сказать съ точностью. Оно было, вѣроятно, родовымъ именемъ для обозначенія изобильной страны. „Офиръ,—говоритъ Гееренъ,—было общимъ названіемъ богатыхъ южныхъ странъ побережья Аравіи, Африки и Индіи“.

Кромѣ того, финикіяне выходили изъ Средиземнаго моря и прони-

кали въ Атлантическій океанъ. Но свои поѣздки они облекали таинственностью, и объ этомъ интересномъ предметѣ до насъ дошли лишь неопредѣленныя указанія. Финякіяне, вѣроятно, плавали вдоль западныхъ береговъ Африки. Древнія преданія сообщаютъ объ открытіи ими необычайно плодородныхъ острововъ, съ очаровательнымъ климатомъ (Счастливые острова), подъ которыми, безъ сомнѣнія, надо подразумѣвать Мадеру и Канарскіе о—ва. Они, конечно, также огибали берега Испаніи и Европы. Гадесъ былъ мѣстомъ, откуда они предпринимали эти отдаленныя и опасныя поѣздки, достигавшія, по словамъ нѣкоторыхъ историковъ, до береговъ Британіи и острововъ Сорлингскихъ, странъ янтаря и олова.

Но центромъ ихъ владычества оставалось, тѣмъ не менѣе, Средиземное море. Къ своимъ факторіямъ въ Африкѣ и Испаніи они прибавили факторіи въ Галліи, гдѣ, какъ говорятъ, ими основанъ *Нимъ*. Финикіяне занимали берега Сициліи гораздо ранѣе, чѣмъ туда проникли греки.

Финикіяне вовсе не были деспотичными по отношенію къ своимъ колоніямъ. Будучи отраженіемъ первоначальной родины, колоніи не желали имѣть между собой и Финикіей иныхъ узъ, кромѣ тѣхъ, какія связывали метропольные города. Ежегодно колоніи отправляли въ Тиръ посольство изъ жрецовъ и постоянно нуждались въ поддержкѣ метрополіи, служившей громаднымъ складочнымъ мѣстомъ морской и сухопутной торговли. Безъ сомнѣнія, нѣмецкій ученый Геереиъ имѣлъ основаніе указывать на положеніе города Тира, какъ слишкомъ отдаленное отъ центра его колоній. Карѳагенъ былъ расположенъ выгоднѣе для того, чтобы распространить свой флотъ по всему Средиземному морю. Тѣмъ не менѣе, финикіяне заботились больше карѳагенянъ о сохраненіи за своими владѣніями торговаго характера. У нихъ не было притязанія сдѣлаться завоевателями,—притязанія, для нихъ, впрочемъ, недоступнаго, вслѣдствіе слишкомъ малаго размѣра ихъ территоріи. Истинная причина ихъ упадка состояла въ несоразмѣрности между слишкомъ малой величиной Финикіи и слишкомъ обширнымъ протяженіемъ ея колоніальныхъ владѣній. Они не могли противостоять военнымъ монархіямъ Азіи, которыя покорили ихъ.

„Первое, что̀ бросается въ глаза при внимательномъ чтеніи исторіи финикіянъ, это ихъ постоянное правило придавать бо̀льшую важность клейму товаровъ, чѣмъ самимъ товарамъ, и предпочитать обладаніе странами, богатыми золотомъ и серебромъ, обладанію всѣми другими странами. Они избрали своею цѣлью разработку рудниковъ, и никакая опасность, никакія усилія не останавливали ихъ, когда яв-

лялась возможность пріобрѣсти земли или острова, заключавшіе въ себѣ золотую или серебряную руду. Тамъ они немедленно находили выгоду, какую иначе можно было бы получить только частнымъ обмѣномъ товаровъ. Тамъ они могли черпать изъ самаго источника богатствъ... Когда финикіяне впервые высадились въ Испаніи, имъ понадобилось не много искусства для разработки рудниковъ: серебряная руда повсюду виднѣлась на поверхности, и достаточно было лишь слегка вскопать землю, чтобы найти руду въ изобиліи“ [1]).

Впрочемъ, подробности, какія даетъ Діодоръ Сицилійскій о рудникахъ Испаніи, весьма обстоятельны. „Мѣдные, золотые и серебряные рудники,—говоритъ онъ,—необычайно обильны. Тѣ, кто разработываютъ мѣдные рудники, добываютъ четвертую часть чистаго металла изъ вѣса неочищенной руды. Бывали случаи, что изъ серебряныхъ рудниковъ въ теченіе трехъ дней добывали эвбойскій талантъ (5.650 фр.)“.

Финикіяне не только развозили по своимъ колоніямъ металлы изъ Испаніи, но и вели большую торговлю хлѣбомъ, виномъ, масломъ, воскомъ, плодами всякаго рода и тонкой шерстью.

Пророкъ Езекіиль начерталъ картину торговли финикіянъ столь же живую, сколько и точную, основанную, очевидно, на вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ. Это нѣчто въ родѣ статистики въ поэтической формѣ.

„Тиръ! Ты говоришь: я—совершенство красоты! Предѣлы твои въ сердцѣ морей; строители твои усовершили красоту твою. Изъ сенирскихъ кипарисовъ устроили всѣ помосты твои; брали съ Ливана кедръ, чтобы сдѣлать на тебѣ мачты. Изъ дубовъ васанскихъ дѣлали весла твои; скамьи твои дѣлали изъ буковаго дерева, съ оправою изъ слоновой кости съ острововъ Китимскихъ. Узорчатыя полотна изъ Египта употреблялись на паруса твои и служили флагомъ; голубого и пурпуроваго цвѣта ткани, съ острововъ Елисы, были покрываломъ твоимъ. Жители Сидона и Арвада были у тебя гребцами; свои знатоки были у тебя, Тиръ; они были у тебя кормчими...

„Ѳарсисъ (Карѳагенъ), торговецъ твой, по множеству богатства, платилъ за товары свои серебромъ, желѣзомъ, свинцомъ и оловомъ. Іаванъ, Ѳувалъ и Мешехъ (Греція и ея колоніи) торговали съ тобою, вымѣнивая товары твои на души человѣческія и мѣдную посуду. Изъ дома Ѳогарма за товары твои доставляли тебѣ лошадей и строевыхъ коней и лошаковъ. Сыны Дедана торговали съ тобою; многіе острова производили съ тобою мѣну; въ уплату тебѣ доставляли слоновую кость и черное дерево. По причинѣ большого торговаго производства

---

1) Heeren, *Du commerce et de la politique des peuples de l'antiquité.*

твоего, торговали съ тобою арамеяне; за товары твои они платили карбункулами, тканями пурпуровыми, узорчатыми и виссонами, и кораллами, и рубинами.

„Іудея и земля Израилева торговала съ тобою; за товаръ твой платили пшеницею минниѳскою, и сластями, и медомъ, и деревяннымъ масломъ, и бальзамомъ. Дамаскъ... торговалъ съ тобою виномъ хеибонскимъ и бѣлою шерстью... Изъ Урала платили тебѣ за товары твои выдѣланнымъ желѣзомъ; Кассія и благовонная трость шли на обмѣнъ тебя. Деданъ торговалъ съ тобою драгоцѣнными попонами для верховой ѣзды.

„Аравія и всѣ князья кидарскіе производили мѣну съ тобою; ягнятъ и барановъ и козловъ промѣнивали тебѣ. Купцы изъ Савы и Раеши торговали съ тобою всякими лучшими благовоніями и всякими дорогими камнями, и золотомъ платили за товары твои. Харанъ и Хане, и Еденъ, купцы савейскіе, Ассуръ и Халмадъ торговали съ тобою. Они торговали съ тобою драгоцѣнными одеждами, шелковыми и узорчатыми матеріями, которыя они привозили на твои рынки въ дорогихъ ящикахъ, сдѣланныхъ изъ кедра и хорошо упакованныхъ. Ѳарсисскіе корабли были твоими караванами въ твоей торговлѣ, и ты сдѣлался богатымъ и весьма славнымъ среди морей“ [1]).

Финикіяне доставили возможность Азіи пользоваться произведеніями Испаніи, Галліи и Сициліи, а Африкѣ—произведеніями Азіи.

Но эта морская торговля могла поддерживаться лишь сухопутною торговлей, связывавшей удаленныя отъ моря страны. Финикія служила однимъ изъ портовъ Азіи; при ея посредствѣ ввозились товары изъ странъ отдаленныхъ, а черезъ нее отправлялись произведенія материка. Караваны служили продолженіемъ флота, точно такъ же, какъ и флоты—продолженіемъ каравановъ. Эта сухопутная торговля слѣдовала по тремъ главнымъ направленіямъ: на югъ—къ Аравіи и Индіи, на востокъ—къ Ассиріи, на сѣверъ—къ Арменіи и даже къ Кавказу.

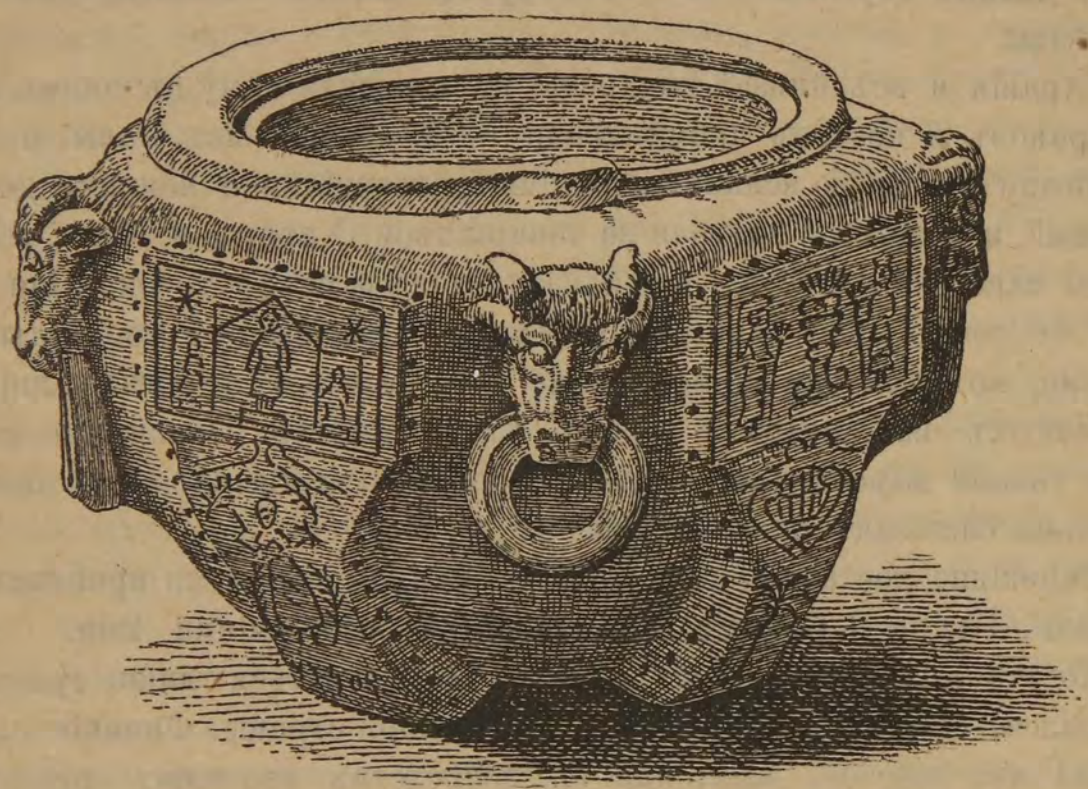
Финикіяне могли также развивать торговлю посредствомъ произведеній своей дѣятельной и изобрѣтательной промышленности. У нихъ была, какъ и у египтянъ и ассирійцевъ, замѣчательная глиняная посуда и, кромѣ того, они изобрѣли искусство дѣлать стекло. „Разсказываютъ,—говоритъ Плиній Старшій [2]),—что финикійскіе купцы, приставъ къ берегу рѣки Бела, расположились тамъ, чтобы приготовить себѣ обѣдъ; не найдя камней для подставки подъ кухонную посуду, они

---

[1]) Прор. Іезекіиля, гл. XXVII.

[2]) Естественная исторія XXXVI, гл. LXV.

употребили для этой цѣли куски щелочной соли, находившейся среди ихъ груза. Когда соль подверглась дѣйствію огня вмѣстѣ съ пескомъ, покрывавшимъ берегъ рѣки, потекли прозрачныя струйки какой-то неизвѣстной жидкости: таково было происхожденіе стекла“ [1]). Каково бы ни было происхожденіе этого производства, несомнѣнно, что финикіяне занимались имъ въ большихъ размѣрахъ. Финикійскія стеклянныя издѣлія были извѣстны въ цѣломъ мірѣ. Стеклянные заводы, главнымъ образомъ, были устроены въ Сидонѣ и въ Сарефтѣ и существовали,



Мраморная ваза изъ Сидона (изъ „Всем. ист.“, изд. Онкеномъ).

по свидѣтельству Плинія, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. Роскошь этихъ странъ рано ввела въ обычай покрывать стекломъ и глазурью внутренность комнатъ, стѣны и потолки. То же было и въ Ассиріи, и въ Персіи, гдѣ эта изящная мода сохранилась до сихъ поръ.

Первое мѣсто среди финикійскихъ издѣлій слѣдуетъ отвести искусству *окрашиванія* тканей. Тирскій *пурпуръ* былъ главнымъ предметомъ роскоши древнихъ. Подъ словомъ *пурпуръ* не слѣдуетъ понимать какой-нибудь одинъ извѣстный цвѣтъ, но особый способъ окрашиванія, для котораго пользовались животными красками, наприм., жидкостью, находимою въ нѣкоторыхъ раковинахъ; это окрашиваніе отличалось отъ другого, растительнаго, при чемъ употреблялись только соки растеній.

---

[1]) Щелочной или натронной солью называютъ родъ углекислаго натра (соды), находимаго большими глыбами въ нѣкоторыхъ низменныхъ мѣстахъ теплыхъ странъ.

„Несмотря на то, что въ пурпуръ окрашивались всякія ткани, бумажныя, льняныя и шелковыя, этотъ родъ окраски примѣнялся предпочтительно для шерсти. Ее обмакивали въ пурпуръ, два раза подрядъ и придавали ей пунцовый или лиловый цвѣтъ, употребляя различные сорта пурпура и измѣняя пріемы. Финикіяне обладали еще искусствомъ придавать этому цвѣту переливающійся глянецъ, который отсвѣчивалъ различными оттѣнками.

„Красильныя заведенія не могли бы существовать безъ ткацкихъ фабрикъ. Изъ того, что финикіяне окрашивали въ пурпуръ, по большей части, шерстяныя ткани, отправлявшіяся ими въ чужія страны, можно заключить, что ткани эти изготовлялись ими самими. Самыя древнія фабрики подобнаго рода были въ Сидонѣ, такъ какъ Гомеръ часто упоминаетъ о туникахъ изъ этого города; но впослѣдствіи эти фабрики распространились во всей Финикіи и, въ особенности, въ Тирѣ.

„Изъ произведеній финикійской промышленности слѣдуетъ отмѣтить также различные предметы украшенія, посуду и бездѣлушки, цѣнность которыхъ зависитъ исключительно отъ ихъ работы. Мѣновая торговля, какую они вели такъ долго съ варварскими народами, среди которыхъ вещи этого рода всегда находятъ скорый сбытъ, должна была выдвинуть у финикіянъ уже съ весьма отдаленныхъ временъ этотъ родъ промышленности. Художественной работы цѣпь изъ янтаря и золота была привезена въ Грецію, во времена Гомера, финикійскими мореплавателями. Пророкъ Езекіиль говоритъ о любопытныхъ издѣліяхъ изъ слоновой кости, которую они доставали изъ Индіи и Эѳіопіи. Сколько другихъ предметовъ, которые они производили, должны были остаться въ полной неизвѣстности! Названія лишь небольшого числа ихъ издѣлій, только благодаря случайности, могли дойти до насъ; но самое существованіе подобныхъ вещей у народа богатаго и любившаго роскошь заставляетъ предполагать возможность существованія и многаго другого“ [1]).

Финикіяне постоянно создавали и воспринимали, изобрѣтали и заимствовали; поэтому трудно опредѣлить, что̀ принадлежитъ собственно имъ, даже въ ихъ религіи.

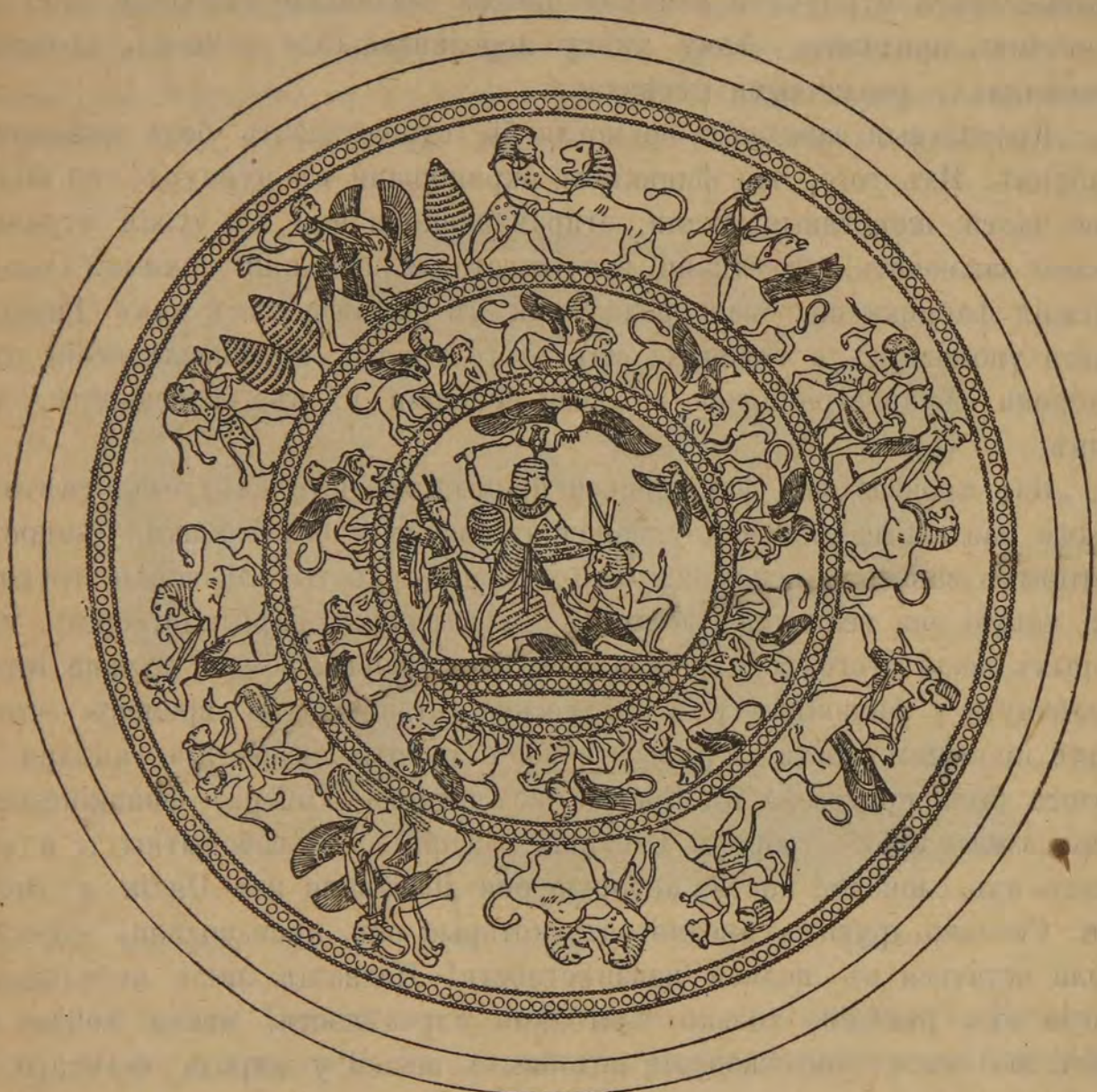
Отрывокъ перевода одного автора, существованіе котораго, впрочемъ, сомнительно, *Санхоніатона* [2]), комментаріи къ Библіи, болѣе

---

[1]) Heeren: *Du commerce et de la politique des peuples de l' antiquité.*

[2]) Писатель Санхоніатонъ, быть можетъ, современникъ троянской войны, какъ предполагаютъ, изложилъ ученіе о происхожденіи финикійскихъ божествъ, отъ кото-

глубокое знакомство съ Египтомъ и религіями Азіи дали возможность новѣйшимъ ученымъ высказать нѣкоторыя догадки о финикійскихъ вѣрованіяхъ. По мнѣнію Крейцера, финикіяне вначалѣ поклонялись одному общему богу Природы, отличавшемуся отъ нея по происхожденію,



Изображенія на серебряной вызолоченной чашѣ, относящіяся къ миѳу Геркулеса и Іолая. Чаша найдена въ Идаліонѣ на Кипрѣ (изъ „Всеобщей Исторіи“, изд. Онкеномъ).

но вслѣдъ затѣмъ слившемуся съ нею и раздробившемуся во множествѣ различныхъ олицетвореній. Этотъ богъ назывался *Эль* или *Эліунъ*, весьма Высокій, Белъ или Баалъ—господинъ, и онъ получалъ названія, часто принимавшіяся за имена собственныя: Аданъ — властитель, Молохъ—царь, Адодъ или Ададъ—богъ боговъ, высшій богъ [1]).

раго остались лишь незначительные отрывки. Но и эти отрывки извѣстны только по переводамъ.

[1]) Guigniaut et Creuzer: *Religions de l'antiquité.*

Различныя формы *Ваала,* повидимому, могутъ быть сведены къ тройственной формѣ *Белитана* (древняго Ваала), *Ваалъ-Самина* (Адонисъ), *Ваалъ Хамана* (Молохъ). Эти три бога соединялись съ тремя богинями: *Реа* (или Атергатисъ), *Діоне* (или Ваалтисъ) и *Астарти* (или Астаротъ). Эти боги и богини имѣютъ свои воплощенія на землѣ. Къ нимъ принадлежитъ *Мелькартъ* или Геркулесъ Тирскій, начало то охраняющее, то разрушающее, божество, покровительствовавшее могущественному городу Тиру. Извѣстно, что древніе имѣли обыкновеніе заковывать въ цѣпи статуи своихъ боговъ, когда государство находилось въ опасности, чтобы помѣшать ихъ бѣгству. У финикіянъ идолъ *Мелькарта* почти постоянно былъ въ цѣпяхъ. Кромѣ того, въ Карѳагенѣ такъ же, какъ и въ Тирѣ, и, вѣроятно, во всѣхъ финикійскихъ колоніяхъ, ежегодно въ честь его зажигался костеръ, изъ котораго вылеталъ орелъ. Это торжество происходило весною и, безъ сомнѣнія, было символомъ солнца и времени, исчезающаго и снова возрождающагося. Къ этому празднику съѣзжались посольства или *θεоріи* изъ всѣхъ колоній, приносившія народному богу, по преимуществу, свое почитаніе и богатые дары. Мелькартъ, такимъ образомъ, служилъ священною связью всей системы финикійскихъ союзныхъ городовъ.

Золотая серьга съ филиграновой работой (изъ финикійскаго некрополя въ Сардиніи).

Кромѣ того, каждый городъ имѣлъ свои мѣстныя божества: въ Азотѣ былъ *Дагонъ*, въ Яффѣ *Деркето*, въ Библосѣ — *Адонисъ* и *Астарта*. Второстепенныя божества или *Кабиры* окружали Ваала и Мелькарта: они представляли небесныя тѣла.

Это сложное и грубое вѣроученіе было однимъ изъ самыхъ позорныхъ по своимъ ужаснымъ обычаямъ, заимствованнымъ у древнихъ хананеянъ, допускавшихъ, между прочимъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, сожженіе живыхъ дѣтей въ честь Ваала-Молоха. Трудно объяснить, какимъ образомъ у народа, достаточно развитого въ умственномъ отношеніи, могли удержаться человѣческія жертвы первобытныхъ временъ. Этотъ отвратительный обрядъ былъ перенесенъ даже въ колоніи и, въ особенности, въ Карѳагенъ. Впрочемъ, эти обычаи были соединены съ погребальными обрядами, которые отличали ихъ отъ подобныхъ же оргій въ Вавилонѣ.

Финикіяне доставили Европѣ, какъ мы укажемъ ниже, азбучную систему, которою она пользуется до сихъ поръ; но мы не знаемъ ни финикійскаго языка, ни финикійской литературы. Нѣмецкій ученый Моверсъ установилъ существованіе архивовъ и священныхъ памятниковъ въ видѣ столбовъ съ надписями, имѣвшихъ значеніе финикійскихъ лѣтописей. Но ни одно изъ этихъ произведеній не сохранилось. Были найдены только медали и надписи [1]), главнымъ образомъ, въ Марсели (1846), касавшіяся религіозныхъ предписаній. Наиболѣе полная надпись, которую можно было прочесть, была найдена на саркофагѣ

Атаргатисъ Деркето въ ея рощѣ, окруженная женщинами (изъ „Вс. Ист.“ Онкена).

Эшмунъ-Эзера, вырытомъ вблизи древняго Сидона и перевезенномъ въ Луврскій музей.

Въ 1860 г. французская армія была отправлена для защиты христіанъ въ Сиріи отъ фанатизма друзовъ, и къ ней присоединилась ученая экспедиція съ Эрнестомъ Ренаномъ во главѣ. Но финикійскія древности до такой степени оказались разрушенными народами, смѣнявшими другъ друга на этомъ берегу, что надежда возстановить ихъ окончательно потеряна. Раскопки привели къ открытію лишь громадныхъ фундаментовъ, служившихъ основаніемъ стѣнъ. „Обширная обработка камня, — говоритъ Ренанъ, — составляетъ характерную черту древней Финикіи“. Впрочемъ, Финикія—единственная страна въ

[1]) Въ 1735 г. на Мальтѣ были найдены два канделябра, украшенные надписью греческой и финикійской. Въ 1837 г. нѣмецкій ученый Генезіусъ напечаталъ сборникъ подъ названіемъ: *„Всѣ памятники письменности и языка финикіянъ“*.

мірѣ, гдѣ промышленность оставила послѣ себя замѣчательные остатки. „Промышленныя орудія, столь хрупкія у насъ, здѣсь имѣютъ колоссальные размѣры. Виноградные прессы и рыбные садки финикіяне строили на вѣкъ“ [1]).

Хотя до насъ дошло очень мало остатковъ финикійскихъ древностей и литературы, но за то намъ извѣстна система ихъ *письма*. Теперь уже несомнѣнно доказано, что финикіяне не изобрѣли письменныхъ знаковъ, какъ это думали раньше, и что азбука ихъ развилась изъ египетскихъ іероглифовъ; тѣмъ не менѣе, они оказали человѣче-

Изображеніе финикійскаго храма съ тройнымъ порталомъ, вытисненное на золотомъ листѣ (изъ Микенъ) (изъ „Вс. ист.“ Онкена).

Финикійскія монеты, найденныя на Кипрѣ (изъ „Вс. ист.“, изд. Онкеномъ).

ству серьезную услугу, воспользовавшись лишь *фонетическими* знаками. Они исключили знаки идеографическіе и символическіе, которые своею многочисленностью до сихъ поръ затрудняютъ ученыхъ египтологовъ. Они свели количество буквъ къ *двадцати двумъ*, съ помощью которыхъ стало возможнымъ выражать самыя разнообразныя мысли.

Греки приняли финикійскія буквы, подвергнувъ ихъ лишь нѣкоторымъ измѣненіямъ. Латинскіе народы пользовались тѣми же буквами съ еще болѣе упрощеннымъ начертаніемъ, получивъ ихъ изъ глубокой

---

[1]) E. Renan: *Rapport sur la mission de Phénicie.*

древности, такъ какъ латинскій языкъ былъ братомъ, а не сыномъ греческаго языка. Французскій языкъ, происшедшій изъ латинскаго, пользуется тѣми же буквами, такъ же, какъ испанскій, итальянскій и другіе языки, развившіеся изъ латинскаго. Языки германскіе, какъ англійскій и нѣмецкій, такъ же приняли эту азбуку. Благодаря тому, финикіяне заслуживаютъ весьма почетнаго мѣста въ исторіи цивилизаціи, такъ какъ они способствовали образованію языковъ народовъ, которые дали высокіе литературные образцы и лучше всего выразили человѣческія идеи.

Кромѣ того, какъ мы уже видѣли, финикіяне были творцами въ промышленности. Своей торговлей они соединили народы трехъ материковъ Стараго Свѣта. Переплывая море, посредничая между націями, они, вмѣстѣ съ товарами, пускали въ обращеніе мысли, изслѣдовали отдаленныя страны, открывали новыя богатства, давали возможность Западу пользоваться произведеніями Востока, а Востоку—произведеніями Запада. Они показали міру, какимъ образомъ города могутъ достигать высокой степени процвѣтанія, благодаря труду, дѣятельности и бережливости. Финикіяне представили собою самое высшее выраженіе коммерческаго генія, и ихъ мирная слава затмила славу многихъ воинственныхъ народовъ.

Финикійскій народъ, порабощенный сперва ассирійцами, а затѣмъ персами, такъ сказать, возродился въ карѳагенянахъ. По разрушеніи Тира, *Карѳагенъ*, его сынъ, наслѣдовалъ его колоніи и коммерческое значеніе. Основанный около 880 г., Карѳагенъ быстро превратился въ цвѣтущій городъ. Превосходно расположенный на полуостровѣ, соединенномъ съ материкомъ перешейкомъ въ 4 километра, обладая двумя гаванями, сообщавшимися между собой, онъ покрылъ Средиземное море своими судами, и сушу—караванами. „Онъ увеличилъ свое могущество,—говоритъ Монтескьё,— богатствомъ, а свое богатство—могуществомъ“. Онъ могъ распространяться на африканскомъ материкѣ свободнѣе, чѣмъ Тиръ на азіатскомъ; ему достались двѣ провинціи поразительно плодородныя, гдѣ пшеница приносила необычайный урожай. Вслѣдъ затѣмъ онъ утвердилъ свое владычество по всему сѣверному берегу Африки.

Карѳагенъ былъ расположенъ даже лучше, чѣмъ Тиръ, для того, чтобы служить центромъ колоніальнаго государства. Тиръ стоялъ на одномъ изъ концовъ Средиземнаго моря; Карѳагенъ занималъ его середину, господствуя надъ самой широкой частью этого моря, расширяющагося всего болѣе лишь между Франціей и Африкой, Испаніей и Италіей. На берегу этой водной поверхности, столь благопріятно очерченной, наиболѣе приближавшейся къ Западу, гдѣ не было еще ни

одного угрожающаго государства, Карѳагенъ могъ только извлекать выгоды изъ открывавшагося передъ нимъ великолѣпнаго поприща. Кромѣ того, что̀ также отличаетъ его отъ Тира, онъ поддерживался и укрѣплялся воинственной дѣятельностью.

Впрочемъ, войны карѳагенянъ вызывались силою необходимости, вслѣдствіе ихъ географическаго положенія. Имъ было нужно завладѣть большими островами Средиземнаго моря—*Сардиніей*, *Корсикой* и *Балеарскими* островами. Въ особенности, они добивались побѣды надъ Сициліей, гдѣ встрѣтили суровыхъ соперниковъ въ лицѣ грековъ. Начиная съ 480 г., они предпринимали цѣлый рядъ войнъ съ перемежающимся успѣхомъ, отмѣченныхъ кровопролитіемъ и жестокостью: финикіяне, переселившись въ Африку, повидимому, заимствовали у окружавшихъ ихъ варварскихъ народовъ жестокость, свойственную этимъ послѣднимъ. Сицилія сдѣлалась полемъ битвы между карѳагенянами и греками, и соперничество двухъ народовъ окончилось лишь тогда, когда этотъ большой островъ сталъ театромъ войны Карѳагена и Рима.

Карѳагенская монета (величина оригинала). Изъ „Вс. ист.“, изд. Онкеномъ.

Сицилія, вслѣдствіе своей близости и плодородія, постоянно служила для карѳагенянъ приманкой, чѣмъ и объясняется ожесточеніе, съ какимъ они стремились овладѣть этимъ островомъ. Кромѣ того, Сицилія находила въ Карѳагенѣ наиболѣе скорый сбытъ своихъ продуктовъ, оливковаго масла и вина. Оживленная торговля велась также съ Италіей, такъ какъ съ весьма ранняго времени карѳагеняне доставляли туда черныхъ невольниковъ изъ внутренней Африки, дорого цѣнимыхъ въ Италіи. Тамъ же они распространяли драгоцѣнные камни, золото и произведенія собственной промышленности. Островъ Мальта, съ давнихъ лѣтъ обитаемый карѳагенянами, былъ знаменитъ превосходными тканями, которыя тамъ выдѣлывались. Изъ Корсики добывали воскъ и медъ, не говоря уже о рабахъ. Островъ Эльба славился и тогда желѣзными рудниками, составляющими до сихъ поръ его богатство. Карѳагеняне наслѣдовали владѣнія финикіянъ въ Испаніи и ихъ торговлю металлами. Долгое время они исключительно пользовались этими выгодами и находили тамъ громадный рынокъ, посредствомъ котораго снабжали товарами множество варварскихъ народовъ, не знавшихъ никого, кромѣ нихъ. Позднѣе, во время войнъ съ Римомъ, желаніе вознаградить потери, понесенныя въ Сициліи, заставило ихъ предпринять покореніе Испаніи.

Менѣе удаленные отъ океана, чѣмъ обитатели Тира, карѳагеняне смѣло направились по ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ и завязали постоянныя сношенія съ народами южной части Великобританіи. На югѣ, на берегу, занимаемомъ теперь Марокко, они основали факторіи. Согласно „Периплу“ Ганнона, путеводителю, изложенному въ надписи, украшавшей одинъ изъ главныхъ храмовъ Карѳагена и переведенной однимъ грекомъ, карѳагеняне достигали до „знойной страны, недоступной вслѣдствіе сильнаго жара“, т.-е. заходили, вѣроятно, за Сенегалъ. Отталкивающій видъ и свирѣпость дикарей, которыхъ они встрѣтили въ этихъ странахъ, окруженныхъ высокими горами, заставляютъ предполагать, что они достигали береговъ Гвинейскаго залива.

Мы имѣемъ мало свѣдѣній о сухопутной торговлѣ карѳагенянъ, такъ какъ они, до извѣстной степени, скрывали свои пути. Трудно сказать, до какого мѣста они доходили въ Ливіи и Суданѣ. Во внутренней Африкѣ они искали всего болѣе черныхъ невольниковъ и, по всей вѣроятности, ходили за ними до Нубіи.

Карѳагеняне, слѣдуя финикійскимъ преданіямъ, дали образецъ большой завоевательной республики, поддерживавшей обширныя колоніальныя владѣнія, оставаясь свободной. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ не достаточно ясныя указанія на значеніе *суффетовъ*, первыхъ должностныхъ лицъ республики; быть-можетъ, они избирались пожизненно, но, тѣмъ не менѣе, были подчинены *сенату*, который, повидимому, держалъ всю власть въ своихъ рукахъ. Несмотря на существованіе *народныхъ собраній*, это было правленіе *аристократическое*, такъ какъ правящій сенатъ составлялся изъ представителей самыхъ богатыхъ фамилій, и верховная власть, въ концѣ концовъ, сосредоточилась въ рукахъ совѣта или суда изъ ста членовъ, *центумвировъ*. Совѣтъ *ста* сохранялъ за собою присмотръ за важными дѣлами, наблюдалъ за суффетами и военачальниками.

Карѳагенскому сенату не доставало мудрости и искусства, впослѣдствіи отличавшихъ сенатъ римскій и обезпечившихъ ему побѣду. Составленный изъ коммерческой аристократіи, онъ имѣлъ цѣлью завоеваній лишь торговыя выгоды и не понималъ, что мягкій образъ дѣйствій по отношенію къ покореннымъ народамъ несравненно лучше упрочилъ бы эти выгоды. Карѳагеняне обнаруживали грубость, требовательность и алчность. Они не довѣряли даже городамъ, окружавшимъ Карѳагенъ, и не допускали иныхъ укрѣпленій, кромѣ предназначенныхъ для защиты метрополіи. Будучи необходимой предосторожностью, противъ попытокъ возмущенія, эта недовѣрчивость впослѣдствіи, почти безъ

сопротивленія, предала римлянамъ территорію Карѳагена. Метрополія, лишенная собственныхъ многочисленныхъ защитниковъ, составлявшихъ силу Рима, подверглась почти немедленному нападенію въ своихъ оплотахъ. Безпощадно обиравшіяся карѳагенскія колоніи вполнѣ готовы были перемѣнить властителей и государство, казавшееся страшнымъ, рушилось быстро, такъ какъ тамъ все было устроено для непосредственной прибыли, а не для господства, обезпечивающаго болѣе прочныя выгоды.

Какъ мы уже сказали, карѳагеняне сами не участвовали въ войнѣ. Они набирали среди варварскихъ народовъ *наемниковъ*, которые не могли быть одушевлены любовью къ родинѣ, составляющей главную силу войскъ. Сенатъ, наказывавшій полководцевъ за слабость или трусость солдатъ, распиналъ вождей, потерпѣвшихъ пораженіе или казавшихся опасными своимъ честолюбіемъ. Несмотря на эти недостатки военной организаціи, угрожавшей даже въ мирное время, вслѣдствіе возмущеній наемниковъ, Карѳагенъ обладалъ преданными и смѣлыми военачальниками, каковы Амилькары и Асдрубалы, и въ войнахъ противъ римлянъ у него былъ не понятый и не поддержанный имъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ древности, Аннибалъ, который въ теченіе семнадцати лѣтъ колебалъ судьбу Рима.

Карѳагенъ погибъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе своихъ *внутреннихъ несогласій*. Партіи Ганноновъ и Барка, нескончаемая борьба между купцами и патріотами обезсиливали республику въ то время, когда Аннибалъ могъ обезпечить ей побѣду. Это могло бы служить краснорѣчивымъ урокомъ для другихъ народовъ, но имъ никто не воспользовался, такъ какъ духъ единенія и согласія, единственное условіе могущества, во всѣ времена осуществлялся съ большимъ трудомъ.

Въ общемъ, Карѳагенъ, такъ же, какъ и Тиръ, былъ лишь торговымъ городомъ, вынужденнымъ поневолѣ развивать у себя военное устройство, къ которому у него вовсе не было склонности, ради защиты отъ римлянъ, народа воинственнаго, пылкаго, честолюбиваго и любившаго родину. Карѳагенъ былъ созданъ для счета, покупки и продажи, но не для войны. Его борьба съ Римомъ обозначаетъ, впрочемъ, одну изъ наиболѣе прославленныхъ исторіей эпохъ, эпоху *Пуническихъ войнъ*, отъ 264 до 146 г. до Р. Х. Этотъ неравный поединокъ окончился не безславно, такъ какъ ожесточеніе римлянъ, съ какимъ они разрушали непріятельскій городъ, доказало, какъ они его боялись, даже побѣжденнаго, и какъ опасались, что изъ него можетъ появиться другой Аннибалъ.

ГЛАВА VI.

Цивилизація арійцевъ.—Индусы и персы.

Арійцы; санскритъ.—Священныя поэмы Индіи.—Религія Брамы.—Будда и буддизмъ.—Плоскогорье Ирана, Мидіи и Персіи.—Мидяне; первое военное устройство.—Персы; ихъ царство, Киръ, Камбизъ, Дарій. — Административное устройство. — Дороги и почта.—Дворъ и пышность персидскихъ царей.—Религія персовъ; Зороастръ. — *Зендъ-Авеста*.—Памятники; Персеполь. — Цивилизація персовъ.—Древняя цивилизація народовъ Востока.

Несмотря на величину области распространенія семитической расы, въ общемъ, господство *арійской расы* преобладало раньше и преобладаетъ теперь. Главные народы племени Іафета, занимающіе Азію и Европу, обозначаются современною наукой общимъ именемъ арійцевъ. Дѣйствительно, они происходятъ отъ *аріевъ*, первоначально утвердившихся въ центральной Азіи на берегахъ Аму-Дарьи и у подножія горной цѣпи Гинду-Куша.

Съ этихъ возвышенностей народы, подобно спадающимъ оттуда воднымъ потокамъ, распространились по различнымъ направленіямъ: къ западной и къ южной Азіи, къ плоскогорью Ирана (Персія) и къ Индіи. Аріи, вѣроятно, произошли отъ двухъ большихъ вѣтвей, къ которымъ принадлежатъ почти всѣ населенія, обитающія отъ Индіи до Атлантическаго океана, за исключеніемъ расы семитической (представителями которой теперь являются арабы).

Предположеніе о родствѣ народовъ было установлено учеными на основаніи родственности языковъ, какими говорятъ такъ-называемые *индоевропейцы*. Священный языкъ Индіи, *санскритъ* былъ первоначальнымъ языкомъ аріевъ. Это—языкъ, богатый окончаніями, звучный и поэтическій. Путешествуя съ востока на западъ, можно прослѣдить различныя измѣненія, давшія начало языкамъ народовъ Персіи, Арменіи и Европы. Если два близко родственные языка, латинскій и греческій, заимствовали свой алфавитъ у народовъ, говорившихъ на языкахъ, называемыхъ *семитическими* [1]), два названныхъ языка, тѣмъ не менѣе, весьма отличаются отъ этихъ послѣднихъ, въ особенности своей гибкостью, измѣнчивостью склоненій и спряженій и извѣстнаго рода плодовитостью, давшей этимъ языкамъ возможность развиться, обогатиться и породить множество нарѣчій. Слова семитичискихъ язы-

---

[1]) По мнѣнію многихъ ученыхъ, письменность вошла въ употребленіе у индусовъ лишь около восьмого вѣка до Р. Х. и была занесена *финикіянами*. Вслѣдъ затѣмъ индусы развили этотъ финикійскій алфавитъ, такъ какъ ихъ собственный заключаетъ въ себѣ до пятидесяти буквъ.

ковъ, сведенныя къ небольшому числу слоговъ, остались до извѣстной степени неподвижными: произношеніе не требуетъ перемѣны; корень не смягчается для выраженій иного оттѣнка. Семитическіе языки называются *аналитическими*: они расчленяютъ идеи; языки же индоевропейскіе, наоборотъ, *синтетическіе* и стараются привести идеи къ возможно меньшему количеству словъ. Греческій и латинскій были языками въ высшей степени синтетичными и разработанными, но французскій и англійскій частью утратили этотъ характеръ и сдѣлались языками аналитическими.

Несмотря на эти различія языковъ (изученіе которыхъ относится къ сравнительной грамматикѣ), индоевропейскіе языки, на которыхъ говорятъ отъ береговъ Ганга до береговъ Сены и Тахо, имѣютъ одинаковые пріемы, тѣ же грамматическія окончанія, какъ и санскритъ, и извѣстное число одинаковыхъ съ нимъ корней. Уже это служитъ доказательствомъ, устанавливающимъ связь народовъ, и располагаетъ насъ смотрѣть на индусовъ, какъ на нашихъ родичей.

Около трехъ тысячъ лѣтъ до начала христіанской эры, арійцы пѣли на берегахъ Инда гимны, собранные подъ именемъ *Ведъ*. Эти гимны обнаруживаютъ передъ нами поклоненіе природѣ, и уже весьма сложную миѳологію. Съ Инда арійскія племена проникли въ богатую долину Ганга; волненія и войны этой эпохи завоеваній создали эпическіе разсказы, собранные въ одной громадной поэмѣ, священной и народной въ одно и то же время, содержащей не менѣе 250.000 стиховъ—*Магабаратъ*. Арійцы распространились затѣмъ въ другихъ частяхъ полуострова Индостана, и воспоминаніе объ этихъ новыхъ походахъ сохранилось въ *Рамайянѣ*, другой поэмѣ, заключающей не менѣе 50.000 стиховъ.

Арійское общество имѣло не только собственную литературу, но и свое законодательство, *законы Ману*, составленіе которыхъ, быть можетъ, предшествовало окончательной обработкѣ текста великихъ эпическихъ поэмъ. Нѣкоторые ученые опредѣляютъ время установленія этихъ законовъ около десятаго вѣка до начала христіанской эры. При всемъ своемъ несовершенствѣ, эти законы, допускавшіе полигамію и раздѣленіе народа на неравныя касты, выказывали уже стремленіе къ общественной организаціи.

Эти законы были не что иное, какъ примѣненіе религіозныхъ ученій. *Брама*, вѣчное существо, создатель видимаго міра, былъ одновременно отцомъ боговъ и людей. Среди боговъ въ особенности выдѣлялся Индра—властитель тверди, Яма—повелитель ночи и умершихъ, Варуна—владыка океана и т. д. Позднѣе браминская религія приняла

и помѣстила на одну степень съ Брамой, создателемъ, бога Вишну, хранителя, и Сиву, разрушителя и возстановителя.

Но она не ограничилась этимъ тройственнымъ божествомъ. Второстепенныя божества умножились въ такой мѣрѣ, судя по существовавшей системѣ счисленія, что отъ числа 33 достигли до 3.330, затѣмъ 330.000 и, наконецъ, 330 милліоновъ боговъ: это было выраженіемъ самаго крайняго *пантеизма*.

Когда все сдѣлалось божествомъ, и всѣ люди стали людьми неодинаковаго достоинства. Брама создалъ четыре класса людей: изъ своихъ устъ онъ произвелъ *брамановъ* (жрецовъ); изъ рукъ—*кшатріевъ* (воиновъ); изъ бедръ—*вайсіевъ* (земледѣльцевъ, торговцевъ); изъ ногъ—*судръ* (рабовъ). Послѣдняя каста,—вѣроятно, иного происхожденія и цвѣта,—была создана для служенія другимъ. Еще ниже стояли племена нечистыя, происшедшія отъ запрещеннаго смѣшенія между четырьмя первоначальными кастами, и среди этихъ племенъ *паріи* (пахаріи), во всѣ времена въ Индіи считались самыми низкими, презираемыми изъ людей. Браманы, основавшіе этотъ общественный строй на религіи, которую они держали въ своихъ рукахъ сдѣлались привиллегированнымъ классомъ.

Ученіе брамановъ было основано на вѣрованіи въ переселеніе душъ. Жизнь и смерть составляютъ одинъ кругъ, черезъ который постоянно проходятъ существа, при чемъ измѣняются лишь состоянія ихъ. Вѣчное возрожденіе награждаетъ или наказываетъ всѣ существа, смотря по тому, были ли они добры или злы, и заслужили ли перемѣщеніе въ высшіе классы или возвращеніе въ низшихъ животныхъ. Блаженство на небѣ Индры или мученія ада, безъ сомнѣнія, сами по себѣ составляютъ награду и наказаніе, но не на вѣчныя времена. То и другое предшествуютъ лучшему или худшему земному существованію. Браманы, испытавъ различныя степени существованія, удостоились родиться въ этой высшей кастѣ среди остального человѣчества, и только душа брамана можетъ быть принята въ нѣдра Брамы и возвратиться въ лоно вѣчности, откуда она вышла.

Несмотря на всю первобытность этого вѣрованія въ будущую жизнь, въ заслуги и проступки, въ вину и наказаніе, въ добродѣтель и награду, оно достаточно показываетъ намъ, насколько древнія общества Индіи искали освобожденія отъ грубаго матеріализма, какимъ была проникнута ихъ религія. Цари, боги въ человѣческой формѣ, постоянно призывались законами Ману къ исполненію своихъ обязанностей, правителей государства.

Браманы, повидимому, въ значительной степени разработывали и

науки, а именно: астрономію, медицину и философію. Между древними философскими ученіями Индіи и ученіемъ многихъ мудрецовъ Греціи замѣчается иногда поразительное сходство, неожиданное совпаденіе, позволяющее предполагать извѣстное распространеніе на Западѣ первоначальной философіи арійцевъ съ береговъ Ганга.

Браманы, впрочемъ, часто стремившіеся сами къ совершенствованію въ строгой жизни отшельниковъ, налагали на индусовъ многочисленныя предписанія относительно обрядностей, чистоты и пищи, и, кромѣ того, суровыя искупленія за малѣйшее нарушеніе установленныхъ правилъ. Неподвижные въ своихъ кастахъ, жившіе подъ вѣчнымъ религіознымъ страхомъ, угнетенные царями, злоупотреблявшими своимъ божественнымъ значеніемъ, подавленные налогами, индусы испытывали дѣйствительность золъ и страданій, изъ которыхъ, по предсказаніямъ брамановъ, состояло все существованіе. Но эта тяжелая и угнетающая система не могла продолжаться и вызвала религіозное возмущеніе, во главѣ котораго сталъ Будда.

Родившійся въ 622 г. до Р. Х., *Сакіямуни*, прозванный *Будда* (мудрецъ), былъ сыномъ царя. Обладая вдумчивымъ умомъ, Будда рано отказался отъ міра, одѣлся въ платье нищаго отшельника и поступилъ сначала въ школу брамановъ, но не нашелъ въ ихъ ученіи того, чего искалъ,—освобожденія отъ человѣческихъ бѣдствій. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ строгаго уединенія въ Урувильвѣ, въ тѣни фиговаго дерева, которое съ тѣхъ поръ почиталось и называлось деревомъ мудрости, онъ окончилъ опредѣленіе началъ своей системы. „Ученіе Сакіямуни, къ своей первоначальной формѣ, то, которое онъ проповѣдывалъ самъ, заключается въ идеѣ нравственнаго блага и въ примѣненіи его къ жизни“. Оба эти свойства, присущія человѣческой совѣсти, были затемнены и извращены установленіями браманизма: великая душа урувильвскаго пустынника нашла и возстановила ихъ. Согласно этому ученію, всѣ люди, прежде всего, равны между собою; всѣ одинаково призваны, смотря по ихъ нравственнымъ даннымъ, къ достиженію спасенія и должны идти одинаковыми путями къ освобожденію, которое избавитъ ихъ отъ страданій и окончательно выведетъ изъ рокового и безконечнаго круга переселеній. Отсюда исходитъ ихъ обязанность относиться другъ къ другу по-братски, съ неизмѣнной доброжелательностью, не дѣлать ничего достойнаго порицанія, быть всегда добродѣтельными, руководить своими склонностями, употреблять всѣ усилія для достиженія совершенства, нравственнаго и умственнаго, которое выражается словомъ *бодхи* (высшій разумъ). Тѣ, кто ведутъ жизнь, во всемъ согласную этому ученію и предписаніямъ правилъ

вѣчнаго закона, сдѣлаются буддами и послѣ смерти достигнутъ *Нирваны* (уничтоженіе, бездна) [1]).

Нравственное ученіе Будды, по справедливости, пріобрѣло широкую извѣстность. Ученіе этого реформатора, устанавливающее отношенія людей между собою, заключается въ правилахъ добра, милосердія, благотворительности. Кромѣ этихъ основныхъ предписаній, безъ которыхъ не можетъ быть общества, другія касаются смиренія и терпѣнія, мужества, и, въ особенности, милостыни, безграничной милостыни. Вѣрующіе, главнымъ образомъ, должны были стремиться къ совершенствованію. Они должны были два раза въ мѣсяцъ исповѣдываться въ грѣхахъ, и даже цари, тронувшись проповѣдью Будды, всенародно каялись въ своихъ грѣхахъ.

Но буддизмъ, столь замѣчательный, какъ философская система и нравственное ученіе, былъ вскорѣ преобразованъ послѣдователями его основателя. Будда, въ сущности, не создалъ никакой обрядности, не вдавался въ сложную миѳологію. Ученики впослѣдствіи смѣшали его ученіе съ баснями браманизма, и придумали послѣдовательный рядъ божествъ. Ученіе о переселеніи душъ было также возстановлено и дополнено. Самъ Будда сдѣлался предметомъ множества легендъ, одна невѣроятнѣе другой, касавшихся различныхъ состояній, въ какихъ онъ долженъ былъ находиться до превращенія въ совершеннаго Будду. Разстроенное воображеніе *индусовъ* увлекалось преувеличеніями, граничившими съ безуміемъ, не поддающимися даже описанію. „Буддизмъ,—говоритъ Бартелеми Сентъ-Илеръ,—не имѣлъ успѣха въ Индіи, на мѣстѣ своего происхожденія, а въ тѣхъ странахъ, куда онъ укрылся, его вліяніе, несмотря на всю его благотворность во многихъ отношеніяхъ, не привело къ преобразованію нравовъ жившихъ тамъ народовъ. Они остались подъ властью наиболѣе унизительнаго и произвольнаго ига“ [2]).

Вѣтвь арійской семьи, направившаяся изъ центральной Азіи къ западу, пріобрѣла больше силы, чѣмъ вѣтвь индійская, безъ сомнѣнія, хорошо одаренная, но быстро ослабленная климатомъ долины Ганга.

Западные арійцы или *иранцы* расположились сначала на Иранскомъ плоскогорьи, обрамленномъ на востокѣ *Солиманскими* горами, на сѣверѣ—горами *Хорассана*, цѣпью *Эльбурсъ*, на западѣ—горами *Эльвендъ*, а на югѣ цѣпью горъ менѣе высокихъ и понижающихся къ Персидскому заливу и Персидскому морю. Это плоскогорье, раздѣленное въ

---

[1]) Fr Lenormant, *Manuel d'histoire ancienne.*

[2]) Barthélemy Saint-Hilaire, *Le Bouddha et sa religion.*

настоящее время между Персіей, Афганистаномъ и Белуджистаномъ, испытываетъ поперемѣнно то рѣзкій холодъ, то удручающій жаръ. Воздухъ тамъ сухой; мѣстность за предѣлами горъ мало возвышенна и мало поката, а потому безводна. Немногочисленныя рѣки теряются въ озерахъ. Тѣмъ не менѣе, у подошвы горъ Эльбурса и Демавенда, поднимающихся до 5.000 метровъ высоты, зимы мягки. Въ горахъ Эльвенда лѣто умѣренно, и народонаселеніе можетъ пользоваться свѣжестью тѣнистыхъ долинъ. На возвышенностяхъ, постепенно спускающихся къ Персидскому заливу, часто бываютъ сильные жары, но почва плодородна и покрыта цвѣтущими садами розъ, плодовыхъ деревьевъ и виноградниковъ. Кромѣ внутренней части плоскогорья, занятой солончаковой пустыней, эта страна заключала нѣсколько областей, могущихъ дать средства къ существованію цивилизованному населенію, такъ какъ горы содержатъ мѣдь, желѣзо, свинецъ, золото, серебро и различные породы мрамора. И когда народы избавились отъ хищныхъ звѣрей, они оцѣнили услуги домашнихъ животныхъ, дикаго осла, буйвола, козы, собаки, дромадера и двугорбаго верблюда, до тѣхъ поръ почти неизвѣстнаго въ Ассиріи, и въ особенности различныхъ породъ замѣчательныхъ лошадей.

Разведеніемъ лошадей, главнымъ образомъ, занимались *мидяне*, утвердившіеся въ сѣверо-западной части плоскогорья, у подножія Демавенда. Другое племя, *персы*, жили къ югу по склонамъ, обращеннымъ къ заливу, сохранившему ихъ имя. Это племя, долгое время подчиненное мидянамъ, довольно поздно оставило кочевой и дикій образъ жизни.

Легенды, сообщаемыя Ктезіемъ, по поводу происхожденія мидійскаго царства, восходившаго къ 788 году, при Арбакѣ, были опровергнуты ассирійскими надписями. Мидяне достигли прочнаго устройства лишь при Ціаксарѣ, быть можетъ, вождѣ новаго, пришлаго племени. Во всякомъ случаѣ, Ціаксаръ, въ VII вѣкѣ до Р. Х., организовалъ тамъ настоящее войско.

Простыя идеи, дѣйствительно, появляются всего медленнѣе, какъ у народовъ, такъ и у отдѣльныхъ лицъ. Въ первыя времена ходили на войну не иначе, какъ цѣлыми племенами. Во время битвы сохранялось тоже первобытное устройство, и войско представляло собою безпорядочную толпу. Какъ говоритъ Геродотъ, — „Ціаксаръ первый раздѣлилъ азіатцевъ по различнымъ родамъ оружія; онъ отдѣлилъ копейщиковъ отъ стрѣлковъ и всадниковъ“. Такимъ образомъ, у него явилась пѣхота, вооруженная копьями, легкая пѣхота, вооруженная лукомъ и стрѣлами, и конница. Понадобились вѣка, чтобы придти къ

этому раздѣленію войска, кажущемуся намъ столь простымъ. Но важные успѣхи въ войнахъ соотвѣтствуютъ всегда какому-нибудь значительному прогрессу, какому-нибудь усовершенствованію въ искусствѣ истребленія людей.

Слѣдуетъ полагать, впрочемъ, что восточная изнѣженность оказала вліяніе и на мидянъ: персы, сохранившіе болѣе силы, подчинили ихъ себѣ такъ быстро, что древніе источники объясняли этотъ переворотъ съ помощью выдумокъ, окружавшихъ происхожденіе *Кира*, сводя все дѣло къ дворцовому возмущенію.

Киръ—первый завоеватель, о которомъ мы имѣемъ болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія. Онъ основалъ обширное государство, составленное изъ древнихъ царствъ Азіи, занимавшее все плоскогорье Ирана, долину Тигра и Евфрата, Палестину, Финикію и Малую Азію, гдѣ оно поглотило царство Лидійское и греческія колоніи. Киръ слѣдовалъ политикѣ болѣе человѣчной и разумной, чѣмъ ассирійскіе завоеватели. Онъ освободилъ угнетенные народы и отпустилъ евреевъ въ Іерусалимъ. Лидія и другія царства Малой Азіи, гдѣ развилась цивилизація, переходная между цивилизаціей ассирійцевъ и грековъ, не были ни разрушены, ни опустошены. Персы довольствовались господствомъ, посредствомъ котораго они извлекали больше выгоды умѣренностью, чѣмъ варварствомъ.

Камбизъ, сынъ и преемникъ Кира (529—522), возобновилъ, впрочемъ, худшіе обычаи прежняго времени при завоеваніи Египта: онъ предался излишествамъ, которыя могли служить признакомъ безумія. Но послѣ краткаго возмущенія, Дарій, сынъ Гистаспа (521—485), возстановилъ порядокъ въ персидскомъ царствѣ, увеличивъ его еще Ѳракіей, и распространилъ, такимъ образомъ, свою власть въ Азіи, Африкѣ и Европѣ. Барельефъ *Бехистуна*, близъ Кирманшаха, подтвердилъ и исправилъ разсказы грековъ, показывая намъ Дарія, торжествующаго надъ всѣми возмущеніями. Девять царей, которыхъ приводятъ къ нему въ цѣпяхъ, изображаютъ, согласно сопровождающимъ надписямъ, всѣ области Азіи, одинаково подчиненныя тому, кого греки сами назвали великимъ царемъ.

Хотя народы, которыхъ Дарій изнурилъ налогами, называли этого правителя купцомъ, тѣмъ не менѣе, достовѣрно, что онъ усовершенствовалъ устройство своего громаднаго царства. Онъ раздѣлилъ его на двадцать три *сатраніи*, порученныя *сатрапамъ*, довѣреннымъ представителямъ царя, настоящимъ намѣстникамъ. На ряду съ сатрапами, избиравшимися изъ числа лицъ, наиболѣе приближенныхъ къ царской семьѣ, тамъ были еще *царскіе секретари* или начальники канцеляріи, наблюдавшіе за сатрапами и обличавшіе ихъ въ случаѣ недобросовѣст-

ности. Кромѣ того, войска часто отдавались подъ команду отдѣльныхъ военачальниковъ, и сатрапы пользовались только гражданской властью,— первый опытъ раздѣленія власти, впрочемъ, не удержавшійся. Въ дѣйствительности же, сатрапы, большею частью, соединяли управленіе въ своихъ рукахъ и, соперничая въ роскоши со своимъ повелителемъ, держали себя независимыми правителями до тѣхъ поръ, пока внезапно получавшійся указъ не лишалъ ихъ провинціи или жизни. Сатрапы проявляли деспотизмъ, который отъ времени до времени умѣрялъ деспотизмъ высшей власти.

Такое же простое устройство проявлялось въ распредѣленіи и взиманіи налоговъ. Собирая подати деньгами или натурой, сатрапы отправляли ее царю. Собственно, Персія была освобождена отъ всякихъ сборовъ, но другія провинціи платили налоги, которые оцѣниваются болѣе, чѣмъ въ 660 милліоновъ франковъ. Для облегченія уплаты, Дарій пустилъ въ обращеніе *монету* изъ золота и серебра, носившую его изображеніе съ лукомъ или копьемъ: это были *дарики* [1]). Затѣмъ Египетъ доставлялъ хлѣбъ, Мидія — большое количество рогатаго скота и лошадей, Киликія — бѣлыхъ лошадей, другія провинціи — вино, плоды, рабовъ. Поборы распредѣлялись сообразно плодородію и населенности различныхъ областей, но къ этимъ поборамъ присоединялись и тѣ, какія взимались въ собственную пользу сатрапами, по большей части, алчными и содержавшими свой дворъ болѣе или менѣе пышно.

Для болѣе быстрой передачи приказаній, великій царь устроилъ то, что̀ мы называемъ теперь *почтовыми* учрежденіями. Царскія провинціи пересѣкались дорогами. Лучшая и наиболѣе безопасная вела изъ Сардъ, въ Лидіи, къ Сузамъ, царскому городу. Геродотъ описываетъ ее на всемъ протяженіи, перечисляя многочисленныя станціи. На границахъ провинцій дорога охранялась воротами и крѣпостями. Но мостовъ не было, и рѣки приходилось переплывать на лодкахъ. Въ общемъ, между Сардами и Сузами было сто одиннадцать станцій, и путешествіе продолжалось девяносто дней: этого достаточно, чтобы мы могли имѣть понятіе о размѣрахъ одной лишь половины государства и трудности, какую представляло серьезное управленіе имъ. Впрочемъ, Востокъ никогда не пользовался лучшей администраціей; въ средніе

---

[1]) Въ городахъ и вассальныхъ провинціяхъ были свои монеты. Ученыя изслѣдованія Ваддингтона, члена академіи надписей, подтвердили, что въ персидской монархіи на право чеканки монеты смотрѣли, какъ на исключительную принадлежность городовъ. Монета персидскаго царя выбивалась лишь въ провинціяхъ, управляемыхъ непосредственно его агентами. (Waddington, Mélanges de numismatique, t. 1).

вѣка и въ послѣдующее время народы тамъ всегда были подчинены прихотямъ правителей, то трепетавшихъ передъ главнымъ властелиномъ, то возмущавшихся противъ него.

Верховный властелинъ окружалъ себя толпой военачальниковъ и царедворцовъ, служившихъ ему со всѣми выраженіями преданности, доходившей до обоготворенія. Эти царедворцы исполняли обязанности слугъ, которыя всѣ становились почетными, какъ только дѣло касалось прислуживанія царю. Классы и званія были многочисленны, и знатныя лица гордились титулами родственниковъ, друзей, приближенныхъ царя. На памятникахъ Персеполя встрѣчаются персидскія изреченія, вѣроятно, болѣе древнія, чѣмъ самые памятники, и пережившія этихъ послѣднихъ. Еще и въ настоящее время званіе *родственниковъ* признается *шахомъ* за племенами западной Персіи, которыя пользуются преимуществомъ состоять его тѣлохранителями.

Любовь персидскихъ властителей къ путешествіямъ и къ перемѣнѣ резиденцій была обычаемъ, сохранившимся отъ ихъ древней кочевой жизни: смотря по времени года, они мѣняли свое мѣстопребываніе. Потомки Кира проводили осень и зиму въ Вавилонѣ, весну въ Экбатанѣ, лѣто въ Сузіанѣ: протяженіе царства обезпечивало имъ возможность этой пріятной перемѣны климата. Китайскіе императоры, родомъ изъ Манджуріи, такъ же стараются проводить хорошее время года на своей древней родинѣ.

„Для царской трапезы утвержденъ былъ особый уставъ, который не могъ быть нарушаемъ... Царь пилъ воду только изъ рѣки Хоаспа, орошающей Сузіану; соль доставлялась изъ оазиса Аммона въ Египтѣ, вино—изъ Эхаливана въ Сиріи, а пшеница для хлѣба—изъ Эоліи. Во время путешествій царя, служащіе при дворѣ отправлялись на поиски самыхъ изысканныхъ продуктовъ, производимыхъ провинціями. Царь помѣщался въ одной залѣ, а его наиболѣе знатные гости въ другой, напротивъ, и царь смотрѣлъ на своихъ приближенныхъ сквозь занавѣсъ, а они не могли видѣть верховнаго властителя; только въ праздники царь собиралъ всѣхъ за своимъ столомъ въ большой залѣ“ [1]).

Если правленіе персовъ было лишь подражаніемъ деспотизму ассирійцевъ и египтянъ, то религія первыхъ была выше вѣрованій Мемфиса и Вавилона. Древній законодатель или пророкъ *Зороастръ* (Заратустра) имѣлъ у нихъ значеніе первосвященника, доставившаго имъ живое божественное слово (Зендъ-Авеста).

То, что̀ извѣстно о Зороастрѣ, носитъ чисто легендарный харак-

---

[1]) Champollion-Figeac, *La Perse.*

теръ. Онъ жилъ въ отдаленныя времена въ царствованіе Джемъ-Шида. Родившись въ городѣ Урми, лежащемъ въ Адербиджанѣ, онъ бесѣдовалъ съ Ормуздомъ (Ормаздомъ или Аура-Мазда) и получилъ съ неба *Авесту*. Онъ передалъ эту книгу людямъ, отправляясь въ Бактрію, послѣ двукратнаго перехода черезъ Араксъ и Каспійское море, причемъ онъ и сопровождавшіе его шли прямо по водамъ, и послѣ того, какъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ пустынныхъ горахъ, размышляя о своемъ законѣ. Царь Бактріи, Густхаспъ и его дворъ приняли Зороастра съ почестями. Его проповѣди привлекли къ нему всѣ сердца; его ученость плѣнила умы, но во многихъ возбудила зависть. Каждый день обнаруживались новыя и новыя доказательства величія Зороастра; его вліянію подчинился царь. Когда этотъ послѣдній потребовалъ, чтобы Зороастръ произвелъ какое-нибудь чудо, въ свидѣтельство своей божественной миссіи, Зороастръ отвѣтилъ, что еслибы царь читалъ *Авесту*, онъ не попросилъ бы у него иного чуда. Но мудрецы, изъ зависти, поддерживали царя въ его рѣшеніи требовать чуда отъ Зороастра. Этотъ послѣдній, впрочемъ, вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ испытаній, какимъ его подвергали, и потребовалъ искренняго обращенія въ его ученіе. *Авеста* восторжествовала надъ древнимъ идолопоклонствомъ; религіозныя войны, которыя она возбудила, окончились благополучно; *поклоненіе огню*, символу Вѣчности, было установлено повсюду, и царь воздвигъ алтарь небесному огню, источнику всякаго другого огня. Зороастръ видѣлъ, какъ слава его возростала съ каждымъ днемъ; онъ былъ женатъ три раза, имѣлъ многочисленное потомство и умеръ семидесяти семи лѣтъ, неизвѣстно какимъ образомъ, во время разгрома Бактріи туранцами, фанатическими приверженцами древнихъ вѣрованій. Говорятъ, онъ былъ добръ и человѣколюбивъ, но противорѣчія сдѣлали его жестокимъ, и онъ хладнокровно орошалъ кровью дерево закона [1]).

Авеста (которую мы называемъ Зендъ-Авестой, потому что она написана на священномъ зендскомъ языкѣ) есть сборникъ нѣсколькихъ книгъ, содержащихъ религіозное, нравственное и государственное ученіе Зороастра. Анкетиль-Дюперронъ открылъ у потомковъ послѣдователей Зороастра, которые уже болѣе десяти вѣковъ тому назадъ удалились въ Индію, текстъ нѣсколькихъ изъ этихъ книгъ, озаглавленныхъ *Іясна* и *Виспередъ;* соединенныя подъ именемъ *Вендидада*, онѣ образуютъ *Вендидадъ-Саде*, который жрецы читаютъ постоянно отъ полуночи до восхода солнца. Анкетиль-Дюперронъ перевелъ на французскій языкъ эти три зендскія творенія.

---

1) Anquetil-Duperron, *Zend-Avesta*, t. I.

Книга ученія и наставленія составлена въ формѣ діалога: ученикъ спрашиваетъ, а учитель отвѣчаетъ. „Зороастръ обратился къ Ормузду: О, Ормуздъ, проникнутый совершенствомъ, справедливый судья міра, существующаго въ силу твоего могущества; ты, который есть сама чистота, кто первый изъ людей говорилъ съ тобою, о, Ормуздъ, какъ я, которому ты ясно показалъ божественный законъ Зороастра?“

Вопросы, обращенные къ Ормузду Зороастромъ, захватываютъ собою всѣ правила, законы, обычаи, какими должны руководиться люди согласно новому закону; опредѣлены грѣхи, пороки и преступленія; наказанія, примѣняемыя за каждый изъ нихъ, тщательно предписаны и разработаны. И каждый разъ Зороастръ, опредѣляя значеніе поступка, въ случаѣ сомнѣнія или мнимаго пониманія, получаетъ изъ устъ Ормузда рѣшенія, пріобрѣтающія значеніе постановленій вѣры и закона.

Ученіе Зороастра, сохраненное магами и образовавшее *маздеизмъ* или магизмъ (религія, явившаяся изъ Мидіи), можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: подъ властью высшаго существа, перваго начала или Зирваны, состоятъ два генія *Ормуздъ* (Аура-Мазда) и *Аримань* (Ангромаиньу), одинъ—образецъ и производитель всего добраго, а другой—причина всякаго зла, физическаго и нравственнаго. Первому подвластны сонмы добрыхъ геніевъ (амшаспандовъ), второму — толпы демоновъ (девовъ, даевасовъ). Ими проникнута вся природа, начиная отъ ея простѣйшихъ составныхъ частей, до послѣднихъ живыхъ существъ, населяющихъ землю; между добромъ и зломъ, чистымъ и нечистымъ, происходитъ борьба, которая должна продолжаться двѣнадцать тысячъ лѣтъ. Солнце *(Митра)*, огонь, духъ, вода — дѣятели добраго начала; ночь, холодъ, ураганъ въ пустынѣ — дѣятели злого начала. Люди добрые и злые въ этомъ мірѣ, а за ними чистыя животныя — лошадь, быкъ, собака, и нечистыя — волкъ, змѣя и т. д., вращаются въ вихрѣ этой великой борьбы добра и зла, свѣта и мрака, подъ руководствомъ добрыхъ и злыхъ геніевъ, до того дня, когда Ормуздъ побѣдитъ Аримана. Тогда мракъ исчезнетъ, и Ормуздъ будетъ сіять вѣчнымъ свѣтомъ.

Человѣкъ, осаждаемый злыми, и защищаемый добрыми геніями, долженъ жить согласно закону и справедливости. Зороастръ восхваляетъ трудъ. „Благочестивъ тотъ, — говоритъ онъ, — кто здѣсь, на землѣ, построилъ себѣ жилище, въ которомъ держитъ огонь, домашнихъ животныхъ, жену, дѣтей и хорошій скотъ. Кто заставляетъ землю производить хлѣбъ, кто воздѣлываетъ полевые плоды, тотъ воздѣлываетъ чистоту: онъ исполняетъ законъ Аура-Мазды, какъ бы принося сотню

жертвъ". Воззванія Зороастра свидѣтельствуютъ о нравственности уже достаточно возвышенной. Онъ описываетъ испытанія души послѣ смерти. „Геній Рашну взвѣшивалъ ея добрыя и злыя дѣла на безошибочныхъ вѣсахъ и оправдывалъ ее или осуждалъ, смотря по свидѣтельству ея собственной жизни. По выходѣ изъ судилища, ее приводили ко входу на мостъ Синватъ, перекинутый черезъ адъ и приводившій въ рай. Грѣшная душа не могла перейти и падала въ бездну; чистая душа проходила безъ труда, при помощи добраго духа Зраоши. Она являлась тогда передъ Аура-Маздой, назначавшимъ ей мѣсто, какое она должна была занимать до воскресенія тѣла" [1]).

Ученіе Зороастра скоро исказилось у мидянъ, воспринявшихъ множество азіатскихъ суевѣрій. Маги (магушъ), главнымъ образомъ, развили поклоненіе *огню* и *звѣздамъ*, а затѣмъ стихіямъ. Одѣтые въ длинныя, бѣлыя одежды, съ высокими тіарами на головахъ, они, цѣлыми процессіями, отправлялись къ алтарямъ, приготовляли жертву, совершали возліянія и пѣли надъ приношеніемъ таинственныя изреченія, отъ которыхъ зависѣло все значеніе его. Они приписывали себѣ обладаніе сверхъестественными способностями, умѣньемъ прорицать и объяснять предсказанія. Унаслѣдовавъ тайны халдейскихъ жрецовъ, они изощрились въ искусствѣ гаданія и толкованія явленій или въ направленіи силъ природы, искусствѣ, сохранившемъ ихъ имя, *магіи*.

Персы не воздвигали храмовъ, не желая заключать свои божества въ тѣсныя жилища, но они строили великолѣпные дворцы, въ подражаніе ассирійцамъ. Эти дворцы увѣнчивались обширными террассами, располагавшимися ярусами: туда вели гигантскія и удивительно изукрашенныя лѣстницы. Царственные алтари помѣщались на вершинѣ зданія для усиленія величественнаго и грознаго впечатлѣнія. Обломки колоннъ и памятниковъ найденныхъ, главнымъ образомъ, вблизи Чиль-Минара въ Персеполѣ, священномъ городѣ царственныхъ торжествъ, даютъ высокое понятіе о великолѣпіи персидскихъ царей.

Протяженіе Персеполя было значительно. Одинъ дворецъ, сохранившійся только частью, имѣетъ около 1.400 метровъ въ окружности. Внутренняя стѣна построена изъ гранита, хорошо отполированнаго; камни имѣютъ поразительные размѣры: 12—16 метровъ—длина почти обыкновенная. Съ западной стороны во дворецъ ведутъ двѣ великолѣпныя лѣстницы, каждая въ пятьдесятъ пять ступеней, около семи метровъ шириною. Скаты ихъ такъ отлоги, что цари въѣзжали по нимъ верхомъ; то же дѣлаютъ и современные намъ путешественники. Дво-

[1]) Maspero, по George Rawlinson: *Les cinq grandes monarchies de l'Orient.*

рецъ открывается двумя портиками, приблизительно, въ 16 метровъ высоты; два быка съ человѣческими головами, колоссальныхъ размѣровъ, украшаютъ входъ. Такимъ образомъ, достигаютъ второй лѣстницы, одинаковой съ первою, оканчивающейся новымъ портикомъ, который поддерживается семьюдесять юколоннами, около 26 метровъ высоты, признаваемыми за образцы совершенства каменной кладки. Персы, очевидно, подражали памятникамъ ассирійцевъ, которые они сохранили, впрочемъ, въ Вавилонѣ, но ихъ собственныя постройки были менѣе тяжеловѣсны и носили отпечатокъ извѣстнаго благородства.

Историческія и религіозныя картины состоятъ изъ скульптурныхъ изображеній и, какъ увѣряютъ, тамъ насчитывается не менѣе трехъ тысячъ человѣческихъ фигуръ въ натуральную величину; всѣ эти картины сопровождаются надписями изъ *клинообразныхъ* буквъ.

Неограниченный монархъ, сатрапы, часто столь же могущественные, какъ и цари, мелочныя формальности, торжественные церемоніалы, преобладающая каста маговъ,— вотъ изъ чего состоялъ государственный строй персовъ. Тамъ были, впрочемъ, слѣды нѣкоторой административной организаціи; извѣстный порядокъ поддерживался въ государствѣ. Молитвы персовъ возвышенны и прекрасны. Ложь считалась у нихъ позоромъ. Воспитаніе, по крайней мѣрѣ, дѣтей царя и сановниковъ, было тщательнымъ. Между собою персы были очень вѣжливы, отдавая всегда должное общественному положенію. У нихъ было уже нѣкоторое чувство изящества. Вмѣстѣ съ ними мы выступаемъ изъ временъ полуварварскихъ.

Первоначальные народы Востока, естественно, не могли достигнуть истинной цивилизаціи. Было бы несправедливо требовать отъ народовъ младенческихъ умственной зрѣлости и опытности. Весьма достаточно уже и того, что они заслужили вѣчное воспоминаніе о себѣ, одни за прогрессъ, внесенный въ цивилизацію матеріальную, другіе—въ цивилизацію нравственную. Но мы не можемъ еще сдѣлать имъ надлежащей оцѣнки за недостаткомъ полныхъ и точныхъ документовъ.

Впрочемъ, развѣ не достаточно и того, что въ Египтѣ процвѣтало организованное общество, оставившее намъ памятники, которые возбуждаютъ наше удивленіе? Вавилонъ и Ниневія въ своихъ стѣнахъ видѣли скопленія многочисленныхъ населеній изящныхъ и утонченныхъ. Іерусалимъ слышалъ звуки величайшихъ молитвъ, пережившихъ вѣка. Финикіяне, своей промышленной и торговой дѣятельностью, разнесли далеко и какъ бы разсѣяли по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря зачатки искусствъ и начала письменности. Персы дали первый образецъ государственнаго строя, который, несмотря на свой деспотизмъ,

Царь умерщвляетъ ариманское животное.

щадилъ покоренныя націи; будучи язычниками, они исповѣдывали религію, стоявшую выше фетишизма первоначальныхъ народовъ.

Искусства Египта и Ассиріи указали путь народу греческому, который довелъ *искусство* до совершенства. Финикія обязана своей болѣе прочной славой не *торговлѣ*, а *азбукѣ*, принятой народами Европы. Іудея дала *религіозное ученіе*, которое, измѣнившись и развившись, сдѣлалось религіей современнаго міра.

Тѣсная связь соединяетъ эту первую цивилизацію съ тѣми, которыя явятся въ будущемъ. *Матеріальная цивилизація* египтянъ, ассирійцевъ, финикіянъ и персовъ должна была развить цивилизацію грековъ, которые ее превзойдутъ и перейдутъ къ *цивилизаціи нравственной*. Религія евреевъ подготовляетъ путь для христіанства. Искусства, промышленность, науки, религія Европы, до извѣстной степени, получили начало въ этихъ странахъ Востока, и современное общество не могло бы относиться къ себѣ сознательно безъ этихъ отдаленныхъ обществъ, отъ которыхъ оно происходитъ, подобно рѣкѣ, составленной изъ различныхъ ручьевъ и увеличенной потоками, которые въ ней смѣшиваются и очищаются.

ГРЕЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ.

ГЛАВА VII.

Религія грековъ.

Страна; исторія грековъ съ точки зрѣнія географіи.—Происхожденіе эллинскаго семейства.—Религія грековъ; миѳологія.—Боги по Гомеру.—Рокъ.—Немезида.—Герои.—Орфическія таинства.—Религіозная мораль грековъ.—Обряды.—Гаданіе.—Оракулы; дельфійская Пиѳія.—Совѣтъ амфиктіоновъ.—Общественныя игры.—Характеръ и значеніе греческой религіи.—Религіозныя и нравственныя идеи у Пиндара.—Дельфійскій храмъ.

Востокъ далъ первый образецъ обществъ, но незаконченный, и затѣмъ погрузился въ дремоту, изъ которой ничто не могло его вывести. Только Европа видѣла, какъ создавались цивилизаціи, дѣйствительно, достойныя этого имени. Греція первая достигла неоспоримаго превосходства, стяжавшаго ей честь называться наставницей человѣческаго рода. Свѣтъ, который она зажгла, сосредоточенный сперва въ тѣсномъ пространствѣ, потомъ распространился, далеко озарилъ весь древній міръ и зажегъ всѣ очаги современной жизни.

Греція—небольшая страна, полуостровъ, связанный съ другимъ боль-

шимъ полуостровомъ (Балканскимъ). Первый полуостровъ еще раздѣляется и образуетъ третій, представляющій подобіе руки съ раздвинутыми пальцами или, скорѣе, листа платана или шелковицы (отсюда названіе Мореи, данное древними Пелопонезу). Тѣмъ не менѣе, Греція, благодаря тому, что ея берега изрѣзаны моремъ, представляетъ длину береговой линіи, равную протяженію береговъ Испаніи и Португаліи. „Мысы ея,—говоритъ Монтескье,—какъ будто отодвигаютъ моря, а открывающіеся со всѣхъ сторонъ заливы какъ будто снова даютъ имъ доступъ". Многочисленные острова, которыми окружена эта страна, по выраженію Цицерона, „плаваютъ, такъ сказать, вокругъ нея, со своими городами и ихъ обитателями". Острова эти, какъ сваи огромнаго моста, соединяютъ ее съ берегомъ Малой Азіи на востокѣ и—Италіей на западѣ. Такимъ образомъ, самой природой греки были предназначены сдѣлаться народомъ-мореплавателемъ.

Въ своей внутренней части, Греція, образуемая оконечностями восточныхъ Альпъ и развѣтвленіемъ послѣднихъ отроговъ ихъ на полуостровѣ Пелопонеза, представляетъ, вмѣсто обширныхъ равнинъ, рядъ небольшихъ, глубокихъ долинъ, удобныхъ для обитанія отдѣльныхъ народностей, ревниво оберегающихъ свою самостоятельность, но горячо отстаивающихъ общую независимость, свою и своихъ соплеменниковъ. Рѣзкія очертанія горъ, вырѣзывающихся въ яркомъ свѣтѣ на голубомъ небѣ, должны были не мало способствовать тому, что умъ грековъ пріобрѣлъ чистоту, точность, склонность къ изящнымъ линіямъ и гармоніи, образующую характерную черту греческаго генія [1]).

Греки принадлежатъ къ великой семьѣ арійцевъ. Они такъ же, какъ и предшественники ихъ, пелазги, пришли изъ Азіи. Ихъ происхожденіе имѣетъ много сходства съ происхожденіемъ евреевъ семитической расы. Судя по ихъ легендамъ, которыя оспариваются современной научной критикой, они произошли отъ одного корня, отъ семьи *Эллена*. Отъ Эллена произошли *Эолъ*, предокъ эолійцевъ, *Доръ*, пре-

---

[1]) Исторія грековъ была почти совершенно обновлена въ XIX вѣкѣ трудами европейскихъ ученыхъ. *Французская школа въ Аѳинахъ*, основанная въ 1846 г., уже доставила обильную жатву и насчитываетъ среди своихъ наиболѣе извѣстныхъ сотрудниковъ. Бёле, Альбера Дюмона, Ж. Жирара, Фюстель де-Куланжа, Жоржа Перро, Гёзея, Фукара и т. д. Мы не можемъ здѣсь перечислить всѣ изданныя ими драгоцѣнныя замѣтки о греческой археологіи. Что касается общей исторіи Греціи, то нѣмецкій ученый Эрнестъ Курціусъ написалъ о ней прекрасную книгу, а англичанинъ Гротъ разработалъ ее въ обширномъ видѣ, опираясь на множество документовъ. В. Дюрюи сдѣлалъ изъ этого труда блестящее извлеченіе, заключающееся въ двухъ томахъ, которые онъ издалъ съ иллюстраціями, сходными съ его прекрасной *Исторіей римлянъ*.

докъ дорійцевъ, затѣмъ *Ксутъ*, произведшій Іона и Ахея, предковъ іонійцевъ и ахейцевъ. Такимъ образомъ, эллинское семейство составилось изъ четырехъ племенъ; они подраздѣлялись на множество народцевъ, которые, несмотря на духъ раздѣленія, не переставали сознавать въ себѣ общность крови и составляли одно цѣлое, благодаря могущественной связи одной и той же религіи, одинаковаго языка при всемъ различіи нарѣчій, и одного и того же политическаго строя, вопреки разнообразію учрежденій.

Въ Грецію съ ранняго времени переселялись чужеземцы: изъ Египта (Кекропсъ, Данай), изъ Азіи (Кадмъ, Пелопсъ). Благодаря тому, она отчасти ознакомилась съ цивилизаціей этихъ странъ. Греки сами признавали, что они во многомъ обязаны египтянамъ. Но какова бы ни была доля чужеземнаго вліянія, очевидно, что греки своеобразно переработали свѣдѣнія, полученныя изъ Египта и Азіи. Хотя они и появились позднѣе другихъ народовъ, они извлекли много изъ своихъ собственныхъ силъ. Пылкость воображенія, живость мысли, вѣрность сужденія, тонкое пониманіе, чувство мѣры, художественное творчество были ихъ природными свойствами, которыми они сумѣли воспользоваться.

Эти народности, столь разнообразныя при всемъ своемъ единствѣ, обладали, тѣмъ не менѣе, религіей, въ одно и то же время общей и различной, національной и мѣстной, подвижной, незаписанной въ священныхъ книгахъ, неподдерживавшейся жреческой кастой. Она была, однако, достаточно устойчивой, чтобы образовать собою основу ученія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, давать достаточно простора для безчисленныхъ произведеній поэтовъ, ея настоящихъ творцовъ, ея блестящихъ теологовъ, ея свободныхъ жрецовъ и восторженныхъ пѣвцовъ. Эта религія перестала существовать, но она до такой степени перемѣшана съ греческой литературой, вдохновлявшей позднѣе другія литературы, что миѳологія ея продолжаетъ жить и до сихъ поръ, въ видѣ граціозной фантазіи, никого уже не обманывающей, но все еще очаровывающей весь міръ въ такой степени, что остатки языческой религіи украшаютъ произведенія христіанскихъ авторовъ.

Чѣмъ умственная жизнь грековъ становилась живѣе, тѣмъ болѣе ихъ поражали явленія природы. Въ особенности, на моряхъ, островахъ и горахъ Греціи эти явленія обнаруживались съ несравненнымъ блескомъ. Залитыя свѣтомъ земля и воды кажутся какъ бы сливающимися съ лучезарнымъ небомъ, горячее солнце котораго иногда бываетъ жестокимъ. Разнообразная природа страны свидѣтельствуетъ объ испытанныхъ ею геологическихъ переворотахъ; горы придаютъ ей величественность, внушавшую ея первоначальнымъ жителямъ религіоз-

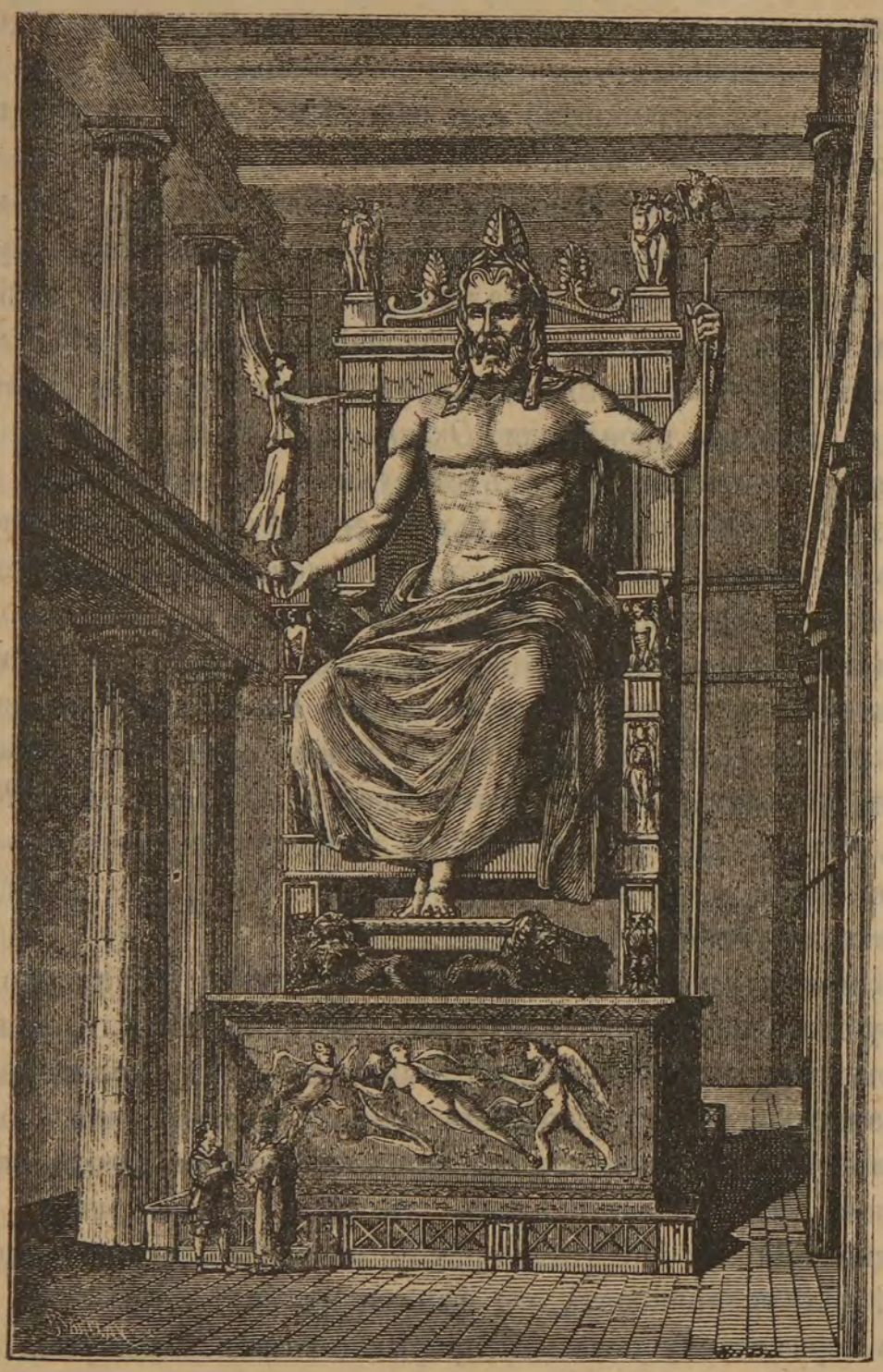
ный страхъ, а разнообразныя произведенія ея и источники, скрытые въ прохладныхъ долинахъ, возбуждали чувство благодарности, выражавшееся въ гимнахъ, посвященныхъ благодѣтельнымъ божествамъ, таившимся въ лѣсахъ и ключахъ. Какъ всѣ первобытные народы, греки обожали природу, но никто лучше ихъ не умѣлъ ее олицетворять, оживлять, приводить въ движеніе, наполнять ее отъ земли до небесъ божествами, страшными или изящными, милостивыми или грозными, походившими на людей.

Греки не сразу возвысились до взглядовъ соразмѣрныхъ и достойныхъ ихъ вкуса. Долго первыя племена придерживались грубыхъ и смутныхъ миѳовъ, которые пытался разъяснить поэтъ Гезіодъ. Въ этихъ миѳахъ мы видимъ сначала появленіе *Хаоса*, затѣмъ *Земли*, *Тартара*, мрачной бездны Земли. Земля произвела *Небо* или *Урана*, а отъ союза ея съ Небомъ произошли *Океанъ*, потомъ *Титаны* и *Хронос*ъ или *Сатурнъ*, не считая другихъ сторукихъ гигантовъ, какъ *Бріарей*. Уранъ, по мѣрѣ того, какъ рождались его дѣти, старался погружать ихъ вновь въ нѣдра земли и находилъ удовольствіе въ этой жестокости. Сатурнъ поразилъ его косой, и изъ разлившейся крови родились *Фуріи*. Сатурнъ сталъ царствовать, но и онъ старался истребить своихъ дѣтей, проглатывая ихъ; жена его *Рея* или Цибела спасла нѣсколькихъ дѣтей отъ его прожорливости, давая ему глотать, вмѣсто нихъ, камни. Она выростила тайно этихъ спасенныхъ сыновей—*Юпитера*, *Нептуна*, *Плутона*, которые затѣмъ царствовали, первый—на небѣ, второй—на морѣ, а третій—въ аду. Потомъ Юпитеръ свергнулъ Сатурна и остался властителемъ міра.

Мы не можемъ воспроизвести здѣсь мрачную и страшную картину этой отцеубійственной борьбы, которая, безъ сомнѣнія, изображала собою геологическіе перевороты. Эти темныя преданія, повидимому, были отчасти заимствованы у финикіянъ и показываютъ намъ, насколько древніе народы интересовались происхожденіемъ міра и человѣка. Одинъ изъ титановъ, *Прометей*, сдѣлалъ изъ сырой земли фигуру человѣка и, для оживленія ея, похитилъ искру небеснаго огня. Юпитеръ, въ наказаніе, велѣлъ приковать его цѣпями къ скалѣ Кавказа; коршунъ постоянно терзалъ ему печень, непрерывно возобновлявшуюся. Юпитеръ не пытался уничтожить произведеніе Прометея, но, какъ говоритъ Гезіодъ, чтобы вознаградить себя за тѣ выгоды, какія человѣкъ долженъ былъ извлечь изъ огня, онъ создалъ женщину, по имени *Пандору*, которая принесла съ собою ящикъ, заключавшій всевозможныя бѣдствія. Бѣдствія выскользнули оттуда, и на днѣ осталась одна лишь надежда. Такая легенда была внушена несправедливымъ чувствомъ къ женщинѣ,

сохранявшимся у народовъ древности, привыкшихъ обращаться съ нею, какъ съ рабой.

Эти миѳы дополнялись еще миѳами о четырехъ вѣкахъ. Сперва боги



Юпитеръ Олимпійскій (Фидія).

создали *золотой вѣкъ*, подъ управленіемъ Сатурна, свободный отъ войнъ, болѣзней и преступленій. За этимъ вѣкомъ слѣдовалъ *вѣкъ серебряный*. Люди того времени, пользовавшіеся долголѣтіемъ, изнѣжились, и Юпитеръ отозвалъ ихъ въ нѣдра земли. Тогда наступилъ *мѣдный вѣкъ*,

жестокій, воинственный, неукротимый. Юпитеръ его уничтожилъ и замѣнилъ людей болѣе правдивой и мужественной расой *героевъ,* которые были награждены безсмертіемъ. За мѣднымъ вѣкомъ послѣдовалъ *вѣкъ желѣзный*, продолжающійся понынѣ. Эти вымыслы, вѣроятно, были смутнымъ воспоминаніемъ о постепенномъ паденіи человѣка, нравственность котораго портилась по мѣрѣ того, какъ нарождающіяся поколѣнія оспаривали другъ у друга богатства почвы. Въ то же время, они указываютъ на знакомство съ различными ступенями, какія должно было проходить человѣчество, согласно и современной наукѣ, прежде, чѣмъ оно достигло общественнаго состоянія временъ историческихъ. Послѣдовательное исчезновеніе различныхъ поколѣній, и потопъ, отъ котораго спасся Девкальонъ на суднѣ, сходны съ преданіями другихъ народовъ арійскаго и семитическаго происхожденія.

Около десятаго вѣка, вѣроятно, въ эпоху, современную Гомеру, жилъ Гезіодъ, излагавшій, по преимуществу, естественную теологію первыхъ временъ. У Гомера миѳологія ближе держится мѣры и предѣловъ человѣческаго пониманія. Природа олицетворяется въ формахъ, сближающихъ боговъ съ людьми. Божества раздѣлены на группы и разряды. Нельзя сказать, чтобы Гомеръ задавался цѣлью изложить послѣдовательно преданія своего времени, записанныя и украшенныя имъ. Не уклоняясь отъ предмета своихъ поэмъ, *Иліады* и *Одиссеи,* онъ постоянно къ дѣйствію ихъ примѣшиваетъ боговъ и не упускаетъ случая остановиться съ удовольствіемъ на божественныхъ легендахъ, по мѣрѣ того, какъ для этого является поводъ. Гомеръ всегда остается поэтомъ, и различныхъ элементовъ, составляющихъ греческую миѳологію, слѣдуетъ искать во всемъ его твореніи.

Юпитеръ сдѣлался верховнымъ властителемъ природы; онъ побѣдилъ всѣхъ, сопротивлявшихся ему, и бросаетъ остальнымъ богамъ слѣдующій горделивый вызовъ:

„Слушайте слово мое, и боги небесъ, и богини:
. . . . . сколько могучѣе всѣхъ я безсмертныхъ!
Или дерзайте, извѣдайте, боги, да всѣ убѣдитесь:
Цѣпь золотую теперь же спустивъ отъ высокаго неба,
Всѣ до послѣдняго бога и всѣ до послѣдней богини
Свѣсьтесь по ней, но совлечь не возможете съ неба на землю
Зевса, строителя вышняго, сколько бы вы ни трудились!
Если же я, разсудивши за благо, повлечь возжелаю,
Съ самой землею и съ самымъ моремъ ее повлеку я,
И моею десницей окрестъ вершины Олимпа
Цѣпь привяжу, и вселенная вся на высокихъ повиснетъ!
Сколько превыше боговъ и сколько превыше я смертныхъ!“ [1])

[1]) *Иліада*, VIII. 18.

Юпитеръ управляетъ силами физическими и духовными. Такимъ образомъ, это—высшая власть и, благодаря ей, божественное единство, нарушенное многочисленной толпой божествъ второстепенныхъ, возстанавливается. Греческая религія не отвергала вполнѣ идеи о единомъ божествѣ и выражала ее въ тысячѣ поэтическихъ произведеній. Несомнѣнно, это былъ политеизмъ (многобожіе), съ безконечнымъ разнообразіемъ формъ, но, тѣмъ не менѣе, стремившійся къ монотеизму.

Мы не можемъ оживить здѣсь обширную семью боговъ, надъ которой царствовалъ Юпитеръ, верховный повелитель, распорядитель неба, земли и ада. Рядомъ съ нимъ возсѣдали двѣнадцать главныхъ божествъ: *Юнона*, его супруга; *Нептунъ*, богъ морей; *Меркурій*, вѣстникъ боговъ и покровитель торговли; *Аполлонъ*, солнце, свѣтъ, разумъ; *Марсъ*, война; *Вулканъ*, огонь, промышленность; *Венера*, богиня наслажденій; *Церера*, производительница жатвъ; *Діана*, богиня лѣсовъ; *Минерва*, мудрость; *Веста*, богиня домашняго очага. Олимпъ, высокая гора въ Θессаліи, служилъ жилищемъ этихъ небесныхъ божествъ, которымъ юная богиня *Геба* изливала нектаръ. Дворъ Юпитера украшался еще присутствіемъ трехъ *Грацій* и девяти *Музъ*, имѣвшихъ мѣстопребываніе также на Парнасѣ и Геликонѣ.

Ниже ихъ стояли божества земли: *Плутусъ*, богъ богатства; *Вакхъ*, богъ вина; *Прозерпина*, дочь Цереры; *Палеса*, богиня пастбищъ; *Флора*, богиня цвѣтовъ; *Помона*—плодовъ; *Панъ*, глава сатировъ, съ уродливой маской.

Воображеніе поэтовъ оживило море, и Нептунъ, вооруженный трезубцемъ, заставлялъ свою колесницу летать по волнамъ; волны также становились божествами—*Нереидами*, дочерьми *Θетиды*, супруги Океана. *Протей* стерегъ стада бога, тюленей или морскихъ коровъ. *Тритонъ*, на-половину человѣкъ, на-половину рыба, трубилъ въ свою морскую раковину передъ Нептуномъ. *Сирены*, на одномъ изъ острововъ, своимъ пѣніемъ привлекали мореходовъ къ подводнымъ скаламъ, о которыя разбивались ихъ корабли. *Гарпіи*, морскія чудовища, опустошали страны, по которымъ проносились: ихъ изображали съ лицомъ женщины, тѣломъ коршуна и съ крючковатыми когтями. *Эолъ* держалъ вѣтры заключенными въ козьемъ мѣхѣ. *Зефиръ* былъ легкимъ, пріятнымъ вѣтеркомъ.

Внутри земли обиталъ *Плутонъ*, повелитель ада, супругъ Прозерпины, которую онъ похитилъ, но которая возвращалась каждые шесть мѣсяцевъ къ своей матери Церерѣ. *Миносъ*, *Эакъ* и *Радамантъ* были тремя адскими судьями, рѣшавшими судьбу смертныхъ; *Фуріи*—ис-

полнительницами мести боговъ; *Парки* пряли, наматывали и обрывали нить жизни смертныхъ; *Харонъ* перевозилъ души умершихъ.

Затѣмъ слѣдовали божества аллегорическія, которыя часто замѣщали главныя божества: *Беллона*—война; *Распря*; стоустая *Молва; Правосудіе* или Ѳемида, вооруженная вѣсами; *Молчаніе, Сонъ* или *Морфей*, и т. д.

Мы не будемъ останавливаться дольше на этихъ вымыслахъ: они заставляютъ насъ улыбаться, но греческіе поэты извлекали изъ нихъ могущественные эффекты. Смѣшивая постоянно небо и землю, приписывая богамъ страсти и даже пороки людей, посвящая ихъ во все, что происходитъ на землѣ, они заставляли свои божества присутствовать повсюду. Непонятныя явленія природы сводились ими къ символамъ, къ живымъ лицамъ, дѣйствующимъ и подверженнымъ страданіямъ. *Дріады* стонали, когда дубы падали подъ топоромъ; *Наяды* убѣгали, когда возмущали воду источниковъ. Плоды были дарами боговъ, какъ и искусства, и страданія. Смерть была закономъ *Рока*.

Рокъ, который въ гомеровскихъ поэмахъ, повидимому, является выше всѣхъ боговъ, и даже самого Юпитера, служилъ предметомъ многихъ споровъ. Рокъ былъ лишь исполненіемъ воли Юпитера. Противорѣчія, какое указывалось между этими двумя властями, на самомъ дѣлѣ, не существуетъ. Юпитеръ не могъ остановить приговоръ Рока, такъ какъ, въ сущности, они были его собственными. Греческая религія вовсе не имѣла фаталистическаго характера, какой ей хотѣли придать. Она предоставляла широкій просторъ человѣческой свободѣ; люди, повидимому, часто преслѣдовались богами, но лишь потому, что были виновны въ своихъ преступленіяхъ. У народа, наиболѣе свободнаго въ мірѣ, не могло быть мѣста для власти слѣпой судьбы.

Дѣйствительно, у поэтовъ эпическихъ, такъ же, какъ у лириковъ и поэтовъ драматическихъ, и даже у великаго историка Геродота, встрѣчается идея о небесной мести, передаваемая однимъ словомъ *Немезида*, превратившимся даже въ названіе божества.

Основная идеи этого имени, встрѣчающаяся во всѣ эпохи греческой литературы, заключается въ нравственномъ возмездіи каждому по его заслугамъ. Слово это обозначаетъ, главнымъ образомъ, негодованіе, гнѣвъ, вызванный нарушеніемъ закона, гнѣвъ, вызванный нечестивцемъ, не только дѣлающимъ зло, но дѣлающимъ его изъ гордости, попирая ногами всякое уваженіе къ богамъ и людямъ, какъ будто онъ стоитъ выше законовъ человѣчества. Ни одно изъ преданій не связано съ этимъ, чисто эллинскимъ понятіемъ; ни у семитовъ, ни у пелазговъ нѣтъ ничего подобнаго. Оно возникло изъ глубокой идеи грековъ о

міровомъ порядкѣ; они олицетворяли въ немъ вполнѣ эллинское чувство—уваженіе къ божеству. Немезида для грека—Муза справедливости; такъ же, какъ цѣломудренная и строгая Муза для него—Немезида прекраснаго. Въ Греціи соразмѣрность есть условіе каждаго искусства и всякой дѣятельности... Въ созданіи Немезиды мы должны признать настоящее сознаніе Бога, сознаніе божественнаго воздѣйствія на міръ, вмѣшательство Бога въ земныя дѣла: это чувство вводитъ насъ въ новую эру, новую фазу развитія. Прежде всего, безъ сомнѣнія, такое понятіе—предохранительное средство противъ преданія пантеизма и вытекающаго изъ него политеизма; это—единственное и цѣлительное средство противъ внѣшняго и поверхностнаго характера народной религіи“ [1]).

Различеніе между добромъ и зломъ влечетъ за собою различеніе награды и наказанія или искупленія. Греки, со временъ самыхъ отдаленныхъ, воздавали поклоненіе людямъ высокаго достоинства, подвиги которыхъ, по ихъ мнѣнію, заслужили имъ безсмертіе. Эти высшіе люди сдѣлались *героями* или полубогами. *Эскулапъ* былъ богомъ медицины, *Геркулесъ*—божествомъ освободительной силы: его представляли являющимся всюду и освобождающимъ страны отъ чудовищъ или тирановъ; *Персей* и *Тезей* также были освободителями. „Почитаніе героевъ было повсемѣстнымъ въ Греціи; оно захватило всѣ эпохи; повсюду и всегда оно увеличивало связь, соединявшую настоящее съ прошедшимъ, міръ видимый съ невидимымъ“ [2]).

Идея объ искупленіи была весьма древнею у грековъ и, вѣроятно, составляла сущность обычаевъ, называемыхъ *орфическими*. Пѣвцы, жившіе въ эпоху очень отдаленную или, быть можетъ, легендарныя личности—Орфей, Музей и Линъ распространили во Θракіи религію, проникшую, впослѣдствіи въ Грецію, правила и гимны которой были собраны и даже передѣланы *Ономакритомъ*, современникомъ Пизистрата.

Вакхъ былъ главнымъ божествомъ орфическихъ празднествъ. Легенда о немъ, очень разнообразная и смѣшанная со множествомъ чертъ, заимствованныхъ изъ азіатскихъ преданій, изображала его богомъ страсти, вызывая безконечныя толкованія со стороны ученыхъ; повидимому, это божество входило въ сношенія съ адскими божествами. „Вакхъ или Бахусъ представляетъ собою жизнь, безсмертную жизнь, освобождающуюся и возобновляющуюся послѣ превратностей и борьбы, жизнь страстей, дѣйствіе которыхъ на человѣческую душу постоянно возра-

---

1) Bunsen, *Dieu dans l'histoire.*

2) Jules Girard, *Le sentiment religieux en Grèce.*

стаетъ. Въ Элевзинскихъ таинствахъ Вакхъ олицетворяетъ безсмертіе, и, въ особенности, безсмертіе души. Въ природѣ Вакхъ связанъ съ виноградной лозой, являющейся, такимъ образомъ, представительницей міровой жизни, такъ какъ жизнь обнаруживается тамъ съ неизмѣнной энергіей, вслѣдствіе явленій броженія. Она не угасаетъ, въ дѣйствительности, даже и тогда, когда плодъ отдѣленъ отъ дерева и раздавленъ подъ прессомъ, — напротивъ, тогда она освобождается и оживляется, чтобы проникнуть вмѣстѣ съ виномъ въ жилы человѣка, котораго оно согрѣваетъ и наполняетъ всецѣло, возбуждая его до состоянія близкаго къ потерѣ сознанія, или сковывая, по своему произволу, его физическія и нравственныя силы. Источниковъ этой жизни, неукротимой, таинственной въ своей основѣ и чудодѣйственной въ своихъ проявленіяхъ, греческіе теологи естественно искали въ нѣдрахъ земли, гдѣ она должна была находиться, какъ трепещущая душа этого огромнаго тѣла, и гдѣ она была подчинена адскому Діонисію [1]). Тѣ, къ кому онъ ее посылалъ, не могли утолить жажды изъ этого кубка, слишкомъ сильнаго для ихъ смертныхъ чувствъ, безъ того, чтобы не опьянѣть. Итакъ, присутствіе въ людяхъ этого божества обнаруживается слѣдующими признаками: возбужденіемъ и энтузіазмомъ“ [2])

Орфическія празднества образовали религіозную школу, имѣвшую возвышенныя понятія о человѣческомъ назначеніи. Школа эта учила словомъ и примѣромъ нравственному очищенію. Безъ этого очищенія, душа не могла надѣяться приблизиться въ другомъ мірѣ къ божеству: оттуда исходили освященія, изреченія, обряды, заклинанія, священная музыка. Оттуда, однимъ словомъ, произошли *мистеріи*. Орфическія мистеріи были не единственными, но онѣ считались главными. На *посвященныхъ* смотрѣли, какъ на обладателей истиннаго религіознаго знанія, и эти таинственные обряды, изъ которыхъ не всѣ были скрытыми, праздновались съ большой пышностью, какъ, напр., Элевзинскія таинства, способствуя поддержанію идеи о нравственномъ усовершенствованіи, которая могла затмиться подъ вліяніемъ народныхъ суевѣрій.

Итакъ, ни обряды, ни миѳологія грековъ не были лишены нравственныхъ идей. Безъ этихъ идей могли ли бы поддерживаться вѣрованія такого умственно развитого народа? Нравственныя и религіозныя понятія, кромѣ того, выдѣляются во всѣхъ произведеніяхъ поэтовъ, въ особенности, отъ Гомера до Эсхила. Гомеръ, по тому нравственному

---

[1]) Греческое имя Вакха.

[2]) Jules Girard, тамъ же.

впечатлѣнію, какое производятъ *Иліада* и *Одиссея*, вполнѣ заслуживаетъ почета, какой воздавалъ ему одинъ изъ Отцовъ Церкви, св. Василій, говоря: „Поэзія Гомера, это—гимнъ добродѣтели“. Что можетъ быть, дѣйствительно, благороднѣе и поэтичнѣе, какъ эта аллегорія *Молитвъ*:

„...Молитвы, смиренныя дщери великаго Зевса,—
Хромы, морщинисты, робко подъемлющи очи косые,
Вслѣдъ за Обидой, онѣ, непрестанно заботныя, ходятъ.
Но Обида могуча, ногами быстро, предъ ними
Мчится далеко впередъ и, по всей ихъ землѣ упреждая,
Смертныхъ язвитъ, а Молитвы спѣшатъ и цѣлятъ уязвленныхъ.
Кто принимаетъ почтительно Зевсовыхъ дщерей прибѣжныхъ,
Много тому помогаютъ и скоро молящемусь внемлютъ;
Кто-жъ презираетъ богинь и, душою суровъ, отвергаетъ,—
Къ Зевсу прибѣгнувъ онѣ, умоляютъ отца, да Обида
Ходитъ за нимъ по слѣдамъ и его, уязвляя, накажетъ“ [1]).

Въ Одиссеѣ Гомеръ возвышается почти до понятія объ истинномъ возмездіи. Онъ показываетъ намъ, въ началѣ поэмы, Юпитера и Минерву въ совѣтѣ боговъ, старающихся предупредить заблужденіе людей и оградить наиболѣе достойныхъ отъ несчастій, соединенныхъ съ ихъ положеніемъ.

У этого великаго поэта идея о будущей жизни, впрочемъ, не ясна и сбивчива. Души умершихъ, вызванныя Улисомъ,—ничто иное, какъ призраки, безсознательные образы существъ нѣкогда жившихъ. Улиссъ замѣчаетъ свою мать, которая не узнаетъ его до тѣхъ поръ, пока не выпьетъ крови жертвъ. Позднѣе, мѣстопребываніе умершихъ будетъ опредѣлено лучше, и у поэтовъ явится достаточно изобразительности для описанія ада, окруженнаго Стиксомъ, охраняемаго Цербером и никогда не возвращающаго своихъ жертвъ. Души блаженныхъ будутъ обитать въ Елисейскихъ поляхъ, гдѣ, по выраженію Пиндара, „дуютъ освѣжающіе вѣтерки Океана и которыя украшены блескомъ вѣчнаго разцвѣта“.

Въ шестомъ вѣкѣ религіозныя и нравственныя идеи пріобрѣтаютъ въ элегическихъ поэтахъ особыхъ толкователей и какъ бы предвѣщателей. Въ небольшихъ поэмахъ, сжатыхъ и выразительныхъ, Тиртей, Солонъ, Ѳеогнитъ и цѣлый рядъ другихъ поэтовъ старались возбуждать нравственное чувство, превозносить добродѣтели, мужество, оживлять надежду.

Лирическая поэзія вдохновлялась этими высокими нравственными

---

[1]) *Иліада*. IX, 502.

идеями, и Пиндаръ, служащій ея представителемъ, сдѣлалъ много для распространенія этихъ идей, соединяя ихъ съ обычными преданіями и съ легендами, которыя онъ обрабатывалъ и украшалъ еще болѣе.

„Нравственныя идеи Пиндара,—говоритъ Ж. Жираръ,—божественны, вслѣдствіе его точки зрѣнія и цѣли, къ какой онъ стремится. Вмѣсто того, чтобы измѣрить сначала силы человѣка, онъ представляетъ себѣ величіе божества; указывая, въ силу неизбѣжнаго противоположенія слабость смертныхъ, и благочестивую воздержность, необходимую для нихъ, онъ заставляетъ сіять передъ ихъ глазами идеи славы и блаженнаго безсмертія, дарованныя милостью боговъ и пріобрѣтенные человѣческой волей. Таковъ, дѣйствительно, путь, которымъ слѣдуетъ его благородный духъ. Первая мысль его—возвысить боговъ, на которыхъ онъ устремляетъ свой пристальный взоръ, до высоты его поклоненія. „Могущественный богъ, тебѣ извѣстенъ послѣдній конецъ всего и тебѣ открыты всѣ пути; ты считаешь листья, которые земля распускаетъ весной, и крупицы песку, которыя волны и порывистые вѣтры крутятъ на морѣ и въ руслахъ рѣкъ; ты видишь ясно все, что должно быть и что отъ этого произойдетъ“. Пѣсня ли это языческаго празднества, или, скорѣе, не отрывокъ ли библейскаго пѣснопѣнія?

Въ другомъ мѣстѣ Пиндаръ говоритъ:—„Богъ располагаетъ по своему произволенію всѣми событіями; богъ достигаетъ орла во время полета и опережаетъ дельфина въ моряхъ; онъ заставляетъ склоняться головы гордыхъ, а другимъ даетъ неувядаемую славу!“ И далѣе: „Если одинъ человѣкъ возвышается надъ другими своимъ богатствомъ или красотой, если онъ блисталъ передъ другими на играхъ превосходствомъ своей силы,—пусть онъ помнитъ, что онъ облеченъ смертными членами и что, въ концѣ всего, онъ снова возвратится въ землю. Предѣлъ жизни неизвѣстенъ смертнымъ; они не знаютъ также—проведутъ ли они въ тишинѣ покойной радости хотя бы одинъ день. — Кратковременныя существа, что мы такое? Что̀ мы представляемъ собою? Греза тѣни—вотъ что такое человѣкъ“.

Проникнутый божествомъ, и почти во имя его, въ великолѣпныхъ выраженіяхъ и съ авторитетомъ, не уступающимъ Босюэ, говорившему съ христіанской каѳедры, Пиндаръ провозглашаетъ величіе высшихъ властелиновъ, и, временами разрывая на половину завѣсу судьбы, онъ возвѣщаетъ людямъ безконечную надежду, основанную на благочестивой воздержности ихъ мыслей и на непрерывной энергіи ихъ усилій“ [1]).

---

[1]) J. Girard, тамъ же.

Наконецъ, греческій театръ обязанъ своимъ происхожденіемъ и блескомъ также религіозному вдохновенію Эсхила. Настоящая тема *Прометея* Эсхила—нарушенный законъ, искупленіе, человѣческое знаніе, пріобрѣтенное цѣною страданія.

У грековъ были обряды частные и общественные; первые совершались дома, вторые—въ храмахъ. Въ каждой семьѣ, какъ и въ каждомъ городѣ, были особыя божества, что̀ не мѣшало почитанію великихъ національныхъ боговъ. Въ домахъ жертвенникъ служилъ для семейныхъ обрядовъ, и на немъ всегда должно было лежать немного пеплу и горячихъ угольевъ: это былъ божественный, *священный огонь*. „Сдѣлай насъ,—говорится въ одной изъ молитвъ, сохранившихся въ сборникѣ орфическихъ гимновъ, — сдѣлай насъ всегда цвѣтущими, всегда счастливыми, о, очагъ! Ты, о вѣчный, прекрасный, всегда юный, питающій, богатый, прими наши усердныя приношенія и дай намъ взамѣнъ ихъ счастье и здоровье, столь пріятное!“ У этого очага происходили прощанія при отъѣздѣ изъ дома и первыя привѣтствія по возвращеніи. На этотъ огонь возливались вино, масло, благоуханія, жиръ жертвенныхъ животныхъ: божество поглощало эти приношенія и должно было радоваться имъ. Трапеза также была религіознымъ обрядомъ, и для бога оставлялись первые куски пищи. Когда греки олицетворили свои божества, Веста сдѣлалась божествомъ, покровительствующимъ домашнему очагу.

Общественные обряды совершались въ *храмахъ*, отличавшихся у грековъ великолѣпіемъ постройки. Тамъ возвышались статуи боговъ, вызывавшія соперничество геніальныхъ художниковъ, воздвигались алтари для приношеній и жертвъ. Храмы эти такъ почитались, что служили неприкосновеннымъ убѣжищемъ для преступниковъ. Кромѣ того, посвящались божествамъ *лѣса* и *источники*.

Греческая религія получила начало въ народномъ воображеніи, и каждый грекъ могъ быть ея *жрецомъ*. Въ большей части городовъ религіозныя обязанности исполнялись выборными лицами или избранными *судьбой*, отъ которыхъ требовались только нравственныя качества. Въ нѣкоторыхъ храмахъ служили жрицы, посвящавшіе богу или богинѣ всю свою жизнь.

Молитвы измѣнялись, смотря по мѣстности и божествамъ. Хотя въ основѣ греческой религіи лежало одухотворенное начало, народъ связывалъ всего болѣе свою религію съ выполненіемъ обрядовъ. Это были обряды чисто внѣшніе. Думали, что боговъ можно удовлетворить точнымъ исполненіемъ обрядовъ, завѣщанныхъ предками, и приношеніемъ жертвъ, согласно строгимъ предписаніямъ.

Многочисленные праздники справлялись съ большой пышностью: въ Аѳинахъ весь народъ принималъ участіе въ процессіяхъ Панаѳиней, въ честь Минервы, богини-покровительницы города. *Ѳеоріи* (родъ оффиціальныхъ паломничествъ) отправлялись изъ того или другого города для принесенія даровъ въ какомъ-либо отдаленномъ храмѣ, напр., въ Делосѣ, куда каждый годъ аѳиняне отправляли депутацію на священномъ кораблѣ, или въ Дельфахъ. Живое воображеніе грековъ побуждало ихъ облекать религіозные обряды изящной внѣшностью. Читавшіе молитвы держали въ рукахъ зеленыя вѣтви, головы ихъ украшались вѣнками, а шеи — гирляндами. Просящій дотрогивался вѣтвями до колѣнъ божества или человѣка, у котораго испрашивалъ милости.

Процвѣтавшее у грековъ *гаданіе*, вѣроятно, явилось изъ Азіи, гдѣ, какъ мы видѣли выше, оно было въ большомъ почетѣ у халдеевъ и маговъ. Греки истолковывали сновидѣнія, такъ какъ думали, что душа, изъятая во время сна изъ подъ власти и вліянія внѣшнихъ чувствъ, могла входить въ сношенія съ богами. *Некромантія* была искусствомъ вызывать умершихъ и бесѣдовать съ ними. Нѣкоторыя вдохновенны женщины, или *сибиллы*, изрекали прорицанія, но ихъ было немного; наибольшей извѣстностью у грековъ пользовалась *Манто*, дочь божественнаго Тирезія.

Греки истолковывали полетъ птицъ, привычки которыхъ казались имъ столь правильными, что въ нихъ они хотѣли видѣть законъ судьбы. Ни одного жертвоприношенія не совершалось безъ того, чтобы по внутренностямъ животныхъ не старались узнать волю боговъ. Гаданіе производилось также бросаніемъ жребія, посредствомъ камешковъ, бѣлыхъ или черныхъ бобовъ, игральныхъ костей или плодовыхъ косточекъ. Воздушныя явленія, въ особенности гроза, до такой степени поражали умъ грековъ, что они смотрѣли на нихъ, какъ на выраженіе покровительства или гнѣва боговъ.

Небесныя свѣтила, наблюдавшіяся въ Греціи съ раннихъ временъ, какъ и во всѣхъ странахъ, пользующихся ясными звѣздными ночами, казались грекамъ принимающими большое участіе въ міровомъ порядкѣ. Созвѣздія, знаки зодіака, должны были имѣть вліяніе на строеніе и темпераментъ людей, родившихся подъ той или другой звѣздой. *Астрологія* сдѣлалась наукой, и каждому хотѣлось имѣть свой *гороскопъ*, т.-е., чтобы ему раскрылось его будущее по наблюденію звѣздъ, находившихся на небѣ при его рожденіи. При этомъ употреблялись математическія вычисленія, и числа стали источникомъ предсказаній. Даже рука своими выпуклостями, плоскими частями и линіями какъ

бы имѣла соотвѣтствіе съ небесными знаками отсюда произошла *хиромантія*, пережившая вѣка [1]).

Для гаданія были особыя святилища въ Додонѣ, въ Эпирѣ, и, въ особенности, въ Дельфахъ, въ Θокидѣ. Аполлонъ въ Дельфахъ былъ богомъ прорицателемъ подъ именемъ *Аполлона Пиθійскаго* (названіе, данное ему за его побѣду надъ сказочнымъ змѣемъ Пиθономъ). Въ храмѣ находилась глубокая разщелина, откуда выходили испаренія, считавшіяся вдохновляющими. Надъ отверстіемъ въ землѣ помѣщался возвышенный треножникъ, на которомъ возсѣдала жрица или *Пиθія*. Галлюцинаціи наступали быстро, и Пиθія, которая, кромѣ того, жевала лавровые листья, вскорѣ начинала произносить безсвязныя слова, которыя жрецы улавливали и перекладывали въ стихи. Жестокія судороги вели къ истощенію, а иногда къ смерти жрицы, какъ свидѣтельствуетъ Плутархъ объ одной Пиθіи, убѣжавшей въ припадкѣ сумасшествія и черезъ нѣсколько дней умершей жертвой подземныхъ испареній. Эти испаренія, повидимому, уменьшились и даже прекратились въ первомъ вѣкѣ до начала христіанской эры, какъ потокъ, измѣнившій направленіе или изсякшій.

Въ теченіе многихъ вѣковъ, Дельфійскій оракулъ давалъ отвѣты властителямъ и народу, приходившимъ къ нему за совѣтами и свидѣтельствовавшимъ о своей благодарности богатыми приношеніями. Храму въ Дельфахъ предшествовала длинная аллея изъ статуй, *сокровищъ* или памятниковъ, созданныхъ и украшенныхъ лучшими художниками. Ни въ одномъ святилищѣ не хранилось столько богатствъ; туда стекалось, такъ сказать, все золото Греціи. „Теперь,—какъ говоритъ Фукаръ [2]), для туриста, лишь проѣзжающаго черезъ деревню Кастри, по правдѣ, Дельфійскій храмъ не существуетъ болѣе; нѣсколько обломковъ колоннъ, разбросанныхъ то здѣсь, то тамъ, рядъ цоколей; подземные храмы, прикрытые землей, — все это окруженное жалкими хижинами; тамъ нѣтъ ничего захватывающаго, какъ, наприм., величественныя развалины Акрополя. Но это впечатлѣніе мѣняется послѣ продолжительнаго пребыванія: старые камни притягиваютъ къ себѣ, возбуждаютъ воображеніе; при видѣ этихъ скалъ, чувствуется величественная дикость, ощущается величіе событій, которыя тамъ должны были происходить. А когда восходящее солнце золотитъ своими первыми лучами вершины Фёдріадъ, кажется, будто надъ тѣнью, еще покрывающей де-

---

1) См. объ этомъ гаданіи грековъ интересную статью д-ра Дешамбра въ „Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales“.

2) Foucart, Mêmoire sur les ruines et l'histoire de Delphes.

ревню, возвышается храмъ античнаго города, стоящій на возвышенной террасѣ, окруженный великолѣпными колонадами, господствуя надъ толпой обступающихъ его статуй. Кажется, будто слышишь стихи Эврипида: „Уже ослѣпительная колесница солнца блеститъ на землѣ, и ея огни прогоняютъ звѣзды въ божественный мракъ. Недоступныя скалы Парнаса освѣщаются и возвѣщаютъ смертнымъ о появленіи дневного свѣтила. Дымъ ѳиміама поднимается къ небу. О, дельфійцы, служители Феба, идите къ серебристымъ водамъ Касталіи и, очищенные этой чистой водой, направляйтесь къ храму...“

Почитаемый за свою мудрость и устрашавшій своимъ ясновидѣніемъ, дельфійскій оракулъ оказывалъ большое нравственное вліяніе: онъ напоминалъ людямъ, что есть высшая власть, которой ничто не можетъ избѣгнуть, и которая рано или поздно наказываетъ за проступки. „Вы не обманете бога,—говоритъ Пиѳія мессенцамъ.—Вы, посредствомъ хитрости, завладѣли Мессеной, посредствомъ хитрости вы ее потеряете“. Во многихъ случаяхъ дельфійскій оракулъ является какъ бы мстителемъ за преступленія и святотатства.

Несмотря на свое знаніе, божественное и безконечное, богъ не презиралъ ограниченныхъ усилій человѣческой науки. Онъ удостоивалъ присоединять къ своимъ предсказаніямъ правила философіи и принималъ знаменитыя изреченія, вырѣзанныя въ пронаосѣ (преддверіи храма), какъ наиболѣе пріятное приношеніе. По собственному побужденію, онъ воздавалъ похвалы великимъ людямъ; Пиѳія слѣдующими словами привѣтствовала Ликурга, при вступленіи его въ святилище:—„Ты приходишь, о, Ликургъ, въ мой изобильный храмъ, любезный Юпитеру и всѣмъ обитателямъ Олимпа. Не знаю, назвать ли тебя богомъ или человѣкомъ, но скорѣе, я назову тебя богомъ, о, Ликургъ!“ Статуи Гомера и Гезіода находились въ храмѣ бога, который ихъ вдохновлялъ; Пиндаръ, за свои пѣсни, былъ вознагражденъ еще бо̀льшими почестями: его сѣдалище было поставлено возлѣ жертвенника, и оракулъ предписалъ дельфійцамъ выдавать ему часть десятины, приносимой въ даръ богу... Слѣдуетъ прибавить, впрочемъ, что оракулы оказывали и опасное вліяніе. Они пріучали людей искать правилъ поведенія не въ собственной совѣсти, а въ отвѣтахъ бога, и вѣрить, что слова Пиѳіи дѣлали извѣстный поступокъ справедливымъ или несправедливымъ [1]).

Отвѣтами Пиѳіи руководствовались и вмѣшняя, и внутренняя политики. Ни одна война не начиналась или не пріостанавливалась безъ приказанія или совѣта Пиѳіи. Безъ сомнѣнія, оракулу трудно было

---

[1]) Foucart, тамъ же.

удовлетворить всѣ стороны, обращавшіяся къ нему: отсюда происходили двусмысленные отвѣты, уклончивыя выраженія, иногда простая игра словъ, оставлявшая всегда выходъ для толкованія противуположнаго тому, какое было дано. При видѣ стремленія всѣхъ греческихъ городовъ обращаться къ Пиѳіи, можно сказать, что политическій центръ, если такой центръ могъ существовать у народа, столь разъединеннаго, находился въ Дельфахъ. Но если разсматривать отвѣты оракула, поочередно, въ пользу свободы и тираніи, іонійцевъ или дорійцевъ, грековъ или чужеземцевъ, можно понять, почему дельфійскій оракулъ не оказывалъ на общій ходъ дѣлъ достаточно серьезнаго вліянія, какого можно было бы ожидать отъ святилища, столь почитаемаго. Этотъ оракулъ не придерживался, повидимому, никакого опредѣленнаго направленія и, не будучи устойчивымъ, не могъ, въ свою очередь, установить политики грековъ. Его предполагаемая безпристрастность была не что иное, какъ признаніе собственнаго безсилія, и хотя его значеніе простиралось за предѣлы Греціи, въ ней самой оно мало-по-малу уничтожалось.

Религія служила связью между народами эллинскаго семейства. Единственными общими учрежденіями для различныхъ греческихъ племенъ служили учрежденія религіозныя. *Совѣтъ Амфиктіона*, названный такъ потому, что онъ восходилъ къ Амфиктіону, сыну Девкаліона, состоялъ изъ представителей двѣнадцати небольшихъ народовъ сѣверной Греціи. Эти народы съ ранняго времени были соединены обоюднымъ обязательствомъ не наносить никакого вреда землямъ, вошедшимъ въ составъ союза, не отводить ни рѣкъ, ни источниковъ, необходимыхъ для нуждъ каждаго изъ нихъ; браться за оружіе противъ городовъ, нарушившихъ эту клятву, и уничтожать ихъ; преслѣдовать всѣми средствами, какія были во власти совѣта, грабителей храма Аполлона въ Дельфахъ, а также и ихъ сообщниковъ.

Совѣтъ Амфиктіона находился въ Дельфахъ. Онъ рѣшалъ споры, возникавшіе между городами, по поводу первенствующей роли во время жертвоприношеній, совершавшихся нѣсколькими соединенными городами, или по поводу побѣды, одержанной сообща, причемъ каждый въ отдѣльности требовалъ всѣхъ почестей для себя. Это судилище сдѣлалось, такимъ образомъ, общимъ для всей Греціи; не разъ оно оказывалось настолько могущественнымъ, что возжигало религіозныя войны, называвшіяся *священными войнами*.

Общественныя игры составляли часть религіозныхъ обрядовъ. Кромѣ многочисленныхъ мѣстныхъ праздниковъ, въ Олимпіи, въ Дельфахъ, въ Немеѣ, въ Пелопонезѣ и на Коринѳскомъ перешейкѣ устраивались

торжественныя празднества въ честь Юпитера Олимпійскаго, Аполлона Пиѳійскаго, Геркулеса и Нептуна. Это были настоящія народныя торжества. Войны на это время пріостанавливались; самыя противоположныя партіи, вслѣдствіе того, сближались, и эти собранія приводили къ прекращенію братоубійственной борьбы. Каждые четыре года вся Греція поднималась и направлялась въ Олимпію, и побѣдители въ единоборствѣ, въ бѣгѣ и различныхъ упражненіяхъ провозглашались настоящими героями, которыми гордилась нація и, въ особенности, городъ, уроженцами котораго они были. *Олимпійскія игры*, имѣвшія наибольшее значеніе, назывались такъ по имени Олимпійца, даннаго Юпитеру, которому они были посвящены, или по имени города Олимпіи. Элеаты первые внесли въ свои общественные списки имя ихъ согражданина Корёбоса, побѣдителя на бѣгѣ ристалища 776 г. Обычай этотъ былъ сохраненъ впослѣдствіи; имя побѣдителя служило для обозначенія каждой изъ *Олимпіадъ* и занимало важное мѣсто въ хронологіи. Греки считали года олимпіадами (періодъ въ пятьдесятъ мѣсяцевъ). На Олимпійскихъ играхъ награда за всѣ состязанія состояла изъ оливковаго вѣнка. Эта награда малой цѣнности возбуждала въ сердцахъ состязающихся благородную любовь къ славѣ, не возбуждая ихъ корысти.

Пиѳійскія игры праздновались въ честь Аполлона, въ окрестностяхъ Дельфъ. Онѣ происходили сперва черезъ каждыя девять лѣтъ, но этотъ промежутокъ времени былъ уменьшенъ на четыре года. Награды состояли изъ нѣкоторыхъ плодовъ, посвященныхъ Аполлону, и изъ лавровыхъ гирляндъ.

Немейскія игры получили свое названіе, по имени деревни Немеи, гдѣ онѣ праздновались каждые три года. Коринѳъ, Аргосъ и Клеонъ раздѣляли между собою право назначать распорядителей, присутствовавшихъ при торжествѣ въ бѣлыхъ одеждахъ, такъ какъ эти собранія были лишь погребальными церемоніями. По мнѣнію другихъ авторовъ, эти игры были установлены Геркулесомъ, послѣ побѣды надъ немейскимъ львомъ, въ честь Юпитера. Побѣдители получали вѣнокъ изъ петрушки, растенія, посвященнаго погребенію.

Истмійскія игры назывались такъ потому, что отправлялись на Коринѳскомъ перешейкѣ (isthme). Различныя преданія окружали происхожденіе этихъ игръ, посвященныхъ Нептуну. Онѣ праздновались каждые три года. Вѣнки изъ зелени сосны и увядшей петрушки долгое время были наградою побѣдителей.

Какъ и другіе народы древности, греки, главнымъ образомъ, посвящали свое вниманіе религіи. Безъ сомнѣнія, у нихъ не было твердо уста-

новленныхъ ученій, и поэты могли измѣнять до безконечности религіозныя легенды. Но у нихъ были *религіозныя учрежденія*, служившія связью между членами эллинской общины. Эта религія, естественная въ основѣ и политическая по формѣ, тѣмъ не менѣе, имѣла въ своей основѣ *возвышенныя идеи*. Она благопріятствовала живому воображенію и возбуждала чувства. Она внушала даже нѣкоторый страхъ:—грекъ, боявшійся присутствія божествъ, населявшихъ облака, горы и глубины моря, такъ же, какъ и земли, заботился лишь объ умилостивленіи гнѣва этихъ боговъ, почти всегда раздраженныхъ, или гнѣва ревниваго божества (Немезиды) противъ смертнаго, слишкомъ возвеличивавшагося благосостояніемъ или славой. Греки, убѣжденные въ безправіи и слабости человѣка, пугались, когда онъ нѣкоторымъ образомъ торжествовалъ надъ судьбою; наблюденіе за превратностями человѣческой жизни убѣждало ихъ, что эти послѣднія были лишь проявленіемъ воли божества, враждебнаго счастью смертныхъ. Быть можетъ, ни одна религія не пользовалась столькими формулами для отклоненія несчастій и для призванія небеснаго покровительства; молитвы, заклинанія, постоянныя очищенія свидѣтельствуютъ о вѣчномъ страхѣ передъ божествомъ, составляющемъ противоположность веселому и даже чувственному характеру миѳологическихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи труды новѣйшихъ ученыхъ внесли много свѣта, проникнувъ глубже въ смыслъ религіи, въ которой видѣли раньше лишь блестящую внѣшность, и художественную красоту.

Религія до такой степени проникала жизнь греческаго народа, что ею, какъ мы уже сказали, направлялась политическая жизнь. У древнихъ религія и государство составляли нераздѣльное цѣлое, и никто не старался ихъ разграничить, особенно, въ странахъ, гдѣ, подобно Греціи, жрецы могли исполнять общественныя должности, а должностныя лица—быть жрецами. Религіозные обряды становились одной изъ значительныхъ заботъ старѣйшинъ городовъ. Общественное спокойствіе требовало точнаго выполненія церемоній, и нарушеніе религіознаго устава легко обращалось въ государственное преступленіе. Греческая религія, при своей крайней подвижности и разнообразіи, не выказывала подозрительности по отношенію къ своимъ ученіямъ. Не будучи заключенной въ какую-либо неподвижную форму, она поощряла свободу мысли, и философія могла углубляться въ свои тайны, отыскивать природу души, возвышаться до понятія объ единомъ, невидимомъ богѣ. Но именно въ ту эпоху, когда миѳологическая вѣра начинала колебаться, въ четвертомъ вѣкѣ, оказалось невозможнымъ дозволить Сократу отклонять молодежь отъ общественныхъ вѣрованій. Сократъ принималъ

участіе въ жертвоприношеніяхъ и исполнялъ обязанности гражданина; тѣмъ не менѣе, онъ былъ приговоренъ выпить цикуту. Передъ смертью онъ, быть можетъ, дѣлая послѣднюю уступку оффиціальной религіи, или въ видѣ горькой ироніи, поручилъ одному изъ своихъ друзей принести пѣтуха въ жертву Эскулапу, богу медицины. Нѣсколько лѣтъ ранѣе того, въ 406 году, девять полководцевъ, побѣдителей при Аргинузскихъ островахъ, были приговорены къ смертной казни за то, что не подобрали мертвыхъ (а этому помѣшала только гроза) и не исполнили по отношенію къ нимъ погребальныхъ обрядовъ, которые одни могутъ успокоить адскія божества. Нужно было бы прослѣдить всю исторію грековъ, чтобы отмѣтить во всѣхъ городахъ тѣсную связь религіи съ политикой. Религіозное преступленіе не было личнымъ: оно навлекало на цѣлый городъ опасность небеснаго гнѣва. Всѣ граждане были одинаково отвѣтственны передъ божествомъ.

Религія возбуждала и патріотизмъ; греки, защищая свои домашніе очаги, въ то же время защищали свои алтари. Воспоминанія, связанныя съ храмами, съ священными лѣсами, почитаемыми источниками, небесное покровительство, оберегавшее благочестивый городъ, — все это было частью общаго достоянія родной земли. Греки были привязаны къ своему родному городу не только человѣческими чувствами, но чувствомъ религіознымъ, своей вѣрностью Минервѣ или Аполлону, Нептуну или Геркулесу, смотря по тому, который изъ боговъ тамъ почитался всего болѣе. Грекъ умираетъ за своихъ боговъ, за могилы предковъ, и воодушевляющее его чисто-нравственное чувство внушаетъ ему силу, вдесятеро большую, чѣмъ у персовъ, превосходящихъ численностью, но дѣйствующихъ по принужденію.

Вліяніе, какое поэты оказывали на религію, обнаруживаетъ, между прочимъ, вліяніе религіи на литературу. Религія была главнымъ источникомъ поэзіи, исторіи и философіи; она была и источникомъ искусства. Но не будемъ заходить впередъ въ изложеніи фактовъ, которые сами по себѣ могутъ опредѣлить соотвѣтствующее мѣсто, занимаемое религіей въ развитіи государственной, умственной и художественной жизни Греціи.

ГЛАВА VIII.

Государственный строй грековъ.

Героическій вѣкъ. — Времена историческія; семья. — Фратрія. — Городъ. — Городское управленіе.— Народы: іонійцы и дорійцы.— Дорійскій городъ; Спарта; Ликургъ; аристократическое правленіе.—Общественныя неравенства.—Военная дисциплина; патріотизмъ.—Спартанская суровость; воспитаніе.—Недостатки спартанскаго государственнаго устройства.—Аѳины, іонійскій городъ; семейный духъ.—Собственность; трудъ.—Гуманность.— Общественный духъ.— Литературные и художественные вкусы; воспитаніе. — Политическая свобода; учрежденія Солона; демократическое правленіе.— Успѣхи демократіи; преобразованія Клисѳена. — Аѳиняне и спартанцы. — Древняя свобода.—Греческія колоніи.—Малоазійскія колоніи.—Колоніи Ѳракіи и Македоніи.— Колоніи въ Италіи и Сициліи.— Колоніи въ Африкѣ.— Колоніи и метрополія.— Торговля и процвѣтаніе греческихъ колоній.— Столкновеніе съ Азіей; противоположность міра греческаго и міра восточнаго.—Характеръ персидскихъ войнъ.— Слава Аѳинъ; Периклъ.— Черты и правила лакедемонянъ.— Похвальное слово Аѳинамъ Перикла.— Всемогущество государства.

Съ самыхъ первыхъ временъ религія оказывала такое вліяніе на эллиновъ, что человѣческое общество казалось имъ исходящимъ отъ небеснаго. Они представляли себѣ, что послѣ царства боговъ наступило царство героевъ или полубоговъ. Даже времена, слѣдовавшія за подвигами Геркулесовъ, Тезеевъ, Персеевъ, Касторовъ и Поллуксовъ, считались еще *временами героическими.* Поэты воспѣвали и разукрашивали *походы аргонавтовъ*, первый серьезный опытъ мореплаванія, *Троянскую войну*, первое столкновеніе грековъ и азіатцевъ (1193—1184), *войну Семи вождей* или *Ѳивскую,* первую прославленную междоусобную войну.

Но когда духъ критики начинаетъ доискиваться истины въ исторіи, представитель его, Ѳукидидъ безпощадно разрушаетъ поэтическія иллюзіи и изображаетъ первыхъ эллиновъ разбойниками, алчными, задорными, живущими только грабежомъ, и показываетъ, что тамъ жизнь человѣчества, какъ и повсюду, начиналась съ состоянія варварства.

Несправедливо было бы, однако, оставлять безъ вниманія драгоцѣнныя указанія, какія даетъ Гомеръ о первыхъ признакахъ эллинской цивилизаціи. Онъ, безъ сомнѣнія, украшалъ дѣйствительность, но мы можемъ, не боясь ошибиться, ознакомиться изъ его поэмъ, по крайней мѣрѣ, съ идеями десятаго вѣка, во время котораго онъ жилъ, и, до извѣстной степени, съ матеріальнымъ прогрессомъ, уже достигнутымъ тогда. Несомнѣнно, что въ эту эпоху эллины уже раздѣлялись на племена или народы, управлявшіеся царями, которые, впрочемъ, ничѣмъ не от-

личались отъ другихъ вождей. Агамемнонъ напрасно старается добиться признанія своей власти въ качествѣ царя царей. Его ограниченная власть безпрестанно сталкивается съ независимостью другихъ правителей. Эти цари ничто иное, какъ „пастыри народовъ", вожди племенъ или крупные земельные собственники, подобно Улиссу, всѣ владѣнія котораго заключаются въ островкѣ Итакѣ. Тѣмъ не менѣе, поэтъ называетъ ихъ „божественными царями".

Искусство мореплаванія было уже достаточно развито: насъ увѣряютъ, что нуженъ былъ многочисленный флотъ, болѣе тысячи кораблей, чтобы перевезти большое войско въ Азію. Осадное искусство едва только зарождалось: греки провели десять лѣтъ подъ стѣнами Трои. Тѣмъ не менѣе, битвы, описанныя Гомеромъ, такъ правдоподобны и разнообразны, что Наполеонъ признавалъ у поэта военныя познанія. Оружіе нападенія и защиты, мѣдное и украшенное серебромъ, имѣлось въ большомъ выборѣ. Внѣшняя жизнь еще проста и груба: герои, по окончаніи битвы, сами себѣ варятъ кушанье. Улиссъ своими руками изготовляетъ мебель и украшаетъ рѣзьбою свою кровать. Дочь царя феакійцевъ отправляется съ подругами на рѣку мыть одежды своей семьи. Безпрерывно изготовляемая и уничтожаемая ткань Пенелопы свидѣтельствуетъ о трудолюбивой дѣятельности царственной женщины. Но, въ то же время, Гомеръ говоритъ о красивыхъ дворцахъ Трои, о многочисленныхъ служанкахъ, работающихъ по приказанію Андромахи. Домъ Улисса въ Итакѣ снабженъ всѣмъ, что̀ можетъ усладить жизнь искателей руки Пенелопы, которые даже злоупотребляютъ этимъ изобиліемъ. Щитъ Ахиллеса, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ честь плодовитому воображенію Гомера, но и свидѣтельствуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о высокой ступени, достигнутой металлическими издѣліями: поэтъ едва ли могъ бы собрать на этомъ щитѣ столько оживленныхъ картинъ, если бы въ его время не умѣли изобразить хотя нѣкоторыя изъ нихъ. Надо перечитать Иліаду и Одиссею съ начала до конца, чтобы извлечь оттуда всѣ начала первобытной цивилизаціи и освободить ихъ отъ поэтическихъ вымысловъ.

Громадныя стѣны Микенъ и знаменитыя *ворота львовъ* доказываютъ, по меньшей мѣрѣ, что и древнѣйшія населенія умѣли достигать величественности въ своихъ постройкахъ. Раскопки, предпринятыя въ Микенахъ извѣстнымъ археологомъ Шлиманомъ, дали самые благопріятные результаты. Путемъ упорныхъ раскопокъ на мѣстѣ прежней Трои (1871 — 1873 гг.), этому изслѣдователю удалось открыть много древнихъ вещей, которыя онъ считалъ *сокровищемъ Пріама*. Послѣднее далеко нельзя считать доказаннымъ, но является несомнѣннымъ, что

на сѣверо-западномъ берегу Азіи въ то время существовала уже достаточно развитая промышленность.

Впрочемъ, не говоря уже объ описаніяхъ Гомера, нравственная красота его твореній служитъ доказательствомъ, что эллины X вѣка имѣли возвышенныя понятія о религіи, семьѣ, общественной связи, обязанностяхъ и совѣсти. Въ этихъ понятіяхъ заключалось предвѣщаніе дальнѣйшаго блестящаго развитія греческаго общества.

Какъ бы далеко мы ни углубились въ греческую древность, мы видимъ *семью*, собранную вокругъ священнаго очага каждаго дома, который всегда обнесенъ священной оградой [1]). Въ полѣ погребаются родственники, которымъ воздается поклоненіе послѣ ихъ смерти, и которые, вмѣстѣ съ особымъ божествомъ, становятся покровителями семьи. Такимъ образомъ, домъ и поле превращаются *въ неотчуждаемую собственность*. *Наслѣдство* переходитъ только къ сыновьямъ, которые одни могутъ поддерживать семейные обряды, и это начало держалось весьма долгое время. Законодательство не допускало родства по женской линіи: за старшимъ сыномъ признавалось значеніе главы домашняго культа, и въ Спартѣ онъ наслѣдовалъ одинъ, причемъ отцовское имущество считалось недѣлимымъ.

Религія охраняла *собственность* и, въ то же время, поддерживала своимъ авторитетомъ *отцовскую власть*, такъ какъ глава семьи былъ не только отцомъ, но и жрецомъ. Подчиненіе сына долго оставалось безусловнымъ, въ особенности въ Спартѣ. Отецъ имѣлъ право признать или отвергнуть ребенка при его рожденіи, но онъ долженъ былъ заботиться о продолженіи семьи и своего культа: онъ могъ усыновить чужого сына, если у него не было своего. Онъ былъ единственнымъ собственникомъ, но собственность его принадлежала предкамъ и должна была перейти къ дѣтямъ. Долгое время продажа ея не допускалась.

Греки, еще въ раннюю пору своей исторіи, придавали религіозное освященіе браку; только въ такомъ случаѣ послѣдній считался дѣйствительнымъ и давалъ права дѣтямъ. Безъ сомнѣнія, мужъ оставлялъ за собою возможность отвергнуть свою жену, но для этого должны были существовать важныя причины, и необходимо было подвергнуться религіозному обряду, уничтожавшему обрядъ освященія брака. Другими словами, грекъ возвысилъ положеніе женщины, давъ ей участіе, посредствомъ брака, въ домашнихъ обрядахъ, въ молитвахъ у домаш-

---

[1]) Въ этихъ замѣчаніяхъ мы пользуемся ученымъ и оригинальнымъ сочиненіемъ Фюстель де-Куланжа „La cité antique“, которое обновило воззрѣнія новѣйшей критики на грековъ и римлянъ.

няго очага, которыя она повторяла вмѣстѣ со своею семьею, почитавшею въ ней мать. Именно на ея обязанности лежало наблюденіе, чтобы священный огонь не потухалъ: въ нѣкоторомъ родѣ, это было ея священнымъ служеніемъ.

Соединенные другъ съ другомъ религіозною связью, переживавшею смерть, такъ какъ надо было воздавать поклоненіе покоившимся въ священномъ полѣ, члены одной семьи различались лишь силою своей преданности семейному началу. Преданнымъ или вѣрнымъ сыномъ былъ тотъ, кто наиболѣе заботился о семейныхъ богахъ и о почитаніи умершихъ.

Связь семьи была такъ сильна, что всѣ различныя развѣтвленія ея, соединяясь между собою, составляли многочисленный союзъ или родъ, *генось*, какъ называли его въ Греціи. Религіозные обряды связывали между собою всѣхъ членовъ и служителей рода, которые вмѣстѣ приносили жертвы. Повсюду въ Греціи мы видимъ, что знаменитыя семьи ведутъ свое начало отъ глубокой древности, отъ героевъ, даже отъ боговъ.

Союзъ нѣсколькихъ родовъ составилъ *фратрію*, новое религіозное общество, съ общими жертвоприношеніями. Фратріи образовали *племя*, у котораго было свое божество, свои собранія, свой судъ.

Соединеніе нѣсколькихъ племенъ составляло государство, подъ покровительствомъ особаго божества. Государство основывалось разомъ, съ помощью извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ. Граница его считалась священной, и основателю его воздавалось поклоненіе. Гордясь покровительствующими ему божествами, относясь ревниво къ сосѣднимъ божествамъ, греческое государство являлось себялюбивой личностью. Устраняя чужеземца, который не допускался къ участію въ обрядахъ, государство расположено было относиться, какъ къ чуждому для него, ко всякому другому государству, имѣвшему другіе обряды. Если боги двухъ городовъ считались враждебными другъ другу, соперничество между послѣдними становилось ожесточеннымъ. Эта мѣстная и пристрастная религія, въ такой же мѣрѣ, какъ физико-географическія условія, являлась причиной розни, колебавшей Грецію и препятствовавшей установленію сильнаго единства. Врагу государства и государственной религіи не оказывалось никакой пощады: вслѣдствіе того, разрушались цѣлые города и истреблялись цѣлыя населенія. Договоры также принимали религіозное значеніе. Обитателямъ сосѣдняго государства открывался доступъ въ храмы, участіе въ священныхъ празднествахъ; боги заключали между собою союзъ.

Такимъ образомъ, идея *отечества* рано была усвоена греками, но

только *отечества мѣстнаго*. Отчизна, земля отцовъ, была сперва участкомъ семьи съ ея очагомъ и усыпальницей, потомъ землею государства, съ общимъ очагомъ, храмомъ и героями. Территорія государства образовала *священную землю отечества*, что было для грековъ далеко не одними только словами, потому что почитаніе различныхъ божествъ было связано съ этою частью земли. За ея предѣлами, греки не могли уже приносить домашнихъ и національныхъ жертвъ; они не могли совершать погребальныхъ торжествъ въ честь предковъ и совершать обрядовъ, необходимыхъ для нихъ, чтобы обезпечить себѣ блаженство въ иномъ мірѣ. Чтобы создать новое отечество, имъ необходимо было перенести туда своихъ боговъ и возжечь другой очагъ огнемъ первоначальнаго очага. Иначе, изгнаніе становилось худшимъ изъ наказаній, являясь отлученіемъ отъ религіозныхъ обрядовъ. „Изгнанникъ,—говоритъ Ксенофонтъ,—теряетъ очагъ, свободу, отечество, женъ, дѣтей". Изгнаніе считалось равносильнымъ смертной казни: это была гражданская и религіозная смерть.

Глава государства былъ сперва только первосвященникъ. „Забота объ общественныхъ жертвоприношеніяхъ государства,—говоритъ Аристотель [1]),—лежитъ, смотря по религіознымъ обычаямъ, не на особыхъ жрецахъ, но на тѣхъ людяхъ, достоинство которыхъ исходитъ отъ очага и которыхъ въ одномъ мѣстѣ называютъ царями, въ другомъ—пританами, въ третьемъ—архонтами".

Когда греческія государства не захотѣли болѣе имѣть царей, они все-таки настаивали на томъ, чтобы за правящими лицами сохранялся религіозный характеръ. „Аѳинскіе архонты, въ день своего вступленія въ должность, поднимались въ Акрополь, съ головой, увѣнчанной миртомъ, и приносили жертву божеству города. Обычай требовалъ также, чтобы, при исполненіи своихъ обязанностей, они имѣли на головѣ вѣнокъ изъ листьевъ. Несомнѣнно, что вѣнецъ, сдѣлавшійся съ теченіемъ времени и до сихъ поръ являющійся эмблемою могущества, былъ тогда лишь религіозной эмблемой, внѣшнимъ знакомъ, при вознесеніи молитвъ и совершеніи жертвъ. Въ числѣ девяти архонтовъ тотъ, кого называли царемъ, былъ, по преимуществу, религіознымъ главою; но и каждый изъ его сотоварищей долженъ былъ исполнять какую-либо священную обязанность, приносить какую-нибудь жертву богамъ" [2]).

Судъ засѣдалъ около алтаря. Никакая битва и никакое торжество не обходились безъ жертвоприношеній. „Такимъ образомъ, и во время

---

1) *Политика*, кн. VII.

2) Fustel de Coulanges, *La Cité antique*.

мира, и во время войны, религія проникала всѣ человѣческія дѣйствія. Она была повсюду, она охватывала человѣка. Душа, тѣло, жизнь частная и общественная, трапезы, празднества, собранія, судилища, сраженія,—все находилось подъ властью государственной религіи. Она направляла всѣ дѣйствія человѣка, распоряжалась всѣми мгновеніями его жизни, устанавливала всѣ его привычки. Она властвовала надъ человѣческимъ существомъ такъ безусловно, что въ жизни его ничего не оставалось, чего бы она не затрогивала" [1]). Избраніе по жребію нѣкоторыхъ правящихъ лицъ, кажущееся намъ безсмысленнымъ, вполнѣ объяснимо съ религіозной точки зрѣнія грековъ: судьба, рѣшавшая дѣло, была не случайностью, а волею божества.

Таковы существенныя черты первоначальнаго греческаго общества; онѣ остались глубоко запечатлѣнными въ немъ даже и тогда, когда государство отрѣшилось отъ крайней строгости религіозныхъ узъ. Впрочемъ, за отсутствіемъ достовѣрныхъ источниковъ, мы не имѣемъ возможности прослѣдить образованіе эллинскаго общества, состоявшаго изъ ста различныхъ народовъ, долгое время перемѣщавшихся и утвердившихся на своихъ мѣстахъ лишь послѣ возвращенія Гераклидовъ, и завоеванія Пелопонеза дорійцами (1104 г.).

Дорійцы, вышедшіе изъ сѣверныхъ горъ, долгое время сохраняли грубость нравовъ и склонность къ охотѣ и войнѣ. Покоривъ сосѣднія населенія, они враждовали между собою, и лакедомонскіе дорійцы пытались подчинить себѣ остальныхъ. Именно, они являются самыми упорными и мужественными представителями дорійскаго племени. Полуварварскіе обычаи, принесенные ими съ дикихъ скалъ Дориды, они превратили въ правила и законы. Отличаясь въ такой же степени, какъ и всѣ эллины, замѣчательными умственными способностями, они старались доказать, что выше всего ставятъ физическую энергію. Суровые къ другимъ, какъ и къ себѣ, они были властнымъ народомъ, и ихъ тяжелая рука уничтожила не одинъ цвѣтокъ, готовый распуститься въ долинахъ Пелопонеза.

Не преувеличивая вліянія расы, мы можемъ сказать, что великая двойственность дорійцевъ и іонійцевъ заявляетъ о себѣ во всей греческой исторіи и объясняетъ различныя превратности ея. Бѣжали ли іонійцы изъ Пелопонеза послѣ переворота, произведеннаго дорійцами, или они утвердились сами въ свѣтлой и скалистой Аттикѣ, къ югу отъ тучной и неуклюжей Беотіи, во всякомъ случаѣ, они обладали, повидимому, духомъ, противуположнымъ дорійскому. Обращеніе ихъ

---

[1]) Fustel de Coulanges, *тамъ же.*

было болѣе мягкимъ, умъ болѣе свободнымъ, вкусъ болѣе тонкимъ. Дѣятельные, трудолюбивые, они умѣли пользоваться трудами мира, тогда какъ дорійцамъ знакомы были только плоды войны и грабежа. Коринѳскій перешеекъ, поприще первоначальныхъ несогласій іонійцевъ и дорійцевъ, остался гранью, раздѣлявшей оба народа. Тамъ была воздвигнута колонна, одна сторона которой, обращенная къ Пелопонезу, имѣла надпись: „Здѣсь находятся дорійцы"; на другой, обращенной къ Аттикѣ, было написано: „Тамъ лежитъ Іонія".

Іонійцы и дорійцы не оставались замкнутыми въ этой рѣзко ограниченной области. Заселяя острова и берега Малой Азіи, они продолжали держаться отдѣльно другъ отъ друга, въ отношеніяхъ почти враждебныхъ, и все-таки были необходимы одни другимъ, для поддержанія равновѣсія греческаго духа. Твердость дорійцевъ не допускала легкомысленныхъ іонійцевъ до нравственнаго паденія, къ которому они были склонны; а іонійцы, въ свою очередь, смягчали черствую и отталкивающую суровость дорійцевъ. Дорійцы, исключительно преданные военному дѣлу, не давали іонійцамъ спуститься до уровня финикіянъ, благодаря излишней преданности торговлѣ, а, своей мягкостью, іонійцы способствовали распространенію греческой цивилизаціи, которая могла бы задерживаться жесткостью ихъ соперниковъ. Однимъ словомъ, дорійцы и іонійцы, со своими особыми качествами и недостатками, составляли народъ двойной и единый, раздѣленный и сильный, торговый и, въ то же время, военный, жестокій и добродушный, привлекательный и суровый, смѣлый и изящный, легкомысленный и упрямый,—народъ, умѣвшій поддерживать сношенія и сражаться съ другими народами. Онъ олицетворялся въ двухъ государствахъ, долго враждовавшихъ между собою, изъ которыхъ каждое представляло главныя черты греческаго духа, можно сказать, даже духа всего человѣчества.

Спарта первая достигла могущества, начиная съ IX и VIII вѣка. Однако, у нея не было точныхъ законовъ, и внутреннія несогласія едва не погубили ее. *Ликургъ*, мудрецъ, жившій въ концѣ IX вѣка до Р. Х., возстановилъ миръ и, поддерживаемый авторитетомъ дельфійскаго оракула, учредилъ общественный порядокъ, составлявшій силу Спарты.

Согласно древнему обычаю, власть оставалась въ рукахъ двухъ *царей*, но эти цари были лишь военачальниками и первосвященниками. Настоящая власть принадлежала *сенату* изъ двадцати восьми старцевъ и общему собранію спартанцевъ. Позднѣе, *эфоры* сопутствовали царямъ, наблюдали за ними, составляли планы походовъ, отправляли правосудіе и, исполняя рѣшенія сената, объявляли войну и подписывали мирные договоры.

Власть находилась, такимъ образомъ, въ немногихъ рукахъ. Правленіе Спарты было олигархическимъ, или, говоря иначе, аристократическимъ.

Ликургъ, на самомъ дѣлѣ, поддержалъ дѣленіе по классамъ или, скорѣе, по народностямъ. Спартанское общество дѣлилось на *дорійцевъ*, завоевателей, *лаконійцевъ*, коренныхъ жителей, и *илотовъ*, рабовъ. Если вѣрить Плутарху, онъ роздалъ лучшія земли девяти тысячамъ спартанцевъ, а остальныя—тридцати тысячамъ лаконійцевъ. Лаконійцы обязаны были обработывать, вмѣстѣ съ илотами, землю спартанцевъ.

Впрочемъ, эти послѣдніе не всѣ пользовались одинаковыми правами. Они раздѣлялись на *неодамодовъ*, (прежнихъ отпущенныхъ на свободу рабовъ), *мотаковъ* (нѣчто вродѣ кліентовъ) и *низшихъ*, вѣроятно, младшихъ сыновей, лишенныхъ наслѣдства. Настоящіе спартанцы составляли классъ *равныхъ*, которые одни пользовались политическими правами. „Быть внѣ этого класса,—говоритъ Ксенофонтъ,—значитъ, быть внѣ политическаго строя". Эти равные, число которыхъ было весьма ограничено, составляли аристократическое правленіе Спарты.

Лаконійцы были только фермерами, а илоты, обреченные на худшее рабство, образовали отверженный классъ.

Спартанцы должны были имѣть лишь одно занятіе—охоту или войну. Въ качествѣ воиновъ, ихъ связывала узкая и суровая дисциплина. Законъ не позволялъ имъ отступать даже передъ численнымъ превосходствомъ врага. Восторжествовать или умереть—таковъ былъ ихъ девизъ. Спарту должно было защищать только мужество ея гражданъ.

Поэтому спартанцы даютъ намъ лучшіе примѣры патріотизма и повиновенія закону. На Θермопильской скалѣ, послѣ самоотверженія Леонида, были вырѣзаны эти простыя слова: „Прохожій, скажи Спартѣ, что мы умерли здѣсь, повинуясь ея законамъ". Эта преданность отечеству, столь достойно прославленная, не принесла прямой пользы, такъ какъ не могла остановить персидское войско, обошедшее позицію по тропинкѣ Эты. Но она оказывала на современниковъ и потомство нравственное дѣйствіе, служившее источникомъ патріотическаго самоотверженія. Своими правилами и примѣрами спартанцы дали человѣческой душѣ могущественный толчокъ, заставляющій ее стремиться къ высшему самоотреченію, и у насъ нѣтъ болѣе сильнаго обозначенія для выраженія твердости, какъ назвать ее спартанскимъ мужествомъ.

Когда Леонидъ готовился сразиться съ врагами при Θермопилахъ, нѣкто сказалъ ему: „Какъ, ты отваживаешься, о, Леонидъ, сопротивляться такому множеству непріятелей съ столь немногими воинами?—

Если судить по количеству,—отвѣтилъ онъ,—всей Греціи было бы мало въ этомъ случаѣ, потому что, въ сравненіи съ Персіей, она лишь ничтожная величина, но если судить по мужеству, то такого числа вполнѣ достаточно". Онъ посовѣтовалъ своимъ воинамъ „пообѣдать такъ, какъ это слѣдуетъ людямъ, которые будутъ ужинать у Плутона".

Онъ хотѣлъ спасти юношей и, зная, что они не согласятся, если имъ прямо предложить это, онъ ихъ, одного за другимъ, посылалъ съ различными извѣстіями къ эфорамъ. Ему хотѣлось спасти и трехъ изъ людей, вполнѣ взрослыхъ; но они угадали его мысль и не хотѣли принимать на себя его порученій. Одинъ изъ нихъ прибавилъ: „Я шелъ за тобою въ качествѣ воина, а не въ качествѣ вѣстника".

Когда у Павзанія, сына Плистонакса, спросили, почему у лакедемонянъ никому не позволялось что-либо измѣнять въ старинныхъ законахъ, тотъ отвѣтилъ: „Потому что законы должны властвовать надъ людьми, а не люди надъ законами". У одного спартанца спросили: много ли у него имущества? „Не болѣе, чѣмъ нужно",—отвѣтилъ онъ.

Одинъ изъ илотовъ велъ себя слишкомъ дерзко по отношенію къ Хариллу; тотъ сказалъ ему:—„Если бы я не былъ разсерженъ, ты погибъ бы только отъ моей руки". На вопросъ, какое правленіе онъ считаетъ наилучшимъ, тотъ же спартанецъ отвѣтилъ:—„Такое, въ которомъ наибольшее число гражданъ состязаются между собою въ добродѣтели, не образуя двухъ лагерей".

Когда ѳиванцы, побѣдивъ лакедемонянъ при Левктрахъ, дошли почти до самаго Эвротаса, одинъ изъ нихъ воскликнулъ съ вызывающимъ видомъ:—„Гдѣ же эти лакедемоняне?" Плѣнный спартанецъ отвѣтилъ: „Ихъ нѣтъ болѣе; иначе вы не пришли бы сюда".

Филиппъ, вступивъ на территорію лакедемонянъ, спрашивалъ у нихъ письменно—желаютъ ли они, чтобы онъ пришелъ, какъ другъ или какъ врагъ? Они единогласно отвѣтили:—„Ни такъ, ни этакъ".

Братья ссорились другъ съ другомъ. Эфоры наказали пеней ихъ отца за то, что онъ смотрѣлъ спокойно на несогласіе сыновей.

У одного лакедемонянина спросили: что онъ умѣетъ дѣлать?—„Умѣю быть свободнымъ", отвѣтилъ онъ.

Лакедемонцу, выставленному на продажу, нѣкто сказалъ: „Будешь ли ты честенъ, если я тебя куплю?" Тотъ отвѣтилъ:—„Буду, если ты даже меня и не купишь".

Однажды, въ борьбѣ, противникъ лакедемонца, схвативъ его за шею, послѣ долгихъ, тщетныхъ усилій, начиналъ одолѣвать его, заставляя склоняться къ землѣ. Чувствуя, что силы покидаютъ его, и что онъ долженъ будетъ уступить, спартанецъ укусилъ соперника въ руку.

„Лакедемонецъ,—сказалъ другой,—ты кусаешься, какъ женщина! — „Нѣтъ,—услышалъ онъ въ отвѣтъ,—какъ левъ!

Аргіоленида, мать Бразида, потеряла сына въ битвѣ при Амфиполѣ. Нѣсколько обитателей этого города, пріѣхавъ въ Спарту, посѣтили ее. Она спросила у нихъ—умеръ ли ея сынъ со славой, достойной Спарты? Они отозвались о немъ съ большой похвалою и объяснили, что, по своему мужеству, онъ былъ первымъ изъ всѣхъ лакедемонянъ. „Чужеземцы, — сказала она, — сынъ мой былъ храбръ и мужественъ, но Лакедемонъ насчитываетъ множество гражданъ, которые гораздо достойнѣе его“.

Чтобы поддержать твердость у спартанцевъ, Ликургъ пожелалъ, чтобы она соединялась у нихъ съ суровымъ образомъ жизни. Установивъ или заимствовавъ у критянъ общественныя трапезы, онъ заставилъ спартанцевъ ѣсть за однимъ столомъ и притомъ одну и ту же пищу, опредѣленную закономъ. Даже оба царя должны были принимать участіе въ общественныхъ обѣдахъ. Самые достовѣрные историки подтверждаютъ существованіе этихъ обѣдовъ, за которыми всего чаще подавалась черная похлебка, грубая смѣсь дурно приправленныхъ кусковъ мяса.

Чтобы переносить подобную жизнь и выработать въ себѣ такую энергію, дѣтямъ необходимо было съ ранняго возраста подвергаться строгому воспитанію и тяжелымъ упражненіямъ. Ребенокъ принадлежалъ не семьѣ, а государству, и всѣ мѣры принимались къ развитію его физическихъ силъ и ловкости и къ образованію характера. Воинственному народу нужно было лишь военное воспитаніе, и забота о какомъ бы то ни было иномъ образованіи вполнѣ устранялась. Даже дѣвушки должны были упражняться въ гимнастикѣ, которая ихъ укрѣпляла и дѣлала ихъ достойными подругами воиновъ и почитательницами ихъ доблестей.

Роскошь, промышленность и торговля были изгнаны изъ спартанской республики, которая вовсе не принимала чужеземцевъ, чтобы вмѣстѣ съ ними въ нее не проникла порча нравовъ. Быть можетъ, свидѣтельство, будто спартанцы были совершенно равнодушны къ изящнымъ искусствамъ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторое преувеличеніе. Но несомнѣнно, что художественная слава грековъ не исходила отъ спартанцевъ, и что отъ нихъ не дошло до насъ ни одного литературнаго произведенія и ни одного памятника. Они продолжали быть грубыми даже и тогда, когда переставали быть суровыми.

Какъ ни восхваляли еще древніе писатели спартанскія учрежденія, ихъ нельзя не признать вообще противными истинному назначенію чело-

вѣка и естественнымъ чувствамъ его. Нарушеніе неотъемлемыхъ правъ родителей и свободы, недоступной для большинства обитателей Лаконіи, униженіе человѣческаго достоинства въ лицѣ илотовъ, служившихъ игрушкою для дѣтей, духъ завоеванія, склонность къ грабежу, грубыя и варварскія привычки — таковы были послѣдствія этихъ знаменитыхъ учрежденій, которымъ расточалось столько похвалъ.

Несомнѣнно, что духъ свободы былъ чуждъ аристократической и тираннической республикѣ Спарты. Равенства въ ней также не существовало, даже въ высшемъ классѣ, гдѣ раздѣлы имущества, если они когда-нибудь были, скоро прекратились.

Аристотель весьма ясно показываетъ недостатки общественныхъ порядковъ лакедемонянъ. Онъ отмѣчаетъ у нихъ значительное имущественное неравенство. „Одни,—говоритъ онъ,—обладаютъ громадными имѣніями, а другіе едва имѣютъ право называться собственниками; такимъ образомъ, вся страна принадлежитъ лишь нѣсколькимъ лицамъ... Мало того: женщины владѣютъ двумя пятыми земельнаго имущества, потому что весьма многія изъ нихъ остались единственными наслѣдницами, и приносятъ мужьямъ богатое приданое“. Онъ упоминаетъ также о роскоши и невоздержности женщинъ, утратившихъ энергію первыхъ временъ. Когда въ Лаконію вторглись ѳиванцы и Эпаминондъ, спартанскія женщины, никогда не видавшія огней непріятельскаго лагеря, могли только плакать и вызвали такой страхъ въ войскахъ, что Агизелай лишь съ большимъ трудомъ сдержалъ его. Аристотель порицаетъ и жестокость спартанцевъ по отношенію къ илотамъ; онъ не одобряетъ и правительственное устройство, отданное въ руки старцевъ, слишкомъ склонныхъ къ нерѣшительности, и небогатымъ эфорамъ, доступнымъ для подкупа. Онъ отзывается неблагопріятно и объ общественныхъ трапезахъ. „Ликургъ, — говоритъ онъ, — хотѣлъ сдѣлать изъ этихъ общихъ трапезъ демократическое учрежденіе, но онѣ устроены такъ, что менѣе всего могутъ быть названы всенародными. Трудно, чтобы неимущій гражданинъ могъ внести свою долю въ общій расходъ, а древній обычай, имѣющій силу закона, лишаетъ правъ гражданина того, кто не приноситъ своей доли“. Наконецъ, онъ высказывается и противъ главнаго намѣренія законодателя. „Главною цѣлью его было,—говоритъ онъ,—образовать гражданъ съ военными доблестями, т.-е. такихъ, которые умѣютъ побѣждать. Но что же произошло? Лакедемонъ держался какъ нельзя лучше во время войны и не зналъ что̀ дѣлать послѣ окончанія ея. Всѣ его учрежденія научали его сражаться, и ни одно не подготовляло его къ мирной жизни.“

Въ концѣ концовъ, Спарта пала жертвой своей эгоистической политики, препятствовавшей ей замѣщать пробѣлы, производимые войнами въ ея населеніи. Число настоящихъ спартанцевъ безпрерывно уменьшалось. Во времена Аристотеля, ихъ оставалась только тысяча; по свидѣтельству Плутарха, въ 244 г. до Р. Х., ихъ было не болѣе семисотъ. Спарта погибла за недостаткомъ спартанцевъ. Она сама уничтожила себя.

Аѳинское государство достигло бо́льшаго величія, потому что не стремилось къ тому. Оно не жертвовало своему тщеславію ни семьей, ни обществомъ, ни нравственностью. Іонійцы давали волю своему характеру, счастливому отъ природы, и старались, не насилуя, усовершенствовать его воспитаніемъ. Ребенка не отнимали у родителей. Онъ росъ въ семьѣ, и государство предъявляло свои права на него лишь по достиженіи имъ шестнадцатилѣтняго возраста, чтобы доставить ему учителей и помѣстить его въ училище эфебовъ. Даже семейный строй подвергся измѣненію, и наслѣдство дѣлилось поровну между сыновьями; старшему предоставлялось лишь одно преимущество—сохранить за собою отцовскій домъ. Дочь, правда, исключалась изъ наслѣдства, но ей давалось приданое; если она была единственной дочерью, она могла наслѣдовать все имущество отца, съ условіемъ выйти замужъ за одного изъ ближайшихъ родственниковъ. Законодатель Солонъ, живши́й долго послѣ Ликурга, такъ какъ реформа его относится къ 595 г., призналъ за отцами право завѣщанія, отвергавшееся религіей, но онъ не уничтожилъ правъ кровной семьи, и свобода завѣщанія была полною только для бездѣтныхъ. Отцовская власть, не будучи ослаблена, была ограничена въ своей продолжительности: сынъ, вмѣсто того, чтобы оставаться подъ постоянной опекой, получалъ права, съ которыми были связаны и обязанности; онъ долженъ былъ кормить отца, когда тотъ становился слишкомъ старъ или терялъ силы. Однимъ словомъ, законы Солона согласовались съ природой, а не природа вынуждалась уступать законамъ.

Аттика долгое время страдала отъ соперничества между воздѣлывателями равнины, богатыми владѣльцами оливковыхъ плантацій, бѣдными обитателями горъ и прибрежными мореплавателями. Главы знатныхъ семействъ сосредоточивали въ своихъ рукахъ земельную собственность и господствовали надъ многочисленными арендаторами, обременяя ихъ поборами. Солонъ произвелъ цѣлый переворотъ, освободивъ арендаторовъ. Аристотель отдаетъ полную справедливость Солону. „Онъ положилъ конецъ,—говоритъ онъ,—порабощенію народа“. Освобожденная земельная собственность постоянно дѣлилась и распредѣля-

лась, сообразно судьбамъ различныхъ семействъ, и получала значеніе, благодаря приложенному къ ней труду. Солонъ запрещалъ праздность. Въ Аѳинахъ необходимо было избрать профессію и обнаружить передъ лицомъ власти законныя средства къ существованію.

Хотя трудъ и уважался, но въ Аѳинахъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, по преимуществу, предоставлялся рабамъ. Впрочемъ, аѳиняне человѣчно обращались съ рабами. Правда, имъ не удалось подняться до идеи равенства, и ихъ знаменитѣйшіе философы старались софизмами оправдать рабство. Тѣмъ не менѣе, аѳиняне не унижали раба, и законъ защищалъ его отъ жестокости господина; рабъ могъ требовать, чтобы его продали въ другія руки, если не былъ доволенъ своимъ положеніемъ.

Ревниво относясь, подобно прочимъ грекамъ, къ своимъ гражданскимъ правамъ, аѳиняне все-таки охотно принимали къ себѣ чужеземцевъ. Семейства иностранцевъ, по истеченіи нѣкотораго времени, могли присоединяться къ числу аѳинскихъ семействъ. Склонность къ торговлѣ развивала въ аѳинахъ вѣжливость и заставляла ихъ искать общества, вмѣсто того, чтобы избѣгать его. Аѳины стремились къ тому, чтобы въ ихъ стѣнахъ сходились торговцы всѣхъ странъ. Имъ было желательно смѣшеніе представителей различныхъ народовъ, обмѣнъ услугъ и идей. Лучезарный очагъ, все привлекавшій къ себѣ и поддерживавшійся соединенными силами, Аѳины не погибли, утративъ свою независимость, и продолжали сіять яркимъ свѣтомъ въ теченіе всего древняго періода. Никто не думалъ о возстановленіи Спарты, всѣ считали долгомъ побывать въ Аѳинахъ.

Каждый гордился, кто имѣлъ случай учиться въ Аѳинахъ. Остроумные, умственно развитые аѳиняне, разработывали и почитали словесность и искусство съ успѣхомъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Воспитанію придавалась величайшая важность. Аристофанъ изображаетъ намъ аѳинскихъ дѣтей „отправляющимися въ школу, въ порядкѣ, распредѣленными на небольшіе отряды; они идутъ плотными рядами въ дождь, въ снѣгъ, или по яркому солнцу; эти дѣти какъ будто уже понимаютъ, что исполняютъ гражданскій долгъ“ [1]). Платонъ, съ своей стороны, говоритъ: „Родителямъ не можетъ быть предоставлено право посылать или не посылать дѣтей къ учителямъ, избраннымъ городомъ, такъ какъ дѣти не столько принадлежатъ родителямъ, сколько государству“. Школа эфебовъ, которая вначалѣ обучала государственному и военному дѣлу, а также и религіи, превра-

---

[1]) Аристофанъ, „Облака“, ст. 960—995.

тилась въ подобіе университета, съ обширнымъ преподаваніемъ и учеными состязаніями.

И по выходѣ изъ школъ, аѳиняне съ удовольствіемъ слушали риторовъ, софистовъ и философовъ и обсуждали вопросы первостепенной важности. Владѣя самымъ благозвучнымъ, іонійскимъ нарѣчіемъ, они обладали такимъ изощреннымъ ухомъ, что малѣйшая неправильность въ удареніи оскорбляла слухъ даже простолюдина и рыночной торговки. Любя краснорѣчіе, восторженно относясь къ поэзіи, они простили Пизистрату его тиранію за поощреніе литературы и искусствъ и восхищались воздвигнутыми имъ памятниками, которые впослѣдствіи были замѣнены прекрасными произведеніями вѣка Перикла.

Ступени, какими аѳиняне достигли своей политической свободы, заслуживаютъ бо̀льшаго вниманія, чѣмъ обыкновенно удѣляется имъ. Аѳинянамъ нужно было болѣе пяти вѣковъ, чтобы освободиться отъ власти знатныхъ семействъ, *эвпатридовъ*. Эти послѣдніе, наскучивъ царскою властью, политическою и религіозною въ одно и то же время, уничтожили ее въ 1045 г. и открыли путь для переворотовъ, которые впослѣдствіи должны были обратиться противъ ихъ собственнаго могущества. Власть *архонтовъ*, замѣнившая царскую власть, мало отличалась отъ послѣдней, будучи пожизненной и наслѣдственной въ древней, царственной семьѣ Кодра. Въ 754 г. власть архонта стала десятилѣтнею, а затѣмъ она была раздѣлена: религіозныя обязанности были поручены архонту-царю; другой архонтъ-*эпонимъ*, по имени котораго назывался годъ, имѣлъ лишь гражданскую власть. Наконецъ, къ архонтамъ были присоединены *полемархъ* (военачальникъ) и шесть другихъ правительственныхъ лицъ (ѳесмоѳетовъ), которые должны были примѣнять законы и предсѣдательствовать въ судилищахъ. Съ 683 г. было девять архонтовъ, облеченныхъ властью лишь на одинъ годъ. Исполнительная власть, при такомъ раздѣленіи и разграниченіи, не могла быть опасною. Съ этой эпохи Аѳины могли назваться настоящей республикой.

Но еще долгое время они оставались республикой аристократической. Древнія фамиліи, держа въ зависимости своимъ религіознымъ значеніемъ и богатствомъ большое число кліентовъ, властвовали надъ народомъ и угнетали его. Дѣломъ и заслугой Солона было возвращеніе народу свободы освобожденіемъ земли, какъ мы говорили выше. Облеченный безграничной властью, съ цѣлью преобразованія и умиротворенія республики, Солонъ ослабилъ значеніе эвпатридовъ, предоставивъ низшимъ классамъ политическія права, опредѣлявшіяся не происхожденіемъ, а имущественной состоятельностью.

Солонъ раздѣлилъ народъ на четыре класса, въ которыхъ граждане распредѣлялись сообразно своему богатству; такимъ образомъ, дѣятельные и трудолюбивые граждане могли подниматься до высшаго класса. Кромѣ того, права уравновѣшивались обязанностями. Граждане, пользовавшіеся доходомъ болѣе пятисотъ медимновъ (мѣръ оливковаго масла), т.-е. около 2.000 р. на наши деньги, имѣли доступъ къ высшимъ должностямъ, но платили налогъ, соотвѣтственный своему доходу, и на войнѣ должны были сражаться въ первомъ ряду. Два другіе класса (всадники и зевгиты), имѣвшіе около 1.200 и 600 руб. дохода, могли занимать низшія должности, платили налоги и обязаны были военной службой. Четвертый классъ, самый бѣдный, вовсе не платилъ налога, не долженъ былъ расходоваться на вооруженіе и служилъ только въ легкихъ войскахъ или на корабляхъ. Онъ не могъ имѣть притязанія на какія-либо общественныя должности. Солонъ, очевидно, хотѣлъ ввѣрить управленіе и защиту государства тѣмъ, чьихъ интересовъ это касалось по преимуществу. Онъ не устранилъ, однако, менѣе богатыхъ; послѣдніе имѣли право голоса: они выбирали должностныхъ лицъ, причемъ не допускалось, какъ при выборѣ архонтовъ, избранія по жребію, что было стариннымъ религіознымъ обычаемъ.

Должностныя лица избирались въ большомъ количествѣ, на одинъ годъ и безвозмездно. Кромѣ девяти архонтовъ и общественныхъ жрецовъ, были десять выборныхъ *стратеговъ*, занимавшихся военнымъ дѣломъ, и затѣмъ чиновники, наблюдавшіе за общественнымъ порядкомъ, за продовольственными припасами, за продажей и покупкой, охранявшіе казну и собиравшіе подати. Въ каждомъ мѣстечкѣ или *дэмѣ* аѳинскаго союза эти должности повторялись какъ бы въ уменьшенномъ видѣ.

Главнымъ изъ учрежденій Солона былъ *сенатъ*, на которомъ лежало обсужденіе религіозныхъ или политическихъ дѣлъ города. Онъ не былъ подобенъ спартанскому сенату, т.-е. олигархіи двадцати восьми старцевъ, а состоялъ изъ четырехсотъ членовъ, выбранныхъ по жребію, и изъ людей наиболѣе достойныхъ уваженія въ первыхъ трехъ классахъ. Это собраніе раздѣлялось на отдѣлы въ пятьдесятъ *притановъ*, которые засѣдали по очереди, непрерывно, въ теченіе мѣсяца и содержались въ Пританеѣ, на счетъ государства. Сенаторы цѣлый день посвящали занятію дѣлами, и законы выходили изъ сената вполнѣ обдуманными, ясно выраженными и подвергались затѣмъ рѣшенію народнаго собранія.

Окончательное рѣшеніе вопросовъ вполнѣ зависѣло отъ *народнаго собранія*. Настоящимъ властелиномъ былъ народъ. Засѣдая на откры-

томъ воздухѣ, въ священной оградѣ Пникса, каждый разъ очищаемой молитвами жрецовъ, народъ помѣщался рядами на каменныхъ скамьяхъ и слушалъ различныхъ ораторовъ, поддерживавшихъ или опровергавшихъ проекты законодательныхъ мѣръ, выходившихъ изъ сената. Сказать, что народъ всегда оставался спокойнымъ, слушая своихъ ораторовъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые историки, это значило бы преувеличивать благоразуміе народа, извѣстнаго своимъ подвижнымъ характеромъ. Демосѳенъ, какъ мы знаемъ, упражнялся на берегу моря, стараясь заглушить шумъ волнъ, чтобы пріучить свой голосъ покрывать шумъ народной волны. Чтобы предостеречь собранія отъ необдуманныхъ увлеченій, аѳиняне не доводили свою строгость противъ ораторовъ до той мѣры, какъ законодатель локрійскій Залевкъ. Этотъ послѣдній обязывалъ оратора, предлагавшаго принять или отвергнуть какой-либо законъ, произносить свою рѣчь съ веревкою на шеѣ и быть готовымъ къ удушенію, если предложеніе его оказывалось неудачнымъ. Аѳиняне не заходили такъ далеко, но ихъ законъ наказывалъ оратора, если онъ давалъ дурной совѣтъ народу. Другой законъ воспрещалъ доступъ на трибуну каждому оратору, кто трижды совѣтовалъ принять рѣшенія, противныя существующимъ законамъ. Кромѣ того, принятые законы назывались именемъ того, кто ихъ предложилъ, и впослѣдствіи, когда общественное мнѣніе поворачивалось въ другую сторону, предлагавшій могъ подвергнуться преслѣдованію и наказанію. Собраніе не могло постановить рѣшенія, если оно состояло менѣе, чѣмъ изъ шести тысячъ гражданъ, и нерѣдко приходилось принимать понудительныя мѣры, чтобы заставить аѳинянъ собираться на совѣщанія.

Народъ былъ не только законодателемъ, но и судьею. Распри между гражданами и всѣ судебные процессы повергались на рѣшеніе *геліастовъ*, пяти тысячъ гражданъ, выбиравшихся по жребію и распредѣлявшихся между отдѣльными судилищами. Трудно было найти болѣе демократическое устройство суда. Солонъ пытался ограничить его учрежденіемъ *ареопага*, который, быть-можетъ, существовалъ и ранѣе его, но при немъ получилъ болѣе власти и внутренняго значенія. Ареопагъ составлялся изъ архонтовъ, которые, во время исполненія своихъ обязанностей, заслужили особое уваженіе. Число сенаторовъ ареопага не было опредѣленнымъ: въ нѣкоторыя времена оно доходило до двухъ- и даже до трехсотъ. На немъ лежало высшее наблюденіе за нравственностью и, въ особенности, за уголовнымъ судопроизводствомъ, покровительство сиротамъ, которымъ онъ назначалъ опекуновъ, и возмездіе за нарушеніе религіозныхъ постановленій. Вслѣдствіе того, ареопагъ сдѣлался судилищемъ, внушавшимъ страхъ и уваженіе, своего рода

олицетвореніемъ справедливости и мудрости; онъ оставилъ о себѣ такое воспоминаніе, что слово „ареопагъ“ стало синонимомъ высшаго, уважаемаго судилища [1]).

Хотя Солонъ далъ аѳинскому народу свободныя, демократическія учрежденія, но онъ не коснулся древняго раздѣленія его на роды, фратріи и племена. Сами эвпатриды далеко не потеряли своего значенія: политическое вліяніе зависѣло отъ богатства, и почти вся земля находилась въ ихъ рукахъ. Кліенты, пользуясь свободой, тѣмъ не менѣе, находились въ нравственной зависимости отъ старѣйшихъ лицъ знатныхъ фамилій, которыя, благодаря общимъ жертвоприношеніямъ, удерживали власть, какую у нихъ хотѣли отнять. Даже при жизни Солона, они сумѣли, не отвергая его законовъ, возвратить себѣ силу, поставивъ во главѣ республики одного изъ своихъ, Пизистрата, который, поддѣлавшись къ бѣднымъ гражданамъ и обманувъ ихъ, достигъ высшей власти (560—527).

Но послѣ волненій и изгнанія пизистратидовъ (514), Клисѳенъ задумалъ совершенно уничтожить старинное благородное званіе и придать правленію еще болѣе демократическій характеръ. Онъ раздѣлилъ гражданъ на десять племенъ, независимо отъ рожденія и богатства, по одному лишь мѣсту жительства. Это чисто мѣстное дѣленіе, при всей своей простотѣ, имѣло громадное значеніе. Классы и семейства оказались смѣшанными въ одномъ и томъ же племени. Религіозная связь, нѣкогда соединявшая гражданъ различныхъ предмѣстій или кварталовъ, съ главою благородной семьи, съ эвпатридомъ, была разрушена. Каждое племя получило новый культъ, и Клисѳенъ назначилъ ему предметомъ поклоненія какого-либо героя. Каждое племя превратилось въ религіозное и политическое цѣлое, имѣя своихъ должностныхъ лицъ и своего стратега.

Самъ сенатъ пріобрѣлъ болѣе демократическій характеръ; Клисѳенъ увеличилъ число его членовъ, опредѣливъ его въ 500 (по 50 на каждое племя). Народное собраніе стало сходиться чаще, и Клисѳенъ далъ ему въ руки страшное оружіе, чтобы избѣгнуть возвращенія тираніи: это былъ *остракизмъ*. Народъ имѣлъ право подачею голосовъ, которую не надо было ни обсуждать, ни оправдывать, изгнать каждаго

---

[1]) Аристотель прекрасно характеризовалъ дѣло Солона: „Солонъ, — говоритъ онъ,— подавилъ олигархію, сдѣлавшуюся слишкомъ могущественной, освободилъ народъ отъ рабства, возстановилъ древнюю демократію и искусно соединилъ различные виды правленія въ учрежденіи своей республики. Дѣйствительно, мы находимъ олигархію въ ареопагѣ, аристократію въ способѣ избранія должностныхъ лицъ и демократію въ формѣ судилища“.

гражданина, внушавшаго подозрѣніе. Такимъ образомъ, оказалась возможность, которою Аѳины пользовались безъ стѣсненія, устранить каждаго гражданина, достигавшаго извѣстности. Эта темная сторона демократіи нерѣдко поражала наиболѣе справедливыхъ и знаменитыхъ гражданъ.

Не будемъ, впрочемъ, забывать, что древнія республики ограничивались однимъ городомъ и его окрестностью. Число аѳинскихъ гражданъ равнялось, приблизительно, 14.000. Число спартанцевъ, какъ мы видѣли, непрерывно уменьшалось. Поэтому, при численности столь ограниченной, возможно было испытывать всѣ формы свободы.

Историкъ Ѳукидидъ влагаетъ въ уста Перикла прекрасную похвалу Аѳинамъ, отмѣчающую главныя качества іонійскаго города: „Наше государственное устройство не позволяетъ завидовать общественнымъ порядкамъ другихъ народовъ: оно служитъ для нихъ образцомъ, ни въ чемъ не подражая имъ. Оно называется демократіей, потому что имѣетъ цѣлью выгоды наибольшаго числа лицъ, а не благосостояніе нѣсколькихъ. Въ частной жизни всѣ равны передъ закономъ, но уваженіе воздается только тѣмъ, кто отличается какимъ-либо дарованіемъ; личное достоинство болѣе, чѣмъ общественныя отличія, открываетъ дорогу къ почестямъ; бѣдность или незначительное положеніе не препятствуютъ ни одному гражданину служить отечеству, если онъ на то способенъ. Мы не разслѣдуемъ, съ подозрительнымъ любопытствомъ, частное поведеніе нашихъ согражданъ; мы не порицаемъ ихъ, если они ищутъ какого-либо удовольствія; мы не бросаемъ на нихъ укоризненныхъ взглядовъ, которые если не ранятъ, то причиняютъ боль.

„Эта терпимость въ обыденной жизни не препятствуетъ намъ почитать то, что касается общественнаго порядка; мы исполнены покорности къ установленнымъ властямъ и законамъ, въ особенности, такимъ, которые служатъ защитою слабымъ, и такимъ, которые, не будучи писанными, навлекаютъ на нарушителей ихъ общее порицаніе.

„Мы предоставляемъ уму безчисленныя развлеченія, какъ въ городскихъ играхъ и жертвоприношеніяхъ, совершающихся въ опредѣленные промежутки времени, такъ и въ домашнемъ препровожденіи времени, изящество и очаровательность котораго разсѣеваетъ горести жизни. Величіе нашего города привлекаетъ къ нему сокровища со всей земли; мы наслаждаемся и чужеземными произведеніями, и плодами нашей почвы.

„Нашъ городъ открытъ для всѣхъ: у насъ нѣтъ закона, который устранялъ бы чужеземцевъ отъ зрѣлища, какимъ могли бы воспользоваться наши враги. Для защиты отъ опасности, мы не столько раз-

считываемъ на военную подготовку, сколько на нашу природную храбрость. Другіе упражненіемъ, начинающимся съ дѣтства, развиваютъ храбрость, какъ особое достоинство въ воспитаніи; мы, не обрекая себя на грубыя и тяжелыя усилія, встрѣчаемъ опасности съ неменьшей неустрашимостью.

„Но не отсюда только исходитъ наша слава: мы соединяемъ изящный вкусъ съ простотою, развитіе ума—съ энергіей. Мы пользуемся нашими богатствами не для того, чтобы блестѣть, а для того, чтобы дѣйствовать. У насъ никто не считаетъ стыдомъ признаваться въ своей бѣдности; стыдно только тому, кто ничего не дѣлаетъ, чтобы изъ нея выйти. Мы умѣемъ находить и обсуждать то, что пригодно для государства; мы не полагаемъ, чтобы слово вредило дѣйствію; мы считаемъ вреднымъ только невозможность обсужденіемъ разъяснить дѣло. Мы умѣемъ соединять спокойствіе размышленія съ живостью дѣйствія, тогда какъ у другихъ отвага является слѣдствіемъ незнанія, и разсужденіе ведетъ къ нерѣшительности. Что касается добрыхъ услугъ, мы также представляемъ разительную противоположность съ другими народами: мы пріобрѣтаемъ друзей, не получая отъ нихъ, а расточая имъ благодѣянія... Мы дѣлаемъ одолженіе безъ разсчета и задней мысли, съ великодушіемъ, полнымъ довѣрія. Однимъ словомъ, я позволяю себѣ сказать, что Аѳины, въ своемъ цѣломъ, есть школа Греціи“ [1]).

Аѳинянинъ былъ свободенъ. Онъ подавалъ голосъ въ народномъ собраніи, создавалъ законы, обсуждалъ общественныя дѣла, умѣлъ распоряжаться общими деньгами. Если онъ соглашался начать войну, это значило, что онъ рѣшился пожертвовать жизнью своею или своихъ дѣтей. Онъ отстаивалъ свои интересы на судѣ передъ другими согражданами. Онъ могъ надѣяться засѣдать въ сенатѣ, если принадлежалъ къ высшимъ классамъ. Выборы были ежегодными, и число должностей было значительно по отношенію къ общему числу гражданъ; поэтому каждый могъ сдѣлаться должностнымъ лицомъ своей дэмы или своего города. Это была вполнѣ идеальная демократія.

Спартанецъ не обладалъ такою же склонностью къ публичности и къ свободѣ. Въ его небольшомъ городѣ было немного должностныхъ лицъ: вся власть сосредоточивалась въ рукахъ нѣсколькихъ эфоровъ и сената въ двадцать восемь членовъ. Спартанецъ не могъ развить въ себѣ страсти къ защитѣ своихъ правъ и къ политическимъ рѣчамъ. Онъ повиновался небольшому числу начальниковъ, потому что они принадлежали къ одному племени съ нимъ; это повиновеніе не было тя-

---

1) Ѳукидидъ, *Пелопонезская война.*

желымъ для него, такъ какъ оно обезпечивало его господство надъ другими племенами Лаконіи и его внѣшнюю силу.

Спартанецъ охотится или воюетъ. Онъ проводитъ почти все время внѣ города. Ему вовсе неизвѣстна пріятность домашняго очага, и онъ мало цѣнитъ семейныя чувства. Занятіе его заключается въ развитіи силы и ловкости, удовольствіе—въ торжествѣ надъ соперникомъ.

Потребности аѳинянина гораздо разнообразнѣе. Онъ читаетъ и бесѣдуетъ, разсуждаетъ и философствуетъ, подаетъ голосъ и вступаетъ въ различныя сношенія. Это не мѣшаетъ ему быть храбрымъ на войнѣ. Прилежно посѣщая собранія и судилища, онъ научается жертвовать собственными интересами общественной пользѣ. Онъ отдаетъ свое время и свои умственныя силы государству, не отдѣляя себя отъ послѣдняго, такъ какъ онъ—лишь ничтожная частица его, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ сдѣлаться однимъ изъ его кормчихъ. Аѳинянинъ не знаетъ праздности, потому что, кромѣ своихъ личныхъ дѣлъ, онъ занимается дѣлами всѣхъ. Политическая свобода возбуждаетъ его, а въ извѣстныхъ случаяхъ доводитъ до страстнаго порыва. Онъ чувствуетъ, что живетъ, потому что живетъ для себя и для всѣхъ.

Законодательство Спарты развивало лишь одинъ изъ стимуловъ человѣчества—мужество. Аѳинское законодательство развивало всѣ его способности. Спартанецъ замыкался въ своей гордости. Аѳинянинъ дѣлился со всѣми своей любезностью; онъ приходилъ въ гавань, разспрашивалъ вновь прибывшихъ, покупалъ, продавалъ, сближался съ подобными себѣ и дѣлался человѣчнѣе отъ соприкосновенія съ людьми. Спартанецъ, однимъ словомъ, былъ человѣкомъ только на войнѣ; аѳинянинъ былъ имъ во всякое время. Первый заботился лишь о томъ, чтобы умереть съ достоинствомъ, второй — чтобы жить съ пользой. Спарта была только школой воиновъ, Аѳины—школой гражданъ, ученыхъ, художниковъ. Спарта была только лагеремъ; Аѳины были городомъ, обществомъ, которое своими тонкими чувствами, своимъ вкусомъ, своимъ изяществомъ почти воплощало идеалъ человѣческихъ обществъ.

Обаяніе аѳинской демократіи не должно, однако, вводить насъ въ заблужденіе относительно истиннаго характера свободы древнихъ временъ. Эта свобода ни въ чемъ не походила на ту, какую почитаютъ современные намъ народы. Гражданинъ въ древности слишкомъ зависѣлъ отъ государства. Онъ жертвовалъ ему всѣми своими наклонностями и на каждомъ шагу чувствовалъ себя связаннымъ или религіозными, или гражданскими установленіями. Хотя аѳиняне и давали болѣе широкій просторъ естественнымъ чувствамъ, но на гражданахъ ихъ тяготѣло множество обязательствъ, препятствовавшихъ имъ принадле-

жать самимъ себѣ. Аѳинскій гражданинъ, въ сущности, не зналъ ни свободы совѣсти, ни свободы дѣйствій: онъ былъ скованъ религіозными обрядами, которымъ вынужденъ былъ слѣдовать, если даже разсудокъ его возставалъ противъ нихъ; онъ долженъ былъ выполнять общественныя обязанности, если жребій или выборъ налагали ихъ на него, долженъ былъ пренебрегать своей семьей, своимъ благосостояніемъ, чтобы заниматься дѣлами другихъ и заботиться о чужихъ семьяхъ, долженъ былъ покидать свой промыселъ или торговлю, чтобы засѣдать въ судилищахъ или народномъ собраніи, свой домъ, чтобы жить въ Пританеѣ, въ качествѣ сенатора. Онъ не могъ избавить своихъ дѣтей отъ общественнаго воспитанія, такъ же, какъ не могъ избавиться самъ отъ тягостныхъ обязанностей. Чтобы исполнять свой гражданскій долгъ, надо было не имѣть необходимости работать для своего существованія, и чтобы пользоваться выгодами политической свободы, надо было пользоваться нѣкоторымъ достаткомъ. Однимъ словомъ, если свобода была общею, то столь же общимъ было и подчиненіе долгу. Свободнымъ было государство, но не гражданинъ. Мы имѣетъ другое понятіе о свободѣ, которая, будучи общей, не перестаетъ быть частной и, въ своемъ истинномъ значеніи, не должна вполнѣ подчинять человѣка государству, лишая его домашняго покоя, мирнаго труда, пользованія своими мыслями и привязанностями. Будучи гражданиномъ, человѣкъ въ Спартѣ и въ Аѳинахъ почти переставалъ быть человѣкомъ.

„У человѣка, въ древности, не было ничего, чѣмъ бы онъ могъ располагать по своей волѣ. Тѣло его принадлежало государству и посвящалось защитѣ его; въ Римѣ гражданинъ обязанъ былъ военной службой до пятидесяти лѣтъ, въ Аѳинахъ—до шестидесяти, а въ Спартѣ—до самой смерти. Имущество гражданина не было настолько его собственностью, чтобы государство не могло имъ располагать. Если городу нужны были деньги, онъ могъ приказать женщинамъ отдать ему свои драгоцѣнности, кредиторамъ — представить ихъ полученія, собственникамъ оливковыхъ деревьевъ—уступить ему безвозмездно выдѣланное масло.

„Когда Аѳины нуждались въ деньгахъ, онѣ отбирали имущество у нѣсколькихъ богатыхъ людей. Въ Греціи право собственности безпрестанно ограничивалось или нарушалось закономъ; Аѳины наказывали смертью владѣльца, срубавшаго оливковое дерево въ своемъ полѣ.

„Это всемогущество государства простиралось и на частную жизнь. Въ Аѳинахъ мужчина не имѣлъ права оставаться холостякомъ. Законъ въ Спартѣ наказывалъ не только того, кто вовсе не женился, но и

того, кто женился поздно. Въ 396 г. въ Римѣ постановленіе цензоровъ обложило штрафомъ холостяковъ.

„Государство имѣло право не допускать, чтобы граждане его были уродливы или неправильно сложены. Поэтому оно обязывало отца убивать ребенка, родившагося съ подобными недостатками. Этотъ законъ встрѣчается въ древнихъ уложеніяхъ Спарты и Рима. Мы не знаемъ—существовалъ ли онъ въ Аѳинахъ, но намъ извѣстно, что Аристотель и Платонъ включили его въ свои идеальныя законодательства.

„... Государство могло предписывать въ Аѳинахъ трудъ, въ Спартѣ—праздность. Оно выказывало свою тиранію даже въ мелочахъ. Въ Локрахъ законъ запрещалъ мужчинамъ пить чистое вино; въ Римѣ, въ Милетѣ, въ Марсели и проч. это запрещено было женщинамъ. Обычай требовалъ, чтобы костюмъ устанавливался неизмѣнно законами каждаго города. Въ Родосѣ законъ запрещалъ брить бороду; въ Византіи онъ наказывалъ штрафомъ каждаго, кто держалъ у себя бритву.

„Государство не допускало, чтобы кто-либо безучастно относился къ его интересамъ. Философъ, ученый не могъ вести замкнутую жизнь. Онъ былъ обязанъ подавать голосъ въ собраніи и нести общественныя должности. Въ извѣстное время, когда общественныя несогласія были частымъ явленіемъ, аѳинскій законъ не позволялъ гражданину оставаться нейтральнымъ: онъ долженъ былъ бороться вмѣстѣ съ той или другой партіей; тотъ, кто хотѣлъ остаться въ сторонѣ отъ общественныхъ обязанностей и пользоваться спокойствіемъ, наказывался изгнаніемъ и лишеніемъ имущества.

„Никто не могъ путешествовать по собственной волѣ; желая переступить за предѣлы своего тѣснаго отечества, каждый долженъ былъ испрашивать разрѣшенія начальствующихъ лицъ. Спартанскій законъ устанавливалъ прическу женщинъ, а въ Аѳинахъ законъ не дозволялъ женщинамъ брать съ собою въ путешествіе болѣе трехъ платьевъ.

„Нельзя сказать, что воспитаніе у грековъ было свободнымъ. Напротивъ, ни въ чемъ государство въ такой степени не проявляло свою власть. Въ Спартѣ отецъ не имѣлъ никакихъ правъ на воспитаніе своего ребенка. Законъ, повидимому, не былъ столь строгимъ въ Аѳинахъ, но государство могло требовать, чтобы и воспитаніе было общимъ, подъ руководствомъ избранныхъ имъ учителей.

„Государство неохотно допускало, на ряду съ своимъ образованіемъ, существованіе свободнаго обученія; въ Аѳинахъ особый законъ запрещалъ преподавать молодымъ людямъ, безъ разрѣшенія властей; другимъ закономъ запрещалось, именно преподаваніе философіи.

„... Человѣкъ не имѣлъ выбора въ своихъ вѣрованіяхъ. Свобода

мысли, по отношенію къ государственной религіи, была безусловно неизвѣстна древнимъ. Надо было сообразоваться со всѣми правилами обрядовъ, участвовать во всѣхъ процессіяхъ, присутствовать на всѣхъ священныхъ трапезахъ. Аѳинское законодательство налагало наказанія на тѣхъ, кто воздерживались отъ религіознаго празднованія національныхъ торжествъ.

«Итакъ, древніе не знали ни свободы частной жизни, ни свободы воспитанія. Человѣческая личность цѣнилась весьма мало, въ сравненіи съ священной и божественной властью, которую называли отечествомъ или государствомъ“ [1]).

Было бы не вѣрно считать поприщемъ греческой исторіи одинъ лишь Эллинскій полуостровъ. Она захватываетъ всѣ берега, по которымъ распространялся греческій народъ. Недостатокъ мѣста въ своихъ узкихъ долинахъ эллины восполняли неподалеку отъ себя, сперва на востокѣ, на плодородныхъ островахъ, украшающихъ архипелагъ. Вокругъ скалистаго Делоса, посвященнаго Аполлону, острова образуютъ кругъ (Циклады) и слѣдуютъ за нимъ, какъ будто въ хороводѣ [2]). Между другими островами, Паросъ былъ замѣчателенъ своими виноградниками и мраморами, Наксосъ—своими горами. Затѣмъ Спорады (разсѣянные острова) соединяли первую группу съ берегами Малой Азіи, вдоль которыхъ блистали обширный Лесбосъ, Хіосъ,—„самый богатый и ослѣпительный изъ морскихъ острововъ“ [3]), Самосъ, Косъ, Родосъ, имя котораго заимствовано отъ розъ, покрывающихъ его, и въ которомъ не проходитъ ни одного дня безъ сіянія солнца, большой, островъ Кипръ, похожій на корабль, киль котораго обращенъ къ Азіи, называвшійся у древнихъ „божественнымъ“. Къ югу отъ Греціи, всплывалъ изъ моря Критъ, „большая земля среди громаднаго моря, прекрасная, плодородная, заключающая въ себѣ девяносто городовъ и безчисленное множество людей“ [4]).

Къ западу, сближая Грецію съ Италіей, слѣдовали другъ за другомъ, вытянувшись съ сѣвера на югъ, острова Корцира, Паксосъ, Левкады, затѣмъ, Кефалонія и „суровая Итака“ (Ѳеаки), наслѣдіе Улисса, Закинтъ, носившій и заслуживавшій названіе цвѣтка, и, еще далѣе къ югу, Киѳера, нынѣ Чериго, нѣкогда посвященная Венерѣ. Съ этихъ острововъ греки переходили на берега Азіи, Сициліи и Италіи, которые они усѣяли своими колоніями.

---

1) Фюстель де Куланжъ. *Древняя община*. Кн. IV, гл. XVII.

2) Гомеръ. *Гимнъ Аполлону*.

3) Гомеръ.

4) Гомеръ. *Одиссея*, XIX.

Народныя движенія, внутренніе перевороты въ государствахъ и, прибавимъ также, предписанія оракуловъ, т.-е. религія,—вызывали обширные потоки эмиграціи или предпріятія отдѣльныхъ лицъ. Въ XII и XI столѣтіяхъ множество эолійцевъ утвердилось на сѣверѣ Малой Азіи, на о. Лесбосѣ и на побережьи до Гермуса: то была Эолида (Кимъ, Ларисса, Питана). Къ югу отъ эолійцевъ, іонійцы распространились межлу Гермосомъ и Меандромъ и на островахъ Хіосѣ и Самосѣ. „Они построили свои города,—говоритъ Геродотъ,—подъ прекраснѣйшимъ небомъ и въ прекраснѣйшемъ климатѣ, какіе только мы знаемъ у людей“. Іонія насчитывала двѣнадцать главныхъ городовъ [1]). Наконецъ, къ югу отъ іонійцевъ, дорійцы основали города: Линдосъ, Іализъ, Камиръ, Косъ, Книдъ и Галикарнасъ. Даже въ Азіи повторялись раздѣленія греческихъ народовъ и, въ особенности, соперничество іонійцевъ и дорійцевъ.

Эти азіатскія колоніи, въ свою очередь, образовали колоніи вдоль Херсонеса Ѳракійскаго (полуостровъ Галлиполи), Пропонтиды (Мраморное море) и Понта Эвксинскаго (Черное море). Отъ Милета произошли Абидосъ, Кизикъ, Синопъ, Трапезонтъ; Синопъ породилъ внуковъ Милета, Котіору, Цераз и Амизъ. Фокея основала Лампсакъ и т. д. Эти города сами высылали переселенцевъ на сѣверные берега Чернаго моря, къ устьямъ Борисѳена (Днѣпра) и Танаиса (Дона).

Берега Ѳракіи и Македоніи въ VIII вѣкѣ покрылись колоніями, исходившими съ о. Эвбеи (Эретрія, Халкида) или съ Коринѳскаго перешейка (Мегара, Коринѳъ). Маленькій полуостровъ Халкидика, имѣющій форму руки съ тремя раздвинутыми пальцами, протягивающейся отъ берега Македоніи, былъ покрытъ городами, изъ которыхъ главными были Потидея и Олинѳъ (колоніи Коринѳа). Близъ Босфора мегарцы основали Халкедонію и Византію.

Коринфъ основалъ главныя колоніи запада, Корциры и Левкаду, которыя, въ свою очередь, усѣяли избраннымъ населеніемъ берегъ Акарнаніи. Коринѳъ, вмѣстѣ съ Мегарою, изслѣдовалъ и колонизовалъ Сицилію. Могущественныя Сиракузы были коринѳскаго, а Селинонтъ—мегарскаго происхожденія. Коринѳцы и мегарцы, однако, не мало еще оставили мѣста для халкидцевъ (Наксосъ, Леонтіонъ, Катана) и родосцамъ (Гела).

Ни одному народу не принадлежало господство въ южной Италіи, гдѣ смѣшивались колоніи ахейскія (Сибарисъ, Кротонъ, Метапонтъ),

---

[1]) Напомнимъ ихъ имена: Милетъ, Міосъ, Пріенъ, Эфесъ, Колофонъ, Лебедосъ, Клазомены, Фокея, Эритрея, Хіосъ, Самосъ и Смирна, эолійскій городъ, принятый въ іонійскій союзъ.

локрійскія (Локры), дорійскія (Тарентъ), халкидійскія (Регіумъ), родосскія (Парѳенопея, нынѣ Неаполь). Наконецъ, фокейцы выслали колонію на берегъ Галліи, въ Марсель, драгоцѣнный очагъ, откуда исходилъ свѣтъ, просвѣтившій Францію.

И Африка не ускользнула отъ предпріимчивыхъ грековъ. Они основали тамъ пять большихъ городовъ Киренаики: Киренъ, Апполонію, Барке, Таухиру и Гесперисъ. Во времена Псаметтиха, греки открыли себѣ доступъ въ Египетъ, и Амазисъ позволилъ имъ утвердиться въ городѣ Навкратисѣ.

Независимость, какою пользовались эти колоніи, не препятствовала имъ признавать родину или метрополію, отъ очага которой былъ заимствованъ огонь, предназначенный возжечь новый очагъ. Колоніи признавали это священное родство ежегоднымъ отправленіемъ посольства, которому поручалось принести жертвы въ храмахъ метрополіи.

Греческій воинъ.

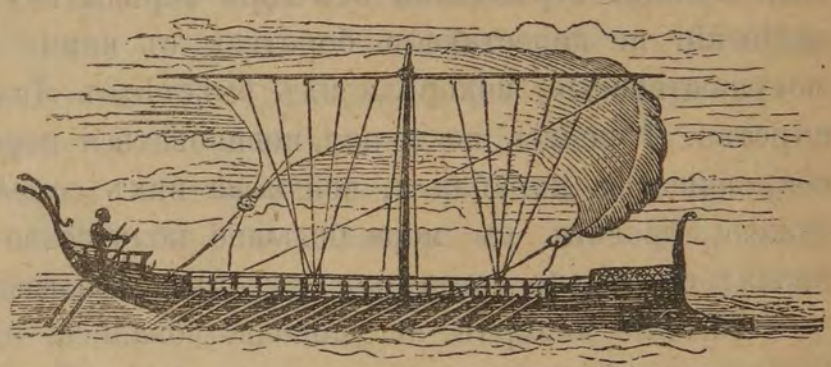
Колоніи поддерживали взаимную связь религіей, освящавшей ихъ появленіе на свѣтъ. Іонійцы построили на общее иждивеніе, на мысѣ Микале, напротивъ Самоса, храмъ Паніоніума (вся Іонія): тамъ они собирались, чтобы справлять вмѣстѣ праздникъ, которому дано было названіе Паніоніи. Дорійскіе города справляли свой общій праздникъ въ честь Апполона въ Тріопиконѣ, мысѣ, лежащемъ близъ Книда. Въ Египтѣ греки, совокупными силами, построили храмъ, подъ названіемъ Элленіонъ. Однако, религіозная связь не всегда поддерживала миръ въ этихъ городахъ, потрясавшихся взрывами недовольнаго населенія. Въ однихъ изъ этихъ городовъ было демократическое, а въ другихъ—аристократическое правленіе. Часто внутренніе раздоры приводили къ установленію *тираніи* [1]), или даже чужеземнаго владычества, когда сосѣдніе народы были достаточно сильны, чтобы навязать свое господство.

Почти всѣ эти колоніи были морскими портами. Поэтому греческіе

---

1) Слово „тиранъ“ означало по-гречески—неограниченный и беззаконный властитель. Только позднѣе, идея жестокости стала связываться съ этимъ словомъ послѣ того, какъ мелкіе греческіе тираны не рѣдко прибѣгали къ насиліямъ, для поддержанія своей власти.

колонисты, исключительно занимаясь мореплаваніемъ, заняли мѣсто финикіянъ. Іонійскіе города сдѣлались крупными рынками Малой Азіи. Милетъ получалъ изъ своихъ черноморскихъ колоній мѣха и хлѣба Скиѳіи и рабовъ съ Кавказа. Эти варварскія страны онъ снабжалъ произведеніями восточной промышленности. Фокея особенно часто направляла путь своихъ галеръ, имѣвшихъ иногда до пятидесяти веселъ, къ западу: онѣ доходили до карѳагенскихъ и финикійскихъ факторій Испаніи и даже до Галліи. Коринѳъ, связывавшій, благодаря своему положенію, обѣ половины Греціи, также облегчалъ сношенія Востока съ Западомъ. Благодаря своимъ сицилійскимъ колоніямъ, онъ имѣлъ возможность поддерживать торговлю своего многочисленнаго флота винами, хлѣбомъ и плодами Сициліи. Будучи замѣчательными моряками, коринѳяне еще въ VIII в. придумали трирему (судно съ тремя рядами веселъ), которая до XVI в. нашей эпохи оставалась типомъ военнаго корабля. Сицилійскія колоніи достигли высокой степени процвѣтанія; Сиракузы были ихъ царицею, и карѳагенянамъ никакъ не удавалось подчинить Сицилію своей власти.



Греческій корабль.

Города южной Италіи были столь многочисленны, что эту страну называли *Великой Греціей*. Кротонцы могли высылать на войну до 120,000 человѣкъ. Обитатели Сибариса рано развратились своими богатствами, и слово *сибариты* осталось въ новѣйшихъ языкахъ, какъ синонимъ людей, преданныхъ изнѣженности. Африканскія колоніи, лежащія отчасти внѣ сферы политическаго соперничества, дольше сохраняли свое благосостояніе, и торговцы ихъ углублялись во внутренность материка.

Греческія колоніи достигли процвѣтанія даже раньше городовъ метрополіи. Изъ всѣхъ этихъ мелкихъ, разсѣянныхъ очаговъ исходилъ яркій свѣтъ; литература и искусства, о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ, тамъ быстро достигли совершенства. Основывавшіеся разомъ, не имѣвшіе необходимости въ опытахъ и тяжелыхъ испытаніяхъ метрополій, немедленно достигавшіе довольства, всегда дѣятельные и трудолюбивые, эти города быстрѣе успѣвали въ своемъ умственномъ развитіи. У нихъ рано явились поэты, ученые, философы,

законодатели и художники. Греческая литература образовалась на подобіе букета, цвѣты котораго были сорваны на берегахъ Архипелага, на всѣхъ берегахъ Азіи и Италіи, такъ же, какъ на склонахъ Парнаса, Геликона и Гимета.

Хотя греческій міръ и перерѣзывался водными пространствами, но онъ былъ довольно значителенъ; онъ составлялъ одну націю, которая, несмотря на множество нарѣчій, говорила однимъ языкомъ, почитала общихъ боговъ, стоявшихъ выше мѣстныхъ божествъ и, несмотря на различія въ общественномъ строѣ, обладала одинаковою любовью къ свободѣ и одинаково глубокимъ чувствомъ человѣческаго достоинства.

Этотъ греческій міръ, своими азіатскими колоніями, соприкасался съ міромъ восточнымъ. Греки, заселявшіе сѣверъ и западъ побережья Малой Азіи, отрѣзывали отъ моря народы внутренней части ея. Цари лидійскіе не переставали бороться съ ними. Персидскіе цари, болѣе могущественные, покорили ихъ вмѣстѣ съ Лидіей и включили въ свое царство. Фокейцы, не желая повиноваться персамъ, сложили всѣ свои сокровища на корабли и, войдя на нихъ со своими семьями, покинули Фокею, бросивъ въ море большое количество желѣза и поклявшись вернуться только тогда, когда желѣзо всплыветъ наверхъ.

Азіатскіе монархи не удовольствовались, однако, этими успѣхами. Побуждаемый гордостью и тщеславіемъ, Дарій пожелалъ еще болѣе расширить свои владѣнія; для осуществленія всемірной монархіи, ему нужна была Европа. Дарій не только хотѣлъ доставить себѣ удовольствіе дать царицѣ Атоссѣ служанокъ изъ Аргоса, Аѳинъ и Лакедемона: его деспотическій духъ особенно возмущался противъ грековъ, которые показывали міру опасный, по его мнѣнію, примѣръ свободнаго правленія. Уже Киръ, если вѣрить Геродоту, насмѣшливо относился къ этому правленію. Онъ говорилъ, по поводу спартанцевъ, что „никогда не побоится людей, у которыхъ по срединѣ города находится *агóра* или общественная площадь, гдѣ они разсуждаютъ о своихъ дѣлахъ“. Одно изъ двухъ началъ, рабство или свобода, должно было восторжествовать. Властители Персіи не могли вполнѣ пользоваться своимъ безусловнымъ могуществомъ, если другіе народы не подчинялись ему. Греки не могли наслаждаться спокойствіемъ, пока царство, уже покорившее ихъ колоніи, не будетъ ослаблено. Участь азіатскихъ городовъ предвѣщала ихъ собственную. Для Греціи вопросъ шелъ о жизни или смерти.

Никогда столкновеніе между народами не было болѣе торжественнымъ. Хотя исторія наполнена достопамятными битвами, *мидійскимъ войнамъ*, столь отдаленнымъ, до сихъ поръ принадлежитъ преимуще-

ство возбуждать наше удивленіе и сочувствіе. При видѣ громаднаго человѣческаго потока, которымъ Ксеркъ залилъ Грецію, никто бы не усомнился въ гибели ея немногочисленнаго народа. Но онъ держится крѣпко. Сила его заключается въ умственномъ развитіи и въ сознаніи своего превосходства надъ азіатцами. Онъ восполняетъ недостатокъ численности мужествомъ, ловкостью, тактикой. Онъ радостно идетъ въ битву, какъ будто совершая священный долгъ, и громко поетъ „пеанъ", который своею торжественностью смущаетъ персовъ. Онъ хочетъ побѣдить или умереть. Онъ побѣдитъ. Безъ сомнѣнія, мы всегда сочувствуемъ народу, защищающему свою страну, но здѣсь греки, кромѣ самихъ себя, защищаютъ будущее человѣчества. Если бы Греція была покорена, одинаковый уровень рабства распространился бы во всей Европѣ такъ же, какъ въ Азіи и Африкѣ. Тысячи очаговъ, зажженныхъ наукой на всѣхъ островахъ Архипелага и на берегахъ Греціи, должны были бы угаснуть; человѣчество было бы обречено на разслабляющую испорченность, которою поддерживается восточный деспотизмъ. Въ этомъ заключается тайная причина глубокаго волненія, съ какимъ мы читаемъ разсказы о знаменитыхъ битвахъ Мильтіада, Леонида и Ѳемистокла. Намъ кажется, что, несмотря на протекшіе вѣка, насъ лично затрогиваетъ исходъ мараѳонскаго и саламинскаго сраженій, вѣчно памятныхъ, потому что они были побѣдами цивилизаціи надъ варварствомъ.

Ими особенно были прославлены Аѳины. Хотя греки забывали въ этотъ мигъ свои раздоры и соединяли свои войска и корабли противъ общаго врага, Аѳины несли на себѣ всю тяжесть борьбы. Поэтому, справедливо гордясь своими заслугами и своимъ могуществомъ, Аѳины желали, чтобы ихъ считали первымъ государствомъ Греціи. Колоніи, обязанныя этому государству своей свободой, составили вмѣстѣ съ нимъ обширный морской союзъ, обязанный своимъ началомъ Аристиду, Ѳемистоклу и Кимону, а своимъ развитіемъ и силой—Периклу.

Аѳины властвовали надъ Греціей, а Периклъ властвовалъ надъ Аѳинами. Господство безъ титула и безъ насилія, господство таланта и краснорѣчія,— таковъ характеръ власти Перикла, умѣвшаго избѣгнуть всѣ подводные камни бурной демократіи и закрѣпить на цѣлыя двадцать лѣтъ непостоянную подвижность аѳинскаго народа. Оставляя народъ подавать голоса, рѣшать вопросы и произносить судъ, не касаясь свободы судилищъ и независимости должностныхъ лицъ, не стараясь даже искусственно склонить въ свою пользу судьбу, не благопріятствовавшую ему (Периклъ ни разу даже не былъ архонтомъ), этотъ вождь аѳинской демократіи исполнялъ лишь тѣ обязанности, для

которыхъ его избирали, какъ, наприм., обязанности стратега, начальствовалъ лишь въ тѣхъ походахъ, которые ему поручали, и располагалъ тѣмъ бо̀льшею властью, чѣмъ менѣе искалъ ее. Искусный полководецъ, безкорыстный администраторъ, живя открытымъ домомъ, чтобы не давать никакой пищи клеветѣ, неподкупный и самолюбивый, онъ соединялъ мудрость съ твердостью, смѣлость съ опытностью. Зная тысячи пружинъ, управляющихъ демократіей, онъ приводилъ ихъ въ дѣйствіе, ничѣмъ не оскорбляя ее; умѣя скрыться и показаться кстати, молчать и говорить въ благопріятную минуту, онъ чаще всего высказывалъ свое мнѣніе, когда его вынуждали къ тому, и заставлялъ всѣхъ слѣдовать этому мнѣнію, потому что оно было всегда наиболѣе обдуманнымъ, наилучше выраженнымъ и наиболѣе сообразнымъ съ истинными интересами Аѳинъ. Въ этомъ заключалась тайна его силы. Возбуждая и удовлетворяя гордость аѳинянъ и не имѣя своей собственной, Периклъ велъ ихъ, такъ сказать, къ нечувствительному пріобрѣтенію обширной власти и надѣлилъ Аѳины памятниками, поднявшими ихъ на недосягаемую высоту. Поэтому имя его навсегда связано съ именами великихъ художниковъ, бывшихъ его друзьями, и ему приписываютъ честь величаваго художественнаго и литературнаго развитія Греціи, которое, впрочемъ, было лишь естественнымъ плодомъ учрежденій и дѣятельности счастливо одаренной націи. Литература и искусство грековъ, какъ мы увидимъ, были на самомъ дѣлѣ полнымъ расцвѣтомъ генія, воспитаннаго политикой, благопріятной для умственнаго развитія, безпрепятственно распространявшаго свои побѣги, согрѣвавшагося и оплодотворявшагося свободой.

ГЛАВА IX.

Литература и искусство грековъ.

Начало поэзіи.—Эпическая поэзія.—Гомеръ.—Гезіодъ.—Элегическая и нравственная поэзія; сатира.—Лирическая поэзія.—Пиндаръ.—Драматическая поэзія; происхожденіе и характеръ греческаго театра.—Драматическія состязанія.—Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ; блескъ греческой литературы во времена Перикла.—Комедія; Аристофанъ.—Проза; письменность.—Исторія; Геродотъ.—Ѳукидидъ.—Ксенофонтъ.—Первые философы; Пиѳагоръ.—Поученія Сократа.—Платонъ.—Аристотель.—Циникъ Діогенъ; скептикъ Пирронъ.—Стоицизмъ и эпикуреизмъ.—Краснорѣчіе; Демосѳенъ.—Науки.—Медицина.—Искусство.—Архитектура; три ордена архитектуры.—Памятники; Парѳенонъ; Пропилеи.—Скульптура; Фидій.—Живопись; Зевксисъ; Полигнотъ.—Апеллесъ.—Художественная промышленность; керамика.—Музыка.—Упадокъ искусства и литературы.—Общій характеръ литературы и искусства грековъ.

Если политическія учрежденія грековъ дали имъ возможность развить свои природныя дарованія, религія служила для нихъ источни

комъ поэзіи и всѣхъ прочихъ искусствъ. Первыми пѣснями ихъ были гимны и первыми поэтами—жрецы. За недостаткомъ письменности, размѣренный языкъ облегчалъ запоминанія поэтическихъ произведеній, и музыка въ одно и то же время служила для нихъ поддержкою и стимуломъ. У нихъ были пѣсни, выражавшія грусть (линусъ), радость (пеанъ, сдѣлавшійся пѣснью побѣды), пѣвшіяся въ честь бракосочетанія (гименей), и при погребеніи (θрэнъ).

Орфей, музыкантъ и поэтъ, прославлялъ боговъ, и своими пѣснями укрощалъ дикихъ звѣрей; онъ былъ однимъ изъ творцовъ религіозныхъ пѣсенъ и рано сдѣлался легендарной личностью. Согласно преданіямъ, онъ отправился въ адъ, за своей подругой Эвридикой, но ему не слѣдовало оборачиваться, выходя изъ царства тѣней; онъ обернулся и во второй разъ потерялъ Эвридику. Позднѣе, разорванный на куски вакханками, онъ былъ брошенъ въ Гебръ, и голова его продолжала повторять: „Эвридика, Эвридика!“ Мы встрѣчаемся здѣсь съ смѣлымъ и трогательнымъ вымысломъ, дающимъ понять, до какой высоты поднимались вдохновеніе и поэтическое чувство у Орфея. *Музей*, любимецъ Музъ, былъ ученикомъ Орфея, и воспоминаніе о немъ связывалось съ элевзинскими таинствами.

Впослѣдствіи поэты (или аэды) воспѣвали героевъ, сопровождая свои пѣсни игрою на киθарѣ и форминксѣ [1]): это были первые *эпическіе* [2]) поэты. Другіе не сочиняли сами, а пѣли чужія поэмы: это были *рапсоды*, неизбѣжно повторявшіе одно и то же; въ нынѣшнемъ, выродившемся значеніи, рапсодіей называется длинное и скучное повтореніе.

Въ XI вѣкѣ до Р. Х. появился *Гомеръ*, мѣсто рожденія котораго оспаривали впослѣдствіи семь городовъ, желая приписать себѣ эту честь, тогда какъ при жизни его относились равнодушно къ его слѣпотѣ и нищетѣ [3]). Гомеръ, существованіе котораго достаточно доказывается Иліадой и Одиссеей, вопреки сомнѣніямъ новѣйшихъ критиковъ, уже слишкомъ утонченныхъ, оживилъ небо и землю, заставилъ

---

[1]) Эти первобытные инструменты состояли изъ двухъ перекладинъ, расположенныхъ на длинномъ ящикѣ, позволявшемъ ставить инструментъ стоймя. Струны натягивались на обѣихъ перекладинахъ съ помощью колковъ. Лира была лишь усовершенствованной киθарой. Вначалѣ на ней было лишь четыре струны; Терпандръ увеличилъ это число до семи.

[2]) Это слово происходитъ отъ употребительнаго стихосложенія, *эпоса* или гекзаметра (шесть стопъ или двѣнадцать слоговъ).

[3]) Наиболѣе основательны, повидимому, притязанія Смирны и Хіоса. Легенды довольно сомнительныя, но популярныя, представляютъ Гомера престарѣлымъ и слѣпымъ, ходящимъ изъ города въ городъ и распѣвающимъ свои стихи, чтобы заработать себѣ хлѣбъ.

состязаться между собою боговъ, какъ и героевъ, и поднялъ исторію Троянской войны на ступень міровой, человѣческой и божественной эпопеи.

Сюжетомъ Иліады служитъ ссора Ахиллеса и Агамемнона, подъ стѣнами Трои. Но настоящій сюжетъ ея—война между Европой и Азіей, борьба боговъ, принимающихъ участіе въ распрѣ, глубокое наблюденіе и живое выраженіе самыхъ затаенныхъ чувствъ человѣческой души. Высокомѣріе Агамемнона, упорная вражда Ахиллеса, благоразуміе мудраго Нестора, дружба Патрокла, супружеская нѣжность Гектора, не ослабляющая его мужества, отеческая любовь стараго Пріама, идущаго просить у Ахиллеса тѣло Гектора и цѣлующаго руки убійцы своего сына,—все это насъ привлекаетъ, захватываетъ и волнуетъ до глубины души. Разнообразныя сцены битвъ, эпизоды и движенія которыхъ умножаются искусствомъ поэта, смерть Патрокла, столкновеніе Ахиллеса и Гектора слѣдуютъ другъ за другомъ, позволяя вамъ отдохнуть только на нѣжныхъ эпизодахъ, въ родѣ жалобы Ахиллеса своей матери Θетидѣ, восторга троянскихъ старцевъ передъ Еленой, роковой причиной ихъ бѣдствій, прощанія Гектора и Андромахи, описанія оружія, изготовленнаго Вулканомъ для Ахиллеса, погребенія Гектора и Патрокла, не говоря уже о множествѣ мелкихъ сценъ, искусно вставленныхъ въ большія, отступленій, касающихся боговъ и героевъ, и описаній странъ и городовъ. Битвы и страсти, пейзажи и душевныя волненія, кровавыя столкновенія и тишина природы, радости и горести, простыя выраженія и краснорѣчивыя молитвы, — все это соединяется въ Иліадѣ, которая особенно дѣйствуетъ на насъ своимъ величіемъ.

Очарованіе другого рода проникаетъ Одиссею. Несчастія Улисса, странствующаго десять лѣтъ по волнамъ, прежде, чѣмъ увидѣть опять свое маленькое царство Итаку, послужили для Гомера сюжетомъ болѣе человѣчнымъ, чѣмъ сюжетъ Иліады. Подобно своему герою, поэтъ-путешественникъ, когда онъ еще обладалъ зрѣніемъ, видѣлъ много странъ и много городовъ. Онъ водитъ насъ за собой по всѣмъ берегамъ Греціи, сочетая вмѣстѣ всѣ легенды, всѣ миѳы, передавая множество разсказовъ и не забывая при этомъ своего героя, котораго въ одномъ мѣстѣ удерживаетъ нѣжность Калипсо, а въ другомъ угрозы циклопа-антропофага. Герой остается нечувствительнымъ къ коварнымъ пѣснямъ сиренъ и не довѣряетъ волшебницѣ Цирцеѣ. Послѣ ужаснаго кораблекрушенія, онъ находитъ пріютъ на островѣ феакійцевъ, гдѣ дочь Алкиноя, Навзикая, встрѣчаетъ его съ улыбкой, какъ богиня спасенія; наконецъ, послѣ столькихъ испытаній, онъ возвращается на свой островъ Итаку, гдѣ ему еще предстоитъ побѣдить пре-

тендентовъ и быть узнаннымъ Пенелопой, безсмертнымъ типомъ супружеской вѣрности.

Гомеръ—въ одно и то же время, описательный поэтъ, историкъ и моралистъ. Онъ любитъ природу, „звучащее море“, тѣнь деревьевъ, источники и рѣки. Среди своихъ вымысловъ, онъ рисуетъ живописную картину общества, нравовъ, религіи и идей своей эпохи. Онъ принадлежитъ и своему времени, и всѣмъ временамъ, благодаря прекраснымъ поученіямъ, заключающимся въ его твореніяхъ. Въ древности всѣ отдавали должное его благороднымъ мыслямъ, и отецъ церкви, св. Василій совѣтовалъ чтеніе его произведеній, какъ здоровую и укрѣпляющую пищу для ума. Наконецъ, громадное твореніе его, какъ океанъ, служило для писателей и художниковъ источникомъ, откуда они черпали свободною рукой [1]).

Гезіодъ, жившій, вѣроятно, во времена Гомера, далеко не былъ равенъ ему [2]). Онъ пользовался поэзіей, преимущественно, для поученія, и оставилъ двѣ дидактическія поэмы „*Труды и Дни*“ и „*Теогонія*“. Въ первой онъ прославляетъ и объясняетъ обработку земли, присоединяя къ своимъ техническимъ предписаніямъ совѣты и нравственныя истины. *Теогонія* отчасти закрѣпляетъ вѣрованія грековъ въ области древней религіи; Гезіодъ перечисляетъ боговъ и богинь, прибавляя, впрочемъ, къ своему сухому перечню эпизоды, отмѣченные истиннымъ величіемъ, каковъ, напр., эпизодъ борьбы Юпитера съ Титанами.

Къ длиннымъ стихамъ вскорѣ стали прибавлять болѣе короткіе, и такимъ образомъ составлялись небольшія произведенія, называвшіяся *элегіями*. Мы называемъ этимъ именемъ пѣсни грустнаго содержанія, но у грековъ оно не имѣло такого значенія; ничто не доказываетъ, что короткіе стихи или элегіи употреблялись для исключительнаго выраженія радости и горя. Каллинъ, изъ Эфеса, прославился первый въ этомъ новомъ литературномъ родѣ (въ VII в. до Р. Х.). Тиртей (въ томъ же вѣкѣ) своими военными пѣснями воодушевлялъ спартанцевъ, которые пѣли ихъ, отправляясь въ битву или въ своихъ палаткахъ, чтобы возбудить себя къ новой борьбѣ.

---

[1]) Невозможно было бы перечислить всѣхъ подражателей Гомера. Для Франціи можно напомнить прекрасную книгу „Телемакъ“ Фенелона, стихотворенія Андрэ Шенье и брата его, Мари-Жозефа Шенье, эпопею „Мученики“ Шатобріана и проч. Великій живописецъ Энгръ въ нѣкоторомъ родѣ символизировалъ славу Гомера въ своемъ „Апоѳеозѣ“, гдѣ онъ сгруппировалъ около греческаго поэта величайшихъ геніевъ всѣхъ странъ и временъ.

[2]) Гезіодъ родился или, по крайней мѣрѣ, жилъ въ Аскрѣ, въ Беотіи, около X, или, по другимъ, IX в. до Р. Х.

Архилохъ, изъ Пароса, современникъ Тиртея, придумалъ *ямбъ*, чтобы поражать враговъ своими язвительными стрѣлами. „Его стихи,—говоритъ Вильменъ,—убивали и, такимъ образомъ, *сатира* выступила на первыхъ порахъ, съ такой силой, какой рѣдко достигала впослѣдствіи“ [1]).

Вмѣстѣ съ Солономъ (въ VI в.) элегическая поэзія становится, по преимуществу, нравственной. Знаменитый законодатель Аѳинъ былъ замѣчательнымъ поэтомъ: въ юности, своимъ поэтическимъ увлеченіемъ, онъ склонилъ аѳинянъ вновь занять островъ Саламинъ. Позднѣе, онъ ограничивался наставленіями и жизненными правилами, благодаря которымъ этому роду поэзіи дано было названіе *гномической поэзіи* (наука, мудрость); въ этомъ поэтическомъ родѣ отличались также Ѳеогнитъ и Симонидъ изъ Аморгоса.

Гиппонаксъ, изъ Эфеса, примѣнялъ торжественныя формы къ грубымъ шуткамъ и ввелъ въ поэзію комико-героическую форму, или *пародію*.

Другіе поэты, въ особенности эолійцы, въ Малой Азіи, давали больше простора своему вдохновенію и поэтическому энтузіазму. Такъ произошли различныя стихосложенія, съ быстрыми переходами отъ одной мысли къ другой; однимъ словомъ, произошла *ода*, со своими безчисленными сочетаніями и стремительнымъ движеніемъ. Это была настоящая „лирическая“ поэзія, потому что слова сопровождались музыкою на лирѣ, усовершенствованной Терпандромъ изъ Лесбоса, первымъ изъ эолійскихъ поэтовъ.

Алкей, родившійся на томъ же островѣ (въ VII в.), создалъ себѣ политическими одами и другими, гдѣ онъ воспѣвалъ наслажденіе, такую извѣстность, которая пережила вѣка; стихи его неоднократно вдохновляли Горація. Онъ обращался въ своихъ пѣсняхъ и къ *Сафо*, „увѣнчанной фіалками, цѣломудренной и кротко улыбающейся“. Эта поэтесса, о существованіи которой мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ, смѣшивалась, быть можетъ, съ другой Сафо, которая, согласно легендѣ, бросилась, въ отчаяніи, съ высоты Левкадской скалы. Сафо прославлялась во всей Греціи за прелесть своихъ изящныхъ стиховъ. Она знакомитъ насъ и съ другой поэтессой, *Коринной*, изъ Беотіи; въ то

---

[1]) Сатиры Горація отличаются живостью, но лишены злобы. Сатиры Ювенала были рѣзче и краснорѣчивѣе. Буало подражалъ, скорѣе, Горацію. Андрэ Шенье и Огюстъ Барбье пытались приблизиться къ энергіи Архилоха, у котораго заимствовали названія большей части своихъ стихотвореній „*Ямбы*“. Ихъ негодованіе возвышеннѣе, потому что оно направлено, въ особенности, противъ политическаго коварства и алчности ложныхъ патріотовъ.

время, въ VII и въ VI вв., женщины не были еще заключены во внутренней части дома (въ гинекеѣ) и принимали болѣе, чѣмъ впослѣдствіи, въ вѣкъ Перикла, участія въ движеніи и въ бурной жизни общества.

Дорійцы также отличались въ лирической поэзіи, благодаря *Алкману* изъ Спарты, *Стезихору* (въ VII в.) и *Ивику* изъ Регіума. Іонійцы не уступали имъ въ этой области, но особенно выдѣлялись легкими стихотвореніями, каковы стихотворенія *Анакреона* изъ Теоса (въ VI в.), посвященныя, преимущественно, наслажденію, и давшія начало выраженію *анакреонтическій*, для обозначенія стиховъ болѣе или менѣе легкомысленнаго содержанія.

Знаменитѣйшимъ изъ лирическихъ поэтовъ былъ *Пиндаръ*, родившійся въ Беотіи, близъ Θивъ (въ 522 г.). Онъ заставлялъ звучать всѣ струны лиры и сочинилъ множество гимновъ религіозныхъ, побѣдныхъ и погребальныхъ. Пиндаръ жилъ и творилъ до глубокой старости, но изъ множества его произведеній до насъ дошли только *Торжественныя оды*, носившія такое названіе потому, что онѣ прославляли торжества побѣдителей на играхъ олимпійскихъ, пиѳійскихъ, немейскихъ и истмійскихъ. При всей скудости сюжета, такъ какъ дѣло шло о сходныхъ между собою состязаніяхъ, о бѣгѣ колесницъ, борьбѣ атлетовъ, удачѣ въ искусствѣ метанія дисковъ, Пиндаръ умѣлъ оживить это содержаніе. Герой, по большей части, не имѣлъ исторіи; Пиндаръ создавалъ ее, разсказывая о его семьѣ, его родномъ городѣ и богахъ, покровительствовавшихъ послѣднему. Отъ одного отступленія къ другому, поэтъ подходилъ къ какому-либо благородному сюжету, и тогда вдохновеніе его поднималось до высшихъ предѣловъ прекраснаго. „Какъ потокъ, увеличенный грозами,—говоритъ Горацій,—низвергается съ горъ и выходитъ изъ знакомыхъ береговъ, широкій геній Пиндара такъ же кипитъ, такъ же выбрасывается глубокими волнами“. Мы не можемъ быть судьями произведеній этого поэта, такъ какъ они содержатъ въ себѣ множество неясностей, и мы остаемся равнодушными къ миѳологическимъ намекамъ автора. Однако, ученые открываютъ въ Пиндарѣ философскія идеи и нравственныя чувства, которыя указываютъ въ VI вѣкѣ несомнѣнный прогрессъ мыслящаго духа, примиряющійся съ живою вѣрою первыхъ вѣковъ [1]).

---

[1]) Пиндаръ, родившійся въ 522 г. въ окрестностяхъ Θивъ, умеръ 80 лѣтъ. Его приглашали и принимали съ почестями во всѣхъ городахъ, гдѣ, по постановленію амфиктіонійскаго совѣта, онъ получилъ право гостепріимства. Онъ былъ „проксеномъ“, общественымъ гостемъ аѳинской республики. Его слава, впослѣдствіи, спасла его домъ, когда Θивы были разрушены Александромъ. Чтобы уяснить себѣ геній Пиндара, необходимо прочесть сочиненіе Вильмена „Essai sur Pindare“.

Драматическая поэзія, требующая болѣе подвинувшагося состоянія цивилизаціи, позже появилась въ Греціи; она исходитъ изъ лирической поэзіи, и началомъ театра послужили религіозныя празднества [1]).

Греки, въ особенности аѳиняне, справляли съ большой торжественностью праздники Діониса или Вакха, этого необычайнаго божества, сложная легенда котораго, повидимому, вмѣщаетъ въ себѣ всѣ благородные порывы и всѣ грубыя желанія первобытныхъ людей. На этихъ празднествахъ *хоры*, распредѣленные по группамъ, или полу-хоры пѣли похвалы этому божеству. Затѣмъ, чтобы прервать однообразіе строфъ, къ нимъ примѣшивался *разсказъ*, въ которомъ излагались приключенія или какая-нибудь характерная черта изъ исторіи Вакха. Никакой сценической постановки не было: празднество сохраняло чисто религіозный характеръ.

Мысль о введеніи лица, разговаривающаго съ хоромъ, т.-е. введеніе діалога, приписывается Ѳеспису. Эсхилъ ввелъ второе лицо, но драматическаго дѣйствія все еще не было: это было одно лишь положеніе, показывавшееся зрителю и истолковывавшееся въ одно и то же время жалобой жертвы и пѣснями хора,—однимъ словомъ, лирическая драма.

Греки не запирались для театральныхъ зрѣлищъ въ закопченной залѣ. Подъ яснымъ небомъ, на открытомъ воздухѣ, слушали они эти пѣсни и разсказы, нерѣдко въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ. Помѣщаясь на возвышенной сценѣ, актеры, чтобы ихъ лучше можно было видѣть, надѣвали на себя огромныя маски, представлявшія черты божества или героя драмы; на ногахъ у нихъ были котурны, башмаки съ очень толстыми подошвами, увеличивавшими ростъ играющаго на сценѣ. Хоръ находился на огражденномъ мѣстѣ, впереди сцены, въ *оркестрѣ*. Онъ двигался, переходя съ одной стороны на другую. *Корифей* управлялъ пѣніемъ и въ діалогахъ говорилъ отъ лица всего хора. Декорація, всегда одна и та же, изображала или храмъ, или портикъ дворца; рамкою для нея служили городъ и его памятники, ближайшія горы и море, волны котораго, отсвѣчивавшія на солнцѣ, блестѣли вдалекѣ. Занавѣса, опускающагося черезъ извѣстные промежутки, не было: піеса игралась вся сразу, причемъ сцены и дѣйствія ея отдѣлялись лишь пѣніемъ хора. Только между двумя піесами *поднимали* занавѣсъ, спрятанный въ нижней части театра. Тѣмъ не менѣе, искусство машиниста было достаточно развито, если судить по

---

1) Даже въ болѣе развитомъ видѣ, трагедія сохранила свое первоначальное названіе „козлиныхъ пѣсенъ“ (tragos, ode), какимъ обозначались пѣсни, сопровождавшія жертвоприношенія.

группамъ божествъ, выводившихся на сцену; такъ, Океаниды являлись „по дорогѣ птицъ“ бесѣдовать съ Прометеемъ, прикованнымъ на Кавказѣ. Повидимому, въ греческомъ театрѣ, въ особенности, въ комедіяхъ Аристофана, производились нѣкоторыя превращенія, сходныя съ превращеніями въ нынѣшнихъ фееріяхъ.

Эти театральныя представленія, служившія главной приманкой празднествъ Вакха въ Аѳинахъ, давали поводъ къ литературнымъ состязаніямъ. Каждый поэтъ являлся съ четырьмя піесами (тетралогіей)—тремя трагедіями, на сюжеты, заимствованные нерѣдко изъ одной и той же легенды, и сатирической драмой, замѣнявшей легкую піесу спектакля. Съ половины V вѣка, тетралогіи уже болѣе не требовалось: состязанія велись между отдѣльными піесами, въ особенности послѣ того, какъ въ нихъ введена была комедія. Въ первыя времена самъ народъ рѣшалъ голосованіемъ—какой поэтъ долженъ быть поставленъ выше. Позднѣе приговоръ постановлялся судилищемъ изъ пяти судей, избранныхъ по жребію.

Хоръ въ трагедіи.

Трагедія, по энергичному выраженію нѣмецкаго критика Шлегеля, вышла „въ полномъ вооруженіи изъ мозга Эсхила, подобно Минервѣ, выступившей изъ головы Юпитера“. Поэтъ и воинъ, одинъ изъ побѣдителей при Мараѳонѣ и на драматическихъ состязаніяхъ,—Эсхилъ привелъ аѳинянъ въ восторгъ величіемъ своихъ замысловъ. Въ *Скованномъ Прометеѣ* онъ показываетъ непобѣдимое упорство бога, бывшаго жертвою другого бога. Эсхилъ извлекалъ также драматическія положенія (но не дѣйствія) изъ многочисленныхъ легендъ героическаго вѣка. (*Семь вождей противъ Ѳивъ*, бѣдствія семьи *Эдипа*, семьи *Агамемнона*, и проч.). *Орестейя* или трилогія, состоящая изъ *Агамемнона*, *Хоэфоровъ* [1])

[1]) Носители возліяній; это имя исходитъ отъ троянскихъ плѣнницъ, которыя,

и *Эвменидъ* [1]), по мнѣнію всѣхъ критиковъ—величайшее произведеніе, доставшееся намъ отъ древнихъ временъ, вмѣстѣ съ Иліадой и Одиссеей. Національная пьеса *Персы* льстила греческому патріотизму, изображая отчаяніе непріятельскаго двора, при полученіи извѣстія о пораженіи Ксеркса. Впрочемъ, до насъ дошло только семь трагедій этого автора, который, при своей необычайной плодовитости, оставилъ ихъ семьдесятъ [2]).

Эсхилъ сражался также при Саламинѣ. Въ хорахъ, прославлявшихъ эту побѣду, находился молодой *Софоклъ*, который долженъ былъ сдѣлаться соперникомъ Эсхила [3]). Въ тотъ же день родился *Эврипидъ*, которому предстояло продолжать дѣло двухъ первыхъ творцовъ греческаго театра.

Софоклъ придалъ болѣе жизни трагедіи. Онъ ввелъ третье лицо; дѣйствіе у него завязывалось и развязывалось на сценѣ, и онъ болѣе приближался къ дѣйствительности, которая, такъ сказать, являлась передъ глазами зрителя. Отказавшись отъ героевъ, превышавшихъ природу и столь любимыхъ Эсхиломъ, Софоклъ стремился болѣе изобразить человѣка. Онъ не вполнѣ освободился отъ сюжетовъ миѳическихъ и легендарныхъ и даже не отклонялъ вмѣшательство Рока, но онъ отводилъ болѣе мѣста отвѣтственности человѣка; онъ наблюдалъ и изображалъ характеры. Онъ придалъ трагедіи новую форму, которую

подъ предводительствомъ Элевктры, приносятъ возліянія на гробницу Агамемнона, убитаго его женой Клитемнестрой и его соперникомъ Эгистомъ.

[1]) Эвмениды (благосклонныя), новое имя, данное *Фуріямъ*, наполняющимъ всю пьесу преслѣдованіемъ Ореста, убійцы своей матери Клитемнестры, и, согласно просьбѣ Минервы, превращающимся въ богинь покровительницъ.

[2]) Эсхилъ, родившійся въ 525 г. въ Аттикѣ, въ Элевзисѣ, былъ братомъ героя Кинегира, погибшаго въ Марафонской битвѣ. Онъ и самъ отличился въ этомъ сраженіи. Хотя на его долю достался самый блестящій успѣхъ на театрѣ, въ Аѳинахъ, онъ въ старости покинулъ этотъ городъ и умеръ въ Сициліи въ 456 г. Позднѣе, о смерти его сложилась забавная легенда, будто онъ былъ убитъ орломъ, уронившимъ черепаху на его лысую голову, принявъ ее за утесъ. Эсхилъ самъ сочинилъ свою эпитафію, въ которой вовсе не говоритъ о себѣ, какъ о поэтѣ: „Этотъ памятникъ покрываетъ Эсхила, сына Эвфоріона. Родившись аѳинянином, онъ умеръ въ плодородныхъ поляхъ Гелы. Столь прославленный марафонскій лѣсъ, и длинно-волосый мидянинъ скажутъ, былъ-ли онъ храбръ: они это хорошо знаютъ!“

[3]) Софоклъ, родившійся въ 495 г. до Р. Х., жилъ простою и благородною жизнью, отдаваясь исключительно своимъ прекраснымъ поэтическимъ трудамъ. Онъ пользовался долголѣтіемъ, доживъ до 406 г. Поэтому, онъ наполняетъ собою эпоху, называемую вѣкомъ Перикла; кромѣ того, онъ былъ стратегомъ и сотрудникомъ этого великаго вождя аѳинской республики. До насъ дошли отъ него слѣдующія трагедіи: *Антигона*, *Электра*, *Трахинеянки*, *Эдипъ царь*, *Эдипъ въ Колонѣ*, *Аяксъ*, *Филоктетъ*.

она сохраняла въ теченіе многихъ вѣковъ. Подобно Эсхилу, Софоклъ, двадцать разъ оказывавшійся побѣдителемъ на литературныхъ состязаніяхъ, сочинилъ множество піесъ (болѣе ста). Изъ нихъ дошло до насъ также небольшое число, но это—все образцовыя произведенія. Софоклъ, одинаково съ Эсхиломъ, разработалъ зловѣщую легенду объ Орестѣ, въ трагедіи Электра, гдѣ эта сестра Ореста понуждаетъ его къ убійству Клитемнестры, чтобы отомстить смерть Агамемнона. Онъ, въ особенности, обезсмертилъ печальную исторію Эдипа, который самъ, съ помощью разспросовъ, открываетъ преступленія, которыхъ былъ безсознательнымъ виновникомъ, самъ наказываетъ себя, вырывая себѣ глаза, и влачитъ жалкую старость, поддерживаемую дочерней преданностью Антигоны. Антигона сама является сюжетомъ другой трагедіи, гдѣ она олицетворяетъ любовь сестры и обрекаетъ себя на смерть за то, что воздаетъ брату своему, Полинику, погребальныя почести. Ярость Аякса, и долгія страданія раненаго и покинутаго Филоктста послужили Софоклу темами для великолѣпныхъ трагедій, гдѣ дѣйствіе гораздо проще, не утрачивая трогательнаго интереса.

Чувство составляетъ, впрочемъ, главное достоинство Эврипида [1]). Еще болѣе удаляясь отъ данныхъ миѳологіи, еще далѣе углубляясь въ человѣческое сердце, Эврипидъ, въ особенности, заставляетъ говорить страсть. Живя въ эпоху упадка религіозности, онъ былъ поэтомъ-философомъ и даже злоупотреблялъ нравственными поученіями.

Итакъ, въ одномъ и томъ же столѣтіи, въ счастливую эпоху, прозванную *вѣкомъ Перикла*, сіяли три величайшіе генія, умѣвшіе извлечь изъ театра самыя возвышенныя поученія. Эсхилъ заимствовалъ свои лица изъ идеальнаго міра, Софоклъ приблизилъ ихъ къ нашей природѣ, а Эврипидъ сдѣлалъ похожими на насъ. Первый возбуждалъ по преимуществу ужасъ, второй—восхищеніе, третій—жалость. Всѣ трое придали поэтическому языку грековъ блескъ, который у Эсхила походилъ на блескъ лирической поэзіи; менѣе смѣлый стиль Софокла сохранялъ въ себѣ сдержанное благородство и полную гармонію, а Эврипидъ очаровывалъ изяществомъ и чувствомъ.

---

1) Эврипидъ, родившійся въ Саламинѣ въ 480 г. и умершій въ 407 г., несмотря на свою геніальность, долженъ былъ преодолѣть много трудностей. Онъ одержалъ побѣду на состязаніяхъ только пять разъ, и многія изъ его піесъ были отвергнуты народомъ. Подъ конецъ, онъ нашелъ, однако, себѣ должную оцѣнку, и аѳиняне сожалѣли о немъ болѣе, чѣмъ о какомъ-либо другомъ поэтѣ.

До насъ дошло восемнадцать трагедій Эврипида и большое число отрывковъ. Главнѣйшія изъ нихъ—*Альцестъ*, *Медея*, *Ипполитъ*, *Гекуба*, *Андромаха*, *Просительницы*, *Троянки*, *Ифигенія въ Тавридѣ*, *Ифигенія въ Авлидѣ*.

Одновременно съ трагедіей народилась комедія (пѣсня пиршества). Зародышъ ея заключался уже въ сатирическихъ драмахъ; но *Аристофанъ* [1]) придалъ ей настоящую форму и самостоятельность. Съ нашей современной точки зрѣнія, намъ почти невозможно представить себѣ, какой эффектъ могли производить эти комедіи, сопровождавшіяся хорами, переодѣваніями и волшебными превращеніями. Впрочемъ, эти внѣшнія средства имѣли второстепенное значеніе для Аристофана, ѣдкая сатира котораго касалась всего и, въ особенности, политическихъ нравовъ. Въ эпоху, когда печать не могла существовать, комедіи Аристофана являлись памфлетами необычайной смѣлости.

Эти комедіи всего лучше выказываютъ свободу Аѳинъ, гдѣ писатель, подобный Аристофану, поклонникъ прошлаго, врагъ новыхъ формъ правленія и сторонникъ аристократіи, могъ смѣяться надъ самими государственными учрежденіями. Аѳиняне все прощали Аристофану за его остроуміе; они охотно смѣялись надъ собой, но не исправлялись. Надо прибавить, впрочемъ, что эта свобода, доходившая до распущенности, не удержалась долго: послѣ Аристофана комедія занималась только сюжетами изъ домашней жизни и быстро пришла въ упадокъ.

Аристофанъ, принадлежащій къ числу самыхъ утонченныхъ писателей, примѣшивалъ къ своимъ комедіямъ шутки и грубыя выраженія, показывающія, какимъ тономъ можно было говорить съ аѳинскимъ народомъ. Правда, женщины не допускались на представленія комедій. За исключеніемъ нѣкоторыхъ вольныхъ сценъ и выраженій, у этого поэта заслуживаютъ удивленія изящный, тонкій умъ, нерѣдко отмѣченный возвышенностью и истиннымъ лиризмомъ, живое и смѣлое воображеніе, гибкость, глубина, энергичный языкъ и неизмѣнная веселость. Раскаты его смѣха пережили вѣка, и его юморъ, безъ сомнѣнія, возбуждалъ юморъ величайшихъ комическихъ поэтовъ, и, въ особенности, Мольера.

Послѣ Аристофана греческая комедія опять достигла нѣкоторой высоты лишь въ третьемъ вѣкѣ, благодаря *Менандру*, отличавшемуся нравственностью своихъ произведеній.

Въ Греціи прозаическія произведенія появились гораздо позже поэтическихъ. Для прозы нужна письменность, а послѣдняя распростра-

---

[1]) Жизнь Аристофана съ точностью неизвѣстна. Онъ началъ давать свои піесы около 427 г., а послѣднее произведеніе его относится къ 390 г. Отъ него дошли до насъ литературныя комедіи *„Лягушки“* и *„Облака“*, въ которыхъ онъ яростно и достаточно пристрастно нападалъ на Эврипида и Сократа, и затѣмъ политическія комедіи: *„Миръ“*, *„Всадники“*, *„Ахарняне“*, *„Осы“*, *„Собраніе женщинъ“*, *Плутусъ“* и *„Птицы“*.

нилась довольно поздно, за неимѣніемъ основного матеріала. Она могла сдѣлаться болѣе доступной лишь тогда, когда стали вывозить папирусъ изъ Египта; въ VI вѣкѣ, во времена Пизистрата, впервые упоминается о библіотекахъ, складахъ произведеній, написанныхъ на папирусѣ (библосѣ). Пизистратъ велѣлъ собрать, привести въ порядокъ и записать поэмы Гомера. Цѣна папируса оставалась весьма высокою, и рядомъ съ нимъ находились въ употребленіи деревянныя дощечки [1]).

Такимъ образомъ, прозаическія сочиненія писались съ большимъ трудомъ, и исторія сохранялась сперва лишь въ поэтическихъ сказаніяхъ, и въ лѣтописяхъ храмовъ и городовъ. Были люди, которые занимались обнародованіемъ интересныхъ событій, но ихъ произведенія, затерянныя въ настоящее время, не имѣли, повидимому, большого значенія; этихъ историковъ называли *логографами*, и сочиненія ихъ были лишены всякаго таланта.

Начало исторіи было положено въ V вѣкѣ *Геродотомъ* [2]). Проникнутый глубокой религіозностью, убѣжденный въ божественномъ вмѣшательствѣ въ человѣческія дѣла, Геродотъ видѣлъ въ столкновеніяхъ и возмущеніяхъ греческихъ городовъ руку Немезиды. Поэтому онъ тщательно отыскивалъ религіозныя причины событій, собиралъ преданія, посѣщалъ храмы и самыхъ знаменитыхъ оракуловъ, и разузнавалъ обо всѣхъ достопамятныхъ событіяхъ. Съ другой стороны, живя въ эпоху, когда духъ критики уже проснулся, Геродотъ во всѣхъ случаяхъ, когда его не останавливали религіозныя соображенія, обсуждалъ и взвѣшивалъ показанія очевидцевъ. Такимъ образомъ, онъ сумѣлъ, въ одно и то же время, возвышаться до общей идеи, отсутствіе которой лишаетъ связи историческіе факты, и разбираться въ частныхъ свидѣтельствахъ, извлекая изъ нихъ историческую истину. Знаменитая борьба Греціи съ Азіей оказала живое дѣйствіе на его воображеніе: онъ избралъ ее предметомъ своего произведенія. Потомъ, расширяя этотъ сюжетъ, присоединяя къ нему свое знаніе восточнаго и греческаго міра,

---

1) Мы узнаемъ объ этомъ изъ счета суммъ, издержанныхъ аѳинянами на знаменитый храмъ Эрехтея; нѣсколько страницъ этого счета дошло до насъ въ копіи, начертанной на мраморѣ, находившемся въ Акрополѣ. Тамъ упоминается объ этихъ дощечкахъ, подъ именемъ *санидовъ*, и о листахъ бумаги или *хартіяхъ*. Листъ бумаги, цѣна котораго обозначена на мраморѣ, стоилъ тогда столько же, сколько стоитъ теперь десть бумаги, употребляемой нашими школьниками (E. Egger, Mémoires d'histoire ancienne et de philologie).

2) Геродотъ, родившійся въ Галикарнасѣ, въ 484 г., провелъ почти всю жизнь въ путешествіяхъ. Онъ посѣтилъ Ассирію, Египетъ и Малую Азію. Внутреннія несогласія заставили его покинуть отечество, и онъ удалился въ греческую колонію Туріумъ, въ Италіи, гдѣ и умеръ въ 390 г.

онъ задумалъ изслѣдовать начало этой борьбы и, такимъ образомъ, пришелъ къ созданію труда, который, въ своемъ родѣ, можетъ назваться всемірной исторіей.

Не знаешь, чему болѣе удивляться у него—искусству ли, съ какимъ связаны всѣ части обширнаго цѣлаго, или разнообразію множества разсказовъ, естественно соединяющихся другъ съ другомъ, то обыденныхъ, то возвышенныхъ, сочетающихъ изящество сказокъ съ строгостью исторіи, написанныхъ языкомъ, одинаково простымъ и сильнымъ, легкимъ и привлекательнымъ, въ которомъ отражаются, такъ сказать, душевная чистота историка-поэта, и мудрость историка-философа.

Геродотъ вдохновилъ *Ѳукидида* [1]). Разсказываютъ, что Ѳукидидъ еще 15-лѣтнимъ юношей присутствовалъ въ торжественномъ собраніи, въ которомъ Геродотъ читалъ отрывокъ изъ своей исторіи. Ѳукидидъ былъ восхищенъ до слезъ, и самъ захотѣлъ сдѣлаться историкомъ. Онъ подготовлялся къ своей задачѣ, принимая участіе въ общественныхъ дѣлахъ, и, въ качествѣ полководца, въ Пелопонезской войнѣ, видѣлъ жизнь греческихъ городовъ, полную кипучей дѣятельности и соперничества другъ съ другомъ.

Исторія, въ рукахъ Ѳукидида, занимается исключительно политическими интересами, войсками, флотами, дарованіями различныхъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, она не перестаетъ быть художественной. Искусно разъясняя запутанныя событія Пелопонезской войны, излагая ихъ въ точномъ и сжатомъ разсказѣ, Ѳукидидъ располагаетъ ихъ послѣдовательно, какъ дѣйствія драмы, выводитъ на сцену дѣйствующихъ лицъ и, для полноты впечатлѣнія, заставляетъ ихъ говорить. Благодаря ему, мы знакомимся, если не съ самымъ текстомъ, то съ духомъ политическихъ рѣчей того времени, въ особенности, съ временемъ Перикла. Ѳукидидъ придалъ исторіи законченную форму тщательнымъ изслѣдованіемъ причинъ, изученіемъ страстей, точностью и трезвостью разсказа, въ которомъ чувствуется блескъ, слышится шумъ оружія.

Великіе писатели слѣдовали другъ за другомъ и послѣ эпохи Перикла. Такъ, послѣ Ѳукидида явился *Ксенофонтъ* [2]). Аѳинянинъ по

---

1) Ѳукидидъ, родившійся въ Аттикѣ въ 471 г., принадлежалъ къ одному изъ самыхъ уважаемыхъ семействъ въ Аѳинахъ. Онъ стоялъ во главѣ различныхъ экспедицій въ Пелопонезской войнѣ, но когда въ 424 г. ему не удалось овладѣть Амфиполемъ, онъ былъ осужденъ на изгнаніе, и удалился во Ѳракію, откуда былъ вызванъ лишь въ концѣ войны. Время смерти его, съ точностью, неизвѣстно; оно предполагается въ 395 г. до Р. Х.

2) Ксенофонтъ, родившійся въ Аттикѣ въ 445 г., былъ ученикомъ Сократа и затѣмъ принималъ участіе въ различныхъ походахъ Пелопонезской войны. Сократъ

рожденію и по духу, Ксенофонтъ, однако, сдѣлался спартанцемъ и провелъ бо́льшую часть жизни въ Лакедемонѣ, аристократическія учрежденія котораго были ему по сердцу. Впрочемъ, онъ не переставалъ быть іонійцемъ и самымъ утонченнымъ изъ писателей. Этотъ преданный ученикъ Сократа руководилъ съ осторожностью опытнаго полководца отступленіемъ Десяти тысячъ и разсказалъ о немъ, какъ историкъ, съ талантомъ, возвышаемымъ въ нашихъ глазахъ неподдѣльной скромностью автора. Ксенофонтъ, восхищавшійся Геродотомъ и усиливавшійся подражать ему, пытался сравняться съ нимъ обширнымъ сочиненіемъ *Элленики*, гдѣ онъ излагалъ событія своего времени, впрочемъ, недостаточно полно и съ очевиднымъ пристрастіемъ къ спартанцамъ. Произведенія Ксенофонта особенно отличаются достоинствомъ слога, простого и естественнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящнаго. Въ немъ вовсе не чувствуется усилія; счастливая легкость языка сближаетъ Ксенофонта съ его образцомъ Геродотомъ [1]).

Мы не будемъ говорить здѣсь, какими путями греки, столь восторженные поклонники природы, сумѣли отрѣшиться отъ нея настолько, чтобы дать міру лучшіе образцы отвлеченнаго сужденія и размышленія. Очевидно, это было результатомъ долгой работы, начало которой восходитъ къ первымъ временамъ и первымъ мудрецамъ Греціи.

Слово *софой*, мудрецы, служило на первыхъ порахъ для обозначенія ученыхъ (софіа—мудрость, наука [2]). Въ VII в. *Θалесъ Милетскій* искалъ уже научнаго объясненія происхожденія міра, приписывая его

спасъ ему жизнь въ Деліумѣ. По окончаніи войны, Ксенофонтъ путешествовалъ и затѣмъ находился на службѣ у Кира-Младшаго. Онъ руководилъ знаменитымъ отступленіемъ Десяти тысячъ. Смерть Сократа и крайности аѳинской демократіи понудили его переселиться въ Спарту, гдѣ онъ былъ другомъ царя Агизелая. Въ видѣ историческихъ трудовъ, онъ оставилъ *Анабазисъ*, свое образцовое произведеніе, гдѣ онъ разсказываетъ о походѣ Десяти тысячъ, и исторію Греціи, *Элленики*, служащую продолженіемъ произведенія Ѳукидида и доведенную до Мантинейской битвы. Онъ написалъ также *Киропедію*, или молодость Кира, нѣчто въ родѣ трактата о воспитаніи, и занимаетъ извѣстное мѣсто среди философовъ, такъ какъ оставилъ намъ записки о Сократѣ.

[1]) Въ числѣ греческихъ писателей этой эпохи слѣдуетъ упомянуть еще *Ктезія* Книдскаго, долго служившаго врачемъ при дворѣ персидскаго царя Артаксеркса II Мнемона. Онъ написалъ большое сочиненіе объ ассирійцахъ, мидянахъ и персахъ, отъ котораго до насъ дошли только отрывки. Ктезій имѣетъ склонность къ чудесному, и разсказы его, часто баснословные, по справедливости, не пользуются довѣріемъ.

[2]) Семь мудрецовъ Греціи были: Ѳалесъ изъ Милета, Питтакъ изъ Митилены, Біасъ изъ Пріены, Клеовулъ изъ Линдоса, Солонъ изъ Аѳинъ, Хилонъ изъ Лакедемона и Періандръ изъ Коринѳа.

лишь одной стихіи — водѣ. *Анаксимандръ*, соотечественникъ Ѳалеса, сводилъ міръ къ первичной субстанціи, къ безконечному (безпредѣльное вещество), содержащему въ себѣ начала всего существующаго. *Анаксименъ* считалъ воздухъ безконечной, первичной стихіей. *Гераклитъ* признавалъ огонь въ качествѣ мірового дѣятеля. *Анаксагору* первому принадлежитъ идея о разумномъ устройствѣ міра. Эти люди, устами которыхъ робко лепетала наука о природѣ, присоединяли къ своимъ гипотезамъ нравственныя правила и положенія.

Съ другой стороны, помимо этой школы называвшейся *Іонійской*, образовалась другая, *Дорійская* школа, самымъ знаменитымъ представителемъ которой былъ *Пиѳагоръ* (въ VI в.) [1]). Послѣ долгихъ путешествій и тяжелыхъ испытаній, Пиѳагору удалось основать въ одной изъ колоній южной Италіи, общество религіозно-политическаго характера. Принадлежавшіе къ нему узнавали другъ друга, посредствомъ тайныхъ знаковъ; они жили въ полной общности имущества, подчинялись строгимъ и мелочнымъ правиламъ, должны были носить только льняныя одежды, воздерживаться отъ кровавыхъ жертвъ, отъ мяса, бобовъ и нѣкоторыхъ другихъ видовъ пищи. По правилу пиѳагорейцевъ, члены общества, ради нравственнаго оздоровленія, должны были ежедневно изслѣдовать свою совѣсть. Точное опредѣленіе ученій Пиѳагора о религіи, имѣвшей важное значеніе въ учрежденномъ имъ обществѣ, и о переселеніи душъ (вѣроятно, заимствованное изъ Египта), служило предметомъ безконечныхъ споровъ. Пиѳагоръ и его школа, кромѣ того, находили особое удовлетвореніе въ изслѣдованіи свойствъ *чиселъ*, помимо ихъ практической полезности, и считали ихъ „началами вещей“. Началомъ всякаго совершенства было для нихъ единство, и, наоборотъ, началомъ всякаго несовершенства — двойственность. „Единый, — говоритъ одинъ изъ пиѳагорейцевъ, — есть начало всего; существуетъ одно божество, управляющее всѣмъ, всегда единое, всегда одинокое, всегда одинаковое и отличающееся отъ всего остального“. Душа, по ученію пиѳагорейцевъ, есть число; добродѣтель — гармонія.

Это изслѣдованіе неизвѣстнаго настолько возбуждало любопытство грековъ, что образовалась третья школа въ *Элеѣ* (въ Италіи). Представителями ея были *Ксенофанъ* (въ VI в.), *Парменидъ* и *Зенонъ* (въ V в.); она

---

[1]) Жизнь Пиѳагора мало извѣстна. Уроженецъ Самоса, онъ путешествовалъ по Египту, долгое время жилъ въ Персіи и затѣмъ окончательно поселился въ Италіи, въ Кротонѣ, гдѣ основалъ свою замѣчательную школу. Но и тамъ онъ не находилъ спокойствія. Значеніе, достигнутое пиѳагорейцами, навлекло на нихъ преслѣдованіе во время возмущеній греческихъ городовъ. Они были разсѣяны, и дома ихъ сожжены.

не довѣряла опыту и старалась опровергнуть ученіе іонійской школы, стремясь къ *пантеизму*. Къ этой школѣ часто причисляютъ *Эмпедокла Агригентскаго* (въ V в.), написавшаго поэму о природѣ и признававшаго четыре стихіи: землю, воду, воздухъ и огонь, и два начала: согласіе и несогласіе.

Разумъ и духъ критики все болѣе и болѣе развивались. Любовь къ разсужденію сдѣлалась даже однимъ изъ препятствій для умственнаго прогресса. *Софисты* [1]) (учителя мудрости), вмѣсто того, чтобы обучать правильности сужденія, учили лишь искусству говорить обо всѣхъ предметахъ. Преподавая лишь ораторское искусство, или искусство разсужденія, не заботясь объ основныхъ началахъ и заботясь лишь о связи аргументовъ, они пришли къ смѣшенію правды и лжи, къ запутанности всѣхъ понятій о справедливомъ и несправедливомъ. Послѣ эпохи Перикла они пользовались большой славой въ Аѳинахъ, но вскорѣ появился настоящій ихъ противникъ, отецъ истинной мудрости — *Сократъ*.

Онъ былъ сыномъ ваятеля [2]), но вскорѣ долженъ былъ оставить искусство для умственной работы, мраморъ для науки, физіономію и внѣшность человѣка для изслѣдованія человѣка внутренняго. Простодушный, безкорыстный Сократъ посвятилъ всю жизнь обученію юношества. Онъ не запирался въ стѣнахъ школы, принималъ всѣхъ, желавшихъ воспользоваться его уроками, и за прогулкою, разсуждая съ ними, вводилъ ихъ въ познаніе *истины, добра* и *красоты*. Врагъ софистовъ, онъ обличалъ пустоту и лживость ихъ тонкостей, и безсиліе ихъ показной науки, ослѣплявшей только невѣждъ.

Сократъ былъ настоящимъ освободителемъ человѣческой мысли. Устраняя всякое преданіе, онъ пытался выдѣлить, единственно лишь силою размышленія, идеи, какими человѣкъ обладаетъ самъ по себѣ, о своей природѣ и своемъ назначеніи. „Познай самого себя“, — говорилъ онъ, подразумѣвая познаніе нашихъ способностей, идей, желаній и обязанностей. Онъ не отдѣлялъ нравственности отъ философіи; для него добродѣтель и наука сливались между собой: по его словамъ, „все справедливое должно быть прекраснымъ и добрымъ; всѣ, постигшіе, что такое справедливость, не могутъ ничего ставить выше ея“. Его обученіе было столько же практическимъ, сколько и теоретическимъ. Онъ проповѣдывалъ благочестіе, умѣренность и правдивость. Оставляя въ

---

[1]) Это слово, на первыхъ порахъ, не принималось въ насмѣшливомъ смыслѣ.

[2]) Онъ родился въ Аѳинахъ, въ 469 г., и въ 399 году осужденъ былъ выпить цикуту. Онъ исполнялъ, однако, всѣ обязанности гражданина, выказалъ храбрость на войнѣ, и почтительное отношеніе къ государственной религіи.

сторонѣ религіозныя формы, еще весьма могущественныя въ его время, онъ старался найти въ самомъ себѣ понятіе о божествѣ.

Сократъ ничего не писалъ. Онъ любилъ смущать своихъ противниковъ, и наводить учениковъ на правильный путь способомъ послѣдовательныхъ вопросовъ, которые должны были вести къ предусмотрѣннымъ отвѣтамъ. Отправляясь отъ весьма отдаленной исходной точки, онъ заставлялъ своихъ собесѣдниковъ высказывать опредѣленіе, какое ему хотѣлось установить, и находить рѣшеніе предложенной задачи. Это и называлось *сократической ироніей*. Такимъ образомъ, цѣнность истины удвоивалась: каждый находилъ ее самъ и, въ то же время, укрѣплялъ и просвѣщалъ свой умъ. Это—верхъ искусства преподаванія, и *педагогика* вмѣстѣ съ философіей видятъ своего учителя въ Сократѣ. Аѳинская демократія, впрочемъ, уже находившаяся въ упадкѣ, запятнала себя, погубивъ такого мудреца. Его судьи, толпа невѣжественныхъ гражданъ, положили начало преслѣдованію человѣческой мысли, тѣмъ болѣе возмутительному, что оно вполнѣ безполезно. Истина овладѣваетъ людьми помимо ихъ желанія, и философія Сократа сдѣлалась философіей всѣхъ вѣковъ.

Платонъ изложилъ ученіе Сократа, разъяснилъ его и дополнилъ [1]). Онъ освѣтилъ въ своихъ удивительныхъ *Діалогахъ* начало порядка и гармоніи, который управляетъ міромъ и стоитъ выше его. Въ человѣкѣ онъ различаетъ слѣпые инстинкты, неукротимое желаніе и затѣмъ высшую и въ нѣкоторомъ родѣ божественную часть души—*разумъ*. Такимъ образомъ, Платонъ отводитъ разуму высшее мѣсто и заключаетъ отсюда о необходимости воспитанія, совершенствующаго идеи и чувства. Чувство играетъ важную роль въ философіи Платона. Онъ показываетъ, „какимъ образомъ душа возвышается отъ созерцанія красоты въ одномъ прекрасномъ тѣлѣ до общей сущности красоты во всѣхъ тѣлахъ, какъ отъ тѣлесной красоты она переходитъ къ красотѣ нравственной и, восхитившись индивидуальной красотой какой-нибудь одной души, открываетъ признакъ, общій для всѣхъ прекрасныхъ душъ, какимъ образомъ она достигаетъ, наконецъ, вѣчнаго начала красоты, не созданной и не разрушимой“ [2]).

---

[1]) Платонъ, родившійся въ Аѳинахъ въ 430 г., ученикъ Сократа, подвергшійся, въ свою очередь, преслѣдованію фанатиковъ, покинулъ родной городъ и долго путешествовалъ по Египту, Италіи и Сициліи. Онъ вернулся, впрочемъ, въ Аѳины, гдѣ продолжалъ свое преподаваніе въ садахъ Академа до восьмидесяти лѣтъ (348 г.) Отъ этихъ садовъ у насъ удержалось слово „академія“, для обозначенія ученаго общества. Главные діалоги Платона—*Критонъ, Протагоръ, Федръ, Федонъ, Пиръ*, трактатъ о республикѣ и законахъ.

[2]) Eugène Maillet. *Introduction á la République de Platon.*

Нельзя сказать, чтобы примѣненіе своихъ идей къ политикѣ удалось Платону; идеальная *Республика*, странное устройство которой было изложено имъ, не могла бы имѣть никакого практическаго значенія. Впрочемъ, въ трактатѣ о *Республикѣ и о Законахъ*, среди своихъ парадоксовъ, онъ разъясняетъ множество вопросовъ, относящихся къ правленію и обществу. Своей славой отъ обязанъ преимущественно философскому ученію и блеску, а также и мягкости языка, нерѣдко достигавшаго поэтической силы, какимъ онъ излагалъ самыя отвлеченныя идеи.

Уже за предѣлами эпохи свободы Греціи, мы встрѣчаемъ другого мыслителя, учившаго философіи и политикѣ, *Аристотеля* [1]), наставника Александра. Онъ былъ слушателемъ Платона и продолжателемъ ученія его, а отчасти и противникомъ послѣдняго. Его самостоятельной работой были изслѣдованія законовъ мысли, которыя соединяются подъ общимъ наименованіемъ *Логики*. Никто не пошелъ дальше его въ наблюденіи движеній человѣческой мысли; никто не сравнялся съ нимъ въ силѣ отвлеченія и строгости сужденія или *діалектики*. Въ особенности, этой стороной своей дѣятельности онъ оказалъ весьма продолжительное вліяніе и пріобрѣлъ положеніе учителя множества философовъ, въ древнія времена, и, преимущественно, въ средніе вѣка.

Его трактатъ о *Политикѣ* обнаруживаетъ въ немъ неутомимую ученость, изслѣдовавшую строй, по меньшей мѣрѣ ста пятидесяти обществъ, и проницательный умъ, выясняющій законы общественные и правительственные. Аристотель, въ особенности, отличался силою критическаго сужденія; онъ неподражаемъ въ искусствѣ указывать недостатки; не въ такой степени удалось ему опредѣлить условія совершеннаго государственнаго строя, что̀ нельзя, впрочемъ, ему ставить въ вину, такъ какъ безчисленные перевороты доказываютъ отсутствіе такой общепримѣнимой формы. Тѣмъ не менѣе, Аристотель, еще въ большей степени, чѣмъ Платонъ, служилъ руководителемъ и авторитетомъ для всѣхъ писавшихъ объ искусствѣ управлять людьми. Монтескье, въ своемъ обширномъ сочиненіи о „Духѣ Законовъ“, почти цѣликомъ заимствовалъ его методъ.

Аристотель былъ не только философомъ и критикомъ общественныхъ учрежденій: онъ былъ критикомъ литературнымъ. Его *Ретори-*

---

[1]) Аристотель, сынъ врача македонскаго царя (384—322 г. до Р. Х.), учился въ Аѳинахъ у Платона и въ 343 г. былъ избранъ Филиппомъ въ наставники Александру. Во время походовъ Александра въ Азіи, Аристотель основалъ въ Аѳинахъ знаменитую школу, но послѣ смерти Александра долженъ былъ покинуть Аѳины, чтобы избѣжать обвиненій въ кощунствѣ, и умеръ въ Халкидѣ на Эвбеѣ въ 322 г.

ка и *Поэтика* заключаютъ въ себѣ изложеніе правилъ ораторскаго искусства и поэзіи. Будучи, по преимуществу, методическимъ умомъ, Аристотель съ необыкновеннымъ искусствомъ извлекаетъ начала творчества изъ образцовыхъ произведеній. Впрочемъ, одного соблюденія правилъ еще недостаточно, и предписанія Аристотеля слишкомъ часто принимались буквально, а это, конечно, не могло замѣнить вдохновенія. Замѣтимъ еще, что этотъ философъ значительную часть своего таланта посвящалъ наукамъ физическимъ и естественнымъ.

Во времена Аристотеля и Александра жилъ также оригинальный философъ, не оставившій никакого ученія и, по правдѣ сказать, не имѣвшій его, потому что оно заключалось лишь въ возвращеніи къ грубой жизни первобытныхъ временъ. Воспоминанія о *Діогенѣ*-циникѣ сохранились для насъ въ видѣ забавныхъ разсказовъ, по которымъ этотъ философъ жилъ въ бочкѣ, ѣлъ изъ деревянной чашки, которую бросилъ потомъ, какъ ненужную вещь, и пилъ изъ горсти. О немъ разсказываютъ, что онъ ходилъ по аѳинскимъ улицамъ днемъ съ фонаремъ въ рукахъ, говоря, что „ищетъ человѣка“. Въ Коринѳѣ Александръ пожелалъ его видѣть, какъ курьезъ того времени. Царь спросилъ его, чего онъ желаетъ, и получилъ въ отвѣтъ: „Не заслоняй мнѣ солнца“.

Пирронъ (340—288) сомнѣвался во всемъ. Онъ предполагалъ, что каждому предложенію можно противупоставить предложеніе противуположнаго характера. Онъ былъ основателемъ древней скептической школы [1]).

Греки почти исчерпали всевозможныя системы философіи, и, въ особенности, дали начало двумъ наиболѣе практическимъ системамъ, преобладавшимъ въ древнемъ мірѣ—*стоицизму* и *эпикуреизму*.

Зенонъ изъ Кипра (360—263) открылъ въ Аѳинахъ школу, называвшуюся *стоической*, или школой портика (стоа). *Эпикуръ*, родившійся близъ Аѳинъ (340 — 270), далъ свое имя другой философской школѣ, основывавшейся на совершенно противуположныхъ началахъ. Зенонъ, по ученію котораго вещество проникнуто разумомъ, возвращался постоянно къ идеѣ стремленія, для объясненія разсудка и воли. Жизнь, по его мнѣнію, была борьбою съ препятствіями, и мудрость состояла въ согласованіи различныхъ частей души. Эпикуръ пытался объяснить систему міра сочетаніемъ атомовъ. Онъ не до-

---

[1]) Обозначеніе „скептическій“ происходитъ отъ греческаго слова „скепсисъ“ Пирронъ предполагалъ, что ни о чемъ не надо судить, и слѣдуетъ ограничиться только разсмотрѣніемъ (скепсисъ).

пускалъ, чтобы боги оказывали какое-либо вліяніе на міръ. Человѣкъ, согласно Эпикуру, долженъ былъ заботиться только о настоящей жизни и искать въ ней одного удовольствія.

Безъ сомнѣнія, удовольствіе, по ученію Эпикура, не есть только удовлетвореніе чувствъ, но, и ума, и сердца. Но если его усердные ученики слѣдовали буквально его ученію, то большинству людей легко было объявить себя его сторонниками, съ цѣлью удовлетворять только свои страсти. Эпикуреизмъ оказывался наиболѣе удобной философіей въ періоды упадка. Стоицизмъ тщетно старался противодѣйствовать ему. Онъ былъ менѣе привлекателенъ, потому что всегда стремился въ высь, ставилъ умъ выше силы и указывалъ цѣль и счастье жизни въ добродѣтели.

Краснорѣчіе должно было пользоваться большимъ почетомъ въ свободной странѣ. До насъ ничего не дошло отъ Перикла, кромѣ рѣчей, которыя приписываются ему. Отъ многочисленныхъ ораторовъ, блиставшихъ повсюду, сохранились только имена, за исключеніемъ *Лизія* (458—378), самаго изящнаго и самаго *аттическаго* изъ всѣхъ. *Эсхинъ* выдавался обиліемъ и избранностью своихъ выраженій, но онъ самъ признавалъ превосходство своего соперника, *Демосѳена*, который оставался настоящимъ главою греческихъ ораторовъ, и самое имя котораго считается синонимомъ краснорѣчія.

Демосѳенъ (381 или 385—322), выработавшійся упорнымъ трудомъ, оставилъ много гражданскихъ, защитительныхъ рѣчей, но особеннаго удивленія заслуживаютъ его политическія рѣчи (*филиппики* и др.). Его образцовымъ произведеніемъ, изучаемымъ въ классическихъ школахъ, считается *Рѣчь за вѣнокъ*, произнесенная противъ Эсхина, въ защиту гражданина, предложившаго увѣнчать золотымъ вѣнкомъ великаго оратора-патріота. Демосѳенъ, дѣйствительно, заслужилъ эту двойную похвалу; онъ боролся всю жизнь и умеръ за свободу. Ничто не укрѣпляетъ душу въ такой степени, какъ чтеніе его рѣчей, точныхъ, энергичныхъ и восторженныхъ, въ которыхъ за двадцать одинъ вѣкъ до нашего времени онъ выразилъ самую живую любовь къ отечеству.

Греки, подобно всѣмъ народамъ древности, въ наукахъ успѣвали менѣе, чѣмъ въ литературѣ. Однако, начало геометріи было положено Ѳалесомъ и Пиѳагоромъ. Этому послѣднему принадлежитъ теорема, извѣстная подъ названіемъ „квадрата гипотенузы“; ученики его открыли и другія теоремы. Впослѣдствіи *Эвклидъ* создалъ *Начала*, послужившія основаніемъ современной геометріи; Эвклидъ, безъ сомнѣнія, заимствовалъ многія свои предложенія изъ трудовъ пиѳагорейской школы.

Пиѳагоръ употреблялъ различные знаки для изображенія чиселъ отъ одного до девяти. Но эти знаки, извѣстные только послѣдователямъ его школы, вскорѣ утратились. Греки продолжали пользоваться для обозначенія цифръ буквами, подобно римлянамъ, что̀ весьма затрудняло ариѳметическія вычисленія.

Аристотель придалъ значительное движеніе естествознанію, и Кювье отдавалъ ему полную справедливость: ему принадлежатъ главнѣйшія дѣленія животнаго царства, которымъ натуралисты слѣдуютъ до настоящаго времени. Онъ менѣе подвинулъ физическія науки, продолжавшія оставаться въ дѣтствѣ. Греки, достигшіе возвышенныхъ понятій въ философіи, были какъ будто не въ силахъ открыть причины явленій, происходившихъ передъ ихъ глазами. Это обстоятельство, удивляющее насъ съ перваго взгляда, зависѣло отъ особаго направленія ихъ ума, склоннаго болѣе къ дедуктивному методу, чѣмъ къ индуктивному. Они хотѣли разомъ достигнуть объясненія небесныхъ и земныхъ явленій, и пускались въ гипотезы, къ которымъ упорно привязывались, извлекая изъ нихъ выводы, безъ сомнѣнія, построенные вполнѣ правильно, но ложные сами по себѣ, такъ какъ ложною была точка отправленія. Грекамъ недоставало духа наблюденія и опыта, терпѣливаго и тщательнаго наведенія. Вотъ почему передъ ними не открывалась книга природы, которой предстояло научить насъ пользоваться силами природы, что̀ удесятерило наши силы.

Медицина въ значительной мѣрѣ занимала грековъ, но на первыхъ порахъ она связана была съ гаданіемъ. Исцѣленіе болѣзней должно было исходить отъ оракуловъ Эскулапа, сына Аполлона. Больные, въ Аѳинахъ, проводили ночи въ храмѣ Эскулапа и получали отъ этого бога указанія, которыя должны были избавить ихъ отъ недуговъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, эти храмы Эскулапа были религіозными учрежденіями, около которыхъ группировались ученые практики.

Изъ сочиненій греческихъ авторовъ [1]) мы узнаемъ, что въ городахъ были врачи и даже общественные, назначенные для пользованія недостаточныхъ жителей. Впрочемъ, греки могли гордиться тѣмъ, что среди нихъ явился отецъ медицины, Гиппократъ [2]), заслуги котораго признаются и новѣйшими учеными. Гиппократъ имѣлъ благородное представленіе о своей профессіи; онъ преслѣдовалъ обманщиковъ, позорившихъ ее, и старался установить ее на научныхъ основахъ.

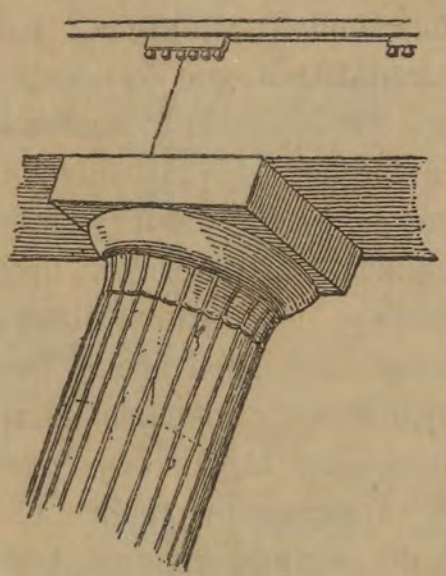
---

1) Ксенофонтъ „*Киропедія*“ Кн. I, гл. VI; Платонъ „*Горгій*“, гл. X; Аристофанъ „*Акарнане*“, ст. 1030—1032.

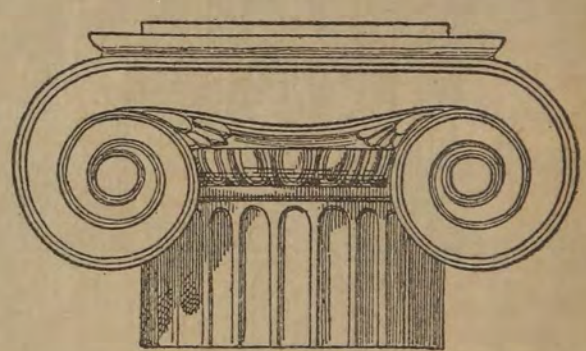
2) Гиппократъ родился на островѣ Косѣ въ 460 г. до Р. Х.

Греки были не столько ученымъ, сколько художественнымъ народомъ. Гораздо ранѣе того, чѣмъ Платонъ изложилъ теорію прекраснаго, греки обладали чувствомъ красоты и создали вѣчные образцы ея не только въ произведеніяхъ своихъ писателей, но и своихъ зодчихъ, ваятелей и живописцевъ. Греки были надѣлены отъ природы чувствомъ мѣры, соразмѣрности, и примѣняли его столько же къ произведеніямъ рукъ, сколько и ума. Ихъ живое воображеніе не могло бы выразиться въ многочисленныхъ прекрасныхъ замыслахъ, если бы они не пытались закрѣпить ихъ въ камнѣ и мраморѣ, рѣзцомъ и кистью.

Первыя зданія, въ которыхъ выразилось изящество грековъ, были храмы. Этотъ народъ желалъ, чтобы боги его имѣли жилища, достойныя ихъ могущества. Онъ не старался скрыть эти жилища отъ глазъ, какъ египтяне, окружавшіе ихъ нѣсколькими оградами; напротивъ,



Дорійскій орденъ.

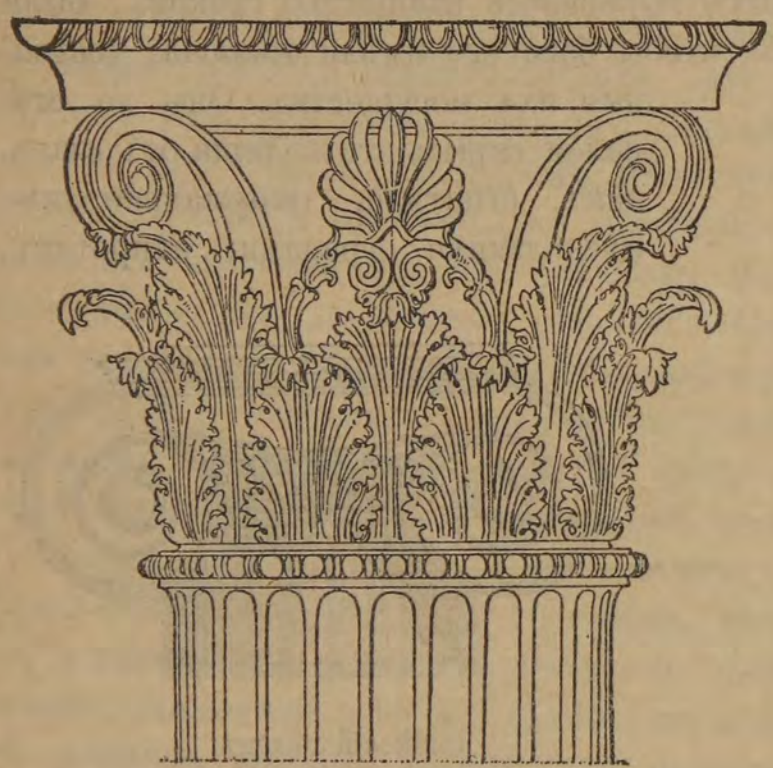


Іонійскій орденъ.

онъ ставилъ ихъ на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ, чтобы они господствовали надъ городомъ. Онъ не строилъ ихъ въ нѣсколько громадныхъ ярусовъ, какъ ассирійцы, въ честь своихъ исполинскихъ божествъ: онъ сообразовалъ жилище съ характеромъ божества, и дѣлалъ его средней величины, по возможности, приближая къ человѣческому жилищу. Но религіозное благоговѣніе заставило ихъ употреблять самые красивые строительные матеріалы, различныя породы мрамора, который, впрочемъ, находился у нихъ въ изобиліи, создавать самые возвышенные планы, самыя чистыя линіи, чтобы цѣлое вызывало чувство гармоніи и давало понять будущимъ поколѣніямъ стремленіе строителей въ ихъ благочестивомъ дѣлѣ. Строители добивались величія не массивностью, а симметрическимъ сочетаніемъ прямыхъ линій, не нагроможденіемъ ярусовъ, а высотою одного помѣщенія, достаточно соразмѣр-

наго, чтобы служить жилищемъ не смертнаго, а бога. Они прилагали особенныя старанія къ внѣшнему украшенію. Храмъ у древнихъ не былъ мѣстомъ собранія, а только вмѣстилищемъ изваянія божества. Толпа оставалась внѣ храма. Поэтому, нужно было, чтобы храмъ, выдѣляясь всѣми своими сторонами, казался народу священнымъ убѣжищемъ и напоминалъ, величавостью своихъ колоннъ и своего фронтона, идею божественнаго величія.

Вкусъ различныхъ народовъ Греціи выразился тремя отдѣльными архитектурными орденами—*дорійскимъ*, самымъ простымъ и строгимъ, *іонійскимъ*, болѣе украшеннымъ, и *коринѳскимъ*, украшеннымъ еще болѣе. Эти три ордена различались колоннами. Первый распознавался по строго обнаженной капители, напоминающей способъ построекъ изъ брусьевъ, опиравшихся на другіе брусья: надъ фризомъ выступаетъ карнизъ съ простымъ профилемъ, поддерживающимъ опущенный фронтонъ [1]). Эта горделивая обнаженность придавала дорійскому ордену характеръ величія. Азіатскіе іонійцы прикрыли сочлененія этой правильной постройки, закруглили завитки вокругъ капители и увеличили число желобковъ. Іонійскій орденъ былъ, вслѣдствіе того, болѣе изящнымъ и щеголеватымъ. Коринѳяне пошли еще далѣе: они придали распространенность вершинѣ колонны, развернувъ ее, въ видѣ акантовыхъ листьевъ, и придали, такимъ образомъ, капители даже излишнее украшеніе. Хотя эти различныя архитектурные ордена сохранили имена народовъ, которые изобрѣли ихъ, они примѣнялись не



Коринѳскій орденъ.

---

1) Вершина зданія заключаетъ въ себѣ нѣсколько частей, съ особыми обозначеніями. *Колонны*, бывшія нѣкогда вертикальными брусьями, поддерживали балки, образующія кровлю. Колонна заканчивалась плитой или *капителью*, поддерживавшей поперечную балку или *архитравъ*. Выше архитрава была другая, поддерживавшая его параллельная балка, *карнизъ*, поддерживавшій *фронтонъ*. Между карнизомъ и архитравомъ находилось пространство, называвшееся *фризомъ*, предназначавшееся для украшенія.

только этими народами. Самымъ древнимъ и распространеннымъ былъ дорійскій орденъ.

Начало греческаго искусства положено было между VIII и V вѣками въ городахъ Пелопонеза, Іоніи и Сициліи, въ Сикіонѣ, Аргосѣ, Эфесѣ, славившемся храмомъ Діаны, Милетѣ и Самосѣ. Въ городахъ Великой Греціи рано явились художники, созидавшіе замѣчательные памятники, какъ, наприм., храмъ *Пестума*, 84 колонны котораго стоятъ и до сихъ поръ [1]), храмъ Юпитера въ Селинонтѣ (въ Сициліи), храмъ Аполлона въ Дельфахъ, построенный общимъ иждивеніемъ всей Греціи.

Парѳенонъ (въ его настоящемъ видѣ).

Затѣмъ наступила классическая эпоха, обнимающая два вѣка, т.-е. отъ времени персидскихъ войнъ до царствованія Александра. Высшимъ выраженіемъ этой эпохи служатъ памятники въ Аѳинахъ, воздвигнутые Перикломъ.

Іонійцы воспользовались дорійскимъ стилемъ, чтобы усилить величественность прекраснѣйшаго памятника Аѳинъ, Парѳенона, храма Минервы, великолѣпнаго зданія на вершинѣ Акрополя, на 75 саженяхъ высоты. Несмотря на разрушенія, сдѣланныя въ новѣйшія време-

[1]) Въ Салернской провинціи (въ Италіи).

на [1]), зданіе поражаетъ своимъ блескомъ. Этотъ храмъ (72 сажени длины и 15—ширины) былъ выстроенъ весь изъ пентеликскаго мрамора и окруженъ галлереей, поддерживавшейся 46-ю колоннами, поставленными, безъ основанія, на три ступени и имѣвшія три сажени высоты; на фронтонахъ выдѣлялись 46 колоссальныхъ рельефныхъ фигуръ въ удивительной группировкѣ. Фризъ былъ украшенъ рельефами Фидія, изображавшими центавровъ, Геркулеса, Тезея и т. п. Внутри колоннады, на внѣшней стѣнѣ храма тянулся другой длинный фризъ съ рельефами небольшой выпуклости, въ видѣ камей удивительной законченности. Этотъ фризъ представлялъ длинную процессію Панаѳиней, молодыхъ дѣвушекъ, несущихъ жертвенныя чаши и вазы, жертвы, предназначенныя для всесожженія, музыкантовъ, толпу стариковъ съ оливковыми вѣтвями въ рукахъ, колесницы и красивыхъ молодыхъ всадниковъ, тѣсныя толпы которыхъ наполняли значительное пространство.

Чтобы доставить Акрополю входъ, достойный памятниковъ, увѣнчивавшихъ его, зодчій Мнезиклъ построилъ великолѣпное преддверіе, *Пропилеи*, стѣны котораго были найдены и возстановлены французскимъ ученымъ Бёлэ.

Другими памятниками Аѳинъ были Одеонъ, посвященный музыкѣ, храмъ Тезея, храмъ Эрехтея (Эрехтейонъ), гдѣ колонны замѣнялись статуями (каріатидами), храмъ Безкрылой Побѣды, и проч. Внѣ Аѳинъ, сохранились лишь развалины храмовъ, въ Аркадіи, въ Элидѣ, гдѣ храмъ Юпитера Олимпійскаго былъ разрушенъ. Мы не можемъ также составить себѣ никакого понятія о *Мавзолеѣ* въ Галикарнасѣ, гробницѣ, воздвигнутой царицей Артемизой своему супругу Мавзолу.

До насъ дошли имена лишь немногихъ зодчихъ. Кромѣ *Фидія*, который былъ ваятелемъ, но управлялъ работами въ Аѳинахъ, во времена Перикла, можно назвать *Иктина* и *Калликрата*, строителей Парѳенона, *Мнезикла* и *Гипподама Милетскаго*, придавшаго бо̀льшую правильность улицамъ и начертавшаго планъ Пирея.

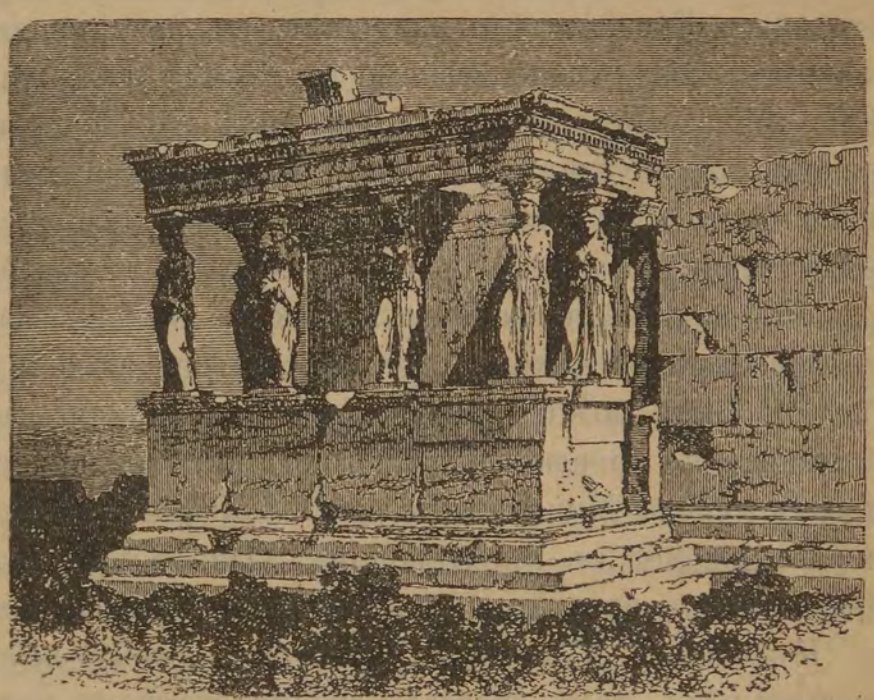
Задержанная въ своемъ развитіи у египтянъ строгими правилами жрецовъ, скульптура у грековъ освободилась отъ всякой условной неподвижности. Греки придавали богамъ самыя совершенныя формы, стараясь выразить живую красоту. Они не ограничивались тѣмъ, что изображали лицо, но лѣпили все тѣло, сообщая ему движеніе и душу.

---

[1]) Венеціанцы бомбардировали Аѳины, занятыя турками въ 1687 г. Бомба пробила сводъ Парѳенона и подожгла боченки съ порохомъ. Морозини, ради украшенія Венеціи, вздумалъ снять статуи съ фронтона Парѳенона и разбилъ ихъ. Англичанинъ лордъ Эльджинъ пожелалъ снять барельефы съ фриза и еще болѣе испортилъ зданіе.

Почти безъ усилій, они высѣкали изъ мрамора боговъ и богинь съ величественной осанкой, воспроизводя линіи и очертанія человѣческаго тѣла, которое легко было изучать въ странѣ, гдѣ климатъ избавлялъ отъ тяжелыхъ одеждъ, гдѣ почетъ, воздававшійся физическимъ упражненіямъ, заставлялъ всѣхъ обращать вниманіе на красоту позы, гибкость и силу, и гдѣ самые чистые образы напечатлѣвали въ умѣ художниковъ, почти незамѣтно для нихъ, знаніе человѣческаго тѣла и гармонію его частей.

Безъ сомнѣнія, скульптура въ Греціи пережила періодъ безсознательныхъ попытокъ отъ легендарнаго Дедала, дѣлавшаго статуи изъ дерева, до лучшихъ произведеній классической эпохи. Въ Самосѣ и Хіосѣ, съ VI вѣка существовали школы ваятелей, и Іонія, въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, была руководительницей остальной Греціи. Впослѣдствіи Аргосъ и Сикіонъ въ Пелопонезѣ примѣнили къ ваянію строгость дорійскаго генія, благодаря чему Спарта, пренебрегавшая искусствами, имѣла также своихъ ваятелей. Островъ Эгинъ, находящійся въ сосѣдствѣ Аѳинъ, сперва сорпеничавшій съ ними, и затѣмъ подчинившій (ихъ власти, удачно сочеталъ іонійскій и дорійскій духъ; *эгинскіе мраморы,* дошедшіе до нашего времени, могутъ быть поставлены рядомъ съ мраморами Парѳенона, которымъ они предшествовали [1]).



Каріатиды храма Пандроса въ Эрехтейонѣ.

Аттическая школа стала привлекать къ себѣ вниманіе, и вскорѣ изъ рядовъ ея вышелъ *Фидій* [2]), который, впрочемъ, отправился окан-

---

[1]) Семнадцать статуй, отысканныхъ на мѣстѣ нахожденія древняго храма, украшаютъ музей (Глиптотеку) въ Мюнхенѣ. Эти статуи извѣстны въ художественномъ мірѣ подъ именемъ *эгинскихъ мраморовъ.*

[2]) *Фидій* (498—431).

чивать свое образованіе въ Аргосъ. Принадлежа одновременно къ іонійцамъ и дорійцамъ, онъ обладалъ свойствами двухъ геніевъ, соединеніе которыхъ создало греческій геній: простоту, мужественное величіе, роскошное изящество, движеніе и грацію. Фидій достигъ величественности, соединенной съ красотой, въ бронзовой статуѣ *Минервы воительницы*, поставленной въ Акрополѣ, и въ *Минервѣ изъ золота и слоновой кости*— въ Парѳенонѣ. Эта статуя, лучшее его произведеніе, имѣла около шести саженъ высоты; Минерва держала въ рукѣ *Побѣду*, не менѣе трехъ аршинъ величиною. Фидій изваялъ также знаменитаго *Юпитера* Олимпійскаго, величественность котораго прославлялась всѣмъ древнимъ міромъ. Эти прекрасныя произведенія погибли среди превратностей, постигшихъ Грецію; тѣмъ не менѣе, до насъ дошли, хотя и въ искалѣченномъ, видѣ, великолѣпные обломки статуй, изваянныхъ для фронтона и фриза Парѳенона [1]). Среди нихъ особенно выдѣляются „ряды всадниковъ, образующихъ, на ряду съ группами женщинъ, и даже еще болѣе, чѣмъ эти группы, самую поразительную часть фриза Парѳенона; ряды всадниковъ въ одинаковой мѣрѣ блещутъ безконечнымъ разнообразіемъ и удивительной смѣлостью положеній, изяществомъ формъ, отчетливостью рисунка, силой лѣпки, тонкостью и совершенствомъ рѣзьбы“ [2]). Быть можетъ, Фидію слѣдуетъ приписать и *каріатиды*, поддерживавшія кровлю небольшого зданія, служившаго пріютомъ для оливковаго дерева Минервы въ храмѣ *Пандросы* (дочери Кекропса),—храмѣ, соединявшемся съ Эрехтейономъ. Одна изъ этихъ каріатидъ, фигура граціозная и спокойная, находится въ лондонскомъ музеѣ.

Къ Фидію, „Гомеру скульптуры“, этому неутомимому труженику, населившему, такъ сказать, своими статуями храмы Греціи, слѣдуетъ присоединить ученика его *Алкмена*, *Поликлета*, знаменитаго своей прекрасной колоссальной статуей Юноны, сдѣланной для храма въ Аргосѣ, и его соперника *Мирона*, въ совершенствѣ изображавшаго животныхъ, и отлившаго изъ бронзы *телицу* такъ искусно, что она казалась живою.

Позднѣе, *въ вѣкъ Александра*, какъ ваятель, прославился еще *Праксителъ* [3]), умѣвшій, въ особенности, выражать различные оттѣнки, и передавать душевныя движенія. Онъ создалъ *Венеру* Книдскую, копіи которой, если не самый оригиналъ, сохранились до нашего времени. *Ско-*

---

1) Эти великолѣпные образцы скульптуры находятся въ Британскомъ музеѣ, въ залѣ *Эльджина*, названной такъ потому, что эти мраморы были привезены изъ Аѳинъ лордомъ Эльджиномъ, англійскимъ посланникомъ въ Константинополѣ (1799—1807).

2) Viardot, *les Musées d'Europe.*

3) *Праксителъ* (360—280).

пасъ Парóсскій предшествовалъ Праксителю и исполнилъ часть изваяній на гробницѣ Мавзола. *Лизиппъ* [1]) воспроизвелъ черты Александра и создалъ множество статуй (Сократъ, Геркулесъ, Случай) [2]).

Мы назовемъ прежде всѣхъ *Венеру Милосскую*, носящую это наименованіе потому, что она была найдена на островѣ этого имени (древній Мелосъ) въ 1820 г., и куплена французскимъ посланникомъ, маркизомъ де-Ривіеромъ. Несмотря на то, что эта статуя лишена обѣихъ рукъ, она представляетъ лучшій образецъ греческаго искусства, какой могутъ встрѣтить въ Парижѣ многочисленные посѣтители его. Упомянемъ еще *Діану на охотѣ*, стройную и мужественную; *Ахиллеса*, *Борящагося гладіатора* (послѣдній, вѣроятно, принадлежитъ къ эпохѣ Лизиппа), различныя статуи *Венеры*, и, между ними, Венеру изъ Арля (найденную въ этомъ городѣ въ 1651 г.); статуи *Минервы*, *Аполлона*, *Вакха*, *Меркурія*, *Немезиды*, пяти изъ девяти, *Музъ*, колоссальную статую *Тибра*, *Фавна съ ребенкомъ*, *Центавра*, *Дискомета*, т.-е. атлета, мечущаго дискъ, жертвенникъ *Двѣнадцати боговъ*.

Во Флоренціи, въ музеѣ Уффици находятся также замѣчательныя произведенія греческаго ваянія: группа *Ніобеи* (приписываемая одними Праксителю, а другими—Скопасу), *Венера*, называемая *Медиційской*, считающаяся образцомъ пропорціональнаго сложенія женщины; группа *Борцовъ*; статуя, неправильно называемая *Точильщикомъ*, и т. д.

Въ Римѣ два одинаково богатыхъ музея—Капитолійскій и Ватиканскій. Въ Капитолійскомъ музеѣ замѣчательны *Умирающій гладіаторъ* [3]), величественная *Юнона*, двѣ *Амазонки* и т. д. Въ Ватиканѣ, помимо безконечнаго множества барельефовъ, колоннъ, капителей, вазъ и т. п., особенно замѣчателенъ *Аполлонъ Пиѳійскій*, извѣстный подъ названіемъ *Аполлона Бельведерскаго* (такъ какъ прежде онъ былъ помѣщенъ во дворѣ этого имени). Многіе цѣнители считаютъ эту статую Аполлона за лучшее произведеніе античнаго искусства, за высшій образецъ прекраснаго; другіе же относятся къ ней менѣе восторженно. Группа *Лаокоона* представляетъ уже произведеніе скульптуры грекo-

---

[1]) Онъ сдѣлалъ для Александра знаменитую колесницу, которая сначала находилась въ Коринѳѣ, затѣмъ перевезена была въ Константинополь, а оттуда — въ Венецію, гдѣ ее можно видѣть и теперь.

[2]) Мы не можемъ перечислить здѣсь всѣхъ замѣчательныхъ произведеній греческой скульптуры, но считаемъ полезнымъ отмѣтить тѣ изъ нихъ, которыя сохраняются въ главныхъ музеяхъ Европы и, въ особенности, въ Луврскомъ музеѣ.

[3]) Существуетъ предположеніе, что оригиналъ этой фигуры находится въ С.-Петербургскомъ Императорскомъ Эрмитажѣ.

(Прим. перев.).

римской эпохи, но превосходитъ всѣ прежнія выраженіемъ физическаго страданія и воли, преодолѣвающей страданія.

Въ Неаполѣ (въ музеѣ Студій) можно видѣть маленькаго *Пляшущаго Фавна*, двухъ *Венеръ*, *Аполлона съ лебедемъ*, *Геркулеса Фарнезскаго* и, наконецъ, громадную группу, называемую *Фарнезскимъ быкомъ* и представляющую Антіопу, привязанную къ рогамъ дикаго быка.

Кромѣ того, замѣчательные образцы греческаго искусства находятся въ Петербургѣ и въ Лондонѣ (помимо парѳенонскихъ мраморовъ, составляющихъ лучшее украшеніе Британскаго музея).

Уже изъ той цѣны, какою древніе оплачивали лучшія произведенія греческой скульптуры, можно опредѣлить, какое значеніе они придавали имъ. Хотя статуи были весьма многочисленны, такъ какъ Неронъ перевезъ до пятисотъ бронзовыхъ фигуръ изъ одного Дельфійскаго храма, тѣмъ не менѣе, даже за произведеніе посредственнаго художника платилось по двѣнадцати тысячъ франковъ на наши деньги. За одну изъ статуй Поликлета было заплачено сто талантовъ (540.000 франковъ). Царь Атталъ не могъ склонить жителей Книда погасить всѣ ихъ долги взамѣнъ статуи *Венеры* Праксителя.

Многіе архитекторы были скульпторами, многіе скульпторы—живописцами. Греки старались усилить красками блескъ своихъ храмовъ и статуй. Долгое время живопись считалась лишь второстепеннымъ художествомъ. Она заняла одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ искусствѣ при *Полигнотѣ* Ѳазосскомъ [1]), который открылъ главнѣйшія краски и, въ особенности, умѣлъ придавать своимъ фигурамъ красоту и жизнь. Онъ перенесъ, если можно такъ выразиться, на стѣны храмовъ и другихъ зданій искусствомъ своей кисти благородныя линіи ваятелей. Вдохновляясь, подобно скульпторамъ, поэзіей, онъ стремился къ идеалу. Аристотель говорилъ впослѣдствіи своимъ ученикамъ: „Проходите мимо картинъ живописцевъ, представляющихъ людей такими, каковы они въ дѣйствительности: останавливайтесь передъ Полигнотомъ, который дѣлаетъ ихъ лучшими, чѣмъ они есть“. Онъ украсилъ множество храмовъ и вдохновлялся патріотизмомъ столько же, сколько и религіей.

---

[1]) Полигнотъ жилъ около 456 г. до Р. Х. Онъ пользовался четырьмя красками: красной, желтой, синей и черной. Онъ изобразилъ въ Дельфахъ, съ одной стороны *Взятіе Трои*, а съ другой—посѣщеніе *Улиссомъ ада*; въ храмѣ Діоскура — *Свадьбу Кастора и Полукса;* храмъ Тезея онъ украсилъ изображеніями *Кентавровъ* и *Лапитовъ;* въ Пропилеяхъ онъ написалъ *Діомеда*, приносящаго изъ Лемноса стрѣлы Филоктета, *Ореста, убивающаго Эгиста*, *Жертвоприношеніе Поликсены* и т. д.; въ храмѣ Минервы въ Платеѣ—*Убіеніе искателей руки Пенелопы* и т. п.

Великолѣпный портикъ *Пекила* въ Аѳинахъ [1]) былъ украшенъ имъ картинами *Взятіе Трои* и *Мараѳонская битва*, изображеніями двухъ побѣдъ Греціи надъ Азіей. Полигнотъ являлся, такимъ образомъ, національнымъ живописцемъ. Онъ былъ какъ нельзя болѣе безкорыстенъ и никогда не бралъ высокой платы, какою хотѣли его вознаградить. Его удовлетворяла честь украшать храмы своей родины. Къ его имени слѣдуетъ присоединить еще имя *Паненоса*, брата Фидія, помогавшаго Полигноту въ обширныхъ работахъ въ Пекилѣ.

Зевксисъ [2]) и *Парразій* также считаются первоклассными художниками. „Первый изображалъ миѳологическіе сюжеты или героическихъ лицъ, главнымъ образомъ, женщинъ, какъ, напр., *Пенелопу*, по словамъ Плинія, дышавшую цѣломудріемъ, и *Елену*, столь прекрасную, что художникъ повторялъ въ похвалу ей стихи Гомера. Парразій возвратился къ эпической поэзіи, отъ которой отдалился Зевксисъ. Онъ изобразилъ притворное безуміе *Улисса*, борьбу этого героя съ *Аяксомъ* за обладаніе оружіемъ Ахиллеса; *Филоктета* въ Лемносѣ, и т. д. Но оба они одинаково достигали совершенства въ изображеніи сценъ домашней жизни. Существуетъ анекдотъ, который, быть можетъ, ничто иное какъ вымыселъ, доказывающій зрѣлость таланта этихъ двухъ живописцевъ и матеріальный прогрессъ ихъ искусства. Я напоминаю о винограднѣ Зевксиса, обманувшемъ птицъ, и о занавѣси Парразія, обманувшей Зевксиса [3]).

Впрочемъ, всѣ эти картины погибли, и греческая живопись интересуетъ только ученыхъ. Мы не будемъ останавливаться на Сикіонской школѣ (Тимантъ, Эвпомпъ, Памфилъ, Мелантій, Павзій). Этотъ послѣдній сталъ украшать живописью внутренность жилищъ. Повидимому, онъ достигалъ поразительнаго искусства. Павзаній видѣлъ въ Эпидаврѣ, близъ храма Эскулапа, *Опьяненіе* Павзія: это было изображеніе женщины, пившей изъ стеклянной вазы, и всѣ черты лица ея были отчетливо видны сквозь прозрачный сосудъ. Въ IV вѣкѣ процвѣтала ѳиванская школа; *Аристидеса*, принадлежавшаго къ ней, можно назвать сантиментальнымъ живописцемъ. *Никій*, другъ Праксителя, статуи котораго онъ слегка раскрашивалъ, былъ одновременно историческимъ и жанровымъ живописцемъ. Онъ въ совершенствѣ изображалъ животныхъ, въ особенности собакъ.

Греческая живопись процвѣтала всего болѣе въ вѣкъ Александра

---

[1]) Отъ этихъ картинъ портикъ пріобрѣлъ свое названіе *Пекилъ*: разноцвѣтный.

[2]) *Зевксисъ* (480—400 г. до Р. Х.). *Парразій*, около 420 г.

[3]) E. Gebhart, *Essai sur la peinture de genre dans l'antiquité*. Можно сказать, что трудъ этотъ вполнѣ исчерпываетъ свою задачу.

въ лицѣ *Протогена* и *Апеллеса* [1]). Протогенъ тщательно отдѣлывалъ мельчайшія подробности. Апеллесъ былъ историческимъ живописцемъ, и имя его неразрывно связано съ Александромъ, котораго онъ прославлялъ. Александра Апеллесъ изображалъ ребенкомъ, юношей, взрослымъ человѣкомъ и даже богомъ, во всѣхъ возрастахъ и превращеніяхъ, вызывавшихся побѣдами. Апеллесъ рисовалъ сподвижниковъ Александра и всю жизнь провелъ при дворѣ, несмотря на рѣзкость нѣкоторыхъ отвѣтовъ своему повелителю [2]). Апеллесъ составилъ различныя сочиненія о своемъ искусствѣ, утратившіяся такъ же, какъ и его картины. Онъ умѣлъ устанавливать и примѣнять извѣстныя правила. Онъ не только не избѣгалъ критики, а, напротивъ, вызывалъ ее; всѣмъ извѣстенъ анекдотъ про башмачника, который, разобравъ изображенную имъ сандалію и оставшись доволенъ успѣхомъ своихъ замѣчаній, захотѣлъ высказать сужденіе и о ногѣ одной изъ фигуръ. Апеллесъ ему отвѣтилъ: „Башмачникъ, не заходи дальше подошвы, *ne sutor supra crepidam*“. Эти слова, перешедшія въ пословицу, устанавливаютъ для каждаго границу его пониманія.

Золотой браслетъ.

---

[1]) Апеллесъ, съ острова Коса, жилъ при дворѣ Александра, затѣмъ Птоломея Сотера. Будучи неутомимымъ труженикомъ, онъ не проводилъ ни одного дня не прикоснувшись къ своей кисти. Отсюда произошла мудрая поговорка: „Ни одного дня безъ штриха“, указывающая цѣну времени. Главныя картины Апелеса: *Торжествующій Александръ*, *Александръ, вѣнчаемый Побѣдой*. Перенесенныя въ Римъ и поставленныя на форумѣ Августа, оба эти превосходныя произведенія подверглись самому недостойному обращенію: императоръ Клавдій велѣлъ стереть голову Александра и вмѣсто нея нарисовать голову Августа. Упоминаютъ еще объ *Александрѣ, держащемъ громовую стрѣлу*, *Антигонѣ верхомъ на лошади*, *Клитѣ на конѣ*, прекрасной *Панкастэ*, невольницѣ Александра, уступленной царемъ художнику. Этому живописцу также удавались картины аллегорическаго содержанія: *Клевета*, *Фортуна*. Его лучшимъ произведеніемъ была *Венера, выходящая изъ морскихъ волнъ*. Августъ купилъ ее у жителей о. Коса за 500 талантовъ (224.000 руб. на наши деньги); въ виду вздорожанія денегъ, эта цѣна соотвѣтствуетъ теперь 2 милліонамъ руб.

[2]) См. объ этомъ художникѣ сочиненіе Beulé, *Apelles*, а также любопытныя подробности въ посвященной ему интересной книгѣ Анри Гуссэ.

Греки умѣли также рѣзать на камнѣ. *Пирготелъ* воспроизводилъ на дорогихъ камняхъ черты Александра и раздѣлялъ, вмѣстѣ съ Лизиппомъ и Апеллесомъ, благоволеніе царя. Достаточно бѣглаго обзора залъ Луврскаго музея, чтобы имѣть понятіе о богатствѣ коллекцій

Греческая ваза изъ Апуліи.

изъ античныхъ бронзъ и драгоцѣнностей. Кабинетъ медалей въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ вмѣщаетъ въ себѣ одно изъ богатѣйшихъ собраній медалей, камей и множества другихъ драгоцѣнныхъ предметовъ, между которыми заслуживаетъ удивленія знаменитый *Кубокъ Птоломеевъ* и прелестная женская головка, приписываемая Фидію.

Искусство *керамики* [1]) съ особенной выгодой воспользовалось художественнымъ вкусомъ грековъ. Начавшись очень рано, такъ какъ уже Гомеръ говоритъ о ней съ похвалой, выдѣлка посуды производилась сперва простымъ способомъ изъ пористой и непрозрачной массы. *Посуда* изъ *тонкой неполированной* массы служила для домашняго употребленія, а *амфоры* (вазы съ двумя ручками), часто огромной ёмкости, употреблялись для храненія вина и масла. *Посуда* изъ *тонкой глянцевитой* массы выдѣлывалась тщательно и покрывалась красками и рисункомъ. Въ Италіи было найдено множество греческихъ вазъ, которыя даже смѣшивались съ этрусскими вазами. Наиболѣе многочисленный отдѣлъ ихъ съ *краснымъ рисункомъ* производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Впрочемъ, керамика слѣдовала за успѣхами живописи, и, подобно этой послѣдней, переходила отъ предметовъ миѳологическаго содержанія къ сценамъ изъ обыденной жизни, отъ боговъ и героевъ—къ *эфебамъ*. Въ другихъ вазахъ украшеніямъ придавался еще болѣе красивый видъ скульптурными рельефами. Прекраснѣйшая изъ этихъ вазъ, найденная въ Кумахъ, теперь украшаетъ музей Петербургскаго Эрмитажа. Въ Великой Греціи и Апуліи были находимы вазы съ украшеніями религіознаго характера. Одинъ изъ лучшихъ образцовъ этихъ вазъ хранится въ Луврскомъ музеѣ: на покатомъ горлышкѣ вазы помѣщается стоячая фигурка божества, облеченная въ складчатую одежду; съ обѣихъ сторонъ виднѣются крылатые Тритоны, лошадиныя ноги которыхъ какъ будто плывутъ въ воздухѣ. Другія божества возвышаются на ручкѣ и на боковыхъ стѣнкахъ вазы, составляя искусно уравновѣшенную группу [2]).

Греки, какъ мы уже упоминали, говоря о ихъ литературѣ, умѣли пѣть, когда еще едва выучились говорить. Тѣсно связанная съ религіей, поэзіей и празднествами, музыка служила также для войны и для танцевъ. Всѣ философы древности признавали нужнымъ ввести музыку въ общій планъ воспитанія, не только какъ забаву, но и какъ предметъ изученія, „болѣе всего располагающій къ добродѣтели“, по выраженію Аристотеля [3]).

Въ Лакедемонѣ всѣ дѣти обучались музыкѣ *дорійскаго характера*, торжественнаго и строгаго; всѣ упражненія ихъ производились подъ звуки флейты, и воины шли въ битву подъ звуки того же инструмента. *Дорійскій* характеръ, какъ мы уже сказали, былъ самымъ торже-

---

[1]) Въ Аѳинахъ цѣлый кварталъ былъ занятъ мастерами различнаго рода вазъ и назывался *Керамъ*. Названіе это произошло, согласно легендѣ, отъ Керама, сына Вакха и Аріаны, покровителя горшечниковъ.

[2]) См. о гончарномъ искусствѣ *Histoire de la Céramique* de Jacquemart.

[3]) Аристотель, *Политика*, кн. III.

ственнымъ; наиболѣе рѣзкою была музыка *лидійскаго* характера; *фригійская* была среднею между ними. Употреблялась еще музыка *эолійская* полутономъ выше.

Пока игра на инструментахъ сопровождалась пѣніемъ, послѣдніе были несложнаго устройства. *Киѳара* въ первыя времена имѣла четыре струны. Терпандръ увеличилъ это число еще тремя, и получилась *лира*. Вскорѣ Тимоѳей довелъ число струнъ до девяти, и хотя спартанскіе эфоры велѣли ему обрѣзать двѣ новыя струны, онъ, тѣмъ не менѣе, пользовался инструментомъ, имѣвшимъ до двѣнадцати струнъ. Подъ конецъ, музыканты довели число струнъ на своихъ инструментахъ, называвшихся *самбуками*, до сорока.

Киѳаредъ-побѣдитель.

Эти перемѣны соотвѣтствовали важному измѣненію въ значеніи музыки. Будучи полезной для смягченія людей грубыхъ и свирѣпыхъ, для поколѣній просвѣщенныхъ она являлась лишь средствомъ развлеченія. Музыка старалась производить только пріятное впечатлѣніе: она стала легкой и блестящей. Эта перемѣна въ характерѣ музыки произошла около того времени, когда жилъ Платонъ. Эврипидъ, видя, какъ былъ освистанъ Тимоѳей, пробовавшій ввести новую музыку въ Аѳинскомъ театрѣ, предсказалъ ему, что онъ не замедлитъ сдѣлаться утѣхой сцены. Въ то время, какъ и теперь, происходила борьба между сторонниками старой и новой музыки, которую обвиняли въ безнравственности и порчѣ нравовъ. Платонъ съ силой возставалъ противъ нея, говоря,

что принимать подобныя нововведенія значило потрясать основы государства.

Критика не могла остановить пристрастія публики. Музыка опошлилась, какъ живопись и скульптура, спустившіяся до грубыхъ изображеній, какъ и архитектура, создававшая лишь изящные дворцы. Съ искусствами сталось то же, что съ литературой.

Философія запуталась въ мелочныхъ и праздныхъ спорахъ. Краснорѣчіе изсякло вмѣстѣ съ Демосоеномъ, и исторія замолкла одновременно съ гибелью свободы. Комедія влачила свое существованіе въ видѣ пошлыхъ сценъ, лишенныхъ нравственнаго значенія. Лирическая поэзія утратила свой энтузіазмъ, а поэты эпическіе упражнялись лишь въ скучныхъ подражаніяхъ Гомеру. Тѣмъ не менѣе, греческій геній былъ такъ плодовитъ, что не могъ истощиться до конца, и впослѣдствіи мы не разъ будемъ имѣть случай отмѣтить возрожденіе этой богато одаренной націи, духъ которой блисталъ и среди римскаго міра.

Во всякомъ случаѣ, мы не можемъ не восторгаться народомъ, который умѣлъ рисовать и пѣть, изображать героевъ и боговъ въ изваяніяхъ и оживлять ихъ въ поэзіи и драмѣ. Этотъ народъ строилъ храмы, исполненные благороднаго величія и отличавшіеся несравненною чистотою линій; онъ заставлялъ звучать на своей лирѣ и въ своей литературѣ всѣ струны человѣческой страсти. Въ одно и то же время онъ умѣлъ быть веселымъ и торжественнымъ, суровымъ и утонченнымъ, восторженнымъ и спокойнымъ; онъ первый научился разсуждать, спорить и разсказывать, такъ же, какъ раньше всѣхъ выучился плакать и смѣяться. Мы не можемъ, однимъ словомъ, не удивляться народу, который, очарованный красотою, сумѣлъ передать и воспроизвести ее во всѣхъ формахъ, радующихъ глазъ и удовлетворяющихъ душу. Именно Греція открыла человѣку могущество вымысла, свойственное его духу. Она возбудила воображеніе и чувствительность и образовала вкусъ. Она начертала для послѣдующихъ поколѣній правила прекраснаго, закрѣпивъ ихъ въ безсмертныхъ, образцовыхъ произведеніяхъ. Отъ Греціи человѣчество унаслѣдовало дорогое, неоцѣненное сокровище идей. Если она и не разрѣшила, то подняла множество вопросовъ, всему положила начало и почти все усовершенствовала. Ея неувядаемою славой служитъ движеніе, данное ею человѣческому уму, продолжающееся и до сихъ поръ. Литература и искусства всѣхъ образованныхъ народовъ исходятъ отъ литературы и искусства грековъ, вѣчныхъ и неистощимыхъ источниковъ, откуда черпаетъ весь міръ.

ГЛАВА X.

Распространеніе греческой образованности.

Причины политическаго упадка Греціи; Пелопонезская война.—Упадокъ демократіи; испорченность общества; паразиты.—Дурное экономическое устройство.—Соперничество Спарты и Ѳивъ; истощеніе военной силы; наемники; упадокъ патріотизма.—Военное могущество Македоніи; фаланга.—Характеръ македонскаго владычества.—Александръ; его походъ въ Азію; царь-путешественникъ и колонизаторъ.—Результаты дѣятельности Александра.—Греческое царство въ Египтѣ; Птоломеи; блескъ Александріи.—Науки и литература въ Александріи.—Греко-сирійская монархія; царство Селевкидовъ.—Царство Пергамское.—Паденіе греко-македонскаго царства.—Римское завоеваніе (197—146).—Распространеніе греческаго духа на Востокѣ; историкъ Полибій.—Греческіе писатели второго вѣка по Р. Х. Плутархъ, Лукіанъ и проч.—Универсальность греческаго духа.—Что дала Греція міру.

До самаго вѣка Перикла распространеніе эллинской націи заставляло забывать объ ея раздѣленіи, и патріотизмъ былъ еще достаточно силенъ, чтобы сглаживать его. Но уже при жизни Перикла въ Греціи начинаются внутреннія смуты.

Аѳинскіе іонійцы, господствуя надъ союзомъ четырехъ-сотъ городовъ, возбуждаютъ зависть дорійцевъ Пелопонеза, объединяющихся вокругъ Спарты. Оба эти города не являются уже только представителями двухъ вѣтвей одной семьи: они олицетворяютъ теперь двѣ противоположныя правительственныя системы: Спарта—олигархію, Аѳины—демократію. И тотъ, и другой стараются распространять кругомъ себя усвоенную ими форму правленія, и *Пелопонезская война* (431—404) оказывается одновременно войною народовъ и принциповъ. Вслѣдствіе того, въ каждомъ городѣ партіи демократическая и аристократическая борются между собою, испытывая отраженіе великой борьбы, опустошающей земли и волнующей моря.

Это была ожесточенная междоусобная война. Греки оказывались болѣе безпощадными къ своимъ соотечественникамъ, чѣмъ къ персамъ. Они взаимно ослабляли другъ друга, къ удовольствію великаго царя, старавшагося удерживать равновѣсіе между обоими городами, соперничество которыхъ обезпечивало ему спокойствіе.

Послѣ доблестной борьбы въ теченіе тридцати лѣтъ, Аѳины пали подъ тяжестью собственныхъ ошибокъ. Это государство нанесло само роковой ударъ своему морскому могуществу рискованной *экспедиціей въ Сицилію*, которая закончилась полнымъ пораженіемъ. Своей тиранніей оно утомило союзниковъ, которые покинули его, какъ только его владычество изъ благодѣтельнаго сдѣлалось тягостнымъ. Спартанцы, кромѣ того, выучились мореплаванію, и ихъ морскія силы, уве-

ченныя силами Коринѳа и Мегары, восторжествовали надъ флотомъ аѳинянъ. Лизандръ побѣдилъ Конона и разрушилъ подъ звуки музыки длинныя стѣны, соединявшія Пирей съ Аѳинами. Дорійцы отнеслись оскорбительно къ побѣжденнымъ іонійцамъ и замѣнили аѳинскія демократическія учрежденія олигархіей *тридцати тирановъ*, выказавъ этимъ злоупотребленіемъ побѣдой скрытыя причины войны.

Торжество Спарты было не только торжествомъ этого города, но и торжествомъ формы правленія, которая была введена почти во всѣхъ городахъ. Къ тому же, демократическое правленіе подорвало къ себѣ довѣріе своей перемѣнчивостью, продажностью и испорченностью. Общественныя должности въ большинствѣ городовъ привлекали къ себѣ, какъ быстрый источникъ наживы. Законные доходы служебныхъ лицъ въ Аѳинахъ достигали пятидесяти талантовъ (303.750 руб.); подарки же, получавшіеся ими, часто превосходили эту сумму. Аѳинскіе граждане, получавшіе плату за присутствіе въ собраніяхъ, не искали другихъ занятій. Власть перешла въ руки демагоговъ, льстившихъ народу, и *Клеонъ*, котораго Аристофанъ преслѣдовалъ своими насмѣшками, не былъ хуже другихъ.

Испорченности нравовъ не могла исправить ни жестокая иронія Аристофана, ни мудрыя правила Сократа. Платонъ и Ксенофонтъ вынуждены были жить вдали отъ Аѳинъ, а послѣдній даже позабылъ свое отечество. Хоръ *Акарнянъ* (пьеса Аристофана) такъ характеризуетъ худшую часть аѳинскаго общества: „шпіоны, доносчики, негодяи, голодающіе артисты, каковы гуляка Кратинъ, обличаемый своими вылѣзшими волосами, Артемонъ музыкантъ съ отвратительнымъ козлинымъ запахомъ, Лизистратъ, весь покрытый пороками, какъ яркимъ пурпуромъ“. Брачныя узы ослабѣли, и политическій упадокъ совпадаетъ съ господствомъ куртизанокъ. Игра въ кости и другія азартныя игры увлекали всѣхъ, и игроки собирались всего больше въ Фалерѣ, подъ портикомъ храма Минервы. *Паразиты*, гости, приглашавшіеся сперва на пиры въ честь боговъ, составили настоящія товарищества и обрушивались, какъ бичъ, на столы богатыхъ.

Діодоръ Синопскій въ комедіи „*Наслѣдникъ всего имущества*“ (Эпиклеръ) заставляетъ говорить одного изъ паразитовъ, приблизительно, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Юпитеръ Филосъ (другъ), признанный высшимъ божествомъ, былъ первымъ паразитомъ: онъ входилъ къ бѣднымъ и богатымъ, пилъ, ѣлъ и уходилъ, никогда ничего не платя“. Драматургъ-комикъ Алексисъ выводитъ на сцену образцоваго паразита: „Я ѣмъ у всѣхъ, у кого только случится, лишь бы имъ это нравилось; но на свадебныхъ пирахъ я пользуюсь мѣстомъ по праву, хотя бы

меня о томъ и не просили: тогда-то я бываю веселъ и заставляю всѣхъ смѣяться. Я льщу въ глаза тѣмъ, кто меня кормитъ; если кто-нибудь противорѣчитъ мнѣ, я обрушиваюсь на него съ бранью; пресытившись мясомъ и виномъ, я ухожу. У меня нѣтъ раба, чтобы освѣщать мнѣ дорогу; я пробираюсь въ темнотѣ и весь дрожу, когда иду. Если на бѣду я встрѣчу гражданъ, идущихъ съ дозоромъ, я благодарю боговъ, если не получу нѣсколькихъ ударовъ кнутомъ, сплетеннымъ изъ свиной щетины, разрывающимъ кожу. Когда же я достигаю моего печальнаго жилища безъ непріятныхъ приключеній, я засыпаю болѣе счастливымъ, чѣмъ сатрапъ".

Паразиты были самыхъ различныхъ состояній: поэты, врачи, философы, военные, актеры; нѣкоторые принимались вездѣ съ почетомъ; другіе, по большей части, презираемые, бродили повсюду въ поискахъ обѣда, въ оплату его перенося презрительное обращеніе, какое выказывали имъ. Необходимо было, во всякомъ случаѣ, льстить и забавлять; иначе такой посѣтитель постыдно выпроваживался, какъ это случилось, по словамъ Эвбула (комедія *Льстецы*), съ врачемъ Ацесторомъ: „Какъ,— сказалъ ему хозяинъ дома,—ты не разсказываешь ничего интереснаго, что̀ насъ забавляло бы или смѣшило? Прогоните его! Этотъ человѣкъ годенъ только для ужиновъ въ кабакѣ" [1]).

Пороки греческаго общества стали почти неизлечимы, вслѣдствіе экономическаго строя, общаго всему древнему міру. Аѳины, во время своего величія, насчитывали не болѣе пятнадцати тысячъ гражданъ, которымъ служили рабы въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ. При всей мягкости обращенія съ рабами, они, тѣмъ не менѣе, заставляли ихъ исполнять тяжелыя работы, напр., добывать серебряную руду въ Лавріумѣ, или—мраморъ въ Пентеликѣ. Почти всѣ ремесла были въ рукахъ рабовъ, а для себя аѳиняне оставляли торговлю, искусства и политику. Праздность казалась многимъ, вопреки законамъ Солона, достоинствомъ, и аѳинянинъ, живя на *оболы*, которые получалъ за засѣданія въ собраніяхъ, не имѣлъ возможности, помимо общественной службы, выйти изъ бѣдности. Такъ образовались двѣ враждебныя партіи: одна, пользовавшаяся большими богатствами, и другая, завидовавшая первой. Этимъ объясняются частыя возмущенія греческихъ городовъ,—изгнанія богатыхъ, конфискаціи имущества. Возмущенія отъ времени до времени сглаживали неравенства состояній, не уменьшая, впрочемъ, бѣдности, требовавшей новыхъ уступокъ. Боролись за обладаніе богатствомъ, а не свободой, и всѣ средства казались позволительны-

---

[1]) Pouqueville, *La Grèce.*

ми, чтобы насильно заставить повернуться колесо фортуны въ другую сторону.

Почти всеобщее разложеніе овладѣло Спартой, забывшей законы Ликурга; богатства ея сосредоточились также въ немногихъ рукахъ. Кромѣ того, число настоящихъ спартанцевъ значительно убавилось, вслѣдствіе войнъ, а новое столкновеніе съ Ѳивами уменьшило его еще болѣе (380—362).

Городъ, долгое время малоизвѣстный и завистливый, вслѣдствіе своей незначительности, Ѳивы, во время Пелопонезской войны, взяли сторону противниковъ Аѳинъ. Онѣ были вознаграждены за это подчиненіемъ, какое на нихъ наложили спартанцы, предательски завладѣвъ ихъ крѣпостью *Кадмеей*. Освобожденные двумя гражданами, которыхъ слѣдуетъ причислить къ числу знаменитѣйшихъ мужей Греціи, *Пелопидомъ* и *Эпаминондомъ*, Ѳивы стали считать себя первокласснымъ городомъ. Благодаря дипломатическому искусству Пелопида и военнымъ дарованіямъ Эпаминонда, онѣ поддерживали доблестную борьбу со Спартой, которую и побѣдили при *Левктрахъ* (371 г.); онѣ пріобрѣли господство надъ Ѳессаліей и обезпечили за собою союзъ персидскаго царя. Но величіе Ѳивъ опиралось на двухъ только людяхъ и исчезло вмѣстѣ съ ними. Ѳивы не въ силахъ были властвовать надъ Греціей, когда Спарта и Аѳины пали другъ за другомъ.

Эта новая борьба еще болѣе истощила военную силу Спарты и подготовила гибель греческой свободы. Давно уже многіе греческіе города сражались не иначе, какъ при участіи наемниковъ. Съ помощью наемниковъ, оставшихся безъ дѣла послѣ Пелопонезской войны, Киръ Младшій совершилъ свой походъ, окончившійся его смертью и знаменитымъ отступленіемъ *десяти тысячъ* грековъ. Аѳинскіе полководцы Хабрій и Ификратъ были лишь вождями наемниковъ, которыхъ они могли обучить военному дѣлу съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ своихъ согражданъ; они ввели тактику и стратегію, и военное искусство начинало возникать въ моментъ упадка патріотизма. Въ самой Спартѣ, въ ея флотѣ, въ 374 г., было полторы тысячи наемниковъ; въ ея конницѣ ихъ всегда было не мало. Когда Демосоенъ старался поднять аѳинянъ противъ Филиппа, онъ не переставалъ умолять ихъ выступить самимъ на своихъ корабляхъ. Ему нужны были не наемники, а граждане; точно также онъ требовалъ, чтобы были настоящіе полководцы, а не *стратеги*, которые могли распоряжаться только священными процессіями.

Итакъ, патріотизмъ первыхъ вѣковъ исчезаетъ, ослабленный испорченностью нравовъ, обезсиленный возмущеніями и внутренними несо-

гласіями. Аѳиняне восхищаются своимъ великимъ ораторомъ, и пробуждаются еще разъ въ достаточной мѣрѣ, чтобы слѣдовать его совѣтамъ при *Херонеѣ*. Но Аѳины падутъ, а вмѣстѣ съ ними и независимость Греціи, которая подчинится власти Македоніи.

Македонія была плодородной, лѣсистой страной, достаточно обширной, чтобы прокармливать многочисленное населеніе. Три долины, сходящіяся къ Эгейскому морю, образовали полукругъ, позади котораго находились высокія горы. Орошаемая тремя большими водными потоками: *Галіакмономъ* (Нидье-Карасу), *Аксіосомъ* (Вардаръ) и *Стримономъ* (Струма), эта страна, господствовавшая съ сѣвера, надъ Греціей физически, казалась предназначенной господствовать надъ нею и въ политическомъ отношеніи.

Впрочемъ, македоняне причисляли себя къ эллинскому племени, и ихъ цари считались потомками одного изъ Гераклидовъ. Давніе друзья грековъ, эти цари, въ особенности *Архелай* (429 — 405), привлекали къ себѣ греческихъ писателей и художниковъ, между прочимъ, Эврипида. Однако, народъ долго оставался въ полуварварскомъ состояніи, слишкомъ занятый обороной отъ нападеній со стороны Эпира, Иллиріи и Ѳракіи. Продолжительныя распри въ царской семьѣ поддерживали анархію и задержали успѣшное развитіе Македоніи, которое становится необычайнымъ при Филиппѣ (360—336).

Съ дѣтства увезенный въ Ѳивы, въ качествѣ заложника Пелопида, Филиппъ получилъ греческое воспитаніе. Онъ могъ близко изучить недостатки народа въ періодѣ упадка, столкновенія честолюбцевъ, продажность ораторовъ, общественныя несогласія. Онъ понялъ военное ослабленіе городовъ, державшихъ на жалованьи наемниковъ; если онъ и удивлялся *священному отряду* ѳиванцевъ, созданному Пелопидомъ, то ему ясно было, какъ мало помощи могла доставить горсть людей изъ трехсотъ человѣкъ, хотя бы и избранныхъ.

Возвратясь въ Македонію, сдѣлавшись сперва правителемъ, а потомъ царемъ, вмѣсто своего племянника, онъ заботился о введеніи въ Македоніи военнаго устройства, для котораго у него были всѣ данныя, какъ по численности, такъ и по качествамъ его народа, плодовитаго и сильнаго. Онъ окружилъ себя *дружинниками* (или товарищами), избранными изъ среды благородныхъ, которымъ онъ ввѣрялъ себя и которыхъ тѣмъ самымъ держалъ въ подчиненіи себѣ, и *дорифорами* (копьеносцами), на обязанности которыхъ лежала непосредственная охрана царя. Далѣе онъ создалъ *фалангу*, громадный отрядъ изъ шестнадцати тысячъ человѣкъ, построенныхъ въ шестнадцать рядовъ, и представлявшихъ, такимъ образомъ, фронтъ въ тысячу чело-

вѣкъ. Этотъ фронтъ казался щетиной изъ пикъ, такъ какъ шесть первыхъ рядовъ были вооружены длинной пикой или *сариссой* до трехъ и даже болѣе саженъ, а пики шестого ряда превышали первыя еще на полсажени. Остальные десять рядовъ не могли наступать на непріятеля, но, защищенные первыми шестью, они поддерживали и подкрѣпляли ихъ. Не заботясь о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ первыми рядами, они постоянно подталкивали ихъ впередъ и обезпечивали фалангѣ силу, способную опрокидывать самыя храбрыя войска. Подкрѣпляемая съ фланговъ легкой пѣхотой и конницей, эта масса была неотразимой при наступленіи. Этимъ было положено начало настоящему военному искусству, и усовершенствованная организація должна была обезпечить за Македоніей господство надъ Востокомъ.

Прежде всего македоняне подчинили себѣ Грецію; это завоеваніе было, такъ сказать, незамѣтнымъ и единственнымъ въ исторіи. Филиппъ, на самомъ дѣлѣ, покорилъ грековъ своей власти, называя себя грекомъ; онъ вступилъ въ страну для защиты религіи (священныя войны) и просилъ лишь чести отомстить оскорбителямъ грековъ и вести послѣднихъ противъ персовъ. Никогда еще до того времени не примѣнялось болѣе осторожной и тонкой дипломатіи, чтобы скрывать силу, которая могла бы проявить себя въ грубой формѣ. Тѣмъ не менѣе, это не обмануло Демосѳена. Этому великому оратору и патріоту принадлежитъ честь обличенія всего коварства Филиппа, указанія всѣхъ его успѣховъ, а своимъ согражданамъ—пропасти, къ которой они стремятся, закрывая на все глаза. Но подкупленные ораторы, кромѣ Эсхина, ставили на видъ аѳинянамъ добрыя намѣренія Филиппа. Доблестный гражданинъ *Фокіонъ*, испуганный неравными силами Аѳинъ и Филиппа, говорилъ въ пользу мира и „разбивалъ“ разсужденія Демосѳена. Понадобилось все краснорѣчіе послѣдняго, чтобы убѣдить, наконецъ, аѳинянъ вспомнить о своей прежней славѣ и показать на поляхъ *Херонеи* (338), что нельзя восторжествовать безъ труда надъ потомками побѣдителей при Мараѳонѣ, Саламинѣ и Платеѣ.

Тѣмъ не менѣе, Грецiя перестала быть свободной. Но Македонія взялась поддержать ее въ прежнемъ видѣ, и, дѣйствительно, успѣла въ этомъ, сохранивъ городамъ ихъ прежнія учрежденія и ограничившись передачей власти въ руки преданной ей олигархической партіи. Затѣмъ она возобновила, вмѣстѣ съ греками и ради греческихъ же идей, давнишнюю борьбу съ Азіей. На конгрессѣ въ Коринѳѣ, Филиппъ принялъ титулъ *верховнаго военачальника всѣхъ грековъ*, и хотя ему самому не удалось начать великій походъ, къ участію въ которомъ онъ хотѣлъ привлечь всѣ греческіе города, но сынъ его

Александръ довелъ этотъ походъ до конца, т.-е. до другой оконечности Азіи.

Александръ еще болѣе, чѣмъ Филиппъ, былъ грекомъ. Ученикъ Аристотеля, почитатель Пиндара, домъ котораго онъ охранилъ въ Ѳивахъ, восторженный поклонникъ Гомера, поэмы котораго всегда находились въ ящикѣ подъ его изголовьемъ, онъ предпринимаетъ походъ въ Азіювъ видѣ паломничества къ развалинамъ Трои и къ гробницѣ Ахиллеса, съ подвигами котораго мечтаетъ сравняться. Хотя онъ сражается съ персами, отражая натискъ Ксеркса, съ весьма слабыми силами, такъ какъ съ нимъ было только тридцать четыре тысячи человѣкъ, но онъ одаренъ большимъ умомъ, даже геніемъ. Здѣсь въ первый разъ наука примѣняется къ войнѣ, чѣмъ легко объясняется быстрое крушеніе громадной персидской монархіи, раздѣленной на отдѣльныя области, которыми управляли или, скорѣе, пользовались для личныхъ выгодъ самостоятельные, завидовавшіе другъ другу сатрапы. Одержавъ побѣду при *Граникѣ*, Александръ послалъ аѳинянамъ триста военныхъ доспѣховъ съ тѣмъ, чтобы помѣстить ихъ въ храмѣ Минервы со слѣдующей надписью: „Александръ, сынъ Филиппа, и греки, за исключеніемъ лакедемонянъ, посвящаютъ эту добычу, взятую у варваровъ, обитающихъ въ Азіи (май 333)“.

Александръ, однако, встрѣчалъ и грековъ среди своихъ враговъ. Персы держали множество греческихъ наемниковъ. Самымъ опаснымъ противникомъ Александра былъ родосецъ *Мемнонъ*, защищавшій Милетъ и Галикарнасъ; смерть его для македонянъ была равносильна побѣдѣ. Сама Греція ожидала лишь неудачи Александра, чтобы возстать, но царь поспѣшилъ обогнуть берега Малой Азіи и прервать сообщеніе моремъ между греками и персами. Эти попытки возмущенія ни въ чемъ не измѣнили намѣреній Александра, который гордился тѣмъ, что умѣлъ воспользоваться греческимъ образованіемъ. Во время болѣзни, угрожавшей его жизни, послѣ неосторожнаго купанья въ Киднѣ, онъ проявилъ величіе души, достойное философа, а послѣ побѣды при *Иссѣ* (333) — великодушіе по отношенію къ семейству Дарія, показавшееся необычайнымъ въ этихъ странахъ, привыкшихъ къ изгнанію царскихъ семействъ. Правда, онъ оказался безпощаднымъ относительно *Тира*, но этотъ поступокъ объясняется не только упорнымъ семимѣсячнымъ сопротивленіемъ, обнаруженнымъ этимъ городомъ, но и тѣмъ еще, что Александру хотѣлось удовлетворить на немъ старинную ненависть грековъ къ финикіянамъ.

Подготовленный греческими книгами къ восторгу предъ чудесами Египта, Александръ показался египтянамъ скорѣе освободителемъ, чѣмъ завоевателемъ. Они могли теперь не бояться безсмысленнаго преслѣ-

дованія персовъ, фанатическихъ почитателей Зороастра. Египетскіе храмы открылись вновь для продолжительныхъ процессій. Кромѣ того, неподалеку отъ устьевъ Нила, близъ озера Мареотиса, Александръ основалъ городъ, сохранившій и передавшій потомству его имя—*Александрію*, одно изъ лучшихъ созданій этого царя-колонизатора.

Походъ Александра скорѣе были путешествіемъ, чѣмъ завоеваніемъ. Онъ останавливался въ каждомъ городѣ, изучалъ его нравы, освѣдомлялся объ его вѣрованіяхъ и законахъ, часто уничтожая послѣдніе лишь для того, чтобы замѣнить ихъ болѣе справедливыми Когда какое-нибудь мѣсто, по своему положенію, казалось ему пригоднымъ для основанія города его имени, онъ отдавалъ приказаніе, которое тотчасъ же исполнялось. Александръ подвигался впередъ, не спѣша, употребляя свободное время для охоты, зрѣлищъ, бѣговъ и единоборства, ловли дикихъ лошадей и долгихъ разсужденій о вопросахъ политическихъ, нравственныхъ и законодательныхъ. Кромѣ свиты лицъ военнаго званія, его окружали поэты, философы и художники: *Каллисѳенъ*, философъ, на обязанности котораго лежало писать исторію царя; врачи *Филиппъ* и *Критобулъ*, поэтъ *Херилъ*, скульпторъ *Лизиппъ*, рѣзчикъ *Пирготелъ* и живописецъ *Апеллесъ*.

Это широкое покровительство, оказываемое литературѣ и искусствамъ, и нѣкоторое возрожденіе, замѣчаемое въ эту эпоху, оправдываютъ названіе, быть можетъ, слишкомъ притязательное, которымъ пользуются повѣйшіе историки, говоря о *вѣкѣ Александра*.

Пожаръ *Персеполя*, послѣ побѣды подъ Арбеллами, уже не приписывается Александру, характеръ котораго противорѣчитъ этому безсмысленному варварству. Александръ смотрѣлъ съ такимъ же уваженіемъ и удивленіемъ на ассирійскіе и персидскіе памятники, какъ и на египетскіе. Подвигаясь къ восточной Азіи, при видѣ дикихъ странъ, какими онъ проходилъ, онъ еще болѣе уяснилъ себѣ важное значеніе своей задачи. Онъ употребилъ четыре года на разрушеніе персидской монархіи; шесть лѣтъ понадобилось ему, чтобы пройти плоскогорье Ирана, Бактріану и страны, называемыя теперь Туркестаномъ и Афганистаномъ, и затѣмъ долину Инда [1]).

[1]) Несмотря на то, что протекло столько вѣковъ, великое имя Александра еще живетъ въ этихъ отдаленныхъ странахъ. Греческій путешественникъ Потагосъ въ 1867 г. предпринялъ продолжительное изслѣдованіе Верхней Азіи. Въ Гератѣ онъ былъ гостепріимно встрѣченъ, благодаря своему греческому происхожденію, и могъ сказать сердару: „Кто знаетъ,—не происходите ли и вы отъ тѣхъ грековъ, которые царствовали нѣсколько вѣковъ тому назадъ въ этихъ странахъ, или отъ тѣхъ, которые жили въ другихъ странахъ Азіи?“ Въ другомъ случаѣ мѣстные жители, чтобы обозначить разстояніе, воспользовались греческимъ словомъ *стадія*, терминомъ, утра-

Въ этихъ странахъ, гдѣ господствовали персы, нисколько ихъ не цивилизуя, Александръ оставилъ, какъ знаки своихъ остановокъ, Александріи, изъ которыхъ образовались города *Мешхедъ*, *Гератъ* (Александрія Арійская), *Кандагаръ* (Александрія Арахозійская), *Кабулъ* (Кабура), и далѣе, *Самаркандъ* (Мараканда). Возможно, что онъ сдѣлалъ бы чудеса въ Индіи, если бы его войско не отказалось идти за нимъ. Въ то время, какъ онъ съ трудомъ возвращался черезъ Гедрозію (Белуджистанъ), онъ поручилъ изслѣдовать берега Эритрейскаго моря эскадрѣ, находившейся подъ начальствомъ *Неарха*; и здѣсь научныя задачи не покидали ученика Аристотеля.

Этого удивительнаго изслѣдованія Азіи Александромъ было достаточно, чтобы опьянить этого человѣка, который кончилъ тѣмъ, что сталъ считать себя богомъ или, по крайней мѣрѣ, требовалъ поклоненія себѣ, какъ божеству. И въ этомъ сказалось его греческое воспитаніе. Сравнивая себя съ обоготворенными героями, онъ находилъ, что вполнѣ заслуживалъ божескихъ почестей, и что его возможно поставить на ряду съ Геркулесомъ. Однако, время простодушныхъ вѣрованій уже прошло: разсужденія философовъ уничтожили обаяніе древней миѳологіи, и греки, составлявшіе его обычную свиту, такъ же, какъ и гордые македоняне, отказались признать въ немъ сына Юпитера. Его другъ Калисѳенъ осмѣлился даже высказать это ему прямо, и за эту смѣлость былъ обвиненъ въ заговорѣ и казненъ. Нельзя не пожалѣть также объ убійствѣ Клита, другомъ пятнѣ въ жизни Александра, который, имѣя притязаніе быть богомъ, не всегда умѣлъ быть достойнымъ человѣка и унизилъ себя безконечными оргіями, преждевременно пресѣкшими его жизнь въ такомъ возрастѣ, когда для него были возможны еще самые обширные планы.

Македонскій завоеватель прошелъ по Азіи и разбудилъ ее. Онъ хотѣлъ ее возродить матеріально и нравственно. Расточая сокровища, собранныя персидскими царями, онъ разсыпалъ повсюду громадныя количества серебра и золота, долго лежавшія непроизводительно. Онъ ближе ознакомилъ европейцевъ съ Азіей. Онъ приказалъ выкопать гавань въ Вавилонѣ и освободилъ Тигръ отъ загражденій, препятствовавшихъ судоходству; онъ лично распоряжался проведеніемъ воды изъ озера Паллакапаса, куда изливался избытокъ водъ Евфрата. Онъ украшалъ города; онъ отправилъ экспедицію на берега Аравіи, чтобы дополнить драгоцѣнныя свѣдѣнія, добытыя Неархомъ.

ченнымъ въ самой Греціи, и разстроганный ученый воскликнулъ: „Вы—мои братья!“ (*Dix années de voyage dans l'Asie centrale et l'Afrique équatoriale, par le docteur Potagos, trad. de MM. Ad. Meyer, J. Blancard et Labadie*).

Основанную имъ громадную монархію онъ думалъ объединить, *эллинизируя* ее. Онъ подалъ примѣръ союза между народами Азіи и Европы. Женившись самъ на старшей дочери Дарія, онъ принудилъ своихъ полководцевъ и десять тысячъ македонянъ взять себѣ въ жены персіянокъ изъ самыхъ знатныхъ семействъ. Онъ составилъ даже для себя стражу изъ молодыхъ персовъ, что̀ возбудило ревность въ македонскомъ войскѣ. Казалось, что Александръ предпочитаетъ свой новый народъ прежнему.

„Смѣшивая вмѣстѣ, какъ въ пиршественной чашѣ,—говоритъ Плутархъ,—законы, нравы, племена и народныя симпатіи, онъ научилъ всѣхъ смотрѣть на цѣлый міръ, какъ на родину, на добрыхъ людей, какъ на родныхъ, а на злыхъ, какъ на чужеземцевъ. Разница между грекомъ и варваромъ не должна была уже болѣе состоять въ хламидѣ или платьѣ, въ щитѣ или мечѣ; доблесть и образованіе дѣлали грекомъ, порокъ и невѣжество были свойственны варвару“ [1]).

Несмотря на весьма ограниченное время своей дѣятельности, Александръ настолько подвинулъ это дѣло сліянія, что результаты его ощущались еще долгое время послѣ смерти царя. Греческій языкъ распространился и утвердился по всей Азіи, и имперія Александра распалась на царства, правители которыхъ жили греческою жизнью. Можно сказать, что Александръ своей могучей рукой разбросалъ по невѣжественной и грубой Азіи плодородныя сѣмена идей и искусствъ Греціи. Ни до того времени, ни послѣ него—дѣло цивилизаціи не совершалось на такомъ обширномъ поприщѣ, съ такой послѣдовательностью и энергіей, волею одного человѣка на пользу милліоновъ людей. Никогда еще не встрѣчалось подобнаго сѣятеля и лучшей жатвы, не переставшей приносить плоды въ теченіе вѣковъ.

Египетская земля была подготовлена всего лучше, и на берегахъ Нила жатва оказалась наиболѣе богатой. Не заглушая древней египетской цивилизаціи, греческая образованность свободно разцвѣтала при разумномъ правленіи Птоломеевъ Лагидовъ, въ особенности первыхъ трехъ.

Птоломеи замѣнили фараоновъ, отличаясь отъ нихъ настоящей заботливостью о матеріальныхъ и нравственныхъ улучшеніяхъ. Они

---

[1]) Плутархъ, *Судьба Александра*. Слѣдуетъ замѣтить, что Александра различно цѣнили выдающіеся историки. Тьеръ ставилъ его, въ военномъ искусствѣ, ниже Аннибала, Цезаря и Наполеона. Англійскій историкъ Гротъ оспариваетъ доброжелательныя намѣренія Александра относительно улучшенія человѣчества; Монтескьё удивлялся его политикѣ, Наполеонъ—его военному генію, а Александръ Гумбольдтъ (*Космосъ*, II, 2-я часть) высказался въ пользу его просвѣтительнаго вліянія.

оставили неприкосновенной древнюю египетскую религію, но сдѣлали общимъ для грековъ и египтянъ почитаніе Сераписа. У нихъ было греческое управленіе, и благосостояніе Египта развилось настолько, что въ немъ насчитывалось до тридцати трехъ тысячъ городовъ. Столицей Птоломеевъ была Александрія, такъ какъ Мемфисъ и Ѳивы лежали слишкомъ далеко внутри страны. Благодаря своему приморскому положенію, этотъ новый городъ привлекъ къ себѣ торговлю всего Эгейскаго моря и даже западнаго бассейна Средиземнаго моря. Онъ сдѣлался главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ Африки и Азіи. *Птоломей Сотеръ* велѣлъ выстроить башню на островѣ *Фаросѣ*, который соединялся съ городомъ посредствомъ мола въ 650 саженъ длиною, и огни, зажженные на этой башнѣ, освѣщали путь кораблямъ въ ночное время (оттуда происходитъ французское слово *phare,* маякъ). Александрія, во времена своего величія, имѣла до девятисотъ тысячъ жителей.

Птоломей Сотеръ желалъ, чтобы Александрія была столько же столицей художественной и умственной жизни, сколько и торговой. Онъ построилъ вдоль главной или царской улицы дворцы, ипподромъ, музей, обелиски, колонны (колонна Помпея, игла Клеопатры) [1]). Онъ собралъ болѣе семисотъ тысячъ рукописей, хранившихся въ Музеѣ и въ храмѣ *Сераписа*. Музей былъ въ одно и тоже время библіотекой и учебнымъ заведеніемъ. Наиболѣе прославленные писатели и ученые пользовались тамъ широкимъ гостепріимствомъ, читали лекціи, на которыя сходилось до четырнадцати тысячъ слушателей. Александрія обогатилась образцовыми произведеніями живописи и скульптуры. *Птоломей Филадельфъ* велѣлъ перевести семидесяти двумъ старцамъ съ еврейскаго языка на греческій священныя книги евреевъ, распространившіяся съ того времени по всему свѣту. *Переводъ семидесяти толковниковъ* остался въ употребленіи по всему востоку. Тотъ же правитель приказалъ изслѣдовать неизвѣстныя страны, лежавшія къ югу отъ пороговъ Сіены. Онъ возобновилъ работы, начатыя Нехо для соединенія Нила съ Краснымъ моремъ.

Александрія сдѣлалась новыми Аѳинами. Нельзя сказать, чтобы литература достигла въ ней такой высоты, какъ нѣкогда въ городѣ Минервы. Она не дала ни одного великаго писателя, и, какъ самаго знаменитаго, можно назвать *Ѳеокрита* [2]) (изъ Сициліи), прелестнаго поэта, воспѣвавшаго сельскую жизнь и заставлявшаго, хотя съ

---

[1]) Эта послѣдняя была перевезена въ Лондонъ.

[2]) Ѳеокритъ Сиракузскій (съ 290 по 210 г. до Р. Х.) долго жилъ при дворѣ въ Александріи. Слѣдуетъ упомянуть еще Каллимаха, за его *Эпиграммы* и *Гимны*, и Аполлонія, написавшаго эпическую поэму о походѣ Аргонавтовъ.

большою простотой, изящно выражаться пастуховъ и пастушекъ въ своихъ *Идилліяхъ*. Но въ Александріи въ особенности господствовалъ духъ критики. Египетскій жрецъ *Манеѳонъ* составлялъ свою *Хронологію*, отъ которой до насъ дошли только слишкомъ краткіе отрывки; *Аристархъ* пересматривалъ гомеровскія поэмы и, своей проницательностью и художественнымъ вкусомъ, вполнѣ заслужилъ, чтобы имя его перешло въ потомство, какъ синонимъ просвѣщеннаго судьи и справедливаго критика.

Эвклидъ изложилъ свои *Предложенія* и преподавалъ ихъ самому Птоломею Сотеру. Этотъ послѣдній, не склонный къ отвлеченному сужденію, требовалъ болѣе краткаго пути для изученія геометріи: „Нѣтъ,—отвѣтилъ учитель,—въ математикѣ нѣтъ особыхъ дорогъ для царей“. Эвклидъ оставилъ послѣ себя *Элементы*, сдѣлавшіеся основою новѣйшей геометріи. *Эратосѳенъ* (276 — 194), бывшій библіотекаремъ въ Александріи при Птоломеѣ Эвергетѣ, въ одно и то же время былъ писателемъ и ученымъ. Онъ первый измѣрилъ градусъ меридіана и опредѣлилъ величину земли въ томъ видѣ, какъ ее тогда себѣ представляли. Онъ оставилъ карту, единственную, которою долго пользовались и на которой градусы были представлены въ видѣ вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій (оттуда произошли *широта* и *долгота*, термины, до сихъ поръ употребляемые географіей, хотя градусы изображаются теперь кругами).

Александрія сдѣлалась въ нѣкоторомъ родѣ мѣстомъ сближенія всѣхъ народовъ. Всевозможныя ученія тамъ встрѣчались и смѣшивались. Евреи воспринимали тамъ идеи грековъ, а греки знакомились съ системами Востока. Въ первомъ вѣкѣ христіанской эры, еврей *Филонъ* и еврей-историкъ *Іосифъ*, по своимъ взглядамъ, служили одновременно представителями двухъ міровъ, греческаго и восточнаго. Такимъ образомъ произошло сліяніе между различными философскими теоріями, смѣшеніе, *эклектизмъ* (какъ это называетъ философія), сдѣлавшійся характернымъ признакомъ новой философской школы, названной *школой Александрійской*. Впрочемъ, эта школа процвѣтала только въ первомъ вѣкѣ христіанской эры, и самымъ знаменитымъ философомъ ея былъ *Плотинъ* (родившійся въ 205 г. по Р. Х.). Она изучала теоріи Платона, стремясь примирить ихъ съ теоріями Аристотеля, и получила названіе *школы неоплатониковъ*. Это философское и научное движеніе продолжалось въ теченіе всего времени римскаго владычества, такъ какъ Александріи слѣдуетъ приписать честь появленія знаменитаго географа и астронома *Птоломея* (второй вѣкъ по Р. Х.), придумавшаго планетную систему, бывшую въ общемъ употребленіи, пока она не была опровергнута системой Коперника. Онъ оставилъ послѣ себя обширные труды по гео-

графіи, драгоцѣнные, вслѣдствіе того, что они освѣщаютъ намъ научныя знанія древнихъ по этому предмету.

Монархіей, обнимавшей бо̀льшую часть земель, покоренныхъ Александромъ, было государство, основанное *Селевкомъ* въ Вавилонѣ (312), которое, послѣ битвы при *Ипсѣ* (301) и *Киропедіонѣ* (280) почти возстановило прежнія границы древней персидской имперіи (безъ Египта, Финикіи и сѣвера Малой Азіи). Впрочемъ, восточная Азія отпала отъ Селевкидовъ съ 250 г.; хотя Антіохъ III дошелъ съ своимъ войскомъ до границъ Индіи, но этимъ властителямъ пришлось отказаться отъ намѣренія объединить подъ своимъ управленіемъ столь многочисленныя страны, такъ какъ имъ было достаточно трудно поддерживать свою власть надъ разнообразными населеніями въ Малой Азіи, въ Ливанѣ, въ долинѣ Тигра и Евфрата. Ни одна изъ этихъ народностей не имѣла достаточно силы, чтобы получить преобладаніе надъ другой; поэтому Селевкиды не имѣли опредѣленной столицы, перенося свою власть изъ древнихъ ассирійскихъ столицъ, приходившихъ въ упадокъ, въ новые города, основывавшіеся ими по образцу ихъ учителя Александра.

Селевкиды были, дѣйствительно, великими основателями городовъ. Селевкъ I Никаторъ построилъ на Тигрѣ, при сліяніи съ нимъ канала изъ Евфрата, *Селевкію*, вскорѣ привлекшую къ себѣ торговлю Вавилона и въ тоже время сдѣлавшуюся сборнымъ пунктомъ купцовъ изъ Верхней Азіи. Онъ далъ имя своего сына Антіоха другому городу, построенному на Оронтѣ, въ Сиріи, *Антіохіи*, невдалекѣ отъ Евфрата и Малой Азіи. Хотя она не была приморскимъ городомъ и должна была пользоваться гаванью города *Лаодикеи* (имя матери Селевка), Антіохія соперничала съ Александріей въ дѣятельности и роскоши. Какъ и Александрія, она была мѣстомъ встрѣчи купцовъ, а также и философовъ всѣхъ странъ. Какъ и египетскій городъ, она служила великимъ горниломъ, въ которомъ происходило смѣшеніе различныхъ національностей и идей; она насчитывала до семисотъ тысячъ жителей и заслужила названіе *царицы Востока*. Селевкъ основалъ еще *Апамею* на Оронтѣ и много другихъ городовъ, такъ какъ насчитывалось не менѣе шестнадцати Антіохій, пяти Лаодикей, трехъ Апамей, и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ были исключительно греческими и пользовались свободнымъ управленіемъ (народное собраніе, сенатъ, архонты, стратеги). Многіе города, какъ, напр., Магнезія, Эфесъ, Смирна, Тиръ имѣли даже право чеканить монету.

Несмотря на все несовершенство правленія Селевкидовъ и на безсмысленный образъ дѣйствій Антіоха III, Антіоха IV Епифана (справедливо прозваннаго Безумцемъ), монархія Селевкидовъ, даже во вре-

мена упадка, обладала бо̀льшимъ блескомъ, чѣмъ древняя монархія персовъ. Она была несравненно богаче послѣдней, а безумныя траты властителей и безразсудная, невѣроятная роскошь, которую они проявляли, показываютъ, насколько труды продолжительнаго мира, развитіе земледѣлія, промышленности и торговли накопили золота и серебра. Римскіе проконсулы будутъ черпать безъ конца изъ сокровищъ Востока, которыя будутъ казаться неистощимыми и потекутъ къ нимъ въ изобиліи, не насыщая ихъ алчности.

Нѣкоторыя части Малой Азіи освободились отъ власти Селевкидовъ и составили небольшія независимыя государства — *Виѳанію*, *Понтъ* и царство *Пергамское*. Всѣ они находились подъ греческимъ вліяніемъ, а Пергамское царство, именно благодаря тому, прославилось. Вмѣстѣ съ династіей *Атталовъ*, начинающейся Атталомъ I (241—297), это царство дѣлается знаменитымъ и цвѣтущимъ. Пергамъ обладалъ библіотекой,

Золотая медаль Александра Великаго.

почти соперничавшей съ библіоте́кой александрійской (болѣе двухъ сотъ тысячъ рукописей). Пергамъ передалъ свое имя кожамъ, которыя приготовлялись тамъ для письма и съ успѣхомъ замѣняли папирусъ и вощеныя дощечки: эти кожи назывались *пергаментами*. Пергаментъ, какъ извѣстно, оставался въ употребленіи до тѣхъ поръ, пока, въ концѣ среднихъ вѣковъ, не былъ замѣненъ бумагой, приготовлявшейся изъ тряпокъ. Въ Пергамѣ были свои художники, и школа скульптуры. Во второмъ вѣкѣ по Р. Х. онъ прославился знаменитымъ врачемъ *Галіеномъ*, который, вмѣстѣ съ Гиппократомъ, считался гордостью древней медицины.

Греческія царства распространялись вплоть до отдаленной Бактріаны, гдѣ разумные правители сдерживали орды сѣверныхъ кочевниковъ и покровительствовали образованію; они сохранили для потомства если не свою славу, то свое имя на прекрасныхъ медаляхъ [1]).

[1]) Кабинетъ медалей Парижской Національной библіотеки обладаетъ удивительной золотой медалью *Эвкратида*, царя Бактріаны.

Такое распространеніе грековъ на Востокъ не могло не нанести ущерба населенію Македоніи и Греціи. Это сіяніе очага на обширномъ пространствѣ истощило самый очагъ. Греко-македонское царство постоянно потрясалось сначала враждою соперниковъ, а затѣмъ борьбою двухъ частей этого государства, то соединявшихся, то раздѣлявшихся: Грецію имѣла достаточно основаній, чтобы возмущаться, вспоминая свою древнюю свободу, но слишкомъ мало силъ, чтобы возвратить ее себѣ.

Грецію страдала отъ бѣдствій, которыя погубили ея независимость. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, города ея раздѣлялись на партіи *бѣдняковъ* и *богачей*. Чаще, чѣмъ когда-либо, олигархія и демократія замѣщали поочередно другъ друга, къ удовольствію македонянъ, находившихъ всегда удобный случай для проявленія своего господства. Кромѣ того, Грецію служила мѣстомъ состязанія македонскимъ претендентамъ Полипсерхонту, Кассандру, Димитрію Поліоркету, Антигону-Гонату и Пирру. Изгнанія слѣдовали за мимолетными побѣдами каждой партіи; лесть возростала по мѣрѣ того, какъ уменьшались заслуги побѣдителей. Аѳиняне, нѣкогда обоготворявшіе героевъ, обоготворяли теперь Димитріевъ Фалерскихъ и Димитріевъ Поліоркетовъ. „Другіе боги находятся слишкомъ далеко,—говорили они послѣднему,—или они глухи, или вовсе не существуютъ, или не заботятся о насъ. Но тебя мы видимъ здѣсь; ты сдѣланъ не изъ дерева, не изъ камня; ты—вещественный и живой, и мы тебѣ поклоняемся“.

Спартанцы, хотя и бывшіе въ большомъ упадкѣ, имѣли, однако, достаточно мужества, чтобы отразить нападенія Пирра. Но настоящихъ спартанцевъ было не болѣе семи-сотъ человѣкъ, и богатства сосредоточивались въ рукахъ сотни собственниковъ. Царь Агисъ III, намѣревавшійся возстановить силу этой республики, погибъ жертвой своего патріотизма, но его реформы были продолжены *Клеоменомъ*, законодателемъ и воиномъ (225).

Это возрожденіе спартанской республики не могло быть продолжительнымъ. Аѳины не угрожали ей болѣе, но образовался *ахейскій союзъ*, состоявшій изъ двѣнадцати городовъ, подчиненныхъ *стратегу*; этому союзу, со знаменитымъ *Аратомъ* во главѣ, удалось присоединить къ себѣ самые значительные города Пелопонеза. Реформы Клеомена, честолюбіе Спарты заставили Арата, нѣкогда освободителя грековъ, измѣнить свободѣ и отечеству, призвавъ македонскаго царя *Антигона Дозона*. Онъ восторжествовалъ, благодаря македонянамъ, въ битвѣ при Селлазіи (222), гдѣ Клеоменъ былъ побѣжденъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Грецію. Ахейскій союзъ находился подъ покровительствомъ Македоніи

до того времени, пока не подпалъ подъ власть римлянъ. Спарта не замедлила подчиниться тираніи Маханида, затѣмъ жестокаго Набиса, и повсюду мелкіе тираны вновь распространили свой деспотизмъ.

Въ 196 году, греки, собравшіеся на Истмійскія игры, неожиданно увидѣли приближеніе римскаго полководца *Фламинія,* который только-что сломилъ могущество македонянъ при *Киносцефалахъ* (198 г. до Р. Х.). Герольдъ прочелъ слѣдующую прокламацію: „Римскій сенатъ объявляетъ свободными отъ всѣхъ военныхъ постоевъ и налоговъ коринѳянъ, локрійцевъ, фокидійцевъ, эвбеянъ, ахеянъ и проч. и разрѣшаетъ имъ жить согласно ихъ законамъ". Греки неистовыми рукоплесканіями привѣтствовали посланника римлянъ, который позволялъ имъ быть свободными. Они уже перестали понимать, что свобода не даруется, и что они получали новыхъ властителей.

Между тѣмъ, эти послѣдніе съ искусствомъ, которому они обязаны своими успѣхами, скрывали свое вліяніе. *Филопеменъ*, глава ахейскаго союза, прозванный *послѣднимъ грекомъ,* тщательно избѣгалъ затрогивать ихъ и озабочивался всего болѣе укрѣпленіемъ союза. Его политика была слишкомъ патріотична для римлянъ, вызвавшихъ возмущеніе въ Мессенѣ. Филопеменъ тамъ погибъ, и Греція, дѣйствительно, уже не имѣла болѣе руководителя (183). Когда римляне окончательно покорили Македонію [битва при Пиднѣ (168) и пораженіе Андриска (148)], они уже перестали щадить грековъ. *Коринѳъ*, впрочемъ, еще держался, и именно въ его пылающихъ стѣнахъ произошли послѣднія битвы за греческую свободу (146 г. до Р. Х.).

Тогда произошло то, что̀ было уже во времена Филиппа и Александра: побѣдители уступили обаянію, какое оказывала образованность побѣжденныхъ. Римъ раскрылъ свои ворота грекамъ, которые тамъ философствовали и спорили, какъ въ школахъ самой Греціи.

Было бы слишкомъ долго перечислять всѣхъ греческихъ писателей, перебывавшихъ въ Римѣ. Но одинъ изъ первыхъ, какъ по времени, такъ и по заслугамъ, это — *Полибій* [1]), историкъ, постигшій и превосходно изложившій римскую политику. Постоянный спутникъ Сципіона Эмиліана, онъ видѣлъ близко великую войну, и его разсказы имѣютъ

---

1) Полибій, родившійся въ 205 или 204 г. въ Мегалополисѣ, въ Аркадіи, былъ сыномъ Ликорта, начальника ахейской лиги. Онъ былъ привезенъ въ Римъ, въ качествѣ заложника, въ 166 г., гдѣ сдѣлался другомъ Сципіона Эмиліана. Онъ написалъ обширную исторію о мірѣ, покоренномъ римлянами. Изъ сорока книгъ его до насъ дошло только пять.

точность и опредѣленность походныхъ бюллетеней. Полибій былъ историкомъ добросовѣстнымъ, глубокимъ и заботившимся о правдивости, историкомъ, который вникаетъ въ причины событій и объясняетъ ихъ, слѣдя за ихъ общимъ ходомъ и умѣя въ то же время анализировать подробности. Ему ставится въ упрекъ только нѣкоторая холодность и недостаточная яркость изображенія, когда онъ выводитъ на сцену великія личности.

Греки съ большой охотой занялись изученіемъ исторіи Рима. Во времена Августа, *Діонисій Галикарнасскій* снова занялся этимъ предметомъ, но безъ достаточной критики, несмотря на то, что онъ имѣлъ притязаніе быть именно критикомъ. Онъ не былъ ни хорошимъ судьей, ни хорошимъ образцомъ [1]). *Діодоръ Сицилійскій,* составившій, подъ названіемъ *Исторической библіотеки,* нѣчто въ родѣ компиляціи, драгоцѣнной въ особенности потому, что онъ заимствовалъ текстъ у множества историковъ, труды которыхъ потеряны [2]). Географъ *Страбонъ* [3]) имѣетъ болѣе заслугъ. Онъ сумѣлъ оживить географію разсказами объ исторіи, религіи и нравахъ различныхъ народовъ, которыхъ онъ обозрѣваетъ. Въ первомъ вѣкѣ христіанской эры, *Іосифъ*, хотя и еврей по происхожденію, написалъ по-гречески *Исторію Іудейской войны,* разсказъ потрясающій и полный драматизма.

Во второмъ вѣкѣ нашей эры, въ спокойную и блестящую эпоху *Антониновъ*, греческая литература, не переставшая производить замѣчательныхъ писателей, получила какъ будто новую силу. Историки и моралисты, за недостаткомъ поэтовъ, выступаютъ на первое мѣсто и возбуждаютъ удивленіе римлянъ. Многіе изъ нихъ остались въ числѣ классическихъ авторовъ. Безъ сомнѣнія, *Арріанъ*, написавшій исторію *походовъ* Александра, и *Аппіанъ*, составившій римскую исторію [4]), отъ

---

[1]) Діонисій Галикарнасскій прибылъ въ Римъ въ 30 г. до Р. Х. Онъ обнародовалъ тамъ свои *Римскія древности,* которыя дошли до насъ въ числѣ одиннадцати изъ двадцати книгъ.

[2]) Діодоръ Сицилійскій жилъ во времена Цезаря и Августа. Онъ обнародовалъ въ Римѣ свою *Историческую библіотеку,* заключавшую въ себѣ всемірную исторію до 60-го года до Р. Х. До насъ дошли только пять первыхъ книгъ и отрывки другихъ.

[3]) Страбонъ родился около 66 г. до Р. Х., путешествовалъ по всей Римской имперіи и долго жилъ въ Римѣ. Бо́льшая часть его *Географіи* дошла до насъ.

[4]) Арріанъ родился въ Виѳаніи около 105 г. по Р. Х. Онъ состоялъ на службѣ у императора Адріана въ провинціи Каппадокіи. Аппіанъ род. въ Александріи въ началѣ второго вѣка по Р. Х., былъ адвокатомъ и юрисконсультомъ въ Римѣ. Онъ также служилъ въ администраціи Антониновъ.

которой сохранилось нѣсколько интересныхъ книгъ, какъ, напримѣръ, книга *гражданскихъ войнъ*, изучаются, впрочемъ, въ настоящее время лишь спеціалистами. Но *Плутархъ* [1]) остался популярнымъ.

Родившійся въ *Херонеѣ*, близъ поля битвы, гдѣ погибла греческая свобода, Плутархъ бо́льшую часть жизни провелъ въ своемъ маленькомъ городѣ. Онъ постоянно близко принималъ къ сердцу славу Греціи, отдавая въ то же время должное и славѣ Рима. Римляне, впрочемъ, съ увлеченіемъ посѣщали его лекціи и публичныя чтенія, для которыхъ онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ столицу міра. Онъ написалъ *Параллели* о знаменитыхъ людяхъ Греціи и Рима, по привычкѣ, отдавая предпочтеніе грекамъ, но сообщая всѣмъ біографіямъ обаяніе, происходящее отъ умѣло подобранныхъ подробностей и хорошо разсказанныхъ анекдотовъ. Будучи философомъ столько же, сколько и историкомъ, онъ, не путаясь въ системахъ, старался вывести въ своемъ сочиненіи о *Нравственности* всѣ правила практической морали.

Плутарха разбирали многіе критики и, между прочимъ, французскій критикъ Греаръ, изъ сочиненія котораго мы приводимъ слѣдующее заключеніе: „Здравомыслящій и проницательный наблюдатель, тонкій, опредѣленный, глубокій психологъ, хотя, въ тѣсномъ смыслѣ слова, онъ нигдѣ не касается психологіи, устанавливая свои практическія выводы правилъ поведенія, какъ плодъ своего опыта и знанія, Плутархъ, по преимуществу, обладаетъ характеромъ, темпераментомъ и авторитетомъ моралиста.

...„Въ одномъ изъ его трактатовъ, всѣ мудрецы Греціи, благодаря остроумному анахронизму, собраны вмѣстѣ, за столомъ у Періандра, Коринѳскаго тирана. Обѣдъ простъ и не обиленъ. Гости сидятъ безъ различія ранговъ; женщины присутствуютъ также. Темой разговора служатъ религія, политика, семья и пр. Отъ обсужденія какого-нибудь правила нравственности переходятъ къ объясненію загадки, отъ загадки—къ сказкѣ, останавливаясь, по временамъ, на нѣкоторыхъ софизмахъ. Аполлонъ, Гомеръ, Платонъ, Эврипидъ, животныя,—всѣ призываются, поочередно, въ свидѣтели; слово переходитъ вмѣстѣ съ кубкомъ. Царь на пиршествѣ не замѣтенъ или, скорѣе, царь этотъ—самъ авторъ, который, съ видомъ полу-серьезнымъ, полу-шутливымъ возбуждаетъ споры между гостями и даетъ направленіе бесѣдѣ.

„Былъ ли Плутархъ дѣйствительно авторомъ этого сочиненія, или оно лишь приписывается ему, такъ какъ, повидимому, оно принадлежитъ скорѣе одному изъ его учениковъ, но херонейскій моралистъ

---

[1]) 50—120 г. по Р. Х. (числа не вполнѣ достовѣрныя).

является, въ нашихъ глазахъ, у предѣла древняго міра, послѣднимъ наиболѣе привлекательнымъ и великимъ изъ мудрецовъ древности“ [1]).

Лукіанъ (125—200 г. по Р. Х.) также былъ моралистомъ, но скептическимъ и насмѣшливымъ. Хотя миѳологія уже задолго до того времени потеряла свое обаяніе, онъ обрушивается на нее съ болѣе или менѣе тонкими шутками. Онъ смѣется также надъ человѣческими слабостями. Но, въ то же время, онъ—строгій литературный критикъ; его книга „*Разговоры въ царствѣ мертвыхъ*“ признана классическою.

Эпиктетъ былъ болѣе строгъ. „Это,—говорилъ Паскаль,—былъ одинъ изъ міровыхъ философовъ, сознавшихъ лучше всего обязанности человѣка“. Онъ ничего не писалъ самъ, но его нравственныя правила были собраны его учениками [2]). Греческая философія была, наконецъ, увѣнчана въ Римѣ самимъ *Маркомъ Авреліемъ* [3]), который, родившись въ Римѣ и будучи римскимъ императоромъ, написалъ по-гречески книгу строгой нравственности, озаглавленную „*Самому себѣ*“, или „*Мысли*“.

Итакъ, покоренная Греція распространила свой языкъ и свои сочиненія на Востокѣ и на Западѣ. На берегахъ Нила и Оронта, такъ же, какъ и на берегахъ Тибра, не переставали восхищаться Гомеромъ и Платономъ. Нельзя было быть образованнымъ человѣкомъ въ Римѣ, безъ знанія греческаго языка, и греки не только продолжали писать сами, но и были истинными вдохновителями римскихъ авторовъ, принимавшихъ ихъ за образецъ.

Впрочемъ, это цивилизующее вліяніе было болѣе значительнымъ на Востокѣ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ греки были многочисленнѣе. Востокъ остался греческимъ даже и подъ римскои тогой. Римъ осуществилъ политическое объединеніе, не достигнувъ объединенія языка и образованности. Впослѣдствіи, когда могущество Рима разрушится, Востокъ сдѣлается и останется греческой имперіей до половины пятнадцатаго вѣка. Жизненность расы была такъ велика, что нѣсколько вѣковъ турецкаго гнета не могли ея уничтожить. Она получила умственную свободу уже въ наши дни, при помощи сыновъ Германіи, посвящаемыхъ съ самой юности въ красоты греческой литературы. До сихъ поръ эта нація вѣрна своимъ воспоминаніямъ, по праву гордая своимъ цивилизующимъ назначеніемъ, которое она не считаетъ законченнымъ на Востокѣ.

---

[1]) O. Gréard, *De la morale de Plutarque.*

[2]) Эпиктетъ жилъ въ первомъ и второмъ вѣкѣ по Р. Х.

[3]) Императоръ отъ 161 до 180 г.

Греціи должно быть отведено широкое мѣсто въ исторіи человѣчества. Спарта дала прекрасные примѣры *повиновенія закону, суровости* и *патріотизма*. Аѳины, не уступая своей соперницѣ въ патріотизмѣ, дали образецъ города дѣятельнаго, промышленнаго, торговаго, гдѣ уважались *трудъ* и *умъ*. Греческія государства испробовали на пользу будущихъ поколѣній различныя формы правленія; въ особенности, они показали, какой подъемъ даетъ человѣку *свобода*. Правда, греки также пришли въ упадокъ, сдѣлавшись жертвой свободы, которою они не всегда умѣли пользоваться; они испытали печальныя послѣдствія *зависти* и *разногласія*. Какъ очаги слишкомъ яркіе, ихъ республики быстро сгорали.

Шкафикъ для книгъ въ древности.

Но послѣ этого народа, наиболѣе разумнаго изъ всѣхъ другихъ народовъ, но, безъ сомнѣнія, имѣвшаго свои недостатки и не всегда оказывавшагося безупречнымъ въ смыслѣ честности, осталась могучая *литература*. Греки были учителями человѣчества въ *поэзіи, трагедіи, комедіи, исторіи, краснорѣчіи, философіи*, точно такъ же, какъ и въ искусствахъ, *архитектурѣ* и *скульптурѣ*. Обломки ихъ памятниковъ и ихъ статуй до сихъ поръ вдохновляютъ нашихъ художниковъ. Наконецъ, въ теченіе долгихъ вѣковъ, они исполняли роль просвѣтителей мира, руководителей сужденія и вкуса. Они возродили Востокъ и подготовили цивилизацію Запада. Что можно къ этому прибавить? Разрушенный Парѳенонъ до сихъ поръ, подъ горячимъ солнцемъ Аттики, блещетъ красотой, которую запечатлѣлъ на немъ Фидій, а произведенія греческихъ писателей, уже не могущія погибнуть, потому что они до безконечности умножены печатнымъ станкомъ, останутся, какъ наиболѣе возвышенное и наиболѣе чистое выраженіе человѣческаго генія.

РИМСКІЙ МІРЪ.

ГЛАВА XI.

Римская республика.

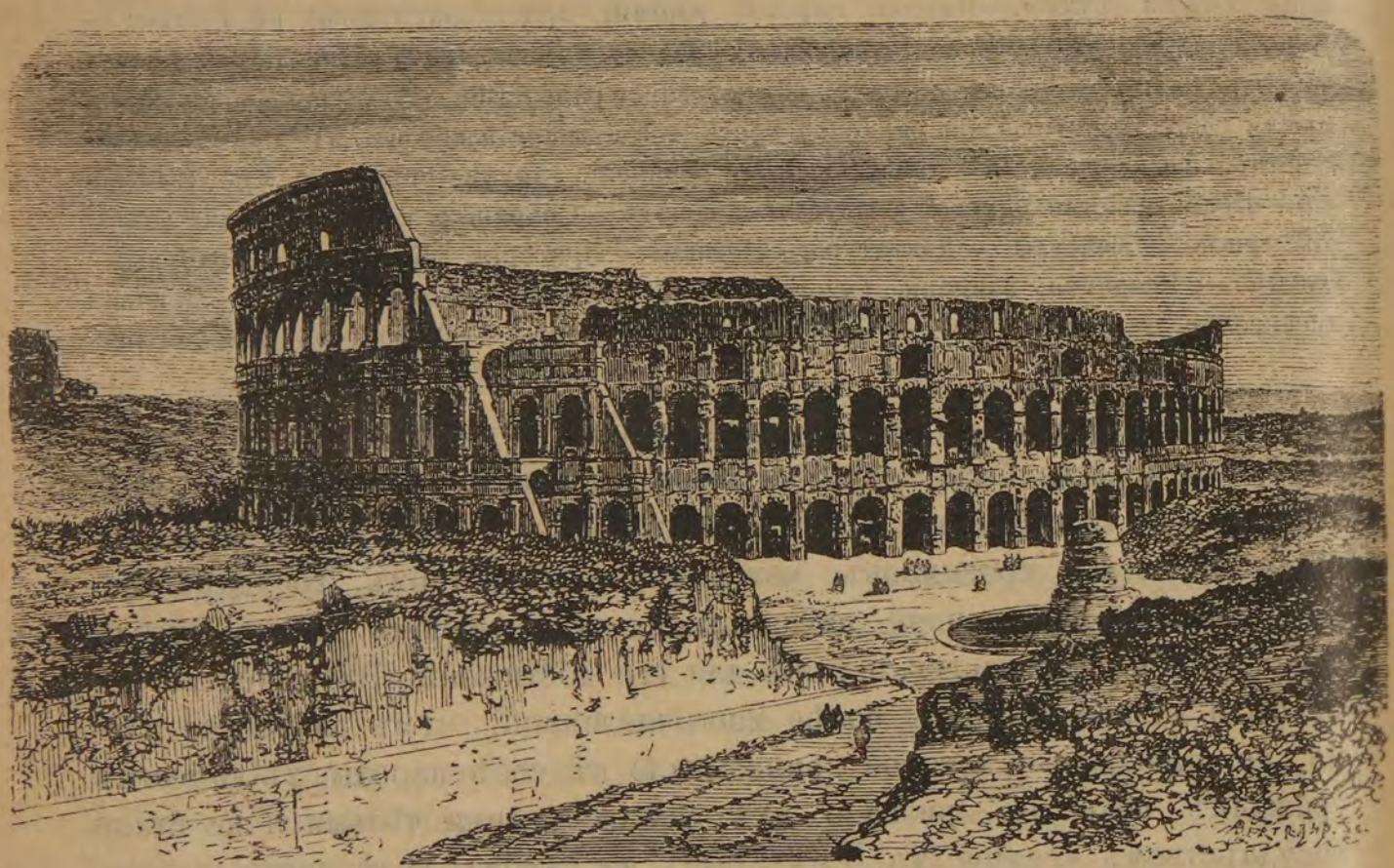
Римляне.—Италія; положеніе Рима.—Начала римской цивилизаціи; этруски.—Происхожденіе римскаго народа.—Религія римлянъ.—Ихъ религіозныя идеи.—Римская семья; отеческая власть.—Бракъ; мать семейства.—Освобожденіе; усыновленіе.—Положеніе личности; свобода и рабство.—Отпущенники.—Право собственности.—Государственное устройство; родъ (gens).—Куріи, трибы.—Патриціи.—Плебеи.—Учрежденія Сервія Туллія.—Паденіе царской власти; аристократическая республика.—Борьба патриціевъ и плебеевъ; трибунатъ.—Законъ Двѣнадцати Таблицъ; гражданская равноправность.—Законы о бракѣ; общественное равенство.—Раздѣленіе консульской власти (366); политическая равноправность.—Допущеніе плебеевъ къ священнодѣйствіямъ; религіозная равноправность.—Соединеніе двухъ порядковъ; послѣдствія его.—Правительство римской республики; сенатъ.—Собранія; комиціи курій, центурій, трибъ. — Консулы. — Диктатура.—Цензура.—Преторія.—Квестура.—Трибуны.—Эдилы. — Всадники; взиманіе налоговъ. — Устройство войска; легіонъ. — Военная дисциплина. — Патріотизмъ. — Безкорыстіе и бѣдность. — Характеръ римской республики.

Греки, несмотря на свою образованность и полезность для всѣхъ народовъ, должны были, тѣмъ не менѣе, признать господство римлянъ. Это явилось слѣдствіемъ того, что Римъ болѣе, чѣмъ Греція, обладалъ опредѣленностью принциповъ, методомъ, постоянствомъ, государственной дисциплиной, военной доблестью и патріотизмомъ. Римъ имѣлъ стремленіе къ господству, и геній для его достиженія. Владычество его не было давленіемъ расы болѣе многочисленной, чѣмъ эллинское племя, но *государства*, которое привязывало къ себѣ народы, въ качествѣ гражданъ, пока не признало ихъ всѣхъ своими дѣтьми и не стало государствомъ всемірнымъ. Римъ былъ на самомъ дѣлѣ чисто политическимъ понятіемъ. Онъ соединилъ сотню различныхъ народовъ въ одинъ народъ, въ которомъ, однако, ихъ не переставали различать, подчинилъ своимъ общимъ учрежденіямъ учрежденія мѣстныя, не уничтожая послѣднихъ, своей религіи—религіи національныя, своимъ законамъ—законы частные, своему языку - многообразные языки, на которыхъ говорили во всѣхъ частяхъ его владѣній. Онъ былъ отечествомъ, возвышавшимся надъ всѣми другими отечествами.

Его цивилизація включала въ себя всѣ древнія цивилизаціи, поглощая ихъ въ единствѣ, скорѣе кажущемся, чѣмъ дѣйствительномъ. Несмотря на свои заимствованія, эта цивилизація была самобытной, и блестящей, несмотря на свои недостатки. Ей обязанъ своимъ просвѣщеніемъ Востокъ, который она вывела изъ состоянія варвар-

ства. Даже послѣ своего крушенія, она послужила, такъ сказать, дрожжами для цивилизаціи Среднихъ вѣковъ и новѣйшихъ временъ. Римъ былъ настоящимъ учителемъ Европы, и изучать его, значитъ изучать—въ нѣкоторомъ родѣ, начала *современной* цивилизаціи [1]).

Римъ имѣлъ своей точкой опоры Италію, этотъ полуостровъ, вытянутый, въ формѣ ноги, по которому проходятъ Апеннины. Сосѣдка Греціи, примыкая къ Галліи и находясь невдалекѣ отъ Испаніи, Италія выдвигаетъ свою ступню къ Африкѣ, раздѣляетъ на двѣ различныя части бассейнъ Средиземнаго моря и, такимъ образомъ, занимаетъ



Колизей въ Римѣ.

превосходное положеніе для господства надъ всѣмъ его простран-

---

[1]) Современная наука съ совершенно исключительнымъ интересомъ занята изслѣдованіемъ разнообразныхъ задачъ, содержащихся въ римской исторіи. Наука *о надписяхъ* доставила возможность разрѣшить многіе вопросы, и уже въ текущее столѣтіе создала имена *Боргези*, *Момзена*, *Росси*, *Лебá*, *Ваддингтона*, *Ле-Блана*, *Леона Ренье* и *Эрнеста Дежардена*, не считая многихъ другихъ, ихъ учениковъ и соревнователей. Возстановленныя, списанныя, разъясненныя надписи дали возможность лучше выяснить темныя стороны римской религіи, въ особенности, учрежденій, а затѣмъ и нравовъ. Римская исторія, написанная нѣмецкимъ ученымъ *Нибуромъ*, слишкомъ часто путалась въ гипотезахъ, но *Момзенъ* уже болѣе опредѣленъ и точенъ. Исторіи, написанныя во Франціи послѣ блестящей, но слишкомъ фантастичной исторіи *Мишле*, заслоняются позднѣйшей обширной *Исторіей римлянъ В. Дюрюи*.

ствомъ [1]). Болѣе обширная, чѣмъ Грецiя, эта страна могла прокармливать многочисленное населенiе. Будучи гористой, она, тѣмъ не менѣе, обладала, между Апеннинами и Средиземнымъ моремъ, прекрасными равнинами, соединявшимися одна съ другой и не препятствовавшими общему объединенiю. Темные лѣса и суровыя, обнаженныя плоскогорья чередовались съ плодородными, веселыми долинами. Такая страна должна была служить мѣстообитанiемъ народа плодовитаго, живого, возбуждаемаго горячимъ южнымъ солнцемъ, мужественнаго и величаваго, достаточно разумнаго, чтобы обучаться въ школѣ грековъ, достаточно твердаго, чтобы подчинить ихъ себѣ, столь же осторожнаго, но менѣе легкомысленнаго, чѣмъ аѳиняне, и столь же храбраго, какъ спартанцы.

Этрускъ, поклоняющiйся очагу.

Этрусская женщина.

Римъ былъ построенъ на берегу Тибра, рѣки, вытекающей изъ Апеннинъ, образующей наиболѣе глубокiй выемъ по направленiю съ сѣвера на югъ и указывающей географическую средину этой страны. Этотъ городъ находился въ центрѣ Италiи, будучи самъ центромъ древняго мiра. Расположенный внутри страны, онъ долгое время пользовался лишь континентальнымъ могуществомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находился достаточно близко отъ моря, по Тибру (пять миль), чтобы имѣть морское честолюбiе, которое должно было возбуждаться значительнымъ развитiемъ береговъ Италiи. Римъ долженъ былъ господствовать надъ землями и морями.

Глубокая тайна окружаетъ начало римской исторiи, а теорiи нѣмецкихъ ученыхъ еще болѣе затемнили ее. Подобно нѣкоторымъ рѣ-

---

[1]) Италiя, вмѣстѣ со своими островами, занимаетъ поверхность въ 288.539 кв. километровъ.

камъ, несущимъ въ океанъ обильныя массы воды, не позволяя рѣшить вблизи ихъ истоковъ, которая изъ вѣтвей—главное русло, римскій народъ получилъ начало въ странѣ, называемой *Лаціумомъ*, изъ смѣшенія латинянъ, осковъ, сабинянъ и др. и заимствовалъ, вѣроятно, свою религію и обычаи отъ народа, блиставшаго ранѣе его въ Италіи, отъ этрусковъ.

Этруски образовали могущественный союзъ изъ двѣнадцати городовъ между Арно и Тибромъ. Вѣроятно, пелазги по происхожденію, какъ и эллинскія, и другія итальянскія племена, этруски были, повидимому, древнимъ населеніемъ, всего лучше сохранившимъ преданія Азіи и Эллады. У этрусковъ, какъ и у предковъ древнихъ грековъ, былъ культъ очага, жертвоприношенія, жреческое сословіе, почитаніе умершихъ, какъ это показываютъ намъ драгоцѣнныя находки въ гробницахъ Этруріи. Погребальныя пещеры явились обильными сокровищницами, въ которыхъ были найдены вазы, драгоцѣнности, всевозможныя орудія, обогатившія итальянскіе музеи. Часть одной коллекціи пріобрѣтена французскимъ правительствомъ и помѣщена въ Луврскомъ музеѣ, именно коллекція *Кампана*, заключающая замѣчательные образцы промышленности и искусства этрусковъ, — искусства, очевидно, греческаго, но носящаго особый отпечатокъ перенявшей его націи и, во всякомъ случаѣ, предшествовавшаго искусству римлянъ и даже превосходящаго его [1]). Разобранныя надписи доставили возможность получить понятіе, хотя и не полное, о языкѣ этрусковъ, замѣщенномъ

---

[1]) Главнѣйшія изъ этрусскихъ вазъ были найдены въ гробницахъ Цереса, Кіузи, Вульчи и Веевъ. Сдѣланныя изъ черной массы, различныхъ и иногда странныхъ формъ, нѣкоторыя изъ нихъ, дѣйствительно, древняго происхожденія, а другія заставляютъ предполагать подражанія первымъ; эти послѣднія свидѣтельствуютъ объ упадкѣ искусства.

„Долгое время принимали за этрусскія всѣ произведенія керамики съ рисункомъ греческимъ или восточнымъ. Этрусскіе народы приступили къ этому роду работъ только въ послѣднюю эпоху, т. е. почти въ началѣ нашей эры. Ихъ первоначальныя издѣлія носятъ варварскій или первобытный характеръ, который приближаетъ эти образцы къ издѣліямъ американскихъ дикарей. Долѣе всего эти гончарныя вещи украшались рельефами посредствомъ клейма или валика, которыми проводили по мягкой еще глинѣ; рисунокъ вслѣдствіе того имѣлъ восточный характеръ; это все еще птицы, львы, сфинксы, олени и т. д., или процессіи, направляющіяся къ возсѣдающему божеству. Нѣкоторыя символическія фигуры имѣютъ форму рыбъ съ человѣческимъ лицомъ; замѣчаются также сложныя печи и жаровни, украшенныя странными фигурами; погребальныя урны, вродѣ древнихъ египетскихъ, съ крышкою ввидѣ человѣческой головы; ручки прикрѣплены къ ушкамъ посредствомъ заклепки“. (Jacqemart, *la Céramique*).

позднѣе латинскимъ языкомъ. Цифры, принятыя римлянами, какъ полагаютъ, придуманы этрусками.

Римляне любили связывать свое происхожденіе съ Энеемъ, бѣжавшимъ изъ Трои и перенесшимъ оттуда своихъ боговъ въ Италію. Но, несмотря на блескъ, какимъ поэзія Виргилія облекла эту народную легенду, дѣлавшую Римъ городомъ, предназначеннымъ богами къ величію, она не можетъ быть допущена исторіей.

На холмѣ Палатинскомъ, Ромулъ, вышедшій изъ Альба-Лонги, нашелъ пріютъ и намѣтилъ мѣсто, въ видѣ четыреугольника, для поселенія, по обычаю этрусковъ, съ обрядами, бывшими тогда въ употребленіи. Онъ основалъ (754), установивъ извѣстныя правила и порядокъ, городъ, который постепенно увеличивался присоединеніемъ, болѣе или менѣе добровольнымъ, сосѣднихъ племенъ.

Народъ Ромула, который многіе слишкомъ склонны считать скопищемъ искателей приключеній, съ самыхъ первыхъ временъ раздѣлялся на *семьи*, на *племена*, съ *религіей* уже опредѣленной, которую преемникъ Ромула соединилъ съ религіей этрусковъ. Хотя римляне были одной крови съ латинянами, они считали себя выше, превосходя ихъ военнымъ знаніемъ и прочнымъ устройствомъ своего государства. Римляне составились изъ нѣсколькихъ народцевъ, жившихъ на склонахъ холмовъ, окаймлявшихъ Тибръ; тѣмъ не менѣе, они быстро образовали собою *народъ* съ опредѣленными границами и были предназначены, вслѣдствіе своей религіозной, общественной и политической дисциплины, къ преобладанію надъ другими націями, продолжавшими еще вести жизнь грубыхъ пастуховъ и горцевъ.

Сходная съ религіей грековъ уже общностью первоначальныхъ преданій, религія римлянъ должна была приближаться къ ней все болѣе и болѣе, вслѣдствіе частыхъ сношеній италійскихъ грековъ съ греками Эллады.

Римляне, какъ и греки, обращали свои молитвы къ богамъ домашняго очага, къ *ларамъ*, затѣмъ, *къ богамъ страны* (мѣстные боги, dii indigetes). Они обожали *Пикуса*, *Фавна*, *Латина*, царившаго, какъ говорили, въ Лаціумѣ, и котораго всего усерднѣе призывали, когда отечеству угрожала опасность, затѣмъ *Ромула*, обоготвореннаго подъ именемъ *Квирина*. Римляне покланялись также *небеснымъ божествамъ* и приняли греческую миѳологію, не развивая ея. Кромѣ того, у нихъ было особое почитаніе *Сатурна*, *Януса*, божества съ двумя лицами, видѣвшаго настоящее и будущее, и *Марса* или Маворса, бога войны. Янусъ былъ символомъ и мира, и войны; храмъ его, открытый во время войны, запирался въ теченіе мира, что̀ случалось

рѣдко. Богиня *Веста* была также однимъ изъ главныхъ божествъ; въ честь ея молодыя дѣвушки, *весталки*, посвятившія ей свою жизнь, поддерживали вѣчный огонь. Богъ *Термъ* (Терминусъ), символъ собственности, былъ также символомъ римскаго могущества; онъ никогда не долженъ былъ отступать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, римляне почитали множество полевыхъ божествъ, *Флору*, *Помону*, *Палеса*, *Пана*, *Мессора*, бога жатвы, *Робиго*, оберегавшаго хлѣбное зерно отъ спорыньи. У нихъ существовало еще особое поклоненіе божествамъ аллегорическимъ: *Добросовѣстности* (которую они больше уважали, чѣмъ выказывали на дѣлѣ), *Фортунѣ*, такъ вѣрно имъ служившей, богу *Консусу*, доброму совѣту. Божества, созданныя римлянами, представляли нравственныя силы и олицетворенныя добродѣтели; ихъ религія имѣла характеръ болѣе корыстный, чѣмъ религія грековъ.

Почти всѣ ихъ божества имѣли свои торжественныя празднества, изъ которыхъ слѣдуетъ упомянуть *Луперкаліи* въ честь Пана, защищавшаго стада отъ волковъ; празднества *Квирина*, бога *Терма*, *Компиталіи* (праздники перекрестковъ) въ честь боговъ-ларовъ, *Сатурналіи*, *Амбарваліи* (полевые праздники), сопровождавшіеся процессіями въ поляхъ, чтобы испросить у боговъ обильную жатву.

Эта послѣдняя часть религіозныхъ обрядовъ была поручена двѣнадцати жрецамъ, называвшимся *Полевыми братьями*. Кромѣ этихъ спеціальныхъ жрецовъ, были еще *Фламины* (жрецы великихъ боговъ), *Саліи* (жрецы бога Марса), которымъ поручено было храненіе священныхъ щитовъ, и *Феціалы*, на которыхъ лежало исполненіе церемоній, предшествовавшихъ объявленію войны и заключенію мира. Сношенія съ сосѣдними народами были, на самомъ дѣлѣ, столько же религіозными дѣйствіями, сколько и политическими. Помимо этихъ особыхъ жрецовъ, священнодѣйствіе возлагалось и на представителей гражданской власти, которые, впрочемъ, всѣ должны были принимать въ немъ участіе. Верховный первосвященникъ (pontifex maximus) избирался изъ главныхъ родовъ, но консулы, а впослѣдствіи и цензоры могли и должны были совершать религіозные обряды. Отецъ семейства былъ жрецомъ своего очага.

Въ Римѣ были и *аруспиціи*, узнававшіе волю боговъ по внутренностямъ животныхъ, и *авгуры*, опредѣлявшіе ее по полету птицъ. Гаданіе, столь любимое греками, еще болѣе цѣнилось римлянами и не утратило своего вліянія даже и тогда, когда разумъ заставилъ отступить миѳологію на второй планъ. Ни одинъ народъ не выказывалъ бо́льшаго суевѣрія и не наблюдалъ съ бо́льшимъ вниманіемъ небесныя

явленія, съ цѣлью вывести изъ нихъ дурныя или хорошія *предзнаменованія*. Въ Римѣ хранились съ большимъ почетомъ книги *сивиллъ*, съ таинственными изреченіями которыхъ справлялись лишь въ особенно важныхъ случаяхъ.

Хотя у римлянъ были свои боги, но они не держались исключительно своей религіи и всегда находили возможнымъ присоединять къ ней ту или другую религію покоренныхъ народовъ. Они не навязывали другимъ своихъ боговъ, а принимали въ число послѣднихъ чужихъ, имѣвшихъ нѣкоторое сходство съ ними. Ихъ небо оставалось, такъ сказать, открытымъ, какъ и ихъ храмы, и они уничтожали, такимъ образомъ, религіозную преграду, преодолѣть которую побѣдителямъ всего труднѣе. Боги другихъ народовъ, соединяясь съ римскими богами, должны были содѣйствовать единству, служившему цѣлью этому честолюбивому народу.

У римлянъ даже честолюбіе имѣло религіозный характеръ. Всемірное владычество уже съ раннихъ поръ казалось имъ призваніемъ, обязанностью, возложенной на Римъ богами, избравшими этотъ городъ изъ всѣхъ прочихъ въ цари міра. Такъ, эти завоеватели скрывали отъ самихъ себя свою алчность и надменность, считая ихъ чѣмъ то законнымъ.

Хотя старинная религія поддерживалась въ теченіе вѣковъ, но вторженіе греческой философіи произвело, въ особенности въ первомъ вѣкѣ до Р. Х., важныя измѣненія въ вѣрованіяхъ. Писатели не побоялись искать въ своемъ собственномъ сознаніи понятія о Богѣ. Цицеронъ, и позднѣе моралисты имперіи—возвысились до пониманія Бога, открывающагося въ природѣ, высшаго разума, устроившаго міръ съ безконечною мудростью. Римскіе философы, теряясь менѣе въ тонкостяхъ, чѣмъ философы Греціи, и оставаясь на практической почвѣ, пришли къ созданію религіи, основанной на разумѣ и совѣсти и выказывавшей недостатки государственной религіи и безсмысленныхъ обрядовъ, которые не въ силахъ были пробудить въ душѣ чувства истиннаго благочестія. Религіозная философія Цицерона и, позднѣе, Сенеки, подготовляла путь христіанскому ученію.

Древняя римская религія, тѣмъ не менѣе, служила крѣпкой связью, соединявшей между собою членовъ римской семьи. Нигдѣ *отеческая власть* не считалась болѣе священною и безусловною. Она продолжалась до тѣхъ поръ, пока отецъ оставался въ живыхъ, даже и тогда, когда у сына была своя семья. Только отецъ былъ свободнымъ съ точки зрѣнія права (sui juris); дѣти, даже совершеннолѣтнія, не принадлежали себѣ (они были alieni juris, т.-е. находились подъ правомъ другого, подъ правомъ отца). Сынъ могъ быть гражданиномъ, даже

занимать общественную должность, но дома онъ находился въ полномъ подчиненіи у отца, вѣрованія котораго должны были быть и его вѣрованіями. Отцовская власть доходила до права продажи сына въ рабство, до права лишенія его жизни, въ случаѣ преступленія. Правосудіе, прежде, чѣмъ перейти къ государству, принадлежало отцу, который былъ жрецомъ и судьей. Сынъ не могъ имѣть собственнаго достоянія, но, по смерти отца, наслѣдовалъ ему. Отецъ могъ лишить дѣтей наслѣдства только по особому распоряженію.

Послѣдствіемъ такой родительской власти было то, что родство считалось прямымъ лишь для потомковъ главы семьи. Если у отца было двое дѣтей, сынъ и дочь, и дочь выходила замужъ, то дѣти ея не наслѣдовали своему дѣду, какъ у насъ: у римлянъ дѣти принадлежали не къ семьѣ матери, а къ семьѣ отца. У нихъ была своя религія, свой глава, которымъ былъ не дѣдъ по матери, и они не имѣли права ему наслѣдовать. Они были представителями бокового родства (cognatio), а не прямого (agnatio).

У римлянъ сынъ былъ въ такой мѣрѣ подчиненъ отцу, что для вступленія въ бракъ долженъ былъ имѣть его согласіе, такъ какъ дѣти его должны находиться не подъ его собственной властью, а подъ властью его отца, пока тотъ живъ. Поэтому бракъ былъ однимъ изъ самыхъ торжественныхъ актовъ. Законнымъ считался только союзъ, заключенный съ согласія главы семьи, при условіи извѣстнаго возраста и между лицами свободнаго состоянія и одинаковыхъ политическихъ правъ, какъ мы это объяснимъ далѣе: это называлось *настоящимъ бракомъ*, который праздновался обыкновенно съ религіозными обрядами (confarreatio), но предоставлялся обыкновенно союзамъ знатныхъ семей. Тѣмъ не менѣе, бракъ существовалъ и для низшихъ классовъ, не будучи освящаемъ религіей, какъ бракъ патриціевъ. Если требуемыя условія не были соблюдены, не могло быть настоящаго брака, дѣти не находились подъ отцовской властью, а имущество, принесенное женой, не подчинялось правиламъ, существовавшимъ относительно приданаго.

Бракъ законный и торжественный возводилъ женщину на степень *супруги* (uxor). Она жила въ томъ же жилищѣ, какъ и ея мужъ, и оно принадлежало ей даже послѣ смерти послѣдняго. Она вполнѣ оставляла свою прежнюю семью и боговъ своей семьи, чтобы войти въ семью мужа и поклоняться его богамъ. Вслѣдствіе этого, если супругъ ея былъ еще подчиненъ отцовской власти, она и дѣти, которыя родились, также должны были покоряться этой власти. Но завѣдываніе имуществомъ, составляющимъ ея приданое, подчиняется извѣстнымъ пра-

виламъ, обезпечивающимъ сохраненіе и возвращеніе этого имущества, если бракъ расторгается смертью. Супруги были обязаны взаимной вѣрностью. *Разводъ*, впрочемъ, бывшій вначалѣ труднымъ, пока бракъ былъ религіознымъ обрядомъ, позднѣе сталъ легче, и римляне часто къ нему прибѣгали.

Супружеская власть не вытекала изъ самого брака. Нуженъ былъ особый актъ, особое согласіе на то, чтобы супруга оказалась, какъ говорилось, подъ властью, *in manu*. Власть (*рука*), весьма схожая съ отеческой властью, обозначаетъ, главнымъ образомъ, власть, проявляемую надъ женщиной ея мужемъ, или опекуномъ. Дѣвушка, оказавшаяся свободной, вслѣдствіе смерти отца, не можетъ оставаться на свободѣ: ей нуженъ опекунъ. Если она выйдетъ замужъ и актомъ передастъ супругу право manus'a, тогда супругъ сдѣлается опекуномъ; безъ такого акта даже замужняя женщина сохраняетъ своего опекуна. Вдова или разведенная,—она не можетъ избѣжать опеки: она всегда находится подъ *властью*. Когда эта власть *manus'a* не была предоставлена супругу торжественнымъ бракомъ (или обрядомъ совмѣстной ѣды [confarreatio]), она передавалась какъ бы продажей жены мужу (coemptio) отцомъ ея или ею самою, съ согласія ея опекуна.

Несмотря на всѣ строгости римскаго права, нравы, болѣе сильные, чѣмъ законы, предоставляли женщинѣ, матери семьи, *матронѣ*, какъ ее называли, почетное мѣсто. Она управляла домомъ, наблюдала за воспитаніемъ дѣтей и оказывала на мужа большое вліяніе. Вообще, женщины раздѣляли славу своихъ семействъ, и если даже, вслѣдствіе брака, онѣ мѣняли семью, то все же пользовались уваженіемъ, какое оказывалось ихъ прежней семьѣ. Римскимъ матронамъ предоставлялась большая свобода, такъ какъ браку покровительствовали самые строгіе законы; большинство изъ нихъ въ высшей степени обладали гордостью, свойственной ихъ расѣ, и чувствомъ чести. Лукреція, лишившая себя жизни, не будучи виновной, осталась однимъ изъ благороднѣйшихъ образцовъ римской доблести, и достаточно было преступленія Секста, чтобы вызвать въ Римѣ возмущеніе 510 г. Римскія женщины долгое время вели простую жизнь, вынуждаемыя къ этой простотѣ строгими *законами противъ роскоши*, которыми опредѣлялся ихъ нарядъ; онѣ работали, старательно исполняли свои домашнія обязанности и держались въ сторонѣ отъ общественныхъ дѣлъ; однажды, когда онѣ явились на Форумъ требовать отмѣны закона противъ роскоши, онѣ были грубо отвергнуты Катономъ. Впрочемъ, и въ то время, когда онѣ оставались въ своей скромной роли, онѣ такъ же, какъ и ихъ мужья, горячо относились къ славѣ и величію Рима. Корнелія гордилась тѣмъ,

что была дочерью Сципіона Африканскаго, но честь называться матерью Гракховъ была для нея еще выше.

„Во время войны, веденной Порсенной противъ римлянъ, послѣдніе испытали неудачу и заключили миръ, выдавъ заложниками десять юношей и десять молодыхъ дѣвушекъ. Однажды молодыя римлянки спустились къ Тибру, какъ бы для купанья, и нѣсколько отдалились. По просьбѣ одной изъ нихъ, Клеліи, онѣ поплыли вверхъ по теченію, очень быстрому, и переправились вплавь черезъ глубокія пучины, держась другъ за друга, съ невѣроятнымъ трудомъ и, опасностью. Другіе разсказываютъ, что Клелія встрѣтила лошадь и, съ ея помощью, осторожно переправилась черезъ рѣку, между тѣмъ, какъ ея подруги слѣдовали за нею вплавь, ободряемыя и поддерживаемыя ею, вопреки всѣмъ затрудненіямъ. Когда римляне увидали, что онѣ возвратились здоровыми и невредимыми, они восхищались ихъ энергіей и смѣлостью, но, тѣмъ не менѣе, отнеслись къ этому возвращенію неодобрительно, и не могли допустить мысли оказаться передъ кѣмъ бы то ни было недобросовѣстными. Они отдали молодымъ дѣвушкамъ приказъ вернуться назадъ и отправили ихъ съ конвоемъ. Въ тотъ моментъ, когда онѣ должны были вновь переплывать рѣку, Тарквиній поставилъ засаду, чтобы завладѣть этими дѣвушками. Но Валерія, дочь консула Публиколы, могла добѣжать съ тремя изъ своихъ слугъ до лагеря Порсенны, и сынъ этого царя, Арунъ, быстро явившійся на помощь остальнымъ римлянкамъ, освободилъ ихъ изъ рукъ непріятелей. Когда ихъ привели къ царю, этотъ послѣдній потребовалъ, чтобы онѣ указали, кто была зачинщицей этого бѣгства. Всѣ, дрожа за Клелію, хранили молчаніе; но она сама назвала себя. Проникнутый удивленіемъ, Порсенна велѣлъ привести лошадь, подарилъ ее Клеліи и отправилъ ихъ всѣхъ обратно. Царь, пораженный энергіей и смѣлостью молодой дѣвушки, несвойственными ея полу, призналъ ее достойной подарка, приличнаго для воина. На Священной дорогѣ можно видѣть конную статую женщины, изображающую Клелію, по словамъ однихъ, а по мнѣнію другихъ,—Валерію“ [1]).

Отеческая власть была такъ сильна у римлянъ, что отецъ могъ отказаться отъ нея не иначе, какъ троекратно выразивъ свою волю. Необходимы были три *мансипаціи* или послѣдовательныя продажи, для того, чтобы освободить сына, эмансипировать его (отсюда происходитъ это слово современнаго языка). Для этой цѣли отецъ *мансипировалъ* (продавалъ) его третьему лицу (обыкновенно другу), который затѣмъ

---

[1]) Плутархъ.

давалъ ему свободу, какъ рабу. Продажа и освобожденіе должны были повторяться три раза, чтобы сынъ могъ принадлежать себѣ, сдѣлаться *sui juris*. Освобожденный сынъ пріобрѣталъ право свободно распоряжаться имуществомъ (peculia), предоставленнымъ ему отцомъ; но онъ уже переставалъ принадлежать къ семьѣ и терялъ право наслѣдованія.

Формальностью, чаще встрѣчавшейся у римлянъ, было *усыновленіе*. Надо было заботиться о *продолженіи семьи*. Въ томъ случаѣ, если не было родныхъ дѣтей, надо было пріобрѣсти ихъ путемъ усыновленія дѣтей изъ другой семьи. Усыновлять можно было даже людей пожилыхъ, обладавшихъ всѣми правами (sui juris); это называлось *адрогаціей*, усыновленіемъ свободнаго человѣка. Впрочемъ, эта послѣдняя форма усыновленія разрѣшалась только лицамъ, не имѣвшимъ вовсе дѣтей и потерявшимъ надежду имѣть ихъ; она окружалась торжественными обрядами и совершалась лишь съ одобренія первосвященниковъ. Усыновленный такимъ образомъ, свободный человѣкъ терялъ свою независимость и подчинялся власти того, кто принималъ его, какъ сына. Все, чѣмъ онъ владѣлъ, переходило къ его новому отцу.

Усыновленіе сопровождалось формами не менѣе сложными, чѣмъ адрогація. Надо было отрѣшить отъ власти настоящаго отца и создать отеческую власть пріемному отцу. Чтобы отказаться отъ отцовской власти (patria potestas) надъ своимъ сыномъ, отецъ долженъ былъ его *мансипировать* три раза, какъ это уже объяснено выше. Затѣмъ отецъ, пріемный отецъ и усыновляемый являлись въ судъ для совершенія формальностей судопроизводства. Пріобрѣтатель требовалъ сына, отецъ не противился, и судъ объявлялъ это утвержденнымъ. Усыновленный вступалъ тогда въ свою новую семью, оставался тамъ, дѣлался наслѣдникомъ. Усыновленіе разрѣшалось даже тѣмъ, у кого были дѣти. Отецъ могъ усыновить свою невѣстку.

То, что̀ мы говорили о семейныхъ узахъ, относится исключительно лишь къ лицамъ свободнымъ. Помимо всѣхъ политическихъ различій, существовало коренное различіе между *людьми свободными* и *рабами*. Людьми свободными были *свободнорожденные*, и никто не могъ пріобрѣсти гражданскихъ правъ, если было какое-либо пятно на его происхожденіи. Остальные были *рабы*.

Рабство тяготѣло надъ военноплѣнными, надъ приговоренными къ унизительному наказанію и надъ неисправными должниками и т. п. Рабъ, принадлежалъ ли онъ государству (servus publicus) или гражданину, переставалъ быть человѣкомъ. Представляя собственность своего господина, для котораго онъ былъ только *вещью*, рабъ не имѣлъ никакой юридической личности. Его бракъ не былъ ни гражданскимъ,

ни религіознымъ актомъ, и не приводилъ ни къ какимъ послѣдствіямъ законнаго брака. У раба нѣтъ семьи даже и тогда, когда у него есть дѣти; они становятся рабами, уже вслѣдствіе факта своего рожденія. Рабъ составляетъ часть семьи своего господина (familia) въ томъ смыслѣ, что онъ находится подъ властью отца семейства и не можетъ брать на себя никакого обязательства, ни пріобрѣтать чего-либо иначе, какъ при посредствѣ своего господина. Власть господина надъ рабомъ была столь безусловной, что превращалась даже въ право надъ его жизнью и смертью. Понадобились цѣлые вѣка, и значительные успѣхи философіи, чтобы, во времена имперіи, законы смягчили слишкомъ суровыя стороны этой власти, которою часто злоупотребляли.

Рабъ былъ частью имущества своего господина: поэтому онъ могъ быть проданъ и представлялъ собою *продажную вещь* (res mancipi). Если господинъ не хотѣлъ совсѣмъ *отчуждать* своего раба, онъ могъ оставить за собой право собственности надъ нимъ, и уступить лишь право *пользованія* имъ. Все, что̀ производилъ рабъ, принадлежало его господину, который предоставлялъ ему лишь самую малую долю результата его труда для составленія небольшихъ сбереженій, *пекулія*. Рабъ обязанъ былъ исполнять не только полевыя и домашнія работы; зная какое-либо ремесло, онъ долженъ былъ работать въ пользу своего господина, и это создало особое экономическое положеніе, послѣдствія котораго обнаружились позднѣе.

Рабы, въ видѣ признательности своихъ господъ, получали иногда званіе *отпущенниковъ*. У римлянъ, во всемъ придерживавшихся формальностей, это сопровождалось особыми церемоніями для обозначенія перехода отъ рабства къ свободѣ: чаще всего это былъ процессъ фиктивный. Какой-либо гражданинъ являлся въ судъ вмѣстѣ съ господиномъ и требовалъ себѣ раба, какъ принадлежащаго ему. Господинъ не противился тому, и судъ присуждалъ раба просителю, который, ударивъ его прутикомъ, объявлялъ свободнымъ. Это было освобожденіе путемъ *виндикты* (vindicta). Господинъ имѣлъ также право, при каждомъ пересмотрѣ *ценза*, записать рабовъ въ ряды гражданъ: это значило отпустить ихъ. Онъ могъ отпустить ихъ и по *завѣщанію*.

Отпущенникъ дѣлался свободнымъ, но на его происхожденіи оставалось пятно; отпущенники и сыновья отпущенниковъ составляли въ Римѣ многочисленный классъ, посредствующій между рабами и свободнорожденными. Отпущенникъ не освобождался вполнѣ отъ обязанностей по отношенію къ своему прежнему господину, превращавшемуся для него въ *патрона*. Онъ долженъ былъ почитать послѣдняго и не могъ начинать противъ него уголовнаго преслѣдованія; даже для гражданскаго

иска онъ долженъ былъ получить разрѣшеніе претора. Патронъ сохранялъ право наслѣдованія имущества отпущенника и право опеки надъ отпущенникомъ малолѣтнимъ. Отпущенникъ, поставленный во главѣ торговаго предпріятія, долженъ былъ отдавать патрону часть доходовъ; часто онъ даже не покидалъ дома патрона, продолжая служить ему, въ качествѣ секретаря или управляющаго. Если отпущенникъ дурно исполнялъ свои обязательства, патронъ могъ преслѣдовать его и присвоить половину его имущества. Неблагодарный отпущенникъ могъ возбудить противъ себя уголовное дѣло со стороны своего господина и навлечь на себя тѣлесное наказаніе. Впрочемъ, и патронъ имѣлъ обязанности по отношенію къ отпущеннику; онъ долженъ былъ заниматься его дѣлами, присутствовать при его судебныхъ дѣлахъ и, послѣ его смерти, похоронить его въ семейной усыпальницѣ.

Отпущенники лишены были права занимать общественныя должности, и возвышеніе отпущенниковъ совпало съ политическимъ упадкомъ. Они не допускались и къ *военной службѣ*, которая всегда считалась почетной. До временъ Августа они не могли заключать браковъ въ семействахъ свободнорожденныхъ: законъ оказывался не менѣе строгимъ, чѣмъ предразсудокъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ они могли быть подвергнуты пыткѣ, въ качествѣ свидѣтеля, но только не противъ своего патрона. Нужны были вѣка, чтобы уменьшить разстояніе, раздѣлявшее свободнорожденныхъ отъ отпущенниковъ и потомковъ послѣднихъ.

Римляне установили собственность на законахъ столь же строгихъ, какъ и семейные законы. *Правомъ собственности* у нихъ было право *владѣнія* (dominium), пользованіе и потребленіе. Исходя отъ завоеванія и религіи, оно олицетворялось въ видѣ *копья* (hasta), проносившагося передъ судомъ, и *рубежа*, посвященнаго богу *Терму*, намѣчавшему границы полей. *Въ полности право собственности* (*ex jure Quiritium*) [1] *принадлежало лишь римскимъ гражданамъ*, въ особенности, когда дѣло касалось римской земли. Даже продавъ свое имущество, римскій гражданинъ могъ впослѣдствіи требовать его обратно. Словомъ, римская собственность была священной, почти не отчуждаемой, и уже въ раннюю эпоху она различалась отъ *простого пользованія* (*in bonis*), не требовавшаго торжественныхъ формулъ. Одинъ только глава семьи вполнѣ владѣлъ собственностью; всѣ другіе члены семьи пріобрѣтали только для него.

Для отчужденія *продажныхъ вещей* (*res mancipi*, на которыя собственникъ имѣлъ полное право), нужно было содѣйствіе восьми лицъ

---

[1] Римляне называли себя также *Квиритами*, народомъ Квирина.

и продажа искусственно производилась при помощи вещественнаго символа (per aes et libram—мѣди и вѣсовъ). Каждый изъ принимавшихъ участіе въ этомъ актѣ продажи, долженъ былъ быть римскимъ гражданиномъ. Другой формой, не менѣе торжественной, былъ фиктивный процессъ въ судѣ (*in jure cessio*). Простой обмѣнъ, *передача* примѣнялась только къ вещамъ *непродажнымъ*, предметамъ незначительнымъ; тоже можно сказать и о *присвоеніи по праву давности* или пользованіи въ силу обычая.

Привязанность къ землѣ должна была вызвать у римлянъ сложное законодательство относительно даренія, наслѣдованія и завѣщанія. Въ дѣйствительности, отецъ могъ свободно распоряжаться своимъ имуществомъ: онъ могъ распредѣлить его между своими друзьями, лишь бы онъ ясно, неоспоримымъ актомъ, выразилъ свою волю.

Рабъ могъ наслѣдовать и даже не вправѣ былъ отказаться отъ наслѣдства, когда, напримѣръ, глава семьи оставлялъ лишь одни долги. Тогда на раба ложился позоръ продажи имущества, производившейся кредиторами. Въ этомъ заключалась одна изъ тѣхъ уловокъ, одна изъ остроумныхъ и безнравственныхъ фикцій, съ помощью которыхъ римляне старались найти законный порядокъ для того, что̀ не оправдывалось нравственностью. Ихъ юрисконсульты отмѣчали всевозможные случаи, придумывали всякаго рода предположенія; касалось ли дѣло имущества или лицъ, сельскихъ или домашнихъ рабовъ, завѣщаній или продажъ, ими все было предусмотрѣно, все организовано съ такими подробностями, съ такою опредѣленностью, что новѣйшіе законодатели могли только примѣнять эти правила къ главнымъ основамъ гражданскаго права.

Римское общество не состояло изъ простого соединенія естественныхъ семействъ. Семья (familia) уже сама по себѣ весьма обширная, такъ какъ къ ней причислялись и рабы, включала еще множество лицъ, связанныхъ съ нею не кровными узами, а извѣстными выгодами и религіей. *Политическая семья*, если можно такъ назвать этотъ своеобразный союзъ, называлась *родомъ* (gens). Лица, связанныя съ такой семьей, а ихъ могло быть нѣсколько тысячъ, назывались *клієнтами*.

Въ Римѣ родъ былъ и остался основою политическаго строя. Вокругъ естественной семьи, находившейся подъ властью одного главы, считавшей его и главой домашняго культа, единственнаго собственника наслѣдственнаго имущества и, въ случаѣ надобности, единственнаго судьи, сосредоточивались люди, признававшіе его главою, почитавшіе боговъ его очага и отдававшіеся подъ его покровительство. Многочисленные *клієнты* составляли силу и славу рода, носившаго имя, съ гор-

достью передававшееся изъ вѣка въ вѣкъ: таковы были роды *Корнеліевъ*, *Клавдіевъ*, *Фабіевъ*, *Аппіевъ*, *Юліевъ* и т. д. *Кліенты* получили или землю, или деньги: ихъ привязывала выгода и благодарность; законъ и обычай вмѣняли имъ въ обязанность преданность и даже денежную повинность своему патрону; патронъ, въ свою очередь, обязанъ былъ непосредственно помогать своимъ кліентамъ и защищать ихъ. Обязанные взаимной вѣрностью, патронъ и кліентъ не могли на судѣ обвинять одинъ другого или быть свидѣтелями другъ противъ друга. Кліенты каждаго главы семьи были разсѣяны и въ городѣ, и въ деревнѣ, но они готовы были собраться по первому его призыву для жертвоприношенія, для политической борьбы или даже для похода за предѣлы отечества: извѣстно, что нѣкоторыя многочисленныя семьи отваживались съ одними лишь кліентами вторгаться въ непріятельскія земли, жертвуя собою для блага Рима [1]).

Семьи или роды соединялись и образовали *куріи*, а затѣмъ *трибы*. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ и *религіозной* организаціей, такъ какъ курія совершала общія жертвоприношенія; *военной*, потому что курія имѣла и боевое устройство, и *гражданской*, такъ какъ въ томъ же порядкѣ соединялись и для подачи голосовъ, и для битвы. Во времена Ромула было *тридцать курій*, раздѣленныхъ на три *трибы*, по десяти въ каждой. *Роды*, такимъ образомъ соединявшіеся между собою, составляли войско и народъ. Отсюда произошло римское *государство*.

Изъ начальниковъ родовъ, отцовъ или *патриціевъ* (*patres*), выбирался общій совѣтъ государства, *сенатъ*, состоявшій сперва изъ ста членовъ, затѣмъ изъ двухъ-сотъ, и, наконецъ, изъ трехъ сотъ. Должностныя лица могли выбираться только изъ числа патриціевъ, такъ какъ служба требовала исполненія религіозныхъ обрядовъ, которые могли совершаться лишь патриціями, знакомыми съ ними. Въ первые времена, во времена царей, Римъ былъ лишь могущественной аристократіей, опиравшейся на многочисленныхъ кліентовъ.

Кромѣ этого ядра римскаго народа, въ Римѣ было еще не мало людей, попавшихъ туда, благодаря завоеваніямъ или торговлѣ, не пользовавшихся благами крѣпкой, религіозной организаціи семьи. Не имѣя ни *очага*, ни *закона*, эти люди, даже обогатившись, оставались въ низшемъ, подчиненномъ положеніи. Масса ихъ пополнялась кліентами, покидавшими *родъ*, и сыновьями, рожденными въ бракѣ, совершенномъ безъ торжественныхъ обрядовъ. Для нихъ не существовало никакой религіи, домашняго очага, никакого частнаго права, никакой родитель-

---

[1]) Фабіи на берегахъ р. Кремеры.

ской власти, никакой собственности, въ тѣсномъ смыслѣ слова, никакого способа распоряжаться своимъ имуществомъ по завѣщанію, такъ какъ послѣднее, вначалѣ, могло быть сдѣлано не иначе, какъ въ собраніи курій. Они образовали собою *плебсъ*, къ которому патрицій чувствовалъ презрѣніе, гораздо болѣе глубокое, чѣмъ когда-либо побѣдитель чувствовалъ къ побѣжденному населенію. Эти двѣ части государства долго жили рядомъ, не смѣшиваясь другъ съ другомъ; ихъ соперничество составляетъ главный интересъ внутренней политики Рима и является однимъ изъ любопытнѣйшихъ явленій исторіи древняго міра.

Сильно стѣсняемые аристократами—патриціями, цари покровительствовали плебсу, и Сервій Туллій, предпослѣдній царь римскій (578—534), далъ имъ мѣсто въ жизни государства. Онъ раздѣлилъ римскій народъ на *четыре трибы* въ городѣ и *двадцать шесть* въ деревняхъ [1]); распредѣляя ихъ не по рожденію, а по мѣсту жительства. При такой организаціи, плебей оказался рядомъ съ патриціемъ, своимъ сосѣдомъ, а кліентъ—отдѣленнымъ отъ своего патрона, если тотъ жилъ въ другомъ кварталѣ. Каждой трибѣ былъ предоставленъ очагъ, и плебеи получили такъ же право жертвоприношеній, т. е. религію, которой у нихъ не было. Для переписи, ценза, и общаго очищенія (lustrum), плебеи и патриціи соединялись и вмѣстѣ принимали участіе въ священнодѣйствіяхъ. Наконецъ, Сервій придумалъ, какъ Солонъ въ Аѳинахъ, помимо земельнаго раздѣленія на трибы или области, раздѣленіе гражданъ, патриціевъ и плебеевъ, по ихъ богатству.

Было установлено *шесть классовъ* [2]): первый, состоявшій изъ тѣхъ, кто имѣлъ доходъ, превосходившій 2.625 р. на наши деньги, сражался въ первыхъ рядахъ легіона и имѣлъ полное вооруженіе, прикрывавшее все тѣло; второй классъ (1.875 р. дохода) имѣлъ такое же вооруженіе, но безъ латъ; третій (1.312 руб.) не имѣлъ вовсе предохранительнаго вооруженія, кромѣ шлема; четвертый (637 руб.) былъ вооруженъ только копьемъ и дротикомъ; пятый (около 300 руб.) обходился лишь пращею. Эти два послѣдніе класса составляли то, что мы называемъ легкой пѣхотой, остальные—пѣхоту, тяжело вооруженную. Шестой и послѣдній классъ (имѣвшій доходъ самый ничтожный или вовсе не имѣвшій его) былъ исключенъ изъ военной службы: это былъ классъ *пролетаріевъ*.

Кадры, организованные Сервіемъ, были одновременно кадрами воен-

---

1) Это число трибъ позднѣе было опять увеличено.

2) Или пять, если не считать послѣдній классъ, пролетаріевъ, которые, въ дѣйствительности, не принимались въ разсчетъ.

ными и политическими. Каждый классъ подавалъ голоса *центуріями*. Въ этомъ обнаруживается уступка, сдѣланная патриціямъ, недовольнымъ этими коренными измѣненіями. Сервію вздумалось ослабить послѣдствія своего дѣла умноженіемъ центурій въ обратномъ отношеніи къ числу гражданъ, записанныхъ въ каждомъ классѣ. Первый, заключавшій наименѣе значительное число людей, имѣлъ 80 подраздѣленій или центурій, съ прибавленіемъ еще 18 центурій *всадниковъ*, т. е. тѣхъ, кто составляли собою конницу и получали лошадь отъ государства. Второй классъ, неизбѣжно болѣе многочисленный, чѣмъ первый, имѣлъ только 22 центуріи, третій—20, четвертый—30 и пятый—22. Шестой классъ, не ходившій на войну, не имѣлъ подраздѣленій и состоялъ лишь изъ одной центуріи.

Кромѣ собраній, называемыхъ собраніями *центурій* (въ противуположность собраніямъ *курій*, состоявшимъ исключительно изъ патриціевъ и уцѣлѣвшимъ при новомъ порядкѣ), голоса подавались цѣлыми центуріями, а не отдѣльными лицами. Вслѣдствіе того, первый классъ имѣлъ 98 голосовъ, второй—22 и т. д., а послѣдній, допущенный въ собраніе, хотя и вовсе не принадлежалъ къ войску, имѣлъ лишь *одинъ* голосъ и, въ дѣйствительности, былъ лишенъ политическихъ правъ. Въ собраніяхъ центурій, долгое время происходившихъ чаще всѣхъ другихъ, даже послѣ изгнанія царей, патриціи, такимъ образомъ, сохраняли преобладающее значеніе. Тѣмъ не менѣе, имъ такъ непріятно было раздѣлять власть съ плебеями, что они возненавидѣли Сервія, и этотъ царь погибъ, сброшенный съ верхней ступени храма, гдѣ засѣдалъ сенатъ.

Послѣ новой попытки возстановить монархію, патриціи, утомленные тираніей Тарквинія Гордаго, воспользовались преступленіемъ Секста Тарквинія, чтобы *уничтожить царскую власть* (510). Эта революція, произведенная патриціями въ свою пользу, не измѣнила участи плебса, подчиненнаго, какъ и прежде, гнету начальниковъ *родовъ*. Два консула стали царями безъ этого названія, но *царями на одинъ годъ*. Патриціи сдѣлались еще болѣе горделивыми и жестокими по отношенію къ плебеямъ, подавленнымъ тяжестью долговъ и жившимъ подъ угрозой обращенія въ рабство.

Быть можетъ, до сихъ поръ еще не оцѣненъ вполнѣ настоящій практическій инстинктъ римскаго плебея. Повидимому, удалившись на Священный холмъ (493), народъ могъ немедленно потребовать общаго равенства. Но онъ объ этомъ пока еще не думалъ. Онъ требовалъ лишь, вмѣстѣ съ облегченіемъ долговъ, *допущенія плебеевъ къ общественнымъ должностямъ*. Онъ добился *трибуната* и объявилъ себя

удовлетвореннымъ. Такой результатъ можетъ показаться незначительнымъ, если принять во вниманіе, что удаленіе плебеевъ могло повести за собою паденіе Рима. Но это была побѣда, положившая начало всѣмъ дальнѣйшимъ побѣдамъ.

Съ этого времени народъ имѣлъ своихъ вождей, *трибуновъ*, выбранныхъ изъ его среды и одушевленныхъ всѣми его страстями. Власть трибуновъ, правда, можетъ возбуждать только улыбку, такъ какъ у нихъ не было никакой служебной дѣятельности. Избираемые для охраны интересовъ плебеевъ, они имѣли право лишь противиться несправедливостямъ, которыхъ были свидѣтелями, на такомъ разстояніи, на какомъ можно было видѣть ихъ жесты и слышать ихъ голосъ. Но они имѣли задерживающее право veto („запрещаю"), которое могло остановить политическую жизнь римской республики. Какого-нибудь гражданина влечетъ въ тюрьму его кредиторъ; если трибунъ это видитъ, онъ приближается и говоритъ: „veto", запрещаю; должникъ остается на свободѣ до дня суда. Сидя у дверей, а затѣмъ и внутри сената, трибуны слушали сужденія патриціевъ: если постановленіе, которое должно уже было перейти въ собраніе центурій, казалось имъ не согласнымъ съ интересами плебеевъ, одинъ изъ трибуновъ вскрикивалъ *veto*, и законъ отмѣнялся. Если для подавленія противодѣйствія народа, консулы призывали войска подъ знамена, пользуясь закономъ, что въ легіонѣ римляне—уже не граждане, а солдаты, одинъ изъ трибуновъ могъ воспротивиться призыву, и сказанное имъ *veto* останавливало призывъ. Эта, повидимому, отрицательная власть, благодаря находчивости и всевозростающей смѣлости трибуновъ, превратится со временемъ въ могущественную дѣятельность и чудодѣйственную энергію.

Чтобы создать даже эту общественную должность для плебеевъ, нужны были религіозныя церемоніи, которыя давали бы трибунамъ *священный* характеръ. Считалось преступленіемъ ихъ толкнуть, а тѣмъ болѣе ударить. Самые презираемые трибуны могли свободно ходить среди наиболѣе раздраженныхъ патриціевъ. Никто, даже консулъ, ничѣмъ не могъ угрожать трибуну, и противъ злоупотребленій кого-либо изъ нихъ не было средства, кромѣ помощи одного изъ его же товарищей. „То, что сдѣлалъ трибунъ,—говоритъ законъ,—можетъ быть уничтожено только трибуномъ"; нужно было согласіе пяти (а позднѣе десяти) трибуновъ, чтобы ихъ рѣшенія имѣли силу.

Трибуны не довольствуются однимъ лишь протестомъ противъ дѣйствій патриціевъ; они дѣйствуютъ сами, они часто созываютъ *собраніе трибъ*, т. е. тѣхъ частей города, которыя подаютъ голоса поголовно. Въ этихъ собраніяхъ они добиваются постановленій, называемыхъ *плебисцитами*

(plebis-scitum), обязательныхъ вначалѣ только для плебеевъ (471). Посредствомъ народныхъ возмущеній, трибуны достигнутъ впослѣдствіи того, что плебисцитъ сдѣлается обязательнымъ для всего *римскаго народа* (339). Они постоянно противупоставляютъ *собранія трибъ собраніямъ центурій*, гдѣ они не могутъ имѣть перевѣса. Они возбуждаютъ народъ рѣчами, увлекаютъ его къ защитѣ силою всякаго рода свободы, и названіе ихъ пріобрѣтаетъ смыслъ, навсегда сохранившійся за нимъ—пылкихъ вождей народныхъ массъ; они завязываютъ борьбу, которая приводитъ къ установленію *равенства гражданскаго, общественнаго, политическаго и религіознаго*.

Чтобы добиться гражданскаго равенства, трибунамъ достаточно было принудить патриціевъ составить точные законы, которые были бы всѣмъ извѣстны. Это изложеніе законовъ, порученное *децемвирамъ*, должностнымъ лицамъ, надѣленнымъ неограниченной властью, едва не повело къ насильственному противодѣйствію со стороны патриціевъ и къ ограниченію свободы, которой добивались трибуны. Законы, вырѣзанные на *двѣнадцати* мѣдныхъ *таблицахъ* и выставленные на форумѣ, сохраняли еще, несмотря на заимствованіе изъ греческихъ законодательствъ, грубость древняго права. Но уже самое обнародованіе ихъ означало шагъ впередъ: законъ высвобождался изъ религіозной области и становился человѣческимъ; онъ исходилъ уже не отъ боговъ, а отъ народа. „Законъ есть то, что окончательно установлено народнымъ голосованіемъ“ [1]). Если народъ создаетъ законъ, онъ будетъ имѣть возможность его измѣнить. Такимъ образомъ, право будетъ развиваться сообразно прогрессу общества.

Кодексъ Двѣнадцати Таблицъ (450 — 449) смягчаетъ нѣкоторыя строгости первобытнаго права допущеніемъ раздѣла наслѣдства послѣ отца между всѣми сыновьями, тогда какъ прежде оно предоставлялось только старшему; этотъ кодексъ ограничиваетъ и отцовскую власть, теряющую силу послѣ троекратной продажи сына, и облегчаетъ завѣщанія новыми правилами, доступными плебеямъ. Но всего важнѣе было торжество начала гражданскаго равенства, достигавшееся обнародованіемъ закона, доступнаго для всѣхъ. Законъ Двѣнадцати Таблицъ не дѣлаетъ уже никакого различія между патриціями и плебеями. „Если,—гласитъ онъ,—кто-либо совершитъ то или другое преступленіе, онъ долженъ быть такъ-то наказанъ“. Такимъ образомъ, прекратился произволъ прежняго времени, когда патриціи одни только знали юридическія постановленія и могли ихъ смягчать или усиливать, смотря по

---

[1]) Титъ Ливій, VII, IX, 33—34.

тому, касалось ли дѣло патриція или плебея. Текстъ закона, выставленный на виду, на форумѣ, былъ одинаковъ для всѣхъ. Передъ Двѣнадцатью Таблицами не было болѣе ни патриціевъ, ни плебеевъ; были одни лишь граждане: это — то, что мы называемъ *равенствомъ передъ закономъ* или *гражданскою равноправностью*.

Оскорбленіемъ, особенно чувствительнымъ для богатыхъ плебеевъ, было запрещеніе брачныхъ союзовъ съ семьями патриціевъ. Трибуны постоянно возбуждали плебеевъ, ставя имъ на видъ, какія оскорбленія и униженія испытываютъ они, не будучи допускаемы въ семьи патриціевъ, какъ будто плебейское происхожденіе налагало неизгладимое клеймо. „Почему же,—говорилъ Канулей,—почему не постановятъ также, что плебей не долженъ жить въ сосѣдствѣ съ патриціемъ, ходить по одной дорогѣ съ нимъ, сидѣть за однимъ столомъ и встрѣчаться на форумѣ?“ Патриціямъ пришлось уступить (445).

Впрочемъ, другая форма брака, доступная плебеямъ, стремилась все болѣе и болѣе къ замѣнѣ торжественнаго брака (confarreatio) бракомъ черезъ покупку (coemptio). Въ послѣднемъ не было религіозныхъ обрядовъ; это былъ простой гражданскій актъ, но все-таки имѣвшій въ себѣ болѣе достоинства, чѣмъ простой бракъ, состоявшій лишь въ согласіи обѣихъ сторонъ. Поэтому, бракъ могъ имѣть всѣ законныя послѣдствія для плебейскихъ семействъ, и послѣднія вскорѣ стали вступать въ брачныя отношенія съ семействами патриціевъ. Безъ сомнѣнія, нравы и предразсудки долгое время имѣли болѣе силы, чѣмъ законъ: ничто не держится такъ упорно, какъ гордость; тѣмъ не менѣе, преграда между двумя сословіями пала; патрицій не терялъ своего положенія, женясь на плебеянкѣ,—это уже было *общественное равенство*.

Теперь не было уже препятствій для установленія и политическаго равенства. Какъ скоро патриціи допускали плебеевъ къ своему очагу и къ участію въ домашнихъ и религіозныхъ обрядахъ, они не имѣли причины устранять ихъ отъ почетныхъ должностей. Однако, патриціи противились тому въ теченіе еще почти цѣлаго вѣка. Они отступали, безъ сомнѣнія, передъ надвигавшимся на нихъ приливомъ, но медленно, горделиво, оспаривая каждую позицію, придумывая всевозможныя уловки, чтобы отдалить свое пораженіе, становившееся неизбѣжнымъ.

Вмѣсто того, чтобы отказаться отъ консульства, они расчленяютъ его, отнимая у него одно изъ правъ, наиболѣе священныхъ и важныхъ, а именно, право *цензa*, которое съ 444 года переходитъ къ особымъ должностнымъ лицамъ, *цензорамъ*, избираемымъ изъ патриціевъ. Они даже устраняютъ на нѣкоторое время консульскую власть, замѣняя ее *военнымъ трибунатомъ*, доступнымъ и для плебеевъ.

Въ 366 г. патриціи согласились, наконецъ, раздѣлить консульство съ плебеями. Они, впрочемъ, опять ослабили его, отдѣливъ отъ него *преторство*, право отправленія правосудія. Они оставили также за собою должности *курульныхъ эдиловъ*, распоряжавшихся на общественныхъ играхъ. Тѣмъ не менѣе, плебеи взяли свое. Съ тѣхъ поръ, какъ они могли облекаться въ консульскій пурпуръ, предводительствовать войскомъ, занимать, однимъ словомъ, высшія должности въ республикѣ, борьба утратила всякій интересъ. Поэтому патриціи, хотя и не совсѣмъ добровольно, допустили плебеевъ къ занятію должностей *диктаторовъ* (356), *цензоровъ* (352), *преторовъ* (337) и *квесторовъ* (321 г.). Въ это время политическое равенство, осуществившееся съ 336 г., стало уже полнымъ.

Патриціи продолжали еще держать въ своихъ рукахъ религію. Трибуны вскорѣ поняли, что имъ не удастся извлечь настоящей пользы изъ политическихъ уступокъ, добытыхъ отъ патриціевъ, если никто изъ нихъ самихъ не будетъ исполнять обязанностей жрецовъ. Авгуръ могъ распустить собраніе, потому что знаменія не благопріятствовали ему, а патриціанскіе авгуры не останавливались передъ истолкованіемъ небесныхъ явленій или полета птицъ, сообразно выгодамъ своего сословія. Патриціи напрасно возмущались тѣмъ, что люди, которыхъ они считали чуждыми и недостойными, должны запятнать древніе, національные обряды. Пришлось устранить послѣднее препятствіе, мѣшавшее установленію согласія. Съ 301 года плебеи могли уже занимать должность первосвященника. *Религіозное равенство* увѣнчивало теперь и освящало всѣ прочія.

Съ третьяго вѣка до Р. Х. въ Римѣ не было уже болѣе двухъ народовъ.

Сословіе патриціевъ, при всей своей энергіи и умѣлости, не составляло, даже вмѣстѣ съ кліентами, достаточно многочисленнаго населенія, чтобы предпринимать отдаленныя завоеванія. Плебеи, лишенные точныхъ установленій, общественныхъ правъ, домашней и общественной религіи, также не представляли собой настоящаго народа. Соглашеніе между патриціями и плебеями повело къ образованію сильной національности, испытанной суровыми обстоятельствами, пылкой и горѣвшей желаніемъ перенести за предѣлы отечества дѣятельность, которая не нужна была на форумѣ, благодаря внутреннему миру.

Кромѣ того, въ теченіе этихъ двухъ вѣковъ борьбы, учрежденія Рима завершились и усовершенствовались; политическій духъ его установился. Опытъ позволялъ лучше распредѣлять власть и примирять дисциплину, единство управленія, съ свободою, столь дорогою римля-

намъ. Съ 301 г. управленіе римской республики вполнѣ опредѣляется, какъ сочетаніе аристократическаго и демократическаго элементовъ. Это—своеобразный порядокъ, въ которомъ народъ, довольный признаніемъ своихъ правъ, подчинялся вождямъ изъ рядовъ аристократіи, а патриціи, забывая свои неудовольствія, сохраняли, благодаря важности своихъ услугъ, высшее положеніе, пользуясь имъ для возвеличенія Рима.

Каковы бы ни были измѣненія, допущенныя въ римскихъ учрежденіяхъ, управленіе всегда сосредоточивалось въ *сенатѣ*. Священный совѣтъ изъ трехъ-сотъ лицъ, избираемыхъ среди самыхъ вліятельныхъ или прославленныхъ отцовъ семействъ, сенатъ обсуждалъ законы или важныя рѣшенія. Онъ наблюдалъ за общественной казной, рѣшалъ вопросы войны и сношеній съ сосѣдними или покоренными народами. Въ случаѣ серьезной опасности, онъ могъ облечь консуловъ неограниченною властью. Онъ вѣдалъ также религіозные вопросы и даже засѣдалъ въ храмѣ—въ Капитоліи, въ храмѣ Согласія или Беллоны. Предсѣдатель (глава сената—princeps senatus) предлагалъ вопросъ для обсужденія; ораторы объяснялись между собою, и сенаторы подавали голоса, становясь на ту или на другую сторону храма. Легко было видѣть на какой сторонѣ большинство—на правой или на лѣвой; по соблюденіи торжественныхъ формальностей, постановленіе сената (senatus consultus) возвѣщалось народу.

Сенаторы отличались черной кожаной обувью, украшенной буквою *C*, изъ слоновой кости или серебра, и тогой съ широкой пурпуровой каймой. Они вездѣ занимали первое мѣсто. Ихъ, вообще, называли *отцами* и стали называть *patres conscripti*, когда число ихъ дошло до трехъ - сотъ внесеніемъ въ списки новыхъ именъ. Мудрость и достоинство римскаго сената, спокойный и разумный способъ защиты патриціевъ отъ натиска плебеевъ, искусство веденія дѣлъ съ другими странами, обезпечили за нимъ обаяніе, которое не утратилось въ теченіе вѣковъ. Это была движущая и въ то же время направляющая сила.

Законы и вопросы о войнѣ и мирѣ должны были, впрочемъ, обсуждаться собраніями или комиціями. *Комиціи курій*, исключительно состоявшія изъ патриціевъ, потеряли значеніе послѣ установленія общественнаго равенства. *Комиціи центурій* долгое время собирались всего чаще, несмотря на преимущества, остававшіяся за высшими классами, вслѣдствіе неравнаго распредѣленія центурій. Это собраніе всегда происходило на Марсовомъ полѣ, и передъ нимъ наблюдались предзнаменованія. Предметъ обсужденія былъ объявляемъ заранѣе, и каждый приходилъ уже съ готовымъ мнѣніемъ. Голосованіе происходило рядами, центуріями, посредствомъ навощенныхъ дощечекъ, на

которыхъ условная буква выражала мнѣніе гражданина [1]). Каждая центурія въ порядкѣ, указанномъ жребіемъ, проходила по одному изъ 193 мостиковъ, которые вели въ мѣсто, огороженное рѣшетками; тамъ пересчитывались дощечки, и преобладающее мнѣніе объявлялось мнѣніемъ всей центуріи. Безъ сомнѣнія, это требовало много времени, но такъ какъ центуріи первыхъ классовъ, сами по себѣ, составляли большинство, то, когда извѣстно было ихъ мнѣніе, становилось безполезнымъ продолжать счетъ до конца. Комиціи центурій назначали на общественныя должности, пересматривали приговоры, присуждавшіе къ смертной казни, утверждали или отвергали законы. Въ этихъ собраніяхъ было всего болѣе порядка.

Трибуны, какъ мы сказали, противупоставили имъ комиціи трибъ (comitia tribata), постановленія или плебисциты которыхъ исходили отъ всего народа. Голосованіе тамъ происходило *поголовно;* демократическій духъ выражался тамъ съ наибольшею силою. Эти собранія трибъ постоянно увеличивались въ числѣ, не вытѣсняя, однако, собраній центурій.

Собранія обсуждали и голосовали законы, а должностныя лица исполняли ихъ. Во главѣ этихъ лицъ стояли *консулы*. Избираемые комиціями центурій всегда въ числѣ двухъ, всегда на одинъ годъ, безъ права избранія въ слѣдующемъ году, консулы созывали сенатъ и народъ, предсѣдательствовали въ комиціяхъ, предводительствовали войскомъ, назначали низшихъ чиновниковъ, завѣдывали расходами. Даже поступившись своими древними преимуществами въ пользу новыхъ должностныхъ лицъ, консульство оставалось высшимъ званіемъ въ Римѣ.По именамъ консуловъ назывался годъ, и лѣтосчисленіе велось обозначеніемъ консуловъ, при которыхъ произошло то или другое событіе. Консулы давали также свое имя законамъ, которые они предлагали и проводили. Возсѣдая на почетномъ мѣстѣ, украшенномъ слоновой костью (курульное кресло), съ жезломъ изъ того же матеріала, знакомъ власти, въ тогѣ, окаймленной пурпуромъ, консулы были окружены двѣнадцатью ликторами, обязанными исполнять ихъ приказанія. Внѣ Рима каждаго изъ нихъ сопровождало столько ликторовъ,

---

[1]) Если происходили выборы въ общественныя должности, число дощечекъ равнялось числу кандидатовъ, и на каждой стояло имя одного изъ нихъ. Если нужно было голосовать законъ, каждый получалъ двѣ дощечки,—одну съ буквами UR (uti ogas, какъ ты предполагаешь) для одобренія, и другую съ буквою A (antiquo, стою за прежній обычай), для отказа. Если нужно было произнести общественный приговоръ, буква A означала absolvo (отпускаю), буква C—condamno (обвиняю), буквы L (non liquet –дѣло не ясно)—требу ю разъясненія.

которые къ пучкамъ прутьевъ присоединяли топоръ, знакъ права на жизнь и смерть, какимъ консулы пользовались въ войскѣ. Будучи жрецами и представителями общественной власти, консулы приносилы жертвы, вступая въ должность; они приносили ихъ также, когда возвращались побѣдителями и торжественно вступали въ Капитолій. По истеченіи года своего избранія, они приносили клятву, что не сдѣлали ничего противнаго законамъ.

Обязательство покидать власть въ концѣ года было не благопріятно для военныхъ дѣйствій, когда они стали болѣе обширными. За консулами оставляли предводительство войскомъ, причемъ имъ давали титулъ *проконсула*, но это былъ лишь высшій военный чинъ; въ Римѣ, въ это время, избирались уже другіе консулы.

Въ случаѣ междоусобной войны или внѣшнихъ неудачъ, римляне устанавливали на нѣкоторое время царскую власть, подъ именемъ *диктатуры*. Диктаторъ, предшествуемый 24 ликторами, имѣлъ власть вполнѣ неограниченную: никакой свободы не признавалось на это время. Обладая правомъ на жизнь и смерть, безъ обращенія къ народу, диктаторъ внушалъ настоящій ужасъ, и никто не осмѣливался ему противиться. Диктаторъ выбиралъ себѣ помощника, котораго называли *начальникомъ конницы*. Въ случаѣ крайней опасности, диктаторъ приказывалъ запереть лавки, прекратить дѣла, и всѣмъ, находившимся въ возрастѣ, пригодномъ для военной службы, собраться въ такой-то день на Марсовомъ полѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, хлѣбомъ на пять дней и 12 кольями для укрѣпленій. Онъ уводилъ войска, и Римъ оставался почти вовсе безъ гражданъ; но эти усилія всегда освобождали его отъ опасности.

Итакъ, римляне, когда являлась необходимость, умѣли жертвовать свободой, за которую такъ долго боролись. Этимъ, однако, они вовсе не рисковали ею. Диктаторъ, которому предоставлялась эта исключительная власть, не могъ сохранять ее дольше шести мѣсяцевъ. По истеченіи этого времени, ни одинъ солдатъ не исполнилъ бы его приказаній, сдѣлавшихся незаконными, или общее возмущеніе положило бы конецъ его преступной попыткѣ. Свобода въ Римѣ находилась подъ охраною глубокаго уваженія къ законности и существовала до тѣхъ поръ, пока оставалось въ силѣ это уваженіе. Первый диктаторъ *Титъ Ларцій* не только не продлилъ предоставленнаго ему срока, но счелъ, напротивъ, своей обязанностью сложить предоставленное ему полномочіе ранѣе назначеннаго времени. *Цинцинатъ*, избранный диктаторомъ, спасъ легіоны, окруженные эквами, и черезъ 16 дней, подавая примѣръ величавой простоты, вернулся въ свою хижину, къ своимъ полямъ.

Отъ консульства, какъ мы видѣли, была отдѣлена власть цензорская. Обязанность *цензоровъ* была весьма важною и ввѣрялась всегда уважаемымъ лицамъ республики. Она заключалась въ исчисленіи гражданъ, въ указаніи каждому гражданину мѣста въ общественныхъ классахъ, сообразно его состоятельности, а также и нравственности, и въ провѣркѣ списка сенаторовъ и всадниковъ. Цензоръ, однимъ словомъ, держалъ въ своихъ рукахъ честь и политическія права гражданъ. Тѣхъ, кого онъ клеймилъ безчестіемъ, перемѣщалъ онъ въ послѣдній классъ, въ классъ плативших только личный налогъ (capite censi).

Черезъ каждыя пять лѣтъ весь народъ проходилъ передъ двумя цензорами, которымъ каждый гражданинъ долженъ былъ объяснить безъ обмана свое имущественное и семейное положеніе. При этомъ неизбѣжно открывались всѣ нарушенія закона, и цензоры *отмѣчали* всѣхъ, находившихся въ незаконной брачной связи, относя ихъ къ позорному общественному состоянію. Они отмѣчали расточительныхъ сыновей, нечестивыхъ гражданъ, патроновъ, вѣроломныхъ по отношенію къ своимъ кліентамъ. Они отмѣчали сенатора, котораго общественное мнѣніе считало недостойнымъ, и лишали его привиллегій, такъ же, какъ отнимали у безчестнаго всадника лошадь, полученную имъ отъ государства. Это строгое разслѣдованіе, какое въ наше время показалось бы крайне затруднительнымъ, допускалось всѣми, будучи освящено религіей. Цензоръ очищалъ народъ отъ всѣхъ совершенныхъ проступковъ, и наложенное наказаніе выполнялось съ точностью. Такое очищеніе (lustrum) происходило каждыя пять лѣтъ и занимало столь важное мѣсто въ жизни римскаго народа, что годы считались по пятилѣтнимъ промежуткамъ между каждыми торжественными очищеніями.

Правосудіе принадлежало сперва къ обязанностямъ консуловъ; съ 316 года оно было предоставлено особому должностному лицу, *претору*. Этотъ послѣдній не былъ дѣйствующимъ и общимъ судьею: онъ наблюдалъ только за правильнымъ отправленіемъ правосудія различными судилищами и за примѣненіемъ законовъ. По выраженію древнихъ, онъ былъ „толкователемъ, живымъ голосомъ гражданскаго права“. *Частное правосудіе* отцовъ семейства значительно уменьшало число случаевъ, подлежавшихъ *общественному правосудію*. Только вопросы, относившіеся къ общественному праву, разрѣшались общественнымъ судомъ. Если между двумя гражданами возникало пререканіе, они отправлялись къ претору. Послѣдній, узнавъ, въ чемъ заключается дѣло, давалъ „юридическую формулу“, т.-е. опредѣлялъ вопросъ права, не занимаясь вопросомъ факта. Онъ приглашалъ судью (judex),

т.-е. простого гражданина, который долженъ былъ выслушать тяжущихся, затѣмъ вернуться къ претору и объяснить, который изъ нихъ былъ правъ. Тогда преторъ, основываясь на приведенной имъ формулѣ, изрекалъ приговоръ. Какъ мы видимъ, это было правосудіе вполнѣ первобытное, соотвѣтствовавшее простотѣ античной жизни, происходившее на открытомъ воздухѣ, среди толпы.

Уголовныя дѣла имѣли свой особый судъ. Для нихъ были отдѣльныя судилища, составъ которыхъ значительно измѣнялся. Уголовныя дѣла распадались на два разряда—*perduellio* (нарушеніе общественнаго права) и *parricidium* (нарушеніе религіознаго закона). Позднѣе, при обвиненіяхъ въ вымогательствѣ и казнокрадствѣ, были установлены, такъ называемые, *quaestiones perpetuae*.

Обвинительная власть олицетворялась въ простомъ гражданинѣ, или въ должностномъ лицѣ, консулѣ или трибунѣ. Всего чаще подсудимый обвинялся *частнымъ обвинителемъ*. Римлянамъ незнакомо было общественное обвиненіе, говорящее отъ имени общества.

Преторъ, вступая въ исполненіе своихъ обязанностей, обнародовалъ *преторскій эдиктъ*, излагавшій систему, по которой онъ предполагалъ судить тѣ или другіе вопросы. Преторскіе эдикты накоплялись изъ года въ годъ, составляя массу рѣшеній, часто противорѣчивыхъ, въ которой лишь впослѣдствіи былъ установленъ порядокъ. Преторовъ было нѣсколько,—для гражданъ, для города (praetor urbanus) и для чужеземцевъ (praetor peregrinus). Подъ чужеземцами подразумѣвались люди, которые, не будучи римскими гражданами, не могли обращаться къ римскимъ законамъ. Позднѣе, преторы посылались въ провинцію, въ качествѣ правителей; тогда они предводительствовали и войскомъ. Званія претора добивались многіе; оно принадлежало къ числу курульныхъ должностей, т.-е. давало право возсѣдать на курульномъ креслѣ и пользоваться одинаковыми почестями съ цензорами и консулами.

Должность *квестора* была менѣе важною, но она открывала доступъ ко всѣмъ другимъ. Обязанности квестора имѣли административный и финансовый характеръ. На двухъ римскихъ квесторахъ лежало охраненіе государственной казны и архивовъ, пріемъ иноземныхъ пословъ и снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ; однимъ словомъ, ими производились всѣ главные государственные расходы. Военныя знамена, въ мирное время, также хранились въ казнѣ. При выступленіи войска въ походъ, квесторы передавали ихъ войскамъ. Каждая армія, каждая провинція имѣли своихъ квесторовъ, на которыхъ лежало финансовое управленіе.

Мы не будемъ повторять здѣсь сказаннаго выше о происхожденіи

и значеніи обязанностей трибуновъ. Сперва было лишь *два* трибуна, потомъ *пять*, а съ 458 года — *десять*. Трибуны не могли отлучаться ни на одинъ день, ни даже на одну ночь изъ города. Будучи неприкосновенными, они могли противупоставить патриціямъ пассивное сопротивленіе, имѣвшее большую силу. У нихъ не было ни ликторовъ, ни торжественной свиты, за исключеніемъ второстепенныхъ служебныхъ лицъ, исполнявшихъ ихъ приказанія.

Одновременно съ трибунами, созданы были должности двухъ *плебейскихъ эдиловъ*, на которыхъ лежали обязанности наблюденія надъ благочиніемъ и зданіями общественными и частными. Они слѣдили за продовольствіемъ и чистотою города. Когда, въ 466 году, они отказались отъ завѣдыванія общественными играми, къ нимъ были присоединены два курульныхъ эдила, избиравшіеся изъ патриціевъ. Впрочемъ, плебеи могли занимать должность и курульныхъ эдиловъ, какъ и всѣ другія правительственныя должности. Этого мѣста, требовавшаго значительныхъ расходовъ, въ особенности, домогались богатые молодые люди, такъ какъ оно доставляло случай пріобрѣсти расположеніе, а впослѣдствіи, и голоса народа.

Между патриціями и плебеями образовалось посредствующее сословіе, игравшее важную роль въ послѣднія времена республики,—сословіе *всадниковъ*. Вначалѣ это была просто конница. Сервій Туллій раздѣлилъ всадниковъ на 18 центурій, которыя подавали голоса вмѣстѣ съ 80 центуріями перваго класса. Они смѣшивались съ патриціями и, занимая общественныя должности, не переставали быть всадниками, т.-е. имѣли лошадь, полученную отъ государства. Впослѣдствіи и плебеи могли дѣлаться всадниками. Помимо установленныхъ закономъ всадниковъ (equo publico), были и добровольные всадники, служившіе на свой счетъ (equo privato), считавшіеся ниже первыхъ.

Значеніе всадниковъ исходило отъ ихъ финансовой роли. Добровольцы- всадники, т-е. поступавшіе по своей охотѣ въ конницу, будучи болѣе богатыми, принимали на себя взиманіе налоговъ; они образовали общество *публиканцевъ*, собиравшее различные вещи и припасы, необходимые для арміи. Злоупотребленія не замедлили обнаружиться; всадники обогащались преступнымъ образомъ при взиманіи налоговъ [1]).

---

[1]) Налоги отъ эпохи закона Двѣнадцати Таблицъ до временъ Цицерона заключали въ себѣ: поголовный налогъ, пропорціональный налогъ на движимое имущество (рогатый скотъ, рабовъ, дома и проч.), затѣмъ чрезвычайные налоги, portorium (перевозка товаровъ) и, наконецъ, сборъ съ общественнаго поля (ager publicus).

Внѣшними знаками достоинства всадниковъ были, кромѣ лошади, золотое кольцо и узкая пурпурная кайма на тогѣ. На общественныхъ зрѣлищахъ они, подобно сенаторамъ, имѣли почетныя мѣста.

Римляне были столько же воинами, сколько и гражданами. До сорока шести лѣтъ каждый былъ обязанъ военной службой, сколько бы разъ его ни призывали, до тѣхъ поръ, пока его желали оставить въ войскѣ; послѣ этого возраста, до шестидесяти лѣтъ онъ обязанъ былъ участвовать въ охранѣ города. Находясь въ дѣйствительной службѣ, нужно было, по первому приказанію, оставлять семью, поля или торговлю, надѣвать оружіе и идти противъ непріятеля. Съ этой минуты

Римскіе воины.

человѣкъ уже не принадлежалъ себѣ. Военная клятва вынуждала гражданина къ безусловному повиновенію.

Гражданинъ, сообразно классу, къ которому онъ былъ причисленъ зналъ, какое оружіе онъ долженъ держать на готовѣ и въ составъ какого войска онъ долженъ вступить. Самые богатые составляли пѣхоту тяжелаго вооруженія и сражались длиннымъ или короткимъ копьемъ [1]). Низшіе классы составляли легкую пѣхоту безъ доспѣховъ, выпускавшую длинныя стрѣлы; эти воины назывались *velites* и сражались маленькими группами, появляясь всюду, гдѣ въ нихъ чувствовалась

---

1) Hastati, principes, pilani. Principes назывались такъ потому, что вначалѣ они сражались въ первомъ ряду. Они сохранили это имя и тогда, когда были перемѣщены во второй рядъ.

надобность. Кромѣ того, въ войскѣ были пѣшіе *пращники*. Конница состояла изъ всадниковъ, но, съ теченіемъ времени, эти богатые граждане уклонились отъ военной службы подъ предлогомъ государственныхъ обязанностей, и наибольшая часть конницы заимствовалась у союзниковъ.

Тактической единицей былъ *легіонъ* (отъ слова legere — выбирать). Легіонъ сперва состоялъ изъ трехъ тысячъ, затѣмъ изъ четырехъ, а при Маріи—изъ шести тысячъ человѣкъ. До Марія легіонъ заключалъ въ себѣ лишь римскихъ гражданъ, и военная служба считалась скорѣе почетною, чѣмъ тяжелою обязанностью. Легіонъ раздѣлялся на десять *когортъ*, когорта—на три *манипулы*, манипула на двѣ *центуріи*, а каждая центурія — на десять *декурій*. Когорта соотвѣтствовала баталіону, а легіонъ, за исключеніемъ численности, — нашей дивизіи. Легіонъ самъ по себѣ составлялъ войско съ полной организаціей. Въ него входили пѣхота съ тяжелымъ вооруженіемъ, легкая пѣхота, конница и осадныя машины; со своими подраздѣленіями онъ былъ приспособленъ ко всякаго рода строю. Онъ могъ вытягиваться рядами, сдвигаться массами, развертываться полукругомъ или скучиваться въ клубокъ съ желѣзной щетиной, раздробляться, соединяться вновь, подобно превосходно устроенной машинѣ, покрывать обширное пространство, сосредоточиваться въ одномъ пунктѣ, разсѣеваться или оставаться, какъ скала, непоколебимымъ на одномъ мѣстѣ, сообразоваться со всѣми неровностями почвы и сражаться съ одинаковымъ искусствомъ и на равнинѣ, и въ горахъ. Это было послѣднее слово гибкости и подвижности группы людей, соединенныхъ между собою повиновеніемъ одному вождю.

Предводителемъ легіона былъ *консулъ* или одинъ изъ его замѣстителей (*legatus*). Подъ его начальствомъ состояли четыре, а позднѣе шесть *трибуновъ*, на обязанности которыхъ лежало поддержаніе дисциплины. Когорта не имѣла особаго вождя; начальникомъ ея былъ начальникъ первой центуріи; то же можно сказать и о манипулѣ. *Центуріонъ* (сотникъ) предводительствовалъ центуріей, и въ каждомъ легіонѣ ихъ было шестьдесятъ. За ними слѣдовали низшіе начальственные чины, десятники или *декуріоны*, подъ управленіемъ которыхъ находилось десять человѣкъ и которые соотвѣтствовали нашимъ унтеръ-офицерамъ, такъ же, какъ центуріоны равнялись, по своему значенію, капитанамъ.

Вначалѣ *знамена* были простые шесты, къ которымъ привязывался клочекъ сѣна. Когда римскія войска перестали уже быть сборищемъ земледѣльцевъ и пастуховъ и превратились въ регулярное войско, знамена состояли изъ пики, украшенной фигурами животныхъ—

орла, волка, минотавра, коня, кабана. Орелъ получилъ преобладаніе только въ эпоху Марія. На знаменахъ приносилась военная клятва; ихъ поручали лишь самымъ испытаннымъ воинамъ, и считалось величайшимъ позоромъ оставить ихъ въ рукахъ непріятеля. Каждый отдѣлъ легіона имѣлъ свои особыя знамена или связующіе знаки, и знаменоносцы, будучи достаточно многочисленными, составляли въ войскѣ какъ бы особую корпорацію. Поперекъ знамени (vexillum) когорты нашитъ былъ кусокъ матеріи яркаго цвѣта.

Во время похода, легіонъ каждый вечеръ долженъ былъ замыкаться *въ укрѣпленномъ лагерѣ*. Воинъ, который шелъ весь день усиленнымъ ходомъ, съ тяжестью до шестидесяти фунтовъ, принимался, придя на мѣсто ночлега, копать ровъ, окружающій лагерь, даже на дружественной землѣ. Никогда легіонъ не разсѣевался по деревнямъ: всегда единый, всегда стройный, онъ въ каждый часъ готовъ былъ къ выступленію. Позднѣе лагери превратились въ настоящіе военные города, поддерживавшіе повиновеніе покоренныхъ народовъ.

Сила этихъ войскъ зависѣла, преимущественно, отъ точной и суровой дисциплины, которой были подчинены и простые воины, и начальники. Ни чинъ, ни родственныя связи не принимались во вниманіе, когда дѣло шло о повиновеніи начальствующимъ лицамъ. Манлій (Manlius Imperiosus) казнилъ, передъ глазами пораженной ужасомъ арміи, своего родного сына, сражавшагося, несмотря на его запрещеніе, и побѣдившаго латинскаго воина. Диктаторъ Папирій Курсоръ пожелалъ наказать смертью начальника своей конницы, Фабія, который также въ его отсутствіе, вопреки его приказанію, завязалъ битву и выигралъ ее. Фабій укрылся въ Римъ. Диктаторъ преслѣдовалъ его тамъ. Нужно было, чтобы Фабій покорился, и сенатъ, и народъ снизошли до просьбы диктатору, ради смягченія его. „Хорошо,—сказалъ диктаторъ,—да восторжествуетъ военная дисциплина! Фабій не освобожденъ отъ преступленія, состоящаго въ томъ, что онъ вступилъ въ битву противъ приказанія военачальника; но, осужденный за этотъ проступокъ, онъ обязанъ своимъ прощеніемъ римскому народу". Позднѣе Фабій доблестно отомстилъ за это безпощадное преслѣдованіе: когда ему пришлось участвовать въ назначеніи диктатора, онъ назвалъ Папирія. Этихъ чертъ достаточно для указанія той важности, какую римляне придавали дисциплинѣ; своими успѣхами они обязаны были именно этой суровости, подражать которой другіе народы не имѣли достаточно силы.

Граждане должны были обладать величайшимъ патріотизмомъ, чтобы подчиняться столь строгой дисциплинѣ. Доблестная любовь къ отечеству выступаетъ, такъ сказать, на каждой страницѣ римской исторіи.

Брутъ, ради свободы Рима, жертвуетъ своими сыновьями; Деціи посвящаютъ себя адскимъ богамъ и бросаются въ середину непріятельскихъ войскъ, чтобы обезпечить побѣду римлянамъ. Фабіи, вынужденные покинуть Римъ, въ числѣ трехсотъ шести, утвердились, со своими четырьмя тысячами кліентовъ, передъ лицомъ веевъ, на берегу рѣки Кремеры: они погибли всѣ, за исключеніемъ одного оставшагося въ Римѣ мальчика, который, впослѣдствіи, возстановилъ родъ. Примѣръ Коріолана, который повелъ вольсковъ противъ своего родного города, остается исключительнымъ; онъ теряетъ значеніе передъ подвигами Цинцината, Курія Дентата или Регула, знаменитѣйшаго изъ всѣхъ, который далъ совѣтъ римлянамъ не заключать мира съ карѳагенянами, и вернулся, чтобы отдаться въ руки жестокихъ враговъ. У римлянъ патріотизмъ восходитъ до степени страсти; они гордились своей народностью и переносили самыя тяжелыя испытанія, чтобы поставить ее выше всѣхъ другихъ народовъ.

Эти мужественныя добродѣтели увеличивались еще безкорыстіемъ и умѣренностью. Фабрицій и Цинцинатъ жили въ скудости. У Регула было лишь семь десятинъ земли, и сенатъ долженъ былъ взять на себя обработку его поля, чтобы этотъ скромный землевладѣлецъ могъ оставаться во главѣ войска. Дентатъ говорилъ уполномоченнымъ самнитянъ, которые застали его обѣдающимъ изъ деревянной посуды: „Когда умѣешь обходиться безъ золота, пріобрѣтаешь власть надъ тѣми, кто имъ обладаетъ“. Эти полководцы обогащали республику, а сами оставались бѣдными. Когда, уже во времена имперіи, философъ Сенека посѣтилъ загородный домъ Сципіона Африканскаго, онъ умилился его простотою. Онъ писалъ: „Величайшій стыдъ овладѣваетъ мною, когда я сравниваю нравы Сципіона съ нашими. Въ этомъ-то маленькомъ уголкѣ человѣкъ, приводившій въ ужасъ Карѳагенъ, омывалъ свое тѣло, утомленное полевыми работами: такая жалкая кровля его прикрывала, такой деревянный полъ носилъ его на себѣ!“ Это безкорыстіе, эта суровость поддерживались долгое время, и великіе примѣры ихъ, которые Римъ давалъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, развѣ не искупаютъ испорченности, въ какую онъ впалъ съ теченіемъ времени?

Итакъ, Римъ обладалъ замѣчательными доблестями и учрежденіями. Сенатъ управлялъ, народное собраніе провѣряло его. Увлеченія плебеевъ умѣрялись аристократіей, пользовавшейся уваженіемъ съ тѣхъ поръ, какъ ее перестали ненавидѣть. Общественныя должности зависѣли отъ народа, который избиралъ людей, пригодныхъ для нихъ; онѣ были годичными, и честолюбіе римлянъ заключалось въ томъ, чтобы занимать ихъ одну за другою; поэтому римляне подготовлены были для

всѣхъ потребностей республики и пріобрѣтали необходимыя свѣдѣнія для всѣхъ должностей. Искусно распредѣленная власть, въ случаѣ надобности, могла сосредоточиваться въ энергичныхъ рукахъ, и Римъ, столь ревниво отстаивавшій свою свободу, отказывался отъ нея, когда это было необходимо. Подчиняясь закону, суровый къ самому себѣ, пылкій и дисциплинированный, исполненный силы и спокойствія, пріобрѣтая шагъ за шагомъ равенство гражданское, общественное, политическое и религіозное, этотъ народъ соединялъ съ качествами гражданина качества воина и съ политическими доблестями—семейныя добродѣтели, служащія основою всѣхъ другихъ.

Римскій народъ—народъ смѣшанной крови, выросшій черезъ поглощеніе чужеземныхъ семействъ, не открывая, однако, полнаго доступа побѣжденнымъ. Его особая организація остается выше организаціи покоренныхъ народовъ. Дисциплина, патріотизмъ, совокупность правъ и достоинствъ дѣлаютъ изъ римлянина не человѣка той или другой страны, но человѣка высшаго, цивилизованнаго, идеальнаго. Римъ не просто городъ, а городъ по преимуществу. Римское государство—единственная форма государства; всѣ древніе народы, волей или неволей, должны признать его, должны вступить въ это государство, которое заставитъ ихъ дорого цѣнить эту честь и, подъ конецъ, вынудитъ ихъ почитать покорность, какъ освобожденіе, жертвовать своей національной свободой свободѣ римской, своимъ отечествомъ—римскому отечеству.

ГЛАВА XII.

Завоеванія Рима, преобразованіе республики.

Причины величія римлянъ.—Воинственная политика Рима.—Право римскаго гражданства. — Политика сената. — Колоніи. — Муниципіи. — Латинское право; италійское право. — Покоренные народы. — Римъ и Карѳагенъ; пуническія войны (264—146).— Римъ въ IV вѣкѣ до Р. Х. — Завоеваніе Востока.—Завоеваніе Запада.—Послѣдствія этихъ завоеваній; приливъ сокровищъ въ Римъ; роскошь.—Рабы; упадокъ свободнаго труда; крупныя поземельныя владѣнія. — Общественныя послѣдствія; исчезновеніе средняго класса. — Всадники. — Публиканцы. — Нравственныя послѣдствія; упадокъ религіи; вторженіе греческихъ идей. — Попытка возрожденія римской республики; Гракхи; аграрные и фрументарные законы. — Катонъ; законъ Оппія. — Измѣненія въ составѣ войска; Марій. — Сулла; междоусобныя войны; изгнанія. — Господство аристократической партіи. — Возстанія рабовъ.—Печальное положеніе ихъ.—Помпей.— Юлій Цезарь. — Преобразованіе республики; диктатура Цезаря.—Антоній и Октавій; конецъ римской республики.

Политическая и военная организація Рима вскорѣ поставила его выше другихъ народцевъ средней Италіи. Мужество и стойкость его

воиновъ, опредѣленность его тактики, военныя познанія его полководцевъ обезпечили ему побѣду надъ латинянами, эквами, вольсками, герниками, затѣмъ, надъ самнитянами, энергичнымъ горнымъ народомъ, оказавшимъ упорное сопротивленіе, надъ этрусками, умбрами, цизальпинскими галлами, и, наконецъ, надъ греками южной Италіи, которыхъ не могъ защитить Пирръ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ учениковъ полководцевъ Александра. Римляне употребили четыре съ половиною вѣка на завоеваніе Италіи (754—272). Эта медленность была выгодна для нихъ. Римъ, вообще, не спѣшитъ: онъ прочно устанавливаетъ основы своего могущества прежде, чѣмъ устремиться за предѣлы Италіи. Стволъ дерева крѣпокъ: онъ глубоко пустилъ свои корни; бури не въ силахъ будутъ его поколебать, и онъ осѣнитъ цѣлый міръ своими вѣтвями.

Эта осторожность была одною изъ первыхъ причинъ величія Рима. Второю и главною причиною было искусство, съ какимъ Римъ умѣлъ удерживать за собою свои завоеванія, пріобрѣтать господство надъ другими народами съ помощью покоренныхъ народовъ. Завоевательная политика Рима обладала своеобразнымъ характеромъ, какого мы не находимъ у другихъ націй, и велась съ методичностью, въ полномъ смыслѣ слова, необычайной.

Діонисій Галикарнасскій восхваляетъ римлянъ за то, что они, противуположно обычаю другихъ народовъ, не истребляли и не порабощали обитателей завоеванныхъ городовъ, но предоставляли имъ свободу и право владѣнія частью территоріи, нерѣдко допуская хъ, въ качествѣ гражданъ, въ стѣны Рима. „Въ этомъ, — говоритъ онъ, — заключалась самая твердая опора независимости Рима и обильный источникъ его могущества“. Греческія государства, къ своему несчастію, проповѣдывали ненависть къ чужеземцамъ. „Почему,—говоритъ императоръ Клавдій устами Тацита,—почему погибли Лакедемонъ и Аѳины, оружіе которыхъ было столь могущественно? Не потому, развѣ, что они отталкивали побѣжденныхъ, какъ чужеземцевъ? Нашъ основатель, Ромулъ, болѣе мудрый, одновременно смотрѣлъ на большинство своихъ сосѣдей, какъ на враговъ Рима, и какъ на его гражданъ!“ Римъ поглощалъ покоренные народы, но съ такой же медленностью, съ какою онъ ихъ завоевывалъ.

„Итакъ,—говоритъ Монтескьё, — Римъ находился въ вѣчной и жестокой войнѣ; нація, всегда и намѣренно ведущая войну, необходимо должна была или погибнуть, или взять верхъ надъ всѣми другими націями, которыя, переходя отъ войны къ миру, не были въ такой же степени готовы ни къ нападенію, ни къ защитѣ.

„Вслѣдствіе того, римляне пріобрѣли глубокое познаніе военнаго искусства. Въ войнахъ временныхъ бо̀льшая часть примѣровъ проходитъ безъ слѣда; миръ даетъ другія идеи, и свои ошибки и даже качества забываются. Постоянная война давала возможность римлянамъ заключать миръ лишь послѣ побѣды,—дѣйствительно, стоило ли вступать въ постыдный миръ съ однимъ народомъ для того, чтобы идти войною на другого?

„Руководимые этой идеей, они увеличивали свои притязанія, по мѣрѣ испытываемыхъ ими пораженій: этимъ они устрашали побѣдителей и пріобрѣтали сами бо̀льшую потребность побѣды.

„Находясь всегда подъ угрозою самой жестокой мести, они чувствовали необходимость стойкости и мужества, и эти качества сливались въ нихъ съ любовью къ себѣ, къ семьѣ, къ отечеству и ко всему, что̀ всего дороже для человѣка.

„Народы Италіи не имѣли привычки къ обращенію съ осадными машинами, и, кромѣ того, воиновъ, не получавшихъ жалованья, нельзя было удержать долго передъ какимъ-либо укрѣпленнымъ мѣстомъ; поэтому немногія изъ ихъ войнъ были рѣшительными. Сражались для того, чтобы ограбить лагерь непріятеля или его землю; затѣмъ побѣдитель и побѣжденный удалялись, каждый въ свой городъ. Въ этомъ заключается главная причина, почему народы Италіи такъ долго сопротивлялись, а римляне такъ долго стремились къ ихъ покоренію; по той же причинѣ послѣдніе не развращались и не обогащались отъ своихъ побѣдъ. Если бы они быстро завоевали всѣ сосѣдніе города, они находились бы уже въ состояніи упадка при наступленіи Пирра, галловъ и Аннибала; сообразно участи почти всѣхъ государствъ міра, они слишкомъ скоро перешли бы отъ бѣдности къ богатству, а отъ богатства къ испорченности нравовъ.

„Наоборотъ, Римъ, всегда дѣлая усилія и всегда встрѣчая препятствія, заставлялъ чувствовать свое могущество, не имѣя возможности распространить его, и, въ небольшой области, развивалъ въ себѣ качества, которыя должны были сдѣлаться роковыми для всего міра“ [1]).

Завоеваніе міра римлянами было какъ бы повтореніемъ въ большихъ размѣрахъ того, что̀ произошло при созданіи римскаго государства. Римъ образовался постепеннымъ допущеніемъ плебеевъ къ пользованію гражданскими правами; римская имперія составилась еще болѣе осторожнымъ допущеніемъ къ пользованію тѣми же правами народовъ побѣжденныхъ.

---

[1]) Montesquieu, *Causes de la grandeur et de la décadence des Romains.*

Право римскаго гражданства было совокупностью законныхъ правъ, связанныхъ съ званіемъ гражданина. Полное римское гражданство (optimo jure) давало: 1) право голоса или голосованія; 2) право на почести (достиженіе общественныхъ должностей); 3) право апелляціи (обращенія къ народу, въ случаѣ смертнаго приговора); 4) изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній (пытокъ и розогъ); 5) право ценза (занесенія въ цензорскіе списки); 6) военное право (участія въ составѣ легіона). Этимъ обезпечивалось, такъ называемое, общественное право.

Что касается до частнаго права, то гражданинъ могъ только: 1) пріобрѣтать въ безусловную собственность (право торговли); 2) вступать въ законный бракъ, признаваемый государствомъ; 3) проявлять отеческую власть и всѣ права гражданскаго родства; 4) образовать *родъ* (jus gentilitatis). Другими словами, гражданинъ пользовался полной гражданской и политической свободой.

По отношенію къ побѣжденнымъ народамъ, сенатъ держался двойной системы—разложенія и затѣмъ возстановленія. Онъ, прежде всего, уничтожалъ всякаго рода связи и союзы. Онъ препятствовалъ бракамъ, торговому обмѣну и какому бы то ни было единенію съ сосѣдями и прежними союзниками. Онъ уничтожалъ первобытное государство, замѣщая его повсюду гражданской общиной, и давалъ преобладаніе мѣстному духу, столь живучему въ душѣ человѣка. Однимъ словомъ, онъ разрушалъ національное отечество, давая жизнь и преуспѣяніе отечеству муниципальному [1]). Каждый городъ становился, такимъ образомъ, административной единицей, гражданскимъ лицомъ, организованнымъ государствомъ, но лишеннымъ независимости. Покоренный или союзный городъ признавалъ Римъ своимъ властелиномъ, платилъ подати, повиновался проконсуламъ и ежегодно посылалъ въ Римъ уполномоченныхъ для приведенія въ порядокъ городскихъ дѣлъ. Въ дѣйствительности, это была лишь тѣнь муниципальнаго строя [2]).

Кромѣ того, каждая изъ этихъ общинъ, подчинялась особымъ условіямъ. Противупоставленіемъ ихъ выгодъ, Римъ создавалъ зависть и благопріятствовалъ соперничеству, которое превращалось въ соревнованіе наибольшаго повиновенія ему. Онъ такъ искусно надѣлялъ своими наградами то отдѣльныхъ лицъ, то города, что всѣ стремились заслужить эти награды, вмѣсто того, чтобы заслужить наказанія, всегда бывшія ужасными.

Римъ сперва вблизи себя увеличилъ число *колоній* гражданъ, на-

---

1) Ernest Desjardins, *La Gaule Romaine.*

2) Fustel de Coulanges, *La cité antique.*

дѣленныхъ частью земли, отнятой у побѣжденныхъ народовъ. Эти граждане, вооруженные и обладавшіе земельной собственностью, составляли въ каждомъ центрѣ своего рода Римъ, въ уменьшенномъ видѣ. Они были разсѣяны во всей покоренной странѣ, могли поддерживать другъ друга и пользовались такими же учрежденіями, какъ и самый Римъ, хотя эти мѣстности оставались на низшей ступени, и обитатели ихъ не могли имѣть притязаній на голосованіе въ Римѣ и занятія общественныхъ должностей. Но въ своихъ городахъ они были гражданами и представляли для сосѣднихъ населеній поучительное зрѣлище безопасности и процвѣтанія, какія обезпечивались ихъ привилегіями. Римъ имѣлъ, такимъ образомъ, вокругъ себя плотную сѣть колоній, наблюдавшихъ за своею мѣстностью и охранявшихъ ее отъ всякаго внезапнаго нападенія; кромѣ того, эти колоніи распространяли его языкъ, законы, нравы и религію и возбуждали желаніе походить на него.

Римъ всего чаще оставлялъ покореннымъ городамъ ихъ законодательство, боговъ, языкъ, обычаи и учрежденія. Затѣмъ, онъ предоставлялъ имъ, вполнѣ или отчасти, право гражданства: онъ обращалъ ихъ въ *муниципіи*, также являвшіяся подобіями Рима.

Муниципіи, пользовавшіяся наибольшими правами (optimo jure), получали полностью гражданскія права и, такимъ образомъ, сравнивались съ столицею. Но, обыкновенно, римляне не были столь щедрыми. Они давали право гражданства безъ права голоса, или безъ правъ брака и торговли. Рожденный въ муниципіи optime jure могъ пріѣхать въ Римъ и достигнуть тамъ всѣхъ почестей, какъ будто онъ былъ его уроженцемъ. Рожденный въ муниципіи, не обладавшей полными правами, не могъ въ Римѣ ни подавать голоса, ни занимать общественной должности, ни пріобрѣтать собственности, съ извѣстными торжественными обрядами, ни жениться на римлянкѣ. Онъ оставался тамъ въ качествѣ чужеземца, стоявшаго ниже послѣдняго изъ плебеевъ, какъ бы богатъ онъ ни былъ, и подвергавшагося опасности уголовнаго приговора, безъ права обращенія къ народу.

Цицеронъ даетъ намъ полное разъясненіе того положенія, какое муниципія занимала въ римской республикѣ. Родившись въ Арпинумѣ, муниципіи, пользовавшейся гражданскими правами, онъ считаетъ, что у него два отечества—одно естественное, другое политическое, одно—въ силу факта, другое—въ силу права. „Такъ,—говоритъ онъ, — мы признаемъ нашимъ отечествомъ и то мѣсто, гдѣ мы родились, и то, гдѣ мы усыновлены; но наибольшее право на нашу привязанность имѣетъ то, которое, подъ именемъ республики, образуетъ великое отечество;

за него мы должны умереть. Я никогда не стану отвергать Арпинума, какъ своего отечества, но Римъ всегда будетъ первымъ и наибольшимъ отечествомъ, такъ какъ это послѣднее заключается въ немъ". Чтобы понять это различіе, кажущееся намъ столь страннымъ, надо допустить, что обитатель провинціальнаго города не считается французомъ, если его родной городъ не имѣетъ особой привилегіи сообщать ему это имя.

Кромѣ того, въ одной и той же муниципіи, извѣстные обитатели ея, за исполненіе какихъ-либо обязанностей и пріобрѣтеніе благосклонности Рима, получали право гражданства, въ которомъ отказывалось ихъ согражданамъ. Это было преимущество, которымъ они гордились; такимъ образомъ, Римъ умѣлъ даже рабство сдѣлать почетнымъ.

Неполное право гражданства носило различныя наименованія—*латинскаго права*, когда оно обнимало бо̀льшую часть привилегій гражданина, и *италійскаго права*, когда оно было болѣе ограниченнымъ. Латиняне были сосѣдями Рима и долгое время доставляли подкрѣпленія для его легіоновъ; поэтому, естественно, на ихъ долю выпали болѣе важныя привилегіи. У нихъ не было, однако, ни политическихъ правъ, ни права вступленія въ бракъ съ римлянкой, ни отеческой власти, ни права наслѣдованія послѣ римлянина, ни личной неприкосновенности. Они возмутились и были побѣждены (въ 340 г.) въ эпоху первой самнитской войны. Впрочемъ, Римъ, наказавъ ихъ, въ нѣкоторой, хотя и неравномѣрной степени, надѣлилъ ихъ правами, какихъ они требовали. Онъ даже призналъ за латинянами право пріобрѣтенія римскаго гражданства при извѣстныхъ условіяхъ, а именно, когда они занимали правительственную должность въ своей странѣ и, затѣмъ, переселялись въ Римъ. Понемногу, наиболѣе достойныя лица латинскихъ городовъ пріобрѣли это право гражданства, увеличивая, такимъ образомъ, численность римлянъ. Наконецъ, еще позднѣе, римляне признали право гражданства за всею латинскою областью.

Тѣмъ не менѣе, установилась разновидность права гражданства, которая называлась *латинскимъ правомъ* и служила предметомъ зависти обитателей и городовъ Италіи, не смотря на всѣ ея пробѣлы. Впослѣдствіи, латинское право примѣнялось и внѣ Лаціума къ отдѣльнымъ личностямъ и городамъ. Этимъ путемъ еще болѣе увеличивалась область, откуда Римъ пріобрѣталъ своихъ гражданъ, и все, что было пылкаго и честолюбиваго въ италійскихъ городахъ, усиленно добивалось римскаго гражданства.

Италійскіе города возвышались, такимъ образомъ, на одну ступень, когда получали латинское право; согласно обычаю, италійцы

должны были пріобрѣсти латинство, прежде пріобрѣтенія римскаго гражданства. Безъ сомнѣнія, съ точки зрѣнія гражданскаго права, италійцы пользовались тѣми же преимуществами, какъ и латиняне, но они отличались отъ послѣднихъ тѣмъ, что не имѣли прямого доступа къ римскому гражданству. На нихъ смотрѣли, впрочемъ, скорѣе, какъ на арендаторовъ, чѣмъ на собственниковъ ихъ земель, и не одинъ разъ могущественная партія въ Римѣ требовала, чтобы часть италійскихъ земель была распредѣлена между римскимъ народомъ. Тогда италійскіе союзники поняли, насколько важно для нихъ было обладать званіемъ гражданъ, и начали войну (въ 90 г.), чтобы пріобрѣсти его. Имъ удалось добиться его такъ же, какъ и латинянамъ.

Прежнія общественныя условія ихъ дали начало новому обозначенію *италійскаго* или *италическаго* права, которое примѣнялось къ провинціямъ, расположеннымъ за предѣлами Италіи, подобно тому, какъ латинское право примѣнялось и внѣ Лаціума. Такъ осложнялась градація правъ, относительно ступеней которой ученые далеко не согласны между собой. На самомъ дѣлѣ, едва ли можно найти что-либо болѣе измѣнчивое и менѣе опредѣленное; ничего систематическаго не было въ этомъ неравномъ распредѣленіи привилегій, которыя невозможно прослѣдить въ столь многихъ городахъ и въ такомъ множествѣ народовъ.

Никакого сомнѣнія не можетъ быть лишь относительно приниженнаго и тяжелаго положенія покоренныхъ народовъ. Тѣ изъ нихъ, которые вынуждены были предоставить римскому народу „свои личности, свои стѣны, свои земли, свои воды, свои дома, свои храмы, своихъ боговъ“, находились подъ управленіемъ римскаго *префекта*, надѣленнаго неограниченной властью. Города или народы, которыхъ не было надобности щадить, были отданы на произволъ представителей римской власти, префектовъ, преторовъ или проконсуловъ. Чужеземцы и враги, лишенные политическаго и частнаго права, они никому не могли жаловаться на злоупотребленія правителей, если только римскій гражданинъ не становился ихъ патрономъ и не ходатайствовалъ за нихъ. Это тяжелое рабство вызывало самыя пылкія желанія добиться сперва италійскаго, а затѣмъ латинскаго права, и цѣлыя страны стремились заслужить своей покорностью доступъ къ римскому гражданству [1]).

Римъ, во время Самнитскихъ войнъ и передъ войнами Пуническими, былъ уже большимъ городомъ. „Уже тогда рабы скучивались тамъ въ

---

[1]) Въ 1851 г. въ Испаніи найдены были *таблицы, называемыя малагскими*, откуда мы узнаемъ, что Веспасіанъ даровалъ испанцамъ право гражданства. Это послѣднее было распространено на всѣ провинціи лишь эдиктомъ, приписываемымъ Каракаллѣ, который царствовалъ отъ 211 до 217 г. по Р. Х.

непрерывно возрастающемъ числѣ; отпущенники уже становились неудобными, даже страшными, вслѣдствіе своего увеличивавшагося количества. И въ развитіи городской полиціи мы находимъ доказательство увеличенія Рима и жизненныхъ привычекъ, проистекавшихъ отсюда. Преимущественно къ этому времени, о которомъ мы говоримъ, относится раздѣленіе города на четыре полицейскіе округа между четырьмя эдилами, которые распространяютъ свой надзоръ надъ множествомъ различныхъ предметовъ. Они поддерживаютъ въ удовлетворительномъ состояніи, что̀ было особенно трудно и важно, сѣть большихъ и малыхъ сточныхъ канавъ, прорѣзывавшихъ городскую землю, и слѣдятъ за общественными зданіями и площадями; они наблюдаютъ за чистотою и мощеніемъ улицъ и приказываютъ уничтожать зданія, грозящія паденіемъ; они устраняютъ опасныхъ животныхъ и вредныя испаренія; они запрещаютъ движеніе возовъ помимо вечера или ночи; они заботятся, въ особенности, объ установленіи и удобствѣ путей сообщенія, о постоянномъ снабженіи городского рынка хлѣбнымъ зерномъ хорошаго качества и о поддержаніи наиболѣе выгодныхъ цѣнъ, объ уничтоженіи товаровъ, вредныхъ для здоровья, и фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ; съ особою пристальностью взоры ихъ устремлены на бани и кабаки.

„...Аппій Клавдій, во время цензуры, составившей эпоху (въ 312 г. до Р. Х.), первый отступилъ старинной привычки римскаго земледѣльца копить и сберегать сокровища и указалъ своимъ согражданамъ болѣе достойное употребленіе общественныхъ богатствъ. Онъ первый предпринялъ грандіозныя и полезныя сооруженія Рима. Аппію государство обязано первой большой военной дорогой, а городъ — первымъ водопроводомъ. Сенатъ послѣдовалъ его примѣру и, послѣ него, покрылъ Италію сѣтью дорогъ и крѣпостей.

„...Жизненныя привычки римлянъ измѣнились, въ свою очередь, какъ этого и слѣдовало ожидать. Около временъ Пирра, на столахъ начала уже появляться серебряная посуда (Корнелій Руфинъ, бывшій консуломъ въ 290 и въ 277 г., получилъ выговоръ цензоровъ за свою посуду изъ серебра). Новая столица Италіи понемногу освобождается отъ своей деревенской внѣшности и стремится къ нарядности. У нея еще нѣтъ привычки грабить храмы завоеванныхъ городовъ для украшенія своихъ зданій, но уже *ростры* (носы или кормы) галеръ Анціума украшаютъ трибуну на форумѣ, и въ дни общественныхъ праздниковъ щиты съ золотыми инктрустаціями, принесенные съ полей битвъ Самніума, развѣшиваются вдоль ложъ. Деревянные бараки мясниковъ, помѣщавшіеся по обѣимъ длиннымъ сторонамъ форума, замѣняются каменными лавками мѣнялъ; тамъ устанавливается то, что можно на-

звать *биржею* Рима. На форумѣ и въ Капитоліи можно видѣть уже статуи знаменитыхъ людей древнихъ временъ, царей, первосвященниковъ и легендарныхъ героевъ, колонны и статуи, воздвигнутыя въ честь великихъ гражданъ, пословъ государства, убитыхъ врагами при исполненіи ихъ обязанностей, богатыхъ матронъ, помогавшихъ государству своимъ достояніемъ и, наконецъ, нѣкоторыхъ изъ прославленныхъ мудрецовъ и героевъ Греціи, вродѣ Пиѳагора и Алкивіада. Римъ становился великимъ городомъ, по мѣрѣ того, какъ римское государство становилось могущественнымъ“ [1]).

Въ началѣ III в. до Р. Х. Римъ, овладѣвъ всей Италіей (за исключеніемъ долины По), имѣлъ не обширныя, но прочныя владѣнія. Опираясь на свой городъ, какъ на твердую скалу, онъ понемногу распространялъ свою власть во всѣ стороны, заботясь не только объ ея расширеніи, но и объ ея закрѣпленіи. Военныя дороги, длинныя, прямыя, вымощенныя камнемъ, протянулись по Италіи во всѣхъ направленіяхъ; для охраны горныхъ проходовъ были построены крѣпости; колоніи образовали вокругъ города тройной поясъ; покоренные города раздѣлены были на нѣсколько разрядовъ различіемъ своего положенія, но всѣ были связаны съ Римомъ. Римъ въ то же время сдерживаетъ и привлекаетъ, наказываетъ и награждаетъ, сокрушаетъ и вновь поднимаетъ побѣжденные народы. Къ обитателямъ колоній, къ союзникамъ, выгоды которыхъ заставляютъ ихъ быть вѣрными Риму, онъ присоединяетъ собственныя силы: онъ уже сдѣлался большимъ городомъ, выросшимъ отъ поглощенія лучшихъ семействъ и присоединенія земель побѣжденныхъ народовъ. У него есть войско, которое можетъ быть доведено до большой численности, такъ какъ количество его гражданъ увеличилось [2]); это войско онъ можетъ назвать своимъ собственнымъ, потому что оно всегда отличается отъ союзныхъ войскъ. Гибкое и стойкое въ одно и то же время, оно легко повинуется всѣмъ соображеніямъ тактики и стратегіи, всѣмъ разнообразнымъ условіямъ мѣстности. Казна Рима богата: ей достались всѣ богатства Этруріи, Кам-

---

[1]) Момзенъ, *Римская исторія* т. II.

[2]) Научнымъ изслѣдователямъ до сихъ поръ еще не удалось установить цифры римскаго населенія въ различныя эпохи. Число римскихъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, въ послѣднія времена царской власти, опредѣляютъ въ 30.000. Около 338 г. насчитывалось 155.000 римскихъ гражданъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что за десять лѣтъ передъ тѣмъ, когда Римъ собралъ всѣ свои войска противъ Лаціума и Галліи, онъ могъ выставить десять легіоновъ или 50.000 человѣкъ перваго призыва. Передъ началомъ Пуническихъ войнъ онъ имѣлъ около 280.000 гражданъ. (См. Момзенъ, *Римская исторія*, т. II, кн. II, гл. 7).

паніи и греческихъ городовъ. Однимъ словомъ, Римъ обладалъ тогда сплоченными владѣніями, вполнѣ находившимися подъ его властью, и былъ однимъ изъ тѣхъ государствъ, которыя противустоятъ всѣмъ ударамъ извнѣ и которымъ враги, желая расшатать ихъ, придаютъ лишь болѣе крѣпости.

Но Римъ не можетъ выступить изъ предѣловъ Италіи, не сталкиваясь съ владѣніями Карѳагена, болѣе обширными, чѣмъ его собственныя. Карѳагенъ господствуетъ надъ западною частью Средиземнаго моря. Обогащенная торговлей, обладающая значительнымъ флотомъ, эта республика кажется болѣе блестящей и сильной, чѣмъ республика римская. Приглядываясь къ ней ближе, мы замѣчаемъ, однако, что она раздѣлена на партіи, что эксплоатируемые ею подданные ненавидятъ ее, что она дурно защищена, такъ какъ, изъ недовѣрія къ покореннымъ городамъ, разрушила крѣпости по всему сѣверу Африки, и что у нея нѣтъ надежныхъ слугъ, потому что войска ея состоятъ изъ наемниковъ. Городъ купцовъ и капиталистовъ,—Карѳагенъ обладаетъ только нервомъ войны, т.-е. деньгами, и флотомъ.

Римляне еще до войны съ Карѳагеномъ понимали, что имъ слѣдуетъ сдѣлаться морской державой. У нихъ было уже нѣсколько галеръ, взятыхъ при Анціумѣ, въ 338 г. до Р. Х., и они могли располагать флотомъ маленькихъ греческихъ городовъ. Кромѣ того, они создали береговыя колоніи, установили (въ 267 г.) *квесторовъ* флота и не жалѣли расходовъ, какъ скоро дѣло шло о приведеніи своихъ морскихъ силъ въ уровень съ карѳагенскими. Римляне придумали даже новую конструкцію палубныхъ судовъ, облегчавшую абордажъ. Римъ, разбогатѣвшій уже настолько, что у него остаются свободныя средства, вслѣдствіе небольшихъ расходовъ на свое войско, пріобрѣтаетъ, съ помощью искуснаго подражанія, матеріальныя преимущества, какихъ прежде не доставало ему. Карѳагеняне не могли отнять у римлянъ ни ихъ внутренняго согласія, исходившаго отъ политическаго равенства, ни ихъ военной доблести. Народъ торговцевъ, они должны были пасть подъ ударами народа воиновъ [1]).

Первая Пуническая война (266 — 241) отдала въ руки римлянъ Сицилію и острова Средиземнаго моря. *Вторая* (219—202),—одна изъ самыхъ знаменитыхъ войнъ въ исторіи, едва не погубила Римъ, благодаря генію Аннибала. Потерявъ владычество на морѣ, карѳагеняне утвердились въ Испаніи, и Аннибалъ, съ смѣлостью необычайной для

[1]) Въ сочиненіи Монтескьё *Grandeur et décadence des romains* проведена параллель между Римомъ и Карѳагеномъ, которую мы, за недостаткомъ мѣста, не можемъ помѣстить здѣсь.

того времени, перешелъ черезъ Пиренеи, поднялся на высокія вершины Альпъ и обрушился на Италію. Соединившись съ цизальпинскими галлами, старинными врагами Рима, онъ послѣдовательно разсѣялъ три арміи — при Тессинѣ, при Требіи (218) и при Тразименскомъ озерѣ (217). Тогда-то Римъ пожалъ плоды своей организаторской политики. Аннибалъ былъ задержанъ плотнымъ поясомъ колоній, латинскихъ городовъ, охранявшихъ Римъ, а искусной тактикой диктатора Фабія Медлителя онъ былъ вынужденъ обойти Римъ и спуститься въ Апулію. Правда, нетерпѣніе римлянъ и неопытность ихъ полководца, плебейскаго консула Варрона, дали Аннибалу возможность нанести имъ страшное пораженіе при Каннахъ. Но Канны были далеко отъ Рима. Сенатъ не счелъ себя побѣжденнымъ, вышелъ на встрѣчу Варрона и не только не упрекнулъ этого, нѣкогда притязательнаго плебея, но поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ „не отчаялся въ республикѣ“. Когда Аннибалъ, допустивъ свои войска изнѣжиться въ наслажденіяхъ Капуи, появился, наконецъ, вблизи Рима, городъ не пришелъ въ смятеніе. Поле, гдѣ стоялъ лагеремъ Аннибалъ, продавалось въ то время и нашло покупателей. Римъ и защищался, и наступалъ. Онъ противупоставлялъ Аннибалу то свой щитъ—Фабія, то свой мечъ—Марцелла. Онъ отправилъ легіоны для завоеванія Испаніи; онъ вновь овладѣлъ Сиракузами и Сициліей и разбилъ войска брата Аннибала, шедшаго къ нему на помощь; голова этого брата, брошенная въ лагерь карѳагенскаго военачальника, должна была служить для послѣдняго извѣстіемъ о прибытіи и уничтоженіи ожидавшагося имъ подкрѣпленія. Но геній Аннибала, одного изъ величайшихъ военныхъ вождей древности, обладалъ такой силою, что онъ еще долго держалъ въ своихъ рукахъ Италію. Онъ выпустилъ ее изъ рукъ лишь послѣ шестнадцати лѣтъ, вынужденный спѣшить на защиту Карѳагена, стѣны котораго были осаждены непріятелемъ.

Сципіонъ перенесъ войну въ Африку, и судьба Карѳагена была рѣшена разомъ въ битвѣ при *Замѣ* (202); Аннибалъ проигралъ ее, и Карѳагенъ долженъ былъ покориться. Римляне уничтожили его военное и морское могущество и отняли у него корабли и военныхъ слоновъ. Карѳагенъ теперь вполнѣ зависѣлъ отъ ихъ произвола.

Римъ обошелся съ царемъ Филиппомъ V Македонскимъ такъ же, какъ съ Карѳагеномъ. Побѣдивъ фалангу при *Киносцефалахъ* (въ 197 г.), онъ лишилъ царя всѣхъ его внѣшнихъ владѣній, освободилъ Ѳракію и Грецію и сокрушилъ военную силу Македоніи. Подчиненіе этой послѣдней сдѣлалось лишь вопросомъ времени, и Греція, какъ мы уже говорили выше, все болѣе и болѣе разлагалась происками Рима.

Самое могущественное изъ государствъ, образовавшихся послѣ распаденія царства Александра, не замедлило ощутить удары римлянъ, которые навлекъ на себя Антіохъ III, пріютивъ Аннибала и отправивъ войско въ Грецію. Римляне вытѣснили изъ Греціи царя, который велъ войну съ восточною безпечностью, и сами вторглись въ Азію, гдѣ у нихъ были союзники—родосцы и царь Пергамскій Евменъ. Сципіонъ Азіатскій одержалъ побѣду при Магнезіи (въ 190 г.), и Антіохъ III вынужденъ былъ отказаться отъ Малой Азіи. Галаты, единственная, дѣйствительно, военная нація Азіи, были покорены въ 189 г.

Римляне и тогда не уклонились отъ обычнаго для нихъ разумнаго образа дѣйствій. Они не утвердились ни въ Македоніи, ни въ Греціи, ни въ Азіи, но послы ихъ встрѣчаются повсюду. Римъ становится верховнымъ судьею раздоровъ царственныхъ семействъ, городовъ и народовъ. Повидимому, онъ не преслѣдуетъ никакой личной выгоды, когда способствуетъ разложенію Востока, имѣя цѣлью легче завладѣть имъ. Онъ безпрерывно передвигаетъ свои войска, всегда занятыя дѣломъ, никогда не знающія отдыха. Если бы онъ захотѣлъ тотчасъ же послѣ Пуническихъ войнъ присоединить къ себѣ Востокъ, гражданъ его не достало бы для охраненія послѣдняго. Римъ наноситъ окончательные удары лишь въ тотъ моментъ, когда видитъ, что эти страны созрѣли для рабства и могутъ быть удержаны безъ значительной военной силы. Онъ добиваетъ Карѳагенъ и Коринѳъ въ томъ же году (146), превращаетъ въ римскія провинціи Африку, Грецію и затѣмъ Македонію (въ 142 г.).

Цари Нумидіи, Пергама и Виѳиніи находились относительно Рима въ положеніи кліентовъ. Безчестный Прузій, измѣнившій Аннибалу, явился передъ сенатомъ съ обритой головой и въ колпакѣ отпущенника. Антіохъ Епифанъ увидѣлъ себя вынужденнымъ, подъ угрозою римскаго посла, прервать предпринятый походъ въ Египетъ. Онъ попросилъ срока для отвѣта. Посолъ Попилій очертилъ на пескѣ кругъ около царя и потребовалъ дать отвѣтъ, не выходя изъ круга. Такая смѣлость, поддерживаемая военнымъ могуществомъ, испугала Антіоха Епифана, который покорился и исполнилъ то, чего отъ него хотѣли. Затѣмъ, Риму достаточно было поддержать возмущеніе Макавеевъ, чтобы ослабить еще болѣе монархію Селевкидовъ. Онъ способствовалъ распаденію египетскаго царства, утратившаго Кипръ и Киренаику. Онъ имѣлъ такую власть надъ Пергамомъ, что заставилъ себя признать наслѣдникомъ Аттала III въ 133 г. и замѣстилъ царей проконсулами.

Съ конца второго вѣка до Р. Х., Римъ былъ властелиномъ Востока; однако, онъ прочно утвердился въ немъ лишь послѣ уничтоженія въ ожесточенныхъ войнахъ могущества царя Понтійскаго Митридата (88—

63) и царей Арменіи. Митридату, ослабленному уже Суллой и Лукуллом, рѣшительный ударъ нанесъ Помпей. Покончивъ съ этимъ страшнымъ врагомъ Рима, самымъ свирѣпымъ противникомъ, какой былъ у него послѣ Аннибала, Помпей обратилъ въ римскія провинціи Понтъ, Киликію, Сирію и Финикію. Онъ довершилъ организацію Азіи, которая изъ греческой сдѣлалась римскою. Настоящими наслѣдниками Александра стали римляне.

Завоеваніе Востока требовало преимущественно политическаго искусства, а завоеваніе Запада—военнаго мужества римлянъ. Понадобились долговременныя усилія, многочисленные походы, громадныя пожертвованія людьми, чтобы подчинить сѣверъ Италіи, Испанію и Галлію.

Римъ, послѣ второй Пунической войны, отомстилъ цизальпинскимъ галламъ, которые снабжали продовольствіемъ и подкрѣпленіями войско Аннибала. Онъ началъ безпощадную войну съ бойями, инсубрами и кеноманами. Бойи, не желая уступить ему, передвинулись къ сѣверу, поселившись въ Баваріи и Богеміи, которыя заимствовали отъ нихъ свое названіе. Лигуры, въ числѣ 50.000, должны были перемѣститься въ Самніумъ. Римъ наполнилъ, наконецъ, сѣверъ полуострова своими колоніями, выдвинувъ ихъ до проходовъ Альпъ.

Побѣда надъ Карѳагеномъ отдала Испанію въ руки римлянъ, но, завоевавъ эту страну у карѳагенянъ, ее приходилось еще завоевывать у испанцевъ. Этотъ суровый и мужественный народъ, пользуясь безчисленными препятствіями, представляемыми страной, наполненной горами и ущельями, сопротивлялся въ теченіе слишкомъ 50 лѣтъ съ непоколебимымъ упорствомъ и уничтожилъ много римскихъ легіоновъ. Былъ даже моментъ, когда пастухъ Виріатъ, повидимому, бралъ верхъ надъ римлянами, но онъ погибъ (въ 140 г.), и независимость Испаніи пала на дымящихся развалинахъ Нуманціи. Понадобились усилія побѣдителя Карѳагена Сципіона Эмиліана, чтобы справиться съ послѣднимъ укрѣпленіемъ Испаніи, и нумантинцы предпочли перебить другъ друга, вмѣсто того, чтобы сдаться римлянамъ (въ 133 г.).

Съ 155 г. эти послѣдніе старались проложить себѣ путь въ Испанію черезъ южную часть Галліи. Заключивъ союзъ съ греческимъ городомъ Массиліей (Марсель), они оказывали ему покровительство и, начиная съ 122 г. до Р. Х., основывали колоніи въ южной Галліи. Кимвры и тевтоны, предшественники варварскихъ народовъ, наводнившихъ впослѣдствіи югъ Европы, едва не уничтожили эту римскую провинцію въ Галліи и навели ужасъ на самый Римъ. Марій истребилъ тевтоновъ при Эксѣ (въ 102 г.), а кимвровъ—при Верцелѣ въ 101 г. и заслужилъ названіе новаго Ромула. Завоеваніе Галліи началось, однако,

лишь черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того; его было достаточно, чтобы обезсмертить Цезаря. Явившись сперва въ качествѣ союзника, онъ оттѣснилъ гельветовъ, населявшихъ Швейцарію, и свевовъ Аріовиста. Будучи свидѣтелемъ внутреннихъ несогласій галльскихъ городовъ, онъ вмѣшивался въ ихъ ссоры; становясь союзникомъ однихъ, онъ объявлялъ себя врагомъ другихъ. Однихъ онъ заставлялъ повиноваться себѣ, производя внушающее впечатлѣніе, а на другихъ дѣйствовалъ хитростью, наносилъ жестокіе удары на сѣверѣ, на югѣ, на востокѣ, въ центрѣ страны, выступалъ даже изъ предѣловъ Галліи, чтобы изолировать ее, и давалъ видѣть римское оружіе въ Великобританіи и Германіи. Онъ примѣшивалъ къ стратегіи политику, разсѣевалъ во всѣ стороны свои легіоны, лагери, милости и наказанія, ослаблялъ народы прежде, чѣмъ напасть на нихъ, и обольщалъ ихъ послѣ побѣды. Когда, подъ конецъ, галльскіе народы, постепенно ослаблявшіеся, отказались отъ взаимнаго недовѣрія, и всѣ поднялись разомъ, пораженіе ихъ было слишкомъ заблаговременно подготовлено Цезаремъ для того, чтобы этотъ благородный, но поздній порывъ могъ послужить ему помѣхой. Цезарь сосредоточилъ всю свою энергію, весь свой геній, и однимъ напряженнымъ усиліемъ сокрушилъ подъ стѣнами Ализа крайнее проявленіе силъ цѣлаго народа (52 г. до Р. Х).

Эти завоеванія оказали на внутреннее состояніе римской республики роковое вліяніе, которое должно было менѣе, чѣмъ въ два вѣка, путемъ общественной и экономической перемѣны, привести къ политическому преобразованію.

Въ Римъ потекли сокровища Карѳагена, Македоніи, Греціи, Пергама, царей сирійскихъ и затѣмъ добыча серебряныхъ рудниковъ Испаніи. Умѣренные, пока они не были владыками міра, римляне не знали предѣловъ въ грабежѣ, когда все покорилось имъ. Консулы и проконсулы, преторы и квесторы обрушивались на завоеванныя провинціи, какъ настоящія хищныя птицы [1]).

Насколько древніе римляне гордились презрѣніемъ къ золоту и роскоши, настолько же ихъ потомки выказывали постыдную алчность. Римъ сдѣлался самымъ богатымъ городомъ міра. Дорогія виллы размножились; пышные пиры, великолѣпныя бани (термы), обширные сады, роскошныя колесницы и всевозможныя драгоцѣнныя вещи сдѣлались обычными. Восточная роскошь наводнила Римъ, обольщая его утонченностью давно развившейся матеріальной культуры.

---

[1]) Сицилійскіе уполномоченные объявили сенату, что Сицилія предпочитаетъ быть поглощенной Этною, чѣмъ видѣть у себя еще разъ правителемъ Марцелла. Однако, позднѣе Сицилія должна была вынести Верреса.

Войны доставили Риму множество рабовъ [1]). Нѣкоторые изъ нихъ, *общественные рабы* принадлежали государству, работали на дорогахъ и водопроводахъ и служили лицамъ, занимавшимъ государственныя должности, въ качествѣ гонцовъ, стражей и исполнителей приговоровъ. Остальные, въ огромномъ большинствѣ, были *частными рабами*. Одни изъ нихъ были заняты сельскими работами, подъ наблюденіемъ управляющихъ и арендаторовъ; другіе (въ весьма большомъ количествѣ) исполняли въ домѣ или внѣ дома множество обязанностей, раздроблявшихся до безконечности и умножавшихся возростающей роскошью, благодаря изобрѣтательной прихоти богатыхъ людей. Владѣть семьею рабовъ значило владѣть весьма производительнымъ капиталомъ: у богачей были свои булочники, свои кузнецы, башмачники, золотыхъ дѣлъ мастера, прядильщицы шерсти, ткачи, суконщики и т. п.; все это работало или для самого господина, или на продажу къ выгодѣ послѣдняго. У Красса было пятьсотъ рабовъ, каменьщиковъ, архитекторовъ и другихъ отличавшихся своими дарованіями — чтецовъ, писателей, банкировъ и дѣльцовъ.

Земельныя владѣнія увеличивались поглощеніемъ частной собственности или присвоеніемъ общественной земли; пріобрѣтенія эти совершались законнымъ путемъ, хитростью или насиліемъ, какъ, напр., во времена междоусобныхъ войнъ. *Латифундіи* (обширныя земельныя владѣнія) распространились по всей Италіи, и рабъ, слѣдуя за ними, вытѣснялъ отовсюду свободныхъ людей. Дѣло не остановилось на томъ: рабъ, замѣнившій свободнаго человѣка въ сельскомъ ховяйствѣ, какъ въ полевыхъ работахъ, такъ и въ управленіи ими, исказилъ этотъ трудъ невѣрностью или небрежностью, которыя ограничивали его прибыльность. Передъ обработкой земли въ крупныхъ размѣрахъ отдано было преимущество другой хозяйственной системѣ, требовавшей меньшей затраты капитала и представлявшей менѣе риска; такой системой явилось скотоводство. Пастбища вытѣснили обработанныя земли; латифундіи превратились въ пустыни, по которымъ пастухъ бродилъ со своими стадами.

„...Населеніе, выгнанное изъ деревень, стремилось въ города, въ особенности, въ Римъ, куда приманка раздачи общественнаго продовольствія привлекала всѣхъ праздныхъ и недостаточныхъ людей Италіи. Но этихъ пособій, столь раззорительныхъ для казны, не доставало

---

[1]) Когда Павелъ Эмилій покорилъ Македонію, 150.000 эпиротовъ и иллирійцевъ были проданы въ рабство. Легко видѣть изъ этого, какое огромное количество рабовъ изъ всѣхъ странъ Востока и Запада сосредоточилось въ Римѣ. Кромѣ того, рабы размножались естественнымъ образомъ; дѣти ихъ также оставались въ рабствѣ.

для поддержанія обѣднѣвшихъ семействъ. Повидимому, они могли бы заниматься ручной работой, тѣмъ болѣе, что свободный трудъ, въ области ремеслъ, никогда не былъ отнятъ вполнѣ у свободнаго класса. Но свободные люди изъ народа встрѣчали въ промышленныхъ занятіяхъ конкурренцію рабовъ и находили въ такихъ занятіяхъ униженіе, которымъ господствующее мнѣніе клеймило всякую профессію этого рода. Свободный человѣкъ сталъ искать другихъ средствъ и нашелъ ихъ въ своемъ званіи гражданина; чтобы жить, онъ продавалъ себя, онъ торговалъ своимъ голосомъ на выборахъ. Если голоса было мало, онъ отдавалъ на служеніе тѣмъ же интересамъ свои руки; ремесленныя корпораціи сдѣлались очагами волненій и смутъ, которыя то утихали, то вспыхивали и усиливались, повинуясь то страху, то потребностямъ возмущеній“ [1]).

Долгія войны глубоко измѣнили и общественную организацію римлянъ. Поддерживаемыя гражданами, эти войны истощили классъ людей, пригодныхъ къ военной службѣ. Безъ сомнѣнія, число римскихъ гражданъ увеличивалось притокомъ новыхъ, но прежніе, соединявшіе съ этимъ гордымъ званіемъ мужественныя добродѣтели своего народа, понемногу исчезали. Римъ ежедневно терялъ настоящихъ римлянъ, ложившихся на поляхъ битвъ или падавшихъ по дорогамъ Востока и Запада. Уцѣлѣвшіе, долгое время остававшіеся подъ оружіемъ въ дальнихъ походахъ, утрачивали охоту къ труду; умѣвшіе воспользоваться грабежомъ переходили въ разрядъ богатыхъ людей; расточившіе свою часть добычи возвращались въ разрядъ пролетаріевъ. Число послѣднихъ значительно увеличилось, во-первыхъ, потому, что они не участвовали въ войнахъ, а во вторыхъ, потому, что множество искателей приключеній изъ всѣхъ странъ притекало въ Римъ. Патриціи сохраняли еще свои роды (gentes), но роды существовали и у богатыхъ плебеевъ; богатство составляло между знатными людьми, съ одной стороны, и зажиточными людьми, съ другой—могущественную связь, усиливавшуюся брачными союзами. На самомъ дѣлѣ, высшаго класса уже не было, а былъ только богатый классъ. Ниже его непосредственно стоялъ бѣдный классъ, въ громадномъ множествѣ. Между тѣмъ и другимъ не было уже посредствующаго или *средняго класса*. Римъ пришелъ къ тому положенію, которое привело къ гибели греческія республики, къ борьбѣ между богатыми и бѣдными, которая могла окончиться лишь установленіемъ тираніи.

Впрочемъ, нѣкоторый посредствующій разрядъ образовали собою

---

[1]) Levasseur, *Histoire des classes ouvrières.*

всадники, о которыхъ мы говорили выше. Всадники, сдѣлавшись общественными откупщиками или *публиканцами* и имѣя въ своихъ рукахъ монополію взиманія налоговъ и податей съ провинцій, стали силою, съ которою патриціямъ пришлось считаться. Несмотря на всѣ усилія послѣднихъ устранить изъ своей среды тѣхъ, кого они называли *новыми людьми* (т.-е. людьми пришлыми или выскочками), они оказались связанными съ ними общностью самыхъ низкихъ интересовъ и самыхъ постыдныхъ союзовъ. Впослѣдствіи, когда сенатъ пожелалъ отдѣлить отъ себя публиканцевъ, слишкомъ презираемыхъ общественнымъ мнѣніемъ, эти послѣдніе обнаружили достаточно силы не только для того, чтобы остаться безнаказанными, но и для того, чтобы наводнить судилища и присвоить себѣ, кромѣ финансовой, и судебную профессію. Междоусобныя войны во многомъ зависѣли отъ честолюбія всадниковъ и ихъ соперничества съ патриціями.

Патриціи и всадники, обыкновенно бывшіе врагами, приходили съ рѣдкимъ единодушіемъ къ соглашенію, когда дѣло шло о грабежѣ провинцій. „Всадники, бравшіе на откупъ общественные налоги, заняты было одной только мыслью: они желали обогатиться въ пять лѣтъ, въ теченіе обычнаго времени ихъ службы. Поэтому они взыскивали безъ всякой пощады налогъ десятой части съ произведеній почвы, двадцатой съ товаровъ, взимали съ судовъ, за право входа въ гавань, за право пастбища внутри провинцій, однимъ словомъ, всѣ поборы, какія Римъ налагалъ на побѣжденные народы. Алчность ихъ ничего не щадила. Титъ Ливій охарактеризовалъ ихъ слѣдующими ужасными словами: „Повсюду, куда проникаетъ публиканецъ, ни для кого не бываетъ ни справедливости, ни свободы“. Несчастнымъ городамъ трудно было насытить жадность этихъ ненасытныхъ представителей казны; почти вездѣ городскія кассы, дурно управляемыя неискусными чиновниками или разграбленныя безчестными распорядителями, были пусты. Тѣмъ не менѣе, деньги нужны были во что бы то ни стало. Гдѣ ихъ было достать за исключеніемъ банкировъ Рима, которые уже въ теченіе цѣлаго вѣка были банкирами всего свѣта? Именно къ нимъ и обращались. Нѣкоторые изъ нихъ были достаточно богаты, чтобы извлекать изъ своего личнаго достоянія суммы, нужныя городамъ и иностраннымъ государямъ; таковъ былъ Рабирій Постумъ, котораго защищалъ Цицеронъ и который доставилъ египетскому царю деньги, необходимыя тому для возвращенія себѣ своего царства. Другіе, чтобы рисковать менѣе, составляли финансовые союзы, куда самые прославленные римляне вносили свои капиталы. Такъ, Помпей принималъ участіе въ одномъ изъ этихъ обществъ, основанномъ Клувіемъ изъ Пуццолъ. Эти заимодавцы, частныя лица или общества,

всадники или патриціи, были чужды всякой совѣстливости и давали деньги на огромные проценты, обыкновенно отъ 4 до 5 на 100 въ мѣсяцъ. Затрудненіе заключалось для нихъ только въ полученіи уплаты. Когда приходилъ срокъ платежа, бѣдному городу труднѣе было произвести его, чѣмъ когда либо; тогда онъ прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ, грозилъ пожаловаться въ сенатъ и начиналъ съ обращенія къ проконсулу. Къ несчастію для города, проконсулъ всего чаще былъ сообщникомъ его враговъ, имѣвшимъ свою долю въ ихъ выгодахъ. Проконсулъ, отказывавшійся потворствовать этимъ злоупотребленіямъ и стремившійся, по выраженію Цицерона, не допустить провинціи до голодной смерти, естественно возбуждалъ противъ себя негодованіе всѣхъ тѣхъ, кто жили голоданіемъ провинцій. Всадники и знатныя лица, не получавшіе обратно своихъ ссудъ, становились его смертельными врагами. Правда, ему оставалась признательность провинцій, но это было немного. Въ этихъ странахъ Востока, „пріученныхъ долгимъ рабствомъ къ отвратительной лести, воздавались наибольшія почести и воздвигались статуи именно тѣмъ правителямъ, которые всего болѣе грабили, потому что ихъ боялись больше другихъ“ [1]).

Завоеваніе Греціи открыло доступъ въ Римъ множеству грековъ, риторовъ, софистовъ, философовъ, художниковъ и врачей. Греки принялись за образованіе римлянъ, за обученіе юношества. Хотя это соприкосновеніе двухъ вѣтвей арійской расы, столь долго остававшихся раздѣльными, должно было оказаться выгоднымъ для римлянъ и возбудить ихъ литературный геній, въ началѣ оно вызывало негодованіе. Впрочемъ, и Греція посылала въ Римъ лишь людей, въ родѣ Полибія; она была представлена тамъ множествомъ лицъ, особенно искусныхъ въ спорахъ и умѣньи смѣшивать истину съ ложью. На первыхъ порахъ она не распространяла тамъ свои высшія ученія, и, прежде другихъ греческихъ философовъ, Карнеадъ увлекъ римлянъ своими скептическими и антирелигіозными теоріями. Катонъ добился изгнанія греческихъ философовъ, но поученія Карнеада остались, и древняя религія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе клонилась къ упадку.

Мы увидимъ далѣе, какое полезное вліяніе распространеніе греческихъ идей оказало на латинскую литературу. Здѣсь мы замѣтимъ только, что оно подготовило паденіе древнихъ вѣрованій и старинныхъ нравовъ. Впрочемъ, за греческой философіей послѣдовали суевѣрія Востока: первая была по душѣ высшимъ классамъ, послѣднія — низшимъ. Вмѣстѣ съ суевѣріями, вторгся и развратъ. Въ 186 г. Римъ,

---

[1]) Gaston Boissier, *Brutus d'après Cicéron*, Revue des Deux Mondes. Nov. 1863.

еще не вполнѣ утративший стыдъ, испугался постыдныхъ таинствъ вакханалій. Сенатъ обнародовалъ строгій декретъ, и римляне воспользовались правами супруговъ и отцовъ, чтобы казнить смертью въ своихъ домахъ женъ и сыновей, уличенныхъ въ участіи въ этихъ чудовищныхъ безумствахъ.

Катонъ тщетно пытался остановить потокъ, уносившій съ собою старинные нравы, и возстановить древнее общество. Катонъ былъ первобытнымъ римляниномъ или, скорѣе, сабинянином. Онъ вмѣщалъ въ себѣ всѣ древнія доблести и всѣ древніе предразсудки. Онъ былъ трезвъ, бережливъ и въ одинаковой мѣрѣ былъ землепашцемъ и воиномъ; тѣло его, закаленное въ работѣ, было покрыто ранами. Суровый и жестокій къ своимъ рабамъ, строгій къ самому себѣ, всегда готовый обвинять и карать, онъ постоянно возстаетъ противъ всего новаго, какъ противъ военнаго генія Сципіона, такъ и противъ ученія Карнеада. Все, что̀ исходитъ изъ Греціи, для него ненавистно или подозрительно, не исключая и врачей, которыхъ своему сыну онъ совѣтуетъ тщательно избѣгать. Однако, обаяніе греческаго генія, которому въ его время никто не могъ противиться, было такъ велико, что самъ Катонъ, въ молодыхъ годахъ, обучался у пиѳагорейца Неарха, и подъ конецъ жизни выучился по гречески.

„Будучи консуломъ, онъ примѣнялъ свои правила во всей ихъ суровости и объявилъ войну роскоши женщинъ. Во время войны съ Карѳагеномъ, трибунъ Оппій провелъ одинъ изъ законовъ противъ роскоши, которые были въ духѣ политики древнихъ и которые разумно устраняются экономической наукой новѣйшихъ народовъ. Согласно закону Оппія, каждая изъ женщинъ могла обладать не болѣе, какъ половиною унціи золота. Имъ было запрещено ѣздить въ колесницахъ по городу и за городомъ, на разстояніи одной мили отъ него. Наконецъ,—что̀ ихъ, вѣроятно, огорчало всего болѣе,—имъ не дозволено было носить одежды различныхъ цвѣтовъ. Если тогдашнія римлянки походили на нынѣшнихъ своимъ пристрастіемъ къ яркимъ цвѣтамъ, то законъ Оппія долженъ былъ особенно приводить ихъ въ негодованіе. Тотъ, кто запретилъ бы теперь римскимъ женщинамъ носить красные корсажи и фіолетовые передники, вызвалъ бы между ними возстаніе. Такъ оно и случилось, когда, во время консульства Катона, трибуны предложили отмѣнить законъ Оппія. Катонъ и два Брута, находившіеся въ числѣ трибуновъ, воспротивились этой отмѣнѣ. Римскія женщины выступили въ походъ: онѣ осадили всѣ пути къ форуму, обращались съ просьбами къ гражданамъ, отправлявшимся туда изъ различныхъ частей города, устраивали сходки (conciliabula), ходатайствовали передъ долж-

ностными лицами. Все это придавало Риму видъ, какого прежде онъ никогда не имѣлъ и какой служилъ признакомъ новыхъ временъ. У женщинъ была партія, поддерживавшая ихъ требованія; но Катонъ былъ неумолимъ.

„Титъ Ливій влагаетъ въ его уста длинную рѣчь на форумѣ, которой, впрочемъ, Катонъ не произносилъ; хотя онъ и былъ энергичнымъ ораторомъ, но говорилъ не такимъ языкомъ, и современники Тита Ливія находили его тусклымъ и устарѣлымъ. Историкъ, однако, имѣлъ передъ собою настоящую рѣчь Катона и могъ заимствовать изънея нѣсколько мѣстъ, которыя, по ихъ суровости, можно распознать подъ слишкомъ изящной формой, въ какую эту рѣчь облекаетъ Титъ Ливій. Катонъ, дѣйствительно, могъ выразить негодованіе при видѣ женщинъ, которыя, находясь въ полной зависимости отъ своихъ мужей, отцовъ и братьевъ, осмѣлились выступить изъ своихъ домовъ, гдѣ стыдливость должна была удерживать ихъ, и придти почти на самый форумъ (куда, однако, онѣ не рѣшились проникнуть), чтобы вмѣшаться въ собраніе и споры. Именно, Катонъ долженъ былъ сказать: „Дайте узду ихъ природѣ, которая никогда не владѣетъ собою такъ же, какъ и неукрощенное животное“. Грубое краснорѣчіе Катона не могло, однако, побѣдить римскихъ женщинъ: на другой день онѣ появились на улицахъ въ еще большемъ числѣ, чѣмъ наканунѣ; всѣ вмѣстѣ онѣ отправились осаждать жилища трибуновъ, сопротивлявшихся отмѣнѣ закона Оппія, и восторжествовали надъ ихъ сопротивленіемъ; затѣмъ, празднуя это торжество, онѣ пошли по городу и черезъ форумъ, показывая отвоеванные ими наряды.

„Катонъ родился, чтобы быть цензоромъ; поэтому цензура была эпохою его жизни, которая всего болѣе заставила говорить о себѣ, и за нимъ осталось названіе *Цензора*. Когда въ честь его воздвигли статую въ храмѣ сабинской богини Салусъ, его хотѣли въ особенности почтить, какъ цензора, что было вполнѣ справедливо, такъ какъ онъ особенно выдается въ исторіи въ качествѣ реформатора нравовъ. Поэтому, въ надписи не упоминалось ни объ его побѣдахъ, ни объ его тріумфѣ, а только воздавалась ему хвала за то, что онъ, „будучи цензоромъ, своими полезными указаніями и разумными учрежденіями, обратилъ на правый путь правительство римлянъ, которое направлялось къ злу и склонялось къ гибели“ [1]).

Тиверій и Кай Гракхи, внуки Сципіона Африканскаго, по матери своей Корнеліи, взяли на себя задачу возрожденія средняго класса и

---

[1]) Ampère, *Histoire Romaine à Rome.*

возстановленія политическаго равновѣсія путемъ избавленія плебеевъ отъ нищеты. Римскій народъ былъ почти властелиномъ міра, а толпа, наполнявшая Римъ, не имѣла ни одного клочка земли. Римъ не забывалъ оставлять для себя при всякомъ завоеваніи обширныя земли, но эти послѣднія захватывались и укрѣплялись за собою лицами богатаго класса. Тиверій, возстанавливая древній законъ Лицинія Столона (366 г.), по которому число полудесятинъ земли, въ рукахъ одного гражданина, не должно было превышать питисотъ, увеличилъ эту цифру до тысячи, но этимъ не обезоружилъ знатныхъ лицъ, ожесточенныхъ враговъ этого *аграрнаго закона*. Дѣйствительное значеніе его вовсе не оправдываетъ тѣхъ обвиненій, которыя нѣкогда возводились на Гракховъ, выставлявшихся революціонерами, требовавшими раздѣла земель. Тиверій и братъ его, бывшіе трибунами на разстояніи десяти лѣтъ (въ 133 и въ 123 гг.), желали только, чтобы у патриціевъ отняты были земли, неправильно захваченныя ими, и распредѣлены между бѣдными гражданами; послѣдніе тогда разселились бы по провинціямъ и создали новые центры труда и производительности, къ выгодѣ самихъ провинцій и Рима. Но Тиверій натолкнулся на оппозицію, въ одно и то же время сильную и коварную. Патриціи подкупили одного изъ его сотоварищей Октавія, который своимъ veto останавливалъ всѣ мѣры Тиверія. Ожесточившись въ борьбѣ, Тиверій противузаконно низложилъ своего товарища и, такимъ образомъ, въ первый разъ поставилъ волю народа выше закона. Этимъ было подорвано уваженіе къ законности, составлявшее основу древней римской жизни: съ тѣхъ поръ открывается путь для злоупотребленій власти, для произвольныхъ дѣйствій честолюбивыхъ гражданъ. Впрочемъ, Тиверій самъ палъ жертвою этого беззаконія: подавъ примѣръ нарушенія неприкосновенности трибуновъ низложеніемъ Октавія, онъ былъ убитъ патриціями.

Судьба Тиверія не устрашила его брата, который принялъ на себя осуществленіе плановъ его въ расширенномъ видѣ. Къ аграрнымъ законамъ онъ прибавилъ законы *фрументарные*, въ силу которыхъ правительство снабжало хлѣбомъ бѣдныхъ по крайне пониженной цѣнѣ. Это послужило началомъ раздачи хлѣба, вскорѣ сдѣлавшейся необходимостью. Кай Гракхъ, кромѣ того, предложилъ снабженіе солдатъ одеждою на счетъ казны, уменьшеніе срока военной службы и распространеніе права голосованія на всѣ народы Италіи. Онъ нанесъ также чувствительный ударъ власти сенаторовъ, введя вмѣстѣ съ ними всадниковъ въ судилища. Въ то же время онъ настоялъ на обнародованіи постановленія о проведеніи большихъ дорогъ, что̀ послужило къ проложенію новыхъ и исправленію старыхъ путей сообщенія. Патриціи,

чтобы подорвать его значеніе въ глазахъ народа, подкупили одного изъ его сотоварищей, Ливія Друза, который всегда шолъ дальше Кая и требовалъ еще бо̀льшаго. Кай сдѣлалъ ошибку, отлучившись изъ Рима, чтобы отвести переселенцевъ въ Карѳагенъ; по возвращеніи, онъ нашелъ умы измѣнившимися не въ его пользу и погибъ во время возмущенія на форумѣ (121). Патриціи, отдѣлавшись отъ Гракховъ, опять оказались у власти; аристократія вернула себѣ господство надъ народомъ, который вскорѣ пожалѣлъ тѣхъ, кого онъ покинулъ, и воздвигъ въ честь ихъ статуи.

Кровь Гракховъ послужила сѣменемъ междоусобныхъ войнъ. По прекрасному выраженію французскаго оратора Мирабо, „умирая, послѣдній Гракхъ бросилъ въ небо горсть пыли, какъ бы взывая о мщеніи: изъ этой горсти праха произошелъ *Марій*“.

Простой крестьянинъ изъ Арпинума, грубый солдатъ, Марій возвысился, исключительно благодаря личной доблести. Человѣкъ *новый*, какъ говорили тогда, онъ сдѣлался ярымъ врагомъ знатныхъ, хотя сначала льстилъ имъ, получилъ званіе трибуна при содѣйствіи Метелловъ, одной изъ знаменитѣйшихъ римскихъ фамилій, и самъ женился на патриціанкѣ. Своими ѣдкими рѣчами противъ знати, неумѣвшей справиться съ *Югуртой*, онъ добился консульства и верховнаго начальства въ войнѣ противъ нумидійскаго царя. Эту войну онъ окончилъ удачно (107—106), но, ради увеличенія численности войска, призвалъ въ римскіе легіоны *пролетаріевъ* и *италійцевъ*.

Это — важная перемѣна. Войска, ослабленныя уничтоженіемъ средняго класса, требуютъ, конечно, усиленія, но они уже будутъ пополняться преимущественно изъ простого народа. Съ этого времени военная служба дѣлается исключительнымъ занятіемъ воиновъ: война становится для нихъ уже не гражданскимъ долгомъ, а ремесломъ. Воины признаютъ только вождей, доставляющихъ имъ обильную добычу и обезпечивающихъ имъ земли подъ старость; они будутъ слугами одного лица, а не республики. Для честолюбцевъ явится точка опоры, которая позволитъ имъ завладѣть властью. Столь же важныя послѣдствія имѣло и другое нововведеніе. Опасность, какой подвергался Римъ, благодаря продолжительности вторженій кимвровъ и тевтоновъ, заставила народъ повторить пять разъ подъ рядъ избраніе Марія консуломъ. Что сдѣлалось съ древней предусмотрительностью римлянъ? Марій привыкъ къ господству и, освободивъ Римъ отъ его тревогъ, желалъ получить консульство въ шестой разъ. Это ему не удалось, только благодаря подкупности, испорченности народа, и, въ особенности, вслѣдствіе участія одного пылкаго трибуна, взявшаго верхъ на форумѣ, съ по-

мощью насилія и раздачи земли ветеранамъ. Кромѣ того, какъ неизбѣжный результатъ честолюбія, Марій увидалъ передъ собою соперника, *Суллу*.

Это былъ патрицій. Бывшій намѣстникъ Марія въ войнѣ съ Югуртой, Сулла обратилъ на себя вниманіе своими способностями. Потомъ, когда Риму угрожало возмущеніе италійскихъ народовъ (то, что называется „войной союзниковъ"), Марій слабо подавлялъ это возмущеніе, такъ какъ нѣкогда былъ другомъ италійцевъ. На Суллу было возложено предводительство этой опасной войною, которую онъ быстро окончилъ и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ для себя войско. Съ того времени слава патриція Суллы затмила славу плебея Марія, и силы ихъ сравнялись между собою.

Это выяснилось, когда возникла война противъ *Митридата* (88). Марій оспаривалъ предводительство войскомъ у своего счастливаго намѣстника. Онъ принудилъ Суллу бѣжать изъ Рима. Но этотъ послѣдній отправился къ своимъ легіонамъ. Такъ начались *междоусобныя войны*. Сулла вошелъ въ Римъ побѣдителемъ и положилъ начало *изгнаніямъ*. Голова Марія была оцѣнена, и побѣдитель кимвровъ съ большимъ трудомъ укрылся въ Африку.

Между тѣмъ, благодаря отсутствію Суллы, отправившемуся воевать съ Митридатомъ, сторонники Марія пріобрѣли значеніе въ Римѣ и призвали его обратно. Онъ жестоко отомстилъ своимъ врагамъ. Его тѣлохранители убивали всѣхъ, на кого онъ указывалъ: говорятъ даже, что имъ отдано было приказаніе лишать жизни тѣхъ, кому онъ не отвѣчалъ на поклонъ. Этимъ терроромъ онъ добился избранія своего въ консулы въ седьмой разъ; онъ умеръ въ томъ же году, ускоривъ свой конецъ всевозможными излишествами (86). Его партія, тѣмъ не менѣе, господствовала еще въ теченіе трехъ лѣтъ, съ помощью того же террора.

Но въ 83 г. Сулла возвратился съ Востока, гордый побѣдою надъ Митридатомъ и пылающій желаніемъ мести за своихъ убитыхъ сторонниковъ въ Италіи. Легіоны его не замедлили обезпечить ему побѣду въ Римѣ и проявили ужасающее возмездіе. Возмущенія новаго времени, наиболѣе кровопролитныя, не могутъ дать даже приблизительнаго понятія объ ужасномъ характерѣ этихъ мѣръ. Такъ какъ имущество наказуемыхъ составляло добычу убійцъ, то послѣдніе убивали только ради грабежа. Римъ и Италія были залиты кровью: это — одна изъ эпохъ, наболѣе несчастныхъ въ исторіи человѣчества.

Сулла, въ свою очередь, нарушилъ государственный порядокъ. Онъ насильственно оставался въ должности диктатора, имѣвшей до тѣхъ

поръ лишь временный характеръ. Впрочемъ, онъ выказывалъ притязаніе поддерживать римскую республику и, главнымъ образомъ, власть сената. Онъ передалъ въ руки сенаторовъ правосудіе, отнявъ его у всадниковъ; онъ ослабилъ власть трибуновъ, уничтожилъ значеніе комицій трибъ и центурій, однимъ словомъ, установилъ правленіе знати или *олигархію*. Разрушаемое въ борьбѣ партій древнее государственное устройство исчезало мало-по-малу, хотя старинныя должности еще поддерживались. Въ теченіе трехъ лѣтъ Сулла издавалъ законы, управлялъ страною, страшно угнеталъ провинціи, раздавая ихъ своимъ друзьямъ, и затѣмъ, наведя страхъ на Римъ и на весь міръ, онъ поразилъ ихъ отреченіемъ отъ власти, желая, быть можетъ, заставить позабыть свои преступленія (79). Впрочемъ, самъ онъ не зналъ страха, такъ какъ былъ окруженъ своими ветеранами, а приверженцы продолжали его дѣло. Онъ прожилъ послѣ того не болѣе года и, какъ говорятъ, умеръ вслѣдствіе ужасной болѣзни разложенія крови и мышцъ (78).

Междоусобныя войны возобновились послѣ смерти Суллы, такъ какъ сторонники Марія владѣли еще многими провинціями, между прочимъ, Испаніей. Анархія поддерживала возмущенія рабовъ, которые, пользуясь своей многочисленностью, старались сбросить съ себя иго.

„Можно было бы написать обширный трактатъ обо всѣхъ родахъ наказаній, употреблявшихся въ Римѣ для рабовъ; таковы были сперва розги, палки, плети и т. п.; затѣмъ,—всевозможныя узы, наручники, колодки, рогатки, поясныя цѣпи и, наконецъ, мельница, особенно часто упоминаемая въ угрозахъ хозяевъ, какъ самое обычное мѣсто наказанія, а также каменоломни и рудники. Если господинъ находилъ болѣе выгоднымъ, то могъ заставить работать раба въ вѣчномъ заключеніи, но бывали случаи, когда злоба заставляла забывать экономическіе разсчеты. Тогда виновнаго бросали въ колодезь, въ печь, заставляли умирать на колѣ или на крестѣ или сжигали въ смоляной одеждѣ, какъ дѣлалъ Неронъ съ первыми мучениками. Ведій Полліонъ, вышедшій въ люди отпущенникъ, приказывалъ бросать виновныхъ рабовъ на съѣденіе угрямъ; одинъ изъ несчастныхъ, приговоренный къ этого рода казни за то, что уронилъ хрустальную вазу во время пира, на которомъ присутствовалъ Августъ, бросился къ ногамъ императора и умолялъ избавить его только отъ съѣденія. Возмущенный Августъ приказалъ перебить весь хрусталь Ведія и простилъ раба. Но осудилъ-ли онъ хозяина и предупредилъ ли какими-нибудь мѣрами возможность повторенія подобнаго злоупотребленія? Нѣтъ! По какому праву проявилъ бы онъ подобную строгость? Развѣ не самъ онъ велѣлъ распять на

мачтѣ корабля своего довѣреннаго Эроса, за то, что тому пришло въ голову зажарить и съѣсть перепелку, прославившуюся побѣдами въ бояхъ, до которыхъ римляне были страстными охотниками? Такъ какъ всѣ рабы стремились освободиться отъ своихъ господъ, то при малѣйшемъ подозрѣніи ихъ предавали пыткамъ или казни: 400 рабовъ Педонія Секунда были умерщвлены за то, что находились подъ одной кровлей со своимъ убитымъ господиномъ“ [1]).

Примѣръ къ возстанію подали гладіаторы. Это были люди, которыхъ хорошо кормили и заставляли тщательно упражняться для того, чтобы они доставляли развлеченіе народу-властителю своими состязаніями въ циркѣ, своей агоніей и смертью. Гладіаторы, плѣнники всѣхъ націй, возстали подъ предводительствомъ *Спартака*. Рабы во множествѣ присоединялись къ нимъ, и армія ихъ возросла вскорѣ до семидесяти тысячъ человѣкъ. Римъ подвергался тогда большой опасности: легіоны, высланные противъ Спартака, были побѣждены. Впрочемъ, Лициній Крассъ вскорѣ взялъ верхъ надъ нимъ, и Помпей, возвращавшійся изъ Испаніи, гдѣ онъ закончилъ войну противъ Серторія, встрѣтилъ послѣдніе отряды гладіаторовъ и истребилъ ихъ.

Помпей также былъ патрицій. Онъ быстро стяжалъ себѣ славу въ войнахъ съ Серторіемъ и гладіаторами, и затѣмъ въ войнѣ съ морскими разбойниками. Въ сорокъ дней онъ очистилъ Средиземное море отъ смѣлыхъ корсаровъ, которые, пользуясь смутою, опустошали всѣ берега, уводя тысячи плѣнныхъ. Слава его возросла еще болѣе, когда онъ нанесъ послѣдніе удары Митридату, уже ослабленному. Онъ сдѣлался знаменитѣйшимъ человѣкомъ республики и вождемъ, какого, повидимому, всѣ желали.

Во время его отсутствія, дѣйствительно, въ Римѣ вновь начались безпорядки. Нѣкто, погрязшій въ долгахъ и преступленіяхъ, по имени Катилина, составилъ заговоръ съ подобными себѣ, обѣщая доставить имъ возможность ограбить Римъ и Италію (63). Разоблаченный твердостью и мудростью Цицерона, этотъ заговоръ обнаружилъ нравственный упадокъ, не прекращавшійся и подъ главенствомъ Помпея. Этотъ послѣдній, правда, пользовался поддержкой аристократіи, и желалъ быть первымъ въ Римѣ, но никому не давалъ этого чувствовать: онъ не касался ни одного изъ учрежденій и оставлялъ власть въ рукахъ сената. Однако, умѣренность его граничила съ слабостью, и Римъ постоянно раздирался борьбою партій, въ особенности Клодія и Мелона. У Помпея не достало даже мужества, чтобы воспрепятствовать

---

1) M. Wallon, *Histoire de l'esclavage dans l'antiquité.*

изгнанію Цицерона, послѣдняго римлянина, дѣйствительно преданнаго дѣлу свободы.

Помпей, не чувствуя въ себѣ достаточно силы, чтобы возстановить миръ, соединился съ *Крассомъ*, богатѣйшимъ изъ римлянъ, и *Юліемъ Цезаремъ*, самымъ честолюбивымъ изъ нихъ, намѣреній котораго тогда еще никто не могъ разгадать. Это былъ первый тріумвиратъ (60 г.). Одинъ человѣкъ не смѣлъ еще назвать себя властелиномъ, но этотъ союзъ послужилъ на пользу лишь самому смѣлому изъ нихъ, Цезарю.

Онъ принадлежалъ къ древнему и славному роду Юліевъ, который велъ свое происхожденіе отъ троянца Энея, и даже отъ боговъ; благодаря тому, что жена Марія была изъ того же рода, Цезарь оказывался племянникомъ знаменитаго консула. Онъ потерялъ молодость и состояніе въ различныхъ удовольствіяхъ, но, когда пробудилось его честолюбіе, онъ быстро вернулъ себѣ богатство союзомъ съ Крассомъ и походами въ Испанію.

Стремясь сравняться съ Помпеемъ и даже превзойти его, онъ, при раздѣлѣ провинцій, взялъ себѣ Галлію и, путемъ покоренія галловъ, нѣкогда устрашавшихъ Римъ, рѣшился пріобрѣсти славу, войско и деньги, необходимыя для осуществленія его замысловъ. Въ теченіе десяти лѣтъ, когда Помпей велъ невидную борьбу съ анархіей, Римъ наполнялся только громомъ побѣдъ Цезаря. Римляне не переставали подниматься въ Капитолій, чтобы приносить за нихъ благодареніе богамъ.

Цезарь, впрочемъ, еще съ ранней молодости былъ на сторонѣ народной партіи. Онъ возстановилъ низверженныя статуи побѣдителя кимвровъ. Разсыпая щедрою рукою деньги, извлекавшіяся изъ Галліи, онъ окончательно развратилъ народъ, увлеченный его подвигами. Когда Крассъ погибъ въ безумномъ походѣ противъ парѳянъ, не стало болѣе посредствующаго лица, которое могло бы предупреждать столкновенія между Помпеемъ и Цезаремъ, между партіей аристократической и демократической.

Цезарь перешелъ черезъ Рубиконъ, служившій границею управляемой имъ области (49 г. до Р. Х.). Онъ нарушилъ этимъ законъ и, возбудивъ междоусобную войну, вынудилъ Помпея бѣжать изъ Рима. Побѣда при Фарсалѣ въ Ѳессаліи, смерть его соперника, безчестно убитаго министромъ одного изъ египетскихъ Птоломеевъ, побѣды при Тапсѣ въ Африкѣ, и Мундѣ въ Испаніи довершили разсѣяніе помпеевской партіи. Римскій міръ былъ столь обширенъ, что междоусобная война распространилась до его крайнихъ предѣловъ. Цезарь, чтобы остаться побѣдителемъ, вынужденъ былъ пройти громадный кругъ—изъ Испаніи въ Македонію и

Грецію, изъ Греціи—въ Азію, изъ Азіи—въ Египетъ, оттуда опять въ Испанію, и затѣмъ—въ Сицилію и Италію. Искусно пользуясь возмущеніями народовъ, которые, въ виду анархіи, пытались сбросить съ себя римское иго, Цезарь, повидимому, боролся только за славу и господство Рима. Онъ отпраздновалъ пять тріумфовъ, одинъ великолѣпнѣе другого, но, повторяя имена галловъ, египтянъ, Фарсалы, Африки, Испаніи и проч., Римъ, обезпечивая за собою обширныя владѣнія, жертвовалъ своею свободой.

На самомъ дѣлѣ, именно громадность владѣній Рима привела къ преобразованію республики. Во время междоусобныхъ войнъ римское государство едва не распалось. По общему сознанію, его возможно было поддержать лишь строгимъ внутреннимъ порядкомъ. Древній строй не обезпечивалъ этого порядка. Тогда появился властелинъ. Цезарь, носившій званіе диктатора, не хотѣлъ, впрочемъ, походить ни на Марія, ни на Суллу. Убѣжденный въ преданности народа, котораго онъ забавлялъ зрѣлищами, играми и даже оргіями, онъ не мстилъ побѣжденнымъ знатнымъ лицамъ, возвращалъ многихъ изгнанниковъ и заботился о примиреніи высшаго и низшаго классовъ. Онъ старался, однимъ словомъ, оправдать свою власть различными заслугами, поднятіемъ земледѣлія, увеличеніемъ числа свободныхъ людей и удаленіемъ изъ Рима половины неимущихъ. Онъ установилъ болѣе строгія кары за различныя преступленія, отправлялъ правосудіе съ бо̀льшею строгостью, изгналъ изъ сената тѣхъ, кто обвинены были въ подкупѣ, и придалъ болѣе дѣятельности административной, судебной и полицейской властямъ [1]).

Въ особенности, провинціи желали перемѣны. Измученныя проконсулами, грабившими ихъ, и междоусобными войнами, производившими въ нихъ опустошенія, онѣ требовали, чтобы въ Римѣ установилась сильная власть, такъ какъ признавали Римъ своимъ отечествомъ. Цезарь привязывалъ ихъ къ себѣ, открывая имъ все болѣе и болѣе доступа въ римскую жизнь. Онъ ввелъ въ сенатъ иноземцевъ, даже галловъ, не обращая вниманія на шутниковъ, не позволявшихъ показывать этимъ пришельцамъ дорогу въ курію. На самомъ дѣлѣ, замыслы Цезаря охватывали цѣлый міръ, и для нихъ не было предѣловъ такъ же, какъ и для его власти.

Цезарь ни съ кѣмъ не дѣлился проектами улучшеній, измышляемыми имъ для оправданія своей безграничной власти; но его честолю-

---

1) Среди многочисленныхъ частныхъ улучшеній, которыхъ мы не можемъ привести здѣсь, упомянемъ о важной реформѣ календаря, названнаго, въ преобразованномъ видѣ, по его имени, Юліанскимъ календаремъ.

біе было извѣстно всѣмъ. Патриціи не могли пожертвовать добровольно старыми республиканскими традиціями, и Цезарь палъ жертвою заговора. Подъ ударами Брута и Кассія, онъ былъ поверженъ въ сенатѣ къ подножію статуи Помпея (44 г. до Р. Х.).

Причины, приведшія къ сосредоточенію власти въ рукахъ одного человѣка, были столь естественными и глубокими, что единство власти пережило Цезаря. Убійцы его не руководствовались никакимъ планомъ или системой и не знали, какъ воспользоваться своей побѣдой. Они вскорѣ были изгнаны изъ Италіи *Антоніемъ*, другомъ Цезаря, и *Октавіемъ*, его племянникомъ; они проиграли въ Македоніи, при Филиппахъ (42 г. до Р. Х.), въ два пріема, съ шестинедѣльнымъ промежуткомъ, послѣднія битвы въ защиту римской свободы.

Образовался второй тріумвиратъ, по примѣру перваго, изъ Антонія, Октавія и Лепида, при чемъ этотъ союзъ скрѣпленъ былъ новыми изгнаніями. Октавій не устыдился пожертвовать лучшими друзьями, и даже Цицерономъ, своимъ покровителемъ, предавъ его мщенію Антонія. Октавій обладалъ всѣмъ честолюбіемъ Цезаря и, кромѣ того, духомъ притворства. Онъ не потребовалъ себѣ власти, какъ наслѣдія, оставленнаго ему дядей, а раздѣлилъ ее съ Антоніемъ и Лепидомъ. Послѣдній вскорѣ устранился, и міръ оставался въ рукахъ Антонія, на долю котораго достался Востокъ, и Октавія, управлявшаго Западомъ. Въ теченіе десяти лѣтъ въ мірѣ было два властелина.

Одинъ изъ нихъ былъ лишнимъ. Постыдная распущенность Антонія, обольщеннаго египетской царицей Клеопатрой, облегчила рѣшеніе задачи. Востокъ, конечно, старался сохранить свою самостоятельность и защищалъ Антонія, принявшаго его нравы, но строгая дисциплина западнаго флота и энергія Октавія взяли верхъ въ битвѣ при Акціумѣ (31 г. до Р. Х.). Антоній бѣжалъ вслѣдъ за кораблемъ Клеопатры, покидая власть надъ міромъ ради женщины и олицетворяя въ себѣ до конца Востокъ, погибавшій отъ своей изнѣженности и подчинившійся съ того времени Западу.

Октавій дѣйствовалъ медленнѣе и осторожнѣе Цезаря. Онъ сохранилъ власть, къ которой, впрочемъ, уже привыкли; народъ, пользовавшійся продовольствіемъ и развлеченіями, ничего не требовалъ, кромѣ хлѣба и зрѣлищъ (panem et circenses). Онъ не придавалъ большого значенія тому, что у него былъ властелинъ, такъ какъ этотъ властелинъ, повидимому, долженъ былъ только доставлять ему богатства всего міра. Римская республика погибла отъ своихъ собственныхъ побѣдъ. Римляне подчинили себѣ міръ и, въ свою очередь, должны были подчиниться сами. Такъ возникла имперія.

ГЛАВА XIII.

Римское общество во времена имперіи.

Римская имперія; цезаризмъ.—Обоготвореніе императоровъ.—Законъ объ оскорбленіи величества; доносчики. — Императорское управленіе; провинціи.—Мирное положеніе римской имперіи. — Римское общество; аристократія. — Плебсъ въ Римѣ и въ провинціяхъ.—Работа и рабочіе во времена имперіи.—Нравы.—Римскій домъ.—Римская промышленность.—Стоицизмъ; римскія женщины.—Цирки и бои гладіаторовъ.—Римская литература; первый періодъ; литература при республикѣ.—Комедія: Плавтъ, Теренцій.—Эпическая и дидактическая поэзія: Лукрецій.—Краснорѣчіе: Цицеронъ.—Исторія: Саллюстій, Цезарь.—Вѣкъ Августа. — Исторія: Титъ Ливій. — Эпическая поэзія: Виргилій.—Лирическая поэзія: Горацій, Овидій и др.—Латинская литература въ два первые вѣка имперіи: Ювеналъ, Луканъ.—Тацитъ.—Реторика: Сенеки, отецъ и сынъ; Квинтиліанъ; Плиній младшій.—Право.—Науки: Плиній старшій.—Образованіе въ Римѣ.—Искусство въ Римѣ; памятники.—Ваяніе.—Живопись.—Имперія въ концѣ второго вѣка.

Чтобы представить себѣ положеніе міра, находившагося въ подчиненіи у римской имперіи, мы должны взглянуть на него съ точки зрѣнія, совершенно отличной отъ современной. Это была монархія дѣйствительная и въ то же время фиктивная, такъ какъ одинъ человѣкъ считался властелиномъ міра, но республика, хотя только по имени, продолжала существовать. Самый титулъ императора (imperator, побѣдоносный военачальникъ), какимъ обозначали Августа и его преемниковъ, не былъ ни новымъ, ни постояннымъ, но такъ какъ Августъ былъ привѣтствованъ имъ двадцать одинъ разъ въ теченіе сорока лѣтъ, то этотъ титулъ сдѣлался, до извѣстной степени, обычнымъ. Августъ и его преемники не искали какого-либо выраженія для опредѣленія своей власти: они лишь съ гордостью примѣняли къ себѣ наименованіе *Цезаря*, и этотъ титулъ былъ самымъ вѣрнымъ ихъ обозначеніемъ, потому что они были политическими наслѣдниками Цезаря. *Цезаризмъ* всего точнѣе выражаетъ собою эту неограниченную власть, не подчинявшуюся никакому опредѣленію, передававшуюся помимо прямого наслѣдованія, неуловимую въ теоріи, страшную на практикѣ, измѣнчивую, сообразно характеру своихъ представителей, и опредѣлившуюся съ полною ясностью лишь послѣ примѣненія въ теченіе трехъ вѣковъ.

Августъ былъ полнымъ властелиномъ и старался не давать этого замѣтить; онъ ходатайствовалъ на форумѣ, какъ послѣдній изъ кандидатовъ, о консульствѣ или цензорствѣ, жилъ съ меньшею роскошью, чѣмъ многіе изъ богатыхъ гражданъ, безъ всякаго стѣсненія отправлялся ужинать къ своимъ друзьямъ и въ теченіе всей жизни остерегался выказывать гордость повелителя. Сенатъ продолжалъ засѣдать,

комиціи собирались въ назначенные закономъ сроки, лица, занимавшія общественныя должности, исполняли свои обязанности. Свобода какъ будто еще жила, между тѣмъ какъ сохранились лишь формы и подобіе ея.

Въ чемъ же заключался остроумный механизмъ этой власти, столь строгой и столь внушительной, которая старалась не выказывать себя и въ то же время была у всѣхъ предъ глазами? Августъ былъ предсѣдателемъ сената, т.-е. первый подавалъ голосъ, которому немедленно слѣдовали всѣ остальные. Тринадцать разъ онъ былъ консуломъ. Въ качествѣ проконсула, онъ проявлялъ непосредственную власть надъ половиною провинцій, уступивъ другую половину сенату и оставивъ за собою пограничныя провинціи, въ которыхъ были размѣщены легіоны. Августу, кромѣ того, предоставлена была видимость власти, связанной съ тѣми должностями, которыхъ онъ не занималъ,—власть проконсула, обезпечивавшая за нимъ главенство даже въ провинціяхъ, числившихся подъ управленіемъ сената, власть трибуна, сообщавшая ему неприкосновенность, и власть цензора, надѣлявшая его цензорскимъ авторитетомъ. Наконецъ, какъ будто всего этого было мало, Августъ былъ провозглашенъ *префектомъ нравовъ* и облеченъ произвольною властью по отношенію ко всѣмъ гражданамъ. Однимъ словомъ, Августъ, даже не исправляя никакой особой должности, обладалъ властью, принадлежащею каждой изъ нихъ. Онъ охотно оставлялъ своимъ друзьямъ шелуху плода—почести, довольствуясь для себя самымъ плодомъ—властью.

Эта игра продолжалась болѣе, чѣмъ въ теченіе двухъ вѣковъ. Тиверій былъ еще скрытнѣе Августа, и жестокость его держалась формъ правосудія, покрывая ихъ позоромъ. Калигула и Неронъ соблюдали менѣе предосторожности, чтобы скрыть руку, разящую всѣхъ. Они намѣренно предъ глазами всѣхъ совершали свои безумства, зная, что для нихъ уже все возможно. „Римляне,—по выраженію Тацита,—стремились къ рабству“.

Религія еще болѣе содѣйствовала укрѣпленію императорской власти. Правда, римляне не были, подобно грекамъ, расположены къ обоготворенію людей. Послѣ Ромула они оказывали божескія почести лишь Юлію Цезарю: народъ воздвигъ алтарь и колонну въ 20 футовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было сожжено его тѣло. Но Августъ, еще при жизни, почитался, какъ божество, въ провинціяхъ, и галльскіе города воздвигли въ честь его храмъ въ Ліонѣ. Послѣ смерти, его признавали богомъ даже въ Римѣ, и то же было относительно его преемниковъ [1]). Кален-

---

[1]) Плиній Младшій, въ своемъ панегирикѣ Траяну, говоря объ усыновленіи его Нервою, восклицаетъ: „Нерва былъ призванъ на небо изъ опасенія, чтобы имя его,

дарь имперіи показываетъ, до какого предѣла доходило это обожаніе. Чѣмъ болѣе жестокости обнаруживаетъ властелинъ, тѣмъ празднества въ честь его отличаются болѣе рабскимъ характеромъ. „Мы запятнали ихъ,—говоритъ Тацитъ,—нашимъ поклоненіемъ“. Каждая побѣда Нерона на играхъ служила предлогомъ къ общественнымъ праздникамъ невѣроятной пышности. Тщетно Маркъ Аврелій установилъ, что должно быть не болѣе ста тридцати пяти праздничныхъ дней въ году, что было уже весьма умѣреннымъ; онъ не отучилъ людей отъ рабства, и послѣ него число праздниковъ еще увеличилось [1]).

Древній законъ наказывалъ смертью каждаго, уличеннаго въ томъ, что онъ „причинилъ вредъ величію или достоинству римскаго народа“; неопредѣленность такого выраженія препятствовала примѣненію этого закона во времена республики. Однако, Сулла пользовался имъ для уничтоженія своихъ враговъ. Цезари, въ свою очередь, прикрывались имъ для удовлетворенія своей мстительности или своихъ подозрѣній. Считая себя олицетвореніемъ римскаго народа, они видѣли въ этомъ законѣ средство наносить удары тѣмъ, кого необдуманное выраженіе или злонамѣренное молчаніе выказывало врагомъ государя, т.-е. народа. Никогда злоупотребленіе словомъ и личностью не доходило до такого предѣла. Тиверій и Неронъ преслѣдовали, какъ преступленіе, сожалѣніе о прежней свободѣ. Во времена римской республики не было прокурорской власти: каждый гражданинъ могъ быть обвинителемъ; во времена имперіи обвинители превратились въ доносчиковъ. Даже никто въ своемъ домѣ не былъ огражденъ отъ ихъ коварныхъ розысковъ, такъ какъ орудіями для нихъ служили рабы. „Поэтому,—какъ говоритъ Тацитъ,—никогда смятеніе и тревога не господствовали въ Римѣ въ большей мѣрѣ. Приходится дрожать предъ самыми близкими родственниками; ни съ кѣмъ не осмѣливаешься заговорить; каждое ухо, знакомое или незнакомое, становится подозрительнымъ. Даже предметы нѣмые и неодушевленные внушаютъ страхъ“. Среди полнаго мира господствовалъ терроръ.

„По закону, доносчику доставалась четвертая часть имущества обвиненнаго; но эта сумма часто увеличивалась, когда жертва имѣла вид-

---

освященное столь божественною мыслью, не было впослѣдствіи осквернено чѣмъ-либо человѣческимъ. Дѣяніе, столь достопамятное, дѣйствительно, заслуживало того, чтобы стать послѣднимъ въ его жизни. Нельзя было медлить, причисляя къ безсмертнымъ того, кто совершилъ это дѣйствіе, и позволить сомнѣваться въ послѣдующіе вѣка, что онъ не былъ богомъ, выполняя его!“

1) G. Boissier, *Etudes sur les mœurs romaines de l'Empire* (Revue des Deux Mondes, 1864).

ное значеніе въ обществѣ: послѣ осужденія Тразеи и Сорана, главные обвинители получили по пяти милліоновъ сестерцій (по 375.000 руб.). Такимъ путемъ создавались позорныя, но громадныя богатства: Эпрій Марцеллъ и Вибій Криспъ нажили этимъ ремесломъ триста милліоновъ сестерцій. Ихъ услуги не только оплачивались деньгами: онѣ доставляли имъ самыя важныя государственныя должности. Послѣ каждаго громкаго процесса происходила раздача мѣстъ преторовъ и эдиловъ. Эти почтенныя республиканскія должности служили наградою за постыдныя сдѣлки. Ничто,—говоритъ Тацитъ, не возбуждало такого негодованія честныхъ людей, какъ видъ доносчиковъ, „горделиво носившихъ знаки жрецовъ и консуловъ, точно трофеи, взятыя съ убитаго врага“. Въ концѣ царствованія Тиверія можно было сдѣлаться консуломъ, только погубивъ какого-нибудь врага цезаря. И при Домиціанѣ это было кратчайшимъ путемъ для достиженія самыхъ видныхъ общественныхъ должностей.

„Въ эпоху Тиверія доносчики выходили изъ всѣхъ слоевъ испорченнаго общества“. „Повсюду,—говоритъ Сенека,—проявилась какая-то ярость доносовъ, что̀ истощало Римъ болѣе междоусобной войны“. Нигдѣ нельзя найти бо̀льшаго разнообразія, какъ въ группѣ доносчиковъ, изображаемой Тацитомъ: всѣ сословія, и общественныя положенія имѣютъ въ ней своихъ представителей. Въ этой толпѣ, рядомъ съ мелкими людьми, рабами, отпущенниками, простыми воинами и т. п., попадаются имена старинной знати—Долабелла, Скавръ и даже Катонъ! Нѣкоторые доносчики смѣлы и циничны: они издѣваются надъ общественнымъ мнѣніемъ, заставляютъ краснѣть порядочныхъ людей и гордятся этимъ, хвастаются своими подвигами и требуютъ за нихъ похвалы. Нѣкоторые изъ нихъ вышли изъ самаго низкаго состоянія, въ которомъ исполняли самыя унизительныя работы; достигнувъ богатства и могущества, они все еще хранятъ слѣды своего происхожденія, какъ, напримѣръ, Ватиній, котораго Тацитъ называетъ однимъ изъ чудовищей двора Нерона. Онъ былъ по ремеслу башмачникъ и обязанъ былъ своимъ состояніемъ грубому остроумію и тѣлесному безобразію. Другіе доносчики отличались изяществомъ: они имѣли притязаніе на утонченность и хорошія манеры и требовали смерти человѣка съ большой граціей. Одинъ изъ нихъ появился, однажды, предъ сенатомъ, одѣтый по послѣдней модѣ и съ улыбкою на устахъ: онъ пришелъ съ обвиненіемъ противъ своего отца“ [1]).

---

[1]) G. Boissier, *Etudes de mœurs romaines sous l'Empire*, Revue des Deux Mondes, 15 novembre, 1867.

Легко понять, какимъ взрывомъ радости встрѣченъ былъ во второмъ вѣкѣ переходъ власти, благодаря удачнымъ усыновленіямъ, въ руки людей умѣренныхъ, каковы были *Антонины*. „Никогда,—восклицаетъ Плиній,—одобренія не выражались свободнѣе, и убѣжденія не высказывались увѣреннѣе. Намъ уже не вмѣнялось въ преступленіе, какъ при другихъ императорахъ, если мы неодобрительно относились къ гладіатору... Преступленіе не остается безнаказаннымъ, и клевета уже не ограждаетъ клеветника. Между тѣмъ, измѣнилось только одно: прежде боялись доносчиковъ, теперь будутъ бояться только законовъ".

Траянъ признавался образцомъ государей за то, что „не изгонялъ старинныхъ владѣльцевъ изъ ихъ наслѣдій, съ цѣлью присоединить къ своимъ громаднымъ владѣніямъ пруды, озера и лѣса". Адріанъ говорилъ, что республикой надо управлять, лишь какъ достояніемъ народа. Антонинъ заслужилъ названіе „благочестиваго" и признавался мудрецомъ, такъ же, какъ философъ Маркъ Аврелій.

Хотя политическое единство получило въ мірѣ такое преобладаніе, что олицетворялось въ одномъ человѣкѣ, добромъ или зломъ, оно, тѣмъ не менѣе, не вело къ *централизаціи*. Въ имперіи провинціи сохраняли свое разнообразіе и различіе условій гражданской жизни, смотря по тому, какимъ правомъ обладали ихъ населенія—*латинскимъ*, *италійскимъ* или *союзнымъ*. На проконсулѣ или губернаторѣ лежала только обязанность высшаго наблюденія и забота распредѣленія налога. Онъ вовсе не входилъ въ подробности управленія, предоставлявшагося должностнымъ лицамъ городскихъ общинъ. У каждаго города была своя курія, свои начальники или декуріоны, свои жрецы, своя полиція, свой бюджетъ. Поддержаніе дорогъ, постройка мостовъ и водопроводовъ, общественныхъ зданій и храмовъ оставались на попеченіи городовъ, находившихъ обильныя пособія въ щедрости богатыхъ патріотовъ. Благородное соревнованіе побуждало лицъ, избиравшихся на общественныя должности, на годовой или какой-либо другой срокъ, оставлять матеріальныя доказательства своего ревностнаго служенія благу города, и правители провинцій не могли уже надѣяться найти въ Римѣ защиту со стороны своихъ сообщниковъ или подобныхъ себѣ. Самые безнравственные цезари оказывались иногда наиболѣе суровыми. Впрочемъ, надписи на памятникахъ даютъ намъ несомнѣнныя доказательства, что провинціямъ, въ нѣкоторомъ родѣ, были предоставлены политическія права: въ нихъ происходили *собранія* уполномоченныхъ, куда приносились жалобы, и уполномоченные имѣли право доводить эти жалобы до свѣдѣнія цезаря.

Продолжительный миръ, послѣдовавшій за цѣлыми вѣками тревогъ и битвъ, содѣйствовалъ развитію торговли; алчность нѣкоторыхъ це-

зарей не могла исчерпать богатства, безпрерывно возобновлявшагося. Риторъ Аристидъ писалъ въ 145 г., безъ сомнѣнія, съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ: „Люди покинули желѣзные доспѣхи для праздничныхъ одеждъ, и наши провинціи покрылись богатыми городами, дорогими украшеніями вашей имперіи, блистающими, какъ драгоцѣнное ожерелье на груди богатой женщины. Земля превратилась въ одинъ обширный садъ".

Галлія, почти дикая во времена Юлія Цезаря, достигла высокой степени богатства, о которомъ свидѣтельствуютъ всѣ историки, и памятники. Въ Испаніи Плиній насчитываетъ четыреста значительныхъ городовъ, не говоря о двухъ-стахъ, девяносто трехъ, подчиненныхъ имъ. Гористыя области Паннониі и Ретіи покрылись поселеніями. Тогда же основаны были города Аугсбургъ на Лехѣ и Вѣна на Дунаѣ. Траянъ колонизовалъ нижнюю долину Дуная; потомки этихъ колонистовъ составили собою шесть милліоновъ румынъ, образовавшихъ въ наше время государство на югъ отъ Карпатовъ. Цивилизація, такимъ образомъ, поднималась къ средней Европѣ.

Африка была житницей Рима, и Франція, стремящаяся въ Алжирѣ продолжать его дѣятельность, встрѣчаетъ тамъ на каждомъ шагу римскія развалины и неоспоримыя доказательства процвѣтанія этой прекрасной страны. Римляне перешли черезъ Атласъ и остановились только у предѣловъ пустыни.

Въ Малой Азіи, раззоренной цѣлыми вѣками безсмысленнаго угнетенія, тогда процвѣтало не менѣе пятисотъ городовъ. Греческая цивилизація свободно развивалась тамъ подъ сѣнью римскихъ орловъ, водруженныхъ на горахъ Арменіи и на берегахъ Евфрата.

Учрежденіе имперій измѣнило положеніе различныхъ классовъ, не уничтоживъ ихъ. Порѣдѣвшая, вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ и, затѣмъ, вслѣдствіе казней, старинная аристократія патриціевъ почти угасла ко времени Клавдія и Нерона: гордые потомки древнихъ фамилій, не хотѣвшіе унижать себя лестью, вынуждались открывать себѣ жилы, или предавались въ руки палача. Родовая аристократія замѣнилась новою, созданною богатствомъ. Всѣ, исполнявшіе обязанности сенатора, явились родоначальниками благородныхъ или сенаторскихъ фамилій. Такая аристократія встрѣчалась и въ провинціяхъ. Значительное богатство позволяло разсчитывать на титулъ всадника и даже на вступленіе въ римскій сенатъ. Эти благородныя или почетныя лица (honorati) составляли высшую касту, изъятую отъ тѣлесныхъ наказаній, которыя оставались удѣломъ мелкаго землевладѣльца (colon), наполовину порабощеннаго, и удѣломъ раба.

Къ Риму, сердцу міра, притекала громадная толпа населенія. Эта толпа, погубившая республику, продолжала кормиться и забавляться на государственный счетъ. Августъ, въ своемъ завѣщаніи, хвалится своею щедростью; онъ сразу раздавалъ крупныя суммы (300 или 500 сестерцій на каждаго) 250.000 плебеямъ, не считая раздачи хлѣба Плебеямъ, кромѣ того, безпрерывно доставлялись развлеченія, въ видѣ религіозныхъ празднествъ и битвъ гладіаторовъ и атлетовъ или подобія морскихъ сраженій на искусственныхъ озерахъ. Эта праздная и пресыщенная чернь не возмущалась пороками своихъ властителей, которымъ приходилось быть тѣмъ болѣе щедрыми, чѣмъ болѣе они были суровыми.

Въ провинціяхъ поддерживалась та же система: и тамъ государство кормило плебсъ. Въ бюджетъ каждаго города включалась *аннона* (annona) или раздача съѣстныхъ припасовъ, помимо содержанія кліентовъ. Богачи ежедневно, въ видѣ выкупа за свое богатство, должны были давать толпѣ кліентовъ, приходившихъ привѣтствовать ихъ утромъ, спортулу (sportula) (корзину съѣстныхъ припасовъ) или нѣкоторое количество денегъ. Насъ не должна, поэтому, обманывать блестящая внѣшность общества, въ которомъ поддерживалось столь глубокое неравенство.

Подобный общественный строй не могъ быть благопріятенъ для свободнаго труда, для котораго трудъ рабовъ служилъ слишкомъ серьезной конкурренціей. Рабъ, кромѣ того, прикованный къ своему дѣлу, исполнялъ его безъ всякаго стремленія къ улучшенію, къ усовершенствованію промышленности, не приносившей ему никакой личной выгоды. Безъ сомнѣнія, римляне обладали промышленностью уже значительно подвинувшейся, но едва ли она ушла впередъ съ того времени, какъ они получили ее съ Востока. Свободный трудъ, правда, дѣлалъ усилія, чтобы держаться рядомъ съ трудомъ рабовъ; свободные работники образовывали коллегіи или корпораціи, пользовавшіяся особыми преимуществами. Тѣмъ не менѣе, исходящее изъ древнихъ временъ пренебреженіе къ ручному труду тяжело отзывалось на этихъ работникахъ, которые были связаны своими корпораціями и ремеслами: тогда было положено начало стѣсненіямъ свободнаго труда, какимъ онъ подвергался въ средніе вѣка и даже въ послѣдующія времена.

Государство, въ виду необходимости содержанія многочисленныхъ легіоновъ, принялось само за выдѣлку различныхъ предметовъ. Во времена имперіи созданы были мастерскія не только для выдѣлки оружія, но и многаго, нужнаго для потребности государства. „Каждая мастерская получала по счету или по вѣсу сырой матеріалъ, расходъ кото-

раго подлежалъ провѣркѣ; ежегодно она представляла уполномоченному императора опредѣленное количество выдѣланныхъ предметовъ, сообразно числу рабочихъ. Небрежность наказывалась самыми строгими карами: красильщику, которому случилось прожечь или испачкать матерію, рубили голову.

„Настоящіе рабы своей мастерской, эти рабочіе не могли освободиться отъ своего жалкаго положенія. Имъ ставили на рукѣ клеймо раскаленнымъ желѣзомъ, какъ нѣкогда клеймили каторжниковъ; такъ какъ одежда могла скрывать этотъ знакъ, впослѣдствіи придумали оттискивать имъ на кисти руки имя цезаря. Однако, они иногда убѣгали, хотя имъ и трудно было ускользнуть отъ дѣятельныхъ розысковъ императорскихъ чиновниковъ и найти себѣ убѣжище. Законъ наказывалъ пенею въ три или пять фунтовъ золота тѣхъ, кто ихъ пряталъ въ своихъ домахъ; этихъ лицъ или ихъ дѣтей, когда бѣглецъ былъ оружейникомъ, законъ обращалъ въ рабочихъ той же фабрики. По большей части, такое рабство было пожизненнымъ. Константинъ требовалъ, чтобы рабочіе, занятые чеканкою монеты, всегда оставались въ томъ же положеніи и не могли быть освобождены отъ него никакими преимуществами. Люди, на обязанности которыхъ лежала перевозка тяжестей, не имѣли права перейти ни въ какую другую общественную службу. И чѣмъ болѣе ослабѣвала имперія, тѣмъ эти законы становились суровѣе и безпощаднѣе. Согласно требованію закона, оружейники должны были находиться въ такой зависимости отъ своего ремесла, что, даже потерявъ силы на этой работы, они и ихъ семьи не должны были покидать профессіи, въ которой родились“ [1]).

Нравы римской имперіи представляютъ такое разнообразіе, что изъ нихъ можно выбрать по желанію, въ особенности, если не придерживаться историческаго порядка, черты, подходящія для каждой задуманной картины.

Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., когда обширныя семьи не успѣли еще расточить плоды грабежей, скопленные въ послѣднія времена республики, роскошь была безумною. Знатные люди, удаленные отъ общественныхъ дѣлъ, обратились къ матеріальнымъ наслажденіямъ. Они удовлетворяли свое честолюбіе въ подражаніи безсмысленной расточительности, которая стяжала Крассу и Лукуллу въ послѣднее время республики болѣе славы, чѣмъ ихъ военные подвиги. Въ особенности, выскочки, тѣ, которые, благодаря доносамъ или *присвоенію завѣщаній* (также одинъ изъ постыдныхъ и прибыльныхъ промысловъ), накопляли

---

[1]) Levasseur, *Histoire des classes ouvrières*, t. I, ch. VI.

милліоны, старались ослѣпить міръ неслыханной пышностью. Въ ихъ громадныхъ садкахъ откармливались самыя нѣжныя породы рыбъ, а въ птичникахъ содержались для стола павлины, фламинги и т. п. Подробности о прожорливости римлянъ, дошедшія до насъ, указываютъ, что они черпали на морѣ и на сушѣ все, что́ могло служить для ихъ искусно задуманныхъ пиршествъ. Возлежа на *триклиніумѣ* [1]) около столовъ, уставленныхъ кушаньями, цѣнимыхъ болѣе по ихъ стоимости, чѣмъ по качеству, богатые римляне проводили дни или цѣлыя ночи въ оргіяхъ, которыя, благодаря крѣпкимъ винамъ Италіи, бывали часто очень шумными. Такіе обильные пиры не могли не привлекать *паразитовъ*; въ Римѣ ихъ было такъ же много, какъ и въ Греціи. Но имъ приходилось, цѣною своего обѣда, выносить столько оскорбленій и ударовъ, ради развлеченія общества, что люди этого рода, въ концѣ-концовъ, исчезли.

Молодой богатый римлянинъ временъ имперіи.

Простота римской одежды не допускала большой роскоши для мужчинъ, завертывавшихся въ *тогу*. Тонкость и мягкость ткани, *пурпуровая* кайма для должностныхъ лицъ, количество плащей, окрашенныхъ во всевозможные оттѣнки пурпура, служили единственнымъ отличіемъ

Триклиніумъ.

богатыхъ людей отъ бѣдныхъ. Но эта простота, одинаково обязательная и для однообразной одежды женщинъ, не мѣшала послѣднимъ придумывать всевозможныя искусственныя украшенія своего наряда. Не

---

[1]) Древніе ѣли лежа, а не сидя. *Триклиніумъ* составляли три широкихъ ложа, образовавшія три стороны квадрата съ пустымъ пространствомъ въ срединѣ для стола, и съ одной стороной свободной, куда рабы приносили подносы, на которыхъ разставлялись блюда. Триклиніумъ обыкновенно предназначался для пріема девяти лицъ, по три на каждомъ ложѣ, но этого числа строго не придерживались.

только шелковыя ткани, продававшіяся на вѣсъ золота, такъ какъ ихъ надо было привозить изъ Индіи, и матеріи, затканныя золотомъ и серебромъ, возвышали красоту римскихъ модницъ, но онѣ еще въ изобиліи покрывали себя жемчугомъ и изумрудами; Плиній упоминаетъ о Лолліи Паулинѣ, на которой ихъ было надѣто разомъ болѣе, чѣмъ на сорокъ милліоновъ сестерцій. Точно также онѣ искусно пользовались притираніями, румянами и другими средствами для исправленія неизбѣжныхъ слѣдовъ времени. Новѣйшія ухищренія по этой части не составляютъ ничего новаго.

Римляне заботились, главнымъ образомъ, о роскоши своего жилища. Къ дому принадлежали, обыкновенно, спереди дворъ и позади садъ; тотъ и другой были окружены галлереями. Размѣры домовъ, въ сравненіи съ современными намъ городскими домами, были не велики; стѣны покрывались яркими рисунками, блестѣвшими на солнцѣ. Особенностью этихъ домовъ были два двора (атріумъ и перистиль), раздѣленные одинъ отъ другого большой комнатой (таблинумъ), служившей галлереей для семейныхъ портретовъ, библіотекой, а иногда и столовой. Таблинумъ обыкновенно замыкался въ глубинѣ драпировкой, дверью, иногда и стѣною, и одинъ или два небольшіе корридора (fauces) соединяли оба двора. Атріумъ былъ общественной частью дома, нѣчто вродѣ прихожей. Въ этой части не было другихъ комнатъ, кромѣ *таблинума* и *aloe* (въ буквальномъ переводѣ, крылья), гдѣ патронъ принималъ своихъ кліентовъ. Дворъ также могъ служить мѣстомъ для пріема посѣтителей, такъ какъ съ четырехъ сторонъ его прикрывали покатыя крыши, оставляя открытою лишь центральную часть, куда стекала дождевая вода въ бассейнъ, называвшійся *имплювіумъ*. Перистиль былъ внутренней частью дома, гдѣ помѣщалась семья; онъ заключалъ въ себѣ, обыкновенно, садъ, окруженный колоннадой, образовавшей портикъ, вокругъ котораго располагались *кубикула*, *триклиніумъ*, *экусъ* или *экседра*, т.-е. спальня, столовая и гостиная; послѣдняя, находясь напротивъ *таблинума*, занимала глубину перистиля.

Раскопки въ Помпеѣ доставили возможность судить о степени развитія различныхъ отраслей римской промышленности. „Одинъ предметъ изъ бронзы, каска гладіатора, покрытая рельефными фигурами, утомила бы терпѣніе Гомера, который, какъ извѣстно, не избѣгалъ описаній. Къ этому можно прибавить хирургическіе инструменты, цѣлые ряды кастрюль, котловъ, чашки вѣсовъ, формы для пирожныхъ, уздечки для лошадей, гири, сотни дверныхъ петель, богатую коллекцію чашекъ, кувшиновъ, обдѣланныхъ раковинъ, треножниковъ и т. д. Можно было-бы описать большіе снаряды, печи или жаровни, любопытныя по двой-

ному назначенію, какъ домашняя мебель и какъ произведенія искусства, драгоцѣнное свидѣтельство изящества и изобрѣтательности промышленности, которой древніе оставили намъ столько образцовъ. Трудно перечислить богатства, въ видѣ дорогихъ канделябръ, рѣзныхъ и чеканныхъ произведеній изъ бронзы, безчисленное множество колецъ съ рѣзными каменьями (между ними одно съ великолѣпнымъ ониксомъ), серьги, представляющія головку чесноку, серебряную доску съ изображеніемъ богини Изобилія, держащей въ рукѣ свой рогъ и чашу; знаменитую золотую лампу, вѣсомъ въ тридцать три съ четвертью

Вещи, найденныя въ Помпеѣ.

унцій, которая одна могла бы обогатить собою цѣлую коллекцію. Статуэтки изъ всевозможнаго матеріала, изъ бронзы, мрамора, даже серебра: отдыхающій Меркурій, вепрь, преслѣдуемый собакой, змѣя, поднимающаяся на хвостѣ, въ видѣ спирали, толстощекія дѣти, для украшенія фонтановъ, и одинъ изъ нихъ, испуганный жабой, которую онъ замѣчаетъ между своихъ ногъ, и т. п. [1]).

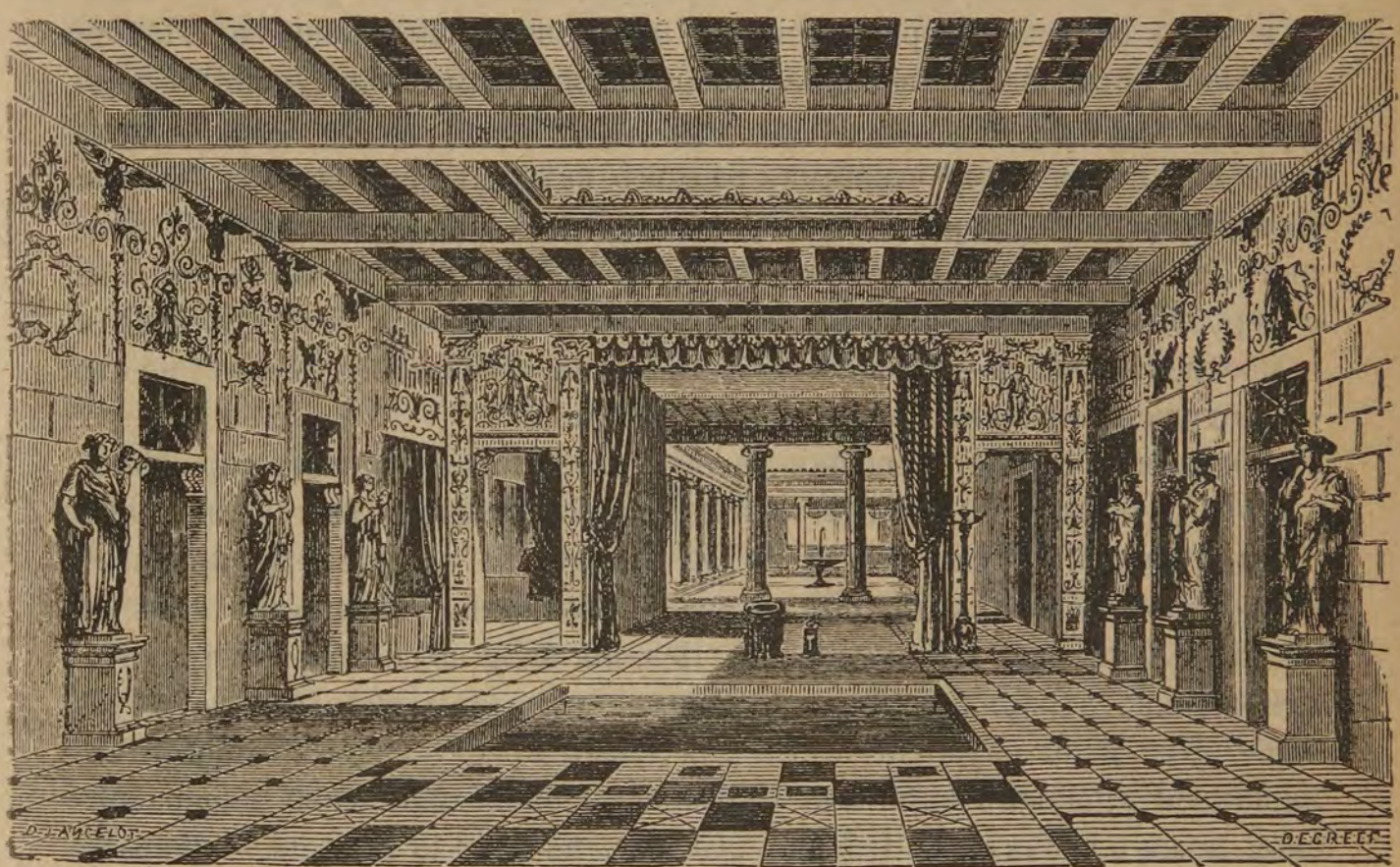
Обширными дворцами владѣли не только императоры: и богатые граждане гордились обладаніемъ пышными домами, украшенными мраморомъ, статуями, мозаикой, живописью, драгоцѣнными вазами, освѣ-

---

1) Marc Monnier, *Pompéi*.

жавшимися брызгами фонтана, съ *термами* для купаній и *палестрами* для тѣлесныхъ упражненій. Это былъ безконечный рядъ залъ, полныхъ свѣта и прохлады, оживлявшихся самыми разнообразными красками. Кромѣ того, у нихъ были виллы или дачи въ живописныхъ мѣстахъ, на берегу моря, въ Байяхъ, вокругъ прелестнаго Неаполитанскаго залива, бывшаго тогда, какъ и теперь, мѣстомъ съѣзда избраннаго общества.

Прибавимъ къ этому рабство, жестокость по отношенію къ невольникамъ, которыхъ богатый римлянинъ приказывалъ бросать на съѣде-



Внутренній видъ римскаго дома.

ніе въ садки съ угрями, суевѣрія, занесенныя съ Востока, распущенность всякаго рода, полное вырожденіе, какъ послѣдствіе необузданной, чувственной жизни,— такова картина римскаго общества при началѣ имперіи, какою ее рисуютъ намъ и поэты сатирическіе, и поэты безнравственные,—продуктъ эпохи упадка.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, преувеличивать этой картины. Серьёзные писатели показываютъ намъ, что оставалось еще не мало семей, искавшихъ въ жизни интересовъ духовныхъ, а не грубыхъ удовольствій, любившихъ поэзію и краснорѣчіе, обсуждавшихъ философскіе вопросы. Въ первомъ вѣкѣ въ Римѣ было много лицъ, горячо преданныхъ

строгимъ ученіямъ *стоицизма* и почерпавшихъ оттуда энергію, чтобы пренебрегать опасностью, бывшей тогда неразлучною съ добродѣтелью. Тразеа былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ стоиковъ, проводившихъ свои убѣжденія на дѣлѣ; многіе, какъ и онъ, пожертвовали жизнью ради чувства человѣческаго достоинства и свободы!

Если въ императорскомъ Римѣ были *Мессалины*, самое имя которыхъ сдѣлалось позорнымъ, тамъ, къ счастію, было не мало женщинъ, строгой нравственности и большой учености. Надгробныя надписи, по своей простотѣ и наивности, показываютъ, за исключеніемъ напыщенныхъ, возбуждающихъ недовѣріе, сколько въ римскихъ семьяхъ было искренней привязанности и взаимной преданности. Плиній Младшій оставилъ похвальное слово своей женѣ Кальпурніи, всегда внимательно слѣдившей за защитительными рѣчами своего мужа на судѣ и за его публичными чтеніями, радуясь каждому его успѣху. И при императорскомъ дворѣ слѣдуетъ напомнить о Ливіи, Октавіи, Агриппинѣ, вдовѣ Германика, Плотинѣ, женѣ Траяна и т. д., не говоря уже о героиняхъ, выказывавшихъ во времена республики, что мужество и самоотверженность—вовсе не исключительное свойство мужчинъ, но что они одушевляли также и римскихъ женщинъ [1]).

Одна изъ страстей, общая людямъ этого общества, какъ хорошимъ, такъ и дурнымъ, была страсть къ циркамъ и боямъ, кажущаяся намъ столь ужасной. Греки всегда имѣли отвращеніе къ зрѣлищу кровавой борьбы; римляне находили въ этомъ удовольствіе, заслуживъ себѣ за то вѣчный упрекъ. Италія, Галлія, Испанія были полны амфитеатрами [2]), гдѣ хорошо откормленные и обученные гладіаторы выходили на состязаніе. Эти игры служили также для казни преступниковъ, предоставлявшихся хищнымъ звѣрямъ. Обреченные проходили мимо императорской ложи и кланялись Цезарю: „Caesar, morituri te salutant,—умирающіе тебя привѣтствуютъ“. Истерзанные трупы оставались на аренѣ, и ихъ вытаскивали крюками по окончаніи игръ. Безнадежно раненыхъ добивали на мѣстѣ: часто ихъ приканчивалъ побѣдитель по требованію толпы, подававшей къ этому знакъ простымъ движеніемъ большого пальца (pollice verso). Эта жажда крови ясно указываетъ, сколько же-

---

1) Аррія, жена Цецины Пета, приговореннаго къ смерти, не желая пережить его, пронзила себя кинжаломъ, и затѣмъ, подавъ его мужу, сказала: „Возьми, это вовсе не больно“.

2) Найдены развалины амфитеатровъ въ 70 городахъ, а въ Галліи ихъ насчитываютъ до 55. Въ Испаніи ихъ также было много. Въ Греціи они не встрѣчаются, исключая Коринѳа, бывшаго римской колоніей.

стокости было еще въ нѣдрахъ общества, вѣжливаго и изящнаго съ внѣшней стороны, въ одно и то же время, утонченнаго и варварскаго.

Страсть къ циркамъ была такъ сильна въ южныхъ странахъ, что она сохранилась до сихъ поръ, безъ сомнѣнія, въ смягченной формѣ, въ видѣ боя быковъ. Испанцы и теперь безумно любятъ эти бои, отъ которыхъ съ большимъ трудомъ удалось отучить населеніе южной Франціи.

Эти нравы объясняютъ многіе пробѣлы въ литературѣ римлянъ. Пока римляне не покидали своего полуострова, литературы у нихъ не существовало. До насъ ничего не дошло отъ первыхъ пятисотъ лѣтъ жизни Рима, и геній этого народа пробудился лишь при соприкосновеніи съ геніемъ грековъ.

Вначалѣ это была лишь заимствованная литература, состоявшая въ переводахъ и подражаніяхъ грекамъ. Плѣнный грекъ изъ Тарента, *Ливій Андроникъ*[1]) поставилъ первую трагедію: пьесы его переведены были съ греческихъ. То же дѣлалъ *Энній*, также уроженецъ Великой Греціи[2]). *Аттій*[3]), родившійся въ Римѣ, сынъ отпущенника, первый далъ опытъ народной трагедіи; ему приписываютъ *Брута*. Эти опыты не нашли себѣ подражателей, и, въ дѣйствительности, трагедія отсутствовала въ римской литературѣ.

Это происходило, конечно, не отъ недостатка сюжетовъ, такъ какъ исторія Рима весьма драматична, но величественные тріумфы, великолѣпіе зрѣлищъ, состязанія гладіаторовъ оказывали такое вліяніе, что римляне мало интересовались вымыслами. Они видѣли настоящихъ царей, слѣдовавшихъ за колесницами побѣдоносныхъ полководцевъ, настоящія битвы, раненыхъ и умирающихъ жертвъ. Послѣ того они не могли уже проникаться состраданіемъ къ несчастіямъ лицъ, умирающихъ лишь притворно. Даже во времена дѣйствительно блестящаго разцвѣта литературы трагедія не могла привиться въ Римѣ.

Комедія имѣла болѣе успѣха. Введенная *Ливіемъ Андроникомъ*, весьма свободная при *Невіи*, поплатившемся изгнаніемъ за свою смѣлость, она не замедлила пріобрѣсти представителя пылкаго и ѣдкаго въ лицѣ *Плавта*[4]) и автора съ тонкимъ дарованіемъ въ лицѣ *Теренція*.

Отъ Плавта осталось двадцать комедій, въ которыхъ мѣткія наблюденія перемѣшаны съ грубыми шутками; изъ числа этихъ произведеній *Амфитріону* подражали Ротру и Мольеръ; *Авлуларіи* подражалъ Моль-

---

[1]) Третьяго вѣка, около 220 г.

[2]) Энній, 240—169 до Р. Х.

[3]) Аттій родился около 170 г., ум. около 90 до Р. Х.

[4]) Плавтъ (254—183) драмат. авторъ и актеръ.

еръ въ своемъ образцовомъ произведеніи *Скупой*; *Менехмы*, комизмъ которой заключается въ сходствѣ двухъ братьевъ, также вдохновила Ротру и Ренара.—Теренцій[1]), родившійся въ Карѳагенѣ, сперва рабъ, а потомъ отпущенникъ, былъ другомъ Сципіона Эмиліана, котораго онъ очаровывалъ своими стихами. Отъ него дошло до насъ только шесть комедій, но весьма замѣчательныхъ[2]). Это былъ поэтъ хорошаго общества, старавшійся сохранить изящество. Вступивъ на правильный путь, комедія, тѣмъ не менѣе, остановилась въ своемъ развитіи, которое было задержано легкомысленнымъ и тщеславнымъ вкусомъ послѣднихъ временъ республики. Она выродилась въ пьесы едва намѣченныя и дополнявшіяся актерами, какъ, напр., *Аттеланы* (во времена Суллы); затѣмъ она упала ещениже, сдѣлавшись достояніемъ шутовъ и гистріоновъ; это уже были *мимы*. Римлянамъ доставляло болѣе удовольствія читать сатиры, чѣмъ слушать ихъ. *Луцилій* и *Теренцій Варронъ* дали весьма цѣнные образцы, намѣчавшіе первые шаги въ томъ родѣ искусства, въ которомъ впослѣдствіи геніальные писатели дали превосходныя произведенія.

Эпическая поэзія также пробивалась къ жизни во времена республики вмѣстѣ съ Невіемъ [3]), составившимъ разсказъ о первой пунической войнѣ, и, въ особенности, съ *Энніемъ*, *Римскія лѣтописи* котораго — большая историческая эпопея—были произведеніемъ грубымъ и сильнымъ. Но въ то время латинскій языкъ еще не былъ вполнѣ выработанъ. Эпическая поэзія разцвѣла только въ вѣкѣ Августа.

Обширное произведеніе *Лукреція* [4]), поэма *о Природѣ*, хотя и причисляемая къ поэзіи дидактической, въ дѣйствительности, одушевлена эпическимъ вдохновеніемъ. Горячій приверженецъ Эпикура, Лукрецій хотѣлъ объяснить происхожденіе міра изъ *атомовъ* и вывести изъ своего физическаго ученія философію, стремившуюся къ разрушенію всѣхъ вѣрованій. Отыскивая счастіе въ увѣренности, что человѣкъ не долженъ ничего ни ожидать отъ боговъ, ни бояться ихъ, онъ восторгается спокойствіемъ, какое, по его мнѣнію, даетъ это матеріалистическое убѣжденіе. И, что всего страннѣе,—Лукрецій проповѣдовалъ это отрицательное вѣроученіе съ жаромъ, свойственнымъ вѣрѣ положительной. Мысль о слабости человѣческой природы внушаетъ ему особенно краснорѣчивыя стра-

---

[1]) Теренцій, 192—159 до Р. Х.

[2]) *Андріанна* была перенесена на французскую сцену Барономъ; Лафонтенъ почти перевелъ *Евнуха*, а Мольеръ нашелъ въ *Двухъ братьяхъ* сюжетъ *Школы отцовъ*. *Форміонъ* далъ идею для *Плутней Скапена*.

[3]) Невій ум. около 202 г.

[4]) Лукрецій, 95—51 г. до Р. Х.

ницы, до сихъ поръ изучаемыя съ пользой за ихъ сильныя выраженія и величіе образовъ.

Изнѣженность и утонченность нравовъ временъ Цезаря располагали римлянъ находить удовольствіе въ нѣжной поэзіи мелкихъ стихотвореній тонкаго, изящнаго, остроумнаго и болѣзненно чувствительнаго *Катулла* [1]). По изяществу языка и по нѣжности своихъ элегій, Катуллъ возвѣщаетъ уже вѣкъ Августа, куда его можно было бы отнести.

Слава римской литературы временъ республики заключается въ краснорѣчіи. Борьба на форумѣ съ раннихъ временъ развила у римлянъ любовь къ ораторскому искусству. Къ несчастію, мы не можемъ судить о пылкости трибуновъ, о рѣзкости Цензора Катона въ холодномъ воспроизведеніи ихъ Титомъ Ливіемъ. Гракхи также умѣли глубоко волновать толпу: Тиверій никогда не выходилъ изъ спокойнаго тона, который поддерживался гармоническими звуками свирѣльщика, находившагося позади него; Кай былъ болѣе пылокъ и рѣзокъ въ движеніяхъ. Марій, при всей своей грубости, увлекалъ плебеевъ энергичными протестами противъ знатныхъ лицъ. Защитительными рѣчами славились *Лициній*, *Крассъ* и *Маркъ Антоній*, предокъ тріумвира; *Гортензія* Цицеронъ ставилъ весьма высоко.

Но самъ *Цицеронъ* [2]) превосходилъ его, и одного этого имени достаточно, чтобы получить понятіе о римскомъ краснорѣчіи. Онъ выступаетъ и дѣловымъ, и политическимъ ораторомъ, адвокатомъ и консуломъ, защищаетъ Милона и Секстія, обвиняетъ Верреса, поражаетъ Катилину своей энергичной рѣчью, обсуждаетъ вопросы права, касается великихъ интересовъ республики или направляетъ противъ Антонія свои *Филиппики*, такъ удачно названныя въ память филиппикъ Демосѳена. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Цицеронъ является образцомъ оратора по построенію и расположенію рѣчи, по тѣсной связи доводовъ, по широтѣ сужденія, по обилію выраженій, по неизмѣнному благородству языка, разнообразію и блеску образовъ, по неподражаемой гармоніи періодовъ, то какъ бы ниспадающихъ съ извѣстнымъ ритмомъ, то вдругъ поднимающихся смѣлымъ оборотомъ. Цицеронъ прекрасно зналъ тайны своего искусства и самъ изложилъ ихъ въ дидактическихъ произведеніяхъ, достойныхъ его рѣчей, каковъ діалогъ *Оратора*. Онъ былъ законченный критикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ философъ; онъ не установилъ или не принялъ какого-либо опредѣленнаго ученія,

---

[1]) Катуллъ, 87—47 г. до Р. Х.

[2]) Маркъ Туллій Цицеронъ родился близъ Аршинума въ 106 г. до Р. Х. Убитъ во время гоненій Антонія въ 43 г.

но ему знакомы всѣ философскія системы, и онъ всего болѣе старался выяснить, въ своихъ *Тускуланахъ* и въ прекрасномъ трудѣ о *Долгѣ*, сдѣлавшемся образцовымъ, основы нравственности. Этотъ могучій ораторъ, спасшій въ 63 г. республику отъ Катилины, открываетъ намъ свой внутренній міръ, поистинѣ прекрасный, въ своихъ *Письмахъ*, остающихся, такъ же какъ и его рѣчи, и критическіе, и философскіе діалоги, образцовыми произведеніями латинскаго языка и человѣческой мысли.

Повидимому, сочиненія по исторіи появились въ Римѣ съ очень давняго времени, но отъ древнихъ авторовъ, каковъ, напр., *Фабій Пикторъ*, труды котораго вошли въ составъ обширнаго сочиненія Тита Ливія, ничего не сохранилось. Тѣмъ не менѣе, въ первомъ вѣкѣ до христіанской эры успѣхи письменности даютъ возможность *Саллюстію* [1]) написать яснымъ, сжатымъ и сильнымъ слогомъ исторію *войны съ Югуртой* и исторію *заговора Катилины*. Современникъ его *Корнелій Непотъ*, несмотря на свои достоинства, не достигаетъ такого подъема въ своемъ перечнѣ *образцовыхъ полководцевъ*. *Юлій Цезарь* превосходитъ ихъ обоихъ въ своихъ *Комментаріяхъ*, книгѣ, дышащей рѣзкой простотой военнаго человѣка и замѣчательной по точности и одушевленности непритязательнаго разсказа, яснаго и живого, какъ и дѣйствія, составляющія его содержаніе.

Новѣйшіе писатели, съ ихъ склонностью къ классификаціи, группировали до извѣстной степени древнихъ авторовъ вокругъ одного имени. Выраженіе *вѣкъ Августа* является не менѣе преувеличеннымъ, какъ и *вѣкъ Перикла*, и свидѣтельствуетъ, безъ сомнѣнія, о благосклонности, какую Августъ обнаруживалъ по отношенію къ великимъ поэтамъ своего времени, и о щедрости, какую проявлялъ его другъ *Меценатъ*. Въ дѣйствительности, вліяніе его ограничивалось небольшимъ кружкомъ, но къ этому кружку принадлежали Горацій, Виргилій и Титъ Ливій.

Честь, приписываемая Августу, оправдывается всего болѣе вліяніемъ на литературу возстановленія мира и завершенія римскаго величія. Августъ увѣнчалъ зданіе. Тогда появились поэты, прославлявшіе національное дѣло, и историки, искавшіе въ прошломъ постепенной его подготовки. Звонъ мечей умолкъ: можно было слышать звукъ лиры; оружіе, столь долго пользовавшееся славой, склонилось, въ свою очередь, передъ славой литературы. Латинская литература дошла до совершенства въ тотъ моментъ, когда имперія достигла своего послѣдняго

---

[1]) Саллюстій, 87—36 г. до Р. Х.

предѣла, когда обозначилось величественное объединеніе Рима. Было бы странно, если бы могучая сила народа, способнаго покорить всѣ другіе народы, не дала бы цвѣта болѣе изящнаго, чѣмъ люди военные и государственные. Августъ имѣлъ счастіе царствовать во время этого разцвѣта и умѣлъ ему способствовать. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ поставить его имя во главѣ великаго вѣка римской литературы, не забывая, что въ Римѣ были Лукрецій и Цицеронъ, и что въ теченіе двухъ вѣковъ послѣ того онъ производилъ еще замѣчательныхъ писателей.

Августъ, во второй половинѣ своей жизни, такъ благопріятно противорѣчившей первой, не относился строго къ Титу Ливію [1]) за его нападки на аристократическую партію; онъ прозвалъ его *Помпейцемъ*: въ этомъ заключалась его месть. Титъ Ливій могъ свободно пользоваться архивами Рима, вѣроятно, сильно опустошенными междоусобными войнами. Онъ предпринялъ и довелъ до конца громадный трудъ, тщательно разобравъ всѣ перемѣны, происходившія въ теченіе семи вѣковъ, во время роста римскаго государства. Объединеніе послѣдняго доставило законченность его задачѣ, и Титъ Ливій, горячо любившій славу родины, воспроизвелъ въ своемъ трудѣ величественный ходъ этой исторіи, которая, въ концѣ концовъ, включила въ себя исторію всѣхъ остальныхъ народовъ. Къ несчастію, *Лѣтописи* Тита Ливія, заключавшія въ себѣ 142 книги, не сохранились полностью: до насъ дошли только 35 разрозненныхъ книгъ. Но и онѣ вполнѣ даютъ право поставить Тита Ливія среди историковъ наиболѣе художественныхъ и изящныхъ.

Титъ Ливій былъ родомъ изъ Падуи. Строгіе критики упрекали его за языкъ, находя въ немъ какіе-то неуловимые для насъ провинціализмы. Мы упоминаемъ объ этомъ для указанія того, что Римъ привлекалъ къ себѣ силы изъ дальнихъ мѣстъ. Онъ пріобрѣлъ и другую силу, еще болѣе драгоцѣнную, изъ полей Мантуи, въ лицѣ *Виргилія*.

Виргилій [2]) былъ великимъ эпическимъ поэтомъ римлянъ. Сначала онъ упражнялся въ простыхъ пастушескихъ пѣсняхъ (Буколики); придавъ гибкость своему таланту описаніемъ сельскихъ работъ въ *Георгикахъ*, съ цѣлью возбудить къ нимъ любовь итальянскихъ крестьянъ, Виргилій прославлялъ величіе Рима, связывая его съ троянцемъ Энеемъ и богами, предопредѣлившими ему быть властителемъ міра. Почитатель и удачный подражатель Гомера, Виргилій соединилъ въ одной поэмѣ кар-

---

[1]) Титъ Ливій, 59 г. до Р. Х.—17 г. по Р. Х.

[2]) Виргилій, 70—19 до Р. Х.

тину Одиссеи и планъ Иліады. Путешествія Энея напоминаютъ скитанія Улисса, но его битвы, со времени поселенія его въ Лаціумѣ, являются вполнѣ національнымъ сюжетомъ. Виргилій любитъ изображать древніе народы, отъ которыхъ произошелъ народъ римскій, и представлять стада царя Эвандра бродящими тамъ, гдѣ впослѣдствіи собирались римскія комиціи. Виргилій даже слишкомъ выказываетъ ученость, которая могла бы охладить въ насъ интересъ къ его произведенію, если бы поэтъ не обладалъ въ высшей степени искусствомъ оживлять вниманіе трогательными эпизодами. Любовь къ Риму, гордость Римомъ, вѣра въ прочность его дѣла всюду проникаютъ *Энеиду* и сообщаютъ ей гораздо болѣе искренности, чѣмъ условная миѳологія, къ которой прибѣгаетъ поэтъ, самъ въ нее болѣе не вѣря. Но Виргилій вѣритъ въ *мѣстныхъ боговъ*, въ боговъ отечества (dii patrii et indigetes); онъ любитъ Римъ и, ослѣпленный его величіемъ, воспѣваетъ его въ своихъ стихахъ, какъ Титъ Ливій — въ своей исторіи. Его стиль такъ благороденъ, изященъ и мягокъ, что его прозвали Мантуанскимъ лебедемъ.

Горацій [1]) не поднимался на крыльяхъ, уносившихъ его друга въ высшую область эпической поэзіи. Онъ любовно слѣдилъ за нимъ во время своего путешествія по Греціи, какъ бы за другой половиной самого себя, но, тѣмъ не менѣе, хотя и въ другомъ родѣ поэзіи, стяжалъ равную съ нимъ славу. Подобно Виргилію, Горацій въ своихъ *Одахъ* воспѣвалъ сельскую жизнь, чтобы возвратить умамъ, еще потрясеннымъ междоусобными войнами, тишину лѣсовъ и луговъ. Но Горацій воспѣвалъ часы отдыха, а не трудъ земледѣльца; Виргилій же не боялся браться за плугъ. Горацію были особенно по душѣ уютныя виллы среди рощъ, гдѣ онъ смаковалъ фалернское вино или слегка философствовалъ, наслаждаясь священнымъ миромъ и благодѣяніями того, кого Виргилій называетъ „богомъ“. Муза Горація, то шутливая, то серьезная, скользитъ по наклонной плоскости эпикуреизма, и только по временамъ какъ будто омрачается грустью при воспоминаніи о несчастіяхъ Рима. Его поэзія напоминаетъ недавно пережитыя бури или навѣваетъ грустныя мысли о человѣческой судьбѣ. Это — поэтъ гибкій, пріятный и практичный; онъ нравится всегда, заставляя задумываться надъ тѣмъ, что̀ осмѣиваетъ, и его мудрость, хотя нѣсколько эгоистическая, имѣетъ бо́льшую цѣну, потому что она откровенна. Горацій писалъ также *Посланія*, не менѣе поучительныя и привлекательныя, чѣмъ его *Оды*. Онъ былъ критикъ, установив-

---

[1]) Горацій, 65—8 до Р. Х.

шій въ своемъ *Посланіи къ Пизону* литературныя правила и сосредоточившій на нѣсколькихъ страницахъ начала поэтическаго искусства. Это былъ и сатирикъ, не злой, но тонкій, остроумный и ѣдкій. Высокія темы были недоступны Горацію; ограничиваясь областью нравовъ и ихъ искаженій, онъ выполнялъ задачу моралиста и, въ извѣстной степени, содѣйствовалъ законодательству Августа. Отсутствіе комедіи восполнялось сатирами. Однимъ словомъ, Горацій продолжалъ, хотя и въ другомъ духѣ, свои философскія назиданія, которыя, не возносясь высоко, обладаютъ большимъ здравымъ смысломъ, и въ то же время, проникнуты умомъ, какой блеститъ во всѣхъ стихотвореніяхъ пѣвца Тибура.

Овидій [1]) обладалъ умомъ, равнымъ Горацію, но былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ. Несмотря на изящество и прозрачность его стиховъ, легкихъ и гармоничныхъ, онъ остался поэтомъ второстепеннымъ. Въ своихъ *Метаморфозахъ*, онъ переложилъ въ стихи миѳологическія легенды, надъ которыми онъ подсмѣивается, а въ *Лѣтописяхъ* (Fastes)—обычаи и суевѣрія Рима. Изгнанный Августомъ, по причинѣ, оставшейся неизвѣстною, уединившись въ Томахъ, полудикой странѣ гетовъ, на берегахъ Понта Эвксинскаго, Овидій долго горевалъ и посылалъ своимъ друзьямъ краснорѣчивыя пьесы, *Печали*, въ которыхъ онъ постоянно возвращается къ тѣмъ же жалобамъ, примѣшивая къ нимъ богатое и трогательное воображеніе (такъ какъ Овидій выражалъ въ нихъ дѣйствительныя, переживавшіяся имъ страданія). Но въ концѣ концовъ эти произведенія кажутся однообразными и противорѣчивыми, вслѣдствіе нѣкоторыхъ чертъ, идущихъ въ разрѣзъ съ искренностью огорченія, которое выиграло бы, если бы не было столь замысловатымъ.

Несмотря на то, что Овидій былъ поэтомъ элегическимъ, элегія выражена гораздо серьезнѣе *Тибулломъ* [2]), благодаря тому сильному, нѣжному и даже грустному отпечатку, который рѣдко встрѣчается у древнихъ. У *Проперція* [3]) больше теплоты и движенія, но онъ слишкомъ вдается въ миѳологическія подробности, и его элегіи не такъ задушевны, какъ элегіи Тибулла.

Сильное движеніе, данное литературѣ, продолжалось и послѣ Августа. Сатирическимъ перомъ Горація овладѣлъ *Персій* [4]), умершій двадцати восьми лѣтъ и потому не имѣвшій времени оставить ни одного

---

[1]) Овидій, 43 г. до Р. Х.—17 по Р. Х.

[2]) Тибуллъ, 54—18 до Р. Х.

[3]) Проперцій, 52—15 до Р. Х.

[4]) Персій, 34—62 по Р. Х.

значительнаго произведенія. Онъ былъ писатель живой и рѣзкій, и убѣжденный стоикъ, но, къ сожалѣнію, языкъ его не всегда ясенъ. *Ювеналъ* [1]) болѣе доступенъ, несмотря на то, что часто говоритъ намеками и употребляетъ народные термины, что̀ требуетъ особаго вниманія при его изученіи. Ювеналъ наблюдалъ людей въ продолженіе всей своей долгой жизни и тайно писалъ сатиры, въ которыхъ не щадилъ никого; труды его были обнародованы уже гораздо позднѣе, при Адріанѣ; но и это обнародованіе, поощрявшееся свободной политикой Антониновъ, навлекло на автора изгнаніе, весьма тягостное для старца. Хотя его произведенія не походили на шутки Горація, но Горацій жилъ не при Домиціанѣ. Ювеналъ клеймилъ испорченность своего времени съ силою, свидѣтельствующею объ его негодованіи, а точныя подробности, встрѣчающіяся въ его сатирахъ, доказываютъ его правдивость, которую иногда подвергали сомнѣнію.

Петроній и *Марціалъ* были также сатириками, но въ ихъ произведеніяхъ слишкомъ много слѣдовъ той испорченности, которую они, повидимому, порицали. Болѣе достоинъ похвалы добросовѣстный *Федръ* [2]), оставившій послѣ себя скромное собраніе изящныхъ басенъ, сжатыхъ и остроумно-нравственныхъ, которыми часто вдохновлялся Лафонтенъ.

По слѣдамъ Горація шелъ Ювеналъ; Виргилію слѣдовалъ *Луканъ* [3]). Не одна только Верхняя Италія производитъ поэтовъ; они появляются изъ Испаніи, такъ какъ Луканъ родился въ Кордовѣ. Во время царствованія Нерона, онъ вздумалъ напомнить въ *Фарсалѣ* великую борьбу Помпея и Цезаря. Не касаясь невыдержаннаго плана его произведеній, въ которыхъ трудно различить, какой сторонѣ онъ воздавалъ хвалу, за Луканомъ должна быть признана энергія, съ какой онъ не боялся отдавать честь побѣжденнымъ, восклицая:

Побѣдителя дѣло пріятно богамъ, а побѣжденныхъ—Катону! [4]).

Успѣхи стихотвореній Лукана навлекли на него неудовольствіе Нерона; вслѣдъ затѣмъ онъ присоединился къ заговору и былъ приговоренъ къ смерти: онъ открылъ себѣ жилы двадцати семи лѣтъ. Онъ оставилъ *Фарсалу* неоконченной, но эта поэма, несмотря на свои недостатки и напыщенность, изобличавшую извращеніе вкуса, и на языкъ, не имѣвшій ни мягкости, ни чистоты стиля Виргилія, до сихъ поръ

---

1) Ювеналъ, 42—120 по Р. Х.

2) Федръ, 30 л. до Р. Х.—44 по Р. Х.

3) Луканъ, 39—65 по Р. Х.

4) Victrix causa Diis placuit, sed victa Catoni.

справедливо пользуется вниманіемъ, вслѣдствіе силы своихъ описаній и, въ особенности, сужденій.

Исторія отомстила сильнѣе, чѣмъ сатира, за попранную нравственность, и *Тацитъ* [1]) сдѣлалъ болѣе, чѣмъ Ювеналъ, осужденіемъ деспотизма и развращенности первыхъ временъ имперіи. Безмолвный при Домиціанѣ, онъ воспользовался промежуткомъ времени власти Антониновъ, чтобы возстановить въ своихъ *Лѣтописяхъ* трагедіи, наполнявшія царствованіе цезарей изъ дома Августа, и въ своихъ *Исторіяхъ* говоритъ о томъ, чему былъ свидѣтелемъ, начиная съ воцаренія Гальбы до смерти Домиціана. Суровый и безпощадный судья, историкъ, проникнутый въ высшей степени своею нравственною миссіей, видящій въ себѣ защитника нарушеннаго права и подавленной свободы, Тацитъ разсказываетъ о преступленіяхъ и безчинствахъ со сдержаннымъ негодованіемъ, что̀, быть можетъ, вредитъ его безпристрастію, но въ то же время вызываетъ къ нему уваженіе. Его перо карало худшихъ тирановъ Рима и всего міра: они явились предъ потомствомъ съ неизгладимымъ пятномъ, которое напечатлѣлъ на нихъ историкъ, мстившій за ихъ жертвы. Никогда еще исторія не сознавала лучше своего значенія и призванія. Его трудъ укрѣпляетъ мужество, такъ какъ, по словамъ Маріи-Жозефа Шенье,—„каждая строка его, это—кара за преступленія или награда за добродѣтель“.

Не такова была книга *Светонія* [2]), современника Тацита, который, повидимому, находя удовольствіе въ подробныхъ описаніяхъ гнусностей, о которыхъ разсказываетъ, не одобряетъ ихъ, но и не порицаетъ. Біографіи *Двѣнадцати Цезарей*—не что иное, какъ собраніе анекдотовъ, безъ сомнѣнія, полезныхъ для исторіи, но часто весьма сомнительныхъ. *Валерій Максимъ*, жившій при Тиверіи, также анекдотиченъ. *Веллей Патеркулъ* составилъ краткій, не лишенный достоинствъ трудъ, вмѣстивъ въ двухъ книгахъ всю исторію Рима. *Флоръ* испортилъ свои сокращенія риторикой и слишкомъ беззаботнымъ отношеніемъ къ истинѣ, географіи и хронологіи: это былъ не столько историкъ, сколько риторъ.

Квинтъ Курцій и *Юстинъ* [3]) занимаютъ особое положеніе среди этихъ второстепенныхъ писателей, сокращавшихъ обширные труды другихъ. Первый оставилъ намъ *Исторію подвиговъ Александра*, бѣглую, блестящую и живую, написанную легкимъ и достаточно чистымъ

---

[1]) Тацитъ, 54—130 по Р. Х.

[2]) Родился въ 70 г. по Р. Х.

[3]) Квинтъ Курцій принадлежалъ къ первому, а Юстинъ ко второму вѣку христіанской эры.

языкомъ. Второй сократилъ и въ такомъ видѣ передалъ потомству трудъ историка, современнаго Титу Ливію, *Трога-Помпея*. Этотъ авторъ, сочиненіе котораго совершенно утратилось, разсказалъ, подъ названіемъ *Филиппикъ*, объ основаніи, расширеніи и упадкѣ македонскаго царства, присоединивъ къ этому разсказу исторію народовъ, имѣвшихъ сношенія съ македонянами. Это было нѣчто въ родѣ всеобщей исторіи, которую Юстинъ сократилъ, изложивъ ее яснымъ языкомъ, почему, вмѣстѣ съ Квинтомъ Курціемъ, заслуживаетъ изученія при классныхъ занятіяхъ латинскимъ языкомъ.

Не слѣдуетъ забывать, что въ ту же эпоху писали и *греческіе историки*, о которыхъ мы говорили выше,—Арріанъ, Аппіанъ и Плутархъ.

За Титомъ Ливіемъ слѣдовалъ Тацитъ. Но краснорѣчіе Цицерона не пережило его: оно впало въ *риторику*. Самые странные, риторическіе сюжеты составляютъ содержаніе книги *Споры Сенеки-отца* [1]). Испанецъ, родившійся въ Кордовѣ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ, имѣвшихъ успѣхъ въ искусственныхъ упражненіяхъ, поощрявшихъ въ Римѣ склонностью къ *публичнымъ чтеніямъ*. За отсутствіемъ обсужденій на форумѣ, образованный классъ сходился слушать поэтовъ или ораторовъ. Но эти собранія, гдѣ апплодисменты сыпались лишь за притязательныя мысли и замысловатые обороты, искажали вкусъ. О внутреннемъ содержаніи не заботились: достаточно было одной формы. Сенека-сынъ, называемый, обыкновенно, *Трагикомъ* или *Философомъ* [2]), примѣнилъ искусство риторики къ *трагедіямъ*, заимствованнымъ у грековъ, пользуясь ими, какъ рамками, для разсужденій и описаній. Онъ примѣнилъ его также къ философіи, разсуждая весьма разумно о *милосердіи, гнѣвѣ, о счастливой жизни* и возвышаясь иногда, подобно Цицерону, до высшихъ нравственныхъ понятій. Нѣкоторые дѣлали попытку сближенія его ученій съ ученіемъ христіанскимъ, распространявшимся въ то время, и устанавливали связь между Сенекой и апостоломъ Павломъ. Предположеніе это отвергнуто въ настоящее время; Сенека остается стоикомъ, достигшимъ силою ума презрѣнія къ жизни, которую онъ омрачилъ своими слабостями, но искупилъ ихъ прекрасною смертью, оставшись твердой и покорной жертвой того Нерона, котораго онъ такъ дурно воспиталъ.

Квинтиліанъ [3]), въ своей замѣчательной книгѣ объ *Ораторскомъ учрежденіи*, вкратцѣ изложилъ правила этой риторики, обучавшей

---

[1]) Сенека-отецъ, 52 до Р. Х. —32 по Р. Х.

[2]) Сенека-философъ, 3—65 по Р. Х.

[3]) Квинтиліанъ, 42—120 по Р. Х.

расположенію различныхъ частей разсужденія, связи доводовъ, но не научавшей истинному краснорѣчію. Квинтиліанъ слишкомъ приверженъ къ мелкимъ, школьническимъ пріемамъ; тѣмъ не менѣе, онъ остается умнымъ и интереснымъ руководителемъ во всемъ, что касается литературныхъ сочиненій. Это—учитель хорошаго вкуса и образцовый критикъ, а также и публичный лекторъ, какимъ онъ былъ въ свое время.

Квинтиліанъ, такъ же, какъ и Сенека, былъ родомъ изъ Испаніи. *Плиній Младшій* [1]) былъ уроженцемъ Верхней Италіи. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ риторовъ, любимымъ изъ публичныхъ чтецовъ. Обладая большимъ умомъ, онъ тонко льстилъ въ своихъ рѣчахъ Траяну, но это не мѣшало ему изобразить въ *Панегирикахъ* живую и интересную картину правленія самаго знаменитаго изъ Антониновъ. Въ своихъ *Письмахъ*, изображающихъ внутреннюю исторію Рима во времена императоровъ, онъ даетъ картину нравовъ и обычаевъ.

Римляне сохранили свой геній формализма, сдѣлавшій ихъ учителями въ наукѣ *права*. Въ эту науку отчасти вдохнуло жизнь развитіе литературы. Со временъ Августа юрисконсульты пріобрѣли большую славу точностью и силой, съ какой они разсуждали о правилахъ общественности. Образовались двѣ школы съ *Лабеономъ* и *Капитономъ* во главѣ, изъ которыхъ одинъ, отстаивавшій древнія, политическія ученія, былъ противникомъ, а другой, державшійся новыхъ политическихъ воззрѣній, былъ сторонникомъ Августа. *Гай* или *Кай* [2]) заслуживаетъ названія одного изъ свѣтилъ римскаго права: онъ началъ приводить его въ порядокъ, и его *Институты* послужили впослѣдствіи образцомъ, а во многихъ случаяхъ — и основою Институтовъ Юстиніана

Кромѣ того, императоры уже заботились о приведеніи въ порядокъ громаднаго собранія законовъ и указовъ, накопившихся въ теченіе вѣковъ. Адріанъ въ *Постоянномъ эдиктѣ*, исключивъ повторенія и противорѣчія, соединилъ эдикты, которые издавались при вступленіи въ должность каждымъ преторомъ, и составилъ, вмѣстѣ съ отзывами юрисконсультовъ, римское право. *Сальвій Юліанъ* былъ составителемъ постояннаго эдикта, дополненнаго *Эдиктомъ провинціальнымъ* при Маркѣ Авреліи.

Со времени этого послѣдняго императора, *Папиніанъ*, благодаря

---

[1]) Плиній Младшій, род. въ 62 г. послѣ Р. Х.

[2]) Вѣроятно, въ царствованіе Адріана, Антонина и Марка Аврелія.

своимъ юридическимъ трудамъ, заставилъ слушать себя, какъ оракула. Папиніанъ гордился тѣмъ, что не унизилъ право предъ силой, и встрѣтилъ смерть за то, что отказался оправдать преступленіе Каракаллы, убійцы своего брата, Геты. Труды его продолжали *Павелъ* и *Ульпіанъ*, знаменитые юрисконсульты, прибавившіе еще болѣе прочности и блеска величественному зданію римскаго законодательства. Это римское право пережило имперію, а ясность его формулъ, послѣдовательность выводовъ, безконечное разнообразіе постановленій, отвѣчающихъ на всѣ общественные запросы, сдѣлали это право образцомъ всѣхъ новѣйшихъ законодательствъ.

Въ Италіи науки процвѣтали менѣе, чѣмъ въ Греціи, и римляне почти ничего не прибавили къ трудамъ грековъ. У нихъ былъ, впрочемъ, знаменитый естествоиспытатель, *Плиній Старшій* [1]), дядя ритора, человѣкъ съ громадными знаніями. Его *Всемірная исторія*, весьма цѣнившаяся Бюффономъ, заключала кромѣ исторіи животныхъ, растеній и минераловъ, исторію неба и земли, медицины, торговли, мореплаванія, однимъ словомъ, всѣ естественныя науки и человѣческія искусства. Книга его—настоящая энциклопедія—представляетъ драгоцѣнный источникъ для послѣдующихъ временъ, несмотря на то, что торопливая работа ея дѣятельнаго составителя не позволяла ему всегда быть точнымъ. Плиній Старшій, тѣмъ не менѣе, старался наблюдать непосредственно явленія природы и погибъ жертвой своего увлеченія, изучая слишкомъ близко знаменитое изверженіе Везувія въ 79 году, поглотившее Геркуланумъ и Помпею.

Римъ, обладая военною доблестью Спарты, высоко цѣнилъ, подобно Аѳинамъ, науки и литературу. Образованіе составляло тщательную заботу общества, любившаго умственныя наслажденія. Нельзя сказать, чтобы тамъ было установлено систематическое первоначальное образованіе: нѣкоторые документы показываютъ, что *низшія школы* имѣли весьма плохія помѣщенія въ сараяхъ, на чердакахъ или подъ навѣсами, окаймлявшими улицы. Но римляне придавали большее значеніе тому, что̀ мы называемъ среднимъ и высшимъ образованіемъ. Сначала греческіе риторы, а затѣмъ латинскіе риторы и философы — держали школы, которыя посѣщались молодыми людьми богатыхъ фамилій, вышедшими изъ рукъ *педагога-раба*. Наиболѣе любознательные отправлялись затѣмъ совершенствоваться въ школахъ Аѳинскихъ или Александрійскихъ. Галлія славилась школами въ Тулузѣ, въ Бордо, въ Ліонѣ, въ Отёнѣ, гдѣ *стѣнныя школы* (устроенныя около ограды,

---

[1]) Плиній Старшій, 23 – 79 по Р. Х.

стѣны, moenia) были построены съ рѣдкимъ великолѣпіемъ. Подъ портиками, громадныя *географическія карты*, нарисованныя на *стѣнахъ*, служили пособіемъ при лекціяхъ преподавателей. Изъ этихъ школъ выходило, конечно, большое число риторовъ и людей, умѣвшихъ говорить красиво, но народъ, утратившій свободу и источники нравственнаго подъема, помимо исключительныхъ геніевъ, могъ создавать лишь безсодержательную и холодную литературу.

Римляне обладали художественнымъ чувствомъ, хотя и въ гораздо меньшей степени, чѣмъ греки. Во всякомъ случаѣ, у нихъ была *гражданская архитектура*, которую они не могли ни у кого заимствовать и образцы которой оставили міру. Ни одинъ народъ не обнаружилъ бо̀льшаго усердія къ постройкамъ и бо̀льшей заботливости объ ихъ прочности. Римляне были строителями, заботившимися, главнымъ образомъ, о полезности, но иногда достигавшими величественности. Къ несчастію, весьма трудно судить объ этомъ теперь, такъ какъ, несмотря на многочисленность развалинъ ихъ памятниковъ, осталось очень мало такихъ, которые еще не разрушились и представляютъ собою нѣчто цѣльное.

Капитолій, въ настоящее время—не болѣе, какъ холмъ, весьма уменьшенный и застроенный обыкновенными домами; *форумъ* находится наполовину подъ землей, и стоило большого труда извлечь оттуда нѣкоторые памятники. Кромѣ того, почва Рима столько разъ перекапывалась и при республикѣ, и при имперіи, въ средніе вѣка и въ новѣйшее время, что только историческія данныя, съ помощью особыхъ изысканій, могутъ помочь намъ освоиться съ планомъ и развалинами семихолмнаго города. Христіанскіе памятники повсюду замѣстили древніе и украсились ихъ остатками.

Полную перестройку города, дѣлавшагося столицей міра, началъ Августъ. Заставъ его „кирпичнымъ“, онъ оставилъ его „мраморнымъ“; онъ обогатилъ его многочисленными храмами, посвященными Аполлону, Юпитеру, Квирину, Минервѣ — богамъ, пенатамъ Юности, исправилъ водопроводы (акведуки), построилъ базилики и т. д. *Агриппа*, котораго можно назвать его министромъ общественныхъ работъ, велѣлъ построить своеобразное зданіе, открывавшее гостепріимство богамъ всѣхъ подчиненныхъ народовъ, общій храмъ, *Пантеонъ*, соединявшій въ себѣ всѣ религіи, подобно тому, какъ Римъ соединялъ всѣ націи. Этотъ Пантеонъ существуетъ до сихъ поръ и стоитъ посреди заброшенной площади. Онъ состоитъ изъ прямолинейнаго портика съ двумя рядами изъ восьми колоннъ, предъ круглымъ зданіемъ, куполъ котораго поднимается на двадцать саженъ. Свѣтъ проникаетъ черезъ

отверстіе вверху. Общій видъ его грузенъ, но этотъ памятникъ свидѣтельствуетъ объ усиліи римлянъ не останавливаться передъ прямолинейностью и стремиться къ смѣлому созданію куполовъ [1]). Агриппа построилъ еще храмъ, невѣрно приписывавшійся Антонину, отъ котораго осталось одиннадцать богатыхъ колоннъ коринѳскаго стиля, теперь безобразно приставленныхъ къ одному городскому зданію. Остатки театра Марцелла также придѣланы къ частному дому.

Но что особенно любили римляне и что вполнѣ принадлежитъ имъ, это—отдѣльныя колонны, воздвигнутыя по обѣту, тріумфальныя арки, термы и амфитеатры. Колонна Траяна была гробницей и апоѳеозомъ этого императора, заслуживавшаго, впрочемъ, этой чести. Погребальная урна покоилась подъ пьедесталомъ, а бѣлый мраморный стержень состоитъ изъ тридцати четырехъ глыбъ, удивительно связанныхъ архитекторомъ Аполлодоромъ изъ Дамаска. Внутри—пустое пространство, гдѣ устроена винтовая лѣстница, ведущая къ вершинѣ. Вокругъ этой колонны развертываются, въ видѣ спирали, барельефы, изображающіе войны Траяна. Мы видимъ тамъ войска во время похода и сраженій,—неистощимый источникъ данныхъ для воспроизведенія одежды и оружія римлянъ [2]).

Гробница Адріана была не колонна, а кругообразная масса, помѣщенная на четыреугольномъ цоколѣ; два портика, уступами одинъ надъ другимъ, увѣнчаны конусообразно, заканчиваясь въ видѣ громадной сосновой шишки изъ бронзы, что можно видѣть еще и теперь въ садахъ Ватикана. Эта масса (moles) имѣла основаніе около 180 саженъ въ окружности и снаружи была обшита бѣлымъ мраморомъ. Теперь ее уже нельзя различить въ замѣстившемъ ее укрѣпленіи, называемомъ *Замкомъ св. Ангела.*

Римляне гордились украшеніемъ своихъ гробницъ, и дорога Аппія шла между двумя рядами надгробныхъ памятниковъ, изъ которыхъ сохранилась всего лучше башня (15 саженъ въ діаметрѣ) Цециліи Метеллы, жены тріумвира Красса. У нихъ были также подземелья *(колумбаріи)*, въ которыхъ были продѣланы ниши, предназначенныя для

---

[1]) Парижскій Пантеонъ — подражаніе древнему, но онъ гораздо выше и величественнѣе.

[2]) Насчитываютъ не менѣе двухъ тысячъ пятисотъ фигуръ солдатъ и плѣнниковъ съ безконечнымъ множествомъ лошадей, слоновъ и осадныхъ орудій. Въ Римѣ есть еще колонна въ томъ же родѣ, неправильно обозначавшаяся именемъ *Антонина*, такъ какъ она была предназначена для Марка Аврелія. Колонна Траяна, рельефы которой, отлитые изъ мѣди, находятся въ Сенъ-Жерменскомъ музеѣ, послужила образцомъ для колонны на Вандомской площади въ Парижѣ.

храненія погребальныхъ урнъ и содержавшія ихъ иногда до нѣсколькихъ тысячъ, такъ какъ эти колумбаріи служили часто для цѣлаго *рода*. Богатые римляне любили также проявлять свою роскошь памятниками, составлявшими въ городѣ цѣлую аллею, которая, безъ сомнѣнія, была разсчитана на пріятное впечатлѣніе.

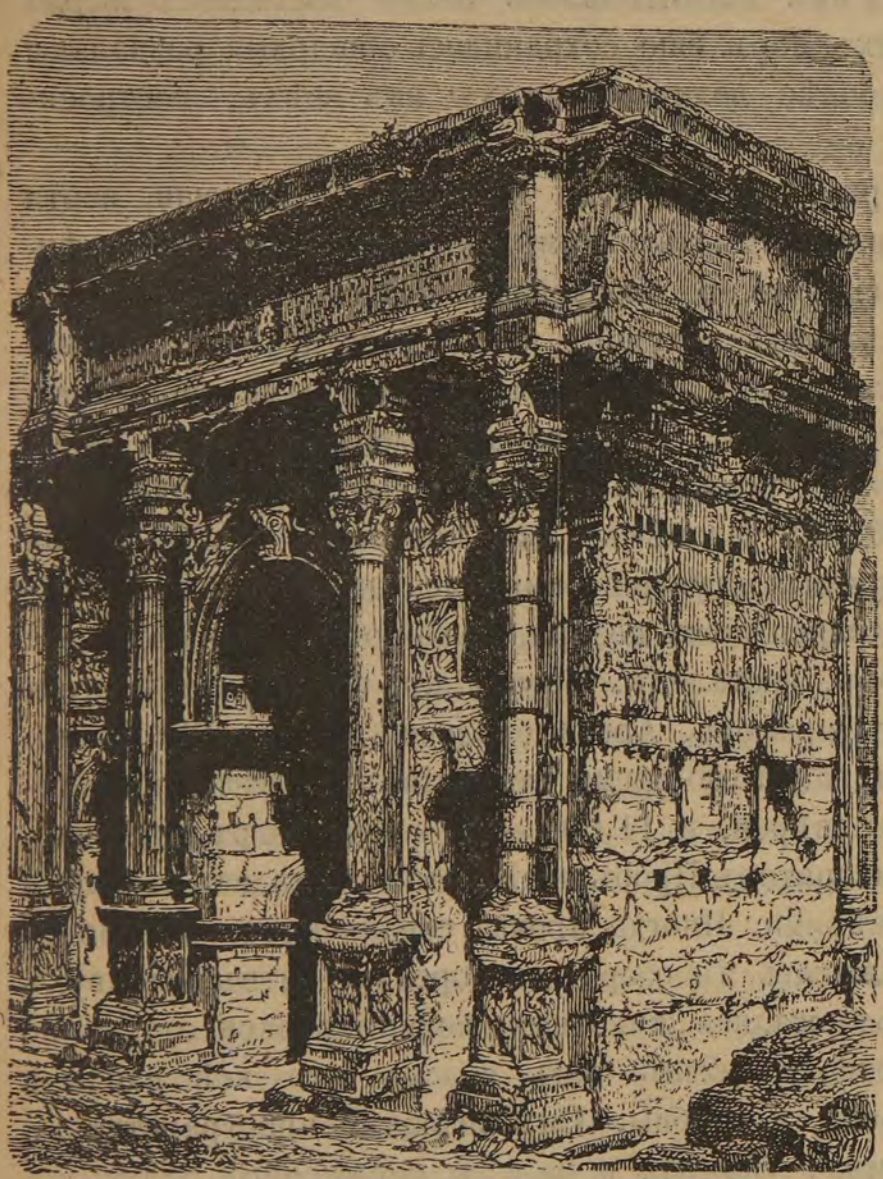
Римляне, почитая умершихъ, не пренебрегали заботами и о жизни. Купанья, столь необходимыя въ жаркихъ климатахъ, у римлянъ сдѣлались страстью. Въ Римѣ насчитывалось болѣе восьмисотъ *термъ* (теплыхъ бань), и до сихъ поръ еще сохранились обширныя развалины *термъ Каракаллы*, наиболѣе величественныхъ изъ всѣхъ, построенныхъ тамъ [1]).

Въ амфитеатрахъ римляне проявили еще болѣе роскоши, и эти памятники всегда вызываютъ мысль о Римѣ. *Колизей*, гигантскій амфитеатръ, начатый Веспасіаномъ и оконченный Титомъ, представлялъ снаружи четыре этажа въ видѣ уступовъ, одинъ надъ другимъ, изъ которыхъ три состояли изъ аркадъ, украшенныхъ колоннами дорійскаго, іонійскаго и коринѳскаго стилей. Съ карниза высились мачты, предназначенныя поддерживать громадный парусъ (velarium), защищавшій зрителей, въ числѣ 100.000 человѣкъ (изъ которыхъ 80.000 имѣли мѣста для сидѣнья). Круглыя ступени опирались на обширные внутренніе своды, гдѣ находились ложа цезаря, ложа консуловъ, мѣста для посланниковъ, сенаторовъ, весталокъ. Кресла для сенаторовъ и всадниковъ были изъ бѣлаго мрамора. Арена овальной формы (886 квадр. саженъ) была такъ обширна, что во время открытія, при Титѣ, тамъ появилось 5.000 хищныхъ звѣрей, и 11.000 — во время игръ, праздновавшихся Траяномъ. Императоръ Пробъ велѣлъ даже насадить въ циркѣ лѣсъ и наполнить его звѣрями. Иногда арена, соединенная трубами съ водопроводами, преображалась въ озеро для морскихъ битвъ. Въ двухъ подземныхъ этажахъ содержались животныя, поднимавшіяся оттуда по траппамъ. Этотъ амфитеатръ былъ такъ великъ, что всѣ входы и выходы его были широки и удобны. Онъ вмѣщалъ пространство въ десять тысячъ квадратныхъ саженъ, и народъ, пораженный этимъ колоссомъ, называлъ его позднѣе именемъ, которое за нимъ осталось, *Колоссеума* или *Колизея*.

---

[1]) Они заключали 1.600 мраморныхъ углубленій, или ваннъ, и множество залъ, отдѣльныхъ и общихъ; бассейны съ холодной водой и съ водой болѣе или менѣе согрѣтой. Посѣтители переходили изъ залы въ залу, чтобы паръ вызывалъ обильную испарину. Это то, что мы называемъ *паровыми ваннами*. У римлянъ были также духовыя печи, гдѣ тотъ же результатъ достигался посредствомъ *горячаго воздуха*.

Среди памятниковъ, еще стоящихъ и свидѣтельствующихъ о величіи Рима, надо упомянуть о тріумфальной аркѣ *Тита* и *Септимія Севера*. Первая, находящаяся на древней Священной дорогѣ, была посвящена Домиціаномъ своему брату Титу въ память взятія Іерусалима. Она состоитъ изъ однихъ воротъ, но ея прекрасные размѣры, колонны, украшающія фасадъ (осталось лишь четыре изъ восьми), барельефы, изображающіе Тита на колесницѣ, увѣнчаннаго побѣдой, съ многочисленной свитой воиновъ, дѣлаютъ этотъ памятникъ образцовымъ произведеніемъ. Арка *Септимія Севера*, почти уже освобожденная отъ обломковъ, которые долгое время мѣшали любоваться ею, была воздвигнута въ началѣ третьяго вѣка въ честь Септимія Севера и его двухъ сыновей, Каракаллы и Геты. Составленная изъ трехъ неравныхъ дугъ, раздѣляющихся колоннами коринѳскаго стиля, она, такимъ образомъ, представляетъ тройныя ворота, какъ арка Карруселя въ Парижѣ (копія римской). Барельефы воспроизводятъ битвы съ парѳянами и арабами; эта богато и даже въ избыткѣ украшенная арка была нѣкогда увѣнчана великолѣпной бронзовой колесницей, управляемой императоромъ и его сыновьями, окруженными Побѣдой и всадниками.



Тріумфальная арка Септимія Севера.

Римъ покорилъ міръ и покрылъ его своими памятниками. Почва Франціи хранитъ еще *Квадратный домъ* въ *Нимѣ*, храмъ *Августа* и *Ливіи* въ *Вьеннѣ*, ворота въ *Отенѣ*, въ *Реймсѣ*, арки въ *Оранжѣ*, въ *Сентѣ*, въ *Фре-*

жюсъ и колонну *св. Ремигія;* великолѣпныя *арены*, въ *Нимъ* и въ *Арлъ*, воспроизводящія, если не величиною, то расположеніемъ, Колизей; развалины *термъ* Юліана въ Лютеціи, *мостъ* на *Гардъ* и обширныя развалины въ *Санксенъ*. Въ Испаніи слѣдуетъ указать мостъ въ *Сеговіи*, мостъ въ *Альнантарѣ* на Тахо. Наконецъ, на берегахъ Далмаціи маленькій городокъ *Спалатро* расположенъ на мѣстѣ древняго дворца Діоклеціана, котораго находятъ еще много слѣдовъ.

Римскій народъ строилъ на цѣлые вѣка, и вѣка пощадили его творенія тамъ, гдѣ ихъ не тронула грубая рука человѣка. Даже пожары, зажженные Карломъ Мартелломъ, не могли истребить арены въ Нимѣ, и повсюду, гдѣ встрѣчаются римскія развалины, онѣ поражаютъ толщиною своихъ сводовъ и стѣнъ. Римская архитектура, тяжелая, безъ сомнѣнія, но благородная и внушительная, должна была служить образцомъ, которому слѣдовали въ средніе вѣка, и точкой отправленія современной архитектуры.

Римляне обладали скорѣе способностью цѣнить чужія произведенія, чѣмъ создавать свои; въ скульптурѣ они старались сохранить лучшіе образцы греческаго искусства, которымъ они подражали. Римъ изобиловалъ статуями, но это были статуи греческія; знаменитая группа *Лаокоона* и *Фарнезскій быкъ* были созданы, послѣ римскаго завоеванія, греками въ Греціи. Историки не передали намъ именъ римскихъ скульпторовъ, а между тѣмъ, европейскіе музеи наполнены римскими статуями. Флоренція съ гордостью показываетъ коллекцію, называемую *римскими императорами*, гдѣ можно видѣть рѣдкіе бюсты Калигулы и Отона. Въ музеѣ Капитолія въ Римѣ вызываетъ удивленіе *Агриппина Младшая*, сидящая въ спокойной позѣ съ величественностью римскихъ матронъ; *Антиной*, статуя любимца Адріана, является какъ бы новымъ божествомъ красоты, вторымъ Аполлономъ; замѣчателенъ и *Торжествующій Римъ*. Музей въ Неаполѣ обладаетъ статуями, найденными въ развалинахъ Геркуланума. Въ Парижѣ можно видѣть *Августа*, *Тиверія*, *Ливію*, жену Августа, изображенную въ видѣ Цереры, *Нерона-побѣдителя*, *Тита*, *Траяна* и, въ особенности, великолѣпную статую *Марка Аврелія* [1]). Повидимому, римская скульптура достигаетъ своего высшаго совершенства въ вѣкъ Антониновъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ удивительные барельефы памятниковъ этого времени.

---

[1]) Въ Луврскомъ музеѣ можно видѣть двухъ *Антиноевъ* и бюсты *Агриппы*, *Домиціана*, *Луція Вера*, пріемнаго брата Марка Аврелія, *Септимія Севера*, *Каракаллы* женскія бюсты съ головами, скорѣе увѣнчанными, чѣмъ украшенными париками своеобразной формы („касками“) и гораздо менѣе изящными, чѣмъ художественныя повязки на головахъ греческихъ женщинъ.

Въ живописи такъ же, какъ и въ скульптурѣ, римляне были лишь слабыми учениками грековъ. Историческая живопись въ Римѣ, какъ и въ Греціи, предшествовала живописи бытовой. Фабій Пикторъ (живописецъ) изобразилъ на стѣнахъ храма *Спасенія* (въ 450 году отъ основанія Рима) битву съ самнитянами, какъ это предполагаетъ Нибуръ. Поэтъ *Пакувій* расписалъ храмъ Геркулеса на форумѣ Боарійскомъ. Валерій Мессала велѣлъ нарисовать сраженіе, данное имъ карѳагенянамъ и Гіерону, а Луцій Сципіонъ — свою побѣду въ Азіи [1]).

Бытовая живопись появилась лишь во времена цезарей, съ *Лудіемъ*, начавшимъ писать пейзажи. Любовь римлянъ къ деревнѣ объясняетъ ихъ предпочтеніе къ картинамъ природы. Такою живописью были украшены почти всѣ виллы, и, судя по Помпеѣ, не было ни одного городка, гдѣ бы частные дома не были оживлены фресками или рисунками по мрамору и камню, какъ это можно видѣть въ Неаполитанскомъ музеѣ.

Въ Помпеѣ были найдены также удивительныя мозаики въ домѣ, называемомъ домомъ *Фавна*, потому что тамъ былъ вырытъ *Пляшущій Фавнъ* изъ бронзы. Эта мозаика, составлявшая полъ *триклиніума* (или столовой), изображала одну изъ битвъ Александра. Но, вѣроятно, эти рисунки были произведеніемъ греческихъ художниковъ. Римляне скоро утратили истинно-художественное чувство, и мы видимъ ихъ предпочитающими матеріальное богатство совершенству живописи и скульптуры. Помпей, возвращаясь изъ Азіи, послѣ своего тріумфа, выставилъ свой портретъ, сдѣланный изъ *жемчуга*. Неронъ придумалъ *вызолотить* бронзовое изображеніе Александра работы Лизиппа, а съ себя велѣлъ написать портретъ въ сто двадцать футовъ высоты. Въ Римѣ были фабрики статуй; скульптура выродилась въ промышленность, какъ и живопись, и стала лишь пріятнымъ украшеніемъ стѣнъ и половъ.

Римская имперія не имѣла своего собственнаго искусства, а искусство греческое само склонялось къ упадку. Этому блестящему и испорченному обществу, погруженному въ рабство и матеріализмъ, не доставало вѣры, источника живого нравственнаго чувства. Языческіе боги, которые почитались оффиціально и которымъ люди приносились въ жертвы тысячами въ лицѣ христіанъ, не получали болѣе простодушныхъ молитвъ первыхъ временъ. Вокругъ алтарей настоящаго бога эпохи — императора — разочарованныя толпы собиралъ скорѣе страхъ, чѣмъ вѣра. Въ концѣ второго вѣка наступило время, когда глубокій внутренній переворотъ долженъ былъ измѣнить римское общество. Новая религія, явившаяся изъ Іудеи, распространялась по имперіи; ея

---

[1]) Emile Gebhart, Essai sur la peinture dans l'antiquité.

борьба, ея торжество открываютъ новую эру въ исторіи міра, такъ какъ эта религія должна была сдѣлаться религіей послѣдующихъ временъ. Она составляетъ, до извѣстной степени, узелъ въ исторіи цивилизаціи, и этотъ узелъ обнаружился именно во второмъ періодѣ существованія римской имперіи, въ третьемъ и четвертомъ вѣкахъ христіанскаго лѣтосчисленія.

ГЛАВА XIV.

Христіанство.—Преобразованіе и упадокъ римской имперіи.

Обстоятельства, подготовившія появленіе христіанства; религіозное и философское состояніе римскаго міра.—Единство римскаго міра; всеобщее право гражданства.—Христіанская религія.—Гоненія.—Первоначальный строй церкви; катакомбы.—Апологисты; Тертуліанъ.—Вліяніе христіанства.—Паденіе римской имперіи; его причины; отсутствіе твердаго государственнаго строя.—Могущество и соперничество преторіанцевъ и войскъ; междоусобныя войны.—Вторженіе варваровъ.—Попытки реставраціи въ четвертомъ вѣкѣ; Діоклеціанъ; четверовластіе (тетрархія).—Созданіе Константина; императорская власть; сановники.—Раздѣленіе военной и гражданской власти.—Раздѣленіе провинцій; префектуры; діоцезы и т. д.—Новая аристократія.—Классы.—Куріалы.—Низшіе классы: плебсъ, колоны.—Рабы.—Налоги.—Римскій календарь.—Константинъ и христіанство; базилики, преобразованныя въ церкви; епископства, архіепископства и проч.—Никейскій соборъ.—Константинополь.—Возвратъ Юліана къ язычеству.—Ереси; отцы греческой церкви.—Отцы латинской церкви.—Общежитія.—Причины окончательнаго упадка римской имперіи и успѣха вторженій.—Что Римъ далъ міру.—Завѣтъ древняго міра.

Философія грековъ и римлянъ старалась разрѣшить задачу, мучащую человѣка, а именно вопросъ объ его будущей судьбѣ. Исчерпавъ различныя системы и гипотезы, она пришла лишь къ неяснымъ соображеніямъ о Высшемъ Существѣ, Провидѣніи, о душѣ и о нравственности, доступной только для небольшого числа просвѣщенныхъ людей. Противорѣчія между вѣрованіями Цицерона и отрицаніями Лукреція, между ученіями эпикурейцевъ и стоиковъ—могли лишь увеличить скептицизмъ людей равнодушныхъ. Философія была не въ силахъ руководить міромъ.

Эта пустота души, которую не могла заполнить языческая миѳологія своими забавными и безсвязными вымыслами, своими безцѣльными обрядами и безчувственными жертвами, не мало способствовала нравственному безпорядку, который усиливалъ испорченность первыхъ временъ имперіи. Матеріализмъ, хотя и не вполнѣ опредѣленный, но, тѣмъ не менѣе, заключавшійся въ ученіяхъ эпикуреизма, поощрялъ людей уступать своимъ страстямъ.

На ряду со смутой, наступившей отъ этого недовѣрчиваго или насмѣшливаго отношенія къ богамъ Рима и Греціи, произошло еще вторженіе вѣрованій Востока. «Невѣжество, въ какое впали люди по отношенію къ богамъ,—писалъ Плутархъ,—раздѣлилось на два теченія, изъ которыхъ одно, избравъ свое русло въ сердцахъ жесткихъ, какъ каменистая земля, привело къ отрицанію боговъ, тогда какъ другое, разлившись въ душахъ мягкихъ, какъ влажная почва, вызвало въ нихъ преувеличенный страхъ передъ богами» [1]). Римъ давалъ пріютъ всѣмъ божествамъ: въ Италіи можно было видѣть храмы, построенные въ честь сирійскихъ и египетскихъ боговъ, шумныя мистеріи, пышныя процессіи, прорицанія халдейскія и фригійскія, множество искупительныхъ жертвъ и даже кровавые обычаи и гнусные обряды.

Съ другой стороны, разсужденія философовъ о сущности высшаго божества и объ его различныхъ проявленіяхъ, располагали умы къ воспринятію христіанскаго ученія. Св. Юстинъ видѣлъ въ языческой философіи безсознательный и неясный отблескъ преданія о божественномъ Словѣ. Плутархъ, въ своихъ религіозныхъ трактатахъ, изложилъ въ ясныхъ выраженіяхъ свою вѣру въ единство и вѣчность Бога, въ созидательную и охранительную силу міра.

Нравственная тревога нѣкоторыхъ философовъ, потребность идеи безконечности и „иного міра“, смѣшеніе системъ и религій,— все это указывало, что міръ былъ подготовленъ для принятія религіи, устанавливавшей, наконецъ, истинное ученіе, успокаивавшей разумъ, подчинившійся вѣрѣ, и удовлетворявшей всѣмъ чувствамъ человѣческаго сердца.

Громадное единство римскаго міра, вмѣщавшаго всѣ націи, должно было также послужить обстоятельствомъ, крайне благопріятнымъ для проповѣди Евангелія. Со временъ Каракаллы, который, впрочемъ, былъ однимъ изъ худшихъ императоровъ, *право гражданства* было распространено на всѣ провинціи: это коренное измѣненіе произошло почти незамѣтно, вслѣдствіе того, что право это свободно расточалось, и немного было нужно, чтобы создать полное сліяніе. Римъ сдѣлался всемірнымъ отечествомъ.

Люди покончили съ узкимъ эгоизмомъ древнихъ обществъ, выразившемся въ обществѣ римскомъ, и древнія религіи примирились съ тѣхъ поръ въ римскомъ Пантеонѣ. За прежнимъ злобнымъ устраненіемъ сосѣднихъ божествъ и пылкимъ соперничествомъ городовъ, противопоставлявшихъ своихъ боговъ богамъ другихъ городовъ, настало

---

[1]) Плутархъ, *О суевѣріи*, I.

общее братство, располагавшее общества къ принятію одной и той же вѣры. Безъ сомнѣнія, аѳиняне, воздвигшіе даже алтарь „невѣдомому богу“, не отдавали себя яснаго отчета въ томъ, что слышали отъ св. апостола Павла, возвѣстившаго имъ объ этомъ невѣдомомъ Богѣ. Тѣмъ не менѣе, истинная идея христіанскаго Бога, могущество этой религіи, мистической и дѣятельной, въ одно и то же время, не замедлили затмить всѣ остальныя религіи, идолы которыхъ, одинъ за другимъ, падали передъ Крестомъ Спасителя.

Евангеліе, проповѣданное въ Галилеѣ, среди евреевъ, явившись для нихъ какъ бы развитіемъ и завершеніемъ Моисеевой религіи, было отвергнуто ими, но пережило крестную смерть Спасителя (въ царствованіе Тиверія). Распространяемое въ Палестинѣ, а затѣмъ и въ другихъ странахъ, людьми простыми, которымъ были неизвѣстны науки философовъ, оно было принесено въ Римъ, во времена Клавдія и Нерона, *святымъ Петромъ*, старѣйшимъ изъ учениковъ, и *святымъ Павломъ*, бывшимъ врагомъ Іисуса Христа и сдѣлавшимся однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ Его послѣдователей. Римскимъ историкамъ неизвѣстны были *христіане* среди безчисленныхъ сектъ имперіи. И вотъ это сѣмя, сперва презираемое, восходитъ и произрастаетъ въ Римѣ, и въ большихъ городахъ Востока и Запада. Несмотря на преслѣдованія, число христіанъ увеличивалось все болѣе и болѣе; завязалась борьба между этими вѣрующими, обезоруженными людьми, и всѣми властителями имперіи, борьба, въ которой, наконецъ, должны были пасть эти властители, а вмѣстѣ съ ними и всѣ другія религіи и суевѣрія. Религіозное единство будетъ достигнуто, благодаря христіанству, и переживетъ единство политическое, которое сокрушатъ варвары.

Новыя начала стали руководителями совѣсти, семьи, общества, правительства. Богъ христіанъ —Богъ евреевъ и Моисея. Библія сдѣлалась ихъ книгою: они называютъ ее *Ветхимъ Завѣтомъ*, къ которому присоединяютъ *Новый Завѣтъ*. Такимъ образомъ, въ священномъ преданіи не было перерыва, но монотеизмъ, который евреи ревниво охраняли только для себя, началъ проповѣдываться чужеземцамъ, *язычникамъ*. Безъ сомнѣнія, это — Богъ Авраама и Моисея, но это и Богъ всего человѣчества. Впрочемъ, евреи еще до разрушенія Іерусалима разселялись въ большомъ числѣ по городамъ Востока, становясь менѣе односторонними, и открывали свое ученіе, хотя и не проповѣдуя его; первыхъ христіанъ они много упрекали, въ особенности за то, что тѣ призывали всѣхъ чужеземцевъ къ своей вѣрѣ. Развѣ поклоненіе Единому Богу не было исключительнымъ преимуществомъ евреевъ и признакомъ ихъ національности? Хотя они и мечтали о всемірномъ уста-

новленіи монотеизма, но это должно было быть господствомъ матеріальнымъ, обезпечивавшимся Мессіей-завоевателемъ. Они не могли повѣрить, чтобы Мессія могъ явиться подъ видомъ человѣка изъ народа, человѣка мира и милосердія, занятаго проповѣдью о внутреннемъ совершенствѣ и наиболѣе чистой нравственности; они предали его позорной казни разбойниковъ и рабовъ за то, что Онъ называлъ Себя ожидаемымъ царемъ. Кромѣ того, христіанство казалось имъ нарушеніемъ строгаго монотеизма, вслѣдствіе догмата *св. Троицы*. Они видѣли въ немъ одинъ изъ видовъ идолопоклонства, такъ какъ оно требовало поклоненія Богу въ трехъ лицахъ, и не слушали возраженій христіанъ, объяснявшихъ единство и нераздѣльное равенство трехъ ипостасей.

Силой и жизнью новой религіи было ученіе объ *Искупительной Жертвѣ*, принесенной Іисусомъ Христомъ, Богомъ и Человѣкомъ въ одно и то же время, для искупленія грѣховъ всего человѣчества. Евреи, греки и римляне, всѣ, у кого были жертвы и всесожженія или таинственные обряды, доказывали, что искупленіе они признавали необходимымъ для человѣчества. Но искупленіе, принесенное Самимъ Сыномъ Божіимъ, воплотившимся въ человѣка и сдѣлавшимся посредникомъ между небомъ и землею,—такое ученіе не могло зародиться въ умѣ ни одного философа, потому что оно было выше раціоналистическаго пониманія.

Боги древности внушали только страхъ, Новый Законъ открывалъ Бога любви и безконечнаго милосердія, Который продолжалъ нисходить въ среду людей и соединяться съ ними *пріобщеніемъ*. Человѣчество не только не было обречено отчаянію, но получило обѣщаніе другой жизни и увѣренность, если будетъ того достойно, въ вѣчномъ блаженствѣ. „Царство Мое не отъ міра сего“,—часто говорилъ Іисусъ Христосъ, и цѣль христіанина должна была заключаться въ достиженіи царства небеснаго.

Поразительныя послѣдствія проистекли отъ этого обѣщанія и отъ жертвы, принесенной за спасеніе всѣхъ. Первымъ изъ нихъ было *всеобщее равенство*. Всѣ люди были дѣтьми Божьими, искупленными одною кровью, призванными раздѣлить однѣ и тѣ же награды. Не стало болѣе общественныхъ различій и тираническихъ несправедливостей. Рабство, тщетно защищаемое философами, было осуждено. Равенство призывало къ *братству*, а это послѣднее получило названіе *любви къ ближнему*. Это вовсе не была простая помощь по обязанности, оказывавшаяся несчастнымъ, помощь, въ какой, надо сказать правду, никогда не отказывали древнія общества; она была установлена въ городахъ изъ политическихъ выгодъ, но никогда не провозглашалась, какъ добродѣтель. Христіанство

учило полному самоотреченію и вмѣняло въ обязанность любовь къ ближнему. Выше всякаго отечества, даже самого отечества римскаго, оно ставило *человѣчество*.

„Блаженны кроткіе!“ — сказалъ Христосъ въ *Нагорной проповѣди*, заключавшей въ себѣ Его высокое ученіе. Кротость, убѣжденность, примѣръ,—таковы будутъ единственныя орудія первыхъ христіанъ, вполнѣ новыя для древняго міра, гдѣ преобладали сила и безпощадная суровость.

Богослуженіе было такъ же просто, какъ и ученіе. Спасеніе зависѣло не отъ тщательнаго исполненія мелочныхъ обрядовъ, а отъ глубокой вѣры и отъ чистой совѣсти. Внѣшнее выраженіе религіи было скромно, и, даже позднѣе, когда христіанское богослуженіе уже ввело торжественныя церемоніи, оно добивалось лишь укрѣпленія въ душѣ искренняго благочестія. Горячая молитва, исповѣдь грѣховъ, таинство причащенія,— таковы были средства, какими христіане стремились приблизиться къ Божеству и достойно пріобщиться къ Іисусу Христу. Когда, впослѣдствіи, богослуженіе отправлялось съ великолѣпіемъ, оно могло, тѣмъ не менѣе, происходить повсюду, даже въ пустынѣ: для этого нужно лишь непрерывное возношеніе души къ Богу и стремленіе приблизиться къ совершенству.

Можетъ показаться страннымъ,—что ученіе, столь возвышенное встрѣтило препятствія въ обществѣ, гдѣ философы находились въ такомъ почетѣ. Но, съ другой стороны, кажется еще болѣе необычайнымъ, что эта религія могла восторжествовать надъ страшными силами, съ ожесточеніемъ добивавшимися ея уничтоженія. Цезари и представители власти въ Римѣ допускали всѣ религіи, и преслѣдовали лишь религію христіанскую. Это происходило вовсе не отъ ненависти къ ея ученію, какъ это можно предположить, такъ какъ они мало были знакомы съ этимъ ученіемъ и не старались даже узнать его ближе. Римляне преслѣдовали христіанъ за то, что послѣдніе отдѣлялись отъ государства. Христіане были не менѣе хорошими гражданами, чѣмъ другіе, не менѣе храбрыми воинами: напротивъ, можно было только хвалить ихъ общественныя и частныя добродѣтели. Христосъ повелѣлъ воздавать „Кесарево кесарю, а Богови — Богу“. Онъ не отказывалъ въ уваженіи римскому намѣстнику, предавшему Его евреямъ на распятіе. Но христіане разрушали своимъ ученіемъ самую форму древняго государства. Гражданинъ могъ, безъ сомнѣнія, слѣдовать самымъ разнообразнымъ философскимъ ученіямъ, но онъ обязанъ былъ принимать участіе въ жертвоприношеніяхъ, исповѣдывать господствующую религію. Это было правиломъ всѣхъ городовъ, и философы, наиболѣе скептическіе и не-

вѣрующіе, пользовались лишь свободой, благодаря подчиненію религіознымъ законамъ, не отдѣлявшимся отъ законовъ политическихъ. Христіанинъ отказывался возжигать ѳиміамъ передъ идолами, совершать возліянія, принимать участіе въ жертвоприношеніяхъ общественныхъ и домашнихъ. Онъ объявилъ себя противникомъ культа домашняго очага и города, и, такъ какъ выше этого стояло еще обоготвореніе императора, онъ оказался противникомъ государства и цезаря. Христіанскія общины принимались за злоумышленныя, ихъ обряды, которые они должны были скрывать—за святотатство, ихъ ученіе, изображавшееся въ невѣрномъ свѣтѣ,—за безнравственное. Вотъ почему христіанъ выдавали частныя лица, или влекли въ судилища, приговаривали къ смерти вмѣстѣ съ преступниками и бросали въ амфитеатры, для удовлетворенія жестокаго удовольствія зрителей, думавшихъ заслужить милость боговъ, апплодируя смерти тѣхъ, кто ихъ презиралъ. Эти преслѣдованія, начавшіяся при Неронѣ и продолжавшіяся даже при такихъ мирныхъ императорахъ, какъ Траянъ и философъ Маркъ Аврелій, окончились лишь по истеченіи двухъ вѣковъ послѣ Діоклеціана, царствованіе котораго было самымъ жестокимъ по отношенію къ христіанамъ, и названо было эпохою мучениковъ [1]).

Христіане должны были организоваться, такъ сказать, среди битвъ. Они образовали сперва небольшія общины, подъ управленіемъ старѣйшинъ, пресвитеровъ или *священниковъ*, получавшихъ особое посвященіе. Между этими общинами была установлена связь посредствомъ надзирателей или *епископовъ*, почитавшихся преемниками учениковъ Христа, хранителями преданія, стражами вѣры, выраженной въ очень краткой формѣ, называвшейся *символомъ Апостоловъ*. Христіанство объединилось по образцу Рима, который, хотя и орошался часто кровью мучениковъ, сдѣлался столицей христіанства такъ же, какъ былъ столицею міра. Іерусалимъ, который одинъ могъ бы оспаривать у него религіозное первенство, болѣе не существовалъ. Итакъ, епископъ римскій, наслѣдникъ святого Петра, назначеннаго Христомъ главою апостоловъ, пріобрѣлъ власть, которая съ вѣками только увеличивалась.

Долго повторялось и стало уже общимъ мѣстомъ, что церковь (собраніе, ecclesia) не имѣла иныхъ храмовъ, кромѣ подземелій или *катакомбъ*. Это—одно изъ художественныхъ преданій, уничтоженныхъ

---

[1]) Первое гоненіе было при *Неронѣ* (54 — 68); второе при *Домиціанѣ* (81 — 96); третье при *Траянѣ* (106); четвертое при *Маркѣ Авреліѣ* (174—177); пятое при *Септиміи Северѣ* (199—204); шестое при *Максиминѣ* (235); седьмое при *Деціѣ* (250—251); восьмое при *Галліанѣ* и *Валеріанѣ* (257); девятое при *Аврелианѣ* (274); и десятое, наиболѣе жестокое, началось при *Діоклеціанѣ* и продолжалось шесть лѣтъ (304—311).

новѣйшей наукой. Римскія катакомбы, несомнѣнно, были выкопаны христіанами (это—мнѣніе выдающихся антикваріевъ), но онѣ не предназначались для обычнаго отправленія богослуженій, и еще менѣе для постояннаго убѣжища. Эти катакомбы, которыхъ насчитываютъ до шестидесяти, но которыя еще не всѣ изслѣдованы, расположены, по большой части, на лѣвомъ берегу Тибра, вдоль старинныхъ консульскихъ дорогъ, и внѣ городскихъ стѣнъ. Общая длина ихъ превышала 1.300 верстъ. Такое протяженіе, повидимомому, сходится съ долго повторявшимися преданіями; но устройство этихъ галлерей, похожихъ на галлереи рудниковъ, и также расположенныхъ ярусами, заставляютъ допустить, что это были лишь кладбища. Направо и налѣво замѣтны углубленія или ячейки неравной величины, которыя могли вмѣщать одинъ или нѣсколько труповъ безъ гроба. Это — могилы, покрытыя плитой изъ мрамора, камня или кирпича, и часто украшенныя надписями и эмблемами. Болѣе обширныя помѣщенія, очевидно, предназначались для цѣлой семьи.

Молодая христіанка.

Въ теченіе двухъ вѣковъ христіане оставались безъ видимаго изображенія Божества: они слѣдовали въ этомъ предписанію еврейства и употребляли лишь аллегорическія фигуры: голубя, обозначавшаго душу, летящую на небо, или Святаго Духа; агнца, якорь и даже рыбу, изображавшую Христа [1]).

Весьма возможно, что въ этихъ погребальныхъ галлереяхъ молились за упокой мучениковъ, что на ихъ могилахъ совершалась литургія, что тамъ были даже подземныя часовни; все это весьма вѣроятно, и литургія сохранила эти слѣды почитанія умершихъ: престолы имѣютъ форму гробницъ и покрываются одеждой съ частицами святыхъ мощей; лампады и свѣчи напоминаютъ о богослуженіи, совершавшемся подъ землею. *Склепы*, встрѣчающіеся во многихъ церквахъ, были катакомбы, предназначенныя для погребенія. Когда смерть наполняла склепы, умершихъ священниковъ хоронили подъ плитами клироса, средней части церкви, паперти, подъ монастырскими зданіями или, просто, въ землѣ вокругъ храма. Вотъ почему въ средніе вѣка кладбище всегда находилось вокругъ церкви, что̀ встрѣчается до сихъ поръ еще во многихъ селеніяхъ. Вѣра въ

---

[1]) Эта послѣдняя аллегорія происходила, вѣроятно, отъ греческаго слова *ichtis* (рыба), буквы котораго соотвѣствовали первымъ словамъ формулы: Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель. Эти интересныя частности были особенно выяснены ученымъ археологомъ Е. Лебланомъ, занимавшимся, главнымъ образомъ, *христіанскими надписями*.

будущее воскресеніе тѣла, такъ же какъ и души, священный характеръ, придававшійся смертнымъ останкамъ, измѣнили погребальные обычаи древности, и кладбища стали лишь временнымъ священнымъ мѣстомъ упокоенія. Этимъ объясняется значеніе катакомбъ,—значеніе, сначало понятое не вѣрно.

Христіанство тѣмъ временемъ все болѣе и болѣе преуспѣвало и, начиная со второго вѣка, пользуясь вѣротерпимостью Антонина, отцы церкви могли публично опровергать клеветы, которыя на нихъ возводились. *Св. Юстинъ* первымъ рѣшился написать и представить самому Антонину защиту (Аполлогію) религіи Христа. Тѣмъ не менѣе, Маркъ Аврелій, въ своемъ философскомъ рвеніи, вновь увлекся строгими мѣрами, и Юстинъ сдѣлался ихъ жертвою. Въ концѣ того же вѣка *св. Ипполитъ* также получилъ наименованіе отца церкви и также погибъ жертвою своей великодушной пылкости (235). *Оригенъ*, священникъ изъ Африки (род. въ 185 г.), обратилъ на себя вниманіе своими краснорѣчивыми предсказаніями, но его усилія согласовать философскія ученія съ ученіемъ церкви отдалили отъ него бо́льшую часть епископовъ: онъ умеръ, все-таки исповѣдавъ вѣру въ мученіяхъ (253).

Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ борцовъ за церковь былъ *Тертуліанъ*, родившійся въ Карѳагенѣ около 160 года. Будучи сыномъ язычниковъ и самъ язычникъ, онъ принялъ новую религію и сдѣлался однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ ея проповѣдниковъ. Съ ораторскимъ пыломъ, противоположнымъ сдержанной литературѣ этой эпохи, онъ написалъ *Апологію христіанства*, оставшуюся образцемъ этого рода. „Насъ обвиняютъ,—писалъ онъ,—въ томъ, что мы не воздаемъ почести цезарямъ жертвоприношеніями: мы не приносимъ жертвъ, но мы молимся единому истинному Богу о спасеніи императоровъ: мы уважаемъ этихъ правителей народа, но не называемъ ихъ богами, потому что мы не умѣемъ лгать. Тѣмъ не менѣе, наша преданность не можетъ быть заподозрѣна: убѣдительное доказательство того вы можете видѣть въ терпѣніи, съ какимъ мы переносимъ преслѣдованія; часто народъ бросаетъ въ насъ камнями и сожигаетъ наши жилища; въ неистовствахъ вакханалій онъ не щадитъ даже мертвыхъ: онъ извлекаетъ ихъ изъ гробовъ и разрубаетъ на куски. Что сдѣлали мы для того, чтобы отомстить за всѣ эти несправедливости? Если бы мы захотѣли объявить вамъ открытую войну, развѣ у насъ не достало бы силы и войска? Мы существуемъ лишь самое короткое время и уже наполняемъ ваши города, ваши острова, ваши общественныя учрежденія, ваши рынки, лагери, трибы, куріи, дворецъ, сенатъ, форумъ; мы оставили вамъ

только ваши храмы!“ Тертуліанъ и защищается, и нападаетъ; онъ составляетъ противъ язычества настоящій обвинительный актъ, осмѣивая миѳологію и обличая развращенность общества, погрязшаго въ матеріализмѣ. Тертуліанъ, впрочемъ, хотѣлъ возстановить ученіе *Монтана*, усилившаго строгости католицизма и отвергнутаго большинствомъ епископовъ; онъ умеръ въ 245 г. въ борьбѣ съ церковью.

Язычество, въ свою очередь, пробовало защищаться орудіемъ болѣе достойнымъ, чѣмъ орудіе палачей. *Александрійская школа*, ожививъ ученія Платона, пыталась противопоставить ихъ христіанскому ученію. *Порфирій*, многосторонній ученый (233 — 304), обладалъ глубокимъ знаніемъ религіозныхъ преданій Востока и даже еврейскихъ книгъ. Его ученикъ *Ямвлихъ* присоединилъ къ философіи пріемы магіи: онъ предполагалъ установить непосредственное общеніе между Богомъ и человѣкомъ или демонами. Конечно, эта философія не могла взять верхъ надъ религіей, вліяніе которой на общество, боровшееся съ ней, чувствовалось все сильнѣе и сильнѣе.

Прежде всего казалось, что христіанство уничтожаетъ семью, которую оно разъединило. Христіане, въ своемъ стремленіи къ мученичеству, не останавливались передъ родственными связями и семейными привязанностями. Они жертвовали всѣмъ и гордились этимъ, отказываясь отъ всего земного, чтобы сдѣлаться достойными небеснаго. Но это было лишь первымъ пыломъ убѣжденій и борьбы. По мѣрѣ распространенія христіанства, стало очевиднымъ, что оно, напротивъ, благопріятствовало семьѣ, улучшало ее и уничтожало въ ней суровость, созданную узкимъ установленіемъ римской семьи. Евангельское ученіе, не подрывая отеческой власти, смягчало ее, а дѣти, участвовавшія вмѣстѣ съ отцомъ въ исполненіи обрядовъ религіи, несравненно болѣе милосердной, чѣмъ древній домашній культъ, не были уже въ его глазахъ безусловной собственностью. Отношенія стали болѣе довѣрчивыми, болѣе тѣсными, и въ семейномъ кругу, какъ и въ религіи, привязанность замѣнила мѣсто страха. Бракъ сдѣлался дѣломъ священнымъ, и христіане осуждали узы чисто условныя, легко расторжимыя, которыя все болѣе и болѣе получали преобладаніе въ римскомъ обществѣ. Священники и отцы церкви смотрѣли на бракъ, какъ на установленіе столь святое, что долгое время они осуждали вторичные браки. Вдовство облекало женщинъ какъ бы траурнымъ покрываломъ, и церковь одобряла ихъ достойное и чистое одиночество.

Кромѣ того, христіанство особенно подняло положеніе женщины, поставивъ ее наравнѣ съ мужчиною передъ Богомъ. *Святая Дѣва Марія*, могущественная посредница между Богомъ и людьми, всего болѣе

привлекала къ себѣ женщинъ, съ радостью находившихъ въ этомъ кроткомъ и святомъ образѣ доступныя для нихъ черты и чувства. Женщины съ горячимъ усердіемъ обращались къ Пречистой Дѣвѣ, Матери, такъ много страдавшей у подножія креста.

Рабы чувствовали себя людьми и свободными въ собраніяхъ христіанъ. Поэтому, вначалѣ христіанство насчитывало многочисленныхъ послѣдователей среди рабовъ, для которыхъ оно, конечно, не могло сразу измѣнить ихъ жизненныхъ условій, но давало имъ, по крайней мѣрѣ, примѣръ терпѣнія въ страданіяхъ, и надежду на лучшую жизнь. Это было однимъ изъ самыхъ важныхъ переворотовъ, произведенныхъ христіанствомъ. Число отпущенниковъ увеличивалось не только у рабовладѣльцевъ христіанъ, но и у язычниковъ, подчинявшихся, помимо ихъ воли, доброму примѣру. Римскіе законы стали смягчаться, а чрезмѣрная власть, какою обладали господа,—уменьшаться.

Даже еще во времена гоненій христіанство проникаетъ въ римское законодательство, такъ же, какъ и въ нравы. Простая и строгая жизнь христіанъ, ихъ милосердіе, ихъ заботливость о бѣдныхъ и больныхъ, самоотверженность, съ какою богатые граждане дѣлили свое имущество и раздавали свое богатство для облегченія всевозможныхъ нуждъ, внушали римскому обществу, до тѣхъ поръ столь жестокому, болѣе гуманныя чувства. Христіанство не могло еще оказывать вліянія на правительство, такъ какъ оно боролось съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, оно подготовляло новыя политическія ученія: вынуждаемое къ борьбѣ, оно создало для себя независимую область, область духовную, и если позднѣе, во время своего безусловнаго торжества, оно возобновило въ свою пользу старинную смуту, то это было противорѣчіемъ его основному началу. Различіе между политикой и совѣстью могло позабываться, но не могло совсѣмъ утратиться.

Итакъ, римское общество двигалось впередъ, преобразовываясь помимо своей воли. Оно покорялось новой вѣрѣ стремленіемъ рабовъ, бѣдняковъ, женщинъ — присоединиться къ церкви, добродѣтелями христіанъ въ частной жизни и ихъ мужествомъ въ перенесеніи страданій. Въ половинѣ третьяго вѣка христіанство уже было увѣрено въ своей побѣдѣ, которая завершилась лишь въ четвертомъ вѣкѣ, въ моментъ, когда имперія стала приближаться къ упадку.

Христіанство могло возродить римское общество, но не могло спасти имперію: на всѣхъ границахъ ей угрожали смѣлымъ натискомъ варварскіе народы, а ея внутреннее неустройство сдѣлалось неисправимымъ, благодаря безпорядкамъ, которые религіозными распрями только увеличивались.

Римская имперія существовала лишь въ видѣ фикціи, и порядокъ въ ней былъ болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ. У нея не было опредѣленнаго государственнаго строя. Главный недостатокъ ея состоялъ въ неустановленности перехода высшей власти. Сперва она передавалась по наслѣдству въ *домъ Августа*, не по праву рожденія (такъ какъ по имени республика еще продолжала существовать), но по выбору сената. Войска потребовали для себя участія въ выборахъ. *Флавіаны* и *Антонины* воспротивились этому требованію и благоразумными усыновленіями помѣшали возможности столкновеній по этому поводу. Насильственная смерть *Коммода* въ 192 г. положила начало эпохѣ распрей, которыя уже болѣе не прекращались.

Легіоны были разсѣяны вдоль границъ, но когорты *преторіанцевъ* [1]), составлявшихъ въ Римѣ царскую гвардію, навязывали свой выборъ или, скорѣе, продавали пурпуръ тѣмъ, кто обѣщалъ имъ болѣе свободы и денегъ. Легіоны провинцій также хотѣли навязывать своихъ начальниковъ, и нѣсколько разъ побѣжденные преторіанцы разсѣевались, но замѣщались другими, столь же жадными и честолюбивыми. Отсюда, въ третьемъ вѣкѣ, произошла борьба, которая привела къ военной анархіи, безпримѣрной въ исторіи міра; можно было видѣть, въ короткій промежутокъ времени, до девятнадцати властителей [2]), оспаривавшихъ другъ у друга клочки цезарскаго пурпура, что̀ давало, по энергичному выраженію Шатобріана, „утромъ императора, а вечеромъ—жертву, украшеніе трона или гроба“.

Римляне подчинили себѣ югъ Европы и заняли часть Азіи. Они остановились у Евфрата въ Азіи, и у Дуная и Рейна въ Европѣ. Траянъ перешелъ въ наступленіе на Дунаѣ и Евфратѣ: онъ расширилъ имперію съ одной стороны до Тигра, а съ другой—до подножія Карпатовъ. Но это наступленіе, весьма мудрое въ политическомъ смыслѣ испугало Адріана и его преемниковъ, заботившихся лишь о защитѣ имперіи, казавшейся имъ слишкомъ обширной. Эта, безъ сомнѣнія, благоразумная умѣренность была невѣрнымъ разсчетомъ, такъ какъ хотя римляне, опасаясь раздробленія имперіи, не пытались вносить въ среду варваровъ цивиз-

---

[1]) Пространство, простиравшееся въ римскомъ лагерѣ передъ палаткой военоначальника, называлось преторіемъ *(praetorium)*. Воины, составлявшіе свиту, получили названіе *преторіанцевъ*. Потомъ это названіе было принято въ Римѣ тѣми, кто охранялъ императора, такъ какъ онъ былъ главою всѣхъ войскъ и имѣлъ также свой *praetorium* или преторій.

[2]) Это—то, что называютъ эпохою тридцати тирановъ; выраженіе преувеличенное, но вполнѣ понятное.

лизацію, но послѣдней, тѣмъ не менѣе, предстояло погибнутъ отъ варваровъ. Это именно и случилось.

Военное искусство римлянъ, многочисленныя колоніи и лагери, укрѣпленія вдоль границъ представляли, конечно, преграду, которую можно было считать несокрушимой. Но междоусобныя войны третьяго вѣка пробили ее. Варвары проникли въ имперію, и богатые города, которые они грабили, только возбудили ихъ алчность.

Вторженіе началось даже не сразу, такъ какъ сперва для варваровъ открылись легіоны, а затѣмъ и почести. Во время анархіи въ третьемъ вѣкѣ, одинъ оракіецъ, готъ по происхожденію, *Максиминъ* сдѣлался императоромъ, благодаря своему колоссальному росту и геркулесовской силѣ (235). Хитрый арабъ *Филиппъ*, префектъ преторіи Гордіана III, убилъ императора и занялъ его мѣсто (244). *Пробъ* завербовалъ большее число воиновъ-варваровъ и даже устроилъ колонію варваровъ. Это внѣдреніе чужеземныхъ народовъ могло только благопріятствовать разложенію имперіи и паденію патріотизма. Могли ли эти военачальники-варвары, едва умѣвшіе произносить нѣсколько словъ по-латыни, обладать чувствами римлянъ? Могли ли легіоны, навербованные за деньги и смѣшанные съ варварами, пылко сражаться съ народами, съ которыми они были въ постоянныхъ сношеніяхъ?

Тѣмъ не менѣе, имперія держалась еще одинъ вѣкъ. Освобожденная энергіей иллирійскихъ властителей [1]), въ особенности *Авреліа* и *Проба*, она была преобразована Діоклеціаномъ (285—305), надѣявшимся укрѣпить ее раздѣленіемъ. Вынужденные защищать ее съ сѣвера и юга, съ запада и востока, императоры имѣли намѣстниковъ. Діоклеціанъ рѣшилъ присоединить этихъ намѣстниковъ къ имперіи, заинтересовать ихъ въ умиротвореніи страны, сдѣлать повсюду осязательнымъ авторитетъ императорской власти и, не раздѣляя территоріи, не разбивая единства, увеличить число императоровъ, создавъ двухъ *Августовъ* и двухъ *Цезарей*, предполагаемыхъ наслѣдниковъ Августа и Цезаря. Діоклеціанъ видѣлъ также въ этомъ странномъ сочетаніи *четверовластія* возможность установить заранѣе передачу власти и избѣжать междоусобныхъ войнъ, упустивъ изъ вида, что, увеличивая число престоловъ, онъ неизбѣжно увеличивалъ и число соискателей.

Преторіанцы, несомнѣнно, перестали быть страшными, такъ какъ были замѣнены другими отрядами (Геркуліанцы, Іовіанцы), и Діоклеціанъ, конечно, сохранилъ за собою первенство, но Римъ былъ поки-

---

[1]) *Клавдій II* (268), *Аврелианъ* (270), *Тацитъ* (275), *Пробъ* (276).

нутъ въ пользу *Никомедіи*, резиденціи Діоклеціана на востокѣ, и *Милана*, резиденціи Максиміана на западѣ. Оба цезаря также имѣли свою столицу. Сенатъ оказался изолированнымъ, покинутымъ, и утратилъ остатокъ вліянія, какой у него былъ. Единство поддерживалось лишь волей одного человѣка. Система Діоклеціана должна была, послѣ его отреченія, привести къ потрясеніямъ, еще болѣе жестокимъ, чѣмъ раньше, и сразу появилось до шести соперниковъ, оспаривавшихъ другъ у друга титулы августа и цезаря.

Единство, впрочемъ, не погибло еще потому, что Діоклеціанъ принялъ другія мѣры, предназначавшіяся къ поддержанію этого единства. Онъ усилилъ *гражданскую власть* въ ущербъ *власти военной*, намѣтилъ *администрацію* со степенями власти, способную сохранять повиновеніе даже среди раздоровъ. Діоклеціанъ отбросилъ старинныя условныя воззрѣнія римской республики. Онъ былъ при жизни императоромъ и богомъ (Юпитеромъ); Максиміанъ былъ второстепеннымъ богомъ, Геркулесомъ. Любя Востокъ, онъ возродилъ деспотическія традиціи его, самъ оставаясь незамѣтнымъ, хотя его дѣятельность заставляла повсюду чувствовать присутствіе его; онъ окружилъ себя толпой царедворцевъ различнаго званія, заслонявшихъ его божественную особу отъ созерцанія простыхъ смертныхъ и, такимъ образомъ, дѣлавшихъ ее болѣе грозной. Возобновилась пышность временъ Дарія и Навуходоносора. Востокъ втихомолку бралъ верхъ и торжествовалъ, какъ нѣкогда Греція, надъ своими побѣдителями. Онъ устанавливалъ для Запада правила деспотизма, ни въ чемъ не походившія на деспотизмъ цезарей первыхъ двухъ вѣковъ.

Константинъ возстановилъ въ 323 г. единство, бывшее нарушеннымъ въ теченіе нѣкотораго времени, окончилъ дѣло Діоклеціана и утвердилъ новый строй въ имперіи. На самомъ дѣлѣ, онъ сдѣлалъ то, чего еще никто не дѣлалъ, и великій трудъ его оставилъ слѣды, столь глубокіе, что, изучая его, мы изучаемъ происхожденіе современной администраціи.

Константинъ завершилъ преобразованіе императорской власти въ абсолютную власть. Императоръ, священная особа, сдѣлался „живымъ закономъ“. Безъ сомнѣнія, онъ окруженъ совѣтомъ, *священнымъ консисторіемъ*; члены этого совѣта получаютъ званіе *комитовъ* (спутниковъ); одинъ изъ нихъ — комитъ *священной* палаты (наблюденіе надъ дворцомъ); другой — *прислужниковъ* (начальникъ личной стражи); третій—*священныхъ щедротъ* (то, что̀ мы называемъ министромъ финансовъ); четвертый—*начальникъ должностей* (обязанный назначать и контролировать лицъ администраціи, нѣчто въ родѣ министра внутреннихъ

дѣлъ); *квесторъ* (хранитель законовъ, министръ юстиціи) и комитъ *частной собственности* императора. Наконецъ, армія получала распоряженія отъ начальника милиціи (военный министръ). Эти сановники, раздѣляя до нѣкоторой степени императорскую власть, составляли, въ то же время, ближайшій совѣтъ властителя и были посредниками для исполненія его повелѣній. Съ помощью ихъ, властитель видѣлъ, слышалъ, дѣйствовалъ, казнилъ и награждалъ. Они стояли между цезаремъ и подданными, боявшимися его тѣмъ болѣе, что не могли его видѣть.

Эта обособленность, введенная Діоклеціаномъ, должна была, безъ сомнѣнія, предохранять императоровъ отъ военныхъ переворотовъ, но оставляла ихъ во власти дворцовыхъ возмущеній. Они не пріобрѣтутъ бо́льшей безопасности: имъ будутъ угрожать интриги, заговоры, и они будутъ исчезать тѣмъ скорѣе, чѣмъ меньше ихъ знали. Деспотизмъ, безспорно, имѣетъ свои пріятныя стороны, такъ какъ онъ многимъ кружилъ головы, но исторія доказываетъ, что онъ былъ болѣе гибельнымъ для тѣхъ, кто имъ пользовался, чѣмъ для тѣхъ, кто ему подчинялся.

Римская имперія, во всякомъ случаѣ, достигла принципа, совершенно неизвѣстнаго древнему міру,— начала *отдѣленія гражданской власти отъ военной*, раздѣленія, кажущагося намъ столь логичнымъ и простымъ, но потребовавшимъ у грековъ и римлянъ многихъ вѣковъ, чтобы понять и установить его.

Константинъ ясно различалъ армію отъ администраціи и военныхъ начальниковъ отъ гражданскихъ. Войска были подчинены *начальникамъ милиціи, пѣхоты и конницы,* имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи помощниковъ, командовавшихъ отдѣльными частями и поручавшихъ, въ свою очередь, управленіе болѣе мелкими ихъ подраздѣленіями своимъ помощникамъ. Стараясь сдѣлать возмущенія невозможными, Константинъ передалъ всю гражданскую власть въ руки *префектовъ преторія.* Если какой-нибудь военачальникъ пытался возмутить одну изъ провинцій, онъ встрѣчалъ сопротивленіе со стороны гражданской администраціи, и ни одинъ изъ префектовъ преторія не могъ поднять знамя возстанія, такъ какъ въ его рукахъ не было военной силы.

Заботой Константина было также ослабить армію, долго бывшую опасной: онъ убавилъ число солдатъ легіона до полутора-тысячъ человѣкъ, а легіоны раздѣлилъ на *дворцовые отряды*, на *царскую свиту* и *пограничныя войска.* Армія была уменьшена и лишилась уваженіе именно въ то время, когда имперія стала всего болѣе нуждаться въ ея помощи. Наступило такое положеніе, когда нельзя уже было избѣжать опасности безъ того, чтобы не впасть въ другую, подобно тѣмъ

безнадежно больнымъ, которымъ нельзя дать извѣстнаго сильнаго лѣкарства, чтобы не вызвать другого заболѣванія.

Возстановляя до нѣкоторой степени тетрархію Діоклеціана, но лишь при участіи простыхъ должностныхъ лицъ, Константинъ облегчилъ управленіе имперіей, раздѣливъ ее на *четыре* большія префектуры, управляемыя *префектами преторія* (Востокъ, Иллирія, Италія, Галлія). Какъ мы уже говорили выше, эти префекты было чисто гражданскими чиновниками, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось управленіе страной, подчиненной ихъ власти. Каждая префектура, кромѣ того, имѣла своего, вполнѣ независимаго, *начальника милиціи*.

Громадныя префектуры подраздѣлялись на обширные *діоцезы*, управлявшіеся *викаріями* или намѣстниками префекта преторія. *Діоцезы* подраздѣлялись, на *провинціи*. Провинціи управлялись *проконсулами* или *президентами*, *корректорами* и т. д. Названія измѣнялись, сообразно обычаямъ страны. Города сохранили свое *городское управленіе*, но, тѣмъ не менѣе, находились подъ наблюденіемъ *намѣстника*.

Семейство IV вѣка.

За этими могущественными должностными лицами слѣдовало безчисленное множество низшихъ агентовъ, подчиненныхъ тому или иному изъ главныхъ начальниковъ и уполномоченныхъ по части финансовой или полицейской. Такимъ образомъ, въ каждой префектурѣ установилась длинная іерархія должностныхъ лицъ, получавшихъ приказанія, передававшихъ ихъ и представлявшихъ къ императорскому трону новости, похвалы или жалобы, а главнымъ образомъ, продукты налоговъ.

Константинъ желалъ, чтобы эти должностныя лица, будучи участниками императорской власти, носили почетные титулы *свѣтлѣйшихъ*, *сіятельныхъ*, *совершенныхъ*, *замѣчательныхъ*. Должность облагораживала и доставляла преимущества, какъ напр., освобожденіе отъ податей. Такимъ образомъ, къ древней аристократіи, къ знати провинціальной, присоединилась еще *императорская аристократія*. А такъ какъ тщеславіе составляетъ не малый недостатокъ человѣка, то эти традиціи, вовсе не утрачиваясь, переходятъ и въ новый міръ и держатся до сихъ поръ.

Общество старалось поддержать чиноначаліе строже, чѣмъ прежде.

За военными вождями и важными сановниками слѣдовали новая и старинная знать, а за ними—свободные люди, распадаясь на различныя категоріи, смотря по состоянію. Среди нихъ выдѣлялись особенно землевладѣльцы, изъ которыхъ выбирались *куріалы*, члены городской *куріи:* они должны были имѣть не менѣе двадцати пяти десятинъ земли. Изъ среды самыхъ богатыхъ выбирались *декуріоны*.

Куріалы, призванные къ участію въ управленіи дѣлами города, все менѣе и менѣе цѣнили эту честь, сопряженную съ весьма тягостными обязанностями. *Комитъ*, представитель императора, вовсе не входилъ въ подробности управленія; онъ опредѣлялъ количество налога, которое должно быть уплачено, не заботясь о способѣ его распредѣленія. Кромѣ того, знать, по большей части, была освобождена отъ подати, такъ же, какъ и духовенство. Куріалы, обязанные составлять списки, взыскивать деньги, принуждены были, въ несчастные годы, покрывать дефицитъ. Будучи безплатными агентами деспотизма, эти городскіе чиновники истощали собственныя средства, изнуривъ, до послѣднихъ предѣловъ, своихъ согражданъ. Поэтому куріалы, стараясь избѣжать этихъ разорительныхъ почестей, стали переходить на службу въ армію или въ церковь; тогда были изданы особые законы, прикрѣплявшіе ихъ къ собственности и къ куріи и дѣлавшіе ихъ службу и разореніе обязательными.

Ниже этихъ классовъ находился неимущій *плебсъ*, кормившійся на счетъ города, и ремесленники, распредѣленные по цехамъ. По деревнямъ жили *колоны*, классъ уже давній въ имперіи, но значительно умножившійся, вслѣдствіе бѣдствій третьяго вѣка. Это были или отпущенники, или земледѣльцы, устроившіеся въ качествѣ арендаторовъ на чужой землѣ, или свободные фермеры, обработывавшіе землю, по наслѣдству отъ отца къ сыну, или мелкіе разорившіеся собственники, продавшіе свои поля на условіи пожизненнаго пользованія ими въ качествѣ фермеровъ, или германскіе плѣнные, распредѣленные между землевладѣльцами и приведенные, если не въ рабство, то въ положеніе колоновъ.

Со времени возникновенія имперіи, законы по отношенію къ рабамъ подверглись многочисленнымъ измѣненіямъ. Господинъ потерялъ право суда надъ рабомъ въ дѣлахъ уголовныхъ. Клавдій и Антонинъ еще болѣе смягчили законодательство. Константинъ наказываетъ за убійство раба наравнѣ съ убійствомъ свободнаго человѣка. При продажахъ запрещено было разлучать мужа съ женой, и дѣтей—съ родителями. Рабство не уничтожилось, несмотря на вліяніе христіанства; оно преобразовалось послѣ вторженіи варваровъ.

За освобожденіемъ знати отъ налоговъ, тяжесть ихъ всецѣло ложилась на низшіе классы. А налоги эти были многочисленны: 1) *поземельный налогъ* (цензъ или дань), раскладывавшійся сообразно величинѣ собственности, измѣрявшейся каждыя пятнадцать лѣтъ (то, что позднѣе у насъ называлось кадастромъ); этотъ пятнадцатилѣтній промежутокъ назывался *индиктомъ*, и имъ пользовались даже для лѣтосчисленія; Церковь долго сохраняла обычай счета времени *индиктами* [1]); 2) *личный налогъ* (поголовная, подушная подать), взимавшаяся, преимущественно, съ колоновъ, слугъ, фермеровъ; 3) налогъ *золотомъ и серебромъ*, падавшій на промышленность и торговлю (родъ патентовъ); 4) налоги на *наслѣдства*, *завѣщанія*, *дарственныя записи*; 5) *телонса* (telonea), налогъ на продажи, дорожныя пошлины, таможни; 6) *соляной налогъ*; 7) поборы естественными произведеніями (*annonae*)

---

[1]) Весь образованный міръ пользуется римскимъ календаремъ и полезно припомнить, какимъ образомъ онъ составился. Сначала у римлянъ было десять мѣсяцевъ, названія которыхъ были: *мартъ* (отъ Марса, бога войны); *апрѣль* (время года, когда вскрываются почки); май (отъ богини Майи); іюнь (отъ бога этого имени); затѣмъ шли числовыя названія: пятый *(quintilis)*, шестой *(sextilis)*, седьмой *(september)*, восьмой *(october)*, девятый *(november)*, десятый *(december)*. Прибавленіе двухъ мѣсяцевъ *января* (отъ Януса) и *февраля* (Februarius, быть можетъ, мѣсяцъ лихорадокъ), доводитъ число ихъ до двѣнадцати. Такимъ образомъ, годъ оказался раздѣленнымъ, согласно движенію луны, по системѣ грековъ. Юлій Цезарь, благодаря трудамъ Созигена, александрійскаго астронома, установилъ соотвѣтствіе гражданскаго года съ движеніемъ солнца; это былъ годъ юліанскій или солнечный, который и остался въ употребленіи и былъ лишь исправленъ въ 1582 г. папою Григоріемъ XIII. Въ честь Цезаря, пятый мѣсяцъ *(quintilis)* сталъ называться іюлемъ (Julius), а шестой былъ названъ въ честь Августа.

Но у римлянъ мѣсяцы не раздѣлялись на недѣли; у нихъ было три большихъ дѣленія: *календы*, *ноны*, *иды*. Для счета времени говорилось: *день календъ*, затѣмъ 4-й, 3-й, 2-й до нонъ, затѣмъ *ноны* (это было 5-е), потомъ 8-е, 7-е, 6-е, 5-е, 4-е 3-е, 2-е—передъ *идами*; *иды* (это было 13-е). Наконецъ, продолжали считать обратно говоря: 18-е, 17-е, 16-е, 15-е, 14-е, 13-е, 12-е, 11-е, 10-е, 9-е, 8-е, 7-е, 6-е, 5-е, 4-е, 3-е, 2-е до начала *календъ* слѣдующаго мѣсяца.

Раздѣленіе на недѣли (hebdomades или septimanae) было введено лишь при императорахъ. Дни носили названіе планетъ: *dies solis* (день солнца, который христіане перемѣнили въ день Господень, *dies dominica*, воскресенье (dimanche), *dies lunae* (день луны), понедѣльникъ (lundi); *Martis* (Марса), вторникъ (mardi); *Mercurii* (Меркурія), среда, (mercredi); *Jovis* (Юпитера), четвергъ (jeudi); *Veneris* (Венеры), пятница (vendredi); *Saturni* (Сатурна), суббота (samedi). Этимъ календаремъ пользовалась и церковь первыхъ временъ, и онъ былъ сохраненъ христіанскими народами, но было упущено изъ вида, что, начиная годъ съ 1-го января, вмѣсто 1-го марта, измѣнилось и истинное значеніе названій сентября, октября, ноября и декабря, сдѣлавшихся болѣе не 7-мъ, 8-мъ, 9-мъ и 10-мъ, а 9-мъ, 10-мъ, 11-мъ и 12-мъ мѣсяцами года.

8) *военныя реквизиціи*; 9) обязательныя работы въ теченіе извѣстнаго количества дней для дорогъ и мостовъ; 10) *военный налогъ*; каждый землевладѣлецъ былъ обязанъ, если не лично быть воиномъ, то представлять вмѣсто себя одного или нѣсколькихъ, смотря по своему состоянію; 11) *коронаціонное* золото (aurum coronarium), даръ вѣжливости, сдѣлавшійся обязательнымъ, по случаю вступленія на престолъ императора. Можно было бы назвать еще много другихъ налоговъ, списокъ которыхъ постоянно мѣнялся и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивался. Этотъ рядъ налоговъ, питавшихъ государственную казну, былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ завѣтовъ, оставленныхъ намъ древней администраціей.

Административное преобразованіе Римской имперіи совпало съ перемѣной, еще болѣе важной для общества,—съ торжествомъ христіанства. Будучи сыномъ христіанки, *св. Елены*, привыкшей въ молодости къ покровительству христіанъ со стороны своего отца *Констанція Хлора*, Константинъ, хотя и не былъ обращенъ въ новую вѣру, признавалъ ее, какъ точку опоры въ борьбѣ со своими противниками. Онъ помѣстилъ на своихъ знаменахъ *начальныя буквы* имени Христа, такъ какъ видѣлъ, что боги имперіи были безсильны покровительствовать тѣмъ, кто на нихъ полагался. Побѣда при мостѣ *Мильвіи* (312), доставившая ему половину имперіи, утвердила его въ склонности къ христіанству. *Миланскій эдиктъ* обезпечилъ новой религіи свободу исповѣданія на ряду съ языческой религіей. Христіанское богослуженіе совершалось открыто; базилики были преобразованы въ церкви, и Константинъ не замедлилъ даровать христіанскому духовенству всѣ преимущества, какими пользовались языческіе жрецы.

Между тѣмъ, *Лициній* охранялъ Востокъ и покровительствовалъ язычеству. Константинъ, черезъ десять лѣтъ послѣ раздѣла, выступилъ противъ своего товарища, сдѣлавшагося его врагомъ. Битва при Адріанополѣ (323) была однимъ изъ тѣхъ важныхъ актовъ, которыми рѣшается будущее человѣческихъ обществъ. Лициній произнесъ рѣчь своимъ войскамъ, убѣждая ихъ сражаться за боговъ имперіи. Константинъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь, отожествлялъ свое дѣло съ дѣломъ христіанъ. Эта битва была вполнѣ борьбой двухъ религій, и двухъ различныхъ обществъ—прошлаго и будущаго. Восторжествовалъ Константинъ, а вмѣстѣ съ нимъ—Крестъ. Христіанство сдѣлалось государственной религіей.

„Христіане довольствовались избраніемъ среди общественныхъ зданій такихъ, которыя, по своей формѣ, соотвѣтствовали требованіямъ ихъ богослуженія. *Базилика*, служившая римлянамъ для торговыхъ

сдѣлокъ и для торжественныхъ судебныхъ засѣданій, была продолговатымъ зданіемъ, раздѣленнымъ въ длину на три отдѣла, а въ высоту—на два яруса, и легко могла быть приспособлена для отправленія христіанской литургіи. Два боковые отдѣла были предназначены для мужчинъ и для женщинъ; средній отдѣлъ, отгороженный въ видѣ двухъ квадратовъ, по одну сторону служилъ для оглашенныхъ, а по другую—для пѣвчихъ и церковнослужителей. Второй ярусъ, возвышавшійся на нѣсколько ступеней, былъ предназначенъ для отправленія божественной службы; алтарь занималъ средину святилища; сѣдалище претора сдѣлалось кресломъ епископа, а священники садились на полукруглой скамьѣ, поставленной въ глубинѣ большого отдѣла, заканчивавшагося полукругомъ. Этотъ полукругъ получилъ названіе *абсиды*. Позднѣе, абсида и хоръ, первая огражденная часть большого отдѣла со стороны алтаря, удлиннились, и нижнія стороны клира вытянулись въ формѣ руки, для изображенія креста: это развитіе получило названіе *трансепта* (поперечнаго хода). Впослѣдствіи въ стѣнахъ по всей окружности церкви были устроены капеллы, или часовни. Такимъ образомъ, послѣдовательныя измѣненія, какимъ подвергались базилики, прежде, чѣмъ превратиться въ готическіе соборы, производились по первоначальному плану, установленному римскими зодчими.

„Фасадъ базилики былъ украшенъ портикомъ или *папертью,* крыша которой, своею наружною частью, прикрѣплялась къ верхнему ярусу фронтона. Предъ портикомъ простирался *атріумъ*, четвероугольный дворъ. Посрединѣ двора находился фонтанъ, предназначавшійся для омовеній. Входная дверь была защищена *навѣсомъ*, или порталомъ. Эти принадлежности, мало-по-малу исчезнувшія, были усвоены арабами.

„Въ Галліи мы больше не находимъ латинскихъ базиликъ; отъ нихъ едва уцѣлѣли лишь немногіе обломки. Но Римъ сохраняетъ ихъ еще въ достаточномъ числѣ, такъ какъ, несмотря на позднѣйшія перестройки, онѣ, по крайней мѣрѣ, въ своей внутренней части, сохранили античную внѣшность. Таковы были, до истребленія пожаромъ, за городской стѣной, церкви св. Павла, времени Константина, св. Агнесы, св. Іерусалимскаго креста, св. Лаврентія, и, въ чертѣ города, св. Маріи Трастеверинской, св. Петра въ узахъ, и др. Де-Броссъ, видѣвшій базилику св. Павла, недоумѣвалъ, при видѣ пяти отдѣловъ, раздѣленныхъ множествомъ колоннъ, по четыре въ рядъ, изъ алебастра, изъ бѣлаго паросскаго, изъ зеленоватаго, изъ крапленаго мрамора, изъ гранита и изъ всевозможнаго драгоцѣннаго матеріала. Константинъ взялъ эти великолѣпныя колонны изъ мавзолея Адріана“ [1]).

[1]) André Lefèvre, *Merveilles de l'architecture.*

Съ первыхъ временъ, еще со времени гоненій, Церковь имѣла своихъ *священниковъ*, своихъ *епископовъ* или блюстителей. Константинъ не только призналъ установившуюся іерархію, но и примѣнилъ ее къ іерархіи гражданскихъ должностныхъ лицъ и къ раздѣленію провинцій. Значительные города получили *епископовъ*, на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за дѣлами вѣры и за нравственностью священниковъ той области. Въ главныхъ городахъ провинцій епископы получили, по по примѣру правителей, преимущества надъ другими епископами: это были *архіепископы* или *митрополиты*, обыкновенно носившіе *палліумъ* [1]). Наконецъ, въ столицахъ, какъ Александрія, Антіохія, митрополиты получили другой почетный титулъ и сдѣлались *патріархами*. Римскій епископъ оставался главою этой церковной іерархіи, все менѣе и менѣе оспариваемой, подъ именемъ *папы*. Эта простая и могущественная организація пережила вѣка, вторженія, войны и революціи, и сдѣлала католическую церковь похожей на стройную армію, спасаемую отъ внѣшнихъ бѣдствій или отъ внутреннихъ раздоровъ силою своей дисциплины.

Изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, чтобы въ четвертомъ вѣкѣ церковь походила на монархію: скорѣе, она была нѣчто въ родѣ свободной общины среди имперіи: у нея были свои собранія, и она созвала первый изъ *соборовъ*, называемыхъ *вселенскими*, въ Никеѣ въ 325 году. Епископы, прибывшіе со всѣхъ концовъ Стараго Свѣта, собрались тамъ въ числѣ 318, и среди нихъ можно было видѣть такихъ, которые носили слѣды мученій, принятыхъ за вѣру. Осудивъ ересь Арія, они болѣе подробно установили *Символъ вѣры*, содержавшій ученіе каѳолической вѣры и долженствовавшій служить связующимъ звеномъ между всѣми христіанскими общинами. Церковь держалась его съ постоянствомъ, которому никогда не измѣняла, и, въ силу того, передала намъ вѣрованіе, столь ясно опредѣленное, неизмѣнное и независимое отъ человѣческихъ колебаній, національностей, сектъ и партій. *Символъ вѣры*, установленный въ Никеѣ, поется до сихъ поръ на всѣхъ четырехъ странахъ свѣта въ христіанскихъ церквахъ.

Въ своей признательности къ императору Константину, предоставившему къ ихъ услугамъ административную власть, христіанскіе епископы не уяснили себѣ опасности, какой они подвергали самую Церковь, отожествляя ее съ государствомъ и допуская самого императора предсѣдательствовать на засѣданіяхъ Никейскаго собора, какъ нѣкогда

[1]) Шерстяная повязка, украшенная крестомъ, а въ началѣ—еще металлическими пластинками. Этотъ знакъ отличія до сихъ поръ жалуется архіепископамъ римскимъ дворомъ.

цезари предсѣдательствовали на языческихъ церемоніяхъ. Духовенство находило удобнымъ это сближеніе религіи съ имперіей, пока это сближеніе было ему полезно. Но въ основѣ его лежала невѣрная идея, приведшая позднѣе ко многимъ столкновеніямъ. Уже при преемникахъ Константина, епископамъ пришлось жаловаться на императоровъ-аріанъ и испытывать новыя преслѣдованія. Тѣмъ не менѣе, эти печальныя обстоятельства не открыли имъ глазъ, и власть духовная осталась соединенной съ властью свѣтской.

Несмотря на то, что императоръ былъ властелиномъ этого религіознаго общества, оно казалось ему столь внушительнымъ, что Константинъ главѣ его почти предоставилъ Римъ. Константинъ покинулъ Римъ, чтобы основать вблизи древней Византіи, на берегахъ Босфора, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Европа почти соприкасается съ Азіей, новую столицу, чтобы сдѣлать ее своимъ городомъ и наполнить ее своимъ величіемъ.

Безъ сомнѣнія, и другія соображенія склонили Константина къ этой важной перемѣнѣ. Хотя Востокъ и подвергался опустошеніямъ персовъ, но варвары не угрожали ему въ такой же мѣрѣ, какъ Западу. Центръ администраціи тамъ былъ лучше защищенъ отъ случайностей, а положеніе Константинополя, охраняемаго моремъ и защищаемаго Балканами, было такъ хорошо выбрано, что впослѣдствіи многочисленныя попытки вторженій оставались безуспѣшными у подножія его стѣнъ. Кромѣ того, Востокъ былъ болѣе подготовленъ для того деспотизма, какой установилъ Константинъ, чтобы сдѣлать его непоколебимымъ. Это перемѣщеніе столицы въ городъ, который, по своему положенію, долженъ былъ стать греческимъ городомъ, являлось вознагражденіемъ Греціи. Греческій міръ сохранялъ еще жизненность: пріобрѣтя свою столицу, онъ не замедлилъ отдѣлиться. Даже и помимо вторженій, обширная Римская имперія должна бы раздѣлиться вслѣдствіе закона, не допускающаго продолжительности существованія слишкомъ многочисленныхъ народныхъ скопленій и противополагающаго духъ національности духу единообразія.

Такъ воздвигнутъ былъ Константинополь на берегахъ великолѣпнаго залива, *Золотого Рога*, въ прекрасномъ климатѣ, имѣя надъ Римомъ преимущество приморскаго города, удобство сообщенія со всѣми берегами Малой Азіи, Сиріи, Ѳракіи, Македоніи и Греціи. Хотя онъ слишкомъ удаленъ къ востоку, чтобы долго сохранять господство надъ Западомъ, но расположеніе его вполнѣ позволяло ему властвовать надъ восточнымъ бассейномъ Средиземнаго моря. Константинъ взялъ изъ Рима и изъ другихъ итальянскихъ городовъ лучшіе образцы

античнаго искусства и перенесъ ихъ въ свой новый городъ, придавъ этой столицѣ христіанскій характеръ.

Римъ, съ точки зрѣнія политической, пришелъ въ упадокъ. Но несмотря на опустошенія варваровъ, онъ остался центромъ Запада, а религіозное главенство, сохранившее и удержавшее за нимъ его древнее политическое значеніе и сообщавшее ему нравственное вліяніе, должно было сдѣлать изъ него столицу міра, столицу церкви. Римъ вполнѣ заслуживаетъ свое названіе *вѣчнаго города.*

Побѣда христіанства вызвала сильное раздраженіе въ мірѣ языческомъ, который воспользовался распрями въ имперіи, послѣ смерти Константина, и разногласіями даже въ средѣ христіанъ, чтобы возобновить свою наступательную политику. Христіанамъ пришлось вскорѣ потерпѣть отъ императоровъ, поставленныхъ ими во главѣ церкви: Констанцій, покровительствовавшій аріанству, преслѣдовалъ епископовъ, а Юліанъ, провозглашенный своими воинами императоромъ въ Лютеціи, объявилъ себя защитникомъ язычества (360). Древняя религія [1]), поддерживаемая властью, опять выдвинулась впередъ; жертвоприношенія животныхъ возобновились, дворецъ и сады въ Константинополѣ были превращены въ Пантеонъ, предъ многочисленными идолами котораго самъ императоръ поочередно совершалъ обряды. Юліанъ былъ фанатическій язычникъ; онъ предпринялъ противъ христіанъ войну тѣмъ болѣе опасную, что искусно руководилъ ею при помощи не палачей, а философовъ и софистовъ. Однако, увлеченный духомъ преслѣдованія, онъ дошелъ до того, что запретилъ христіанамъ преподаваніе свѣтскихъ наукъ. Быть можетъ, онъ пошелъ бы еще далѣе на пути систематическаго преслѣдованія, если бы его царствованіе не было прервано внезапно смертельной раной, полученной имъ въ битвѣ съ персами (363).

Съ тѣхъ поръ христіанство встрѣчало враговъ лишь въ своей средѣ. Долгое время свобода мнѣній, весьма широкая въ первые вѣка, пока церковь не установила съ точностью своего догмата, обрядовъ и іерархіи, порождала множество ученій, болѣе или менѣе уклонявшихся отъ ученія апостоловъ. Но ни одно изъ нихъ не было столь вреднымъ, какъ ученіе *Арія*, священника Александрійской церкви [2]), утверждав-

---

1) Она, впрочемъ, далеко не исчезла вполнѣ, поддерживаясь еще въ деревняхъ (pagi), жители которыхъ (pagani) долго оставались чуждыми христіанству. Ихъ названіе сдѣлалось синонимомъ приверженцевъ древняго культа, и отсюда происходитъ французское слово *païen* (язычникъ), одинъ изъ терминовъ, искажавшихъ первоначальный смыслъ слова. (Отсюда русское слово „поганый"—нечистый, поганый татаринъ, язычникъ. *Примѣч. перев.*)

2) Арій (280—336).

шаго, что Сынъ Божій не во всемъ равенъ Отцу, и, такимъ образомъ, отрицавшаго Божественность Христа. Для осужденія этой ереси, Константинъ созвалъ Никейскій соборъ, на которомъ епископы ввели въ „Символъ вѣры“ слово *единосущный*, подтверждая тожество существа Отца и Сына и поддерживая единство Божіе въ лицѣ св. Троицы.

Постановленіе Никейскаго собора не искоренило аріанства, завербовавшаго многочисленныхъ послѣдователей на Востокѣ. Самые знаменитые отцы церкви, какъ, напр., *святой Аѳанасій* [1]), патріархъ александрійскій, тщетно боролись съ аріанами устно и письменно, а когда послѣдніе нашли покровителя въ императорѣ Констанціи,—твердостью въ испытаніяхъ и изгнаніи. Аріане торжествовали долгое время, въ теченіе четвертаго вѣка, и отцы греческой Церкви, *святой Григорій Назіанзскій* [2]), *святой Григорій Нисскій* [3]), а затѣмъ *святой Василій* [4]), обладавшій замѣчательнымъ даромъ слова, не переставали бороться съ ними въ своихъ твореніяхъ, въ которыхъ величіе слога соотвѣтствовало глубинѣ содержанія. Съ этого времени возникла христіанская литература, оживлявшаяся пылкой вѣрой и облекавшаяся въ самую чистую форму греческой древности, такъ какъ отцы церкви были усердными учениками аѳинскихъ и александрійской школъ. Св. Василій даже встрѣчался въ аѳинской школѣ съ Юліаномъ, въ которомъ могъ угадать будущаго опаснаго противника христіанъ. Отцы греческой церкви могли еще видѣть въ концѣ четвертаго и въ началѣ пятаго вѣковъ присоединившагося къ ихъ ученому кругу человѣка, получив-

---

[1]) Св. Аѳанасій (296—373), патріархъ александрійскій, въ 326 г. претерпѣвшій много бѣдствій въ борьбѣ съ аріанами, былъ изгоняемъ нѣсколько разъ при преемникахъ Константина. Онъ оставилъ послѣ себя много высокихъ богословскихъ твореній, толкованій Библіи и трудовъ противъ аріанства. Церковь почтила его наименованіемъ *Великаго*.

[2]) Св. Григорій Назіанзскій родился близъ Назіанза, въ Каппадокіи (328). Признанный императоромъ Ѳеодосіемъ въ санѣ архіепископа константинопольскаго, онъ сложилъ съ себя этотъ санъ, когда возникъ споръ относительно перемѣщенія его въ Константинополь, и удалился на родину, гдѣ продолжалъ свои творенія по богословію.

[3]) Св. Григорій Нисскій (331—397), братъ св. Василія Великаго.

[4]) Св. Василій Великій (329 — 379) родился въ Кесаріи Каппадокійской и, по окончаніи образованія въ аѳинской школѣ, удалился въ уединеніе, гдѣ основалъ свой монастырь. Во время своего архіерейства, св. Василій велъ постоянную борьбу съ еретиками-аріанами, которыхъ поддерживалъ императоръ Валентъ. Святитель написалъ много книгъ противъ аріанъ, одну—о Божествѣ св. Духа и Бесѣды о сотвореніи міра въ шесть дней. Кромѣ того, имъ составлены: чинъ литургіи, извѣстный подъ его именемъ, молитвы на Троицынъ день и правила христіанской жизни. Св. церковь почтила его наименованіемъ *великаго* и *вселенскаго учителя*.

шаго, за свое краснорѣчіе, названіе „золотыхъ устъ“, *св. Іоанна Златоуста* [1]), имѣвшаго большое вліяніе на религіозныя и политическія дѣла въ первыя времена византійской имперіи.

Западъ, хотя и менѣе Востока потрясавшій ересями, имѣлъ своихъ краснорѣчивыхъ богослововъ. Въ Галліи въ Пуатье раздавался голосъ *св. Иларія* [2]), который защищалъ ученіе церкви отъ аріанъ и былъ даже изгнанъ императоромъ Констанціемъ. Это—одинъ изъ наиболѣе почитаемыхъ проповѣдниковъ Галліи, отличившій и воодушевившій св. Мартина, основателя первыхъ монастырей во Франціи, проповѣдывавшаго въ сельскомъ населеніи, среди котораго онъ уничтожалъ послѣднихъ идоловъ и учреждалъ церкви. *Св. Амвросій* [3]), хотя и уроженецъ Галліи, сынъ префекта южной Галліи, прославилъ Италію и Миланскую епископскую каѳедру, куда былъ единогласно призванъ народомъ. Его добродѣтели, милосердіе, высокій умъ и сила его проповѣдей доставили ему авторитетъ, внушавшій уваженіе самимъ императорамъ. Ѳеодосій долженъ былъ смириться передъ нимъ, когда св. Амвросій запретилъ ему входъ въ Миланскій соборъ; это былъ первый примѣръ торжества чисто нравственной силы надъ силой физической, вынудившій повелителя міра къ покаянію и послушанію.

Въ половинѣ шестого вѣка родился въ Далмаціи *св. Іеронимъ*, сдѣлавшійся впослѣдствіи столь знаменитымъ [4]). Будучи сыномъ богатыхъ родителей, онъ съ юныхъ лѣтъ могъ прибыть въ Аѳины, чтобы изучать тамъ литературу и риторику. Принявъ христіанство, онъ посѣтилъ Востокъ и Западъ, а затѣмъ уединенно поселился на Востокѣ, въ Сиріи. Всѣ старались вовлечь его въ споры, возникавшіе въ области вѣры, всѣ обращались къ нему за совѣтами, и онъ сталъ всеобщимъ руководителемъ, какъ бы всеобщимъ духовникомъ. Восторженный почитатель св. Писанія, онъ собралъ рукописи, изучилъ еврей-

---

[1]) Св. Іоаннъ Златоустъ (347–407). Его краснорѣчіе спасло жителей Антіохіи отъ гнѣва Ѳеодосія. Признанный Аркадіемъ въ санѣ архіепископа константинопольскаго, онъ грозно обличалъ пороки современнаго общества и старался возбудить состраданіе къ бѣднымъ; съ этою цѣлью онъ въ своей проповѣди сопоставлялъ крайнюю расточительность съ ужасающею бѣдностью, чѣмъ вооружилъ противъ себя многихъ вельможъ и особенно императрицу Евдоксію. Онъ много претерпѣлъ отъ министра Евтропія, но, послѣ его паденія, спасъ ему жизнь, защитивъ отъ народной ярости. Оклеветанный Евдоксіей, онъ былъ посланъ въ ссылку, сначала въ Армению, а потомъ еще далѣе въ Азію, и скончался 14 сентября 407 года, претерпѣвъ всевозможныя лишенія. Св. церковь почитаетъ его, какъ мученика.

[2]) Св. Иларій родился въ Пуатье въ началѣ четвертаго вѣка; умеръ въ 367 году.

[3]) Св. Амвросій, 340—397.

[4]) Св. Іеронимъ, 340—420.

скій языкъ и предпринялъ трудъ исправленія, толкованія и перевода, привлекшій вниманіе епископовъ и допущенный къ общему пользованію: этотъ переводъ получилъ наименованіе *Вульгаты*. Востокъ, по большей части, остался вѣренъ греческому переводу семидесяти толковниковъ, но латинскій переводъ св. Іеронима сдѣлался общераспространеннымъ на Западѣ. Знатныя римлянки, отказавшіяся отъ міра и посвятившія себя благочестивой жизни, Павла и ея дочь Евстохія, помогали св. Іерониму въ его обширныхъ трудахъ, списывая и переписывая рукописи и свѣряя ихъ. *Павла* даже, передъ тѣмъ, какъ покинуть Римъ, изучила еврейскій языкъ. Св. Іеронимъ, увлеченный воспоминаніями Іудеи, перенесъ свой скитъ въ Виѳлеемъ, не переставая изучать, писать и бороться. Виѳлеемъ сдѣлался какъ бы умственнымъ центромъ, и св. Іеронимъ едва успѣвалъ поддерживать обширную переписку, охватывавшую весь міръ, которую онъ продолжалъ вести до глубокой старости, такъ какъ скончался восьмидесяти лѣтъ.

Св. Іеронимъ видѣлъ начало вторженій и присутствовалъ при потрясеніяхъ, напоминавшихъ ему бѣдствія іудеевъ, такъ живо описанныхъ пророками. Онъ былъ также въ перепискѣ и даже спорилъ съ молодымъ ораторомъ изъ Африки, *Августиномъ*, которому суждено было сдѣлаться однимъ изъ наиболѣе ученыхъ и глубокихъ теологовъ латинской церкви [1]). Обращенный св. Амвросіемъ и, въ особенности подъ вліяніемъ своей благочестивой матери Моники, св. Августинъ отстаивалъ вѣру, которую онъ принялъ послѣ зрѣлаго размышленія, съ чисто африканскою пылкостью. Въ то же время его тонкая чувствительность давала ему возможность лучше другихъ уяснить себѣ мистическую сторону христіанства, и любовь къ Богу овладѣла этимъ сердцемъ съ такою же силой, какъ нѣкогда имъ владѣла любовь къ міру. Въ своихъ философскихъ трудахъ, которые онъ неутомимо продолжалъ въ теченіе всей жизни, онъ затрогивалъ самые важные вопросы, а ученые труды его доставили ему такую славу, что онъ былъ избранъ церковью Гиппона (нынѣ Бонъ) ея епископомъ. Онъ съ силою опровергнулъ заблужденія *манихеянъ* [2]), ученіе которыхъ долгое время

---

[1]) Св. Августинъ, 354—430.

[2]) Манихеи, для того, чтобы объяснить присутствіе зла въ мірѣ, олицетворяли его и дѣлали его богомъ, борющимся съ богомъ добра. Эта двойственность началъ добраго и злого, была очевидно внушена *Манесу*, жившему въ Персіи въ III вѣкѣ христіанской эры, древними ученіями Зороастра. Ученіе манихеевъ продолжалось въ теченіе всего времени среднихъ вѣковъ и во Франціи послужило основаніемъ еретическаго ученія альбигойцевъ.

раздѣлялъ, и британца *Пелагія* [1]), который, преувеличивая свободную волю человѣка, отвергалъ силу божественнаго милосердія. Онъ нападалъ также на безнадежную суровость *донатистовъ* [2]). Отважный борецъ, строгій мыслитель и изящный писатель, Августинъ былъ свѣточемъ западной церкви, оставаясь, въ то же время, смиреннымъ пастыремъ, преданнымъ своей скромной церкви въ Гиппонѣ. Когда надо было отражать вандаловъ, Августинъ, будучи 76 лѣтъ, оказывалъ помощь сражающимся и раненымъ и, по крайней мѣрѣ, не испыталъ горя видѣть, какъ варвары проникли въ его городъ, такъ какъ скончался на третьемъ мѣсяцѣ осады. „Несмотря на неравное достоинство его трудовъ, несмотря на все то, что испорченность четвертаго вѣка примѣшиваетъ къ генію Августина,—говоритъ Вильменъ,—только жизнь и труды Боссюэта даютъ намъ возможность понять Гипонскаго епископа“ [3]).

Около того времени началась *монастырская* [4]) жизнь. Въ пустыняхъ Египта, главнымъ образомъ, въ Ѳиваидѣ, начиная съ третьяго вѣка, благочестивые отшельники, или *анахореты* [5]), какъ преподобный *Павелъ* (235—340), старались достигнуть высшей степени нравственнаго совершенства путемъ *аскетизма* [6]). Они достигали этого, благодаря необычайному подъему духа, доводившему ихъ до поразительнаго состоянія, какъ, напр., *св. Пахомія* (292—348), который спалъ не иначе, какъ стоя, прислонившись къ стѣнѣ, или *св. Симеона Столпника*, жившаго въ Аравіи на вершинѣ столба и обрекшаго себя не измѣнять положенія, и т. д. Затѣмъ они стали соединяться въ общины (киновіи) [7]), обители. *Св. Антоній* основалъ первыя изъ нихъ и скончался въ 356 г., ста пяти лѣтъ, почитаемый христіанами и язычниками.

---

[1]) Пелагій былъ родомъ изъ Великобританіи. Онъ прибылъ въ Римъ около 400 г. Отрицая первородный грѣхъ, онъ утверждалъ, что христіане, являясь на свѣтъ безгрѣшными, могли одною силою воли, безъ милосердія Божія, заслужить спасеніе. Его ученіе, распространявшееся ученикомъ его Целестіемъ и осужденное на нѣсколькихъ соборахъ, между прочимъ, на Карѳагенскомъ (419), долго потрясало Церковь. *Полу-пелагіанизмъ*, нѣсколько смягченное ученіе Пелагія, было также отвергнуто, и св. Августинъ мужественно боролся противъ него.

[2]) Секта донатистовъ получила свое названіе отъ имени Донатовъ, двухъ епископовъ въ Африкѣ, которые въ IV вѣкѣ имѣли притязаніе обучать настоящему ученію апостоловъ и измѣняли характеръ христіанства, придававшійся ему церковью.

[3]) Villemain, *Tableau de l'éloquence chrétienne au quatrième siècle.*

[4]) Отъ греческаго слова *monos*, одинъ.

[5]) Люди, удаляющіеся отъ другихъ.

[6]) Упражненіемъ въ добродѣтели.

[7]) Греческое слово, означающее „жизнь сообща“.

Изъ этихъ убѣжищъ выходили толкованія и списки св. Писанія, книги, высоко цѣнившіяся благочестивыми людьми. Женщины также стали принимать участіе въ стремленіи къ уединенію и богословскимъ занятіямъ. Знатныя римлянки, какъ *Фабіола*, раздаютъ свое имущество бѣднымъ, устраиваютъ больницы и предаются монашеской жизни. *Марцелла*, *Павла*, *Азелла*, *Фурія*, восходя, по своимъ предкамъ, къ стариннымъ *родамъ*, подаютъ примѣръ самоотреченія, милосердія и благочестія. Въ этомъ обществѣ, гдѣ не могла исчезнуть испорченность, установились здоровыя и крѣпкія основы, благодаря которымъ міръ могъ возродиться.

Но онъ долженъ былъ возродиться при иномъ населеніи. Какъ уже сказано, это возрожденіе не было невозможнымъ, но римская имперія не могла противиться больше натиску, производимому варварами на всѣхъ ея границахъ.

Реформа Діоклеціана и Константина явилась слишкомъ поздно. Она только увеличила бѣдствія провинцій, особенно на Западѣ, гдѣ вторженія были наиболѣе частыми. Обиліе *привилегированныхъ чиновниковъ* уменьшало лишь число плательщиковъ податей, увеличивая расходы. *Налоги* все тяжелѣе и тяжелѣе давили неимущій классъ. Куріалы, даже жертвуя своимъ состояніемъ, не могли покрывать дефицита и превращались въ классъ бѣдняковъ или колоновъ. *Средніе классы* исчезали, какъ во времена Гракховъ. Крестьяне возмущались и присоединяли свои опустошенія къ опустошеніямъ варваровъ. Нищета вызывала уменьшеніе населенія.

Она уничтожала и патріотизмъ. Римъ оправдывалъ свое владычество тѣмъ, что обезпечивалъ общій миръ и благосостояніе; когда то и другое исчезло, не стало причины и для приверженности къ Риму. Званіе римлянина, повсемѣстно распространенное со временъ Каракаллы, перестало быть лестнымъ и никого болѣе не охраняло. Провинціи безъ негодованія встрѣчали новыхъ властелиновъ, которые не могли быть суровѣе самого Рима. Во многихъ странахъ жители вовсе не сопротивлялись варварамъ.

И могло ли быть иначе? *Духъ воинственности* уже не поддерживался болѣе: легіоны, навербованные за деньги, состояли изъ толпы воиновъ-варваровъ, а въ послѣднее время командовали войсками и распоряжались имперіей франки и готы. Примѣсь чужеземцевъ подготовляла великое вторженіе.

На ряду съ этими бѣдствіями можно было видѣть неслыханную роскошь во дворцѣ, великолѣпные выѣзды съ дорогими лошадьми и экипажами, празднества, игры въ циркахъ, бои гладіаторовъ, куда стре-

мились даже христіане, несмотря на запрещенія церкви. Своими пороками это общество напоминало конецъ міра, а своими достоинствами предсказывало появленіе новаго, представляя всевозможныя противоположности: борьбу христіанскихъ сектъ и послѣднія усилія языческой философіи, поэтовъ времени упадка на ряду съ краснорѣчивыми епископами, изученіе грамматики и риторики одновременно со св. Писаніемъ, тысячи царедворцевъ, льстившихъ властителю, и епископовъ, сурово относившихся къ нему, гоненія вмѣстѣ съ образцами высшей добродѣтели и евангельскаго милосердія. Имперія оставалась римскою только по имени: столица ея была греческою, дворъ—восточнымъ; лучшія литературныя произведенія писались по гречески. Отъ древней религіи осталась лишь одна миѳологія, отвергнутая даже философами, а отъ древняго Рима—титулы, потерявшіе значеніе, слова безъ смысла, извращенныя преданія, и воспоминанія, уже не настолько сильныя, чтобы устрашать варваровъ.

Раздѣлъ имперіи между двумя сыновьями Ѳеодосія, *Аркадіемъ* и *Гоноріемъ* (395), узаконилъ лишь давно совершившійся фактъ, но это было *концомъ имперіи. Западная*, настоящая Римская имперія должна была погибнуть ранѣе, чѣмъ черезъ столѣтіе (395 — 476). Восточная имперія просуществуетъ до конца среднихъ вѣковъ, но это уже, какъ мы называемъ,—*греческая* или *византійская имперія*.

Исторія Римской имперіи занимаетъ значительное мѣсто въ исторіи человѣчества. Римъ употребилъ семь вѣковъ, чтобы покорить міръ; онъ управлялъ имъ около пяти столѣтій.

Римъ завоевалъ весь свѣтъ, будучи самъ подчиненъ началамъ *свободы*, потому что онъ умѣлъ *дисциплинировать* эту свободу, умѣлъ подчинять *частный интересъ интересу общему*, примирять между собою классы общества, внушать гражданамъ личныя и общественныя доблести. Республиканскій Римъ далъ великіе уроки *мужества*, *самоотверженности*, *патріотизма* и *любви къ свободѣ*.

Безъ сомнѣнія, впослѣдствіи онъ потерялъ эти доблести и показалъ примѣръ самыхъ ужасныхъ *междоусобныхъ войнъ*, а также и *тираніи*, самой безсмысленной, при худшихъ императорахъ. Мощныя правила свободы, создавшія его славу, Римъ замѣнилъ прискорбными *традиціями деспотизма*. Императорскій Римъ былъ *рабскимъ* и *развращеннымъ*. Но онъ *умиротворилъ* и *цивилизовалъ* древній міръ. Онъ установилъ *традиціи административныя*, поддержалъ и распространилъ традиціи *муниципальныя*, которыя на нѣкоторое время были позабыты, но потомъ возродились снова.

Римъ, кромѣ того, создалъ науку *права* и *военную* науку. Онъ.

оставилъ *памятники*, свидѣтельствующіе объ его заботахъ относительно матеріальнаго благосостоянія, и замѣчательную *литературу*, хотя и менѣе оригинальную, чѣмъ литература Греціи, но глубоко проникшую собою новѣйшую литературу. Наконецъ, Римъ оставилъ міру *христіанство*, которое онъ принялъ, хотя и долго боролся съ нимъ.

Въ глазахъ новыхъ народностей Римъ является представителемъ *древней цивилизаціи*, которую онъ вмѣстилъ въ себѣ, и *цивилизаціи христіанской*, которая появилась въ его предѣлахъ, соединяя и примиряя два начала, изъ которыхъ должна была произойти новѣйшая цивилизація.

Чтобы опредѣлить сущность завѣта, оставленнаго древнимъ міромъ новому, надо было бы повторить только что сказанное нами выше. Всего болѣе поражаетъ у древнихъ—широкое понятіе о *государствѣ*. То, что древніе называли *свободой*, относилось лишь къ свободѣ политической. Понятіе о *равенствѣ* имъ неизвѣстно было. Какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ, при республикахъ и при имперіи, мы видимъ аристократіи, классы, глубокое неравенство, какъ съ политической, такъ и съ соціальной точки зрѣнія, и повсемѣстное рабство. Языческая религія, несмотря на усилія философовъ и смѣлыя положенія нѣкоторыхъ писателей, была лишь *религіей* страха. Древняя цивилизація была слишкомъ ограниченной, слишкомъ эгоистичной и суровой.

Тѣмъ не менѣе, это—одна изъ самыхъ блестящихъ цивилизацій, такъ какъ ей были доступны утонченность ума и наслажденія искусства. Она открыла людямъ источники поэзіи, философіи, исторіи и краснорѣчія. *Однимъ словомъ, она образовала человѣческій умъ*. Но ей, впрочемъ, не доставало науки. Древніе, эти проницательные мыслители, не обладали ни геніемъ наблюдательности, ни геніемъ открытій.

Греки были художниками, римляне—воинами и политиками. Но политики, военнаго мужества и художественнаго генія еще недостаточно для законченности настоящаго общества. Необходимо, чтобы въ характерѣ отдѣльныхъ лицъ такъ же, какъ и въ характерѣ націи, у гражданина и у народа, было сознаніе достоинства и личности, счастливое сочетаніе свободы каждаго въ отдѣльности съ общею свободой; нужна истинная нравственность, не поверхностная и риторическая, а искренняя и глубокая. Именно этого, главнымъ образомъ, не доставало грекамъ и римлянамъ, не говоря уже о промышленности, остановленной въ своемъ развитіи рабствомъ, и наукѣ, опутывавшейся вымыслами.

Ради справедливости, не будемъ забывать, что грекамъ и римля-

намъ пришлось все создавать самимъ. Они много сдѣлали, и мы не можемъ не признать ихъ, во многомъ, нашими учителями. И если, спустя нѣсколько столѣтій, цивилизація, насильственно прерванная, возобновила свое быстрое теченіе, она обязана этимъ той силѣ, какую новѣйшіе умы почерпнули въ изученіи древности. Древніе зажгли свѣточъ и держали его высоко, и когда онъ выпалъ изъ ихъ рукъ, онъ не угасъ вполнѣ: мы лишь должны были привести его въ движеніе, какъ раздуваютъ пламя факеловъ, потрясая ими, и онъ засіялъ снова, еще болѣе радостно и ярко, такъ какъ теперь онъ освѣщаетъ весь міръ.

Конецъ первой части.

18845
(16917)

БИБЛІОТЕКА „ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ“.

(ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ).

БИБЛІОТЕ
Ученаго Комитета Мин.

ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШАГО ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Г. Дюкудрэ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Переводъ съ французскаго **А. А. Позенъ**,

подъ редакціей

Д. А. Коропчевскаго.

СО МНОГИМИ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

Изданіе редакціи журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

Цѣна 1 р. 50 к.

Складъ изданія: Москва, Б. Молчановка, д. Дм. Ив. Тихомирова, № 24.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества **И. Н. Кушнеревъ и К°**,
Пименовская улица, собственный домъ.
1899.

79905

Дозволено цензурою. Москва, 10 ноября 1899 года.

БИБЛІОТЕ
Ученаго Комитета Мин.

СРЕДНІЕ ВѢКА.

ГЛАВА I.

Вторженіе варваровъ. Германское общество.

Средніе вѣка.—Новыя расы.—Германцы; жизнь земледѣльцевъ и воиновъ.—Германская семья.—Германская дружина.—Королевское достоинство у германцевъ; народныя собранія.—Правосудіе.—Свобода личности.—Рабство у германцевъ.—Религія и миѳологія германцевъ.—Варварскія государства: вестготы, вандалы и др.; разрушеніе Западной имперіи (476).—Остготы; Теодерихъ.—Варварскіе законы; салическій законъ.—Упадокъ варварскихъ государствъ.—Военное главенство франковъ.—Франкское и римское общество; королевская власть.—Классы.—Финансы; правосудіе.—Церковь и варварское общество; епископы.—Право убѣжища; тонзура; клирики.—Соборы; отлученіе отъ церкви.—Церковныя богатства.—Монастыри.—Папство.—Союзъ франкскихъ королей съ церковью; каролингская династія; свѣтская власть папъ.—Европа въ VIII вѣкѣ.

Средніе вѣка—промежуточное время между древней и новой цивилизаціей. Человѣку не суждено было идти безъ отступленій къ прогрессу матеріальному и нравственному. Въ V вѣкѣ христіанской эры глубокая ночь смѣняетъ яркій свѣтъ, исходившій изъ Аѳинъ и Рима. Народы, долгое время державшіеся въ сторонѣ отъ цивилизованнаго міра, вторгаются въ него, разрушаютъ города и памятники, грабятъ церкви, раззоряютъ и порабощаютъ жителей и, вмѣстѣ съ нищетой, распространяютъ глубокое невѣжество. Вторженіе, начавшееся небольшими отрядами съ 240 года, продолжается цѣлыми массами въ теченіе всего V и части VI вѣка. Когда нашествіе съ сѣвера, повидимому, прекратилось, началось вторженіе другого характера,—вторженіе народовъ юга. Греческая имперія, въ свою очередь, была раздроблена. Весь міръ оказался раздѣленнымъ между новыми народами и даже новыми религіями. Тогда началась преобразовательная работа, продолжавшаяся, съ задержками, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, до XV вѣка, когда она пошла несравненно быстрѣе.

Эта тяжелая работа сліянія расъ и преданій, это усиліе подавленной цивилизаціи подчинить себѣ своихъ побѣдителей, наполняютъ средніе вѣка, или трудолюбивое дѣтство новаго общества. Безчисленныя вторженія, безконечныя войны, неслыханныя бѣдствія—вотъ что представляетъ исторія въ теченіе болѣе чѣмъ пяти вѣковъ (съ V до XI). Казалось, распавшееся человѣческое общество не въ состояніи будетъ сплотиться вновь, и міръ возвратится къ эпохѣ пелазговъ. Однако, всѣ разрозненные и смѣшанные элементы приходятъ въ порядокъ, націи намѣчаются, умы пробуждаются, наука оживаетъ; послѣ долгаго усыпленія, человѣчество возрождается въ XV вѣкѣ, и начинаетъ разцвѣтать новая цивилизація.

Было бы несправедливо не принимать во вниманіе продолжительную работу среднихъ вѣковъ,—періода, столь долго подвергавшагося порицанію. Не слѣдуетъ, конечно, подъ вліяніемъ предразсудковъ и политическихъ страстей, отдаваться излишнему восторгу передъ нѣкоторымъ внѣшнимъ блескомъ общества, которое энергично поднялось изъ варварства и кажется намъ привлекательнымъ наивной граціей своей молодости. Въ средніе вѣка, какъ и во всякое переходное время, мы видимъ насилія и несправедливости на ряду съ высшими доблестями, наружный порядокъ, прикрывающій глубочайшую смуту, страшное столкновеніе идей и народовъ, волнующихся точно въ громадномъ горнилѣ, гдѣ сплавляются вмѣстѣ различные металлы и гдѣ золото смѣшивается съ мѣдью. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ прослѣдить исторію общества, составленнаго изъ различныхъ элементовъ во время ихъ полнаго кипѣнія.

Прежде всего надо сказать, какія расы явились обновить древнее населеніе Европы. Ихъ было три: расы *германская* и *славянская*, вышедшія, впрочемъ, изъ того же арійскаго корня, какъ и населенія Греціи и Рима, затѣмъ, раса *татарская*. Эта раса почти не поддается цивилизаціи (мы говоримъ „почти“, такъ какъ въ настоящее время не отчаяваются болѣе ни за одну расу). Она играла лишь разрушающую роль, давъ, однако, начало, благодаря болѣе или менѣе частому смѣшенію съ бѣлой расой, болгарамъ, туркамъ и финнамъ.

Двѣ первыя расы населили и измѣнили Европу. Долгое время *славяне* (сарматы, квады, венеды, поляки, словаки, чехи или богемцы, сербы, моравы, русскіе, босняки, кроаты) оставались на заднемъ планѣ. Но высокіе, сильные, замѣчательные правильностью чертъ и живостью характера, подвижностью и умомъ, они должны были возвыситься и впослѣдствіи образовать собою народы *Восточной* и даже *Средней Европы*. *Германцы*, жившіе ближе къ Римской имперіи, съ

давнихъ временъ поселившіеся между Рейномъ и Эльбой, а своею *готской* вѣтвью простиравшіеся до Урала, были наиболѣе дѣятельными разрушителями имперіи и основателями народовъ *Западной Европы*. Весьма важно изучить именно ихъ, такъ какъ, вопреки мнѣнію новѣйшихъ ученыхъ, желавшихъ связать современное общество почти исключительно съ обществомъ римскимъ, физическій типъ, языки, законы и идеи западныхъ европейцевъ не позволяютъ отрицать ихъ германскаго происхожденія.

Восхваляемые или принижаемые выше мѣры, прославляемые Тацитомъ, противупоставлявшимъ ихъ простые нравы римской испорченности, превозносимые нѣмцами, гордящимися происхожденіемъ отъ нихъ, унижаемые сторонниками латинскихъ расъ,—германцы не заслуживаютъ ни этихъ преувеличенныхъ похвалъ, ни этого крайняго презрѣнія. Происходя отъ арійской расы, почти сходные съ галлами, предшествовавшими имъ по пути на Западъ, высокіе, бѣлокурые, сильные,—германцы находились на первой ступени развитія общественной жизни. Будучи охотниками и воинами, переходя съ мѣста на мѣсто небольшими отрядами, они кочевали по всему пространству страны, которую занимали. Они обработывали почву, но мѣняли мѣста обитанія послѣ жатвы и, какъ предполагаютъ, не имѣли личной собственности, потому что считали землю принадлежащею божеству. Ихъ хижины были разбросаны, но это не удивитъ никого, кто, путешествуя по Франціи, встрѣчалъ деревни, растянутыя на протяженіи мили, съ рѣдкими домами. Германцы занимались земледѣліемъ ради необходимости и предпочитали ему войну и грабежъ.

Надо-ли прибавлять, что эти народы не имѣли никакой общественной и политической организаціи? Тѣмъ не менѣе, у нихъ было чувство уваженія къ семьѣ. „Германцы,—говоритъ Тацитъ,—почти единственные изо всѣхъ варваровъ, довольствующіеся лишь одной супругой“. Жена не приносила приданаго мужу, а, напротивъ, мужъ давалъ приданое своей женѣ (morgengab). Тацитъ отмѣчаетъ и уваженіе, какимъ германцы окружали женщину. „Они признавали въ ней,—говоритъ онъ,—нѣкоторую праведность и прозорливость и не пренебрегали ни ея совѣтами, ни предчувствіями“. Тѣсно связанная съ мужемъ, жена раздѣляла его труды и опасности. Во время битвы, она оставалась при повозкахъ, но, если воины отступали, женщины бросались къ нимъ на помощь, вели ихъ обратно въ сраженіе или погибали вмѣстѣ съ ними.

Супружеская и отеческая власть была лишь *опекой*. Французское гражданское законодательство приняло принципъ охраны (mundium), исходившій изъ германскихъ нравовъ, державшійся на обычномъ правѣ

и устанавливавшій семейныя отношенія на необходимости защиты слабаго и обезпеченіи, доставляемомъ родительской привязанностью и нѣжностью [1]). Юноша считался совершеннолѣтнимъ въ пятнадцать лѣтъ: тогда его причисляли къ воинамъ; онъ уже былъ свободенъ. Дѣти наслѣдовали имущество послѣ отца и дѣлили его поровну. Завѣщаній не существовало вовсе. Дочь такъ же, какъ и сыновья, допускалась къ раздѣлу всякаго движимаго имущества. Она исключалась только изъ наслѣдованія *салической земли*,—выраженіе неопредѣленное, относительно котораго еще не пришли къ соглашенію, но которое, повидимому, обозначало дворянскую землю, пріобрѣтенную завоеваніемъ.

Хотя, повидимому, у этихъ народовъ было развито чувство равенства, письменные памятники указываютъ на существованіе наслѣдственной знати [2]); но знатныя семьи значительно уменьшились во время вторженій [3]). Тѣмъ не менѣе, мы видимъ германцевъ, какъ нѣкогда галловъ, собирающихся около начальника дружины, за которымъ они идутъ въ битву и пережить котораго, если онъ падетъ на полѣ битвы, считается стыдомъ. Эта преданность извѣстному лицу образуетъ у германцевъ горделивыхъ военныхъ кліентовъ, столь отличающихся отъ мирныхъ и подобострастныхъ кліентовъ римлянъ. Военачальники облечены властью только во время битвы: на другой день они равноправны со своими воинами и раздѣляютъ съ ними добычу; они не получаютъ ничего, кромѣ своей доли.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы германцы никому не подчинялись. У нихъ были короли, которыхъ они выбирали, по свидѣтельству Тацита, изъ самыхъ знатныхъ семей. Эти короли ничего не предпринимали безъ согласія общаго народнаго *собранія* (mallum), шумнаго сборища, гдѣ начальники и воины, построенные рядами, какъ во время сраженія, слушали предложенія главы и одобряли ихъ, ударяя копьями въ щиты; эта бурная и шумная свобода возбуждала своимъ могучимъ дыханіемъ древній міръ, усыпленный восточнымъ рабствомъ.

---

[1]) «Кодексъ Гондебальда (501 г. послѣ Р. Х.)—первый письменный памятникъ Европы, устанавливающій, на основаніи закона, кровныя узы родства; онъ выражаетъ, въ видѣ положительнаго закона, начало освобожденія человѣка, провозглашая его полноправнымъ (*sui juris*) при совершеннолѣтіи; онъ признаетъ жену подругой мужа и обезпечиваетъ за нею въ наслѣдованіи послѣ мужа права вдовы. Этотъ кодексъ сдѣлалъ еще болѣе: онъ первый призналъ законную опеку вдовы надъ своими дѣтьми, допуская, такимъ образомъ, женщину во всѣ права гражданской жизни, дополняющія ея материнскія права». Valentin Smith (*De la famille chez les Burgondes*).

[2]) Кодексы баварцевъ, тюрингенцевъ, фризовъ, англо-саксовъ.

[3]) Въ VI в. ихъ оставалось лишь четыре среди баварцевъ: двѣ—у готовъ и одна—у франковъ.

Совѣтъ или собраніе вождей судитъ также наиболѣе тяжкія преступленія. Въ случаѣ менѣе важныхъ преступленій или проступковъ, начальники небольшихъ участковъ (pagi) обходили область, разбирали дѣла и судили виновнаго передъ *равными* или *подобными* ему. Впрочемъ, такое правосудіе совершалось рѣдко, такъ какъ преслѣдовались лишь преступленія противъ общества, и только одно преступленіе—трусость—влекло за собою смертную казнь.

Что же касается покушеній противъ лицъ, частныхъ проступковъ или преступленій, то потерпѣвшая семья пользовалась правомъ мести не только относительно самого убійцы, но и всей его семьи, признававшейся участницей въ преступленіи. Послѣдствій этой мести избѣгали путемъ *вознагражденія,* возмѣщая деньгами нанесенный ущербъ: убійство для варваровъ считалось только ущербомъ, и они не видѣли въ немъ нарушенія нравственнаго закона. Цѣна измѣнялась, смотря по положенію и богатству жертвы: это называлось *вергельдомъ*,—wergeld (цѣна человѣка) или wehrgeld (цѣна войны).

Личность и независимость семьи, личность и независимость отдѣльныхъ членовъ общества,—таковы были чувства, глубоко проникавшія германцевъ; повсюду, гдѣ они появляются, они сохраняютъ свои законы и поддерживаютъ личное право мести за причиненныя оскорбленія. Отдѣльная личность вмѣщаетъ въ себѣ все; она все можетъ сдѣлать и служитъ своему начальнику, потому что тотъ ему нравится, но завтра можетъ перейти къ другому. Это—воинъ, совершенно чуждый идеѣ гражданина.

Германецъ, столь гордившійся своей свободой, могъ ее утратить (благодаря плѣну, долгамъ, игрѣ), но у этого народа рабство не имѣетъ того характера, какой имѣло у римлянъ. Простые, грубоватые германцы, на первыхъ порахъ не нуждались въ толпѣ рабовъ; поэтому послѣднихъ отправляли въ деревни, и на нихъ возлагались обработка земли, жатва и всѣ тяжелыя работы, тогда какъ свободные люди охотились или воевали. Эти рабы во многомъ походили на колоновъ и даже почти смѣшивались съ колонами или *рабочими*, которыхъ побѣдители заставляли обработывать для себя землю. „Ударить раба, — говоритъ Тацитъ, — заковать его въ цѣпи, у нихъ — рѣдкій случай; иногда они убиваютъ рабовъ, но не вслѣдствіе строгости и дисциплины, а въ гнѣвѣ и по первому побужденію, какъ убили бы врага“.

Религія у германцевъ, столь же первобытная, какъ и ихъ общественное и политическое состояніе, имѣла, тѣмъ не менѣе, значительное вліяніе на нихъ: она служила главнымъ источникомъ ихъ мужества. Трудно опредѣлить характеръ боговъ, которыми они населяли

небо и землю: *Одинъ*—верховный богъ, былъ богомъ битвъ; *Динаръ*—богомъ грома; *Тиръ* — богомъ меча; *Фрейръ* — богомъ мира и жатвъ; кромѣ того, у нихъ была богиня *Фрига* или *Фрея*. У нихъ встрѣчаются и многочисленныя доказательства обожанія природы,—божества *Солнца*, *Луны (Сунна, Мани)*, *Земли*, богиня *Эрта*. Имена боговъ сохраняются въ германскомъ календарѣ—воскресенье, *Зонтагъ* (день солнца); понедѣльникъ, *Монтагъ* (день луны); *Доннерстагъ*, день *Донара*, или четвергъ; *Фрейтагъ*, пятница (день Фреи). По-шведски среда называется *Оденстагъ*; по-англійски — *Уэднесдей*; вторникъ по-англійски *Тьюсдей*, день Ціо или Тира, олицетворявшагося мечомъ. Германцы вѣрили въ будущую жизнь, по крайней мѣрѣ, для храбрыхъ, на небѣ, съ богами и богинями, которыми управлялъ Вотанъ или Одинъ, въ прекрасномъ дворцѣ *Валгалла*, построенномъ среди облаковъ. Храбрые, по ихъ преданіямъ, тамъ встрѣчались *Валькиріями* („дѣвами битвъ"), приводившими ихъ въ Валгаллу, гдѣ вѣчныя пиршества служили наградой за ихъ подвиги.

„Германская миѳологія, въ своемъ позднѣйшемъ развитіи, пришла въ *Эддахъ* къ мрачной и фантастической космогоніи, носящей на себѣ отпечатокъ дикаго варварства Сѣвера.

„...Дѣтское воображеніе людей переживаетъ всегда одинаковые процессы въ тѣ же періоды развитія; только климатъ придаетъ ихъ созданіямъ различныя краски. Здѣсь встрѣчаются громадные, ужасные призраки, которые страшная природа Сѣвера, — ураганы и туманы, обманчивый свѣтъ сѣверныхъ сіяній, небо, часто покрытое тяжелыми, черными или кроваво-красными тучами, — противуполагаетъ яснымъ, прозрачнымъ, отчетливымъ образамъ, порождаемымъ солнцемъ Юга, съ вѣчно голубымъ, яркимъ и всегда одинаковымъ небомъ.

„...Воинственный, кровавый пылъ, запечатлѣнный религіозностью, проявлялся у германцевъ уже въ ихъ первыхъ столкновеніяхъ съ Римомъ. Ихъ три божества, свойства которыхъ съ трудомъ поддаются опредѣленію, имѣютъ тотъ общій характеръ, что всѣ они—боги войны и насилія. Это — кровавое, тройственное божество. Имъ объясняется вѣрованіе въ загробную жизнь, предназначенную для воиновъ и убійцъ въ дикомъ замкѣ Валгаллы, гдѣ вѣчныя битвы смѣняются вѣчными пирами. Эти неистовые борцы, о которыхъ говоритъ Посидоній въ отрывкѣ, сохраненномъ Страбономъ, эти воины Тацита, опоясанные желѣзнымъ кольцомъ въ теченіе всей своей жизни и образующіе всегда первый рядъ въ битвѣ, съ лицами никогда не смягчающимися, даже въ мирное время, встрѣчаются намъ еще разъ въ скандинавскихъ берзеркерахъ (berserkers), одержимыхъ неистовой страстью убійства и

разрушенія. Умереть, для нихъ значитъ — возвратиться къ Одину, въ Валгаллу, на войну!

„Въ Германіи можно встрѣтить и до сихъ поръ остатки суевѣрій, связанныхъ съ древнимъ культомъ германцевъ и съ легендами Эдды. До настоящаго времени, въ началѣ и въ концѣ лѣта зажигаются огни отъ хребтовъ Норвегіи до холмовъ Швабіи и Австріи. Бѣлые эльфы, опустошавшіе луга, чтобы плести свѣжіе вѣнки для умершихъ, великаны, разбрасывавшіе въ разныхъ мѣстахъ гранитныя глыбы, карлики, истощавшіе серебряные и золотые рудники по скатамъ горъ, Муспилій, духъ озеръ, идизы, кобольды, населявшіе всю природу, духи дома, лѣсовъ, водъ, магическія средства для добраго и злого, сохранявшіяся колдуньями, скакавшими ночью по воздуху и долго справлявшими на Брокенѣ свои шабаши (Вальпургіева ночь), — во всемъ этомъ столько воспоминаній о суевѣріяхъ древней Германіи, что знаменитый Яковъ Гриммъ находилъ особенное удовольствіе отыскивать и толковать ихъ, выказывая при этомъ эрудицію болѣе широкую и глубокую, чѣмъ трезвую и положительную“ [1]).

Вторженіе германскихъ народовъ скорѣе разрушило, чѣмъ обновило Римскую имперію. Первымъ было племя западныхъ готовъ (вестготы), бѣжавшее передъ ордами татарской расы; оно вторглось въ 376 г. въ Восточную имперію и было отброшено на западъ политикой министровъ константинопольскаго императора; послѣ долгихъ передвиженій (по Ѳракіи, Македоніи, Греціи, Иллиріи, Италіи), ему удалось основать государство въ южной Галліи и въ Испаніи (419). Столицей этого государства была Тулуза. *Бургунды*, отдѣлившись отъ главной массы великаго вторженія, которое въ 406—407 гг. пронеслось черезъ Галлію, основали въ горахъ Юры, въ долинахъ Сены и Роны, государство подъ властью короля Гандикара (413). *Свевы* и *вандалы*, составлявшіе главную часть четырехсотъ тысячъ варваровъ, вторгшихся въ 406 г., остались въ Испаніи. Тѣснимые вестготами, они были отброшены — свевы къ сѣверо-западу, а вандалы—къ югу, гдѣ они утвердились въ долинѣ Бетиса, сохранившей ихъ имя, *Андалузія*. Оттуда вандалы перешли въ Африку (430) и создали изъ римской провинціи Африки и южной Испаніи континентальное и морское государство, столицу котораго свирѣпый Гензерихъ помѣстилъ въ *Карѳагенѣ*. На сѣверѣ Галліи, небольшой народъ, часто служившій римлянамъ въ качествѣ союзника, *франки*, подвинулся до Соммы (428).

За этимъ первымъ отрядомъ варваровъ надвинулся страшный на-

---

1) J. Zeller, *Histoire d'Allemagne.*

родъ *гунны*, который, казалось, долженъ былъ покорить всю Европу. Но народы, уже утвердившіеся въ Римской имперіи, не желали лишиться своихъ владѣній. Сидя за обильнымъ пиромъ, они не соглашались его покинуть: франки, бургунды и вестготы присоединились къ остаткамъ римскихъ войскъ въ Галліи и отразили на Каталонскихъ поляхъ (451) натискъ свирѣпыхъ ордъ гунновъ, варварство которыхъ пугало самихъ варваровъ. Татарская раса, вытѣсненная изъ Галліи и выброшенная изъ Италіи, утвердилась на равнинахъ Тиссы, гдѣ она должна была измѣниться, смѣшавшись со славянскими и германскими племенами.

Такимъ образомъ, въ половинѣ V вѣка Западная имперія перестала уже существовать. Римъ, опустошенный вандалами Гензериха, невѣжественная грубость которыхъ навсегда была заклеймена словомъ *вандализмъ* (455), не могъ уже подняться, и имперія просуществовала лишь нѣсколько лѣтъ, чтобы пасть подъ ударами незначительнаго вождя *геруловъ, Одоакра* (476).

Это было еще не все. Второе племя готовъ, восточное *(остготы)*, долгое время подчиненное гуннамъ, возвратило себѣ свободу и спустилось, въ свою очередь, къ югу. *Теодерихъ* обманулъ и убилъ Одоакра и утвердилъ (493) своихъ остготовъ въ Италіи, по сосѣдству съ вестготами южной Галліи. По странному совпаденію, обѣ вѣтви племени готовъ оказались снова вблизи другъ отъ друга, въ томъ же точно порядкѣ, какъ они находились сто лѣтъ тому назадъ, въ обширныхъ равнинахъ Волги, Дона и Днѣпра.

Племя готовъ было наиболѣе многочисленнымъ, лучше организованнымъ и болѣе мягкимъ: оно съ раннихъ временъ было обращено въ христіанство или, по крайней мѣрѣ, въ аріанство и, повидимому, распространило его и на другія родственныя племена. Вестготскіе короли окружили себя блестящимъ дворомъ въ Тулузѣ. Теодерихъ, соединивъ своихъ остготовъ съ итальянскими римлянами, старался возстановлять развалины и воздвигать новыя зданія. Болѣе всѣхъ другихъ варварскихъ вождей, онъ подвергся вліянію древней цивилизаціи и желалъ обновить ее. Своею славой онъ затмевалъ *Хлодвига*, грубаго короля франковъ. Онъ занялъ и оживилъ Римъ.

Обаяніе древняго властелина міра ослѣпляло всѣхъ варварскихъ вождей, и они постоянно мечтали возобновить для себя имперію. Теодерихъ приравнивалъ остготовъ къ римлянамъ. Хлодвигъ украшалъ себя знаками достоинства консула и патриція, присланными Анастасіемъ, императоромъ Востока. Бургундцы, прославившіеся своими рѣзными работами, продолжали заниматься ими, не покидая оружія. Впро-

чемъ, не слѣдуетъ преувеличивать, подобно многимъ современнымъ историкамъ, склонности варваровъ къ сліянію съ римскимъ населеніемъ. Можно сказать, что первые варварскіе короли не имѣли никакой общей идеи объ организаціи и вовсе не заботились о замѣнѣ одной національности другою. Даже Теодерихъ жертвовалъ своею въ пользу національности римской.

Кромѣ того, варвары, утвердившіеся въ мѣстообитаніяхъ этой послѣдней, не были достаточно многочисленны, чтобы быстро обновить населеніе. Численность вестготовъ достигала двухсотъ тысячъ, остготовъ же—была нѣсколько выше; бургундовъ насчитывалось до шестидесяти или восьмидесяти тысячъ, а первые отряды Хлодвига не превышали 5—6 тысячъ человѣкъ. Главной массой, все собою потопившей, были гунны, но они были оттѣснены назадъ.

О характерѣ этихъ варварскихъ царствъ можно составить понятіе, всего болѣе, по ихъ законамъ. Когда разсѣялся первоначальный безпорядокъ, короли вестготовъ, бургундовъ и франковъ почувствовали необходимость обнародовать *уставы* (кодексы), которые отражали бы собою болѣе или менѣе понятія германцевъ и идеи римлянъ, смотря по степени смѣшенія народовъ, побѣдителей съ побѣжденными. *Салическій законъ* или законъ франковъ, составленный при Хлодвигѣ и исправленный при Дагобертѣ, болѣе всѣхъ другихъ сохранилъ германскій отпечатокъ. Какъ говоритъ Гизо,—„текстъ, со множествомъ германскихъ словъ, заключаетъ 80 главъ и 420 статей или параграфовъ; чисто латинскій текстъ имѣетъ лишь 70, 71, 72 главы, согласно различнымъ рукописямъ, и 406, 407 или 408 статей. На первый взглядъ нельзя не поразиться безпорядочностью этого законодательства. Оно касается всего: государственнаго права, гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, сельской полиціи и всевозможныхъ предметовъ, безъ всякаго различія или классификаціи. Если бы статьи всѣхъ нашихъ судебныхъ уставовъ написать каждую отдѣльно, затѣмъ смѣшать ихъ въ одной урнѣ и вынимать одну за другою, то случайный порядокъ, который явился бы при этомъ расположеніи, не отличался бы отъ распредѣленія ихъ въ салическомъ законѣ.

„Если присмотрѣться ближе къ содержанію этого законодательства, то можно замѣтить, что это, главнымъ образомъ, законодательство уголовное, что уголовное право занимаетъ въ немъ первое, почти исключительное мѣсто. Государственное право тамъ проявляется лишь косвенно, въ видѣ намековъ на учрежденія, на факты, разсматриваемые, какъ уже существующіе, которыхъ законъ вовсе не намѣренъ ни устанавливать, ни излагать. По гражданскому праву оно заключаетъ нѣсколько болѣе

опредѣленныхъ постановленій, дѣйствительно, внушительныхъ, включенныхъ намѣренно. Уголовное право преобладаетъ: очевидно, законъ имѣлъ цѣлью подавлять преступленія и налагать наказанія. Это—уголовный кодексъ. Въ немъ насчитывается до 343 уголовныхъ статей и лишь 65 по всѣмъ другимъ предметамъ. Таковъ характеръ всѣхъ зарождающихся законодательствъ; именно при помощи уголовныхъ законовъ, народы дѣлаютъ первый видимый или записанный шагъ, если можно такъ сказать, къ выходу изъ состоянія варварства [1])".

Законъ рипуаріевъ, составленный по повелѣнію Тьерри I, короля Австразіи, и также исправленный при Дагобертѣ, уже проникнутъ римскимъ правомъ. Законъ *бургундовъ*, оставаясь германскимъ, точно также обнаруживаетъ склонность къ заимствованію римскихъ законовъ. Наконецъ, законъ *вестготовъ* (или Forum judicum)—значительный трудъ, плодъ работы нѣсколькихъ вѣковъ, уставъ, гдѣ почти всюду чувствуется римское и христіанское вліянія.

Кромѣ того, продолжало существовать *римское право*, примѣнявшееся къ римскому населенію. Это римское право заключалось въ особыхъ сборникахъ, подобно тому, которое неправильно обозначалось названіемъ *Бревіарія* (сокращенія Алариха II), и было, напротивъ, составлено по законамъ послѣднихъ императоровъ и по юридическимъ трактатамъ, между прочимъ, и Гайя. Произошелъ фактъ, противоположный тому, какой былъ вызванъ римскими завоеваніями, и являющійся всегда, когда цивилизованная страна подпадаетъ подъ власть низшей расы. Римскія преданія поддерживались среди германскихъ обычаевъ, и ихъ вліяніе, мало-по-малу, измѣнило эти послѣдніе.

Эта великая работа продолжалась отъ VI до X вѣка и настолько выдвинула римскія понятія, что царства вестготовъ и остготовъ казались почти римскими государствами, что̀ даже послужило причиной ихъ быстраго упадка.

Племя готовъ, всецѣло перемѣщенное въ имперію, не имѣя возможности обновляться германской кровью, было поглощено прежнимъ населеніемъ. Оно освободилось отъ жестокости, изнѣжилось въ наслажденіяхъ римской цивилизаціи, а южный климатъ окончательно разслабилъ эту крѣпкую народность сѣвера. Вестготы Галліи отступили передъ франками Хлодвига и укрѣпились въ Испаніи (507). Остготы не могли противиться греческимъ войскамъ, правда, подъ предводительствомъ Велизарія, уже покончившаго съ царствомъ вандаловъ въ Африкѣ въ 533 г. Югъ Галліи, хотя и завоеванный франками, и Италія, покорен-

---

[1]) Guizot, *Histoire de la civilisation en France*, I, 2-e leçon.

ная варварами, остались римскими, и именно тамъ еще сохранился живымъ, подъ толстымъ слоемъ пепла, очагъ римскихъ идей.

Франки преобразовались въ римлянъ не такъ скоро, какъ другіе народы, и въ этомъ заключалась главная причина ихъ успѣховъ.

Гораздо менѣе многочисленные, чѣмъ готы, они могли бы быть поглощены быстрѣе, если бы не поддерживали себя военной организаціей. Они вели лагерную жизнь въ поляхъ, сохраняли духъ свободы, принуждали населеніе обработывать для нихъ почву и долгое время жили только грабежомъ. Подвигаясь шагъ за шагомъ, отъ Шельды до Соммы, Сены и Луары, они переходили эту рѣку только для прибыльныхъ набѣговъ. До эпохи Каролинговъ, югъ Галліи оставался почти независимымъ. Бургундія долгое время составляла особое королевство, управляемое, впрочемъ, франкскими принцами. Кромѣ того, франки поддерживались германцами: ихъ постоянно подкрѣплялъ непрерывный наплывъ переселенцевъ. Когда западные или *нейстрійскіе* франки видимо слишкомъ поддавались римской изнѣженности, франки восточные или *австразійскіе* брали надъ ними верхъ и возобновляли поступательное движеніе. Отсюда исходитъ эта, повидимому, необъяснимая судьба, возвысившая франковъ надъ всѣми другими варварскими народами и создавшая изъ нихъ истинныхъ возстановителей Римской имперіи, хотя они долгое время казались самыми слабыми и самыми свирѣпыми изъ ея враговъ.

Для королевства франковъ, сначала столь непокорнаго римскимъ идеямъ, вскорѣ стало яснымъ, какую пользу оно могло извлечь изъ нихъ. Его собственный авторитетъ былъ не проченъ, но когда оно увидѣло, что подчиненные народы выказываютъ ему такое же уваженіе, какъ древнимъ императорамъ, честолюбіе принудило его приравнять свою власть къ императорскому достоинству. Продолжительная борьба Брунегильды съ вассалами, австразійцами, и жестокая ненависть, какую послѣдніе выказывали къ ней, вызвали попытки этой королевы вынудить ихъ къ повиновенію, къ которому пріучены были вассалы Рима. Дагобертъ подражаетъ уже не только пышности, но и тираніи императоровъ. Гордые вассалы, судить которыхъ могли только ихъ *пэры* (равные), подвергаются смертной казни по простому приговору короля. Монарха, сидящаго на тронѣ, окружаютъ *галло-римскіе* совѣтники, умѣло пользующіеся законами и, между прочимъ, древнимъ закономъ объ оскорбленіи *величества*. Нейстрійское королевство сдѣлалось почти римскимъ, и это послужило лишней причиной для упадка Нейстріи. Притѣсненные вассалы ея нашли себѣ пріютъ у австразійцевъ, гдѣ германскій духъ былъ еще настолько живымъ, что уничто-

жилъ даже королевскую власть. *Пепинъ Геристальскій* былъ только военнымъ вождемъ.

Короли франковъ велѣли записать старинные правовые обычаи, какъ мы уже говорили, и хотя салическій законъ значительно отдалялся отъ духа римскаго права, тѣмъ не менѣе, это былъ писанный законъ. Вассалы, столь яростно противившіеся преобразованію королевства, незамѣтно для самихъ себя также подчинились римскимъ понятіямъ о величіи: они украсили себя титулами *графовъ* и *герцоговъ* и находили справедливымъ присвоить себѣ привилегіи римской знати. Общественный строй остался такимъ же, какъ онъ былъ установленъ при имперіи, и размѣры *пени* (wergelda) показываютъ намъ тѣ же общественныя ступени, но, кромѣ того, явилось франкское дворянство. Городскіе жители продолжали заниматься ремеслами. Галлоримляне, которые не были лишены своего имущества на первыхъ порахъ, пріобрѣли значеніе сообразно своему состоянію; они даже считаются равными вождямъ франковъ и раздѣляютъ съ ними почести и *бенефиціи*, или земли, пожалованныя королями [1]).

По размѣрамъ пени (wergelda) можно вывести слѣдующія ступени классовъ:

Спутники короля, цѣна которымъ была назначена въ		1.800 су зол.
Герцоги, епископы отъ	900 до	960 „ „
Лица королевской свиты, вассалы короля, священники, судьи		600 „ „
Свободный франкъ		200 „ „
Свободный варваръ		160 „ „
Рабъ, искусный золотыхъ дѣлъ мастеръ		„ „ „
Римлянинъ-землевладѣлецъ (т.-е. отпущенникъ по римскому обычаю)		100 „ „
Германскій литъ		100 „ „
Рабъ-варваръ		55 „ „
Рабъ-кузнецъ		50 „ „
Рабъ придворной королевской церкви и римлянинъ, платящій подать		45 „ „
Рабъ (у баварцевъ)		20 „ „

Вторженіе окончилось, но рабство осталось, такъ же,какъ и дворянство. Классъ *колоновъ* увеличивается вслѣдствіе бѣдствій того времени,

---

[1]) См. у Григорія Турскаго многочисленные разсказы, въ которыхъ богатые галлоримляне, благороднаго происхожденія, играютъ извѣстную роль.

и рабъ все болѣе и болѣе перемѣщается въ деревню, связывается съ плугомъ.

Всего менѣе подверглись измѣненію *налоги*. Короли франковъ находили удобнымъ поддерживать всегда открытыми эти источники богатства, впрочемъ, достаточно истощенные бѣдствіями вторженій. Фредегонда и Хильперикъ ввели регистрацію налоговъ. Тѣмъ не менѣе, финансовая неопытность королей и министровъ, возрастающее невѣжество, результатъ безконечныхъ войнъ, привели къ разстройству этой части римской администраціи, такъ же, какъ и всѣхъ другихъ частей. Надо только представить себѣ, какою могла оказаться громадная римская административная машина, столь искусная и сложная, когда она приводилась въ движеніе варварами, среди невѣроятнаго безпорядка, происходившаго отъ продолжительнаго столкновенія Нейстріи съ Австразіей. Безъ сомнѣнія, она продолжала дѣйствовать нѣкоторое время, но, мало-по-малу, портилась, какъ остроумно придуманная игрушка, предоставленная прихотямъ ребенка. Въ теченіе періода Меровинговъ, римскія традиціи еще поддерживались, но понемногу уступили мѣсто традиціямъ германскимъ.

Судъ, посредствомъ *испытанія огнемъ* или *поединка*, замѣнилъ римскіе процессы; клятвы *присягателей*, шумно появлявшихся, чтобы свидѣтельствовать о невинности обвиняемаго, заступили мѣсто судебныхъ преній; выкупъ за деньги замѣнилъ наказанія. Тѣлесныя наказанія все болѣе и болѣе примѣнялись къ низшимъ классамъ, уничиженіе которыхъ увеличивалось надменностью благородныхъ франковъ. Появившаяся военная аристократія, не переставшая обогащаться завоеваніями, принимала характеръ, совершенно отличный отъ императорской знати, даже и тогда, когда пополнялась изъ рядовъ послѣдней. Въ началѣ, римская цивилизація могла оказывать вліяніе на франковъ, но эти послѣдніе, дѣлаясь все болѣе и болѣе многочисленными и гордыми, отдавали перевѣсъ собственнымъ обычаямъ, часто несправедливымъ, и своимъ нравамъ, часто грубымъ и жестокимъ. Въ дѣйствительности, вторженіе продолжалось въ Галліи въ теченіе всего Меровингскаго періода, и мракъ сгущался все болѣе и болѣе.

Западъ, раздѣленный на варварскія царства, которыя, такъ сказать, обрушивались другъ на друга, былъ жертвой смуты, вслѣдствіе завоеванія и столкновенія германскихъ и римскихъ нравовъ. Впрочемъ, хотя имперія рушилась, церковь продолжала существовать.

Среди развалинъ, накапливавшихся со всѣхъ сторонъ, поддерживалось религіозное общество, *единое*, несмотря на волновавшіяся среди него многочисленныя секты, *дисциплинированное*, вопреки потрясавшимъ

его раздорамъ, съ *іерархическимъ* строемъ, не замкнутымъ, а открытымъ для новыхъ народовъ, казавшихся ему тѣмъ болѣе пригодными для его цѣли, что они были свободны отъ старыхъ предразсудковъ и легче подчинялись власти. Во время безпорядковъ, происходившихъ отъ вторженій, церковь оставалась единственной властью, оберегавшей города, покинутые представителями власти гражданской. Со времени царствованія Валентиніана II, для городовъ было назначено особое должностное лицо, *защитникъ*; если епископы, какъ это утверждалось безъ всякихъ положительныхъ доказательствъ, и не получали этой законной власти, они, тѣмъ не менѣе, имѣли возможность оказывать принадлежавшее имъ нравственное вліяніе. Они ободряли испуганное населеніе, кормили бѣдныхъ, сносились съ вождями варваровъ. Если было нужно, они умирали на своемъ посту, выказывая твердость и величіе души, доставлявшія имъ благодарность населенія и удивлявшія даже враговъ.

Церковь имѣла особую армію ученыхъ, которые не достигали краснорѣчія св. отцовъ, но, тѣмъ не менѣе, заняли почетное мѣсто среди писателей, каковы, напр., *Сальвіанъ* [1]), который въ своемъ трудѣ *о Царствіи Божіемъ* съ одушевленіемъ доказывалъ, что варвары призваны къ возрожденію общества, или *Сидоній Аполлинарій* [2]), *Письма* котораго представляютъ живую картину безпорядка временъ вторженій, и орый оказалъ въ Клермонѣ, гдѣ онъ управлялъ церковью, энергичное сопротивленіе вестготамъ, стоившее ему изгнанія. Благочестивый епископъ Турскій *Григорій* [3]) смѣло говорилъ съ Хильперикомъ и Фредегондой и оставилъ намъ исторію своего времени, напоминающую своимъ прекраснымъ изложеніемъ Геродота—одинъ изъ самыхъ интересныхъ документовъ объ этомъ смѣшанномъ обществѣ, гдѣ право и нравственность съ такимъ трудомъ боролись противъ грубой силы. Епископъ *Фортунатъ*, въ своихъ латинскихъ стихотвореніяхъ, также оставилъ намъ изображеніе этого страннаго общества, въ которомъ варварскіе нравы смѣшивались съ римскимъ изяществомъ.

Будучи посредницей между варварами и римлянами, церковь подготовляла пути для новой цивилизаціи. Ея храмы, прежде всего, являлись *убѣжищами*. Каждый, кто могъ въ нихъ укрыться, становился неприкосновеннымъ, и сами варвары, разрушившіе сначала столько храмовъ, останавливались теперь передъ ихъ стѣнами, пораженные

---

1) Сальвіанъ род. въ Кёльнѣ или Трирѣ (390—484).

2) Сидоній Аполлинарій род. въ Ліонѣ (430—488).

3) Григорій Турскій род. въ Овернѣ (544—595). Онъ написалъ церковную исторію франковъ, одинъ изъ первыхъ памятниковъ французской національной исторіи.

благоговѣйнымъ страхомъ. *Право убѣжища*, вызвавшее впослѣдствіи столько злоупотребленій и помогавшее преступникамъ, въ основѣ своей, было правомъ безопасности и дѣйствительною защитой.

Санъ, какимъ были облечены епископы и священники, вообще защищалъ ихъ отъ насилій. Поэтому, многіе добивались *тонзуры*, этого признака духовнаго званія, а церковь, для того, чтобы увеличить число лицъ, которымъ она покровительствовала, раздавала тонзуры лицамъ, не имѣвшимъ священства. Она раздавала то, что̀ называется низшими церковными должностями (свѣщеносцевъ, привратниковъ, чтецовъ, заклинателей), увеличивая, такимъ образомъ, число *клириковъ*, принадлежащихъ къ церкви, не подчиненныхъ строгимъ правиламъ, обязательнымъ для священниковъ, но, тѣмъ не менѣе, пользовавшихся ихъ привилегіями. Множество свѣтскихъ лицъ, въ особенности, больные, отпущенники и рабы, испрашивали для себя тонзуру и причислялись къ клирикамъ. Такъ образовался цѣлый классъ духовныхъ лицъ, изъ котораго выбирались священники и епископы, тѣмъ болѣе расположенные покровительствовать низшимъ классамъ, что сами происходили изъ нихъ.

Хотя церковь по-прежнему была подчинена гражданской власти, находившейся въ рукахъ варваровъ, и иногда грубо заставлявшей чувствовать себя, она все болѣе и болѣе стремилась стать самостоятельнымъ обществомъ. У нея были свои особыя правила, свои уставы или *каноны*, свое духовное вѣдомство, но она не замедлила также изъять церковниковъ изъ вѣдѣнія гражданскаго суда. Это послужило источникомъ столкновеній въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

Церковь установила свои собранія, или соборы [1]), которые были часты въ первые вѣка и оказывали значительное вліяніе. Они помогали церкви не только поддерживать ея ученіе и дисциплину, но и смягчать законодательство и постоянно требовать новыхъ привилегій. У испанскихъ вестготовъ, принявшихъ католицизмъ въ VII вѣкѣ, соборы почти отождествлялись съ народными собраніями, и законъ Forum judicum былъ дѣломъ толедскихъ соборовъ. У франковъ тѣ и другіе не смѣшивались между собою, но епископы засѣдали и на народныхъ собраніяхъ; уставъ этихъ собраній при Клотарѣ II (615 г.) былъ обязанъ своимъ появленіемъ преобладанію епископовъ на одномъ изъ такихъ собраній.

---

[1]) Въ IV и V вв. частные соборы были многочисленны. Въ Галліи ихъ было 15 въ IV и 25 въ V вѣкѣ. См. списокъ соборовъ въ *Исторіи французской цивилизаціи* Гизо, т. I.

Отлученіе было орудіемъ, посредствомъ котораго церковь добивалась своихъ требованій. Лишенные матеріальной силы, епископы могли оказывать вліяніе на варваровъ лишь посредствомъ наказаній нравственнаго характера. Отлученный устранялся отъ церкви; а такъ какъ церковью было все общество, онъ оказывался отлученнымъ отъ всего міра. Отлученіе объявлялось при устрашающей обстановкѣ и казалось прообразомъ смерти, даже вѣчной, если виновный не вымаливалъ себѣ прощенія. Церковь, убѣдившись въ силѣ этого духовнаго орудія, пользовалась имъ впослѣдствіи до злоупотребленія и слишкомъ часто обращалась къ нему для достиженія своихъ земныхъ выгодъ.

Кромѣ того, короли и вожди варваровъ, въ пылу своего усердія или въ промежутки между своими насиліями, переполняютъ церкви богатыми дарами, находя болѣе удобнымъ искупать свои грѣхи щедростью, чѣмъ раскаяніемъ, къ которому мало были склонны. Бѣдствія того времени усиливали благочестіе, и епископы видѣли, какъ прибываютъ дары въ видѣ земель и людей. Множество несчастныхъ, въ качествѣ *крѣпостныхъ*, отдавали себя церкви: они искали въ ней облегченія въ своихъ настоящихъ бѣдствіяхъ и увѣренности въ будущемъ спасеніи. Богатство церкви было послѣдствіемъ и вѣнцомъ ея могущества.

Вскорѣ церковь нашла дѣятельныхъ помощниковъ въ лицѣ монаховъ. Эти пустынники, уединявшіеся отъ міра, оказали ей, тѣмъ не менѣе, наиболѣе важныя услуги. Отдававшіеся сперва исключительно *молитвѣ*, они стали принуждать себя къ *труду* и приняли знаменитыя правила, установленныя *св. Бенедиктомъ Нурсійскимъ* въ 528 г. при монастырѣ въ Монте-Кассино. Знаменитый уставъ св. Бенедикта былъ распространенъ его учениками, изъ которыхъ самымъ дѣятельнымъ былъ *св. Мавръ*, и примѣнялся ко всѣмъ монастырямъ Запада.

«Первой половинѣ пятаго вѣка,—говоритъ Гизо [1]),—принадлежитъ основаніе почти всѣхъ большихъ монастырей въ южныхъ провинціяхъ. Св. Кастору, епископу въ Аптѣ, около 422 г., приписываютъ основаніе монастыря св. Фаустина въ Нимѣ и еще другого, въ его же діоцезѣ. Около того же времени, Кассіанъ учредилъ въ Марселѣ монастырь св. Виктора; св. Гонoратъ основалъ самый знаменитый, того времени, монастырь Лереновъ, на одномъ изъ Гіерскихъ острововъ; немного позднѣе возникли монастыри Кондатскій или св. Клода во Франшъ Контэ, Гриньи—въ віэнскомъ діоцезѣ и многіе другіе, менѣе значительные. Первоначальный характеръ этихъ галльскихъ монастырей вполнѣ отличался отъ монастырей восточныхъ. На Востокѣ монастыри имѣли цѣлью,

1) Guizot, *Histoire de la civilisation*, t. I, 4-e leçon.

главнымъ образомъ, уединеніе и созерцаніе; люди, удалявшіеся въ Ѳиваиду, хотѣли скрыться отъ удовольствій, соблазновъ, отъ испорченности гражданскаго общества; они хотѣли отдаться, внѣ всякаго общенія съ обществомъ, порывамъ своего воображенія и строгимъ требованіямъ своей совѣсти. На Западѣ, несмотря на подражаніе Востоку, монастыри имѣли иное происхожденіе: начало ихъ было положено общностью жизни, необходимостью не въ уединеніи, а въ союзѣ съ подобными себѣ. Гражданское общество подвергалось всевозможнымъ бѣдствіямъ; народное провинціальное или городское общество распадалось во всѣхъ частяхъ; люди, желавшіе разсуждать, дѣйствовать, жить вмѣстѣ, не имѣли ни центра, ни пріюта. Все это они находили только въ монастыряхъ, и монастырская жизнь, при своемъ зарожденіи, не имѣла характера ни созерцательнаго, ни уединеннаго; напротивъ, это была жизнь вполнѣ общественная и дѣятельная; она зажгла очагъ умственнаго развитія, она послужила орудіемъ для броженія и распространенія идей. Монастыри на югѣ Галліи были философскими школами христіанства: тамъ размышляли, спорили, учили; оттуда исходили новыя идеи, смѣлыя мысли, ереси. Въ аббатствахъ св. Виктора и Лереновъ возникали и вызывали оживленные споры вопросы о свободѣ воли, предопредѣленіи, благодати, первородномъ грѣхѣ, а мнѣнія пелагіанцевъ находили тамъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, наибольшую поддержку и опору».

19905

Монахи углублялись въ страны наиболѣе дикія или одичавшія послѣ вторженій. Они распахивали и обработывали новыя земли, засѣвали ихъ, возвращая почетъ ручному труду, обучая способамъ обработки земли и преображая пустыни въ богатыя и плодородныя страны. Цѣлыя области, какъ, напримѣръ, Бри, земли по сосѣдству съ Вогезами, были разработаны такимъ образомъ. Аббатства въ часто опустошавшейся Галліи въ то время походили на оазисы. Священный характеръ монастырей защищалъ всѣ принадлежащія ему земли и, вслѣдствіе того, не допускалъ распространенія продолжительнаго запустѣнія. Къ земледѣльческому труду монахи присоединяли и умственную работу. Они переписывали рукописи, открывали школы и поддерживали среди общества, вернувшагося къ невѣжеству, слабый свѣтъ науки, котораго было достаточно, чтобы оживить впослѣдствіи всю область знанія.

Монастыри Галліи и, въ особенности, Ирландіи и Шотландіи выслали множество миссіонеровъ, которые проникали въ Германію и въ страны Сѣвера, проповѣдуя христіанскую вѣру, стараясь остановить вторженія, всегда готовыя начаться снова, и принося варварскимъ народамъ вѣру и цивилизацію.

Римскіе епископы, благодаря самому факту нашествія, освободились отъ непосредственнаго подчиненія гражданской власти, и хотя и были какъ будто подчинены константинопольскимъ императорамъ, но мало-по-малу привыкли считать себя владыками Рима и принадлежавшихъ ему земель. Ихъ главенство, долго оспариваемое другими епископами, прочно установилось на Западѣ.

Кромѣ того, они сами отправляли миссіонеровъ, на обязанности которыхъ лежала проповѣдь Евангелія въ языческихъ странахъ. *Св. Григорій Великій* въ концѣ VI вѣка послалъ монаха *Августина* для обращенія англо-саксонскихъ королей (597). *Англо-саксонская* церковь сразу, съ самаго начала своего существованія, была непосредственно подчинена римскому архіепископу. Св. Григорій удачно воспользовался и вторженіемъ ломбардовъ въ Италію, и паденіемъ греческаго владычества на полуостровѣ, чтобы еще болѣе ослабить связи, соединявшія его съ императоромъ въ Константинополѣ. Народная любовь, пріобрѣтенная имъ въ Римѣ во время защиты послѣдняго, провозгласила его истиннымъ главою римской территоріи, называемой *наслѣдіемъ святого Петра*, и именно ему слѣдуетъ приписать происхожденіе *свѣтской власти* папъ, основанной около того же времени, когда на Западѣ развивалось ихъ духовное могущество.

Папы, признанные верховными начальниками церкви, обративъ въ христіанство ломбардовъ, благодаря вліянію *Теодолинды*, и испанскихъ вестготовъ, при содѣйствіи *Рекареды*, вскорѣ пріобрѣли новыя силы, вслѣдствіе союза съ вождями австразійскихъ франковъ.

Безъ сомнѣнія, церковь получила большія выгоды отъ союза съ Меровингами: она пріобрѣла власть и богатство. Во всякомъ случаѣ, хотя епископамъ часто принадлежала преобладающая роль въ исторіи Меровинговъ, эти послѣдніе, будучи грубыми и дикими, развращенными и свирѣпыми, дурно обращались съ епископами и миссіонерами, смѣло упрекавшими ихъ за преступленія [1]).

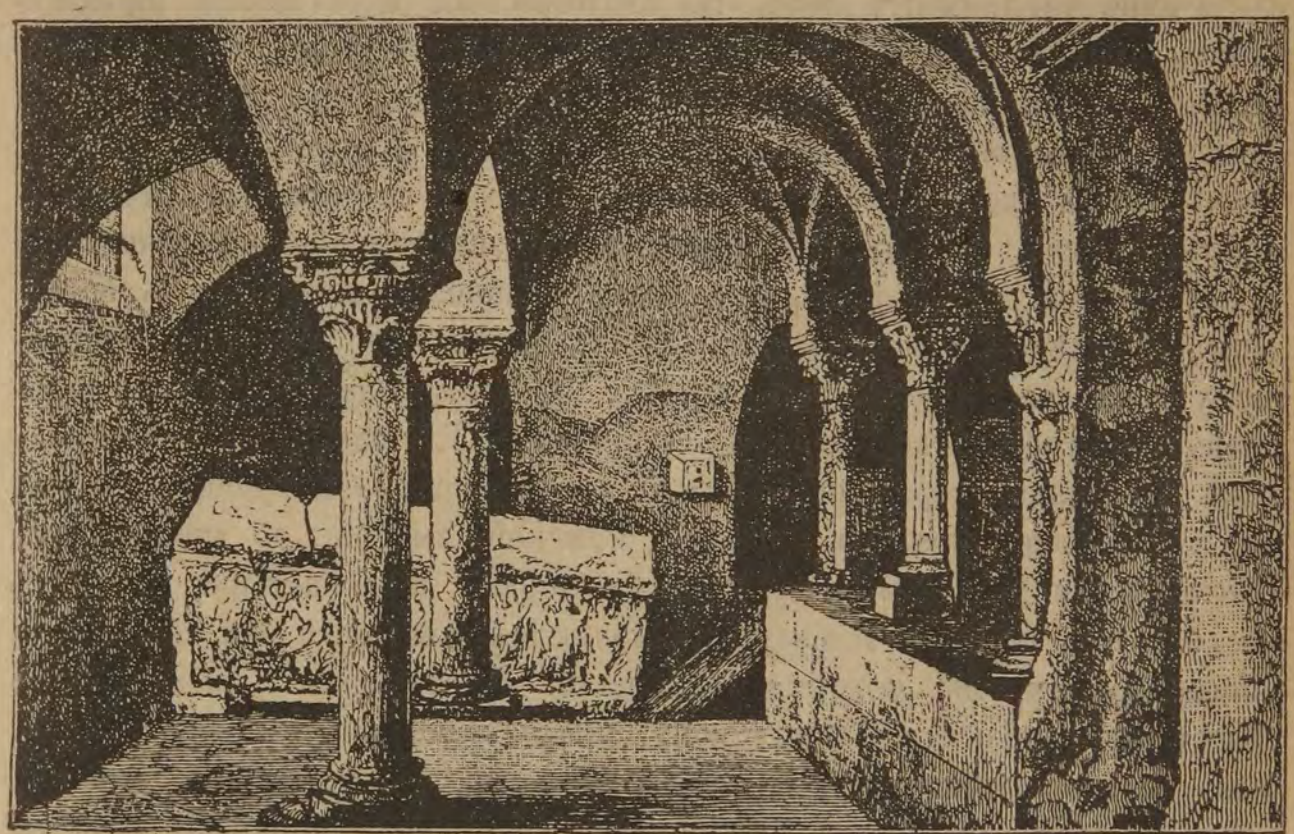
Хотя Меровинги надѣялись иногда загладить свои преступленія пожертвованіями въ пользу церквей, они не стѣснялись грабить эти церкви въ пользу своихъ вассаловъ. Они отнимали дарованныя земли и вознаграждали ими своихъ воиновъ, вводя, такимъ образомъ, въ ряды церкви людей крови и грабежа. Въ VII и VIII вѣкахъ церковь въ Галліи была совершенно искажена этимъ вторженіемъ особаго рода.

---

[1]) Фредегонда обвиняла передъ соборомъ *Григорія Турскаго*, не желавшаго принимать участія въ ея интригахъ. Она велѣла убить *Претекстата*, епископа Руанскаго. Брунегильда нѣсколько разъ изгоняла *св. Коломбана* изъ его монастыря въ Люксейлѣ. Она велѣла побить камнями *св. Дидье*, епископа въ Вьеннѣ и т. п.

Епископы, прежде выбиравшіеся духовенствомъ и народомъ, стали назначаться королемъ. Поэтому, тѣ изъ епископовъ, которые сохранили чистоту вѣры и нравовъ, сокрушались обо всѣхъ этихъ безпорядкахъ, послѣдствія которыхъ могли быть пагубны для религіи. Они съ радостью привѣтствовали фамилію *Пепиновъ*, явившуюся на смѣну выродившейся семьѣ Меровинговъ.

Извѣстная своимъ благочестіемъ, такъ же, какъ и храбростью, эта австразійская фамилія покровительствовала миссіонерамъ въ Германіи. Рукою *Карла Мартела* она остановила вторженіе мусульманъ въ



Погребальный склепъ Меровинговъ.

знаменитомъ сраженіи при Пуатье (732). Папство поспѣшило воспользоваться случаемъ вмѣшаться въ столь важный вопросъ, какъ перемѣна династіи. Папа Захарій, спрошенный Пепиномъ Короткимъ въ 752 г. о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать съ меровингскимъ королемъ, отвѣчалъ: „Титулъ долженъ принадлежать тому, кто имѣетъ власть". Пепинъ объявилъ себя королемъ и затѣмъ былъ коронованъ архіепископомъ Майнцскимъ, а во второй разъ—папою Стефаномъ II.

Въ благодарность за то, Пепинъ разбилъ ломбардцевъ и предоставилъ папѣ *Равенскій экзархатъ* и Пентаполь (756), создавъ для него государство, сдѣлавъ его королемъ, на подобіе другихъ королей, и обезпечивъ ему независимость въ тотъ вѣкъ, когда не признавалось

власти безъ земли и права безъ силы. Между королемъ франковъ и папою произошелъ тогда своеобразный обмѣнъ. Папа, въ силу священнаго помазанія, заимствованнаго у евреевъ, придалъ франкскому королевскому достоинству священный характеръ. Пепинъ превратилъ чисто духовнаго вождя въ военачальника. Такъ, въ 752 и 756 гг. образовались двѣ новыя власти—духовное королевство и королевское папство. Послѣдствія этой важной перемѣны должны были наполнить собою исторію среднихъ вѣковъ и позднѣйшаго времени.

Этотъ простой фактъ указываетъ весь путь, пройденный церковью въ теченіе четырехсотъ лѣтъ. Въ IV вѣкѣ она едва могла противустоять гоненіямъ, а нашествіе варваровъ, повидимому, должно было увлечь ее къ паденію вмѣстѣ съ имперіей. Въ VIII вѣкѣ глава ея становится властителемъ Рима и значительной провинціи въ Италіи. Въ IV вѣкѣ она едва только организовалась и отбивалась отъ множества ересей, которыя опровергались ея знаменитѣйшими учителями и осуждались ея соборами. Она была подчинена императору Константину, предсѣдательствовавшему на духовныхъ собраніяхъ и ставившему свои законы выше догмата. Въ VIII вѣкѣ она была уже независима и господствовала надъ королями. Ея власть увеличивалась какъ въ распространеніи, такъ и въ обаяніи. Она проникаетъ уже по ту сторону границъ древней Римской имперіи, до дикихъ горъ Шотландіи и до лѣсовъ Германіи. Ея церкви и монастыри походятъ на богатые города. Варвары поклоняются тому, что они сжигали, и обогащаютъ храмы, которые расхищали. Потрясенное и разстроенное гражданское общество, повидимому, предназначенное къ уничтоженію, было спасено церковью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, до извѣстной степени, подпало подъ ея опеку. Всѣ боровшіяся съ нею варварскія царства исчезли. Вестготы-аріане были разбиты Хлодвигомъ въ такой степени, что впослѣдствіи не въ силахъ уже были защищать Испанію отъ арабовъ. Остготы-аріане были истреблены греками. Бургундцы-аріане были поглощены франками. Враждебные ломбардцы, хотя и католики, должны были также исчезнуть, подавленные франками.

Франки побѣждали для церкви и торжествовали, благодаря ей. Они воспользовались выгодами религіознаго единства, возстанавливая въ свою пользу единство политическое. Это составляетъ результатъ, къ которому пришла долгая смута періода вторженій. На короткое время эта смута пріостановилась; сильно потрясенное общество начинаетъ успокоиваться; цивилизація, почти уничтоженная, начинаетъ пробуждаться. Столь затруднительное соглашеніе между принципами Германіи и геніемъ Рима наступаетъ, на нѣкоторое время, подъ вліяніемъ ка-

толицизма. Въ продолженіе вѣковъ церковь трудилась надъ смягченіемъ варваровъ и поднятіемъ римлянъ и считала свое дѣло столь удачно выполненнымъ, что сочла возможнымъ возстановленіе титула римскаго императора для одного изъ вождей франковъ, наиболѣе прославленнаго потомка Пепиновъ, для Карла Великаго.

ГЛАВА II.

Восточная имперія.—Возстановленіе западной имперіи.

Восточная имперія; Юстиніанъ.—Законодательные труды Юстиніана; памятники римскаго права.—Роскошь императоровъ Востока; игры въ циркѣ; партіи Голубыхъ и Зеленыхъ.—Византійское искусство.—Живопись, мозаика.—Секта иконоборцевъ.—Раздѣленіе церквей (857—1054).—Слабость и долговѣчность Византійской имперіи.—Западъ; Карлъ Великій и его войны; преобразованіе Саксоніи.—Возобновленіе Западной имперіи; коронованіе Карла Великаго (800).—Правленіе Карла Великаго; римскія традиціи. — Организація духовенства. — Умственное возрожденіе. — Германскія традиціи.—Характеръ созданія Карла Великаго; его результаты.

Въ то время, какъ Западъ, среди царствовавшаго мрака, дѣлалъ усилія соединить свои распавшіяся части, Востокъ оставался объединеннымъ. Несмотря на слабость Аркадія и Ѳеодосія II, варвары не тревожили его. Маркіанъ даже произнесъ гордую рѣчь посланнымъ Аттилы. *Анастасій,* льстившій королю франковъ Хлодвигу, надѣляя его римскими титулами, построилъ между Понтомъ Эвксинскимъ и Пропонтидой укрѣпленную стѣну, длиною около 70 верстъ. Ѳракіецъ *Юстинъ I* былъ воиномъ. Племянникъ его *Юстиніанъ* (527—565), будучи искуснымъ правителемъ, воспользовался ослабленіемъ варварскихъ племенъ, овладѣвшихъ южной Европой, и почти достигъ объединенія обѣихъ половинъ римской имперіи [1]). Его полководецъ Велизарій однимъ сильнымъ ударомъ опрокинулъ царства вандаловъ (533) и гòтовъ—въ Италіи (540—553). Бассейнъ Средиземнаго моря, кромѣ побережій части Испаніи и Галліи, подчинился законамъ Константино-

---

[1]) *Повелители Восточной имперіи.* Первый *Ѳракійскій* домъ: Аркадій, Ѳеодосій II, Маркіанъ, Левъ I, Зенонъ, Анастасій (395—518)..

Второй *Ѳракійскій* домъ: Юстинъ I (518—527), Юстиніанъ (527—565), Юстинъ II, Тиверій II, Маврикій, Ѳока (565—610), Гераклій (610—641).

Домъ *Гераклидовъ* (641—715), анархія, домъ *Исаврійскій* (717—813), домъ *Фригійскій* (820—842), домъ *Македонскій* (867—1081), домъ *Комненовъ* (1081—1204), Латинская имперія, домъ *французскій* (1204—1261), Греческая имперія, домъ *Палеологовъ* (1261—1453).

поля. Юстиніанъ, какъ законодатель, пріобрѣлъ выдающееся мѣсто въ исторіи.

Установленное вѣками, но пришедшее въ безпорядокъ, римское право представляло собою множество запутанныхъ опредѣленій. Для разъясненія этого хаоса, уже были сдѣланы попытки (кодексы Григоріанскій и Гермогіанскій и кодексъ Ѳеодосія II). Юстиніанъ образовалъ коммиссію изъ девяти ученыхъ подъ руководствомъ знаменитаго *Трибоніана,* пересмотрѣвшую всѣ памятники юридической литературы и обнародовавшую, во 1-хъ, *Кодексъ*, собраніе всѣхъ декретовъ и указовъ, относящихся къ *общественному праву*, къ организаціи государства и администраціи; 2) *Пандекты* (по-гречески, всеобщій сборникъ), родъ энциклопедіи права, въ которомъ были собраны постановленія, заимствованныя болѣе, чѣмъ изъ двухъ тысячъ юридическихъ трактатовъ, эдиктовъ, приговоровъ и т. д., громадный сводъ, называемый по-латыни *Дигестомъ* (приведенный въ порядокъ) [1]); 3) сокращеніе предыдущаго, *Институты*, гдѣ главныя начала права были изложены въ систематическомъ порядкѣ, яснымъ и точнымъ языкомъ, заимствованнымъ, впрочемъ, изъ трудовъ Гайя и Ульпіана; 4) *Новеллы*, или законы, обнародованные послѣ всѣхъ этихъ работъ. Всѣмъ, желающимъ углубиться въ изученіе римскаго

Греческій императоръ Анастасій.

[1]) *Digerere*—приводить въ порядокъ.

права, необходимо отдать много времени Пандектамъ. Институты—классическая книга, чтеніемъ и объясненіемъ которой должны заниматься студенты юридическихъ факультетовъ, такъ какъ для пониманія новѣйшаго права, въ особенности, западнаго, необходимо точное знаніе римскаго права.

Изъ этихъ сводовъ и изложеній, относящихся къ VI вѣку, когда христіанство вполнѣ уже восторжествовало надъ язычествомъ, могли быть устранены всѣ грубые и узкіе элементы древняго права. Новое римское право, поддерживавшееся на Востокѣ до XV вѣка, не чуждое и Западу, въ особенности,—Италіи, оставалось сокровищемъ, завѣщаннымъ древнимъ міромъ на пользу новѣйшаго. Эти законы, справедливые въ частныхъ примѣненіяхъ, поддерживали абсолютную власть, какъ единственный источникъ живого „права“, по выраженію юрисконсультовъ, у которыхъ законовѣды среднихъ вѣковъ заимствовали понятія о необходимости усилить королевскую власть для возстановленія нарушеннаго общественнаго порядка.

Восточная имперія сіяла яркимъ блескомъ, скрывавшимъ ея недостатки. Ея правители поддерживали роскошь Діоклеціана и Константина, усиливая ее всѣми восточными прихотями. Аркадій и его преемники выходили всегда окруженные стражей въ великолѣпныхъ одеждахъ, съ золочеными щитами и золочеными копьями. Они ѣздили въ колесницахъ, украшенныхъ листами золота и драгоцѣнными камнями и запряженныхъ бѣлыми мулами. Они имѣли на себѣ браслеты и серьги, діадемы, унизанныя алмазами, верхнія одежды, покрытыя тѣми же камнями, туники съ богатымъ шитьемъ и такую же обувь. Дворцовыя залы, лѣстницы и дворы посыпаны были золотымъ пескомъ. Константинополь сдѣлался великолѣпнымъ городомъ, украшеннымъ всевозможными зданіями. Гипподромъ, огромный портикъ, обрамлялъ обширное пространство, въ которомъ происходилъ бѣгъ колесницъ и исполнялись торжественно мирныя игры, замѣнившія бои гладіаторовъ, не допущенные христіанской религіей. Окружимъ мысленно огромнымъ зданіемъ мѣста нынѣшнихъ скачекъ или бѣговъ, и мы будемъ имѣть возможность представить себѣ великолѣпіе этого гипподрома, въ которомъ тѣснилась константинопольская толпа, относившаяся болѣе страстно къ играмъ цирка, чѣмъ современные намъ англичане и французы относятся къ конскому спорту.

„Юстиніанъ выбралъ въ театрѣ императрицу Ѳеодору; она управляла имъ съ властностью, не имѣющей примѣра въ исторіи; внося безпрестанно въ государственныя дѣла страсти и прихоти своего пола, она уничтожала плоды самыхъ счастливыхъ побѣдъ и успѣховъ...

„Населеніе Константинополя во всѣ времена раздѣлялось на двѣ партіи—*голубыхъ* и *зеленыхъ*; началомъ ихъ послужило предпочтеніе, отдаваемое въ театрахъ однимъ актерамъ передъ другими. Въ играхъ цирка колесницы съ возницами, одѣтыми въ зеленый цвѣтъ, оспаривали призъ у колесницъ съ голубыми возницами; каждый съ величайшей страстностью принималъ участіе въ этой борьбѣ. Обѣ партіи, распространенныя во всѣхъ городахъ имперіи, доходили до бо̀льшаго или меньшаго неистовства, смотря по величинѣ города, т.-е. по числу праздныхъ людей. Эти раздѣленія могли быть только роковыми для Восточной имперіи, потому что они могли вести лишь къ смѣнѣ правителей, а не къ возстановленію законовъ и прекращенію злоупотребленій.

„Юстиніанъ, покровительствовавшій Голубымъ и отказывавшій во всякой справедливости Зеленымъ, обострилъ вражду обѣихъ партій и, слѣдовательно, усилилъ ихъ. Дѣло дошло до того, что власть должностныхъ лицъ утратила всякую силу. Голубые не боялись законовъ, потому что находили въ императорѣ защиту противъ нихъ; Зеленые перестали уважать законы, потому что не видѣли въ нихъ охраны для себя.

„Связи дружбы, родства, долга, признательности, не чувствовались болѣе; одна семья уничтожала другую; каждый злодѣй, желавшій совершить преступленіе, примыкалъ къ партіи Голубыхъ: каждый, терпѣвшій отъ варваровъ или убійцъ, принадлежалъ къ партіи Зеленыхъ“ (Монтескьё).

Въ Византійской имперіи было свое искусство, отличавшееся стремленіемъ къ обилію украшеній. На Востокѣ церкви строились въ видѣ четвероугольника, круга или многоугольника. Храмы увѣнчивались сводомъ въ формѣ купола, что̀ отличало ихъ отъ латинскихъ церквей, имѣвшихъ призматическую или остроугольную крышу, даже въ томъ случаѣ, когда онѣ были круглыми. Этимъ правиломъ руководились Исидоръ Милетскій и Артемій Тральскій, которымъ Юстиніанъ поручилъ построеніе церкви св. Софіи въ Константинополѣ [1]).

---

[1]) Средняя часть церкви св. Софіи имѣетъ форму греческаго креста; четыре придѣла, неравной длины, занимаютъ углы зданія; обширный средній куполъ кажется тѣмъ болѣе широкимъ, что онъ, сравнительно, не высокъ. Эта церковь, превращенная теперь въ мечеть, имѣетъ 41 сажень въ одномъ направленіи, и 37—въ другомъ. При входѣ въ нее, зрителя поражаютъ величіе замысла и удачное сочетаніе изящной округлости съ прямолинейностью. Вокругъ церкви обширныя каѳедры поддерживаются богатыми круглыми галлереямъ. Къ несчастью, мусульмане уничтожили украшенія св. Софіи. Уцѣлѣлъ только драгоцѣнный полъ, всегда покрытый циновками и коврами. Храмъ былъ посвященъ *Божественной Мудрости*.

Кромѣ куполовъ, византійскій стиль характеризуется горизонтальными и вертикальными линіями кирпичей и круглыми или слегка изогнутыми черепицами.

Куполы стали съ тѣхъ поръ типами византійскаго стиля, соединявшаго благородство прямыхъ линій съ изяществомъ кривыхъ, но стремившагося скорѣе къ пышности, чѣмъ къ величественности. Юстиніанъ вывезъ часть украшеній изъ древнихъ храмовъ Азіи и украсилъ новое зданіе колоннами порфира и гранита; онъ расположилъ ихъ внутри зданія и съ восхищеніемъ восклицалъ:—„Соломонъ, я побѣдилъ тебя!“

Торжество христіанства было роковымъ для ваянія и живописи древнихъ. Въ своемъ рвеніи къ новой религіи, христіане принялись уничтожать языческія статуи и картины. Но христіанская живопись не могла тотчасъ же замѣстить языческую, и искусство, такъ сказать, было утрачено. Отсутствіе изящнаго вкуса, кромѣ того, заставляло всего болѣе цѣнить богатство украшеній, и *мозаика* вытѣснила живопись. Къ такому результату пришло искусство византійскихъ грековъ.

Страсть къ религіознымъ спорамъ, безпрерывно волновавшая Восточную имперію, также принесла величайшій вредъ искусству. Секта иконоборцевъ преслѣдовала церковное ваяніе и живопись, утверждая, что почитаніе иконъ было лишь возвращеніемъ къ идолопоклонству. Такіе императоры, какъ Левъ Изаврянинъ (726 г.), Левъ Армянинъ и Михаилъ Заика, покровительствовали этой фанатической сектѣ и нетолько велѣли истребить значительное число произведеній искусства, но не допускали никакой живописи въ церквахъ. Лишь въ IX в. (въ 867 г.) возстановленіе почитанія иконъ вновь возродило живопись.

Богословскіе споры, превращавшіеся иногда въ настоящія междоусобныя войны, привели греческую церковь къ отдѣленію отъ латинской. Греки возставали противъ прибавленія слова *Filioque*, не допуская въ Символѣ Никейскаго собора этихъ словъ, которыми утверждалось, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и отъ Сына. Они держались также особаго мнѣнія по вопросу объ иконахъ; въ таинствѣ причащенія употребляли кислый хлѣбъ, а не прѣсный; допускали бракъ священниковъ, погруженіе при крещеніи, и въ богослуженіи пользовались исключительно греческимъ языкомъ.

Истинной причиной раздѣленія былъ духъ независимости греческаго міра, становившагося все болѣе и болѣе чуждымъ западному, который казался ему варварскимъ. Греческая церковь не хотѣла подчиняться латинской, и Константинополь считалъ унизительнымъ получать приказанія изъ Рима. Утвержденіе Фотія на патріаршемъ престолѣ

въ Константинополѣ въ 857 г., совершившееся несмотря на противодѣйствіе папы Николая I, вызвало разрывъ. Фотій оспаривалъ власть римскаго архіепископа и, поддерживаемый константинопольскимъ дворомъ, остался главою греческой церкви. Не одинъ разъ дѣлались попытки къ примиренію обѣихъ церквей, но онѣ не имѣли успѣха; въ 1054 г. раздѣленіе церквей было признано окончательнымъ.

Это раздѣленіе, имѣвшее скорѣе политическую, нежели духовную основу, должно было повести къ важнымъ послѣдствіямъ. Римъ терялъ власть надъ извѣстною частью христіанства. Кромѣ того, славянскій міръ, примыкавшій къ Константинополю, былъ обращенъ въ греческую вѣру. И теперь еще вся Восточная Европа не признаетъ власти Рима. Папы, раздраженные отпаденіемъ Восточной имперіи, оставляли безъ вниманія жалобы ея правителей, тѣснимыхъ турками. Только тогда, когда они увидали, что Европѣ угрожаетъ серьезная опасность, они вызвали движеніе, называемое Крестовыми походами.

Византійская имперія прожила болѣе тысячи лѣтъ и во все это время казалась близкой къ гибели. Это—одна изъ историческихъ задачъ, недостаточно привлекавшихъ къ себѣ вниманіе ученыхъ, которымъ, быть можетъ, не хотѣлось вдаваться въ исторію Византійскаго двора, исполненную трагическихъ событій, не рѣдко ужасныхъ—умерщвленій цѣлыхъ семействъ, отравленій, истязаній, сценъ разврата и жестокости.

Въ Византіи не было опредѣленнаго порядка престолонаслѣдія. Престолъ отдавался по выбору возмутившагося войска или вслѣдствіе дворцовой революціи, или же захватывался путемъ преступленія. Судьба и интрига возводили на него людей всѣхъ національностей,—оракійцевъ, африканцевъ, фригійцевъ и проч., и всякаго происхожденія—пастуховъ, сдѣлавшихся воинами, а затѣмъ министрами, землепашцевъ и т. д. Не смотря на видимую демократичность такого правленія, прихоть императоровъ или императрицъ была единственнымъ закономъ. На продажную и рабскую толпу, окружавшую ихъ, Востокъ оказывалъ свое роковое вліяніе, и у самыхъ безнравственныхъ правителей всегда оказывались многочисленные приверженцы. Знаменитая *Ирина*, современница Карла Великаго, велѣла выколоть глаза своему родному сыну, чтобы вступить послѣ него на престолъ; она была низвергнута дворцовымъ заговоромъ и отправлена на Лесбосъ, гдѣ должна была заниматься пряжей шерсти. Левъ V, армянинъ, былъ убитъ въ своей часовнѣ, у подножія креста. Михаилъ III (842—867) велъ свое происхожденіе отъ Нерона, которому желалъ подражать во всемъ. Онъ раздавалъ государственную казну самымъ низменнымъ личностямъ,

диктовалъ свои кровавые приказы среди оргій, оскорблялъ религію и нарушалъ со своими развратными друзьями порядокъ крестныхъ ходовъ, встрѣчая ихъ на улицахъ Константинополя. Онъ только-что далъ титулъ августа простому матросу, когда былъ убитъ самъ, вмѣстѣ со своимъ преемникомъ, находясь въ полномъ опьяненіи. Въ XI в. смута увеличилась еще болѣе, и почти невозможно слѣдить за дворцовыми возмущеніями, передававшими власть въ руки все болѣе и болѣе недостойныя. Двѣ женщины, Зоя и другая Ѳеодора, играли въ этихъ трагедіяхъ отвратительную роль.

Византійская императрица.

Византійская имперія, однако, долго сопротивлялась этому разложенію и погибла лишь подъ ударами внѣшнихъ враговъ. Многочисленные и могущественные враги, въ теченіе десяти вѣковъ, почти не давали ей отдыха; это были на сѣверѣ *авары* и *болгары,* а впослѣдствіи—*русскіе,* на югѣ—*персы*, затѣмъ *арабы,* и, наконецъ, *турки.* Счастливое положеніе Константинополя и даровитые полководцы долгое время устраняли опасность. Греческая имперія, при всѣхъ ея порокахъ, служила защитою для Европы. Въ теченіе многихъ вѣковъ, она не допускала въ нее турокъ, господство которыхъ должно было оказаться роковымъ для занятыхъ ими странъ. Она сдерживала населеніе Балканъ и славянъ Дунайской долины и ввела среди нихъ цивилизацію такъ же, какъ и среди народовъ долины Днѣпра. Русская цивилизація исходитъ отъ цивилизаціи греческой.

Кромѣ того, Византійская имперія сохранила греческую литературу: въ ней было множество ученыхъ и учителей, которые впослѣдствіи должны были распространить на Западѣ свою науку и сокровища древности. Безъ сомнѣнія, этотъ народъ находился въ упадкѣ; онъ утратилъ энергію, погрязъ въ ничтожныхъ пререканіяхъ, для которыхъ богословскіе вопросы были лишь предлогомъ, а настоящей причиной служила склонность къ умственной изворотливости. Подгнившая имперія держалась лишь своею массою, и обитатели ея были подавлены неразумнымъ гнетомъ. Древніе авторы никого уже не могли вдохновить; къ ихъ мужественному голосу всѣ оставались глухи. Произведенія ораторовъ, историковъ, философовъ, поэтовъ украшали библіотеки, не оживляя умовъ. Тѣмъ не менѣе, они хранились тамъ на пользу другихъ народовъ.

Въ то время, когда томился Востокъ, въ VIII и IX вѣкахъ Западъ жилъ среди невыразимой смуты. Впрочемъ, можно уже было предвидѣть, что этой смутѣ настанетъ конецъ. Дѣйствительно, положеніе стало болѣе опредѣленнымъ при *Карлѣ Великомъ* (768—814), который продолжалъ, съ еще большимъ блескомъ, дѣло Пепина Геристальскаго и Карла Мартела.

Военное главенство франковъ чувствовалось всѣми новыми народами, появившимися въ прежней Римской имперіи. Карлъ Великій выступаетъ уже изъ предѣловъ Галліи, сражается въ Испаніи, Италіи и Германіи, оттѣсняетъ арабовъ, уничтожаетъ ломбардцевъ, обуздываетъ баварцевъ, подавляетъ саксовъ, сдерживаетъ аваровъ. Это—воинъ, который въ теченіе сорока лѣтъ переносится съ Пиренеевъ на Эльбу, съ Эльбы—на Пиренеи, на Альпы, на Дунай; онъ всегда въ движеніи, неутомимъ, свирѣпъ и безпощаденъ къ врагамъ; это—полуотесанный варваръ, побивающій другихъ варваровъ. Въ одинъ день онъ велѣлъ обезглавить въ Верденѣ 4.500 сакскихъ плѣнниковъ. Чувствуется, что онъ принадлежитъ къ роду Хлодвига и къ семьѣ Карла Мартела.

Но отличительная черта его заключается въ томъ, что его увлекаетъ не одна лишь страсть къ войнѣ. Карлъ испыталъ притягательность римскихъ идей: подобно Аларіху и Теодериху, онъ проникнутъ честолюбивымъ стремленіемъ возстановить римское единство, и это удается ему одному. Въ душѣ этого суроваго завоевателя живетъ какое-то смутное влеченіе къ порядку, къ утвержденію мира,—влеченія, которыми управляются многіе его походы и объясняются страшныя вспышки гнѣва. Карлъ хочетъ прикрѣпить народы, даже помимо ихъ воли, къ той странѣ, гдѣ они сидятъ. Онъ хочетъ задержать вторженіе, всегда готовое проявиться вновь, и направить его обратно, противупоставляя германцамъ франковъ, потомковъ этихъ послѣднихъ. Повсюду его можно видѣть въ овечьей шкурѣ и грубомъ костюмѣ франковъ, но въ сопровожденіи ученыхъ клириковъ. Повсюду онъ занятъ установленіемъ порядка среди народовъ и распространеніемъ среди нихъ своеобразнаго просвѣщенія. Этотъ грубый воинъ повсюду вводитъ римскія традиціи.

Но всего болѣе занимаетъ его защита и распространеніе христіанской вѣры. Онъ оттѣсняетъ исламъ по ту сторону Эбро. Война его съ саксами длится долго, потому что онъ хочетъ вынудить ихъ оставить языческія суевѣрія и принять крещеніе, выказывая въ этой своеобразной миссіи насиліе, противорѣчившее началамъ вѣры, въ которую онъ хотѣлъ обратить язычниковъ. Карлъ Великій, кромѣ того, былъ за-

щитникомъ папы: онъ освободилъ его отъ ломбардцевъ и, подтвердивъ даръ Пепина, укрѣпилъ свѣтскую власть папскаго престола. Церковь торжествовала, найдя новаго Константина.

Папѣ *Льву III*, естественно, пришла мысль возстановить древнее императорское достоинство въ пользу этого франкскаго воина, возродившаго римскій порядокъ и распространившаго христіанскую вѣру. 25-го декабря 800 года, въ день Рождества Христова и начала года, Карлъ Великій находился въ Римѣ. Онъ присутствовалъ при божественной службѣ въ базиликѣ св. Петра и Павла. Въ то время, когда онъ стоялъ колѣнопреклоненный у гробницы апостоловъ, папа Левъ III, возложивъ на его голову золотую корону, воскликнулъ: — „Карлу Августу, императору римскому, жизнь и побѣда!“ Духовенство и народъ трижды повторили это восклицаніе, къ которому присоединили свои грубые голоса франкскіе воины. Карлъ облекся въ великолѣпныя одежды— расшитую золотомъ тунику, плащъ, съ вышитыми на немъ золотыми вѣтками, и обувь, сверкавшую драгоцѣнными камнями. Весь Римъ ликовалъ, какъ будто помолодѣвъ отъ этого обряда, напоминавшаго его исчезнувшее величіе. Императорскій титулъ былъ возстановленъ, что̀ было торжествомъ римскихъ идей; возобновленный въ пользу вождя варваровъ, онъ былъ въ то же время торжествомъ германцевъ, а будучи дарованъ папой, онъ становился торжествомъ христіанской вѣры. Новый императоръ, впрочемъ, старался примирить между собою всѣ традиціи, и его законодательство, дѣлающее ему больше чести, чѣмъ его завоеванія, проникнуто одновременно мудростью римлянина, ревностью христіанина и простодушіемъ франкскаго воина.

Управленіе Карла Великаго было сколкомъ съ древней императорской администраціи. Онъ носилъ титулъ императора и проявлялъ принадлежавшую ему власть; законъ объ оскорбленіи величества, заимствованный у Рима, служилъ для него охраной. Вокругъ императора группировались сановники съ римскими титулами—*дворцовые комиты* или *графы*, *канцлеръ*, *апокризіарій* или начальникъ капеллы, *камерiеръ* и проч. Имперія была раздѣлена на провинціи, надзоръ за которыми ввѣренъ былъ *герцогамъ*, *графамъ*, *намѣстникамъ* (викаріямъ), *сотникамъ*, *десятникамъ* и т. п. Эти должностныя лица сами находились подъ наблюденіемъ лицъ, посылавшихся императоромъ (missi dominici). Послѣднимъ приходилось проѣзжать обширныя пространства, такъ какъ Германія была раздѣлена на четыре области: Ретію и Баварію, Кельнскую и Майнцскую. Карлъ Великій обнародовалъ множество писанныхъ законовъ или *капитулярiевъ* (раздѣленныхъ на небольшія главы). Онъ оставилъ ихъ *шестьдесятъ*, содержащихъ 621 статью гражданскихъ

законовъ, и, кромѣ того, оставилъ множество дипломовъ, документовъ и писемъ, свидѣтельствующихъ объ его громадной умственной дѣятельности, не уступавшей дѣятельности физической.

Церковный строй занималъ Карла Великаго столько же, сколько и политическій. Въ провинціяхъ, давно уже принявшихъ христіанство, ему нечего было измѣнять, но онъ тщательно устранялъ изъ церквей и аббатствъ неспособныхъ кандидатовъ. Въ Германіи ему все приходилось создавать. Онъ раздѣлилъ эту страну на діоцезы и учредилъ восемь епископскихъ каѳедръ; онъ основалъ много аббатствъ, получившихъ значеніе религіозныхъ центровъ, и всю свою власть отдавалъ на служеніе христіанству. Онъ же ввелъ порядокъ во взиманіи *десятины*, десятой части жатвы, уплачивавшейся духовенству. Его капитуляріи содержатъ болѣе 400 статей, относящихся къ церковной дисциплинѣ, постамъ, воздержанію и даже правиламъ нравственности; эти статьи—столько же уставы, сколько и проповѣдь. Карлъ касался въ нихъ мельчайшихъ подробностей и повсюду вводилъ грегоріанское пѣніе, которымъ, въ своей капеллѣ, руководилъ самъ голосомъ и движеніями.

Его забота объ улучшеніи церковныхъ порядковъ отражается и въ его преданности наукѣ: онъ всего болѣе имѣетъ въ виду подготовить клириковъ, достойныхъ своего назначенія, и именно въ монастыряхъ и епископствахъ открываетъ школы. Ученые, окружающіе его,—по большей части, епископы или аббаты: монахъ *Алкуинъ*, архіепископъ ліонскій *Лейдрадъ*, епископъ орлеанскій *Теодульфъ*, аббатъ монастыря св. Михаила *Смарагдъ*, аббатъ Фульдскій *Рабанъ Мавръ*, св. *Бенедиктъ Аніанскій*, второй преобразователь западныхъ монастырей.

Карлу Великому приходилось поддерживать и латинскую литературу. Если въ дворцовой школѣ или академіи онъ заставлялъ называть себя Давидомъ, ученые принимали имена языческихъ авторовъ: *Ангильбертъ* называлъ себя Гомеромъ, Алкуинъ—Флаккомъ, Теодульфъ—Пиндаромъ. Карлъ Великій говорилъ по латыни и даже выучился по гречески. *Петръ Пизанскій* училъ его грамматикѣ. Другой итальянецъ *Павелъ Дьяконъ* написалъ при немъ исторію ломбардцевъ.

Какъ ни любилъ императоръ латинскую науку, онъ далекъ былъ отъ мысли отвергать свое германское происхожденіе. Въ дворцовой академіи были и германцы. *Эгингардъ*, секретарь и историкъ, и, быть можетъ, зять Карла Великаго, происходилъ изъ Оденвальда. Рабанъ Мавръ былъ изъ Майнца; Алкуинъ былъ англо-саксъ. *Климентъ* прозывался Гибернійскимъ, такъ какъ вышелъ изъ Ирландіи. Карлъ Великій начерталъ планъ грамматики нѣмецкаго языка; онъ придумалъ новыя нѣмецкія названія для двѣнадцати мѣсяцевъ года. Онъ не на-

вязывалъ латинскаго языка саксамъ, заставляя ихъ молиться на родномъ языкѣ, и приказалъ, чтобы законъ Божій излагался въ Германіи на языкѣ *тудесковъ*, такъ же, какъ въ Галліи онъ излагался на романскомъ языкѣ.

Несмотря на древне-римскія воспоминанія, правленіе его оставалось чисто франкскимъ. Рядомъ съ дворцовыми графами и канцлеромъ, его окружали сановники варварскаго происхожденія—коннетабль (главный конюшій), сенешаль (главный дворецкій), кравчій и т. п. Это были его вассаллы, которымъ онъ давалъ герцогское или графское достоинство; это—храбрые воины, которымъ въ награду онъ ввѣряетъ управленіе провинцій. Впрочемъ, у Карла Великаго относительно администраціи не было опредѣленныхъ взглядовъ императоровъ IV-го вѣка. Онъ не различаетъ одинъ родъ власти отъ другого, смѣшивая ихъ въ лицѣ графовъ, военныхъ и гражданскихъ начальниковъ. Онъ не отдѣляетъ и духовной власти: missi отправляются по двое—свѣтское лицо и епископъ. Онъ поддерживаетъ варварское судопроизводство и, стараясь создать сословіе судей, вводитъ лишь порядокъ въ выборъ помощниковъ для судебной дѣятельности графа, представляющихъ собою лицъ *равныхъ* обвиняемому. Если онъ старается уничтожить судебный поединокъ и пеню, онъ въ то же время поддерживаетъ варварскія испытанія на судѣ, которыя еще долго будутъ жить послѣ него.

У Карла Великаго не было финансовъ въ нашемъ смыслѣ слова. Система римскихъ налоговъ давно уже исчезла, и доходами франкскаго императора были только дань, собиравшаяся съ побѣжденныхъ народовъ, приношенія свободныхъ людей и доходы съ его собственныхъ земельныхъ владѣній. Уступки земель или *бенефиціи*, начавшіяся еще при Меровингахъ, лишали короля доходовъ съ этихъ земель, и Карлъ, ограниченный лишь доходами со своихъ имѣній, обращаетъ особое вниманіе на ихъ хозяйство. Не слѣдуетъ поэтому удивляться, какъ это дѣлалъ Монтескьё, при видѣ могущественнаго властелина, занимающагося столько же „своими птичьими дворами и овощами своихъ огородовъ“, сколько и нравственными интересами обширной имперіи.

Нельзя не признать, впрочемъ, что Карлъ и не нуждался въ большихъ доходахъ: онъ не платилъ ни своимъ графамъ, жившимъ на счетъ управляемыхъ ими провинцій, ни воинамъ, которые сами должны были одѣвать себя. При всей своей многочисленности, армія сохраняла простоту германскаго отряда. Военное искусство утратилось, и римскій легіонъ былъ забытъ. Карлъ полагалъ, что дѣлаетъ нѣчто весьма разумное для организаціи своей арміи, обезпечивая законами правильное пополненіе ея. Всякій владѣлецъ четырехъ мызъ долженъ

былъ, при обнародованіи приказа объ ополченіи, явиться къ графу съ копьемъ, щитомъ, лукомъ, двумя веревками и двѣнадцатью стрѣлами. Собственникъ двѣнадцати мызъ долженъ былъ являться съ лошадью и полнымъ вооруженіемъ. Карлъ имѣлъ, такимъ образомъ, съ небольшими издержками, пѣхоту и конницу. Войско кормилось на войнѣ и, послѣ похода, распускалось, возвращаясь къ своей простой жизни.

Гордясь своей императорской властью, Карлъ Великій все-таки считалъ себя обязаннымъ поддерживать правильныя собранія франковъ, превратившіяся изъ мартовскихъ въ майскія. Эти собранія утратили, однако, свой прежній характеръ, такъ какъ армія была слишкомъ многочисленна, чтобы обсуждать вопросы на такихъ совѣщаніяхъ. Графы и герцоги отдѣлялись отъ нихъ и обсуждали, вмѣстѣ съ епископами, все болѣе и болѣе вступавшимися въ политику, проекты законовъ, изготовлявшіеся непосредственными совѣтниками Карла. Во время этихъ обсужденій. Карлъ производилъ смотръ войскамъ различныхъ народностей, принималъ оказывавшіяся ему почести, и, что̀ было для него особенно пріятно, подати. Затѣмъ, провозглашались капитуляріи и утверждались общимъ согласіемъ. Началу германской свободы, такимъ образомъ, оказывался видимый почетъ; впослѣдствіи ему предстояло уцѣлѣть среди самыхъ тяжелыхъ смутъ и сдѣлаться самымъ энергичнымъ дѣятелемъ новѣйшей цивилизаціи.

„Территорія Германіи была раздѣлена на графства, въ политическомъ отношеніи, и на діоцезы въ отношеніи церковномъ. Она была поставлена на военное положеніе на границахъ. Земельная собственность перестала быть временною, когда населеніе перестало быть подвижнымъ; вмѣсто того, чтобы распредѣляться ежегодно, она оставалась въ тѣхъ же рукахъ. Западное земледѣліе замѣнило въ значительной части германское скотоводство. Образовались города и деревни рядомъ съ церквами, аббатствами, императорскими дворцами и крѣпостями. Эти города строились сперва изъ дерева, потомъ изъ камня, по римскому способу, и служили убѣжищами и мастерскими. Туда были перенесены искусства и ремесла образованныхъ странъ, сдѣлавшіяся наслѣдіемъ всего міра“ [1]).

Имперія Карла Великаго имѣла, такимъ образомъ, лишь мнимое сходство съ тою, которую она пыталась возстановить. Единство поддерживалось, безъ сомнѣнія, желѣзной рукою страшнаго завоевателя,

---

[1]) Mignet, *Mémoire sur l'introduction de l'ancienne Germanie dans la société civilisée.*

но оно недостаточно обезпечивалось дурно слаженнымъ управленіемъ, представлявшимъ лишь смутное и плохое подражаніе остроумному механизму римскаго государства. Различныя національности, составлявшія имперію, подчинились вліянію франковъ, но послѣдніе были слишкомъ малочисленны, чтобы слить съ собою побѣжденные народы, да и не помышляли объ этомъ. Сажая франкскихъ графовъ въ Италіи, въ *маркіяхъ* (пограничныхъ мѣстностяхъ) Испаніи, Эльбы и Дуная, въ долинѣ Майна, гдѣ цѣлая страна сохранила имя франковъ (Франконія),— Карлъ имѣлъ въ виду лишь обезпечить повиновеніе себѣ. Чтобы поддержать связь между этими безпокойными и воинственными народами, нуженъ былъ цѣлый рядъ такихъ правителей, какъ Карлъ Великій. Между тѣмъ, фамилія Пепиновъ изсякла, и дѣлу Карла суждено было держаться только при его жизни.

Многія другія причины, которыя мы укажемъ далѣе, содѣйствовали распаденію этой имперіи, повидимому, столь крѣпкой. Но если она пала, можно ли сказать, что отъ нея ничего не осталось? Карлъ Великій не сохранилъ бы въ исторіи почетнаго мѣста, отведеннаго ему потомствомъ, если бы былъ только счастливымъ завоевателемъ. Онъ остановилъ вторженіе, укрѣпилъ на ихъ мѣстахъ саксовъ, баварцевъ и аваровъ. Онъ создалъ Германію въ такой степени, что нѣмецкіе писатели причисляютъ его къ своей націи, хотя его франкскія войска раздавили Саксонію. Карлъ Великій пріучилъ къ порядку новые народы, утвердившіеся въ его имперіи, заставилъ ихъ жить осѣдлою земледѣльческой жизнью, насадилъ въ средней Европѣ епископства и аббатства, въ качествѣ очаговъ цивилизаціи. Своими могучими руками, однимъ словомъ, онъ скрѣпилъ составныя части новѣйшей Европы. Его имперія распалась, но изъ кусковъ ея образовались націи, развитію которыхъ мы удивляемся въ настоящее время. На полѣ менѣе обширномъ, но болѣе трудномъ для вспашки, потому что плугъ надо было глубже врѣзывать въ почву, онъ совершилъ трудъ, подобный дѣлу Александра. Онъ былъ безпощаднымъ колонизаторомъ, усиливавшимся распространять повсюду латинскія традиціи и знанія.

Съ IX вѣка Западная Европа уже начинаетъ свое существованіе. Послѣ Карла Великаго она покрывается мракомъ, но общество, скрѣпленное имъ, руководимое слабымъ свѣтомъ, который онъ зажегъ, понемногу придетъ къ разсвѣту и къ цивилизаціи, сохранивъ живое воспоминаніе объ императорѣ римскомъ, франкскомъ и христіанскомъ, который, въ своей личности, въ своихъ войнахъ и законодательствѣ, какъ будто является символомъ единенія древняго и новаго міра.

ГЛАВА III.

Арабы.—Багдадскій и кордовскій калифаты.—Мусульманская цивилизація.

Вторженіе Юга; его характеръ; арабы.—Магометъ и его вѣра.—Коранъ.—Нѣсколько изреченій изъ Корана.—Улемы и имамы.—Общественное и политическое вліяніе магометанства.—Проповѣдь съ помощью меча.—Арабское царство; два калифата.—Процвѣтаніе багдадскаго калифата; торговля.—Кордовскій калифатъ; процвѣтаніе Испаніи.—Литература арабовъ.—Науки.—Искусства.—Характеръ и значеніе арабской цивилизаціи.

Долгое время опасались только вторженій съ сѣвера; въ VII в. вторженіе новаго рода направилось съ юга и, притомъ, изъ страны, которой въ древности удѣляли лишь мало вниманія. Этой страной была Аравія, считавшаяся пустынной. Оттуда появились разомъ нація и религія, поддерживавшія другъ друга и распространившіяся съ необычайной быстротой по Азіи, Африкѣ и даже Европѣ. „Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, и Магометъ его пророкъ“,—такова простая формула, связавшая арабскія племена. Въ видѣ побѣднаго крика, они испускали ее отъ востока до запада, подчиняя испуганные народы закону меча и корана, неразрывно связанныхъ между собою.

Вторженіе Юга имѣло, такимъ образомъ, совершенно иной характеръ, чѣмъ вторженіе сѣвера. Это была вооруженная проповѣдь новой вѣры, религіозное и политическое господство расы, принадлежавшей къ семитическому семейству. Остается единственнымъ въ своемъ родѣ фактомъ, что отъ этого семейства исходятъ важнѣйшія религіозныя движенія. Въ небольшой странѣ на окраинѣ Азіи, въ Палестинѣ, появились религія іудейская и христіанская; въ сосѣдней странѣ, почти на границѣ Іудеи, зародилось магометанство.

Зная объ этомъ сосѣдствѣ, мы не должны удивляться извѣстной связи магометанства съ предшествовавшими ему религіями. Библія и Евангеліе извѣстны были Магомету, и онъ дѣлалъ изъ нихъ обширныя позаимствованія. Онъ имѣлъ притязаніе возвратиться къ религіи Авраама и патріарховъ и закончить собою рядъ пророковъ. Ученіе его, долгое время остававшееся мало извѣстнымъ на Западѣ, было ближе оцѣнено въ нашемъ вѣкѣ, который произвелъ столько работъ по исторіи религій. Постоянство успѣха и громадное количество послѣдователей достаточно свидѣтельствуютъ объ его жизненности.

Магометъ жилъ среди арабовъ-язычниковъ. Онъ отвлекъ ихъ отъ поклоненія идоламъ и уничтожилъ идоловъ, окружавшихъ старинный храмъ, почитавшійся въ Меккѣ, съ глубокой древности, *Каабу*. Онъ

сохранилъ почитаніе Каабы, превративъ ее какъ бы въ религіозный центръ: тамъ находился камень, нѣкогда бѣлый, а теперь почернѣвшій, принесенный, по преданію, Архангеломъ Гавріиломъ. Онъ связывалъ, такимъ образомъ, свое ученіе со старыми арабскими традиціями, которыя, несмотря на языческія суевѣрія, сохранили воспоминанія объ Авраамѣ, отцѣ Измаила, родоначальника племени. Зная, какъ нельзя лучше,—умственный характеръ своего народа, поэтическій, но простой и мало доступный отвлеченному сужденію,—Магометъ проповѣдывалъ объ *единствѣ Бога*, легко усвоиваемомъ догматѣ, Его всемогуществѣ, славѣ, вѣчности, о *безсмертіи души* и о *будущей жизни*. Описанія его матеріальнаго и чувственнаго рая привлекали къ себѣ людей Востока, неспособныхъ подняться до отвлеченной идеи нравственнаго блаженства и считавшихъ загробную жизнь лишь безпрепятственнымъ повтореніемъ самыхъ сладкихъ утѣхъ земной жизни.

Магометъ умѣлъ приспособить свою религію къ нравамъ арабовъ, пастушескимъ и, въ то же время, воинственнымъ, облегчивъ исполненіе обрядовой стороны, ограниченной немногими предписаніями, полезными въ теплыхъ странахъ, въ родѣ омовеній, и проповѣдью мечемъ, въ высшей степени возбуждавшей мужество арабовъ. Магометъ, кромѣ того, проповѣдывалъ ученіе, чрезвычайно соблазнительное для лѣнивыхъ обитателей Востока—ученіе о полной преданности волѣ Божіей. *Исламъ*—значитъ предоставленіе себя волѣ Божіей; *мусульманинъ*—человѣкъ, предоставившій себя этой волѣ. Жители Востока оказались слишкомъ склонными преувеличивать эту преданность и пришли къ фатализму, столь пагубному для развитія личности и народа.

Богъ ислама — безпощадный и мстительный, и магометанство—жестокая религія. Магометъ, впрочемъ, относился съ уваженіемъ къ христіанству; онъ считалъ Іисуса Христа пророкомъ и признавалъ за Нимъ даръ чудесъ, котораго самъ былъ лишенъ. Коранъ считаетъ святою и Пресв. Дѣву Марію. Многія правила и притчи изъ Евангелія внесены почти буквально въ книгу Магомета. Но, по мнѣнію этой книги, христіане и евреи исказили религію первоначальнаго откровенія, и Магометъ былъ посланъ, чтобы исправить всѣ заблужденія и распространить слова, какія архангелъ Гавріилъ написалъ въ его сердцѣ. Магометъ предполагалъ, что, во время уединенія въ пещерѣ горы Гиры, его посѣтило видѣніе, и архангелъ Гавріилъ внушилъ ему наставленія, которыя, передаваемыя ученикамъ, составили коранъ.

Слово *коранъ*—значитъ устная передача. Откровенія, проповѣди, правила и законы, изложенные устно Магометомъ, были собраны послѣ него *Сеидомъ* и приведены въ порядокъ по приказанію калифа Османа.

Съ 33-го года *Геджры* (мусульманской эры, начинающейся отъ бѣгства Магомета въ Медину) коранъ былъ окончательно установленъ, и никогда не возбуждалось никакого сомнѣнія относительно его подлинности. Въ дѣйствительности, это—не книга, но безпорядочное собраніе *суръ* или главъ неравной длины и различнаго характера, поэтическихъ и восторженныхъ, повѣствовательныхъ и дидактическихъ. Это—кодексъ, гимнъ, исторія и молитва.

Чтобы дать понятіе, если не объ идеѣ, то, по крайней мѣрѣ, о формѣ этой книги, мы приведемъ нѣсколько извлеченій изъ нея:—„Когда Богъ создалъ землю, она колебалась въ ту и въ другую сторону, пока Богъ не создалъ горъ, укрѣпившихъ ее. Тогда ангелы спросили Его: „О, Господи! Есть ли въ твореніи что-нибудь крѣпче горъ?“ Богъ отвѣтилъ имъ:—„Желѣзо; желѣзо крѣпче горъ, потому что оно раздробляетъ ихъ.--А есть ли въ Твоемъ твореніи что-либо крѣпче желѣза?—Да, огонь крѣпче желѣза, потому что онъ расплавляетъ его. — А есть ли что сильнѣе огня?—Вода, которая угашаетъ его.--А есть ли что-либо сильнѣе воды?—Да, вѣтеръ, потому что онъ поднимаетъ ее.—О, наша высшая опора, есть ли въ твореніи что-нибудь сильнѣе вѣтра?—Да, добрый человѣкъ, творящій милостыню. Если онъ даетъ правой рукой такъ, что не знаетъ лѣвая, онъ превышаетъ все“.

„Каждое доброе дѣло — милостыня. Когда ты улыбаешься въ лицо твоему брату, когда ты указываешь настоящую дорогу путнику, когда ты даешь пить жаждущему, когда ты побуждаешь твоего ближняго къ хорошему поступку, ты дѣлаешь благочестивое дѣло. Истинное богатство человѣка въ другой жизни — добро, какое онъ сдѣлалъ въ этой жизни спутникамъ своего существованія. Когда онъ умираетъ, народъ спрашиваетъ:—„Какое богатство оставилъ онъ послѣ себя?“ Но ангелы спрашиваютъ:—„Какія добрыя дѣла посылаетъ онъ передъ собою?“

...«Молитесь и подавайте милостыню: добро, какое вы дѣлаете, найдете вы вблизи Бога, потому что Онъ видитъ ваши дѣла. Чтобы быть праведнымъ, недостаточно обращать лицо къ востоку или къ западу: надо, кромѣ того, вѣрить въ Бога, помогать ближнимъ, сиротамъ, бѣднымъ и путникамъ, выкупать плѣнныхъ, читать въ свое время положенныя молитвы, не измѣнять своему слову, выносить терпѣливо превратности и бѣдствія войны. Таковы обязанности правовѣрныхъ“.

Мусульманинъ не имѣетъ надобности въ другихъ книгахъ, кромѣ корана: въ немъ онъ находитъ догматъ своей религіи—*единство Божіе*, и предписанія ея обрядовъ, столь же простыхъ, какъ догматъ,—*пять молитвъ* ежедневно съ *омовеніями*, *постъ* въ мѣсяцъ *Рамадана* (или Рамазана), *воздержаніе отъ вина* и перебродившихъ напитковъ (необхо-

димое гигіеническое правило въ климатахъ Востока), освященіе *пятницы* молитвою и *паломничество въ Мекку*. Мусульманинъ находитъ въ коранѣ всю свою религіозную философію; „Избранный и отверженный предназначены,—одинъ къ вѣчному счастію, а другой—къ вѣчному несчастію, еще во чревѣ своей матери.“ — „Человѣкъ умираетъ лишь по волѣ Божіей, какъ это написано въ книгѣ, опредѣляющей предѣлъ его жизни“. Это предназначеніе не могло возбуждать въ человѣкѣ желанія самоусовершенствованія, составляющаго высокую и сильную сторону христіанства, и еще менѣе могло возбуждать утонченность совѣсти, ищущей приблизиться какъ можно болѣе къ идеальной добродѣтели. Вѣры, молитвы, милостыни, точнаго соблюденія нѣкоторыхъ обрядовъ достаточно для мусульманина, который не дѣлаетъ никакихъ усилій, чтобы становиться лучше, и не подозрѣваетъ, что нравственность можетъ быть выше установленнаго закона.

Текстъ корана истолковывался *имамами*, изъ которыхъ четыре, въ концѣ второго вѣка Геджры, заслужили наименованіе великихъ [1]). Эта священная литература приняла такіе размѣры, что впослѣдствіи пришлось привести ее въ порядокъ въ царствованіе константинопольскихъ султановъ Магомета II и Солимана I. У мусульманъ, впрочемъ, нѣтъ священства, и толкователи священныхъ книгъ не считаются непогрѣшимыми. Калифы, тѣмъ не менѣе, покровительствовали классу ученыхъ, называемыхъ *улемами*, на которыхъ они возлагали судебныя обязанности. Имамы совершали богослуженіе въ мечетяхъ. *Муэдзины* призывали правовѣрныхъ къ молитвѣ съ высоты башенъ или *минаретовъ*. Не образуя касты или даже привилегированной корпораціи, имамы и улемы, благодаря глубокому знанію корана и каноническихъ книгъ, обладали дѣйствительной властью.

Магометъ возродилъ Аравію. Племена, передвигавшіяся по этому полуострову со своими палатками и стадами, находились въ глубочайшемъ упадкѣ. Арабы закапывали живыми въ землю маленькихъ дѣвочекъ, которыхъ не хотѣли кормить. Магометъ положилъ конецъ всѣмъ варварскимъ обычаямъ. Онъ поддерживалъ, конечно, многоженство, такъ какъ самъ подалъ ему примѣръ, но совѣтовалъ также единобрачіе, запрещалъ временные браки и тщательно установилъ семейные порядки. Матеріальные интересы женщины были охранены; ей предоставлено было участіе въ наслѣдствѣ; овдовѣвъ, она пользовалась обезпеченнымъ существованіемъ въ теченіе цѣлаго года на счетъ наслѣдства, оставшагося послѣ мужа, и получала вдовью часть.

---

[1]) Абу-Ганифахъ, Ешъ-Шафей, Малекъ и Ганбалъ.

Магометъ, впрочемъ, не поднялъ женщину выше приниженнаго положенія, въ которомъ она находилась и которое граничило съ рабствомъ. Нисколько не сопротивляясь нравамъ Востока, Магометъ освятилъ подчиненность женщины, столь рѣзко отличающую восточное общество отъ западнаго. Покупаемая, по большей части, какъ товаръ, живя въ домашнемъ заточеніи, выходя лишь подъ покрываломъ, женщина на Востокѣ томится безъ образованія, всегда находясь въ сторонѣ отъ жизни, предаваясь безсмысленнымъ занятіямъ. Въ этомъ отношеніи, магометанство, которое могло бы усовершенствовать грубыя племена Аравіи, не можетъ считаться прогрессивнымъ и было гибельнымъ для общества въ Азіи и въ Африкѣ.

Магометъ называлъ себя пророкомъ. Онъ смѣшивалъ еще болѣе, чѣмъ въ древнія времена, духовную и свѣтскую власть. Преемники его, *калифы*, такіе же религіозные и политическіе вожди, никогда не различали правъ гражданскаго и политическаго общества, установленнаго кораномъ. Отсюда исходилъ деспотизмъ, отъ котораго никуда нельзя было укрыться, такъ какъ нельзя было найти убѣжища даже въ своей совѣсти. Калифы разили во имя Божіе всѣхъ, обязанныхъ почитать ихъ смертоносную руку. Мусульманская религія не была, такимъ образомъ, передовымъ движеніемъ для Востока: деспотизмъ тамъ былъ, безъ сомнѣнія, традиціоннымъ, но эта религія навсегда закрѣпила его.

Фанатизмъ, которому порабощенныя народности легко подчинились, ослаблялъ всѣ попытки къ сопротивленію. Какое бы страданіе ни испытывалъ мусульманинъ, онъ говоритъ:—„такъ написано“. Это освобождаетъ его отъ усилія, необходимаго, чтобы избавиться отъ страданія. Восточная лѣнь, такимъ образомъ, прибѣгаетъ къ соучастію неба, и судьба, которою объясняются для нея всѣ бѣдствія, не позволяетъ уклониться ни отъ одного изъ нихъ.

Магометъ, изгнанный изъ Мекки корейшитами, удалился въ Медину. Не довѣряясь одной силѣ слова, для торжества своего дѣла, онъ обратился къ помощи меча. Мечъ подчинилъ ему Аравію. Коранъ прямо говоритъ:—„Убивайте невѣрныхъ вездѣ, гдѣ вы ихъ встрѣтите“, и въ другомъ мѣстѣ: „Я посланъ убивать невѣрныхъ, пока они скажутъ:—„Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха“. Какъ скоро они произнесутъ эти слова, они спасутъ свою жизнь и имущество; что касается до ихъ вѣры, то въ ней они сочтутся съ Богомъ“. По ученію Магомета, міръ раздѣляется на два большихъ отдѣла: *муслимовъ* (мусульманъ) и *кафировъ* (невѣрныхъ). Онъ дѣлилъ землю на двѣ части: *Даръ-уль-Исламъ*, домъ ислама, и *Даръ-уль-Гарбъ*, домъ войны; онъ говорилъ

своимъ ученикамъ: „Докончите мое дѣло, распространите домъ ислама по всей землѣ; Богъ дастъ намъ домъ войны". Еще онъ говорилъ имъ: „Сражайтесь до полнаго истребленія; нѣкоторые изъ васъ падутъ въ битвѣ: тѣмъ, кто погибнетъ, достанется рай, тѣмъ, кто уцѣлѣетъ, — побѣда". Магометъ, правда, прибавлялъ къ этимъ правиламъ нѣсколько предписаній терпимости относительно христіанъ и евреевъ: „Скажи тѣмъ, кто получилъ писаніе, и слѣпымъ: обратитесь въ мусульманство, и вы будете просвѣщены. Если они будутъ противиться, ты обязанъ лишь проповѣдывать имъ. Богъ знаетъ, какъ отличить своихъ слугъ". Но воинственная пылкость арабовъ заставляла ихъ предпочитать другія правила, и этотъ народъ, почти неизвѣстный, менѣе, чѣмъ въ одно столѣтіе, совершилъ завоеванія болѣе удивительныя, чѣмъ завоеванія римлянъ.

Три первые преемника Магомета, Абу-Бекръ, Омаръ и Османъ, (632—656) увлекали свой народъ къ завоеваніямъ на Востокѣ и на Западѣ. Выйдя изъ Аравіи черезъ Палестину и Пелузійскій перешеекъ, арабы покрыли своими летучими отрядами Сирію, Персію и Египетъ. Послѣ царствованія Али, зятя пророка (656—660) и ожесточеннаго врага первыхъ калифовъ, расколъ нарушилъ религіозное единство мусульманъ, которые раздѣлились съ тѣхъ поръ на *шіитовъ*, отрицающихъ законность трехъ первыхъ калифовъ, и *суннитовъ*, признающихъ ее. Этотъ расколъ не остановилъ, однако, завоевательнаго движенія, продолжавшагося при *Омміадахъ* (661—750), во времена которыхъ арабское царство простиралось отъ береговъ Инда и Оксуса (Аму-Дарьи) до Атлантическаго океана и Пиренеевъ. Господствуя на всемъ южномъ побережьѣ Средиземнаго моря, арабы имѣли флотъ и не одинъ разъ угрожали Константинополю.

Это царство, простиравшееся на 1.800 миль съ востока на западъ и охватывавшее, съ одной стороны, царства Востока, а съ другой — владѣнія франковъ, раздѣлилось на двѣ половины, вслѣдствіе насильственнаго воцаренія *Аббасидовъ* и вѣрности Запада потомку Омміадовъ (или Омайядовъ), Абд-ер-Рахману (755). Но въ обоихъ калифатахъ, восточномъ и западномъ, воспроизводившихъ подобное же раздѣленіе христіанскаго царства, арабская цивилизація пришла одновременно, при багдадскомъ дворѣ Аббасидовъ и при кордовскомъ дворѣ Омайядовъ, къ той же степени утонченности: она затмила своимъ блескомъ цивилизацію христіанскую, находившуюся въ упадкѣ на Востокѣ и едва возрождавшуюся на Западѣ.

Арабы любили и производили торговлю гораздо ранѣе Магомета, который самъ былъ погонщикомъ верблюдовъ. Войска расчищали до-

рогу караванамъ въ Азіи и Африкѣ. Изъ Багдада и Мосула на Тигрѣ купцы направлялись во всѣ стороны—на западъ черезъ Сирійскую пустыню къ Антіохіи, Алеппо и Дамаску, получавшимъ, кромѣ того, изъ портовъ Триполи и Птолемаиды произведенія Запада; на сѣверъ—къ Діарбекиру, Арзеруму, Черному морю и его главному порту Трапезунду; на сѣверо-западъ—къ Малой Азіи, къ Саталіи, Смирнѣ, Никеѣ и Бруссѣ; на востокъ — къ Индіи, Хорассану чрезъ Гамаданъ и Гератъ. Сдѣлавшись моряками, умѣя уже пользоваться грубымъ компасомъ, заимствованнымъ у китайцевъ, арабы плавали по Красному морю и Персидскому заливу и доходили до Индостана и Индо-Китая.

Африканская торговля служила связью между Востокомъ и Западомъ. Порты Триполи, Тунисъ и Танжеръ унаслѣдовали значеніе Карѳагена вандаловъ; Даміетта и Александрія продолжали свою прежнюю дѣятельность, а Египетъ, при разумномъ управленіи, сохранялъ свое удивительное плодородіе. Арабы пытались даже возобновить каналъ, прорытый между Ниломъ и Краснымъ моремъ фараонами и Птоломеями. Спускаясь вдоль восточныхъ береговъ Африки, арабы внесли свою религію и торговлю даже въ Занзибаръ и Мозамбикъ.

Аббасиды, Абу-Джіафаръ или Аль-Манзоръ (Побѣдоносный), Гарунъ-аль-Рашидъ (Справедливый), затѣмъ Аль-Мамунъ выказывали въ Багдадѣ въ концѣ VIII и въ началѣ IX вѣка неслыханную роскошь. Дворцы, украшенные мраморными колоннами и богатыми коврами, какіе Востокъ выдѣлываетъ до сихъ поръ, великолѣпные сады, освѣжаемые фонтанами съ мраморными водоемами, нарядныя свиты изъ нѣсколькихъ тысячъ невольниковъ, обиліе шелковыхъ тканей, привезенныхъ изъ Индіи, драгоцѣнные камни, всѣ утонченности нѣги и весь блескъ древнихъ восточныхъ монархій—такова была пышность калифовъ, тратившихъ щедрою рукой подати, взимавшіяся съ сотни различныхъ народовъ. У калифа Моктадера было во дворцѣ 38.000 ковровъ, изъ которыхъ 12.500 были изъ шелка и золота. Когда онъ совершалъ паломничество въ Мекку, онъ принесъ въ жертву 40.000 коровъ и 50.000 овецъ. У матери калифа Мотассема было 12.000 верблюдовъ. Арабскіе поэты, повидимому, не слишкомъ преувеличивали богатства багдадскихъ властителей, наслѣдниковъ сокровищъ Египта и Азіи.

Кордовскіе калифы были не менѣе богаты. Благодаря мудрому правленію Абд-ер-Рахмана I, Хешама I, Абд-ер-Рахмана II, Аль-Хакема I, Абд-ер-Рахмана III, Аль-Хакема II, земледѣліе сдѣлало изъ многихъ частей Испаніи какъ бы непрерывный садъ (*huerta* Валенсіи, *vega* Гренады въ Андалузіи), гдѣ расли самыя красивыя растенія

южныхъ странъ. Изобрѣтательные арабы придумали способъ искусственнаго орошенія, чтобы умѣрить сухость климата: вода, сберегаемая въ искусственныхъ прудахъ, доставлялась водопроводами на поля. Арабы разводили въ Испаніи рисъ, хлопчатникъ, сахарный тростникъ, шафранъ, финиковую пальму. Аль-Хакемъ II, по словамъ хроникеровъ, „превратилъ копья и мечи въ заступы и грабли. Самые знаменитые шейхи считали за честь обработывать лично свои сады, а *кади* и *альфаки* спокойно наслаждались тѣнью въ своихъ виноградникахъ. Наконецъ, цѣлыя племена, слѣдуя древней привычкѣ жителей пустыни, возобновляли кочевую жизнь бедуиновъ въ цивилизованной средѣ; занятые исключительно разведеніемъ стадъ, они, смотря по времени года, переходили изъ одной провинціи въ другую, кочуя вмѣстѣ съ стадами и отыскивая пастбища, которыя лѣтомъ засыхаютъ на равнинахъ и сохраняются въ горахъ“ [1]).

Города были наполнены фабриками *шелковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ тканей*. Арабы ввели въ Испаніи употребленіе индиго и кошенили, дорогія издѣлія изъ фарфора и раскрашенной глины и бумагу изъ тряпокъ. Они превосходно умѣли красить кожи и различныя матеріи. Кордовскія кожи и толедское оружіе прекрасной закалки имѣли всемірную извѣстность. Въ Толедо было около двухсотъ тысячъ жителей, въ Севильѣ — триста тысячъ и шестьдесятъ тысячъ ткацкихъ станковъ для однѣхъ только шелковыхъ матерій.

Испанія вела обширную торговлю не только съ Африкой, но и съ Азіей и съ Восточной имперіей. Изъ странъ, лежащихъ по берегамъ Дуная, она вывозила множество невольниковъ, въ которыхъ нуждались арабскіе калифы и шейхи. Калифы Кордовы, по примѣру калифовъ Багдада, содержали большой флотъ, въ которомъ насчитывалось болѣе тысячи торговыхъ кораблей.

Кордовскіе калифы были вѣротерпимы, по отношенію къ христіанамъ, которые, платя подати, могли исповѣдывать свою религію, но они особенно покровительствовали евреямъ, народу семитической расы, религія которыхъ была ближе къ мусульманской. Евреи завладѣли почти всей торговлей Испаніи, въ особенности, торговлей драгоцѣнными металлами.

---

[1]) Зимнее время называлось *mesta*. Это названіе сохранилось въ Испаніи для обозначенія главнаго собранія, на которомъ устанавливаются передвиженія большихъ стадъ въ Эстремадурѣ. Въ Валенсіи уцѣлѣли до сихъ поръ преданія объ орошеніи и земледѣліи арабовъ. Земледѣлецъ знаетъ точный срокъ, когда вода достигнетъ его поля, нужное ему количество ея и время, въ теченіе котораго она останется у него; поэтому онъ своевременно открываетъ или закрываетъ затворъ шлюзовъ, загражда-ющихъ воду.

Несомнѣнно, что первые калифы хотѣли ограничить знаніе изученіемъ Корана, но они вовсе не были варварами въ той мѣрѣ, какъ это имъ приписывали, и Омаръ никогда не давалъ приказанія сжечь Александрійскую библіотеку. Аббасиды, и, въ особенности, *Гарунъ-аль-Рашидъ*, обязаны своею славой покровительствомъ наукѣ: Гарунъ путешествовалъ не иначе, какъ со свитою ученыхъ, сопровождавшихъ его даже на войну. Онъ желалъ, чтобы при каждой мечети находилась безплатная школа. *Аль-Мамунъ* приказывалъ отыскивать повсюду драгоцѣнныя рукописи и оплачивалъ переводы ихъ на вѣсъ золота. Десять тысячъ учениковъ обучалось въ одной только школѣ въ Багдадѣ.

У арабовъ была обширная поэтическая литература, хотя и напыщенная, но богатая образами, живая, веселая и легкая. У нихъ было много историковъ, разсказы которыхъ простодушны, безыскусственны, слишкомъ многословны, но поучительны, такъ какъ они проникнуты подробностями бытовой жизни. Особенно извѣстны *Амри* (IX в.), *Месуди* или *Массуди* (X в.), повѣствующій въ своей книгѣ, озаглавленной *Золотые луга*, о войнахъ Абд-ер-Рахмана III противъ христіанъ; *Ахмедъ-ель-Рази*, *Ибнъ-Гайянъ*, *Паскуаль Кордовскій* и др. Но всего болѣе арабамъ удавались сказки и романы, какъ, напр., своеобразное произведеніе *Тысяча и одна ночь*,—настоящее зеркало арабскаго общества. Въ *философіи* арабы ограничивались переводомъ Аристотеля, тонкій умъ котораго имъ нравился, но былъ, впрочемъ, далеко не вполнѣ понятенъ. Изъ числа наиболѣе замѣчательныхъ толкователей Аристотеля надо упомянуть, главнымъ образомъ, *Авицену* (XI в.), *Аверроеса* Кордовскаго (XII в.) и *Газали* (XIV вѣка).

„Всей этой литературѣ недоставало жизни, т. е. свободы. Не слѣдуетъ вѣрить свидѣтельству нѣкоторыхъ оріенталистовъ, будто въ то время у арабовъ были ораторы, равные Демосѳену: при калифахъ не могло быть ни одного великаго оратора, а въ академіяхъ Багдада и Куфы процвѣтало пустое и напыщенное краснорѣчіе, единственное, какое доступно рабскому народу. Эта литература лишена была во всемъ, что̀ не было игрой воображенія, возвышенности и энергіи, но она отличалась блестящей поэзіей и искусными формами.

„...Существуетъ каталогъ, составленный ученымъ Ріартэ. При просмотрѣ этого каталога поражаетъ громадное число арабскихъ авторовъ, родившихся въ Испаніи, и множество трудовъ по философіи, поэзіи, краснорѣчію, промышленнымъ искусствамъ и земледѣлію, остающихся погребенными въ библіотекахъ Эскуріала, нѣкогда предоставленныхъ королямъ Гренады и Кордовы... Въ X вѣкѣ, Гербертъ, ученый, учившійся въ монастырѣ Орильяка, желая расширить свои познанія и

проникнуться глубже искусствами Востока, отправился въ Толедо. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ изучалъ тамъ математику, астрологію и магію подъ руководствомъ арабскихъ ученыхъ. Изъ арабской школы вышелъ одинъ изъ римскихъ первосвященниковъ!

„...Какова же была тогда эта арабская поэзія? Утонченная и страстная, какъ Востокъ, воинственная, какъ исламъ при своемъ зарожденіи, она не вдавалась въ длинные разсказы; для этого у нея не доставало терпѣнія. Это была поэзія лирическая. *Газель* и *кассида* были ея любимыми формами. Названіе газели, повидимому, рисуетъ намъ эту стройную и граціозную поэзію; по формѣ ничто не напоминаетъ болѣе любовныхъ пѣсенъ Прованса. У арабовъ нѣтъ драматическихъ поэмъ. Геній ихъ чисто сказочный и склонный къ чудесному; впрочемъ, въ ихъ поэтическихъ произведеніяхъ можно найти нѣсколько образцовъ діалога или разсужденія между поэтомъ и несчастнымъ любовникомъ или—между двумя поэтами соперниками; то же самое встрѣчается въ такъ называемыхъ *tensons* провансальцевъ.

„Другой элементъ новѣйшей поэзіи, *риѳма*, зародился на Востокѣ... По словамъ оріенталистовъ, если не всѣ поэтическія произведенія арабовъ, то большая часть ихъ имѣютъ риѳмы; эта риѳма иногда—простое созвучіе, а часто бываетъ полной, удвоенной, смѣшанной; арабская поэзія, столь смѣлая въ своихъ образахъ, столь пылкая и прихотливая, донельзя выработанная, симметрична и искусна въ своихъ формахъ“ [1]).

Громадное пространство арабскаго государства благопріятствовало успѣхамъ *географіи*. Аль-Хакемъ II велѣлъ сдѣлать статистическое описаніе Испаніи. *Эдризи* (XII в.) изготовилъ для Рожера II Сицилійскаго небесный глобусъ изъ серебра и написалъ обширную географію, которая дошла до насъ только въ сокращеніи. *Абуль-Феда* (XIII и XIV в.в.) также писалъ любопытные географическіе трактаты.

Но на общую цивилизацію арабы мало оказали вліянія своими собственными произведеніями; главная заслуга ихъ заключается въ томъ, что они сохранили и распространили въ своихъ переводахъ произведенія древнихъ. Они послужили соединительной чертой между древнимъ міромъ и средними вѣками, такъ какъ, въ дѣйствительности, европейскіе народы познакомились, только благодаря арабамъ, съ произведеніями Аристотеля и греческихъ писателей. Они перенесли также въ Европу преданія внутренней Азіи и этимъ еще болѣе сблизили Востокъ съ Западомъ.

Въ наукахъ арабы преуспѣвали, во всякомъ случаѣ, болѣе, чѣмъ

---

[1]) Villemain: *La littérature au moyen âge*, leçon IV.

въ литературѣ. Безъ сомнѣнія, они заимствовали у Аристотеля его *Естественную исторію*, но разработали ее трудами своихъ изслѣдователей. Будучи для того времени превосходными *врачами*, они усовершенствовали медицину, задержанную въ своемъ развитіи у грековъ. Въ одномъ Багдадѣ насчитывалось 860 врачей; христіанскіе государи ѣздили совѣтоваться съ кордовскими медиками. Арабы узнали многія цѣлебныя свойства растеній, и ихъ ученіе о лѣкарствахъ было разумнѣе, чѣмъ ихъ врачебное искусство.

Народъ этотъ, обладавшій живымъ воображеніемъ, былъ склоненъ и къ изученію предметовъ отвлеченныхъ; онъ доказывалъ это своимъ пристрастіемъ къ Аристотелю. *Ариѳметика* обязана арабамъ важными успѣхами: если они и не изобрѣли сами, то передали намъ *цифры*, которыми мы пользуемся для счисленія и которыя замѣнили столь неудобные римскіе знаки. *Алгебра* была также арабской наукой, на что указываетъ ея названіе (аль-джеберъ). Арабы переводили труды Архимеда и греческихъ геометровъ. Прочность и размѣры ихъ зданій указываютъ, что они должны были имѣть значительныя познанія въ геометріи и механикѣ; они разработывали и *тригонометрію*. Унаслѣдовавъ азіатскія суевѣрія, они предались изученію *астрологіи*, которая, впрочемъ, привела ихъ къ астрономіи. Они переводили труды грека Птоломея. Ими были опредѣлены—косвенное положеніе эклиптики, годовое движеніе равноденствій и продолжительность тропическаго года. Подъ покровительствомъ Аль-Мамуна, былъ измѣренъ градусъ меридіана, два раза на равнинахъ Синжара, затѣмъ на равнинахъ Куфы, и опредѣлена окружность земли въ 24.000 миль или 9.000 французскихъ льё. Арабы строили обсерваторіи; одною изъ нихъ была прекрасная башня Хиральда въ Севильѣ; ихъ обсерваторіи встрѣчались даже въ Туркестанѣ и въ Самаркандѣ.

Химія получила свое названіе отъ арабовъ (*аль-кимійя*). Эта наука, вполнѣ принадлежащая нашему времени, не могла развиваться тогда потому, что арабы думали лишь о превращеніи металловъ, о философскомъ камнѣ и объ эликсирахъ, могущихъ сдѣлать человѣка безсмертнымъ. Распространившись въ Европѣ въ средніе вѣка, эта тайная наука была названа *алхиміей* народами, незнакомыми съ арабскимъ языкомъ и сливавшими членъ *аль* со словомъ *кимійя*. Мы сохранили эту ошибку для обозначенія фантастическихъ опытовъ *алхиміи*, но отличаемъ настоящую науку, отбрасывая арабскую частицу *аль*, и говоримъ просто *химія* [1]).

1) Многія слова, употребляемыя въ химіи, сохранили свое произношеніе вмѣстѣ съ членомъ—алкоголь, алькали и т. п.

Если бы не было строгаго запрещенія Магомета—изображать человѣка и животныхъ, арабы, безъ сомнѣнія, воспользовались бы своимъ умственнымъ развитіемъ и воображеніемъ для искусства живописи и ваянія. Они ограничились *архитектурой*, въ которой достигли высокаго совершенства.

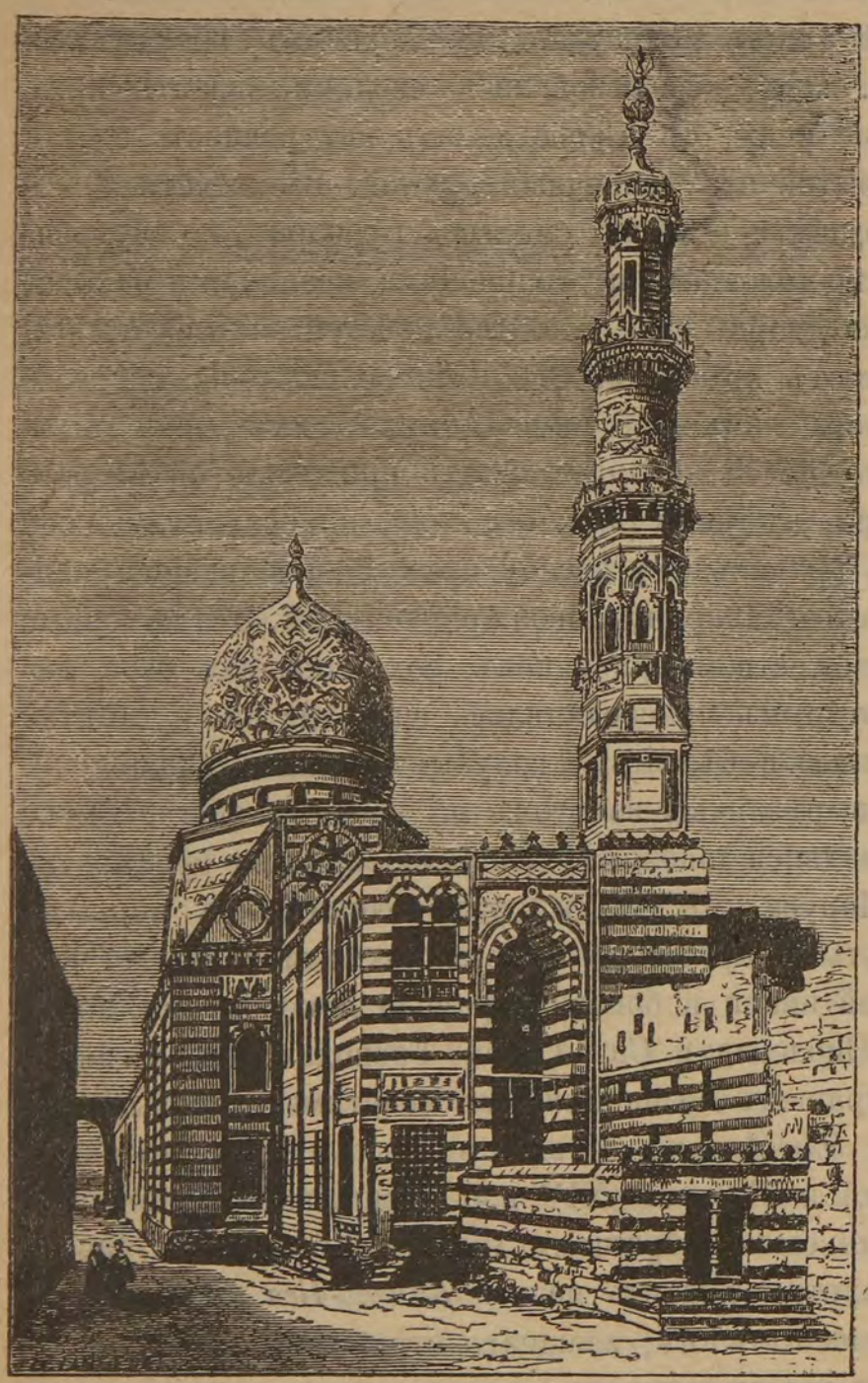
Въ этомъ искусствѣ арабы подражали не древнимъ грекамъ, а грекамъ византійскимъ. Они воспользовались сводами византійскихъ базиликъ, строя ихъ еще ниже, съ цѣлью дѣлать внутренность зданія прохладной, болѣе закрытой отъ солнечныхъ лучей. Въ мечетяхъ съ толстыми стѣнами и крышами не было смѣлыхъ куполовъ, но внутренность зданія изобиловала колоннами и украшеніями, мозаикой и раскрашенной лѣпной работой. Дворцы еще тяжелѣе мечетей: ихъ наружный видъ и стѣны напоминаютъ крѣпости. Все ихъ великолѣпіе сосредоточивается внутри. Арабы измѣнили римскія арки; ихъ арка была раздѣлена на нѣсколько частей и *изрѣзана*, что придавало ей несравненную легкость. Фигура, въ видѣ *трилистника*, присоединяла свои красивыя очертанія къ правильному изгибу арки. Разнообразіе и изящество преобладаютъ въ этой причудливой архитектурѣ. Эти каменные фестоны украшались множествомъ рисунковъ, сохранившихъ свое названіе *арабесокъ*, къ которымъ присоединялись еще листья и цвѣты; стѣны покрывались эмалью и бѣлымъ, и голубымъ фаянсомъ (azulejos). Извилистыя письмена, вырѣзанныя золотомъ на черномъ фонѣ, также служили украшеніемъ; надписи дополняли эти разнообразные орнаменты.

Мечеть Омара въ Іерусалимѣ (VII в.) была однимъ изъ первыхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ арабами, которые покрыли стѣны ея четвероугольниками голубой эмали и богато украсили ее колоннами, похищенными изъ церквей Виѳлеема и Св. Гроба Господня. Въ Египтѣ, городъ Каиръ былъ украшенъ великолѣпными мечетями, каковы мечети *Эбн-Тулуна* (IX в.), *Эль-Ахзара* (X в.) съ четырьмястами древнихъ колоннъ, *Хакема* (XI в.) и *Гассана* (XIV в.). Усыпальницы царственныхъ династій въ Каирѣ были собраніемъ дворцовъ и мечетей; среди этихъ послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить мечеть *Каитъ-Бея* (XV в.) наиболѣе строгаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящнаго стиля.

Омайяды въ Испаніи также оставили величественныя свидѣтельства своей славы. *Кордовская мечеть*, оконченная лишь въ концѣ X вѣка, была для арабовъ тѣмъ же, чѣмъ былъ храмъ св. Софіи для византійскихъ грековъ. Башни городскихъ стѣнъ Севильи были украшены рядами кирпичей, цѣпями бѣлыхъ камней и арабскими надписями. Севильскій *Альказаръ* (al-kasar, дворецъ) представляетъ цѣлый рядъ садовъ и залъ со стѣнами, покрытыми фаянсами и украшенными ара-

бесками, съ мраморными колоннами, съ арками, изрѣзанными выступами, и красивыми куполами въ видѣ половины апельсина.

Альказаръ принадлежитъ къ послѣднему періоду мавританскаго владычества, такъ же, какъ и *Альгамбра*, самый знаменитый изъ арабскихъ памятниковъ. Крѣпость, стѣны которой имѣютъ не менѣе мили въ окружности и которая и теперь еще внушительно возвышается надъ „вегою“ Гренады, Альгамбра внутри—чудесные чертоги, представляющіе самыя разнообразныя перспективы перемѣшивающихся дворовъ, комнатъ и залъ, украшенія которыхъ не поддаются никакому описанію. Въ особенности, тамъ поражаетъ *Дворъ львовъ*, прямоугольникъ въ 150 квадр. саженъ, окруженный галлереей изъ легкихъ колоннъ. Повсюду украшенія, въ видѣ фестоновъ, тонко вырѣзанныхъ изъ камня и покрытыхъ арабесками, повсюду богатое сочетаніе изящества, гармоніи и блеска; вездѣ фаянсы, покрытые всевозможными красками, мозаики, кажущіяся коврами, вырѣзки въ видѣ листьевъ на окнахъ, пропускающія, сквозь рисунокъ, смягченный свѣтъ, розетки, банты, зигзаги, надписи, затѣмъ водоемы и бассейны, поддерживавшіе постоянную прохладу въ этихъ обширныхъ залахъ. Мра-



Мечеть Каитъ-Бея въ Каирѣ.

мора, впрочемъ, въ Альгамбрѣ немного; кирпича, гипса и штукатурки было достаточно, чтобы построить этотъ единственный, въ своемъ родѣ, дворецъ, въ которомъ арабскіе повелители послѣднихъ временъ скрывали свою изнѣженность и причудливую тиранію.

Тиранія! Это слово заключаетъ въ себѣ крайнее выраженіе и въ то же время осужденіе арабской цивилизаціи, напоминающей не однимъ только именемъ древнія цивилизаціи Востока. Несомнѣнно, религія арабовъ стояла значительно выше религій языческихъ народовъ и африканскихъ ордъ. Но эта религія не благопріятствовала свободному развитію способностей человѣка: чтобы покровительствовать наукамъ и смягчать общественные нравы, калифы должны были искажать смыслъ текстовъ Корана. Какъ только сильная рука Гаруновъ и Аль-Хакемовъ перестала поддерживать науку, послѣдняя быстро склонилась къ упадку.

Эта цивилизація, впрочемъ, была весьма поверхностной; она всего болѣе жила заимствованіями у Китая, Индіи и Византійской имперіи. Она была недолговѣчна, какъ всякое подражаніе, и, подобно скороспѣлымъ растеніямъ, быстро увяла. Число арабскихъ поэтовъ и ученыхъ на первыхъ порахъ было слишкомъ велико, и скоро въ этой націи явились признаки истощенія. Арабы, кромѣ того, почти въ самомъ началѣ вдались въ утонченность и напыщенность; они не умѣли подчинять свою пылкость разсудку.

Слѣдуетъ прибавить, что арабскій геній сдѣлался жертвою своихъ собственныхъ завоеваній. Арабы основали обширное государство, но они не были народомъ достаточно многочисленнымъ, чтобы сохранить свое владычество. Туземцы Африки задушили своимъ варварствомъ нѣжный цвѣтокъ арабской цивилизаціи, попранный, кромѣ того, турками, другими варварами, пришедшими изъ центральной Азіи.

Во всякомъ случаѣ, арабы въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ играли замѣчательную роль въ исторіи цивилизаціи. На нѣкоторое время они подняли страны Востока и заставили процвѣтать Испанію. Они распространили свѣтъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Азіи. Они внесли въ Европу драгоцѣнныя знанія, которымъ предстояло оказать Западу огромную пользу. Воины и торговцы, поэты и ученые,—они на огромномъ пространствѣ развивали свою плодотворную дѣятельность. Царство ихъ разрушилось, литературная слава ихъ затмилась, но арабы, тѣмъ не менѣе, гордятся своимъ прошлымъ величіемъ, и, быть можетъ, оно просуществовало бы дольше, еслибъ они не были поглощены другими народами, еще менѣе поддававшимися истинной цивилизаціи.

Въ особенности, поражаетъ насъ значеніе, доставшееся на долю ихъ

религіи, столь несовершенной. Она вполнѣ овладѣла народами, принявшими ее. Мусульманъ невозможно обратить въ христіанство; они привержены къ своей вѣрѣ съ упорствомъ, приводившимъ въ отчаяніе самыхъ неутомимыхъ миссіонеровъ.

Правила этой религіи исполняются всѣми ея послѣдователями искренно и усердно. Правда, обряды ея просты, и она не требуетъ, чтобы душа подчиняла себѣ тѣло. Религія Магомета до сихъ поръ насчитываетъ сотни милліоновъ послѣдователей и раздѣляетъ съ христіанствомъ цивилизованный міръ; этотъ раздѣлъ стоилъ усиленной борьбы, такъ какъ въ средніе вѣка происходила великая война между магометанствомъ и христіанскою религіей, цивилизаціей Сѣвера и цивилизаціей Юга.

ГЛАВА IV.

Феодальная система.

Распаденіе имперіи Карла Великаго.—Феодализмъ.—Происхожденіе феодализма.—Подчиненность земель; Мерсенскій эдиктъ (847).—Наслѣдственность общественныхъ должностей; эдиктъ въ Кьерси-на-Уазѣ (877).—Общественное устройство; дворянство.—Духовенство.—Низшіе классы.—Политическое разложеніе; феодальное государство.—Феодальная администрація, армія, правосудіе, финансы.—Повсемѣстное разложеніе общества.—Дѣятельность и независимисть феодаловъ.—Недостатки феодальнаго строя.

Въ IX вѣкѣ міръ былъ раздѣленъ на три царства: арабское, Византійскую имперію и франкскую имперію Карла Великаго. Въ дѣйствительности, существовало два рѣзко разграниченныхъ общества: мусульманское и христіанское. Первое, столь блестящее, вскорѣ должно было придти къ упадку: его религія и характеръ составлявшихъ его расъ обрекали его на полную неподвижность. Въ настоящее время мусульманскій міръ стоитъ гораздо ниже христіанскаго, и послѣдній составляетъ образованный міръ. Слѣдовательно, намъ предстоитъ прослѣдить, въ особенности, его превращенія и успѣхи.

Въ IX и X вѣкахъ нельзя было предвидѣть этихъ успѣховъ. Порядокъ, временно установившійся при Карлѣ Великомъ, вскорѣ исчезъ, и его имперія быстро распалась.

Раздѣленная, сперва Людовикомъ Добрымъ, а затѣмъ его сыновьями—на три части, имперія Карла Великаго подверглась въ тоже время новому вторженію, нашествію *норманновъ*. Сухимъ путемъ варвары не могли проникнуть туда: они избрали морской путь. Воспользовавшись смутами, происшедшими вслѣдствіе ссоры сыновей Людовика Добраго,

они опустошали берега, проникали чрезъ устья рѣкъ и по ихъ притокамъ внутрь страны, такъ сказать, по всѣмъ ея артеріямъ. Ихъ набѣги присоединились къ безпорядкамъ междоусобныхъ войнъ, и всѣ эти смуты облегчили *захватъ власти вассалами*, не хотѣвшими болѣе признавать королевской власти. Такимъ образомъ, распаденіе имперіи Карла Великаго увеличивалось все болѣе и болѣе; въ 843 г. Верденскимъ трактатомъ имперія была раздѣлена на три части; въ 887 г. этихъ частей уже было семь, и даже девять. Затѣмъ, въ каждомъ изъ государствъ, образовавшихся изъ этого раздѣленія, продолжалось дробленіе въ такой мѣрѣ, что имперія распалась на тысячи частей, и образовалось общество, раздѣленное до безконечности, получившее названіе феодальнаго общества.

Слово феодализмъ происходитъ отъ германскаго слова *феодъ* [1]) (ленъ). Обозначало-ли это слово жалованье, награду, или же вѣрность,—подъ этимъ терминомъ въ средніе вѣка подразумѣвалась совокупность законовъ и обычаевъ, происходившихъ отъ системы *леновъ*. *Феодализмъ было политическое и общественное состояніе, которое установилось во Франціи и Западной Европѣ между IX и XI вѣками, развилось въ XII, дошло до извѣстнаго блеска въ XIII и склонилось къ упадку въ XIV вѣкѣ.* Изъ этого хаотическаго общества выдѣлилось общество новаго времени.

Своеобразное общество, не имѣвшее подобія въ древности, хотя нѣкоторые и видятъ его въ Спартѣ, сохранило наименованіе *феодальнаго*. Основою его былъ ленъ (древняя бенефиція) на условіи подчиненія правящему лицу. Ленъ былъ основою этого подчиненія и источникомъ власти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зависимости; онъ связывалъ собственниковъ между собою и съ королемъ. Ленъ былъ исходной точкой всѣхъ обязательствъ, основаніемъ всѣхъ договоровъ и началомъ всѣхъ обязанностей; въ немъ заключалась такая сила, что люди того времени ничего не допускали внѣ предѣловъ ленныхъ правилъ и законовъ. Всѣ отношенія превратились въ отношенія феодальныя; всѣ права стали ленными и вытекали изъ обязательствъ, которыми человѣкъ отдавалъ себя другому, обѣщая ему вѣрность, не утрачивая при этомъ ни свободы, ни достоинства, и даже гордясь зависимостью, доказывавшей лишь цѣнность его вѣрности и его услугъ.

---

[1]) Происхожденіе слова feod объясняется двумя способами. По мнѣнію Кюжаса, это—измѣненіе слова *fides* (вѣрность); по мнѣнію нѣмецкихъ авторовъ, оно происходитъ отъ *fe* или *fee*—жалованье, награды, и *od*—собственность, владѣніе; такимъ образомъ, feodum означаетъ собственность, данную въ награду. Это слово появляется впервые въ хартіи Карла Толстаго 854 г.

Это было полнымъ торжествомъ германскихъ идей. Онѣ подавили римскія идеи и превратили преданность воиновъ своимъ вождямъ въ общественную связь. Римъ и древній міръ всего болѣе укрѣпили понятіе о государствѣ; въ средніе вѣка это понятіе исчезло. Значеніе отдѣльнаго лица и личное отношеніе его къ своему вождю стали настоящею основой феодальнаго общества. Новое общество среднихъ вѣковъ, противоположное древнему, признавало только личные законы, интересъ отдѣльнаго лица и волю этого лица, повиновавшагося лишь вождю, избранному имъ самимъ, и даже чаще противившагося, чѣмъ повиновавшагося ему. Тогда образовалось общество, составленное изъ множества маленькихъ отдѣльныхъ обществъ, слабо соединенныхъ между собою связью, порывавшеюся ежеминутно; оно состояло изъ королевствъ, включавшихъ въ себѣ сотни другихъ. Неограниченная власть принадлежала въ немъ не одному лицу, даже не одной корпораціи лицъ высшаго происхожденія, а тысячѣ властителей, непосредственно проявлявшихъ ее на извѣстной ограниченной части территоріи; господства ихъ было тѣмъ труднѣе избѣжать, чѣмъ ближе оно было къ тѣмъ, на кого распространялось его давленіе.

Это странное общество, возникшее вслѣдствіе захватовъ власти и насилій, имѣло, однако, своихъ теоретическихъ защитниковъ, своихъ законовѣдовъ и даже своихъ поэтовъ. У него была своя литература и архитектура. Въ теченіе вѣковъ оно настолько господствовало надъ Западной Европой, что его необходимо понять съ полною ясностью, чтобы прослѣдить развитіе новѣйшихъ государствъ.

„Феодальные законы,—говоритъ Монтескьё,—представляютъ величественное зрѣлище. Поднимается старинный дубъ, листва котораго видна издалека; съ приближеніемъ къ нему, замѣтенъ только стволъ, но нельзя видѣть корней; чтобы найти ихъ, надо взрыть землю“. Дѣйствительно, надо обратиться за нѣсколько вѣковъ назадъ до установленія феодализма, чтобы найти его элементы и корни, хотя и нѣтъ надобности искать ихъ, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, въ римскомъ обществѣ. Безъ сомнѣнія, въ послѣднія времена Римской имперіи дворянство увеличилось всѣми должностными лицами, и титулы сановниковъ, созданные Константиномъ, должны были навсегда упрочиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось значеніе крупной земельной собственности, поглощавшей мелкую, и собственники обширныхъ владѣній пріобрѣли надъ своими поселенцами и рабами настоящую власть, юридическое право. Но каково бы ни было значеніе земельной собственности, называвшейся тогда *временною* и удерживавшейся на извѣстныхъ условіяхъ, оно еще не было феодализмомъ.

Феодализмъ произошелъ отъ лена, а ленъ былъ не что иное, какъ древняя бенефиція Меровинговъ. Это была земля, уступавшаяся подъ условіемъ, чтобы тотъ, кто ее получаетъ, обязался вѣрностью тому, кто ее даетъ. Являясь наградой услугъ, уже оказанныхъ, и залогомъ послѣдующихъ услугъ, земля стала могущественною связью между древними воинами германскаго отряда. Земля была единственнымъ капиталомъ, единственнымъ богатствомъ въ эпоху, когда римская промышленность исчезла; она оказывала неодолимую, притягательную силу на всѣхъ, требовавшихъ отъ королей обширныхъ владѣній, чтобы жить въ нихъ широкою жизнью со своими спутниками и не желавшихъ возвращать того, что̀ было дано имъ лишь на извѣстныхъ условіяхъ. Феодализмъ произошелъ отъ этихъ захватокъ земельной собственности, отъ личныхъ стремленій франкскихъ вождей, которые вели неустанную борьбу, желая превратить бенефиціи въ неотъемлемую собственность и оставить своимъ семьямъ земли, уступленныя на время.

Аллоды, свободныя земли, все болѣе и болѣе уменьшались въ числѣ, вслѣдствіе захватовъ, сдѣлавшихся возможными, благодаря общему безпорядку послѣ смерти Карла Великаго, и облегчавшихся набѣгами норманновъ и постройкою замковъ. Окончательное уничтоженіе свободной собственности произошло путемъ, такъ называемой, *рекомендаціи*. Бѣдность принуждала многихъ мелкихъ собственниковъ отдавать свои земли болѣе богатому и сильному сосѣду, чтобы получать ихъ отъ него въ видѣ лена и пріобрѣтать въ немъ покровителя. Карлъ Лысый поощрялъ и даже сдѣлалъ обязательной эту рекомендацію *Мерсенскимъ эдиктомъ* (847 г.), вынуждая свободныхъ людей выбирать себѣ *сеньёра*.

Настоящій собственникъ зависѣлъ теперь отъ того, кто прежде получалъ простое право пользованія его землею. Собственникъ бенефиціи, прежде лишь временно владѣя ею, сдѣлался настоящимъ владѣльцемъ, а тотъ, кто нѣкогда имѣлъ несомнѣнно принадлежавшую ему землю, теперь только пользовался ею, потому что уступилъ синьёру право собственности. Земли, кромѣ того, зависѣли одна отъ другой, такъ же, какъ и лица. Старинная общественная лѣстница, установленная таксой wergeld'a, укрѣпилась, такъ сказать, превратившись въ градацію земель. Она стала наглядной, и неравенства земель воспроизводили неравенства лицъ, закрѣпляя ихъ.

И, что̀ было еще страннѣе, въ силу отождествленія земли съ тѣмъ, кто владѣлъ ею или обработывалъ ее, земля различалась по достоинству владѣльцевъ. Смотря по тому, принадлежала ли она сеньёру или

находилась въ пользованіи крестьянина (вилана), она называлась дворянской или крестьянской. Крѣпостничество, такъ же, какъ и дворянство, связывалось теперь съ полемъ. Хлѣбные посѣвы, виноградники, луга носили, такъ сказать, отпечатокъ знатности или низменности своихъ владѣльцевъ, хотя они цвѣли подъ однимъ и тѣмъ же солнцемъ и одинаково очаровывали или радовали взоръ.

Каково бы ни было неравенство между собственниками земли, оно не могло вліять на политическій порядокъ, если существовала центральная власть, которой всѣ повиновались одинаково. Такъ оно и было при Меровингахъ и при самыхъ могущественныхъ государяхъ Каролингской фамиліи. У земли являлись различные собственники, но это нисколько не мѣшало уваженію и повиновенію такому государю, какъ Карлъ Великій. Тѣмъ не менѣе, совершился весьма важный фактъ: центральная власть ослабѣла, королевское достоинство было уничтожено расточительностью и вынуждено было уступать не только свои владѣнія, но и свои права.

Въ междоусобныхъ войнахъ, ознаменовавшихъ царствованія Людовика Добраго и его сыновей, повиновеніе вассаловъ настолько ослабѣло, что Карлъ Лысый, играя словами, называлъ своихъ слугъ вмѣсто *вѣрныхъ — невѣрными*. Въ 877 г. капитуларіемъ въ Кьерси-на-Уазѣ, значеніе котораго напрасно отрицается теперь, этотъ король, желая увлечь за собою своихъ сеньёровъ въ Италію, постановилъ, что вѣрному герцогу или графу будетъ наслѣдовать въ томъ же достоинствѣ его сынъ. Однимъ словомъ, общественныя должности сдѣлались наслѣдственными. Служебныя обязанности, съ которыми при Карлѣ Великомъ связывалась идея власти, исходящая отъ короля, становились своего рода собственностью. *Провинціи* сдѣлались *ленами*, потому что герцоги и графы, возращая себѣ свободу, не отказывались признать, что ихъ власть надъ этою областью дарована имъ королемъ. Они становились во главѣ сеньёровъ своихъ провинцій и дополняли мѣстную іерархію, управляя ею. Они сохранили *королевскія права*, какія были ввѣрены имъ въ силу ихъ назначенія. Они оставались вождями, но уже за свой личный счетъ. Административное назначеніе прекратилось и осталась только власть. Герцоги и графы управляли не для королей, а для самихъ себя, и сдѣлались королями.

Такимъ образомъ, выше собственниковъ аллодовъ стояли владѣльцы бенефицій, а надъ тѣми и другими—герцоги и *великіе вассалы* короля. низу лѣстницы, надъ этими классами, были соотвѣтственныя ступени; за свободными людьми шли арендаторы, личность и имущество которыхъ были свободны, но земли которыхъ были обременены податями;

за ними слѣдовали прежніе колоны, зависимость которыхъ отъ владѣльца усилилась и, наконецъ,—*крѣпостные*, привязанные къ землѣ.

Изъ феодальнаго хаоса выдѣлились три большихъ класса—*дворянство, духовенство и народъ*, которымъ предстояло дожить до современной намъ эпохи, со своими неравными правами и со своимъ соперничествомъ. Форма, отлившись въ которую, европейское общество продержалось въ теченіе восьми вѣковъ, была найдена.

Дворяне, гордые своими земельными владѣніями, своей силой и мужествомъ, составляли классъ болѣе надменный, чѣмъ древняя аристократія. Владѣющіе землей и людьми, вооруженные правами суда, войны и финансовъ, не считая множества другихъ правъ насильственнаго или своеобразнаго характера, они представляются намъ какъ будто людьми другой расы. Ученые прошлаго столѣтія усиливались даже видѣть въ учрежденіи дворянства послѣдствія завоеванія, навсегда поставившаго франковъ выше угнетенныхъ римлянъ.

Обладая королевскимъ правомъ объявленія войны, сеньёры считали войну благороднѣйшимъ изъ занятій и, во время перерывовъ ея, доставляли себѣ только удовольствія охоты. Работа, промышленность и торговля считались презрѣннымъ дѣломъ, которому нельзя отдаваться, не нарушая и не теряя своего царственнаго достоинства. Воинственный характеръ и стремленіе сосредоточиваться только на интересахъ своего герцогства или графства заставили феодальное дворянство утратить чувство патріотизма. Отечество для сеньёровъ ограничивалось кругозоромъ ихъ владѣній. Въ качествѣ независимыхъ правителей, они могли заключать союзы даже съ иноземцами. Король только мѣшалъ имъ, и они вступали съ нимъ въ борьбу, какъ скоро признавали за собой достаточно силы.

Среди сеньёровъ весьма многіе принадлежали къ *духовенству*. И духовенство сдѣлалось феодальнымъ; вмѣсто того, чтобы направлять общество, оно шло вслѣдъ за нимъ и уступало соблазну богатства и могущества. У епископовъ явились обширныя владѣнія и многочисленные вассалы: многіе изъ нихъ носили титулъ герцога. Эта общность привилегій, противорѣчащая характеру истинныхъ цѣлей духовенства, вызвала продолжительное соперничество между дворянствомъ и духовенствомъ. Епископы и аббаты, такъ же, какъ и дворяне, перестали заботиться о поддержаніи свободы въ обществѣ; они думали лишь о сохраненіи своихъ феодальныхъ правъ, объ увеличеніи своего земельнаго богатства съ помощью духовнаго вліянія. Отлученію предстояло сдѣлаться оружіемъ, столь же употребительнымъ, какъ мечъ и копье. Феодальное дворянство смѣшало верховную власть съ земельною соб-

ственностью. Духовенство также перестало отличать свѣтскую власть отъ духовной; оно настолько утратило пониманіе этого различія, что подвергало себя двойной инвеституръ [1]) крестомъ и мечемъ, и церковное достоинство налагалось государемъ церкви. Ленное начало сдѣлалось настолько сильнымъ, что примѣнялось даже къ нравственной области, и духовныя должности, въ дѣйствительности, становились ленами.

Духовенство, впрочемъ, имѣло одно преимущество предъ дворянствомъ: феодальное дѣленіе не уничтожило дѣленія діоцезовъ. Церковь оставалась единымъ тѣломъ, благодаря болѣе или менѣе строгому соблюденію правилъ, поддерживавшихся соборами и сношеніями съ папой. Не обладая семейнымъ началомъ, превосходившимъ въ дворянствѣ всѣ другія чувства, духовенство, безпрерывно возобновлявшееся пришельцами изъ низшихъ классовъ, отличалось большею сплоченностью.

Дворяне и духовные были единственными классами, имѣвшими значеніе, такъ какъ только имъ принадлежала земля, а слѣдовательно, власть и богатство. Населеніе городовъ и деревень выносило на себѣ всю тяжесть этихъ привилегированныхъ классовъ. Приведенные въ положеніе поданныхъ, жители городовъ находились въ полной власти сеньёровъ; имъ приходилось, впрочемъ, менѣе терпѣть, чѣмъ жителямъ деревень, съ которыми, благодаря ихъ уединенности, господа могли обходиться безъ всякой пощады. Вынужденные обработывать землю, не принадлежащую имъ, крестьяне работали, чтобы кормить сеньёра и оплачивать его роскошь. Прежніе колоны не могли уже завѣщать своимъ дѣтямъ поле, которое они воздѣлывали; крѣпостные были настолько подчинены своему сеньёру, что послѣдній могъ ихъ продавать и сажать въ тюрьму.

Кромѣ суммъ, которыя они обязаны были вносить каждый за себя, люди низшихъ классовъ, *виланы* или *простолюдины*, подвергались множеству разорительныхъ обязанностей, въ видѣ слу̀жбы на охотѣ, на барщинѣ и т. п. У нихъ не было ни своей мельницы, ни печки, ни пресса для вина. „Сеньёръ,—говоритъ одинъ старинный авторъ,—держитъ жителей взаперти отъ земли до неба, властвуя надъ птицами въ воздухѣ и надъ рыбами въ водѣ. Онъ властелинъ надъ ними съ ногъ до головы, надъ водой, вѣтромъ и лугами“. Воздухъ считался принадлежащимъ сеньёрамъ, потому что они получали права надъ ребенкомъ съ самаго его рожденія, «съ той минуты, какъ онъ вдохнулъ

---

[1]) Возведеніе въ санъ.

воздухъ". Даже огонь не ускользалъ отъ власти сеньёровъ: они берутъ поборы „съ каждаго жителя, который разводитъ огонь и дымъ". Не можетъ быть зрѣлища болѣе печальнаго, какъ всѣ эти права, которыя тяготѣли надъ народомъ. Никогда никакой деспотизмъ не могъ придумать чего-либо подобнаго, потому что феодальный деспотизмъ, будучи личнымъ, мѣнялся вмѣстѣ съ характеромъ сеньёровъ. Этотъ гнетъ не прекращался и тогда, когда феодализмъ утратилъ всякій политическій характеръ.

Всѣ силы правительства, какія поддерживали Меровинги и пытался развить Карлъ Великій, пришли къ уничтоженію. Королевская власть потеряла характеръ, какой старались придать ей Меровинги и Каролинги. Власть была уже не общей, а только феодальной: король сталъ равнымъ знатнѣйшимъ сеньорамъ; онъ—только *сюзеренъ*. У него были свои непосредственные вассалы, которые повиновались ему лишь въ силу ленной обязанности и въ предѣлахъ феодальнаго права. Исполнивъ, по отношенію къ нему, свои обязанности, они возвращались въ свои владѣнія, гдѣ царствовали такъ же, какъ и онъ, потому что сами носили корону.

Король уже не издавалъ болѣе повелѣній, обязательныхъ для всѣхъ, и не созывалъ всеобщихъ собраній. Его окружалъ простой феодальный дворъ, и монета его имѣла обращеніе только въ его владѣніяхъ. Хотя позднѣйшіе государи съ величайшимъ упорствомъ вели борьбу съ баронами, они, тѣмъ не менѣе, считали себя равными имъ. Довольствуясь тѣмъ, что ихъ ставили во главѣ іерархіи, они поддерживали эту послѣднюю; король былъ не болѣе, какъ коронованнымъ сеньёромъ.

Король оставался главою всѣхъ собственниковъ леновъ, но не былъ уже ихъ прямымъ вождемъ. Центральной власти и общей администраціи уже не существовало. Герцоги и графы, нѣкогда бывшіе представителями короля, теперь представляли лишь самихъ себя, и администрація сдѣлалась владѣльческой или феодальной. Города утратили свои учрежденія и должны были подпасть феодальному крѣпостничеству.

Войска не существовало болѣе или, вѣрнѣе сказать, войскъ было столько же, сколько было сеньёровъ. Основою военной службы было феодальное обязятельство, и служба ограничивалась 40—60 днями. Король созывалъ своихъ вассаловъ, которые приводили къ нему своихъ людей, но сами командовали ими. Съ тѣхъ поръ армія стала собраніемъ частныхъ армій, изъ которыхъ каждая имѣла своего вождя; ни дисциплины, ни военнаго искусства болѣе не стало; произошло воз-

вращеніе къ первоначальнымъ отрядамъ или шайкамъ, и короли властвовали, въ сущности, лишь надъ феодальнымъ хаосомъ.

Каждый сеньёръ, получивъ право войны, пользовался имъ противъ другихъ сеньёровъ или противъ короля. Страна безпрерывно потрясалась *феодальными войнами*.

Не было болѣе общаго правосудія, потому что сеньёры были судьями въ своихъ владѣніяхъ. Правосудіе, эта основа общества, перестало быть общественнымъ установленіемъ и сдѣлалось владѣльческимъ и феодальнымъ. Сколько было замковъ, столько было и феодальныхъ дворовъ; въ каждомъ господствовало юридическое начало, въ силу котораго судьями могли быть лица, равныя подсудимому. Правосудіе измѣнялось сообразно характеру сеньёровъ и званію лицъ. Церковь имѣла свои судилища, подобно свѣтскимъ правителямъ, и *церковный судъ* ежеминутно приходилъ въ столкновеніе съ *свѣтскимъ судомъ*. Въ этомъ обществѣ, въ основѣ котораго лежало насиліе, самое правосудіе нерѣдко принимало форму поединка: подсудимые иногда прямо вызывали судей на бой. Это происходило не потому только, что право имѣло много пробѣловъ: въ то же время оно было крайне запутано, вслѣдствіе многочисленныхъ трудностей, вызывавшихся особымъ управленіемъ каждаго лена и отсутствіемъ точныхъ законовъ. Традиціонный *обычай* замѣнялъ писанный законъ, и нельзя было найти ничего болѣе измѣнчиваго и смутнаго, чѣмъ феодальное право, вытѣснявшее римское право.

Воины X вѣка.

Король, не имѣя прямой власти, уже не собиралъ налоговъ, взимавшихся сеньёрами. Финансовъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, не существовало, и монархъ долженъ былъ жить такъ же, какъ и другіе сеньёры, доходами со своихъ владѣній и нѣкоторыми установленными

пособіями, лежавшими на обязанности вассаловъ. Сеньёры, поэтому, одни пользовались *податями*, собиравшимися съ вилановъ и крѣпостныхъ, *дорожными* и *таможенными сборами* и проч. Финансы превратились въ феодальные поборы. Королю, впрочемъ, не было и надобности въ общихъ налогахъ, потому что не онъ оплачивалъ правосудіе, войско и управленіе въ провинціяхъ.

Ему не приходилось заниматься и *общественными работами*, исправленіемъ дорогъ и рѣкъ, которыя стали частною собственностью и поддержаніе которыхъ лежало на сеньёрахъ, исправлявшихъ ихъ руками своихъ крѣпостныхъ. Общественныя работы превратились въ феодальную барщину.

Мы можемъ видѣть теперь характеръ феодальныхъ учрежденій. Общественныя работы выродились въ нихъ въ барщину, и финансы—въ мѣстные поборы; правосудіе раздробилось на безконечное множество мѣстныхъ судовъ, армія—на большое количество мѣстныхъ войскъ; администрація распалась на мѣстныя деспотіи, и даже королевская власть сдѣлалась лишь мѣстной властью. Другими словами, тогда не было никакихъ учрежденій, а были только разъединенныя силы, сосредоточивавшіяся, правда, около нѣкоторыхъ лицъ, но не составлявшія того, что̀ мы называемъ государствомъ. Феодализмъ былъ полнымъ распаденіемъ общества, къ которому привела долгая борьба между римскими идеями и невѣжествомъ германцевъ, между наукой объ общественномъ порядкѣ и дикимъ инстинктомъ безпорядочной свободы.

Общественное состояніе, даже самое простое, не можетъ держаться, если оно не оживляется какими-либо энергичными началами.

Всѣ эти мелкія государства жили усиленной жизнью, и личныя способности развертывались съ энергіей, повидимому, возраставшей, по мѣрѣ того, какъ кругъ, гдѣ онѣ могли проявлять себя, все болѣе и болѣе съуживался. Сеньёръ могъ разсчитывать только на самого себя для защиты отъ непрестанно возобновлявшихся нападеній, на силу своей руки, на гибкость своего ума, на продолжительность своего терпѣнія. Ему, окруженному завистливыми сосѣдями, приходилось выдерживать осады, наносить сильные удары мечомъ, ежедневно подвергаться опасности. Феодальныя времена, поэтому, были для новаго общества тѣмъ же, чѣмъ былъ героическій вѣкъ для древняго. Семейная гордость возрастала вмѣстѣ съ подвигами и требовала новыхъ. Сеньёры составляли классъ людей, надѣленныхъ необыкновенной физической силой, невѣроятной смѣлостью, мужествомъ, не боявшимся никакихъ испытаній, не заботившимся объ опасности, даже неразумно искавшимъ

ея, вступавшимъ въ борьбу ради удовольствія борьбы, и одушевленнымъ чувствомъ, мало знакомымъ древнимъ—*чувствомъ чести.*

Свободныя привычки германскаго воина обнаруживались и въ феодальномъ сеньёрѣ, который не могъ выносить никакого господства надъ собою. Вассалы не останавливались передъ борьбою со своими сюзеренами, и іерархія, установленная, повидимому, столь прочно, безпрестанно потрясалась духомъ независимости. Даже тогда, когда вассалы не выходили изъ повиновенія своему сюзерену, они не уступали ему въ гордости, и между всѣми владѣльцами леновъ царствовала свобода обращенія, отнимавшая у подчиненности всякій характеръ рабства. Сознавая свою силу, всегда готовые схватиться за оружіе, вассалы заставляли сюзерена уважать ихъ права и независимость. Личность торжествовала и воспитывала чувство свободы, уже не имѣвшее характера древней свободы, сдерживавшейся и направлявшейся государствомъ. Традиціи личной свободы пережили феодальный хаосъ и легли въ основу свободы нашего времени.

Несомнѣнно, впрочемъ, что мѣстная энергія и постоянная война поддерживали анархію. Общій національный духъ подавлялся мѣстнымъ.

Милліоны людей оставались въ низшемъ и подчиненномъ положеніи, угнетенные властелинами, отъ взора которыхъ тѣмъ труднѣе было укрыться, чѣмъ кругъ былъ болѣе сжатымъ, и деспотическая власть болѣе близкой. Надъ низшими классами тяготѣло рабство, и надъ всѣми тяготѣло невѣжество. Слабый свѣтъ, какой пытался зажечь Карлъ Великій, совершенно угасъ. Невѣжество поддерживало узкое и грубое суевѣріе, напоминавшее суевѣрія языческихъ временъ. Казалось, человѣческій умъ предоставленъ мраку, а общество—насилію.

Въ IX и X вѣкахъ міръ, повидимому, вновь вернулся къ варварству, и послѣдствіемъ матеріальнаго и нравственнаго безпорядка было общее обѣдненіе. Постоянныя войны были помѣхою для сельскаго хозяйства: повсюду встрѣчались опустошенныя поля и сожженныя хижины. Едва несчастный рабъ исправлялъ свое жилище и обсѣменялъ свое поле, какъ новыя опустошенія опять разоряли его. Количество запущенной земли увеличивалось, и страшный голодъ почти періодически вырывалъ свои жертвы изъ населенія. Хроникеры того времени, несмотря на сухость и скудость своихъ сообщеній, позволяютъ намъ видѣть страданія народа, которому, послѣ нѣсколькихъ голодовокъ, приходилось питаться нечистыми животными и травою.

Таковы точки отправленія новѣйшаго общества. Высшимъ классамъ предстояло спускаться, низшимъ—подниматься. Съ XI вѣка въ обще-

ствѣ замѣчается стремленіе выйти изъ безпорядочнаго состоянія; феодализмъ, по крайней мѣрѣ, съ виду, упорядочивается и въ XIII вѣкѣ выказываетъ блескъ, скрывающій его глубокую порочность и неисправимую несправедливость.

ГЛАВА V.

Феодальная и католическая Европа отъ XI до XIV вѣка.

Усилія церкви въ борьбѣ съ безпорядкомъ; перемиріе Божіе.—Отдаленные походы.—Освобожденіе церкви; инвеституры; папа Григорій VII (1073–1085).—Религіозное единство; теократія.—Крестовые походы; причины ихъ.—Продолжительность и характеръ Крестовыхъ походовъ (1095—1270).—Участіе Франціи въ Крестовыхъ походахъ; политическіе и экономическіе результаты ихъ.—Рыцарство.—Королевства; Капетинги во Франціи; феодальная королевская власть; начало администраціи.—Союзъ Капетинговъ съ церковью и народомъ.—Англія; различіе между англійскимъ и французскимъ феодализмомъ.—Испанія; Крестовый походъ противъ мавровъ; характеръ испанскаго дворянства.—Итальянскій феодализмъ.—Германія; прогрессъ нѣмецкаго феодализма.—Германская имперія въ средніе вѣка.—Папство; соперничество папской и императорской власти (1073–1250).—Послѣдствія; гибель тѣхъ и другихъ притязаній; прогрессъ національнаго духа народовъ.—Прогрессъ городскихъ населеній; нѣмецкіе имперскіе города.—Итальянская республика; демократія во Флоренціи; аристократія въ Венеціи.—Французскія общины.—Новые города; буржуазія.—Третье сословіе.—Преимущество и послѣдствія общинной свободы.—Опасности и упадокъ общиннаго движенія.—Деревни; увеличеніе освобожденій; приходы; повелѣніе Людовика X Сварливаго (1315).—Начало общественной свободы; генеральные штаты во Франціи (1302).—Великая хартія въ Англіи (1215); англійскій парламентъ (1258—1295).—Испанскіе кортесы.

Германская грубость и анархія въ IX и въ X вѣкахъ уничтожили все, что̀ оставалось до того времени отъ утонченности и административнаго порядка Рима. Правила христіанства, даже при полномъ торжествѣ церкви, оставлялись безъ вниманія и презирались буйными сеньёрами, которые обогащали храмы, но оскорбляли религію. Избытокъ зла, впрочемъ, вскорѣ вызвалъ къ жизни идеи порядка, справедливости и свободы. Церковь, хотя и не совсѣмъ свободная отъ испорченности, прежде всего вооружилась противъ анархіи. Являясь заступницей опустошенныхъ деревень и опустѣвшихъ аббатствъ, она установила въ срединѣ XI вѣка (1041 г.), такъ-называемое, *перемиріе Божіе*. Принявъ подъ свое покровительство клириковъ, монаховъ и храмы, она объявила отлученными отъ церкви всѣхъ, кто осмѣлится напасть на крестьянскія жилища или сжечь ихъ. Миръ былъ обязателенъ для всѣхъ отъ вечера среды до утра понедѣльника, во время Рождественскаго и

Великаго постовъ и большихъ годовыхъ праздниковъ. Поэтому, военные походы не могли продолжаться болѣе трехъ дней, и ихъ приходилось прерывать каждую недѣлю. Церковь, такимъ образомъ, ограничивала ужасы войны и вводила нѣчто въ родѣ общественнаго права.

Препятствія, внесенныя религіей въ междоусобныя войны, заставили многихъ безпокойныхъ сеньёровъ проявлять свою дѣятельность внѣ предѣловъ отечества. Франки и норманны, въ особенности, послѣдніе, должны были искать битвъ и грабежей въ другихъ странахъ. Многіе изъ нихъ увеличили ряды тѣхъ, которые въ южной Италіи и въ Сициліи, въ 1016 г., основали государство, сдѣлавшееся впослѣдствіи *Сицилійскимъ королевствомъ*. Большое число воиновъ послѣдовало за Генрихомъ Бургундскимъ, который отправился помогать испанцамъ въ борьбѣ съ маврами и пріобрѣлъ графство, названное въ теченіе времени королевствомъ Португальскимъ (1095—1140). Наконецъ, болѣе 60.000 человѣкъ, откликнувшись на призывъ Вильгельма Нормандскаго, перешли черезъ Ламаншъ и завоевали ему королевство Англію (1066 г.). Этотъ послѣдній годъ достоинъ вниманія, потому что отъ него ведетъ начало одно изъ самыхъ могущественныхъ современныхъ государствъ.

Усилія церкви ограничить феодальный безпорядокъ и отвлечь въ сторону дѣятельность сеньоровъ отразились въ постоянно возраставшемъ количествѣ паломничествъ и, въ концѣ концовъ, должны были привести къ Крестовымъ походамъ. Но прежде, чѣмъ вовлечь Европу въ громадное движеніе священной войны, церковь должна была сама освободиться и очиститься.

Епископства и аббатства сдѣлались ленами и раздавались, какъ всѣ другіе лены. Инвеститура приравнивалась къ прочимъ бенефиціямъ, и единственное отличіе заключалось въ томъ, что сеньёръ, вмѣстѣ съ мечомъ, давалъ епископу крестъ и пастырское кольцо; церкви этимъ смѣшеніемъ отдавались на произволъ старшихъ сеньёровъ и королей. Покупка за деньги была главнымъ средствомъ пріобрѣтенія церковныхъ должностей, связанныхъ съ владѣніемъ землею, и воины, превращаясь въ духовныхъ лицъ, ѣздили верхомъ съ митрой на головѣ, служили въ латахъ, сражались съ молитвой и благословляли, нанося удары.

Мы здѣсь можемъ только намѣтить важное мѣсто, какое принадлежало величественной борьбѣ, завязавшейся между германскимъ императоромъ Генрихомъ IV и папою Григоріемъ VII, ради вопроса объ инвеститурахъ, повидимому, незначительнаго, но полнаго самыхъ серьезныхъ послѣдствій. Григорій VII возвратилъ свободу папству, которое въ Римѣ сдѣлалось какъ бы леномъ германской имперіи. Затѣмъ онъ освободилъ церковь, воспретивъ всѣмъ государямъ инвеституру кре-

стомъ и кольцомъ, которые служили эмблемою духовной власти и потому могли быть даны лишь уполномоченнымъ папы. Онъ преслѣдовалъ священниковъ, покупавшихъ мѣста, наблюдалъ за добросовѣстностью церковныхъ избраній, привелъ, однимъ словомъ, церковь, съ рѣдкой энергіей, къ ея истинному призванію. Въ этомъ заключалась главная заслуга этого знаменитаго первосвященника: съ высоты каѳедры св. Петра, освободившись отъ безчестныхъ людей, позорившихъ ее, онъ возгласилъ на весь міръ настоятельное обращеніе къ нравственному чувству и къ милосердію и поразилъ самаго опаснаго изъ государей Европы отлученіемъ, поддержаннымъ взволновавшейся Германіей.

Въ суровую зиму, въ 1077 году, кающійся явился къ воротамъ замка Каноссы въ Италіи, гдѣ находился папа Григорій VII. Этотъ кающійся, допущенный только за вторую ограду замка, вынужденный оставаться тамъ въ теченіе трехъ дней, съ босыми ногами, постясь и молясь, былъ императоръ Генрихъ IV, унизившій въ степени, неизвѣстной до тѣхъ поръ, императорское достоинство предъ первосвященникомъ. Правда, онъ отомстилъ Григорію VII; онъ осадилъ его въ самомъ Римѣ, и папа умеръ въ изгнаніи у своихъ союзниковъ норманновъ, въ Неаполитанскомъ герцогствѣ (1085); но это не принесло никакой пользы Генриху IV. Онъ вынужденъ былъ уступить престолъ своему сыну, и отлученіе преслѣдовало его даже послѣ его несчастной смерти (1106 г.): трупъ его пять лѣтъ оставался непогребеннымъ, въ одномъ изъ склеповъ города Шпейера.

Въ этихъ драматическихъ событіяхъ оказалось достаточно силы, чтобы потрясти умы, слишкомъ погруженные въ матеріальные интересы. Церковь, допустившая порчу въ свои нѣдра, возвысилась разомъ и возвратила себѣ нравственное достоинство и власть.

Въ свою очередь, и церковь пожелала укрѣпить свою свѣтскую власть и подчинить королей папѣ. Пробужденія вѣры, возвращенія епископовъ къ повиновенію св. престолу, страха государей передъ запрещеніями и отлученіями, послушанія народовъ голосу первосвященника, освобождавшаго ихъ отъ клятвы вѣрности, данной ими своимъ королямъ,—всего этого было достаточно, чтобы возбудить гордость и честолюбіе папъ, сдѣлавшихся настоящими вождями Европы. Церковь, которая съ такимъ трудомъ обращала и дисциплинировала варваровъ, и которая должна была такъ много вытерпѣть сперва отъ ихъ насилій, а затѣмъ—отъ ихъ щедротъ, еще болѣе опасныхъ, чѣмъ насилія, первая нашла въ себѣ достаточно энергіи, чтобы высвободиться изъ феодальныхъ тисковъ, не отказываясь, впрочемъ, отъ выгодъ феодализма. Она воспользовалась слабостью всякаго рода властей, происхо-

дившей отъ анархіи, чтобы поднять свою власть выше всѣхъ другихъ и поставить престолъ св. Петра выше всѣхъ престоловъ. Это притязаніе, безъ сомнѣнія, было чрезмѣрнымъ и скоро привело къ новымъ столкновеніямъ съ имперіей, но оно, по крайней мѣрѣ, обезпечивало убѣжище для угнетеннаго народа и для оскорбленной нравственности. Среди этого величайшаго безпорядка, въ папской власти, возрожденной Григоріемъ VII, всѣ видѣли защиту; ея услуги оправдывали значеніе, какое она придавала себѣ, и никто еще не думалъ возмущаться ея честолюбіемъ.

Послѣдствіемъ этого религіознаго единенія и выраженіемъ могущества папъ явились *Крестовые походы*. На Клермонскомъ соборѣ (1095 г.) папа Урбанъ II началъ проповѣдь священной войны противъ мусульманъ, и громадная толпа, подготовленная уже внушеніями Петра Пустынника, подняла крестъ съ восклицаніями:—„Такъ хочетъ Богъ! Такъ хочетъ Богъ!“, повторявшимися эхомъ Овернскихъ горъ, служившихъ величественной рамкой для этой великой картины. Этотъ соборъ былъ, въ то же время, повтореніемъ старинныхъ германскихъ собраній, вышедшихъ изъ употребленія. Епископы и бароны, дворяне и крестьяне пришли туда огромной массой, увлекаемые однимъ и тѣмъ же чувствомъ, которое на этотъ день смѣшало всѣ классы и заставило забыть феодальныя дѣленія.

Это великое движеніе, несомнѣнно, было вызвано намѣренно рѣшеніемъ папы и политическихъ вождей, съ цѣлью остановить надвигавшееся нашествіе турокъ, которые, овладѣвъ Малой Азіей, угрожали разрушеніемъ греческой имперіи и своей свирѣпой энергіей разжигали мусульманскій фанатизмъ. Христіанскій міръ до того времени жилъ въ достаточно согласныхъ отношеніяхъ съ арабскимъ міромъ, враждебность котораго смягчалась блестящей цивилизаціей. Но изъ степей Туркестана вышли народы грубые, воинственные, понимавшіе Коранъ только какъ завѣтъ войны. Европѣ угрожало новое вторженіе. Чтобы защититься, ей надо было самой вторгнуться въ Азію. Такова была политическая причина крестовыхъ походовъ, не говоря уже о постоянномъ желаніи папъ найти выходъ для лихорадочной дѣятельности сеньёровъ. Этимъ людямъ, жаждавшимъ битвъ, предлагались теперь битвы, освященныя церковью, приключенія въ отдаленныхъ странахъ, новыя земли, которыя можно было завоевать, лены и королевства, которыя можно было пріобрѣсти.

Но какъ бы ни были важны эти политическія причины, ихъ не слѣдуетъ преувеличивать, потому что Крестовые походы были взрывомъ *религіознаго чувства*. Оно приводило въ движеніе самые различные на-

роды Европы, и на затопленныхъ равнинахъ Голландіи, и на горахъ Шотландіи и Скандинавіи. Это было настоящимъ смѣшеніемъ племенъ и нарѣчій; единственный связующій знакъ—крестъ—соединялъ всѣхъ воителей, которые думали только объ освобожденіи Гроба Господня. Необычайный восторгъ одушевлялъ эти толпы, которыя сперва шли на удачу, опустошая Европу, чтобы поддержать существованіе, и пришли, потерявъ много своихъ на пути, въ Азію, гдѣ климатъ и турки довершили ихъ гибель.

Эти передвиженія возобновлялись въ теченіе всего XII и большей части XIII вѣка. Христіанамъ удалось сперва учредить колоніи въ Сиріи и утвердить феодализмъ въ древней Финикіи и въ долинѣ Іордана. Но эти колоніи, слишкомъ далекія и раздробленныя, снѣдаемыя всѣми безпорядками, порождавшимися ленной системой, были, одна за другою, уничтожаемы мусульманами, которые перешли въ наступленіе. Походы, безпрестанно возобновлявшіеся для защиты этихъ колоній, происходили безъ всякой предусмотрительности и знанія дѣла, какъ и всѣ походы феодальной эпохи.

Религіозный духъ, одушевлявшій ихъ на первыхъ порахъ, понемногу уступилъ мѣсто другимъ интересамъ. Въ двухъ послѣднихъ походахъ понадобилась твердая рѣшимость Людовика Святого, чтобы заставить подняться сеньёровъ, которые восторгались самоотверженіемъ короля, но не желали подражать ему. Священный огонь горѣлъ лишь въ душѣ этого государя, который вполнѣ совмѣщалъ въ своемъ лицѣ мужество и энтузіазмъ христіанскаго воина.

Самое обширное участіе въ движеніи Крестовыхъ походовъ выпало на долю Франціи. Первый толчокъ данъ былъ имъ французомъ, Петромъ Пустынникомъ, папой французскаго происхожденія Урбаномъ II и французскимъ соборомъ. Французы играли самую важную роль въ первомъ Крестовомъ походѣ; они соединились съ нѣмцами и отодвинули ихъ на задній планъ во второмъ; они сражались вмѣстѣ съ англичанами въ третьемъ, при чемъ, однако, Ричардъ затмилъ Филиппа-Августа. Французы взяли Константинополь и усиливались преобразовать Восточную имперію въ латинскую. Наконецъ, седьмой и восьмой Крестовые походы были исключительно дѣломъ французовъ. Поэтому, историкъ Крестовыхъ походовъ имѣлъ право дать своей книгѣ заглавіе: *Gesta Die per Francos* (Дѣянія Божія чрезъ посредство франковъ). Жители Востока объединяютъ и теперь всѣ латинскіе народы подъ именемъ франковъ.

Крестовые походы лишь на короткое время освободили Палестину. Множество пролитой крови не принесло пользы религіи, и развитіе мусульманскаго царства было замедлено, но не остановлено. Это великое

движеніе имѣло, впрочемъ, нѣкоторыя благопріятныя послѣдствія, какъ это бываетъ всегда, когда различные народы смѣшиваются между собой.

1) Крестовые походы отвлекли въ далекія страны значительное число сеньёровъ, при чемъ многіе изъ нихъ не вернулись на родину; этимъ было подготовлено паденіе феодализма, который, такъ сказать, самъ уничтожилъ себя. Многія страны почувствовали себя облегченными отъ громаднаго гнета.

2) Эти походы, прекращая внутреннія несогласія, заставили умы подняться до общаго интереса, до общаго для всѣхъ чувства и вывели ихъ изъ узкаго круга мѣстнаго эгоизма. Они вызвали сближеніе между различными классами, которыхъ религіозный энтузіазмъ соединилъ для защиты одного и того же дѣла.

3) Какою сплоченностью ни отличались крестоносцы предъ общимъ врагомъ, они все же, естественно, распадались на группы по странамъ и народностямъ. Каждый народъ сохранялъ свой характеръ, свой языкъ, свои нравы, свое честолюбіе; каждый чувствовалъ, что онъ составляетъ нѣчто отдѣльное въ христіанской семьѣ, подобно тому, какъ человѣкъ сознаетъ свою личность въ человѣческой семьѣ. Такимъ образомъ, во время Крестовыхъ походовъ каждая нація стала крѣпче; люди каждой страны на чужой землѣ стали ближе другъ къ другу. Будучи далеко отъ своей родины, они преобразовывали ее.

4) Выѣздъ изъ отечества значительнаго числа сеньёровъ и обѣднѣніе другихъ, благопріятствовали освобожденію городовъ и развитію *общинъ*. Этимъ временемъ воспользовалась и *королевская власть*, которая съ этой эпохи начинаетъ усиливаться.

5) Эти выселенія, часто возобновлявшіяся въ теченіе полутора столѣтія, вынуждали сеньёровъ къ значительнымъ расходамъ, къ продажѣ своихъ владѣній и привилегій. Они повели къ перемѣщенію богатствъ, которымъ воспользовался средній, *городской классъ*.

6) Крестовые походы оживили промышленность двумя способами: они возбудили внутреннюю производительность усиленнымъ спросомъ на различные предметы, необходимые для войска, и, съ другой стороны, доставили ей извнѣ новые пріемы и сырые матеріалы.

7) Востокъ открылся для европейцевъ. Они восхищались его произведеніями и промышленностью и ввели въ своихъ странахъ воздѣлываніе новыхъ растеній. Эти походы вызвали также значительное морское движеніе. Торговыя республики, Генуя, Пиза и Венеція, дѣлили и оспаривали другъ у друга выгоды торговли съ Востокомъ. Обиліе товаровъ оказывало дѣйствіе и на внутреннюю торговлю.

8) Наконецъ, знанія, пріобрѣтенныя во время путешествій, оказали просвѣтительное вліяніе на умы. Арабская наука, которая, до того времени, лишь въ незначительной степени проникала въ Европу, утвердилась въ ней, въ качествѣ продукта Востока. Арабская цивилизація, при всемъ своемъ несовершенствѣ, оживила среди постоянныхъ войнъ цивилизацію западную, успѣхи которой ведутъ свое начало отъ этой эпохи.

Среди нравственныхъ послѣдствій движенія Крестовыхъ походовъ слѣдуетъ отмѣтить *рыцарство*, несомнѣнно, вызванное къ жизни этими походами. Оно связывалось съ обрядами, которыми германцы привѣтствовали вступленіе юноши въ число воиновъ, но оно развилось въ особенности подъ вліяніемъ религіознаго чувства Крестовыхъ походовъ. Эти обряды, сперва чисто военные, превратились въ религіозные. Церковь благословляла и освящала рыцаря, который давалъ обѣтъ соблюдать обязанности христіанина и, въ то же время, давалъ клятву не преступать обязанностей воина. Рыцарство было нѣчто въ родѣ *военнаго братства*, состоявшаго изъ избранныхъ лицъ благороднаго происхожденія. Оно улучшало человѣка и служило крупнымъ шагомъ къ улучшенію учрежденій. Оно направляло къ благу кипучую храбрость германцевъ, не терпѣвшихъ до того времени никакого ига, возбуждало въ нихъ самыя чистыя чувства, заставляя ихъ стыдиться злоупотребленія силой противъ слабыхъ, поощряло ихъ принимать на себя защиту женщинъ и дѣтей и, благодаря мягкому вліянію этихъ нѣжныхъ существъ, вызывало, подъ грубыми доспѣхами, тонкія сердечныя чувства. Христіанскій рыцарь превосходилъ героевъ древности великодушіемъ, скромнымъ и, въ то же время, гордымъ, которому трудно найти другое названіе, кромѣ рыцарскаго великодушія. Исправленное религіей феодальное общество нашло самое блестящее выраженіе свое въ рыцарствѣ, которое было его расцвѣтомъ.

Феодализмъ стремился также упорядочить себя въ политическомъ отношеніи, и всѣ королевства не только приспособлялись къ его принципамъ, но даже гордились ими.

Во Франціи, фамилія *Капетинговъ*, возведенная на престолъ съ конца X вѣка (987), была феодальной семьей, обладавшей лишь ограниченной властью даже въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Король Капетингской династіи былъ только сюзеренъ. Если власть его усилилась послѣ Крестовыхъ походовъ, въ царствованіе Людовика VI, Филиппа-Августа, Людовика Святого и Филиппа Красиваго, то это произошло не потому, что король объявилъ себя врагомъ феодализма. Онъ подавлялъ только безпокойныя проявленія его, но уважалъ всѣ его права. Было бы со-

вершенно невѣрно представлять себѣ этихъ государей ожесточенными противниками феодализма. Воспитанные и вскормленные въ феодальныхъ правилахъ, они не могли вообразить иной общественной формы, кромѣ существовавшей. Но они хотѣли видѣть эту послѣднюю упорядоченной и усовершенствованной, не принимая въ соображеніе, что регулировать общество, основанное на захватѣ и насиліи,—значитъ уничтожить его. Они вовсе не намѣревались подавить крупныхъ и мелкихъ вассаловъ, но хотѣли, чтобы всѣ признавали ихъ верховную власть и исполняли по отношенію къ нимъ свои обязательства вѣрности. Это значило—идти только инымъ путемъ къ единству власти.

Они старались прекратить частыя войны, разорительныя для страны, и, такимъ образомъ, лишали сеньёровъ одной изъ царственныхъ привилегій. Подчиняя понемногу, во имя справедливости, всѣ феодальные суды королевскому суду, они возстанавливали прежнюю королевскую власть и, въ то же время, соединеніемъ земельныхъ владѣній, совершавшимся по феодальнымъ правиламъ, возстанавливали, мало-помалу, владѣнія короля. Возрастаніе источниковъ доходовъ позволяло имъ все болѣе и болѣе подчинять бароновъ законамъ повиновенія и правосудія, содержавшимся въ феодальныхъ правилахъ.

Администрація, которой положилъ начало Филиппъ-Августъ и которую развили Людовикъ Святой и Филиппъ Красивый, лишь смутно напоминаетъ римскую администрацію, а должностныя лица короля — *бальи, сенешали* и проч. — не что иное, какъ феодальные сановники. *Парламентъ*, правильно дѣйствовавшій со временъ Людовика Святого,— только *феодальный дворъ* короля, гдѣ засѣдаютъ могущественные сеньеры и гдѣ законовѣды *(легисты)* не всегда въ силахъ доставить торжество духу римскихъ законовъ. Даже *Генеральные штаты*, созванные въ первый разъ Филиппомъ Красивымъ въ 1302 г.—не что иное, какъ феодальныя собранія, раздѣленныя на классы, которые дѣйствуютъ безъ всякаго порядка, не будучи въ состояніи серьезно контролировать королевскую власть, и распускаются, какъ только перестаютъ быть нужными этой послѣдней.

Французская королевская власть, извлекавшая свою силу изъ разумнаго примѣненія самихъ феодальныхъ законовъ, еще бо́льшую силу заимствовала у церкви. Христіанская королевская власть, освящаемая церковью, становилась почти священною и получала нравственное обаяніе, еще усиливавшее ея феодальное главенство. Короли покровительствовали церкви и обогащали ее. Епископы проповѣдывали повиновеніе королю, въ качествѣ божественнаго закона. Короли и епископы рука объ руку выступали противъ сеньёровъ, раздѣляясь, безъ сомнѣ-

нія, когда союзъ казался слишкомъ невыгоднымъ той или другой сторонѣ, но вновь приходя къ соглашенію послѣ кратковременной борьбы, въ видахъ укрѣпленія власти короля и власти церкви.

Короли Франціи опирались и на низшіе классы, защищая ихъ отъ алчности сеньёровъ. Вынуждать всѣхъ этихъ мелкихъ властелиновъ къ соблюденію нравственныхъ законовъ и къ требованіямъ лишь въ предѣлахъ феодальныхъ правъ, охранять хижину крѣпостного и арендатора, поддерживать привилегіи общинъ, ограничивать, однимъ словомъ, суды и права феодализма—это значило облегчать народъ, обезпечивать за собой его признательность. Королямъ, съ теченіемъ времени, не разъ приходилось обращаться къ общинной милиціи въ борьбѣ съ феодальными войсками.

Въ Англіи феодализмъ былъ установленъ во всей его совокупности и вполнѣ систематически Вильгельмомъ Завоевателемъ. Онъ раздавалъ государственныя земельныя владѣнія воинамъ и начальникамъ своей арміи, сообразно ихъ чинамъ и заслугамъ, и церковныя земли—норманскимъ клирикамъ, но все-таки принималъ мѣры, чтобы выше ихъ всѣхъ поднималась королевская власть, достаточно богатая и сильная для проявленія повсюду своего главенства. Вынужденные, впрочемъ, тѣснѣе сплотиться въ завоеванной странѣ около своего короля и соблюдать строгую дисциплину, чтобы обезпечить за собой свои владѣнія, норманскіе сеньёры только въ XIII вѣкѣ вздумали противиться королевской власти, злоупотреблявшей феодальными правами до настоящей тираніи.

На другомъ берегу Ламанша произошелъ процессъ, противоположный совершившемуся во Франціи. Королевская власть, на первыхъ порахъ весьма могущественная, теряла силу, а феодализмъ, сперва слабый, все усиливался. Прежніе враги, бароны и народъ, соединились противъ королевской власти, тогда, какъ во Франціи народъ и король соединились противъ сеньёровъ. Изъ упомянутаго союза въ Англіи произошло ограниченіе королевской власти, и феодальныя собранія стали не перемежающимися и безсильными, какъ во Франціи, а періодическими и вліятельными, получивъ наименованіе *парламента*. Въ этой странѣ, менѣе проникнутой римскими идеями, идеи свободы, исходившія отъ германцевъ, выдѣлились раньше изъ феодальнаго хаоса. Англія первая нашла формулу новѣйшей свободы, хотя въ *Великой Хартіи* 1215 г. эта формула еще затемнена феодальными тонкостями.

На югъ отъ Пиренеевъ испанская національность слагалась съ трудомъ въ четырехъ христіанскихъ королевствахъ (Астуріяхъ и Леонѣ, Наваррѣ, Кастиліи и Арагоніи), которыя дружно подвигались

противъ мусульманъ и шагъ за шагомъ завоевывали вновь утраченную территорію. Находясь въ непрерывномъ Крестовомъ походѣ, сражаясь ежедневно за отечество и вѣру, испанскіе сеньёры довели до высшей степени религіозное мужество, фанатизмъ и самоотверженіе, одинаково свойственные рыцарству. Гордо держа себя предъ королями, которымъ они считали себя равными и которые безпрестанно имѣли въ нихъ нужду, сеньоры держали себя менѣе гордо съ низшими классами. Съ этими послѣдними они постоянно раздѣляли утомленіе и опасности походовъ и сближались съ ними, нося одинаковое наименованіе „христіанина“, бывшее настоящимъ благороднымъ титуломъ въ этой странѣ, раздѣленной между враждебными религіями. Сами короли, послѣ нѣкоторыхъ битвъ, возводили въ дворянское достоинство цѣлыя арміи; это достоинство переходило изъ рода въ родъ во многихъ семьяхъ, которыя гордились имъ, хотя и не богатѣли отъ него. Классы въ Испаніи, благодаря тому, еще болѣе сближались и ограничивали королевскую власть, заставляя ее сообразоваться съ собраніями или кортесами, и ревниво слѣдили за поддержаніемъ общественной свободы.

Въ Италіи воспоминанія объ администраціи и единствѣ римскаго государства были гораздо живѣе, но большое число народовъ, слѣдовавшихъ тамъ, одинъ за другимъ, со времени вторженія, помѣшало образованію національности. Феодализмъ привелъ эту страну къ безконечному раздробленію. Духовные и свѣтскіе представители его захватили всю власть въ свои руки, и дѣленія благопріятствовали честолюбію Германіи, подъ господствомъ которой оставался Апеннинскій полуостровъ. Германскій императоръ, Конрадъ II, еще болѣе скрѣпилъ узы, связывавшія Италію съ Германіей, измѣнивъ эдиктомъ 1037 г. характеръ итальянскаго феодализма. Онъ объявилъ, что всѣ итальянскіе сеньёры должны находиться въ непосредственной зависимости отъ него. Онъ устранилъ всякую посредствующую власть и уничтожилъ давленіе сюзереновъ на вассаловъ, которыхъ тѣ уже не должны были вынуждать идти съ ними противъ императора. Поэтому итальянскій феодализмъ установился въ иномъ видѣ, чѣмъ феодализмъ другихъ странъ. Въ немъ были, если можно такъ выразиться, только мельчайшіе изъ мелкихъ сеньёровъ и не существовало никакой іерархіи, такъ какъ и малые, и великіе одинаково зависѣли отъ императора германскаго.

Этотъ императоръ, властвовавшій надъ итальянскимъ феодализмомъ, неизбѣжно долженъ былъ господствовать и надъ нѣмецкимъ феодализмомъ. Развитіе послѣдняго шло медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ. Франція въ X вѣкѣ была уже раздроблена, а Германія, раздѣлявшаяся

лишь на нѣсколько герцогствъ, представляла единство, обезпечивавшее, на первыхъ порахъ, ея преобладаніе. Если бы германскія династіи были столь же долговѣчными, какъ династія Капетинговъ, обязанная этому обстоятельству возрастаніемъ своего вліянія, феодализму, быть можетъ, не удалось бы восторжествовать въ названной странѣ. Но ни одна изъ династій германскихъ королей не занимала престола дольше одного вѣка [1]). Феодализмъ воспользовался несогласіями претендентовъ, и къ срединѣ XIII вѣка сдѣлался всемогущимъ, хотя повсюду въ это время онъ уже склонялся къ упадку.

Германія, впрочемъ, болѣе всѣхъ другихъ странъ, въ первое время оставалась вѣрною памяти Карла Великаго и преданіямъ государственнаго единства. Саксонцы, нѣкогда побѣжденные франками, возстановили титулъ императора, оставленный этими послѣдними. Оттонъ I, въ 962 г., возобновилъ въ Римѣ церемонію коронованія Карла Великаго и возстановилъ въ пользу германскихъ цезарей Римскую имперію. Онъ окружилъ себя должностными лицами и сановниками и желалъ, повидимому, возвратиться къ традиціямъ порядка и разумной администраціи. Но этихъ традицій никогда не существовало въ германской странѣ, едва вышедшей изъ варварства и слишкомъ проникнутой идеями независимости, чтобы выносить какое бы то ни было подчиненіе. Несмотря на всѣ свои усилія, германскіе цезари могли быть только феодальными королями. Гордость ихъ, въ качествѣ императоровъ, привела ихъ лишь къ тому, что они вовлекли другихъ королей Германіи въ борьбу съ Италіей и этимъ истощили свои силы къ выгодѣ возраставшаго феодализма.

Гордость настолько ослѣпляла германскихъ королей, что, едва сдѣлавшись властелинами въ своей странѣ, они захотѣли господствовать въ Европѣ и, прежде всего, въ Италіи. Тамъ они натолкнулись на иную власть, но на равное честолюбіе—на власть и честолюбіе папы. Послѣ того, какъ папство было освобождено Григоріемъ VII, оно оспаривало преобладаніе у имперіи. Соперничество между первосвященникомъ и императоромъ, начавшись въ XI вѣкѣ ссорою изъ-за инвеституры (1073), продолжалось въ XII, между Фридрихомъ Барбароссой (1152—1190), и Александромъ III, въ XIII в. между Оттономъ Брауншвейгскимъ (1198—1218) и Иннокентіемъ III, и окончилось столь драматическимъ состязаніемъ между пылкимъ Фридрихомъ II (1218—1250) и непоколебимымъ Иннокентіемъ IV.

---

[1]) *Саксонскій* домъ царствовалъ отъ 918 до 1024; *Франконскій*—1024—1125; *Гогенштауфенскій* 1137—1250 г.

Упоенные зрѣлищемъ христіанскихъ воиновъ, поднимающихся по одному ихъ слову, чтобы броситься на Азію, папы вообразили себя владыками. Они выработали начала духовнаго правленія или теократіи и мечтали о возстановленіи, силою религіи, единства Европы, которое, вслѣдствіе феодальнаго раздробленія, становилось невозможнымъ съ политической точки зрѣнія. Имѣя въ рукахъ мнимыя постановленія первыхъ, папъ *(лжедекреталіи)*, выработанныя тогдашними казуистами, и право отлученія, не одинъ разъ оказывавшее имъ большія услуги, папы не побоялись провозгласить главенство тіары надъ всѣми коронами и объявить королей простыми намѣстниками св. престола. Различныя событія борьбы между первосвященникомъ и императоромъ, впродолженіе двухъ вѣковъ, держали Европу въ напряженномъ состояніи.

Безъ сомнѣнія, видимая побѣда была на сторонѣ папства. Оно подорвало честолюбіе императоровъ, унизило Фридриха Барбароссу почти столько же, сколько Генриха IV, возвело на престолъ и низвергнуло съ него Оттона Брауншвейгскаго и затѣмъ—Фридриха II. Оно освободило Италію, что̀ можно считать наиболѣе славною изъ его побѣдъ. Тѣмъ не менѣе, оно вышло ослабленнымъ изъ этой страшной борьбы. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего кратковременнаго торжества, папство оказалось въ плѣну, въ грубыхъ рукахъ короля Франціи, Филиппа Красиваго.

Борьба, такимъ образомъ, дала отрицательныя послѣдствія для обѣихъ сторонъ, которымъ удалось только ослабить другъ друга. Наступилъ продолжительный періодъ упадка для императорской власти въ Германіи. Таковъ былъ результатъ этихъ прискорбныхъ столкновеній, въ которыхъ обѣ власти, предназначенныя своимъ согласіемъ поддерживать порядокъ въ обществѣ, вызвали глубокое нарушеніе этого порядка. Даже вѣра была поколеблена; это въ особенности можно сказать о Германіи, наиболѣе пострадавшей отъ потрясеній и питавшей, съ того времени, враждебное чувство къ св. престолу, которое, впослѣдствіи, привело ее къ отпаденію отъ него.

Европа, какъ мы видимъ, отвергла начало единенія, установленное древнимъ міромъ. Она не желала ни господства императора, ни господства папы. Это несдержанное, лихорадочное общество не позволяло никому подчинить его, и германскій духъ независимости, чувство личности, которое у націй называется патріотизмомъ, въ XIII вѣкѣ рѣшительно взяли верхъ надъ пассивнымъ повиновеніемъ, свойственнымъ древней Римской имперіи. Новая Европа слагалась посреди феодальнаго хаоса, со всѣмъ разнообразіемъ своихъ королевствъ, Англіи, Франціи и Германіи, и государствъ Италіи и Скандинавіи, понемногу высту-

павшихъ изъ мрака. Разнообразію націй предстояло сдѣлаться одною изъ выдающихся чертъ новой цивилизаціи, далекой отъ единства, живущей неодинаковой жизнью и безпрерывно оживляющейся соперничествомъ народовъ, которые одновременно трудятся для себя и для всѣхъ. Каждый изъ нихъ налагаетъ на нее печать своего особаго генія и придаетъ ей крѣпость своей энергіей.

Неодинаковость прогресса выражалась уже въ степени могущества королевской власти въ каждой странѣ и, въ особенности, въ степеняхъ свободы низшихъ классовъ. XII и XIII вѣка ознаменовались подъемомъ городскихъ населеній, весьма неравнымъ въ различныхъ странахъ.

Крестовые походы, какъ мы уже упоминали, благопріятствовали этому подъему. По необходимости, имѣя дѣло съ городскими ремесленниками, въ работѣ которыхъ они нуждались, феодальные сеньёры уступали или продавали имъ различныя привилегіи. Въ Германіи императоры испытавали потребность въ помощи городовъ въ борьбѣ съ сеньёрами и даровали первымъ право самоуправленія: привилегированные города становились *имперскими городами*. Паденіе Германской имперіи 1250 г. сдѣлало ихъ еще болѣе независимыми, такъ какъ они теряли своего единственнаго властелина. Но, утративъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, его покровительство, они сблизились другъ съ другомъ во время смутъ междуцарствія. Они заключали между собою союзы для обезпеченія мореплаванія и торговыхъ путей.

Такъ же, какъ въ Германіи, императоры давали въ Италіи привилегіи городамъ, находившимся въ союзѣ съ ними. Преданія древняго городского самоуправленія продолжали еще, впрочемъ, существовать на итальянской почвѣ, и многимъ итальянскимъ городамъ удалось сохранить свою независимость. У Италіи были свои республики—Генуя, Пиза, Флоренція, Венеція и проч. Это были главныя республики, торговля и богатства которыхъ значительно развились, благодаря Крестовымъ походамъ.

Флоренція и Венеція, въ особенности, привлекали вниманіе своимъ могуществомъ и разнообразіемъ формъ правленія, напоминавшихъ, до извѣстной степени, въ среднихъ вѣкахъ, традиціи древности. Флоренція сдѣлалась *демократической* республикой, желавшей, повидимому, возродить безпокойную жизнь аѳинскаго государства. Венеція, безъ всякаго намѣренія подражать Спартѣ, приняла аристократическую форму правленія, съ мудрымъ сенатомъ, имѣвшимъ нѣчто общее съ римскимъ. Во Флоренціи съ 1282 года власть перешла въ руки старшинъ художественныхъ цеховъ и притомъ не тѣхъ искусствъ, которыя мы называемъ свободными, а искусствъ ремесленныхъ. Ревнивое отношеніе

къ лицамъ благороднаго происхожденія дошло до такого предѣла, что желавшему достигнуть общественныхъ должностей приходилось отказываться отъ своего происхожденія и вписываться въ книгу какого-нибудь ремесленнаго цеха. Въ Венеціи, напротивъ, надо было записываться въ *Золотую книгу*, чтобы имѣть право добиваться общественной должности. Власть сосредоточивалась въ рукахъ старой знати, такъ подозрительно относившейся къ общественной свободѣ и своему вліянію, что она выносила даже скрытую тиранію Совѣта Десяти, опасную для самихъ дожей.

Самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ итальянскихъ городовъ былъ Римъ, не знавшій, какому властителю онъ долженъ повиноваться. Императорскій префектъ, папа и городское управленіе—оспаривали власть другъ у друга. Благородныя лица обладали замками или старинными зданіями внутри города и безпрерывно ссорились между собой. Соперничество родовъ Колонна и Орсини часто орошало кровью римскую почву.

Ремесленникамъ французскихъ городовъ, образовавшимъ *корпораціи* для охраны промышленности, въ особенности, въ сѣверной и средней Франціи, оставалось только соединить эти корпораціи, чтобы имѣть возможность сопротивляться гнету феодаловъ и составить общество городскихъ жителей или городскую *общину*. Покупая или захватывая силой *хартію,* обитатели этихъ городовъ или *общинники* имѣли своихъ особыхъ должностныхъ лицъ, *старшинъ* или *мэровъ*. Члены общины 1) пользовались полнымъ правомъ собственности на свое имущество, 2) могли быть судимы только своими должностными лицами, 3) принимали участіе въ выборѣ этихъ послѣднихъ, 4) уплачивали только налогъ, установленный этими лицами, и 5) лишь черезъ ихъ же посредство сносились съ сеньёрами. Общинные города имѣли свою милицію, свое правосудіе, свое знамя и свою печать. У нихъ былъ и особый общинный домъ или *ратуша*. Это важное превращеніе совершилось въ особенности въ сѣверныхъ и среднихъ городахъ, потому что города южной Франціи, менѣе угнетенные, сохранили отчасти муниципальныя традиціи, завѣщанныя римлянами.

Крѣпостныя стѣны съ башнями, опоясывавшія городъ, цѣпи, загораждавшія улицы, башенки, возвышавшіяся на домахъ, набатный колоколъ, которымъ гордились ратуша и весь городъ, крѣпко сплоченныя корпораціи, — все вмѣстѣ, даетъ высокое понятіе о могуществѣ общинниковъ. Связанныя клятвой и взаимной преданностью,—они сами охраняли и поддерживали свою власть, управляемые и судимые выбранными ими должностными лицами. Какъ только колоколъ набата призывалъ ихъ на помощь гражданину или городу, они оставляли

домъ, работу и личные интересы, потому что всѣ принимали участіе въ каждомъ, и каждый жертвовалъ собою для всѣхъ [1]).

Кромѣ этихъ общинъ, составлявшихъ настоящія республики среди феодальныхъ государствъ, погибшихъ жертвами своихъ раздоровъ, причемъ пламя свободы, слишкомъ раздуваемое, истощалось быстро, образовывались и другія группы городскихъ населеній. Короли и сеньёры открывали убѣжища бѣглымъ рабамъ и строили *новые* или *свободные* города, происхожденіе которыхъ указывается этими названіями, уцѣлѣвшими до нашего времени во многихъ странахъ. Основатель надѣлялъ новыхъ поселенцевъ хартіей, даровавшей имъ право *гражданства*. Если основателемъ былъ король, граждане становились гражданами короля. Впрочемъ, эти послѣдніе были и въ другихъ городахъ, и даже въ общинахъ, на ряду съ прежними гражданами. Обитатели городовъ отрекались иногда отъ своего сеньёра въ пользу короля, становясь, такимъ образомъ, подъ прочную защиту государя. *Буржуазія*, занимая среднее мѣсто между крѣпостными и дворянами, все болѣе и болѣе развивалась, какъ новая нація, достигшая нѣкотораго благосостоянія трудомъ и купившая свободу борьбою, бывшею иногда весьма ожесточенной.

Бережливые и гордые горожане составляли какъ бы третью общественную ступень или *третье сословіе*, успѣхамъ котораго короли покровительствовали, видя въ немъ точку опоры противъ непокорнаго дворянства. Правители дѣлали иногда позаимствованія изъ казны горожанъ и понемногу стали призывать ихъ въ свои совѣты, чтобы лучше расположить ихъ къ ссудамъ. Даже прежде созванія генеральныхъ штатовъ, короли совѣтовались съ нѣкоторыми почетными лицами добропорядочныхъ городовъ. Такъ преобразовался народъ, мѣсто котораго вскорѣ должно было обозначиться во всѣхъ общихъ національныхъ собраніяхъ. Это было важнымъ успѣхомъ, причиной и основой всего послѣдующаго прогресса.

Общинное движеніе не только подготовило появленіе третьяго сословія: оно внушило обитателямъ освобожденныхъ городовъ возвышенныя гражданскія чувства. Повидимому, возродились древніе города. Городъ становился отечествомъ: за него страдали и умирали. Безъ сомнѣнія,

---

[1]) По этому важному вопросу см. въ особенности *Lettres sur l'histoire de France*, par Augustin Thierry. Не смотря на множество работъ по этому неисчерпаемому вопросу и новыхъ взглядовъ, вытекающихъ изъ разработки исторіи многихъ общинъ, соображенія Огюстена Тьерри не потеряли своей силы. Ихъ не надо только слишкомъ обобщать, потому что въ среднихъ вѣкахъ все было разнообразнымъ и мѣстнымъ.

это былъ мѣстный патріотизмъ, но онъ располагалъ къ жертвамъ, связаннымъ съ истиннымъ патріотизмомъ. Мѣстный патріотизмъ, впрочемъ, продолжалъ существовать и тогда, когда всѣ города составляли уже одно отечество, и совершалъ чудеса. Понятія о достоинствѣ, чести и самоотверженіи, казавшіяся достояніемъ одного только дворянства, сдѣлались доступными и гражданамъ общинъ. Хотя эти люди не причислялись къ рыцарству, но своимъ мужествомъ они не уступали ему.

Привязанность общинниковъ къ своему городу заключала въ себѣ и нѣкоторую опасность. Франція могла раздѣлиться на мелкія республики, естественно завидовавшія другъ другу, какъ республики итальянскія, отчего политическое единство могло пострадать.

Эту опасность общины сами отвратили своими раздорами. Попадая въ какую-нибудь общину, ее можно было видѣть, какъ говоритъ старинный авторъ Бомануаръ, охваченной «многочисленными спорами однихъ противъ другихъ, какъ, напр., бѣдныхъ съ богатыми или даже однихъ богачей съ другими, когда они не могли согласиться выбрать мэра, прокурора или адвоката, или когда нужды города вызывали споры между семьями". И эти несогласія всегда кто-нибудь разжигалъ—сеньёръ, замокъ котораго господствовалъ надъ городомъ, епископъ, соперничавшій съ сеньоромъ или самъ занимавшій его мѣсто, настоятель монастыря, пользовавшійся въ немъ такою же безопасностью, какъ и епископъ въ своемъ дворцѣ. Правосудіе, привилегіи дворянъ и духовныхъ, поборы, торговля, феодальныя права, — все служило предлогомъ къ столкновеніямъ или къ смутамъ.

Тогда въ дѣло вмѣшивались короли, желавшіе помочь и разстроеннымъ денежнымъ дѣламъ города. Понемногу они навязывали ему свою опеку и своихъ служащихъ. Общины утрачивали свою независимость, сохраняя лишь нѣкоторыя привилегіи: онѣ становились *превотальными* или *королевскими* городами. Подъ конецъ, они дешево уступали свою бурную свободу, ради возможности развивать подъ охраною королевской власти свою промышленность и благосостояніе.

Исторія общинъ остается, тѣмъ не менѣе, одною изъ самыхъ интересныхъ страницъ исторіи Франціи, и традиціи этихъ доблестныхъ городовъ заслуживаютъ того, чтобы ихъ не забывали. Граждане общинъ были предками третьяго сословія и первыми защитниками свободы.

Сравнительное смягченіе нравовъ, вслѣдствіе болѣе разумнаго отношенія къ христіанству, не могло не принести пользы и жителямъ деревень. Ужасы 1000 года, когда вся католическая Европа ожидала свѣтопреставленія, восторженное настроеніе во время Крестовыхъ походовъ, участіе крестьянъ въ священныхъ войнахъ повели за собой осво-

божденіе большого числа крѣпостныхъ. И сами сеньёры начинали понимать, что свободный трудъ можетъ быть выгоднѣе принудительнаго. Они стали заключать договоры со своими крѣпостными, которые превратились, такимъ образомъ, въ *фермеровъ* или мызниковъ, т.-е. арендаторовъ земельныхъ участковъ.

Въ то время богатство заключалось только въ землѣ: драгоцѣнныхъ металловъ почти не было. Поэтому всѣ услуги оплачивались натурою. Дворяне и крестьяне были связаны между собою многочисленными условіями: первые уступали послѣднимъ землю съ обязательствомъ различнаго рода уплатъ, которыя состояли или въ извѣстной части урожая, или въ постоянной рентѣ, въ даровыхъ услугахъ сеньёру, въ видѣ работы телѣжника, бондаря, пастуха, свинопаса, булочника, кузнеца и т. п. На ряду съ прежнимъ крѣпостнымъ трудомъ, который производился все въ меньшей и меньшей мѣрѣ, образовывались другіе виды труда, добровольнаго, ограниченнаго договоромъ. Архивы замковъ переполнялись множествомъ пергаментовъ, стѣснявшихъ свободу крестьянъ на цѣлыя столѣтія и служившихъ для будущаго началомъ многихъ взрывовъ негодованія.

Церковь въ деревняхъ учредила приходы: хижины крестьянъ, расположенныя вокругъ скромной церкви, возникшей благодаря щедротамъ сеньёра, составляли нѣчто въ родѣ общины. Это былъ церковный округъ, находившійся подъ управленіемъ священника, который составлялъ метрическіе акты. Впрочемъ, и сеньёры имѣли при церквахъ своего надсмотрщика или управителя, часто поручая эту должность крѣпостному или вилану. Управитель совѣщался съ нѣсколькими односельцами, и изъ этихъ совѣтовъ въ деревняхъ образовались *сельскіе суды*, которые судили крестьянъ, почти придерживаясь формъ феодальныхъ судовъ.

Наконецъ, въ началѣ XIV вѣка, Людовикъ X Сварливый, сынъ Филиппа Красиваго, освободилъ указомъ 1315 г. всѣхъ крѣпостныхъ въ королевскихъ владѣніяхъ. Въ указѣ провозглашалось, что «по праву природы, каждый долженъ родиться свободнымъ». Этотъ великій принципъ былъ совершенно противоположнымъ тому, какой не уставали повторять греческіе философы и римскіе законовѣды. Примѣненіе этого принципа ни для кого не было обязательнымъ, но онъ долженъ былъ, уже силою заключавшагося въ немъ свѣта, отодвинуть во мракъ крѣпостничество.

Облегченіе бѣдственнаго положенія земледѣльческаго сословія, развитіе городскихъ свободныхъ учрежденій, благосостояніе горожанъ— все это должно было содѣйствовать пробужденію стремленій къ общей свободѣ, проявляющихся повсюду въ XIII вѣкѣ, вовсе не идя въ

разрѣзъ съ началами феодализма. Если древнія народныя собранія исчезли, то въ каждой сеньоріи поддерживались собранія вассаловъ. Сеньёры не рѣдко группировались около своихъ сюзереновъ, помогая имъ и, въ то же время, сдерживая ихъ. Въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка, король Франціи, увеличивъ свои владѣнія почти до предѣловъ королевства Карла Лысаго, умножилъ число своихъ вассаловъ, и собранія ихъ почти сами собой превратились въ общественныя собранія. Важное значеніе общинъ, необходимость для королей въ пособіяхъ отъ городовъ для пополненія недостаточныхъ феодальныхъ доходовъ, заставляли правителей созывать горожанъ такъ же часто, какъ и дворянъ. Въ нѣкоторыхъ ленахъ были даже особыя собранія трехъ сословій. Не много было нужно, чтобы эти особыя собранія превратились въ *генеральные штаты*, чтобы время распространило общинное движеніе по всѣмъ большимъ ленамъ, а лены сосредоточились въ рукахъ одного верховнаго правителя или сюзерена. Этотъ моментъ совпалъ съ царствованіемъ Филиппа Красиваго; вотъ почему генеральные штаты (1302 г.) ведутъ свое начало отъ этого государя, который былъ реформаторомъ гораздо менѣе, чѣмъ это думаютъ.

Въ XIV вѣкѣ безпечность и расточительность династіи Валуа и бѣдствія столѣтней войны (съ Англіей) создали такое положеніе дѣлъ, что генеральные штаты (1356 г.) едва не взяли власть въ свои руки и не положили начала принципамъ формы правленія многихъ новѣйшихъ государствъ. Но это не удалось имъ, такъ же, какъ не удавалось всегда при прежней монархіи, потому что три сословія, слишкомъ разрозненныя, никогда не могли придти къ серьезному соглашенію, чтобы понудить королевскую власть уступить ихъ требованіямъ. Эгоизмъ привилегированныхъ сословій, занятыхъ болѣе поддержаніемъ своего вліянія, чѣмъ защитой общественныхъ интересовъ, мѣшалъ классамъ соединиться въ своихъ настояніяхъ и угрозахъ. Короли господствовали надъ ними, благодаря этому раздѣленію, которое они искусно умѣли поддерживать. Генеральные штаты блестѣли только кратковременнымъ блескомъ въ исторіи старинной Франціи.

Въ Англіи политическая свобода тотчасъ же закрѣпилась въ *парламентѣ*. Хотя это названіе встрѣчается и во Франціи, но тамъ оно обозначало нѣчто иное: политическій парламентъ англичанъ рѣзко отличается отъ судебнаго парламента французовъ, напоминая скорѣе французскіе генеральные штаты, окрѣпшіе, упорядоченные, вооруженные обширною и опредѣленною властью.

Короли Англіи сразу пріобрѣли наибольшую силу въ странѣ. Власть ихъ съ самаго начала была неограниченною, тогда какъ короли Фран-

ціи достигли того лишь послѣ долгой борьбы. Англійскіе бароны естественнымъ путемъ должны были придти къ заключенію союза противъ угнетенія. Они истребовали отъ короля Генриха I *хартіи*, которыя возобновлялись въ слѣдующія царствованія и развились въ *Великую хартію* 1215 года, исторгнутую сеньёрами и духовенствомъ отъ Іоанна Безземельнаго. При всемъ обиліи статей, относящихся къ упорядоченію феодальныхъ правъ, въ этой хартіи замѣчаются двѣ главныя статьи, послужившія основаніемъ общественной свободы Англіи. Одна изъ нихъ устанавливала, что король не можетъ требовать никакихъ чрезвычайныхъ поборовъ *безъ согласія общаго совѣта королевства*. Это уже была *политическая свобода*. Другая статья обезпечивала *личную свободу*, не допуская задержанія и заключенія свободнаго человѣка иначе, какъ *по суду равныхъ ему лицъ*.

Англійское дворянство не только добилось этихъ уступокъ для самихъ себя, но и распространило благодѣянія хартіи на всѣхъ свободныхъ людей: въ виду несправедливости и угнетенія, дворяне не обращали уже вниманія на различія классовъ. Впрочемъ, англійскіе бароны и не могли бы добиться этихъ значительныхъ уступокъ, не опираясь на низшіе классы. Хотя въ Англіи воспоминаніе о завоеваніи и обезземеленіи почти всѣхъ прежнихъ саксонскихъ землевладѣльцевъ и должно бы было болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, образовать пропасть между норманской аристократіей и англійскимъ народомъ, но именно въ этой странѣ произошло сближеніе между высшими и низшими классами. Племенная вражда почти совершенно угасла въ теченіе полутора вѣка. Общіе интересы и политика привели къ сліянію, оказавшему большую пользу общественной свободѣ.

Въ долгой борьбѣ, которая завязалась при Генрихѣ III между баронами и королевскою властью, вынужденною выдать *Оксфордскую грамоту* (1258 году), сеньёры все болѣе и болѣе обращались къ поддержкѣ городовъ и рыцарей и даже мелкихъ фермеровъ графствъ. Въ парламентѣ, созванномъ графомъ Лейстеромъ, побѣдителемъ въ битвѣ при *Льюисъ* (1264), графъ отдалъ приказаніе шерифамъ [1]) произвести *избраніе* въ каждомъ графствѣ двухъ рыцарей и потребовалъ отъ главныхъ городовъ Англіи присылки депутатовъ. Система *выборовъ*, *представительства* общественной массы небольшимъ числомъ уполномоченныхъ, была, такимъ образомъ, примѣнена въ Англіи гораздо раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Даже послѣ пораженія Лейстера, побѣжденнаго и убитаго при Ивсгемѣ (1265), король Генрихъ III подтвердилъ привилегіи парламента и созывъ гражданъ.

[1]) Коронный чиновникъ, завѣдующій администраціей графства.

Въ царствованіе Эдуарда I (1272—1307), собранія парламента стали гораздо чаще и получили опредѣленный строй. Предписанія (writs) короля заставляютъ шерифовъ произвести избраніе «въ каждомъ графствѣ, городѣ и поселеніи, гдѣ происходятъ базары», четырехъ рыцарей или кавалеровъ и столько же гражданъ, уполномоченныхъ дѣйствовать «за всю общину». Въ 1295 г., въ моментъ, когда Эдуардъ велъ съ Филиппомъ Красивымъ ожесточенную войну, онъ собралъ парламентъ самый полный сравнительно съ прежними, и съ этого времени можно считать *англійскій парламентъ окончательно установленнымъ*. Онъ созывался *одиннадцать разъ*, если не чаще, въ двѣнадцать послѣднихъ лѣтъ царствованія Эдуарда I.

Это собраніе, составленное изъ различныхъ элементовъ, не могло представить полнаго *единства*. Оно заключало въ себѣ бароновъ и епископовъ, представителей аристократіи, засѣдавшихъ въ немъ въ силу феодальнаго права, и делегатовъ (выборныхъ) отъ кавалеровъ графства и отъ городовъ, являвшихся въ качествѣ не вассаловъ, а уполномоченныхъ многочисленнаго населенія. Естественно, составились двѣ группы, изъ которыхъ образовались вскорѣ *двѣ палаты*, вѣроятно, въ царствованіе Эдуарда III. Англійское правительство, такимъ образомъ, уже съ XIV вѣка приняло форму правленія, получившую господство во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ новѣйшаго времени. Безъ сомнѣнія, побѣда общественной свободы не была еще полною, и Англіи предстояло еще испытать много перемѣнъ прежде, чѣмъ побѣда эта была обезпечена. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что Англія указала и проложила путь свободы. Менѣе проникнутый римскими идеями, по своему характеру болѣе гордый и независимый, англичанинъ, со своимъ холоднымъ темпераментомъ и практическимъ умомъ, отыскалъ первый условія свободы, не такой, какую знала древность, т. е. скорѣе общей, чѣмъ личной, но такой, въ которой германское чувство личной независимости примирялось съ общественными интересами и государственнымъ могуществомъ.

Событіямъ испанской исторіи менѣе удѣлялось вниманія, потому что Пиренейскій полуостровъ былъ какъ бы отрѣзанъ отъ европейскаго движенія, будучи поглощенъ священной войной съ маврами. Испанія, однако, раньше другихъ странъ вернулась къ первоначальной свободѣ германцевъ. Находясь всегда среди своего дворянства (*ricos hombres*), имѣя всегда надобность въ *кавалерахъ* или *гидальгахъ*, которые, вслѣдствіе своей конной службы, были изъяты отъ налоговъ, короли Леона и Кастиліи, Наварры или Арагоніи не могли обходиться безъ совѣщанія со своими войсками, отъ которыхъ требовали иногда большихъ

жертвъ. *Кортесы* происходили на подобіе старинныхъ майскихъ собраній. Въ Испаніи, поэтому, уже съ XI вѣка бывали собранія дворянъ; въ то же время короли, желая населить мѣста, опустошенныя войною, привлекали въ города людей всѣхъ странъ хартіями или *фуэросами*. Города, преобразовываясь и развиваясь, не замедлили примкнуть къ политической жизни націи. Депутаты городовъ засѣдаютъ въ кастильскихъ кортесахъ съ 1169 года. Арагонскіе кортесы раздѣлялись на четыре сословія (brazos, руки) — епископы и командоры духовныхъ военныхъ орденовъ, бароны или ricos hombres, простые кавалеры или infanzones и депутаты городовъ. Впрочемъ, большая рознь христіанскихъ королевствъ и независимый духъ провинцій содѣйствовали большему развитію у испанцевъ мѣстныхъ свободныхъ учрежденій. Арагонія, Каталонія и Валенсія имѣли свои особые кортесы. Въ странѣ далеко еще не было единства, и для того, чтобы оно могло осуществиться, короли подавляли, по мѣрѣ возможности, власть кортесовъ. Уже король кастильскій, *Альфонсъ X Мудрый* (1252—1284) пытался подготовить общее законодательство своимъ кодексомъ, называемымъ *Siede partidas* (раздѣленный на шесть частей), кодексомъ, возбудившимъ много возраженій, такъ какъ онъ затрогивалъ различныя мѣстныя привилегіи или фуэросы. Свободныя учрежденія Испаніи долго оставались, по преимуществу, мѣстными, и при всемъ горделивомъ отношеніи испанцевъ къ королю, имъ не удалось въ позднѣйшія времена установить правленіе своей страны на прочныхъ основахъ свободы, составляющихъ достояніе Англіи.

ГЛАВА VI.

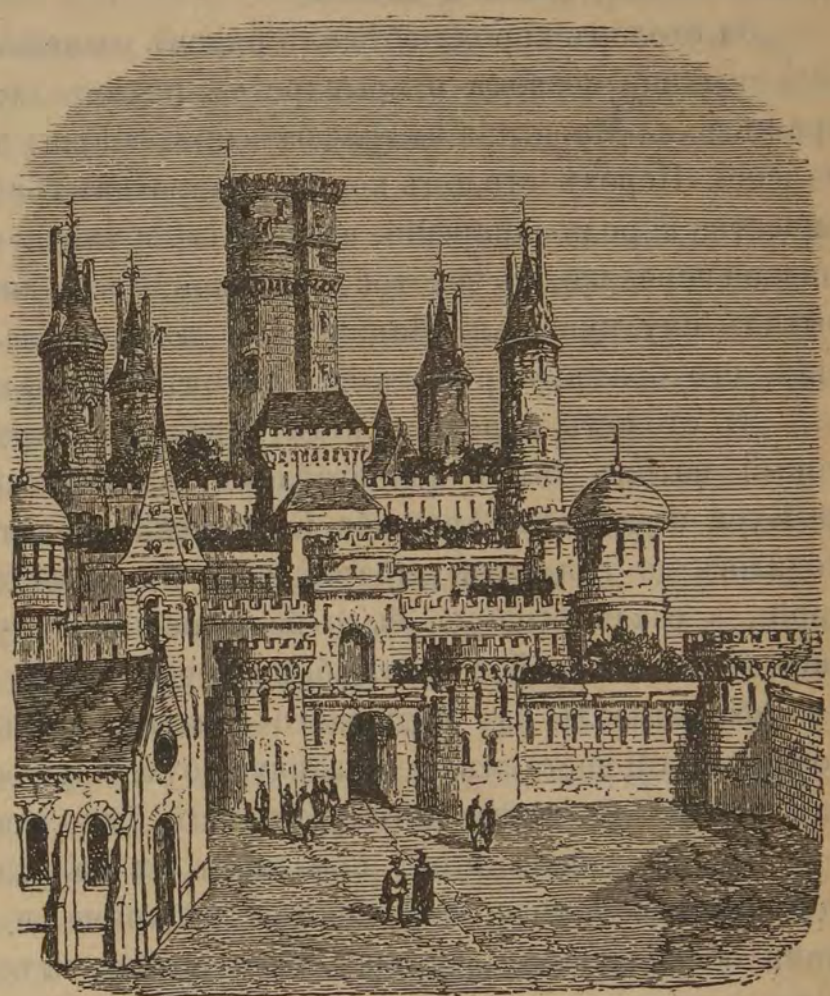
Средневѣковое общество.

Средневѣковое общество.—Дворянство, нравы, публичныя собранія при Людовикѣ Святомъ.—Гербы.—Турниры.—Пиршества; греческая царевна въ Венеціи. — Буржуазія, домашняя обстановка женщины торговаго класса.—Феодальная семья.—Право первородства.—Церковное управленіе; соборы.—Епископы. — Монастыри; новые духовные ордена; картезіанцы; Робертъ Арбрисельскій; аббатство Фонтевро.—Францисканцы и доминиканцы.—Богослуженіе, духовные праздники; праздникъ шутовъ.—Суевѣрія. — Ереси. — Промышленность. — Цехи. — Торговля; парижская ганза; повинности и налоги; условія промышленности въ XIII вѣкѣ. — Евреи; векселя. — Морская торговля.—Венеція, Генуя; Ганзейскій союзъ; торговля Сѣвера; богатства Фландріи.—Путешествія; Марко Поло. — Образованіе; школы и университетъ въ Парижѣ.—Преподаваніе; схоластика.—Номинализмъ и реализмъ.—Философія и теологія, великіе ученые.—Образованіе языковъ; французскій языкъ.—Эпическая поэзія; пѣсни (chansons de gestes).—Аллегорическая поэзія.—Поэзія Юга; трубадуры.—Возникновеніе театра.—Проза; исторія.—Право; возрожденіе римскаго права; обычное право.—Науки, алхимія.—Итальянскій языкъ и поэзія; Дантъ, Петрарка.—Искусства въ Италіи; соборъ св. Марка въ Венеціи.—Французское искусство; военная архитектура.—Религіозная архитектура; романскій стиль.—Готическая архитектура.—Скульптура.—Средневѣковая музыка.—Цивилизація въ XIII вѣкѣ.—XIV вѣкъ; упадокъ феодализма; пышность двора герцоговъ Бургундскихъ; преобразованіе общества.

Съ точки зрѣнія политической, Европа была феодальной и католической, т.-е. раздѣлялась на мелкія государства, впрочемъ, на столько сплоченныя подъ властью религіи, что она едва не подпала подъ управленіе папъ. Эту двойственность характера вызывало и средневѣковое общество: съ одной стороны, въ немъ были грозные и богатые сеньёры, съ другой — цѣлый міръ клириковъ и духовныхъ лицъ, столь же могущественныхъ, какъ и свѣтское общество. Религія примѣшивалась ко всѣмъ обычаямъ повседневной жизни; общество было безпорядочнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, іерархическимъ, соединявшимъ въ себѣ христіанство съ грубой силой, независимость—съ рабствомъ. Оно было блестящимъ и въ то же время бѣднымъ, и, всего болѣе, неравнымъ, такъ какъ одинъ классъ сражался, охотился и пировалъ, а другіе классы работали и страдали.

Феодальное общество, это—еще германская дружина, но уже размѣщенная въ громадныхъ замкахъ, поднимавшихся на холмахъ, господствовавшихъ надъ рѣчными долинами и оберегавшихъ горные проходы. Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ междоусобныхъ войнъ и исчезновеніемъ первоначальнаго варварства, сеньёры охотно смѣнили желѣзные доспѣхи на камзолы и плащи изъ дорогихъ тканей. Въ промежуткахъ между шумными охотами сеньёры проводили время въ своихъ залахъ, украшен-

ныхъ креслами съ изящной рѣзьбой, иногда весьма замысловатой работы, и болѣе или менѣе красивыми ларцами, передѣланными съ XIV вѣка въ *поставцы* для посуды. Сырыя и голыя стѣны украшались *зелеными вѣтвями или циновками изъ тростника*, съ удачно подобранными тѣнями. *Ковры* начали уже входить въ употребленіе, и царственныя руки иногда работали надъ ними, по примѣру королевы Матильды Англійской, дочери Генриха I, и вдовы императора германскаго, Генриха V, задумавшей воспроизвести на большомъ коврѣ (сохраняющемся до сихъ поръ въ музеѣ въ Байё) исторію Гарольда и Вильгельма Завоевателя. Въ этихъ обширныхъ залахъ мебели было немного, но она соотвѣтствовала ихъ размѣрамъ: кровати, помѣщавшіяся на возвышеніи, достигали двѣнадцати квадратныхъ футовъ. Живя на военномъ положеніи, сеньёры охотно раздѣляли ложе со своими вассалами, которыхъ они собирали у себя въ замкахъ, и это считалось выраженіемъ почета.



Замокъ Монлери.

Братство по оружію вполнѣ устраняло понятіе о рабствѣ при отправленіи домашнихъ обязанностей, исполнявшихся сеньёрами по отношенію къ государямъ такъ же, какъ и младшими рыцарями по отношенію къ своимъ сеньёрамъ. Напротивъ, это считалось знакомъ довѣрія со стороны болѣе богатаго и выраженіемъ дружбы со стороны болѣе бѣднаго. Дворянинъ, съ юности отправлявшійся въ замокъ своего сюзерена, служилъ тамъ въ качествѣ *пажа*, *слуги*, *оруженосца*. Онъ разливалъ вино на пирахъ, заботился о доспѣхахъ и лошадяхъ. Онъ подводилъ дорожныхъ лошадей или *боевыхъ* коней, несъ копье или щитъ

своего господина. Позднѣе, возведенный въ достоинство *сенешаля*, управляющаго служителями дома, онъ *разрѣзывалъ мясо* для своего сюзерена. Многіе герцоги и графы имѣли своихъ сенешалей.

У Жуанвиля, хроникера Людовика Святого, сохранилось слѣдующее описаніе большого королевскаго собранія. „Послѣ всего этого,—разсказываетъ онъ,—король собралъ большой дворъ въ Сомюрѣ, въ Анжу; я былъ тамъ и свидѣтельствую вамъ, что это собраніе было устроено лучше всѣхъ, какія я видалъ.

„За столомъ короля обѣдалъ рядомъ съ нимъ графъ Пуатье, котораго онъ недавно возвелъ въ рыцарство; рядомъ съ графомъ де-Дрё сидѣлъ графъ де-ла-Маршъ, а за графомъ де-ла-Маршъ добрый графъ Петръ Бретанскій. Передъ столомъ короля, напротивъ графа де-Дрё, сидѣлъ его величество король наварскій, въ камзолѣ и мантіи изъ атласа, въ весьма нарядной перевязи, съ золотой застежкой, и въ шляпѣ съ золотомъ. Я разрѣзывалъ ему кушанья. Нашему королю подавалъ кушанья графъ Артуасскій, его братъ, а рѣзалъ ему ножомъ добрый графъ Жанъ Суасонскій.

„За столомъ короля присматривали мессиръ Имбертъ де-Божё, который потомъ былъ коннетаблемъ французскимъ, мессиръ Ангеранъ де-Куси и мессиръ Аршамбо Бурбонскій. За этими тремя баронами находилось до тридцати рыцарей ихъ, въ камзолахъ изъ шелковой матеріи, а сзади рыцарей было большое число служителей, въ одеждѣ изъ тафты, на которой вышиты были гербы графа Пуатье. Король имѣлъ на себѣ камзолъ изъ индійскаго атласа, плащъ изъ краснаго атласа, подбитый горностаемъ, и вязанную бумажную шапку на головѣ, которая не шла къ нему, потому что онъ былъ еще молодъ.

„Король давалъ этотъ праздникъ въ залахъ Сомюра. У той стѣны, гдѣ обѣдалъ король, окруженный рыцарями и служителями, занимавшими большое пространство, обѣдали еще за отдѣльнымъ столомъ двадцать епископовъ и архіепископовъ, а за ними, около того же стола, на другомъ концѣ залы,—королева Бланка, мать короля. Королевѣ служили графъ Булонскій, который впослѣдствіи былъ королемъ португальскимъ, и добрый графъ Гютъ де-Сенъ-Поль.

„На другомъ концѣ монастыря находились кухни, погреба и кладовыя; съ той стороны носили королю и королевѣ мясо, вино и хлѣбъ. И во всѣхъ флигеляхъ, и на среднемъ дворѣ обѣдали рыцари въ такомъ большомъ количествѣ, что я не могу ихъ пересчитать; многіе говорили, что они никогда не видывали столько камзоловъ и отдѣлокъ изъ парчи и шелка, какъ было на этомъ праздникѣ; говорили также, что тамъ было не меньше трехъ тысячъ рыцарей“ [1]).

[1]) Joinville: *Histoire de saint Louis*, XXI.

Во времена крестовыхъ походовъ, среди множества рыцарей, закованныхъ въ желѣзо, къ *фамильнымъ именамъ* необходимо было присоединить извѣстные знаки, чтобы различать другъ друга. Эти знаки, изображавшіеся на щитѣ, восходили, вѣроятно, къ очень отдаленному времени, но число ихъ увеличилось лишь въ XII и XIII вѣкахъ; съ тѣхъ поръ начинаютъ пользоваться *гербами*. Это были кресты, башни, мосты, изображенія животныхъ. Эмблемы эти усложнялись вслѣдствіе брачныхъ союзовъ, приводившихъ къ сліянію гербовъ. Создалась наука, названная *геральдикой*, и понадобились *судьи* и *герольдмейстеры*, чтобы препятствовать неправильному присвоенію и поддерживать права обладателей гербовъ, всегда открытыхъ, видимыхъ признаковъ благороднаго происхожденія.

Воодушевленные лихорадочнымъ пыломъ сеньёры, по мѣрѣ того, какъ они переставали воевать другъ съ другомъ, особенно пристрастились къ *играмъ* или *турнирамъ*, подобію войны. Игры эти, весьма старинныя (онѣ встрѣчаются и въ IX вѣкѣ), получили правильную организацію въ XI столѣтіи. „Въ 1066 году,—говоритъ турская хроника,—погибъ Жофруа де-Прёйльи, которому обязаны введеніемъ турнировъ“. Эти игры были, впрочемъ, чисто французскими; сосѣднія націи усвоили ихъ впослѣдствіи, и Ричардъ Львиное Сердце ввелъ ихъ въ Англіи. Оружіе должно было быть притупленнымъ, но, несмотря на предосторожности, эти примѣрныя сраженія представляли часто дѣйствительную опасность. Папы запретили турниры, но, тѣмъ не менѣе, эти битвы не прекращались до XVI вѣка. Кромѣ турнировъ, были еще—вооруженная защита проходовъ, когда одинъ рыцарь защищалъ противъ нѣсколькихъ узкій проходъ, *сраженіе съ барьеромъ*, когда два пѣшіе отряда, вооруженные саблями, топорами и булавами, нападали другъ на друга и боролись до тѣхъ поръ, пока одинъ отрядъ не опрокидывалъ другой по ту сторону барьера; затѣмъ *круглые столы*, бои копьями, которые, повидимому, отличались отъ турнировъ тѣмъ, что на нихъ рыцари сражались одинъ на одинъ, а не группами.

Эта подвижная и утомительная жизнь должна была располагать воиновъ къ обильнымъ пирамъ, которые сеньёры устраивали для своихъ вассаловъ и о которыхъ объявлялось звуками рога (это называлось *протрубить воду*, потому что предъ тѣмъ, какъ сѣсть за столъ, умывали руки). Въ средніе вѣка гостей распредѣляли парами, мужчину съ женщиной, и у каждой пары была лишь одна тарелка для каждаго кушанья, что̀ называлось *пить изъ одной чашки*, и одна *стопа* (кубокъ) для питья. Кромѣ того, было знакомъ особаго благоволенія со стороны государя, если онъ предлагалъ выпить изъ своего кубка. Древнія язы-

ческія возліянія въ честь боговъ, запрещенныя соборами, были видоизмѣнены въ тосты, провозглашавшіеся за здоровье кого-либо изъ гостей. Для королей вина и кушанья сперва *пробовались*, такъ какъ въ этомъ, хотя и дружескомъ, кругу опасались возможности отравы. Кравчій пробовалъ вино, разносившій хлѣбъ и разрѣзывавшій мясо пробовали то, что они подавали. Роскошь вмѣстѣ съ грубостью замѣчались и въ посудѣ.

Въ XI вѣкѣ венеціанскій дожъ, Доменико Сельво, женился на молодой греческой царевнѣ, дочери Константинопольскаго императора. „Восточная роскошь, введенная этой царевной въ Венеціи, удивляла современниковъ. Эта роскошь казалась неприличной до тѣхъ поръ, пока не стали ей подражать. Венеціанскіе хроникеры упоминаютъ о душистой водѣ, которую царевна употребляла во время своего туалета, золотыхъ ложкахъ, которыми она кушала, бальзамическомъ запахѣ ея одеждъ и перчаткахъ, всегда закрывавшихъ ея руки. Каждое утро множество слугъ собирали росу, которою она умывалась, чтобы придать бо́льшую свѣжесть своему лицу. Злоупотребленіе ароматами сдѣлалось для нея такъ пагубнымъ, что тѣло ея стало разлагаться, и это отдаляло отъ нея всѣхъ. Только одна служанка осталась ей вѣрной, *и то не безъ помощи ароматовъ*. Но и та старалась подходить быстро и удаляться бѣгомъ. Эти подробности сообщилъ намъ Петръ Дамьенъ. Негодованіе легковѣрнаго, набожнаго писателя вызываетъ у насъ улыбку, но оно такъ же поучительно, какъ и забавно. Когда онъ съ удивленіемъ утверждаетъ, что „царевна не дотрогивалась до кушаньевъ руками, что она приказывала разрѣзать ихъ на маленькіе кусочки, которые подносила ко рту при помощи золотыхъ ложекъ и вилокъ, онъ даетъ намъ не высокое понятіе о привычкахъ своихъ современниковъ; отдавая должное XI столѣтію, думается, что лучше жить и, въ особенности, обѣдать въ XIX вѣкѣ“ [1]).

У королей и богатыхъ сеньёровъ на столахъ ставилась дорогая посуда изъ золота и серебра, но это были только блюда. Тарелокъ вовсе не было: ихъ замѣняли круглые куски хлѣба, называвшіеся *обрѣзнымъ хлѣбомъ*, которые послѣ обѣда раздавались бѣднымъ. Ложки уже были извѣстны, но вилокъ еще не знали. Въ началѣ у нихъ было только два зубца. Въ первый разъ вилки упоминаются въ спискѣ серебряной посуды Карла V. Салфетки также были рѣдкостью и встрѣчались лишь въ самыхъ богатыхъ замкахъ.

---

[1]) Armingaud, Venise et le Bas-Empire, Archives des missions scientifiques et littéraires, 2 série, t. IV, 3-e liv., p. 357.

Христина де-Пизанъ, въ своемъ *Сокровищѣ женскаго государства*, возстаетъ противъ излишней роскоши среднихъ классовъ. Между прочимъ она указываетъ на домашнюю обстановку женщины торговаго сословія, „жены купца,—говоритъ она,—не изъ тѣхъ, которые ѣздятъ за море, во всѣхъ странахъ имѣютъ своихъ приказчиковъ и называются „благороднымъ купечествомъ“, но изъ тѣхъ, которые покупаютъ оптомъ, а продаютъ въ розницу съѣстные припасы на четыре су (когда понадобится) или больше или меньше (хотя эта женщина богата и живетъ пышно)“. Во время своей болѣзни, эта горожанка принимала многочисленныхъ посѣтителей: „Прежде, чѣмъ войти въ ея спальню, надо было пройти черезъ двѣ очень красивыя комнаты; въ каждой изъ нихъ стояла большая и богато убранная кровать, а во второй, кромѣ того, высокій поставецъ, уставленный серебряной посудой. Оттуда вступали въ большую, прекрасную спальню больной, со стѣнами, завѣшанными коврами, съ надписями, сдѣланными въ честь хозяйки, тонкой и богатой вышивкой золотомъ, кипрской работы. Большая, прекрасная кровать была самой лучшей отдѣлки; ковры покрывали полъ вокругъ кровати и также были затканы золотомъ. Большія парадныя простыни спускались изъ подъ одѣяла; онѣ были такого тонкаго реймскаго полотна, что ихъ цѣнили въ 300 франковъ [1]). Сверху одѣяла, затканнаго золотомъ, была другая, льняная простыня, тонкая, какъ шелкъ, вся изъ одного куска и безъ шва, что́ составляетъ новость очень дорогую, цѣною до 200 франковъ [2]); эта простыня была такъ велика и широка, что покрывала со всѣхъ сторонъ парадную кровать и заходила за край названнаго одѣяла, спускавшагося со всѣхъ сторонъ. Въ этой комнатѣ былъ еще большой нарядный поставецъ, весь уставленный вызолоченной посудой. Въ постели лежала больная, одѣтая въ шелковую ткань кармазиннаго цвѣта, покоясь на большихъ подушкахъ такого же цвѣта съ большими жемчужными пуговицами“. Христина прибавляетъ: „Если бы это было въ комнатѣ королевы, то и тамъ ничего не могло бы быть больше“.

По мѣрѣ того, какъ матеріальная жизнь высшихъ классовъ изъ простой стремилась сдѣлаться роскошной, жители городовъ также старались проявлять себя увеличеніемъ благосостоянія. Наиболѣе богатые украшали свои дома рѣзными фигурами или башенками. Въ городахъ Западной Европы сохранились до сихъ поръ нѣкоторые изъ этихъ домовъ XII и XIII вв., нижніе этажи которыхъ выступали на улицу,

---

[1]) Эта сумма равняется нынѣшнимъ 3.240 фр. (810 руб.).

[2]) 2.160 фр.=540 руб.

какъ будто для того, чтобы сузить ее еще болѣе, а перекрещивающіяся, часто выкрашенныя, балки ихъ украшались рѣзными фигурами, изображавшими библейскія родословныя. Внутренность домовъ также украшалась и, если позволяло мѣсто, перила лѣстницы дѣлались рѣзными. Успѣхи промышленности дали горожанамъ возможность лучше одѣваться, но, тѣмъ не менѣе, они не имѣли права нарушать законы противъ роскоши, обязывавшіе ихъ носить толстыя ткани, называвшіеся *бюро* (грубое сукно). Впрочемъ, богатствомъ обладало столь незначительное число лицъ, что нравы оставались вполнѣ простыми, а боязнь быть ограбленнымъ, въ эти смутныя времена, заставляла многихъ скрывать свое богатство.

Для деревень должны были еще пройти вѣка, прежде чѣмъ участь крестьянъ могла улучшиться. Они считали себя счастливыми уже потому, что рабство было ослаблено.

Феодальная жизнь имѣла большое вліяніе на семью, для которой религія установила слишкомъ строгіе законы, такъ какъ браки между родственниками даже въ отдаленной степени были запрещены. Узы естественной семьи стали наиболѣе могущественными, тогда какъ у древнихъ имѣли силу лишь узы гражданской семьи. Жена, въ отсутствіе мужа-сеньёра, была повелительницей замка. Она носила королевскую, герцогскую или графскую корону. Она наслѣдовала лены, и княжескіе браки чаще всего заключались въ видахъ соединенія раздѣленныхъ владѣній. Тогда женились для того, чтобы пріобрѣсти землю. Короли Франціи пріобрѣли множество провинцій только этимъ способомъ, причемъ французская корона исключалась изъ наслѣдованія. Но салическій законъ примѣнялся только во Франціи, а въ другихъ странахъ могли царствовать и женщины.

Образованная, пользовавшаяся почетомъ жена старалась изяществомъ и лаской удерживать мужа у домашняго очага. Безъ сомнѣнія, боевая жизнь увлекала сеньёра въ дальнія страны, но зиму онъ проводилъ въ замкѣ. Рыцари заботились всего болѣе о пріобрѣтеніи благосклонности дамъ, которымъ они разсказывали о своихъ подвигахъ. Кромѣ того, отважныя дамы предсѣдательствовали на турнирахъ, поощряли храбрѣйшихъ и раздавали призы. Вскорѣ между воинами обнаружилось благородное соревнованіе—обращать на себя вниманіе и получать похвалы столь изящныхъ судей. Суровые повелители становились мягкими и гордились цѣпями, которыя, по выраженію того времени, удерживали ихъ на службѣ той или другой благородной дамы. Поэты выражали чувства рыцарей, и сами рыцари, подъ этимъ магическимъ вліяніемъ, вскорѣ сдѣлались поэтами, какъ, напримѣръ, Тибальдъ Шампанскій.

На югѣ, въ особенности, до начала Альбигойскихъ войнъ, существовали *суды любви*, очаровательныя судилища, на которыхъ дамы, послѣ врученія призовъ за храбрость, присуждали награды и увѣнчивали за умъ и изысканную вѣжливость.

Несомнѣнно, что это составляетъ наиболѣе выдающуюся черту, раздѣляющую новое общество отъ древняго. Вліяніе женщины придавало рыцарству мягкость чувствъ и вѣжливость въ обращеніи, которыя должны были мало-по-малу дѣйствовать и на остальное общество. Грекъ и римлянинъ жили, повидимому, исключительно политическою жизнью; средневѣковому рыцарю были доступны духовныя удовольствія, и новый міръ цѣнилъ радости семейнаго очага, вблизи преданной жены, отвѣчающей мужу тою же привязанностью, и среди дѣтей, привыкшихъ не бояться доспѣховъ своего отца. Древнее общество должно было прибѣгать къ помощи религіи домашняго очага и къ строгимъ законамъ, скрѣплявшимъ семейныя узы: феодальное христіанское общество связывало ихъ взаимнымъ довѣріемъ, обоюдною любовью, свободой обращенія, не исключавшей уваженія,—однимъ словомъ, природнымъ истинктомъ и законами сердца.

Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Библіи и нѣкоторыхъ преимуществъ, предоставленныхъ *первенцу* у евреевъ, дворянство пришло къ тому, что, въ интересахъ своего сословія, предоставило старшему наслѣдованіе почти всего имущества. Это было средствомъ сохранить цѣлость леновъ, и старинный германскій принципъ равенства раздѣловъ, нѣкогда примѣнявшійся даже къ королевской власти, былъ отмѣненъ по отношенію даже къ самымъ мелкимъ земельнымъ участкамъ. Наслѣдникъ титула, леновъ и семейной славы, старшій сынъ долженъ былъ передать эту славу, лены и титулъ старшему изъ своихъ дѣтей, стараясь, если возможно, увеличить свои владѣнія бракомъ или завоеваніемъ. Такимъ образомъ, упрочивались большіе лены и знатныя фамиліи, которыя усиливались въ то же время браками, заключавшимися младшими сыновьями и дочерьми. Дѣйствительно, старшій долженъ былъ стараться доставить своимъ братьямъ и сестрамъ вознагражденіе, пристраивая ихъ въ другія семьи или въ церковь, служившую почти неистощимымъ источникомъ бенефицій, которыя могли переходить поочередно во всѣ семьи, такъ какъ, въ сущности, не принадлежали ни одной.

Слѣдуетъ прибавить, что право *первородства* существовало не вездѣ. Во многихъ земляхъ (даже во Франціи, въ Турэни, Анжу, Мэнѣ, Пуату, Ангумуа, Блэзуа) допускался раздѣлъ лена. Но обширныя права отеческой власти и безусловная свобода завѣщанія создавали

это право старшинства тамъ, гдѣ его не существовало. Кромѣ того, право „субституціи“, *назначенія наслѣдника*, помогало дворянству упрочивать крупную собственность, допуская передачу имѣній или части ихъ наслѣднику второй или третьей степени. Такъ духъ феодализма извратилъ понятія естественной справедливости, принесенныя германцами изъ ихъ лѣсовъ.

Какъ мы уже говорили, католическая религія, принятая повсемѣстно, хотя и не всегда хорошо понятая и соблюдаемая, служила связью средневѣкового общества, столь разъединеннаго съ политической точки зрѣнія. Религія, до извѣстной степени, наложила свой отпечатокъ на королевскую власть, на законы, обычаи и, какъ мы увидимъ далѣе, на литературу и искусства. Этою могущественною властью надъ тѣломъ и душою церковь была обязана своему единству, своей іерархіи и дисциплинѣ.

Тѣмъ не менѣе, одного папства недостаточно было для проявленія столь грознаго авторитета. Церковь не могла сдѣлаться неограниченной монархіей. Въ то время власть ея принадлежала вселенскимъ *соборамъ*, которые собирались часто, какъ, наприм., четыре латеранскихъ собора въ Римѣ (1125, 1139, 1179, 1215), два ліонскихъ собора (1245, 1274), или общимъ, которые происходили въ XII и XIII вѣкахъ, по нѣсколько разъ въ Парижѣ, Труа, Реймсѣ, Санѣ, Бовэ, Шалонѣ на Марнѣ, Руанѣ, Віэннѣ, Тулузѣ, Клермонѣ, Бурже, Лаонѣ, Шартрѣ, Турѣ, Арлѣ, Валансѣ и т. д. Эти многочисленные соборы не были простыми провинціальными соборами, занимавшимися исправленіемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ злоупотребленій: они обсуждали общіе вопросы, какъ, наприм., вопросъ о крестовыхъ походахъ, инвеституракъ, отлученіи королей, ученіяхъ, болѣе или менѣе сообразующихся съ католицизмомъ, объ ересяхъ, о преобразованіи монастырей или же объ установленіи законовъ противъ роскоши и о вопросахъ, относящихся къ обрядности или гражданской жизни. Для того, чтобы составить понятіе о дѣятельности церкви, нужно просмотрѣть громадный сводъ, составляющій собраніе соборныхъ актовъ. Никогда, быть можетъ, то, что мы называемъ совѣщательнымъ или конституціоннымъ образомъ правленія, не проявлялось въ такой степени, какъ это было въ католической церкви; соборы могли служить образцами для феодальныхъ собраній.

Послѣ борьбы, освободившей церковь изъ-подъ ига королей, выборъ епископовъ сдѣлался тщательнѣе. Избраніе ихъ не производилось болѣе духовенствомъ, а *капитулами*, т.-е. канониками или священниками, составлявшими какъ бы совѣтъ епископа. Каноники,

получавшіе большіе доходы со своихъ церквей, были независимы. Безъ сомнѣнія, и они не могли избавиться отъ вліянія королей и часто бывали вынуждены выбирать предложенныхъ кандидатовъ. Но въ царствованіе государей, подобныхъ Людовику Святому, выборы были свободны и добросовѣстны, заслуги и достоинства кандидатовъ строго провѣрялись. Въ XII и XIII вв. церковь насчитывала въ своей средѣ не мало епископовъ, извѣстныхъ своею ученостью и благочестіемъ.

Отличительнымъ знакомъ епископа была митра, родъ шапки, сперва имѣвшей сходство съ головнымъ уборомъ, какой носили еврейскіе первосвященники, стянутымъ золотымъ обручемъ надъ лбомъ. Затѣмъ ее стали украшать вышивками и изображеніями святыхъ. Въ началѣ XII вѣка митра была невысокой и въ верхней части вырѣзывалась въ видѣ полумѣсяца, но затѣмъ, ее стали дѣлать выше и все болѣе и болѣе украшать драгоцѣнными камнями и золотыми вышивками. Позади ниспадали двѣ завязки, изображавшія шнурки, которыми первоначально этотъ уборъ прикрѣплялся къ головѣ. Епископы имѣли также пастырскій жезлъ, въ видѣ пастушескаго посоха, который, начиная съ VI вѣка, стали украшать золотомъ и даже дѣлать изъ золота или серебра.

Несмотря на строгость нововведеній, сдѣланныхъ въ церкви папами послѣ Григорія VII, епископы по-прежнему оставались феодальными сеньёрами, герцогами, графами, князьями, завѣдуя обширными землями, управляя вассалами и городами, имѣя свои суды, въ которыхъ они судили за преступленія и проступки въ своихъ владѣніяхъ, и суды духовныхъ консисторій, гдѣ судились преступленія клириковъ. Даже въ ленахъ, гдѣ у нихъ были свои небольшіе земельные участки, они наводили страхъ тѣмъ духомъ, какимъ были проникнуты судьи духовныхъ судовъ, умѣвшіе возбуждать безчисленные процессы и обращать ихъ въ пользу церкви. Это злоупотребленіе власти поощрялось, съ другой стороны, самими тяжущимися, охотно обращавшимися къ этимъ, менѣе строгимъ судамъ и къ судьямъ, которымъ каноническое право запрещало произнесеніе смертныхъ приговоровъ. Отсюда происходили безконечныя правонарушенія; короли старались ихъ подавить, борясь съ энергіей противъ духовнаго судопроизводства, которое, въ свою очередь, упорно отстаивало себя.

Анархія и варварство IX и X вв. были такъ же пагубны для монастырей, какъ и для церквей. Захваченные воинами, заботившимися только о томъ, чтобы воспользоваться ихъ богатствами, монастыри утратили тотъ первоначальный характеръ, для котораго были основаны. Аббатства стали преобразовываться одновременно съ церквами.

Движеніе это началось въ знаменитомъ аббатствѣ *Клюни*, которое въ X и XI вѣкахъ сдѣлало попытку возвратиться къ строгому уставу св. Бенедикта [1]). Въ концѣ XI вѣка (1084) *св. Бруно*, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, удалился въ горы, возвышающіяся на сѣверъ отъ Гренобля, куда его провелъ епископъ этого города, св. Гюгъ. Поднимаясь по едва проложеннымъ тропинкамъ, послѣ долгаго пути, онъ достигъ въ этихъ, тогда еще ужасныхъ, мѣстахъ крайне дикаго убѣжища: это была *пустыня*, окруженная со всѣхъ сторонъ пропастями, по краямъ которыхъ росли темные, сосновые лѣса. Это мѣсто, на высотѣ 1.000 метровъ, находилось подъ навѣсомъ Большого Сома (вершины, превышающей 2.000 метровъ) и было достаточно удалено отъ міра. Тамъ, въ величественной мѣстности, грустный характеръ которой смягчался зеленью, и которую теперь охотно посѣщаютъ путешественники, св. Бруно построилъ нѣсколько убогихъ хижинъ, гдѣ онъ и его сподвижники вели самую суровую и строгую жизнь, обрекая себя посту и молчанію, борясь съ природой и подвергаясь лишеніямъ. Суровость эта не смущала его усердныхъ послѣдователей, и до сихъ поръ живущихъ въ *Большомъ Картезіанскомъ* монастырѣ. Монастыри *картезіанцевъ*, вполнѣ умершихъ для міра и поднимавшихся каждую ночь для отправленія долгихъ богослуженій, распространились во Франціи, Германіи и Италіи. Разсѣянной жизни того вѣка нельзя было противопоставить бо̀льшаго сосредоточенія и умерщвленія плоти.

Даже женщины искали убѣжищъ, удобныхъ для молитвы, и Робертъ д'Арбрисель (1099) основалъ для нихъ аббатство Фонтевро. Робертъ д'Арбрисель, родившійся въ окрестностяхъ Ренна, еще въ молодости покинулъ Бретань, чтобы послѣдовать за Гильомомъ де-Шампо и Абеляромъ. Но вскорѣ, увлеченный ревностью къ проповѣди, онъ началъ, съ одобренія папы Урбана II, проповѣдывать въ деревняхъ Анжу. Все населеніе сходилось слушать его кроткія и трогательныя поученія. Мужчины и женщины слѣдовали за нимъ, живя подъ открытымъ небомъ, питаясь подаяніемъ и сильно обременяя мѣстности, по которымъ проходили. Тогда Робертъ раздѣлилъ эту толпу между своими послѣдователями: у себя онъ оставилъ лучшихъ учениковъ и женщинъ, для которыхъ задумалъ основать монастырь. Онъ добился уступки небольшого участка земли на границѣ Турени, въ Анжу, вблизи источника Эвро. Раздѣливъ эту землю на три участка, соотвѣтственно возрасту и положенію женщинъ, слѣдовавшихъ за нимъ, онъ построилъ три церкви. Вна-

---

[1]) Основателемъ Клюни былъ св. Вернонъ (910), и реформа его продолжалась св. Одономъ. Среди ихъ преемниковъ особенно замѣчателенъ Петръ Достопочтенный.

чалѣ община состояла изъ трехъ различныхъ учрежденій: монастыря, исповѣдальни и больницы. Во избѣжаніе клеветы, какая могла бы возникнуть, въ виду его пребыванія среди множества женщинъ, Робертъ д'Арбрисель установилъ въ своемъ духовномъ обществѣ самыя строгія правила. Онъ заточилъ монахинь и наложилъ на нихъ вѣчное молчаніе. Онъ предписалъ, чтобы никогда ни одинъ монахъ не входилъ въ ограду келій, занимаемыхъ монахинями, даже для предсмертнаго пріобщенія или соборованія. Больныхъ монахинь и настоятельницъ монастырей, предъ наступающей кончиной, должно было переносить въ церковь. Такимъ образомъ, женщины находились въ заключеніи и молились; мужчины работали въ поляхъ, осушали болота, расчищали ланды и были постоянными слугами женщинъ. Аббатство управлялось настоятельницей; женщины, принадлежавшія къ самымъ богатымъ семьямъ, стремились попасть въ Фонтевро, чтобы тамъ окончить жизнь въ покаяніи.

Повсюду замѣчался необыкновенный энтузіазмъ. *Норбертъ Клевскій* учредилъ въ Премонтрэ, въ Лаонскомъ діоцезѣ, монастырь, въ которомъ ввелъ строгій уставъ, заимствованный изъ твореній св. Августина (1120). *Св. Робертъ* нашелъ, въ пяти миляхъ отъ Дижона, въ лѣсу Сито страшное, дикое мѣсто, гдѣ вскорѣ возникъ монастырь *бенедиктинцевъ*, число которыхъ вскорѣ настолько возросло, что онъ могъ далеко разсылать братьевъ (1110). *Св. Бернардъ*, самый ученый и краснорѣчивый человѣкъ своего времени, удалился въ пустыню, которую называли *Полынной долиной*, и тамъ построилъ *Клервоскій* монастырь.

Однако многія изъ этихъ аббатствъ, быстро обогатившихся, пришли въ упадокъ. Посланные изъ Клюни и Сито монахи путешествовали цѣлыми поѣздами съ лошадьми и повозками. Ихъ проповѣди оставались безплодными въ тѣ времена, когда возникали грозныя ереси. Для борьбы съ этими послѣдними образовались новыя духовныя братства. Создались два духовные ордена, уже не созерцательные и удаленные отъ міра, а живущіе среди мірянъ: *орденъ францисканцевъ*, основанный *св. Франциском Ассизскимъ*, и *доминиканцевъ — св. Домиником*. Въ грубой одеждѣ, съ босыми ногами, давъ обѣтъ не имѣть никакой собственности, францисканцы жили милостыней и противопоставляли свою полнѣйшую бѣдность богатству другихъ орденовъ. Доминиканцы, не менѣе бѣдные, ставили своей задачей проповѣдь и были признаны папою Иннокентіемъ III (1216). Уставъ францисканцевъ былъ одобренъ Гоноріемъ III (1223). Распространяясь повсюду, эти два нищенствующіе ордена сдѣлались самыми дѣятельными защитниками вѣры, и до-

миниканцамъ было поручено судилище *Инквизиціи*, учрежденное въ Тулузѣ въ 1229 году для розыска еретиковъ альбигойцевъ, избѣжавшихъ направленнаго противъ нихъ страшнаго крестоваго похода. Наконецъ, Людовикъ Святой, возвратившись изъ Палестины, привезъ въ Парижъ въ 1254 г. монаховъ съ горы Кармель, которыхъ назвали *кармелитами*; а орденъ *отшельниковъ св. Августина* (утвержденный Александромъ IV) дополнилъ собою такъ называемые *четыре нищенствующіе ордена*.

Эти монахи своимъ искреннимъ благочестіемъ много способствовали распространенію обрядовъ католической вѣры, молитвъ и праздниковъ. Почитаніе Св. Дѣвы Маріи, хотя и восходившее къ началу христіанства, теперь пріобрѣло еще большее значеніе. Ей посвящалась бо̀льшая часть новыхъ церквей, и воздвигнуто было много соборовъ во имя Божьей Матери (Notre Dame). Молитва Пресв. Дѣвѣ (Ave Maria) была дополнена папою Урбаномъ IV (1261). Церковныя службы и праздники въ честь Св. Дѣвы доставляли удовлетвореніе мистическимъ стремленіямъ и сердечнымъ изліяніямъ женщинъ. Нѣкоторые храмы Пресв. Дѣвы пользовались особымъ почитаніемъ и положили начало большимъ приливамъ богомольцевъ.

Поклоненіе святымъ и мученикамъ, въ честь которыхъ строились церкви, также становилось болѣе ревностнымъ. Меровинги и каролинги признавали покровителемъ Галліи св. Мартина Турскаго, мантія котораго, какъ говорятъ, послужила первою хоругвью. Капетинги обращались съ молитвами, въ особенности, къ св. Дени, какъ своему покровителю: они были его *вассалами* и брали изъ алтаря храма его имени *государственную хоругвь*, развѣвавшуюся впереди войска.

Кромѣ того, литургія служила изображеніемъ жизни Спасителя, а праздники поперемѣнно возбуждали различныя чувства: день Рождества Христова былъ напоминаніемъ семейныхъ радостей, и убогія ясли Божественнаго Младенца являлись утѣшеніемъ для бѣдныхъ. Поклоненіе волхвовъ и Богоявленіе праздновалось повсемѣстно, и въ этотъ день подавался за обѣдомъ традиціонный „царскій“ пирогъ; послѣ долговременнаго покаянія или *Поста* страшныя воспоминанія о страданіяхъ Спасителя возбуждали благочестивыя чувства; торжественность Пасхи или Воскресенія оживляла надежду на жизнь въ лучшемъ мірѣ; недѣля о слѣпомъ, предшествующая празднику Вознесенія, призывала благословеніе урожая. Въ XIII вѣкѣ былъ установленъ особый лѣтній праздникъ Тѣла Господня, со множествомъ цвѣтовъ. Осенью, во время листопада, когда природа, повидимому, умирала, праздновался день Всѣхъ Святыхъ и совершалось поминовеніе всѣхъ умершихъ. Такимъ

образомъ, весь годъ раздѣлялся праздниками, поддерживавшими религіозное усердіе, которое увеличилось даже до того, что повело за собою слишкомъ частыя остановки работъ.

Жизнь была какъ бы окружена религіей; церковныя службы, начинавшіяся *часами* („первый часъ, или шесть часовъ утра, и „третій часъ“ предъ *обѣдней*, въ девять часовъ), продолжались послѣ обѣдни въ *шестой* часъ (полдень) до *девятаго* часа (три часа); затѣмъ слѣдовала *вечерня*, служба, которая впослѣдствіи была перенесена на четвертый часъ послѣ полудня. Долгое время духовенство еще отправляло ночныя службы, на которыхъ присутствовалъ народъ и которыя происходятъ теперь только у картезіанцевъ.

Торжественныя церемоніи, величественность пѣнія, музыка органовъ, извѣстная съ IX вѣка [1]), увеличивая пышность процессій, производили глубокое впечатлѣніе. Строгостямъ Великаго поста предшествовала, впрочемъ, недѣля развлеченій болѣе или менѣе необычайныхъ, масляница, *карнавалъ*, напоминавшій языческія луперкаліи и сатурналіи. Въ ту простодушную эпоху даже эти развлеченія соединялись съ религіозными празднествами: въ извѣстные дни церковь становилась мѣстомъ шумныхъ и грубыхъ сценъ, прославившихся подъ именемъ *праздника шутовъ*. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ духовенство переносило это шутовство, которое въ тѣ времена глубокой вѣры не казалось опаснымъ; просвѣщенные епископы и соборы, наконецъ, запретили эти праздники.

Праздникъ шутовъ справлялся между Рождествомъ и Крещеніемъ, именно въ день Новаго года, и къ нему примѣшивались, безъ вѣдома праздновавшихъ, нѣкоторыя изгладившіяся воспоминанія о древнихъ сатурналіяхъ. Этотъ праздникъ доставлялъ большое удовольствіе бѣднымъ клирикамъ, замѣщавшимъ на короткое время священниковъ и епископовъ, подобно тому, какъ рабы въ Римѣ на сатурналіяхъ занимали мѣста своихъ господъ. Они избирали епископа изъ шутовъ, давали ему посохъ и митру и отводили въ церковь, дѣлавшуюся поприщемъ самыхъ невѣроятныхъ сценъ. Одни въ маскахъ, другіе—съ вымазанными лицами плясали, пѣли, ѣли и пили. Все это имѣло даже свой письменный уставъ. Докторъ теологіи, Белетъ, въ 1182 г., сообщаетъ, что въ церкви происходили четыре пляски: пляска левитовъ или діаконовъ, священниковъ, дѣтей или клириковъ и поддіаконовъ. Въ биб-

---

[1]) Григорій, венеціанскій священникъ, ознакомился съ изготовленіемъ органовъ въ Константинополѣ. Онъ ввелъ это новое искусство въ Венеціи въ началѣ IX вѣка и примѣнялъ его съ такимъ успѣхомъ, что объ этомъ стало извѣстно въ другихъ странахъ. Онъ былъ во Франціи при Людовикѣ Добромъ.

ліотекѣ города Сана сохраняется рукопись, содержащая церемоніалъ праздника шутовъ.

Пѣсня объ Ослѣ была одною изъ главныхъ церемоній этого праздника; предметомъ ея было чествованіе скромнаго и полезнаго животнаго, присутствовавшаго при рожденіи Іисуса Христа и несшаго Его на себѣ во время входа въ Іерусалимъ. Церковь въ Санѣ была одною изъ тѣхъ, гдѣ праздникъ этотъ исполнялся съ наибольшею пышностью. Предъ началомъ вечерни духовенство отправлялось процессіей къ дверямъ собора. Два каноника брали осла и вели его къ столу, гдѣ понамарь читалъ порядокъ церемоніи и провозглашалъ имена тѣхъ, кто долженъ былъ принять въ ней участіе. Скромное животное покрывали великолѣпной мантіей и вели къ аналою, при пѣніи шутовскихъ пѣсенъ. Затѣмъ происходилъ обрядъ, во время котораго пѣли все, что̀ поется въ теченіе года. Въ промежуткахъ между стихирами кормили и поили осла; затѣмъ пѣлось еще три пѣсни, и осла уводили на паперть, гдѣ весь народъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, плясалъ вокругъ него или старался подражать его реву. Эти безсмысленные обычаи продолжались въ теченіе почти 400 лѣтъ, несмотря на противодѣйствіе просвѣщенной части духовенства и запрещенія соборовъ, пытавшіяся возвратить религіознымъ обрядамъ чистоту, какая всегда должна быть имъ свойственна.

Впрочемъ, хотя церковь имѣла уже въ своей средѣ много просвѣщенныхъ лицъ, одушевленныхъ искреннимъ благочестіемъ, среди народа царило глубокое невѣжество, и даже духовенство часто искажало религію суевѣріемъ. Боязнь дьявола преобладала надъ любовью къ Богу. Благочестіе, связанное съ поклоненіемъ мощамъ, съ нѣкоторыми религіозными упражненіями и съ богомольями, замѣняло истинное благочестіе. Человѣкъ матеріализировалъ католическую религію такъ же, какъ нѣкогда—религію языческую; онъ исказилъ бы ее, если бы знаменитые ученые и монахи не прилагали непрерывныхъ усилій къ поддержанію духовнаго характера христіанской вѣры и къ подъему сердецъ. Старая основа суевѣрій, оставшаяся отъ древнихъ временъ, продолжала существовать подъ другими названіями, и каждый святой имѣлъ свой особый даръ исцѣленія, въ виду чего къ нему обращались съ соотвѣтственными молитвами.

Несмотря на свою неограниченную власть, церковь, тѣмъ не менѣе, должна была бороться съ многочисленными ересями, какъ, напр., ересью Бернгарда Турскаго (XI в.), отвергавшаго таинство Евхаристіи, или ересью Петра Бруйскаго (XII в.), еще болѣе смѣлой, возобновленной пустынникомъ Генрихомъ; оттуда названіе генриціанъ, данное послѣдователямъ этого ученія.

На югѣ Франціи серьезно угрожали церкви успѣхи ереси, возстановившей ученіе манихеянъ. *Патарины*, называвшіеся также *катарами* (или чистыми), возстановили ученіе о двухъ обоготворенныхъ началахъ добра и зла. Несомнѣнно, что они учили строгой нравственности, составлявшей противоположность безпорядочности общества, уже изнѣженнаго и развращеннаго въ южныхъ провинціяхъ. Но ихъ ученія граничили съ фанатизмомъ и, во всякомъ случаѣ, подрывали авторитетъ священства: церкви покидались и опустошались. Поэтому папа Иннокентій III, послѣ тщетныхъ попытокъ обратить патариновъ, обозначавшихся общимъ именемъ *альбигойцевъ*, проповѣдями монаховъ Сито и доминиканскихъ монаховъ, предоставилъ эти провинціи, гдѣ процвѣтали *веселыя науки* и *суды любви*, варварству сеньёровъ сѣвера. Лангедокъ былъ опустошенъ, сеньёры его лишены своихъ владѣній, и югъ долго вспоминалъ ужасы священной войны съ альбигойцами (1208—1229), которая вовсе не повела къ сближенію сѣвера Франціи съ югомъ, а, наоборотъ, увеличила непріязнь между ними. Вполнѣ господствуя надъ Европой, церковь повторяла ошибки, какія ставились въ упрекъ римскимъ императорамъ. Она пользовалась свѣтскою властью для господства надъ совѣстью, тогда какъ сама утвердилась побѣдою совѣсти надъ королевскою властью. Увлеченная ревностью къ преслѣдованію, столь несвойственному ея духу, она продолжала крестовые походы противъ альбигойцевъ судилищемъ *инквизиціи*, тайное судопроизводство которой и безпощадные приговоры заслужили всемірное порицаніе. Церковь, избиравшая своихъ представителей среди народностей, еще близкихъ къ варварству, заимствовала ихъ жестокость. Она носила отпечатокъ своего времени, и хотя съ XIII вѣка замѣчается уже нѣкоторый прогрессъ, но средніе вѣка тогда далеко еще не закончились.

Всего болѣе былъ замѣтенъ прогрессъ матеріальный. Крестовые походы и продолжительное пребываніе европейцевъ въ Азіи оказали пользу промышленности и торговлѣ. Съ Востока были вывезены *дамасскія* ткани, тирское стекло, вѣтряныя мельницы, *ленъ* и *шелкъ*. При посредствѣ арабовъ добывали *хлопокъ*; но нужно было еще много вѣковъ, чтобы выучиться вполнѣ имъ пользоваться. Венеціанцы научились въ Роккѣ, въ Сиріи, изготовленію *квасцовъ*, въ Константинополѣ, Алеппо и Александріи—работамъ изъ слоновой кости. Съ Востока явились также производства *киновари*, *мыла*, *воска*, *сулемы*. Въ Азіи научились золоченію кожъ; Греція, а именно Эвбея и Фессалія доставляли искусныхъ ремесленниковъ, соединявшихъ въ тканяхъ шелкъ съ серебромъ и золотомъ.

Итальянскія республики, въ особенности, проявляли промышленную

дѣятельность, съ которой въ этомъ отношеніи могла сравниться одна Фландрія.

Человѣкъ только и искалъ работы; но въ этомъ странномъ обществѣ, гдѣ гнетъ увеличивалъ препятствія, трудъ не былъ свободнымъ. Корпорація (*цехъ*), восходившая къ послѣднимъ временамъ римской имперіи, была защитой, поддержкой, своего рода, силой. Она охраняла ремесленниковъ не только отъ сеньёровъ, но и отъ чужеземныхъ рабочихъ. Она ограничивала число ремесленниковъ, обезпечивала имъ исключительное право работы и доставляла возможность болѣе быстраго обогащенія. При маломъ развитіи промышленности и безпорядкѣ, господствовавшемъ въ обществѣ, это покровительство впослѣдствіи было драгоцѣнною опорой для промышленности, тѣмъ же, чѣмъ для торговли было запрещеніе ввоза иностранныхъ товаровъ. Кромѣ того, въ основѣ цеховъ лежало превосходное начало, которое мы сами стараемся оживить въ нашемъ, слишкомъ разрозненномъ обществѣ, именно—товарищества или ассоціаціи. Но эта ассоціація сдѣлалась слишкомъ узкой, эгоистической, тиранической, враждебной всякому усовершенствованію, приверженной къ своимъ привилегіямъ до фанатизма, къ своимъ правиламъ—до нелѣпости, къ установившимся привычкамъ — до величайшаго вреда для себя.

Корпорація не могла разростаться: число учениковъ каждаго мастера было опредѣленнымъ. Обученіе нѣкоторымъ ремесламъ, за которое надо было платить, продолжалось отъ восьми до десяти лѣтъ. Ученикъ дѣлался слугою (или работникомъ) и оставался имъ до полученія званія *мастера*. Но для этого надо было ждать освобожденія мѣста мастера и надо было оплачивать право сеньёра, такъ какъ ремесла, не будучи свободными, нуждались въ разрѣшеніи короля или сеньёра, а также право корпораціи и право каждаго мастера цеха. Впослѣдствіи работника, для того, чтобы заслужить званіе мастера, заставляли исполнять долгую и дорогую работу, *шедевръ*, которая разоряла ремесленника, или, по меньшей мѣрѣ, вводила его въ долги.

Ремесла имѣли своихъ старшинъ, назначавшихся мастерами или сеньёрами: это были *эксперты* или *присяжные*, обязанные наблюдать за ремеслами и за исполненіемъ правилъ. Позднѣе эти обязанности сдѣлались должностями, дорого оплачивавшимися и приносившими большіе доходы,—должностями *цеховыхъ присяжныхъ*, которые наблюдали за работой. Съ добрымъ намѣреніемъ предупреждать обманъ и ограждать честь корпораціи, было увеличено число правилъ въ такой мѣрѣ, что они сдѣлались не только стѣсненіемъ, но и препятствіемъ ко всякому усовершенствованію или улучшенію. Нужны были вѣка, чтобы при-

нять нововведеніе. Для ремесленниковъ опредѣлялись вѣсъ, длина, ширина предметовъ, которые они должны были выдѣлывать; было установлено качество сырого матеріала и способъ его употребленія. Каждый кусокъ ткани, каждая вещь, изготовленные внѣ обычныхъ правилъ, уничтожались.

Ремесленники, видя въ высшихъ классахъ людей привилегированныхъ, заботились лишь о томъ, чтобы противопоставить однѣ привилегіи другимъ. Имъ продавалось право работы. Король даровалъ каждому изъ придворныхъ должностныхъ лицъ право на доходъ съ извѣстныхъ ремеслъ: главному раздавателю хлѣба—съ ремесла *булочниковъ*; главному виночерпію—*трактирщиковъ*; маршалу — *кузнецовъ*; главному эконому — *суконщиковъ*, *мелочныхъ торговцевъ* и т. д. Ремесленники должны были зарабатывать для себя и для тѣхъ, отъ кого они зависѣли. Они убивали конкурренцію, не заботясь о томъ, что они въ то же время убиваютъ промышленность.

Феодальная система стѣсняла торговлю такъ же, какъ и промышленность. Купцы, по примѣру ремесленниковъ, образовали корпораціи, которыя, въ свою очередь, то подвергались гнету, то оказывали его сами.

Ремесленники одного и того же цеха сближались между собою и чаще всего жили на однѣхъ и тѣхъ же улицахъ: ткачи—на Ткацкой улицѣ, каменщики — на Каменотесной, каретники — на Телѣжной, кожевники—на Дубильной и т. д. Въ Парижѣ сыромятники и красильщики придерживались берега Сены, гдѣ имъ принадлежала *Кожевенная* набережная. Ремеслъ было очень много. Въ книгѣ Этьена Буало упоминаются ремесла золотыхъ дѣлъ мастеровъ, чеканщиковъ золота, эмалировщиковъ по золоту и проч. Множество ремеслъ обработывало мѣдь, латунь, желѣзо, сталь и олово для производствъ слесарнаго, шорнаго, пряжечнаго, булавочнаго и т. п. Сѣдельники, шорники и оружейники работали всего болѣе для дворянъ и рыцарей. „Суконныя фабрики были одной изъ главныхъ отраслей промышленности городовъ сѣверной Франціи. Парижъ соперничалъ съ Сенъ-Дени, Ланьи, Бове, Камбрэ и Фландріей. Ткацкія фабрики изо льна и пеньки занимали значительное число рукъ Парижа“. Надо упомянуть еще о вышивальщицахъ, ветошникахъ, скорнякахъ, галантерейныхъ торговцахъ и т. д. Эта послѣдняя торговля была одною изъ главныхъ по продажѣ предметовъ для украшеній и роскоши.

Лавки ремесленниковъ ютились въ узкихъ переулкахъ, изъ которыхъ тогда состоялъ Парижъ; туда съ трудомъ проникалъ дневной свѣтъ, солнце же—никогда. Вслѣдствіе того мастера и подмастерья

вынуждены были работать у окна или въ лавкѣ съ открытыми настежь дверями. Кромѣ того, требовалось, чтобы они не имѣли никакихъ секретовъ своего мастерства. Золотыхъ дѣлъ мастеръ и слесарь обязаны были имѣть свою кузницу въ лавкѣ; портной не имѣлъ права шить, а пряжечный мастеръ не долженъ былъ, даже подъ предлогомъ показать ученику, точить или пилить мѣдь въ другомъ мѣстѣ, иначе, какъ на станкѣ, поставленномъ возлѣ окна нижняго этажа. Нѣкоторые ремесленники въ наше время сохраняютъ эти обычаи, не понимая ихъ значенія.

Вечеромъ, при наступленіи темноты, всѣ лавки запирались, какъ только колоколъ сосѣдней церкви звонилъ къ вечернѣ, такъ какъ по вечерамъ не работали. Это была печальная жизнь: для развлеченій были воскресенья и многочисленные праздники; они наносили большой ущербъ промышленности, но противъ этого не роптали. Тамъ были еще праздники товариществъ, особыхъ ассоціацій, смѣшанные съ языческими обрядами, часто воспрещавшимися духовенствомъ и свѣтскою властью. Хотя этому міру ремесленниковъ недоставало свѣжаго деревенскаго воздуха, хотя они задыхались въ своихъ деревянныхъ домахъ рѣзныхъ и расписанныхъ, но темныхъ, сырыхъ, а иногда и полуразрушенныхъ, хотя они и страдали отъ испареній своего производства, часто заразительныхъ и смертельныхъ, но они больше заработывали и лучше одѣвались; каждый могъ сдѣлать сбереженія, если не часто посѣщалъ таверны. Каждый могъ надѣяться со временемъ сдѣлаться гражданиномъ (буржуа).

Въ Парижѣ судоходство по Сенѣ выше и ниже города исключительно принадлежало одной очень старинной компаніи, называвшейся *водянымъ торгомъ*. Ни одно судно не могло выгрузить съѣстныхъ припасовъ въ Парижѣ, если его не сопровождалъ членъ товарищества или парижской *ганзы*, которая взимала плату со всякаго провіанта, привозимаго въ Парижъ, и упорно отстаивала свою привилегію. Каждое судно, противившееся этимъ установленіямъ, подвергалось захвату и конфискаціи. Въ Руанѣ было такое же общество. Эти привилегіи становились пагубными, такъ какъ онѣ распространялись и поддерживали другъ друга. Каждый городъ хотѣлъ отплатить своему сосѣду тѣмъ же зломъ, какое терпѣлъ отъ него; каждый сеньёръ бралъ примѣръ съ городовъ и получалъ доходъ отъ всякой лодки, проходившей мимо его замка.

Если столько притѣсненій ожидало купцовъ на рѣкахъ, этихъ дарахъ природы, „этихъ живыхъ дорогахъ“, какія же права предъявлялись на сухомъ пути, на дорогахъ, которыя не дѣлались сами собою

и которыя даже въ то безпорядочное время требовали нѣкоторой работы! Чтобы сдѣлать небольшое путешествіе, надо было пройти чрезъ нѣсколько дворянскихъ помѣстій, встрѣтить городъ, обнесенный стѣнами, переправиться черезъ рѣку. Надо было покупать право прохода по каждому, такъ сказать, участку дороги, часто весьма плохой. Мостовыя пошлины еще были справедливѣе, такъ какъ въ ту эпоху общественныхъ работъ не существовало вовсе, и мосты были частною собственностью [1]).

Если была обременительной перевозка товаровъ, то и продажа ихъ облагалась пошлинами, увеличивавшими ихъ цѣну. Трудно даже разобраться въ этихъ правахъ на мѣста въ рынкѣ, за вѣсъ, за мѣру, за продажу хлѣба,—въ этихъ правахъ столь же разнообразныхъ, какъ и самые товары, и столь же многочисленныхъ, какъ и тѣ власти, которыя взимали ихъ съ купцовъ и съ рынковъ. Въ Парижѣ мелкая торговля должна была прекращаться по субботамъ во всѣхъ кварталахъ, для того, чтобы сосредоточиваться на рынкахъ. „Только тамъ, въ этотъ день, множество ремесленниковъ могли продавать предметы своего производства: обязанные запирать свои лавки и перебираться на рынокъ, они нанимали у лица, взимавшаго пошлину за мѣсто отъ имени короля, полки или лари и выставляли тамъ съѣстные припасы и другіе товары; булочники приносили туда хлѣбъ; суконщики, ткачи, торговцы кордовской кожей, изъ другихъ городовъ и пригородовъ Парижа и даже еще болѣе дальнихъ мѣстъ, выставляли свои шерстяныя и шелковыя ткани“ [2]).

Праздниками торговли были *ярмарки* или большія сборища купцовъ различныхъ странъ. Въ Парижѣ такихъ ярмарокъ было три: Сенъ-Жерменская, Сенъ-Ладрская и Ландитская. Послѣдняя была самой знаменитой и оживленной и устраивалась на лугу С.-Дени. Ярмарки эти продолжались по двѣ недѣли; онѣ создались для богомольцевъ у большихъ аббатствъ, сдѣлались однимъ изъ наиболѣе полезныхъ двигателей торговли и способствовали сближенію населеній различныхъ мѣстностей. Это были всемірныя выставки того времени.

Торговля, какъ мы уже говорили, такъ же, какъ и промышленность, поддерживалась монополіей. Такъ, напримѣръ, продажа мяса въ Парижѣ сосредоточивалась въ рукахъ извѣстныхъ семействъ. Мѣста

---

[1]) Послѣднія мостовыя пошлины въ Парижѣ были отмѣнены лишь въ 1848 г.; нѣсколько лѣтъ тому назадъ были выкуплены пошлины съ мостовъ на Сонѣ въ Ліонѣ. Въ окрестностяхъ Парижа, въ Вильнёвѣ, Сенъ-Жоржѣ, Сюренѣ, Аржантёйлѣ и проч., мостовыя пошлины существуютъ до сихъ поръ.

[2]) Depping, предисловіе къ *Livre des Métiers*.

на рынкѣ сдѣлались наслѣдственными, ни болѣе, ни менѣе, какъ лены. Корпораціи *глашатаевъ* [1]) принадлежало исключительное право объявленій. Въ ту эпоху невѣжества нельзя было пользоваться объявленіями, такъ какъ книгопечатанія не существовало. Поэтому о товарахъ возвѣщали глашатаи. Они не только ходили по улицамъ, объявляя о винѣ, продававшемся въ тавернѣ, въ которой служили, но предлагали его прохожимъ въ ковшахъ или деревянныхъ чашкахъ. Во время объявленій о королевскомъ винѣ, т.-е. во время, назначенное для его продажи, таверны ничего не имѣли права продавать. Каждый сеньёръ имѣлъ свое время исключительной продажи.

Несмотря на неполноту исторіи торговли въ средніе вѣка, нельзя не упомянуть о классѣ наиболѣе дѣятельномъ, хотя и гонимомъ, наиболѣе богатомъ, хотя и подавленномъ больше всѣхъ торговцевъ,—объ евреяхъ. Они находились подъ гнетомъ постояннаго отлученія. Евреевъ можно было безнаказанно грабить, мучить, гнать. То устанавливались сроки и проценты за ихъ ссуды, то имъ запрещалось давать деньги за проценты или дѣлать займы самимъ, то уничтожалась часть выданныхъ ими ссудъ, и ихъ заставляли возвращать эту часть тѣмъ, кто съ ними вполнѣ уже разсчитался. Людовикъ Святой, чтобы отличить евреевъ отъ остального народа, заставилъ ихъ всегда носить на груди и на спинѣ два большихъ круга изъ желтой матеріи. Филиппъ Смѣлый пошелъ еще дальше: онъ далъ имъ особую одежду и смѣшной головной уборъ [2]).

Безпрестанно изгоняемые и призываемые обратно, всегда ненавидимые и всегда необходимые, евреи, не имѣя возможности заниматься другими ремеслами, держали въ своихъ рукахъ почти всѣ капиталы и занимались *размѣномъ* или торговлею деньгами, стараясь избѣгнуть вымогательствъ. Имъ приходилось часто спасать свои богатства отъ алчности королей. Говорятъ, изгнанные евреи помѣщали свое золото въ вѣрныя руки и продолжали торговать имъ, давая путешественникамъ секретныя письма къ тѣмъ, у кого хранились ихъ богатства. Это положило начало *векселямъ*. „Они придумали векселя, — говоритъ Монтескьё,— и, благодаря этому средству, торговля могла избѣжать насилія и поддерживаться повсюду; самый богатый купецъ обладалъ невидимымъ богатствомъ, которое можно было пересылать совершенно незамѣтно“. Этими векселями пользовались также въ Италіи Гибелины,

---

[1]) Послѣ смерти *глашатая*, его товарищи, въ одеждѣ своей корпораціи, должны были нести тѣло на кладбище, останавливаясь по дорогѣ на каждомъ перекресткѣ; они клали трупъ на подмостки, и одинъ изъ глашатаевъ, имѣвшій при себѣ красивый кубокъ, подавалъ питье всѣмъ присутствующимъ.

[2]) Levasseur, *Histoire des classes ouvrières.*

когда они были изгнаны Гвельфами. Пользованіе векселями, уничтожившее пересылку монеты, распространилось и дало новый толчокъ торговлѣ. Съ тѣхъ поръ торговыя отношенія стали основываться на довѣріи, что̀ создало *кредитъ*.

Торговлѣ въ особенности принесли выгоды крестовые походы. Ей открылся путь, которымъ уже пользовались венеціанцы, пизанцы и генуэзцы. Городъ Монпелье завязалъ торговыя сношенія съ государствами, лежавшими по берегамъ Средиземнаго моря, и съ государствами Леванта. Въ городахъ Востока купцы изъ Монпелье владѣли особымъ кварталомъ, деньги ихъ принимались повсюду, и даже магометане въ Александріи и въ Тунисѣ относились къ ихъ флагу съ уваженіемъ [1]).

Въ особенности развивались города южной Франціи. Во Фландріи и Пикардіи образовался союзъ изъ двадцати четырехъ городовъ, подъ названіемъ *Лондонской Ганзы*, для торговли съ Англіей.

Венеція, царица Адріатики, господствуя надъ Далмаціей и Иллирійскими островами, владѣла также портами Греціи, Іонійскихъ острововъ, Цикладъ и Спорадъ. Венеціанцы могли называть себя господами трехъ четвертей греческой имперіи; они долгое время только одни вели торговлю съ народами черноморскаго побережья. Генуэзцы соперничали съ ними въ этой торговлѣ, что̀ влекло за собою продолжительныя войны, изъ которыхъ главною была война за Каффу (Ѳеодосію). Венеція вознаградила себя въ Сиріи, Египтѣ и Африкѣ. Кромѣ того, сухимъ путемъ она поддерживала сношенія съ Германіей. У нѣмцевъ была торговая контора въ Ріальто. Венеція старалась также достигнуть морскимъ путемъ сѣверныхъ областей Европы, и въ 1312 г. въ первый разъ венеціанская галера пристала въ гавани Антверпена. Она взяла верхъ надъ своей соперницей Генуей и пріобрѣла неоспоримое господство надъ Средиземнымъ моремъ и надъ всѣми морями, отъ него исходящими. Впрочемъ, *Барселона* въ Испаніи, такъ же, какъ и Монпелье во Франціи, пытались присвоить себѣ часть этой громадной торговли.

Торговое движеніе обозначалось и на сѣверѣ. Нѣмецкіе города образовали союзы, скорѣе торговые, чѣмъ политическіе. *Ганзейскій союзъ*, самый значительный, былъ раздѣленъ на четыре части: *Вандальскую*, заключавшую въ себѣ города, расположенные по Балтійскому побережью, съ Любекомъ во главѣ; *Рейнскую*, главнымъ городомъ которой былъ Кельнъ, *Германскаго берега*, управляемаго Брауншвейгомъ, и *Ливонскихъ* городовъ, подчиненныхъ Данцигу. Союзъ имѣлъ четыре боль-

[1]) См. *Histoire de la commune de Montpellier*, par M. A. Germain.

шихъ отдѣленія, учрежденныхъ въ *Бергенѣ*, въ Норвегіи, въ *Новгородѣ*, въ Россіи, въ *Брюгге* и въ *Лондонѣ*. Кромѣ шестидесяти четырехъ городовъ, входившихъ въ составъ этого союза, ему принадлежали еще сорокъ четыре союзныхъ города и двадцать городовъ во Франціи, въ Англіи, во Фландріи, въ Испаніи и въ Италіи, независимо отъ подчиненныхъ городовъ. Повсюду флагъ Ганзы пользовался уваженіемъ, и города, которые нарушили бы права ганзейскаго города, были бы покинуты всѣми купцами. Это былъ могущественнѣйшій торговый союзъ, какой когда-либо существовалъ.

Великое торговое движеніе началось сперва на Средиземномъ морѣ и развило цивилизацію странъ, къ нему прилегавшихъ. Именно оно способствовало столь раннему и блестящему процвѣтанію Италіи и Лангедока. Остальная часть материка принимала незначительное участіе въ выгодахъ этой торговли. Товары изъ Азіи и съ юга Европы переправлялись съ южныхъ береговъ Франціи внутрь страны; изъ Генуи—въ Брюгге для Фландріи и странъ сѣвера; изъ Венеціи—въ Аугсбургъ для Германіи. Но вскорѣ въ мореплаваніи произошелъ переворотъ, необычайно распространившій торговлю и соединившій океанъ со Средиземнымъ моремъ и сѣверъ—съ югомъ. Такимъ переворотомъ былъ проходъ чрезъ Гибралтарскій проливъ мореходами Средиземнаго моря; этотъ путь сдѣлался обычнымъ къ концу XIII вѣка, присоединивъ морской путь къ сухопутнымъ, столь неудобнымъ и продолжительнымъ.

„Фландрія была мѣстомъ, гдѣ выгружали свои товары мореходы Средиземнаго моря, а Брюгге сдѣлался ихъ главнымъ складочнымъ пунктомъ. Города Балтійскаго побережья, занимавшіеся ловлею сельдей, доставляли во Фландрію соленую рыбу изъ сѣверныхъ морей, съѣстные продукты съ сѣверныхъ окраинъ материка, а также лѣсъ, деготь, пеньку, мѣха и проч. Взамѣнъ того, они получали съѣстные припасы изъ Азіи и Южной Европы. Обмѣнъ товаровъ всего свѣта происходилъ тогда во Фландріи, куда привозились пряности изъ Индіи, шелковыя ткани, квасцы, стекло и плоды изъ Италіи, шерстяныя издѣлія изъ Англіи и Испаніи, вина, сухія краски, сушеные плоды, ленъ и соль изъ Франціи, желѣзо изъ Германіи, мѣха, сушеная рыба, деготь и пенька изъ Сѣверной Европы.

„Фландрія служила не только для транзита этихъ разнообразныхъ товаровъ, но они и обрабатывались въ этой странѣ, такъ какъ фламандцы получали товары въ сыромъ видѣ, а отправляли ихъ переработанными своимъ трудомъ. Города возникали и разрастались точно по волшебству. Такъ, когда въ началѣ XIV вѣка, Филиппъ Красивый, временно овладѣвшій богатой провинціей Фландріей, въѣзжалъ въ Брюгге

вмѣстѣ съ королевой, своей женой, послѣдняя была поражена богатыми одеждами горожанокъ и воскликнула съ неудовольствіемъ: „Что это такое? Я думала, что королева только я одна, а здѣсь я ихъ вижу сотнями!“ Нидерланды, имѣвшіе лишь 12 городовъ и нѣсколько укрѣпленныхъ лагерей при римлянахъ, будучи почти на всемъ пространствѣ покрыты лѣсами, обязаны своимъ развитіемъ сначала духовенству, а затѣмъ торговлѣ, т.-е. монахамъ, расчистившимъ почву, и горожанамъ, увеличившимъ благосостояніе страны промышленностью. Въ XV вѣкѣ Нидерланды владѣли уже 358 городами, въ числѣ которыхъ 208 были обнесены стѣнами, и 6.300 селами, кромѣ деревень и поселковъ“ [1]).

Торговля уже искала новыхъ путей и новыхъ странъ. Въ XII в. смѣлый путешественникъ, еврей Веніаминъ Тудельскій проникъ до Самарканда и Индостана. Въ XIII в. францисканскій монахъ, Плано-Карпини, былъ посланъ папою Иннокентіемъ IV, въ 1246 году, къ татарамъ. Точно такъ же Людовикъ Святой отправилъ къ этимъ мало извѣстнымъ народамъ франциканца Рёисбрука (Рубруквиса, 1253 г.). Семья одного венеціанскаго комерсанта проникла въ Монголію: *Марко Поло* болѣе 17 лѣтъ прожилъ въ Китаѣ, гдѣ могъ изучить нравы и языкъ. Онъ вернулся въ Венецію чрезъ Индійскій океанъ, Персію, Трапезундъ и Константинополь, затѣмъ былъ взятъ въ плѣнъ генуэзцами и во время своей неволи продиктовалъ знаменитую *Книгу о чудесахъ міра*, которая была приведена въ порядокъ и издана на французскомъ языкѣ (1298). Эта книга познакомила съ крайнимъ Востокомъ, доставила наиболѣе драгоцѣнныя свѣдѣнія объ Азіи и о протяженіи земли, и изучалась путешественниками, которые въ XV вѣкѣ сдѣлали столь удивительныя открытія [2]).

Любознательность, желаніе учиться повели за собою возобновленіе школъ, основанныхъ нѣкогда подъ сѣнью монастырей и церквей; въ Парижѣ школы собора Богоматери, св. Женевьевы, св. Виктора, начиная съ XI в., привлекали множество учениковъ. Сословіе учащихся, сосредоточивавшееся сперва у подножія холма св. Женевьевы, въ улицахъ Галандъ и дю-Фуарръ, вскорѣ покрыло весь холмъ, гдѣ оно ютилось среди отѣнявшихъ его тогда зеленыхъ изгородей и деревьевъ, вокругъ знаменитыхъ учителей, преподававшихъ подъ открытымъ небомъ, какъ философы древности. Эти школы соединяли весьма смутно въ общемъ преподаваніи всѣ отрасли человѣческаго знанія: оттуда

---

[1]) Mignet, *Mémoires historiques. Formation territoriale et politique de la France.*

[2]) Англичанинъ Джонъ Мандевиль путешествовалъ около средины XIV вѣка и написалъ свой отчетъ по-англійски, по-французски и по-латыни.

происходитъ названіе *университета*, данное этому соединенію школъ, которое было утверждено хартіей Филиппа-Августа (1200), буллами Иннокентія III (1209 и 1210) и статутами папскаго легата Роберта Курсонскаго (1215) [1]).

Ученики были свободны, скудно живя въ узкихъ переулкахъ, окружавшихъ улицу Галандъ, или въ *коллегіяхъ*, основанныхъ и поддерживаемыхъ пожертвованіями благочестивыхъ людей: коллегіи св. Ѳомы Кенторберійскаго (или Луврской), коллегіи Восемнадцати, коллегій англичанъ, датчанъ, Константинопольской, Добрыхъ дѣтей, Гаркура, Шоле, Кальви; въ коллегіяхъ, учрежденныхъ духовными орденами, подъ названіемъ—Матюреновъ, Бернардиновъ, Кармелитовъ, Сенъ-Дени, Премонтре и Клюни. Выше всѣхъ этихъ коллегій стала впослѣдствіи коллегія, основанная для изученія теологіи Робертомъ Сорбонскимъ, капеланомъ Людовика Святого, и названная по его имени *Сорбонной*.

Университетъ, въ которомъ учителя и большинство учениковъ были *клириками*, составлялъ часть церкви. Папа былъ его единственнымъ главою и судьей. Но духъ феодализма проявлялся въ недостаткѣ дисциплины этой толпы учениковъ всѣхъ возрастовъ и состояній, которые, въ силу своихъ привилегій, распространялись по городу, наполняя его шумнымъ весельемъ и смущая своимъ буйствомъ. Мало-по-малу, они истощили терпѣніе королей, своихъ покровителей, и хотя королевскій судья, при вступленіи въ должность, присягалъ не нарушать правъ университета, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ неумолимъ по отношенію къ этимъ слишкомъ распущеннымъ ученикамъ. Столкновенія между университетомъ и гражданскимъ судомъ много разъ влекли за собою прекращеніе лекцій и высылку учениковъ. Но, съ другой стороны, этими высылками пользовались многіе большіе города, куда удалялись учителя и гдѣ основывались университеты, пріобрѣтавшіе неменьшую извѣстность [2]). Такимъ образомъ, наука распространялась все далѣе и далѣе.

Несмотря на скудость жизни въ этихъ коллегіяхъ и на безпорядки,

---

[1]) Парижскій университетъ дѣлился на четыре „народности“: *французскую, англійскую* (къ которой позднѣе была присоединена нѣмецкая), *пикардійскую* и *нормандскую*. У этихъ народностей были свои „провинціи“, и въ эти провинціи входили и другія чужеземныя народности, въ различныхъ группахъ: народности юга (Испанія, Италія, Константинополь и Востокъ), соединенныя въ провинціи Буржъ; народности сѣвера (Германія, Скандинавія, Польша, Венгрія)—въ англійской національности; Нидерланды—въ пикардійской.

[2]) *Списокъ главныхъ университетовъ*: Парижскій, 1200; Оксфордскій, около 1206; Валенсскій, 1208; Саламанкскій, 1223; Неаполитанскій, 1224; Вѣнскій, 1226; Кембриджскій, 1231; Упсальскій, 1240; Монпелье, 1283; Лиссабонскій, 1290, перенесенный въ Коимбру въ 1308; Орлеанскій, 1305.

вредившіе ученію, слава учителей университета привлекала къ нему столько учениковъ, что въ дни процессій вереницы ихъ были безконечны. Всѣ знаменитые ученые XII и XIII вѣковъ проходили тамъ курсъ или учили, и никакая слава не была прочной, если она не связывалась такъ или иначе съ Парижскимъ университетомъ. Въ XIII в. тамъ преподавали шотландецъ Дунсъ Скотъ, испанецъ Раймондъ Луллій, англичанинъ Роджеръ Бэконъ. Нѣмецъ Альбертъ Великій долженъ былъ читать на площади, получившей его имя Моберъ (Maitre Albert). Парижъ посѣтили Брунетто Латини и Дантъ.

Преподаваніе въ эту эпоху было весьма сухимъ и труднымъ. Это была скорѣе оболочка знанія, чѣмъ само знаніе. Преимущественно придерживались *грамматики, діалектики, риторики* („trivium“) или ариѳметики, геометріи, астрономіи и музыки („quadrivium“).

Діалектика или искусство разсуждать, преувеличивая начала Аристотеля, умножая правила силлогизма, замѣняла мысль игрою словъ и неуловимыми тонкостями. Отъ привычки разсуждать въ такомъ родѣ терялся смыслъ. Наука сдѣлалась не болѣе, какъ безпорядочной грудой выводовъ, лабиринтомъ формулъ, обозначавшихся самыми странными названіями. *Риторика* точно также заключалась въ употребленіи образовъ, заимствованныхъ у древнихъ риторовъ, что̀ придавало рѣчамъ напыщенный характеръ. При этомъ исключительная забота о формѣ шла въ разрѣзъ съ естественностью, и риторика убивала краснорѣчіе.

Духъ утонченности въ такой мѣрѣ былъ духомъ того времени, что онъ исказилъ философію и теологію и получилъ названіе *схоластики* (схола—школа). Это было результатомъ безконечныхъ школьныхъ диспутовъ, причемъ ученики старались выказать изощренный умъ и начитанность, по большей части, плохо усвоенную. Слово *схоластика* осталось для обозначенія преподаванія философіи той эпохи, когда пристрастіе къ Аристотелю, дурно переведенному (такъ какъ изученіе греческаго языка было въ пренебреженіи) и дурно понятому, извращало сужденіе.

Вопросомъ, раздѣлившимъ философовъ и ученыхъ, былъ важный вопросъ о *номинализмѣ* и *реализмѣ*. Росселинъ Компьенскій высказалъ первый, что общія понятія, *роды* и *виды* были ничто иное, какъ *слова, звуки голоса*. Въ дѣйствительности, существовали только *индувидуумы*. Это увлекло его къ отрицанію отвлеченныхъ идей, соотвѣтствующихъ нравственнымъ истинамъ или утвержденіямъ Священнаго откровенія. *Реалисты* возмутились и выступили на защиту идей или универсаловъ, какъ говорили тогда. Они увлеклись, въ свою очередь, до того, что стали утверждать, будто отвлеченныя понятія имѣли вещественное су-

ществованіе, что *человѣчество* существовало помимо людей, что *абсолютное время* существовало независимо отъ продолжительности того или другого дѣйствія, что *цвѣтъ* существуетъ помимо цвѣтныхъ предметовъ. Св. Ансельмъ и Гильомъ Шампоскій поддерживали реализмъ. Споръ ожесточался, такъ какъ онъ неизбѣжно долженъ былъ затронуть богословскія ученія. *Номиналисты* обвинялись въ ереси, *реалисты* защищали католичество; но и тѣ, и другіе истощали силы въ спорахъ, превышавшихъ пониманіе невѣжественнаго населенія и даже студентовъ. И можемъ ли мы даже теперь бросить въ нихъ камнемъ, когда наука, несмотря на свои громадные успѣхи, до сихъ поръ еще опутана остатками схоластики? Въ наши дни также спорятъ о *словахъ*, заучиваютъ пустыя формулы, болѣе или менѣе звонкія, прикрывая ихъ именемъ науки, какъ будто шелуха есть самый плодъ.

Въ основѣ этихъ чисто праздныхъ споровъ скрывалась, тѣмъ не менѣе, любознательность, присущая человѣческому уму, занятому своимъ назначеніемъ. Схоластика была лишь неправильнымъ пріемомъ, примѣнявшимся къ высшимъ наукамъ, каковы философія и теологія, обѣ тѣсно связанныя подъ строгимъ надзоромъ церкви, обѣ поглощавшія живыя силы самыхъ знаменитыхъ ученыхъ. Итальянецъ Ланфранкъ сдѣлался архіепископомъ Кентерберійскимъ; св. Ансельмъ защищалъ религію, поколебленную тонкостями Росселина, и подчинялъ разумъ вѣрѣ; Гильомъ Шампоскій имѣлъ сначала ученикомъ, а затѣмъ противникомъ—знаменитаго *Абеляра*. Этотъ послѣдній увлекся за предѣлы, поставленные церковью для философіи: онъ хотѣлъ все изслѣдовать и все обсуждать, даже и догматы. Его смѣлыя попытки, имѣвшія лишь цѣлью подвергнуть оцѣнкѣ и изслѣдованію религіозныя ученія, взволновали церковь, которая выдвинула противъ него св. *Бернарда*, столь прославленнаго своею строгостью и краснорѣчіемъ посредника въ спорахъ между королями и папами, проповѣдника второго крестоваго похода. Св. Бернардъ, оживившій ученость, благочестіе и пылкость отцовъ церкви, былъ мужественнымъ и неутомимымъ атлетомъ, который отрѣшился отъ схоластическихъ пріемовъ и увлекалъ своихъ слушателей пламенной рѣчью. *Петръ Ломбаръ*, епископъ парижскій (1159), пытался, въ свою очередь, укрѣпить теологію *Сборникомъ изреченій* св. отцовъ.

Сдерживаемая въ предѣлахъ католицизма, философія въ XIII вѣкѣ была болѣе, чѣмъ когда-либо, предметомъ изученія ученыхъ богослововъ, продолжавшихъ увлекаться Аристотелемъ: Гильома Овернскаго, епископа Парижскаго, при Людовикѣ Святомъ, Альберта Великаго, св.

Ѳомы Аквинскаго и св. Бонавентуры [1]). Альбертъ Великій положилъ начало спорамъ о *матеріи* и *формѣ*, о *сущности* и *бытіи*. Его ученикъ, *св. Ѳома Аквинскій*, превзошелъ его и удостоился званія *всемірнаго* и *ангельскаго ученаго*. Его *Итогъ теологіи*, превосходное произведеніе, составляетъ полный методическій выводъ, глубокое разсужденіе обо всѣхъ вопросахъ теологіи. Если доминиканцы гордились св. Ѳомой, у францисканцевъ былъ св. Бонавентура, прозванный *серафическимъ* ученымъ за свой мистицизмъ. Онъ сводилъ всю науку къ идущему свыше свѣту или иллюминизму. *Дунсъ-Скоттъ* (Джонъ), родившійся по ту сторону Ламанша, заслужилъ прозваніе *утонченнаго* ученаго. Онъ вернулся къ ученію реалистовъ противъ номиналистовъ и сдѣлался противникомъ нѣкоторыхъ мнѣній св. Ѳомы, сторонники котораго или *томисты* съ энергіей поддерживали его ученія. Эти непонятныя для насъ распри волновали католическую Европу, раздѣленную между *томистами* и *скотистами*. Наконецъ, Винцентъ де-Бове, не вдаваясь въ эти тонкости, собралъ въ обширномъ энциклопедическомъ трудѣ, озаглавленномъ *Всемірное зеркало*, всѣ знанія своего времени, которымъ придалъ обдуманную классификацію. Богословскіе споры начинали утихать: одинъ изъ современниковъ св. Ѳомы, англійскій монахъ *Роджеръ Бэконъ*, уже не хотѣлъ отдаваться знаніямъ своего времени и обратился къ изученію природы.

Философы и богословы спорили, разсуждали и состязались на латинскомъ языкѣ. Онъ былъ языкомъ церкви. Наряду съ нимъ, свѣтское общество имѣло свой языкъ, называвшійся *романскимъ*, составленный изъ смѣшенія германскихъ нарѣчій и латинскихъ словъ. Смотря по различію этого смѣшенія, на сѣверѣ различали языкъ *оиль* (langue d'oïl), а на югѣ—языкъ *окъ* (langue d'oc), называвшіеся такимъ образомъ отъ слова, означавшаго *oui* (да). Языкъ оиль получилъ преобладаніе

---

[1]) *Схоластики и ученые отцы церкви* XI вѣка: Ланфранкъ, умершій въ 1089 г.; Росселинъ Компьенскій, въ 1090 г.; св. Ансельмъ, въ 1109 г.

XII вѣка: Ивъ Шартрскій, ум. въ 1116 г.; Ансельмъ Лаонскій, въ 1117 г.; Гильомъ Шампоскій, въ 1121 г.; Абеляръ, въ 1142 г.; св. Бернардъ, въ 1152 г.; Петръ Ломбардъ, въ 1164 г.; Петръ Блуасскій, въ 1200 г., Амори Шартрскій, въ 1209 г.

XIII вѣка: св. Францискъ Ассизскій, ум. въ 1226 г.; св. Антоній Падуанскій (португалецъ, проповѣдывавшій въ Италіи), въ 1231 г.; Гильомъ Овернскій, епископъ парижскій, въ 1248 г.; Альбертъ Великій (Швабскій), въ 1289 г.; св. Ѳома Аквинскій (доминиканецъ, род. въ Рокка-Секка, близъ Аквино), въ 1274 г.; св. Бонавентура, францисканецъ, въ 1274 г.; Гильомъ Сентъ-Амурскій, въ 1272 г.; Винцентъ де-Бове, въ 1264 г.; Роджеръ Бэконъ (англичанинъ), францисканецъ, въ 1292 г.; Дунсъ-Скоттъ (англичанинъ), францисканецъ, въ 1292 г.; Раймондъ Луллій (испанецъ), францискъ. монахъ, въ 1315 г.

послѣ того, какъ югъ, со времени крестоваго похода противъ альбигойцевъ, былъ побѣжденъ и покоренъ сѣверомъ. Изъ языка оиль, послѣ переработки въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, образовался *французскій языкъ*.

Хотя и весьма мало выработанный языкъ оиль, начиная съ XI вѣка, уже подчинялся фантазіи поэтовъ. Феодальное и религіозное общество среднихъ вѣковъ, восторженное, несмотря на свои недостатки, не могло не отражать себя въ поэмахъ, имѣвшихъ, если не совершенство античныхъ поэмъ, то, по крайней мѣрѣ, ихъ эпическій духъ. Великія дѣла франковъ, удивительная слава Карла Великаго сильно вліяли на умы. Поэтому первый циклъ былъ навѣянъ Карломъ Великимъ и его сподвижниками: это былъ циклъ *французскій* или *каролинскій*. Впрочемъ, труверы не ограничивались прославленіемъ могущественнаго императора: они пошли далѣе, хотя и извратили исторію. Самъ Карлъ Великій былъ превращенъ въ феодальнаго императора, и безпредѣльное воображеніе соединяло въ его лицѣ всю отвагу феодальныхъ воиновъ. Наиболѣе замѣчательна *Пѣснь о Роландѣ*, по справедливости считающаяся первымъ памятникомъ французской поэзіи. Благодаря этой поэмѣ, Роландъ, въ средніе вѣка, сдѣлался самымъ совершеннымъ типомъ рыцаря, паладина, высшаго изъ людей, какъ гомеровскій Ахиллъ. Кромѣ того, эти воинственныя пѣсни (называвшіяся chansons de gestes, отъ латинскаго слова gesta, дѣла, дѣйствія) носятъ отпечатокъ духа христіанства и крестовыхъ походовъ. Храбрость блестящихъ рыцарей прославляется, главнымъ образомъ, за то, что она направлена противъ сарацинъ, мусульманъ, и въ ней чувствуется отраженіе великой борьбы, волновавшей тогда христіанскую Европу.

Эдгаръ Кине говоритъ о chansons de gestes: „Въ этихъ длинныхъ разсказахъ мы находимъ монастыри, дамъ съ веселыми лицами, рвущихъ майскіе цвѣты, или ожидающихъ извѣстій на высокихъ балконахъ. Пустынникъ въ глубинѣ лѣса читаетъ расписанную книгу; дѣвушка знатнаго происхожденія ѣдетъ верхомъ на сѣромъ конѣ въ яблокахъ; гонцы и богомольцы сидятъ за столомъ и бесѣдуютъ въ разубранной залѣ; горожане стоятъ у подземнаго входа въ крѣпость; рабъ пашетъ землю. Мы видимъ флаги, развѣвающіеся по вѣтру, вышитые значки, соколиную охоту; судъ съ помощью огня, воды и поединка; плащи, турниры, героическіе мечи, Дюрандаль, Готклэръ и др.; гарцующихъ лошадей, носящихъ особыя имена по примѣру гомеровскихъ: Баяра—у сыновей Эймона, Бланшара—Карла Великаго, Валентина—Роланда. Все, что сопровождало раздоры сеньёровъ, вызовы, переговоры, оскорбленія, обращенія къ оружію, сборъ ополченія, военныя машины, наступленіе, дождь

стальныхъ стрѣлъ, голодъ, убійства, разрушенныя башни,—все это проходитъ передъ нами, какъ полное зрѣлище этой шумной и молчаливой, разнообразной и монотонной, глубоко религіозной и воинственной жизни. Здѣсь настолько собраны всѣ крайнія проявленія этой жизни, что поэмы, сперва кажущіяся намъ преувеличеніями, подъ конецъ даютъ болѣе дѣйствительную и поражающую насъ правду подробностей и чувствъ, чѣмъ сама исторія.

„Труверы, такимъ образомъ, пользовались, всѣми сюжетами, какіе могли доставить имъ средніе вѣка; но среди весьма многихъ главныхъ темъ, къ одной они возвращались постоянно: разъ коснувшись ея, они не могли уже ни исчерпать, ни оставить ее; это были турниры и битвы... Воинственный духъ Франціи чувствуется всего болѣе въ этихъ отважныхъ поэтахъ. При этомъ имъ какъ нельзя лучше служилъ ихъ желѣзный языкъ, бѣдный нравственными понятіями, но замѣчательно богатый и свободный, когда дѣло идетъ о вооруженіяхъ, пробитыхъ панцыряхъ, алой крови и угнетенныхъ вассалахъ. Искренній энтузіазмъ одушевляетъ поэтовъ; неожиданныя проблески свѣта являются для нихъ среди самой сильной схватки. Смѣлостью воображенія они равны своимъ героямъ: они и сами—странствующіе рыцари искусства и поэзіи. Несмотря на затрудненія невыработаннаго языка, ихъ горделивые вымыслы блещутъ свѣтлой полосою, какъ Дюрандаль, извлекаемый изъ ноженъ; они добиваются правдивости выраженія безъ помощи искусства, обнаженные и безоружные, и отважность мысли позволяетъ имъ подняться до высокой наивности, какая потомъ никогда уже не повторялась... Вы вдыхаете въ этихъ неотдѣланныхъ стихахъ духъ необузданной силы, высшей гордости, овладѣвавшей человѣкомъ въ уединеніи башенъ въ замкахъ, откуда онъ видѣлъ у своихъ ногъ приниженную и порабощенную человѣческую природу. Это была поэзія не орловъ Олимпа, а коршуновъ и ястребовъ Галліи“ [1]).

Феодализмъ облагораживается и очищается рыцарствомъ. У рыцарства была своя поэзія, для которой, какъ это ни странно, сюжеты черпались изъ древнихъ кельтскихъ легендъ: это былъ *циклъ армориканскій*, называемый также *цикломъ Артура* [2]), миѳическаго лица бретонцевъ, сдѣлавшагося, какъ и Карлъ Великій, главнымъ героемъ множества приключеній. Условное рыцарство, христіанскія преданія,

---

[1]) Ed. Quinet, *Epopées françaises du douzième siècle.*

[2]) Главныя пѣсни жестовъ французскаго или каролингскаго цикла слѣдующія: пѣсни Логереновъ, Рауля Камбрэйскаго, романъ Берты съ большими ногами, пѣсня о Роландѣ, Герардъ Вьенскій, Саксонцы, Четыре сына Эймона, Ожье Датчанинъ, Эмери Нарбонскій.

извѣстный мистицизмъ и изысканная любезность по отношенію къ дамамъ—таковъ былъ характеръ этой поэзіи, менѣе грубой, чѣмъ поэзія предшествующаго вѣка [1]), творцы которой, напр., Робертъ Васъ и Христіанъ Труаскій, намъ болѣе извѣстны.

Вслѣдъ затѣмъ эпическая поэзія взялась за древнія преданія [2]). Въ средніе вѣка сохранялось смутное воспоминаніе о древности, и она была преображена въ циклѣ, названномъ *Великій Римъ*. Гекторъ, Александръ, Улиссъ сдѣлались сюжетами, которыхъ труверы не могли исчерпать въ безконечныхъ тысячахъ стиховъ. Александръ былъ окруженъ двѣнадцатью пэрами, баронами и паладинами. Искаженная такимъ образомъ исторія стала народнымъ достояніемъ, и средневѣковые художники, воодушевленные поэтами, часто изображали героевъ древности въ рыцарскихъ доспѣхахъ.

Впрочемъ, во время полнаго развитія феодализма, эта восторженность уменьшилась. Любовь къ спорамъ, все болѣе и болѣе бравшая перевѣсъ, привела къ сухости, а вкусъ къ утонченности понизилъ поэзію до *аллегоріи*. *Романъ Розы*, въ 22.000 стиховъ, былъ, несомнѣнно, поэмой, но поэмой съ отвлеченными лицами: *Опасность*, *Злословіе*, *Измѣна*, *Низость*, *Скупость*. Безспорно, въ этомъ произведеніи Гильома Лорри (ум. около 1260 г.), которое было продолжено Жаномъ Мёнгъ (ум. около 1320 г.), есть не мало изящества во многихъ мѣстахъ, но въ немъ чувствуется уже иной духъ, чѣмъ въ твореніяхъ прежнихъ труверовъ. Подъ отвлеченными именами авторы скрываютъ не одно живое лицо; они насмѣхаются, осуждаютъ, порицаютъ. Они обнажаютъ раны феодальнаго и духовнаго общества, но, однако, такъ, что ихъ нельзя обвинить въ посягательствѣ на религію или королевскую власть. Они прикрываются умомъ и лукавствомъ.

Романъ Лиса былъ еще болѣе лукавымъ, чѣмъ романъ Розы. Труверъ *Рютбёфъ* (1236) выводитъ на сцену животныхъ. Его романъ—ничто иное, какъ апологія, сказка въ стихахъ (*фабліо*), какія уже появлялись тогда во множествѣ, настоящая сатира на общество того

---

[1]) Главные романы этого цикла слѣдующіе: романъ *Брута*, авторъ котораго *Робертъ Васъ*, клирикъ изъ Кана; этотъ романъ извѣстенъ также подъ названіемъ *Круглаго стола*, вокругъ котораго Артуръ собиралъ своихъ товарищей; *Рыцарь льва*, Христіана изъ Труа; *Ланселотъ дю-Лакъ* и *св. Грааль*. Эти послѣдніе написаны прозой.

[2]) Главные романы этого цикла—романы Александра, Трои, Ѳивъ и т. д.

Главные труверы: Робертъ Васъ, умершій въ 1150 г.; Христіанъ изъ Труа, Обуенъ Сезанскій въ XII вѣкѣ; Александръ, 1202; Гюонъ изъ Вильнёва, Жильбертъ изъ Монтрёйля, Мари де Франсъ, XIII в.; Пьеръ Моклеркъ, 1237; Тибальдъ IV Шампанскій, 1253; Гильомъ де-Лорри, 1266.

времени. Интересъ, какой выказывали современники къ продѣлкамъ и плутовству Лиса, доказываетъ, что простодушіе исчезало, что заблужденія уменьшались, и что матеріальныя заботы начинали брать перевѣсъ надъ мистическими увлеченіями.

Поэзія юга не знала длинныхъ произведеній: она была не эпической, а лирической. Благодаря счастливому климату, смягченнымъ нравамъ, языку, болѣе приближавшемуся къ латинскому, болѣе гармоническому и звучному, югъ въ особенности умѣлъ выражать нѣжныя и тонкія чувства. *Трубадуры* были поэтами судовъ любви. Иногда, впрочемъ, они присоединяли къ своимъ изящнымъ стихамъ военныя пѣсни, какъ, напр., знаменитый Бертранъ де-Борнъ, такъ хорошо выражавшій одновременно чувство природы, волненія сердца и воинственый пылъ, и игравшій въ войнахъ сыновей Генриха II съ ихъ отцомъ роль поэта и воина. Военныя пѣсни назывались *сирвантами* (sirventes), а поэтическія состязанія передъ дамами носили названіе *тенсоновъ* (tensons) [1]).

Труверы сѣвера, впрочемъ, подражали, насколько могли, лирической поэзіи трубадуровъ юга. Кэнъ де-Бетюнъ и Тибальдъ IV, графъ Шампанскій, старались выразить на языкѣ оиль сердечныя чувства: ихъ стихи, часто изящные, кажутся улыбкой въ нестройной и монотонной грудѣ длинныхъ аллегоричекихъ или эпическихъ поэмъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, *Карлъ Орлеанскій* достигнетъ уже красоты формы, и царственный поэтъ подготовитъ путь народному поэту XV вѣка, *Виллону*.

Въ среднихъ вѣкахъ замѣчается также зарожденіе театра во Франціи. Замѣчательно, что новый театръ возникъ въ церквахъ, какъ и древній появился около храмовъ. *Мистеріи* изображались сперва передъ вѣрующими, собиравшимися въ обширныхъ церквахъ: это была религія, представленная въ дѣйствіи и въ картинахъ. Начиная съ XIII вѣка, представленія религіозныхъ сценъ плѣняли толпу, и Адамъ де-ла-Галль могъ уже ставить нѣкоторыя сцены внѣ церкви, въ особенности, шутливыя. Но самый разгаръ *мистерій* относится къ XIV вѣку, когда устраивались религіозныя *братства* для роскошныхъ представленій, съ помощью машинъ и костюмовъ, Страстей Христовыхъ.

Прозаическая литература, хотя и пользовавшаяся языкомъ, еще не сложившимся, уже имѣетъ прекрасные образцы. Мы не можемъ не удивляться разсказамъ и описаніямъ *Жоффруа Вильгардуенскаго*, заставляющаго насъ присутствовать вмѣстѣ съ нимъ при завоеваніи

---

[1]) *Трубадуры*: Гильомъ изъ Пуатье, 1127 г.; Арно Даніэль, 1148; Рамбо д'Оранжъ, 1173; Альфонсъ II Арагонскій, 1196; Ричардъ, Львиное Сердце, 1199; Бернаръ Вантадурскій; Пьеръ Видаль, около 1200; Дофинъ Овернскій, 1234; Блакà, 1235; Сордаль Мантуанскій, около 1300, и т. д.

Константинополя. Онъ начинаетъ собою исторію, освободивъ ее отъ сухости латинскихъ хроникъ. Монахи умѣли только собирать факты и нагромождать ихъ безъ порядка и оцѣнки. Маршалъ Шампанскій, отдаваясь своимъ воспоминаніямъ, въ непритязательномъ разсказѣ, даетъ первую одушевленную картину великаго похода. А *Жуанвиль*, подчиняясь пылкой дружбѣ къ Людовику Святому, возстановляетъ передъ нами, въ своихъ неподражемыхъ *Воспоминаніяхъ*, эту простую и чистую жизнь. Онъ также создаетъ исторію, не думая о томъ, исторію, рисующую характеры и оживляющую битвы; его чистосердечіе придаетъ особую прелесть этимъ сценамъ, которыя хочется перечитывать много разъ и въ которыхъ одновременно вызываютъ восхищеніе и герой, и его историкъ, именно тѣмъ, что послѣдній вовсе не старался вызвать это восхищеніе [1]).

Объ усиленіи умственной дѣятельности свидѣтельствуютъ также успѣхи науки о *правѣ*. Преподаваемое блестящимъ образомъ въ итальянскихъ школахъ, римское право привилось и во Франціи. Его изучали въ Монпелье, въ Орлеанѣ, въ Анжерѣ, въ Тулузѣ; кромѣ того, оно примѣнялось въ южныхъ провинціяхъ, областяхъ *писаннаго права* (названнаго такъ въ отличіе отъ областей съ *обычнымъ правомъ*, не установленнымъ, не записаннымъ). Это возрожденіе римскаго права не осталось безъ вліянія на улучшеніе нравовъ. Юристы, столь же ученые, какъ и простодушные, напр., Пьеръ де-Фонтенъ, переводили живописнымъ средневѣковымъ языкомъ наиболѣе суровые трактаты римскихъ юристовъ. Римское право встрѣчается въ *Установленіяхъ Людовика Святого*, въ *Книгѣ правосудія* и др. Затѣмъ появился настоящій законовѣдъ Филиппъ де-Бомануаръ, клермонскій судья (въ Бовези), написавшій прекрасную книгу *Обычаи Бовези*. Это было свѣтило своего времени и, какъ выражается Монтескьё, „великое свѣтило“ [2]).

---

[1]) *Главные хроникеры и историки XI и XII вв. Франція*: Рауль Глаберъ, ум. въ 1048 г.; Сугерій, въ 1152; Гильомъ Тирскій, въ 1194 г.; Жоффруа Вильгардуенскій, въ 1212; Матьё Пари, въ 1259; Гильомъ де-Нанжи, въ 1306; Жуанвиль, въ 1318.

Германія: Дитмаръ, ум. въ 1028 г.; Германъ, въ 1054; Адамъ Бременскій, въ 1090; Оттонъ Фризенгскій, въ 1158.

Англія: Генри Гёнтингтонъ, ум. въ 1154 г.; Роджеръ Говеденъ, въ 1199 г.

Италія: Марко Поло, географъ, ум. въ 1298 г.

Россія: Несторъ Кіевскій, ум. въ 1115 г.

Арабы: Эдризи, ум. въ 1186 г.; Эль-Масинъ, 1238.

Евреи: Веніаминъ Толедскій, ум. въ 1173 г.

[2]) Изъ памятниковъ средневѣкового права слѣдуетъ указать: „Обычное право Нормандіи“, „Установленія Людовика Святого“, „Книга провосудія“ и „Обычное право Бовези“, Бомануара; въ Испаніи—„Кодексъ семи частей“ (Siete Partidas) Альфонса

Науки, подвинувшіяся менѣе, все-таки прокладывали себѣ дорогу. Роджеръ Бэконъ и Альбертъ Великій занимались медициной и *математикой*. Въ особенности сдѣлала успѣхи *ариѳметика* съ тѣхъ поръ, какъ стали извѣстны цифры, называемыя *арабскими* (такъ какъ онѣ были принесены въ Европу арабами, хотя сами арабы заимствовали ихъ у индусовъ [1]). Роджеръ Бэконъ съ успѣхомъ занимался геометріей и алгеброй, но астрономія задерживалась еще суевѣріями астрологовъ.

Точно также и химія не могла подвигаться вслѣдствіе упорства ученыхъ, путавшихся въ безвыходномъ лабиринтѣ *алхиміи*. Поиски *философскаго камня*, который долженъ былъ доставить средство дѣлать *золото*, во всѣ времена кружившее голову людямъ, увлекали тогда всѣхъ ученыхъ. Они не понимали, что настоящій философскій камень есть трудъ и наука, создавшіе въ новѣйшія времена несмѣтныя богатства.

Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что эти попытки, эти неправильно веденные опыты привели, тѣмъ не менѣе, къ счастливымъ результатамъ. Они пріучили науку къ наблюденію, къ опытамъ, и должны были со временемъ открыть ей настоящій путь. Уже Роджеръ Бэконъ, если вѣрить болѣе или менѣе достовѣрному преданію, зналъ составъ *пороха*. Онъ говоритъ объ увеличительныхъ стеклахъ и предсказываетъ, что повозки будутъ двигаться безъ лошадей, что человѣкъ будетъ летать въ воздухѣ. Его возбужденное воображеніе какъ будто предвидитъ чудеса, которыя тогда казались безуміемъ [2]).

Эти чудеса должны были осуществиться лишь въ далекомъ будущемъ, но другія происходили уже въ ту эпоху въ Италіи, гдѣ литературное движеніе, не менѣе живое, чѣмъ во Франціи, создало сразу величайшія произведенія искусства. Итальянскій языкъ, образовавшійся изъ испорченнаго латинскаго, въ то время уже озладѣлъ своей формой: это былъ языкъ *si* (да). Несмотря на то, что одинъ изъ главнѣйшихъ писателей того времени, Брунетто Латини, написалъ свою книгу *Сокровище міра* по-французски, потому что французская рѣчь

X; въ Германіи—„Саксонское зерцало“ (Sachsenspiegel, Саксонское право), около 1280 г., и „Швабское зерцало“ (Schwabenspiegel, Швабское право), около 1300 г.

[1]) Цифры, которыми мы теперь пользуемся, были введены, въ Европу въ XII вѣкѣ и были примѣнены въ 1202 г. Леонардомъ Фибоначчи изъ Пизы въ трактатѣ, озаглавленномъ *Liber abaci*.

[2]) *Ученые, врачи, физики* и *астрономы*: Гербертъ (французъ), ум. въ 1002 г., Авиценна (арабъ), въ 1050; Абенъ-Эзра (Толедскій еврей), въ 1174; Авероэсъ (арабъ), въ 1216; Альбертъ Великій (нѣмецъ), въ 1282; Альфонсъ X (Испанія), въ 1284; Роджеръ Бэконъ (англичанинъ), въ 1294; Арнольдъ де-Вильнёвъ, въ 1314; Раймондъ Луллій (испанецъ), въ 1315.

была „пріятнѣе“, у итальянцевъ было уже множество стихотвореній на своемъ языкѣ, подражаній провансальскимъ трубадурамъ. *Данте Алигіери* (1265—1321) утвердилъ этотъ языкъ своей прекрасной поэмой *Божественная Комедія*, въ которой чистота и изящество древности соединены съ глубиною христіанской мысли. Данте, несомнѣнно, исходилъ отъ древняго міра. Его твореніе — первый плодъ этого непрерывнаго общенія съ латинскими поэтами, что̀ должно было создать впослѣдствіи множество другихъ поэтовъ, если не лучшихъ, то болѣе плодовитыхъ. Данте заставляетъ Виргилія сопровождать себя въ адъ. Но то, что онъ видитъ, или, скорѣе, помѣщаетъ тамъ, это — современное ему общество, которое онъ судитъ, какъ неумолимый моралистъ съ вдохновеннымъ краснорѣчіемъ. Эта удивительная поэма есть первый образецъ христіанской литературы. Въ ней виденъ весь путь, пройденный послѣ Гомера и послѣ Виргилія. „Авторъ, это—человѣкъ, истолкователь человѣчества; это—католическій поэтъ въ полномъ смыслѣ слова. Сюжетъ его охватываетъ насъ самой живой вѣрой, наиболѣе врожденной, наиболѣе человѣчной, вѣрой въ безсмертіе души и въ неминуемое правосудіе Божіе“ [1]).

Въ слѣдующемъ вѣкѣ блисталъ *Петрарка* (1304—1374). Это — поэтъ изящества, канцонъ (одъ) и сонетовъ. Петрарка — фанатическій поклонникъ древнихъ авторовъ: онъ ищетъ и открываетъ ихъ позабытыя произведенія. Онъ вдохновляется ими и заслуживаетъ быть поставленнымъ на ряду съ ними, быть увѣнчаннымъ въ Капитоліи. Петрарка уже возвѣщаетъ намъ настоящее Возрожденіе. Въ XIV вѣкѣ въ Италіи былъ и остроумный, но слишкомъ распущенный разсказчикъ. У нея были свои историки и, между прочимъ, *Виллани*.

Возрожденіе въ Италіи, впрочемъ, началось и для искусствъ. Эта страна, хотя и сильно потрясенная вторженіями, довольно скоро вышла изъ состоянія варварства. Ея сношенія съ Византійской имперіей никогда не прерывались, и итальянцы, въ особенности, венеціанцы могли восхищаться константинопольскими памятниками. Римскія развалины и греческія церкви были образцами для итальянскихъ зодчихъ. Они заимствовали византійскій куполъ и прибавили къ нему римскія колонны и арки. Начиная съ XI вѣка, Пиза уже воздвигала свои знаменитые памятники: *соборъ*, *Баптистерій*, *Падающая башня* и монастырь *Кампо-Санто* [2]).

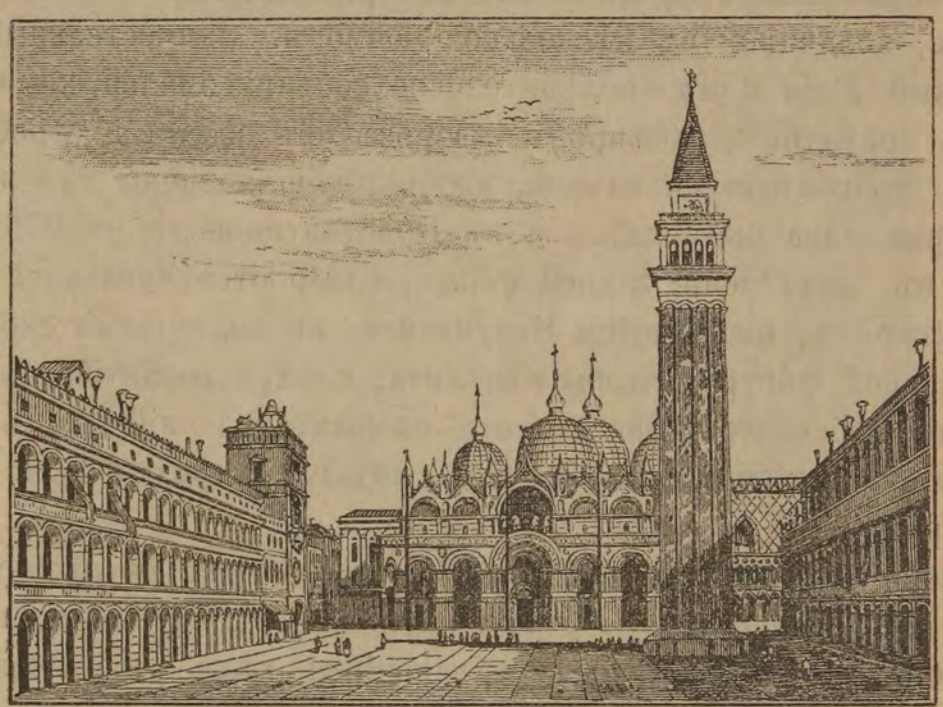
---

1) Demogeot, *Histoire des littératures étrangères.*

2) Баптистерій,—отдѣльное зданіе въ видѣ купола, стѣны котораго украшены колонками и поддерживаются арками въ коринѳскомъ стилѣ.

Наклонная или падающая башня, повидимому, противится законамъ равновѣсія. Нитка съ грузомъ, брошенная съ вершины, падаетъ на разстояніи почти 4-хъ метровъ отъ основанія. Разсказываютъ, что архитекторы ошиблись и замѣтили свою ошибку, но пожелали продолжать постройку, несмотря на ея наклонъ. Башня устояла.

Церковь св. Марка въ Венеціи (начатая въ X вѣкѣ) построена вся въ византійскомъ стилѣ. „Св. Маркъ, — говоритъ Теофиль Готье, — это—св. Софія въ миніатюрѣ, сокращеніе въ масштабѣ одного дюйма на футъ Юстиніанова храма. Подъ пятью куполами, увѣнчанными небольшими главами по бокамъ, открываются съ фасада семь входныхъ



Соборъ св. Марка въ Венеціи.

дверей, изъ которыхъ пять выходятъ на обширный атріумъ, а двѣ — въ боковыя наружныя галлереи. Внутренность этихъ порталовъ украшена колонками изъ бѣлаго мрамора, яшмы, пентеликскаго мрамора и другихъ дорогихъ матеріаловъ... Мозаики на золотомъ фонѣ сіяютъ подъ этими вратами посреди эмалей и всевозможныхъ изображеній, продолжающихся и по другую сторону церкви, въ такомъ количествѣ, что мы не успѣваемъ слѣдовать за нашимъ проводникомъ, указывающимъ всѣ эти подробности.

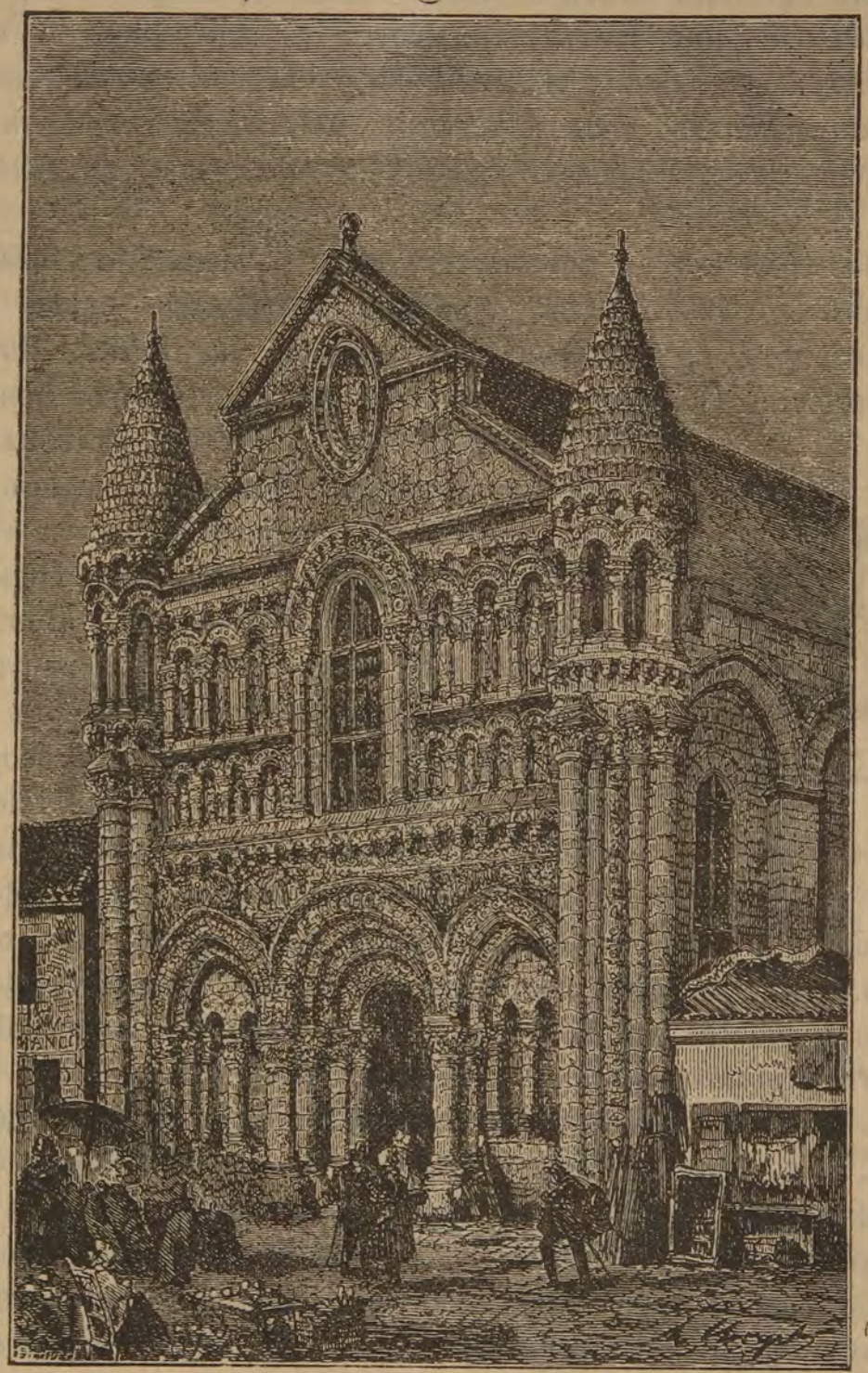
„Войдемъ во внутрь церкви. Ничто не можетъ сравниться съ св. Маркомъ въ Венеціи, — ни Кёльнъ, ни Страсбургъ, ни Севилья, ни даже Кордова со своей мечетью: это — удивительный и магическій эффектъ. Первое впечатлѣніе — будто это пещера, выложенная золо-

томъ и драгоцѣнными камнями, величественная и темная, въ одно и то же время, сіяющая и таинственная. Куполы, своды, перекладины, стѣны,—все покрыто маленькими, золочеными кубическими кристаллами съ неизмѣннымъ блескомъ, гдѣ свѣтъ трепещетъ, какъ на чешуѣ рыбы, и гдѣ открывается поле для неисчерпаемой фантазіи мозаичистовъ. Тамъ, гдѣ золотой фонъ оканчивается на высотѣ колоннъ, начинается обшивка изъ мраморовъ самыхъ дорогихъ и разнообразныхъ... Въ глубинѣ открываются хоры вмѣстѣ съ алтаремъ, который виденъ подъ балдахиномъ, между четырьмя колоннами изъ греческаго мрамора, вырѣзанными, какъ слоновая кость китайской работы, терпѣливыми руками, изобразившими на нихъ всю исторію Ветхаго Завѣта, въ видѣ фигурокъ, величиной въ нѣсколько дюймовъ. Запрестольный образъ, называемый *Pala d'oro*—ослѣпительное собраніе эмалей, камней, черни, жемчуга, гранатовъ, сапфировъ, узоровъ изъ золота и серебра,—картина изъ драгоцѣнныхъ камней, изображающая сцены изъ жизни святого Марка. Она была сдѣлана въ Константинополѣ въ 976 году. Наконецъ, въ закругленіи задней стѣны, слабо отсвѣчивающей за большимъ алтаремъ, выдѣляется Искупитель, въ видѣ гигантской и непропорціональной фигуры, чтобы отмѣтить, слѣдуя византійскому обычаю, разстояніе небеснаго Существа отъ слабыхъ созданій. Какъ Юпитеръ Олимпіецъ, Христосъ, если бы Онъ поднялся, раздвинулъ бы сводъ своего храма".

Церковь св. Антонія въ Падуѣ, въ восточномъ вкусѣ, соединяетъ въ себѣ всѣ стили; тамъ можно видѣть и стрѣльчатый стиль, въ XIII вѣкѣ проникшій въ Италію, встрѣчающійся также въ Ассизѣ и въ Сіеннѣ, гдѣ фасадъ церкви—настоящее чудо. Но этому стилю не суждено было утвердиться въ Италіи, и великолѣпная церковь св. Маріи во Флоренціи (Санта Марія деи Фіори) возвѣщаетъ уже стиль Возрожденія, заимствованный у древнихъ, но украшенный самымъ богатымъ воображеніемъ. Готическій стиль, впрочемъ, отчасти встрѣчается въ Кампанилѣ, четвероугольной башнѣ рядомъ съ церковью св. Маріи, и ему предстояло, въ особенности, возвысить красоту знаменитаго Миланскаго собора (XIV вѣка). Изъ числа памятниковъ перваго Возрожденія слѣдуетъ упомянуть еще о дворцахъ въ Сіеннѣ и во Флоренціи, церквахъ въ Перуджіи и въ Орвіето, картезіанской церкви въ Павіи, дворцѣ дожей въ Венеціи и о множествѣ другихъ, благодаря которымъ вся Италія представляетъ настоящій музей.

Во Франціи и въ сѣверныхъ странахъ, средніе вѣка, преимущественно, выработали свое собственное искусство, служившее выраженіемъ его феодальнаго и христіанскаго духа. Раздробленіе государствъ

и воинственная жизнь всѣхъ этихъ мелкихъ королей привели къ постройкѣ множества крѣпостей или замковъ, какихъ не было вовсе въ древнія времена. Въ началѣ это были простыя башни, ставившіяся на

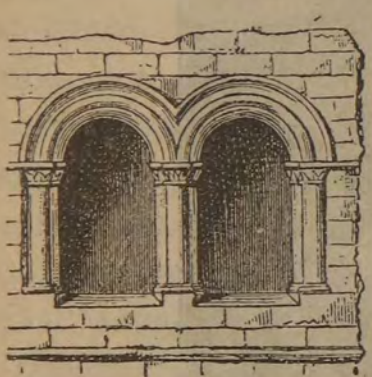


Фасадъ собора Богоматери въ Пуатье (XII в.).

возвышенности или пригоркѣ; мало-по-малу, онѣ превратились въ замки, со стѣнами и оградами, какъ въ замкѣ Монлери. Башни, поставленныя на извѣстномъ разстояніи, охраняли стѣны, какъ передовыя цитадели. Увѣнчанныя зубчатыми камнями, защищавшими стрѣлковъ,

эти башни, пронизанныя бойницами, грозно и гордо возвышались, отдѣленныя другъ отъ друга *куртинами*. Надъ стѣнными зубцами поднимался второй рядъ *бойницъ*, каменныхъ выступовъ, служившихъ воинамъ для бросанія внизъ горящей смолы на непріятелей, если бы они появились во рву. Подъемные мосты, опускныя рѣшетки и всевозможныя преграды дѣлали эти замки, до извѣстной степени, неприступными убѣжищами. Это были неуклюжія, массивныя зданія, такъ какъ они строились изъ громадныхъ глыбъ; но общій видъ ихъ былъ величественъ.

Простая архитектура крѣпостей X вѣка развилась, въ особенности, въ XI столѣтіи. Въ XII вѣкѣ придумали зубчатыя стѣны и стали окружать города укрѣпленіями, походившими на замки. Помѣщенія, предназначавшіяся для сеньёра, стали дѣлать болѣе просторными. Въ XIII вѣкѣ стрѣльчатый стиль измѣнилъ крѣпостную архитектуру, такъ же, какъ онъ преобразилъ архитектуру церковную, и съ этого времени уже появились зубчатыя стѣны, своды, окна и двери въ готическомъ стилѣ. Наконецъ, въ XIV вѣкѣ планъ замковъ становится болѣе правильнымъ, жилища сеньёровъ увеличиваются, а въ XV вѣкѣ искусство обороны, вынужденное сообразоваться съ дѣйствіемъ огнестрѣльныхъ орудій, создало великолѣпный образецъ, представляемый замкомъ Пьерфонъ.

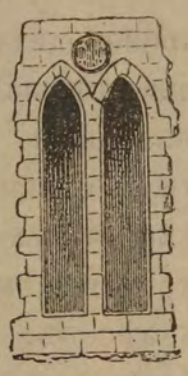


Романскія окна.

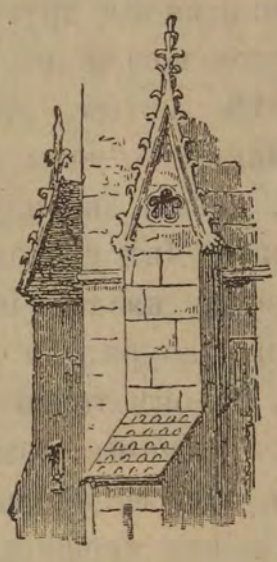
Меровингскія и Каролингскія церкви мало отличаются отъ древнихъ базиликъ: это были подражанія римской архитектурѣ. Вліяніе восточнаго зодчества въ XI вѣкѣ замѣтно измѣнило латинскій стиль и создало стиль *романо-византійскій*, названный такъ потому, что онъ соединялъ нѣкоторыя начала византійской школы съ началами школы латинской. Но, помимо этого отличія, вообще именемъ *романскаго стиля* обозначаютъ стиль, получившій преобладаніе, начиная съ XI в., когда Франція, по выраженію Рауля Глабера, „покрывалась бѣлою одеждою церквей“, и когда начинало возрождаться искусство. Именно въ то время стали образовываться первыя ассоціаціи строителей, которые позднѣе обозначались именемъ корпораціи *вольныхъ каменьщиковъ* (francs-maçons).

Характерной чертой церквей XI и XII вѣковъ служилъ *полукругъ* или римскій сводъ. Всѣ окна, всѣ углубленія получаютъ закругленную, нѣсколько тяжеловатую, но правильную форму. Своды порталовъ начинаютъ украшать множествомъ статуй. Верхушки стѣнъ, заканчиваю-

щія собою романскіе фасады, служатъ продолженіемъ крыши, наклонъ которой не образуетъ очень остраго угла: онѣ украшены мало выступающимъ орнаментомъ, расположеннымъ въ формѣ ромбовъ и круговъ, какъ это видно на церкви *Богоматери въ Пуатье*. Колокольни, сперва едва замѣтныя, возвышаются побѣдоносно, какъ въ церкви *св. Стефана въ Канъ*, или увеличиваются числомъ; ихъ можно видѣть надъ входомъ и надъ самымъ зданіемъ. Эти колокольни, чаще всего, представляли четвероугольныя башни, прорѣзанныя полукруглыми арками въ одинъ, два или три яруса, которые сверху оканчивались пирамидальной крышей. Среди романскихъ церквей, еще существующихъ въ Европѣ, слѣдуетъ указать на церкви Богоматери въ Пуатье, св. Павла



Стрѣльчатое окно.



Стрѣльчатыя башни.

Иссуарскаго въ Овернѣ, церковь аббатства Везелэ, св. Бенедикта на Луарѣ, соборъ въ Шалонѣ на Марнѣ и св. Сернина въ Тулузѣ.

Вскорѣ, особенно въ Иль-де-Франсѣ, эти романскія постройки стали болѣе легкими. Полукругъ разбился: онъ раздѣлился на двѣ части, образуя уголъ, и далъ начало *стрѣльчатому своду*. Въ началѣ оба эти стиля соединялись вмѣстѣ, какъ, напр., въ соборахъ въ Нойонѣ и Санлисѣ, въ церкви св. Ремигія въ Реймсѣ, св. Діонисія (С. Дени); св. Стефана въ Бове, св. Мартина въ Лаонѣ, св. Петра въ Суасонѣ и въ разрушенной церкви аббатства Уркампъ (въ департ. Уазы).

Примѣнявшійся почти исключительно въ средней и сѣверной Франціи, стрѣльчатый стиль, естественно, сталъ французскимъ. Острая арка, такимъ образомъ, замѣнила правильную аркаду, удержавшуюся лишь въ небольшихъ аркахъ. Сводъ поднялся, и эта смѣлость подъема по-

влекла за собою большее количество контрфорсовъ, поддерживавшихъ зданіе снаружи. Церковь тогда представляла громадный корабль, поддерживаемый извнѣ какъ бы лѣсами изъ камня, но внутри была просторной и воздушной. Религіозная мысль находила въ этомъ свое выраженіе: она устремляла въ высь каменныя колонны и своды такъ же, какъ возносила къ небу молитвы. Впрочемъ, повидимому, архитекторамъ того времени служили моделью германскіе лѣса. Прямыя колонны достигаютъ высоты самыхъ большихъ деревьевъ, а ребра сводовъ сплетаются, какъ вѣтви.

Шатобріанъ говоритъ: „Лѣса дали людямъ первую идею строительнаго искусства, которое, вслѣдствіе того, измѣнялось сообразно климатамъ. Греки создали изящную коринѳскую колонну по образу пальмы; громадные столбы стараго египетскаго стиля представляютъ сикомору, банановое дерево и многія другія исполинскія деревья Африки и Азіи. Лѣса Галліи также вошли въ храмы нашихъ предковъ. Эти своды, вырѣзанные въ видѣ листвы, эти наклонныя подпорки, круто обрывающіяся, какъ сломанные стволы, прохлада сводовъ, темные придѣлы, потайные проходы, низкія двери,—все воспроизводитъ въ готической церкви лѣсную чащу. Двѣ горделивыя башни, стоящія у входа въ зданіе, поднимаясь выше вязовъ и тисовъ кладбища, живописно вырѣзываются на небесной лазури. То головы этихъ близнецовъ озаряетъ рождающійся день, то онѣ точно увѣнчаны капителью изъ облаковъ или увеличены въ туманномъ воздухѣ. Даже птицы какъ будто ошибаются и принимаютъ ихъ за деревья своихъ лѣсовъ. Но вдругъ смутный гулъ вырывается изъ вершины этихъ башенъ и прогоняетъ испуганныхъ птицъ. Зодчій, не довольствуясь возсозданіемъ лѣса, захотѣлъ подражать его звукамъ, и, посредствомъ органа и висящей мѣди, связалъ съ готическимъ храмомъ даже шумъ вѣтра и грома, разносящійся въ глубинѣ лѣсовъ“.

Массивный снаружи, господствуя надъ тѣснымъ городомъ, который имъ гордился, соборъ могъ вмѣщать все мѣстное населеніе, умиленное таинственнымъ полумракомъ, распространяемымъ узорчатыми стеклами, очарованное безчисленными изваяніями, нарушающими однообразіе и изображающими наглядно всю священную исторію. Соборъ обширенъ и мраченъ; его величавость какъ будто напоминаетъ о ничтожествѣ человѣка, который, впрочемъ, былъ его творцомъ. Снаружи его величественныя башни или изящныя колокольни, его откосныя подпорки—кажутся скелетомъ гигантскаго животнаго; тысячи статуй, украшающія входъ и увѣнчивающія выступы, отверстія водосточныхъ трубъ съ причудливыми головами,—представляютъ внушительное цѣлое, пора-

жающее воображеніе и господствующее надъ всею окрестностью. Соборъ служитъ общимъ убѣжищемъ гораздо болѣе, чѣмъ древній храмъ. Толпа притекаетъ туда и чувствуетъ себя тамъ совершенно свободно.

Внутренняя часть собора въ Амьенѣ.

Пріютъ во времена бѣдствій, зрѣлище въ дни праздниковъ, храмъ, гдѣ общественныя неравенства сглаживаются одинаковой молитвой и покаяніемъ,—соборъ для народа, живущаго у его подножія, кажется

настоящимъ роднымъ домомъ, гдѣ онъ можетъ забыть о страданіяхъ грубой жизни среднихъ вѣковъ.

Соборъ Парижской Богоматери, великолѣпный соборъ въ Амьенѣ, внутренность котораго—настоящій шедевръ, соборъ въ Шартрѣ, въ Бовэ, гдѣ закончены одни хоры, соборъ въ Реймсѣ, величественный порталъ котораго, вмѣстѣ съ хорами собора въ Бовэ, внутренней частью Амьенскаго и колокольней Шартрскаго соборовъ, составилъ бы идеальный памятникъ, соборъ въ Санѣ, одна изъ самыхъ чистыхъ моделей искусства XIII вѣка, церкви въ Буржѣ, въ Турѣ и т. д., Св. Капелла въ Парижѣ, великолѣпная каменная рака, воздвигнутая Людовикомъ Святымъ для охраны ковчежца, въ которомъ заключенъ терновый вѣнецъ, не говоря о множествѣ другихъ церквей, еще и теперь составляющихъ гордость французскихъ городовъ, а иногда и деревень, всѣ они указываютъ, до какой степени совершенства достигало христіанское искусство. Хотя мы не можемъ составить понятія о числѣ храмовъ въ Греціи и Римѣ, но едва ли оно можетъ сравниться со всѣми каменными драгоцѣнностями, которыя воздвигались повсюду во Франціи, въ Англіи и въ Германіи [1]). Это былъ какъ бы удивительный разцвѣтъ соборовъ и церквей, изъ которыхъ многіе были впослѣдствіи разрушены. Тѣмъ не менѣе, для насъ сохранилось не мало прекрасныхъ образцовъ, дающихъ понятіе о высокой религіозной идеѣ, заставлявшей вырастать изъ земли столько чудесъ, а также—о геніи этихъ зодчихъ, имена которыхъ часто намъ неизвѣстны, такъ какъ, работая, они заботились не о собственной славѣ, а о славѣ Божіей.

Такое безкорыстіе, впрочемъ, продолжалось не долго. Города вскорѣ начинаютъ соперничать въ постройкѣ церквей не красотою архитек-

---

[1]) Послѣ XIII вѣка стрѣльчатый стиль проникъ въ Страсбургъ и въ *Кёльнъ*. Въ этихъ городахъ образовались школы стиля, созданнаго французами. Франція, въ свою очередь, видитъ у себя иностранныхъ художниковъ. Французскій стиль выдается за германскій въ Италіи, гдѣ его называютъ сперва *древне-германскимъ*, а затѣмъ, въ силу крайняго противорѣчія, для обозначенія его беретъ верхъ нелѣпое названіе *готическаго*. Слѣдуетъ припомнить, что варвары были особенно извѣстны въ Италіи въ лицѣ готовъ. Слово *готическій* становится синонимомъ *варварскаго*. Въ своемъ презрѣніи къ этому роду архитектуры, совершенно не соотвѣтствовавшему греческимъ стилямъ, и бывшему имъ въ высшей степени не симпатичнымъ, итальянцы XV вѣка назвали его *готическимъ*, и это названіе настолько вошло въ употребленіе во Франціи, что слово *готическій*, вслѣдствіе итальянскаго вліянія, пріобрѣло тождественный оттѣнокъ (готическое письмо, готическая эпоха и т. д.). Отсюда одинъ шагъ, чтобы признать готовъ творцами этого стиля. Вазари сдѣлалъ его, и эта историческая нелѣпость удержалась въ языкѣ.

туры, но обиліемъ украшеній. Арка раздѣляется еще болѣе. Стрѣла превратилась въ цвѣтокъ. Грація и напыщенность получаютъ преобладаніе надъ величавостью. Въ порталахъ распускаются розетки съ нѣжными и изящными развѣтвленіями, умноженными, какъ лепестки розы. Капители колоннъ украшаются разнообразной листвой; камень обрабатывается, какъ кружево, и художники стараются ослѣпить *пламенѣющимъ стилемъ*, который отмѣтилъ собою въ XIV и XV вѣкахъ упадокъ стиля стрѣльчатаго. Какъ всегда, желая сдѣлать лучше, человѣкъ испортилъ и исказилъ вкусъ, который управлялъ созданіемъ великолѣпныхъ церквей XIII вѣка, простыхъ и величавыхъ, подавляющихъ своею строгою величественностью и поэтическихъ уже своею массою и высотою.

Прибавимъ, впрочемъ, что стрѣльчатый или готическій стиль не переступалъ границъ Луары; югъ Франціи остался вѣренъ романской архитектурѣ.

Эти стрѣльчатыя церкви были въ то же время какъ бы поэмами изъ камня. Для просвѣщенія народа, увеличивали число статуй и барельефовъ, изображавшихъ историческія или библейскія сцены. Сколько барельефовъ и изображеній на стеклѣ, столько же было поученій и проповѣдей. Соборъ въ Шартрѣ остался главнымъ образцомъ искусства говорить и поучать при помощи скульптуры. Три или четыре тысячи фигуръ воспроизводятъ на различныхъ порталахъ, въ постепенномъ и хронологическомъ порядкѣ, историческіе факты, которые заключались во *Всемірномъ Зеркалѣ* Винсента де-Бовэ: сотвореніе міра, законъ труда, работы въ деревнѣ и въ городѣ, свободныя искусства, добродѣтели, которыми долженъ обладать человѣкъ, затѣмъ—всеобщая исторія, „Эти изваянія—въ полномъ смыслѣ слова, изображеніе и отраженіе міра“ [1]). Прибавимъ, что, на ряду съ серьезными темами, художники, находясь въ веселомъ настроеніи, присоединяли къ строгому шутливое. Рядомъ съ покойными и безмятежными лицами святыхъ мы видимъ смѣшныя фигуры животныхъ и обезьянъ. Эта рѣзкая противоположность нравилась въ средніе вѣка.

Музыка, такъ же, какъ архитектура и скульптура, имѣла, главнымъ образомъ, духовный характеръ. *Нотація* изображалась знаками, помѣщавшимися надъ словами и называвшимися *невмами* [2]). Повышеніе или пониженіе тона означалось возвышеніемъ или пониженіемъ знака. Не смотря на все свое несовершенство, эта система предпочиталась изображенію *буквами*, но ошибки переписчиковъ были безконечны.

---

[1]) Didron, *Iconographie chrétienne*.

[2]) Вѣроятно, отъ греческаго слова pneuma, дыханіе, звукъ.

Гвидо д'Ареццо, монахъ изъ Помпозы, труды котораго появились около половины XI вѣка, придумалъ помѣстить невмы въ системѣ *линій* и, пользуясь промежутками или *интервалами* между ними, опредѣлить мѣсто, какое должна занимать каждая невма. Кромѣ того, Гвидо провелъ *двѣ линіи* различныхъ цвѣтовъ, *красную* и *желтую* или *зеленую*, попеременно съ другими. Первая изъ этихъ цвѣтныхъ линій обыкновенно означала, что нота, поставленная на ней, была нотою *la*, а желтая или зеленая линія была предоставлена *ut*. Первоначально, *буква* каждой линіи указывала названіе каждой ноты [1]).

Старинная привычка, впрочемъ, держалась еще долгое время, и, только начиная съ XIII в., музыкальныя сочиненія и церковная литургія изображаются *четвероугольными нотами* на *четырехъ* или *пяти линейкахъ*. Нужны были вѣка, чтобы музыка заняла видное мѣсто въ ряду искусствъ. Тогда она считалась еще искусствомъ второстепеннымъ.

Всѣ эти, весьма бѣглыя указанія, позволяютъ намъ составить понятіе о цивилизаціи XIII вѣка. Феодализмъ, подъ блестящей внѣшностью, скрываетъ свои слабости, пороки и причины будущаго упадка. Королевская власть поднимается, и принципъ этой власти возвышается надъ привилегіями, не уничтожая ихъ. Воинственный духъ дворянства становится умѣреннѣе. Въ нѣдрахъ церкви, пользующейся выгодами феодализма, возникаютъ нищенствующіе ордена, бѣдность которыхъ уравновѣшиваетъ ея богатство. Промышленность и торговля, охраняемыя лучше прежняго и оживляемыя движеніемъ крестовыхъ походовъ, развиваютъ благосостояніе общинъ, пользующихся своей свободой до злоупотребленія. Земледѣліе улучшаетъ положеніе деревень; онѣ менѣе опустошаются, и частыя освобожденія уменьшаютъ число крѣпостныхъ. Каждый, какъ будто, начинаетъ дышать свободнѣе, не смотря на узкость своего горизонта: рабъ менѣе несчастливъ въ своей хижинѣ, гдѣ ему свѣтитъ надежда близкой свободы; горожанинъ чувствуетъ себя лучше въ своемъ расписанномъ и разукрашенномъ рѣзьбою домѣ; ремесленникъ счастливѣе въ своей корпораціи, которая хотя и распоряжается его работой, но и обезпечиваетъ ее, и въ своемъ братствѣ, увеселяющемъ его церковными и свѣтскими праздниками. Купецъ терпитъ менѣе, раскрывая свой кошелекъ при каждой дорожной заставѣ;

---

[1]) Названія нотъ Гвидо д'Ареццо заимствовалъ отъ первыхъ слоговъ латинскаго гимна.

Ut queant laxis	*Re*sonare fibris
*Mi*ra gestorum	*Fa*muli tuorum
*So*lve polluti,	*La*bii reatorum, etc.

сеньёръ менѣе грубъ въ своемъ нарядномъ замкѣ, гдѣ изящная хозяйка ободряетъ его ласковыми рѣчами; монахъ отдается наукамъ въ своемъ монастырѣ, украшенномъ колонками и изящнымъ готическимъ орнаментомъ; епископъ-графъ или герцогъ менѣе безпокоенъ и болѣе уважаемъ паствой своего собора, высоту и великолѣпіе котораго онъ старается увеличить.

XIII вѣкъ разсуждаетъ, споритъ и поетъ въ одно и тоже время. Наука еще туманна, но уже вызываетъ удивленіе; исторія намѣчаетъ свой путь. Поэзія развертывается въ эпическихъ и аллегорическихъ пѣсняхъ или изощряется въ язвительныхъ фабліо. Поэмы и пѣсни, почти всѣ отличающіяся распущенностью, изображаютъ вѣрную картину общества съ низменными инстинктами, несмотря на проявленіе благородныхъ побужденій, грубаго, хотя и порождавшаго нѣжныя чувства, наивнаго, несмотря на свой умъ, безпорядочнаго подъ властью суровыхъ законовъ и строгой религіи. При всей анархіи въ идеяхъ, такъ же, какъ и въ политическомъ строѣ, XIII вѣкъ, повидимому, ищетъ мира, безопасности, труда, старается проявить свою умственную силу и нравственное чувство. Это общество преслѣдовало единство среди раздробленности, усматривало надъ частными интересами общія обязанности, мечтало объ идеалѣ среди удручающей дѣйствительности, достигало прекраснаго, несмотря на грубость выраженій, и стремилось къ добру, вопреки дурнымъ инстинктамъ. Читая труверовъ и ученыхъ, созерцая величественныя зданія, смотря на освобождающихся простолюдиновъ и гуманизирующуюся знать, при видѣ Людовика Святого, служившаго примѣромъ для всѣхъ, нельзя не признать, что человѣческое общество уже возрождалось къ жизни, возрождая порядокъ, науку и нравственность.

Но хотя человѣчество, до извѣстной степени, возвратило себѣ утраченную почву, ему было еще далеко до блеска древняго міра. Начатый трудъ продолжался въ XIV вѣкѣ, въ плодотворную эпоху, когда феодализмъ, столь блестящій по внѣшности и уродливый по сущности, сталъ видоизмѣняться; это былъ переходный періодъ.

Въ XIV в. отъ исчезавшихъ рыцарскихъ качествъ оставалась только храбрость; энтузіазмъ ослабѣлъ, но разумъ не вступилъ еще въ свои права. Властители, такъ же, какъ и воины, руководствуются разсчетомъ, не заботясь о добросовѣстности. Это—неблагодарный вѣкъ, когда задоръ не оправдывается уже наивностью и непониманіемъ производимаго зла: умъ развивается, но не имѣетъ еще достаточной силы, чтобы руководить поступками. Подобно ребенку, достигающему возмужалости, общество не обладало уже искренностью въ хорошихъ или дур-

ныхъ порывахъ и, въ то же время, не имѣло еще яснаго сознанія своихъ обязанностей и порядка, къ которому стремилось.

Съ политической точки зрѣнія, государства укрѣплялись; королевская власть все болѣе и болѣе усиливалась на Западѣ, главнымъ образомъ, во Франціи, одерживая верхъ надъ феодальными баронами. Но ничтожный характеръ бо̀льшаго числа правителей, Филиппа Краснваго, Іоанна Добраго, Ричарда II Англійскаго, Карла IV и Венцеслава въ Германіи, хитрости, предательства и преступленія лишали власть уваженія, не потрясая, впрочемъ, ея, и правители все болѣе и болѣе ограничивали политическую свободу. Римское начало получило преобладаніе надъ началами германскими.

Великій западный расколъ (1378—1449), соблазнительная борьба соперничества папъ, испорченность духовенства наносили вредъ религіи и подготовляли распаденіе религіознаго единства, поддерживавшагося до тѣхъ поръ въ Европѣ, несмотря на ереси. *Гусситскія* войны въ Германіи (1419—1434) предвѣщали уже религіозныя войны.

Великія столкновенія между народами начались *столѣтней войной* между Франціей и Англіей (1328—1453). Важная роль генеральныхъ штатовъ (1356), подъ управленіемъ Этьена Марселя, возмущенія Жакеріи во Франціи, смуты въ царствованіе Карла VI, возстаніе Уота Тэйлера въ Англіи (1381), непрерывныя волненія въ городахъ Фландріи отмѣчаютъ въ низшихъ классахъ опредѣленное намѣреніе пріобрѣсти окончательную свободу.

Стѣсняемый сверху и снизу, раззоряемый правителями, угрожаемый народомъ, феодализмъ, въ извѣстной степени, покачнулся на своей основѣ. Духъ замкнутости и односторонности ослабѣлъ; общественныя силы стремятся объединиться въ каждой странѣ, такъ какъ европейское единство сдѣлалось невозможнымъ. *Національности* обозначаются рѣзче; и Франція предпочла выдержать всевозможныя бѣдствія скорѣе, чѣмъ признать чужеземнаго короля.

Однако, несмотря на безконечныя войны и жестокія убійства, общество отдается удовольствіямъ съ бо̀льшимъ увлеченіемъ, чѣмъ въ XIII вѣкѣ; роскошь становится безумной; малые дворы, въ родѣ двора герцоговъ Бургундскихъ, стараются затмить собою большіе. „Оливье де-ла-Маршъ и счета герцогскаго дома представляютъ намъ своеобразныя подробности о роскоши и развлеченіяхъ, входившихъ въ празднества при дворѣ могущественныхъ и богатыхъ герцоговъ Бургундскихъ. Между буфетами, наполненными золотой и серебряной посудой, виднѣлся искусно сдѣланный верблюдъ, нагруженный корзинкой съ раскрашенными птицами, которыхъ вожакъ бросалъ среди собранія; то

появлялся левъ, величиною болѣе лошади, и, раскланиваясь, пріятнымъ тономъ, пѣлъ какую-нибудь балладу; въ другой разъ волкъ игралъ на флейтѣ, вепрь трубилъ въ рогъ, или ослиный квартетъ исполнялъ духовную пѣсню. Къ этому слѣдуетъ прибавить ледяныя горы, украшенныя медвѣдями, укрѣпленные замки, вѣтряныя мельницы, озера, китовъ въ 60 футовъ длиною, изъ пасти которыхъ выходило множество сиренъ и рыцарей, которые, исполнивъ свои роли, удалялись обратно во внутренность чудовища; пироги, пустые внутри, заключавшіе въ себѣ церковь съ монахами и органами, и множество другихъ столь же замысловатыхъ выдумокъ, которыя, подъ именемъ пирожнаго, спускались съ потолка на колесницахъ, расписанныхъ золотомъ и лазурью съ герцогскими гербами, и являлись передъ удивленнымъ собраніемъ.

„Впрочемъ, эти великолѣпныя автоматическія фигуры были не единственными удовольствіями, какія герцоги предоставляли для забавы своихъ гостей. Дичь ихъ лѣсовъ, прекрасныя вина ихъ виноградниковъ Помара и Монтраше служили тамъ главною роскошью. Что касается кушаній, подававшихся за столомъ и предназначенныхъ, главнымъ образомъ, для угощенія дамъ, то въ счетахъ этихъ пировъ можно найти любопытныя названія: фазаны подъ золотымъ порошкомъ; жареныя индійскія куры, поданныя въ первый разъ герцогинѣ Маргаритѣ 12 ноября 1385 г., пулярдки въ шафранѣ, пирожки со смородиной, маленькіе торты и варенья съ перцемъ, обсахаренный анисъ и чеснокъ, подававшіеся въ дорогихъ бонбоньеркахъ, толченый ячмень, шпинатъ въ сахарѣ, зеленая рожь, горшечки съ зеленымъ имбиремъ, съ сокомъ незрѣлой гвоздики, мускатный орѣхъ. Вино, вареное съ пряностями и шипучее бургонское вино подносилось пажами въ золотыхъ кубкахъ; герцогъ пилъ его большими глотками изъ большого кубка Юлія Цезаря, отдѣланнаго за-ново къ прибытію армянскаго царя въ Дижонъ. Послѣ всего гостямъ подавались серебряныя зубочистки, метелки изъ вереска и лисій хвостъ, чтобы отряхнуть платье.

„Затѣмъ наступалъ часъ, когда какой-нибудь менестрель или поэтъ-паразитъ, въ родѣ Томаса Геденкуръ въ 1368 г. или Жегана Фоссе въ 1376 г., допущенный въ верхнюю каменную галлерею, господствовавшую надъ залой, пѣлъ, для развлеченія дамъ, какую-нибудь жалобную пѣсню; или общество доставало изъ пылавшаго камина камышевые прутья, которые надо было, „подъ опасеніемъ проиграть фантъ, потушить сразу, не кашлянувъ“. „Альманахи и предсказатели“, воспроизведенные позднѣе *Нострадамусомъ* и уже „знаменитые и достовѣрные“,

какъ и позднѣе, служили развлеченіемъ дамамъ и молодымъ людямъ, между тѣмъ, какъ герцоги и бароны бесѣдовали о войнахъ во Фландріи, объ убійствѣ Арманьяковъ или о своихъ подвигахъ на охотѣ, любимомъ времяпрепровожденіи государей, имѣвшихъ въ своей свитѣ не менѣе 430 егерей разнаго достоинства“ [1]).

Простодушный энтузіазмъ исчезаетъ, заглушаемый спорами. По нѣкоторымъ указаніямъ, можно бы думать, что общество начинаетъ разлагаться, такъ какъ оно отвергаетъ феодальныя формы и забываетъ рыцарскую доблесть. Съ другой стороны, безпокойная пылкость умовъ, все болѣе и болѣе любопытныя открытія ученыхъ и свободный голосъ сатириковъ—даютъ понять, что общество вовсе не гибнетъ.

Въ Италіи это былъ вѣкъ, когда Петрарка пѣлъ свои нѣжныя канцоны, и Боккачіо [2]) изображалъ, въ остроумныхъ, но уже слишкомъ вѣрныхъ картинахъ, испорченное общество своего времени. Во Франціи *Эсташъ Дешанъ* [3]), въ своихъ балладахъ, касается самыхъ высшихъ задачъ нравственности и политики; краснорѣчіе *Жерсона* [4]) прославляло парижскій университетъ; *Базохіяне*, *Беззаботныя дѣти*, начинали смѣло изображать пороки и доблести въ своихъ нравоученіяхъ, фарсахъ и *шуточныхъ пьесахъ*. *Фруассаръ* [5]), въ своей оживленной, живописной хроникѣ, громко бряцавшій разбитыми доспѣхами, которые звучатъ еще до сихъ поръ, черезъ столько вѣковъ, громомъ сраженій и криками умирающихъ, былъ вполнѣ феодальнымъ историкомъ; но уже на ряду съ нимъ, *Христина де-Пизанъ* [6]) предпочитаетъ разсуждать о мудрыхъ реформахъ короля Карла V, умнаго человѣка, руководившаго Дюгескленомъ и возвратившаго себѣ, благодаря своему благоразумію, королевство, утраченное безразсудностью его отца.

Въ Креси раздались звуки бомбардъ. Онѣ болѣе причинили страха, чѣмъ вреда, но каждое новое событіе въ столѣтней войнѣ обнаруживаетъ усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія. Жители Діеппа устремляются къ открытію дальнихъ странъ, и *Жанъ де-Бетанкуръ* [7])

---

1) Maillard de Chambure, *Dijon ancien et moderne.*

2) Боккачіо, авторъ *Декамерона* (1313—1375).

3) Эсташъ Дешанъ (1320—1421).

4) Жанъ Шартье, называемый *Жерсонъ*, по имени деревни, гдѣ онъ родился (1363—1429). Авторъ богословскихъ сочиненій и проповѣдей.

5) Фруассаръ (1333—1410).

6) Христина де-Пизанъ (1363—1430).

7) Жанъ де-Бетанкуръ, нормандскій дворянинъ, держался на завоеванныхъ имъ Канарскихъ островахъ отъ 1402 до 1404 г.

указываетъ путь къ морямъ Африки португальцамъ, которые съ начала XV вѣка съ увлеченіемъ вступаютъ на этотъ путь.

Промышленность фламандскихъ городовъ дѣлаетъ ихъ надменными въ такой мѣрѣ, что они пытаются противиться французскому и бургундскому рыцарству. Они искупаютъ при Роозбекѣ свою побѣду при Куртрэ, но, хотя и побѣжденные, не покоряются непріятелю. Торговля развивается, несмотря на общественныя смуты. Среди ночи, наступившей послѣ яркаго блеска XIII вѣка, замѣтенъ проблескъ зари новыхъ временъ.

НОВЫЯ ВРЕМЕНА.

ГЛАВА VII.

Новыя государства въ XV и XVI вѣкахъ. Великія морскія открытія.

Великія изобрѣтенія и открытія.—Новыя времена.—Развитіе политическаго строя.—Усиленіе королевской власти во Франціи.—Ослабленіе феодализма въ Англіи; война Алой и Бѣлой розъ; Тюдоры.—Испанская монархія.—Раздѣленіе Германіи; раздробленіе Италіи.—Возникновеніе и величіе Австріи.—Могущество королей; европейскія войны.—Великія морскія открытія; португальцы.—Открытія испанцевъ; Христофоръ Колумбъ; Новый свѣтъ (1492).—Открытіе Тихаго океана; первое кругосвѣтное путешествіе (1521); Мексика и Перу.—Колоніальная политика Испаніи и Португаліи.—Торговая монополія.—Послѣдствія морскихъ открытій; развитіе торговли.—Распространеніе золотой и серебряной монеты.—Измѣненіе торговыхъ путей.—Движимыя богатства.

Нашъ умъ испытываетъ невольное смущеніе, видя, какія незначительныя причины приводятъ къ самымъ важнымъ переворотамъ. Смѣси сѣры, угля и селитры, дающей порохъ, нѣсколькихъ тряпокъ, превращенныхъ въ бумагу, нѣсколькихъ буквъ, отлитыхъ изъ металла, иглы, вертящейся на остріѣ,—достаточно было, чтобы измѣнить міръ. Изобрѣтеніе пушечнаго пороха, совершенно бездоказательно, приписывалось англійскому монаху *Роджеру Бэкону* [1]) или нѣмецкому монаху *Шварцу* [2]). На самомъ дѣлѣ, восточные народы давно уже знали *прессованный, взрывчатый порошокъ*; ихъ способъ приготовленія его былъ усовершенствованъ на Западѣ; въ XIV столѣтіи пушки уже разбивали стѣны городовъ и замковъ. *Военное искусство должно было измѣниться* а вмѣстѣ съ нимъ—и *политика*.

На Востокѣ пользовались и намагниченной иглой, показывающей на сѣверъ, простѣйшимъ компасомъ, въ которомъ стрѣлка, укрѣпленная

---

1) Роджеръ Бэконъ, францисканскій монахъ (1214—1292).

2) Умеръ около 1384 г.

на пробкѣ, плавала въ сосудѣ съ водой. Въ XIV столѣтіи итальянецъ Джіойа изъ Амальфи придумалъ подвѣсить ее на остріѣ, вслѣдствіе чего она могла вертѣться во всѣ стороны. Указанія ея, сдѣлавшись болѣе точными, облегчили дальнія путешествія, и—какъ будто вдругъ раздвинулась завѣса, — половина земного шара открылась передъ человѣчествомъ.

Въ древности писали на листьяхъ папируса и на дощечкахъ, покрытыхъ воскомъ. Затѣмъ въ Пергамѣ, въ Малой Азіи, приготовляли изъ кожи *пергаментъ*. Наконецъ, въ эпоху Крестовыхъ походовъ, стала извѣстна бумага изъ хлопчатника. Это былъ великій шагъ впередъ, и число рукописей могло увеличиваться.

Тѣмъ не менѣе, рукописи стоили очень дорого. Вскорѣ придумали печатаніе съ рѣзныхъ досокъ, по способу китайцевъ, а въ 1436 году Гутенбергу [1]) удалось отлить буквы изъ металла. Вмѣстѣ со своими товарищами, Петромъ Шеффером и Іоганомъ Фаустомъ, онъ усовершенствовалъ *отливку шрифта, чернила* и *прессъ* и въ 1455 г. выпустилъ въ свѣтъ свою первую работу, *Библію*. Когда онъ принесъ модель своего пресса одному токарю въ Страсбургѣ, тотъ, не подозрѣвая его назначенія, сказалъ Гутенбергу: „Да вѣдь вы мнѣ заказываете давило для винограда, дядя Іоганъ!“—„Да,—отвѣчалъ Гутенбергъ,—но изъ подъ этого давила скоро потечетъ такой обильный и чудесный напитокъ, какого еще никогда не бывало для утоленія жажды людей“. *И въ самомъ дѣлѣ книгопечатаніе должно было сдѣлать науку доступной всему міру.*

Хотя бо̀льшая часть этихъ изобрѣтеній и открытій относится еще къ предшествовавшимъ вѣкамъ, но результаты ихъ начали выясняться лишь въ пятнадцатомъ столѣтіи, въ то время, когда турки утвердились въ Европѣ. Вотъ почему съ этого времени ведется начало новой исторіи.

Эта эпоха открывается съ 1453 года, года *взятія Константинополя*. Турки прочно основываются на материкѣ Европы, и Европа не поднимается противъ нихъ; время восторженныхъ походовъ миновало; средніе вѣка отошли въ вѣчность. Основаніе государствъ, развитіе торговли и первыя морскія путешествія португальцевъ, изобрѣтеніе книгопечатанія и умственное движеніе указываютъ, что человѣчество ищетъ опоры въ другихъ жизненныхъ условіяхъ. Оно хочетъ дѣйствительнаго порядка и укрывается подъ сѣнь королевской власти; оно ищетъ бо̀льшаго благосостоянія и стремится къ богатству; умъ его

---

[1]) Іоганнъ Гутенбергъ родился въ Майнцѣ около 1400 г., умеръ въ 1468 году.

жаждетъ истиннаго богатства — знанія, его духъ требуетъ независимости. Всѣ эти измѣненія историкъ можетъ соединить подъ общимъ именемъ *развитія политическаго порядка*, *общественныхъ интересовъ*, *идей и вѣрованій*. Все это—работа новыхъ вѣковъ, обогащающая ихъ своими послѣдствіями; въ своемъ прогрессивномъ развитіи, эти измѣненія создали нашу цивилизацію; отъ нихъ исходитъ и ими объясняется наше современное общество.

Королевская власть, затмившаяся съ десятаго вѣка, была главнымъ орудіемъ политическаго преобразованія, начавшагося въ XV и продолжавшагося въ XVI и XVII вѣкахъ. Созданіе *постоянной арміи* и *постоянныхъ налоговъ* обезпечивало королямъ Франціи силу, которою они всегда могли располагать противъ феодаловъ, а организація *артиллеріи* облегчала осаду замковъ. Феодализмъ, ослабленный еще при Карлѣ VII, противъ котораго напрасно боролось дворянство, еще болѣе потерялъ силы при Людовикѣ XI, „казавшемся болѣе способнымъ повелѣвать міромъ, чѣмъ королевствомъ“, какъ энергично выразился о немъ его историкъ Комминъ. Съ Людовикомъ XI начинается царство *дипломатіи*, хотя и проникнутой тогда принципами Макіавелли, но, во всякомъ случаѣ, являвшейся новою силой. Какъ это ни странно, названный государь терпѣлъ неудачи почти во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, а, между тѣмъ, ни одинъ король не пріобрѣлъ столько провинцій. На половину побѣжденный при Монлери въ 1465 г., взятый въ плѣнъ въ Перанне въ 1468 г., вынужденный къ тяжелымъ уступкамъ и постоянно терпѣвшій отъ измѣны, онъ имѣлъ успѣхъ только въ дѣлахъ мести: тѣмъ не менѣе, онъ присоединилъ къ своей коронѣ *Бургундію*, *Пикардію*, *Артуа*, *герцогство Алансонское и Перше*, *Руссильонъ*, *Мэнъ*, *Анжу* и *Провансъ*. И все это благодаря тому, что онъ умѣлъ выжидать, ловко вести переговоры и предоставлять дѣло времени и безразсудству своихъ противниковъ.

Людовикъ XI [1]) имѣлъ всюду глазъ и руку: для передачи своихъ повелѣній по всѣмъ направленіямъ, онъ создалъ *почту*; чтобы обезпечить исполненіе своихъ распоряженій, онъ содержалъ хорошую армію. „Его поданные,—говоритъ Комминъ,—трепетали передъ нимъ. Всѣ его приказанія исполнялись немедленно безъ всякихъ затрудненій и отговорокъ“. *Анна Божё*, достойная дочь Людовика XI, обладавшая его хорошими качествами и не имѣвшая его недостатковъ, въ продолженіе своего регентства, еще болѣе укрѣпила могущество королевской власти,

---

[1]) Людовикъ XI, 1461—1483; Карлъ VIII, 1483—1498; Людовикъ XII, 1498—1515; Францискъ I, 1515—1547.

которая, послѣ царствованія Карла VIII и Людовика XII, является уже *неограниченной* при *Франциск*ѣ *I*.

Въ Англіи дѣлами государства управляла аристократія. Раздѣлившись на два лагеря, подъ знаменемъ *Алой Ланкастерской* и *Бѣлой Іоркской Розы*, эти партіи избивали другъ друга въ продолженіе 30 лѣтъ (1453—1485) на поляхъ сраженій Сенъ-Альбанса, Нортгемптона, Уэкфильда, Таутона, Гексгэма, Тьюксбёри и Босворта. Послѣ каждаго сраженія, опалы еще болѣе увеличивали число падавшихъ благородныхъ головъ. Чтобы рѣшить, какая изъ царственныхъ фамилій должна занимать престолъ, англійская аристократія не жалѣла ни крови, ни богатства. Въ одно только царствованіе Эдуарда IV [1]), пятая часть всѣхъ земель, путемъ конфискацій, попала во владѣніе короны. *Генрихъ VII Тюдоръ* [2]), право котораго на престолъ было узаконено на поляхъ Босворта въ 1485 г., не встрѣтилъ сопротивленія своимъ честолюбивымъ замысламъ въ дворянствѣ, вынудившемъ у Іоанна Безземельнаго великую хартію. Генрихъ VII, по хитрости и жестокости, былъ настоящій Людовикъ XI; къ этимъ качествамъ онъ присоединялъ еще скупость. Во Франціи и въ Англіи королевская власть стала неограниченною, но государственный строй обѣихъ странъ былъ совершенно инымъ. Обѣ монархіи опирались на различныя начала и развивались не по одному и тому же закону. Уже около двухъ столѣтій англійскій парламентъ, состоящій изъ двухъ палатъ—*палаты лордовъ* и *палаты общинъ*, обладалъ правомъ установленія налоговъ, опредѣленія ихъ характера и количества и наблюденія за ихъ расходованіемъ. Во Франціи не было ничего подобнаго. Тамъ королевская власть пользовалась общинами для ослабленія аристократіи; какъ скоро этотъ результатъ былъ достигнутъ, она оказывала одинаковое давленіе и на враговъ, и на союзниковъ.

Въ половинѣ XV вѣка Испанія раздѣлялась еще на королевства: *Кастильское*, *Арагонское*, *Наварское* и *Гренадское*. Бракъ между *Изабеллой*, наслѣдницей *Кастиліи*, и *Фердинандомъ Католикомъ*, наслѣдникомъ *Арагона*, соединилъ эти два королевства въ 1479 году. Фердинандъ изгналъ мавровъ изъ послѣдняго оставшагося у нихъ государства *Гренады* (1492) и отнялъ *Наварру* у Іоанны д'Альбрэ (1512). *Такъ совершилось объединеніе Испаніи.*

Король получилъ возможность обуздать испанское дворянство, если

---

[1]) Эдуардъ IV Іоркскій (1460—1483).

[2]) Династія Тюдоровъ: Генрихъ VII, 1509—1547; Эдуардъ VI, 1547—1553; Марія Тюдоръ, 1553—1559; Елизавета, 1559—1603.

не самое могущественное, то самое гордое на материкѣ Европы. Преобразованіемъ *святой Германдады* или гражданской гвардіи, онъ создалъ полицію въ своей странѣ. Принявъ титулъ гросмейстера трехъ орденовъ—*Калатравы*, *Алькантары* и *св. Іакова* (1494), онъ обезпечилъ за собою грозную милицію и значительные доходы. Участіе въ прибыляхъ отъ продажи индульгенцій (булла Крузады) увеличило его средства, а полученное имъ отъ папы право „жаловать всѣмъ бенефиціи“ дало ему большую власть надъ духовенствомъ. Посредствомъ *инквизиціи*, учрежденной сначала для возстановленія единства религіи и обратившейся потомъ въ оружіе правительства, онъ властвовалъ надъ совѣстью своихъ подданныхъ.

Но все же королевская власть въ Испаніи не была неограниченной. Провинціи и города оберегали свои вольности (fueros), которыми они гордились. Въ Арагоніи, священное, неприкосновенное лицо, судья (*justiza*) наблюдалъ за королемъ и охранялъ народъ. Арагонскіе *кортесы* каждые два года засѣдали въ продолженіе сорока дней, чему короли не могли воспрепятствовать.

Политическое единство и монархическая система, восторжествовавшія на Иберійскомъ полуостровѣ, въ Англіи и во Франціи, не привились ни въ Германіи, ни въ Италіи.

Франкфуртская прагматическая санкція, которою, въ 1338 г., въ царствованіе Людовика Баварскаго, была объявлена независимость императорской короны отъ св. престола, и знаменитая *Золотая булла* Карла IV Люксембургскаго (1356), установившая порядокъ выборовъ въ имперіи, утвердили общественное право въ Германіи, не укрѣпивъ императора. *Максимиліанъ Австрійскій* (1495—1519), впрочемъ, болѣе своихъ предшественниковъ старался обезпечить безопасность страны. Онъ раздѣлилъ ее на *десять округовъ*, учредилъ *почту*, обнародовалъ на Вормскомъ сеймѣ знаменитыя постановленія 1495 г., по которымъ подлежалъ наказанію всякій, объявившій войну въ предѣлахъ Имперіи, и, наконецъ, установилъ безсмѣнное судилище для наблюденія за этими постановленіями, названное *Имперской палатой*. Но *семь курфюршествъ* сдѣлались настоящими королевствами, и курфюрсты, въ 1502 г., обязались другъ другу собираться ежегодно для совѣщаній о средствахъ сохраненія своей независимости.

Въ Италіи также не было центральной власти, и правящія династіи не отличались прочностью. Мелкія монархіи замѣнили прежнія республики, а въ старинныхъ королевствахъ власть правителя усиливалась все болѣе и болѣе. Въ Миланѣ мы видимъ на престолѣ сперва фамилію *Висконти*, потомъ *Сфорца* (1450); во Флоренціи—*Медичи*

(1434); *Генуя* подчинена герцогу Миланскому, *Пиза*—герцогу Тосканскому. *Папство*, не обращая вниманія на средства, заботится о распространеніи своей свѣтской власти и старается подчинить себѣ мелкихъ деспотовъ въ окрестностяхъ Рима. Фердинандъ *Неаполитанскій* приглашаетъ всѣхъ своихъ бароновъ на пиръ, устроенный имъ для примиренія, гдѣ, по его приказанію, имъ перерѣзываютъ горло. Одна *Венеція* сохранила свое аристократическое правленіе, которое почти можетъ быть названо монархическимъ, такъ какъ вся власть сосредоточивалась въ страшныхъ рукахъ трехъ *государственныхъ инквизиторовъ*. Благодаря этому недостатку единства, Италія часто становилась добычей, которую оспаривали другъ у друга болѣе сплоченныя націи.

Въ нѣдрахъ самой Германіи, въ долинѣ Дуная, образовалась обширная монархія, подчинившая себѣ и отдѣльныя нѣмецкія государства, и итальянскія княжества: это—*Австрійскій домъ*. Нѣмецкіе бароны осыпали насмѣшками преемниковъ Рудольфа Габсбургскаго, напримѣръ, Фридриха III, на зло которому курфюрстъ Пфальцскій выстроилъ башню, нагло названную *Trutz-Kaiser* (ничтожный императоръ), или Максимиліана Охотника, вѣчно нуждавшагося въ деньгахъ и на удачу переѣзжавшаго изъ одной страны въ другую. Но хотя австрійскіе государи мало заботились о своемъ избирательномъ первенствѣ, создававшемъ имъ только враговъ, они приготовили своимъ преемникамъ твердую опору, безпрерывно увеличивая свои наслѣдственныя владѣнія.

Бракъ Максимиліана съ наслѣдницей Карла Смѣлаго доставляетъ Австріи семнадцать провинцій Нидерландовъ. Тотъ же государь, продолжая свою политику, основанную на бракахъ, женилъ своего сына Филиппа Красиваго на Іоаннѣ, дочери испанскихъ властителей, Фердинанда Католика и Изабеллы, и подготовилъ, такимъ образомъ, соединеніе двухъ домовъ, Испанскаго и Австрійскаго, угрожавшее Европѣ величайшей опасностью въ послѣдующіе вѣка. Посредствомъ переговоровъ, онъ устроилъ бракъ внука своего, Фердинанда, съ сестрой Людовика II Венгерскаго и доставилъ своей фамиліи право наслѣдованія коронъ *Богеміи* и *Венгріи*.

Если усиленіе австрійскаго дома представляло опасность для Европы, за то оно явилось оплотомъ противъ вторженія мусульманъ. Магометъ II [1]), Баязетъ II, Селимъ Свирѣпый, Солиманъ Великолѣпный—совершали походы для завоеванія Греціи, Албаніи, Босніи, Кроаціи и Молдавіи. Венгрія, несмотря на геройское мужество *Іоанна*

---

[1]) Магометъ II, 1451—1481; Баязетъ II, 1481—1512; Селимъ, 1512—1520; Солиманъ, 1520—1566.

Гуніада и *Матвѣя Корвина* [1]), въ концѣ концовъ должна была бы пасть, если бы Солиманъ могъ овладѣть Вѣной. Столица Австріи, при Карлѣ V (1529), заслужила почетный титулъ *Оплота христіанства.*

Во второй половинѣ XV вѣка во Франціи, Испаніи, Англіи и Австріи, династіи были, такимъ образомъ, прочно установлены. Короли, почти неограниченные въ своихъ государствахъ, располагали дворянствомъ, съ которымъ имъ такъ часто приходилось бороться. Достигнувъ полнаго повиненія себѣ внутри страны, они увлеклись страстью къ завоеваніямъ и перенесли за предѣлы отечества свою энергію и энергію своихъ народовъ.

Карлъ VIII подалъ примѣръ, обративъ свое оружіе противъ Италіи (1494—1495). Его честолюбіе испугало сосѣдей, и они соединились противъ него. Итальянскія войны были первыми *европейскими войнами.* Съ тѣхъ поръ стали составляться союзы, организоваться большія арміи, и искусство осадъ и битвъ стало превращаться въ науку, а дипломатія усиливалась остановить эти столкновенія, все болѣе и болѣе кровопролитныя. Это—уже политическій и военный характеръ новыхъ временъ: чѣмъ болѣе эти времена подвигались, тѣмъ войны и союзы становились обширнѣе, арміи многочисленнѣе и подвижнѣе, огнестрѣльное оружіе точнѣе и разрушительнѣе, тактика научнѣе, дипломатія искуснѣе и формальнѣе.

Въ XV вѣкѣ расширяется горизонтъ исторіи, а съ нимъ вмѣстѣ, и цѣлаго міра. Земля оказывается болѣе обширной, прекрасной и богатой, чѣмъ это думали прежде. Изъ волнъ океана выступаетъ часть свѣта въ четыре раза больше нашего материка, освѣщенная солнцемъ болѣе яркимъ, орошенная рѣками болѣе широкими, съ почвой болѣе плодородной, лѣсами болѣе величественными и рудниками болѣе изобильными, чѣмъ тѣ же источники богатства въ нашей Европѣ. Сама Азія, въ которой крестоносцы изслѣдовали только уже ранѣе извѣстную часть, открывается вся передъ изумленнымъ и жаднымъ взоромъ европейцевъ. Вся эта чудесная новизна измѣнила идеи и интересы міра и раздвинула его предѣлы.

Если бо̀льшая часть открытій принадлежитъ испанскимъ мореплавателямъ, то слава почина ихъ есть достояніе португальцевъ. Живя на западномъ берегу Иберійскаго полуострова, замкнутые въ узкой полосѣ побережья Атлантическаго океана, португальцы, подобно древнимъ финикіянамъ, не могли не испытывать притягательнаго дѣйствія моря. Въ

---

[1]) Іоаннъ Гуніадъ, воевода Трансильванскій (1400—1456). Сынъ его, Матвѣй Корвинъ, былъ избранъ королемъ Венгріи въ 1458 г. и царствовалъ до 1490 г.

началѣ, ихъ экспедиціи были только продолженіемъ крестовыхъ походовъ противъ мусульманъ; *религіозныя* цѣли привлекли ихъ на берегъ Африки. Любопытство ихъ возросло послѣ того, какъ они утвердились на берегу Сеуты. Страсть къ географическимъ изслѣдованіямъ овладѣла душою юнаго сына короля Іоанна I (изъ Ависскаго дома), инфанта дона Генриха, избравшаго своимъ мѣстопребываніемъ Сагресъ, на оконечности Португаліи, близъ мыса св. Винцента, чтобы постоянно видѣть передъ собою волны, за горизонтомъ которыхъ взоръ его пытался различить нѣчто еще невѣдомое. Онъ учредилъ здѣсь школу мореплаванія и оттуда снаряжалъ смѣлыхъ моряковъ въ дальнія экспедиціи.

Испанцы открыли островъ *Мадеру* (1417) и мысъ *Бояторъ* (1433), изслѣдовали берега *Гвинейскаго* залива и пересѣкли экваторъ (который называли *линіей*) въ 1471 году. Они достигли въ 1484 г., подъ предводительствомъ *Бартоломея Діаза*, южной оконечности Африки, гдѣ остановились, напуганные бурями, у мыса Бурь, который король Іоаннъ II назвалъ, наоборотъ, мысомъ *Доброй Надежды*. Открытія Христофора Колумба еще болѣе возбудили рвеніе португальцевъ; въ 1498 г., подъ начальствомъ *Васко де Гамы*, они высадились въ городѣ *Каликутѣ* на Малабарскомъ берегу, въ Индостанѣ. Альваресъ Кабраль, направляясь въ Индію, былъ отнесенъ бурею къ берегамъ Бразиліи (1500).

Д'Альмейда и, въ особенности, великій *Альбукеркъ*, вице-короли Индіи съ 1509 по 1515 гг., мореплаватели, воины и администраторы, учредили португальскія торговыя конторы и основали громадное колоніальное государство, охватившее всѣ берега Африки и побережья Азіи: отъ Зеленаго мыса до мыса Доброй Надежды, отъ мыса Доброй Надежды до Индостана, отъ Индостана до Малакки, отъ Индо-Китая до Японіи и Молукскихъ острововъ.

Между тѣмъ, какъ португальцы искали и нашли Индію на востокѣ, генуэзецъ *Христоферъ Колумбъ*, занятый мыслью о шарообразности земли и о возможности объѣхать ее кругомъ, искалъ Индію на западѣ, и открылъ Америку.

Многихъ трудовъ, просьбъ и споровъ съ испанскими учеными стоило Христофору Колумбу, чтобы получить отъ королевы Изабеллы (1493) три маленькихъ судна, которыя должны были везти европейцевъ на новые материки. Настоятель одного монастыря, Хуанъ Пересъ покровительствовалъ Колумбу, и Изабелла рѣшилась на этотъ шагъ, только благодаря *религіозной идеѣ*, такъ какъ ей указывали на многочисленныхъ народовъ, которыхъ можно будетъ присоединить къ католицизму. Самъ Колумбъ, любя науку, имѣлъ твердую вѣру въ Про-

видѣніе; она и дала ему силу пуститься въ океанъ, оканчивавшійся, по тогдашнимъ понятіямъ, бездной. И этотъ человѣкъ, одинъ изъ величайшихъ людей, которые когда-либо появлялись на землѣ, умеръ непризнаннымъ, какъ Испаніей, которой онъ подарилъ Новый Свѣтъ, такъ и человѣчествомъ, владѣнія котораго онъ удвоилъ. Открытіе Америки, по словамъ Вольтера, дѣйствительно, было равносильно созданію новаго міра. А это созданіе даже не получило имени Колумба. Флорентинецъ *Америго Веспучи* посѣтилъ нѣкоторыя страны новооткрытаго материка и опубликовалъ свои отчеты; его имя стало извѣстнымъ, и съ тѣхъ поръ стали говорить о странѣ Америго, за которой и осталось названіе *Америки*.

Въ 1513 г. *Бальбоа* пересѣкъ *Панамскій* перешеекъ. Увидя новое море, онъ вошелъ въ самую воду со шпагою въ рукѣ, и объявилъ это море владѣніемъ испанской короны.

Въ 1518 г. *Грихальва* открылъ *Мексику*, и *Фернандъ Кортесъ*, съ семью стами солдатъ, восемнадцатью всадниками и десятью пушками, завоевалъ эту громадную имперію: подобный неслыханный успѣхъ объясняется ужасомъ, какой внушалъ туземцамъ видъ бѣлыхъ людей съ громомъ въ рукахъ. Португалецъ *Магелланъ*, бывшій на испанской службѣ, совершалъ въ то время первое кругосвѣтное путешествіе (1519—1521), окончить которое ему не удалось, и оно довершено было его спутниками. Вскорѣ, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія и школьный учитель предприняли, вмѣстѣ съ искателемъ приключеній *Франциском*ъ *Пизарро*, походъ для завоеванія *Перу*, гдѣ золота было такъ много, что имъ пользовались, какъ матеріаломъ, для выдѣлки самыхъ обиходныхъ предметовъ (1529—1533).

Англія и Франція только издали наблюдали за этимъ всеобщимъ переселеніемъ. Впрочемъ, венеціанецъ *Іоаннъ Каботто* (Каботъ), состоявшій на службѣ Генриха VII, открылъ въ 1495 г. *Ньюфаундлендъ*. Сынъ его, *Себастьянъ Каботъ* изслѣдовалъ *Гудзонов*ъ заливъ, а французъ *Жакъ Картье* открылъ, въ 1534 г., *Канаду*.

Судьба колоній Испаніи и Португаліи была различна, какъ и свойства ихъ. Португальцы владѣли только торговыми конторами, которыя легко переходили изъ рукъ въ руки; испанцы же обладали огромными странами, на которыя никто не могъ напасть и, еще менѣе, завладѣть ими. Владѣнія португальцевъ, разбросанныя по морскимъ берегамъ на пространствѣ четырехъ тысячъ миль, представляли, во всѣхъ своихъ частяхъ, легкую добычу для завоеваній, и были отняты одна за другой, подобно тому, какъ разрывается хрупкая цѣпь. Земли же испанцевъ были сосредоточены въ одномъ мѣстѣ и ограж-

дены отъ всякихъ нападеній, почему и остались цѣлы, какъ твердая глыба.

Португальцы не переселялись въ Индію и ограничивались торговлей. Можно сказать, что португальцы были всегда на пути къ своимъ колоніямъ, но не въ самыхъ колоніяхъ. Тѣмъ не менѣе, значеніе, предоставленное вице-королямъ, внушало опасенія самимъ королямъ, которые смѣняли ихъ каждые три года. Эта постоянная смѣна должностныхъ лицъ ставила колоніи въ положеніе Данаидъ, наполняющихъ бездонныя бочки. Сундуки, конечно, не выпускали изъ себя золота, но за то постоянно замѣнялись пустыми.

Страны, покоренныя испанцами, получали различныхъ губернаторовъ и были подчинены особому *совѣту Индій*, засѣдавшему вблизи короля. *Мексика*, *Перу*, а впослѣдствіи *Санта-Фе де-Богота* и *Буэносъ-Айресъ*, составляли особыя управленія, устранявшія опасность имѣть намѣстника, столь же могущественнаго, какъ и самъ король. Независимость судовъ отъ вице-королей, такъ называемыхъ, *аудіенцій*, не устраняла произвола, но ограничивала его. Испанское правительство запрещало *занимать общественныя должности не только туземцамъ, но и испанцамъ, рожденнымъ въ Америкѣ*, и, такимъ образомъ, поддерживало постоянное переселеніе испанцевъ изъ метрополіи въ колоніи, и обратно.

Въ Испаніи и Португаліи одинаковые предразсудки портили отношенія между отечествомъ и колоніями. *Монополія* была единственной системой. Португальцы одни имѣли право доставлять своимъ колонистамъ всѣ необходимые имъ товары и покупать, по цѣнѣ ими же назначенной, всѣ произведенія Индіи. Испанцы запрещали туземцамъ Америки разводить европейскія растенія, въ особенности *виноградную лозу*. Все, что Мексика должна была покупать у Испаніи, она гораздо дешевле могла бы производить сама, но обязана была вести торговлю только съ нею одной.

Испанія смотрѣла на свои колоніи, какъ на предметъ эксплуатаціи, и извлекала изъ нихъ столько золота, сколько могла, обременяя работами несчастныхъ индѣйцевъ. Къ стыду спутниковъ Колумба и ихъ преемниковъ, цивилизація казалась туземцамъ лишь жестокой насмѣшкой. Поэтому занятіе Америки европейцами повлекло за собой ужасающее вымираніе индѣйцевъ. Карлъ V, тронутый краснорѣчивыми жалобами епископа *Ласъ-Казаса*, исправилъ одно зло другимъ, можетъ быть, еще худшимъ—*вывозомъ негровъ изъ Америки* (1517).

Всѣ эти морскія открытія дали необычайный толчекъ торговлѣ.

Въ Лиссабонъ, сдѣлавшійся великимъ міровымъ рынкомъ, стека-

лись металлы изъ Японіи, прянности съ Молукскихъ острововъ, шелкъ и произведенія промышленности и земледѣлія изъ Китая, рисъ и цѣнное дерево изъ Индо-Китая, благовонныя вещества и ткани изъ Индіи, съѣстные припасы изъ Средней Азіи, жемчугъ, собираемый вдоль береговъ Персидскаго залива, слоновая кость, золотой песокъ и камедь изъ Африки. Испанія прежде всего искала въ Америкѣ золота и серебра, которыя придали богатству иной характеръ.

Въ средніе вѣка обладаніе землею доставляло богатство и силу. Теперь же испанцы каждый годъ стали пускать въ обращеніе большое количество драгоцѣнныхъ металловъ въ то время, когда прибывали товары изъ Азіи. Если бы товаровъ этихъ было много, они пали бы въ цѣнѣ, а цѣнность небольшого количества звонкой монеты, находившейся въ Европѣ, должна была бы удвоиться. Если бы, наоборотъ, только золото наводнило Европу, то, по мѣрѣ увеличенія его количества, оно бы обезцѣнивалось. Равновѣсіе было бы нарушено съ той или другой стороны. Это равновѣсіе поддерживалось одновременностью открытій. Стало больше золота, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилось и количество товаровъ. Вслѣдствіе распространенія звонкой монеты, товары находили покупателей; по мѣрѣ распространенія товаровъ, золото находило себѣ употребленіе.

Торговые пути измѣнились. Средиземное море перестало быть единственной дорогой для азіатскихъ товаровъ. *Венеція*, *Генуя*, *Александрія* утратили свое прежнее значеніе. Произведенія Индіи обвозились кругомъ Африки и выгружались въ *Лиссабонѣ*, куда за ними пріѣзжали голландцы, распространявшіе ихъ по Европѣ, въ ожиданіи того времени, когда сами будутъ въ состояніи ѣздить за ними въ Индію. Но все же объѣздъ Африки причинялъ потерю времени и денегъ. Первоначальный путь былъ лучше: онъ удержался бы, если бы торговлѣ не вредило слишкомъ большое число посредниковъ—Мавританія, Египетъ и Италія. Въ настоящее время, Суэцкій перешеекъ прорѣзанъ каналомъ. Александрія, Венеція и Генуя вновь разцвѣли вмѣстѣ съ Марселемъ.

Экономическое развитіе довершило развитіе политическое. *Движимыя богатства* поднялись на одинъ уровень съ *недвижимыми* и скоро даже превзошли ихъ. Трудъ и искусное веденіе торговыхъ дѣлъ создали новый богатый классъ — буржуазію, презираемый аристократіей, но любимый королевской властью, такъ какъ буржуа открыли свои сундуки и предлагали ей золото для борьбы съ аристократіей. Съ этихъ поръ государи все болѣе и болѣе будутъ заниматься экономическими вопросами.

Кромѣ того, увеличились сношенія между народами. Они начинаютъ лучше узнавать другъ друга; мысль пробуждается по мѣрѣ того, какъ передъ ней раскрываются новые горизонты. Успѣхи наукъ соотвѣтствовали успѣхамъ открытій, и умы выигрывали отъ толчка, даннаго Старому Свѣту открытіемъ Новаго.

ГЛАВА VIII.

Эпоха возрожденія въ XV и XVI вѣкахъ.

Возрожденіе; обстоятельства, благопріятствовавшія ему. — Возрожденіе въ Италіи; гуманисты.—Итальянская литература.—Поэты; Аріосто.—Тассъ.—Исторія; политика; Макіавелли; Гвичардини.—Гуманизмъ во Франціи; Французская коллегія (Collège de France).—Эразмъ. — Дворъ Франциска I. — Французская литература въ XV вѣкѣ.—Поэзія въ XVI столѣтіи; Маро, Ронсаръ, Жодель. — Право; исторія. — Философія; Рамюсъ, Монтень. — Раблэ. — Характеръ французской литературы въ XVI вѣкѣ.—Испанская литература.—Сервантесъ.—Лопе-де-Вега.—Португалія; Камоэнсъ.—Начало и разцвѣтъ англійской литературы.—Шекспиръ (1564—1616). — Нравы XVI вѣка въ Англіи.—Зарожденіе науки.—Коперникъ (1493—1543).—Тихо-де-Браге.—Исправленіе календаря.—Математика.—Медицина; Парацельсъ, Везалій, Амбруазъ Паре.—Астрологія и колдовство.—Возрожденіе искусствъ въ Италіи.—Архитектура; Брунеллески и Браманте; Микель Анджело.—Соборъ св. Петра въ Римѣ.—Французская архитектура.—Филиберъ Делормъ; Пьеръ Леско. — Итальянская скульптура. — Французская скульптура.—Живопись, первые итальянскіе мастера въ XIV и XV вѣкахъ: Джіотто, Фра Анжелико, Мазаччіо. — Первые фламандскіе мастера; изобрѣтеніе масляныхъ красокъ (1410); братья Фанъ-Эйкъ.—Характеръ итальянской живописи; христіанскіе и языческіе сюжеты. — Итальянскія школы; флорентинская школа; Перуджино; Леонардо да-Винчи (1452—1519). — Римская школа; Микель Анджело (1474—1564). — Фрески Сикстинской Капеллы работы Микель Анджело. — Рафаэль (1483—1520). — Ломбардская школа; Корреджіо (1494—1534); Пармеджіано. — Венеціанская школа: Джоржіо Барбарелли (1477—1511); Тиціанъ (1477—1576).—Тинторетто; Паоло Веронезе.—Болонская школа; Карраччи. — Живопись въ Испаніи. — Живопись во Франціи.—Фламандская живопись.—Нѣмецкая живопись; Гольбейнъ; Альбрехтъ Дюреръ.—Керамика; Бернаръ Палисси.—Музыка.

Хотя умственная жизнь человѣчества не угасала въ средніе вѣка, тѣмъ не менѣе, за XV и XVI вѣками сохранилось изящное названіе эпохи „Возрожденія“. Міръ, дѣйствительно, какъ бы возрождался. Короли и папы, сеньёры и монахи, дворяне и горожане—всѣ, казалось, охвачены были жаждой знанія и художественнаго наслажденія. Ученые обсуждали различные вопросы, поэты писали стихи, и даже въ угрюмой Германіи Ульрихъ фонъ-Гуттенъ [1]), говоря объ этомъ упоеніи любознательностью, воскликнулъ: „Какъ, однако, хорошо жить!“

---

[1]) Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, поэтъ, ученый (1488—1523), предвѣстникъ Реформаціи.

Откуда пришло это пробужденіе? Оно явилось слѣдствіемъ потрясенія, повидимому, совершенно чуждаго движенію умовъ. Константинополь, въ которомъ хранились еще драгоцѣннѣйшія сокровища древности, въ 1453 г. подпалъ подъ власть жестокихъ и невѣжественныхъ завоевателей. Греки, бѣжавшіе изъ своего порабощеннаго отечества, разсѣялись по разнымъ странамъ, унося съ собою книги, уже позабытыя ими, но съ восторгомъ принятыя во Франціи и въ Италіи. Это былъ цѣлый міръ, вновь обрѣтенный человѣчествомъ. Богатство воображенія и совершенство формы, доставившія греческимъ писателямъ славу великихъ учителей во всѣхъ родахъ литературы, внезапно ослѣпили своимъ блескомъ ученыхъ, тщетно до того времени, истощавшихъ свои силы [1]). Древняя Грецiя еще разъ завоевала Западъ.

Именно въ это время *Гуттенбергъ* только-что закончилъ осуществленіе своего великаго изобрѣтенія—*книгопечатанія*. Распространившись повсюду [2]) въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, книгопечатаніе значительно увеличило количество сочиненій, какъ древнихъ, такъ и новыхъ писателей. Альды Мануціи [3]) въ Венеціи и Естьены въ Парижѣ являются типами ученыхъ издателей, умѣвшихъ пояснять тексты издаваемыхъ ими книгъ.

Въ Неаполѣ *Альфонсъ Великодушный* (1416—1458) основалъ *ака-*

---

[1]) Главнѣйшими изъ греческихъ ученыхъ, содѣйствовавшими возрожденію греческой науки, были: Димитрій *Халкондилъ* (1424—1511), учившій сначала во Флоренціи, около 1479 г., потомъ въ Миланѣ; *Іоаннъ Аргиропилъ*, который былъ принятъ во Флоренціи Козьмою Медичи; *Андроникъ Каллистъ* (умершій въ 1478 г.); *Константинъ Ласкарисъ*, преподававшій въ Миланѣ и Неаполѣ; *Іоаннъ Ласкарисъ*, преподававшій во Флоренціи во времена Лаврентія Медичи, затѣмъ въ Парижѣ, потомъ въ Римѣ, и возвратившійся опять въ Парижъ при Францискѣ I.

[2]) Книгопечатаніе, почти тотчасъ послѣ своего изобрѣтенія, было перенесено двумя работниками Фуста въ Италію, сначала, въ монастырь нѣмецкихъ бенедиктинцевъ въ Субіако (Церковная область) въ 1465 г., потомъ—въ Римъ. Іоаннъ Спиръ познакомилъ съ книгопечатаніемъ Венецію (1469). Въ Парижской коллегіи, въ Сорбоннѣ, былъ также поставленъ печатный станокъ (1470), и книгопечатаніе быстро распространилось по остальной Европѣ, въ Бельгіи, Англіи и Испаніи (1474).

[3]) Альдъ Мануцій (Альде Мануче, 1449—1515) основалъ знаменитую типографію въ Венеціи въ 1492 г., откуда вышли первыя изданія Аристотеля, Аристофана, Ѳукидида, Геродота, Лукіана, Ксенофонта, Демосѳена, Платона и, кромѣ того, очень цѣнныя изданія латинскихъ авторовъ. Альдъ Мануцій сдѣлался родоначальникомъ семьи, которая долгое время поддерживала славу этой типографіи, управляемой людьми, искренно преданными наукѣ. *Генрихъ Естьенъ* (1470—1521) сдѣлался главою не менѣе славной фамиліи, знаменитымъ и ученымъ представителемъ которой былъ *Робертъ Естьенъ* (1503—1559). Династія Естьеновъ, которую можно сравнить съ династіями владѣтельныхъ особъ, продолжалась до конца XVII вѣка.

демію; въ Римѣ *Николай V* [1]) положилъ начало *Ватиканской библіотекѣ*, собравъ пять тысячъ томовъ. Во Флоренціи *Козьма Медичи* [2]), этотъ купеческій Периклъ, властвовавшій надъ республикой не менѣе перемѣнчивой, чѣмъ республика Аѳинская, превзошелъ всѣхъ государей своимъ просвѣщеннымъ вкусомъ, съ какимъ онъ покровительствовалъ литературѣ и искусствамъ. Внукъ его, *Лаврентій Медичи*, превратившій въ монархическую власть вліяніе Козьмы, основанное исключительно на нравственныхъ началахъ, измѣнивъ политическимъ преданіямъ послѣдняго, продолжалъ поощрять ученыхъ. Онъ основалъ *академію* и до такой степени восхищался Платономъ, что возобновилъ праздникъ, совершавшійся нѣкогда учениками въ его память. Онъ же образовалъ Медицео-Лаврентинскую библіотеку, которая до сихъ поръ сохраняетъ его имя. Самые мелкіе владѣтельные князья Италіи имѣли при своихъ дворахъ поэтовъ, философовъ и художниковъ: фамилія *д'Эсте*—въ Феррарѣ, *Монтефельтро*—въ Урбино, *Гонзаго*—въ Мантуѣ, *Сфорца* — въ Миланѣ, *Бентивольо*—въ Болоньѣ. Наконецъ, *Іоаннъ Медичи*, сдѣлавшись папой подъ именемъ Льва X [3]), соединилъ въ своемъ лицѣ славу всѣхъ этихъ великодушныхъ покровителей наукъ и искусствъ; за несравненное величіе, съ какимъ онъ руководилъ умственнымъ движеніемъ, его именемъ названъ этотъ удивительный вѣкъ, столь изобиловавшій писателями и художниками.

Греческій и латинскій языки, казалось, были вызваны къ новой жизни. Какъ во времена процвѣтанія Аѳинъ и Рима, на нихъ учили, говорили и писали, и въ Италіи они оспаривали первенство у національнаго языка. Классическія произведенія всего болѣе могли способствовать полному развитію человѣка. Съ этого времени, слово *гуманизмъ* прилагается къ изученію классиковъ и составляетъ то, что называется *гуманитарными науками*. *Гуманисты*, весьма многочисленные въ Италіи, сдѣлались истинными руководителями умственнаго движенія. Таковы были *Лоренцо Валла*, *Марсиліо Фичини*, *Анджело Полиціано*, знаменитый графъ *Пико де-Мирандола*, разсуждавшій на всѣхъ языкахъ обо всѣхъ предметахъ; затѣмъ секретари Льва X, *Садолето*, одинъ изъ самыхъ изящныхъ поэтовъ, писавшихъ на латинскомъ языкѣ, кардиналъ *Бембо*, проза котораго, по великолѣпію періодовъ, соперничала съ цицероновской; *Саннацаро*, поэтъ-подражатель Виргилію; *Пом-*

---

[1]) Николай V, папа, съ 1447 по 1455.

[2]) Козьма (Козимо) Медичи, глава Флоренціи съ 1434 по 1464 г., Лаврентій (Лоренцо) Медичи, съ 1469 по 1492 г.

[3]) Левъ X, папа, съ 1513 по 1521.

поній Летъ, основатель римской академіи, ставившій на сцену комедіи Плавта и Теренція, и др. [1]).

Гуманизмъ отразился, впрочемъ, и на писателяхъ, оставшихся вѣрными своему природному языку. Прежде всего, подражаніе древнимъ авторамъ вовсе не имѣло успѣха на сценѣ. Трагедіи *Триссино* [2]), комедіи *Биббіены* [3]), даже произведенія *Аріоста* не могли побѣдить пристрастія итальянцевъ къ простымъ фарсамъ. Эти фарсы, возобновленные изъ *ателлановъ* и *мимовъ*, съ лицами, сдѣлавшимися традиціонными, какъ, напр., Pulcinella (Полишинель), Arlecchino (Арлекинъ), Pantalone (Панталонъ) обошли всю Европу и, въ продолженіе столѣтій, служили забавой въ народныхъ театрахъ.

Къ той же эпохѣ относится возникновеніе *пастушеской драмы*, которая, въ сопровожденіи хоровъ и музыки, должна была позднѣе положить начало совершенно новому роду—*оперѣ*. Пастушескій романъ, напр., „*Аркадія*“ *Саннацаро*, подражаніе поэмамъ Виргилія, имѣлъ болѣе успѣха. *Берни* [4]) пытался возобновить сатиру, сдѣлавшуюся причудливой и непристойной у Аретино [5]).

Хотя подражаніе древнимъ дало поэзіи образцы и поставило ее въ извѣстныя рамки, но вдохновеніе почерпалось, главнымъ образомъ, изъ французской рыцарской поэзіи, такъ какъ въ ней вполнѣ выразилась феодальная и христіанская фантазія среднихъ вѣковъ. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ въ эпической поэзіи, принадлежавшихъ *Луиджи Пульчи* [6]), который прочелъ на пиру Лаврентія *Morgante maggioro*, и Боярдо [7]), написавшему Orlando innamorato (*Влюбленный Орландъ*), появился истинный поэтъ этой эпохи, *Аріостъ* [8]). Взявъ за-ново и въ другой формѣ

---

[1]) Время жизни этихъ гуманистовъ: Лоренцо Валла (1406—1457), жившій въ Римѣ и Неаполѣ; Марсиліо Фичини (1433—1499), род. во Флоренціи; Анджело Полиціано (1454—1494) жилъ во Флоренціи и былъ наставникомъ Іоанна Медичи, впослѣдствіи папы Льва X; Пико де-Мирандола (1463—1494), третій сынъ Іоанна-Франциска, сеньора Мирандолы; Садолето (1463—1494), секретарь Льва X, епископъ Карпентраскій; Бембо (1470—1547), род. въ Венеціи, секретарь Льва X; Саннацаро (1458—1530), испанецъ по происхожденію, жилъ преимущественно въ Неаполѣ и заслужилъ имя итальянскаго и латинскаго поэта; Помпоній Летъ (1425—1497).

[2]) Родился въ Виченцѣ (1478—1550). Онъ посвятилъ свою трагедію *Софонизба* Льву X.

[3]) Бибіена (1470—1520) подражалъ пьесамъ Плавта.

[4]) Берни (1490—1536) писалъ въ шутливомъ родѣ, получившемъ въ Италіи его имя—„бернеско“.

[5]) Піетро Аретино или изъ Ареццо въ Тосканѣ (1492—1557).

[6]) Род. во Флоренціи (1431—1487).

[7]) Маттео-Марія Боярдо, графъ Скандіано (1430—1494).

[8]) Лодовико Аріосто, род. въ Реджіо (1474—1533).

легенду о Роландѣ, испорченную Боярдомъ, Аріостъ написалъ и издалъ свое прекрасное произведеніе *Неистовый Орландъ* (Orlando Furioso), гдѣ его воображеніе прихотливо соединило фантастическіе дворцы, чудесныя приключенія, талисманы, золотыя копья и крылатыхъ коней, но гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сумѣлъ очертить глубоко человѣческіе характеры. Проникнутый Гомеромъ, Виргиліемъ и Овидіемъ, онъ заимствовалъ у этихъ мастеровъ искусство описывать и живописать, сохраняя въ то же время пылкость воинственныхъ пѣсенъ и одухотворяя своихъ героевъ христіанскими чувствами. Его поэма съ особенной силой выражаетъ состояніе общества того времени, восторгавшагося рыцарствомъ и исполненнаго религіознаго чувства, несмотря на странное возвращеніе къ культу язычества.

Эти черты еще болѣе запечатлѣлись въ поэмѣ *Тасса* [1]) *Освобожденный Іерусалимъ*. По плану Иліады, въ немъ воспѣтъ крестовый походъ въ такую эпоху, когда онъ не могъ уже быть возобновленъ, и христіанскія чудеса тамъ перемѣшаны съ легендами и рыцарскими любовными похожденіями. Въ видѣ признака новаго времени, женщины обоготворяются въ этой поэмѣ въ лицѣ Армиды, Клоринды и Эрминіи, и обаяніе *Освобожденнаго Іерусалима* исходитъ, главнымъ образомъ, отъ нѣжности чувствъ, хотя нарушается, впрочемъ, излишкомъ разсужденій. Произведеніе Тасса—послѣдняя эпическая поэма, такъ какъ этотъ родъ литературы, рождающійся непроизвольно въ обществахъ юныхъ и наивныхъ, не могъ уже удовлетворить мыслящаго и ученаго общества XV вѣка.

Исторія и политика болѣе подходили къ людямъ эпохи Возрожденія. *Макіавелли* [2]), послѣдователь Тита Ливія, образовавшійся въ суровой школѣ войнъ и дипломатіи своего времени, соединяетъ искусство древняго съ проницательностью новѣйшаго времени. Въ его разсужденіи о первой *Декадѣ Тита Ливія* разсматриваются причины величія Рима. Его *Политическая переписка* свидѣтельствуетъ, какъ о тонкомъ наблюденіи человѣческихъ чувствъ, такъ и о серьезномъ знакомствѣ съ государственными интересами. Его *Исторія Флоренціи* можетъ служить однимъ изъ самыхъ литературныхъ, если не самыхъ добросовѣстныхъ, образцовъ повѣствовательнаго искусства. По крайней мѣрѣ, она дѣлаетъ

---

[1]) Торквато Тассо родился въ Сорренто (1544—1595) и жилъ большею частью при дворѣ въ Феррарѣ. Въ концѣ жизни, его разсудокъ былъ потрясенъ несправедливыми нападками; онъ пробылъ нѣсколько времени въ заточеніи, какъ безумный, но Италія взволновалась: Тассъ былъ освобожденъ и умеръ въ Римѣ въ ту минуту, когда его должны были увѣнчать въ Капитоліи.

[2]) Макіавелли род. во Флоренціи (1469—1527).

ему болѣе чести, чѣмъ его знаменитая книга *Государь*, которой онъ обязанъ своей славой; въ этой книгѣ онъ, со смѣлымъ цинизмомъ, возвелъ въ догматъ хитрые и жестокіе пріемы правителей своего времени. *Макіавеллизмъ* существовалъ во всѣ времена, но своимъ выраженіемъ и своимъ именемъ онъ обязанъ автору книги *Государь*.

Гуичардини [1]) былъ добросовѣстнѣе, и его *Исторія Италіи* (съ 1494 по 1532 г.), по богатству матеріала, заслуживаетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сравненія съ исторіей Тита Ливія, взятою имъ за образецъ. Къ этимъ именамъ слѣдуетъ присоединить имя венеціанца *Пануты* [2]), а къ этимъ произведеніямъ—*Донесенія венеціанскихъ посланниковъ*, драгоцѣнный источникъ справокъ для политической исторіи того времени.

Было бы несправедливымъ не упомянуть о доминиканцѣ *Савонаролѣ* [3]), проповѣдникѣ-трибунѣ, который своимъ краснорѣчіемъ взволновалъ Флоренцію и властвовалъ надъ нею. Саванаролла былъ какъ бы послѣднимъ протестомъ средневѣковаго христіанства противъ языческаго христіанства Возрожденія, и онъ имѣлъ достаточно власти надъ флорентинцами, чтобы заставить ихъ сжечь свои свѣтскія сочиненія и музыкальные инструменты. Это былъ еврейскій пророкъ среди современныхъ ему вавилонянъ.

Ведя войну въ Италіи въ продолженіе болѣе полувѣка, французы были ослѣплены образованностью, спокойное теченіе которой они пришли нарушить; они восхищались городами, съ которыхъ брали выкупы, дворцами, въ которыхъ жили, какъ хозяева, и великолѣпными церквами, которыя однѣ только пользовались ихъ уваженіемъ. Рукописи, картины, изваянія возбуждали ихъ любопытство и жадность столько же, какъ и богатыя матеріи, и элегантная мебель. Карлъ VIII и Людовикъ XII приглашали итальянскихъ ремесленниковъ. Францискъ I призвалъ къ своему двору ученыхъ и художниковъ.

Гуманизмъ, такимъ образомъ, оживилъ и во Франціи науку, увядавшую подъ ледянымъ дыханіемъ схоластики. Францискъ I окружилъ себя учеными, каковы были: *Дане*, *Постель*, *Ватабль*, *Тюрнебъ* и *Бюде* [4]).

---

[1]) Гуичардини род. во Флоренціи (1482 - 1540).

[2]) Панута (1540—1598) написалъ *Исторію Венеціи* съ 1513 по 1551 гг.

[3]) Саванаролла (1452—1498).

[4]) Пьеръ Дане родился въ Парижѣ (1497 — 1577). Гильомъ Постель родился въ Нормандіи (1505 или 1510—1581). Ватабль родился въ Пикардіи, умеръ въ 1547 г. Тюрнебъ род. въ Андели (1512—1565) и былъ профессоромъ греческаго языка. Гильомъ Бюде, первый эллинистъ, родился въ Парижѣ (1467—1540).

Бюде убѣдилъ Франциска I создать *Французскую Коллегію*, гдѣ, впрочемъ, самъ онъ не преподавалъ. Несмотря на покровительство, оказывавшееся папами изученію древнихъ языковъ, духовная Сорбонна пренебрегала ими. Франциск I пожелалъ, чтобы еврейскій, греческій и латинскій языки имѣли свои особыя каѳедры, къ которымъ онъ присоединилъ потомъ и каѳедры наукъ. Такимъ образомъ, на ряду съ чисто схоластическимъ преподаваніемъ, королевская власть поощряла новую систему преподаванія, свободную въ своихъ методахъ: это было плодотворнымъ нововведеніемъ, превратившимъ духовное образованіе въ свѣтское, о чемъ Франція пожелала сохранить воспоминаніе, поддерживая вмѣстѣ съ классическимъ обученіемъ, основаннымъ на строгомъ уставѣ въ Сорбоннѣ, разнообразное и вполнѣ свободное преподаваніе во Французской коллегіи [1]).

Франциск I желалъ привлечь въ свою новую коллегію самаго знаменитаго ученаго того времени, *Эразма* [2]), уроженца Роттердама, который путешествовалъ по всѣмъ странамъ и, въ дѣйствительности, не имѣлъ другихъ соотечественниковъ, кромѣ представителей ученаго міра. Эразмъ писалъ на латинскомъ языкѣ, но, тѣмъ не менѣе, былъ выразителемъ идей своего времени: его сатиры на монаховъ и на злоупотребленія церкви доставили ему имя одного изъ предшественниковъ реформаціи, къ которой, впрочемъ, онъ отказался примкнуть. Его *Похвала Глупости* ставитъ его въ число наиболѣе тонкихъ наблюдателей человѣчества и самыхъ ѣдкихъ моралистовъ.

Духъ древности во Франціи столкнулся съ національнымъ геніемъ, который въ XV вѣкѣ уже возвысился до изящества *Карла Орлеанскаго* и чувствительности *Виллона* [3]), перваго по времени, истиннаго поэта

---

[1]) Въ Римѣ Левъ X основалъ коллегію молодыхъ грековъ. Въ Лувенѣ, въ 1517 г. Георгъ Буфленденъ, брюссельскій каноникъ, основалъ коллегію, гдѣ преподавались еврейскій, греческій и латинскій языки. Франциск I, по совѣту Гильома Бюде, учредилъ въ 1530 или 1531 г. двѣ каѳедры, одну греческаго, другую еврейскаго языковъ: это была коллегія *Двухъ языковъ*, которая впослѣдствіи превратилась въ коллегію *Трехъ языковъ* или *Трехъязычную*, такъ какъ была прибавлена еще каѳедра латинскаго языка (1534). Таково было происхожденіе Французской коллегіи, которая впослѣдствіи обогатилась каѳедрами математики, философіи, медицины и хирургіи.

Первыми профессорами были: *Поль Парадисъ* и Агатіасъ *Гвидачеріо*, затѣмъ *Ватаблъ* по еврейскому языку; *Пьеръ Дане* и *Франсуа Туссенъ* по греческому; *Бартельми Латронюсъ* по латинскому; *Побласіонъ*, испанецъ; *Оронсъ Фине* изъ Дофине, по математикѣ и т. д.

[2]) Эразмъ (1467—1536).

[3]) Виллонъ (1421—1480 или 1489). Его главныя поэмы — *Великое Завѣщаніе и Малое*, а затѣмъ *Баллады*.

Франціи. *Нравственныя* пьесы *Базошъ*, братства клириковъ и многочисленныхъ служащихъ при парламентѣ, ставились ими, взамѣнъ мистерій, представлявшихся братствомъ Страстей Христовыхъ; но ихъ аллегоріи цѣнились ниже лукавыхъ фарсовъ, возвысившихся почти до уровня настоящей комедіи въ безымянномъ фарсѣ *Адвокатъ Пателенъ*, въ которомъ какой-то неизвѣстный предшественникъ Мольера далъ изображеніе настоящихъ характеровъ. *Беззаботныя дѣти* своими остроумными выходками тревожили даже правительственную власть, которая сперва поощряла ихъ; среди нихъ находился замѣчательный писатель Пьеръ *Гренгуаръ* [1]).

Проза устанавливалась. *Аленъ Шартье* [2]) считался современниками отцомъ краснорѣчія. Въ его *Бранномъ квадрилогіи* высокія мысли тѣснятся одна за другою, и въ нихъ слышится чувство человѣка, любящаго свою страну. Въ концѣ столѣтней войны, уже развившійся патріотизмъ находилъ форму для своего проявленія. *Комминъ* [3]) въ своихъ *Мемуарахъ* превосходитъ древнихъ хроникеровъ: онъ разсуждалъ и обрисовывалъ личности. Это—первый, по времени, историкъ Франціи.

Элегантный дворъ Франциска I, уже съ первыхъ годовъ XVI столѣтія, восхищался шутками, остроумными посланіями и элегіями *Клемана Маро* [4]). Этотъ писатель выравнялъ и сгладилъ старинный языкъ стихотворныхъ сказокъ. Пьеръ *Ронсаръ* [5]) задумалъ возвысить его подражаніемъ древнимъ; такъ какъ французскій языкъ отчасти происходитъ отъ латинскаго, Ронсаръ возвратился къ его источнику. Въ своемъ увлеченіи греческими и латинскими формами, онъ составилъ новый языкъ, переполненный странными терминами, который не могъ удержаться. Холодный тонъ его сочиненій и неблагозвучность варварскихъ словъ въ его поэмѣ *Франсіада* были причиною неудачи его реформы, къ счастью для французскаго языка, такъ какъ иначе онъ утратилъ бы свое изящество и свѣжесть.

Брантомъ оставилъ намъ живое и остроумное описаніе блестящаго двора Франциска I. „Не было, — говоритъ онъ,—при дворѣ ни одной знатной свадьбы, турниpовъ, маскарадовъ и пышныхъ выходовъ, въ

---

1) Пьеръ Гренгуаръ (1475 или 1480—1544). Его главное сочиненіе *Jeu du Prince des sots et de Mère Sotte.*

2) Аленъ Шартье (1386--1458).

3) Филиппъ Комминъ (1445—1509).

4) Клеманъ Маро (1495—1544).

5) Ронсаръ (1524—1585).

которыхъ, какъ мужчины, такъ и дамы, не имѣли бы отъ короля парадныхъ одеждъ. Я видѣлъ сундуки и гардеробы нѣкоторыхъ дамъ этого времени, столь наполненныя платьями, подаренными имъ королемъ при разныхъ торжествахъ и праздникахъ, что они представляли большое богатство.

„Онъ любилъ также пышность въ обстановкѣ. Два ковра, которые еще можно видѣть и теперь, доказываютъ это. Одинъ изъ нихъ, съ изображеніемъ тріумфа Сципіона, выставлявшійся часто въ большихъ залахъ, въ дни большихъ праздниковъ и собраній, стоилъ двадцать двѣ тысячи экю, что было много для того времени. Теперь, какъ я слышалъ, его нельзя было бы купить и за пятьдесятъ тысячъ экю, такъ какъ онъ весь затканъ золотомъ и шелками, и, по исторической вѣрности лицъ, нельзя было видѣть ничего лучше... Много было говорено о большихъ тратахъ, великолѣпіи, пышности и залахъ Лукулла; но онъ никогда даже не приближался во всемъ этомъ къ нашему королю, и среди всей его мебели не было такихъ вещей, о которыхъ я только что говорилъ, стоющихъ больше всѣхъ его драгоцѣнностей. Что же касается дома, то ни жилые покои его, ни залы не могли равняться съ королевскими, такъ какъ король имѣлъ свой особый столъ, столъ домоправителя, великаго камергера, придворныхъ дворянъ, служителей и многихъ другихъ. Всюду подавались прекрасныя кушанья, и ни въ чемъ не было недостатка; и даже, что̀ встрѣчалось очень рѣдко, въ деревнѣ, среди лѣсовъ, во время собраній, всѣ пользовались тѣми же удобствами, какъ будто были въ Парижѣ.

„Что касается дамъ, то, конечно, надо сознаться, раньше онѣ не имѣли доступа ко двору и посѣщали его рѣдко и въ небольшомъ числѣ. Правда, королева Анна начала окружать себя придворными дамами въ бо̀льшемъ множествѣ, чѣмъ прежнія королевы, и безъ нея король, ея супругъ, не позаботился бы объ этомъ. Но король Франциск̀ъ, вступая на престолъ, понялъ, что женщины составляютъ лучшее украшеніе двора, и пожелалъ привлечь къ нему больше дамъ, чѣмъ это дѣлалось обыкновенно до него. Въ самомъ дѣлѣ, дворъ безъ дамъ есть садъ, вовсе лишенный прекрасныхъ цвѣтовъ, и походитъ болѣе на дворъ сатрапа или турка, чѣмъ на дворъ великаго христіанскаго короля... Мнѣ часто приходилось видѣть, какъ наши короли отправлялись на охоту въ другіе города или еще куда-нибудь, оставались тамъ и веселились по нѣсколько дней, но не брали съ собою дамъ; мы были такъ поражены, растеряны и огорчены, что недѣля, проведенная вдали отъ нихъ и ихъ прекрасныхъ глазъ, казалась намъ годомъ, и мы все время мечтали: „Когда, наконецъ, мы будемъ снова

при дворѣ?",—называя часто дворомъ не то мѣсто, гдѣ былъ король, но гдѣ находились королева и ея дамы" [1]).

Въ это же время появилась и трагедія. *Жодель* [2]) написалъ и поставилъ при дворѣ Генриха II трагедію *Клеопатра,* составленную имъ по плану античныхъ пьесъ. Несмотря на свою сухость, она нанесла послѣдній ударъ *мистеріямъ братства Страстей Христовыхъ*, слишкомъ наивныхъ для столь утонченной эпохи. Жодель входилъ въ составъ *Плеяды*, т.-е. былъ въ числѣ шести звѣздъ, блиставшихъ вокругъ Ронсара и, такимъ образомъ, воспроизводившихъ созвѣздіе этого имени [3]). Подобно своимъ друзьямъ, *дю-Беллэ* [4]), *Баифу* [5]) и *Белло*[6]), онъ преувеличенно подражалъ древнимъ, а другой поэтъ *Дюбартасъ* [7]), довелъ это подражаніе до смѣшного. Одинъ только *Агриппа д'Обинье* [8]), несмотря на утомительныя злоупотребленія греческой миѳологіей и нравственными аллегоріями, возвратился въ своихъ *Трагикахъ* къ религіозной и политической сатирѣ, къ мужественнымъ чувствамъ, исходившимъ изъ сердца, глубоко возмущеннаго преслѣдованіями, какимъ подвергались протестанты.

Отяжелѣвшая отъ примѣси педантизма, поэзія не могла подняться высоко; но проза, которой не свойственна такая гибкость и легкость движеній, укрѣплялась подъ защитой, какую доставляли ей законовѣды, философы, историки и ораторы древности.

Римское право разъяснялось съ помощью исторіи знаменитымъ *Кюжасомъ* [9]). Ученый *Дюмуленъ* совершилъ подобный же трудъ относительно *обычнаго права.* Оба они создали французскую школу, которая не замедлила украситься именами *Оливье*, *Лопиталя*, *Пакье*, *Гарлея*, *Де-Ту* и т. д. и придала французскому судебному сословію высокую репутацію учености, стоявшую наравнѣ съ его репутаціей честности.

Древній міръ высказалъ почти все, что̀ можно было сказать объ организаціи государства, и любознательность направилась къ этому вопросу,

---

[1]) Brantôme, *Les Grands capitaines français*: *François I.*

[2]) Жодель (1532—1575).

[3]) Еще александрійскіе поэты соединялись въ плеяды: Теокритъ, Аполлоній Родосскій, Каллимахъ, Ликофронъ и др. Воспоминаніе о нихъ побудило Ронсара образовать свою *плеяду*. Она состояла изъ *Жоакима дю-Беллэ, Антуана де-Баифъ, Амадиса Жамэнъ, Белло, Понтюса де-Тіаръ, Жоделя* и *Ронсара.*

[4]) Жоакимъ дю-Беллэ (1524—1560).

[5]) Антуанъ де-Баифъ (1532–1589).

[6]) Реми Белло (1528—1577).

[7]) Дюбартасъ (1544–1590).

[8]) Агриппа д'Обинье (1550—1630).

[9]) Кюжасъ (1522—1590).

затронутому *Ла-Боэти* [1]), въ его трактатѣ о *Добровольномъ рабствѣ*, и *Боденомъ* [2]), въ сочиненіи о *Республикѣ*. Горячіе порывы Ла-Боэти противъ тираніи отзывались риторикой и подражаніемъ; тѣмъ не менѣе, онъ вмѣстѣ съ Боденомъ, слишкомъ точно придерживавшимся Аристотеля, были одними изъ первыхъ политическихъ писателей. *Де-Ту* [3]) пытался подражать историкамъ древности, но запутался въ сложныхъ лѣтописяхъ XVI вѣка. Поэтому писателемъ, оказавшимъ на дѣлѣ наибольшую услугу исторіи, явился простой переводчикъ, епископъ *Аміо* [4]). Аміо изложилъ своимъ простодушнымъ и изящнымъ языкомъ жизнеописанія Плутарха. Безъ сомнѣнія, онъ придалъ автору, писавшему выработаннымъ и ученымъ языкомъ, невѣрную окраску, переводя его своею живописною рѣчью, но самый тонъ переводчика прибавилъ еще бо́льшую прелесть разсказамъ Плутарха; усилія, сдѣланныя Аміо, чтобы передать по-французски греческую фразу, смягчили языкъ и обогатили его новыми оборотами и выраженіями. *Брантомъ* [5]) пробовалъ не переводить, а подражать Плутарху, написавъ нѣчто въ родѣ галлереи *Великихъ французскихъ полководцевъ*: его языкъ смѣлъ и, по временамъ, энергиченъ, но онъ не углубляется въ свой предметъ, и книга его, не лишенная интереса, не можетъ считаться вполнѣ исторической.

Изученіемъ древнихъ всего болѣе воспользовалась философія. Платонъ, замѣстившій Аристотеля, освободилъ философію отъ слишкомъ узкихъ правилъ схоластическаго метода и обновилъ ее на десять вѣковъ. *Рамусъ* [6]), увлеченный Платономъ и діалогами, въ которыхъ Сократъ излагаетъ, съ такою же простотою, какъ и распространенностью, свои понятія о душѣ, захотѣлъ философствовать въ духѣ Сократа. Смѣлость его идей доставляла ему множество враговъ. Нравственная философія уже имѣла своего учителя въ лицѣ *Мишеля де-Монтеня* [7]), проникнутаго ученіями древности, сущность которыхъ онъ приводилъ въ своихъ бесѣдахъ, озаглавленныхъ *Опыты*. Монтень освободился отъ какихъ бы то ни было методовъ. Онъ говоритъ, разсказываетъ и разсуждаетъ совершенно просто, предоставляя своему перу касаться всевозможныхъ предметовъ и давая прекрасные совѣты: этотъ свободный разсказчикъ былъ, не имѣя того въ виду, однимъ изъ предшествен-

---

[1]) Ла-Боэти (1530—1562).
[2]) Боденъ (1530—1596).
[3]) Жакъ Огюстъ Де-Ту (1553—1617).
[4]) Жакъ Аміо (1513—1583).
[5]) Пьеръ де-Бурдёйль, сеньёръ Брантомскій (1540—1614).
[6]) Пьеръ Рамейскій, назыв. Рамусъ (1515—1572).
[7]) Монтень (1532—1592).

никовъ новѣйшей педагогіи. Но, не довѣряя себѣ и пугаясь науки, онъ спрашивалъ себя: „*Что я знаю?*“ Не желая того и самъ того не замѣчая, онъ открывалъ дорогу *сомнѣнію* (скептицизму), который его ученикъ *Шарронъ* [1]) выразилъ весьма ясно.

Монтень писалъ для образованныхъ людей. Раньше его *Раблэ* [2]) философствовалъ для толпы, съ добродушнымъ и грубымъ смѣхомъ и языкомъ слишкомъ непристойнымъ, даже и для того нетребовательнаго въ этомъ отношеніи времени. Необыкновенныя приключенія *Гаргантюа* и *Пантагрюэля* ярко обнаруживаютъ удивительное воображеніе и умъ Раблэ; онъ присоединяетъ къ нимъ живую сатиру на образованіе и всевозможныя злоупотребленія своего времени, но многія излишества и нелѣпости, осмѣянныя лукавымъ священникомъ изъ Мёдона, пережили его насмѣшки.

Франція не достигла еще совершенства формы, но мысль ея распространялась со смѣлостью и силою выраженія, до тѣхъ поръ неизвѣстными, сдѣлавшими языкъ XVI вѣка богатымъ и энергичнымъ. Стиль французскихъ писателей XVI вѣка, несмотря еще на многія искаженія, обладалъ свѣжестью, какой уже были лишены болѣе отшлифованныя произведенія послѣдующихъ вѣковъ.

Кромѣ того, XVI вѣкъ былъ эпохой борьбы, литературныхъ споровъ, преслѣдованій и религіозныхъ войнъ. Тогда затрогивались всевозможные предметы. Къ писателямъ того времени можно причислить *Лютера* и *Кальвина*; въ *проповѣдникахъ Лиги* религіозныя страсти находятъ толкователей, пылъ которыхъ, по временамъ, достигаетъ настоящаго краснорѣчія. Писатели оказываютъ серьезное вліяніе и кладутъ начало великому умственному движенію, сдѣлавшему изъ французской литературы истинную выразительницу современныхъ идей, а изъ французскихъ писателей — ихъ истолкователей, которыхъ съ восторгомъ читала вся Европа.

Впрочемъ, въ то время Испанія, повидимому, проявляла умственное преобладаніе, такъ же, какъ и политическое. Ея языкъ,—латынь, испорченная варварами,—установился въ теченіе среднихъ вѣковъ: болѣе звучный и твердый, чѣмъ языкъ итальянскій, онъ сохранилъ нѣкоторую суровость воинственнаго народа и нѣкоторую пышность народа горделиваго. Начиная съ XI и XII вѣковъ, у испанцевъ явились свои поэтическія народныя сказанія; такова была *поэма о Сидѣ*, замѣнявшая для нихъ Пѣснь о Роландѣ. Многочисленные поэты, имена кото-

---

[1]) Пьеръ Шарронъ (1541—1603).

[2]) Раблэ (1495—1553).

рыхъ остались неизвѣстными, появлялись по всей христіанской Испанія, распѣвая свои *романсы* (произведенія, написанныя на *романскомъ* языкѣ) и славили въ короткихъ и легкихъ стихахъ подвиги и любовныя чувства рыцарей. Эта литература съ теченіемъ времени обезцвѣтилась, какъ и вся литература среднихъ вѣковъ. Возрожденіе въ Испаніи, какъ и въ другихъ странахъ, сообщило такой толчекъ развитію вкуса, что испанцы вступили сразу въ великій вѣкъ своей литературы.

Они подражали итальянскимъ поэтамъ и заимствовали у нихъ даже размѣры. Такъ, *Боскань* [1]) подражалъ Петраркѣ. Но *Гарсиласо де-ла-Вега* [2]), придерживаясь Петрарки, Бембо и Саннацара, какъ образцовъ, умѣлъ почерпать въ своихъ чувствахъ собственное вдохновеніе и говорилъ языкомъ уже усовершенствованнымъ. *Кастильехо* [3]) возставалъ противъ подражанія итальянцамъ и пасторальнаго рода, казавшагося ему недостойнымъ воинственной націи. *Уртадо де-Мендоса* [4]) просвѣщенный посланникъ, поэтъ, романистъ и историкъ, бралъ сюжеты для своихъ произведеній изъ народныхъ преданій.

Послѣдующіе поэты возвышались до истиннаго лиризма: *Фернандо де-Эррера* [5]) открылъ Испаніи красоту классической оды и воспѣвалъ подвиги христіанскаго героя, донъ-Хуана Австрійскаго. *Луисъ Понсе де-Леонъ* [6]) былъ поэтомъ вполнѣ христіанскимъ, вдохновляясь вѣрою, доходившею до мистицизма. Дѣйствительно, въ то время, разъединеніе религіознаго единства пробуждало болѣе горячую вѣру у католиковъ. Въ Испаніи появились *Игнатій Лойола*, основатель ордена іезуитовъ, и *святая Тереза*, экстазы которой разсказывались ею самой и выражались въ поэмахъ и рѣчахъ, исполненныхъ страстнаго лиризма.

Впрочемъ, рыцарская поэзія еще не сказала своего послѣдняго слова. *Амадисъ Гальскій*, составленный изъ древнихъ кельтскихъ легендъ *Монтальвой*, пріобрѣлъ значительный успѣхъ въ Испаніи, и пасторальный романъ получилъ славу вмѣстѣ съ *Георгомъ де-Монтемайоръ*. Эти роды поэзіи и, въ особенности, рыцарскіе романы вскорѣ встрѣтили страшнаго противника въ лицѣ знаменитаго *Сервантеса* [7]). Этотъ

---

[1]) Боскань (1500—1544).

[2]) Гарсиласо де-ла-Вега, род. въ Толедо въ 1503 г., ум. въ Ниццѣ въ 1536 г.

[3]) Кастильехо (1494—1596).

[4]) Уртадо де-Мендоса (1503—1575).

[5]) Фернандо Эррера, севильскій священникъ (1515—1595).

[6]) Понсе де-Леонъ (1527—1591).

[7]) Мигэль де-Сервантесъ Сааведра, родившійся въ Алькалѣ Генаресской (1547 — 1616). Главное произведеніе его „Донъ-Кихотъ“ (Сервантесъ оставилъ еще множе-

храбрый воинъ, потерявшій лѣвую руку въ сраженіи при Лепантѣ и всю жизнь переносившій суровыя испытанія, возмутился пристрастіемъ своихъ современниковъ къ рыцарскимъ романамъ, нелѣпость которыхъ все возрастала. Онъ взялъ изъ нихъ сюжетъ для удивительной пародіи и, въ своей *Необыкновенной исторіи донъ-Кихота Ламанчскаго*, вывелъ на сцену бѣднаго испанскаго дворянина, которому вскружили голову романы. Впрочемъ, если бы произведеніе Сервантеса было только литературной сатирой, оно, быть можетъ, несмотря на достоинства своего языка, не пережило бы своего времени; но Сервантесъ, вмѣстѣ съ остроуміемъ, живымъ воображеніемъ и рѣдкимъ талантомъ описанія картинъ природы и характеровъ, обладалъ глубокою наблюдательностью, благодаря которой романъ его является сатирой на все человѣчество. Среди необычайныхъ происшествій, грубоватыхъ и уморительныхъ приключеній донъ-Кихота и его спутника Санчо Пансы, Сервантесъ разсѣеваетъ самыя мудрыя правила, самыя тонкія замѣчанія о страстяхъ и порокахъ современнаго ему общества и людей всѣхъ временъ. Вальтеръ Скоттъ называлъ его книгу однимъ изъ образцовыхъ произведеній человѣческаго ума.

Сервантесъ пытался придать испанскому театру формы, какія, благодаря его образованію и уму, казались ему идеальными. Но это ему не удалось, и онъ пересталъ работать для театра, когда увидалъ поразительный успѣхъ *Лопе де-Веги* [1]). Обладая удивительнымъ воображеніемъ и неисчерпаемой плодовитостью (такъ какъ, говорятъ, онъ написалъ около полутора тысячъ пьесъ), Лопе де-Вега, бывшій воиномъ, священникомъ и монахомъ, связалъ историческую и религіозную драму съ комедіей интриги, называемой комедіей „плаща и шпаги“. Хотя эти пьесы состояли изъ ряда невѣроятныхъ приключеній, онѣ привлекали толпу яркостью изображенія, живостью и естественностью діалога. Въ историческихъ трагедіяхъ Лопе де-Вега вовсе не думалъ ограничиться подражаніемъ древнимъ. Онъ выводилъ на сцену исторію, не заботясь объ единствѣ времени и мѣста. Его школа отражалась въ Испаніи достаточно яркимъ свѣтомъ еще въ XVII в., обезпечивая за испанской литературой замѣтное вліяніе на литературы другихъ странъ, и въ особенности—на литературу французскую.

Португалія имѣетъ одно только великое имя, но это имя — *Камоэнсъ* [2]), воспѣвавшій въ *Лузіадахъ* открытія и подвиги португальцевъ.

ство новеллъ и комедій) было напечатано въ 1605 и 1615 гг. Испанія, впрочемъ, долго не признавала славы Сервантеса, который жилъ въ бѣдности.

[1]) Лопе де-Вега (1526—1635).

[2]) Камоэнсъ родился и умеръ въ Лиссабонѣ (1525—1579).

Его произведеніе — великолѣпная эпопея своего времени и, въ то же время, исторія.

Подъ живительными лучами, исходившими изъ Испаніи, Франціи и Италіи, умъ пробуждался даже въ туманной Англіи. Съ самаго начала новыхъ временъ, Англія сдѣлалась великой державой. Народность ея сложилась своеобразно, смѣшанная изъ племенъ кельтскихъ, римскихъ, саксонскихъ, датскихъ и норманскихъ. Языкъ съ сильнымъ отпечаткомъ стариннаго французскаго нарѣчія, а вслѣдствіе того, и латыни, въ концѣ концовъ, принялъ германскій характеръ и усвоилъ, по крайней мѣрѣ, для глаголовъ и для обозначенія всѣхъ обыденныхъ предметовъ, саксонскіе обороты. Твердость словъ со множествомъ согласныхъ звуковъ смягчалась, впрочемъ, произношеніемъ, совершенно отличающимся отъ правописанія, и англійскій языкъ получилъ болѣе гибкости и благозвучія, чѣмъ этого можно было бы ожидать отъ народа, оставшагося суровымъ и грубоватымъ, несмотря на свой умственный прогрессъ и богатство.

Начиная съ XIV вѣка, англійскій языкъ вылился въ поэтическую форму, благодаря *Чаусеру*, который кажется труверомъ, уцѣлѣвшимъ отъ конца среднихъ вѣковъ. Классическое и языческое возрожденіе XVI вѣка совпадаетъ съ реформаціей, закончившей установленіе индивидуальности англійскаго характера. Затѣмъ, царствованіе знаменитой Елизаветы, завершившее укрѣпленіе государственнаго могущества, явилось своевременно, чтобы дополнить условія, благопріятныя для разцвѣта литературы. Уже съ XVI вѣка, англійская литература сіяетъ полнымъ блескомъ. *Спенсеръ*, хотя и тратилъ свой умъ на миѳологическія аллегоріи, которымъ старался придать жизнь, былъ настоящій поэтъ. Театръ, послѣ нѣсколькихъ предшественниковъ, въ родѣ *Джона Лили* или *Марло* [1]), далъ величайшаго драматическаго генія Англіи и даже всей Европы, *Шекспира* [2]).

Поистинѣ величественна фигура этого поэта, сына торговца шерстью,

---

[1]) Марло (1563—1593) написалъ три лучшія трагедіи, какія англійскій театръ создалъ до Шекспира, *Эдуардъ II*, *Мальтійскій Еврей* и *Докторъ Фаустъ*.

[2]) Уильямъ Шекспиръ родился въ Стратфордѣ на Эвонѣ (1564 — 1616) и писалъ сперва легкія пьесы, а затѣмъ—историческія драмы (*Генрихъ VI* и знаменитая трагедія *Ромео и Джульетта*). Успѣхъ историческихъ драмъ поощрилъ его продолжать въ этомъ направленіи: онъ написалъ *Ричарда III* (1593), *Генриха IV* (1598—1599), *Генриха V* (1599), *Короля Джона* (1598), наконецъ, *Генрихъ VIII* (1603). Во второмъ періодѣ своей жизни, въ XVII столѣтіи, онъ создалъ лучшія изъ своихъ драмъ — *Отелло* (1602), *Гамлета*, *Короля Лира*, *Макбета* и *Бурю*; этому второму періоду принадлежатъ также пьесы изъ римской жизни: *Коріоланъ*, *Юлій Цезарь* и *Антоній и Клеопатра*.

актера и автора пьесъ, комедіанта и содержателя театра, нашедшаго въ XVI вѣкѣ вдохновеніе величайшихъ поэтовъ Греціи, присоединивъ къ нему отвагу и полетъ воображенія средневѣковыхъ поэтовъ. Образованный человѣкъ, почитатель современной ему и древней Италіи, но всего болѣе преданный Англіи, Шекспиръ, поочередно, былъ итальянцемъ въ *Ромео и Джульеттѣ* и въ *Отелло*, римляниномъ—въ *Коріоланѣ* и *Цезарѣ*, и истиннымъ англичаниномъ въ драмахъ, взятыхъ изъ національной исторіи, какъ, напримѣръ, *Генрихъ IV*, *Ричардъ III*, *Генрихъ VIII*, или изъ шотландскихъ легендъ, какъ *Макбетъ*. Это—геніальный живописецъ, заставляющій оживать прошедшіе вѣка и чувствующій себя свободно въ Италіи среди бурныхъ событій среднихъ вѣковъ, среди ужасовъ войны двухъ Розъ или въ полуварварскія времена, такъ же, какъ и среди древняго общества. Съ пылкостью, разрушающей всѣ преграды, онъ бросаетъ на сцену цѣлый міръ, переноситъ исторію въ театръ и, хотя примѣшиваетъ большую долю вымысла, остается вѣрнымъ истинѣ болѣе, чѣмъ многіе историки. Ничто не можетъ сравниться съ движеніемъ и пыломъ этихъ сложныхъ драмъ, развертывающихся поочередно во дворцахъ, на улицахъ, на поляхъ битвъ, и изображающихъ людей всевозможныхъ положеній, замѣняя древній хоръ толпою. Шекспиръ перемѣшиваетъ всѣ тона: серьезный и легкій, даже шутливый, иногда не совсѣмъ приличный. Онъ спускается до грубыхъ народныхъ выраженій съ такою же легкостью, какъ поднимается до высшихъ красотъ, и не знаешь, чему удивляться, читая его лучшія пьесы.

Но онъ въ особенности заслуживаетъ удивленія потомства за то, что зналъ и изображалъ страсти человѣческаго сердца. Характеры его лицъ еще болѣе вѣрны съ точки зрѣнія чувства, чѣмъ съ точки зрѣнія исторіи. Безъ всякихъ данныхъ или указаній, онъ создавалъ типы, жизненность которыхъ неоспорима: Макбетъ и его жена, леди Макбетъ,—типы преступнаго честолюбія; Отелло—типъ ревности; Дездемона—трогательная жертва пылкаго мавра; Джульетта—граціозное воплощеніе любви; наконецъ, Гамлетъ—тревожный мечтатель, человѣкъ, охваченный меланхоліей, какой не знали въ древнемъ мірѣ, предшественникъ множества душъ, томящихся въ неопредѣленной тоскѣ, свойственной новымъ временамъ. Шекспиръ—послѣдователь поэтовъ древности, но это—поэтъ съ отпечаткомъ иногда болѣзненной чувствительности, составляющей черту характера народовъ Сѣвера. Греки и римляне умѣли превосходно выражать печаль, причиненную несчастіемъ, но имъ была непонятна неопредѣленная грусть и пресыщеніе жизнью въ цвѣтущую пору молодости.

Хотя Англія не имѣетъ другого поэта, равнаго Шекспиру, но ея литература въ то время только-что зарождалась, и англичане впослѣдствіи преуспѣвали во многихъ другихъ родахъ литературы, какъ мы это увидимъ въ XVII вѣкѣ.

„Послѣ того, какъ сѣкира и мечъ междоусобныхъ войнъ уничтожили независимое дворянство, и подавленіе права самостоятельности нанесло ударъ отдѣльному господству каждаго крупнаго феодальнаго барона, сеньёры покинули свои мрачные замки, съ зубчатыми стѣнами, окруженные рвами со стоячей водой, прорѣзанные узкими окнами, нѣчто въ родѣ каменныхъ террасъ, пригодныхъ только для охраны жизни своихъ владѣльцевъ. Они устремились толпами въ новые дворцы, съ куполами и башенками, съ замысловатыми и обильными украшеніями, съ монументальными террасами и лѣстницами, съ садами, фонтанами и статуями. Это были дворцы Генриха VIII и Елизаветы, полуготическіе и полуитальянскіе, удобства, блескъ и симметрія которыхъ говорятъ уже о привычкѣ къ обществу и о стремленіяхъ къ наслажденію. Приблизившись къ двору, сеньёры разстаются со своими нравами; четыре трапезы въ день, которыхъ едва доставало для насыщенія прожорливости стараго времени, сводятся на двѣ; люди благороднаго происхожденія вскорѣ пріобрѣтаютъ утонченность и соперничаютъ въ изысканности и своеобразности своихъ забавъ и нарядовъ. Они великолѣпно одѣваются въ ослѣпительныя матеріи, съ пышностью людей, которые въ первый разъ чувствуютъ на себѣ шуршаніе шелка и блескъ золота—въ колеты изъ яркаго краснаго атласа, въ собольи мантіи, цѣною въ тысячу дукатовъ, въ башмаки изъ бархата, вышитаго золотомъ и серебромъ, съ розетками или лентами, въ отложные воротники, откуда выходятъ цѣлые потоки кружевъ, вышитыхъ фигурами птицъ, звѣрей, созвѣздій и цвѣтовъ изъ золота, серебра или драгоцѣнныхъ камней, и въ разукрашенныя рубашки, стоющія по десяти фунтовъ стерлинговъ. „Это—вещь обыкновенная, надѣть на себя, въ видѣ платья, тысячу козъ и сто быковъ и носить на спинѣ цѣлый замокъ“. Одежды того времени походили на церковныя ризы. Когда Елизавета умерла, то въ ея гардеробѣ оказалось три тысячи платьевъ. Надо ли говорить о громадныхъ воротникахъ дамъ, объ ихъ пышныхъ платьяхъ, корсажахъ, сплошь покрытыхъ брилліантами? И—что было странной чертой того времени—мужчины были измѣнчивѣе и болѣе любили наряды, чѣмъ дамы. „Наше непостоянство таково,—говоритъ Гаррисонъ,—что сегодня всего больше нравится испанская мода, а завтра изящными и пріятными будутъ находить только французскія бездѣлки. Черезъ нѣкоторое время будутъ цѣниться одежды въ нѣ-

мецкомъ вкусѣ. Общее предпочтеніе будетъ отдаваться то турецкому фасону, то мавританской одеждѣ, то варварійскимъ рукавамъ, или французскому короткому нижнему платью. И не только разнообразны моды: никакими словами не выразишь высокой цѣны, изысканности, излишества, тщеславія, пышности, измѣнчивости и, наконецъ, непостоянства и безумія, встрѣчающихся во всѣхъ слояхъ общества". Пожалуй, это было безуміе, но не лишенное поэзіи.

„Со времени вступленія на престолъ Генриха VIII до смерти Іакова I, процессіи, турниры, въѣзды въ города и маскарады почти непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ. Сперва это—царскіе пиры, пышныя коронованія, широкія и шумныя увеселенія Генриха VIII. Уольсей даетъ въ честь его празднества „столь дорогія и великолѣпныя, что они казались райскими. Тамъ не было недостатка ни въ дамахъ, ни въ дѣвицахъ, прекрасно одѣтыхъ и достаточно ловкихъ, чтобы танцовать съ замаскированными вельможами или украшать залу, когда это было нужно. Тамъ были также всякаго рода музыка и пѣніе, съ прекрасными мужскими и дѣтскими голосами". Король, однажды, неожиданно засталъ его за столомъ, явившись вмѣстѣ съ двѣнадцатью знатными лицами, въ пастушескихъ костюмахъ изъ парчи и алаго атласа, въ предшествіи слугъ съ факелами; „это было съ такимъ шумомъ барабановъ и флейтъ, какой рѣдко можно услышать". Тотчасъ же начался новый пиръ „изъ двухсотъ новыхъ блюдъ, чрезвычайно изысканныхъ и дорогихъ. Такъ они провели ночь, пируя, танцуя и развлекаясь другими забавами, къ великому удовольствію короля и собравшейся знати" [1]).

Пробудившаяся пытливость человѣческаго ума перенеслась на вопросы болѣе трудные, касавшіеся не только наблюденій нравственныхъ, наиболѣе доступныхъ нашему уму, но и наблюденій природы и объясненій системы міра. Науки возрождались одновременно съ литературой. Подобно этой послѣдней, на первыхъ порахъ, онѣ ограничивались переводами и толкованіями наиболѣе извѣстныхъ и наилучше разъясненныхъ трудовъ греческихъ ученыхъ, которые, однако, не могли удовлетворить, подобно поэтамъ, историкамъ и философамъ, жажды знанія своихъ учениковъ, большей частью не довольствовавшихся незначительнымъ результатомъ, добытымъ послѣ продолжительнаго труда [2]). Несмотря на достоинства трудовъ греческихъ матема-

---

[1]) H. Taine, *Histoire de la littérature anglaise,* t. I, liv. II, ch. I.

[2]) Главные ученые XV вѣка: итальянцы *Пачіоли*, великій художникъ *Леонардо да Винчи, Паоло Тосканелли* (1397—1482), который, въ 1468 г., водрузилъ свой гномонъ для опредѣленія солнцестояній и произвелъ любопытныя наблюденія надъ

тиковъ и астрономовъ, особенно принадлежавшихъ къ школѣ Александрійской, они не дали ни одного точнаго рѣшенія вопросовъ, которые мучили человѣка невѣжественнаго въ своей собственной области и еще болѣе несвѣдущаго относительно окружающихъ его небесныхъ пространствъ.

Честь изслѣдованія и открытія этого рѣшенія принадлежитъ людямъ новыхъ вѣковъ. Новые люди въ литературѣ были учениками древнихъ; въ наукахъ они были сами учителями и творцами. Поэтому, нельзя не ставить чрезвычайно высоко имена первыхъ ученыхъ, которые, разсѣевая мракъ, накопленный заблужденіями древнихъ и гордостью, столь же ложною, сколько и упорною, какъ бы поставили міръ на настоящее мѣсто въ его дѣйствительной орбитѣ и заставили вращаться землю вокругъ солнца, а не солнце вокругъ земли.

Уже нѣкоторые астрономы, какъ, напр., *Николай Куза*, дѣлали скромныя попытки исправить ошибки нашего зрѣнія и человѣческаго самолюбія. Шарообразность земли, побѣдоносно доказанная открытіями Христофора Колумба, указывала истину. Эта истина впервые была замѣчена неизвѣстнымъ торнскимъ каноникомъ, жившимъ въ одномъ изъ захолустьевъ Польши. *Коперникъ*, проживая въ городкѣ Фрауенбургѣ на Вислѣ и пользуясь знаніями, пріобрѣтенными во время путешествій по Италіи, посвятилъ всю свою жизнь наблюденію звѣздъ и вычисленіямъ. Только подъ конецъ жизни онъ рѣшился напечатать свой трудъ объ *Обращеніи небесныхъ свѣтилъ*, книгу, уничтожившую всѣ прежде признававшіяся или, скорѣе, допускавшіяся системы. Коперникъ объяснилъ движенія различныхъ планетъ вокругъ солнца и вернулся къ идеѣ обращенія земли вокругъ своей оси въ двадцать четыре часа. Безъ сомнѣнія, это первое изложеніе планетной системы было весьма несовершенно, и Коперникъ сдѣлалъ множество ошибокъ, предполагая, напр., что земля, вращаясь вокругъ солнца, обращена къ нему всегда только одною и тою же стороной. Тѣмъ не менѣе, онъ предугадалъ истину.

движеніемъ солнца, луны и звѣздъ *Лоренцо Вольпаджо* соорудилъ для Лаврентія Медичи *часы* или, скорѣе, остроумную, сложную машину, показывавшую не только часы, но и движенія солнца и планетъ.

Въ Германіи освобожденію астрономіи отъ астрологіи положили начало *Пуэрбахъ* (род. въ 1423 г.), *Іоаннъ Мюллеръ*, по прозванію *Регіомонтанусъ*, напечатавшій важный трудъ о кометѣ 1472 г. и первый календарь; затѣмъ, *Вернеръ*, *Іоаннъ Шонеръ* (1436—1476), *Штёфферъ*, *Николай Куза*.

Въ Испаніи *Фердинандъ Кордовскій* комментировалъ *Альмагестъ* Птоломея.

Во Франціи математическія науки разрабатывались съ успѣхомъ *Пьеромъ Дальи* (ум. въ 1420), прозваннымъ орломъ ученыхъ Франціи.

Какъ бываетъ всегда, человѣкъ долгое время отвергалъ эту истину. Коперникъ умеръ одновременно съ появленіемъ своей книги (1543) и не могъ уже страдать отъ нападокъ клеветниковъ, но въ теченіе XVI вѣка его система встрѣтила многочисленныхъ противниковъ, упрямыхъ защитниковъ заблужденій прошлаго [1]). Послѣдователями Коперника считаются швейцарецъ *Ретикусъ* и нѣмцы *Рейнгольдъ* и *Местлинъ*, бывшій учителемъ Кеплера.

Астрономію подвинулъ еще дальше датчанинъ *Тихо де-Браге* [2]). Онъ устроилъ обсерваторію на маленькомъ островѣ Хвенѣ, въ трехъ миляхъ отъ Копенгагена, и, поселившись тамъ, посвятилъ 20 лѣтъ своей жизни плодотворнымъ занятіямъ наукою; затѣмъ онъ былъ призванъ императоромъ Рудольфомъ II и поселился въ замкѣ Бенатекъ, близъ Праги. Его система, конечно, отличалась отъ Коперниковой и заключала слишкомъ много гипотетическаго, но имъ открытъ великій законъ *астрономической рефракціи* (преломленія лучей). Онъ замѣтилъ, что вслѣдствіе этого преломленія, отклоняющаго свѣтъ, звѣзды, при своемъ восхожденіи надъ горизонтомъ, въ дѣйствительности, занимаютъ не то мѣсто, на какомъ мы ихъ видимъ, что̀ слѣдуетъ принимать во вниманіе при опредѣленіи ихъ точнаго положенія. Хотя онъ ошибался относительно причины этого преломленія, происходящаго отъ различія слоевъ воздуха, чрезъ которые проникаютъ свѣтовые лучи, но, тѣмъ не менѣе, онъ выдвинулъ весьма плодотворный принципъ, придавшій болѣе точности астрономическимъ наблюденіямъ. Онъ усовершенствовалъ также ученіе о *лунѣ*, работалъ надъ составленіемъ *звѣзднаго каталога* и отвергъ предразсудки древнихъ относительно *кометъ*.

Успѣхи астрономическихъ знаній привели въ XVI вѣкѣ къ важному измѣненію календаря. Юліанскій календарь былъ разсчитанъ на тропическій годъ ($365^1/_4$ дней или 6 часовъ), но для точнаго года выходила разница *на 11 минутъ болѣе*, что̀, переходя изъ года въ годъ, произвело нарушеніе въ послѣдованіи праздниковъ. Папа Григорій XIII, послѣ совѣщаній съ знаменитыми астрономами своего времени, *Лиліемъ* и *Клезусомъ*, приказалъ въ 1582 г. прибавить 10 дней; и немедленно, въ тотъ же годъ, послѣ 4-го октября, стали считать 15-е. Тѣмъ не менѣе, какъ и въ Юліанскомъ календарѣ, былъ сохраненъ одинъ прибавочный день черезъ каждые четыре года, но было условлено, что

---

1) Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ астрономовъ имѣли свои заслуги. *Апіанъ*, одинъ изъ первыхъ, предложилъ цвѣтныя стекла для наблюденій солнца и наблюдалъ движенія луны для опредѣленія долготъ.

2) Тихо де-Браге (1547—1601).

этотъ день будетъ пропускаться въ нѣкоторые высокосные [1]) года, для поддержанія болѣе или менѣе вѣчнаго равновѣсія времени.

Успѣхамъ астрономіи благопріятствовали успѣхи математики. *Тарталія, Кардань* и *Феррари* [2]) продолжали работы древнихъ греческихъ геометровъ и отдавались имъ съ такимъ жаромъ, что посылали другъ другу торжественные вызовы на состязаніе числами, подобно витязямъ, сходившимся на поединки съ оружіемъ въ рукахъ. Они вызывали другъ друга для рѣшенія задачъ и уравненій, и ученый міръ внимательно слѣдилъ за этими мирными битвами, которыя, впрочемъ, не лишены были раздраженія, такъ какъ пылкія страсти XVI вѣка проникали и въ собранія ученыхъ. Французскіе математики соперничали съ итальянскими геометрами, и геометрія созидалась, благодаря этому благородному соревнованію. *Пьеръ ла-Раме,* прозванный *Рамусомъ*, знаменитый философъ, создалъ ей прочную основу, переведя *Элементы Эвклида.*

Законовѣдъ *Віетъ* (1540—1603) создалъ алгебраическій языкъ. До тѣхъ поръ математики обращались только съ числами: неизвѣстная величина и ея степени изображались сокращеніями или знаками; Віетъ сталъ изображать всевозможныя количества *буквами.* Онъ развилъ также геометрію и тригонометрію.

Медицина сдѣлала рѣшительный шагъ, благодаря *Парацельсу* [3]), отвергнувшему греческихъ и арабскихъ авторовъ, чтобы заняться непосредственнымъ наблюденіемъ природы и у нея искать цѣлительныхъ средствъ. *Андрей Везалій* [4]) положилъ въ основаніе медицины серьез-

---

[1]) Высокосными годами придумали сдѣлать только тѣ года, число которыхъ, кончая вѣкъ, по отнятіи двухъ послѣднихъ нулей, дѣлятся на 4. 1700, 1800, 1900—не высокосные года, но 2000 годъ будетъ высокоснымъ. Происходящая при этомъ ошибка такъ незначительна, что нуженъ промежутокъ въ четыре тысячи лѣтъ, чтобы равноденствіе подвинулось на одинъ день.

[2]) Главнѣйшіе ученые XVI в.: *Тарталіа* (Ник.) род. въ Брешіи (1500—1557), алгебраистъ, написавшій общій трактатъ о *числахъ;* Луиджи *Феррари* (1522—1565); нѣмцы: Адамъ *Ризе* (1489—1559), Рудольфъ *Штиффель* (1486—1567), *Преторіусъ*, работами котораго пользовался Кеплеръ; ландграфъ *Вильгельмъ IV* Гессенскій (1532—1592); бельгіецъ *Фанъ Броменъ* (1560—1615), математикъ и астрономъ; голландецъ *Герардъ Меркаторъ,* ум. въ 1594 г., авторъ системы проэкціи, по которой параллельные круги и меридіаны изображаются прямыми линіями, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ; англичанинъ *Гарріотъ* (1560—1621); *Іеронимъ Кардань* (1501—1576), род. въ Павіи, философъ, астрологъ и математикъ; *Фернель,* врачъ Генриха II (1497—1558); *Бютеонъ* (Жанъ) изъ Дофинэ (1492—1572); *Оронсъ Фине* (род. въ Бріансонѣ), предполагавшій, что ему удалось найти квадратуру круга; *Жакъ Пельтье* (1517—1582).

[3]) Парацельсъ род. около Цюриха (1493—1541).

[4]) Андрей Везалій род. въ Брюсселѣ (1514—1564).

ное изученіе *анатоміи* и обращался за разрѣшеніемъ вопросовъ къ изслѣдованію человѣческаго тѣла. Религіозное почитаніе умершихъ было такъ велико, что дѣлало невозможнымъ вскрытіе труповъ; тѣмъ не менѣе, Везалій, врачъ Карла V и Филиппа II, восторжествовалъ надъ этимъ предразсудкомъ, и съ того времени наука врачеванія могла стать на твердое основаніе. *Амбруазъ Паре* [1]), хирургъ Карла IX и Генриха III, заслуживаетъ названія благодѣтеля человѣчества: онъ придумалъ перевязку ранъ отъ огнестрѣльнаго оружія. Онъ, по возможности, старался ихъ заживлять, вмѣсто того, чтобы постоянно прибѣгать къ ампутаціи. Впрочемъ, медицина и хирургія, такъ же, какъ и другія науки, находились тогда еще въ младенчествѣ.

Этимъ усиліямъ истинной науки въ XV и XVI вѣкахъ вредило упорство астрологовъ и колдуновъ. Повидимому, ихъ химерическія ученія удвоили свое распространеніе, судя по страшному преслѣдованію, введенному инквизиціей и королями. Число колдуновъ увеличилось. Напрасно отправляли ихъ тысячами на костры, — такъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ было около 6.500 процессовъ о колдовствѣ въ одномъ только Трирскомъ округѣ,—эпидемія (что̀ именно и было) распространялась повсюду. Это страшное преслѣдованіе, отмѣчая грубые и жестокіе нравы той эпохи, не въ состояніи было поправить дѣла: подобнаго рода эпидеміи могли искореняться только успѣхами знанія и разума.

Кромѣ того, стремленіе къ преслѣдованію астрологіи и колдовства часто приводило къ смѣшенію этихъ безсмыслицъ съ истинной наукой. Ученые не рѣшались выпускать въ свѣтъ всѣ свои ученія, и не мало изъ числа ихъ сдѣлались жертвою своихъ смѣлыхъ мыслей, такъ какъ къ послѣднимъ примѣшивались иногда нѣкоторыя заблужденія. Человѣческая мысль не пріобрѣла еще свободы, и вѣкъ реформаціи, далеко не будучи вѣкомъ свободнаго изслѣдованія, былъ эпохою гоненій. Казни типографа и ученаго *Этьена Доле* и *Беркена*, въ срединѣ царствованія Франциска I, и множества другихъ лицъ во всѣхъ странахъ, и возраставшія строгости инквизиціи въ Испаніи—указывали, что въ этомъ обществѣ, повидимому, столь свѣтскомъ, религія еще преобладала надъ государствомъ, и многіе изъ числа ея руководителей, ослѣпленные невѣжествомъ, не понимали, насколько такими насиліями они извращали религію и подрывали ея авторитетъ.

Искусство освободилось отъ путъ, замедлявшихъ въ XV и XVI вв. подъемъ человѣческаго духа; поэтому первымъ истиннымъ возрожде-

---

[1]) Амбруазъ Паре род. близъ Лаваля (1517—1590).

ніемъ было возрожденіе искусствъ. Архитекторы, живописцы и скульпторы быстро достигли совершенства, какое казалось недостижимымъ художникамъ другихъ вѣковъ, хотя и служило имъ образцомъ. Впрочемъ, этому нечего удивляться, такъ какъ, въ дѣйствительности, возрожденіе въ Италіи началось въ XII и XIII вв. Эпоха, получившая названіе Возрожденія, была только временемъ полнаго разцвѣта.

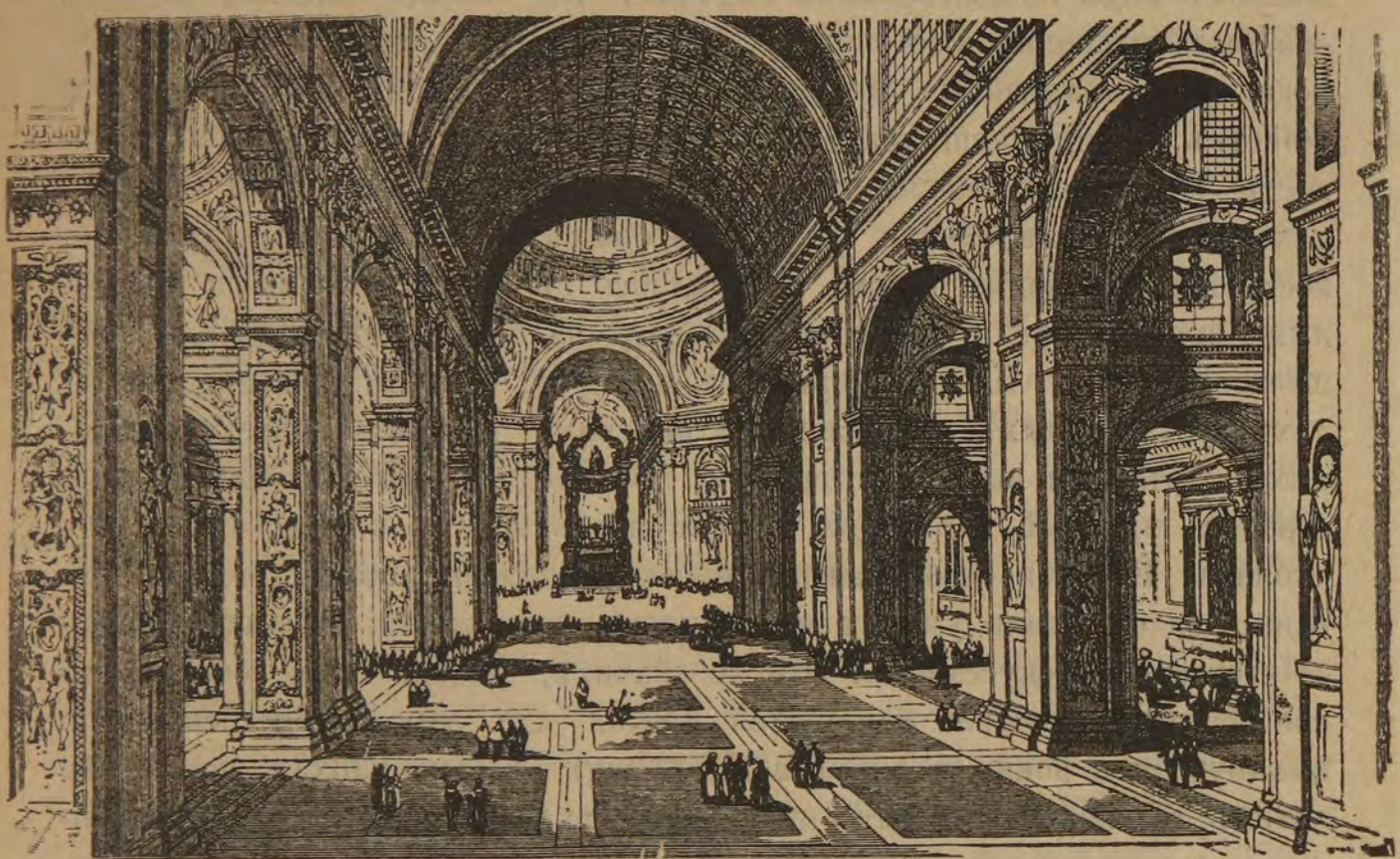
Италія раньше другихъ странъ проявила себя развитіемъ роскоши, промышленности, торговли и духомъ гражданственности, восторжествовавшимъ надъ общественными смутами. Въ теченіе многихъ вѣковъ она была изящной, жестокой, утонченной и варварской. Улицы ея городовъ, окаймленныя дворцами, служили мѣстомъ столкновеній и убійствъ, перемежавшихся веселыми праздниками удивительной пышности. Правители небольшихъ областей покровительствовали поэтамъ и держали на жалованьи людей, готовыхъ на всякое преступленіе; восхищеніе древнимъ міромъ соединялось съ воинственными и свирѣпыми нравами; религіозные обряды слѣдовали за злодѣяніями или предшествовали имъ. Подъ прикрытіемъ пурпура, бархата и шелка, въ залахъ, уставленныхъ греческими и римскими статуями или украшенныхъ картинами высокой цѣнности, происходили трагедіи, придававшія особенно мрачный характеръ исторіи итальянскихъ княжествъ и республикъ. Всѣ эти безпрерывныя войны, нападенія, союзы и преслѣдованія поддерживали умы въ постоянномъ напряженіи, что̀ также благопріятствовало искусствамъ. Это не значитъ, чтобы такое общественное состояніе служило наилучшей средой для зарожденія искусства: междоусобная война и разложеніе нравовъ—весьма плохая школа. Мы хотимъ только сказать, что итальянскіе художники оказались охваченными тою же отвагою и пылкостью, какая одушевляла ихъ современниковъ, но они облагородили эти качества, направивъ ихъ въ область служенія прекрасному.

Настоящей школой для итальянскихъ художниковъ служилъ древній міръ, по крайней мѣрѣ, для архитектуры, такъ какъ образцовъ живописи древнихъ не существовало. Съ этою любовью къ древности они соединяли религіозное вдохновеніе, еще достаточно сильное для созданія образцовыхъ произведеній. Главными архитектурными памятниками того времени служатъ церкви.

Стрѣльчатый стиль не привился въ Италіи, гдѣ въ архитектурѣ преобладало всегда византійское вліяніе. Изученіе римскихъ памятниковъ, открытыхъ среди развалинъ, въ концѣ XIII в. вдохновило *Арнольфо ди-Лапо*, архитектора собора во Флоренціи, св. Маріи деи Фіори, построенной по простому образцу первоначальныхъ базиликъ. *Брунелле-*

ски [1]) дополнилъ произведеніе Арнольфо куполомъ, восьмиугольнымъ сводомъ на восьмигранномъ тамбурѣ, являющимся однимъ изъ главныхъ памятниковъ Возрожденія. Этотъ куполъ, вдохновившій позднѣе Браманте и Микель Анджело, имѣетъ около 50 саженъ высоты. Съ того времени города стали воздвигать памятники по образцу древнихъ, и архитектура заслужила названіе классической.

Римъ украсился дворцами, въ родѣ дворца *Массими,* служащаго предметомъ удивленія и изученія художниковъ, вмѣстѣ со своимъ вхо-



Внутренній видъ собора св. Петра въ Римѣ.

домъ въ дорійскомъ стилѣ и тремя дорійскими дворами, и дворца *Фарнезе.*

Церкви въ особенности вызывали соревнованіе архитекторовъ *Перуцци, Антоніо ди-Санъ Галло, Виньоли* и *Джіакомо де-ла-Порта.* Памятникомъ, лучше всего представляющимъ новое искусство и передающимъ съ наибольшей величественностью сліяніе свѣтскихъ традицій съ традиціями религіозными, является громадная бализика *Святого Петра въ Римѣ,* начатая при Юліи II, по плану знаменитаго *Браманте* (1444—1514), строившаяся при Львѣ X и его преемникахъ

[1]) Брунеллески род. во Флоренціи (1377—1444) и былъ одновременно архитекторомъ, скульпторомъ и инженеромъ.

и законченная лишь при Сикстѣ V. Цѣлый рядъ знаменитыхъ архитекторовъ, послѣ Браманте, *Джокондо*, *Джуліано ди-Санъ-Галло*, *Рафаэль*, *Перуцци*, *Антоніо ди-Санъ-Галло* и, наконецъ, *Микель Анджело* работали надъ этимъ грандіознымъ произведеніемъ, однимъ изъ чудесъ современнаго міра, по своей массивности, необыкновенной соразмѣрности частей (такъ какъ онъ могъ бы вмѣстить въ себѣ нѣсколько соборовъ), по красотѣ своихъ мраморовъ, лѣпныхъ работъ, мозаикъ и по смѣлому полету купола, возвышающагося на шестьдесятъ пять сажень надъ основаніемъ церкви. Этотъ соборъ—торжество науки и искусства и представляетъ удивительный памятникъ, воздвигнутый христіанствомъ съ помощью языческихъ традицій, проникнутый глубокимъ религіознымъ чувствомъ, одушевляющимъ готическіе соборы. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Бернини поставилъ передъ портикомъ св. Петра двойную полукруглую колоннаду, достойную служить преддверіемъ къ этому удивительному храму.

Президентъ де-Броссъ въ слѣдующихъ словахъ описываетъ соборъ св. Петра: „Какое впечатлѣніе, думаете вы, онъ произведетъ на васъ съ перваго взгляда? Никакого. При видѣ самаго прекраснаго, что только есть въ мірѣ, я всего больше былъ удивленъ тѣмъ, что не испытывалъ никакого удивленія; вы входите въ это зданіе, о которомъ уже имѣли раньше грандіозное представленіе: все очень просто. Оно кажется ни большимъ, ни малымъ, ни высокимъ, ни низкимъ, ни широкимъ, ни узкимъ. Вы замѣчаете его громадные размѣры только по сравненію, когда, обозрѣвая одну изъ капеллъ, находите ее обширной, какъ соборъ; когда, разсматривая фигуру, находящуюся у основанія одной изъ колоннъ, вы замѣчаете, что большой палецъ ея—величиною съ кулакъ. Все это зданіе, по своей удивительной соразмѣрности, обладаетъ свойствомъ представлять сильно увеличенные предметы въ ихъ настоящихъ размѣрахъ. Если оно не производитъ ошеломляющаго впечатлѣнія съ перваго взгляда, то это потому, что отличается замѣчательной своеобразностью не отличаться ничѣмъ особеннымъ. Тамъ все просто, естественно, священно и, вслѣдствіе того, величественно. Куполъ, составляющій, по моему мнѣнію, самую лучшую часть, это—Пантеонъ Агриппы, который Микель Анджело поднялъ и цѣликомъ помѣстилъ на воздухѣ. Самая высокая часть храма, т.-е. крыша, удивляетъ всего болѣе, такъ какъ тамъ, наверху, вы неожиданно находите множество мастерскихъ художниковъ, лавокъ, куполовъ, квартиръ, колоколенъ, колоннадъ и т. д., составляющихъ настоящій, очень оживленный городокъ“.

Во Франціи стрѣльчатая архитектура долгое время боролась съ

вліяніемъ итальянскихъ мастеровъ. Она возносила къ нему колокольни въ Шартрѣ, центральный шпицъ Руанскаго собора, шпили св. Андрея въ Бордо. Она отдѣлала кружевами изъ камня башни при церкви св. Іакова въ Парижѣ и въ Руанѣ—церковь св. Маклу, зданіе суда, затѣмъ ратушу въ С.-Кантенѣ и дворецъ Клюни въ Парижѣ [1]). Кардиналъ Георгій Амбуазскій, между прочимъ, поддерживавшій готическій характеръ въ своемъ соборѣ въ Руанѣ, одинъ изъ первыхъ сдѣлалъ уступку итальянской школѣ, въ своемъ изящномъ замкѣ, *Гальонъ*, одномъ изъ самыхъ прелестныхъ образцовъ искусства Возрожденія. Людовикъ XII призвалъ изъ Италіи Джокондо для перестройки замка въ Блуа (лѣстницы, капеллы и зданія, гдѣ помѣщается зала Штатовъ) [2]).

Подъ вліяніемъ образцовъ Италіи, старинные феодальные замки стали передѣлывать свои массивныя башни въ изящныя башенки, теряли видъ крѣпостей и становились жилищами, украшенными скульптурными окнами. Берега „тихой Луары“ и Шера, мѣстопребываніе герцоговъ Валуа-Орлеанскихъ и Валуа-Ангулемскихъ, оживились еще болѣе великолѣпными замками, въ которыхъ итальянское искусство удачно сочеталось со старой стрѣльчатой архитектурой, при чемъ старинныя военныя укрѣпленія, сдѣлавшись безполезными, служили только предлогомъ для новыхъ украшеній: какъ, напр., замки *Мелльянъ*, *Азэй-ле-Ридо*, *Шенонсо* и т. п. Францискъ I особенно поощрялъ эту изящную архитектуру, лучшимъ образцомъ которой былъ замокъ *Шамборъ*, весь составленный изъ башенокъ, маленькихъ колоколенъ, трубъ, слуховыхъ оконъ, съ цѣлой сѣтью сквозныхъ лѣстницъ; все это заканчивалось небольшимъ бельведеромъ, увѣнчивавшимъ зданіе. Области, лежащія на сѣверъ отъ Луары, въ свою очередь, украсились замками, какъ, напр., *Сенъ-Жерменъ*, *Мадридъ*, *Виллье-Котрэ*, *Фоламбрэй*, *Шантильи*, *Нантуллье* и, наконецъ, замокъ *Фонтенбло*, пользовавшійся особымъ предпочтеніемъ Франциска I.

Этотъ государь велѣлъ перестроить зданія стариннаго феодальнаго образца, то, что называется Овальнымъ дворомъ, затѣмъ—Дворомъ фон-

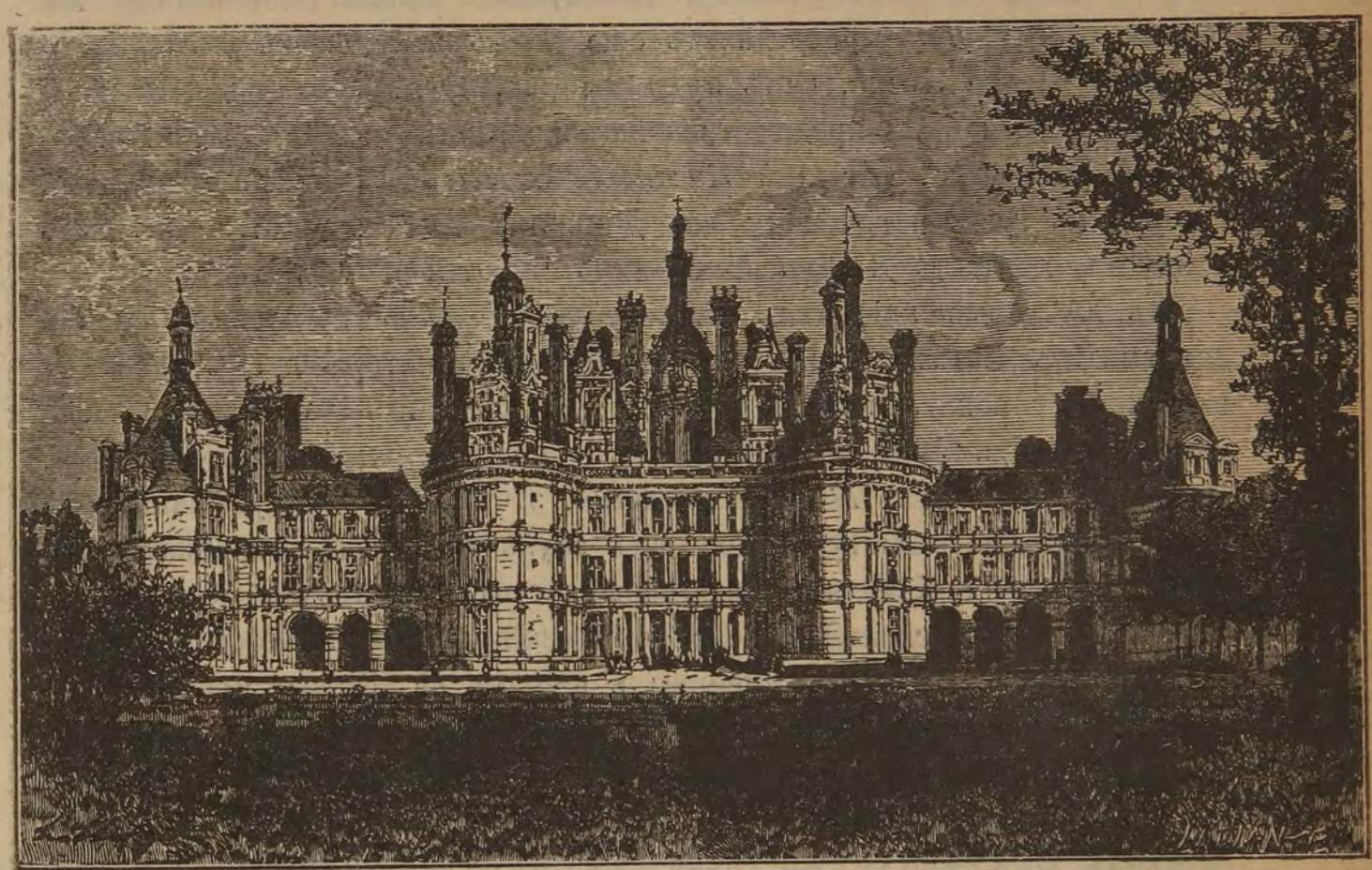
---

[1]) *Рулланъ Леру* былъ однимъ изъ главныхъ архитекторовъ памятниковъ въ Руанѣ и замка Гальона, такъ же, какъ и *Рожеръ Анго*, выстроившій зданіе суда. Церковь Богоматери въ Бру, близъ Бургъ-анъ-Брессъ (1511), была послѣднимъ архитектурнымъ произведеніемъ среднихъ вѣковъ. Но художники уже стараются примѣнить украшенія Возрожденія къ церквамъ, начатымъ въ стрѣльчатомъ стилѣ: напр., церкви св. Евстахія и св. Стефана на Горѣ, въ Парижѣ, св. Михаила въ Дижонѣ, церкви въ Вильневѣ на Іоннѣ.

[2]) Джокондо построилъ также старинный Счетный дворъ во дворцѣ Правосудія въ Парижѣ.

тановъ, Бѣлаго коня, бальную залу, большую галлерею или галлерею Уллиса, сохранившую имя Франциска I. Но Фонтенбло, дѣйствительно замѣчательно лишь по внутренней отдѣлкѣ, въ которой принимали участіе художники, призванные изъ Италіи: *Россо*, *Приматиччіо* и *Бенвенуто Челлини*, которые еще болѣе подняли итальянское искусство и долго господствовали надъ французскими художниками.

Между тѣмъ, французы утомились рабскимъ подражаніемъ. Изучая



Замокъ Шамборъ.

памятники въ Римѣ, они составили ясное понятіе о примѣненіи древнихъ традицій къ потребностямъ своей страны и климата. Съ 1545 г. *Жанъ-Бюлланъ* [1]) началъ постройку замка *Экуана* для коннетабля Монморанси. *Пьеръ Леско* [2]) въ 1541 г. началъ перестройку *Лувра*. Его произведеніе, которымъ можно любоваться до сихъ поръ (въ юго-западной части малаго Луврскаго двора), замѣчательно по цѣлому ряду выступающихъ арокъ, колоннъ и криволинейныхъ фронтоновъ, удачно

1) Жанъ Бюлланъ, ум. въ 1578 г., работалъ также въ Тюильри, во дворцѣ Карнавалэ и построилъ дворецъ королевы, ставшій позднѣе дворцомъ Суасона.

2) Пьеръ Леско, изъ Лисси, сеньёръ Лагранжъ де-Мартруа (1510—1571).

нарушающихъ прямолинейность верхняго карниза: это—одинъ изъ самыхъ законченныхъ образцовъ французскаго Возрожденія.

Филиберъ Делормъ [1]) построилъ для Екатерины Медичи *замокъ Тюильри* (уничтоженный въ 1871 г.) и замки Мёдонъ, Мадридъ, Монсо, Мюэтъ, Сенъ-Моръ де-Фоссе, и, кромѣ того, великолѣпный замокъ Анэ, теперь всѣ уже разрушенные [2]). Филиберъ Делормъ сумѣлъ превосходно воспользоваться изученіемъ древности и остался однимъ изъ самыхъ авторитетныхъ учителей французской школы Возрожденія. Къ его имени слѣдуетъ присоединить еще *Жака Андруэ дю-Серсо* [3]), замѣстившаго Пьера Леско, какъ архитектора Лувра.

Скульпторы были предшественниками зодчихъ въ Италіи, и, начиная съ XIII вѣка, *Николай Пизанскій* изваялъ нѣсколько каѳедръ въ Сіеннѣ, въ Пизѣ и гробницу св. Доминика въ Болоньѣ; послѣ него слѣдуетъ отмѣтить *Андреа Пизанскаго* [4]) и *Андреа Орканью*.

Въ XV вѣкѣ пріобрѣлъ извѣстность *Лоренцо Гиберти* [5]) своими дверями въ Баптистеріи во Флоренціи, надъ которыми онъ работалъ въ теченіе сорока лѣтъ. Затѣмъ *Донателло* [6]), *Мино де-Фьезоле, Лука делла Роббія* [7]) и *Сансовино*—украсили церкви многочисленными статуями. Наконецъ, появился *Микель Анджело*, этотъ міровой художникъ, въ ранней молодости выступившій, какъ скульпторъ: онъ украсилъ мавзолей Лаврентія Медичи великолѣпными статуями *Авроры*, *Сумерекъ* и *Ночи*, обогатилъ своими шедеврами римскія церкви и, между прочимъ, соборъ св. Петра, храмъ Минервы и церковь св. Петра, гдѣ онъ воздвигъ удивительный мавзолей *Юлія II*, съ могучей фигурой *Моисея* [8]). *Торреджіано* заслуживаетъ названія соперника Микель Анджело. *Бенвенуто Челлини*, ювелиръ, граверъ, литейщикъ, чеканщикъ и ваятель, оставилъ нѣсколько скульптурныхъ произведеній во Флоренціи, но, глав-

---

1) Филиберъ Делормъ род. въ Ліонѣ около 1515 г., умеръ въ 1570.

2) Отъ замка Анэ осталась лишь одна капелла, съ изваяніями Жана Гужона. Во дворъ Школы изящныхъ искусствъ перенесенъ порталъ, состоящій изъ трехъ стилей, поставленныхъ одинъ надъ другимъ: дорійскаго, іонійскаго и коринѳскаго.

3) Андруэ дю-Серсо (Жакъ) построилъ дворецъ Карнавалé, началъ постройку Новаго моста (Pont Neuf) и оставилъ нѣсколько трактатовъ объ архитектурѣ, изданныхъ съ 1529 по 1576 г.

4) Андреа Пизанскій (1270—1345).

5) Лоренцо Гиберти (1378—1455).

6) Донателло или Донато (1383—1466).

7) Лука делла Роббія (1388—1450).

8) Луврскій музей обладаетъ двумя изъ его шести плѣнниковъ, прислоненныхъ къ угламъ памятника Юлія II, изображавшихъ искусства, скованныя смертью первосвященника.

нымъ образомъ, онъ работалъ въ Фонтенбло [1]). *Аммонато* украсилъ внутренній дворъ дворца Питти во Флоренціи.

Во Франціи скульптурныя произведенія украшали церкви, но они, какъ и произведенія другихъ искусствъ, носили отпечатокъ итальянскаго вліянія. *Жанъ Жюстъ* и *Мишель Коломбъ* начинаютъ собою школу Возрожденія [2]). Эта школа занималась всего болѣе украшеніемъ гробницъ (гробница Людовика XII и Анны Бретанской въ Сенъ-Дени; гробница Людовика Брезе, въ Руанскомъ соборѣ, приписываемая Филиберу Делормъ или Жану Гужону; гробница Франциска I, работы Пилона).

Французская скульптура могла соперничать съ итальянской и даже съ античной скульптурой, благодаря *Жану Гужону*, прозванному французскимъ Фидіемъ [3]). Онъ обезсмертилъ себя *каріатидами* въ Луврской залѣ, *группою Діаны* (тамъ же), бюстомъ Генриха III и барельефами, среди которыхъ отмѣчаютъ, въ особенности, *Источникъ невинныхъ*. *Жанъ Кузенъ* приблизился къ Гужону своимъ великолѣпнымъ мавзолеемъ Филиппа де-Шабо, французскаго адмирала, справедливо относимымъ къ шедеврамъ французскаго ваянія XVI вѣка (въ Луврскомъ музеѣ). *Жерменъ Пилонъ* [4]) также прославился работою надгробныхъ памятниковъ, между прочимъ, мавзолея канцлера Рене де-Бирага и группою *Трехъ женщинъ, поддерживающихъ урну*, въ которой должны были находиться сердца Генриха II и Екатерины Медичи. Онъ создалъ также берельефъ изъ камня, изображающій *Проповѣдь апостола Павла въ Аѳинахъ*.

Византійскіе живописцы писали множество изображеній святыхъ, всегда похожія между собою, съ отпечаткомъ условной неподвижности, налагавшимся предписаніемъ религіи: они старались удовлетворить религіозное чувство, но не зрѣніе, не зная того, что глазъ и воображеніе—наиболѣе могущественное средство, говорящее душѣ и возбуждающее религіозность. На Западѣ, впрочемъ, начиная съ XIII вѣка, успѣхи изученія древности въ Италіи и пылкая любознательность умовъ указали *Чимабуэ* истинный путь, и искусство получило полную свободу въ XIV вѣкѣ, благодаря *Джіотто* [5]).

---

[1]) Бенвенуто Челлини (1500—1570). Лувръ хранитъ его *Нимфу* изъ Фонтенбло.

[2]) Мишо или *Мишель Коломбъ* (1431—1514). *Жанъ Жюстъ Турскій*, умеръ около 1535 г. Сюда слѣдуетъ присоединить *Жана Тексье*, *Жана Булонь*, род. въ Дуэ (1524). Одно изъ главныхъ его произведеній—*Летящій Меркурій*. Надо упомянуть также, къ чести XV вѣка, объ обширной легендѣ изъ камня, извѣстной подъ именемъ *Святыхъ изъ Солема*, авторъ которой неизвѣстенъ: это цѣлый рядъ статуй, числомъ до 50.

[3]) Жакъ Гужонъ (1515—1572).

[4]) Жерменъ Пилонъ (1535—1590).

[5]) Джіотто изъ Тосканы (1276—1334).

Это былъ молодой пастухъ, котораго увидалъ Чимабуэ, когда тотъ рисовалъ на пескѣ своихъ овецъ, сдѣлавшійся живописцемъ, скульпторомъ, архитекторомъ, инженеромъ, мозаичистомъ и проч. и основавшій настоящую итальянскую школу, освободивъ искусство отъ рабскаго подражанія грекамъ. Онъ наблюдалъ природу, изучалъ раккурсы и перспективу и придалъ своимъ фигурамъ жизнь и выраженіе.

Тогда писали еще водяными красками, но, несмотря на все несовершенство пріемовъ, живопись достигла большихъ успѣховъ. Любовь итальянцевъ къ украшенію церквей и дворцовъ *фресками* породила множество художниковъ, и стѣны городскихъ зданій и церквей покрылись рисунками, которые время, къ несчастію, истребило. *Андреа Орканья* [1]) написалъ въ церкви Санта Маріи Новелла, во Флоренціи, большую фреску ада, а въ Кампо Санто, въ Пизѣ, своеобразный *Страшный судъ*, вдохновленный Данте. *Фра Джіованни* [2]), прозванный *блаженнымъ Анджелико*, такъ какъ онъ придавалъ своимъ фигурамъ выраженіе блаженства, достигъ высокаго совершенства въ искусствѣ композиціи и изображенія чувства въ своей картинѣ *Вѣнчаніе Св. Дѣвы*. Какъ говорилъ Микель Анджело: „Этому доброму монаху надо было побывать въ раю и получить разрѣшеніе взять оттуда свои модели“.

Мазаччіо [3]) за свои фрески и картины заслужилъ названіе перваго мастера живописи. Голова старика, написанная на черепицѣ и сохраняемая въ музеѣ во Флоренціи,—образецъ совершенства рисунка и наблюдательности. Это послужило основаніемъ флорентинской школы.

Религіозное чувство, столь глубокое у первыхъ итальянскихъ живописцевъ, сохранившееся со временъ среднихъ вѣковъ, было еще живѣе въ странахъ Сѣвера, во Фландріи, гдѣ корпораціи художниковъ, составившіяся по образцу корпорацій суконщиковъ, работали съ намѣреніемъ украсить церкви рисунками, на подобіе священныхъ рукописей. Богатство фламандскихъ городовъ выражалось не только въ увеличивавшейся роскоши домовъ городскихъ фабрикантовъ, но и въ украшеніи храмовъ и алтарей. Герцоги бургундскіе поощряли эти первые художественные опыты, и около 1372 г. знаменитый Жеганъ Брюггскій издалъ *Библію*, украшенную мелкими рисунками, сохраняющуюся въ музеѣ въ Гагѣ [4]). Этому художнику, первому по времени фламанд-

---

[1]) Живописецъ и скульпторъ (1329—1389).

[2]) Гвидо ди-Пьетро, сдѣлавшись монахомъ, принялъ имя *Фра* (братъ) Джіованни да-Фьезоле (1387—1455). Картина, изображающая вѣнчаніе Богоматери, находится въ Луврскомъ музеѣ.

[3]) Томазо Гвиди, прозванный Мазаччіо.

[4]) Послѣ этого имени, въ XVI вѣкѣ слѣдуетъ упомянуть имена Андрея Бонево,

скому живописцу, было поручено герцогомъ Анжуйскимъ, братомъ Карла V, составить картоны для знаменитыхъ ковровъ Апокалипсиса, часть которыхъ хранится въ соборѣ въ Анжерѣ. Почти во всѣхъ городахъ появились художники, и Возрожденіе началось въ туманной Фландріи въ то же время, какъ и подъ яснымъ небомъ Италіи. Фландрія даже доставила итальянцамъ орудіе для дальнѣйшаго усовершенствованія: братья фанъ-Эйкъ, благодаря удивительному изобрѣтенію, дали живописцамъ средство навсегда закрѣплять свои образы.

До тѣхъ поръ краски смѣшивали съ водой; поэтому требовалось много времени, чтобы просушивать рисунки. *Іоганнъ фанъ-Эйкъ* нашелъ лакъ, смѣшанный съ растительными маслами, ускорявшій высыханіе. Онъ вскорѣ убѣдился, что краски лучше смѣшивались съ масломъ, чѣмъ съ водой, что цвѣтъ ихъ тогда былъ опредѣленнѣе и давалъ болѣе блеску, а для просушки ихъ былъ нуженъ только очищенный, тонкій и прозрачный лакъ. Средство писать *масляными красками было открыто* (около 1410).

Іоганнъ фанъ-Эйкъ [1]) оказалъ живописи такую же услугу, какую Гуттенбергъ сдѣлалъ для литературы изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Впервые этотъ пріемъ былъ примѣненъ для прекраснаго запрестольнаго образа *Мистическаго Агнца*, въ церкви св. Бавона въ Гентѣ, заключавшаго не менѣе двадцати отдѣльныхъ частей и 300 лицъ. Около половины XV вѣка, итальянецъ *Антонелло изъ Мессины* прибылъ во Фландрію, изучилъ новый способъ живописи и перенесъ его на свою родину, гдѣ художники приняли его съ радостью.

Живопись масляными красками была изобрѣтена въ благопріятное время, когда научное движеніе увлекало и возбуждало художниковъ. Возрожденіе живописи было только слѣдствіемъ возрожденія литературы. Увлеченные Дантомъ и Петраркой, доставившими имъ возможность понимать Гомера, Виргилія и Горація, живописцы вызывали къ жизни и запечатлѣвали безсмертными штрихами безсмертныя описанія древнихъ и новыхъ авторовъ. Душа античныхъ музъ перешла въ души живописцевъ, ихъ поклонниковъ.

живописца, иллюстратора и скульптора, Жана Гасселта, живописца Луи де-Маля, графа Фландріи и Мельхіора Брудерлама, который въ 1398 г. расписалъ для Картезіанскаго монастыря въ Дижонѣ ставни и запрестольный образъ по дереву.

[1]) Братья фанъ-Эйкъ были уроженцы Эйка на Маасѣ. Старшаго звали Губертомъ, второго, изобрѣтателя масляныхъ красокъ,—Іоганномъ. Онъ умеръ въ 1440 г., оставивъ множество произведеній, теперь разсѣянныхъ въ Гентѣ, Брюсселѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ, гдѣ можно видѣть Богоматерь съ Младенцемъ, которымъ молится канцлеръ Роленъ. Іоганнъ фанъ-Эйкъ создалъ фламандское искусство, пейзажъ и перспективу.

Несмотря на обширную долю участія миѳологіи и исторіи въ произведеніяхъ итальянскихъ мастеровъ, участіе христіанской религіи имѣло еще большее значеніе. Съ этой точки зрѣнія, итальянскіе живописцы служатъ продолжателями художниковъ-скульпторовъ и монаховъ-иллюстраторовъ среднихъ вѣковъ. Драматическіе или изящные разсказы изъ Библіи, строгія фигуры патріарховъ и пророковъ, притчи изъ Евангелія, трогательные эпизоды Страданій Христа, сказанія о святыхъ и мученикахъ и мистическій экстазъ обращенныхъ—служили сюжетами, повтореніе которыхъ, повидимому, не утомляло современниковъ, такъ же, какъ и безконечныя сочетанія естественнаго и сверхъ-естественнаго, неба и земли, людей и ангеловъ. Художники изображали на полотнахъ, иногда увеличенныхъ, соразмѣрно стѣнамъ церквей, иногда уменьшенныхъ въ небольшую картину, поклоненіе, молитвы и надежды христіанъ.

Нечего говорить, что всѣ эти художники проникнуты тою же простодушной и пламенной вѣрой, какъ и каменщики, строившіе соборы, ваятели, ихъ украшавшіе, и иллюстраторы, разрисовывавшіе Библію. Роскошная, развращенная жизнь и скептицизмъ XV и XVI вв. не допускаютъ сомнѣнія на этотъ счетъ, и этихъ художниковъ нельзя представить себѣ толпящимися вокругъ Юлія II или Льва X, такъ какъ первые были гораздо болѣе христіанами, чѣмъ воинственный папа или первосвященникъ-эпикуреецъ, элегантный, но развращенный дворъ котораго заслужилъ анаѳему отцовъ церкви. Этимъ же объясняется странный способъ, какимъ нѣкоторые итальянскіе живописцы часто скорѣе передѣлывали, чѣмъ истолковывали христіанскіе сюжеты. Они обращались съ ними по образцу древне-греческаго искусства, видя въ нихъ только предлогъ создавать всѣ виды человѣческаго тѣла и выказывать свои анатомическія познанія. Почти всегда они брали рамки изъ области религіи, а вдохновеніе —изъ древняго міра. Христіанскія фигуры они писали, какъ язычники.

Помимо этого замѣчанія, можно считать доказаннымъ, что живопись, такъ же, какъ и литература, въ эпоху Возрожденія, воспроизводила двойной характеръ—религіозный и античный. Въ ней, какъ и въ литературѣ, произошло сліяніе духа древности съ христіанскими вѣрованіями. Искусство живописи выразило еще съ бо́льшимъ блескомъ, чѣмъ искусство литературы, идеи новаго общества.

Во Флоренціи Мазаччіо основалъ въ XV в. первую школу, слава которой продолжала возрастать до конца XVI столѣтія. Пьетро *Вануччи*, прозванный *Перуджино* [1]), придалъ особенно изящное выраже-

[1]) Пьетро Вануччи (1446—1524) получилъ прозваніе Перуджино, такъ какъ родился въ Перуджіи. Въ Луврѣ находятся его *Рождество Христово, Пречистая Дѣва*

ніе, живыя краски и золотистый оттѣнокъ своимъ картинамъ религіознаго содержанія. Онъ былъ достойнымъ учителемъ Рафаэля. Около Флоренціи, въ замкѣ *Винчи*, родился въ 1452 г. *Леонардо*, прославившій одновременно, какъ и Микель Анджело, скульптуру, живопись и архитектуру, не говоря уже объ его талантахъ механика и инженера. Твердой и блестящей кистью онъ очерчивалъ божественныя и простыя фигуры съ такимъ совершенствомъ, что Вазари, говоря о портретѣ *Джоконды*, прибавлялъ, что это—„не живопись, а отчаяніе живописцевъ“. Его картины, впрочемъ, не многочисленны, такъ какъ Леонардо часто отвлекался отъ нихъ своими научными работами, и нѣкоторые лучшіе образцы его произведеній, какъ, напр., *Тайная вечеря*, фреска въ одномъ старинномъ монастырѣ въ Миланѣ, сильно повреждены [1]).

Богоматерь въ пещерѣ (картина Леонардо да Винчи).

Леонардо первый изъ великихъ мастеровъ вдохновилъ монаха *Бар-*

и *Мадонна*. Ватиканъ имѣетъ его *Воскресеніе Христово*. Но главное его произведеніе *Явленіе Пресвятой Дѣвы св. Бернарду* хранится въ Мюнхенѣ.

[1]) Музей Лувра хранитъ нѣсколько чудныхъ полотенъ Леонардо да Винчи: *Богоматерь* въ *Пещерѣ*, *св. Анна и Дѣва Марія*, затѣмъ, *Прекрасная продавщица*, невѣрно названная, такъ какъ предполагаютъ, что это—портретъ герцогини Мантуанской, и *Джоконда*. Нѣкоторыя изъ его картинъ находятся въ Германіи, Англіи, Испаніи, въ Италіи, Неаполѣ и во Флоренціи.

(Въ Спб. Имп. Эрмитажѣ находится его несомнѣнно подлинная *Святая Екатерина*.)

Прим. пер.

толомео делла Порта [1]), извѣстнаго подъ скромнымъ именемъ *Фрате* (братъ), который сталъ придавать своимъ фигурамъ святыхъ выраженіе, величественность и сильный колоритъ. *Андреа дель Сарто* отличается чистотою рисунка, единствомъ композиціи и изяществомъ положенія фигуръ, какъ религіознаго, такъ и обыденнаго содержанія [2]). Флоренція произвела двухъ *Аллори* и Джорджіо *Вазари*, болѣе извѣстнаго своей замѣчательной исторіей живописи, чѣмъ собственными картинами.

Несмотря на то, что Микель Анджело Буонаротти былъ уроженцемъ Тосканы, онъ сдѣлался основателемъ *римской школы*. Микель Анджело жилъ и работалъ почти цѣлое столѣтіе, прославивъ всѣ искусства, оставшись неподражаемымъ въ скульптурѣ такъ же, какъ въ живописи и архитектурѣ. Пренебрегая узкими рамками, онъ чувствовалъ себя свободнымъ передъ обширными поверхностями, которыя онъ покрывалъ своими величественными замыслами, воспроизводя на сводахъ Сикстинской капеллы *Сотвореніе міра* и *Священную исторію*, истолковывая библейскія сцены и оживляя ихъ передъ нашими глазами съ силой, равной вдохновенію Моисея. Обладая глубокимъ знаніемъ анатоміи, умѣя сгибать и разгибать тѣло, измѣнять положенія, почерпая изъ всевозможныхъ источниковъ механизмъ рисунка, Микель Анджело не боялся коснуться сюжета, вдохновившаго геній Данта, и написалъ *Страшный судъ*, фреску, занимающую цѣлую стѣну Сикстинской капеллы, прямо противъ входа. Это колоссальное произведеніе, вмѣщающее триста фигуръ, эта поэма изъ красокъ, искусно сгруппированная, удачное сочетаніе множества сценъ, приводящихъ къ единству дѣйствія, эта единственная въ своемъ родѣ фреска внушаетъ удивленіе возвышенностью сюжета, жизненностью, какою блещутъ тѣла избранныхъ и мученія отвергнутыхъ, противуположностью между земными и небесными группами. Въ теченіе десяти лѣтъ, запершись въ Сикстинской капеллѣ, Микель Анджело работалъ съ жаромъ, и никто не достигалъ еще такой необычайной мощи и поражающаго величія. Если мы перенесемся

---

[1]) Фра Бартоломео делла Порта (1469—1517) написалъ гигантскую фигуру *св. Марка* для фасада своего монастыря, а также *св. Севастьяна*, картину, посланную Франциску I.

[2]) Андрея Ваннуки, прозванный дель Сарто, потому что былъ сыномъ портного, оставилъ 16 прекрасныхъ полотенъ во дворцѣ Питти (во Флоренціи). Въ Луврѣ находятся его *Положеніе во гробъ*, два *св. Семейства*, два *Успенія* и два *Благовѣщенія*. Одно изъ его лучшихъ произведеній, портретъ женщины, Лукреціи делла Фаде, достоинъ быть поставленнымъ рядомъ съ Джокондой. (Въ Спб. Имп. Эрмитажѣ находятся его четыре *св. Семейства*). *Прим. перев.*

мысленно въ Египетъ и вспомнимъ вѣсы, которые держали божества съ головами животныхъ, изображая судъ надъ душами умершихъ, мы поймемъ, какой путь прошла мысль, чтобы достигнуть совершенства въ человѣкѣ и поэтическомъ познаніи художника, способнаго выразить на

Скорбящая Богоматерь (скульптурная группа Микель Анджело).

стѣнѣ храма христіанскую идею міра, являющагося на судъ передъ Богомъ, освѣщая заранѣе, съ помощью воображенія, страшный день, когда сужденія людей будутъ судиться въ свою очередь.

Тэнъ слѣдующимъ образомъ описываетъ своды Сикстинской капеллы, расписанные Микель Анджело:

„Сверхчеловѣческія существа, столь же несчастныя, какъ и мы, тѣла боговъ, скованныя земными страстями, Олимпъ, гдѣ сталкиваются между собою человѣческія трагедіи,—вотъ мысль, какою вѣетъ отъ всѣхъ сводовъ Сикстинской капеллы... Есть души, въ которыхъ впечатлѣнія блещутъ, какъ молніи, и всѣ дѣйствія которыхъ—такія же молніи. Таковы лица Микель Анджело. Его колоссальный Іеремія, задумавшійся, опустивъ громадную голову на гигантскую руку,—о чемъ онъ думаетъ, опустивъ глаза? Волнистая, развѣвающаяся борода, опускающаяся до половины груди, рабочія руки, изборожденныя выпуклыми жилами, нахмуренный лобъ, тяжелыя черты лица, глухая угроза, готовая вырваться изъ груди,—все это напоминаетъ варварскихъ царей, мрачныхъ охотниковъ за зубрами, обрушивавшихъ свой безплодный гнѣвъ на врата Римской имперіи. Іезекіиль обернулся со стремительнымъ вопросомъ, и движеніе его такъ быстро, что воздухъ приподнимаетъ на его плечѣ складку плаща... Вокругъ нихъ, на кривизнѣ свода, обнаженные юноши вытягиваютъ спины или расправляютъ руки, то въ горделивыхъ и спокойныхъ позахъ, то стремящіеся впередъ и бьющіеся; нѣкоторые изъ нихъ кричатъ и, своимъ оцѣпенѣвшимъ бедромъ или судорожно сжатой ногой, яростно колеблютъ стѣну. Ниже ихъ присѣлъ согбенный старикъ-богомолецъ, женщина цѣлуетъ своего спеленатаго ребенка, человѣкъ въ отчаяніи искоса бросаетъ взглядомъ вызовъ судьбѣ, молодая дѣвушка, съ красивымъ, улыбающимся лицомъ, спокойно спитъ; двадцать другихъ, самыхъ крупныхъ фигуръ среди живыхъ людей говорятъ всѣми подробностями своей позы и самой мелкой складкой своей одежды.

„И это только контуры свода: на самомъ сводѣ, длиною въ 200 футовъ, развертываются событія изъ книги Бытія и исторіи освобожденія Израиля, сотвореніе міра, мужчины и женщины, грѣхъ, изгнаніе первой четы, потомъ мѣдный змѣй, убіеніе Олоферна, казнь Амана, цѣлое населеніе трагическихъ фигуръ. Ложишься на старый коверъ, покрывающій полъ, и смотришь на нихъ. Пусть онѣ—на высотѣ ста футовъ надъ головою, закопченныя, облупившіяся, нагроможденныя другъ на друга; пусть онѣ стоятъ внѣ всякихъ привычекъ нашей живописи, нашего вѣка и нашего ума; прежде всего, ихъ слышишь. Художникъ такъ великъ, что различія времени и національности не существуютъ для него.

„... Въ тѣлѣ, какимъ онъ его пишетъ, все выразительно—скелетъ, мышцы, складки одежды, позы и пропорціи, и зрителя потрясаютъ разомъ всѣ части этого зрѣлища. Это тѣло выражаетъ гнѣвъ, гордость, смѣлость, отчаяніе, суровость бѣшеной страсти или героической воли;

зритель испытываетъ потрясеніе отъ необычайно сильныхъ впечатлѣній. Нравственная энергія сквозитъ изъ каждой физической подробности, и она, какъ будто, одновременно отражается и въ нашемъ тѣлѣ.

„... Его *Страшный Судъ*, находящійся рядомъ, не оставляетъ того же впечатлѣнія: художнику было тогда 67 лѣтъ, и вдохновеніе его уже утратило прежнюю свѣжесть. Кто слишкомъ долго обращается со своими идеями, тотъ лучше овладѣваетъ ими, но онѣ менѣе волнуютъ его; онъ уже заходитъ за предѣлы первоначальнаго ощущенія, единственно истиннаго; невольно приходится преувеличивать или повторять самого себя... Тѣмъ не менѣе, произведеніе это остается единственнымъ въ своемъ родѣ: оно напоминаетъ напыщенный маршъ, сыгранный со всею силою груди стараго воина. Фигуры и цѣлыя группы въ немъ достойны величайшихъ твореній художника. Глядя на нихъ, уже не чувствуешь злоупотребленія искусствомъ, преслѣдованія эффекта, торжества ремесла; видишь передъ собою только ученика Данте, друга Саванароллы, отшельника, пропитаннаго грозными страницами Ветхаго Завѣта, патріота, стоика, судью, носившаго въ сердцѣ трауръ по своей родинѣ, присутствовавшаго при погребеніи свободы и Италіи, единственнаго, не переставшаго жить среди низкихъ характеровъ и выродившихся душъ и съ каждымъ днемъ становившагося все мрачнѣе и мрачнѣе, проведя девять лѣтъ за этой колоссальной работой, съ душою, полною мысли о Верховномъ Судіи, прислушиваясь заранѣе къ грому послѣдняго дня“ [1]).

Болѣе краткая и болѣе полная, относительно своей недолговременности, дѣятельность *Рафаэля* изъ Урбино отмѣчаетъ торжество искусства христіанскаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, языческаго—эпохи Возрожденія. Въ своихъ фрескахъ, картинахъ и портретахъ (Юлія II, Льва X, Форнарины) и Святыхъ Семействахъ, Рафаэль, безъ видимыхъ усилій, достигъ совершенства талантомъ композиціи, рисунка и письма. Въ его произведеніяхъ поражаетъ спокойствіе, производимое увѣреннымъ въ себѣ искусствомъ, не дѣлающимъ никакого напряженія для выраженія мысли религіозной или обыденной, наблюдающимъ и идеализирующимъ природу, и удовлетвореннымъ, если ему удается запечатлѣть на полотнѣ образы, которыми оно желаетъ понравиться или тронуть. Геній Рафаэля вполнѣ греческій. Это происходитъ не только оттого, что онъ въ своихъ произведеніяхъ отводитъ большое мѣсто миѳологіи и исторіи, но, главнымъ образомъ, потому, что онъ усвоилъ спокойствіе и грацію античнаго міра.

---

[1]) Taine, *Voyage en Italie*, tome I.

Можно въ различныхъ музеяхъ восхищаться главными картинами Рафаэля, но надо отправиться въ Ватиканъ, чтобы видѣть его *Ложи*, наружныя галлереи одного изъ дворцовыхъ дворовъ. Въ каждомъ промежуткѣ, между сводами этихъ галлерей, Рафаэль помѣстилъ по четыре картины и, такимъ образомъ, далъ цѣлый рядъ картинъ, числомъ пятьдесятъ двѣ, заключающихъ главныя сцены изъ священной исторіи. Въ этомъ, по истинѣ, грандіозномъ трудѣ великому мастеру помогали его ученики, въ особенности,—*Джуліо Романо*. Въ самомъ дворцѣ Рафаэль расписалъ четыре залы, гдѣ онъ размѣстилъ свои обширныя композиціи: *Споръ о Святомъ Причащеніи* (называемый также *Теологіей*) и *Аѳинскую школу* (или *Философію*), *Парнасъ* и *Правосудіе*, исторію Эліодора, пораженнаго на порогѣ Іерусалимскаго храма, *Освобожденіе св. Петра*, *Папа св. Левъ*, останавливающій Аттилу, и многочисленныя сцены, въ которыхъ художникъ представляетъ *Константина*, покровителя церкви. Въ этихъ обширныхъ твореніяхъ съ величественнымъ и благороднымъ замысломъ, съ соразмѣрностью группъ, съ легкимъ и правильнымъ рисункомъ, фигуры обладаютъ изяществомъ и простотою, и общій видъ ихъ дышетъ кротостью чувства и очарованіемъ никогда не изглаживающагося впечатлѣнія. Художникъ превзошелъ себя въ *Преображеніи*, картинѣ, которая была выставлена надъ мертвымъ тѣломъ Рафаэля и которую торжественно несли во время его похоронъ. Рафаэль, несмотря на рядъ знаменитыхъ художниковъ, слѣдовавшихъ за нимъ, остался безспорно неподражаемымъ образцомъ и воспитателемъ живописцевъ [1]).

Скрипачъ (картина Рафаэля).

---

1) Произведеній Рафаэля всего болѣе можно видѣть въ музеяхъ Италіи. Въ музеѣ Флоренціи хранится *Св. Дѣва съ птичкой*, *Св. Дѣва на сѣдалищѣ* (Madonna della sedia) (одинъ изъ шедевровъ, копіи котораго во множествѣ распространены въ гравюрахъ), *Св. Іоаннъ въ пустынѣ*, *Видѣніе Іезекіиля* и портреты *Юлія II*, *Льва X* и *Форнарины*. Въ Болоньѣ находится *св. Цецилія*. Въ Римѣ можно видѣть четырехъ

Микель Анджело и Рафаэль перенесли въ Римъ тайны флорентинскихъ мастеровъ и создали римскую школу, представителями которой они были сами, и которая соединила мощность съ изяществомъ. Впрочемъ, плодовитость Италіи была такъ значительна, что мастера живописи появлялись почти въ каждомъ итальянскомъ городѣ.

На сѣверѣ, въ Миланѣ, гдѣ долго жилъ Леонардо, и куда искусство также было принесено изъ Флоренціи, образовалась *ломбардская* школа, имѣвшая, еще до прибытія Леонардо, *Андреа Мантенью* изъ Падуи [1]) и *Бернардино Луини*.

Затѣмъ, вполнѣ самостоятельно, не видавъ ни Флоренціи, ни Рима, вдохновившись только одной картиною Рафаэля (*Св. Цецилія*), передъ которою онъ почувствовалъ пробужденіе своего генія, *Антоніо Аллегри*, названный *Корреджіо*, приблизился къ великимъ мастерамъ. Онъ написалъ въ Пармѣ *Вознесеніе*, украшающее внутренность купола церкви св. Іоанна, и *Успеніе Пресв. Богородицы*, также занимающее весь куполъ Пармскаго собора [2]).

Корреджіо не только изященъ и граціозенъ: его живописи свойственны нѣжность, особая мягкость, которой напрасно пытались под-

---

великолѣпныхъ *Сивиллъ* въ Санта-Марія делла Паче, могучаго *Исайю* въ церкви св. Августина, которымъ Рафаэль мѣрялся съ Микель Анджело; *Торжество Галатеи* и *Исторія Психеи* изъ Фарнезины. Во дворцѣ Шіарра—портретъ неизвѣстнаго юноши, называемый *Скрипачемъ*, такъ какъ онъ держитъ въ рукѣ, вмѣстѣ съ цвѣткомъ, смычокъ старинной формы. Въ Мадридѣ находятся три портрета и семь картинъ, изображающихъ *Святое семейство* и *Несеніе Креста*. Въ Лондонѣ, въ Кенсингтонскомъ музеѣ хранятся картоны Гемптонъ-Коурта, сдѣланные для ковровъ, исполненныхъ во Фландріи, и впослѣдствіи пріобрѣтенные англійскимъ королемъ Карломъ I. Наконецъ, въ Луврскомъ музеѣ, въ Парижѣ, есть его портреты, *Св. Семейство* и *Св. Михаилъ, поражающій дьявола*.

(Въ Спб. Императ. Эрмитажѣ приписываются Рафаэлю слѣдующія картины: *Св. Семейство*, назыв. св. Дѣвой Альбійской, два другія *Св. Семейства, Юдифь* и нѣсколько портретовъ. Кисти Джуліо Романо принадлежатъ тамъ же: *Битва, Созданіе Евы* и *два св. Семейства*). *Прим. перев.*

[1]) Андреа Мантенья (1430—1506).

[2]) Антоніо Аллегри назывался Корреджіо, потому что родился въ мѣстечкѣ этого имени (1494 — 1534). Пармскій музей хранитъ его *св. Іеронима* и *св. Дѣву съ чашкой;* въ Флорентинскомъ музеѣ — *Пресв. Дѣва, поклоняющаяся Христу Младенцу:* въ Неаполитанскомъ музеѣ—*Агарь въ пустынѣ* и *Мистическій бракъ св. Екатерины*. Дрезденъ обладаетъ шестью оригинальными полотнами Корреджіо, въ числѣ которыхъ находится *Рождество* или *Св. Ночь*. Въ Парижѣ есть только два его произведенія: *Бракъ св. Екатерины* и шедёвръ, называемый *Сномъ Антіопы*. (Въ Спб. Эрмитажѣ—*Бракъ св. Екатерины*, нѣкогда принадлежавшій къ коллекціи графа Брюля, *Мадонна, кормящая грудью Младенца Іисуса*, и двѣ группы дѣтей (этюдъ).
(Прим. кер.).

ражать его многочисленные ученики. Среди этихъ послѣднихъ отмѣчаютъ, впрочемъ, *Пармеджіанино* [1]).

Въ сторонѣ отъ всякой школы стоитъ своеобразный живописецъ *Караваджіо*, изучавшій и слушавшійся только самого себя, не воспитанный, невѣжественный, нецѣнившій античную красоту, притворявшійся ненавистникомъ Рафаэля и Корреджіо, признававшій одного только учителя — природу. Онъ любилъ изображать ее пошлой и грубой, вразрѣзъ съ современною ему эпохой утонченности, но полной силы и правды [2]).

Небо Венеціи, отражающееся въ голубыхъ волнахъ Адріатическаго моря, повидимому, дало живописцамъ этого города свои краски и блескъ. Венеціанцы были страстными любителями красокъ, и ихъ живописцы воспроизводили самые яркіе колориты. Братья *Беллини* [3]) положили начало знаменитой венеціанской школѣ, столь привлекательной и плодовитой. *Джорджіо Барбарелли*, умершій еще молодымъ, украсилъ своими фресками нѣжныхъ тоновъ стѣны дворца венеціанскихъ дожей и оставилъ не мало картинъ, которыми гордятся европейскіе музеи [4]). Джорджіо или Джорджане былъ современникомъ Тиціана.

Тиціанъ, какъ и Микель Анджело, жилъ почти цѣлое столѣтіе и, въ теченіе своего долгаго жизненнаго поприща, далъ множество произведеній, украсивъ церкви и дворцы въ Венеціи, создавая картины религіознаго и свѣтскаго содержанія для королей и богатыхъ людей, съ трудомъ успѣвая, несмотря на рѣдкую быстроту въ работѣ, удовлетворять заказы епископовъ, королей и самаго главнаго своего заказ-

---

1) Пармеджіанино (Франческо Маццуоли, 1503 — 1540). Луврскій музей хранитъ его *Видѣніе св. Іеронима*. Въ Неаполѣ находятся семь или восемь его картинъ.

2) Микель Анджело Американи да Караваджіо (1569 — 1609). Въ Римѣ есть его *Снятіе со Креста* и *Игроки*; въ Вѣнѣ — портретъ *Молодой дѣвушки, играющей на лютнѣ;* въ Луврѣ—*Успеніе Пресв. Дѣвы,* отступающее отъ традиціи и даже отъ религіознаго стиля, *Гадальщица* и портреты.

3) Джентиліо Беллини (1421–1501), картина котораго *Пріемъ венеціанскаго посла въ Константинополѣ* находится въ Луврѣ. Джіованни Беллини (1426 — 1516) во Франціи называли Жанъ Белэнъ. (Нѣсколько картинъ Беллини хранятся въ Спб. Импер. Эрмитажѣ). *(Прим. пер.).*

4) Джоржіо Барбарелли изъ Кастельфранко (1477—1511). Въ Венеціи, въ Академіи художествъ, можно видѣть его *Бурю, укрощаемую св. Маркомъ;* во Флоренціи—*Моисея, испытываемаго раскаленными угольями*: во дворцѣ Питти—*Моисея, спасеннаго изъ воды;* въ Мадридѣ—*Давида, убивающаго Голіаѳа,* и *Семейный портретъ* (поразительный шедевръ); въ Дрезденѣ—*Встрѣча Іакова съ Рахилью;* въ Луврѣ, въ Парижѣ,—*Деревенскій концертъ и Св. Семейство.* (Въ Спб. Имп. Эрмитажѣ также есть образцы кисти Барбарелли.) *Прим. пер.*

чика, императора Карла Пятаго, который, какъ разсказываютъ, удостоилъ, однажды, поднять съ пола его кисть. Именно, этотъ государь постоянно заставлялъ Тиціана съ необычайной легкостью переходить отъ священныхъ сюжетовъ къ сюжетамъ языческимъ, отъ изображеній святыхъ—къ миѳологическимъ божествамъ, отъ Святого Семейства—къ Венерамъ и Адонисамъ, оживляя все своей волшебной кистью, до наиболѣе холодныхъ аллегорій и наиболѣе лживыхъ апоѳеозовъ. Искусство, благодаря Тиціану, пріобрѣло полную свободу и даже въ сюжетахъ религіозныхъ стало еще менѣе щепетильнымъ, чѣмъ у другихъ живописцевъ эпохи Возрожденія. Тиціанъ давалъ волю своему воображенію, своему вкусу и прихотямъ. Но онъ придавалъ самымъ своеобразнымъ замысламъ такой колоритъ, и картины его исполнены такого яркаго блеска, что, несмотря на нѣсколько протекшихъ вѣковъ, онѣ еще продолжаютъ ослѣплять насъ [1]).

Тиціанъ, несмотря на свою славу, былъ завистливъ, и отослалъ изъ своей мастерской одного изъ учениковъ, сына красильщика, который прославилъ наименованіе этого ремесла, получивъ прозваніе *Тинторетто* (Tintoretto) [2]). Этотъ художникъ, вынужденный сдѣлаться

---

[1]) Тиціанъ, Тиціано Вечелліо, изъ Кадора (1477—1576), умеръ девяносто девяти лѣтъ отъ чумы. Въ Венеціи, гдѣ онъ провелъ почти всю свою долгую жизнь, находятся многія изъ его произведеній и, между прочимъ, *Посѣщеніе св. Елизаветы*, *Введеніе во храмъ*, *Успеніе* (шедевръ); въ церквахъ св. Іоанна и св. Павла представлена смерть монаха, обозначенная именемъ *Св. мученика Петра*. Сенатъ запретилъ особымъ декретомъ, подъ угрозою смерти, вывозъ этой картины изъ предѣловъ республики. Флоренція обладаетъ фигурами святыхъ, которыя можно принять за греческія статуи. Римъ и Неаполь имѣютъ также по нѣскольку полотенъ Тиціана, но всего болѣе ихъ въ Мадридѣ (42), портреты *Карла V*, *Филиппа II*, *Несеніе креста*, *Первородный грѣхъ*, два *Положеніе во гробъ*, одна большая аллегорія, родъ апоѳеоза семейства Карла V, удивительная *Жертва плодородію*, гдѣ можно видѣть болѣе шестидесяти шаловливыхъ и рѣзвящихся маленькихъ дѣтей; *Прибытіе Вакха* на островъ Наксосъ, аллегорія битва при *Лепантѣ* и т. п.

Полотна Тиціана, находящіяся въ Луврскомъ музеѣ—не всѣ подлинныя, но тамъ есть три превосходныя вещи: *Вѣнчаніе терновымъ вѣнцомъ*, *Положеніе во гробъ* и *Паломники Эммауса*. *Портретъ Франциска I* былъ писанъ не съ натуры, а по медали.

(Въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ находится 16 картинъ Тиціана: изъ нихъ наиболѣе замѣчательны *Данаида*, *Венера* и портретъ *Лама Діанти*. *Прим. пер*).

[2]) Джіакомо Робусти (1512 — 1594), названный Тинторетто потому, что былъ сыномъ красильщика. Въ Академіи художествъ въ Венеціи находятся его *Вознесеніе*, *Успеніе*, или *Мадонна*, *Вѣнчаніе Пресв. Дѣвы* и *Чудо св. Марка*, одинъ изъ шедевровъ искусства, изображающій освобожденіе раба, приговореннаго къ казни, благодаря чудодѣйственному вмѣшательству св. Марка. (Въ Импер. Эрмитажѣ есть нѣсколько портретовъ его кисти. *Прим. пер.*)

самостоятельнымъ, вмѣсто того, чтобы быть подражателемъ, хотѣлъ избѣжать недостатка Тиціана, заботившагося всего болѣе о колоритѣ и пренебрегавшаго рисункомъ. Тинторетто изучалъ рисунокъ у Микель Анджело, и его слава распространилась настолько, что онъ былъ приглашенъ наполнить своими произведеніями храмы и дворцы въ Венеціи. Онъ украсилъ потолокъ залы Большого Совѣта во дворцѣ дожей громадной картиной въ 64 фута длины и 30 ширины: *Слава Рая*. Повидимому, Тинторетто заимствовалъ у Микель Анджело не только рисунокъ, но и пылкость: его называли *Неистовымъ*; онъ работалъ слишкомъ скоро и не достигъ совершенства своего образца, хотя ему удалось сравниться, по колориту, со своимъ соперникомъ Тиціаномъ.

Такимъ же волшебникомъ живописи былъ *Паоло Веронезе*, другой соперникъ Тиціана. Во дворцѣ дожей онъ украсилъ потолокъ залы Совѣта Десяти *Апоѳеозомъ Венеціи*. Онъ написалъ также *Похищеніе Европы* и знаменитыя четыре „*Трапезы*“ для четырехъ монастырскихъ столовыхъ. Одна изъ этихъ „Трапезъ“, *Бракъ въ Канѣ*, составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній Луврскаго музея въ Парижѣ. Паоло Веронезе порываетъ съ традиціями римской школы: онъ уже не ищетъ исторической вѣрности; всѣ фигуры, къ какой бы эпохѣ онѣ ни принадлежали, онъ одѣваетъ въ одежду своего времени. Его Апостолы похожи на богатыхъ венеціанцевъ, пирующихъ во дворцахъ, величественную архитектуру которыхъ онъ при этомъ изображаетъ. Но его группы расположены такъ эффектно и искусно, его фигуры (представляющія портреты) обладаютъ такимъ благородствомъ, такою жизненностью, его серебристый колоритъ имѣетъ столько переливовъ, что трудно оторвать глаза отъ этихъ удивительныхъ произведеній [1]).

Городъ Болонья пріобрѣлъ особое мѣсто въ школахъ живописи, главнымъ образомъ, благодаря тремъ *Караччи*: Лодовико Караччи и его двоюроднымъ братьямъ Агостино и Аннибало [2]). Этотъ послѣдній

---

[1]) Паоло Кальяри, изъ Вероны, называемый Паоло Веронезе (1528—1588). Его знаменитый *Бракъ въ Канѣ* имѣетъ величину около 10 метровъ ширины и 7 высоты. Въ Лондонѣ находится его *Посѣщеніе Александромъ семейства Дарія* (это—портреты семьи Пизани).

(Въ Имп. Эрмитажѣ принадлежатъ Паоло Веронезе *Св. Семейство, Снятіе со Креста, Отдыхъ въ Египтѣ, Вознесеніе* и *День св. Троицы*). *Прим. пер.*

[2]) Въ Болонскомъ музеѣ находится 13 произведеній Лодовико Караччи (1555 — 1619). Агостино Караччи (1557—1602), между прочими, оставилъ слѣдующія замѣчательныя вещи: *Успеніе* и *Пріобщеніе св. Іеронима*. Аннибалу Караччи (1560 — 1609) принадлежатъ 26 картинъ (въ Луврскомъ музеѣ), нѣсколько *Мадоннъ*, *Воскресеніе Христово*, пейзажи и двѣ картины *Охота* и *Рыбная ловля*.

былъ самымъ смѣлымъ и оригинальнымъ; ему удавались картины религіознаго характера, но, въ особенности,—пейзажъ, первые прекрасные образцы котораго онъ далъ Италіи. Болонская школа, главнымъ образомъ, блистала въ XVII в. при ученикахъ Караччи, *Доменикино*, *Гвидо Рени* и *Альбано* [1]).

Вліяніе Италіи распространилось по всей Европѣ, гдѣ художники страстно стремились приблизиться къ великимъ мастерамъ. Сношенія между Италіей и Испаніей были столь часты, что послѣдняя раньше другихъ странъ увлеклась итальянскимъ искусствомъ; такъ образовались школы въ Валенсіи, Толедо, Севильѣ и Мадридѣ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на достоинства *Алонсо Берругете*, *Хуана Хоаннеса*, *Луиса Моралеса*, *Мудо*, прозваннаго испанскимъ Тиціаномъ, и *Алонсо Санчеса Коэльо*, испанская живопись пріобрѣла настоящій блескъ лишь въ слѣдующемъ вѣкѣ [2]). Нужно было время, чтобы изученіе принесло свои плоды.

И во Франціи господствовали итальянцы, въ то же время поучая художниковъ. *Леонардо да Винчи*, *Андреа дель-Сарто*, *Россо* [3]), *Приматиччіо* [4]), *Николо Абати* [5]) царили при дворѣ Франциска I, представляя то, что называется школой Фонтенебло.

Но уже въ XVI в. во Франціи явился свой мастеръ *Жанъ Кузенъ*, достигшій одинаковаго искусства какъ въ живописи, такъ и въ скульптурѣ [6]). Жанъ Кузенъ удивительно расписывалъ стекла для церквей,

---

(Въ Спб. Имп. Эрмитажѣ хранятся произведенія всѣхъ трехъ Караччи: изъ нихъ 12 картинъ Аннибала Караччи и 3 картины (*Положеніе во Гробъ*, *Несеніе Креста* и *Св. Семейство*) Лодовика Караччи. *Прим. пер.*).

[1]) Въ Имп. Эрмитажѣ находятся 15 картинъ Гвидо Рени и между ними—*Споръ о безгрѣшномъ зачатіи*, *Похищеніе Европы*, *Св. Францискъ*, поклоняющійся *Младенцу Іисусу*.—Альбано принадлежатъ, находящіяся тамъ же, *Торжество Венеры* и *Благовѣщеніе;* Доменикино—*Св. Елена* и *Амуръ*.

[2]) Хуанъ Хоаннесъ (1523—1581), Луисъ Моралесъ (1509—1586). Мудо (Хуанъ-Фернандесъ Наваретте) (1526—1579) работалъ надъ украшеніемъ Экскуріала. Алонсо Санчесъ Коэльо, ум. въ 1590 г., живописецъ и царедворецъ Филиппа II. Еще слѣдуетъ упомянуть о Пабло Сеспедеса (1538—1608), подражателя Корреджіо.

(Въ Спб. Эрмитажѣ можно видѣть произведенія Хуана Хоаннеса: *С. Доминикъ* и *Св. Анна*, Моралеса: *Mater Dolorosa* (Скорбящая Богоматерь), Наваретте: *Св. Іоаннъ въ темницѣ*, прекрасная фигура, въ стилѣ Тиціана. *Прим. пер.*).

[3]) Россо (Джіованни Батиста), род. во Флоренціи (1496—1541).

[4]) Франческо Приматиччіо, род. въ Болоньѣ (1490—1570). Онъ былъ глава школы *Фонтенебло*. Въ Фонтенебло можно видѣть его фрески на Золотой двери и въ залѣ Генриха II.

[5]) Николо Абати, изъ Модены (1512—1571).

[6]) Родился въ Суси, близъ города Сана, поставившаго въ честь его статую. Годы его рожденія и смерти въ точности неизвѣстны (1500? –1590?).

но въ Луврѣ находится лишь одна его картина, настоящій шедевръ: это—*Страшный Судъ*, гдѣ, въ небольшомъ пространствѣ, художникъ, превосходнымъ планомъ свого замысла и знаніемъ обнаженнаго тѣла, соперничаетъ съ великой фреской Микель Анджело [1]).

Фландрія, какъ мы уже говорили, до нѣкоторой степени обогнала Италію, но фламандскіе художники, не теряя своего оригинальнаго характера, увлеклись великимъ итальянскимъ движеніемъ и воспользовались уроками тѣхъ, кого они научили живописи масляными красками. *Рожеръ фанъ-деръ-Вейденъ* [2]) поѣхалъ въ Италію въ то время, когда Мазаччіо—во Флоренціи, Беллини—въ Венеціи и Фра Анджелико—въ Римѣ возрождали живопись. *Гансъ Мемлингъ* [3]) оставилъ обширный и разнообразный рядъ произведеній, представляющихъ жизнь и страданія Христа, среди удивительныхъ пейзажей, и достигъ въ нихъ высокаго изящества, чувства и граціи. Было бы слишкомъ долго перечислять художниковъ, появлявшихся во всѣхъ городахъ Фландріи, но нельзя пропустить имени *Квентина Метсиса* [4]), друга Эразма и Томаса Моруса.

Подражаніе итальянцамъ сдѣлало такіе успѣхи въ XVI в., что цѣлыя колоніи фламандцевъ переселялись во Флоренцію и Римъ. Любовь къ искусствамъ, поддерживаемая богатствомъ и роскошью, достигла того, что въ 1560 г. въ одномъ только Антверпенѣ насчитывалось до 360 живописцевъ и скульпторовъ. Создавались династіи художниковъ, и талантъ становился наслѣдственнымъ въ семьяхъ [5]).

---

[1]) Въ XVI в. слѣдуетъ также упомянуть Туссена Дюбрёйля (ум. въ 1604) и Мартина Фремине (1567—1619).

[2]) (1399—1464). Городская ратуша въ Бонѣ имѣетъ его *Страшный Судъ*, а другія его произведенія можно видѣть въ Лувенѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и Мадридѣ.

Извѣстны еще *Петръ Кристусъ*, *Гуго фанъ-деръ-Гусъ*, *Юстъ Гентскій* и *Тьерри Бутсъ*, замѣчательные своими портретами и картинами религіознаго содержанія.

Петръ Кристусъ или Кристофсенъ прославился около 1444 г. (Ученый Ваагенъ приписываетъ ему два интересныя полотна, находящіяся въ Спб. Имп. Эрмитажѣ: *Страшный Судъ* и *Распятіе* (Прим. пер.). Гуго фанъ-деръ-Гусъ ум. въ 1482 г. Тьерри Бутсъ работалъ въ Лувенѣ въ 1448 г. Онъ оставилъ *Тайную Вечерю* въ церкви св. Петра, а Мюнхенъ обладаетъ его превосходнымъ образомъ, въ видѣ складня, *Поклоненіе Волхвовъ*.

[3]) Гансъ Мемлингъ (1435—1495). Его главныя произведенія находятся въ Брюгге, въ госпиталѣ св. Іоанна.

[4]) Родился въ Лувенѣ (1466). Онъ былъ послѣднимъ изъ такъ-назыв. *готическихъ фламандцевъ;* жилъ въ Антверпенѣ. (Въ Спб. Имп. Эрмитажѣ находится одно изъ главныхъ произведеній Квентина Метсиса: *Св. Дѣва съ Младенцемъ Іисусомъ*, окруженная сивиллами, пророками и патріархами. (Прим. пер.).

[5]) Семейства Клеисовъ, фанъ-Кливовъ (имѣвшихъ до 20 представителей), Момпе-

Питеръ Пурбусъ [1]) изъ Брюгге, одинъ изъ лучшихъ портретистовъ, написалъ портретъ Клемана Маро. *Микель Коксци* [2]), восторженный поклонникъ Рафаэля, былъ прозванъ фламандскимъ Рафаэлемъ. *Ламбертъ Ломбардъ* [3]) и *Мартинъ Фосъ* [4]) съ одинаковымъ успѣхомъ изучали итальянскихъ мастеровъ, а послѣдній, кромѣ того, работалъ у Тинторетта. Наконецъ, Питеръ Брюгель Старшій, хотя и былъ искреннимъ почитателемъ итальянцевъ, отдѣлился отъ романцевъ: онъ остался фламандцемъ, не пытаясь соперничать съ идеалистическимъ геніемъ, столь сроднымъ живому воображенію и небу Италію; онъ придерживался наблюденія природы и реализма, болѣе соотвѣтствовавшаго климату и духу его родины. Онъ писалъ, по большей части, сцены въ тавернахъ, въ гаваняхъ, въ деревнѣ; его многочисленныя произведенія, разсѣянныя по всей Европѣ, доставили ему славу и названіе, благодаря веселому характеру, оживляющему его картины, великаго комика фламандской школы. Но это все было лишь началомъ: фламандскій геній долженъ былъ въ слѣдующемъ вѣкѣ подняться до той высоты, какой достигъ итальянскій геній въ XVI в. [5]).

Одна изъ заслугъ фламандской школы заключается въ томъ, что она вызвала къ жизни нѣмецкую школу. Изъ городовъ на Рейнѣ, находящихся въ сосѣдствѣ съ бельгійскими провинціями, искусство проникло во внутрь Германіи, и въ XVI в. эта страна могла уже гордиться *Гольбейномъ* изъ Аугсбургской школы, жившимъ, впрочемъ, въ Базелѣ и Англіи [6]). Его произведенія, состоящія изъ историческихъ картинъ и портретовъ, находятся въ замкѣ Гэмптонъ-Коуртъ. Дрезденскій музей хранитъ его картину *Св. Дѣва*, на которой ясно замѣтны различія между нѣмецкой и итальянской школами и живописцами католическими и протестантскими. Въ Базелѣ можно видѣть самые

ровъ, Коникслоо, фанъ-Орлеевъ, Флорисовъ, Франковъ, или Франкеновъ (которыхъ было, по крайней мѣрѣ, 30).

[1]) Петръ Пурбусъ (1510—1584).

[2]) Михель Коксци (1499—1592). Онъ поселился въ Малинѣ, гдѣ насчитывалось болѣе 150 живописцевъ и рисовальщиковъ.

[3]) Ламбертъ Ломбардъ (1506—1565).

[4]) Мартинъ Фосъ (1531—1603).

[5]) Петръ Брюгель Старшій (около 1526—1569). Много картинъ его, духовнаго и свѣтскаго содержанія, находится въ Вѣнѣ. Изъ числа ихъ особенно извѣстны *Ярмарка* и *Брачный пиръ*.

[6]) Гансъ Гольбейнъ, называемый младшимъ, такъ какъ онъ былъ сыномъ уже извѣстнаго художника (1498—1554). Онъ писалъ батальныя картины и, между прочимъ, *Битву при Павіи*. Въ Луврѣ есть портретъ Эразма—его работы. (Въ Спб. Эрмитажѣ есть также нѣсколько портретовъ работы Гольбейна. *Пр. пер.*).

замѣчательные изъ его рисунковъ и набросковъ и, между прочимъ, знаменитую *Пляску смерти*. Несмотря на нѣкоторую наивность его манеры, нельзя не удивляться въ картинахъ Гольбейна знанію и правильности рисунка и, въ особенности, колоритности, обезпечивающими за нимъ мѣсто среди мастеровъ эпохи Возрожденія.

Въ Дрезденѣ также появился художникъ *Лука Зундеръ* или *Лука Кранахъ*, бывшій другомъ Лютера и оставившій намъ портретъ реформатора и его ученика, Меланхтона [1]). Къ той же эпохѣ принадлежитъ *Альбрехтъ Дюреръ*, обладавшій разностороннимъ геніемъ, такъ какъ онъ былъ одновременно скульпторомъ, зодчимъ, живописцемъ, и соединялъ въ своихъ картинахъ пріемы фламандской школы съ вдохновеніемъ итальянской. Будучи современникомъ Рафаэля, къ которому его приравниваютъ нѣмцы, онъ высоко цѣнилъ итальянскую школу и проявилъ себя католикомъ въ своихъ картинахъ религіознаго содержанія, написанныхъ, по большей части, до Реформаціи, которой онъ былъ однимъ изъ усердныхъ сторонниковъ. Его манера отличается строгостью и силой, глубиной и мистицизмомъ. Но онъ былъ послѣднимъ нѣмецкимъ мастеромъ. Реформація, относившаяся враждебно къ образамъ, отклонила Германію отъ разработки искусствъ, а долгія бѣдствія Тридцатилѣтней войны, въ свою очередь, мѣшали ихъ успѣху. Въ Германіи живопись началась и окончилась Альбрехтомъ Дюреромъ и Гольбейномъ [2]).

Искусство стремилось все украсить. Князья, сеньёры и горожане считали заслугой употреблять достойнымъ образомъ свои богатства; изящная мебель временъ Генриха II и ковры, затканные по рисункамъ художниковъ, украшали обширныя жилища, построенныя, со вкусомъ и знаніемъ, зодчими и разубранныя скульпторами. Поэтому, позабытое старинное искусство *керамики* должно было возродиться. Съ XV в. Лука делла Роббія, скульпторъ и живописецъ, придумалъ обжигать глиняныя модели и покрывать ихъ непроницаемымъ стекловиднымъ составомъ, эмалью изъ золота и свинца. Ему стали подражать, и итальян-

---

[1]) Лука Кранахъ (1472—1553). Берлинъ владѣетъ богатой коллекціей произведеній Кранаха. Его женскіе типы носятъ тяжелый нѣмецкій характеръ, и живопись его ни въ чемъ не походитъ на итальянскую. (Въ Спб. Эрмитажѣ имѣются образцы работы Кранаха. *Пр. пер.*).

[2]) Альбрехтъ Дюреръ (1471—1528). Слѣдующія произведенія его въ музеѣ въ Мадридѣ: *Голова*, нѣсколько *аллегорій* и *портретъ живописца;* въ Мюнхенѣ: 17 картинъ и среди нихъ *Снятіе со Креста, Рождество, четыре характера* или *четыре Евангелиста;* въ Вѣнѣ *портреты, Мадонны* и *Св. Троица,* обширное произведеніе мистическаго характера.

скія майолики, носившія названіе Возрожденія, получили высокую цѣну. Францискъ II Медичи имѣлъ свои мастерскія и печи; онъ такъ же считался художникомъ. Тоскана, Мархіи и Венеціанская область вскорѣ покрылись фабриками, гдѣ выдѣлывалось безконечное множество вазъ, самыхъ разнообразныхъ и изящныхъ формъ.

Итальянскіе художники переселились во Францію, въ Амбуазъ, Ліонъ, Нантъ и Круазикъ, но вскорѣ *Бернардъ Палисси* [1]), сперва простой стекольщикъ, нашелъ лучшимъ получать *эмаль* путемъ *плавленія*. Преслѣдуя свою мысль съ рѣдкой настойчивостью, жертвуя своими малыми средствами, сжигая, для поддержанія огня въ печи, даже мебель и доски пола своего дома, часто утомленный, но не побѣжденный, Бернардъ Палисси былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ нельзя оцѣнить слишкомъ высоко. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ необыкновеннымъ изобрѣтателямъ, которые проявляютъ торжество духа надъ матеріей и дарятъ міру источникъ богатства, а искусству— высшіе образцы его. Бернардъ Палисси постигъ, наконецъ, изготовленіе эмали и наводилъ ее, безъ всякаго ущерба, на свои вазы, кубки, блюда и фигуры животныхъ и людей. Людямъ новаго времени нечему было завидовать древнимъ: у нихъ была керамика, такъ же, какъ и скульптура, живопись и архитектура.

Кувшинъ работы Бернарда Палисси.

Мы не можетъ судить о музыкѣ древнихъ, но людямъ новыхъ временъ предстояло сдѣлать настоящіе успѣхи въ этомъ искусствѣ или, скорѣе, языкѣ души. Инструменты среднихъ вѣковъ, гудокъ, одностручка, шпенетъ, были усовершенствованы: гудокъ обратился въ *скрипку*. *Гансъ Букерсъ*, столяръ въ Антверпенѣ, улучшилъ *клавикорды*, придавъ имъ четыре октавы. Съ тѣхъ поръ стало возможнымъ сочинять для церковныхъ службъ настоящія пѣсни въ нѣсколько частей,

---

[1]) Бернардъ Палисси род. въ Капелль-Бирон, близъ Ажана (1510—1590).

и духовная музыка нашла вдохновеннаго выразителя въ лицѣ *Палестрины* (1529—1594), множество гимновъ котораго до сихъ поръ поется въ церквахъ Западной Европы. Духовная музыка открывала дорогу свѣтской музыкѣ, которая въ слѣдующіе вѣка съ такимъ успѣхомъ служила выразительницей сердечныхъ чувствъ.

Такой успѣхъ всѣхъ искусствъ даетъ высокое понятіе о силѣ, пріобрѣтенной человѣческимъ духомъ въ XV и XVI вѣкахъ, провидѣвшимъ и постигавшимъ *прекрасное*, эту благородную цѣль, преслѣдуемую душой, это высшее наслажденіе, никогда не утомляющее и возвышающее ее надъ низменными страстями.

ГЛАВА VIII.

Реформація.

Религіозная реформа; ея причины.—Лютеръ (1483—1546); характеръ его реформы.—Реформація въ странахъ Сѣвера.—Реформація въ Англіи.—Реформація въ Швейцаріи; Цвингли; Кальвинъ (1509—1564); его ученіе; основы и послѣдствія кальвинизма.—Возстановленіе католицизма; религіозныя войны.—Раздѣлъ Европы между католичествомъ и протестантствомъ.—Вліяніе протестантской реформаціи на политику, на экономическое и умственное движенія.

Уже изученія умственнаго и художественнаго движенія XVI в. достаточно для объясненія переворота, совершившагося въ ту же эпоху въ области религіи. Умственная свобода, смѣлость сужденій, большое количество писателей и мыслителей должны были положить начало религіознымъ спорамъ, стѣсненнымъ до того времени строгостью государственной власти и инквизиціи. Языческое направленіе въ литературѣ должно было оживить старинныя вѣрованія, и скептицизмъ древнихъ философовъ не замедлилъ поколебать вѣру, столь твердую до того времени. Религіозный переворотъ былъ прямымъ послѣдствіемъ переворота литературнаго и даже художественнаго. Искусство, какъ мы уже говорили, сдѣлалось языческимъ въ церквахъ и при папскомъ дворѣ. Въ то время, когда оно иллюстрировало лучшія страницы Библіи и Евангелія, оно, повидимому, не искало въ нихъ внутренняго смысла, а придерживалось почти исключительно формы, одежды, согласнаго сочетанія группъ, плановъ и красокъ. Въ то время, когда зодчіе воздвигали, съ обновленными понятіями о греческихъ храмахъ, величайшую церковь въ мірѣ, цѣна постройки этой церкви стоила папскому престолу половины его владѣній, утраченныхъ вслѣдствіе предосуди-

тельныхъ дѣйствій, вызванныхъ необходимостью привлекать въ Римъ нужныя суммы для выполненія этого грандіознаго произведенія.

Впрочемъ, эти предосудительные поступки начались уже давно. *Земельныя богатства церкви* вели къ злоупотребленіямъ и глубоко искажали ея евангельскій характеръ. Полное раздѣленіе Западной церкви, междоусобная вражда папъ, предававшихъ другъ друга анаѳемѣ, *соперничество папъ* на соборахъ *Констанскомъ* (1414) и *Базельскомъ* (1430) значительно ослабили авторитетъ римскаго престола, и прискорбныя послѣдствія того не изгладились даже по возстановленіи единства. Церковные раздоры начались въ Германіи войнами *гусситовъ*, и Германія уже стремилась отдѣлиться отъ католической церкви.

Германія, въ дѣйствительности, была обращена въ христіанство лишь при Карлѣ Великомъ. Римское ученіе не могло въ ней утвердиться такъ же прочно, какъ въ Италіи и Галліи. *Великая распря духовенства и свѣтской власти*, такъ долго потрясавшая страну, возбудила въ ней живую ненависть къ Риму, на который падала отвѣтственность за всѣ эти бѣдствія. Кромѣ того, нигдѣ духовенство не было такъ богато, и *церковный феодализмъ*, весьма могущественный и жестокій, постоянно сталкивался съ свѣтскимъ феодализмомъ. Германія, особенно въ своихъ сѣверныхъ областяхъ, раздраженная владычествомъ епископовъ, первая отозвалась сочувственно на проповѣдь реформаціи Лютера.

Лютеръ, августинскій монахъ, профессоръ университета въ Виттенбергѣ, такъ глубоко взволновавшій Германію и весь міръ, задумалъ свою реформу послѣ путешествія въ Римъ, гдѣ его искреннее благочестіе было возмущено безпорядками, какихъ онъ былъ свидѣтелемъ въ городѣ, который почиталъ святымъ. Онъ рѣшилъ, что церковь слѣдовало возвратить къ евангельской простотѣ и чистотѣ. Лютеръ не намѣревался, подобно предшествовавшимъ еретикамъ, касаться догматовъ. Онъ не вдавался въ теологическія разсужденія, превышавшія пониманіе народа. Отвергая съ негодованіемъ продажу *индульгенцій*, излишества и богатства духовенства, онъ сразу привлекъ къ себѣ толпу и государей: въ его словахъ толпа признала горячее выраженіе своихъ чувствъ, государи—удовлетвореніе своихъ вожделѣній завладѣть имуществами духовенства. Лютеръ выступилъ не въ качествѣ нововводителя, а лишь преобразователя (1517—1520). Онъ намѣревался, какъ говорилъ самъ, не измѣнить религію, а поднять ее, и высказывалъ свои предложенія постепенно, сперва отвергая индульгенціи, затѣмъ отрицая почитаніе святыхъ, отвергая авторитетъ папы и ставя рѣшенія собора выше его. Повидимому, въ теченіе всей своей жизни, онъ

отстаивалъ полную свободу обсужденія и соглашенія и усиливалъ свою смѣлость по мѣрѣ того, какъ создавалъ себѣ прочную опору. Онъ изложилъ вполнѣ свое ученіе лишь на Аугсбургскомъ сеймѣ, въ 1530 г., устами своего ученика *Меланхтона*. Только благодаря такому образу дѣйствій и характеру своихъ проповѣдей, не затрогивавшихъ сущности евангельскаго ученія, Лютеру удалось избѣжать судьбы, постигшей Яна Гусса.

Реформа Лютера казалась, прежде всего, исключительно примѣненіемъ евангельскихъ правилъ, и истинное значеніе ея понято было лишь позднѣе. Лютеръ, отвергая силу дѣлъ и исполненія обрядовъ, истолковывая по-своему ученіе св. Августина о милосердіи, проповѣдывалъ *спасеніе путемъ одной вѣры*, какъ дара небеснаго милосердія. Не доводя этого начала до его крайнихъ выраженій (какъ нѣкоторые его послѣдователи), столь опасныхъ для свободной воли, Лютеръ признавалъ таинства лишь въ числѣ четырехъ и уничтожилъ все, что̀ придавало пышность и великолѣпіе католическому богослуженію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подтвердивъ таинство *духовнаго чина*, онъ уничтожилъ *духовное сословіе* бракомъ священниковъ, а также и церковную іерархію, изъ которой сохранилъ лишь нѣсколько степеней, лишивъ ее главенства папы. Онъ раздѣлилъ церковь на столько частей, сколько было народностей, и отдалъ ее подъ *власть государей*, принявшихъ лютеранскую реформу съ тѣмъ бо̀льшимъ пыломъ, что она увеличивала ихъ богатство и власть.

Не вполнѣ послѣдовательный монахъ, передавшій религію государству, былъ обязанъ популярностью своимъ свободнымъ взглядамъ. Отрицая воспитательный авторитетъ церкви, онъ предоставилъ каждому толкованіе Библіи и Евангелія. Это былъ духъ *свободнаго изслѣдованія*. Съ одной стороны, Лютеръ сковывалъ христіанина вѣрою, съ другой, онъ открывалъ ему дверь для обсужденія, а слѣдовательно, для сомнѣнія и отрицанія. Впрочемъ, Лютеръ, вынужденный бороться съ анабаптистами, проводившими библейское ученіе грубымъ и кровавымъ путемъ, могъ еще при жизни убѣдиться въ указанномъ противорѣчіи, которое должно было повести къ весьма важнымъ послѣдствіямъ для его реформы: въ ней вскорѣ, силою свободнаго изслѣдованія, многое было признано неудовлетворительнымъ и ошибочнымъ.

Во всякомъ случаѣ, ученіе Лютера съ большой быстротой распространилось въ Германіи и, въ особенности, на сѣверѣ ея; лютеране пользовались покровительствомъ могущественныхъ курфирстовъ, также лютеранъ; сеньёры захватили обширныя владѣнія, и даже епископы и аббаты обратили эти послѣднія изъ духовныхъ—въ свѣтскія, пользуясь

возможностью пріобрѣсти въ личную собственность достояніе церкви. Все это, вмѣстѣ съ затрудненіями Карла V, утомленнаго долгою борьбой съ Франциской I и съ турками, обезпечило, послѣ *Аугсбургскаго* мира (1555), торжество реформаціи въ Германіи, гдѣ появились съ того времени новыя причины для внутренней вражды и политическаго соперничества.

Лютеранская реформа, столь благопріятствовавшая монархической власти, была утверждена королями *Густавомъ Вазой* въ Швеціи (1527—1529) и *Фридрихомъ Голштинскимъ* въ Даніи (1530).

Въ Швеціи она казалась скорѣе расколомъ и противодѣйствіемъ римскому владычеству, такъ какъ Густавъ Ваза сохранилъ прежнюю іерархію, уже болѣе не стѣснявшую его съ того времени, какъ онъ пріобрѣлъ надъ нею перевѣсъ, и отчасти—прежнюю литургію, чтобы не нарушать народныхъ привычекъ. Ученіе было лютеранское, но богослуженіе, хотя и упрощенное, напоминало еще богослуженіе католическое.

Въ Даніи реформа была произведена болѣе кореннымъ образомъ при Христіанѣ III (1536), замѣнившемъ епископовъ *суперинтендентами,* не имѣвшими уже ни нравственнаго, ни политическаго вліянія прежнихъ руководителей церкви.

Въ Англіи, Генрихъ VIII, сначала прозванный *защитникомъ вѣры*, такъ какъ онъ отвергъ ученіе Лютера, отдѣлился (1533) отъ католической церкви, провозгласивъ себя главою *церкви англиканской*. Онъ воспользовался ненавистью англичанъ къ папству, слишкомъ требовательному относительно *ленты св. Петра* и слишкомъ честолюбивому въ своихъ притязаніяхъ къ дѣятельному главенству надъ англійскими королями. Но Генриху VIII удалось утвердить свою религіозную и политическую власть лишь при помощи насилія. Англія была свидѣтельницей лишенія жизни тысячей жертвъ, и Генрихъ VIII, своими жестокостями, сравнялся съ худшими изъ римскихъ императоровъ.

Лютеранское ученіе, потерпѣвъ пораженіе, такъ же, какъ и католическое, отъ короля, отдѣлившагося отъ церкви и не желавшаго признать себя протестантомъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлало успѣхи и привело при *Эдуардѣ VI* и *Елизаветѣ* къ преобразованію англиканской церкви. Протестантская по своему догмату и по простотѣ богослуженія, эта церковь сдѣлалась, по образцу шведской церкви, іерархической, управляемой епископами, и сохранила въ своей литургіи молитвы, сходныя съ молитвами католической литургіи. Въ Англіи религія сдѣлалась государственной и помогла укрѣпленію власти Тюдоровъ, а затѣмъ—Стюартовъ.

Цюрихскій священникъ, *Цвингли*, предшествовалъ Лютеру въ пропо-

вѣди евангельской реформы. Онъ тщетно пытался согласить свое ученіе съ ученіемъ нѣмецкаго реформатора; Лютеръ, гордый своими успѣхами, отказался признать болѣе свободныя правила Цвингли, церковь котораго походила на устройство республиканскихъ кантоновъ Швейцаріи.

Французъ *Кальвинъ*, укрывавшійся въ Женевѣ, пошелъ еще далѣе Цвингли и воспользовался, съ логичностью, свойственной французамъ, крайними выводами лютеранскаго ученія. Онъ довелъ ученіе о милосердіи и спасеніи путемъ вѣры до *предопредѣленія*, ученіе о *свободномъ изслѣдованіи* до независимаго личнаго толкованія и до уничтоженія всякаго религіознаго авторитета.

„Лютеръ допускалъ, что христіанинъ можетъ спастись силою вѣры и, обладая ею, можетъ быть убѣжденъ въ своемъ спасеніи; онъ прибавилъ, однако, что пріобрѣтенное однажды спасеніе можетъ быть утрачено, и допускалъ покаяніе, признавая возможность новаго паденія. Кальвинъ въ этомъ отношеніи превзошелъ его чрезвычайно смѣлой логикой. Онъ говорилъ, что человѣкъ, убѣжденный въ спасеніи силою вѣры, могъ быть убѣжденъ и въ своей праведности, такъ какъ Богъ, простивъ его, не могъ уже опять лишить его этой милости. Прощенный христіанинъ становился избранникомъ Божіимъ или праведникомъ; онъ уже не могъ ни согрѣшить, ни погибнуть.

„Это ученіе, доводившее милосердіе, какъ его понималъ Лютеръ, до предопредѣленія Кальвина, повело къ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ и въ обрядовой сторонѣ религіи, и въ нравственныхъ понятіяхъ. Таинства, число которыхъ было уменьшено Лютеромъ до четырехъ, были сведены Кальвиномъ лишь къ двумъ—крещенію и причащенію. Кромѣ того, эти таинства утратили у него свое первоначальное значеніе и свое таинственное величіе. По воззрѣнію Кальвина, совпадавшему со взглядомъ анабаптистовъ, дѣти избранныхъ не имѣли необходимости въ крещеніи, чтобы вступить въ общество людей уже искупленныхъ; они входили въ него въ силу своего происхожденія, подобно тому, какъ, до пришествія Христа, человѣкъ, лишь вслѣдствіе своего происхожденія, былъ пораженъ отверженіемъ и смертью. Что касается причащенія, Кальвинъ, сходясь въ этомъ случаѣ съ Цвингли, требовалъ лишь мысленнаго общенія съ Богомъ, подобнаго общенію, какое давали евангельская проповѣдь и крещеніе. Кальвинъ не допускалъ покаянія: по его ученію, истинный избранникъ не могъ пасть и не долженъ былъ подниматься послѣ своего паденія.

„Онъ отвергалъ епископство, подобно тому, какъ Лютеръ отвергалъ папство, и предоставилъ выборъ священнослужителей не гражданской власти, а религіозной общинѣ. Онъ установилъ равенство на разва-

линахъ церковной іерархіи. Онъ ввелъ мірянъ, подъ именемъ старшинъ, въ собраніе консисторіи, которая охраняла неприкосновенность ученія и произносила сужденіе надъ нравственными поступками. Ученіе Кальвина было чисто духовнымъ: онъ устранилъ обряды, какъ безполезные, тогда какъ Лютеръ сохранилъ ихъ, какъ безразличные. Мораль Кальвина была тѣмъ строже, что, по его мнѣнію, человѣкъ, воспринявшій благодать Божію, долженъ былъ оказаться достойнымъ ея нравственной чистотою и добродѣтельной жизнью. Избранный Богомъ, онъ долженъ былъ слѣдовать Ему, и тѣмъ болѣе избѣгать грѣха, что для него уже не было возможности отпущенія. Такъ, доводя до послѣднихъ крайностей начала ученія Лютера, Кальвинъ, впадая въ преувеличенія, создалъ чисто логическое ученіе съ обрядами и моралью, вполнѣ пуританскими“ [1]).

Упростивъ еще болѣе догматы и богослуженіе, отвергнувъ таинства, оставленныя Лютеромъ, отрицая истинное присутствіе Іисуса Христа въ Евхаристіи, Кальвинъ свелъ христіанское богослуженіе къ благочестивымъ собраніямъ подъ предсѣдательствомъ *пастора*, несомнѣнно почитаемаго, но не получающаго никакого особаго посвященія.

Религія Кальвина, вполнѣ внутренняя, вполнѣ духовная, была послѣднимъ словомъ противодѣйствія стремленію средневѣковаго католичества, которое матеріализировало вѣру и впало въ заблужденія, нѣкогда ставившіяся въ упрекъ язычеству. Простота организованной имъ церкви казалась также противовѣсомъ общественной іерархіи, установившейся въ Европѣ. Его уравнивающее ученіе нравилось свободному населенію Швейцаріи, торговымъ и буржуазнымъ городамъ Голландіи, нѣкоторой части французскаго дворянства и буржуазіи, утомленнымъ игомъ феодализма, наконецъ, кланамъ патріархальной Шотландіи, и послужило первымъ шагомъ къ возстановленію общественнаго равенства, которому позднѣе должны были подчиниться и страны католическія. Ученіе Кальвина было проникнуто духомъ равенства и свободы. Свободное изслѣдованіе, примѣненное къ религіознымъ догматамъ, не могло впослѣдствіи остаться безъ примѣненія къ теоріямъ политическимъ, до того времени абсолютнымъ, какъ догматы. Кальвинизмъ былъ предшественникомъ философскаго духа XVIII в., воодушевлявшаго вождей французской революціи.

Не смотря на то, что Кальвинъ старался поддержать строгое единство своего ученія, онъ не могъ воспрепятствовать ему безконечно раздробляться на отдѣльныя секты. Эти секты размножились, и ни одна

---

[1]) Mignet, *Memoires historiques. Etablisscment de la Réforme à Genève.*

изъ церквей не разбилась на такое множество разнообразныхъ отдѣловъ, смотря по характеру народовъ и личностей. Кальвинъ никакъ не могъ предположить, что начало, которымъ онъ хотѣлъ укрѣпить вѣру, наоборотъ, должно было подорвать ее. Прямымъ послѣдствіемъ свободнаго изслѣдованія оказались скептицизмъ, раціонализмъ и даже атеизмъ; такой результатъ, безъ сомнѣнія, глубоко опечалилъ бы суроваго и искренно вѣровавшаго человѣка, сдѣлавшаго изъ Женевы нѣчто въ родѣ монастыря, если бы онъ могъ предвидѣть въ будущемъ успѣхъ матеріалистическихъ ученій, столь же враждебныхъ протестантизму, какъ и католицизму.

Побѣжденный католицизмъ сначала нѣсколько отступилъ назадъ, но вскорѣ съ новой силой утвердилъ свои догматы на Тридентскомъ соборѣ (1545—1563), признавъ необходимымъ укрѣпиться, придать себѣ силу съ помощью умственной работы и строгаго образа жизни и сплотиться вокругъ своего главы, власть котораго съ тѣхъ поръ стала неоспоримой.

Въ то же время, для борьбы съ протестантскими ученіями, создался новый духовный орденъ, который, постоянно вмѣшиваясь въ свѣтскую жизнь, стремился воспитывать дѣтей, а позднѣе—руководить государями, безусловно подчиненный волѣ папы и противопоставлявшій стремленіямъ къ свободѣ въ Европѣ примѣръ самаго полнаго послушанія. Это былъ *орденъ іезуитовъ*, который, оказавъ усердіемъ своихъ миссіонеровъ и знаніями своихъ учителей огромныя услуги религіи, имѣлъ притязаніе завладѣть управленіемъ міра.

Такимъ образомъ, католицизмъ поднялся снова. Къ несчастью, онъ не удовольствовался духовнымъ оружіемъ и преслѣдовалъ ереси оружіемъ матеріальнымъ. Тогда началась великая драма *религіозныхъ войнъ*, весьма печальная для человѣчества.

Пламя вспыхнуло (1565) въ испанскихъ провинціяхъ Нидерландовъ, гдѣ король *Филиппъ II* строгими мѣрами пытался остановить распространеніе протестантскихъ идей. Филиппъ II сдѣлался защитникомъ католицизма. Онъ боролся съ реформаціей въ Англіи при помощи заговоровъ, во Франціи—оружіемъ *Гизовъ*, въ Нидерландахъ—мечомъ герцога *Альбы* и топоромъ палачей. Около 1572 г. католицизмъ, повидимому, сталъ одерживать верхъ. Марія Стюартъ, хотя и плѣнница, заставила трепетать *Елизавету*. Герцогъ Альба повергъ устрашенныхъ фламандцевъ къ подножію своей горделивой статуи въ Антверпенѣ. Страшная рѣзня въ ночь на *св. Варѳоломея*, повидимому, уничтожила протестантизмъ во Франціи.

Затѣмъ зрѣлище внезапно мѣняется. Юная, бѣдная, но несокру-

шимая республика внезапно возстаетъ изъ затопленныхъ земель Голландіи и развертываетъ въ Бріелѣ (1572) знамя протестантизма. Англія, умиротворенная казнью несчастной Маріи Стюартъ (1587), спасается отъ испанскаго вторженія разсѣяніемъ *Армады* (1588) и дѣлается достояніемъ реформаціи. Во Франціи, побѣжденная *Лига* (1576—1598) падаетъ къ ногамъ Генриха IV, побѣда котораго обезпечиваетъ, хотя, къ несчастью, на слишкомъ короткое время, торжество вѣротерпимости.

Религіозное единство нарушено окончательно, и Европа оказывается вполнѣ раздѣленною между двумя христіанскими вѣроисповѣданіями.

Католицизмъ сохранилъ за собою южныя страны, *Испанію* и *Италію*, и центральныя страны, *Австрію* и *Францію*, гдѣ глубоко укоренившаяся вѣра устояла противъ всѣхъ нападеній; протестантизмъ утвердился въ *Англіи*, *Голландіи*, *Даніи*, *Швеціи* и *Сѣверной Германіи*. Строгая религія, говорящая болѣе уму, чѣмъ воображенію, безъ торжественнаго богослуженія, безъ обрядовъ, картинъ и образовъ, несомнѣнно болѣе гармонировала съ населеніемъ, живущимъ, преимущественно, на холодныхъ и пустынныхъ равнинахъ. Ему чужда была всякая восторженность; оно привыкло болѣе разсчитывать и размышлять, чѣмъ чувствовать и восхищаться; дѣятельное и неутомимое, оно не любило тратить времени для праздниковъ и находило по вечерамъ въ чтеніи Библіи особый интересъ и удовлетвореніе въ семейной жизни, столь дорогой для него.

Лютеранская реформація значительно измѣнила политику и условія союзовъ. Въ Нидерландахъ она воскресила національный духъ и присоединила къ списку государствъ республику *Семи Соединенныхъ Провинцій*, которая должна была играть значительную роль своимъ морскимъ могуществомъ. Религіозная вражда придала болѣе ежесточенности политическому соперничеству и вызвала еще большія смуты въ XVII в. Протестантскія державы соединяются для поддержанія равновѣсія съ державами католическими, и съ тѣхъ поръ Европа уже не представляетъ политическаго единства, сдѣлавшагося невозможнымъ, такъ какъ религіозное единство было разрушено.

Протестантизмъ далъ новый толчокъ экономическому перевороту. Увеличеніе числа рабочихъ дней, необходимость для протестантовъ, устраненныхъ отъ всѣхъ должностей и свободнымъ профессій, отдаться промышленности и торговлѣ, увеличили въ католическихъ странахъ число рабочихъ рукъ. Духъ равенства кальвинистскихъ странъ особенно способствовалъ ослабленію дворянства и поднятію промышленнаго и торговаго класса, достигшаго богатства, благодаря труду.

Протестантизмъ оживилъ также умственную производительность и

научныя изслѣдованія, освободивъ ихъ отъ всѣхъ преградъ. Голландія и Швейцарія сдѣлались странами, куда укрывались гонимые писатели. Амстердамъ и Женева печатали запрещенныя книги. Философскій духъ развивался со смѣлостью, до тѣхъ поръ неизвѣстной. Но искусствамъ реформація не благопріятствовала, такъ какъ она запрещала картины религіознаго содержанія. Нѣмецкое искусство, едва только зарождавшееся, быстро остановилось; англійское искусство могло возникнуть лишь черезъ два вѣка позднѣе, и господство осталось за искусствомъ итальянскимъ и бельгійскимъ. Прибавимъ, впрочемъ, что голландское искусство соперничало съ искусствомъ католическихъ бельгійскихъ провинцій, какъ мы это увидимъ далѣе; но это происходитъ отъ болѣе реалистическаго, чѣмъ идеалистическаго характера живописцевъ Сѣвера.

Если искать истиннаго вліянія протестантизма, то его можно найти въ болѣе практическомъ умѣ и большей положительности этой особой формы христіанской религіи. Она менѣе возбуждала воображеніе и чувство. Она была холодной и простой, и не безъ примѣси аскетизма, доказательствомъ чего можетъ служить пуританство, но она была враждебна духовнымъ орденамъ, отрѣшеннымъ отъ міра. Она почти не нарушала обычныхъ условій городской жизни, предписывая весьма мало религіозныхъ обрядовъ и строгостей, за исключеніемъ безусловнаго соблюденія воскреснаго дня, не нарушала ни одного изъ рабочихъ дней и соотвѣтствовала трудолюбію, все болѣе и болѣе развивавшемуся, въ иду возраставшаго стремленія народовъ къ удобствамъ жизни. Протестантскія страны опережаютъ остальныя въ исканіи этихъ удобствъ, соединяя ихъ съ простотою богослуженія, которая вела къ уменьшенію различій между одеждою различныхъ классовъ. Эти страны способствовали, въ особенности, складу современнаго ума, направленнаго къ улучшенію земной жизни даже въ странахъ католическихъ, сдѣлавшихся менѣе равнодушными къ матеріальнымъ благамъ. Отмѣняя религіозныя корпораціи и духовенство, первыя должны были развить *духъ гражданственности*, который получилъ преобладаніе даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ духовенство сохранило свое вліяніе.

Но XVI вѣкъ—лишь исходная точка, и намъ придется прослѣдить въ послѣдующихъ столѣтіяхъ значительно усилившійся процессъ развитія, который привелъ общество къ современной намъ цивилизаціи.

ГЛАВА IX.

Семнадцатый вѣкъ. — Религія, политика, общественные интересы.

Протестантизмъ и католицизмъ въ XVI в. — Тридцатилѣтняя война въ Германіи. — Пресвитеріане и пуритане въ Англіи; революціи 1640 и 1688 гг.—Религіозная война во Франціи при Людовикѣ XIII и отмѣна Нантскаго эдикта при Людовикѣ XIV.—Вліяніе религіознаго переворота на общество; характеръ христіанства въ XVII в.—Женскіе духовные ордена; сестры милосердія; св. Винцентъ де-Поль. — Политическое положеніе Европы въ XVII в.; великія войны: успѣхи военнаго искусства.—Европейское равновѣсіе; Вестфальскіе трактаты (1648); дипломатія.—Преобладающее значеніе Франціи; войны Людовика XIV. — Внутренняя политика государствъ; торжество абсолютной монархіи во Франціи.—Монархія Людовика XIV.—Центральная власть; провинціальная администрація.—Полиція; армія; юстиція; финансы. — Церковь.—Королевская власть и экономическіе интересы.—Результаты и недостатки абсолютной монархіи въ Западной Европѣ.—Абсолютная монархія въ Испаніи.—Монархіи въ различныхъ европейскихъ государствахъ.—Стюарты въ Англіи; революція 1640 и 1688 гг.—Декларація правъ; конституціонная монархія.—Экономическое движеніе; морское и колоніальное могущество Голландіи.—Англія; ея первыя колоніи; навигаціонный актъ. — Экономическіе успѣхи Франціи; Сюлли; Ришелье.—Заслуги Кольбера; развитіе французской промышленности.—Теоріи Кольбера; покровительственная система; система равновѣсія. — Внутренняя торговля.—Военное и торговое мореходство; торговыя общества колоніи.

Борьба между католицизмомъ и лютеранствомъ наполнила собою почти весь XVI вѣкъ и продолжалась еще въ XVII в. Германія въ теченіе тридцати лѣтъ, волновалась ожесточенной войной между протестантскими государствами сѣвера и католическими странами юга, сплотившимися около могущественнаго австрійскаго дома. Этотъ послѣдній, желая осуществить разомъ религіозное и политическое единство, наносилъ одно пораженіе за другимъ курфюрсту Пфальцскому (1618—1625) и королю датскому (1625—1629), покровителямъ протестантовъ. Одно время счастье его должно было склониться передъ королемъ шведскимъ, *Густавомъ-Адольфомъ*, который, въ 1630 г., блестящимъ образомъ поддержалъ дѣло протестантовъ, но умеръ черезъ два года послѣ того, во время своей побѣды при Люценѣ (1632), и оставилъ сѣверныхъ германцевъ и шведовъ на волю императора Фердинанда II, побѣдителя при *Нордлингенѣ* (1634). Французскій кардиналъ, сановникъ церкви, *Ришелье*, взялъ тогда на себя (признакъ времени и новаго духа) защиту нѣмецкихъ протестантовъ. Отдѣливъ, съ проницательностью, необычайною для того времени, религію отъ политики, онъ не побоялся поднять мечъ, выпавшій изъ рукъ Густава-Адольфа, и обезпечить, вмѣшательствомъ католическихъ войскъ, свободу проте-

стантовъ въ Германіи, которую онъ считалъ выгодною для интересовъ Франціи. Другой кардиналъ, *Мазарини*, продолжалъ эту искусную и дальновидную политику и руководилъ переговорами о Вестфальскомъ мирѣ (1648), обезпечивавшемъ протестантскимъ князьямъ политическую и религіозную независимость. Германія могла наслаждаться вѣротерпимостью, хотя и не полною, такъ какъ *въ каждомъ государствѣ была допущена лишь одна религія*, но это составляло уже большой шагъ къ умиротворенію умовъ путемъ свободы.

Это умиротвореніе стоило почти пятидесятилѣтнихъ смутъ въ Англіи. Сперва соединенные противъ католиковъ, изгнанныхъ послѣ, такъ называемаго, *Порохового заговора* въ 1605 г. съ неумолимой и настойчивой строгостью, англійскіе лютеране раздѣлились. *Пресвитеріане*, послѣдователи Кальвина, и *пуритане*, ихъ преувеличенные подражатели, возмутились противъ англиканскаго и королевскаго ига.

Неумѣлые деспоты, Стюарты, вызвали междоусобную войну (1640), которая повела къ большому замѣшательству для нихъ и закончилась казнью Карла I (1649) и диктатурой пуританина *Оливера Кромвеля*. Возстановивъ свою власть, Стюарты не воспользовались этимъ страшнымъ урокомъ. Карлъ II и Іаковъ II [1]) возобновили преслѣдованія, а послѣдній хотѣлъ возстановить католицизмъ въ странѣ, гдѣ его не существовало уже болѣе ста лѣтъ. Онъ палъ въ 1688 г., и Англія, со своимъ новымъ королемъ *Вильгельмомъ Голландскимъ*, удержала протестантскія традиціи, обезпечивъ разнообразнымъ сектамъ вѣротерпимость и свободу вѣроисповѣданій.

Во Франціи Генриху IV принадлежитъ слава такого умиротворенія, благодаря его достопамятному *Нантскому эдикту* (1598). Но направленіе его политики, столь же мудрой, какъ и великодушной, было измѣнено вдовой его, *Маріей Медичи*, вызвавшей новыя междоусобныя войны. Протестанты задумали тогда планъ устройства, такъ сказать, кальвинистской Франціи въ нѣдрахъ Франціи католической. Ришельё уничтожилъ этотъ планъ въ самомъ началѣ, съ тою проницательностью, какую онъ обнаружилъ въ веденіи внѣшнихъ дѣлъ, укрѣпивъ Алэскимъ миромъ (1629) внутренній миръ, не касаясь постановленій Нантскаго эдикта, относившихся къ протестантскому богослуженію; онъ возстановилъ политическое единство, не стѣсняя религіозной свободы, и успокоилъ сердца, не оскорбляя свободы совѣсти.

Къ несчастью, Людовикъ XIV, во второй половинѣ XVII в., увле-

---

[1]) Стюарты: Іаковъ I (1603—1624), Карлъ I (1624—1649), Карлъ II (1660—1685), Іаковъ II (1685—1688).

ченный страстью объединенія и абсолютизма, нанесъ это оскорбленіе отмѣною Нантскаго эдикта (1685). Это гоненіе, одобрявшееся, впрочемъ, обществомъ того времени, обезлюдило четвертую часть государства, остановило успѣхи французской промышленности, находившейся почти цѣликомъ въ рукахъ протестантовъ, передало французскія фабрики въ руки иностранцевъ, дало возможность процвѣтать ихъ странамъ въ ущербъ Франціи и, по энергичному выраженію Сенъ-Симона, „доставило имъ зрѣлище изгнаннаго народа, обнаженнаго, спасающагося бѣгствомъ, безвинно блуждающаго, ищущаго убѣжища вдали отъ своей родины".

Насилія XVI и XVII вв. вызвали, какъ среди протестантовъ, такъ и среди католиковъ, реакцію, стремившуюся къ очищенію христіанства. Протестанты, несмотря на свою разрозненность, были согласны между собою относительно необходимости внутренней, искренней вѣры и подчиненія правиламъ Библіи и Евангелія. Религіозное чувство, хотя оно и менѣе подкрѣплялось внѣшними выраженіями, было одинаково глубоко у пуританъ и у англиканцевъ, у кальвинистовъ и у лютеранъ. Въ Англіи, Германіи, Голландіи и Швейцаріи общество пріобрѣтало религіозный складъ и характеръ нѣкоторой суровости, которая смягчилась, но не исчезла вовсе и въ настоящее время. Усердное посѣщеніе храма, любовь къ чтенію Библіи, страсть къ спорамъ на теологическія и нравственныя темы, строгость, по крайней мѣрѣ, внѣшняя, нравовъ, неуклонное соблюденіе воскреснаго отдыха, поддерживаемое общественнымъ мнѣніемъ столько же, какъ и гражданской властью, отличаютъ протестантскія страны, гдѣ религія, сосредоточенная въ глубинѣ души, получила грустный оттѣнокъ, подходящій къ сдержанности народовъ Сѣвера и туманности ихъ странъ. Протестантизмъ наложилъ свой отпечатокъ на англичанъ и голландцевъ, на швейцарцевъ и нѣмцевъ. Онъ явился одной изъ характерныхъ чертъ національности, составляя собою часть патріотизма и преобладая въ обществѣ, которое нигдѣ такъ не гордится своимъ христіанствомъ.

Католицизмъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ сохранилъ господство, не отказываясь отъ внѣшней торжественности, стремился вернуться къ болѣе серьезному исполненію христіанскихъ обязанностей. Новые духовные ордена, основанные въ XVI и XVII вв., старались, какъ, напр., *Капуцины* и *Фелльянты* [1]), возстановить строгость старинныхъ нищен-

---

[1]) Орденъ капуциновъ былъ основанъ въ 1525 г., при папѣ Климентѣ VII, итальянцемъ Маттео Баски. Монахи этого ордена получили свое названіе отъ *капюшоновъ*, которые они носили на головѣ.—Фелльянты были учреждены въ 1577 г. Жаномъ ла-Барръеръ, фелльянтскимъ аббатомъ, близъ Тулузы.

ствующихъ орденовъ; другіе, какъ *конгрегація проповѣдниковъ* [1]) *и преобразованные бенедиктинцы Сенъ-Мора* [2]), оживляли въ средѣ духовенства знанія и благочестіе. Св. Винцентъ де-Поль основалъ (1632) общину *Лазаристовъ*, предназначенную для подготовленія миссіонеровъ; община *Сенъ-Сюльписъ* [3]) имѣла цѣлью спеціальную подготовку клириковъ и создала соминаріи. *Трапписты*, подъ руководствомъ *Рансе*, посвящали себя земледѣльческому труду и принимали обѣтъ полнаго молчанія [4]).

Знаменитое аббатство *Поръ Роялъ*, около Парижа, сдѣлалось блестящимъ очагомъ учености; оно доводило свою строгость до того, что ученіями, заимствованными у Янсенія, приближалось къ суровости кальвинистовъ: это вызвало непріязнь іезуитскаго ордена, болѣе свѣтскаго и столь склоннаго смягчать христіанскія правила, что противъ него возсталъ съ ѣдкимъ краснорѣчіемъ Паскаль въ своихъ *Провинціальныхъ письмахъ*.

Женщины также вступали въ новые духовные ордена, основанные для нихъ, какъ, напр., орденъ *Визитокъ*, созданный св. Франциском де Саль [5]) и г-жею Шанталь; орденъ *Урсулинокъ* [6]), слѣдовавшихъ уставу св. Августина, *Кармелитокъ* [7]), принявшихъ реформу, произведенную св. Терезою въ Испаніи въ XVI в., и предавшихся, по истинѣ, необычайно строгому для своего пола, затворничеству и аскетизму.

Чувствительное сердце женщинъ особенно прониклось ученіями св. Винцента де-Поля, проповѣдника милосердія [8]). Со скромными средствами, но съ безграничнымъ усердіемъ, Винцентъ де-Поль основалъ, въ 1617 г., въ Шатильонѣ ле-Домбъ (деп. Энъ) первое братство *служительницъ и сидѣлокъ для бѣдныхъ*, затѣмъ, въ 1634 г.,—общину *дочерей* или *сестеръ милосердія* и, наконецъ, въ 1638 г., превосходное учрежденіе для *покинутыхъ дѣтей*, благодаря которому онъ избавилъ отъ смерти или отъ преступленія множество дѣтей. Проповѣдуя примѣромъ и самоот-

---

[1]) Кардиналъ Берюль основалъ въ 1611 г. конгрегацію проповѣдниковъ, свободное собраніе священниковъ, посвящавшихъ себя преподаванію и проповѣди.

[2]) Бенедиктинцы Сенъ-Мора преобразовались въ 1613 и 1621 гг. Они прославились трудами Мабильона, Монфокона, д'Ашери, Букэ и др.

[3]) Сенъ-Сюльписъ основанъ въ 1641 г. Жанъ-Жакомъ Олье.

[4]) Арманъ Лебутилье де-Рансе въ 1626 г. преобразовалъ монастырь въ Траппѣ, близъ Мортаньи (деп. Орны), восходившій къ XII в. и принадлежавшій ордену Сито.

[5]) Св. Францискъ де Саль, епископъ женевскій (1567 — 1622), авторъ многочисленныхъ трудовъ, написанныхъ изящнымъ стилемъ, съ трогательнымъ благочестіемъ.

[6]) Урсулинки утвердились въ Парижѣ въ предмѣстьи С. Жакъ.

[7]) Св. Тереза преобразовала кармелитокъ, въ Авилѣ, въ 1568 г.

[8]) Св. Винцентъ де-Поль род. близъ Дакса (1576—1660).

реченіемъ, этотъ скромный крестьянинъ изъ Ландовъ, покровительствуемый самыми знатными фамиліями, отказался отъ всякихъ почестей, внушилъ свою самоотверженность сестрамъ, посвятившимъ себя заботамъ о дѣтяхъ и больныхъ, и за свой героизмъ во время бѣдствій Франціи вполнѣ заслужилъ прозваніе Великаго раздавателя милостыни. Сестры милосердія не переставали слѣдовать его правиламъ и исполнять свои обязанности, высоко поднявъ, благодаря своему терпѣнію и кротости, современное имъ общество, которое, благодаря тому, несмотря на всѣ недостатки, стало гораздо выше древняго общества. Ни греческому, ни римскому міру не были извѣстны кроткія фигуры сестеръ милосердія, посвящающихъ свою жизнь облегченію человѣческихъ страданій, не отступающихъ передъ смертью, а, напротивъ, заставляющихъ ее отступать передъ ихъ удивительной и кроткой неустрашимостью.

XVII вѣкъ, замѣчательный проявленіемъ духа милосердія, вполнѣ противоположнаго общей нетерпимости, долженъ былъ улучшить отношенія народовъ между собою. Генрихъ IV, излѣчивъ раны, причиненныя междоусобными войнами во Франціи, задумалъ сдѣлать изъ Европы союзъ, основанный на уваженіи къ національностямъ. Онъ погибъ въ 1610 г., въ моментъ, когда хотѣлъ начать выполненіе этого плана, слишкомъ разумнаго и благороднаго для того, чтобы онъ могъ тогда осуществиться. Едва только этотъ король-патріотъ и гуманистъ успѣлъ сойти въ могилу, какъ разгорѣлась *Тридцатилѣтняя война* — слѣдствіе религіозныхъ распрей XVI в. и борьбы Германіи съ Австріей. Это была вполнѣ европейская война, такъ какъ она обагрила кровью всю Европу, отъ Венгріи до Балтійскаго моря, и отъ Нѣмецкаго моря до Дуная, отъ Рейна до Альпъ и до Пиренеевъ. Она организовала огромныя арміи и прославила множество полководцевъ, соперничавшихъ между собою въ искусствѣ и храбрости, каковы были король *Густавъ-Адольфъ* и его сподвижники *Бернардъ Веймарскій*, *Баннеръ*, *Торстенсонъ*, *Врангель*, и ихъ противники *Тилли*, *Валленштейнъ*, *Галласъ*, *Пиколломини*, *Іоаннъ Вертъ*, *Мерси*; затѣмъ французскіе полководцы *Тюренъ*, *Конде*, *Фаберъ*, *Гебріанъ*, *Ранцау* и т. д.

Густавъ-Адольфъ возродилъ *стратегію* и *тактику*. Его быстрые и неожиданные переходы, способъ, какимъ онъ размѣщалъ свои войска, лучше раздѣленныя, чѣмъ прежде, и которыя онъ растягивалъ въ болѣе длинную линію, примѣненіе кавалеріи, составлявшей тогда бо́льшую часть арміи, знаніе топографіи, при помощи котораго онъ располагалъ свою артиллерію, положили начало *военному искусству*. Его преобразованія были приняты повсюду. Тяжелую жандармерію раздѣлили на части, отнявъ у нея пики; отъ нея отдѣлили также стрѣл-

ковъ, смѣшивавшихся съ нею, и сдѣлали изъ нихъ драгуновъ. Жандармовъ избавили почти отъ всѣхъ рыцарскихъ доспѣховъ и оставили имъ только кирасу и открытую каску: они образовали корпусъ кирасировъ. Кавалерія, отнесенная къ флангамъ, производила рекогносцировки; она была приведена къ своему настоящему назначенію. Старинные отряды пѣхоты были распредѣлены въ полки; пищаль замѣнена *мушкетомъ;* пѣхотинцы освободились отъ желѣзныхъ панцырей, затруднявшихъ движеніе. Неповоротливый боевой строй въ четыре шеренги еще сохранялся, но и это было уже большимъ прогрессомъ, въ сравненіи съ древними, мало подвижными отрядами.

Дисциплина установилась, и былъ введенъ мундиръ. *Лувуа,* военный государственный секретарь Людовика XIV, организуетъ французскую армію, уменьшаетъ число *копейщиковъ*, не уничтожая ихъ, образуетъ шеренги солдатъ, бросающихъ гранаты, *гренадеровъ*, замѣняетъ мушкетъ *ружьемъ*, которое, дополненное *штыкомъ*, становится страшнымъ оружіемъ новыхъ временъ. Онъ предписываетъ маршировку, заставляетъ офицеровъ благородныхъ фамилій служить прежде, чѣмъ командовать, и учиться прежде, чѣмъ распоряжаться. Онъ доставляетъ Людовику XIV превосходныя войска, числомъ до 400.000 человѣкъ, снабженныя провіантскими магазинами, одеждой и всѣми принадлежностями, необходимыми такимъ большимъ массамъ людей.

Въ то же время зарождается искусство осады. Фаберъ придумалъ *параллели* при осадѣ Стенея (1654), а Вобанъ и Когорнъ усовершенствовали искусство атаки и защиты укрѣпленныхъ мѣстъ. Старинныя римскія и феодальныя стѣны сдѣлались безполезными съ того времени, какъ ихъ пробивали ядрами, и бомбы попадали во внутрь городовъ. Вобанъ понизилъ укрѣпленія до уровня земли и устроилъ защиту ихъ изъ рва передъ простымъ земляннымъ валомъ, идущимъ подъ углами, зигзагами, такимъ образомъ, что къ нему нельзя подойти прямо; эта стѣна въ то же время прикрывала сильныя баттареи, далеко отбрасывавшія осаждающихъ: цитадели и крѣпости часто устраивались звѣздообразно и еще лучше защищали важные пункты. *Военно-инженерная* наука была создана.

Различныя европейскія государства, занятыя увеличеніемъ своихъ военныхъ силъ, старались поддержать равновѣсіе, чтобы ни одному не дать возможности преобладать надъ другими. Тридцатилѣтняя война привела къ Вестфальскому трактату (1648), установившему въ первый разъ нѣчто вродѣ равновѣсія между европейскими державами. Австрійскій домъ призналъ себя вынужденнымъ отказаться отъ притязаній на всемірную монархію: на сѣверѣ Германіи, Бранденбургъ и протестант-

скія государства представляли противовѣсъ Австріи. Протестантскія державы, Швеція, Данія, Голландія и Швейцарія, вошли въ составъ европейскаго союза.

Дипломатія, пытающаяся уменьшить или ограничить войны, видитъ увеличеніе своего вліянія, благодаря успѣхамъ военнаго искуства, такъ какъ, чѣмъ сильнѣе становятся средства разрушенія, а арміи ужаснѣе, тѣмъ менѣе рѣшаются пользоваться ими. *Мюнстерскій конгрессъ* въ Вестфаліи былъ первымъ изъ европейскихъ конгрессовъ, гдѣ представители державъ старались упорядочить отношенія между націями, примирить несогласія, скрѣпить союзы и установить *международное право*, которое, начиная съ этой эпохи, уменьшило ужасы войны. Конгрессы, мало-по-малу, вырабатываютъ кодексъ цивилизованныхъ націй.

Франція, такъ много содѣйствовавшая установленію европейскаго равновѣсія, вскорѣ нарушила его при Людовикѣ XIV. Если бы честолюбіе этого государя ограничивалось возвращеніемъ къ естественнымъ границамъ Галліи, быть можетъ, оно возбудило бы зависть, но не вызвало бы европейскихъ коалицій. Однако, вторженіе въ Голландію (1672), затѣмъ, въ 1688 г., горделивое притязаніе навязать Англіи правителя, котораго она только-что свергла, и стремленіе Людовика XIV взять на себя роль Филиппа II, наконецъ, въ 1701 году, его намѣреніе присоединить Испанію къ Франціи—раздражили Европу, возмутившуюся противъ столь открыто заявляемаго преобладанія. Оно утомило Францію своими коалиціями, постоянно разрушавшимися и снова возстанавливавшимися, каковы были: тройственный союзъ 1667 г., коалиція въ Гагѣ (1673), Аугсбургская лига (1686—1688) и великая коалиція въ Гагѣ (1701). Французское могущество, прежде столь грозное на сушѣ и на морѣ, рушилось. Людовикъ XIV, передъ смертью, могъ видѣть результаты Вестфальскаго конгресса уничтоженными Утрехтскимъ конгрессомъ 1713 г. и европейское равновѣсіе нарушеннымъ въ ущербъ Франціи.

Преобладаніемъ, хотя и нѣсколько поколебленнымъ въ теченіе XVII в., Франція была обязана своему прочному *единству*. Генрихъ IV укрѣпилъ *неограниченную власть*, придавъ ей привлекательный характеръ. Кардиналъ Ришельё сдѣлалъ эту власть грозной. Внушая страхъ дворянству, преклонявшемуся передъ его красной мантіей, онъ, посредствомъ учрежденія *интендантовъ* (1635), положилъ начало централизаціи. Эти старинные, но ранѣе не имѣвшіе значенія чиновники, получили страшную власть надъ губернаторами провинцій, вліяніе которыхъ они уменьшили или, скорѣе, уничтожили, сосредоточивъ, понемногу, въ своихъ рукахъ всю гражданскую власть. Правда, со

смертью Ришельё произошла внезапная перемѣна: интенданты исчезли Парламентъ и принцы соединились противъ Мазарини; но забавная борьба *Фронды*[1]) доказала безсиліе дворянства и чиновничества, склонившихся еще ниже подъ скипетромъ Людовика XIV.

Людовикъ XIV оживилъ древнія императорскія воззрѣнія. Онъ былъ самъ закономъ, олицетвореніемъ страны. „Государство, это — я", говорилъ онъ. Римское понятіе государственной власти, заключавшееся въ сосредоточеніи милліоновъ людей въ одномъ лицѣ, никогда не провозглашалось съ большей откровенностью и надменностью. Кромѣ того, Людовикъ XIV примѣнилъ къ королевской власти феодальный принципъ, объявивъ себя собственникомъ королевства. Будучи сюзереномъ всѣхъ своихъ сеньёровъ и подданныхъ этихъ сеньёровъ, онъ владѣлъ всею Франціей, такъ какъ королевскія владѣнія, мало-по-малу, распространились на всю Францію. Наконецъ, сверхъ всего, Людовикъ XIV осуществилъ собою типъ христіанской королевской власти. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на представителя Бога. Подобно Карлу Великому но съ болѣе утонченными обычаями и идеями, это былъ христіанскій король, римскій императоръ и германскій вождь.

Государство отождествлялось съ королемъ, и съ тѣхъ поръ говорилось только о послѣднемъ. Все дѣлалось для услуги королю: правосудіе принадлежало ему; судьи были его слугами; войска были королевской арміей; деньги — королевской монетой; тюрьма — королевской тюрьмой. Дворянство сражалось для славы короля; налоги, подавлявшіе народъ, шли на королевскія развлеченія и расточительность, хотя эта расточительность изливалась безъ разбора на лицъ недостойныхъ.

Людовикъ XIV не отдѣлялъ человѣка отъ короля, не понималъ, что́ называется частной жизнью, и не стѣснялся выставлять на показъ свои слабости и предосудительные поступки. Всегда играя свою роль

---

[1]) Именемъ Фронды назывались неудовольствія, выражавшіяся партіей меньшинства въ парламентѣ во время несовершеннолѣтія Людовика XIV. Эти неудовольствія происходили, главнымъ образомъ, вслѣдствіе финансоваго дефицита, сопротивленія парламента утверждать королевскіе эдикты и вражды противъ Мазарини. Интриги и соперничества всякаго рода, неспособность большинства правящихъ лицъ, прихотливая подвижность идей и событій создали для Фронды въ исторіи неблагопріятную и почти забавную репутацію. Названіе *фрондеровъ* было дано сторонникамъ парламента, противнымъ партіи Мазарини, вслѣдствіе случайной игры словъ одного юноши. Одинъ изъ президентовъ высказался, однажды, противъ своего сына, принадлежавшаго къ другой партіи, и тотъ воскликнулъ, что онъ готовъ „побить камнями мнѣнія своего отца". Этими словами онъ намекалъ на игру, весьма распространенную въ то время въ Парижѣ и состоявшую въ томъ, что молодые люди состязались ударами пращей (fronde) и камней. (*Прим. перев.*).

въ полной королевской обстановкѣ, онъ не считалъ возможнымъ уклоняться отъ общества своей придворной знати, единственнаго, какое онъ цѣнилъ, и назначать ему лишь извѣстные часы, когда оно могло его видѣть. Ему не приходило въ голову, такъ же, какъ и Сенъ-Симону, какъ ничтожна была эта услужливость, это усердіе, съ какимъ оно слѣдовало за нимъ повсюду, начиная съ его утренняго пробужденія до отхода ко сну. Надо прочитать въ запискахъ Сенъ-Симона церемоніалъ, „механизмъ“ дня Людовика XIV, и тогда станетъ ясно, что у него не было ни одного часа, когда онъ могъ бы позабыть, что онъ король. Безъ сомнѣнія, онъ находилъ весьма выгоднымъ, въ политическомъ смыслѣ, держать у себя подъ рукою, въ великолѣпныхъ версальскихъ залахъ, всѣхъ наиболѣе знатныхъ и титулованныхъ лицъ королевства. Но если онъ не могъ проснуться, одѣться, помолиться, отобѣдать, погулять, отужинать и даже лечь спать иначе, какъ подъ пламенными взглядами царедворцевъ, то это потому, что смотрѣлъ на это, какъ на необходимое условіе своего величія, одну изъ главныхъ своихъ обязанностей. Королевскую власть, такъ ревниво имъ оберегаемую, онъ хотѣлъ постоянно выказывать во всемъ блескѣ. Сенъ-Симонъ рисуетъ намъ вельможъ, безпокоившихся, если двери королевской спальни отпирались немного позднѣе обыкновеннаго. Казалось, наступало затменіе, и странѣ грозило несчастіе.

Снова можно было видѣть, какъ во времена Римской имперіи, организованную центральную власть. *Совѣты* (высшій совѣтъ, государственный или частный, совѣтъ дипломатическій, финансовый, торговый, военный и духовный) были призваны помогать государю, но не контролировать его: это были правительственные совѣты. *Государственные секретари* (иностранныхъ дѣлъ, военный, морской, королевскаго дворца) были до рабства послушными орудіями своего господина, который могъ обратить ихъ въ ничтожество, откуда онъ ихъ извлекъ. *Канцлеръ* руководилъ администраціей правосудія; эта должность считалась несмѣняемой, но онъ могъ быть изгнанъ и замѣненъ другимъ, хотя и безъ этого званія. *Главный контролеръ финансовъ*, считавшійся однимъ изъ первыхъ лицъ, не пользовался ни большей безопасностью, ни большей независимостью, чѣмъ государственные секретари. Званія коннетабля и адмирала были уничтожены Ришельё, какъ слишкомъ заслонявшія королевскую власть, и государь былъ прямымъ начальникомъ арміи и флота. Однимъ словомъ, необходимость слѣдить за обширнымъ королевствомъ, регулировать множество подробностей, о которыхъ желалъ знать государь, заставила королей Франціи возстановить, хотя и весьма своеобразно, со множествомъ непослѣдовательностей и остатковъ фео-

дальнаго духа, центральную администрацію, представлявшую слабое отраженіе императорской администраціи римлянъ и грубый обликъ администраціи новѣйшихъ государствъ.

Провинціальную администрацію Людовикъ XIV нашелъ уже установленной своими предшественниками: военныя *губерніи*, учрежденныя Франциском I, въ числѣ 12, и увеличившіяся до 32 (позднѣе до 38); *финансовые округи*, восходившіе къ Франциску I и Генриху II (впослѣдствіи ихъ было 35); *интендантства*, установленныя Ришельё и отождествлявшіяся въ территоріальномъ отношеніи съ *округами*, такъ что для одной и той же области употреблялось слово „округъ“ или „интендантство“; *муниципалитеты* городовъ, свобода которыхъ измѣнялась сообразно уступкамъ и привилегіямъ. Эта запутанная іерархія чиновниковъ была раздѣлена между различными государственными секретарями и еще на половину оставалась феодальной, по продажности должностей и неопредѣленности обязанностей; она была болѣе вредна, чѣмъ полезна странѣ избыткомъ своей власти, напоминала разумную римскую организацію лишь тяжестью, съ какою она давила на населеніе, и, позднѣе, потребовала многихъ измѣненій.

Тѣмъ не менѣе, понятіе о государствѣ, такъ долго бывшее затемненнымъ, восторжествовало надъ феодальнымъ строемъ. Государство за всѣмъ наблюдаетъ, все устанавливаетъ и надъ всѣмъ господствуетъ.

Всеобщая безопасность обезпечивается арміей и вполнѣ новымъ учрежденіемъ — *полиціей*. Людовикъ XIV учредилъ перваго главнаго начальника полиціи въ 1667 г. [1]).

Законодательные труды, начатые при династіи Валуа, во время полнаго разгара религіозной борьбы, продолжавшіеся при Ришельё, законченные и дополненные *гражданскимъ уставомъ* 1667 г. и *уголовнымъ уставомъ* 1670 г., оставались судебнымъ кодексомъ Франціи до самой революціи. Въ этихъ уставахъ, впрочемъ, несмотря на видимый прогрессъ, духъ формализма средневѣковыхъ законовѣдовъ, грубость нравовъ и жестокость древнихъ временъ оставили значительный отпечатокъ, являвшійся полуварварскимъ среди уже утонченнаго общества [2]).

Въ судебной администраціи еще болѣе сохранялось непослѣдова-

---

[1]) Кромѣ того, существовали особыя *чрезвычайныя судилища* (Les Grands jours) для преслѣдованія безчинствъ множества дворянъ, наводившихъ ужасъ на страну. Эти судилища въ Оверни, въ 1665 г., прославились, благодаря интересному описанію *Флешье*.

[2]) Къ этой же эпохѣ относятся: *законы о водахъ и лѣсахъ* (1669), *торговый эдиктъ* (1673), *постановленіе о мореходствѣ и колоніяхъ* создавшее *морское право* (1681); *черный уставъ*, смягчавшій строгости рабства.

тельности средневѣковой администраціи: *суды бальи* и *сенешалей* сплетались съ *дворянскими* и *духовными* судами; надъ апелляціонными судами для простолюдиновъ, служившими судомъ первой инстанціи для дворянъ, стали *провинціальные парламенты* и *парижскій парламентъ*, превосходившій всѣ остальные размѣрами своей компетенціи, властью своихъ чиновниковъ и своимъ верховнымъ значеніемъ. Помимо своихъ юридическихъ обязанностей, парламенты вмѣшивались въ административныя дѣла и увеличивали путаницу тѣмъ, что считали почти все подвѣдомственнымъ себѣ.

Не менѣе сложной была и финансовая администрація: *главные начальники финансовъ*, *интенданты*, *финансовыя палаты*, *выборныя палаты*, *палаты косвенныхъ налоговъ*, *соляные склады*, *счетныя камеры*, *главные откупщики*, бравшіе подряды на сборы *податей* (или косвенныхъ налоговъ) и управлявшіе цѣлой арміей помощниковъ, приказчиковъ и всевозможныхъ чиновниковъ.

Сообразно обычаю, постоянно изобрѣтались новые налоги безъ согласованія ихъ между собою; хотя естественное раздѣленіе налоговъ на *прямые* и *косвенные* образовалось силою вещей, тѣмъ не менѣе, оно было не регулировано. Оба рода налоговъ смѣшивались въ *подати*, уплачивавшейся за освобожденіе отъ военной службы и отъ военныхъ постоевъ, которая была одновременно личной и вещной, и взималась съ движимой и недвижимой собственности. Кромѣ этой подати, которой подлежали только простолюдины, на всѣхъ классахъ одинаково тяготѣла *подушная подать*; повидимому, она уравнивала всѣхъ, но исключенія и привилегіи дѣлали это равенство чисто призрачнымъ. Къ этимъ податямъ присоединялись еще *десятыя* и *двадцатыя* части, взимавшіяся съ доходовъ. Косвеннымъ налогомъ облагались предметы продовольствія, но и этотъ налогъ, одинаково распространявшійся на всѣхъ, искажался различными привилегіями, и часто несправедливое взиманіе придавало ему особенно тягостный характеръ. Надъ крестьянами тяготѣла *барщина;* соляная монополія являлась настоящей тираніей и порождала злоупотребленія, вслѣдствіе которыхъ ежегодно тысячи лицъ попадали въ тюрьму. Несмотря на всѣ эти источники дохода, увеличивавшіеся еще *продажей административныхъ* и *судебныхъ должностей*, *таможенными пошлинами*, *десятинами* и *добровольными дарами духовенства*, и выгодами отъ *лотерей* и *займовъ*, королевской власти не хватало денегъ на удовлетвореніе внутреннихъ расходовъ, потребностей внѣшнихъ войнъ и придворной роскоши. Финансовое управленіе было весьма несовершеннымъ, и увеличивавшійся дефицитъ послужилъ одною изъ главныхъ причинъ революціи.

Армія, съ внѣшней стороны, была совершенно обновлена, распредѣлена на полки и дисциплинирована, согласно требованіямъ успѣховъ военнаго искусства. Тѣмъ не менѣе, она оставалась феодальной, вслѣдствіе вербовки рекрутъ *за деньги, права собственности* полковыхъ командировъ на свои полки и капитановъ — на свои роты и *монополіи чиновъ*, предоставлявшейся дворянству, какъ военной кастѣ. Армія не была исключительно національной, такъ какъ въ составъ ея входили иноземные полки.

Людовикъ XIV, располагавшій могущественной арміей, значительными финансами, хотя и недостаточными для удовлетворенія его вкусовъ и честолюбія, преданными чиновниками и толпой исполнителей своихъ повелѣній всѣхъ степеней и родовъ, заставлялъ и церковь способствовать укрѣпленію своей власти. Не будучи главою религіи, подобно протестантскимъ государямъ Англіи и Швеціи, онъ, тѣмъ не менѣе, держалъ въ своихъ рукахъ духовенство правомъ назначенія епископовъ и раздачи духовныхъ бенефицій. Относясь ревниво даже къ власти папы, онъ учредилъ *галликанскую церковь* (собраніе духовенства и декларація 1682) и вынудилъ церковь заплатить за покровительство, какое онъ ей оказывалъ, полнымъ подчиненіемъ. Такимъ образомъ, неопредѣленность отношеній между гражданской и духовной властью существовала въ католицизмѣ, такъ же, какъ и въ протестантизмѣ. Государство поддерживало своими законами постановленія церкви, и Людовикъ XIV, возобновивъ религіозныя преслѣдованія, желалъ, чтобы во Франціи была одна вѣра, какъ и одинъ король.

Стремленіе все подчинять себѣ и надо всѣмъ господствовать объясняетъ вмѣшательство королевской власти въ промышленность и торговлю. Это вмѣшательство оказалось благотворнымъ, такъ какъ Людовикъ XIV нашелъ въ министрѣ *Кольберѣ* достойнаго преемника Сюлли, человѣка съ обширнымъ умомъ и пониманіемъ всѣхъ потребностей современнаго ему общества. Благодаря ему, королевская власть способствовала великому экономическому движенію, о которомъ мы будемъ говорить ниже и которое отразилось позднѣе и на политическихъ идеяхъ. Въ силу феодальныхъ началъ, королевская власть располагала трудомъ, какъ правомъ, которое она уступала за деньги; оттуда исходили поддержаніе старинныхъ *корпорацій* и множество новыхъ постановленій, которыми власть являлась посредницей между фабрикантомъ или купцомъ и покупателемъ, строго наказывая всякое нарушеніе предписаній, полезныхъ на первыхъ порахъ, а впослѣдствіи причинявшихъ вредъ своей неподвижностью. Всемогущество государства, содѣйствовавшее сперва возбужденію трудовой энергіи, съ теченіемъ времени должно было привести къ ея ослабленію.

Людовикъ XIV и его правительство, во многихъ отношеніяхъ, стояли впереди идей XVII вѣка. Ни одна страна не обладала столь свѣдущей *центральной* и *провинціальной администраціей*, несмотря на непослѣдовательность, какую мы можемъ въ нихъ найти. Ни одно королевство не имѣло такого сильнаго *политическаго* единства, и хотя слуги короля имѣли въ виду лишь поддержаніе его власти, они, тѣмъ не менѣе, трудились надъ разрушеніемъ преградъ, поставленныхъ вѣками между различными частями Франціи, созданными природою для полнаго объединенія. Королевская власть обезпечивала *спокойствіе* и *порядокъ*, неизвѣстные въ средніе вѣка и необходимые для развитія благосостоянія. Хотя она не могла осуществить *единства законодательства*, она его подготовляла. Она сдѣлала изъ Франціи великую военную, морскую, земледѣльческую, промышленную и торговую націю. Она открыла ей моря, Америку, Африку и Индію. Въ то же время великолѣпіе и изысканность двора Людовика XIV служили примѣромъ для всѣхъ прочихъ дворовъ, старавшихся ему подражать. Щедрость, съ какою король покровительствовалъ писателямъ, ученымъ, даже иностраннымъ, и художникамъ, способствовала ускоренію умственнаго прогресса. Царствованіе Людовика XIV было блестящей эпохой въ европейской исторіи, и хотя этотъ государь заслужилъ нѣкоторые упреки,—преимущества, пріобрѣтенныя страною и обществомъ, вполнѣ оправдывали названіе *великаго*, присужденное ему современниками и не оспаривавшееся его врагами.

Къ несчастію, Людовикъ XIV заходилъ слишкомъ далеко въ стремленіи все сводить къ своей личности. „Мнѣ кажется, что меня лишаютъ славы, — говорилъ онъ, — когда пріобрѣтаютъ ее помимо меня“. Онъ склонилъ подъ одинъ уровень всѣ головы: дворянство, духовенство и чиновничество. Онъ любилъ только единообразіе, какъ въ политикѣ, такъ и въ религіи, и даже въ литературѣ. Его идеаломъ была прямая линія, и, вслѣдствіе того, помимо своей воли, онъ такъ же усердно уничтожилъ старинное зданіе феодальнаго общества, столь неправильное, какъ разрушилъ старый Лувръ, чтобы замѣнить его прямолинейной колоннадой Перро. Все смягчить и все упорядочить, все смять и очистить,—вотъ что составляло его цѣль и удовольствіе. Ничто не должно было ему противиться, ни люди, ни вещи, ни душа, ни природа. Искусственное великолѣпіе Версаля служитъ выраженіемъ его характера и политики, памятникомъ и символомъ его власти. Онъ создалъ его на неблагопріятной почвѣ, далъ ему твердую основу и, съ помощью грандіозныхъ работъ, провелъ туда воду. Онъ построилъ тамъ дворецъ и окружилъ его цѣлымъ городомъ. И дворецъ, высту-

павшій въ центрѣ великолѣпно разбитыхъ садовъ, вмѣстѣ со своими внушительными флигелями, былъ воспроизведеніемъ правильности и величественности, восхищавшихъ государя. Громадныя аллеи, примыкавшія съ другой стороны къ мраморному дворцу и королевскимъ покоямъ, казались продолженіемъ и сіяніемъ взгляда повелителя, который хотѣлъ наблюдать за всѣмъ и за всѣми. Даже въ садахъ, направляя руку Ленотра, Людовикъ XIV придалъ тиссовымъ деревьямъ и букамъ видъ геометрическихъ фигуръ и далъ обратное теченіе ихъ сокамъ, обрѣзавъ вѣтви и предоставивъ повсюду преобладаніе симметріи и прямой линіи.

Такъ же онъ поступалъ и съ народомъ. Онъ унизилъ дворянство, чтобы лучше подчинить его себѣ; уничтожилъ силу парламентовъ, которые въ слѣдующемъ вѣкѣ влачатъ жалкое существованіе, утративъ свое значеніе; развратилъ духовенство, не имѣвшее болѣе энергіи бороться съ протестантствомъ иначе, какъ при помощи королевской арміи, и уронившее свое достоинство ничтожными распрями между молинизмомъ и янсенизмомъ. Онъ держалъ въ страхѣ низшіе классы, которые молча страдали: для удовлетворенія своего честолюбія и своихъ причудъ, онъ истощалъ богатства страны, которую оставилъ съ долгомъ болѣе, чѣмъ въ два милліарда франковъ. Однимъ словомъ, онъ порвалъ, натянувъ слишкомъ сильно, пружины монархіи, бывшей до того времени любимой народомъ. Онъ передалъ своимъ наслѣдникамъ систему, недостатки которой скрывались его славой, и тяжесть которой еще болѣе увеличилась деспотизмомъ Людовика XV. Людовикъ XIV доставилъ торжество абсолютной королевской власти и въ то же время подготовилъ ея паденіе. Толчкомъ, даннымъ имъ обществу, онъ поощрялъ развитіе буржуазіи и третьяго сословія, ненамѣренно увеличивая силу, которая позднѣе, воспротивившись королевской власти, должна была опрокинуть ее. Его называли великимъ королемъ; вѣрнѣе его было бы назвать послѣднимъ королемъ.

Между тѣмъ, уже Испанія въ теченіе XVII в. показала неудобства абсолютной власти, примѣняемой съ неразумной строгостью. Въ продолженіе одного вѣка, отъ 1598 до 1700 г., начиная отъ Филиппа III до Филиппа IV и Карла II, она, такъ сказать, спускалась по всѣмъ ступенямъ упадка. Она потеряла свое преобладаніе въ Европѣ, часть своихъ присоединенныхъ провинцій и своего населенія, ослабленнаго изгнаніемъ мавровъ и постоянной эмиграціей въ Америку. Земледѣліе въ Испаніи было до такой степени разстроено, что цѣлыя области были обращены въ пустыни; наконецъ, она утратила промышленность, торговлю, флотъ и армію. Политическій и религіозный деспотизмъ никогда

не приводилъ къ болѣе глубокому упадку и болѣе ужасной нищетѣ народъ, еще не утратившій гордости и обладавшій богатыми золотыми и серебряными рудниками. Упадокъ Испаніи, столь противуположный благосостоянію и величію Франціи, представляетъ одинъ изъ самыхъ печальныхъ и самыхъ поучительныхъ фактовъ исторіи XVII в. Франція не воспользовалась этимъ урокомъ и пыталась возстановить Испанію, снабдивъ ее новой династіей, вѣтвью своей собственной, и не менѣе склонной къ монархическому честолюбію.

Монархическая власть была такою же абсолютной и въ австрійскихъ государствахъ, гдѣ императоръ, которому все менѣе и менѣе повиновались въ Германіи, находилъ возможность проявлять свою власть безконтрольно. Между тѣмъ, Скандинавскія государства, несмотря на то, что королевская власть была тамъ усилена со временъ реформаціи религіозной властью, не отказались отъ древней традиціонной формы представительства желаній націи. Дворянство сдерживало королевскую власть, обязанную поддерживать торжественныя собранія Штатовъ, и, несмотря на свои упорныя попытки, несмотря на усилія сдѣлаться абсолютной, эта власть принуждена была уважать древнюю феодальную свободу.

Франція, увлеченная страстью къ объединенію и порядку, возвращалась къ римскому идеалу, облагороженному величіемъ Людовика XIV. Въ Англіи, менѣе проникнутой римскими идеями, болѣе германской по крови, темпераменту и понятіямъ, вновь пробудились феодальныя начала свободы, казавшіяся усыпленными при Тюдорахъ, и передъ глазами удивленной Европы засіялъ свѣтъ, послужившій впослѣдствіи путеводной звѣздой для другихъ народовъ.

Тюдоры стѣснили общественныя вольности, не уничтоживъ ихъ. Они произвели религіозную реформу при помощи предательской тираніи, ловко прикрываясь согласіемъ угнетеннаго парламента. Стюарты проводили и обнаруживали политическую и религіозную тиранію. Они преслѣдовали, во имя англиканства, пресвитеріанъ и пуританъ, высокомѣрно распуская парламенты, которые, взамѣнъ разрѣшаемыхъ суммъ, требовали удовлетворенія своихъ жалобъ. Іаковъ I и Карлъ I дразнили, утомляли, раздражали и, наконецъ, довели до возмущенія англичанъ, видѣвшихъ постоянную угрозу своей свободѣ совѣсти. *Долгій парламентъ* 1640 г. восторжествовалъ надъ королемъ. Нашелся человѣкъ, честолюбивый фанатикъ, *Кромвель*, который, будучи начальникомъ арміи, оказалъ насиліе надъ парламентомъ и добился осужденія короля коммиссіей, передъ которой Карлъ I тщетно взывалъ къ гарантіямъ свободы, въ какихъ нѣкогда самъ отказывалъ обвиняемымъ.

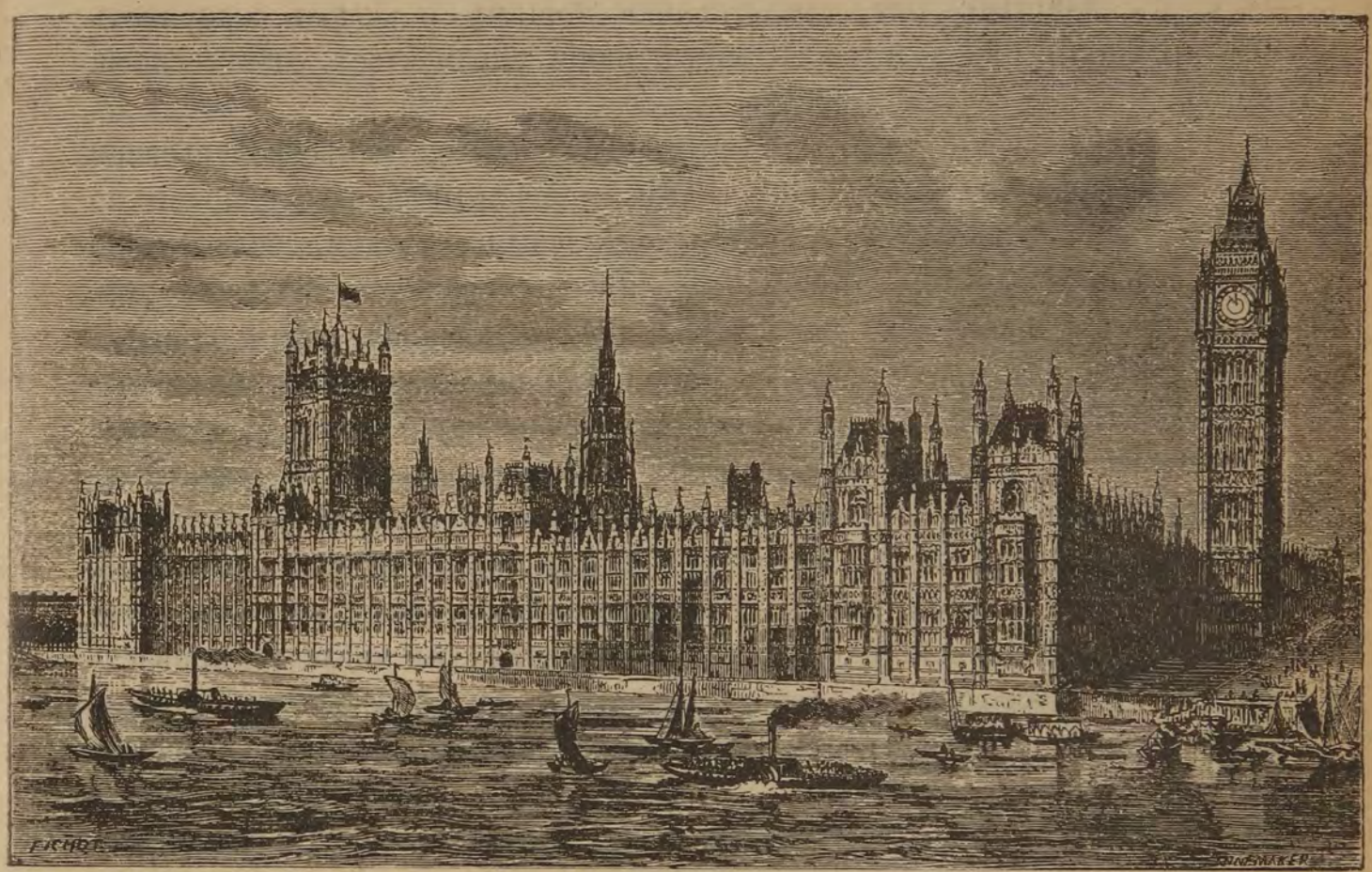
Казнь Карла I (9 февраля 1649 г.) вызвала въ монархической Европѣ глубокій ужасъ. Парижскій парламентъ, несмотря на различіе происхожденія и характера, хотѣлъ подражать англійскому и такъ же совершить переворотъ, но остановился и заключилъ договоръ съ регентшей Анной Австрійской (Рюэльскій миръ, въ мартѣ 1649 г.). Дѣйствія Фронды, если не закончились, то пріостановились, и, можно сказать, что смерть Карла I способствовала тому, что этотъ протестъ выродился въ чисто феодальную войну, тогда какъ начался вполнѣ народнымъ возстаніемъ.

Впрочемъ, Кромвель былъ слишкомъ республиканецъ для того, чтобы сдѣлаться родоначальникомъ династіи, и слишкомъ остороженъ, чтобы дать странѣ форму правленія, какую она не могла усвоить; онъ удовольствовался управленіемъ съ титуломъ *Протектора*, оставивъ, послѣ смерти, полную возможность возстановленія монархіи, которое и не заставило себя ждать (1649—1660).

Возстановленные Стюарты снова впали въ ошибки и несправедливости, бывшія, повидимому, традиціонными въ этой фамиліи, представляющей одинъ изъ самыхъ трагическихъ примѣровъ заслуженныхъ бѣдствій. Легкомысленный и ничтожный *Карлъ II*, получавшій пенсію отъ Людовика XIV и подражавшій ему, до такой степени потерялъ всякое достоинство, вслѣдствіе безнравственности своего двора, и въ такой мѣрѣ раздражилъ представителей народа, призвавшихъ его, что новая революція казалась неминуемой. Но Карлъ II уступилъ, и англичане въ 1679 г. одержали первое торжество биллемъ о *Неприкосновенности личности* (*Habeas corpus*), драгоцѣнной гарантіей личной независимости. Съ этого времени въ Англіи обозначаются двѣ большія партіи: *виговъ*—либераловъ, и *торіевъ*—консерваторовъ, которые съ тѣхъ поръ, постояннымъ преобладаніемъ то одной, то другой, обезпечивали равновѣсіе и устойчивость правительства. Карлу II удалось устрашить виговъ, но братъ его, Іаковъ II, въ нѣсколько лѣтъ вызвалъ всеобщее возмущеніе. Послѣ того, какъ Стюарты причинили уже столько волненій покровительствомъ англиканской церкви, бывшей, въ концѣ концовъ, разновидностью протестантизма, Іаковъ II хотѣлъ возвратить Англію къ католицизму. Отмѣна Нантскаго эдикта могла имѣть успѣхъ во Франціи, такъ какъ касалась меньшей части націи, но Іаковъ II не могъ надѣяться восторжествовать надъ большинствомъ. Онъ сдѣлалъ эту попытку и былъ свергнутъ. Англичане разомъ возвратили себѣ религіозную и политическую свободу.

На этотъ разъ они уже не выпускали ее изъ рукъ. Они поставили такія условія *Вильгельму Голландскому*, что объ этомъ государѣ, быв-

шемъ одновременно главою республики и королевства, могли говорить, что онъ былъ правителемъ (штатгальтеромъ) Англіи и королемъ Голландіи. *Декларація правъ*, вотированная въ концѣ 1688 г. и обнародованная въ 1689 г., подтверждала великую хартію, принципы которой она развивала. Король не имѣлъ права взимать налоги и содержать постоянную армію безъ согласія парламента, а депутаты въ такой мѣрѣ ограничивали королевскія полномочія, что дѣйствительная



Вестминстерскій дворецъ въ Лондонѣ.

власть перешла въ ихъ руки. *Habeas corpus* и *жюри* (судъ присяжныхъ) защищали гражданъ отъ всякаго произвола. За ними было признано право петицій, такъ же, какъ и религіозная свобода. Англиканская церковь сохраняла преимущества признанной Церкви, но всѣ протестантскія секты пользовались свободой, кромѣ католицизма.

Какъ бы ни было опредѣленно государственное устройство, оно имѣетъ значеніе лишь въ своемъ примѣненіи, и превосходно изложенныхъ теорій *Локка* въ его *Опытѣ о правительствѣ*, быть можетъ, было бы недостаточно для прочнаго установленія въ Англіи конститу-

ціоннаго правленія, если бы не духъ послѣдовательности, съ какимъ парламенты поддерживали свои права. Кромѣ того, Вильгельмъ III [1]), голландецъ по происхожденію, не могъ нарушить связывавшихъ его обязательствъ. Ему наслѣдовала женщина, добрая королева *Анна*; затѣмъ англичане призвали нѣмецкій домъ, Брауншвейгъ-Ганноверскій, такъ какъ онъ обѣщалъ имъ защиту протестантства. Эти государи, чужеземцы въ своемъ королевствѣ, въ концѣ концовъ, были весьма довольны, чувствуя себя свободными отъ всѣхъ затрудненій, связанныхъ съ властью; они представляли торіямъ и вигамъ оспаривать другъ у друга руководство дѣлами, и націи управляться собственными силами.

Послѣ революціи 1688 г., Англія сдѣлалась до извѣстной степени аристократической республикой. Раздѣленіе партій происходило не по классамъ; оно совершалось не горизонтальными слоями, если можно такъ выразиться, какъ это было позднѣе во Франціи, а шло въ вертикальномъ направленіи: каждая изъ двухъ большихъ партій одинаково состояла изъ представителей дворянства и буржуазіи. Аристократія, такъ же, какъ и народъ, раздѣлилась между вигами и торіями, и когда тѣ или другіе, случайностью выборовъ достигали преобладанія, у нихъ были свои государственные люди, а также и твердая почва въ народной средѣ. Этотъ механизмъ, столь мудрый и простой, осуществлялъ согласіе власти и свободы, и результаты его, столь плодотворные для величія и благосостоянія Англіи, не могли не привлечь вниманія философовъ и государственныхъ людей Европы. Въ отношеніи политической свободы, Англія была наставницей европейскихъ державъ.

Во всякомъ случаѣ, революція въ Англіи, народная и мѣстная, исключительно политическая и религіозная, ничего не измѣнила въ общественныхъ учрежденіяхъ. Благодаря благоразумно прогрессивному духу лордовъ, преданныхъ взглядамъ торіевъ, дворянство сохранило земельную силу, поддерживавшуюся неизмѣннымъ примѣненіемъ права старшинства.

Ни одна страна не относилась заботливѣе къ сохраненію наиболѣе уважаемыхъ традицій прошлаго. Англія вовсе не уничтожила стариннаго средневѣковаго общества, какъ не разрушила своихъ старыхъ замковъ и аббатствъ. Тѣмъ не менѣе, она не переставала приспособ-

---

[1]) Вильгельмъ III, первый конституціонный король (1688—1702); Анна Стюартъ (1702—1714); Брауншвейгъ-Ганноверскій домъ, Георгъ I (1714—1727); Георгъ II (1727—1760); Георгъ III (1760—1820) и т. д.

лять старинныя зданія къ требованіямъ новыхъ вкусовъ и удобствъ и постоянно стремилась примирить политическую свободу съ средневѣковыми формами жизни. Оставаясь феодальной по своимъ обычаямъ и іерархіи общественныхъ классовъ и новой—по принципамъ своего правленія, она воплощается въ матеріальномъ видѣ удивительнымъ памятникомъ, гдѣ засѣдаетъ ея парламентъ. Перестроенный въ 1835 г., этотъ дворецъ, примыкающій къ Вестминстерскому аббатству, былъ возобновленъ въ готическомъ и пламенѣющемъ стилѣ: онъ представляетъ настоящій пирамидальный лѣсъ изъ стѣнныхъ зубцовъ, безчисленныхъ башенокъ, постоянно напоминающихъ средніе вѣка собранію, пропитанному новыми началами, гдѣ раздаются наиболѣе смѣлыя рѣчи представителей свободнаго народа.

Въ XVII в. продолжалось и увеличивалось движеніе, увлекшее европейскіе народы къ мореплаванію, промышленности и торговлѣ. Но побуждающая сила этого движенія перемѣстилась. Присоединеніе Португаліи къ Испаніи въ 1580 г., связавъ колоніи первой съ монархіей, находившейся въ упадкѣ, повело ихъ къ гибели. Испанія, истощенная честолюбіемъ Филиппа II и неразумнымъ деспотизмомъ его преемниковъ, не могла воспользоваться своими обширными колоніальными владѣніями; они остались нетронутыми, благодаря своей обширности, но это не помѣшало дурно управляемой странѣ превратиться въ одно изъ самыхъ бѣдныхъ государствъ Европы.

Морскимъ могуществомъ испанцевъ и португальцевъ овладѣли голландцы. Война за освобожденіе возбудила ихъ энергію; узкая полоса ихъ страны и безплодность низкихъ, затопленныхъ земель понудили ихъ пуститься въ море за поисками болѣе плодородныхъ и богатыхъ мѣстностей. Не имѣя уже возможности ѣздить въ Лиссабонъ, чтобы покупать и затѣмъ перепродавать произведенія Индіи, они рѣшились отправиться въ самую Индію. Съ 1602 года основалась *Восточная Индійская Компанія*. Голландцы замѣнили португальцевъ въ конторахъ *Индостана*, утвердились на *Цейлонѣ*, завладѣли *Молуккскими* островами, затѣмъ—великолѣпными *Зондскими о-вами*, *Явой*, *Суматрой*, *Селебесомъ*, *Амбоиномъ* и *Тиморомъ*. Они основали на о. Явѣ (1619) городъ, которому съ гордостью дали свое древнее историческое имя, *Батавія*, городъ батавовъ. Съ 1609 г. они начали торговлю съ Японіей. Они не упускали случая, по дорогѣ, обезпечивать за собою мѣста остановокъ и учреждали торговыя конторы на берегахъ Африки, для пользованія которыми образовалась *Западно-Индійская Компанія* (1621). Эта компанія стремилась также къ торговлѣ съ Америкой. Она заняла нѣсколько пунктовъ на восточныхъ берегахъ Сѣверной Америки

и основала *Новый Амстердамъ* на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается Нью-Іоркъ.

Голландцы въ XVII вѣкѣ владѣли торговымъ флотомъ, превосходившимъ всѣ остальные флоты, взятые вмѣстѣ. *Амстердамъ* замѣнилъ Антверпенъ, который былъ недоступенъ, вслѣдствіе закрытія Шельды для иностранныхъ кораблей. Онъ сдѣлался сѣверной Венеціей. Голландцы одни привозили теперь въ Европу пряности, корицу, сандаловое дерево, индиго, китайскій чай, лаки, фарфоръ и японскія шелковыя ткани. Въ Балтійскомъ морѣ они задушили своей конкуренціей торговлю ганзейскихъ городовъ. Всѣ народы материка были ихъ данниками, и рыбаки Зеландіи, бывшіе такъ долго неизвѣстными и бѣдными, обмѣнивали на боченки съ золотомъ свои бочки съ сельдями.

Между тѣмъ, англичане, убѣдившись, что ихъ островная жизнь не можетъ получить широкаго развитія, отдались притягательной силѣ моря, къ которому до тѣхъ поръ оставались равнодушными [1]). Въ XVII в. основались англійскія колоніи, которыя, съ необыкновеннымъ напряженіемъ силъ, расчищали лѣса Аллеганскихъ горъ, воздѣлывали почву, разрабатывали рудники и на пустынныхъ мѣстахъ заводили превосходныя поля и промышленные города.

Несмотря на стремленіе подражать голландцамъ, англичане, тѣмъ не менѣе, не могли соперничать съ ними. Ихъ принудилъ къ тому Кромвель. *Навигаціоннымъ актомъ* (1651), дополненнымъ при Карлѣ II

---

[1]) Искусная политика королевы Елизаветы поощряла мореплавателей, и ко времени ея царствованія относятся смѣлыя изслѣдованія *Гаукинса* (1562—1564), *Фробишера* (1576—1578), *Фрэнсиса Дрэка* и *Томаса Кэвендиша*, совершившихъ кругосвѣтныя путешествія (1577—1580, 1586—1588), и *Джона Дэвиса*, открызшаго проливъ, который носитъ его имя. Сэръ Вальтеръ Ралэй сдѣлалъ попытку основать колонію на землѣ, которую онъ назвалъ, въ честь королевы, *Виргиніей*. Затѣмъ, нетерпимость Іакова I и Карла I привлекла на почти пустынные берега Сѣверной Америки пуританъ, явившихся туда искать безопасности имущества и вѣры, свободы мнѣній и молитвы. Къ югу отъ протестантскихъ колоній *Массачусеттса* (1618), *Ньюгэмпшэйра, Мэна, Конектикута, Родъ-Айленда*, утвердился ирландецъ-католикъ, лордъ Балтиморъ, основавшій, въ силу королевской хартіи, колонію *Мэриленд*ъ. Толчекъ, данный Кромвелемъ мореходству, привелъ къ покоренію *Ямайки;* войны съ голландцами, при Карлѣ II, доставили англичанамъ голландскія торговыя конторы, сдѣлавшіяся штатами *Нью-Іоркъ, Нью-Джерсей* и *Делаваръ*. Наконецъ, англійскіе лорды, поощряемые Карломъ II, учредили въ жаркихъ равнинахъ Юга штатъ, названный ими *Каролиной*, который позднѣе раздѣлился на двѣ части. Тотъ же государь предоставилъ Уильяму Пенну, одному изъ главъ странной секты *квакеровъ* (трясущихся), обширные лѣса, изъ которыхъ образовалась Пенсильванія (лѣса Пенна). Въ XVIII в. *Георгія* дополнила собою этотъ длинный списокъ колоній.

въ 1669 г. *каботажная* (береговая) торговля была предоставлена исключительно британскимъ судамъ, такъ же, какъ и судамъ *англійскихъ колоній*. Голландцы разомъ были исключены изъ гаваней и колоній. Чтобы ослабить ихъ еще болѣе, навигаціонный актъ постановилъ, что произведенія Азіи, Африки и Америки могли привозиться только *англійскими морскими судами*. Европейскіе народы могли ввозить въ Англію лишь произведенія своей почвы или труда. Между тѣмъ, голландцы не имѣли ни земледѣлія, ни промышленности, которыя могли бы поддерживать ихъ торговлю. Они были только коммиссіонерами, *морскими перевозчиками*, какъ ихъ называли. Это постановленіе окончательно разрушало ихъ торговлю съ Англіей, и они подчинились ему лишь послѣ двухъ ожесточенныхъ и раззорительныхъ войнъ. Можно сказать, что Англія грубо лишила Голландію ея морского могущества, и, послѣ революціи 1688 г., временное соединеніе двухъ странъ подъ властью Вильгельма III могло быть лишь неблагопріятнымъ для Голландіи, казавшейся маленькой лодкой, привязанной къ большому кораблю.

Умиротворенная Генрихомъ IV, Франція была имъ же энергично побуждаема къ труду. Поддерживая, а иногда направляя своего министра *Сюлли*, онъ подкрѣплялъ своею властью всѣ его мѣры, какія тотъ принималъ, чтобы поднять земледѣліе, и, въ свою очередь, заставлялъ его поощрять промышленность, значеніе которой было не вполнѣ понятно для суроваго гугенота, противника роскоши. Хотя у Франціи не было рудниковъ въ Мексикѣ и Перу, Сюлли замѣнилъ ихъ земледѣліемъ и скотоводствомъ, а Генрихъ IV—шелковыми фабриками. Со времени царствованія этого великодушнаго государя, желавшаго, „чтобы у каждаго крестьянина, по воскресеньямъ, была курица въ супѣ“, во Франціи началось процвѣтаніе земледѣлія, промышленности и торговли.

Ришельё, столь же заботившійся о всевозможныхъ успѣхахъ, сколько и жаждавшій всякаго рода власти, взялъ послѣ Генриха IV въ свои руки и экономическую, и внѣшнюю политику. Онъ не имѣлъ времени отдаваться имъ съ одинаковымъ вниманіемъ, но все-таки покровительствовалъ сельскому хозяйству, мануфактурѣ и торговлѣ. Развитіемъ военнаго флота онъ открылъ для послѣдней отдаленныя страны, и Франція слѣдовала, хотя и издали, колоніальному движенію другихъ націй. *Шамплень* продолжалъ организацію Канады или *Новой Франціи*, какъ ее тогда называли. Французы пріобрѣли нѣкоторые изъ Антильскихъ острововъ, о. *Санъ-Кристофъ*, *Барбадосъ*, часть *Санъ-Доминго*, и утвердились въ *Гвіанѣ* и въ *Сенегалѣ*.

Кольберъ, столь справедливо названный „министромъ мира“, при Людовикѣ XIV создалъ настоящую французскую промышленность, призывая иноземныхъ ремесленниковъ, оказывая пособія фабрикамъ и учреждая даже королевскія мануфактуры. Фабрики въ *Седанѣ*, въ *Лувье*, *Аббевилѣ* и *Эльбёфѣ* соперничали съ мануфактурами Голландіи и бельгійскихъ провинцій. *Шерстяная* промышленность занимала 60.000 рабочихъ; выдѣлка *ковровъ*, поощрявшаяся еще со временъ Франциска I, сдѣлалась замѣчательною на королевскихъ фабрикахъ въ *Бове*, *Савонри* и, въ особенности, въ *Гобеленахъ*. Производство *зеркалъ*, заимствованное у Венеціи, началось въ Турлавилѣ, близъ Шербурга, и составило славу *Сенъ-Гобена*. Города Ліонъ и Туръ увеличили число ткацкихъ станковъ и усовершенствовали свои шелковыя ткани. Французскіе кружева и бархатъ соперничали съ венеціанскими кружевами и генуэзскимъ бархатомъ. *Желѣзо*, *сталь*, превосходный *фаянсъ* и *сафьянъ* съ тѣхъ поръ стали вырабатываться во Франціи.

Вѣроятно, ради добраго намѣренія предупредить недобросовѣстность въ промышленности и обезпечить доброкачественность и славу французскихъ тканей, Кольберъ возобновилъ и связалъ установленія корпорацій. Онъ слишкомъ держалъ подъ своей опекой промышленность, поощряя ее съ одной стороны и стѣсняя съ другой; онъ злоупотреблялъ своею властью, вмѣшиваясь въ вопросы, его не касавшіеся, но, тѣмъ не менѣе, первый далъ толчокъ и настоящую основу промышленному могуществу Франціи.

Онъ основалъ ее, главнымъ образомъ, тѣмъ же способомъ, какой примѣнялъ къ торговлѣ: *покровительственной системой*. Очевидно, проникнувшись значеніемъ навигаціоннаго акта, Кольберъ желалъ, чтобы Франція сама удовлетворяла своимъ нуждамъ. Поставивъ иностраннымъ товарамъ преграду, въ видѣ таможенныхъ пошлинъ, онъ заставилъ страну производить у себя все необходимое. Покровительственная система, охраняющая зарождающуюся промышленность отъ конкуренціи болѣе умѣлыхъ соперниковъ, была полезна при тѣхъ обстоятельствахъ и въ той мѣрѣ, какъ она примѣнялась Кольберомъ; безъ нея фабрики не могли бы развиться. Впослѣдствіи она сдѣлалась пагубной лишь вслѣдствіе своего преувеличенія. Привилегія, которая сперва поощряетъ отсталую промышленность, для промышленности процвѣтающей становится причиной вялости, препятствіемъ къ прогрессу, поощреніемъ рутины, преміей для фабрикантовъ, невыгодной потребителямъ.

И другія идеи, впрочемъ, общія всей политикѣ того времени, одушевляли Кольбера. Послѣ благотворнаго, если можно такъ выразиться,

вторженія золота и серебра, всего болѣе стали заботиться о томъ, чтобы сберегать эти драгоцѣнные металлы, отожествлявшіеся съ богатствомъ. Каждый годъ высчитывалось количество вывезеннаго и ввезеннаго золота и серебра: такимъ образомъ, устанавливался *балансъ*. Государство считалось обогатившимся, если золота поступало болѣе, чѣмъ его выпускалось, и—обѣднѣвшимъ, если его выпускали изъ страны больше, чѣмъ получали. Но истинное богатство, это—земля, урожай, товары, трудъ, и слѣдуетъ скорѣе составлять балансъ товаровъ, чѣмъ денегъ. Между тѣмъ, остатокъ средневѣковыхъ предразсудковъ и нравовъ заставлялъ искать своего благосостоянія въ раззореніи сосѣда. Кольберъ не столько заботился о прибыляхъ торговли своей страны, сколько объ уничтоженіи торговли голландцевъ и англичанъ: онъ радовался ихъ потерямъ, какъ будто лучшимъ источникомъ богатства каждаго не было общее богатство.

Мѣры, принятыя Кольберомъ для поощренія внутренней торговли, заслуживаютъ величайшей похвалы. Списокъ дорожныхъ пошлинъ былъ пересмотрѣнъ, и это повело къ отмѣнѣ множества правъ, стѣснительныхъ для торговли. На Луарѣ приходилось платить пошлины въ двадцати восьми мѣстахъ; это было такъ неудобно, что предпочитали объѣздъ сухимъ путемъ; но и на этомъ пути встрѣчались заставы. Земельное объединеніе Франціи совершалось постепеннымъ приращеніемъ и договорами съ провинціями, которымъ оставлялись ихъ *таможни*. Кольберъ старался уничтожить эти таможни, но, обязанный уважать договоры, онъ склонилъ двѣнадцать провинцій къ соглашенію между собой: для этихъ провинцій была установлена одна общая таможенная линія, и онѣ стали называться *провинціями пяти главныхъ откуповъ*.

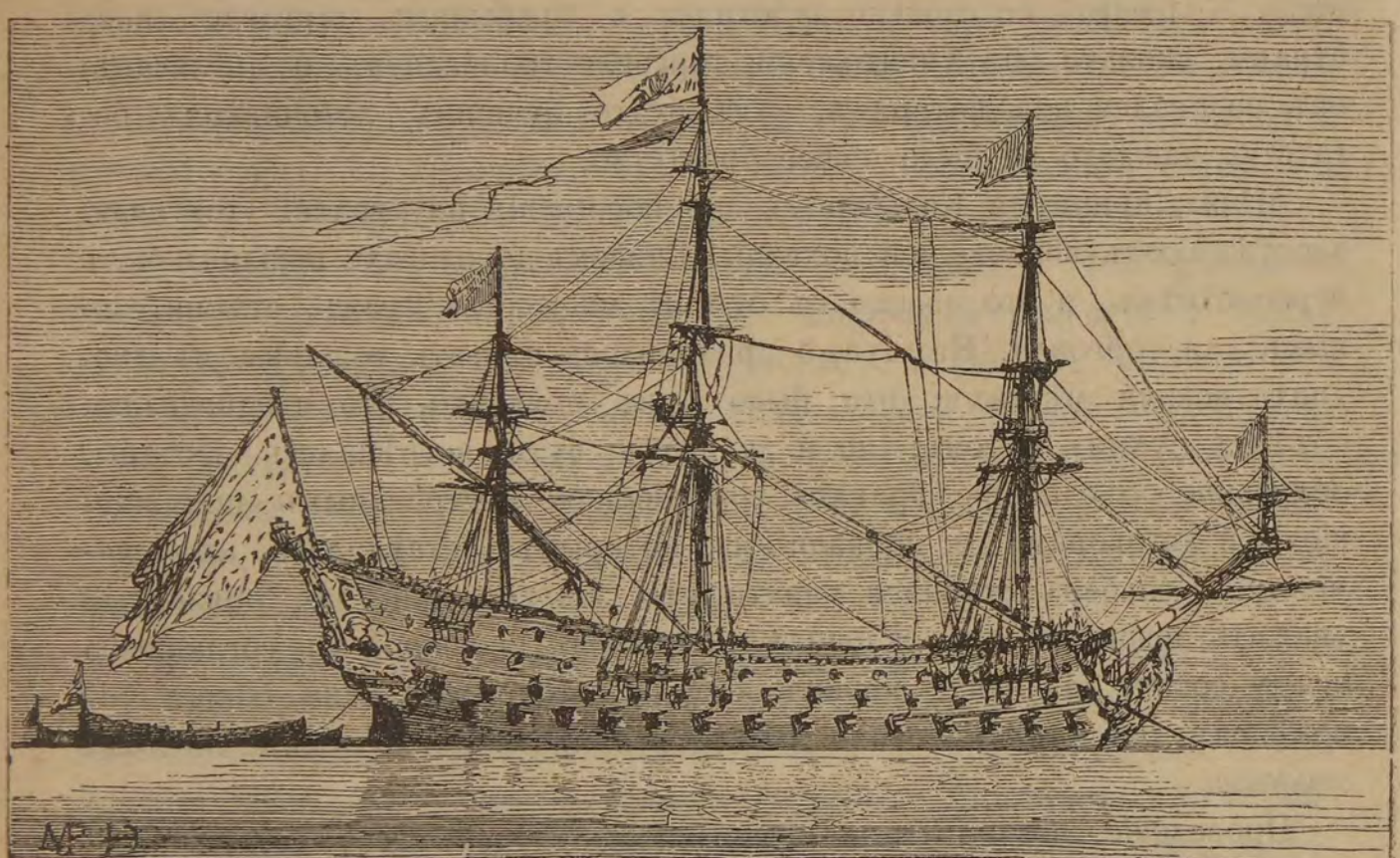
Проведеніе, поддержка и безопасность дорогъ и каналовъ были предметомъ дѣятельной заботливости Кольбера (Орлеанскій и Лангедокскій каналы). *Торговый уставъ*, обнародованный въ 1673 г., послужилъ образцомъ французскому законодательству въ 1807 г. Кольберъ учредилъ также *Торговый совѣтъ*, въ которомъ Людовикъ XIV предсѣдательствовалъ черезъ каждыя двѣ недѣли; онъ основалъ страховыя палаты и опредѣлилъ самыя строгія взысканія по отношенію къ банкротствамъ, но его попытки установить единство мѣръ и вѣсовъ не имѣли успѣха.

Кольберъ далъ Франціи настоящій военный флотъ. У Людовика XIV было до 176 военныхъ судовъ, изъ которыхъ многія были вооружены болѣе, чѣмъ сотней пушекъ. Это были настоящія пловучія крѣпости: греческія и римскія галеры остались далеко позади. Чтобы обезпечить

экипажи для этихъ судовъ, Кольберъ установилъ систему пополненія флота, которая и теперь еще служитъ для той же цѣли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кольберъ придалъ быстрое движеніе торговому флоту, и покровительственная система, поднявшая промышленность, поощряла и судостроителей. Голландцы не имѣли права входа во французскія гавани безъ уплаты пошлины, около 2 руб. 50 коп. на наши деньги, съ каждой *бочки*; французы сами стали строить суда, и морская торговля развилась.

Въ 1629 г. Ришельё объявилъ, что морская торговля разрѣшалась



„Королевское Солнце“, корабль флота Людовика XIV.

дворянству. Эдиктомъ Людовика XIV, въ 1669 г., для дворянства была допущена оптовая торговля. Кольберъ составилъ Западно-Индійскую компанію (или американскую), затѣмъ Восточно-Индійскую, о которой заботился всего болѣе. Но отсутствіе коммерческой опытности въ соединеніи съ административной рутиной, алчностью и недобросовѣстностью купцовъ, а также надменность и произволъ завѣдующихъ лицъ шли въ разрѣзъ съ самыми лучшими планами и разрушали самые блестящіе разсчеты. Въ 1673 г. *Сенегальская компанія* добилась исключительнаго права на постыдную торговлю, практиковавшуюся уже дру-

гими народами, на вывозъ негровъ. Сѣверная компанія была направлена противъ голландцевъ, а Левантійская, составленная для торговли съ Турціей, также не имѣла успѣха.

Заслуга Кольбера состоитъ еще въ поднятіи колоніальнаго могущества Франціи покупкою нѣсколькихъ Антильскихъ острововъ [1]). Но онъ сдѣлалъ ошибку, перенеся въ колоніи администрацію, сословное раздѣленіе, религіозную нетерпимость и налоги метрополіи. Кромѣ того, запрещеніе сношеній съ иностранцами и воздѣлыванія извѣстныхъ растеній, какъ, напр., табаку въ Америкѣ; обязательство для колонистовъ пріобрѣтать изъ Франціи все, что имъ было нужно, и продавать только Франціи свои произведенія; привилегіи частныхъ лицъ въ колоніяхъ и исключительное право торговли для нѣкоторыхъ обществъ извѣстныхъ колоній; строгія правила для сношеній съ туземнымъ населеніемъ, державшимся въ сторонѣ,—всѣ эти узы мѣшали колонистамъ дѣятельно пользоваться богатыми и плодородными землями.

Между тѣмъ, французы владѣли великолѣпной рѣкой св. Лаврентія и большими озерами, воды которыхъ она изливаетъ въ океанъ. Уже смѣлые путешественники *П. Маркетъ* и *Жоліе* (1673), затѣмъ *Робертъ Кавелье-де-ла-Салъ* (1680) открыли и описали богатую долину царственной рѣки Миссисипи. При устьѣ этой громадной долины, было основано поселеніе, и страна получила названіе Луизіаны. Франція находилась въ превосходныхъ условіяхъ, чтобы завладѣть Новымъ Свѣтомъ, но она пренебрегла имъ, и онъ былъ захваченъ англо-саксонской расой.

---

[1]) Въ Америкѣ Франція тогда владѣла: *Канадой*, *Акадіей*, *Ньюфаундлендомъ*; островами: *Мартиникой*, *Гренадой*, *Гваделупой*, *Мари-Галандъ*, *Сентъ-Кристофъ*, *Бартелеми*, *С.-Мартенъ*, *Сентъ-Круа*, *Тортугой*, частью *Санъ-Доминго* и *Гвіаны*; въ Африкѣ нѣсколькими факторіями въ *Сенегалѣ* и на о. *Мадагаскарѣ*, островами *Бурбонъ* и *Маврикія*; затѣмъ *Суратомъ* въ Азіи.

ГЛАВА X.

Литература, науки и искусства въ XVII вѣкѣ.

Умственное движеніе; французское общество XVII в.; бесѣды; остроуміе.—Французская литература; вкусы; Малербъ; писатели первой половины XVII в., или вѣка Ришельё.—Классическая трагедія; Корнель (1606—1684).—Возрожденіе философіи: проза; Декартъ; Паскаль.—Писатели царствованія Людовика XIV; личное вліяніе короля.—Поэзія; Расинъ; Мольеръ; Буало.—Церковное краснорѣчіе; Бурдалу, Боссюэ, Фенелонъ.—Г-жа де-Севинье; Лабрюйеръ.—Лафонтенъ.—Споръ о классической и новой литературѣ.—Опера; Кино.—Мемуары; исторія.—Философія; Малебраншъ.—Обученіе; педагогія въ XVII в.; ученыя общества.—Происхожденіе періодической печати.—Англійская литература; Бенъ-Джонсонъ, Бэконъ.—Мильтонъ (1608—1674).—Драйденъ (1631—1700).—Локкъ (1632—1704).—Голландія; еврей Спиноза.—Германія; Лейбницъ.—Испанія; Кальдеронъ; упадокъ литературы.—Науки; математика.—Астрономія; Кеплеръ (1571—1630); Галилей (1564—1642); Ньютонъ (1642—1727).—Физическія науки; опытный методъ Бэкона.—Галилей, Торричелли, Паскаль, Маріоттъ.—Паръ; Дени Папенъ.—Естественныя науки; ботаническіе сады; Турнефоръ.—Медицина.—Искусства; французская архитектура.—Луврская колоннада; Версаль.—Французская скульптура; Пюже.—Живопись; итальянская школа; Гверчино; Альбано; Доменикино; Сальваторъ Роза.—Живопись въ Испаніи; Рибера, Веласкесъ; Мурильо.—Французская живопись; Никола Пусенъ, Клодъ Лорренъ, граверъ Кальо. Лесюёръ.—Лебрёнъ, Миньяръ, Риго.—Фламандскіе художники во Франціи; Филиппъ Шампень; Фанъ-деръ-Мейленъ.—Блескъ фламандской школы; Рубенсъ.—Фанъ-Дикъ, Іорденсъ.—Живописцы природы; Снидерсъ.—Жанровая живопись; Давидъ Теньеръ.—Пейзажъ; Брюгель де-Велуръ, братья Гюисманъ.—Голландская школа; Рембрандтъ.—Герардъ Довъ, Тербургъ, Метцу.—Рюисдаль, Гобема.—Результаты XVII вѣка.

Улучшеніе условій матеріальной жизни, безопасность и спокойствіе, охраняемыя властью, силу которой никто не оспаривалъ, и возроставшая вмѣстѣ съ промышленностью роскошь измѣнили внѣшній видъ общества. Дворянство, переставшее враждовать между собою, посѣщало другъ друга. Дворъ, наполненный сеньёрами, соперничавшими въ изяществѣ и хорошихъ манерахъ, давалъ тонъ городу; пріобрѣтавшія все большее значеніе женщины требовали вѣжливости, и смягчившійся рыцарскій духъ превращался въ свѣтскую любезность. Во Франціи, въ особенности начиная съ царствованія Людовика XIII, стали устраиваться собранія въ высшемъ классѣ и богатой буржуазіи, гдѣ старались красиво говорить, позволяли себѣ злословить и выражались изысканнымъ языкомъ, иногда доходившимъ до вычурности и жеманства. Тогда любили нарядность одежды соединять съ граціозными жестами, восхищаться сонетами, критиковать, болтать ради болтовни и блистать показнымъ остроуміемъ. Разряженныя хозяйки возсѣдали въ своихъ гостиныхъ, убранныхъ прекрасными коврами, окруженныя дамами и изящными говорунами, кружившими имъ головы похвалами и состязав-

шимися, ради очарованія ихъ, въ искусствѣ выраженія утонченныхъ мыслей, удачнаго сочетанія словъ и умѣнія высказываться возвышенно о самыхъ обыденныхъ предметахъ. *Отель Рамбулье* сдѣлался образцомъ этихъ собраній, полныхъ ума и легкомыслія, гдѣ французское общество освобождалось отъ грубости, становилось утонченнѣе, придавало своему веселью больше нарядности и пріучалось къ болѣе чистому языку. Искусство бесѣдовать въ обществѣ пріобрѣло первостепенное значеніе; подвижной и тонкій умъ женщинъ придавалъ этимъ бесѣдамъ такую легкость, утонченность и привлекательность, что вызывалъ удивленіе передъ французскимъ умомъ даже со стороны тѣхъ, которые не могли до него возвыситься.

Французская литература, служившая выраженіемъ этого изящнаго и учтиваго общества, естественно, безъ усилій, пріобрѣла правильность, спокойное благородство, величавую простоту, веселую, хотя и искусственную грацію, поэтическое чувство, краснорѣчіе и живой комизмъ вмѣстѣ съ философской строгостью. Это время было золотымъ вѣкомъ литературы и одною изъ тѣхъ счастливыхъ эпохъ, когда человѣческій умъ сознаетъ свою силу, какъ это было во времена Августа и Перикла. Продолжительное изученіе древнихъ классиковъ положило начало новой литературѣ, столь же достойной названія классической. Влеченіе къ римлянамъ и грекамъ, примиряясь съ оригинальностью писателей, воспитанныхъ среди совершенно иного общества, смягченныхъ вліяніемъ женщинъ и одушевленныхъ живою христіанскою вѣрою, создало литературу античную и, вмѣстѣ съ тѣмъ новую, христіанскую по духу, выдержанную, изящную, и, подобно своимъ образцамъ, возродившую аттическую или римскую красоту въ произведеніяхъ чисто французскихъ.

Малербъ [1]), еще во времена Генриха IV, подчинилъ правиламъ поэтическій вкусъ и поддерживалъ при Людовикѣ XIII эту диктатуру языка, которая очистила слишкомъ многословный языкъ XVI в., придавъ размѣръ стихамъ, точность словамъ и благозвучіе рѣчи. *Вожелась* [2]), скорѣе знатокъ грамматики, чѣмъ писатель, началъ преобразовывать прозу. *Бальзакъ* [3]) и *Вуатюръ* [4]) внесли въ нее, одинъ

---

[1]) Малербъ (1556—1628).

[2]) Вожеласъ (1585—1650).

[3]) Бальзакъ (1594—1654). Произведенія Бальзака состоятъ изъ *писемъ* и трактатовъ *Государь*, *Пристиппъ* и *Христіанскій Сократъ*.

[4]) Вуатюръ (1598—1648) не оставилъ ни одного сколько-нибудь обширнаго произведенія. Онъ писалъ только письма, которыя съ восхищеніемъ читались въ гостиныхъ.—Къ первой половинѣ XVII в. слѣдуетъ отнести въ числѣ второстепенныхъ авторовъ *Ракана* (1589—1670), съ успѣхомъ писавшаго пасторали; *Шапелена* (1595—1674), тщетно старавшагося поднять эпическую поэзію, *Скюдери*, *Демаре де-Сенъ-Сор-*

пышность, другой—грацію. Бальзакъ довелъ эту нышность до вычурности и тяжеловѣсности. Вуатюръ, одинъ изъ героевъ отеля Рамбулье, искажалъ изящество своего языка притязательностью и утонченностью, столь же искусственными, какъ и напыщенность Бальзака. Но эти писатели и множество другихъ, второстепенныхъ, въ дѣйствительности, были лишь предшественниками писателей болѣе крупныхъ.

Пьеръ *Корнель*, можно сказать, создалъ вновь античную трагедію. Болѣе сдержанный и съ болѣе трезвымъ умомъ, чѣмъ Шекспиръ, не подчинявшійся никакимъ правиламъ, болѣе сосредоточенный, чѣмъ испанцы, у которыхъ онъ заимствовалъ сюжетъ своего перваго шедевра, *Сидъ* (1636), онъ заключилъ пьесу въ тройное единство времени, мѣста и дѣйствія, не нарушая правдоподобія и усиливая интересъ быстрою смѣной сценъ. Противопоставляя почти всегда долгъ страсти, перенося въ различныя эпохи и страны вѣчную борьбу увлеченій и нравственныхъ принциповъ, возвышая ее благородствомъ дѣйствующихъ лицъ, Корнель, благодаря героизму Сида и стараго Горація, Августа и Поліевкта, какъ бы возноситъ насъ въ безмятежную сферу, гдѣ добродѣтель торжествуетъ надъ человѣческими слабостями. Это уже не глухая, хотя и величественная борьба греческихъ героевъ съ неумолимой судьбой. Здѣсь свободный человѣкъ борется съ собственнымъ сердцемъ и поступается своей любовью, какъ Родригъ, отеческой привязанностью, какъ старый Горацій, местью, какъ Августъ, или семейными узами, какъ Поліевктъ, ради восторженной вѣры христіанина, ради великодушнаго милосердія, ради гражданскаго и сыновняго долга. Изъ могучихъ драматическихъ произведеній Корнеля выступаетъ нравственная сила, неизмѣнно покорявшая себѣ поколѣніе за поколѣніемъ. Мы уже не будемъ говорить, что и героини его не менѣе достойны удивленія: таковы Химена, преданная своему возлюбленному и въ то же время отвергающая его; Камилла, побѣжденная страстью; Полина, усиливающаяся такъ благородно и нѣжно вернуть къ себѣ Поліевкта и обращаемая въ христіанство его казнью. Французская рѣчь никогда еще не звучала съ такой полнотою, твердостью, благородствомъ и величественностью и не возвышалась до такихъ высокихъ мыслей, какія заставлялъ выражать ее возвышенный геній Корнеля [1]).

лена, *Сентъ-Амана*, *Сарразена*, *Мальвиля* и *Скаррона*, грубоватаго поэта; писавшихъ прозою, врача *Гюи Патена* и романистовъ *д'Юрфе*, *Ла-Кальпренеда* и г-жу *Скюдери*.

[1]) Корнелю предшествовали лишь нѣсколько многословныхъ и туманныхъ писателей, вродѣ *Александра Арди*, неутомимаго импровизатора, *Теофиля*, автора *Пирама и Тизбы*, *Ротру*, *Мэре*. Корнель (1606—1684) самъ выступилъ сначала довольно смутными пьесами и обнаружилъ свое величіе лишь въ трагедіи *Медея* (1635). Послѣ

Въ то же время, когда трагедія возвышала сердца и души, возрождалась и античная философія со своими высокими размышленіями и строгими сужденіями. Черезъ годъ послѣ того, какъ Корнель написалъ свое первое лучшее произведеніе, Декартъ обнародовалъ (1627) первый истинно философскій трудъ. *Сидъ* давалъ тонъ поэзіи, *Разсужденіе о методѣ* Декарта представляло настоящій образецъ прозы и, въ то же время, опредѣляло правила мышленія.

Декартъ, примѣняя къ явленіямъ сознанія законы научнаго наблюденія, какіе незадолго передъ тѣмъ въ Англіи изложилъ Бэконъ, пришелъ, путемъ наведенія, къ возсозданію науки о душѣ и о мірѣ. Съ невѣроятной силой отвлеченія, онъ выдѣлилъ себя изъ внѣшняго міра и сомнѣвался въ существованіи этого послѣдняго и даже самого себя, но не могъ сомнѣваться въ томъ, что онъ мыслитъ, такъ какъ сомнѣніе не было матеріальнымъ дѣйствіемъ. „Я мыслю, слѣдовательно, существую!“ Утвердившись на этой точкѣ опоры, онъ доказывалъ существованіе Бога и души строгою послѣдовательностью идей и открылъ настоящій философскій методъ. Хотя доктрины, принадлежащія Декарту, были впослѣдствіи покинуты, но методъ его остался: онъ послужилъ орудіемъ философскаго изслѣдованія и закономъ, съ помощью котораго новѣйшіе философы проникли въ область отвлеченной мысли далѣе, чѣмъ философы древности, слишкомъ увлекавшіеся дедукціей и гипотезой. Картезіанская философія сохранила, кромѣ того, христіанскій характеръ, отличительный для писателей XVII в. Достаточно смѣлый, чтобы мыслить внѣ религіозной области, Декартъ ставилъ себѣ цѣлью доставить религіи опору въ человѣческомъ мышленіи. Онъ всегда подчинялъ разумъ вѣрѣ, не видя въ этомъ для него ничего унизительнаго [1]).

Паскаль [2]) еще съ большей строгостью подчинялъ разумъ вѣрѣ. Не будучи философомъ, онъ предпринялъ обширный трудъ о религіи, который могъ написать только въ видѣ отрывковъ, подъ названіемъ *Мысли*. Но, какъ писатель, онъ, главнымъ образомъ, оказалъ услугу французской прозѣ, освободивъ ее отъ длинныхъ декартовыхъ періодовъ и придавъ ей легкость и сжатость въ своемъ неподражаемомъ

образцовыхъ произведеній, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ 1636 до 1640 г., Корнель писалъ только пьесы, ничѣмъ не замѣчательныя: *Смерть Помпея* (1641), *Никомедъ*, въ которомъ опять проявилось величіе автора, *Эдипъ*, *Серторій* и т. д. Впрочемъ, онъ положилъ также начало комедіи характеровъ въ *Лжецѣ* (1642).

[1]) Декартъ (1596—1650) род. въ Ла-Гэ, въ Туренѣ. Капитальные труды Декарта: *Разсужденіе о методѣ* и *Метафизическія размышленія*.

[2]) Блэзъ Паскаль род. въ Клермонѣ (1623—1662).

произведеніи *Провинціалы* [1]), ѣдкой сатирѣ на ученія іезуитовъ, благодаря которой сохранились отъ забвенія мелочные споры ученыхъ того времени. Паскаль и Декартъ обладали міровыми геніями, и ихъ научное значеніе было столь же велико, какъ и литературное.

Эти писатели блистали въ теченіе первой половины XVII в., которую почтили названіемъ *вѣка Ришельё*. Впрочемъ, Паскаль написалъ лучшія свои произведенія уже послѣ смерти Ришельё. Декартъ почти все время жилъ въ чужихъ странахъ. Но Корнель считается въ числѣ поэтовъ-сотрудниковъ кардинала-стихотворца, получавшихъ отъ него пенсію. Ришельё такъ высоко цѣнилъ писателей, что даже завидовалъ имъ; но главною его заслугой передъ литературой было основаніе Французской академіи (1636), этого литературнаго сената, единственнаго въ своемъ родѣ верховнаго судилища въ области языка и вкуса, учрежденія, неизвѣстнаго древности, прославленнаго даже среди чужеземныхъ націй, которыя восторгаются имъ, не имѣя силы подражать ему.

Людовикъ XIV унаслѣдовалъ литературу, такъ же, какъ и націю, на половину установленную. Онъ закончилъ упорядоченіе ея, такъ какъ ему посчастливилось найти геніальныхъ людей, достаточно покорныхъ, чтобы подчиняться его вліянію, и достаточно сильныхъ, чтобы не пострадать отъ этого. Если Людовикъ XIV заслужилъ честь дать имя своему вѣку, то это вовсе не за свою щедрость, уступавшую щедрости многихъ мелкихъ итальянскихъ владѣтельныхъ особъ. Онъ заслужилъ ее потому, что литература его времени была дѣйствительнымъ выраженіемъ пышности, благородства и довольства, отличавшихъ его шумный и почтительный дворъ. При этомъ дворѣ, съ его іерархическими ступенями, были полная непринужденность, достоинство и любезность; серьезность не имѣла тамъ ничего унылаго, легкомысліе—ничего низменнаго, веселость—ничего грубаго, религіозность—ничего мрачнаго. Рѣдкимъ стеченіемъ обстоятельствъ, а также вліяніемъ государя, установилось удачное равновѣсіе между единодушіемъ желаній и оригинальностью талантовъ. Умы, достаточно возбужденные, чтобы быть плодовитыми, достаточно покорные, чтобы быть сдержанными, были способны достигнуть выдержанной красоты, законченнаго изящества, высшаго совершенства мысли и языка. Людовикъ XIV оказывалъ вліяніе на литературу своей политикой и своей личностью. Достоинство и

[1]) „Провинціалами“ (Les Provinciales) публика называла для краткости знаменитое сочиненіе Паскаля, первоначальное заглавіе котораго было „Письма, писанныя къ провинціалу однимъ изъ его друзей“. Впослѣдствіи авторъ самъ далъ это названіе означеннымъ письмамъ въ полномъ собраніи своихъ сочиненій (*Прим. пер.*)

изящество, дѣлавшія его образцомъ для вельможъ на столько же, на сколько его строгость заставляла ихъ повиноваться ему, вѣрность его сужденія и здравый смыслъ, оскорблявшійся всякимъ преувеличеніемъ (исключая собственнаго честолюбія), дѣйствовали на геніальныхъ людей, пользовавшихся его поощреніемъ. Одинъ только Лафонтенъ, своеобразный и независимый умъ, уклонялся отъ величественнаго и торжественнаго порядка, нравившагося королю. Поэтому онъ былъ въ немилости, такъ какъ Людовикъ XIV признавалъ только тѣхъ, которые, занимая видное положеніе, отражали на себѣ величіе короля и, подобно лучамъ свѣтила, соединяли свою славу со славой своего повелителя.

Расинъ [1]), Мольеръ [2]) и Буало [3]), три друга и три писателя, наиболѣе уважавшіеся Людовикомъ XIV, обладали, впрочемъ, совершенно различнымъ геніемъ. *Расинъ*, соперникъ Корнеля, сошелъ съ тѣхъ высотъ, на которыя этотъ послѣдній возводилъ своихъ героевъ; въ немъ было больше человѣчности и, въ особенности, болѣе женственности. Онъ трогаетъ насъ материнскими чувствами Андромахи, отчаяніемъ Вереники, страстью Федры, неистовой ревностью Герміоны, невинностью и жалобами Ифигеніи и Монимы. Это—поэтъ сердца. Но это не мѣшаетъ ему достигать значительной высоты вмѣстѣ съ честолюбивой Агриппиной, благороднымъ Бурромъ и отважнымъ Митридатомъ. Онъ такъ же твердъ, какъ и нѣженъ. Затѣмъ, состарившись вмѣстѣ съ королемъ и, подобно ему, возвратившись къ религіи, онъ очерчиваетъ мягкій образъ Есѳири, мрачную фигуру Аталіи, величественный портретъ первосвященника Іоада и чистосердечнаго Іоаса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ придалъ языку благородство, чистоту и благозвучіе, доходящія до совершенства, что́ позволяетъ ставить его рядомъ съ Рафаэлемъ, если только можно сравнивать литературу съ живописью.

Мольера слѣдуетъ считать творцомъ комедіи, несмотря на существованіе *Лжеца* Корнеля. Онъ своимъ, чисто гальскимъ, остроуміемъ облагородилъ общій тонъ при дворѣ, осмѣивая маркизовъ и жеманницъ, ученыхъ женщинъ и врачей-педантовъ, плохихъ поэтовъ, скупцовъ и лицемѣровъ. Его изящные стихи и легкая проза выражаютъ столь вѣрныя мысли и столь прочувствованныя истины и вызываютъ одновременно такой веселый и поучительный смѣхъ, что этотъ смѣхъ звучитъ еще и теперь и не перестанетъ раздаваться, пока существуютъ

---

[1]) Расинъ род. въ Ферте-Милонѣ (деп. Энъ) (1639—1699).

[2]) Жанъ-Батистъ Покленъ де-Мольеръ (1622—1673).

[3]) Буало (1636—1711).

французскій языкъ и люди, способные понимать его. Мольеръ былъ даже философомъ, быть можетъ, пророкомъ, такъ какъ въ своемъ *Мизантропѣ* онъ заранѣе осмѣялъ духъ пессимизма, который, въ наши дни, хотѣли приписать научному духу, и который есть ничто иное, какъ дурное настроеніе людей, недовольныхъ цѣлымъ свѣтомъ потому, что они недовольны самими собой [1]).

Буало нельзя ставить на ряду съ его друзьми. Это—кропотливый поэтъ, но добросовѣстный и остроумный критикъ, драгоцѣнный руководитель для образованія вкуса молодежи и поддержанія правъ здраваго смысла.

Эти три столь различные генія схожи, впрочемъ, между собою преклоненіемъ передъ древнимъ міромъ. Они исходятъ прямо отъ Греціи и Рима, вполнѣ оставаясь французами. Въ то же время, они религіозны, въ особенности, Расинъ; Мольеръ, въ своемъ *Тартюфѣ*, имѣлъ въ виду лишь лживое и лицемѣрное благочестіе, гораздо болѣе вредное для религіи, чѣмъ явная распущенность.

Христіанское вдохновеніе господствуетъ, главнымъ образомъ, среди духовныхъ ораторовъ: *Бурдалу* [2]), *Боссюэ* и *Фенелона*. Бурдалу былъ лишь авторомъ проповѣдей, и извѣстность его не можетъ равняться со славою остальныхъ двухъ изъ названныхъ проповѣдниковъ. Онъ слишкомъ логиченъ, слишкомъ узокъ и спеціаленъ. Боссюэ и Фенелонъ были міровыми геніями.

Первый [3]), будучи ораторомъ, историкомъ и философомъ, гремѣлъ съ каѳедры самымъ возвышеннымъ краснорѣчіемъ, въ особенности, въ своихъ *Надгробныхъ рѣчахъ*. Онъ глубокимъ взглядомъ окинулъ прошлое въ своемъ *Разсужденіи о всемірной исторіи* и примирилъ философію съ религіей въ *Трактатѣ о познаніи Бога и самого себя*. Фенелонъ [4]) также выказалъ себя философомъ въ своемъ трудѣ *О существованіи Бога*; онъ не былъ историкомъ, но его романъ *Телемакъ* оживилъ первобытныя времена Греціи, и его проповѣди были образцами изящества и благочестія; въ то же время Фенелонъ былъ литературнымъ критикомъ и, кромѣ того, самъ того не зная,—учителемъ педагогіи Ихъ справедливо называли, одного *Орломъ изъ Мо*, а другого—*Камбрей-*

---

[1]) Представителемъ комедіи былъ еще *Реньяръ* (1655—1709), поэтъ, надѣленный изяществомъ и веселостью, занимавшій второе мѣсто среди авторовъ французской комедіи. Его пьесы *Менехмы* (комедія, основанная на сходствѣ двухъ братьевъ), *Наслѣдникъ* и *Игрокъ* пережили его, и до сихъ поръ появляются въ репертуарѣ.

[2]) Бурдалу (1632—1704).

[3]) Жакъ-Бенинъ Боссюэ род. въ Дижонѣ (1627—1704).

[4]) Фенелонъ (1651—1715).

скимъ лебедемъ, такъ какъ первый торжественъ и величественъ, а второй простъ, доступенъ и плодовитъ. Боссюэ громитъ человѣка; Фенелонъ его поднимаетъ и утѣшаетъ. Епископъ города Мо устрашаетъ его смертельными угрозами и превратностью человѣческой судьбы. Архіепископъ города Камбрэ его успокоиваетъ и старается доставить ему душевный миръ, который, впрочемъ, чуть не усыпилъ его самого, вслѣдствіе злоупотребленія мистицизмомъ и заблужденіями *квіетизма*.

Въ политикѣ Боссюэ не признавалъ ничего лучше монархическаго правленія Людовика XIV, и, въ своей *Политикѣ, извлеченной изъ Священнаго писанія*, онъ пытается дать ему основу въ божественномъ опредѣленіи. Читая, какъ онъ постоянно прославляетъ всемогущество Божіе и разсыпаетъ громы Его гнѣва, можно подумать, если бы не было извѣстно, насколько онъ вдохновлялся Библіей, что онъ хотѣлъ установить не монархію Людовика XIV по образцу единой божественной власти, а власть Бога—по образцу Людовика XIV.

Фенелонъ былъ почитателемъ великаго короля, внука котораго онъ воспитывалъ, внушая ему свободныя правила; изгнаніе, которое на него навлекъ *Телемакъ*, ясно доказываетъ, что король болѣе заблуждался относительно преподавателя, чѣмъ тотъ относительно своего монарха.

Тѣмъ не менѣе, Боссюэ и Фенелонъ остаются наиболѣе блестящимъ воплощеніемъ генія христіанства, какъ его понималъ французскій геній, смягченнымъ и сглаженнымъ прилежнымъ изученіемъ древнихъ [1]).

Женщины, способствовавшія изящному складу общества, не могли не имѣть своей выдающейся писательницы. Этимъ геніемъ, не менѣе классическимъ, чѣмъ другіе, была г-жа *де-Севинье* [2]), письма которой, живыя, веселыя и остроумныя, и теперь еще восхищаютъ насъ, какъ картины уже не существующаго общества, отражающагося въ нихъ, какъ въ зеркалѣ. Г-жа де-Севинье придала большую легкость языку: стиль ея кратокъ, мысли ея порхаютъ и „рѣзвятся“. Онѣ переносятъ насъ изъ Версаля въ Ливри или въ Гриньянъ, переходя отъ Фуке къ великому Конде, отъ фаворитки короля и Лозёна къ скромнымъ обитателямъ ея уединеннаго дома въ Роше. Она поднимаетъ, укра-

---

[1]) Какъ представителей церковнаго краснорѣчія, слѣдуетъ еще упомянуть *Флешье* (1632—1710), изящнаго оратора, лучшее произведеніе котораго—*Погребальное слово Тюреню*; затѣмъ *Маскарона* (1634 — 1703), составившаго погребальную проповѣдь тому же лицу.

[2]) Мари-де-Рабютенъ, маркиза де-Севинье (1626—1696). Среди женщинъ-писательницъ слѣдуетъ упомянуть еще о г-жѣ де-Ла-Файэтъ (1634—1693), одной изъ пріятельницъ г-жи де-Севинье, достигшей естественности въ *романѣ*.

шаетъ, оживляетъ и заставляетъ блестѣть все, до чего она касается, а касается она всевозможныхъ вопросовъ, кромѣ великихъ.

Въ дѣйствительности, великія темы были запрещены. Намъ сообщаетъ объ этомъ *Ла-Брюйеръ*. Этотъ моралистъ, соперникъ *Ла-Рошфуко* [1]), но только болѣе веселый, старался рисовать лишь странности и *характеры*. Его книга—комедія безъ дѣйствія, полная лукавства и вѣрныхъ наблюденій. Ла-Брюйеръ, поднимающій тонъ, когда нападаетъ на безнравственныхъ людей, самъ называетъ себя католикомъ и французомъ. Г-жа де-Севинье—также француженка и католичка по преимуществу и, какъ и Ла-Брюйеръ, послѣдовательница Теофраста, обязанная своимъ изяществомъ классикамъ, которыхъ она любила и читала въ подлинникахъ.

Классикомъ былъ и добрякъ Лафонтенъ [2]), желавшій, повидимому, избѣжать всякихъ правилъ, наслаждавшійся и восхищавшійся древними. Его басни непонятны безъ знанія миѳологіи, и боги въ нихъ постоянно сталкиваются съ животными. Безспорно, Лафонтенъ не любитъ торжественныхъ формъ: онъ не могъ подойти подъ прямую линію точно такъ же, какъ не могъ подчиниться общественнымъ условіямъ; онъ во всемъ слѣдуетъ своей фантазіи, даже въ разнообразныхъ размѣрахъ своихъ стиховъ. Его *басни* [3]), впрочемъ, столько же поучительны, какъ и интересны. Различныя животныя изображаютъ разные классы общества, и не трудно понять, кого представляетъ левъ. Но Лафонтенъ—не суровый моралистъ: скорѣе, это—сатирикъ, въ сущности, равнодушный; онъ приноравливается ко всему, даже къ тому, что̀ ему непріятно; онъ предоставляетъ міру волноваться, лишь бы онъ самъ свободно могъ мечтать на берегу какого-нибудь ручья. У него уже есть настоящее чувство природы, отвращеніе ко всему искусственному; онъ опережаетъ свой вѣкъ, или, скорѣе, онъ принадлежитъ всѣмъ временамъ, какъ и его книга, восхищающая всѣ возрасты и напрасно предназначаемая однимъ только дѣтямъ.

Успѣхи французскихъ писателей исполнили нѣкоторыхъ авторовъ (и не принадлежавшихъ къ числу лучшихъ) такой гордости, что они стали пренебрежительно относиться къ древнимъ. Возникло нѣчто въ родѣ войны, какъ будто дѣло касалось политическаго преобладанія. Борьба

---

[1]) Герцогъ Ла-Рошфуко (1610 — 1680) написалъ *Истины*, чрезвычайно остроумныя и проницательныя, но съ отпечаткомъ полнаго разочарованія по отношенію къ человѣческой добродѣтели.

[2]) Жанъ-де-Лафонтенъ (1621—1695).

[3]) См. остроумное объясненіе басенъ Лафонтена въ книгѣ Тэна: *La Fontaine et ses Fables*.

была вызвана въ 1635 г. *Буаробером*ъ, возставшимъ противъ Гомера. *Демаре-де-Сенъ-Сорлен*ъ продолжалъ (въ 1669 и 1673 гг.) нападки на древнихъ авторовъ, слишкомъ превознесенныхъ и, по его мнѣнію, стоявшихъ ниже новыхъ. Истинные геніи, знавшіе, какъ они много обязаны изученію древности, выступили на защиту своихъ учителей. Буало выказалъ себя самымъ горячимъ борцомъ за грековъ и римлянъ: онъ затѣялъ противъ *Шарля Перро*, сторонника новыхъ писателей, знаменитую полемику, раздѣлившую академію на двѣ партіи. Сторонниками его были ученые Дасье, Менажъ, Гюэ и др. Мы не стали бы говорить объ этомъ позабытомъ спорѣ, если бы онъ не былъ оригинальной чертой эпохи и историческимъ подтвержденіемъ того вліянія, какое имѣли древніе авторы: это вліяніе доказывается самою смутой, вызванной ими.

Однимъ изъ самыхъ своеобразныхъ сочетаній подражанія древнимъ и новыхъ стремленій явилась *опера*, которая, благодаря *Кино* [1]), сдѣлалась особымъ литературнымъ родомъ, между тѣмъ, какъ музыка *Люлли* [2]) присоединяла къ стихамъ поэта, часто весьма нѣжнымъ, иную нѣжность и усиливала выраженіе чувствъ. Своею славой опера обязана, главнымъ образомъ, музыкантамъ XVIII и XIX вв., но начало ея относится къ XVII столѣтію.

XVII вѣкъ, столь богатый событіями, заботился о передачѣ ихъ потомству. *Мемуары*, уже весьма многочисленные и интересные въ XVI в., умножились, и *кардиналъ Рецъ* написалъ въ этомъ родѣ произведеніе образцовое по уму и по языку, если не по скромности [3]). Это была наиболѣе живая и живописная картина Фронды, въ которой онъ принималъ дѣятельное участіе; это—не исторія, такъ какъ свидѣтель ея пристрастенъ, но это—картины, безъ которыхъ исторія не могла бы обойтись [4]).

Впрочемъ, художественная исторія еще не зарождалась. Кромѣ *Разсужденій о всемірной исторіи* Боссюэ, гдѣ обнаруживается высокое философское пониманіе исторіи, встрѣчались только произведенія, основанныя на изученіи древнихъ писателей, и отдаленныя подражанія имъ, какъ, наприм., труды *Мезрэ* [5]), *Верто* [6]), разсужденія *Булен-*

[1]) Кино (1635—1688).

[2]) Люлли (1633—1687). См. о музыкѣ въ слѣд. главѣ.

[3]) Поль-де-Гонди, кардиналъ Рецъ (1614—1679).

[4]) Сенъ-Симонъ принадлежитъ XVIII в., но между главными мемуарами той эпохи слѣдуетъ упомянуть: *Сюлли* и *Ришелье*, столь важные для политики, герцога *Ларошфуко*, г-жи *де-Монпансье*, г-жи *де-Мотвиль*, аббата *Шуази* и *Гурвиля*.

[5]) Мезрэ (1610—1683).

[6]) Верто (1655—1735).

вилье [1]), изящная книга *Сенъ-Реаля* [2]) *О заговорѣ въ Венеціи*, исторія церкви *Флёри* [3]) и проч.

Декартъ открылъ въ философіи путь, которому всего болѣе слѣдовалъ *Малебраншъ* [4]), священникъ Общества проповѣдниковъ. Въ своей книгѣ *Объ изслѣдованіи истины*, онъ отступилъ отъ теоріи своего учителя въ теоріи *Созерцанія въ Богѣ*, которую онъ преувеличилъ, доведя ее до мистицизма. Онъ пытался согласить философію съ религіей, что̀ уже оспаривали *Бейль* и *Спиноза*.

Всѣ эти писатели не могли бы появиться, если бы не существовало организованнаго классическаго обученія. Іезуиты основали множество коллегій; янсенисты блистали въ *Портъ-Роялѣ*, этой школѣ добродѣтели и знанія, гдѣ въ уединеніи разрабатывались основательные методы преподаванія. Самый университетъ, хотя и задержанный средневѣковой рутиной, открылъ доступъ въ свои коллегіи новымъ методамъ. Къ XVII вѣку справедливо относятъ возникновеніе современной педагогіи.

Преподаваніе сдѣлалось настоящей наукой. Эту науку, хотя и заслоненную и смѣшанную съ другими, уже можно различить въ XVII в. Она началась еще въ XVI столѣтіи, одновременно съ возрожденіемъ литературы, и оказалась необходимою частью религіозной реформы. Лютеръ, предписывая чтеніе Библіи, поощрялъ созданіе школъ. Католики, чтобы бороться съ протестантами, также признали важность обученія, и Генеральные Штаты, въ 1560 г., потребовали даже обязательнаго обученія. Въ XVII в. попытки педагогической пропаганды стали серьезнѣе. Въ Германіи славянинъ *Амосъ Коменскій* (1592—1672) посвятилъ свою жизнь дѣлу народнаго образованія и установилъ различныя ступени обученія. Во Франціи *Деміа* учредилъ въ Ліонѣ (1666) *конгрегацію братьевъ св. Карла* для обученія *бѣдныхъ дѣтей*. Кардиналъ Куаленъ, при Людовикѣ XIV, основалъ на свои средства двѣсти школъ въ Орлеанскомъ діоцезѣ. Сенъ-Симонъ разсказываетъ, что Людовикъ XIV, очень его любившій, хотѣлъ, чтобы кардиналъ чаще появлялся при дворѣ, но послѣдній рѣшительно отказался отъ этого, не желая подвергнуть уничтоженію свою драгоцѣнную жатву, свои столь полезныя школы. Жанъ-Батистъ де-Ла-Саль, каноникъ изъ Реймса, образовалъ конгрегацію, предназначенную исключительно для

---

[1]) Графъ де-Буленвиллье (1658—1722).
[2]) Сенъ-Реаль (1639—1692).
[3]) Флёри (1640—1723).
[4]) Малебраншъ (1683—1715).

распространенія начальнаго обученія. *Братья христіанскаго ученія*, которыхъ онъ собралъ вокругъ себя, были монахи, не будучи священниками и не имѣя возможности ими сдѣлаться. Де-Ла-Саль испыталъ многія трудности прежде, чѣмъ ему удалось основать первыя школы въ Реймсѣ (1679), въ Ретёлѣ, Гизѣ и Лаонѣ (1683), затѣмъ въ Парижѣ школу св. Сюльпиція (1688), и школы въ Шартрѣ, въ Труа и въ Руанѣ (1705), гдѣ онъ умеръ въ 1719 г., не дождавшись королевскаго указа и папской буллы, которыми въ 1724 г. признаны были права новой конгрегаціи.

Первоначальное образованіе сводилось къ чтенію, письму, счету и катихизису и, несмотря на нѣкоторыя серьезныя усилія, велось очень небрежно. Пробужденіемъ умовъ воспользовалось всего болѣе *среднее образованіе*. Іезуиты, помимо университетовъ, учредили большое число коллегій, въ основаніе которыхъ они положили глубокое изученіе латыни. Заботясь о развитіи литературы и ея формъ, они создали образецъ классическаго образованія, которое должно было пережить ихъ господство, но они пренебрегали исторіей, философіей и науками. Тѣмъ не менѣе, изъ ихъ столь несовершенныхъ школъ вышла бо́льшая часть блестящихъ писателей того времени. „Ораторіанцы“ (члены общества проповѣдниковъ), менѣе односторонніе и менѣе недовѣрчивые по отношенію къ умственной свободѣ, также открыли множество коллегій и, между прочимъ, знаменитую коллегію Жюльи (1638), въ которой было отведено мѣсто французскому языку, исторіи и географіи. Изъ этого ученаго учрежденія вышли Маскаронъ, Массильонъ, ученые священники Лелонъ, Лекуантръ и др.

Янсенисты, соперники іезуитовъ, начиная съ 1643 г., открывали *Малыя школы* въ *Поръ-Ройялѣ де-Шанъ* и въ Парижѣ, въ улицѣ С. Доминикъ Данферъ; но эти школы просуществовали не долго, такъ какъ должны были закрыться. Поръ-Ройяль, тѣмъ не менѣе, остался разсадникомъ ученыхъ и талантливыхъ людей, каковы были моралистъ *Николь*, знатоки грамматики *Лансело*, *Арно* и теологи *де-Саси*, *Гюйонъ*, *Кустель* и *Варе*. Учителя Поръ-Ройяля удѣляли обширное мѣсто изученію французскаго языка и старались развивать дѣтскій умъ самостоятельнымъ размышленіемъ. Ихъ методы обученія языкамъ остались образцовыми и до сихъ поръ могутъ быть изучаемы съ пользою, а *Логика* ихъ сдѣлалась классической книгой. Отшельники Поръ-Ройяля были мастерами въ педагогіи.

Парижскій университетъ, хотя и отсталый, вынужденъ былъ послѣдовать общему движенію. Тамъ говорили только по-латыни и изучали лишь философію Аристотеля. Ректоръ *Ролень* (1661—1741) поднялъ

уровень преподаванія, и, благодаря ему, были признаны права французскаго языка, оцѣнены методы янсенистовъ и была введена картезіанская философія. Въ 1726 г. Роленъ издалъ *Трактатъ объ изученіи наукъ*, превосходную книгу, оказавшую серьезное вліяніе на образованіе.

Знаменитые люди, какъ Фенелонъ, занимались вопросами воспитанія и даже образованія дѣвушекъ. Его *Трактатъ объ образованіи дѣвицъ* остался образцовымъ произведеніемъ здраваго смысла и тонкости чувствъ. Безъ сомнѣнія, онъ слишкомъ ограничиваетъ знаніе, доступное женщинамъ, но, тѣмъ не менѣе, представляетъ большой прогрессъ въ сравненіи съ теоріей и практикой своего времени. Г-жа де-Ламберъ (1647—1733) продолжила и развила принципы, намѣченные Фенелономъ. Г-жа де-Ментенонъ отчасти примѣнила ихъ въ учрежденіи Сенъ-Сиръ, куда она помѣщала молодыхъ дѣвушекъ бѣдныхъ семействъ благороднаго происхожденія. Своими предписаніями и разумными мыслями, она заслуживаетъ быть упомянутой въ числѣ выдающихся педагоговъ, что отчасти оправдываетъ ее въ той печальной роли, какую она играла въ совѣтахъ Людовика XIV [1]).

Кольберъ, соперникъ Ришелье, также поощрялъ собранія ученыхъ и основалъ общества, создавшія себѣ славу, при Французской Академіи: *Академія Надписей* (1663) и *Академія наукъ* (1666). Умственное движеніе распространилось и въ провинціяхъ; во многихъ значительныхъ городахъ образовались *ученыя общества,* которымъ предстояло особенно развиться въ XVIII в., при чемъ многія изъ нихъ, будучи связаны съ Французской Академіей, гордились тѣмъ, что получили отъ нея начало.

Скромно и робко въ XVII вѣкѣ выступила *періодическая печать*, которая въ XIX столѣтіи уже управляетъ міромъ. Первая *газета,* вѣстникъ новостей, прикрывалась миѳологическимъ именемъ, отдавъ себя подъ покровительство *Меркурія*, вѣстника боговъ. *Французскій Меркурій,* основанный Рише въ 1605 г., сдѣлался органомъ воспитаннаго и изящнаго общества, чувствовавшаго потребность расширять этимъ путемъ кругъ своихъ бесѣдъ: онъ служилъ эхомъ гостиныхъ для города и городскихъ слуховъ для гостиныхъ. Это была газета въ настоящемъ смыслѣ слова. *Теофрастъ Ренодо* въ 1635 г. сталъ выпускать листокъ подъ названіемъ *Французской газеты*, что, впрочемъ, не помѣшало ему продолжать, начиная съ 1644 г., изданіе *Меркурія.*

---

[1]) Относительно послѣдняго вопроса см. обстоятельныя сообщенія О. Греана *Sur l'enseignement secondaire.*

Конечно, отъ этихъ первыхъ попытокъ прессы, не сознававшей еще своей силы, нельзя требовать смѣлости, которая, впрочемъ, была бы разомъ пріостановлена властью, уже недовѣрчивой по отношенію къ книгамъ, и парламентомъ, вовсе не снисходительнымъ къ излишествамъ рѣчи, не исходившимъ отъ него самого.

Англійская литература въ началѣ XVII столѣтія находилась еще подъ обаяніемъ великаго имени Шекспира. Но, наряду съ нимъ, она высоко ставила и *Бенъ-Джонсона*. Это былъ классикъ, увлеченный единствами Аристотеля, подражавшій Ювеналу, какъ сатирику, и вдохновлявшійся въ своихъ трагедіяхъ Тацитомъ и Саллюстіемъ [1]).

Фрэнсисъ Бэконъ, членъ парламента, баронъ Веруламскій, виконтъ де-Сентъ-Альбансъ, великій канцлеръ Англіи при Іаковѣ I, возвратилъ умы къ философіи и наукѣ. Пытаясь охватить въ совокупности міръ умственный и физическій, онъ создалъ планъ громаднаго труда *Великаго возстановленія наукъ*, котораго выполнилъ лишь три части. Главную часть составляетъ *Novum Organum* (1620) [2]), которымъ онъ открылъ новый путь мышленію, все еще стѣсненному Аристотелевымъ методомъ. Дедукціи онъ противупоставилъ индукцію. Доводы, строго связанные между собою, но, по большей части, исходившіе отъ гипотетическихъ началъ, онъ замѣнилъ послѣдовательнымъ разсужденіемъ, основаннымъ на наблюденіи фактовъ, на *опытѣ*, подвигаясь шагъ за шагомъ *отъ извѣстнаго къ неизвѣстному*. Древніе разсуждали, спускаясь отъ общаго къ частному; Бэконъ восходилъ отъ частнаго къ общему,—методъ, какимъ вдохновлялись Декартъ, создавая философію, и ученые, отыскивая законы физическаго міра. Бэконъ поднялъ человѣческій духъ.

Въ Англіи принципы Бэкона были почти тотчасъ примѣнены къ философіи *Гоббсомъ* (1588—1680), который, подвергая наблюденію все, что̀ поддавалось чувствамъ, началъ формулированіе матеріалистической философіи.

Революціи 1640 и 1688 гг. сильно потрясли умы и повели къ серьезнымъ послѣдствіямъ для литературы. Революція 1640 г., религіозная по преимуществу, преслѣдовала театръ и обратила въ бѣгство

---

[1]) Бенъ-Джонсонъ родился въ 1574 г., а дѣятельность, его, какъ драматурга, простирается отъ 1596 до 1633 г. Три лучшія комедіи Бенъ-Джонсона—*Молчаливая женщина, Алхимикъ* и *Лиса*. Онъ писалъ также фантастическія и аллегорическія комедіи.

[2]) Бэконъ (1561—1626). Первою частью *Великаго возстановленія* былъ *Прогрессъ наукъ* (1605); второю—*Novum Organum;* третья состояла изъ различныхъ трактатовъ по естественной исторіи.

свѣтскихъ поэтовъ. Но ея вдохновеніе оживилъ геній *Мильтона*, человѣка независимаго, какъ въ политикѣ, такъ и въ религіи, горячаго полемиста, потерявшаго зрѣніе отъ усиленной работы, который, послѣ того, какъ стихла буря, создалъ свою прекрасную поэму *Потерянный Рай*. Его произведеніе, простое и драматическое въ одно и то же время, заключаетъ всего два дѣйствующихъ лица, но авторъ вводитъ туда небо и землю; онъ описываетъ природу съ такимъ изяществомъ, какое трудно ожидать отъ человѣка, лишеннаго возможности созерцать ее, и упивается райскимъ свѣтомъ, какъ бы для того, чтобы вознаградить себя за утрату солнечнаго блеска, навсегда скрытаго отъ него. Эта черта сближаетъ его съ Гомеромъ, который также былъ слѣпъ и, подобно ему, восторгался красотами, недоступными для него. Мильтонъ остался великимъ эпическимъ поэтомъ Англіи.

Сынъ бѣднаго котельщика, *Бёньенъ* [1]) былъ также охваченъ религіознымъ вдохновеніемъ. Упорный и гонимый проповѣдникъ, онъ написалъ книгу *Путешествіе паломника*, живую аллегорію опасностей и страданій души, популярное произведеніе, которое распространилось до самыхъ бѣдныхъ хижинъ горной Шотландіи.

Возстановленіе Карла II вновь привело съ собою удовольствія, смѣхъ, легкую и юмористическую поэзію. Самуэль Бётлеръ [2]), въ своей шуточной эпопеѣ *Гудибрасъ*, обратилъ въ шутку суровое усердіе сектантовъ. Театръ старался подражать французскому театру, но не имѣлъ успѣха ни въ трагедіи, ни въ комедіи. *Джонъ Драйденъ* [3]) считается первоклассным писателемъ не за свои трагедіи и комедіи, но за произведенія въ родахъ второстепенныхъ, въ политической сатирѣ и въ одѣ. Его стихотворенія благородны и холодны, но часто напыщены; главная его заслуга заключается въ замѣчательномъ языкѣ, доставившемъ ему славу классика.

Революція 1688 г., въ свою очередь, имѣетъ представителя въ лицѣ *Локка* [4]), ея истолкователя и защитника. Въ своемъ *Опытѣ о гражданскомъ управленіи*, онъ изъяснялъ новую форму правленія и явился предшественникомъ автора *Общественнаго Договора*. Въ политикѣ и философіи, онъ уже почти человѣкъ XVIII в. Въ дѣйствитель-

---

[1]) Бёньенъ (1628—1688). [2]) Бётлеръ (1612—1680).

[3]) Драйденъ (1631—1700). Его политическія сатиры: *Авессаломъ* и *Архитопель*, *Медаль*, *Макъ-Флекно* и др.

[4]) Локкъ (1632—1704). Кромѣ *Опыта о гражданскомъ управленіи* и *Опыта о человѣческомъ разсудкѣ*, онъ написалъ еще *Мысли о воспитаніи дѣтей*, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ педагогическихъ трактатовъ.

ности, хотя онъ и вдохновлялся методомъ Декарта, но оспаривалъ его ученіе. Въ своемъ *Опытѣ о человѣческомъ разсудкѣ*, отыскивая происхожденіе идей, онъ полагалъ, что нашелъ его въ ощущеніяхъ и мышленіи: онъ былъ отцомъ школы *сенсуалистовъ*.

Англійская литература не подчинялась какимъ-либо общимъ правиламъ, подобно французской. Она вполнѣ выражала собою энергичное общество своей родины, дѣятельное и разнообразное, достигшее политической и религіозной свободы. Менѣе выдержанная и изящная, она цѣнила не красоту формы, а твердость мысли, и почти достигла совершенства въ поэмѣ Мильтона.

Голландія, будучи также свободной страной, давала пріютъ цѣлой колоніи французскихъ скептиковъ и ученыхъ, каковы были *Бейль*, *Банажъ* и *Леклеркъ*. Еврей *Спиноза* [1]) изложилъ философское ученіе, противуположное французскимъ ученіямъ. Усматривая въ мірѣ одну только субстанцію, онъ пытался доказать, что Богъ не можетъ существовать безъ природы, такъ же, какъ и природа — безъ Бога. Такимъ образомъ, онъ пришелъ къ пантеизму. Спиноза отрицалъ свободную волю и въ политикѣ отстаивалъ всемогущество государства. Позднѣе, его ученіе было развито многочисленными послѣдователями.

Нѣмецъ *Лейбницъ*, математикъ и философъ, исходилъ отъ Декарта, книги котораго онъ называлъ «преддверіемъ истины». Но онъ пытался примирить его систему съ системой Локка. Онъ оспаривалъ *врожденность идей* и значительно ограничивалъ правило философовъ экспериментальной школы: «въ умѣ нѣтъ ничего, чего раньше не было въ чувствахъ». Лейбницъ прибавлялъ: «за исключеніемъ самого ума» [2]).

Въ Испаніи, несмотря на полный ея упадокъ въ XVII вѣкѣ, тѣмъ не менѣе, сохранялся отблескъ литературной славы предшествующаго столѣтія. Школа Лопе де Веги увеличилась драмами религіознаго и свѣтскаго содержанія, и авторы комедій *Монтальванъ* и *Теллесъ* [3]) обладали почти неисчерпаемой плодовитостью. *Гуилемъ де-Кастро* заимствовалъ изъ народныхъ романсовъ сюжетъ своей великолѣпной драмы *Сидъ*, вдохновившей Корнеля. *Аларконъ* [4]), своими комедіями, также далъ образцы, которымъ Корнель подражалъ въ *Лжецѣ*.

---

[1]) Род. въ Амстердамѣ (1632—1677). Главный трудъ его называется *Этика*.

[2]) Лейбницъ род. въ Лейпцигѣ (1646—1716).

[3]) Монтальванъ (1602—1638), Теллесъ (1613—1648); оба принадлежали къ духовному званію.

[4]) Хаунъ Руисъ де-Аларконъ, род. въ Мексикѣ, прибылъ въ Европу около 1621 г.

Кальдеронъ де-ла-Барка [1]), сперва воинъ, затѣмъ священникъ, былъ самымъ плодовитымъ и великимъ драматическимъ поэтомъ Испаніи. Сильнымъ и страстнымъ интересомъ одушевлены его свѣтскія драмы, въ которыхъ онъ превозносилъ чувство *чести*, столь дорогое испанцамъ. Комедіи его изобиловали сложными интригами и неожиданностями. Онъ безконечно разнообразилъ свои стихотворные размѣры. Но онъ злоупотреблялъ остроуміемъ, и первоклассныя красоты, какими блещутъ его пьесы, искажены дурнымъ вкусомъ, отъ котораго испанцы не могли отдѣлаться.

Впрочемъ, въ Испаніи въ литературѣ начинался упадокъ такъ же, какъ и въ политикѣ. Все болѣе и болѣе подозрительная инквизиція душила мысль. Страна была охвачена въ то время полной религіозной нетерпимостью, и костры ауто-да-фе [2]) освѣщали зловѣщимъ свѣтомъ народныя празднества, часть которыхъ они составляли.

Тогда поэзія обратилась въ игру остроумія; *Луисъ де-Гонгора* создалъ школу дурного вкуса: *гонгоризмъ* царилъ безраздѣльно.

Такая страна не могла служить для развитія философіи и исторіи. Историки ея были не болѣе, какъ хроникеры [3]).

XVII вѣкъ, оживившій литературную славу древнихъ писателей, пріобрѣлъ и другую, принадлежащую новымъ временамъ—славу научную. Передъ нами тогда во всемъ величіи выступаетъ человѣческій умъ, возносящійся силою отвлеченія къ сочетаніямъ цифръ и линій и создающій науку *математики*; освобождающійся отъ мечтаній астрологіи для разъясненія, съ помощью астрономіи, истинныхъ движеній небесныхъ тѣлъ, наконецъ, наблюдающій физическія явленія и подчиняющій ихъ себѣ, чтобы превратить ихъ въ орудія, которыми удесятерилась сила промышленности. Ученые были самыми дѣятельными передовыми людьми цивилизаціи, наиболѣе достойными удивленія и всеобщей признательности. Именно они создали новый міръ.

Математическія науки не имѣютъ національности. Онѣ развились почти одновременно во всѣхъ странахъ: въ Италіи, благодаря *Галилею*,

---

[1]) Кальдеронъ де-ла-Барка, род. въ Мадридѣ (1600—1681), написалъ много религіозныхъ драмъ или священныхъ дѣйствій (*autos*), свѣтскихъ драмъ и комедій.

[2]) Великія ауто-да-фе были еще въ 1623 и даже 1680 г. при Карлѣ II. При немъ рабочіе въ Мадридѣ во множествѣ предлагали свои услуги для сооруженія обширнаго амфитеатра.

[3]) Впрочемъ, *Мендоса* выказалъ настоящій талантъ, разсказавъ возмущеніе Гренады при Филиппѣ II. *Хуанъ де-Маріана*, іезуитъ, въ своей исторіи Испаніи, пытался подражать Титу Ливію; *Антоніо де-Эррера* написалъ исторію Индій; *Гарсиласо де-ла-Вега*, род. въ Перу,—*Исторію Флориды*. Можно назвать еще *Монкаду*, *Колому* и *Антоніо де-Солисъ*, написавшаго *Завоеваніе Мексики*.

Кавальери [1]), *Вивіани* и *Риччи* [2]); во Франціи—*Декарту*, примѣнившему алгебру къ геометріи, *Паскалю*, написавшему *Опытъ о коническихъ сѣченіяхъ*, придумавшему новый способъ геометрическаго анализа и числительную машину, *Ферма* [3]), которому мы обязаны усовершенствованіемъ альгебры, способомъ *максимумовъ* и *минимумовъ* и счисленіемъ вѣроятностей, и *Робервалю*, одному изъ основателей Академіи наукъ; въ Германіи—*Кеплеру*, придумавшему логариѳмы, философу *Лейбницу*, открывшему дифференціальное счисленіе; въ Англіи—*Непиру*, *Генри Бриггсу*, раздѣлившему съ Кеплеромъ честь открытія логариѳмовъ, *Барроу*, учителю *Ньютона*, самому Ньютону, который не могъ бы быть знаменитымъ астрономомъ, если бы не былъ великимъ математикомъ; въ Голландіи—*Гёйгенсу*, одному изъ творцовъ *механики;* въ Бельгіи—*Симону де-Брюжъ* и *Грегуару де-Сенъ-Венсенъ;* въ Швейцаріи—*Якобу Бернулли* и множеству другихъ, которыхъ мы не можемъ перечислить здѣсь.

Въ XVI в. Тихо де-Браге къ астрономіи еще слишкомъ много примѣшивалъ астрологіи. Одинъ изъ его учениковъ, *Кеплеръ*, родившійся въ Виртембергѣ, вмѣсто того, чтобы отдаваться фантазіямъ, началъ вычислять. Стараясь найти единство и гармонію въ кажущемся безпорядкѣ міра, онъ довольно близко подошелъ къ закону всемірнаго тяготѣнія. По крайней мѣрѣ, онъ открылъ нѣсколько законовъ, носящихъ его имя, какъ, напр., законъ эллипсисовъ. Онъ составилъ интересныя работы о свѣтѣ, преломленіи, затменіяхъ и кометахъ.

Галилей, родившійся въ Пизѣ, соорудилъ первый астрономическій телескопъ, увеличивавшій въ сто разъ, и изучалъ луну, звѣзды и планеты, открылъ четыре спутника Юпитера, солнечныя пятна, обращеніе солнца вокругъ своей оси, и, вернувшись къ системѣ Коперника, подтвердилъ вращеніе земли. Узкое суевѣріе было еще такъ могущественно, что Галилей, хотя и пользовавшійся покровительствомъ просвѣщенныхъ папъ, былъ приговоренъ судомъ инквизиціи къ отреченію отъ своихъ взглядовъ, что̀ не помѣшало, однако, землѣ двигаться; самъ Галилей, какъ говорятъ, послѣ своего отреченія, которое онъ долженъ былъ произнести, стоя на колѣняхъ, поднимаясь на ноги, проговорилъ: А все-таки она движется!“ („E pur si muove“).

Галилей опредѣлилъ положеніе земли въ солнечной системѣ. Англичанинъ *Ньютонъ*, сынъ простого фермера, одаренный необычайными

---

[1]) Бонавентура Кавальери, род. въ Миланѣ (1598—1647).

[2]) Винченто Вивіани (1622—1703). Микель Анджело Риччи (1619—1692).

[3]) Род. близъ Монтобана (1601—1665). Онъ былъ совѣтникомъ парламента въ Тулузѣ.

способностями къ математикѣ, открылъ законъ притяженія земли и небесныхъ тѣлъ. Онъ доказалъ, что солнце дѣйствуетъ на планеты, что планеты дѣйствуютъ другъ на друга пропорціонально своимъ массамъ, и изложилъ міровой законъ въ слѣдующихъ простыхъ словахъ: сила притяженія тѣла равняется массѣ, раздѣленной на квадратъ разстоянія [1]). Этотъ законъ, сдѣлавшійся точкой отправленія всей астрономической науки, сначала не былъ вполнѣ понятъ; тѣмъ не менѣе, онъ былъ однимъ изъ самыхъ удивительныхъ открытій. Человѣкъ достигъ возможности уловить тайну вселенной. Небеса сдѣлались открытой книгой.

Съ той поры по ней читаютъ свободно. Другой англичанинъ, Эдмондъ *Галлей* вычислилъ путь кометы, появившейся въ 1681 г., и сохранившей его имя. *Флэмстидъ* [2]) составилъ каталогъ звѣздъ и былъ первымъ директоромъ обсерваторіи въ Гринвичѣ (1676 г.). Въ то время существовали уже обсерваторіи въ *Копенгагенѣ* (1632), основанная *Лонгомонтаномъ*, въ *Данцигѣ* (1641), основанная *Гевеліусомъ*, и въ *Альторфѣ*, въ Баваріи (1667). Въ 1667 г. было положено основаніе Парижской обсерваторіи, оконченной въ 1671 г. по планамъ *Кассини*.

Семья *Кассини* была настоящей династіей ученыхъ, подобно династіямъ фламандскихъ живописцевъ [3]). Кромѣ того, аббатъ *Жанъ Пикаръ* [4]) принималъ участіе въ первоначальныхъ работахъ Парижской обсерваторіи [5]). Пикаръ работалъ также надъ опредѣленіемъ *Парижскаго меридіана*; трудъ его продолжалъ Жакъ Кассини, который довелъ этотъ меридіанъ на югѣ до Канигу, а на сѣверѣ — до Дюнкирхена.

Гёйгенсъ [6]), міровой ученый, самъ дѣлалъ телескопы, превосходившіе всѣ, какіе были извѣстны до того времени. Онъ первый замѣтилъ свѣтлую полосу, окружающую Сатурнъ, его *кольцо* (1655); затѣмъ

---

[1]) Ньютонъ опредѣлилъ также, по сплющенности Юпитера, настоящую форму земли; онъ вывелъ изъ сплющенности шара съ двумя полюсами предвареніе равноденствій, поставилъ механическій вопросъ о *нутаціи* луны и связалъ съ міровымъ тяготѣніемъ явленіе приливовъ.

[2]) Эдмондъ Галлей (1656—1742). Флэмстидъ (1646—1719).

[3]) Жанъ Доминикъ Кассини, род. въ графствѣ Ницца (1625—1712); сынъ его, Жакъ Кассини, род. въ Парижѣ (1677—1756); сынъ Жака, *Кассини де-Тюри* (1714—1784); сынъ его, *Жакъ Доминикъ Кассини* ум. въ 1845 г.

[4]) Пикаръ (1620—1682).

[5]) Съ своей стороны Цукки, англичанинъ Джекъ Грегори и французскій проф. Кассгренъ усовершенствовали телескопъ. Примѣненіе микрометра къ подзорнымъ трубамъ и телескопамъ позволяло измѣрять отражавшіеся въ нихъ предметы.

[6]) Род. въ Гагѣ (1629—1695).

онъ открылъ одинъ изъ его спутниковъ. Доминикъ Кассини открылъ остальные.

Датчанинъ, *Олай Рёмеръ* [1]), пріѣхавшій во Францію вмѣстѣ съ Пикаромъ въ 1672 г. и поселившійся въ обсерваторіи, принималъ видное участіе въ астрономическихъ трудахъ французовъ; затѣмъ, отозванный въ Копенгагенъ, онъ продолжалъ тамъ свои изысканія. Ему первому удалось, въ 1700 г., установить телескопъ на плоскости меридіана, двигавшійся на своей оси. Онъ вычислилъ, что свѣту нужно около восьми минутъ, чтобы достигнуть съ солнца до земли.

Труды астрономовъ и математиковъ могли только содѣйствовать развитію физическихъ наукъ. Бэконъ возвратилъ имъ почетное положеніе: онъ въ особенности ихъ имѣлъ въ виду, когда въ своихъ сочиненіяхъ восхвалялъ достоинство наукъ. Онъ совѣтовалъ ученымъ наблюдать природу, разлагать, анализировать явленія и выводить законы изъ фактовъ. „Смотрите и понимайте“, — говорилъ онъ, — громадная услуга, заставляющая историка поставить имя Бэкона во главѣ списка физиковъ и естествоиспытателей, такъ же, какъ и философовъ, хотя лично онъ обладалъ посредственными знаніями, а съ нравственной точки зрѣнія, болѣе, чѣмъ посредственной совѣстью.

Впрочемъ, нѣкоторые геніи не дожидались сочиненій Бэкона, чтобы обратиться къ опыту. Невольно приходится смущаться при мысли, какіе простые и обыденные факты приводили иногда человѣка къ самымъ удивительнымъ открытіямъ. *Галилей* смотрѣлъ на люстру, качавшуюся въ Пизанскомъ соборѣ (1583). Онъ замѣтилъ, что, когда это качаніе уменьшалось, дуги, хотя и меньшихъ размѣровъ, описывались въ тотъ же промежутокъ времени. Онъ опредѣлилъ законъ *одновременности* качаній маятника; затѣмъ, онъ установилъ законъ *тяжести*. Одинъ флорентинскій садовникъ, устроивъ насосъ длиннѣе обыкновеннаго, съ удивленіемъ замѣтилъ, что вода въ немъ никогда не поднималась выше 32 футовъ; Галилей напрасно пытался объяснить это явленіе. Его ученикъ, *Торричелли*, разъяснилъ это, и его опыты надъ тяжестью воздуха привели къ устройству *трубокъ*, положившихъ начало *барометру*.

Паскалъ возобновилъ опыты Торричелли, измѣрилъ высоту ртутнаго

---

[1]) Къ нимъ слѣдуетъ прибавить *Гевеліуса* (1611 — 1687) изъ Данцига, посвятившаго себя исключительно изученію луны и составившаго первыя ея карты; *Гримальди* (1618—1663) изъ Болоньи, также составившаго лунную карту и открывшаго явленіе дифракціи свѣта. *Симонъ Маріусъ* и *Давидъ Фабриціусъ*, нѣмецкіе астрономы, изучали звѣзды; Симонъ Маріусъ открылъ первую небесную туманность. *Ричардъ Норвудъ* измѣрилъ *земной радіусъ* между Лондономъ и Іоркомъ (1635).

столба въ Клермонѣ и на вершинѣ горы Пюи-де-Дома (1648), и нашелъ, что высота его обратно пропорціональна высотѣ мѣста надъ уровнемъ моря. Онъ провѣрилъ этотъ фактъ новыми наблюденіями въ Парижѣ, на башнѣ Сенъ-Жакъ де-Бушри [1]). *Декартъ*, несмотря на свои познанія въ физикѣ, былъ болѣе математикомъ и запутался въ химерической системѣ *вихрей*, которая, однако, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія съ исторической точки зрѣнія, такъ какъ, быть можетъ, она привела Ньютона на путь его открытій.

Аббатъ *Маріоттъ* [2]), умершій въ 1684 г. и принимавшій участіе въ трудахъ Академіи Наукъ съ самаго ея основанія, открылъ законъ, сохранившій его имя, но которому напрасно придано было слишкомъ широкое обобщеніе. Согласно этому закону, „объемъ данной массы какого-либо газа, при одинаковой температурѣ, обратно пропорціоналенъ давленію, испытываемому ею“. Нѣмецъ *Отто Герике* [3]) работалъ надъ полученіемъ безвоздушнаго пространства и устроилъ первую *пневматическую машину*. Ирландецъ *Бойль* [4]) содѣйствовалъ учрежденію знаменитаго *Лондонскаго Королевскаго Общества*. Къ этому списку слѣдуетъ присоединить еще другого англичанина, *Самуэля Морленда* [5]), посвятившаго себя изученію механики и, въ особенности, *гидростатики*, и *Гильома Амонтона* [6]), родившагося въ Парижѣ и занимавшагося барометрами, термометрами и гигрометрами.

Наконецъ, къ этой же эпохѣ относится открытіе, которое должно было произвести наиболѣе значительный переворотъ; это — открытіе силы *пара*. *Дени Папенъ* [7]) родился въ Блуа, былъ изгнанъ изъ Франціи отмѣною Нантскаго эдикта, и съ 1674 года производилъ опыты надъ водой, нагрѣтой на открытомъ воздухѣ и перегрѣтой въ закупоренномъ сосудѣ. И его открытіе приписываютъ случайно замѣченному имъ дѣйствію пара на крышку кастрюли. Какъ бы то ни было, ему удалось устроить аппаратъ, предназначенный для извлеченія, посредствомъ пара высокаго давленія, студенистой части костей. Затѣмъ онъ устроилъ первую паровую машину съ поршнемъ и спустилъ на Фульдѣ,

---

1) Робертъ Гокъ (1638 — 1703), въ Англіи, продолжалъ работы надъ тяжестью воздуха и барометромъ, одновременно усовершенствовавъ стѣнные часы, микрометры и микроскопы.

2) Маріоттъ жилъ, обыкновенно, въ Диньѣ. Законъ его открытъ въ 1676 г.

3) Отто ф. Герике изъ Магдебурга (1602—1686).

4) Бойль, Робертъ (1626—1691).

5) Самуэль Морлендъ (1625—1695).

6) Гильомъ Амонтонъ (1663—1705).

7) Дени Папенъ род. въ 1647 г., ум. въ Марбургѣ въ 1714 г.

въ Германіи, настоящій пароходъ, который невѣжественные и завистливые матросы разбили вдребезги. Понадобилось еще болѣе вѣка, прежде, чѣмъ удалось составить понятіе объ этой новой силѣ, которую обнаружилъ Папенъ и которая должна была произвести глубокія міровыя измѣненія.

Ботаника, наука не новая, такъ какъ наблюденіе растеній всегда пользовалось почетомъ, въ это время также сдѣлала большіе успѣхи [1]). Въ Амстердамѣ былъ устроенъ ботаническій садъ, управлявшійся Фридрихомъ Рёйскомъ; въ Италіи ботаническій садъ въ Болоньѣ пользовался славой подъ управленіемъ братьевъ Амброзини; во Франціи первый ботаническій садъ основанъ былъ въ 1626 г., при Ришельё, а первымъ директоромъ этого сада былъ *Гюи де-ла-Броссъ*. Въ 1635 г. въ немъ была акклиматизирована первая акація, ввезенная въ Европу. Франція въ особенности гордилась *Турнефоромъ* [2]). Онъ не только изучилъ во время своихъ путешествій значительное число растеній и привезъ ихъ во Францію, при Людовикѣ XIV, но и составилъ *классификацію*, служившую наукѣ въ теченіе болѣе ста лѣтъ.

Успѣхи хирургіи въ XVI в. затронули самолюбіе врачей. Въ то время появились знаменитые труды англичанъ *Гарвея* [3]), открывшаго законы кровообращенія, *Сайденгэма* [4]), изучавшаго эпидеміи, голландца *Бургафа* [5]), одного изъ основателей клиническаго преподаванія, французовъ *Пеке* [6]), имя котораго сохранилось въ названіи одного изъ сосудовъ, открытыхъ имъ въ человѣческомъ тѣлѣ, служащаго для распредѣленія млечнаго сока (хила), *Фагона* [7]), врача Людовика XIV, *Марешаля* [8]) и *Феликса де-Тасси* [9]), его хирурговъ; нѣмцевъ *Фридриха Гоффмана* [10]) и *Георга Шталя* [11]). Старая медицина, основанная на догад-

---

[1]) Братья *Богэнъ* въ Швейцаріи, англичане *Паркинсонъ*, *Морисонъ* и *Рей*, нѣмцы *Юнгъ*, *Юнгерманъ*, *Германъ*, *Ривинъ* и др. посвятили жизнь изученію и описанію растеній, а изслѣдованіе отдаленныхъ странъ открыло множество новыхъ семействъ.

[2]) Жозефъ Питтонъ де-Турнефоръ, род. въ Э (1656 — 1708). Къ его имени слѣдуетъ присоединить имена Корню, Пьера Морена, Жана и Веспазьена Робена и Барелье.

[3]) Гарвей (Вильямъ), 1578—1657.

[4]) Сайденгэмъ (1624—1689). Его имя связано съ придуманнымъ имъ препаратомъ опіума.

[5]) Бургафъ, род. близъ Лейдена (1668—1738).

[6]) Жанъ Пеке, род. въ Діеппѣ (1622—1674).

[7]) Фагонъ (1638—1718).

[8]) Марешаль (1658—1736).

[9]) Феликсъ де-Тасси, ум. въ 1703 г.

[10]) Фридрихъ Гофманъ (1660—1742).

[11]) Георгъ Эрнстъ Шталь (1660—1734).

кахъ, напрасно пыталась бороться съ медициной, основанной на опытѣ, и не замедлила подвергнуться насмѣшкамъ, которыми Мольеръ покрылъ медиковъ-педантовъ, недавно еще достаточно сильныхъ, чтобы унизить хирурговъ, смѣшавъ ихъ школы съ цехомъ цирульниковъ.

Успѣхи наукъ подготовили средства для улучшенія условій жизни; искусство продолжало украшать ее. Но воображеніе итальянцевъ, столь блестящее въ XVI в., истощилось. *Бернини* [1]), отуманенный ранними успѣхами, пересталъ изучать мастеровъ, сбился съ настоящей дороги и ввелъ въ архитектуру, въ видѣ декоративныхъ элементовъ, утолщенія, завитки, фестоны и гирлянды. *Борромини* [2]) еще болѣе преувеличилъ эти выдумки и дошелъ до нелѣпостей.

Французская архитектура сообразовалась всегда съ итальянской, не слѣдуя ея заблужденіямъ. Въ эту эпоху она, главнымъ образомъ, подчинялась теоріямъ ордена іезуитовъ, которые, добиваясь краснваго, ослабили религіозный стиль и отняли у него торжественность и величественность стиля среднихъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе, французскіе архитекторы заимствовали у прекрасныхъ итальянскихъ памятниковъ куполъ, сначала скромный,—въ церкви *Сорбонны*, затѣмъ болѣе обширный и смѣлый—въ Валь-де-Грасъ, и болѣе легкій—въ *церкви Инвалидовъ*. Куполъ *св. Павла въ Лондонѣ*, хотя болѣе внушительный, чѣмъ куполъ Валь-де-Граса, менѣе красивъ. Архитекторы, воздвигавшіе французскія церкви этой эпохи, были: *Жакъ де-Броссъ*, *Франсуа Мансаръ*, *Жакъ Лемерсье и Габріель Ледюкъ*.

Гражданская архитектура была болѣе удачной. Жакъ де-Бросъ построилъ (около 1611 г.) для Маріи Медичи дворецъ *Люксенбургъ*, фасады котораго напоминаютъ архитектуру внутренняго двора дворца Питти. Ришёлье велѣлъ выстроить *Дворецъ Кардинала* (впослѣдствіи Пале-Ройяль), Мазарини—*Коллегію Четырехъ Націй* (нынѣшній Институтъ). *Лемерсье* продолжалъ украшать *Фонтенебло* [3]); онъ развилъ для Лувра планы Пьера Леско и построилъ центральный павильонъ, увѣнчанный четвероугольнымъ куполомъ. *Лево* [4]) менѣе удачно измѣнилъ планы Филибера Делорма при продолженіи постройки дворца Тюильри, которому онъ придалъ тяжесть неизящнымъ куполомъ. Лево построилъ нѣсколько княжескихъ дворцовъ и, между прочимъ, домъ президента

---

[1]) Джіовани Лоненцо Бернини, называемый кавалеромъ Берненъ, род. въ Неаполѣ въ 1598 г., сдѣлалъ планъ колоннады площади св. Петра, фонтана Навонъ и пр.

[2]) Франческо Борромини (1599—1667).

[3]) Лемерсье (1595—1660).

[4]) Лево (1612—1670).

Ламбера де-Ториньи, одинъ изъ наиболѣе изящныхъ образцовъ архитектуры XVII в. Онъ воздвигъ также знаменитый замокъ Во, бывшій гордостью и причиною паденія Фуке. Парижъ украсился тріумфальными арками воротъ *Сенъ-Дени*, произведеніемъ *Франсуа Блонделя* и воротъ *Сенъ-Мартенъ*. *Либералъ Брюанъ* [1]) разработалъ фасадъ Дома Инвалидовъ, который Мансаръ увѣнчалъ церковнымъ куполомъ.

Эта архитектура выражала мысль и волю, господствовавшія въ политикѣ и литературѣ Франціи, т.-е. принадлежавшія Людовику XIV. Чтобы удовлетворить вкусу этого государя, *Клодъ Перро* придумалъ сдѣлать передъ Лувромъ эпохи Возрожденія колоннаду по античному образцу; онъ достигъ величественности прекраснымъ сочетаніемъ пятидесяти двухъ колоннъ и пилястровъ, соединенныхъ попарно, длиною въ 176, высотою въ 28 метровъ. Его произведеніе возбудило тогда настоящій восторгъ.

Но Людовикъ XIV затруднялся дать ходъ въ Парижѣ своему исключительному пристрастію къ прямой линіи: поэтому онъ велѣлъ выстроить громадный Версальскій дворецъ, фасадъ котораго, выходящій въ садъ, представляетъ внушительный видъ. *Жюль Гардуэнъ Мансаръ* [2]) построилъ тамъ великолѣпную капеллу и хотѣлъ поднять дворецъ до той же высоты; Людовикъ XIV не согласился на это, къ большому ущербу для дворца, надъ которымъ капелла поднимается въ родѣ мрачной гробницы. Версаль представляетъ повтореніе колоннады, казавшейся тогда послѣднимъ словомъ архитектуры. Какъ ни замѣчательны эти памятники, они были слишкомъ холодны и торжественны; правильность тамъ преобладаетъ надъ вдохновеніемъ, и симметрія мѣшаетъ порыву.

Традиціи скульпторовъ XVI в. поддерживались *Пьеромъ Саразенъ* [3]) создавшимъ замѣчательные мавзолеи и каріатиды центральнаго павильона Лувра. Но *Пьеръ Пюже* [4]) свободный и независимый геній, отка-

---

[1]) Франсуа Блондель изъ Круазетта (1617—1686). Либераль Брюанъ, ум. около 1697 г.

[2]) Жюль Гардуэнъ Мансаръ, внучатный племянникъ Франсуа Мансара (1646—1708).

[3]) Родился въ Нойонѣ (1588—1660). Онъ сдѣлалъ надгробные памятники принцу Конде и кардиналу Берюль.—Среди скульпторовъ этой эпохи слѣдуетъ упомянуть Симона Галльена (1581—1658), двухъ братьевъ Ангье—Франсуа Ангье (1614—1699) изваявшаго надгробные памятники Жака Огюста де-Ту и принцессы Конде, Шарлоты де-ла Тремуайль.

[4]) Род. въ Марсели (1632—1694). Куазво (1640—1720). Жирардонъ (1628—1715) Кусту́ (1658—1733).

зался подчиняться правиламъ министровъ Людовика XIV. Повинуясь своему увлеченію, онъ никогда не отступалъ передъ самыми сложными произведеніями. „Я вскормленъ великими трудами, говорилъ онъ; я плаваю, когда работаю, и мраморъ трепещетъ передо мной, какъ бы ни была велика его глыба". Онъ изваялъ громадную группу *Персея* и *Андромеды, Отдыхающаго Геркулеса, Милона Кротонскаго*, пожираемаго львомъ, и барельефъ *Александръ и Діогенъ*.

Куазво, Жирардонъ и Никола Кустý продолжали свои труды до XVIII в. Первый создалъ мавзолеи Мазарини и Кольбера, а также бюсты Людовика XIV; второй—гигантскія группы для Версаля, третій—группу *Сліяніе Сены и Марны* (въ Тюильрійскомъ саду). Братъ его, Гильомъ Кустý, принадлежалъ болѣе XVIII в.

Живопись, составлявшая славу Италіи въ XVI в., находила еще тамъ усердныхъ работниковъ. Болонская школа выдѣлялась среди другихъ, благодаря *Гверчино* [1]), возвеличеннаго слишкомъ притязательнымъ прозвищемъ *„Волшебника живописи"*. *Альбано*, названный *Анакреономъ живописи*, любилъ воспроизводить въ небольшихъ размѣрахъ миѳологическіе сюжеты. *Доменикино*, одинъ изъ главныхъ живописцевъ болонской школы, писалъ картины религіознаго и свѣтскаго содержанія; въ Ватиканскомъ музеѣ находится его наиболѣе извѣстная картина: *Послѣднее причащеніе св. Іеронима. Гвидо Рени* [2]), плодовитый художникъ, болѣе любилъ эффекты: онъ также, по выбору сюжетовъ, слѣдовалъ стариннымъ традиціямъ, одновременно религіознымъ и свѣтскимъ, но недостаточно заботился о правдивости; о немъ говорили, что онъ писалъ «фигуры, вскормленныя розами".

Неаполитанская школа имѣла замѣчательнаго и весьма популярнаго художника *Сальватора Розу* [3]), который былъ въ одно и то же время живописцемъ, поэтомъ, музыкантомъ и актеромъ и, родившись въ Неаполѣ, провелъ большую часть жизни внѣ родной

---

[1]) Джіованни-Франческо Барбіери, изъ Ченто, прозванный Гверчино (il Guercino—Косой) (1591—1606). (Въ Спб. Имп. Эрмитажѣ находятся его *Св. Іеронимъ въ пустынѣ, Преображеніе* и два *Св. Семейства (Прим. пер.)*—Франческо Альбано (1578—1660). Въ Эрмитажѣ—его *Торжество Венеры* и *Благовѣщеніе*.—Доминико Цампьери, назыв. Доменикино (1581—1641).

[2]) Гвидо Рени (1575—1642). Въ Луврѣ находится множество произведеній Гвидо Рени и между ними—четыре обширныя композиціи изъ исторіи Геркулеса. Въ Спб. Эрмитажѣ хранятся 15 его картинъ и въ томъ числѣ *Споръ о безгрѣшномъ зачатіи, Похищеніе Европы, Св. Францискъ, поклоняющійся Младенцу Іисусу*.

[3]) Сальваторъ Роза (1615—1673). Самая знаменитая картина его—*Заговоръ Катилины* находится во Флоренціи, во дворцѣ Питти. Въ Спб. Эрмитажѣ хранятся также нѣкоторыя изъ его картинъ.

страны, разсѣевая повсюду свои батальныя картины, пейзажи и морскіе виды.

Италія, хотя и пришедшая въ упадокъ, не переставала привлекать и вдохновлять живописцевъ. Именно она пробудила геній испанца *Риберы* [1]). Прибывъ въ Римъ и живя тамъ скитальческою жизнью, Рибера изучалъ Караваджіо и Корреджіо; затѣмъ, поселившись въ Неаполѣ, пріобрѣлъ состояніе и сдѣлался однимъ изъ значительныхъ лицъ своего времени. Покинувъ отечество, онъ не отказывался отъ него и внесъ въ свое подражаніе итальянцамъ испанскую пылкость. Обладая геніемъ мрачнаго характера, онъ выбиралъ сюжеты, гдѣ могъ противополагать свѣтъ и тѣни. Это былъ реалистъ, какъ сказали бы теперь, и хотя онъ находилъ удовольствіе въ изображеніи страшнаго, дикаго и отвратительнаго, онъ, тѣмъ не менѣе, удивляетъ силой своей кисти.

Сурбаранъ [2]) преувеличенно былъ названъ «испанскимъ Караваджіо», вѣроятно, вслѣдствіе голубоватыхъ оттѣнковъ, которые онъ предпочиталъ; никто лучше его ее умѣлъ передавать суровости аскетической жизни. *Эррера Старшій* и *Пачеко* извѣстны, главнымъ образомъ, какъ учителя Веласкеса.

Веласкесу [3]), живописцу и придворному Филиппа IV, удавались всѣ роды живописи: историческій, портреты, пейзажъ, жанровыя сцены, животныя, цвѣты и плоды. Жанъ Жакъ Руссо называлъ его „человѣкомъ природы и правды“. Его портреты живутъ и, кажется, готовы заговорить. Онъ вполнѣ человѣкъ того вѣка, когда уже люди не теряются въ идеальномъ, когда они приближаются къ природѣ. Веласкесъ вовсе не энтузіастъ: онъ не любитъ религіозной живописи, и стремленія этого живописца юга вводятъ его въ семью живописцевъ сѣвера.

Но въ католической Испаніи религіозная живопись не могла быть оставлена. *Мурильо* возобновилъ ея славу. Будучи ученикомъ Веласкеса, онъ въ то же время много упражнялся на итальянскихъ мастерахъ. Въ Севильѣ онъ написалъ безчисленное множество картинъ для церквей и монастырей; большое количество его произведеній собрано въ одномъ монастырѣ, который превращенъ въ музей. Его Св. Дѣвы, восторженные святые, Благовѣщенія и Св. Семейства отличаются какой-то особой воздушностью, передающей мистическое вдохновеніе ху-

---

[1]) Хозе Рибера (1588—1659).

[2]) Франческо Сурбаранъ (1598—1662).

[3]) Донъ-Діего Родригесъ де-Сильва-и-Веласкесъ (1599—1660). Въ королевскомъ музеѣ въ Мадридѣ находятся 64 картины Веласкеса.

дожника, причисляемаго къ самымъ славнымъ именамъ Испаніи и живописи [1]). Но послѣ Мурильо, послѣ *Хуана Карреньо*, подражателя Веласкеса, искусство въ Испаніи пришло въ такой же упадокъ, какъ и литература. Безсиліе, охватившее націю, овладѣло въ свою очередь литературой и искусствомъ; это былъ неизбѣжный законъ: жизнь не могла идти объ руку со смертью.

Въ XVI в. французы обладали уже художественнымъ воспитаніемъ, но въ родной странѣ вытѣснялись итальянцами; въ XVII вѣкѣ они уже соперничали съ ними. *Симонъ Вуэ* [2]), послѣ четырнадцатилѣтняго пребыванія въ Римѣ, вывезъ оттуда образцы болонской школы и самъ сдѣлался образцомъ для послѣдующихъ живописцевъ.

Никола Пуссенъ, подобно Риберѣ, пришелъ въ Римъ нищимъ, поселился тамъ, и такъ же, какъ послѣдній оставался испанцемъ въ Италіи, онъ остался французомъ. Человѣкъ со строгимъ и суровымъ геніемъ, свѣдущій въ анатоміи и философіи, знакомый съ исторіей и поэзіей, Пуссенъ доказалъ, насколько наука возвышаетъ и питаетъ искусство. Въ религіозныхъ сюжетахъ, въ свѣтскихъ картинахъ и въ пейзажахъ (онъ работалъ съ одинаковымъ успѣхомъ во всѣхъ родахъ живописи), Пуссенъ довелъ до совершенства расположеніе и композицію сюжета, выраженіе чувствъ и всегда благородный стиль лицъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ послѣдователей итальянскихъ мастеровъ и, въ то же время, оригинальнымъ художникомъ, сохранившимъ въ живописи пониманіе и вкусъ французовъ. Онъ сдѣлался главою французской школы [3]).

Клодъ Желе, прозванный Лорреномъ, былъ также французомъ и итальянцемъ. Его поэтическій талантъ, увлеченный одновременно природою и идеаломъ, находилъ для себя выраженіе въ пейзажахъ и морскихъ видахъ, при чемъ первые дышатъ спокойствіемъ и свѣжестью, вторые блестятъ солнечнымъ свѣтомъ. Его прозвали Рафаэлемъ пейзажа [4]).

Другъ Пуссена, *Моизъ Валентенъ* или Валентинъ, называемый *Бу-*

---

[1]) Бартоломе Эстебанъ Мурильо (1618—1682). Въ Имп. Эрмитажѣ находится 19 картинъ его.

[2]) Симонъ Вуэ (1590—1649) былъ живописцемъ Людовика XIII.

[3]) Никола Пуссенъ (1590—1649). Въ Спб. Имп. Эрмитажѣ находится 23 картины Пуссена и между ними—*Эсфирь передъ Ассуромъ*, трогательная сцена замѣчательной компановки; *Два Св. Семейства; Нимфа, встревоженная Сатиромъ; Снятіе со Креста, Играющіе амуры* и др.

[4]) Клодъ Желе род. въ Лотарингіи (1600 — 1682). Въ Спб. Эрмитажѣ есть нѣсколько картинъ этого художника.

лонскимъ, покинулъ французскія традиціи, чтобы сдѣлаться подражателемъ бурнаго Караваджіо и соперникомъ Риберы [1]).

Кальо [2]) написалъ лишь нѣсколько картинъ, но достигъ высокаго совершенства въ *гравюрѣ* офортъ; его неистощимое воображеніе оживляетъ для насъ міръ его времени или, по крайней мѣрѣ, міръ бѣдности—*сцены нищеты, войны и грабежа*. Онъ оставилъ болѣе полутора тысячъ образцовыхъ гравюръ, которыя, какъ историческіе документы, раскрываютъ глубину общества XVII в., еще весьма грубаго и жестокаго, несмотря на изящество высшихъ классовъ. Это общество много теряетъ, когда къ нему присматриваться близко, въ особенности, при помощи такого руководителя, какъ Кальо, столь возбужденнаго и волнующаго.

Эсташъ Лесюёръ выработался во Франціи, гдѣ онъ жилъ и умеръ въ возрастѣ 38 лѣтъ, исполнивъ значительныя произведенія, почти всѣ находящіяся въ Луврскомъ музеѣ. Его живопись—чисто французская: ясность сюжета, благородная постановка сценъ, нѣжность чувства въ выраженіи, мѣра и гармонія красокъ и плѣнительное изящество. Лесюёръ болѣе всѣхъ другихъ художниковъ былъ проникнутъ религіозными идеями, въ которыхъ онъ искалъ вдохновенія. Въ стѣнахъ Картезіанскаго монастыря онъ написалъ 22 картины обширной мистической *Исторіи св. Бруно*. Впрочемъ, онъ также посвящалъ себя миѳологіи и расписалъ въ замкѣ Ламберъ *залу Амура* и *залу Музъ*. Лесюёръ былъ отстраненъ отъ двора Лебрёномъ и не пользовался извѣстностью при жизни, но онъ былъ оцѣненъ потомствомъ, принизившимъ его соперника, слишкомъ превознесеннаго современниками и самимъ собою [3]).

Пуссенъ, Клодъ Лорренъ и Лесюёръ принадлежали вѣку Ришельё. *Лебрёнъ* подчинилъ живопись правиламъ Людовика XIV и заставилъ ее служить прославленію государя. Онъ былъ образцомъ и руководителемъ того, что мы называемъ оффиціальнымъ искусствомъ. Онъ воспользовался миѳологіей и исторіей для созданія апоѳеоза Людовика XIV, а его *Исторія Александра* — не что иное, какъ послѣдовательная аллегорія, легко понятная для той классической эпохи. Какъ и его повелитель, онъ любилъ театральность и, добиваясь величественнаго, достигалъ только напыщенности. Тѣмъ не менѣе, нельзя не удивляться мощности его работы, обдуманности его замысловъ и поразительному

---

[1]) Валентинъ (1600—1634).

[2]) Жакъ-Клодъ Кальо (1592—1635).

[3]) Эсташъ Лесюёръ (1617—1655).

количеству божественныхъ фигуръ, которыхъ онъ заставлялъ сходить съ Олимпа, чтобы составлять на плафонахъ Версаля свиту Юпитера его времени. Лебрёнъ былъ декоративнымъ живописцемъ, по преимуществу; замокъ Ламберъ хранитъ еще галлерею, украшенную его рисунками [1]).

Пьеръ Миньяръ былъ соперникомъ Лебрёна, которому онъ наслѣдовалъ въ качествѣ королевскаго живописца. Будучи одновременно историческимъ живописцемъ и портретистомъ, онъ написалъ замѣчательныя фрески въ Валь-де-Грасъ и множество историческихъ портретовъ: онъ прикрашиваетъ свои правильныя, изящныя и утонченныя модели и доводитъ стремленіе къ изяществу до аффектаціи. Имя его стало символомъ неестественности: „миньярдизмъ“—синонимъ жеманства [2]).

Въ портретной живописи, прославленной въ то время Ванъ-Дикомъ, достигъ также совершенства *Гіацинтъ Риго* [3]), котораго даже сравнивали съ знаменитымъ фламандцемъ. Этого сравненія онъ заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, своей плодовитостью. Лебрёнъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе зависти, убѣдилъ Риго замкнуться въ портретной живописи. Но онъ любилъ другого своего ученика и помощника *Жана Жувене*, ставшаго его продолжателемъ и еще болѣе преувеличившаго театральность въ искусствѣ. Вмѣстѣ съ нимъ начался упадокъ послѣдняго.

На ряду съ французскими живописцами и будучи сами почти французами, работали художники, вышедшіе изъ дѣятельнаго улья, изъ Фландріи: *Франсуа Пурбюсъ* младшій, написавшій портреты Генриха IV, Маріи Медичи и Людовика XIII, *Жакъ Фукье*, *Филиппъ Шампенъ* и *Фанъ-деръ-Мёйленъ* [4]). Два послѣдніе въ особенности оспаривались Фландріей, въ которой они родились, и Франціей, гдѣ они жили. Живописецъ Анны Австрійской, Филиппъ Шампень написалъ и оставилъ бо́льшую часть своихъ произведеній во Франціи: они носятъ отпечатокъ благородства и правильности, которыя должны были составить славу французской школы. *Фанъ-деръ-Мёйленъ* былъ исторіографомъ Людо-

---

[1]) Шарль Лебрёнъ (1619—1690).

[2]) Пьеръ Миньяръ род. въ Труа (1610—1695).

[3]) Гіацинтъ Риго (1659—1743). Между портретами его работы наиболѣе замѣчательные, находящіеся въ Луврѣ, — Людовикъ XIV въ королевскомъ одѣяніи и Боссюэ.

[4]) Франсуа Пурбюсъ (1569 — 1622). Филиппъ де-Шампень род. въ Брюсселѣ (1602—1674). Въ Луврѣ находятся принадлежащія ему 23 картины, и между ними *Мертвый Христосъ* и портретъ *Ришельё*. Фанъ-деръ-Мейленъ род. въ Брюсселѣ (1634—1690). Главная часть его картинъ находится въ Луврѣ и въ Версали.

вика XIV: онъ присутствовалъ при всѣхъ битвахъ и воспроизводилъ ихъ на полотнахъ большихъ и малыхъ. Хотя и чужеземецъ, онъ подчинялся французскому вліянію до такой степени, что посвящалъ свою кисть изображенію славы побѣдителей своего отечества.

Эти два художника приводятъ насъ къ настоящей фламандской школѣ, самой плодовитой и блестящей изъ школъ XVII в. Фламандцы, изучая прилежно итальянцевъ, замѣстили ихъ, и XVII в. былъ ихъ золотымъ вѣкомъ. *Рубенсъ*, своей удивительной плодовитостью, легкостью и мощностью манеры, напоминаетъ величайшихъ художниковъ XVI в., которыхъ онъ превосходилъ богатствомъ, роскошью и вліяніемъ, какимъ пользовался на родинѣ, во Франціи, въ Испаніи и въ Англіи, гдѣ былъ гостемъ и живописцемъ королей. Религія и миѳологія, исторія и аллегорія, портреты и природа—всѣ сюжеты ему были одинаково доступны. Онъ составилъ въ Парижѣ обширную и великолѣпную галлерею изъ 24 картинъ, представлявшихъ апоэтизированную, проникнутую необычайнымъ воображеніемъ, глубокимъ изученіемъ, вымысломъ и лестью, исторію жизни *Маріи Медичи*. Въ Уайтъ-Голлѣ онъ написалъ *Апоѳеозъ Іакова I*, сюжетъ незначительный для великаго мастера; затѣмъ онъ оживлялъ своей волшебной кистью знаменитыхъ людей и самую природу, животныхъ, пейзажи, даже букеты цвѣтовъ. Это уже—болѣе не сосредоточеніе генія, напрягающаго силы, чтобы достигнуть совершенства нѣсколькихъ законченныхъ произведеній. Это — порывы художника, разбрасывающагося и заботящагося только о доходѣ отъ своей работы, увѣреннаго въ себѣ и увлекающагося своимъ ремесломъ, набрасывающаго въ общихъ, часто удачныхъ чертахъ, свой замыселъ, и старающагося скрыть подъ блескомъ красокъ, ослѣпляющихъ глазъ, несовершенство рисунка и расплывчатость контуровъ [1]).

---

[1]) Петръ Павелъ Рубенсъ, род. въ Зигенѣ, въ герцогствѣ Нассаусскомъ, въ бельгійской семьѣ, изгнанной при герцогѣ Альбѣ; въ молодыхъ годахъ онъ поселился въ Антверпенѣ (1577—1640). Его многочисленныя произведенія разсѣяны повсюду. Въ Антверпенѣ находятся 100 его картинъ, въ Мюнхенѣ—93, въ Вѣнѣ—90, въ Мадридѣ—66, въ С.-Петербургскомъ Эрмитажѣ—63, и между ними *Изгнаніе Агари*, удивительная свѣто-тѣнь, полная глубины и въ то же время блеска; *Снятіе со Креста; Вечеръ у Фарисея*, обширная картина, заключающая 14 фигуръ въ натуральную величину; *Освобожденіе Андромеды; Отъѣздъ Адониса;* превосходный портретъ *Елены Фурме*, жены художника; нѣсколько пейзажей, изъ которыхъ два—*Радуга и Горная вершина въ сумеречномъ свѣтѣ* поражаютъ вѣрностью впечатлѣнія и совершенствомъ исполненія; *Львица, играющая съ дѣтенышами* и мн. др. Въ Англіи его картинъ болѣе 200, въ Парижскомъ Луврѣ—54. Французскій живописецъ Энгръ, идеалистъ и врагъ натурализма фламандскаго художника, въ своемъ отзывѣ о немъ, слишкомъ

Рубенсъ, которымъ восхищались и котораго прославляли, имѣлъ обширную школу, откуда вышло нѣсколько учениковъ, равныхъ своему учителю. *Ванъ-Дикъ* [1]) путешествовалъ, какъ и онъ, и также пользовался гостепріимствомъ королей. Онъ писалъ великолѣпныя картины для церквей, но въ особенности считался знаменитымъ портретистомъ. Онъ написалъ 38 портретовъ Карла I, короля Англіи, и королевы Генріетты, не говоря уже о сановникахъ и принцессахъ, добивавшихся чести видѣть свои черты закрѣпленными на полотнѣ кистью, придававшей имъ жизненность, столь же вѣрную, какъ и природа, но при этомъ скрашенную благородствомъ и граціей, свойственными всѣмъ произведеніямъ Ванъ-Дика.

Іорденсъ [2]), другой ученикъ Рубенса, также достигъ совершенства въ портретѣ, но онъ затрогивалъ всѣ сюжеты, религіозные и народные, аллегорическіе и историческіе. Увлеченіемъ и энергіей онъ даже превзошелъ своего учителя. *Гаспаръ Крайеръ* брался также за религіозные и историческіе сюжеты и, вмѣстѣ съ *Корнеліемъ де-Фосъ*, заслуживаетъ быть причисленнымъ къ самымъ удачнымъ послѣдователямъ Рубенса.

Преклоненіе передъ природой осталось традиціоннымъ во Фландріи. *Францъ Снидерсъ* [3]), другъ и сотрудникъ Рубенса, занимался, главнымъ образомъ, изображеніемъ животныхъ, охоты на оленей, на медвѣдей, вепрей, лисицъ, львовъ, тигровъ и даже гиппопотамовъ и крокодиловъ, не считая битвъ между собаками, лебедями, пѣтухами и змѣями. *Паулъ де-Фосъ* писалъ, подъ названіемъ *Ноева ковчега*, группы различныхъ животныхъ, а *Янъ Фитъ* — битвы, охоту и nature morte, передавая ихъ съ самой точной правдивостью.

преувеличивалъ его недостатки: „Рубенсъ—мясникъ,—говорилъ онъ,—онъ представляетъ себѣ человѣческую природу, какъ свѣжее мясо, и выставляетъ его на показъ, точно въ лавкѣ“.

[1]) Ванъ-Дикъ родился въ Антверпенѣ (1599—1641), умеръ молодымъ, но, тѣмъ не менѣе, оставилъ огромное число произведеній. Въ каталогѣ Гиффрея насчитывается болѣе 1.500 картинъ Ванъ-Дика. (Въ Спб. Императорскомъ Эрмитажѣ хранится до 40 его полотенъ, изъ которыхъ замѣчательны: *св. Семейство* среди пейзажа, одна изъ наиболѣе яркихъ картинъ; *св. Севастьянъ*, подкрѣпляемый ангелами; *Смерть Адониса*, цѣлый рядъ великолѣпныхъ портретовъ и между ними—самого художника въ 16-лѣтнемъ возрастѣ; портреты Карла I и его супруги, живописца Снидерса и нѣкоторыхъ др. лицъ). (*Прим. пер*).

[2]) Жанъ-Жакъ Іорденсъ род. въ Антверпенѣ (1593 — 1678). Въ Брюссельскомъ музеѣ находятся двѣ лучшія его картины: *Чудо св. Мартина* и *Осень*; въ Мюнхенѣ—*Сатиръ* и *Крестьянинъ*.

[3]) Францъ Снидерсъ (1579 — 1657). Пауль де-Фосъ (1590 — 1678). Янъ Фитъ (1609—1661).

Давидъ Теньеръ, сынъ живописца и зять живописца Брюгель де-Велура, занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ искусствѣ созданіемъ *жанровой живописи*. Его многочисленныя произведенія представляютъ цѣлый міръ, и въ особенности міръ фламандскій. Теньеръ смотрѣлъ глазами геніальнаго художника на шумную, чувственную жизнь своихъ соотечественниковъ; онъ проникъ въ дымные кабачки, присутствовалъ при игрѣ въ карты, среди пивныхъ кружекъ, на обильныхъ пиршествахъ, на оживленныхъ храмовыхъ праздникахъ, гдѣ проявляется грубость крестьянъ вмѣстѣ съ распущенностью. Теньеръ приближаетъ насъ къ землѣ: онъ обладаетъ духомъ народовъ Сѣвера. Это также можетъ служить признакомъ времени, которое, на ряду съ традиціями дворянскими и феодальными, выказываетъ торжество буржуазіи, побѣдоносной въ Англіи, богатой во Фландріи и въ Голландіи, старавшейся во Франціи сравняться съ дворянствомъ. Поэтому, нечего удивляться, что картины Теньера коробили Людовика XIV, увлекавшагося исключительно благородствомъ и величіемъ: „Уберите этихъ уродовъ“, — сказалъ онъ, когда ему представили произведенія Теньера [1]).

У Теньера былъ другъ, *Адріенъ Брауверъ*, также живописецъ курильщиковъ, пьяницъ, игроковъ и бродячихъ музыкантовъ. Оба эти живописца имѣли многочисленныхъ подражателей, какъ, напр., *Іеронима Янсенса* и *Гонзалеса Кока*[2]), изображавшихъ праздники, собранія высшаго круга и сцены изъ жизни различныхъ цеховъ. Среди нихъ отмѣчаютъ, впрочемъ, батальнаго живописца, *Петра Снайерса*, вдохновившаго Фанъ-деръ-Мёйлена.

Фламандскіе живописцы не могли быть лишены живого чувства сельской природы. Хотя сѣверная природа часто бываетъ окутана туманомъ и омрачена дождемъ, но въ ней есть своя поэзія, которая воодушевляла *Брюгеля де-Велуръ* [3]), потомка и, въ свою очередь, отца семьи художниковъ. *Говертъ Антверпенскій* превосходно воспроизводилъ дубовые лѣса, а *Луисъ де-Ваддеръ* и *Янъ Зиберехтсъ* писали пейзажи, отличавшіеся величайшей простотой, настоящія пасторали въ

---

[1]) Давидъ Теньеръ (1610—1694), род. въ Антверпенѣ. Произведенія его разсѣяны по всѣмъ музеямъ. Смитъ составилъ каталогъ изъ 685 картинъ Теньера. Однимъ изъ главныхъ его произведеній считается картина, находящаяся въ Спб. Имп. Эрмитажѣ, написанная въ 1643 г. и представляющая *Общество ружейныхъ мастеровъ въ Антверпенѣ*. Изображенныя тамъ 45 фигуръ переданы удивительно.

[2]) Іеронимъ Янсенсъ (1624—1693). Гонзалесъ Кокъ (1618—1684) былъ также портретистъ, подражатель Ванъ-Дика.

[3]) Брюгель де-Велуръ (1568—1625).

стилѣ современной имъ эпохи. Наконецъ, братья *Гёйсмансы* [1]) съ силой изображали дикую природу, глубокіе овраги, густыя дубовыя заросли и лѣсныя опушки. Путь былъ открытъ: цѣлый легіонъ художниковъ вступилъ на него, перелистывая каждую страницу книги природы, улыбающейся всѣмъ, кто на нее смотритъ, успокоивающей умы и очаровывающей сердца.

Голландскій геній былъ вызванъ къ жизни природою: ярко зеленыя деревья, влажные луга, стада, море, корабли — вотъ что поражало и вдохновляло художниковъ этой страны, отвоеванной у моря трудолюбивой промышленностью ея жителей. Долгое время у голландцевъ, соединенныхъ съ фламандцами подъ владычествомъ Испаніи, не было другихъ художниковъ, кромѣ фламандцевъ. Искусство пріобрѣло свободу вмѣстѣ съ ихъ страною, и въ XVII в. возникла школа, соперничавшая со школой фламандской. *Рембрандтъ* былъ ея главою и самымъ знаменитымъ представителемъ. Между тѣмъ, какъ Рубенсъ добивался ослѣпительнаго освѣщенія и вдавался въ излишнюю колоритность, Рембрандтъ нашелъ новый источникъ поэзіи въ противуположеніи свѣта и тѣни. Онъ ищетъ ночныхъ эффектовъ, контраста цвѣтовъ. Онъ любитъ освѣщенныя фигуры на черномъ фонѣ. Его многочисленныя произведенія разсѣяны въ главныхъ музеяхъ Европы. Образцовыя творенія его, какъ, напр., *Урокъ анатоміи* (въ Гагѣ) и *Ночной дозоръ* (въ Амстердамѣ), стали классическими и популярными, распространившись повсюду въ гравюрахъ; въ нихъ можно видѣть, насколько Рембрандтъ умѣетъ сосредоточиваться, соединять разнообразіе позъ и лицъ, пріурочивая ихъ къ единству сюжета. Рембрандтъ достигаетъ удивительной компановки, сразу захватывающей воображеніе, и распредѣленіемъ подобранныхъ красокъ оставляетъ глубокое впечатлѣніе. Онъ, по праву, можетъ называться реалистомъ [2]). Его можно назвать и первоклассным портретистомъ.

Знаменитѣйшимъ ученикомъ Рембрандта былъ *Герардъ Довъ*, портретистъ и жанристъ [3]). *Тербургъ* слѣдовалъ тому же пути съ такимъ же остроуміемъ и блескомъ. *Метцю* также удавались простые сюжеты;

---

[1]) Луисъ де-Ваддеръ, ум. около 1655. Янъ-Зиберехтсъ (1627—1703). Корнелій Гёйсмансъ (1648—1727); Жанъ-Батистъ Гёйсмансъ (1654—1716).

[2]) Рембрандъ фанъ-Ринъ (1606 или 1608—1674). Въ Импер. Эрмитажѣ въ Петербургѣ находится 45 его картинъ. Изъ послѣдователей его особенно замѣчательны Адріанъ фанъ-Остаде, жанристъ, отчасти напоминающій Теньера, и Бартелеми фанъ-деръ-Хельстъ.

[3]) Герардъ Довъ (1613—1680). Въ Спб. Эрмитажѣ находится его знаменитая картина *Эмпирикъ*.

картины его обнаруживаютъ замѣчательную точность наблюденія. Къ этимъ именамъ надо прибавить *Мериса*, ученика Герарда Дова, *Вувермана*, *фанъ-деръ-Гейдена* и, въ особенности, *Поля Поттера*, прославившагося изображеніемъ животныхъ.

Рюисдалъ [1]) (правильнѣе Рёисдель) былъ главою школы пейзажистовъ и самымъ поэтичнымъ изъ пейзажистовъ Сѣвера. Его пейзажи вызываютъ мечтательное настроеніе. Рюисдаль не только видѣлъ природу: онъ жилъ ею и постигалъ ея душу. Его ученикъ и другъ, *Гоббема*, писалъ только ясную и безмятежную природу. Къ именамъ этихъ художниковъ слѣдовало бы прибавить еще много другихъ: Голландія насчитывала множество живописцевъ съ большими достоинствами до *фанъ-Гёйзума*, продлившаго до половины XVIII в. славу голландскаго искусства, но и закончившаго собою эту школу.

Искусство въ XVII в. приняло реалистическій характеръ, который сохранило и въ послѣдующее время. Оно уже спустилось на землю, хотя французское искусство все еще держалось итальянскаго идеализма. Мысль, получившая свободу, несмотря на нетерпимость, проникавшую этотъ вѣкъ, открыла для философіи обширное поприще, на которомъ разуму предстояло подниматься и укрѣпляться. На новѣйшихъ языкахъ появились классическіе авторы и произведенія, которымъ предстояло вызвать къ жизни многія другія.

Науки заявили себя открытіями, которыя должны были повести къ послѣдствіямъ, почти чудеснымъ. Человѣческое общество преобразилось и стало культурнѣе. Въ государственной жизни появилась бо́льшая правильность, и Англія уже представила образецъ свободы. Работа въ области идей укоренилась въ XVII в. Надъ Европой, еще іерархической и феодальной, уже проносится дыханіе Фронды, которая низвергнетъ въ XVIII в. старинныя преграды и предразсудки.

---

[1]) Якобъ Рюисдаль (1620 или 1625—1687). Картины Рюисдаля находятся въ Амстердамѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Петербургѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ и проч.

ГЛАВА XI.

Художественное, научное и философское движеніе въ XVIII вѣкѣ.

Новый характеръ искусства въ XVIII в.—Архитектура.—Скульптура.—Художественная мебель новѣйшихъ временъ.—Мебель Буля; стили Людовиковъ XIV, XV и XVI.—Французская живопись.—Живопись въ Германіи и Англіи.—Научное движеніе; математики; Эйлеръ, Даламберъ, Клеро и Лагранжъ. — Астрономія; Брадлей, Гершель, Мопертюи, Мешенъ и Деламбръ.— Лапласъ. — Физическія науки; термометры; аэростаты.—Паровыя машины; Ньюкомменъ и Джемсъ Уаттъ. — Электричество. — Франклинъ; громоотводы. — Динамическое электричество; Гальвани и Вольта. — Химія; Пристлей, Шеле и Лавуазье. — Бертоле, Фуркруа и Кэвендишъ. — Естественныя науки; Бюффонъ, Линней и Жюсьё.—Медицина; Дженнеръ. — Училища глухонѣмыхъ и слѣпыхъ; аббатъ де-Лепе; Валентинъ Гаюи.—Французская литература въ XVIII в.; послѣдователи преданій предшествующаго столѣтія; Массильонъ, Дагессо и Сенъ-Симонъ.—Упадокъ поэзіи. — Вольтеръ; его трагедіи. — Вольтеръ, какъ прозаикъ; его историческія сочиненія. — Вольтеръ, какъ философъ. — Французская философія XVIII в.; Кондильякъ, Гельвецій, *Энциклопедія*, Даламберъ и Дидро. —Политическіе писатели; Монтескьё и его *Духъ Законовъ*. — Жанъ-Жакъ Руссо; его *Общественный договоръ* и *Эмиль*. — Возникновеніе политической экономіи; Гурней, Кенэ и Адамъ Смитъ.—Романъ; Лесажъ и Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ.—Комедія въ прозѣ; Мариво и Бомарше.—Характеръ и вліяніе французской литературы съ XVIII в.—Англійская литература; журналы; Аддисонъ.—Романъ.—Англійская поэзія.—Философія; исторія; ораторское искусство. — Нѣмецкая литература; Лессингъ. — Поэзія; Клопштокъ. — Гёте.—Шиллеръ.— Виландъ. — Нѣмецкая философія; Кантъ. — Итальянская литература.—Музыка; ея успѣхи въ новѣйшія времена.—Рамо, Глюкъ, Перголезе и Гретри.—Нѣмецкая школа; Бахъ, Гендель и Гайднъ.—Моцартъ.

Искусство, блестѣвшее столь ярко въ XVII в., затмевается въ XVIII. Оно кажется какъ бы истощеннымъ и опускается ниже прежняго уровня, хотя общество, ставшее болѣе богатымъ, цѣнитъ его и поощряетъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Искусство впадаетъ въ подражаніе и падаетъ ниже даже самого общества, которое, при возрастающемъ легкомысліи, вліяетъ, въ свою очередь, на характеръ искусства и хочетъ, чтобы оно было похоже на него. XVIII вѣкъ былъ переходнымъ временемъ,—конечной точкой переворота, начавшагося въ XV в., и исходной точкой новой революціи. Онъ жилъ прошлымъ, подготовляя будущее, пользовался пріобрѣтенными благами и мечталъ о благахъ, еще бо́льшихъ, въ особенности о болѣе доступныхъ для всѣхъ, и переживалъ смуту борьбы новыхъ идей съ преградами среднихъ вѣковъ.

XVIII в. былъ вѣкомъ разсужденія и размышленія, но не чувства, а искусство живетъ чувствомъ. Скептическій или равнодушный въ религіозной области, этотъ вѣкъ былъ лишенъ христіанскаго вдохно-

венія; буржуазный и великосвѣтскій, онъ не вдохновлялся и природой; сухой, насмѣшливый и распущенный, онъ, несмотря на свои гуманныя ученія, не былъ проникнутъ и сердечнымъ чувствомъ.

Уже и XVII в. не создалъ ни одного изъ произведеній зодчества, которое можно было бы сравнить съ твореніями XIV в. Итальянскіе и французскіе архитекторы ограничивались копіями, иногда воспроизведеніемъ образцовъ въ уменьшенномъ видѣ. Франція того времени можетъ назвать только архитекторовъ *Луи*, *Габріеля*, *Сервандони* и *Суфло* [1]). Они воспроизводили или колоннады времени Людовика XIV, или, какъ дѣлалъ Суфло, итальянскіе куполы. Изобрѣтательность ихъ выражается только въ деталяхъ; они, по преимуществу, добиваются пріятнаго, красиваго. Они становятся кокетливыми, чтобы нравиться своему вѣку.

Скульптура поддерживала еще благородство стиля, благодаря *Гильому Кусту*, *Этьену Фальконе* [2]), *Кафьери* и *Пигалю*; но *Бушардонъ* занимался уже лѣпкою амуровъ и психей, въ духѣ Помпадуръ. *Гудонъ* [3]) отдалъ дань тому же жанру, но своей статуей Вольтера онъ принадлежитъ XIX в. Въ XVIII в. *Канова* [4]) также возстановилъ истинное искусство своими произведеніями, украшающими Римъ и Венецію.

Замѣчательную черту XVIII в. мы видимъ въ развитіи и усовершенствованіи мебели. Въ средніе вѣка ей мало придавали значенія. Нѣсколько рѣзныхъ скамеекъ, поставленныхъ передъ широкими каминами, нѣсколько массивныхъ стульевъ, постели съ колоннами, поставленныя на помостѣ, нѣсколько простыхъ поставцовъ—составляли все украшеніе огромныхъ и холодныхъ залъ въ замкахъ. Токари и рѣзчики прилагали свое искусство, главнымъ образомъ, къ фигурнымъ украшеніямъ мѣстъ для сидѣнія въ церквахъ. Мебель въ XV в. придерживалась формъ стрѣльчатаго стиля. Возрожденіе дало преоблада-

---

[1]) Луи построилъ въ Парижѣ Французскій театръ и галлереи Пале-Рояля. — Жакъ-Анжъ-Габріель (1710—1782) построилъ Военную школу, зданія площади Согласія и Компьенскій замокъ.—Сервандони — уроженецъ Флоренціи (1695—1766), поселившійся во Франціи. Ему принадлежитъ довольно величественный порталъ св. Сюльпиція. — Жакъ-Жерменъ Суфло, род. въ Иранси (1714—1781) и былъ строителемъ Пантеона.

[2]) Этьенъ Фальконе (1716—1791) вылѣпилъ конную статую Петра Великаго въ Петербургѣ.

[3]) Жанъ-Антуанъ Гудонъ, род. въ Версали (1740—1828). Въ Петербургѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится статуя Вольтера его работы. (*Прим. пер.*)

[4]) Канова (1757—1822). Изваялъ въ церкви Апостоловъ въ Римѣ мавзолей папы Климента XIV; въ церкви св. Петра—гробницу Пія VI; въ Вѣнѣ — мавзолей Маріи-Христины Австрійской и проч.

ніе античному вкусу; оно украсило и зданія, и мебель, воспроизводя въ ней ихъ фронтоны и арки. Домашняя мебель сдѣлалась изобильнѣе; вслѣдъ затѣмъ, знакомство съ отдаленными странами развило вкусъ къ иноземнымъ вещамъ, къ ларцамъ, расписаннымъ по-турецки, къ восточнымъ коврамъ, китайскому фарфору и проч. Стиль Возрожденія былъ однимъ изъ самыхъ изящныхъ: въ эту эпоху простой столъ, предназначенный для выставки мясныхъ кушаньевъ, превратился въ рѣзной буфетъ; шкафы получили видъ архитектурныхъ произведеній, вмѣщая обрамленныя величественныя фигуры, медальоны съ бюстами и арабески. Тогда обратились къ дереву менѣе твердому и не столь неподатливому для тонкой работы, какъ дубъ; сперва вошелъ въ употребленіе орѣхъ, а затѣмъ—черное дерево, мрачный цвѣтъ котораго оживлялся инкрустаціей изъ слоновой кости и различныхъ камней. Итальянцы отличались особеннымъ искусствомъ въ этомъ производствѣ, которое выразилось въ такъ-называемомъ „маркетри“, отдѣлкѣ деревомъ различныхъ цвѣтовъ. Въ XVII в., при Генрихѣ IV и Людовикѣ XIII, въ эту переходную эпоху, мебель имѣетъ еще тяжелый и внушительный видъ, хотя и тогда уже рѣзьба ея была замѣчательной. Открытые шкафы превратились въ шкафы съ дверцами, и ларецъ сдѣлался комодомъ съ ящиками. Людовикъ XIV, стремившійся къ величественному, сохранилъ обширные размѣры мебели, онъ отводилъ ей почетное мѣсто въ своихъ обширныхъ покояхъ, стѣны и потолки которыхъ были картинами въ выпуклыхъ золоченыхъ рамахъ или скрывались подъ великолѣпными гобеленами. Тогда появился знаменитый столяръ *Андре-Шарль Буль* (1642—1732). „Онъ придумалъ покрывать мебель чернаго дерева вдѣланными въ нее черепаховыми пластинками, вырѣзанными въ видѣ арабесокъ, съ украшеніями изъ олова и гравированной мѣди. Къ этой блестящей мозаикѣ присоединялись барельефы изъ чеканной и золоченой бронзы, маски, вѣтки съ листьями, углы и проч., составлявшіе общую рамку и усѣянные точками, на которыхъ отражался свѣтъ, не позволяя глазу потерять нить въ этомъ видимомъ хаосѣ. Мебель Буля всего болѣе подходила для украшенія громадныхъ гостиныхъ и парадныхъ комнатъ, какими ихъ хотѣли видѣть при Людовикѣ XIV; большія, разукрашенныя консоли какъ нельзя лучше наполняли простѣнки между окнами; на нихъ ставились вазы изъ дорогихъ металловъ, изъ яшмы или порфира съ золочеными украшеніями или гирляндами, и все это отражалось безчисленными зеркалами“ [1]).

---

[1]) Jacquemart, *Histoire du mobilier.*

Меблировка вступаетъ на свой нынѣшній путь, и стиль ея опредѣляется лишь разнообразіемъ ея украшеній. Буль положилъ начало цѣлой школѣ: его четыре сына и многочисленные ученики давали тонъ XVIII вѣку. Мебель получила первенствующее значеніе въ украшеніи комнатъ. Людовикъ XV не любилъ большихъ покоевъ; онъ предпочиталъ небольшія гостиныя, маленькіе уголки, стѣны которыхъ обивались деревомъ съ изящной отдѣлкой и выпуклой золоченой сѣткой. Вельможи и горожане подражали ему. Жизнь становилась менѣе торжественной, болѣе интимной; удобства ея стали искать въ изяществѣ, разнообразіи и мягкости креселъ, во множествѣ различной мелкой мебели, комодахъ, шифоньеркахъ и бюро. Кокетство женщинъ вліяло на украшеніе комнатъ. Вкусъ вѣка отражался въ тысячахъ прихотливыхъ формъ, которыя разнообразились до безконечности. Искусство сдѣлалось манернымъ. „Все вздувается и вытягивается странными линіями; нѣтъ ничего прямого, правильнаго; углы закругляются или вдавливаются; неожиданныя извилины бороздятъ поверхность. Допускаются только вещи выпуклыя и искривленныя, на которыхъ разрастаются цѣлыя растенія изъ бронзы, странной, кудреватой формы; золоченая мѣдь извивается прихотливыми бордюрами, поднимается въ видѣ неожиданныхъ узловъ и сгибается на углахъ, образуетъ разбросанныя гирлянды. Все это служитъ къ дополненію страннаго цѣлаго, всегда остроумнаго и иногда изящнаго, вслѣдствіе своей оригинальности“ [1]). Это—*стиль Людовика XV*, противуположный стилю Людовика XIV, благородному и величественному.

Однако, уже въ концѣ царствованія Людовика XV произошла реакція, направленіе которой опредѣлилось предпочтеніемъ къ простотѣ, свойственной Людовику XVI и Маріи-Антуанетѣ. При нихъ мебель, сохраняя изящество, получила бо́льшую правильность; этимъ характеризуется стиль Людовика XVI, болѣе приспособленный къ буржуазнымъ нравамъ, къ среднимъ состояніямъ, число которыхъ умножалось съ каждымъ днемъ

Французская живопись болѣе другихъ искусствъ подчинилась новому вкусу; легкія и граціозныя произведенія *Ватто* и *Буше* [2]) достаточно характеризуютъ веселое и ложное искусство, пристрастное къ цвѣтамъ, гирляндамъ и амурамъ, поддѣлывавшее природу, подъ предлогомъ восхищенія ею, и впадавшее въ аффектацію, подъ видомъ изящества.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Ватто (1684—1721), прославился въ особенности изображеніемъ веселыхъ празднествъ.—Буше (1703—1770), среди тусклыхъ и лживыхъ пейзажей, изображалъ одинаково принаряженныхъ пастушекъ и овечекъ.

Истинная природа появлялась на полотнѣ только въ морскихъ пейзажахъ *Жозефа Верне* и въ деревенскихъ сценахъ и поэтическихъ фигурахъ *Грёза* [1]), предшественника слѣдующаго вѣка, въ началѣ котораго онъ умеръ.

Наоборотъ, въ странахъ, которыя до тѣхъ поръ почти ничего еще не произвели въ искусствѣ, въ то время появились школы художниковъ. Германія, художественная плодовитость которой изсякла послѣ Альбрехта Дюрера, гордилась въ XVIII в. *Деннеромъ*, столь искуснымъ въ техникѣ, что онъ даже злоупотреблялъ ею, *Дитрихомъ*, скорѣе талантливымъ копировщикомъ, чѣмъ самобытнымъ художникомъ, и въ особенности, Рафаэлемъ *Менгсомъ* [2]), послѣдователемъ итальянцевъ, трудолюбивымъ работникомъ, написавшимъ не много картинъ, но подготовлявшимся къ нимъ многочисленными этюдами.

Англичане также поздно вступили на путь, указанный итальянцами и фламандцами. Въ XVIII в., если у нихъ не было школы, то были знаменитые художники, *Уильямъ Гогартъ*, *Рейнольдсъ*, котораго считаютъ первымъ живописцемъ и, во всякомъ случаѣ, первымъ портретистомъ Англіи, и *Генсборо* [3]), портретистъ и пейзажистъ.

Англіи и Германіи не удалось поднять искусство, пришедшее въ упадокъ во Франціи и во Фландріи, въ Голландіи, въ Италіи и въ Испаніи. Но эти страны имѣли видное участіе въ научномъ и литературномъ движеніи, составляющемъ гордость XVIII в. и начало послѣдующаго прогресса.

Семья ученыхъ, вышедшая изъ Швейцаріи, но поселившаяся въ Италіи, продолжала въ XVIII в. математическіе труды, начатые въ предшествующемъ столѣтіи: это была семья *Бернулли* [4]), которые преимущественно занимались теоріей вѣроятностей. Англія насчитывала тогда значительное число выдающихся математиковъ (Брукъ Тэйлора, Мак-Лорена и др.); Германія, въ особенности, гордилась знаменитымъ

---

[1]) Жозефъ Верне (1714—1789). Въ Луврѣ цѣлая зала посвящена его морскимъ видамъ.—Грёзъ (1725—1805) прославился жанровыми картинами изъ семейной жизни и „головками“, отличающимися удивительнымъ изяществомъ.

[2]) Рафаэль Менгсъ род. въ Богеміи (1728—1779). Его отецъ, живописецъ по эмали, чтобы понудить его къ изученію мастеровъ, запиралъ его въ Ватиканѣ, давая ему только хлѣбъ и воду. Знаменитая картина его *Поклоненіе пастуховъ* находится въ Мадридскомъ музеѣ.

[3]) Гогартъ (1698—1764). Въ Лондонскомъ музеѣ находятся двѣ его главныя картины *Модный бракъ* и *Пѣтушиный бой*. — Рейнольдсъ (1723—1792). — Генсборо (1728—1788).

[4]) Іоганнъ Бернулли (1667—1748), братъ его Якобъ и затѣмъ Николай и Даніель Бернулли.

Эйлеромъ [1]), уроженцемъ Базеля, жившимъ въ Петербургѣ и въ Берлинѣ. Онъ написалъ для принцессы Ангальтъ-Дессаусской *Письма о нѣкоторыхъ предметахъ изъ физики и философіи*, которыя сдѣлали науку доступною для всѣхъ. Онъ изложилъ *интегральное исчисленіе*, обратное дифференціальному. Маленькая Женевская республика, которой предстояло сдѣлаться литературнымъ центромъ, въ то время также имѣла своихъ ученыхъ: *Габріеля Крамера*, автора *Введенія въ анализъ кривыхъ алебраическихъ линій*, семейство *Трамбле* и др.

Но въ наукахъ математическихъ особенно блистала Франція, благодаря *Даламберу* [2]), одаренному такими способностями, что въ 24 года онъ былъ членомъ Академіи наукъ; онъ написалъ мемуаръ объ *Интегральномъ исчисленіи*, трактатъ о равновѣсіи и движеніи жидкостей и принималъ участіе во всѣхъ значительныхъ астрономическихъ работахъ. Найденышъ, подобно Даламберу, *Клеро* (1713—1765), еще двѣнадцати лѣтъ, пріобрѣлъ извѣстность въ ученомъ мірѣ мемуаромъ о четырехъ *геометрическихъ кривыхъ*. Позднѣе, онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Мопертюи въ Лапландію для измѣренія градуса меридіана и произвелъ обширныя вычисленія пути кометы Галлея. Онъ издалъ также *Элементы геометріи*. *Лагранжъ* (род. въ Туринѣ, въ 1736 г., жившій и умершій во Франціи въ 1813) пріобрѣлъ всемірную извѣстность своей „Аналитической механикой“ и „Варіаціоннымъ исчисленіемъ“; его блестящая научная карьера продолжалась до первыхъ годовъ XIX вѣка. Наполеонъ называлъ его „высокой пирамидой математическихъ наукъ“.

Французы, нѣмцы и англичане достойно соперничали между собою, стремясь придти къ болѣе точному опредѣленію законовъ астрономіи, предусматривавшихся въ предыдущемъ вѣкѣ. Въ Англіи *Брадлэй*, наблюденіемъ движенія звѣздъ, пришелъ къ объясненію его нутаціей земной оси въ связи съ движеніемъ звѣзднаго свѣта: онъ понялъ причину аберраціи свѣта и, въ то же время, подтвердилъ справедливость системы Коперника и Галилея [3]). Инструменты для наблюденія были усовершенствованы, и *Гершель*, родившійся въ Ганноверѣ, ввелъ въ употребленіе отражательные телескопы. Поселившись въ Англіи, Гершель самъ, въ 1774 г., соорудилъ отражательный телескопъ, при помощи котораго наблюдалъ кольцо Сатурна и спутниковъ Юпитера. Затѣмъ, онъ открылъ планету *Уранъ*, раздвинувъ еще болѣе границы небеснаго міра [4]).

---

[1]) Эйлеръ Леонардъ (1707—1783).

[2]) Даламберъ, Жанъ Лоранъ (1717—1783), былъ покинутымъ ребенкомъ.

[3]) Джемсъ Брадлэй, профессоръ оксфордскаго университета (1692—1762).

[4]) Вильямъ Гершель (1738—1822).

Во Франціи Академія наукъ и правительство, въ 1735 г., поручили *Годену*, *Буге* и *Лакондамину* отправиться въ Перу, въ южное полушаріе, для измѣренія дуги меридіана вблизи экватора. *Мопертюи* [1]), съ своей стороны, поѣхалъ въ Лапландію, вмѣстѣ съ *Клеро*, *Камюсомъ*, *Ле-Монье* и шведскимъ физикомъ *Цельзіемъ*. *Лакайль* [2]) также производилъ тригонометрическія работы для провѣрки большого меридіана Франціи. Эти путешествія и изслѣдованія послужили для опредѣленія сплющенности земли у полюсовъ, а величина градуса меридіана была признана Учредительнымъ собраніемъ наиболѣе прочной основой для опредѣленія единства мѣры длины или метра. *Мешенъ* и *Деламбръ* измѣрили меридіанъ между Дюнкирхеномъ и Барселоной; позднѣе, Араго и Біо продолжали это измѣреніе въ Испаніи. Это—самая большая дуга, какая была измѣрена. Даламберъ и Лагранжъ также содѣйствовали успѣхамъ астрономіи, изучая либрацію луны. *Фонтенель* [3]), бывшій одновременно писателемъ и ученымъ, какъ бы подготовилъ всѣ эти прекрасные труды своей популярной книгой — *Бесѣды о множествѣ міровъ* [4]). *Лаландъ* составилъ знаменитую астрономическую карту и, какъ профессоръ, имѣлъ огромное число учениковъ. *Бальи* [5]) заслужилъ почетное мѣсто среди ученыхъ своею *Исторіей астрономіи*, до начала революціи, которой онъ былъ одной изъ наиболѣе знаменитыхъ жертвъ.

Но изъ всѣхъ этихъ именъ всего болѣе выдѣляется имя *Лапласа* [6]), продолжавшаго вычисленія Ньютона. Онъ объяснилъ движенія звѣздъ, неравенства планетъ и установилъ, по отношенію къ спутникамъ Юпитера, двѣ теоремы, извѣстныя подъ именемъ *законовъ Лапласа*. Несмотря на проницательность своего генія, Ньютонъ не могъ объяснить нѣкоторыхъ измѣненій въ движеніи свѣтилъ; онъ полагалъ, что міровая система, въ извѣстные моменты, для возстановленія равновѣсія, нуждалась въ новомъ вмѣшательствѣ творческой силы. Лапласъ разрѣшилъ эту задачу и подтвердилъ безконечное предвидѣніе Божіе, не нуждающееся въ исправленіи своего творенія и намѣтившее безоши-

---

1) Моро де-Мопертюи, род. въ С.-Мало (1698—1759), былъ призванъ Фридрихомъ II для преобразованія Академіи въ Берлинѣ. Онъ особенно прославился своимъ споромъ съ Вольтеромъ.

2) Лакайль (1713—1762).

3) Фонтенель ум. въ 1757 г.

4) Лаландъ (1732—1807).

5) Бальи (1736—1793).

6) Лапласъ (1749—1827). Хотя онъ жилъ, пользуясь почетомъ и въ XIX вѣкѣ, тѣмъ не менѣе, онъ остается однимъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ XVIII столѣтія. Главный трудъ его—*Трактатъ о небесной механикѣ* относится къ 1799 г.

бочно незыблемые законы. Ученый математикъ призналъ, что хотя эллипсисы планетъ измѣнчивы, но главная ось каждой орбиты остается постоянной, вслѣдствіе чего обращеніе каждой планеты заключено въ ненарушимыя границы. Кромѣ того, Лапласъ изучалъ лунныя возмущенія и доказалъ, что вращеніе земли около своей оси неизмѣнно. Онъ объяснилъ также равновѣсіе колецъ Сатурна.

Отстававшія до тѣхъ поръ физическія науки своимъ оживленіемъ стремились какъ бы наверстать потерянное время. Опыты надъ термометромъ, начатые въ XVII в., продолжались въ XVIII столѣтіи *Фаренгейтомъ* [1]), затѣмъ *Реомюромъ* и шведомъ *Цельзіемъ*.

Въ концѣ вѣка, братья *Монгольфье* произвели (1783) первый опытъ воздухоплаванія въ *Аннанэ*, въ присутствіи штатовъ провинціи Виварэ. Приглашенные затѣмъ Академіей Наукъ пріѣхать въ Парижъ, они повторили свои опыты въ присутствіи Людовика XVI. 21-го ноября того же года Этьеннъ Монгольфье выпустилъ изъ замка Ла-Мюэттъ другой воздушный шаръ, на которомъ смѣло поднялся *Пилатръ де-Розье*. Человѣкъ пытался овладѣть воздушными областями; несмотря на успѣхи науки воздухоплаванія, онъ еще этого не достигъ.

Человѣкъ, однако, превосходно сумѣлъ подчинить себѣ силы природы. Торговецъ желѣзными товарами и стекольщикъ изъ Дартмута (въ Девоншэрѣ), *Ньюкоммень* и *Коулэй*, воспользовавшись открытіями предыдущаго вѣка относительно пара, устроили машины, снабженныя котлами, гдѣ получался паръ, при помощи котораго производилось движеніе. При всей важности этого перваго опыта, его нельзя сравнить съ работами *Джемса Уатта* [2]).

Этотъ бѣдный рабочій-механикъ шотландскаго городка придумалъ усовершенствованія, которыя почти установили паровую машину настоящаго времени. Вмѣсто того, чтобы сжимать паръ въ самомъ цилиндрѣ, откуда онъ дѣйствовалъ на поршень, онъ провелъ его въ отдѣльный пріемникъ, гдѣ онъ превращался въ жидкость: онъ нашелъ *конденсаторъ*. Онъ заставилъ паръ дѣйствовать на поршень съ двухъ сторонъ и изобрѣлъ способъ придать коромыслу машины два послѣдовательныхъ толчка, вызываемыхъ повышеніемъ и пониженіемъ поршня.

Французскій инженеръ, *Жозефъ Кюньо*, соорудилъ въ 1770 г. паровыя повозки, которыми не пользовались, но онѣ сдѣлались какъ бы зачаткомъ локомотивовъ. Въ Америкѣ *Оливеръ Ивэнсъ*, изобрѣта-

---

[1]) Даніель-Габріель Фаренгейтъ (1690—1740) устроилъ спиртовой термометръ, а затѣмъ ртутный, раздѣленный на 212 градусовъ. Термометръ Реомюра раздѣленъ на 80 град. въ 1730 г. Термометръ Цельзія относится къ 1742 г.

[2]) Джемсъ Уаттъ (1736—1819).

тель машины высокаго давленія, построилъ въ 1790 г. паровыя кареты, ходившія по обыкновеннымъ дорогамъ. Это было настоящимъ переворотомъ, въ значеніи котораго нельзя было сомнѣваться.

Въ XVI и XVII вв. существовали лишь нѣкоторые намеки на электрическую силу. Англичанину *Гаукби* удалось, въ 1709 г., устроить электрическую машину, замѣнивъ шаръ изъ сѣры въ машинѣ Отто Герике стекляннымъ шаромъ, который натирали рукою. *Этьемсъ Грэй* и *Уилеръ*, также англичане, продолжали (въ 1729 г.) опыты надъ электричествомъ и открыли, что существуютъ *тѣла, проводящія* и *не проводящія* электричество. *Дюфэ*, французскій естествоиспытатель и физикъ, изложилъ теорію электричества, признавъ два рода его: онъ указалъ, что можно извлекать изъ человѣческаго тѣла электрическія искры. Аббатъ *Нолле* помогалъ Дюфэ въ его работахъ, и впослѣдствіи продолжалъ ихъ. Нѣмцы *Бозе, Вольфіусъ* и *Винклеръ* измѣнили электрическую машину, которую еще болѣе усовершенствовалъ англичанинъ *Рамсденъ*.

Въ Лейденѣ, въ Голландіи, физикъ *Мёншенброкъ*, занимаясь электризаціей воды въ стклянкѣ, нечаянно положилъ руку на металлическій проводникъ, вводившій электричество въ воду изъ машины: онъ тотчасъ почувствовалъ сильное сотрясеніе въ рукахъ и въ груди и думалъ, что получилъ смертельный ударъ. Этотъ случай навелъ на путь изготовленія *лейденской банки*. Аббатъ Нолле, въ Парижѣ, Уотсонъ и Бевисъ, въ Англіи, производили любопытные опыты передачи электричества и, въ то же время, придали лейденской банкѣ ея окончательную форму.

Эти опыты надъ электричествомъ дали физикамъ *Грэю, Нолле, Барберэ* и *Ромасу* мысль о связи его съ молніей. Въ Америкѣ, Франклинъ, сперва типографъ и публицистъ, а затѣмъ физикъ и, наконецъ, дипломатъ, придумалъ любопытный опытъ съ воздушнымъ змѣемъ, который онъ пустилъ близъ Филадельфіи, однажды, во время грозы (1752). Тотъ же опытъ былъ повторенъ, также въ грозу, въ Парижѣ *Далибаромъ*, на тонкомъ желѣзномъ стержнѣ, утвержденномъ на изолирующемъ тѣлѣ. *Бюффонъ* повторилъ его, съ такимъ же желѣзнымъ стержнемъ, помѣщеннымъ на крышѣ его замка Монбаръ. Профессоръ *Рихманъ*, членъ Академіи Наукъ въ Петербургѣ, погибъ отъ удара молніи въ тотъ моментъ, когда пробовалъ возобновить эти опыты (1753). Въ томъ же году *Ромасъ* повторилъ ихъ въ Неракѣ съ большей удачей и съ полной убѣдительностью. Основное начало громоотвода было найдено. Франклинъ поставилъ первый громоотводъ въ Филадельфіи, въ 1760 г., но много времени было еще нужно, прежде чѣмъ это

благодѣтельное изобрѣтеніе, принятое съ восторгомъ въ Америкѣ, привилось въ Англіи и Франціи, гдѣ имъ стали пользоваться лишь съ 1782 г.

Гальвани [1]), профессоръ въ Болоньѣ, благодаря опытамъ надъ лягушками, касавшимися различныхъ металловъ, установилъ существованіе электрической силы, отличающейся, по его мнѣнію, отъ воздушнаго электричества, и названной имъ животнымъ электричествомъ (1786); теперь мы называемъ ее *электричествомъ динамическимъ*.

Вольта [2]), обсуждая воззрѣнія Гальвани, призналъ, наоборотъ, въ металлахъ источникъ электричества, который болонскій профессоръ видѣлъ въ тѣлѣ животнаго. Затѣмъ, онъ устроилъ (1799) изъ пластинокъ мѣдныхъ или серебряныхъ, приложенныхъ къ цинковымъ пластинкамъ и отдѣленныхъ отъ нихъ кусочками картона, намоченнаго въ соленой водѣ, столбъ, на противоположныхъ оконечностяхъ или *полюсахъ* котораго,—на одномъ скоплялось *положительное*, а на другомъ—*отрицательное электричество*. Этотъ столбъ вызывалъ токъ, сила котораго должна была, впослѣдствіи, производить чудеса, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе поразительныя.

Химія, въ дѣйствительности, возникла въ XVIII в., благодаря Пристлею, Шеле и Лавуазье. Англичанинъ *Пристлей* [3]), знакомый почти со всѣми областями знанія, производилъ многочисленные опыты надъ газами и познакомилъ насъ съ угольной кислотой, затѣмъ съ кислородомъ, азотомъ, окисью углерода и двууглеродистымъ водородомъ. *Шеле* [4]) родился въ Штральзундѣ, но жилъ въ Швеціи; онъ доставилъ новыя данныя о кислородѣ и составъ воздуха, открылъ хлоръ, мышьяковую кислоту, берлинскую лазурь, синильную кислоту, щавелевую кислоту и т. д. Во Франціи знаменитый *Лавуазье* [5]) открылъ составъ воздуха, разложилъ и возстановилъ воду. Въ 1783 г. онъ произвелъ удивительный опытъ въ присутствіи Людовика XVI и многихъ ученыхъ; его, по истинѣ, можно назвать творцомъ современной химіи.

У Лавуазье были ученики и послѣдователи: *Гюитонъ де-Морво* [6]), изъ Дижона, *Бертолле*, изъ Аннеси, *Фуркруа*, род. въ Парижѣ, всего

---

[1]) Гальвани (1737—1798).

[2]) Александръ Вольта, род. въ Комо (1745—1827).

[3]) Джозефъ Пристлей (1733—1804).

[4]) Карлъ Вильгельмъ Шеле (1742—1786).

[5]) Лавуазье (1743—1794).

[6]) Гюитонъ де-Морво (1737—1816); Клодъ Луи Бертолле (1748—1822); Ант. Фуркруа (1755—1809); Кэвендишъ (1731—1810); Кирвэгъ (1750—1812); Геттлингъ (1755—1809).

болѣе распространившій любовь къ химіи своимъ преподаваніемъ ея; *Шапталь* читалъ химію до 1796 г. Въ Англіи *Кэвендишъ* заявилъ о себѣ прекрасными опытами надъ водородомъ, азотной кислотой и проч. Къ этимъ именамъ слѣдуетъ прибавить еще имена ирландца *Кирвэна* и нѣмца *Гёттлинга*.

Естественныя науки стали точнѣе, обогатились остроумными наблюденіями и пришли, наконецъ, къ раціональнымъ классификаціямъ. *Бюффонъ* [1]), изящный писатель и знаменитый ученый, заслуживаетъ на званіе отца естественной исторіи, знаніе которой онъ распростра нилъ своими сочиненіями, столь ясными и занимательными. *Добантонъ* [2]) изучалъ животныхъ съ точки зрѣнія анатоміи первый пытался возстановить строеніе ископаемыхъ животныхъ. Онъ ввелъ во Францію овецъ-мериносовъ. Шведъ *Линней* [3]) создалъ для *ботаники* остроумную классификацію, которой долго пользовались въ ученомъ мірѣ. *Адансонъ* [4]), родившійся въ Э, преобразовалъ его слишкомъ искусственный методъ. *Бернаръ де-Жюссьё* [5]), уроженецъ Ліона, также трудился надъ созданіемъ болѣе естественныхъ классификацій, и *Лорану де-Жюссьё* удалось, наконецъ, придумать такую, которая была принята всѣми. *Гаюи* [6]) началъ свои замѣчательныя минералогическія изысканія, которыя продолжалъ въ слѣдующемъ вѣкѣ. *Парментье* [7]), агрономъ и фармацевтъ, изучалъ питательныя свойства картофеля и, благодаря покровительству Людовика XVI, распространилъ разведеніе его, оказавъ этимъ громадную услугу.

Успѣхи естественныхъ наукъ принесли значительную помощь медицинѣ, которая, освободившись въ предшествующемъ вѣкѣ отъ ига рутины, сдѣлала новые шаги впередъ, благодаря французамъ *Бордё* и *Бартэ* [8]). Въ 1778 г. въ Парижѣ основано было Королевское Медицинское Общество. Въ Италіи *Валлиснери* [9]) былъ одновременно есте-

---

[1]) Жанъ Луи Леклеръ, графъ де-Бюффонъ, род. въ Монбарѣ (Котъ д'Оръ) (1707—1788).

[2]) Добантонъ (1716—1800).

[3]) Карлъ Линней, род. въ Расгультѣ, въ Швеціи (1707—1778).

[4]) Мишель Адансонъ (1727—1806).

[5]) Бернаръ де-Жюссьё (1699—1777); Лоранъ де-Жюссьё, его племянникъ, (1748—1836). Слѣдуетъ упомянуть еще Бенедикта де-Соссюра, род. близъ Женевы и ум. въ 1795 г. Онъ предпринялъ первое научное изслѣдованіе Альпъ, что̀ доставило ему множество наблюденій по геологіи, ботаникѣ и физикѣ.

[6]) Гаюи (1743—1822).

[7]) Парментье (1737—1813).

[8]) Бордё (1722—1776); Бартэ (1734—1806).

[9]) Валлиснери (1661—1730).

ствоиспытателемъ и врачомъ; анатомъ *Спалланцани* [1]) сдѣлалъ важныя наблюденія надъ кровообращеніемъ, пищевареніемъ и т. д. *Моргаьи* [2]) положилъ начало патологической анатоміи. Въ Англіи хирургъ *Чезельденъ* [3]) сдѣлалъ первый опытъ операціи катаракта и возвратилъ зрѣніе слѣпорожденному. *Дженнеръ* [4]), наконецъ, замѣтилъ, что коровья оспа, привитая человѣку, предохраняетъ его отъ оспы, бывшей страшнымъ бѣдствіемъ, съ которымъ не умѣли бороться. Успѣхъ его опытовъ получилъ громадное распространеніе и доставилъ ему почести за великую услугу, оказанную человѣчеству.

Явились люди, пытавшіеся облегчить несчастія бѣднаго человѣчества. Аббатъ *де-Лепе* [5]) съ трогательнымъ состраданіемъ старался дать участіе въ жизни глухонѣмымъ, придумавъ замѣнить звуки движеніями рукъ и создавъ видимый алфавитъ, замѣнявшій уши глазами. Для тѣхъ, кто, наоборотъ, былъ лишенъ зрѣнія, *Валентинъ Гаюи* [6]), братъ минералога, изобрѣлъ выпуклую азбуку и замѣнилъ утраченное чувство зрѣнія чувствомъ осязанія, развитымъ у слѣпыхъ до чрезвычайной тонкости.

Наконецъ, врачъ *Пинель* [7]) возсталъ противъ варварскаго обращенія съ умалишенными, которыхъ заковывали въ цѣпи, и сталъ относиться къ нимъ, какъ къ больнымъ, которыхъ слѣдовало лѣчить или, по крайней мѣрѣ, отвлекать ихъ отъ страданій добрымъ и внимательнымъ отношеніемъ. Это были три великія побѣды цивилизаціи, восторжествовавшей надъ недостатками человѣческой природы.

Ни одинъ вѣкъ не разстается съ традиціями другого иначе, какъ бережно и постепенно. То, что говорилъ Линней о природѣ: „она не дѣлаетъ скачковъ“, можно примѣнить и къ литературѣ. Классическія и религіозныя традиціи XVII в. продолжались сперва даже и среди распущенности XVIII столѣтія. *Массильонъ*, уже обратившій на себя вниманіе въ концѣ предшествовавшаго вѣка [8]), поддерживалъ славу церковной каѳедры своими проповѣдями о воздержаніи. Онѣ были изящны и краснорѣчивы, но въ нихъ живѣе, чѣмъ въ проповѣдяхъ, слу-

---

[1]) Спалланцани (1729—1799)

[2]) Морганьи (1682—1771).

[3]) Чезельденъ (1688—1752).

[4]) Дженнеръ, род. въ Берклеѣ, въ Глостерѣ (1749—1823).

[5]) Шарль Мишель, аббатъ де-Лепе, род. въ Версали (1712—1789).

[6]) Валентинъ Гаюи (1745—1822).

[7]) Пинель (1745—1826).

[8]) Массильонъ (1663—1743), сначала священникъ Ораторіи, затѣмъ епископъ въ Клермонѣ, проповѣдывалъ нѣкоторое время въ годы старости Людовика XIV и малолѣтства Людовика XV.

жившихъ ему образцами, чувствуется необходимость считаться съ обществомъ утонченнымъ, легкомысленнымъ, утомленнымъ высокими истинами и способнымъ воспринимать лишь деликатные совѣты—не слишкомъ уклоняться отъ нравственности. Массильонъ, дѣйствительно, всего болѣе былъ моралистомъ.

Моралистомъ былъ и судья *Дагессо* [1]), классическій и сдержанный ораторъ, въ своихъ *рѣчахъ*, произносившихся въ парламентѣ. Современникъ его, судья Дюпенъ, назвалъ его „судебнымъ Массильономъ“.

Сенъ-Симонъ [2]) тщательно скрывалъ свои удивительныя *Записки*, въ которыхъ онъ рисуетъ первые года XVIII в. такъ же, какъ онъ описывалъ печальныя событія конца XVII столѣтія. Но, будучи врагомъ Людовика XIV, Сенъ-Симонъ, тѣмъ не менѣе, остается человѣкомъ стараго времени, приверженнымъ къ дворянскимъ привилегіямъ, не понимавшимъ работы мысли, какая происходила на его глазахъ, пристрастнымъ къ мелочамъ этикета, которымъ его гордость придавала значеніе государственныхъ основъ. Его слогъ, хотя оригинальный и съ яснымъ отпечаткомъ индивидуальности, сохраняетъ еще длинные періоды XVII в. и не всегда послѣдовательную пылкость XVI столѣтія.

Поэзія увядала въ этомъ новомъ обществѣ, опьяненномъ развитіемъ роскоши, насмѣшливомъ, скептическомъ и даже матеріалистическомъ. Лирическіе порывы *Ж. Б. Руссо* [3]) порождались умомъ, а не сердцемъ. *Ла-Мотту* и *Лефранку де-Помпиньянъ* [4]) еще менѣе удалось обогатить литературу истинно лирическими мыслями: имъ не доставало энтузіазма. Обществу всего болѣе нравилась легкая поэзія, представителями которой были *Грессе* [5]), остроумный авторъ „Веръ-Веръ“ и еще болѣе легкомысленные *Берни* и *Буфле*. *Жильберъ* [6]), защитникъ старыхъ традицій, выпустилъ нѣсколько ѣдкихъ сатиръ противъ философовъ; онъ умеръ, впрочемъ, слишкомъ молодымъ и несчастнымъ. *Делиль* [7]) блисталъ въ описательномъ родѣ и въ переводахъ. Одинъ только поэтъ былъ предвѣстникомъ возрожденія истинной поэзіи, *Андре Шенье* [8]), геній котораго, къ несчастью, былъ разомъ остановленъ въ своемъ развитіи сѣкирой революціи. Это былъ грекъ по рожденію и по духу.

---

[1]) Д'Агессо (1668—1751).
[2]) Сенъ-Симонъ (1675—1755).
[3]) Жанъ-Батистъ Руссо (1670—1741).
[4]) Гударъ де-ла-Моттъ (1672—1731); Лефранкъ де-Помпиньянъ (1709—1784).
[5]) Грессе (1709—1777).
[6]) Жильберъ (1751—1780).
[7]) Делиль (1738—1813).
[8]) Андре Шенье (1762—1794).

Комедія въ стихахъ далеко отошла отъ Мольера и даже Реньяра, благодаря *Детушу* [1]), *Нирону* [2]), автору *Метроманіи*, и *Грессе*, автору *Злого*. Но комедія въ эту эпоху удачно видоизмѣнилась, благодаря союзу съ музыкой. Театръ обогатился новымъ родомъ искусства, *комической оперой*, прославленной *Фаваромъ* [3]) и *Седеномъ* [4]). Всего удивительнѣе, что и трагедія имѣла успѣхъ, благодаря *Кребильону*, несмотря на его варварскій языкъ и скопленія самыхъ ужасающихъ сценъ.

Трагедію спасъ геній *Вольтера* (1694—1778). Это былъ всеобъемлющій умъ XVIII в., поэтъ, философъ и историкъ, имя котораго является символомъ эпохи. Своей жизнью и произведеніями Вольтеръ наполнилъ XVIII вѣкъ. Послѣдователь, по вкусамъ, писателей предшествовавшаго столѣтія, почитатель древнихъ, воспитанный на классикахъ, онъ шелъ по пути, намѣченному Корнелемъ и Расиномъ, заглядывая по ту сторону Ламанша и подражая Шекспиру [5]). Но Вольтеръ писалъ свои трагедіи не для того лишь, чтобы затронуть чувство и состраданіе человѣческаго сердца: онъ дѣлаетъ изъ театра уже не одно литературное развлеченіе, но почти философское и политическое поученіе. Онъ выпускаетъ тирады и стихи, ясно расчлененные на нравственныя истины, вызывающіе рукоплесканія публики, быстро улавливающей намеки, и даже самой знати, противъ которой онъ направляетъ свои стрѣлы. Онъ бьетъ напроломъ, благодаря свободѣ, какую даютъ ему историческіе сюжеты, причемъ онъ не сохраняетъ ни колорита, ни предразсудковъ, ни преданій, особенно въ *Магометѣ*. Онъ не пропускаетъ случая затронуть религіозное чувство, не касаясь, въ то же время католицизма. Онъ самъ, патріархъ деистовъ, искалъ въ католицизмѣ высшаго вдохновенія для *Альзиры* и *Заиры*. Тѣ же стремленія, одновременно философскія и поэтическія, встрѣчаются въ *Генріадѣ*, въ которой онъ пытался дать Франціи національную поэму, что̀, однако, ему не удалось.

Болѣе свободнымъ Вольтеръ чувствовалъ себя въ прозѣ. Это было его оружіе. Онъ владѣлъ имъ, какъ никто до тѣхъ поръ, и разнообразилъ его, сообразно своему изощренному уму. Онъ придалъ своему сло-

---

[1]) Детушъ (1680—1754).

[2]) Пиронъ (1689—1773).

[3]) Фаваръ (1712—1792).

[4]) Седенъ (1719—1797).

[5]) Главныя трагедіи Вольтера: *Эдипъ* (1718), *Брутъ* (1730), *Заира* (1732), *Смерть Цезаря* (1733), *Альзира* (1736), *Магометъ* (1741) и, лучшее его произведеніе, *Меропа* (1743).

гу больше бѣглости, чѣмъ даже г-жа де-Севинье, раздѣляя его на короткія, ясныя фразы, мѣткія, пронизывающія, какъ стрѣлы. Это уже вполнѣ современный намъ языкъ, точный, пріятный безъ изысканности, благородный, но не тяжелый, строгій безъ педантизма, бойкій, но не грубый.

Этотъ живой языкъ онъ примѣнилъ къ исторіи и далъ удивительные образцы повѣствованія въ *Карлѣ XII* и *Вѣкѣ Людовика XIV*. Несомнѣнно, въ исторіи онъ видитъ науку, но въ особенности цѣнитъ ее, какъ искусство. Въ этомъ смыслѣ онъ служитъ образцомъ даже до настоящаго времени, когда отъ историковъ требуютъ болѣе серьезности и глубины. Его *Опытъ о нравахъ народовъ* былъ всеобщей исторіей, которой онъ могъ отдать слишкомъ мало изученія и времени: тѣмъ не менѣе, онъ открылъ путь для философіи исторіи.

Вольтеръ, по преимуществу, былъ философомъ. Но онъ не былъ послѣдователемъ какого-либо ученія или системы, такъ какъ не придерживался никакого учителя или догмата. Его философія, пользуясь этимъ словомъ, за неимѣніемъ другого, состоитъ въ изслѣдованіи всего орудіемъ разума, въ обсужденіи и исканіи истины. Философія Вольтера заключается не только въ его *Философскомъ словарѣ*, но и во всѣхъ его произведеніяхъ, стихотворныхъ и прозаическихъ. Онъ былъ, по преимуществу, защитникомъ благородныхъ идей, человѣчности, терпимости и справедливости; его вліяніе было громадно, такъ же, какъ и его извѣстность, возраставшая съ годами и съ распространеніемъ его идей.

Философія, какъ наука, не существовала во Франціи въ XVIII вѣкѣ до *Кондильяка* [1]), который, вернувшись въ теоріямъ Локка и преувеличивая ихъ, предполагалъ, что все происходитъ въ насъ отъ ощущеній. Этой теоріи сенсуализма придерживался также *Гельвецій* [2]), въ своей книгѣ о *Духѣ*, и послѣдствіемъ этого ученія явилась нравственная доктрина выгоды и удовольствія, которыя, сами по себѣ, столь противуположны нравственности. *Ла-Меттри* и *Гольбахъ* [3]) также распространяли эту философію, проникающую *Энциклопедію*. Энциклопедія, обширный сборникъ свѣдѣній, руководимый *Даламберомъ* и *Дидро*, обнималъ всѣ области человѣческаго знанія, которыя авторы желали установить или обновить. Самою замѣчательною частью этого обширнаго труда было предисловіе, написанное Даламберомъ, ко-

---

[1]) Кондильякъ (1715—1780).

[2]) Гельвецій, род. въ Парижѣ, происходя отъ голландской семьи (1715—1771).

[3]) Ла-Меттри (1709—1751); Гольбахъ (1723—1789).

торый проявилъ здѣсь такую же точность и опредѣленность мысли, какъ и въ своихъ математическихъ трудахъ. Дидро (1713—1784) разсѣялъ тамъ множество страницъ остроумныхъ, тонкихъ и оживленныхъ, но проникнутыхъ скорѣе духомъ отрицанія, чѣмъ критики, что̀ подорвало этотъ трудъ, колоссальный по замыслу, но слишкомъ поверхностный по выполненію.

Философамъ можно противупоставить немногочисленныхъ моралистовъ, въ особенности *Вовенарга* [1]), сохранившаго традиціи XVII вѣка и придерживавшагося одновременно Паскаля и Лабрюйера.

Этотъ, столь противурѣчивый вѣкъ, несмотря на свое легкомысліе, имѣлъ глубокихъ мыслителей, какъ, напр., *Монтескье* (1689—1755). Человѣкъ практическій и сдержанный, умѣрявшій свободу мысли серьезностью своего характера, Монтескьё не удовлетворялся насмѣшками надъ современнымъ ему обществомъ, которое онъ мечталъ преобразовать въ *Персидскихъ письмахъ*. Обратившись къ древности, онъ изложилъ въ краткомъ и ясномъ трудѣ причины *Величія и упадка римлянъ*, заимствуя у этого народа, столь развитого въ политическомъ отношеніи, правила государственнаго управленія и пользованія свободой. Затѣмъ, онъ посвятилъ двадцать лѣтъ жизни для составленія одной книги, *Духъ законовъ*, разсматривавшей различныя формы правленія и различныя законодательства въ ихъ преемственности и взаимной борьбѣ. Не останавливаясь, подобно Платону, на мечтаніяхъ объ идеальномъ государствѣ, онъ, съ проницательностью Аристотеля, изучаетъ человѣческія общества и обращается къ политической наукѣ древнихъ, къ которой присоединяетъ точность свѣдѣній и опытъ людей новаго времени. Монтескьё восторгался, въ особенности, государственнымъ правленіемъ англичанъ, которое считалъ образцовымъ; его книга, столь разумная и логичная, нанесла страшный ударъ абсолютной монархіи.

Великія темы не только не избѣгались, но затрогивались даже посредственными писателями: мечтатель аббатъ *де-Сенъ-Пьеръ* [2]) предлагалъ установить всеобщій миръ, благо, столь необходимое и столь неосуществимое. *Мабли* [3]) издалъ *Замѣтки объ исторіи Франціи*, весьма основательныя для этой эпохи, когда ихъ не могли еще вполнѣ понять.

На высоту, равную съ Монтескьё и Вольтеромъ, поднялось имя *Руссо* (1712—1778). Родившись въ Женевѣ, бывшей тогда очагомъ

---

[1]) Вовенаргъ, род. въ Э (1715—1747). Онъ написалъ *Введеніе къ познанію человѣческаго ума*, а затѣмъ, *Размышленія* и *Правила*.

[2]) Шарль-Ириней Кастель, аббатъ де-Сенъ-Пьеръ (1658–1743).

[3]) Габріэль Бонно де-Мабли (1709—1785).

французской науки, Руссо въ ранней молодости поселился во Франціи, гдѣ, будучи бѣднякомъ, долженъ былъ, при помощи различныхъ ремеслъ, добывать себѣ пропитаніе и средства къ образованію. Онъ во всемъ обязанъ себѣ, что̀ внушило ему горделивую вѣру лишь въ самого себя. Онъ силою проложилъ себѣ путь въ іерархическомъ обществѣ XVIII в., достаточно, впрочемъ, свободномъ отъ предразсудковъ, чтобы оцѣнить талантъ. Когда онъ проникъ въ это общество, онъ бѣжалъ оттуда, порицая его, но не имѣя силъ вполнѣ отрѣшиться отъ него: наоборотъ, страстное влеченіе къ нему возрастало вмѣстѣ съ ожесточеніемъ, и онъ кончилъ жизнь, повидимому, самоубійствомъ, въ имѣніи знатнаго вельможи, жизнь, столь же своеобразную, какъ и его характеръ.

Руссо, произведенія котораго состоятъ, главнымъ образомъ, изъ *писемъ*, *разсужденій* и краткихъ трактатовъ, былъ полемистомъ, не столь легкимъ, какъ Вольтеръ, котораго онъ не могъ переносить, а серьезнымъ и страстнымъ. Насмѣшливость его могла достигать язвительности его противника: онъ умѣлъ придавать ей больше сдержанной силы. Вольтеръ смѣется надъ глупостью, которую изобличаетъ, Руссо негодуетъ и возвышается до краснорѣчія. Вольтеръ старается преобразовать людей, но онъ все-таки любитъ ихъ; это—человѣкъ общительный, по преимуществу: онъ ладитъ съ міромъ, который осуждаетъ, кромѣ враговъ, которыхъ не щадитъ. Руссо стремится исправлять людей, презирая ихъ. Онъ хотѣлъ быть преобразователемъ въ политикѣ, проповѣдникомъ нравственности и реформаторомъ воспитанія.

Восходя, въ преувеличеніи, котораго онъ не могъ не понимать, до первобытнаго состоянія общества, онъ однимъ взмахомъ опрокидывалъ политическое зданіе, созданное вѣками, и возвращалъ разуму его права, не признававшіяся феодальными традиціями. *Человѣкъ родится свободнымъ*, такова первая фраза *Общественнаго договора*. Этой простой формулой Руссо требовалъ *равенства* и въ то же время *свободы*. Его теорія государства, основаннаго на договорѣ, привела его къ провозглашенію *верховной власти народа*. Воспоминанія о республиканскомъ Римѣ, близкія всѣмъ ученымъ, одушевляли новаго трибуна.

По отношенію къ нравственности, этотъ странный проповѣдникъ, который долженъ былъ бы начать съ того, чтобы самому придерживаться ея, оказывался, въ противоположность философамъ-матеріалистамъ его времени, явнымъ спиритуалистомъ, какъ это видно изъ *Исповѣданія вѣры Савойскаго Викарія*. Свобода воли служила ему доказательствомъ существованія души такъ же, какъ природа — существованія Бога.

Руссо, въ своемъ трактатѣ *Эмиль*, изображаетъ нравственное и умственное воспитаніе молодого человѣка, съ помощью, въ нѣкоторомъ родѣ, отрицательнаго пріема. Глубокое сознаніе недостатковъ воспитанія того времени внушило ему справедливыя порицанія его, принесшія плоды и придавшія его книгѣ значеніе одной изъ самыхъ серьезныхъ попытокъ современной педагогіи. Руссо возстановилъ физическое воспитаніе и, согласно съ Рабле, требовалъ, чтобы права природы не приносились въ жертву умственному развитію. Онъ нанесъ чувствительный ударъ устарѣлому пріему, которымъ подавляли память дѣтей, не упражняя способности сужденія.

Въ *Эмилѣ* Руссо переступилъ за предѣлы своей цѣли и, вслѣдствіе того, не достигъ ея. Онъ хотѣлъ, чтобы ребенокъ самъ собою достигъ знанія и религіи. Тогда каждое новое поколѣніе было бы разобщено съ предшествовавшими; весь трудъ, накопленный вѣками, былъ бы излишнимъ. Ошибочной и несбыточной была мысль, будто пользованіе свободой всегда ведетъ къ нравственности. Руссо достаточно было заглянуть въ самого себя, чтобы почувствовать, какъ слабая душа можетъ склоняться подъ давленіемъ страсти. Затѣмъ, въ своемъ увлеченіи верховной властью народа, онъ забываетъ о самой свободѣ, которую защищаетъ. Онъ оправдываетъ тиранію и своеволіе *многихъ*, какъ будто надо всѣми законами, созданными людьми, не существуетъ высшаго правосудія, необходимаго и божественнаго, которому должны подчиняться всѣ человѣческіе законы, такъ какъ иначе они являются лишь постановленіями силы и страха.

Руссо былъ въ одно и то же время и полезнымъ, и опаснымъ писателемъ. Онъ столько же распространялъ заблужденія, сколько разсѣевалъ ихъ. Стоикъ въ своей домашней жизни, онъ былъ циничнымъ и вѣжливымъ, гордымъ и робкимъ, моралистомъ и безнравственнымъ; чувствительный въ своихъ произведеніяхъ, онъ, въ сущности, былъ жесткимъ человѣкомъ, любилъ и уединеніе, и удовольствія. Представляя странное сочетаніе пороковъ и добродѣтелей, онъ былъ однимъ изъ наиболѣе необычайныхъ продуктовъ цивилизаціи XVIII в., скрывая подъ легкомысліемъ и испорченностью неодолимую потребность энтузіазма, вѣры и надежды. Но это былъ писатель ясный, точный, картинный, вкладывавшій сердце въ свой языкъ, и, вслѣдствіе того, ему удалось взволновать свой вѣкъ. Поэтъ въ прозѣ, онъ воспѣвалъ красоты природы, которымъ предпочитались тогда прямолинейные парки и разукрашенныя пастушескія идилліи. Руссо, своей борьбой противъ условныхъ идей и преданій прошлаго, явился однимъ изъ самыхъ пылкихъ предвѣстниковъ новыхъ временъ.

Эти новыя времена имѣли уже свою науку, и философы, болѣе практичные, чѣмъ Руссо, формулировали ее съ точки зрѣнія матеріальной: это были *экономисты*. Съ конца царствованія Людовика XIV, *Вобанъ* и *Буа-Гильберъ* касались въ своихъ разсужденіяхъ финансовой и торговой организаціи государства. Вобанъ заслужилъ неудовольствіе короля и взволновалъ общественное мнѣніе своею книгой о *Королевскихъ доходахъ*. *Буа-Гильберъ* [1]), простой интендантъ, протестовалъ противъ злоупотребленій покровительственной системы и произвола внутреннихъ учрежденій. Но лишь въ XVIII столѣтіи появились настоящіе ученые экономисты, *Гурнэ* и *Кенэ* [2]). Основнымъ правиломъ Гурнэ было *laissez faire, laissez passer*: это означало, что каждый имѣетъ право вырабатывать все, что̀ хочетъ, и продавать всевозможные товары по выгодной ему цѣнѣ кому только можетъ. Кенэ, сынъ юрисконсульта, выдающійся хирургъ и врачъ короля Людовика XV, называвшаго его своимъ *мыслителемъ*, вѣроятно, потому, что онъ чувствовалъ необходимость, чтобы кто-нибудь за него думалъ, заботился преимущественно о выгодахъ земледѣлія. Желая примѣнить къ общественному строю начало *очевидности*, которымъ Декартъ пользовался въ философіи, онъ долженъ былъ взять собственность за основу общества. Кенэ и его послѣдователей, основывавшихъ свое ученіе на природѣ, называли *физіократами*. Но Кенэ, приносившій все въ жертву земледѣлію, упускалъ изъ виду промышленность, какъ источникъ дохода.

Ученіе шотландца *Адама Смита* [3]), долго жившаго во Франціи, было болѣе общимъ и болѣе справедливымъ: для него богатство заключалось *въ трудѣ*. Онъ требовалъ *свободы труда*. Одно изъ посѣщеній булавочной фабрики дало ему мысль о другомъ принципѣ, *раздѣленіи труда*. Онъ былъ первымъ, установившимъ законъ *спроса* и *предложенія*, на основаніи повышенія и пониженія цѣнъ.

Въ эту эпоху даже романъ дѣлаетъ попытки быть полезнымъ обществу. *Лесажъ*, въ своей интересной книгѣ *Жилъ Блазъ*, даетъ поразительно реальное описаніе испанскаго общества, но можно сказать, что, скорѣе, это—общество всѣхъ временъ. *Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ* также обезсмертилъ себя прелестной идилліей *Павелъ и Виргинія*, которая кажется уже навѣянной чувствами слѣдующаго вѣка и выдѣляется среди пошлыхъ, растянутыхъ и искусственныхъ романовъ, такъ долго бывшихъ въ модѣ. Вольтеръ, въ своихъ романахъ, главнымъ

---

[1]) Буа-Гильберъ, или Гильеберъ, ум. 1714 г.

[2]) Гурнэ, род. въ Санъ-Мало (1712—1759). Кенэ (1694—1774).

[3]) Адамъ Смитъ (1723—1790).

образомъ, имѣлъ въ виду сатиру; *Мармонтель* [1]) писалъ въ томъ же духѣ и придалъ двумъ своимъ произведеніямъ *Велизарій* и *Инки* историческую окраску, но они были проникнуты новыми идеями. *Флоріанъ* [2]) печаталъ также историческіе романы, но ему лучше удавались пасторали и *басни*, изъ которыхъ нѣкоторыя достойны служить, наравнѣ съ баснями Лафонтена, чтеніемъ для дѣтей.

Стихотворная комедія становилась безжизненной; но легкая и изящная проза XVIII в. легко прижилась на сценѣ. Лесажъ написалъ *Тюркарэ*, замѣчательную картину нравовъ финансистовъ того времени. *Мариво* [3]), избѣгая высокихъ сюжетовъ и придерживаясь области чувства, писалъ изысканнымъ салоннымъ языкомъ; но онъ вкладывалъ въ свои произведенія столько граціи и изящества, что его комедіи до сихъ поръ съ удовольствіемъ читаются любителями литературы. Его послѣдователи злоупотребляли его утонченной манерой и, желая подражать ему, создали то, что было названо *мариводажемъ*, словомъ, придуманнымъ для этихъ неудачныхъ учениковъ Мариво.

Подъ конецъ вѣка тонъ литературы поднимается. Комедія становится боевымъ оружіемъ, благодаря *Бомарше* [4]), рѣшившемуся вывести на сцену общественные вопросы, которыми увлекались все болѣе и болѣе. Онъ создалъ безсмертный типъ *Фигаро*, воплощавшій стремленіе народа къ равенству. Нападки его на дворянство, разсѣянныя во всѣхъ его забавныхъ и интересныхъ пьесахъ, были такъ замаскированы, что сама знать рукоплескала имъ. Впрочемъ, помимо этихъ намековъ, *Севильскій цырюльникъ* и *Свадьба Фигаро* столь увлекательны и написаны такимъ ѣдкимъ языкомъ, что держатся съ полнымъ блескомъ и въ современномъ репертуарѣ.

Драма и романъ, такъ же, какъ и произведенія экономистовъ, философовъ и историковъ, въ ту эпоху имѣли иную цѣль, помимо развлеченія ума. Писатели проводили идеи, которыя вскорѣ должны были преобразиться въ факты. Литература XVII в., болѣе возвышенная, величественная и серьезная, держалась высокихъ областей искусства и чувства. Она, главнымъ образомъ, содѣйствовала образованію вкуса и содѣйствуетъ этому до сихъ поръ, составляя существенную пищу для души и ума. Писатели XVIII в. потрудились всего бо-

---

[1]) Лесажъ (1668—1747); Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ (1737—1814); Мармонтель (1723—1799).

[2]) Флоріанъ (1755—1794).

[3]) Мариво (1688—1763).

[4]) Бомарше (1732—1799).

лѣе для своего времени. Никогда еще литература не доказывала яснѣе, какое вліяніе она можетъ имѣть на политику. Французская революція, какъ мы увидимъ далѣе, произошла непосредственно отъ философскаго движенія.

Мало того: это вліяніе было всемірнымъ. Уже французскими писателями XVII в. восхищалась вся Европа; писатели XVIII ст. цѣнились еще выше. Франція, приходившая въ упадокъ, съ точки зрѣнія политической, во время печальнаго царствованія Людовика XV, выказывала настоящее умственное первенство надъ сосѣдними народами, съ жадностью ловившими все, что̀ печаталось въ Парижѣ. За Вольтеромъ, Дидро, Даламберомъ ухаживали царственныя особы, приглашая ихъ къ своимъ дворамъ, или поддерживая съ ними дѣятельную переписку. Франція, благодаря своему ясному и логическому генію, пріобрѣла господство, составлявшее нѣкогда славу Рима и Аѳинъ. Она вырабатывала идеи, заставляя ихъ распространять свѣтъ на большомъ пространствѣ. Она, въ свою очередь, сдѣлалась наставницей міра.

Между тѣмъ, и другія страны пріобрѣли свою оригинальную литературу. Толчокъ, полученный англійской литературой въ XVII в., продолжалъ свое дѣло. Однимъ изъ результатовъ революціи 1688 г. было возникновеніе періодической печати, *журналовъ* и *газетъ*. *Даніэль Дефо* [1]), преемникъ старинныхъ пуританъ, преслѣдуемый при королевѣ Аннѣ, будучи заключенъ въ тюрьму Ньюгэтъ, началъ тамъ періодическое изданіе, которымъ руководилъ одинъ въ теченіе девяти лѣтъ: критическіе опыты, теологія, политика, исторія, экономическія теоріи тамъ были перемѣшаны и, при всемъ своемъ разнообразіи, направлены были въ одной и той же религіозной цѣли. *Стиль* издавалъ тогда *Говоруна* (Tattler, 1709 г.), затѣмъ *Зрителя* (Spectator, 1711), главнымъ редакторомъ котораго былъ *Аддисонъ* [2]) и который сохранилъ свое первенствующее значеніе въ литературѣ.

Аддисонъ, поэтъ и критикъ, воспитанный на древнихъ авторахъ, былъ, по преимуществу, привлекательнымъ и доброжелательнымъ моралистомъ, выдающимся проповѣдникомъ, старавшимся распространять любовь къ добродѣтели. Его стиль, выработанный, благородный, изящный, и тѣмъ не менѣе, нѣсколько тяжеловатый, напоминалъ традиціи французской школы XVII в., хотя, въ сущности, произведенія Аддисона носятъ буржуазный, англиканскій характеръ, свойственный его родинѣ.

---

[1]) Даніэль Дефо (1663—1731).

[2]) Въ теченіе всего XVIII в. въ Англіи выходило до пяти журналовъ. Эдинбургъ былъ главнымъ литературнымъ центромъ.

Даніэль Дефо, создавшій журналы, ввелъ также въ моду *романъ* съ религіозно-нравственными цѣлями. Но онъ любилъ, по крайней мѣрѣ, правдоподобіе обстановки, и его *Приключенія Робинзона Крузо* сдѣлались извѣстными всему міру. *Ричардсонъ* откровенно признавался въ своихъ романахъ, что его цѣль—нравиться читателю; онъ описывалъ свое время и англійскую торговую и набожную буржуазію. *Фильдингъ* не отступалъ передъ описаніемъ порока и безнравственности; *Гольдсмитъ* трогалъ сердца изящными и патетическими сценами въ *Векфильдскомъ священникѣ*.

Совершенно въ другомъ родѣ былъ суровый и злой геній *Свифта*, осмѣивавшій человѣчество съ большимъ остроуміемъ въ своихъ *Путешествіяхъ Гулливера*. Лауренсъ *Стернъ* [1]), своеобразный писатель, подражалъ Рабле въ *Тристрэмѣ Шэнди*, а въ своемъ *Сантиментальномъ Путешествіи* присоединялъ къ своей эксцентричности самыя нѣжныя движенія сердца.

Англійская поэзія удерживала классическій характеръ, благодаря *Попу*, человѣку ученому, который въ 20 лѣтъ уже напечаталъ *Опытъ о критикѣ*, затѣмъ упражнялъ свой живой умъ на *сатирахъ* и старался придать жизненность философіи въ письмахъ о нравственности и, въ особенности, въ *Опытѣ о человѣкѣ*. Почитатель и переводчикъ древнихъ, главнымъ образомъ, Гомера, Попъ достигъ изящнаго совершенства стиля: его произведенія кажутся отраженіемъ великаго литературнаго вѣка Франціи. Попъ сдѣлался главою школы; *Юнгъ*, одинъ изъ его послѣдователей, пошелъ гораздо дальше въ области чувства. Его *Ночныя мысли* (*Night Thoughts*) представляютъ грустныя размышленія о тщетѣ жизни. *Томсонъ* обладалъ большей страстностью и, въ своихъ *Временахъ года*, воспѣвалъ эпопею природы: онъ положилъ начало описательной школѣ. Среди поэтовъ, упоминаютъ обыкновенно *Самуэля Джонсона* [2]), хотя, какъ поэтъ, онъ не имѣлъ значенія, а скорѣе былъ критикомъ и ученымъ.

Англійская поэзія до того времени классическая и холодная, пріобрѣла жизнь вмѣстѣ съ пылкимъ *Уилльямомъ Коупером*ъ [3]), предшественникомъ настоящаго возрожденія. Какъ страстный любитель природы, Коуперъ описывалъ ее не принужденно, не напыщено, подчиняясь лишь вдохновенію и чувствительности, вызванной, впрочемъ,

---

[1]) Самуэль Ричардсонъ (1689 — 1761); Фильдингъ (1707 — 1754); Гольдсмитъ (1728—1774); Свифтъ (1667—1745); Лауренсъ Стернъ (1713—1768).

[2]) Попъ (1688—1744); Юнгъ (1681—1765); Джемсъ Томсонъ (1700—1748); Самуэль Джонсонъ (1709—1784).

[3]) Уилльямъ Коуперъ (1731—1800).

продолжительными страданіями. Сынъ бѣднаго шотландскаго фермера, *Робертъ Борнсъ*, проникнутый возвышенной красотой горъ, столь живописныхъ на его родинѣ, повидимому, безъ усилій достигъ вѣрнаго лирическаго тона. Это уже не поэзія XVIII в., а тѣ звуки, которые будетъ издавать французская лира XIX столѣтія. *Джорджъ Краббъ* своею продолжительной дѣятельностью перешелъ за грань нашего столѣтія: онъ былъ одновременно проповѣдникомъ и поэтомъ-реалистомъ. *Чаттертонъ*, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе, прибѣгнулъ къ хитрости: онъ напечаталъ мнимыя англійскія стихотворенія XV в., сколокъ съ древнихъ балладъ, что̀ указываетъ вкусъ того времени, интересовавшагося исходными точками литературы, искавшаго освѣженія въ самомъ источникѣ ея.

Этимъ вкусомъ публики воспользовался *Макферсонъ* [1]) съ удивительной ловкостью и смѣлостью. Онъ составилъ цѣлую поэму отъ имени кельтскаго барда *Оссіана* и умѣлымъ подражаніемъ формѣ обманулъ общественное мнѣніе, повѣрившее въ подлинность этой поэмы. Надо значительно углубляться въ это произведеніе, чтобы обнаружить подлогъ и различить характеръ человѣка XVIII в. въ Оскарѣ, Мальвинѣ и Фингалѣ ложнаго Оссіана. Этотъ вымыселъ имѣлъ, тѣмъ не менѣе, громкій успѣхъ и значительное вліяніе. Утомленные строгой красотой греческой и римской литературы, англичане прониклись удивленіемъ къ мнимымъ пѣснямъ кельтовъ. Это какъ бы дало новое направленіе воображенію, заинтересовавшемуся дикой и воинственной поэзіей сѣверныхъ странъ.

Англійская философія, болѣе догматическая, чѣмъ философія французская, отклонилась, за исключеніемъ ирландца *Берклея*, ученика Малебранша, отъ религіозной традиціи. Берклей положилъ начало *идеализму* и дошелъ до отрицанія существованія матеріи, а Давидъ *Юмъ*, слѣдуя его сужденіямъ, отрицалъ, въ свою очередь, духовную субстанцію. Юмъ былъ шотландецъ. Его ученія испугали одного изъ его соотечественниковъ, *Томаса Рейда*, который признавалъ, наоборотъ, существованіе нѣкоторыхъ началъ, не истекающихъ изъ опыта, и положилъ начало противодѣйствію *эмпиризму* послѣдователей Локка, которое было продолжено его ученикомъ *Дюгальдомъ Стьюартомъ* [2]).

---

[1]) Робертъ Борнсъ (1759—1796); среди его стихотвореній въ особенности указываютъ *Субботній вечеръ крестьянина*, *Къ отъѣзжающему другу*, *Къ Маріи въ небесахъ*; Джорджъ Краббъ (1755—1832); Чаттертонъ (1752—1770); Макферсонъ (1738—1796).

[2]) Берклей (1684—1753); Давидъ Юмъ (1711—1776); Томасъ Рейдъ (1710—1796); Дюгальдъ Стьюартъ (1753—1828).

Философъ Юмъ былъ также историкомъ, старавшимся подражать Титу Ливію ясностью изложенія, но, въ то же время, онъ былъ скептиченъ и пристрастенъ: философъ заслонялъ въ немъ историка. Противоположнымъ ему является религіозный и снисходительный *Робертсонъ* [1]), повѣствовательное искусство котораго исходитъ отъ Ксенофонта. Ученый *Гиббонъ* [2]) составилъ обширный трудъ объ *Упадкѣ и разрушеніи Римской имперіи*, и это серьезное сочиненіе до сихъ поръ читается съ пользой, не смотря на новѣйшіе труды, хотя и носитъ отпечатки предразсудковъ своего времени и вражды къ христіанству.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ дѣятельности англійской литературы нельзя не упомянуть объ ораторахъ, напоминавшихъ славу древнихъ ораторовъ. Англійская форма государственнаго правленія, требовавшая парламентскихъ преній, естественно, должна была оживить политическое краснорѣчіе. Въ палатѣ общинъ, а потомъ въ палатѣ лордовъ раздавался могучій голосъ *Вильяма Питта* [3]), впослѣдствіи лорда Чатама, рѣчи котораго сдѣлались классическими. Ирландецъ *Боркъ* [4]) выступилъ незадолго до смерти Питта: „Это былъ, — говоритъ Маколей, — великолѣпный закатъ и столь же великолѣпный восходъ. Но Боркъ былъ слишкомъ пылокъ и слишкомъ способенъ къ увлеченію; его краснорѣчіе, обильное, какъ потокъ, несло цѣлыя волны рѣзкостей, метафоръ и странныхъ аллегорій“. *Фоксъ* [5]), не менѣе страстный и стремительный, былъ болѣе сдержанъ. *Шериданъ* [6]) прославился, въ особенности, какъ судебный ораторъ, а второй *Вильямъ Питтъ* [7]), наслѣдникъ краснорѣчія своего отца, такъ же, какъ и ненависти его къ Франціи, господствовалъ надъ палатой общинъ своими сжатыми рѣчами, прогрессивными доводами и доказательствами, производившими впечатлѣніе скорѣе общимъ построеніемъ, чѣмъ яркостью подробностей.

Цивилизація въ XVIII в. сдѣлала такіе успѣхи, что и Германія, въ свою очередь, прославилась своей литературой. Нѣмецкому генію, сильно взволнованному Лютеромъ, понадобилось еще два вѣка для окончательнаго пробужденія. Языкъ, который великій реформаторъ какъ бы изваялъ изъ камня своимъ переводомъ Библіи, еще не сдѣлался языкомъ литературнымъ. Лейбницъ думалъ и писалъ по-латыни. Въ XVIII в.

---

[1]) Вильямъ Робертсонъ (1721—1793).
[2]) Эдуардъ Гиббонъ (1737—1794).
[3]) Вильямъ Питтъ (1708—1778).
[4]) Боркъ (1730—1797).
[5]) Чарльзъ Джемсъ Фоксъ (1748—1806).
[6]) Шериданъ (1751—1816).
[7]) Вильямъ Питтъ II (1759—1806).

нѣмецкимъ языкомъ пользовались два швейцарскихъ критика, цюрихскіе профессора (Бодмеръ и Брейтингеръ), заимствовавшіе у англичанъ систему ежемѣсячныхъ *журналовъ*. Затѣмъ онъ былъ принятъ учеными и филологами, начиная съ *Гейне* [1]) и *Августа Вольфа* [2]), и историками, какъ, наприм., *Людвигомъ Шлецеромъ* [3]), а швейцарецъ *Іоганнъ Мюллеръ* [4]) написалъ на этомъ языкѣ прекрасную исторію своей страны.

Лессингъ [5]) родился въ Саксоніи и достигъ обширной славы критика и писателя своимъ собраніемъ *Писемъ о современной литературѣ* и *Гамбургской драматургіей*, лучшимъ сочиненіемъ о театрѣ изъ всѣхъ появившихся въ XVIII в., хотя въ немъ часто встрѣчается преувеличенно несправедливое отношеніе къ французскому театру. *Лаокоонъ* былъ трудомъ болѣе спокойнымъ, философскимъ обсужденіемъ общихъ началъ искусства, произведеніемъ чисто эстетическимъ. Лессингъ противупоставлялъ древній міръ новому. Ученый *Винкельманъ* [6]), въ свою очередь, содѣйствовалъ распространенію вкуса къ античному міру, знакомя съ истиннымъ характеромъ его: онъ издалъ *Письма объ открытіяхъ въ Геркуланумѣ* и *Исторію искусства у древнихъ*.

Нѣмцы, впрочемъ, цѣнили французскую литературу, и Руссо возбудилъ мысль *Гердера* [7]), далеко подвинувшагося по пути наблюденія человѣческихъ обществъ. Придавая болѣе значенія идеямъ, чѣмъ фактамъ, Гердеръ написалъ *Исторію поэзіи у евреевъ* и *Мысли о философіи исторіи*. Эта книга была замѣчательнымъ опытомъ изображенія совокупности постепеннаго и всесторонняго развитія человѣчества, на подобіе Боссюэ и Монтескьё, но съ болѣе свободнымъ отношеніемъ къ предмету.

Нѣмецкая поэзія пробовала свои силы въ произведеніяхъ *Галлера* [8]), воспѣвавшаго *Альпы*, и *Геснера* [9]), автора сантиментальныхъ идиллій и повѣствовательной поэмы *Смерть Авеля*. Она уже имѣла настоящаго мастера въ лицѣ *Клопштока* [10]), религіознаго поэта, подражавшаго Мильтону, написавшаго нѣсколько туманную эпопею христіанства, *Мессіаду*.

---

[1]) Гейне (1729—1812).
[2]) Августъ Вольфъ (1759—1824).
[3]) Людвигъ Шлецеръ (1737—1809).
[4]) Іоганнъ Мюллеръ (1752—1809).
[5]) Лессингъ (1729—1781).
[6]) Винкельманъ (1717—1768).
[7]) Гердеръ, род. въ Пруссіи (1744—1803).
[8]) Альбрехтъ Галлеръ, изъ Берна (1708—1777).
[9]) Геснеръ (1730—1787).
[10]) Фридрихъ-Готлибъ Клопштокъ, изъ Кведлинбурга (1724—1803).

Французское вліяніе, все болѣе и болѣе проникая въ Германію, создало тамъ настоящій переворотъ въ литературѣ между 1768 и 1772 гг. Гёттингенъ сдѣлался центромъ писателей, желавшихъ порвать съ рутиной и традиціями. Однимъ изъ двигателей этого переворота былъ *Гёте* [1]), самое знаменитое имя въ Германіи. Человѣкъ универсальнаго ума, поэтъ и ученый, критикъ и художникъ, влюбленный въ природу и въ идеалъ, положительный и мечтательный, увлекавшійся прошлымъ и настоящимъ, Гёте не принадлежалъ уже къ XVIII в., къ которому относится первая половина его жизни. Его живое воображеніе потрясено великими событіями, какихъ онъ былъ свидѣтелемъ. Онъ не знаетъ, на чемъ сосредоточиться, и переходитъ отъ легкой поэзіи къ роману (*Вертеръ*, *Вильгельмъ Мейстеръ*) или къ драмѣ, затѣмъ отъ исторической трагедіи (*Эгмонтъ*)—къ пасторальной идилліи (*Германъ* и *Доротея*) и, наконецъ, бросаетъ ее и снова принимается за свою легендарную эпопею *Фаустъ*, уносящую насъ такъ далеко отъ древняго міра.

Древнимъ неизвѣстны были эти безотрадныя колебанія души, движимой желаніемъ достигнуть мірового знанія, и волненія сердца, тревожащагося за свою судьбу. Они, конечно, не поняли бы и не оцѣнили этой чисто германской поэмы, которая связана съ классической литературой только изяществомъ и красотою формы. Гёте выражалъ сложныя чувства общества, еще не вполнѣ сознавшаго себя, но уже много думавшаго и страдавшаго. Онъ поэтизировалъ болѣзнь подвинувшихся цивилизацій, не обладающихъ уже душевнымъ спокойствіемъ цивилизацій первобытныхъ и утратившихъ ихъ безмятежность, простоту, наивность и естественность, отражавшіяся своей мирной и мощной красотой въ очаровательныхъ произведеніяхъ греческаго генія.

Шиллеръ [2]) былъ другомъ Гёте. Менѣе мечтательный, но не менѣе поэтичный, онъ былъ также однимъ изъ главныхъ участниковъ и руководителей литературнаго переворота. Онъ достигъ совершенства въ драмѣ и въ исторіи, на которую смотрѣлъ, преимущественно, какъ на искусство. Его *Исторія возмущенія въ Нидерландахъ* и, въ особенности, *Исторія тридцатилѣтней войны* служатъ образцами повѣствовательнаго изложенія. Выказывая истинный лиризмъ въ своихъ балладахъ, онъ еще болѣе знаменитъ своими трагедіями: *Разбойники*, *Донъ-Карлосъ*, *Валленштейнъ*, *Марія Стюартъ*, *Іоанна Д'Аркъ* и превосходной драмой *Вильгельмъ Тель*.

---

[1]) Іоганнъ Вольфгангъ Гете, род. во Франкфуртѣ на Майнѣ (1749—1832).

[2]) Шиллеръ, род. въ Виртембергѣ (1759—1805).

Виландъ [1]) выступилъ съ дидактическими и религіозными поэмами, затѣмъ увлекся французами и примкнулъ къ философской школѣ XVIII в.; впослѣдствіи онъ писалъ легкія стихотворенія, насмѣшливыя и нѣсколько чувственныя. Позднѣе онъ установился, сдѣлался профессоромъ философіи въ Эрфуртѣ и блисталъ при ученомъ дворѣ въ Веймарѣ, прозванномъ тогда германскими *Аѳинами*. Онъ писалъ политическіе и сатирическіе романы и, вернувшись къ поэзіи, выпустилъ въ свѣтъ *Новаго Амадиса*, въ духѣ героическо-комическихъ итальянскихъ поэмъ и, наконецъ, лучшее свое произведеніе *Оберона*. «Изъ числа всѣхъ нѣмцевъ, писавшихъ во французской манерѣ,—говоритъ г-жа де-Сталь,—Виландъ—единственный, труды котораго носятъ отпечатокъ генія, и, хотя онъ почти всегда подражалъ иностраннымъ писателямъ, нельзя не признать важныхъ услугъ, оказанныхъ имъ родной литературѣ усовершенствованіемъ ея языка и введеніемъ болѣе легкаго и гармоническаго стихосложенія».

Виландъ преподавалъ философію, но не считается въ числѣ философовъ. Въ Германіи былъ тогда главою школы *Кантъ* [2]), сначала ученикъ Лейбница и Вольфа, затѣмъ поклонникъ Юма и, наконецъ, творецъ оригинальной системы, имѣвшей большое вліяніе. Его философія представляетъ неизмѣримую глубину, весьма отвлеченную и туманную. Кантъ пытался охарактеризовать человѣческія знанія; онъ относитъ наши знанія къ чувствительности, мыслящей способности и разуму, но подраздѣляетъ способности и, изслѣдуя ихъ, почти впадаетъ въ скептицизмъ. Однако, онъ останавливается: онъ вѣритъ въ долгъ и нравственность. Его *Критика практическаго разума* исправляетъ нѣкоторыя крайности его *Критики чистаго разума*. Кантъ вдохновилъ *Фихте* [3]) и главныхъ нѣмецкихъ философовъ своего времени, распространившихъ его теоріи, составляющія предметъ вѣчныхъ споровъ между учеными, съ отпечаткомъ той туманности, къ которой такъ склонны нѣмцы.

Италія, казавшаяся мертвой въ XVII в., въ XVIII столѣтіи дѣлала попытки приподнять свой надгробный камень. Вмѣстѣ съ *Вико* [4]), у нея появилась философія исторіи, не оцѣненная современниками, но весьма достойная изученія. У нея были поэты, какъ, наприм., *Чезаротти* [5]),

---

[1]) Мартинъ Виландъ, род. въ Швабіи (1733—1813).

[2]) Эммануилъ Кантъ, род. въ Кенигсбергѣ (1724—1804).

[3]) Фихте (1762—1814).

[4]) Джіованни Батиста Вико, род. въ Неаполѣ (1668—1744).

[5]) Чезаротти, изъ Падуи (1730—1808).

Гоцци [1]) и, въ особенности, *Альфіери* [2]), строгія трагедіи котораго были проникнуты новыми идеями. Экономисты *Беккарія* и *Фланджіери* [3]) излагали плодотворные взгляды на законодательство и создали политическую науку, болѣе нравственную и полезную, чѣмъ ученіе Маккіавелли. Италія болѣе всѣхъ другихъ странъ воспользовалась литературой Франціи, оружіе которой должно было окончательно ее пробудить, т.-е. освободить.

Выраженіе чувствъ пріобрѣло въ эту эпоху могущественную помощь въ музыкѣ, безъ сомнѣнія, появившейся на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣчествомъ, но лишь въ XVIII в. сдѣлавшейся искусствомъ, которое могло соперничать съ другими искусствами. Музыкальные инструменты усовершенствовались. *Органъ*, усложнявшійся съ XIV в. все болѣе и болѣе громадными трубами, наполнялъ церкви величественными и религіозными мелодіями. Затѣмъ, *арфа, віолончель, скрипка*, столь простая и столь проникающая въ душу, *флейта* и ея видоизмѣненія, *клавесинъ*, превратившійся въ XVIII в. въ *фортепіано*, соединяли свои аккорды, допуская самыя удачныя сочетанія ихъ. У королей была *камерная музыка* на ряду съ *церковной*, и, мало-по-малу, какъ и другія искусства, музыкальное творчество освободилось отъ церковной опеки, подъ покровительствомъ которой оно зародилось. У Людовика XIV былъ особый оркестръ изъ двадцати четырехъ скрипокъ, называвшихся *королевскими скрипками*, и въ это царствованіе *Люлли* написалъ множество замѣчательныхъ пьесъ, помимо своихъ оперъ.

Но опера пришла изъ Италіи. Въ этой странѣ веселья и развлеченій, начиная съ XV в., музыку присоединяли къ драматическимъ представленіямъ. Итальянская опера появилась въ Парижѣ въ 1645 г., благодаря Мазарини, вызвавшему труппу итальянскихъ артистовъ, и оперы Люлли были лишь подражаніями, принаровленными къ болѣе серьезному характеру французовъ. Его хоры были очень привлекательны, и многія отдѣльныя мѣста вызывали трогательное настроеніе; кромѣ того, Люлли значительно увеличилъ силу оркестра.

У Люлли было множество учениковъ, но музыка вступила на настоящій путь лишь въ XVIII в., вмѣстѣ съ *Рамо* [4]), который поставилъ 32 оперы, чрезвычайно разнообразныя, и умѣлъ лучше согласо-

---

[1]) Карло Гоцци, изъ Венеціи (1718—1806).

[2]) Альфіери, род. въ Асти (Пьемонтъ) (1749—1803).

[3]) Беккарія, род. въ Миланѣ (1738—1794). Филанджіери, род. въ Неаполѣ (1752—1788).

[4]) Рамо, род. въ Дижонѣ (1683—1764).

вать звуки со словами. Его музыка, дѣйствительно, прекрасная, хотя и вышедшая изъ моды, вскорѣ осталась позади музыки *Глюка* [1]). Этотъ выдающійся артистъ, вполнѣ принадлежащій нашему времени, окончательно приспособилъ музыку къ драматическимъ положеніямъ, и его лирическія трагедіи *Альцестъ* и *Орфей* до сихъ поръ вызываютъ восхищеніе. Патетическіе звуки его глубоко трогаютъ душу. Итальянцы впрочемъ, не подчинялись этому новому вкусу. Они гордились *Перголезе* [2]) и *Пиччини* [3]) и имѣли усердныхъ сторонниковъ въ Парижѣ, гдѣ горячіе споры пиччинистовъ и глюкистовъ волновали салоны. Глюкъ и французскій вкусъ восторжествовали. Послѣдній, кромѣ того, имѣлъ представителя не менѣе знаменитаго, *Гретри* [4]), который сумѣлъ провести остроуміе въ музыку и сдѣлался отцомъ новаго музыкальнаго рода, который весьма пришелся по вкусу французамъ — комической оперы. Въ концѣ вѣка пріобрѣлъ также большую извѣстность *Мегюль* [5]).

Въ Германіи были свои мастера въ музыкѣ въ различныхъ родахъ. Одновременно съ литературой въ ней появилась и музыка. *Іоганнъ Себастіанъ Бахъ* [6]), органистъ и наиболѣе знаменитый изъ семьи выдающихся музыкантовъ, писалъ замѣчательныя музыкальныя композиціи, въ особенности, въ религіозномъ родѣ. Затѣмъ *Гендель* [7]), переселившійся изъ Германіи въ Англію, возбудилъ въ этой странѣ такой восторгъ своими операми и церковной музыкой, что удостоился быть погребеннымъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. *Гайднъ* [8]), родившійся въ Австріи, преуспѣвалъ всего болѣе въ инструментальной музыкѣ и открылъ безконечное разнообразіе сочетаній аккордовъ и звуковъ въ своихъ симфоніяхъ, квартетахъ, тріо, концертахъ и сонатахъ; онъ положилъ начало ученой школѣ, называемой *классической*.

Австрія также дала жизнь одному изъ тѣхъ геніевъ, которые возводятъ искусство до совершенства — *Моцарту* [9]). Впрочемъ, этотъ австріецъ болѣе принадлежитъ Италіи, гдѣ онъ получилъ музыкальное образованіе; о немъ можно сказать еще, что онъ обладалъ французской ясностью. Его естественныя гармоніи, простыя, несмотря на

---

[1]) Глюкъ, род. въ Верхнемъ Пфальцѣ, но жилъ во Франціи (1714—1787).

[2]) Перголезе (1714—1737); лучшее произведеніе его *Serva Padrona*.

[3]) Пиччини (1728—1800).

[4]) Гретри, род. въ Люттихѣ (1741—1813).

[5]) Мегюль (1763—1817).

[6]) Іоганнъ Себастьянъ Бахъ, род. въ Эйзенахѣ (1685—1750).

[7]) Гендель, род. въ Галле (1684—1759).

[8]) Гайднъ (1732—1809).

[9]) Моцартъ, род. въ Зальцбургѣ (1756—1791.)

глубокую ученость, исходятъ изъ души, оживленныя, веселыя или печальныя, но всегда искреннія и чистыя; его граціозныя и свободныя мелодіи выражаютъ самыя разнообразныя чувства дѣйствующихъ лицъ *Донъ-Жуана* или *Свадьбы Фигаро*, если говорить лишь объ этихъ двухъ его главныхъ произведеніяхъ. Человѣкъ, благодаря Моцарту и всѣмъ мастерамъ XVIII в., предшественникамъ мастеровъ XIX стол., заговорилъ новымъ языкомъ, который онъ какъ бы похитилъ у самыхъ мелодичныхъ пернатыхъ пѣвцовъ. Музыка прибавила еще одно благородное и возвышенное удовольствіе къ умственнымъ наслажденіямъ, проникая въ сердце и являясь новой силой цивилизаціи, — силой, начавшейся звуками Орфея и еще болѣе очеловѣчившейся въ звукахъ Глюка и Моцарта.

ГЛАВА XII.

Европа XVIII вѣка въ экономическомъ и политическомъ отношеніи. Причины французской революціи 1789 г.

Экономическое движеніе въ XVIII в.; кредитныя учрежденія.—Система Лоу; банковые билеты.—Географическія открытія.—Морская торговля; колоніи; колоніальное могущество Англіи.—Колоніальная система новѣйшихъ государствъ.—Колоніальные товары.—Освобожденіе англійскихъ колоній въ Америкѣ; Соединенные Штаты.—Промышленность въ Европѣ; французская промышленность.—Промышленность и торговля въ центральныхъ и сѣверныхъ странахъ Европы.—Политическое состояніе Европы; западные славяне; цивилизація Восточной Европы; Польша.—Раздѣлы Польши (1772, 1793 и 1795 гг.).—Происхожденіе и развитіе прусскаго королевства.—Фридрихъ II; городъ Берлинъ.—Восточные славяне; образованіе и успѣхи русскаго народа; Петръ Великій.—С.-Петербургъ.—Дѣятельность Петра Великаго.—Екатерина II.—Скандинавскія государства; Стокгольмъ, Копенгагенъ.—Швеція въ XVIII в.; дворъ Густава III.—Австрія; преобразованія Іосифа II.—Германскія княжества и Священная римская имперія.—Португалія; Помбаль.—Династія Бурбоновъ въ Испаніи; реформы графа д'Аранды.—Италія.—Результаты новыхъ временъ.—Состояніе Франціи въ 1789 г.—Монархическіе принципы.—Феодальный строй государственнаго управленія и администраціи.—Правосудіе.—Финансы.—Армія.—Церковь.—Феодальный характеръ земледѣлія, промышленности и торговли.—Характеръ общества; дворянство и сеньёры въ XVIII в.—Политическія, экономическія и соціальныя причины Революціи.

Толчокъ, данный литературой и прогрессомъ наукъ, оказался полезнымъ для экономическихъ интересовъ. Торговля стала предметомъ обсужденія такъ же, какъ и политика, и XVIII в. обнаружилъ могущество *кредита*. У древнихъ хозяева заставляли рабовъ производить

всѣ необходимые предметы. Тотъ, кто хотѣлъ имѣть деньги, долженъ былъ подчиняться тяжелымъ условіямъ ростовщичества. У новѣйшихъ народовъ свобода рабочаго значительно развила промышленность, но еще болѣе этому содѣйствовала доступность кредита. Въ средніе вѣка этотъ порядокъ вещей едва зарождался въ видѣ *векселей*, о которыхъ мы говорили, и изобрѣтеніе которыхъ приписываютъ евреямъ. Бумага уже и тогда играла роль монеты.

Открытіе Америки пустило въ обращеніе огромное количество звонкой монеты, но оно оживило и торговыя сношенія. Когда путешествія стали болѣе дальними, система векселей, заемныхъ писемъ и денежныхъ ордеровъ распространилась повсемѣстно. Учреждались *банки* [1]), ссужавшіе купцовъ подъ залогъ цѣнныхъ товаровъ. *Амстердамскій* и *Гамбургскій* банки были извѣстны еще въ XVII в. своими обширными дѣловыми оборотами. *Англійскій банкъ* ведетъ свое начало съ 1694 г. Онъ первый сталъ брать на себя уплату векселей до истеченія ихъ срока, удерживая часть денегъ пропорціонально времени, остающемуся до ихъ уплаты, т.-е. *учетъ*. Во Франціи первыми банками по времени были Ліонскій (1549), Тулузскій (1549) и Руанскій (1561). Но хотя всѣ эти банки помогали торговымъ сдѣлкамъ, они не составляли еще настоящаго кредита; его предугадалъ шотландецъ *Лоу*.

Привыкшій съ молодыхъ лѣтъ на своей родинѣ къ банковымъ операціямъ, Лоу понялъ ихъ выгоды и рѣшился расширить употребленіе бумагъ вмѣсто звонкой монеты. Регентъ *Филиппъ Орлеанскій* разрѣшилъ ему испробовать его систему во Франціи и, ради уплаты государственныхъ долговъ, предоставилъ финансы королевства для этого опыта. Принципъ шотландскаго финансиста былъ вѣренъ въ томъ смыслѣ, что увеличеніемъ количества денегъ увеличивается и торговля. Но бумага сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности; когда ее выпускаютъ въ неопредѣленномъ количествѣ, она уже ничего не представляетъ собою. Лоу ошибался также, желая сдѣлать изъ государства обширное торговое общество. То, что онъ предлагалъ регенту, легко могло ослѣпить послѣдняго: Главная торговая Компанія, отожествлявшаяся съ государствомъ, должна была уплатить общественные долги своими *акціями* и, затѣмъ, въ будущемъ, сдѣлать налоги излишними.

Банкъ былъ разумной частью системы Лоу. Основанный въ 1716 г., съ капиталомъ въ шесть милліоновъ франковъ, раздѣленныхъ на 1.200 акцій, онъ принималъ денежные вклады, *учитывалъ* торговые векселя

---

1) Отъ итальянскаго слова *banco* (скамья), на которую садились ломбардскіе мѣнялы.

и самъ выпускалъ въ обращеніе *банковые билеты*, уплачиваемые по *предъявленію* деньгами постояннаго вѣса и достоинства. Въ то время, когда звонкая монета подвергалась значительнымъ колебаніямъ, это было весьма важно. Кромѣ того, банкъ учитывалъ векселя за умѣренный процентъ и, такимъ образомъ, избавлялъ торговлю отъ ростовщиковъ. Банкъ этотъ былъ названъ *Королевскимъ* (4 дек. 1718 г.). Всѣ стремились пріобрѣсти эти билеты, столь полезные для крупныхъ оборотовъ и столь же цѣнные, какъ и деньги, такъ какъ ихъ можно было, по желанію, обмѣнивать на звонкую монету. Кредитъ былъ установленъ; но, желая расширить его, Лоу его подорвалъ.

Торговая компанія, сначала ограничивавшаяся колоніальной торговлей, затѣмъ откупами податей, такъ соблазняла всѣхъ, что акціи ея оспаривались съ увлеченіемъ, поднявшимъ ихъ цѣну до чрезмѣрной высоты. Даже англичане, столь искусные и опытные въ дѣлѣ банковъ и торговыхъ оборотовъ, вдались въ обманъ. Чтобы удовлетворить жадность публики и помочь обмѣну *акцій*, Лоу безконечно увеличивалъ число *банковыхъ билетовъ*. Цѣнность бумагъ превосходила десять милліардовъ, тогда какъ звонкой монеты во Франціи было всего на одинъ милліардъ. Довѣріе поколебалось и затѣмъ рушилось: всѣ бросились мѣнять бумаги на деньги. Лоу сдѣлалъ ошибку, присоединивъ Компанію къ Банку, призракъ воображенія—къ полезному учрежденію (1720). Получивъ назначеніе главнаго контролера, онъ еще болѣе усилилъ борьбу, поднятую противъ денегъ, и хотѣлъ, чтобы бумага сдѣлалась единственнымъ денежнымъ знакомъ. Эта борьба окончилась полнымъ обезцѣненіемъ билетовъ, и вскорѣ само государство, доведенное до крайности, объявило, что билеты не будутъ болѣе приниматься, какъ звонкая монета; это произвело страшную катастрофу. Лоу бѣжалъ изъ Франціи (въ декабрѣ 1721 г.).

Эта катастрофа на долгое время отбила охоту отъ новаго опыта кредита; государство признало себя должникомъ передъ кредиторами Компаніи, и общественный долгъ возросъ на тринадцать милліоновъ ежегодной уплаты. Но въ года изобилія денегъ, Лоу освободилъ земледѣліе отъ налога десятой части съ недвижимой собственности и отъ недоимокъ по различнымъ сборамъ; онъ уничтожилъ множество должностей, разорявшихъ страну; кромѣ того, уменьшился процентъ на деньги. Торговля и промышленность пріобрѣли такой подъемъ, что даже катастрофа не задержала ихъ развитія.

Подобное несчастіе можно объяснить только неопытностью, свойственной тому времени. Тогда играли опаснымъ оружіемъ, которое разорвалось въ неосторожныхъ рукахъ; но сила его стала извѣстна, и

этого было достаточно, чтобы произвести настоящій финансовый переворотъ. Польза банковъ была понята; чувствовалось, что бумага можетъ имѣть такое же обращеніе, какъ и монета, до тѣхъ поръ, пока количество ея не переходитъ за предѣлы, опредѣляемые дѣйствительной стоимостью, какую она представляетъ. Продажа акцій, облегчавшая обществамъ соединеніе крупныхъ капиталовъ, продолжалась, но болѣе благоразумно. Это было началомъ спекуляціи и денежнаго рынка—*Биржи*, учрежденной въ 1724 г.

Если Лоу могъ отуманить столько умовъ, то это потому, что ихъ все болѣе и болѣе увлекали миражи отдаленныхъ странъ. Поиски морей и земель приходили къ концу.

Открытія XVI в. продолжались и въ XVII стол., когда Америка, окончательно обнаружила свои очертанія и внутреннія богатства. Голландцы открыли часть безчисленныхъ острововъ, разсѣянныхъ по Тихому океану, изъ которыхъ должна была составиться пятая часть свѣта, *Океанія*. Они увидѣли обширную землю, которую назвали *Новой Голландіей*, но ей предстояло перейти въ руки англичанамъ и получить названіе *Австраліи*. Преимущественно, въ XVIII в. англійскіе и французскіе мореплаватели изслѣдовали Океанію. *Дампиръ* въ 1704 г. посѣтилъ сѣверо-западный берегъ Австраліи и открылъ Новую Британію. *Валлисъ, Картере, Бугенвилъ*, а затѣмъ знаменитый капитанъ *Кукъ* обнаружили существованіе многочисленныхъ архипелаговъ. Кукъ объѣхалъ *Новую Зеландію*, открылъ *Новую Каледонію*, острова *Товарищества, Дружбы* и *Сандвичевы*. Онъ три раза пересѣкъ южный полярный кругъ. По его слѣдамъ шли *Лаперузъ*, *Дантрекасто* и *Ванкуверъ*. Датчанинъ *Берингъ* опредѣлилъ восточную оконечность Азіи, открывъ проливъ, сохранившій его имя. Весь земной шаръ, такимъ образомъ, могъ быть нанесенъ на карты, становившіяся все болѣе и болѣе точными, гдѣ человѣкъ отмѣчалъ крайнія границы своего обитанія.

Вслѣдъ за изслѣдователями устремились торговцы, и европейская торговля получала все болѣе и болѣе значительное распространеніе. Англія пожинала плоды Навигаціоннаго акта и своей политики, направленной почти исключительно на завоеваніе морей. Въ 1703 г., трактатомъ *сэра Метюэна*, для нея открылся доступъ въ Португалію, которую она наводнила своими товарами, уничтоживъ мѣстную промышленность. Португалія сдѣлалась рынкомъ или, скорѣе, складомъ Великобританіи. Даже Испанія, столь ревниво оберегавшая монополію своихъ колоній, признала за Англіей *asiento* или право отправлять ежегодно въ *Порто-Белло* корабль, нагруженный товарами, корабль, который не было надобности замѣнять другимъ, такъ какъ его постоянно на-

полняли товарами. Это былъ настоящій плавучій складъ. Война за наслѣдство австрійскаго престола и Семилѣтняя война привели въ упадокъ французскій флотъ. Англія бросилась на французскія колоніи, плохо защищенныя, и начала укрѣпляться въ *Индостанѣ*, этомъ громадномъ государствѣ, которое *Дюпле* мечталъ пріобрѣсти для Франціи. Англія же завладѣла Канадой; ея морская торговля, ограничивавшаяся въ 1700 г. 330.000 тоннъ, возросла въ 1770 г. до 760.000 тоннъ.

Англичане, для увеличенія торговли, развивали свою промышленность и распространяли сукна изъ *Норвича*, полотна изъ *Дублина* и *Эксетера*, бумажныя ткани изъ *Манчестера*, желѣзныя и мѣдныя издѣлія изъ *Лидса*. Изобрѣтеніе механическихъ бумагопрядильныхъ станковъ и ткацкихъ для шерстяныхъ тканей (1770—1787) и примѣненіе паровой машины Уатта (1763—1785) дали новый толчекъ промышленности и опредѣлили ея быстрый ходъ, уже болѣе не прерывавшійся. Англія, снабжавшая Европу продуктами южныхъ странъ, надѣялась доставлять ей мануфактурныя произведенія. Она стремилась быть единственнымъ производителемъ и единственнымъ торговцемъ.

Попытка Англіи не удалась, и ея собственныя колоніи первыя обратились противъ нея. Начиная съ XV в., новыя государства приняли за правило, что колоніи обязаны были вести торговлю только съ метрополіей.

Эти колоніи должны были служить удобнымъ рынкомъ, гдѣ можно было пріобрѣтать товары юга и находить сбытъ произведеніямъ промышленности метрополіи. Только отъ нея колоніи могли получать нужныя имъ мануфактурныя произведенія: нѣкоторые виды промышленности имъ вовсе были запрещены. Хотя Индійская компанія процвѣтала, но, тѣмъ не менѣе, англійскіе фабриканты сильно противодѣйствовали ввозу прекрасныхъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей изъ Индіи. Колоніи и торговля съ отдаленными странами считались лишь источникомъ сырого матеріала и произведеній чуждыхъ нашему климату. Промышленная обработка ихъ должно была оставаться привилегіей Европы. Однимъ словомъ, колоніями хотѣли пользоваться, но не обогащать ихъ.

Эти послѣднія не замедлили, однако, достигнуть процвѣтанія, благодаря распространенію въ Европѣ привычекъ къ употребленію тропическихъ или колоніальныхъ продуктовъ, каковы сахаръ, кофе, какао, чай и пряности. Къ продуктамъ, вывозимымъ изъ Азіи и, въ особенности, изъ Америки, слѣдуетъ прибавить еще хлопчатую бумагу, шерсть, различные сорта цѣннаго дерева, большое количество мѣховъ, разныя красящія вещества и многочисленные сорта сушеныхъ или вареныхъ въ сахарѣ плодовъ. Воздѣлываніе *табака*, введенное въ Вир-

гиніи въ 1616 г., не замедлило сдѣлаться источникомъ крупнаго богатства для этой провинціи. Разведеніе *сахарнаго тростника* было начато въ Ямайкѣ въ 1660 г. Въ 1702 г. воздѣлываніе *риса*, заимствованное съ Мадагаскара, было введено въ Сѣверной и Южной Каролинѣ. Въ 1720 г. французы стали разводить *кофе* въ Мартиникѣ, и это растеніе, служившее однимъ изъ источниковъ богатства Аравіи, получило такое же значеніе и для Антильскихъ острововъ. Потребленіе кофе, сахару, какао и табаку значительно увеличилось въ Европѣ и произвело переворотъ и въ обычаяхъ, и въ питаніи.

Метрополіи настаивали на исключительномъ правѣ торговли со своими колоніями. Англія пыталась, такимъ образомъ, держать на привязи свои американскія колоніи, но послѣднія, при своей лихорадочной дѣятельности, желали развиваться самостоятельно. Обширное протяженіе береговъ и сосѣдство съ французскими и испанскими колоніями благопріятствовали контрабандѣ, обезпечивавшей колонистамъ крупные барыши; отсюда происходили частныя столкновенія съ Англіей, окончившіяся войной за независимость.

Мы не будемъ останавливаться на этой войнѣ (1776—1783), характеръ которой былъ болѣе политическимъ, чѣмъ экономическимъ. Англійскія колоніи въ Америкѣ освободились при помощи Франціи, исключая Канады, оставшейся подъ властью англичанъ. Эти послѣдніе удовлетворились основаніемъ *республики Соединенныхъ Штатовъ*, полагая, что они будутъ всегда первыми пользоваться американской торговлей. Но несомнѣнно должно было наступить время, когда и другіе народы стали бы оспаривать у нихъ эту торговлю. Кромѣ того, въ Америкѣ возникла морская держава, соперничающая съ того времени съ Англіей, которая не перестаетъ ея опасаться и теперь. Освобожденныя колоніи слишкомъ разрослись, чтобы не затмить, хотя отчасти, свою первоначальную родину.

Англія могла утѣшиться болѣе законнымъ образомъ въ потерѣ своихъ американскихъ колоній, распространивъ свою власть на Индію и заведя въ *Австраліи*, гдѣ она основала *Сидней*, поселеніе ссыльныхъ преступниковъ, сдѣлавшееся началомъ одной изъ ея самыхъ цвѣтущихъ колоній.

Она не могла уже оставаться единственнымъ торговцемъ въ мірѣ, а успѣхи промышленности другихъ странъ отнимали у нея надежду остаться единственнымъ производителемъ. Франція, промышленность которой была временно пріостановлена выселеніемъ протестантовъ, снова принялась за работу.

Въ XVIII в. въ ней насчитывалось много значительныхъ центровъ,

занимавшихся пряжей *льна*, *пеньки* и *шерсти*. *Валансьенъ*, *Камбрэ*, *Сенъ-Кантенъ* прославились своими *кружевами* и *батистами*, благодаря *тонкому льну*, обрабатывавшемуся въ этихъ областяхъ. *Лиллъ* сдѣлался самой главной фабрикой *швейной бумаги*; города *Амьенъ* и *Аббевиль* выдѣлывали обыкновенныя ткани. *Манъ*, *Лавалъ*, *Алансонъ* и *Лизьё* производили такія разнообразныя ткани, что болѣе 50.000 станковъ были заняты ихъ производствомъ. Бретань употребляла свой ленъ на выдѣлку тонкихъ и легкихъ *полотенъ*, которой фабрика въ *Шоле* доставила большую извѣстность. Льняная промышленность процвѣтала въ Беарнѣ и Гаскони. Хлопчато-бумажная промышленность едва лишь зарождалась, и Франція употребляла еще не болѣе четырехъ милліоновъ килограммовъ сырого хлопка. Большіе металлическіе заводы едва возникали въ то время [1]). Общая производительность промышленности, согласно Толозану, ровнялась въ 1781 г. 199 милліонамъ франк., а по Шапталю—1 милліарду 820 милліонамъ.

У торговыхъ городовъ были уже свои торговыя палаты, а съ XVI в.—консульская юрисдикція. Уже зарождалась реакція противъ покровительственной системы Кольбера, необходимой для странъ съ возникающей промышленностью, но приносящей болѣе вреда, чѣмъ пользы, какъ только промышленность укрѣпилась. *Семейный договоръ* между государями Бурбонскаго дома (1761 г.) и коммерческіе трактаты объединили Францію и Испанію въ одинъ общій рынокъ; коммерческій трактатъ былъ заключенъ съ Англіей въ 1786 г. Въ 1789 г. обороты внѣшней торговли, по ввозу, достигали 577 милліоновъ франковъ, а по вывозу—447 милліоновъ, т.-е. въ общемъ, одного милліарда 18 милліоновъ.

Голландія, отказавшаяся отъ своего прежняго величія, старалась всего болѣе пользоваться выгодами, какія ей доставляла ея все еще обширная торговля [2]). Она выступила противъ Англіи въ американской войнѣ, такъ какъ была болѣе другихъ государствъ заинтересована въ

---

[1]) Въ 1787 г. каменноугольныя копи во Франціи давали 2.150.000 центнеровъ этого драгоцѣннаго топлива. Въ 1789 г. добыча чугуна ровнялась 691.297 центн., выдѣлка желѣза—468.059 центн.

[2]) Голландія уступила англичанамъ (по Версальскому трактату 1783 г.) свое торговое учрежденіе въ Негапатамѣ, въ Индіи, но она возвратила себѣ о. св. *Евстахія* среди Антильскихъ оо. и владѣла: въ Америкѣ *Гвіаной* и островами *Кюрасо*, въ Африкѣ факторіями на *Золотомъ Берегу* и мысомъ *Доброй Надежды*; въ Азіи: *Кочиномъ* на Малабарскомъ берегу, *Мадрасомъ* — на Коромандельскомъ, *Цейлономъ*, *Малаккой* и, наконецъ, лучшимъ достояніемъ ея колоніальнаго могущества были Зондскіе острова, *Суматра*, *Ява*, *Борнео*, *Селебесъ*, *Тиморъ* и *Молукскіе о-ва*. Въ Японіи ей принадлежала факторія въ Нагасаки.

поддержаніи нейтральныхъ правъ и свободы морей. Эта война, однако, не доставила ей выгодъ, и Англія получила возможность еще болѣе ослабить стѣснявшій ее флотъ. Тѣмъ не менѣе, Голландія оставалась первоклассной колоніальной державой.

Другія государства Сѣвера, *Швеція* и *Данія* отказались отъ своихъ притязаній и замкнулись на своихъ полуостровахъ, при чемъ Данія еще по прежнему владѣла Норвегіей. Онѣ почти исключительно посвящали себя внутреннему развитію, промышленности и торговлѣ.

Этотъ экономическій обзоръ европейскихъ государствъ приводитъ насъ къ политическому положенію ихъ: интересы государственнаго хозяйства все болѣе и болѣе смѣшивались съ политикой, и раздѣлить ихъ было почти невозможно. Противоположно древней цивилизаціи, оставшейся замкнутой въ кругѣ Римской имперіи, въ цивилизаціи новыхъ вѣковъ заключался зародышъ жизни, который заставлялъ ее раздвигать свои предѣлы все шире и шире. Она не переставала распространяться къ сѣверу и къ востоку.

Это поступательное движеніе, медленное при нѣмецкихъ императорахъ, перенесло, тѣмъ не менѣе, христіанство и латинскую цивилизацію съ береговъ Эльбы на берега Одера, болота Шпрее, на Вислу и Нѣманъ, а греческая цивилизація и религія проникали черезъ долину Днѣпра въ средину обширныхъ равнинъ Восточной Европы. *Славянское* племя, долгое время подавленное гнетомъ варварскихъ нашествій, стало подниматься и выступало на сцену, со своей замѣчательной физической энергіей, открытымъ умомъ и гибкостью, равной его рѣшимости и твердости.

Западные славяне становятся извѣстными со времени своего обращенія въ католицизмъ, въ X в., и объединенія въ королевство подъ властью династіи *Пястовъ*, въ XI в. (около 1000 г.). Сдѣлавшись *латинянами*, они все болѣе и болѣе отдалялись отъ другихъ славянъ, оставшихся язычниками или обращенныхъ въ греческую вѣру. Въ XV в. *Польское* королевство увеличилось присоединеніемъ *Литвы* (1444) и, при династіи *Ягеллоновъ*, сдѣлалось однимъ изъ самыхъ могущественныхъ государствъ Европы, достигая, съ одной стороны, Балтійскаго, а съ другой—Чернаго моря и выдвигаясь на востокъ за Смоленскъ. Польскіе всадники, не уступавшіе, по своей пылкости и храбрости, старинным французскимъ рыцарямъ, въ XV и XVI вв. задержали вторженіе турокъ. Равнины Вислы, долго бывшія пустынными, покрылись городами, изъ которыхъ *Варшава* сдѣлалась главнымъ и пріобрѣла значеніе образовательнаго центра, такъ какъ поляки обладали живымъ и быстрымъ умомъ.

Къ своему несчастію, послѣ пресѣченія династіи *Ягеллоновъ* (1572), дворянство, упорно сохранявшее недостатки феодальнаго строя, сдѣлало корону избирательной, что̀ положило начало внутреннимъ раздорамъ. Вынужденные уступить туркамъ на югѣ и шведамъ на сѣверѣ, поляки должны были видѣть, какъ суживались границы ихъ государства, которое, впрочемъ, въ началѣ XVIII в. было еще весьма обширно, опираясь о Карпаты на югѣ, гранича Балтійскимъ моремъ на сѣверѣ, а на востокѣ переходя за Днѣпръ.

Паденіе, не останавливаясь, шло впередъ. Польское дворянство не могло слѣдовать движенію идей на Западѣ. Будучи блестящей конницей въ то время, когда въ битвахъ брала уже верхъ пѣхота, любя свободу до полнаго безначалія, между тѣмъ, какъ сосѣдніе народы любили порядокъ, граничившій съ полнымъ подчиненіемъ, это дворянство, разрываемое внутренними раздорами, утратило свою свободу, гоняясь за привилегіями, и подорвало свою народность неосуществимыми притязаніями. Всегда на конѣ, перемѣшивая вооруженныя столкновенія съ совѣщаніями, оно постановило правиломъ, что на сеймѣ несогласіе одного представителя могло помѣшать общему рѣшенію (*liberum veto*), и что противники какого-либо закона, соединившись въ *конфедерацію*, могли противупоставить закону оружіе. Выборная монархія, окруженная монархіями наслѣдственными, чаще всего управлялась чужеземными государями, и Польша, отвергая, вслѣдствіе легкомысленной зависти, мѣстныхъ правителей, какъ бы отрѣшалась отъ собственной національности. Кромѣ того, дворянство, увлекаясь свободой, ради нея самой, тѣмъ не менѣе, держало крестьянъ подъ ярмомъ тяжелаго рабства. Сосѣднія державы воспользовались этою враждою между классами; имъ приходилось вести борьбу только съ дворянствомъ, которое одно обладало военной организаціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поляки, какъ ярые католики, въ самый разгаръ XVIII в. сохраняли духъ нетерпимости, и ихъ религіозныя преслѣдованія православныхъ и протестантовъ доставили государямъ Пруссіи и Россіи предлогъ для вмѣшательства. Это вмѣшательство привело къ троекратному раздѣлу королевства (1772, 1793 и 1795). Тѣмъ не менѣе, эта живая нація, приверженная къ своей религіи, своимъ нравамъ и языку, не поддается ни нѣмцамъ, ни русскимъ, и уже болѣе столѣтія упорно отстаиваетъ свое существованіе.

Польша погибла, главнымъ образомъ, вслѣдствіе развитія двухъ сосѣднихъ государствъ—*Пруссіи* и *Россіи*. Хотя первоначальное населеніе Пруссіи принадлежало къ славянскому племени, но она выросла, въ особенности, благодаря германскому элементу. Имя ея происходитъ

отъ *боруссовъ* и герцогства *Прусскаго*, включеннаго въ Польшу, но сила ея исходитъ отъ германскаго населенія, сдѣлавшаго плодородными пески *Бранденбурга*. Нѣмецкая династія *Гогенцоллерновъ* въ 1415 г. купила и подняла *Курфиршество Бранденбургское* до степени самаго значительнаго княжества Сѣверной Германіи. *Герцогство Прусское*, принадлежавшее тевтонскимъ рыцарямъ, было обращено изъ духовнаго въ свѣтское владѣніе младшимъ изъ Бранденбурговъ въ 1525 г. и въ 1618 г. присоединено было къ курфиршеству. Гогенцоллерны завладѣвали всѣмъ, чѣмъ только могли, и уже не выпускали изъ рукъ того, что́ имъ удавалось пріобрѣсти. Съ 1648 г. ихъ владѣнія были разсѣяны отъ береговъ Рейна до Нѣмана. Съ того времени они старались объединить ихъ, и въ 1701 г. курфистъ Фридрихъ III купилъ у германскаго императора титулъ *короля Пруссіи*, который былъ признанъ Европой въ 1713 г. [1]).

Фридрихъ-Вильгельмъ I, наслѣдникъ Фридриха I, понялъ, что его королевство, не имѣвшее ни единства, ни границъ, не можетъ держаться безъ хорошо организованной военной силы. Набирая людей высокаго роста, подчиняя ихъ узкой и мелочной дисциплинѣ, онъ достигъ въ военныхъ маневрахъ математической правильности, преобразивъ свои батальоны въ самодѣйствующія машины. Не обращая вниманія на вызывавшіяся этимъ насмѣшки, онъ создалъ армію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величіе Пруссіи. *Фридрихъ II* прославилъ ее своими побѣдами.

Одаренный рѣдкимъ геніемъ, этотъ искусный полководецъ усовершенствовалъ военное искусство и сопротивлялся Австріи, съ помощью союза съ Франціей, а затѣмъ, въ союзѣ съ Англіей, боролся одновременно противъ Франціи, Австріи и Россіи. Двѣ великія войны: *война за наслѣдство австрійскаго престола* (1740—1748) и *Семилѣтняя война* (1756—1763), доказали жизненность этого искусственнаго королевства, которое, будучи сперва разбросаннымъ по обширнымъ равнинамъ Сѣверной Германіи, образовало свой центръ въ долинѣ Одера покореніемъ Силезіи.

Фридрихъ II, столь же благоразумный администраторъ, какъ и полководецъ, заботился о развитіи земледѣлія, промышленности и торговли. Ему приходилось бороться со скудной почвой, на которой, повидимому, могла расти только береза и ель. Онъ создалъ плодородную почву въ Бранденбургѣ, заставляя сажать рѣпу, которую оставляли перегнивать

---

[1]) Прусскіе государи: Фридрихъ I (какъ курфирстъ, Фридрихъ III), король, 1701—1713; Фридрихъ-Вильгельмъ I, 1713—1740; Фридрихъ II, 1740—1786; Фридрихъ-Вильгельмъ II, 1786—1797; Фридрихъ-Вильгельмъ III, 1797—1840; Фридрихъ-Вильгельмъ IV, 1840—1861; Вильгельмъ I, 1861—1888.

въ землѣ, что̀ образовало въ ней растительный слой. Въ горной Силезіи онъ учредилъ колоніи изъ нѣмцевъ и иностранцевъ, давая колонистамъ домъ, скотъ, хлѣвъ, житницу, огородъ и отъ 12 до 20 десятинъ земли. Когда Пруссія получила свою долю Польши, въ малонаселенныя области Помераніи были переселены тысячи польскихъ семействъ.

Берлинъ, населеніе котораго въ XVII в. состояло всего изъ 6.000 жителей, своими первыми фабриками, въ царствованіе Великаго Курфирста [1]), обязанъ былъ французскимъ эмигрантамъ, принятымъ тамъ послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Фридрихъ II возстановилъ городъ изъ развалинъ послѣ *Семилѣтней войны* и сдѣлалъ изъ него одинъ изъ самыхъ важныхъ городовъ Германіи, въ то же время сохранивъ за нимъ характеръ военнаго города. Этотъ король, будучи врагомъ французской политики, тѣмъ не менѣе, любилъ геній, литературу и искусства Франціи; онъ былъ другомъ Вольтера и наполнилъ Берлинъ не только казармами, но и коллегіями, и академіями. Съ того времени, у этого еще грубоватаго народа любовь къ наукѣ сопровождала любовь къ военному дѣлу; та и другая, почти въ равной мѣрѣ, содѣйствовали удивительнымъ успѣхамъ Пруссіи.

Еще болѣе быстрымъ и необычайнымъ было развитіе Русскаго государства. Русскіе, давно уже обращенные въ греческую вѣру и освободившіеся въ XV в. отъ ига монголовъ Золотой орды, были почти неизвѣстны Европѣ до XVII вѣка. *Петръ Великій*, ознакомившись съ цивилизаціей Запада, насадилъ ее въ своемъ царствѣ, которое онъ распространилъ, съ одной стороны, до Балтійскаго, а съ другой—до Чернаго моря, открывъ для него, такимъ образомъ, выходы и пути сообщенія съ остальной Европой. Онъ образовалъ армію, создавъ ее по образцу шведскихъ войскъ Карла XII, упорядочилъ дворянство, предпринялъ крупныя общественныя работы, учреждалъ фабрики и поощрялъ торговлю.

Съ рѣдкою прозорливостью, онъ основалъ столицу у Финскаго залива, на берегахъ Невы, въ мѣстности, подверженной въ теченіе пяти мѣсяцевъ суровому холоду, но лежащей въ сосѣдствѣ Балтійскаго моря и вблизи западныхъ державъ. Подобно Александру, заставлявшему выступать изъ земли цѣлые города, Петръ создалъ на льдахъ Невы свой городъ, *Санктъ-Петербургъ*, первыя зданія котораго были построены на сваяхъ въ 1703 г. Домикъ, въ которомъ царь поселился, чтобы наблюдать за работами, вскорѣ оказался окруженнымъ великолѣпными

---

[1]) Фридрихъ-Вильгельмъ, Великій Курфирстъ (1640—1688).

дворцами и церквами. Городъ былъ приведенъ, посредствомъ Ладожскаго канала, въ сообщеніе съ великимъ Волжскимъ воднымъ путемъ, открывающимся въ сторону Азіи, и, въ то же время, первые русскіе корабли появились въ Балтійскомъ морѣ и въ другихъ европейскихъ моряхъ.

Передъ глазами Европы явилось рѣдкое зрѣлище цѣлой націи, получившей новый обликъ, благодаря одному человѣку, съ несокрушимымъ упорствомъ продолжавшимъ свое дѣло въ теченіе сорока трехъ лѣтъ. Петръ Великій обучался кораблестроенію въ Голландіи и не стѣснялся самъ работать топоромъ. Можно сказать, что онъ разомъ перенесъ съ Запада всѣ искусства въ свое государство, еще сохранявшее азіатскій характеръ.

Всѣ сословія государства, дворянство, мѣщанство и крестьянство, получили новый строй. Общественная администрація, полиція и военная организація были пересозданы по образцамъ шведскимъ, германскимъ и французскимъ. Петръ собиралъ около себя иностранцевъ, которые могли просвѣтить его и помочь ему. Онъ измѣнилъ нравы, обычаи и одежду своего народа, пріучалъ его силою къ вѣжливости и изяществу европейскихъ обычаевъ, приказывалъ устраивать собранія и предписывалъ устройство праздниковъ и маскарадовъ, заимствуя ихъ у западнаго общества.

Происходило нѣчто въ родѣ быстрой смѣны театральныхъ декорацій: лѣса исчезали, уступая мѣсто обработаннымъ полямъ, болота осушались, теченія рѣкъ выравнивались, дороги, если не вездѣ пролагались, то, по крайней мѣрѣ, намѣчались; города украшались и оживлялись; открывались школы и коллегіи, основывались академіи. Русскіе, по крайней мѣрѣ, высшихъ классовъ, получали образованіе и усвоивали затѣмъ всѣ сокровища древняго и новаго знанія. Имъ не было надобности ощупью искать истины: для нихъ было достаточно переводить на свой мягкій языкъ произведенія Запада. Путь прогресса, который Европа проходила въ теченіе тринадцати вѣковъ, Россія могла пройти въ нѣсколько лѣтъ, благодаря доступу къ новымъ идеямъ, открытому волей царя.

Екатерина II продолжала и подвинула еще далѣе эту преобразовательную работу, такъ же, какъ продолжала и расширила завоеванія Петра. Она раздѣлила свои увеличившіяся владѣнія на 50 губерній, основала около 200 городовъ, еще болѣе украсила Петербургъ и Москву, преобразовала судопроизводство и образованіе, по крайней мѣрѣ, среднее. Будучи поклонницей произведеній французскихъ писателей, Екатерина приглашала къ своему двору самыхъ выдающихся философовъ,

и французская литература сдѣлалась образцомъ, которому съ успѣхомъ подражали русскіе писатели. Нѣмка по рожденію и француженка по воспитанію, Екатерина умѣла, однако, быть русской. Она въ высшей степени обладала чувствомъ національнаго достоинства, и въ ея царствованіе возникла настоящая русская литература.

Швеція, съ политической точки зрѣнія, все болѣе и болѣе приходившая въ упадокъ послѣ безумствъ Карла XII, оживилась въ царствованіе *Густава III* (1771—1792). Французское вліяніе, замѣтное въ то время, привело къ значительному прогрессу: уничтоженію пытокъ, запрещенію нищенства, учрежденію домовъ трудолюбія, лучшему распредѣленію налоговъ, поощренію труда, промышленности и торговли, наукъ и литературы, и украшенію столицы, *Стокгольма*. Всѣ эти улучшенія совершились по волѣ государя, который, вслѣдствіе государственнаго переворота 1772 г., достигъ неограниченной власти, оставивъ въ то же время въ силѣ старинную форму контроля штатовъ. Благодаря такому самовластію, бывшему, впрочемъ, вполнѣ разумнымъ, цивилизація въ Швеціи поднялась на столько высоко, на сколько это допускали тамошнее солнце и доступная для человѣка земля: эта цивилизація освѣщала почти обледенѣлыя полярныя области.

„Всего болѣе обновился Стокгольмъ; король прилагалъ старанія привлечь туда иностранныхъ ученыхъ и художниковъ. Была основана академія, состоявшая изъ восемнадцати членовъ, открытая въ 1786 г.; конкурсы и преміи, въ которыхъ Густавъ удостоивалъ принимать участіе, были установлены по образцу французской академіи. Труды великихъ людей Швеціи, изслѣдованія народнаго языка и переводы французскихъ образцовыхъ писателей стали появляться чаще и чаще. Французскій театръ при дворѣ давалъ лучшія французскія пьесы и подражанія имъ на шведскомъ языкѣ; Мурэ, г-жа Маркадэ и танцоръ Дидло входили въ составъ труппы. Густавъ поощрялъ своимъ присутствіемъ, похвалами и наградами представленія и репетиціи; онъ самъ руководилъ выборомъ пьесъ... Вмѣстѣ съ любовью къ театру, онъ внушилъ шведамъ и любовь къ оперѣ, маскарадамъ и турнирамъ. Онъ требовалъ, чтобы присутствовавшіе на нихъ дамы и вельможи были въ самыхъ роскошныхъ костюмахъ: парадныя одежды, какъ для мужчинъ такъ и для женщинъ, должны были быть голубыя, шелковыя, подбитыя бѣлымъ атласомъ; самъ король носилъ фантастическій шелковый костюмъ пурпурнаго цвѣта, роскошно вышитый золотомъ... Въ 1776 г. было истрачено 50.000 экю на одинъ турниръ. Густавъ, въ костюмѣ иностраннаго рыцаря, сражался самъ, чтобы подтвердить, что „любовь съ большею силой и постоянствомъ царитъ въ тѣхъ сердцахъ, кото-

рыми она овладѣваетъ позднѣе". Не одинъ Стокгольмъ пріобрѣлъ въ Швеціи новую жизнь. Густавъ пишетъ въ 1784 г.: „Я очарованъ Готенбургомъ; я думалъ, что тамъ я еще въ чужой странѣ; театръ, костюмированные балы, концерты, многолюдныя собранія,—все это дѣлало мою жизнь столь же дѣятельной, какъ въ Парижѣ". На слѣдующій годъ онъ пишетъ: „*Энеиду* Виргилія, томъ сочиненій Мольера, содержащій описаніе Версальскихъ празднествъ, произведеніе о. Менетріе о бояхъ на копьяхъ и каруселяхъ, *Освобожденный Іерусалимъ*, *Аріоста* и *Умъ знаменитыхъ женщинъ*... привезите мнѣ эти книги въ Финляндію. Вы видите, что дѣло идетъ о проектѣ турнировъ" [1]).

Туманы, окутывающіе Данію, также не помѣшали проявленію жизни въ городахъ Ютландіи, въ особенности, на островѣ Зеландіи. *Копенгагенъ*, который, какъ столица, возникъ лишь въ XV в., а въ 1728 г. былъ почти уничтоженъ пожаромъ, возродился изъ пепла, обстроился изъ камня, и сталъ похожимъ на нѣмецкіе города, съ обширными зданіями и учеными академіями. Онъ былъ уже тѣмъ, чѣмъ и остался—столицей науки на сѣверѣ.

Министръ *Бернсторфъ* въ царствованіе Фридриха V, нѣмецъ Струэнзе, при Христіанѣ VII, затѣмъ, племянникъ великаго Бернсторфа, *Андрей*, трудились надъ извлеченіемъ пользы для Даніи изъ умственнаго движенія Франціи: повинности для двора были уменьшены, уничтожена барщина, измѣнено законодательство, введена вѣротерпимость, улучшились финансы и судебные уставы. Наканунѣ 1789 г., постановленіе отъ 20 іюня 1788 г. уничтожило послѣднюю связь, прикрѣплявшую крестьянина къ землѣ. Крѣпостничество исчезало.

Въ центрѣ Европы Австрія, казавшаяся обреченной на неподвижность, была вновь призвана къ жизни *Іосифомъ II*, государемъ, который также стоялъ посреди своего народа и, въ болѣе мягкой формѣ, подражалъ Петру Великому и Фридриху II. Любившій простоту, врагъ всякой пышности, Іосифъ II (1765—1790) уменьшилъ роскошь при своемъ дворѣ, обложилъ повинностями земли дворянства и духовенства для облегченія сельскихъ сословій, уничтожилъ множество судебныхъ и феодальныхъ должностей, личное рабство, исключительное право охоты и барщину. Онъ былъ предшественникомъ французскаго учредительнаго и законодательнаго собраній, ограничивъ права духовныхъ орденовъ, сдѣлавшихся слишкомъ многочисленными. Онъ хотѣлъ даже преобразовать церковь, и, можно сказать, въ его царствованіе Австрія отдѣлилась отъ католицизма, не впадая, однако, въ проте-

---

[1]) Geffroy, *Histoire des Etats scandinaves.*

стантизмъ. Земледѣліе, промышленность и торговля получили сильный толчекъ при Іосифѣ II, который не боялся самъ браться за плугъ. Благодаря ему, богатства Австріи развились и, одновременно съ тѣмъ, повсюду открывались школы, пріюты и больницы. Іосифъ II поощрялъ литературу и покровительствовалъ художникамъ: онъ сумѣлъ такъ привязать къ себѣ *Моцарта*, что великій музыкантъ, несмотря на самыя блестящія предложенія другихъ государей, отказался покинуть его дворъ [1]).

Но власть Іосифа II не распространялась въ такой же степени на Германію, хотя онъ и былъ ея императоромъ. Германія оставалась раздѣленной на триста княжествъ, составлявшихъ Священную римскую имперію, которая, по остроумному замѣчанію Вольтера, не была ни священной, ни римской, ни имперіей. Курфирсты приравнивали себя къ королямъ и, въ большинствѣ, были королями. Три духовныхъ курфирста или избирателя, архіепископы Майнцскій, Трирскій и Кельнскій, владѣли всей нижней долиной Мозеля и одною изъ лучшихъ частей Рейнской долины. Хотя послѣдствіемъ войнъ Реформаціи было обращеніе духовныхъ властителей въ свѣтскіе, но многіе изъ первыхъ сохраняли еще видныя положенія. На ряду съ епископами-князьями стояли герцоги, ландграфы, маркграфы и имперскіе города. За государствами, имѣвшими извѣстное значеніе, тѣснились княжества, миніатюрныя до смѣшного, герцогства, какъ говорилось тогда, «въ 12-ю долю», владѣнія 800 или 900 рыцарей, которые, распоряжаясь однимъ мѣстечкомъ или деревней, тѣмъ не менѣе, считали себя самодержавными правителями.

Стѣсненія торговли, множество таможенъ и пошлинъ, монополіи, всевозможныя привилегіи, барщина и разорительныя повинности, тяготѣвшія на земледѣльцахъ, феодальное крѣпостничество, жестокость уголовныхъ законовъ, нетерпимость протестантовъ, преслѣдовавшихъ католиковъ, и католиковъ, преслѣдовавшихъ протестантовъ, строгости по отношенію къ евреямъ, къ книгамъ, которыя еще сжигались рукою палача; однимъ словомъ, тамъ встрѣчались всѣ бѣдствія и злоупотребленія, накопленныя вѣками всевозможныхъ притѣсненій. Большинство нѣмецкихъ властителей, въ особенности самые мелкіе, стремились подражать Людовику XIV. Ландграфъ Гессенъ-Кассельскій про-

---

[1]) *Австрійскіе государи съ XVII вѣка*: Іосифъ I, 1705—1711; Карлъ VI, 1711—1740; Марія-Терезія и Францъ I Лотарингскій, 1740—1765; Іосифъ II, 1765—1790; Леопольдъ II, 1790—1792, Францъ II, 1792—1806, сдѣлавшійся въ 1806 г. Францомъ I, императоромъ австрійскимъ, 1806—1835, Фердинандъ I, 1835—1848, Францъ-Іосифъ I, съ 1848 г.

давалъ своихъ подданныхъ и въ одинъ только годъ (1775) доставилъ Англіи 12.800 человѣкъ, которые должны были драться противъ американцевъ.

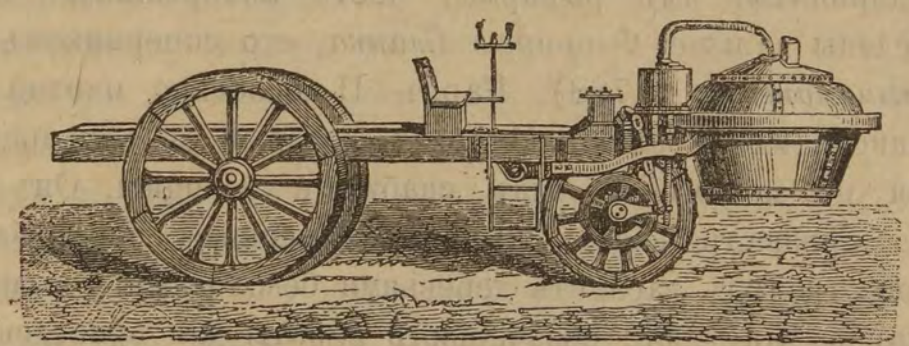
Впрочемъ, многочисленность мелкихъ государствъ, благопріятствуя мѣстной тираніи, худшей изъ всѣхъ, отъ времени до времени, была благопріятна и свободѣ. Писатель, изгнанный изъ одного герцогства, переселялся въ другое. Шиллеръ, преслѣдуемый герцогомъ Виртембергскимъ, спокойно могъ давать въ Мангеймѣ пьесу, въ которой бичевалъ правителей, торговавшихъ людьми. Примѣръ, поданный большими государствами, вызвалъ удачныя подражанія въ Баденѣ, даже въ Виртембергѣ. Веймарскій дворъ (Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахскій) сіялъ яркимъ блескомъ; въ качествѣ литературнаго центра, онъ сосредоточивалъ великихъ писателей того времени. Въ *Іенскомъ университетѣ* насчитывалось до 800 студентовъ. *Академія наукъ въ Мюнхенѣ* ведетъ свое начало съ 1758 г. Нѣмецкіе писатели увлекались Руссо и Монтескьё и англійскимъ экономистомъ Адамомъ Смитомъ; журналы преслѣдовали имперскихъ рыцарей и повсюду чувствовалась необходимость эдиктовъ вѣротерпимости, установленія законодательства, политическихъ и административныхъ преобразованій.

Духъ реформы чувствовался повсюду. Въ Португаліи, маркизъ *Помбаль*, министръ короля Іосифа I съ 1750 до 1777 г., котораго португальцы называли «великимъ маркизомъ» *(ô gram marquez)*, обнаружилъ рѣдкую опредѣленность ума, соединенную съ твердостью, которую сравнивали съ такимъ же качествомъ кардинала Ришельё. Благодаря разумнымъ мѣрамъ Помбаля, земледѣліе и промышленность, пришедшія въ состояніе глубокаго упадка, поднялись снова, торговля оживилась и могла выдерживать англійскую конкурренцію, столь тяжелую со времени трактата сэра Метуэня. Гранды составили заговоръ противъ него; онъ навелъ на нихъ ужасъ казнями; онъ заставилъ трепетать и всемогущее духовенство изгнаніемъ дѣятельнаго и честолюбиваго ордена іезуитовъ (1750). Это изгнаніе послужило примѣромъ, которому вскорѣ послѣдовали Испанія, Франція и другія страны Европы. Помбаль преобразовалъ обученіе и уменьшилъ власть суда инквизиціи; онъ уничтожилъ различіе между „старыми“ и „новыми христіанами“, чтобы португальцы, „дѣти одной церкви“, всѣ могли быть братьями между собой. Онъ поощрялъ книгопечатаніе и переводы лучшихъ французскихъ книгъ, создалъ королевскую коллегію для дворянъ, учреждалъ низшія и профессіональныя школы для народа, гдѣ обученіе было безплатнымъ. Никогда, быть можетъ, столько просвѣтительныхъ стараній не прилагались при помощи такой неограниченной власти. Философъ и, вмѣстѣ

съ тѣмъ, деспотъ, Помбаль поощрялъ только тѣ нововведенія, которыя были удобны для него; онъ подвергалъ цензурѣ всѣ книги и нѣкоторыя даже сжигалъ; онъ старался уменьшить число привилегій и улучшить положеніе народа, но королевскую власть защищалъ съ гораздо большей энергіей, чѣмъ самого себя.

Испанія была выведена изъ своей летаргіи французской династіей Бурбоновъ, Филиппомъ V, Фердинандомъ VI и Карломъ III [1]).

Внукъ Людовика XIV получилъ королевство, почти опустѣвшее, едва насчитывавшее семь милліоновъ жителей, тогда какъ въ средніе вѣка на Пиренейскомъ полуостровѣ было 21.000.000 обитателей. Отсутствіе дорогъ дѣлало Испанію похожей на дикую страну; по Кастиліи съ трудомъ можно было проѣхать верхомъ на мулѣ. Болѣе 25 милліоновъ десятинъ земли оставались необработанными въ прекрасномъ



Паровая повозка Іосифа Кюньо (1770 г.).

климатѣ и были запущены подъ простыя пастбища; горы были обезлѣсены и пустынны; богатая промышленность Севильи, Сеговіи, Кордовы и Валенсіи была почти разорена, и казна Испаніи была одною изъ самыхъ скудныхъ въ Европѣ, ходя ежегодно цѣлый флотъ привозилъ добычу рудниковъ Мексики и Перу.

Итальянецъ *Альберони*, бывшій сперва первымъ министромъ Филиппа V, растратилъ на внѣшнюю политику небольшія средства, остававшіяся въ королевствѣ, и мечталъ играть господствующую роль въ Европѣ при полномъ разореніи своего государства. Впрочемъ, онъ пытался осуществить нѣкоторыя полезныя внутреннія преобразованія, возстановилъ дисциплину въ арміи, оживилъ флотъ, основалъ королевскую мануфактуру въ Гвадалахарѣ, для которой выписалъ пятьсотъ семействъ изъ Голландіи. Если литература и искусства не имѣли уже великихъ именъ, они все-таки находились въ почетѣ. *Ко-*

---

1) Филиппъ V (1701—1746), Фердинандъ VI (1746—1759), Карлъ III (1759—1788).

ролевская академія изящныхъ искусствъ, языка и *исторіи* въ Мадридѣ основана была въ царствованіе Филиппа V. Мудрое правленіе Фердинанда VI, его поощреніе земледѣлію, и забота, съ какою онъ приводилъ въ порядокъ финансы, вывели Испанію на правильный путь, по которому она быстро пошла при Карлѣ III. Графъ д'Аранда (1766) боролся, главнымъ образомъ, съ знаменитымъ обществомъ іезуитовъ, кидавшимъ тѣнь на всѣ правительства; будучи изгнано изъ Португаліи въ 1759 г., изъ Франціи въ 1762 г., оно было выгнано изъ Испаніи въ 1767 г., съ бо̀льшимъ насиліемъ, чѣмъ изъ другихъ странъ. Аранда, несмотря на сопротивленіе св. престола, уничтожилъ право убѣжища въ церквахъ для преступниковъ и вступилъ въ борьбу съ судомъ инквизиціи, все еще всемогущимъ, желая ограничить его юрисдикцію. Эта смѣлая попытка повлекла за собою паденіе Аранды; но другія предпринятыя имъ реформы, чисто матеріальнаго характера, были проведены дальше *Флоридою Бланка*, его соперникомъ (1777), а затѣмъ *Кампоманесомъ* (1788). Карлъ II особенно охотно помогалъ своимъ министрамъ украшать Мадридъ, который съ того времени сталъ освѣщаться по ночамъ и былъ снабженъ полиціей. Онъ поощрялъ земледѣліе, призвалъ восемь тысячъ нѣмецкихъ земледѣльцевъ въ Сіерру-Леоне, велѣлъ засадить деревьями безплодныя и голыя плоскогорья Ламанча, Кастиліи, возобновилъ работы для проведенія Арагонскаго канала, учредилъ полотняную фабрику въ королевской резиденціи Санъ-Ильдефонсѣ и поднялъ производство холоднаго оружія въ Толедо.

При всѣхъ этихъ реформахъ, Кампоманесъ и Флорида Бланка вовсе не думали объ ограниченіи королевской власти, и власть эта продолжала считаться священною, хотя испанцы и сожалѣли о свободѣ старинныхъ представительныхъ собраній и были горячо привязаны къ *фуэросамъ* своихъ провинцій. Несмотря на прогрессивное движеніе въ XVIII вѣкѣ, Испанія была одною изъ наиболѣе отсталыхъ странъ. Населеніе ея увеличилось лишь до 11 милліоновъ; въ оффиціальныхъ отчетахъ показывалось 1.511 покинутыхъ городовъ и деревень. Промышленность, стѣсненная множествомъ тягостныхъ повинностей и монополіей фабрикъ, не могла подниматься естественнымъ путемъ. Промышленное населеніе не превышало 150.000 человѣкъ. Въ 1789 г. было установлено, что Испанія, снабжавшая другія страны драгоцѣнными металлами, сама имѣла наименьшее количество звонкой монеты изъ всѣхъ государствъ Европы. Образованіе, распространенное среди высшихъ классовъ (въ странѣ насчитывалось до 23 университетовъ), не проникало въ низшіе классы. Издательство книгъ находилось подъ

строгимъ надзоромъ, и министры, примѣнявшіе въ своемъ управленіи французскія идеи, запрещали печатаніе даже научныхъ трудовъ, распространенныхъ во Франціи и Англіи.

Въ XVIII вѣкѣ Италія, все еще раздѣленная, была подчинена Австріи и Испаніи. Страна, господствовавшая надъ міромъ въ древности и просвѣщавшая его въ началѣ новыхъ временъ, казалась вычеркнутою изъ числа націй. Но это была лишь призрачная смерть. Итальянскій духъ оживалъ подъ вѣяніемъ французскихъ идей. Учителя должны были возродиться съ помощью своихъ учениковъ.

Хотя Миланская область и принадлежала Австріи, государемъ послѣдней былъ Іосифъ II, а его министромъ въ Миланѣ былъ графъ *Фирміанъ*, человѣкъ, воспитанный въ духѣ французской философіи. Фирміанъ поощрялъ науки, учредилъ каѳедру политической экономіи и покровительствовалъ университету въ Павіи, который долженъ былъ прославить физикъ Вольта. Австрія господствовала и въ Тосканѣ, въ лицѣ одного изъ потомковъ принцевъ Лотарингскихъ, великаго герцога *Леопольда I*, но Леопольдъ примѣнялъ на практикѣ французскія идеи, вводя преобразованія въ обученіи, правосудіи, законодательствѣ и администраціи. Университеты въ Пизѣ и Сіеннѣ процвѣли вновь. Не опасаясь за свою власть, находившуюся подъ покровительствомъ великихъ державъ, Леопольдъ уничтожилъ армію и сдѣлалъ изъ Флоренціи нѣчто въ родѣ Салента, гдѣ болѣе всего предавались утонченнымъ наслажденіямъ.

Испанскіе принцы, властвовавшіе надъ *Неаполитанскимъ* королевствомъ, герцогствами Пармскимъ и Піаченцей, были Бурбоны, потомки Людовика XIV. Французъ *Дютиллуа* правилъ отъ имени дона-Филиппа герцогствами Пармой и Піаченцей и, въ малыхъ размѣрахъ, воспроизводилъ реформы настоящихъ государствъ. Неаполитанское королевство управлялось Карломъ IV, вступившимъ на испанскій престолъ подъ именемъ Карла III и передавшимъ свою власть въ Неаполѣ либеральному министру *Тануччи*. Этотъ послѣдній сохранилъ свою власть и при Фердинандѣ IV и, во время своего правленія, продолжавшагося сорокъ два года (1735—1777), произвелъ множество улучшеній. *Неаполь* видѣлъ, какъ въ его нѣдрахъ возникло свободное и серьезное образованіе; въ 1751 г. университетъ его обогатился каѳедрой политической экономіи, подобно тому, какъ въ Миланѣ Фирміанъ основалъ ее для Беккаріи. Неаполитанскіе, такъ же, какъ и миланскіе, писатели выражали философскія идеи XVIII в. съ живостью, свойственной ихъ языку и ихъ странѣ. Они говорили о правосудіи, правдѣ, гуманности и свободѣ въ странѣ, гдѣ правленіе было деспотическимъ,

гдѣ существовала пытка, гдѣ устарѣлое законодательство и всевозможныя злоупотребленія заграждали путь для новой цивилизаціи.

Старая форма правленія поддерживалась съ еще большимъ упорствомъ въ независимыхъ, чисто итальянскихъ государствахъ; это были Піемонтъ, правительство св. престола и республики. Венеція заботилась исключительно о выгодахъ своей торговли, которая, впрочемъ, склонилась къ упадку съ того времени, какъ открытіе Новаго Свѣта измѣнило торговые пути. Въ Римѣ папскій престолъ занимали просвѣщенные люди и искусные политики Бенедиктъ XIV, Климентъ XIII, Климентъ XIV и Пій VI; но при всей щедрости, съ какою они покровительствовали литературѣ и наукамъ, они не могли поощрять развитія новыхъ идей, стремившихся подорвать могущество церкви и религіи. *Піемонтъ*, поднявшійся на ступень монархіи съ тѣмъ поръ, какъ герцогъ Савойскій добился титула сперва короля *Обѣихъ Сицилій* (1713), а затѣмъ *Сардинскаго короля* (1720), когда у него отняли Сицилію, еще ничѣмъ не обнаруживалъ предстоявшаго ему высокаго назначенія. *Викторъ-Амедей II* и *Карлъ Эммануилъ* старались лишь лавировать между Австріей и Франціей, становясь на сторону болѣе сильнаго и пріобрѣтать выгоды отъ той и отъ другой стороны. Что касается внутренней политики, она была по-прежнему деспотической. Свобода была тамъ стѣснена до такой степени, что поэтъ *Альфіери*, ощутивъ въ себѣ пламень генія, не могъ дать выхода своему вдохновенію и покинулъ страну, гдѣ, какъ онъ говорилъ, „маленькій король маленькаго государства вмѣшивался въ мелкія дѣла каждой семьи“.

Прекрасной картиной, какую рисуетъ Монтескьё, говоря о римской цезарской власти, которая, „какъ рѣка, поднялась незамѣтно при Августѣ, а при Тиверіи яростно разрушила всѣ плотины“, можно воспользоваться, чтобы дать себѣ отчетъ въ работѣ, совершившейся въ новѣйшія времена. Потоки идей, сперва слабые, образовались въ XV и XVI вѣкахъ; они несли общество къ *политическому порядку, матеріальнымъ улучшеніямъ, религіозной свободѣ и умственной независимости*. Мы видѣли, какъ эти потоки увеличивались въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Они высоко поднимались въ XVIII в., такъ какъ одинъ изъ нихъ, задержанный скалами, заграждалъ путь другимъ. Феодализмъ, давно уже подкопанный, приниженный и размытый медленнымъ дѣйствіемъ различныхъ теченій, обрушивавшихся на него въ теченіе трехъ вѣковъ, все еще представлялъ скалу, глубоко внѣдрившуюся въ почву. Понадобилось могучее усиліе, непреодолимый натискъ всѣхъ потоковъ, соединенныхъ въ одну громадную волну, чтобы сдвинуть этотъ камень, неподвижно лежавшій въ продолженіе двѣнадцати вѣковъ, и дале-

ко разбросать его обломки. Этой волной была французская революція 1789 г.

Людовикъ XVI, воцарившійся въ 1774 году, быть можетъ, предупредилъ бы бурю, если бы настойчиво держался благоразумныхъ усилій, какія онъ проявилъ въ началѣ своего царствованія (1774—1776) въ примѣненіи реформъ *Мальзерба* и *Тюрго*. Къ несчастію, онъ позволилъ увлечь себя жалобами лицъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи привилегій, которыя привели его къ такому упорному сопротивленію, на какое онъ даже не былъ способенъ, такъ какъ не въ силахъ былъ его выдержать, являясь поперемѣнно то слабымъ, то жестокимъ. Онъ палъ жертвою своихъ колебаній, не умѣя ни вести, ни ограничить движеніе, которое погубило его, вмѣстѣ со всѣмъ старымъ обществомъ.

Администрація, хотя и восходившая въ своихъ основахъ къ римскимъ традиціямъ, была организована съ феодальной непослѣдовательностью. *Интенданты* изъ средняго сословія преклонялись передъ *губернаторами* провинцій, важными сановниками, власть которыхъ они должны были ограничивать. Впрочемъ, вѣдомства были перепутаны между собою, такъ же, какъ и подсудность; власти смѣшивались, какъ и административныя дѣленія: 33 *интендантства* сливались съ 34 финансовыми округами [1]) и переплетались между собою въ 32 военныхъ управленіяхъ и различныхъ подраздѣленіяхъ *церковныхъ*, *судебныхъ* и проч., не совпадавшихъ другъ съ другомъ. Кромѣ того, герцогства, графства и баронства продолжали существовать, и королевскіе чиновники сталкивались тамъ съ должностными лицами сеньёровъ.

Правосудіе управлялось еще *личнымъ* началомъ, столь дорогимъ для германцевъ. Судопроизводствъ было столько же, сколько и привилегированныхъ лицъ: судилища *коннетаблей*, *адмираловъ*, *маршаловъ*, *водъ* и *лѣсовъ*, *университета*, *финансоваго вѣдомства* и *духовныхъ лицъ* поддерживались на ряду съ королевскимъ судопроизводствомъ, отправлявшимся судами *прево* и *бальи*, *окружными* судами и *парламентами*, не говоря уже о тысячахъ еще дѣйствовавшихъ частныхъ судовъ сеньёровъ. *Продажность должностей* смѣшивала понятіе о долгѣ и власти съ понятіемъ собственности. Римское право заглушило принципы свободы и отдавало подсудимаго, безъ защиты, въ распоряженіе судей. Несправедливость существовала въ самомъ судопроизводствѣ, происходившемъ не гласно; Людовикъ XVI успѣлъ только уничтожить

---

[1]) Цифры не вполнѣ согласованы, такъ какъ эти числа измѣнялись и часто одно обозначеніе принималось вмѣсто другого.

пытку. Уголовная кара измѣнялась, смотря по лицамъ; казни были многочисленны и жестоки: наказаніе *плетьми*, *клейменіе*, *отрѣзываніе кисти руки*, *отрѣзываніе или прокалываніе языка*, *колесованіе* и т. д.

Общественная казна не отдѣлялась отъ королевской, такъ какъ король отождествлялся съ государствомъ. Государственные расходы составляли тайну короля, и Неккеръ въ 1781 г. впалъ въ немилость за то, что въ своемъ отчетѣ представилъ общественному мнѣнію бюджетъ, который могъ быть извѣстенъ лишь одному Людовику XVI. Король не имѣлъ надобности оправдывать свои требованія наличныхъ денегъ, вслѣдствіе чего въ его распоряженіе поступали часто значительныя суммы, и нарушался бюджетъ, какъ бы онъ ни былъ правильно установленъ.

Налогъ оставался феодальной казенной податью или, скорѣе, крестьянской повинностью, такъ какъ дворяне были изъяты отъ него. Хотя постоянно возраставшая потребность въ деньгахъ для дорого стоившей администраціи, принудила короля прибѣгнуть къ пошлинамъ, соляной и подушной подати, обязательной для всѣхъ, онѣ взимались съ дворянства косвенными путями, чтобы не оскорбить его гордость. Не зная положенія дѣлъ, власть не задумывалась надъ вопросомъ— не истощаетъ ли она источникъ общественнаго богатства неправильно установленными налогами, и, заботясь лишь о приливѣ денегъ, спокойно предоставляла цѣлому множеству сборщиковъ податей обогащаться на счетъ правительства и народа.

Хотя *армія* и была организована согласно потребностямъ новѣйшаго военнаго дѣла, но она все еще держалась на феодальной основѣ. Дворяне, конечно, не приводили уже болѣе своихъ вассаловъ, и въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVI созывъ *народнаго ополченія* казался забавнымъ. Но вмѣсто вассаловъ, дворяне приводили солдатъ, ими же навербованныхъ, и полки составляли собственность, завѣщавшуюся вмѣстѣ съ замкомъ дѣтямъ, даже находившимся еще въ колыбели. Дворянство было обязано военной службой; взамѣнъ того, за нимъ сохранялась *монополія чиновъ*. Реформы Лувуа и его преемниковъ заставляли офицеровъ работать и точно выполнять свои обязанности, не затрогивая привилегій, присущихъ ихъ кастѣ; эти послѣднія не менѣе ревностно оберегались офицерами королевскаго флота, или *бѣлаго флага*, презрительно относившимися къ офицерамъ *голубого флага*, или торговаго флота.

Церковь, демократическія основы которой должны были бы предохранять ее отъ феодальной испорченности, въ средніе вѣка соблазнилась приманкою богатыхъ бенефицій: она организовалась по образцу свѣтскаго общества и такъ же крѣпко держалась за свои привилегіи,

обезпечивавшія ей значительную власть. Епископства оставались *бенефаціями*, такъ же, какъ и аббатства; въ XVIII вѣкѣ можно было еще видѣть сановниковъ церкви, осыпаемыхъ насмѣшками за ихъ образъ жизни, но мало заботившихся объ этихъ порицаніяхъ, пока имъ оставалась возможность тратить на свои удовольствія доходы, предназначенные для облегченія бѣдныхъ. Высшее духовенство, набиравшееся изъ знатнаго дворянства, соперничало съ ними въ роскоши, между тѣмъ, какъ низшее духовенство, вышедшее изъ народной среды, прозябало въ деревняхъ, едва находя средства къ существованію. Духовенство отстаивало и свое особое судопроизводство, свои *десятыя части дохода*, свою свободу отъ повинностей и ограничивало свое участіе въ общественныхъ обязанностяхъ *добровольными пожертвованіями*, измѣнявшимися сообразно времени. Пышность нѣкоторыхъ прелатовъ, легкомысліе придворныхъ и салонныхъ аббатовъ принесли въ XVIII в. много вреда церкви и религіи. Вина такого порядка вещей также должна быть приписана феодализму.

Блестящая толпа свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ, пожалованныхъ во дворянство судей, военныхъ, гордившихся болѣе своимъ происхожденіемъ, чѣмъ храбростью, отстаивала, впрочемъ, не столько свои почетныя привилегіи, сколько безчисленныя права, какими она пользовалась въ своихъ помѣстьяхъ.

Раздѣленіе собственности началось, конечно, гораздо ранѣе 1789 г., но мелкая собственность не могла приносить пользы, такъ какъ была подавлена *феодальными правами. Барщина* и *поборы, земельная подать* и всевозможные оброки, *часть жатвы, часть сбора винограда, взносъ при смерти владѣльца земли,* злоупотребленія *правами охоты, голубятенъ, помѣщичье право* и пр.,—все это подрывало трудъ крестьянина. Справедливо говорили, что революція повела не столько къ раздѣлу, сколько къ освобожденію земли.

Промышленный трудъ не могъ освободиться отъ тираніи *цеховъ*. Кромѣ того, королевская власть захватила нѣкоторые виды промышленности, создавъ въ ихъ средѣ особыя *должности* и новые налоги на торговлю и промышленность. Въ XVII и XVIII вѣкахъ существовали присяжные пробователи водки, масла, сыровъ, продавцы домашней птицы, вѣсовщики зерноваго хлѣба, измѣрители тесанаго камня, мѣряльщики полотенъ, присяжные глашатаи при погребеніи и т. п. Преувеличенная регламентація останавливала духъ иниціативы: всякое нововведеніе влекло за собою штрафъ. Такъ, необходимо было заступничество короля, чтобы шляпный мастеръ въ Парижѣ, по имени Лепрево, могъ выдѣлывать полушелковыя шляпы.

Торговля задерживалась внутренними таможнями, остаткомъ старинныхъ границъ средневѣковыхъ мелкихъ государствъ. Кольберъ осуществилъ объединеніе двѣнадцати провинцій, называемыхъ *пятью большими откупами*, но оставалось еще два пояса *провинцій, считавшихся чужеземными*, и *провинцій иностранныхъ*. Списокъ пошлинъ, хотя и упрощенный, былъ все еще весьма длиненъ. Въ XVII в. стали проводить большія дороги, которыя не могли идти въ сравненіе съ прекрасными римскими дорогами, но, тѣмъ не менѣе, были весьма полезны. Эти большія артеріи не имѣли, однако, примыкавшихъ къ нимъ второстепенныхъ путей, а проселочныя дороги по зимамъ были непроѣздными.

Это положеніе вещей, о которомъ мы можемъ судить теперь совершенно безпристрастно, объясняется продолжительнымъ существованіемъ общества, образовавшагося въ средніе вѣка путемъ войны и насилія. Старинное и новое дворянство, потомки герцоговъ и графовъ или наслѣдники титуловъ, пріобрѣтенныхъ за деньги, считало себя особой націей, стоявшей выше остального народа. Высшее дворянство, конечно, относилась презрительно къ тѣмъ, чьи дворянскія грамоты не успѣли еще пожелтѣть отъ времени, и, въ особенности, къ дворянству, вышедшему изъ чиновничества, когда оно стремилось сравняться съ военнымъ дворянствомъ. Но каковы бы ни были ихъ подраздѣленія, всѣ дворяне единодушно старались о сохраненіи своего преобладающаго положенія. *Право старшинства* позволяло поддерживать семейныя традиціи и передавать земли, связанныя съ благороднымъ титуломъ. Дворянство, хотя численность его не превышала, по однимъ даннымъ, 83.000 человѣкъ, а по другимъ — 140.000, владѣло пятой частью земли.

Чѣмъ ниже они сгибались въ Версалѣ, тѣмъ выше поднимали голову въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ играли роль королей.

«Посмотримъ на менѣе значительныхъ лицъ, на владѣльца средней руки, въ его земельномъ участкѣ величиною въ квадратное льё, съ тысячью человѣкъ крестьянъ, которые прежде были его крѣпостными или рабами. Хотя значеніе его понизилось, онъ все-таки занимаетъ высокое мѣсто. Сборщики податей называютъ его «первымъ лицомъ»; это—владѣтельная особа, у которой понемногу отнимали ея общественныя функціи, оставляя ей только почетныя и полезныя права, но которая, тѣмъ не менѣе, остается владѣтельной особой. Въ церкви у него отдѣльная скамья, и онъ имѣетъ право на могилу у клироса; мѣсто его украшено гербами; ему кадятъ и, особо отъ другихъ, подаютъ «святую воду». Если онъ построилъ церковь, онъ считается ея

попечителемъ, выбираетъ священника и желаетъ имъ руководить; въ деревняхъ онъ по своему желанію назначаетъ позднѣе или ранѣе часы церковной службы. Если онъ имѣетъ титулъ, онъ—главный судья, и въ цѣлыхъ провинціяхъ, какъ, напр., въ Мэнѣ и Анжу, нѣтъ ни одного помѣстья безъ судьи. Въ этомъ случаѣ, онъ назначаетъ сельскаго судью, регистратора и другихъ представителей закона и правосудія, прокурора, нотаріуса, урядника, стражниковъ пѣшихъ или конныхъ, которые исполняютъ его распоряженія или судятъ его именемъ гражданскія и уголовныя дѣла первой инстанціи. Для различнаго рода преступниковъ у него есть своя тюрьма, иногда—свои висѣлицы. Съ другой стороны, въ вознагражденіе себя за судебныя издержки, онъ получаетъ имущество человѣка, приговореннаго къ смерти и конфискаціи его земли; онъ наслѣдуетъ имущество незаконнорожденнаго, родившагося и умершаго въ его помѣстьи безъ завѣщанія и законныхъ дѣтей; онъ присвоиваетъ себѣ движимыя вещи, и живыя и неодушевленныя, кѣмъ-либо потерянныя и неизвѣстно кому принадлежащія. Онъ оставляетъ въ свою пользу треть или половину денегъ, найденныхъ другимъ, а на берегу моря беретъ себѣ все, уцѣлѣвшее отъ кораблекрушенія. Наконецъ, что было всего прибыльнѣе въ тѣ бѣдственныя времена, онъ становится владѣльцемъ покинутыхъ земель, необрабатывавшихся въ теченіе десяти лѣтъ.

«Надменные и могущественные владѣльцы голубятни, пруда или мѣста рыбной ловли, чѣмъ менѣе у нихъ средствъ къ существованію, тѣмъ болѣе они стараются придать значенія своему имени и почетнымъ привилегіямъ. Не будучи чуждыми гуманнымъ идеямъ, какія распространялись писателями XVIII в., они не могутъ что-либо уступить изъ своихъ феодальныхъ правъ, такъ какъ живутъ на счетъ этихъ правъ, и, по большей части, для крестьянина они—ничто иное, какъ кредиторы, которые должны быть строгими, чтобы имѣть возможность существовать.

«Владѣлецъ остается уединеннымъ и чуждымъ среди своихъ вассаловъ. Власти у него уже нѣтъ, а привилегіи его еще сохранились, и это создаетъ ему совершенно особую жизнь. Онъ выходитъ изъ ея замкнутаго круга лишь для того, чтобы еще болѣе увеличить общественное бѣдствіе. Съ этой разоренной казенными поборами земли онъ требуетъ часть урожая, въ видѣ извѣстнаго числа сноповъ хлѣба или кувшиновъ вина. Его голуби и лѣсная дичь поѣдаютъ жатву. Надо молоть хлѣбъ на его мельницѣ и оставлять ему шестую часть муки. Продажа поля за 600 франковъ (240 руб.) доставляютъ въ его пользу 100 фр. Наслѣдство, переходящее отъ брата къ брату, должно

предоставить ему весь свой годовой доходъ. Двадцать другихъ повинностей, служившихъ прежде для общественной пользы, теперь должны идти на прокормленіе частнаго лица» [1]).

Соприкосновеніе съ философскими идеями, которымъ дворяне рукоплескали въ парижскихъ салонахъ, заставило ихъ отказаться отъ своей грубости, но не отъ гордости. Они считали себя иной породы, иной крови, чѣмъ ихъ фермеры. Хотя единство было установлено, но многіе мѣстные владѣльцы оспаривали и ослабляли его.

Къ этому высокомѣрію, которое у епископовъ исходило отъ ихъ происхожденія, духовенство присоединяло гордость своимъ земельнымъ богатствомъ и многочисленными привилегіями. Какъ особый классъ, оно, въ силу своего духовнаго характера, имѣло даже притязаніе на первенство. Оно ревниво относилось къ дворянству, которое, въ свою очередь, завидовало ему.

25 милліоновъ обывателей, которые въ городахъ и деревняхъ составляли *третье сословіе*, считались подчиненнымъ классомъ. Хотя образованность и богатство его необычайно возрастали, въ особенности, въ городахъ, хотя буржуазія доставляла большое число судебныхъ и финансовыхъ чиновниковъ, она, тѣмъ не менѣе, оставалась презираемой тѣми, которые пользовались ея средствами или услугами. Прогрессъ нравовъ не приносилъ плодовъ простолюдинамъ, которыхъ высшіе классы могли эксплоатировать по своему произволу.

Повсюду, такимъ образомъ, сохранялись слѣды среднихъ вѣковъ — принципъ власти сюзерена надъ вассаломъ, дворянство, господствовавшее въ администраціи и правосудіи, феодальныя права, феодальная организація духовенства, продажный строй суда и войска. Давно уже чувствовалась полная безвыходность положенія, такъ какъ невозможно было ввести порядокъ въ хаосъ, не уничтоживъ его. Умственный прогрессъ къ концу XVIII в. привелъ къ тому, что стали понимать необходимость полнаго переустройства не только той или другой части общества, но всего общества.

Правда, революція началась съ финансоваго кризиса, принудившаго Людовика XVI созвать *Генеральные штаты* въ 1789 г.; но что-же породило этотъ финансовый кризисъ, какъ не политическій безпорядокъ? Возбужденіе усиливалось нищетою; зловѣщій крикъ: „хлѣба! хлѣба!“ раздавался не разъ въ теченіе XVIII в. прежде, чѣмъ повториться съ угрозою передъ воротами Версальскаго замка 5 и 6 октября 1789 г. Но отчего же произошла эта нищета, если не отъ гнета, еще тяго-

---

[1]) H. Taine, *Les origines de la société contemporaine*, T. I. *L'Ancien Régime.*

тѣвшаго надъ землею, разорявшаго земледѣліе, сковывавшаго промышленность и торговлю и не допускавшаго установленія правильной администраціи? Такимъ образомъ, различныя причины, *экономическія* и *политическія*, выражались въ одной,—*соціальной причинѣ*. Успѣхъ всѣхъ реформъ зависѣлъ отъ уничтоженія феодальнаго строя, который возбуждалъ враждебныя чувства, накоплявшіяся многими вѣками.

Буря, наконецъ, грохочетъ и разражается. Возставшій народъ въ Парижѣ разрушаетъ Бастилію, скорѣе,—какъ символъ, чѣмъ какъ орудіе диспотизма. При трескѣ ея паденія рушатся всѣ маленькія феодальныя бастиліи во Франціи и въ другихъ странахъ. На этихъ дымящихся развалинахъ, среди сталкивающихся армій, заливающихъ кровью Европу, нѣмецкій писатель Гёте высказалъ послѣ битвы при Вальми: „Съ этого дня и въ этомъ мѣстѣ начинается новая эпоха міровой исторіи“.

Современная эпоха.

ГЛАВА XIII.

Общій характеръ революціи, ея философскій и классическій характеръ.—Соціальная, экономическая и политическая цѣль революціи.—Общественная дѣятельность Учредительнаго собранія; принципы равенства; ночь 4-го августа.—Уничтоженіе феодализма Учредительнымъ собраніемъ.—Главныя статьи декларацiи правъ человѣка.—Гражданское равенство; равенство въ семьѣ.—Политическая дѣятельность; принципы 1789 г.— Административныя реформы; политическое единство; департаменты.—Раздѣленіе властей.—Судебное единство.—Избирательное начало; всеобщая подача голосовъ.—Финансовыя реформы.—Гражданскій строй духовенства.—Представительное правленіе; конституція 1791 г.—Экономическая дѣятельность; развитіе мелкой собственности; облегченіе земледѣлія.—Свобода промышленности и торговли.—Опытъ возстановленія кредита; ассигнаціи; Собраніе и система Лоу.—Результаты дѣятельности Учредительнаго собранія.—Законодательное собраніе; паденіе монархіи (10-го августа 1792 г.).—Республика; Конвентъ (1792—1795).—Несогласія и насилія Конвента.—Термидоровская реакція.—Конституція III года.—Работы и учрежденія Конвента.—Дѣятельность Конвента.—Директорія (1795—1799); государственные перевороты.—Общественный безпорядокъ.—Армія, законъ о конскрипціи.—Преобладающее значеніе арміи; государственный переворотъ 18-го и 19-го брюмера (9-го и 10-го ноября 1799 г.).

Французскій умъ, развившійся въ два послѣднія столѣтія, достигъ яркаго блеска, составлявшаго отличіе ума римскаго и греческаго. Въ свою очередь, онъ становился самымъ отчетливымъ выраженіемъ чело-

вѣческаго ума, неудержимо стремящагося къ порядку, единству, свободѣ и справедливости. Онъ проникся настоящей страстью къ логикѣ. Французы пожелали примѣнить философію къ общественной жизни, превратить въ факты истины, разъяснявшіяся и распространявшіяся мыслителями. Въ прежнія времена законодатели упорядочивали общество, и римскій народъ преобразовывалъ свой собственный строй; такія перемѣны были дѣломъ одного человѣка или дѣломъ вѣковъ. Революція, руками одного народа, обновила въ десять лѣтъ общество, имѣвшее за собою четырнадцать столѣтій. Никогда дѣло болѣе обдуманное не совершалось съ такою пылкостью, настойчивостью и методичностью; никогда самыя благородныя разсужденія не были окружены такими смутами и потоками крови; никогда страсти болѣе разнузданныя не вступали въ такую борьбу съ разумомъ, который унижали именно тѣ, кто считали себя олицетвореніемъ его.

Революція на столько исходила изъ *философіи* XVIII вѣка, что была даже съ точностью опредѣлена степень вліянія, оказаннаго тремя главными писателями на различные періоды этого великаго движенія. Вольтеръ, по преимуществу, отдавался вопросамъ терпимости, человѣчности и справедливости, Монтескьё—вопросамъ государственнаго устройства, Руссо—вопросамъ общественнымъ. Вольтеръ возбудилъ великодушныя чувства, которыми былъ отмѣченъ первый порывъ движенія; Монтескьё создалъ юристовъ, выдвинувшихся въ Учредительномъ собраніи, а наиболѣе популярныя теоріи Руссо возродились въ политикѣ и въ рѣчахъ Конвента.

Эти рѣчи, такъ же, какъ и рѣчи Учредительнаго собранія, оказывали еще другое вліяніе, вліяніе *классическаго духа*. Изученіе латинскихъ и греческихъ авторовъ пробудило идеи свободы, столь дорогія древнему міру. Воспоминанія республиканскаго Рима вставали за воспоминаніями императорскаго Рима, для которыхъ, въ свое время, должна была настать минута торжества. Рѣчи, памфлеты, декреты и проч. должны были наполниться воспоминаніями римской и греческой исторіи, и новому міру предстояло возстановить даже древніе празднества и костюмы. Это—одна изъ живописныхъ сторонъ революціи, на которой мы останавливаемся лишь для того, чтобы отмѣтить лишній разъ тождество человѣческаго ума. Связывая звенья въ цѣпи временъ, мы видимъ, что онъ всегда одинъ и тотъ же; нѣкогда воплощавшійся въ грекахъ и римлянахъ, онъ, послѣ долгаго промежутка мрака, проявилъ себя вновь въ утонченномъ умѣ французовъ.

Опредѣляя причины революціи, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, выяснили и ея цѣль. Если прежнее общество страдало отъ народной бѣдности, то

это происходило отъ недостатковъ политическаго устройства, исходившаго отъ общественнаго строя. Надо было преобразовать общество, чтобы возстановить государство и удовлетворить общіе интересы. Экономическій прогрессъ могъ быть только слѣдствіемъ общественнаго улучшенія. Затѣмъ, надо было закрѣпить политическій прогрессъ, чтобы упрочить всѣ остальные. Это было дѣломъ революціи, которая въ своемъ движеніи слѣдовала этому логическому и естественному порядку.

5-го мая 1789 г., когда Генеральные Штаты собрались въ залѣ *Меню* въ Версалѣ, можно было подумать, что, за исключеніемъ нѣкотораго различія въ костюмахъ, они повторяютъ собою собранія прежней монархіи: были возобновлены даже устарѣлый церемоніалъ и всѣ старинные обычаи этого рода собраній. Три сословія отличались одно отъ другого занимаемымъ ими положеніемъ и костюмомъ. Правда, это были тѣ же три класса, но духъ ихъ былъ уже не тотъ: депутаты *третьяго* сословія превосходили вдвойнѣ своимъ числомъ представителей другихъ сословій и не были уже такъ робки, какъ въ 1614 году. Сознавая свою силу, они съ первыхъ же дней подняли основной вопросъ, потребовавъ *поголовнаго голосованія*. Безсиліе Генеральныхъ Штатовъ происходило отъ раздѣленія сословій, позволявшаго противополагать народнымъ требованіямъ голоса двухъ привилегированныхъ классовъ. Депутаты третьяго сословія поняли опасность и отвратили ее. Достопамятная присяга въ залѣ *Игры въ мячъ* 20-го іюня, сопротивленіе королевскимъ повелѣніямъ 23-го іюня и краснорѣчивый протестъ *Мирабо*—навели страхъ на короля и на привилегированныхъ лицъ, которыя 28-го сдѣлали уступку, признавъ существованіе единаго *Собранія*. Въ засѣданіи находились тѣ же 1.200 депутатовъ, которые сходились тамъ въ предшествующемъ мѣсяцѣ, но это уже были не Генеральные Штаты: это было *Національное Собраніе*, въ которомъ, въ величественномъ единствѣ, сливались представители дворянства, духовенства и народа, соединяя воедино живыя силы страны, перемѣшивая и, вслѣдствіе того, уничтожая классы, укрѣпляя начала равенства. Названіе *Учредительнаго собранія* закрѣпило верховную власть народа, ввѣренную его избраннымъ представителямъ.

Учредительное собраніе положило конецъ феодализму. Въ его декретахъ 4-го, 6-го, 7-го, 8-го и 11-го августа, напечатанныхъ 21-го сентября и обнародованныхъ 3-го ноября 1789 г., мы находимъ слѣдующія статьи:

Ст. 1. Національное собраніе окончательно уничтожаетъ феодальный строй и постановляетъ, что права и обязанности, касающіяся

наслѣдованія послѣ умершаго вассала и личнаго подчиненія, *уничтожаются безъ всякаго вознагражденія*, а всѣ прочія подлежатъ *выкупу*, цѣна и способъ котораго будутъ утверждены Національнымъ собраніемъ.

Ст. 2. Исключительное право голубятень уничтожается; голуби должны быть заключаемы тамъ въ извѣстное время, назначаемое общинами; въ это время они должны считаться дичью, которую каждый имѣетъ право убивать на своей землѣ.

Ст. 3. Исключительное право охоты и рыбной ловли въ открытыхъ мѣстахъ также уничтожаются.

Ст. 4. Всѣ суды сеньёровъ уничтожаются безъ всякаго вознагражденія.

Ст. 5. Поборы съ произведеній всякаго рода и замѣняющія ихъ повинности, какое бы наименованіе они ни имѣли и какимъ бы корпораціямъ они ни принадлежали, совершенно уничтожаются.

Ст. 6. Всѣ постоянныя земельныя ренты, какъ натуральныя, такъ и денежныя, подлежатъ выкупу; тому же подлежатъ и поборы съ земельныхъ продуктовъ всякаго рода по цѣнѣ, которая будетъ установлена Собраніемъ.

На будущее время воспрещаются всякаго рода повинности, не подлежащія выкупу.

Ст. 7. Продажность судебныхъ и муниципальныхъ должностей отнынѣ прекращается. Правосудіе будетъ отправляться безплатно.

Ст. 9. Денежныя привилегіи, личныя или вещныя, навсегда уничтожаются. Взиманіе будетъ совершаться со всѣхъ гражданъ и со всѣхъ имуществъ одинаковымъ образомъ и въ одинаковой формѣ.

Ст. 10. Народное правленіе и общественная свобода должны принести провинціямъ болѣе выгодъ, чѣмъ привилегіи, которыми пользовались нѣкоторыя изъ нихъ и которыя должны быть принесены въ жертву для объединенія всѣхъ частей государства; поэтому объявляется, что всѣ частныя привилегіи провинцій, княжествъ, странъ, кантоновъ, городовъ и общинъ, какъ денежные, такъ и всякаго другого рода, безвозвратно уничтожаются и сливаются съ правами, общими для всѣхъ французовъ.

Приводимъ еще главныя статьи *„Декларації правъ человѣка“*.

Ст. 1. Люди родятся свободными и равными въ своихъ правахъ. Общественныя различія могутъ быть основаны только на пользѣ, приносимой обществу.

Ст. 2. Цѣль всякой политической ассоціаціи есть сохраненіе естественныхъ и ненарушимыхъ правъ человѣка. Эти права заключаются

въ свободѣ, собственности, неприкосновенности и сопротивленіи насилію.

Ст. 3. Начало всякой верховной власти существенно заключается въ народѣ.

Ст. 4. Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все, что не приноситъ вреда другому.

Ст. 5. Законъ имѣетъ право воспрещать лишь дѣйствія, вредныя обществу. Нельзя препятствовать тому, что не запрещено закономъ,

Ст. 6. Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право участвовать лично или чрезъ своихъ представителей въ созданіи закона. Покровительствующій или карающій, онъ долженъ быть одинаковымъ для всѣхъ. Всѣ граждане равны въ его глазахъ, поэтому одинаково могутъ имѣть доступъ ко всякимъ положеніямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ, сообразно своимъ способностямъ.

Ст. 7. Никто не можетъ быть обвиненъ, задержанъ и заключенъ, за исключеніемъ случаевъ, опредѣленныхъ закономъ, не иначе, какъ по формамъ, предписаннымъ имъ.

Ст. 8. Законъ можетъ устанавливать наказанія лишь строго и очевидно необходимыя, и наказаніе можетъ состояться лишь въ силу закона, постановленнаго и обнародованнаго до совершенія преступленія и одинаково прилагаемаго ко всѣмъ.

Ст. 10. Никто не долженъ подвергаться какой-либо отвѣтственности за свои мнѣнія, даже религіозныя, если только выраженіе ихъ не нарушаетъ общественнаго порядка, установленнаго закономъ.

Ст. 11. Свободное выраженіе мыслей и мнѣній есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка; поэтому, всякій гражданинъ можетъ говорить, писать и печатать свободно, отвѣчая только за злоупотребленіе этой свободой въ случаяхъ, установленныхъ закономъ.

Ст. 13. Для поддержанія общественнаго порядка и для расходовъ администраціи необходимы извѣстные сборы со всего общества; они должны быть распредѣлены одинаково между всѣми гражданамп, по мѣрѣ ихъ возможности.

Ст. 14. Всѣ граждане имѣютъ право указывать сами или черезъ своихъ представителей необходимость общественнаго сбора, давать на него свободное согласіе, слѣдить за его употребленіемъ и опредѣлять его количество, взиманіе и продолжительность.

Ст. 15. Общество имѣетъ право требовать отчета отъ всякаго публичнаго дѣятеля своей администраціи.

Ст. 17. Собственность составляетъ ненарушимое священное право, которое ни у кого не можетъ быть отнято, за исключеніемъ случая,

когда общественная необходимость, подтверждаемая законнымъ образомъ, не потребуетъ того съ очевидностью и подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія и проч.

Послѣ того, какъ феодализмъ и абсолютизмъ были побѣждены твердостью депутатовъ третьяго сословія, и затѣмъ—силою народа, передъ которой пала Бастилія (14 іюля), Собраніе рѣшительно взялось за дѣло. Въ засѣданіи, которое навсегда останется достопамятнымъ, въ ночь на 4-е августа, въ нѣсколько часовъ оно постановило разрушеніе феодальнаго строя, по иниціативѣ и при бѣшеныхъ рукоплесканіяхъ самихъ привилегированныхъ лицъ, увлеченныхъ этимъ великимъ потокомъ разумности и энтузіазма. Разсказываютъ, что пророкъ Магометъ, одержавъ побѣду въ Меккѣ, вмѣстѣ со своими учениками и новообращенными, обошелъ вокругъ Каабы, и при этомъ сотни окружавшихъ ее идоловъ были разбиты въ дребезги толпою ихъ бывшихъ поклонниковъ. Точно такъ же въ ночь на 4-е августа, права и злоупотребленія дворянъ и духовенства, вольности провинцій и городовъ были уничтожены въ великодушномъ упоеніи тѣми самыми лицами, которыя пользовались ими. Мы какъ-будто находимся здѣсь при пробужденіи человѣческаго разума, торжествующаго надъ эгоизмомъ и личными выгодами.

Эти восторженныя рѣшенія впослѣдствіи были превращены въ *декреты*, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ теченіе августа, и въ *принципы*, выраженные въ *Декларації правъ человѣка*, юридическомъ итогѣ теорій, высказывавшихся и обсуждавшихся философами XVIII вѣка. Этой Декларації предстояло сдѣлаться обязательнымъ вступленіемъ всѣхъ конституцій, даже тѣхъ, которыя наименѣе сообразовались съ ней, чѣмъ-то въ родѣ общаго кодекса человѣчества. Это—подтвержденіе всѣхъ обязанностей гражданина и гарантія всѣхъ его правъ, которая одинаково можетъ быть противопоставлена тиранніи одного человѣка и тиранніи толпы.

Общество было перестроено теперь на его естественномъ основаніи. Передъ закономъ уже не существовало ни различія рожденія, ни различія религіи, а было только гражданское равенство. Бракъ, бывшій до тѣхъ поръ исключительно религіознымъ актомъ, сдѣлался также гражданскимъ актомъ, предшествовавшимъ религіозному обряду; онъ становился договоромъ, находящимся подъ гарантіей общества помимо гарантіи совѣсти. Были учреждены общественныя должности для веденія списковъ о рожденіяхъ, смертяхъ и бракахъ, прежде существовавшія только въ приходахъ; въ эти списки заносились всѣ акты, относившіеся къ личному состоянію, безъ всякаго упоминанія о титулахъ или вѣро-

исповѣданіи. Точно такъ же въ Римѣ революція уравняла права плебеевъ съ правами патриціевъ. Это былъ одинъ изъ принциповъ, который раньше другихъ вошелъ въ нравы.

Равенство проникло и въ семью, въ которой исчезло право старшинства и которая вернулась къ *равному раздѣлу имущества между дѣтьми*, нѣкогда преобладавшему у германцевъ. Напоминая о традиціяхъ, изъ которыхъ исходитъ современное общество, не будемъ забывать, что ни одно начало не согласуется въ такой мѣрѣ, какъ начало равенства съ евангельскими истинами, отвергнутыми феодальной системой.

Равенство было первымъ изъ принциповъ, выдѣлявшихся изъ Декларація правъ чоловѣка и получившихъ названіе *принциповъ 1789 г.* Другіе относились къ организаціи общества, основанной на *свободѣ*:

Верховная власть народа;

Народное происхожденіе закона;

Отвѣтственность представителей исполнительной власти;

Свобода мнѣній, вѣроисповѣданій и печати;

Ненарушимость собственности.

Эти принципы, если не въ своей сущности, то въ своихъ примѣненіяхъ, подверглись многимъ возраженіямъ и вызвали продолжительные споры въ Учредительномъ собраніи; впослѣдствіи они испытали многія превращенія, и главнымъ дѣломъ поколѣній, слѣдовавшихъ другъ за другомъ послѣ этой эпохи, было исканіе равновѣсія между властью и свободой.

Заслугой Учредительнаго собранія было прочное установленіе рамокъ, въ которыхъ должна была двигаться народная жизнь. Оно установило *административное единство* и замѣстило прежній хаосъ территоріальными округами, которые удержались при всѣхъ политическихъ измѣненіяхъ. Уже въ январѣ 1790 г. Собраніе, уничтоживъ старинныя провинціи, большинствомъ голосовъ раздѣлило Францію на *восемьдесятъ три департамента*. Оно не справлялось при этомъ ни съ географіей, ни съ исторіей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже шло имъ наперекоръ; своеобразными нарѣзками оно старалось, по возможности, уравнять населеніе каждаго департамента, относя къ одному и тому же управленію города, нѣкогда враждовавшіе между собой, отрывая другъ отъ друга города, долго бывшіе въ тѣсной связи, и перемѣшивая расы, насколько было возможно, чтобы выше всякаго соперничества стояла преданность всей странѣ и чтобы привязанности къ своей мѣстности слились въ одинъ общій патріотизмъ. Пожалуй, въ этой великодушной цѣли оно зашло слишкомъ далеко; того же результата можно было бы

достигнуть, щадя болѣе географическія требованія и историческія преданія, которыя помѣшали бы излишнему приливу жизни къ центру и удаленію ея отъ окраинъ. Впрочемъ, имена самыхъ важныхъ французскихъ провинцій пережили это дѣленіе, какъ пережили ихъ нравы и обычаи; природа всегда беретъ свои права.

Департаментъ на основаніи тѣхъ же принциповъ былъ раздѣленъ на *округи*, округи—на *кантоны*, кантоны—на *общины*; департаменты, округи и общины одни только признавались административными единицами и одни только имѣли директоріи и совѣты [1]).

Администрація *округа* состояла изъ 12 членовъ, изъ которыхъ 4 составляли директорію округа. Ежегодное собраніе продолжалось въ теченіе 15 дней. Въ составъ этихъ администрацій входили главный прокуроръ-синдикъ департамента и прокуроръ-синдикъ округа, избиравшіеся черезъ каждые 4 года.

Директоріи департамента и округа имѣли *исполнительную* власть, которая теперь была отдѣлена отъ власти *совѣщательной*. Такимъ образомъ, послѣ многихъ вѣковъ пришли опять къ раздѣленію властей, которое обозначилось еще въ концѣ Римской имперіи: было установлено отличіе обсужденія отъ дѣйствія. Далѣе должно было воспослѣдовать отдѣленіе *административной* власти отъ *судебной* и установленіе границъ ихъ проявленія, раньше никогда не существовавшихъ во Франціи, гдѣ администрація и юстиція до тѣхъ поръ сливались между собою, гдѣ интенданты вмѣшивались въ отправленіе правосудія, а судьи — въ дѣла администраціи: въ этомъ старомъ обществѣ, управлявшемся безчисленными обычаями, все превращалось въ судебные процессы.

Парламенты, суды округовъ, суды сеньёровъ и привилегированныхъ лицъ были уничтожены безъ всякаго затрудненія. Старинный парижскій парламентъ, нѣкогда устрашавшій самихъ королей, исчезъ въ 1790 году, понимая, что ему нельзя пережить общества, котораго онъ былъ руководителемъ и отраженіемъ.

Для возсозданія судебной области Собраніе установило тѣ же рамки, какъ и для области административной. Основою первой, какъ и послѣдней, былъ *кантонъ; мировой судья* обязанъ былъ примирить, если это возможно, обѣ стороны, а въ противномъ случаѣ, разобрать ихъ тяжбу, по крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ незначительныхъ. Это было не-

---

[1]) *Департаментская администрація*, состоявшая изъ 36 членовъ, половина которыхъ обновлялась каждые два года, должна была дѣлиться на *совѣтъ* и *директорію* департамента. Засѣданія совѣта продолжались ежегодно въ теченіе одного мѣсяца; директорія, состоявшая изъ 8 членовъ, дѣйствовала постоянно.

оцѣнимымъ и прочнымъ благодѣяніемъ, такъ какъ подобные судьи, близко стоявшіе къ тяжущимся, стремились скорѣе уменьшать, чѣмъ увеличивать число судебныхъ дѣлъ [1]).

Въ каждомъ округѣ былъ *гражданскій судъ*, и въ каждомъ департаментѣ—*уголовный судъ*. Собраніе удачно возстановило старинныя германскія начала, обезпечивъ шансы обвиненныхъ учрежденіемъ *присяжныхъ*, которые должны были высказываться по вопросу о фактѣ преступленія: это было древнее судилище *пэровъ*, равныхъ.

Занимаясь болѣе утвержденіемъ свободы, чѣмъ власти, Учредительное Собраніе положило въ основу всѣхъ этихъ учрежденій *выборное начало*. Должностныя лица и члены совѣтовъ общины, округа и департамента были выборными такъ же, какъ и мировые судьи и судьи гражданскаго и уголовнаго суда. При старомъ правительствѣ выборы производились лишь въ исключительныхъ случаяхъ, для собранія Генеральныхъ Штатовъ. Это было начало, выработанное греческой и римской жизнью, но теперь оно было примѣнено разомъ не къ нѣсколькимъ тысячамъ гражданъ, заключенныхъ въ стѣнахъ одного города, а къ обширной странѣ съ 25 милліонами обитателей. Депутаты Учредительнаго Собранія, проникнутые воспоминаніями объ избраніяхъ консуловъ, трибуновъ и преторовъ Римской республики, примѣнили избирательное начало ко всѣмъ общественнымъ должностямъ. Они не приняли во вниманіе, что во времена римской свободы эти выборы производились аристократическими собраніями, а перейдя въ руки собраній демократическихъ, они быстро привели къ подчиненію власти цезаря, которая долго скрывалась подъ видомъ избирательной системы.

Впрочемъ, Учредительное Собраніе, надѣливъ всѣхъ французовъ правомъ голосованія, прибавило къ нему нѣсколько ограниченій, имѣвшихъ цѣлью возвысить званіе гражданина: оно установило условія *возраста*, *мѣстожительства* и *собственности;* оно придумало раздѣленіе гражданъ на дѣйствующихъ и недѣйствующихъ, что̀ подавало поводъ къ шуткамъ; оно установило градацію выборовъ, заставляя *низшія собранія*, состоявшія изъ дѣйствующихъ гражданъ, назначать изъ своей среды *избирателей,* обладавшихъ болѣе значительнымъ имуществомъ [2]). Эти избиратели назначали должностныхъ лицъ общины, за-

---

[1]) На милліонъ тяжбъ, мировые судьи обыкновенно оканчиваютъ миромъ 700.000 изъ нихъ, т.-е. около двухъ третей.

[2]) Низшія собранія прямо назначали должностныхъ лицъ, администраторовъ, судей и депутатовъ. Условія, требовавшіяся для того, чтобы имѣть право избирательства, на самомъ дѣлѣ, были такъ скромны, что система, установленная Учредительнымъ Собраніемъ и примѣненная въ странѣ, населеніе которой было еще неопытнымъ и

тѣмъ—избирателей (по одному на сто), обязанныхъ выбирать правящихъ лицъ округа и департамента, судей и, наконецъ, депутатовъ.

Низшія собранія состояли изъ всѣхъ дѣйствующихъ гражданъ. Чтобы быть дѣйствующимъ гражданиномъ, надо было быть французомъ, имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, жить въ кантонѣ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе всего предшествующаго года, уплачивать прямой налогъ стоимостью въ три рабочіе дня и не находиться въ услуженіи. Чтобы быть избраннымъ, въ качествѣ избирателя, прежде всего надо было быть дѣйствующимъ гражданиномъ; конституція 1791 г., кромѣ того, требовала для наиболѣе значительныхъ городовъ условія *ценза*, т.-е. обладанія или пользованія имуществомъ, цѣнность котораго исчислялась доходомъ отъ 200 рабочихъ дней, или арендой, равнявшейся своей доходностью 150 рабочимъ днямъ; въ маленькихъ городахъ цензъ былъ меньше: доходъ имущества былъ пониженъ до 150 рабочихъ дней, а прибыль отъ аренды—до 100 дней. Въ деревняхъ надо было быть собственникомъ или временнымъ владѣльцемъ имущества, доходность котораго приравнивалась къ 150 рабочимъ днямъ, или быть арендаторомъ имущества, стоимостью въ 400 рабочихъ дней.

Учредительному Собранію предстояло еще ликвидировать прошлое, удовлетворить настоящее и обезпечить будущее съ точки зрѣнія финансовой. Оно ликвидировало прошлое, принявъ предложеніе Неккера, поддержанное краснорѣчіемъ Мирабо, относительно налога четверти дохода съ каждаго гражданина. Оно увеличило имущество государства, присоединивъ къ нему церковныя имущества, которыя „возвращались въ распоряженіе націи“. Нуждамъ настоящаго оно удовлетворило созданіемъ ассигнацій, значеніе которыхъ будетъ оцѣнено нами далѣе, такъ какъ теперь насъ занимаютъ лишь прочныя реформы и принципы.

Учредительное собраніе ввело великое начало равенства гражданъ передъ налогомъ. Оно совершенно уничтожило всѣ своеобразные, неопредѣленные и обременительные налоги прежняго правительства; за это, конечно, оно заслуживаетъ величайшихъ похвалъ. Оно сохранило, впрочемъ, нѣкоторыя фискальныя воспоминанія среднихъ вѣковъ, казавшіяся ему слишкомъ выгодными, чтобы отказаться отъ нихъ, и оправдывавшіяся гарантіями подлинности, какія они давали актамъ и договорамъ: это были права внесенія въ списки, штемпельное и гипотечное. За нимъ остается заслуга яснаго раздѣленія налоговъ на налоги съ недвижимаго и съ движимаго имущества. Нечего и говорить, что оно отказа-

---

невѣжественнымъ, была болѣе либеральна, чѣмъ системы, примѣнявшіяся въ послѣдующія эпохи.

лось отъ косвенныхъ налоговъ, служившихъ столь удобной статьей правительственныхъ доходовъ. Оно заслуживаетъ упрека лишь за то, что не сумѣло обезпечить взиманія прямыхъ налоговъ, и за то, что, вопреки своимъ собственнымъ началамъ раздѣленія властей, предоставило департаментскимъ администраціямъ, исключительно политическимъ, заботу составленія *списковъ* и способовъ взиманія. Для величественной машины, созданной Собраніемъ, не доставало финансоваго механизма, весьма важнаго, такъ какъ онъ облегчаетъ дѣйствіе всѣхъ другихъ механизмовъ.

Собраніе сдѣлало еще болѣе важное отступленіе отъ своихъ началъ раздѣленія властей, соединивъ церковь съ государствомъ. Оно предполагало приравнять церковную іерархію къ служебной, подчинивъ ее избранію гражданъ, выбиравшихъ для себя священника, такъ же, какъ и судью. Церковь отвергала это начало съ тѣмъ бо̀льшею силою, что возвращеніе къ избраніямъ первыхъ временъ казалось ей особенно не желательнымъ, съ тѣхъ поръ, какъ это избирательное начало примѣнялось у кальвинистовъ. Церковь, послѣ Тридентскаго собора, напротивъ, сузила свою іерархію, болѣе сблизивъ ее съ папою, а *гражданская конституція*, какую навязывали французскому духовенству, разрывала эту связь, разрушала единство: это порождало настоящій расколъ, усложнившій затрудненія и присоединившій религіозную войну къ гражданской.

Обновивъ администрацію, Собраніе стремилось придти къ соглашенію относительно вопроса болѣе спорнаго, вопроса о центральномъ правительствѣ. Мы не можемъ упрекнуть его въ томъ, что оно не нашло опредѣленнаго рѣшенія его, такъ какъ съ тѣхъ поръ предлагались или испытывались, по крайней мѣрѣ, десять рѣшеній его.

Заслугою Собранія остается провозглашеніе раздѣленія властей *законодательной* и *исполнительной*, чѣмъ опредѣлялись права *короля* и права *Собранія*, которое должно было править вмѣстѣ съ нимъ. Оно примѣнило начало верховной власти народа и ниспровергло основу, на какую опирались другія правительства. Но въ конституціи 1791 г. ясность идей—только кажущаяся. Собраніе устанавливало монархію въ видѣ республики. Оно желало имѣть короля и отвергало его, предоставляя Людовику XVI только пустыя почести и призрачное право veto, перемѣшивая теоріи Руссо съ теоріями Монтескьё и называя свое созданіе представительнымъ правленіемъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, оно было правленіемъ народнымъ [1]).

[1]) Правленіе, безъ сомнѣнія, было *представительнымъ*, въ буквальномъ смыслѣ слова, потому что нація была представлена Законодательнымъ Собраніемъ и коро-

Соціальныя и политическія реформы тотчасъ же вызвали важныя экономическія измѣненія. Уничтоженіе права старшинства должно было уменьшить сосредоточеніе земельной собственности въ рукахъ знатныхъ семействъ, а уничтоженіе права на выморочныя имущества увеличило раздѣленіе земель и облегчило переходъ ихъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Нѣкоторые экономисты сожалѣютъ объ этомъ раздробленіи обширныхъ земельныхъ имуществъ прежняго времени, такъ какъ оно, по ихъ мнѣнію, препятствуетъ обширнымъ хозяйствамъ и промышленнымъ предпріятіямъ. Имъ можно возразить, что обширныя земельныя имущества возсоздаются сами собою, благодаря случайностямъ наслѣдствъ. Прошелъ вѣкъ, и мы опять видимъ передъ собою обширныя хозяйства. Съ другой стороны, мелкая собственность требуетъ болѣе усилія отъ того, кто ее обрабатываетъ; послѣдній старается, чтобы клочекъ его земли произвелъ все, что онъ можетъ произвести, разнообразитъ сѣвообороты и увеличиваетъ плодородіе почвы удобреніями. Вслѣдствіе того, урожай удвоился; малѣйшіе клочки земли, доступные обработкѣ, теперь обрабатываются, и продажная цѣнность земли утроилась. Кромѣ того, единство управленія, необходимое для большихъ промышленныхъ учрежденій, поддерживалось, благодаря законамъ ассоціаціи.

Процвѣтанію земледѣлія способствовало всего болѣе облегченіе, какое доставлено было ему уничтоженіемъ безчисленныхъ повинностей, обременявшихъ его. Земля оказалась свободной, и съ того времени крестьянинъ охотнѣе обрабатывалъ ее, имѣя увѣренность, что онъ трудится только для себя и для своей семьи.

Промышленный трудъ также получилъ свободу. Привилегіи ремесленниковъ исчезли вмѣстѣ съ привилегіями дворянъ. 16 февраля 1791 г. Собраніе уничтожило *корпораціи искусствъ и ремеслъ, цеховыхъ присяжныхъ и мастеровъ*. Тотчасъ же появилась конкуренція, вызывавшая жалобы прежнихъ фабрикантовъ и купцовъ, которые не могли допустить, чтобы всѣ имѣли такое же право производить и продавать товары, какъ и они. Впрочемъ, для поддержанія правъ изобрѣтателей, законы 7 января и 25 мая 1791 г. установили патенты на привилегіи. Кромѣ того, для всей промышленности установленъ былъ существующій до сихъ поръ налогъ на торговыя свидѣтельства.

Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и дорожныхъ пошлинъ были крайне выгодны для торговли. Идеи Гурнэ и Тюрго о свободѣ произ-

---

лемъ. Но мы, обыкновенно, примѣняемъ это слово къ правленію, въ которомъ національное представительство—только кажущееся.

водства и торговли были примѣнены теперь, по крайней мѣрѣ, внутри государства. Свобода внѣшней торговли до сихъ поръ еще вызываетъ столько противорѣчій, что вопросъ о ней нельзя считать рѣшеннымъ.

Прошло семьдесять лѣтъ послѣ того, какъ Лоу пытался ввести свою систему кредита. Переживая финансовый кризисъ, бывшій неизбѣжнымъ послѣдствіемъ столькихъ перемѣнъ и смутъ, депутаты Собранія сочли полезнымъ вернуться къ этой системѣ.

Продать немедленно все огромное количество *національныхъ имуществъ* было невозможно. Поэтому рѣшено было уступить ихъ общинамъ, которыя понемногу произвели бы ихъ продажу, и выдать кредиторамъ государства векселя, которые общины погасили бы означенной продажей. Такъ произошли *ассигнаціи*, имѣвшія впослѣдствіи принудительный курсъ. Основная идея ассигнацій была столь же вѣрною, какъ и идея банковыхъ билетовъ Лоу, такъ какъ ассигнаціи обезпечивались дѣйствительной цѣнностью земель. Но кредитъ поддерживается только довѣріемъ. По мѣрѣ того, какъ смуты увеличивались, и успѣхъ революціи казался сомнительнымъ, ассигнаціи теряли свою цѣнность. Когда онѣ стали падать, правительство, чтобы замѣстить цѣнность количествомъ, усилило ихъ выпускъ, и изобиліе ихъ содѣйствовало еще болѣе ихъ обезцѣненію. Курсъ ассигнацій поддерживался насильственно во время всей революціи, а требовалось все большее и большее количество ихъ, чтобы представить извѣстную цѣнность.

Эта система Учредительнаго Собранія, такъ же какъ и система Лоу, привела къ общему раззоренію; но, при всѣхъ своихъ гибельныхъ послѣдствіяхъ, она помогла пережить опасную эпоху. Бумага замѣнила монету. Условія кредита стали пониматься яснѣе. Время исправило ошибки и возстановило потери, а кредитъ остался и, въ настоящее время, служитъ самымъ могущественнымъ рычагомъ промышленности и торговли.

Чтобы оцѣнить безпристрастно все сдѣланное Учредительнымъ Собраніемъ, надо принять во вниманіе трудныя обстоятельства, въ которыхъ ему приходилось наскоро передѣлывать все общественное управленіе. Собраніе, которое своею смѣсью дворянъ, духовныхъ лицъ, горожанъ, ремесленниковъ и даже крестьянъ, воспроизводило, по крайней мѣрѣ, въ началѣ (впослѣдствіи въ немъ оказались значительные пробѣлы), самый точный образъ тогдашней Франціи, предприняло съ величайшей смѣлостью и довело до конца задачу, какая никогда еще, ни прежде, ни послѣ того, не лежала ни на одномъ подобномъ собраніи. Оно разомъ упразднило общество, имѣвшее за собою пятнадцать вѣковъ существованія, и въ два года создало другое, совершенно новое,

на твердыхъ основахъ неотъемлемыхъ правъ человѣка, опредѣляемыхъ разумомъ.

Провозглашая и примѣняя верховную власть народа, оно пришло къ идеѣ раздѣленія властей, хотя и не всегда осуществляло ее на дѣлѣ. Оно поставило высоко избирательное начало, даже злоупотребляя имъ. Произволъ оно замѣнило закономъ. Оно возстановило справедливость въ общественной организаціи и въ пользованіи правосудіемъ и стремилось привести въ порядокъ финансы, что̀ не удалось ему не по его винѣ. Изъ трехъ націй, соперничавшихъ между собою на одной территоріи, оно образовало одну; изъ тридцати шести враждовавшихъ между собою провинцій оно, единствомъ администраціи и суда, составило одну страну, а справедливымъ распредѣленіемъ правъ и обязанностей и общностью интересовъ образовало общее для всѣхъ отечество. Пользуясь свободой въ производствѣ полевыхъ и ремесленныхъ работъ и въ торговыхъ дѣлахъ, граждане могли пользоваться и свободою совѣсти и мнѣній. Когда они нарушали законы, охранявшіе порядокъ въ обществѣ, это послѣднее признавало ихъ виновными лишь въ томъ случаѣ, когда вина ихъ была признана другими гражданами, составлявшими судъ присяжныхъ. Если они заслуживали почета и вознагражденія, самое скромное происхожденіе не могло препятствовать тому. Всѣ привилегіи были уничтожены, всѣ помѣхи разрушены; былъ сдѣланъ крупный шагъ къ ослабленію бѣдствій человѣчества.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, свойственныхъ всѣмъ человѣческимъ дѣламъ, все сдѣланное Національнымъ Собраніемъ опиралось на римскія и германскія начала свободы и равенства, устраняя всѣ притѣсненія среднихъ вѣковъ. Учредительное Собраніе обязано было своимъ успѣхомъ преобразованію общества. Послѣдующія правительства могли расширять или суживать свободу, но они должны были поддерживать равенство,—краеугольный камень современнаго общества, который былъ положенъ, наконецъ, на принадлежавшее ему мѣсто.

Ради безкорыстнаго чувства, которое впослѣдствіи навлекло на него жестокіе упреки, Учредительное Собраніе не допустило своихъ членовъ въ *Собраніе Законодательное*, предназначенное управлять вмѣстѣ съ Людовикомъ XVI. Задача примѣненія конституціи 1791 г. была возложена на поколѣніе молодыхъ и пылкихъ депутатовъ, мало заботившихся о конституціи, которую не они создали и которую они приняли за исходную, а не за конечную точку. Впрочемъ, депутаты, уступая, въ свою очередь, духу послѣдовательности, пожелали извлечь изъ принциповъ конституціи 1791 г. всевозможныя послѣдствія. Монархія была призрачной; Людовикъ XVI, послѣ попытки бѣгства, воз-

вращенный изъ Варенна, утратилъ всякое обаяніе и былъ въ матеріальномъ смыслѣ плѣнникомъ въ Тюильри, будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, нравственно подчиненнымъ Собранію, засѣдавшему въ залѣ Манежа. *Жирондисты* пріобрѣли вліяніе на него, наполнивъ министерства своими друзьями, такъ какъ депутаты не могли быть министрами. Они вовлекли его въ войну съ Австріей и эмиграціей, чтобы связать его съ революціей. Увидѣвъ въ немъ сопротивленіе своимъ совѣтамъ, они покинули его, и не пытались уже болѣе задержать движеніе, которое должно было привести къ паденію монархіи. 10 августа 1792 г. королевская власть Капетинговъ рухнула.

Это было послѣднимъ словомъ политической революціи. Королевская власть, нѣкогда принимавшая на себя починъ во всѣхъ преобразованіяхъ, въ концѣ концовъ соединилась съ привилегированными сословіями, которыя привели ее къ гибели. Она совершила столько ошибокъ, что, наконецъ, должна была пасть жертвою народнаго неудовольствія, хотя представитель ея напоминалъ своею личною добротою Людовика XII. Личныхъ добродѣтелей оказалось недостаточно для задержанія потока, долго сдерживаемая сила котораго унесла, какъ остатки разбитаго корабля, самую старую изъ монархій и самую древнюю изъ династій Европы.

Національный Конвентъ, собравшійся при громѣ пушекъ, привѣтствовавшихъ побѣду при Вальми (21 сент. 1792 г.), провозгласилъ *Республику.* Названіе этого собранія напоминало верховныя собранія, образовавшіяся въ англійскихъ колоніяхъ Америки послѣ войны за независимость. И это собраніе имѣло верховную и неограниченную власть. Оно сосредоточило въ рукахъ депутатовъ обѣ власти, законодательную и исполнительную, издавало законы и примѣняло ихъ, раздѣлившись на отдѣльные комитеты для цѣлей администраціи, постановляло свои рѣшенія голосованіемъ въ общемъ собраніи и, впослѣдствіи, разсылало депутатовъ по всей странѣ, чтобы требовать повиновенія своимъ декретамъ, простирая повсюду свою руку и вездѣ внушая къ себѣ страхъ. Это было правленіемъ народа, посредствомъ его уполномоченныхъ безъ всякаго противовѣса и сдерживающаго начала. Въ три года положеніе вещей радикально измѣнилось. Уже не король, а Собраніе царствовало, издавало законы, управляло, получало доходы и тратило ихъ, заключало трактаты и объявляло войну. Оно сосредоточивало и воплощало въ себѣ націю, и словамъ Людовика XIV „Государство—это я“ могло противупоставить другія слова: „Государство—это мы“.

Эта крайняя власть, опасности которой сперва не замѣчались, въ

виду національной опасности, привела къ послѣдствіямъ, весьма важнымъ для свободы и самого общества. Идеи и страсти, борящіяся между собою въ душѣ монарха, воплощались въ Собраніи, въ людяхъ, сгруппированныхъ въ партіи, которые, не имѣя никого, кто могъ бы разсудить ихъ при столкновеніяхъ между собою, должны были стремиться къ уничтоженію другъ друга.

Монтаньяры, болѣе смѣлые, чѣмъ *Жирондисты*, вовлекли ихъ въ политику насилія, заставивъ ихъ подать голосъ за смертную казнь Людовика XVI, и затѣмъ отдѣлались отъ нихъ возмущеніемъ и изгнаніемъ (31 мая—2 іюня 1793 г.). Далѣе они управляли посредствомъ *Террора*, не умѣя даже сплотиться между собою, раздѣлившись на крайнихъ и умѣренныхъ, *Гебертистовъ* и *Дантанистовъ*, уничтожая другъ друга по наущенію и къ выгодѣ холоднаго честолюбца *Максимиліана Робеспьера*. Этотъ послѣдній старался только усилить анархію, чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ, и, наконецъ, палъ предметомъ общаго ужаса: уподобляясь Кромвелю хитростью, онъ не имѣлъ ни его храбрости, ни его ума.

Среди безпорядка внѣшней войны, усложнившагося междоусобной войной (возстаніе Вандеи и Жирондистскихъ департаментовъ), Конвентъ дошелъ до крайняго предѣла соціальной и политической революціи. Всѣ оказавшіеся вѣрными прежнему порядку подвергались изгнанію; бывшіе дворяне или духовныя лица заключались въ тюрьмы, являясь жертвами вызывающаго образа дѣйствія эмигрантовъ. Восторжествовавшіе *санкюлоты*, въ свою очередь, уничтожили равенство, попирая ногами права человѣка, и произвели такой безпорядокъ въ обществѣ, что, въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ, оно, въ настоящемъ смыслѣ, не существовало.

Не было болѣе порядка, такъ какъ двѣ трети Франціи возмутились; не было и общественной безопасности, благодаря *закону о подозрительныхъ лицахъ* и *комитету общественнаго спасенія*; не было и правосудія, при существованіи *революціоннаго трибунала*, издѣвавшагося надъ его формами. Не было болѣе равенства, или оно было только передъ эшафотомъ и кровавой корзиной, куда одинаково скатывались головы знатныхъ и простыхъ людей; не было болѣе и религіи, такъ какъ церкви были заперты и священники изгнаны; не было и націи, такъ какъ одна часть Франціи воевала съ другою. Таково было положеніе, къ которому привели раздоры Конвента. Различныя запрещенія мѣшали внѣшней и внутренней торговлѣ; безпорядки задерживали промышленность, и нищета становилась чрезвычайной.

Безъ сомнѣнія, Конвентъ, порождая, такъ сказать, арміи и генера-

ловъ, своею суровою энергіей отразилъ иноземное вторженіе и поддержалъ французское единство. Вандейское возстаніе было подавлено уже въ декабрѣ 1793 г., и отъ ноября до декабря сѣверная и восточная границы были очищены *Журданомъ*, побѣдителемъ при Ваттиньи (16 октября), и *Гошемъ*, героемъ Виссамбурга (22—26 декабря). Терроръ и анархія усилились именно въ теченіе первой половины 1794 г., и между проявленіями ярости и успѣхами Конвента образовалось такое противорѣчіе, что возстаніе произошло въ то время, когда побѣда при *Флерюсѣ* (26-го іюня 1794 г.) придала Конвенту характеръ еще болѣе рѣшительный. Именно пушки Флерюса ниспровергли Робеспьера и, какъ бы въ видѣ злой насмѣшки, товарищъ его, *Сенъ-Жюстъ*, еще не успѣлъ стряхнуть съ себя пыли этого поля битвы, когда занялъ мѣсто рядомъ съ Робеспьеромъ 10-го термидора (28 іюля) въ высшей гекатомбѣ, положившей конецъ всѣмъ другимъ жертвоприношеніямъ такого рода.

Слѣдя за успѣхами цивилизаціи, надо поскорѣе отвернуться отъ такихъ зрѣлищъ, такъ какъ они послужили бы опроверженіемъ этихъ успѣховъ, если бы общество, придя въ полный безпорядокъ, не возвратило себѣ почти тотчасъ же своего равновѣсія. Достигнувъ столь же нелѣпыхъ, сколько и возмутительныхъ результатовъ, революція остановилась сама собою, съ помощью самихъ ожесточенныхъ монтаньяровъ. Реакція, неизбѣжная въ человѣческихъ дѣлахъ, подлежащихъ, какъ и физическій міръ, неизбѣжнымъ колебаніямъ, обозначилась быстро послѣ 10-го термидора; подобно революціи, она, въ свою очередь, должна была дойти до крайняго предѣла, такъ какъ людямъ всего труднѣе держаться точной мѣры.

Сперва реакція высказалась только противъ системы террора. Конвентъ возвратилъ изгнанныхъ депутатовъ, бѣжавшихъ жирондистовъ, и соединилъ свои раздробленные члены. Но реакція вскорѣ пошла далѣе предположеній монтаньяровъ, низвергнувшихъ Робеспьера и, въ свою очередь, увидѣвшихъ себя въ опасности. Возмущеніе, предпринятое ими противъ собранія 1-го преріаля (20-го мая 1795 г.), не имѣло успѣха; тогда исчезъ республиканскій трибуналъ, и Сентъ-Антуанское предмѣстье въ Парижѣ было обезоружено. Конвентъ, кромѣ того, ускорилъ изготовленіе и голосованіе новой конституціи, которая должна была замѣнить ультра-демократическую конституцію 1793 г., не примѣнимую на дѣлѣ. Реакція шла такими быстрыми шагами, что пробудила даже надежды роялистовъ. Конвентъ, которому пришлось защищаться противъ якобинцевъ 1-го преріаля, былъ охраненъ 13-го вандемьера (5 октября 1795 г.) отъ роялистовъ *Бонапартомъ*, карьера котораго начинается съ этого дня. Конвентъ, которому угрожали то

отряды революціонные, то реакціонные отряды парижской милиціи, въ то время уничтожилъ эту послѣднюю.

Всемогущество Конвента тяжело отозвалось на немъ самомъ. Правитель съ восемьюстами головъ потерялъ ихъ достаточно, чтобы исцѣлиться отъ своего честолюбія. Поэтому, новая конституція, называемая конституціей III года (1795), вернулась къ принципу раздѣленія властей и двухъ собраній, отъ котораго такъ неблагоразумно отступило Учредительное Собраніе. Исполнительная власть ввѣрялась Директоріи изъ *пяти* членовъ, законодательная—двумъ Совѣтамъ: *Совѣту старѣйшинъ* и *Совѣту пятисотъ*.

Конвентъ возвращался къ уничтоженному имъ избранію въ *двѣ степени*: чтобы быть дѣйствующимъ гражданиномъ, слѣдовало принимать участіе въ низшихъ собраніяхъ, имѣть 21 годъ и платить прямой налогъ, равный цѣнѣ трехъ рабочихъ дней; чтобы быть избирателемъ, надо было имѣть 25 лѣтъ и быть владѣльцемъ или арендаторомъ собственности, приносящей доходъ, равной стоимости 150 рабочихъ дней. Въ обоихъ Совѣтахъ было 750 членовъ, выбираемыхъ избирателями обѣихъ степеней. 250 болѣе взрослыхъ, имѣвшихъ свыше 40 лѣтъ, входили въ составъ Совѣта старѣйшинъ, а остальные образовали Совѣтъ пятисотъ. Этотъ послѣдній предлагалъ и обсуждалъ законы. Совѣтъ старѣйшинъ одобрялъ или отвергалъ законы, принятые Совѣтомъ пятисотъ. Кромѣ того, онъ наблюдалъ за поддержаніемъ конституціи: это была охранительная власть. Въ обоихъ законодательныхъ совѣтахъ ежегодно одна треть членовъ выбывала и замѣщалась новыми. *Директорія*, состоявшая изъ пяти членовъ, возобновлялась ежегодно выбытіемъ и замѣщеніемъ одного члена; директора избирались Совѣтомъ старѣйшинъ по списку, составленному Совѣтомъ пятисотъ. Имъ принадлежала исполнительная власть, но значеніе ихъ было весьма ограниченнымъ. Они не могли ни объявлять войны, ни заключать мира. Управлять арміей они могли лишь черезъ посредство генераловъ. Отъ нихъ исходило назначеніе небольшого числа чиновниковъ, такъ какъ административныя должности были выборными.

Учредительное Собраніе, раздѣливъ исполнительную власть ослабило ее, но, по крайней мѣрѣ, возвратило ей личное значеніе. Равновѣсіе между двумя Совѣтами искусно поддерживалось, и уравновѣшивающая власть, Совѣтъ старѣйшинъ, имѣлъ даже право переносить мѣста засѣданій законодательнаго собранія. Эта конституція имѣла, конечно, свои недостатки, слишкомъ умаляя исполнительную власть, и поддерживая слишкомъ частыми выборами постоянную неустойчивость законодательнаго собранія, но, тѣмъ не менѣе, она была серьез-

ной попыткой республиканской организаціи. Причина ея неуспѣха лежала скорѣе въ людяхъ, чѣмъ въ основныхъ началахъ ея.

Конвенту принадлежитъ заслуга, весьма рѣдкая для подобнаго собранія, признанія и исправленія своихъ политическихъ ошибокъ; поэтому, въ послѣднемъ періодѣ своего существованія, онъ не переставалъ работать надъ соціальнымъ и экономическимъ развитіемъ страны. Въ самомъ разгарѣ междоусобной войны, подъ давленіемъ финансовыхъ затрудненій, онъ, по предложенію Камбона, объединилъ долгъ, заведя *главную книгу общественнаго долга*. Всѣ обязательства были соединены въ одинъ и тотъ же долгъ, съ одинаковыми процентами и безсрочный. Такимъ образомъ, былъ основанъ государственный кредитъ. Эта система показалась столь удобной, что съ тѣхъ поръ займы слѣдовали за займами, изъ чего нельзя заключить, однако, чтобы эти удобства не вели къ злоупотребленіямъ, и чтобы для государствъ благоразуміе не было столь же обязательнымъ, какъ и для частныхъ лицъ.

Находившійся въ Собраніи 9 августа 1793 г. могъ бы подумать, что тамъ происходятъ совершенно спокойныя обсужденія среди глубокаго мира. Камбасересъ только-что внесъ туда первый проектъ *Гражданскаго кодекса*. Всегда, какъ только внѣшнія и внутреннія опасности давали ему минуту отдыха, Конвентъ возвращался къ тѣмъ же полезнымъ и мирнымъ совѣщаніямъ, подготовляя основы, на которыя должно было опираться новѣйшее общество. „Подобно тому, какъ бушующее море отлагаетъ на днѣ своего ложа равныя наслоенія мрамора, и французская революція въ самыя ужасныя времена отлагала на днѣ своего ложа параллельные и симметричные слои своихъ частныхъ законовъ [1])“.

Среди смутъ, школы почти перестали существовать. Конвентъ, возвращаясь къ общимъ идеямъ Кондорсе, выслушавъ нѣсколько знаменитыхъ отчетовъ профессора *Лаканаля*, установилъ обширную систему *народнаго образованія*. *Въ начальныхъ школахъ* народъ долженъ былъ учиться основамъ французскаго языка, счисленію и началамъ межеванія; въ *центральныхъ школахъ* зажиточные классы могли предоставить своимъ дѣтямъ возможность изученія *наукъ, изящной словесности, древнихъ языковъ, новыхъ языковъ*, наиболѣе пригодныхъ для извѣстной мѣстности, *исторіи* и *политической экономіи*.

Для образованія контингента хорошихъ учителей, Конвентъ разрѣшилъ учрежденіе *Нормальной Школы*, 30-го октября 1793 года. Были учреждены особыя школы для изученія *медицины, права*

---

[1]) Edg. Quinet, *La Revolution*.

и *ветеринарнаго искусства*. Къ той же эпохѣ относится основаніе *Консерваторіи искусствъ и ремеслъ*, *Музыкальной консерваторіи*, *Бюро долготъ*, *Политехнической школы*, учрежденной подъ названіемъ Центральной школы общественныхъ работъ, и *Естественно-историческаго музея*, открытаго 10 іюня 1793 г., и первая организація *Института*, который долженъ былъ замѣнить прежнія академіи. Для поощренія искусствъ, Конвентъ постановилъ учредить *музей*, открывшійся въ Луврѣ 8-го ноября 1793 г. *Національный институтъ слѣпыхъ* былъ учрежденъ въ 1795 г. Всѣ *архивы* были соединены подъ управленіемъ Камюса.

Конвентъ ввелъ также метрическую систему мѣръ и вѣсовъ, согласно постановленію Учредительнаго Собранія, имѣвшему цѣлью найти научную основу для единства вѣсовъ и мѣръ. Къ этой же эпохѣ относятся введеніе воздушныхъ телеграфовъ (1794), называемыхъ телеграфами Шаппа, и употребленіе аэростатовъ для стратегическихъ цѣлей.

Ни одно Собраніе не давало повода къ такимъ противорѣчивымъ сужденіямъ о немъ, какъ Конвентъ, потому что онъ былъ столь-же великъ въ своихъ добрыхъ результатахъ, какъ и ужасенъ въ злыхъ дѣлахъ. Его безмѣрно порицаютъ или хвалятъ, смотря по тому, какой періодъ его дѣятельности имѣютъ въ виду—первый или второй. О немъ можно сказать, что онъ обладалъ и злоупотреблялъ всякого рода властью. Излишества его, если не оправдываются, то объясняются пылкостью происходившей тогда борьбы: жестокая энергія, проявляемая имъ противъ прежнихъ классовъ общества, имѣла цѣлью отнять у нихъ всякую надежду на возстановленіе прошлаго, исчезнувшаго навсегда. Хотя обвиненіе въ федерализмѣ, поставленное противъ жирондистовъ, не могло быть доказано, несомнѣнно, что монтаньяры живо чувствовали опасность, которою война и возмущенія грозили единству Франціи. Они скрѣпили кровью единеніе всѣхъ провинцій, хотя впослѣдствіи централизація, подготовленная Учредительнымъ Собраніемъ, доведена была до крайнихъ предѣловъ. Конвентъ вводилъ повсюду одни и тѣ же стремленія, одинъ и тотъ же духъ, или, скорѣе, одинъ и тотъ же страхъ. Его деспотизмъ предшествовалъ всѣмъ другимъ.

Впрочемъ, Конвентъ старался разсѣять воспоминанія о кровавыхъ дняхъ. Онъ возстановилъ правительство и администрацію и оживилъ общество, напуганное имъ. Въ особенности, что̀ всего болѣе заставляетъ прощать его неистовства, онъ въ высшей степени пробудилъ чувства патріотизма и военной чести. Душа Франціи встрепенулась, благодаря ему, и когда онъ отошелъ на покой 26 октября 1795 года, страна была освобождена, а Бельгія, Голландія и Рейнскія провинціи

присоединены къ ней. Онъ возстановилъ естественныя границы Франціи и осуществилъ въ нѣсколько лѣтъ то, о чемъ такъ долго мечтала старая монархія. Черезъ столѣтіе послѣ того, французамъ съ глубокою грустью приходится видѣть, что величественныя очертанія, какія даны были ихъ странѣ Конвентомъ, были уменьшены и жестоко искажены.

Правительство, установленное конституціей III года, своею нерѣшительностью и постоянными колебаніями ослабило положеніе, созданное для него Конвентомъ. Переходя отъ бездѣятельности къ энергическимъ дѣйствіямъ и опять возвращаясь къ бездѣйствію, Директорія пыталась освободиться и отъ якобинцевъ, и отъ роялистовъ. Это было главнымъ источникомъ ея силы, но, нерѣшительная и раздробленная, она уклонялась то въ одну сторону, то въ другую, и это являлось причиною ея слабости.

Конвентъ, прекращая свою дѣятельность, пожелалъ обезпечить прочность новаго правительства, принявъ мѣру, противоположную той, на которой остановилось Учредительное Собраніе. Онъ не только не закрылъ своимъ членамъ доступъ въ ряды новаго правительства, но установилъ, что новые Совѣты должны состоять, по крайней мѣрѣ, на двѣ трети изъ членовъ Конвента. Онъ хотѣлъ также обезпечить преемственность своихъ традицій и продолжать свое существованіе подъ другимъ именемъ. Но Совѣты подлежали возобновленію, и выборы, благопріятные роялистамъ, измѣнили большинство, въ особенности въ Совѣтѣ пятисотъ. Тогда возникли несогласія и борьба между законодательной и исполнительной властью. Государственный переворотъ 18 фруктидора (4 сент. 1797 г.) привелъ къ исключенію 53 депутатовъ и 2 директоровъ. При этомъ употреблена была въ дѣло армія, что̀ послужило дурнымъ примѣромъ. Предохранительныя мѣры конституціи оказались недѣйствительными.

День 18 фруктидора разрушилъ надежды роялистовъ и ободрилъ якобинцевъ, которые одержали верхъ на выборахъ VI года. Директорія, вновь оставшаяся позади событій, произвела новые выборы и назначила сама депутатовъ, которые должны были вступать въ совѣты. Это былъ переворотъ 22 флореаля (11-го мая 1798 г.). Совѣты, въ свою очередь, заставили, 30-го преріаля (18 іюня 1799 г.) выдти въ отставку трехъ директоровъ Ларевельера Лепо, Трельяра и Мерлена де-Дуэ. Такимъ образомъ, правительство само подавало примѣръ анархіи, и его слабость и насиліе отражались на администраціи.

Къ смутамъ, какія вызывали въ умахъ эти повторявшіеся государственные перевороты, присоединялась и нравственная смута. Тогда

только что заканчивался революціонный хаосъ, возмутившій и почти уничтожившій общественныя отношенія, перемѣшавшій всѣ сословія, сбившій всѣхъ съ толку. Нужно было время, чтобы все это могло улечься, какъ въ озерѣ, взволнованномъ грозою, когда илъ поднимается на поверхность. Общій безпорядокъ увеличивался тѣмъ, что новое общество, надѣленное новыми законами, должно было сообразоваться съ остатками стараго, разбитаго бурями. Во время кризиса, каждый думалъ только о собственной безопасности. „Что вы дѣлали въ теченіе этого времени?"—спрашивали у Сіэса. Онъ отвѣчалъ:—„Я жилъ!" Съ возвращеніемъ спокойствія, радость охватила это поколѣніе, которое въ продолженіе четырнадцати мѣсяцевъ едва осмѣливалось дышать. Послѣ того, какъ царство революціонныхъ пѣсенъ и клубовъ прошло, возвратилось царство салоновъ; когда изящество и остроуміе перестали быть поводомъ къ изгнанію, опять предались роскоши и веселью съ такой свободой, которая не стѣснялась прежнимъ этикетомъ и скоро выродилась въ распущенность. Расхищеніе государственныхъ богатствъ, неизбѣжное при администраціи, жестокость которой смѣнялась слабостью, и спекуляціи съ бумажными деньгами породили громадныя состоянія, а случайно разбогатѣвшіе люди старались загладить щедростью эту незаслуженную удачу. Растрата семейныхъ имуществъ, матеріалистическія идеи, надъ которыми не могла восторжествовать новая религія, *теофилантропія*, придуманная Ларевельеромъ-Лепо, злоупотребленіе разводомъ, распущенность поведенія, ведущая къ распущенности нравовъ,—все это повело къ общей разнузданности, къ настоящему безумію, смѣшныя стороны котораго отмѣчены комедіей, изображавшей *incroyables*, и которое исторія можетъ только объяснять, а не оправдывать.

Финансовый безпорядокъ равнялся безпорядку нравственному. Выпускъ ассигнацій былъ доведенъ до суммы 45 миліардовъ, имѣвшихъ настоящую цѣнность не болѣе 400—500 милліоновъ. Принудительный заемъ былъ собранъ съ богатыхъ людей. Директорія видѣла себя вынужденной положить предѣлъ выпуску ассигнацій, но она замѣнила ихъ другимъ видомъ бумажныхъ денегъ, „земельными векселями", за которыя были заложены національныя имущества; эти векселя вскорѣ были обезцѣнены, и ими уплачены были двѣ трети долга. Это было нѣчто въ родѣ банкротства, которое получило названіе банкротства на *двѣ трети*. Только одна треть долга осталась въ главной книгѣ: это была *консолидированная треть*.

При такой серьезности положенія, Директорія могла оставаться въ силѣ, лишь поддерживая миръ послѣ успѣшнаго трактата въ Кампо-

Форміо. Напротивъ, своей насильственной и неумѣстной политикой она вызвала образованіе новой коалиціи.

Впрочемъ, опасности, какимъ подвергалась Франція въ 1798 г., доставили Директоріи возможность преобразованія военныхъ силъ. Войны революціи привели къ тому, что у Франціи были, наконецъ, настоящія арміи: въ этомъ легко было убѣдиться въ 1794, 1795 и 1796 гг. Сліяніе батальоновъ добровольцевъ и регулярныхъ войскъ закончилось: у всей пѣхоты былъ теперь общій голубой мундиръ, и бѣлые мундиры старой монархіи исчезли. Двѣ *полу-бригады*, состоявшія каждая изъ трехъ батальоновъ, и получившія вскорѣ названіе *полковъ*, составляли *бригаду*; выше бригады стояла *дивизія*, настоящая стратегическая единица, подобіе древняго римскаго легіона, содержавшая въ себѣ, кромѣ пѣхотныхъ бригадъ, кавалерію и артиллерію, однимъ словомъ, всѣ составныя части арміи. Понемногу организовался и *главный штабъ*, но не доставало существеннаго, а именно—правильнаго закона о пополненіи войскъ.

19 фруктидора VI года (5 сент. 1798 г.) Совѣты приняли законъ, по которому военная служба была обязательна для всѣхъ молодыхъ людей отъ 20 до 25 лѣтъ (за нѣкоторыми исключеніями); *защитники-конскрипты* (по тогдашнему выраженію) раздѣлены были на *пять классовъ* или возрастовъ. Законодательная власть опредѣляла численность ихъ контингента, а на власти исполнительной лежалъ ихъ призывъ, начиная съ самыхъ молодыхъ. Были ли они, или не были призваны, защитники-конскрипты вычеркивались изъ списка черезъ пять лѣтъ послѣ занесенія въ него и получали чистую отставку, если въ то время не было войны. Такова была исходная точка правильныхъ наборовъ, которые составили военную силу Франціи.

Эти продолжительныя войны, создавая армію, давали военному элементу преобладаніе, которое вскорѣ оказалось выгоднымъ для проектовъ генерала Бонапарта. Уже удивительная итальянская кампанія (1796—1797 гг.) поставила его выше всѣхъ другихъ генераловъ; обаяніе его еще усилилось въ Египтѣ блестящими побѣдами при Пирамидахъ (1798 г.) и при Абукирѣ (1799 г.). Онъ увидалъ, что ему не трудно будетъ низвергнуть правительство, столь мало сплоченное между собою, и среди него онъ даже нашелъ сообщниковъ для осуществленія своихъ замысловъ.

Пораженія, испытанныя въ его отсутствіе, потеря Италіи, внутренняя неурядица, смуты, возникавшія вновь во всѣхъ провинціяхъ, финансовый кризисъ, ослабленіе всѣхъ общественныхъ узъ—заставляли опасаться настоящаго разложенія Франціи. Послѣдняя, утомленная

десятью годами революція, желала болѣе всего равновѣсія, порядка и благосостоянія. Тогда Бонапартъ закончилъ рядъ государственныхъ переворотовъ Директоріи военнымъ переворотомъ. Онъ перенесъ засѣданія Законодательнаго Собранія въ замокъ Сенъ-Клу 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) и задумалъ измѣнить конституцію III-го года. Совѣтъ старѣйшинъ принялъ его предложеніе, но большинство пятисотъ отвергло его съ негодованіемъ. Тогда генералъ призвалъ своихъ солдатъ, которые разогнали депутатовъ (19 брюмера, 10 ноября). Революціи былъ положенъ конецъ; у Франціи былъ властелинъ.

ГЛАВА XIV.

Консульство и Имперія.—Наполеоновская Европа.—Распространеніе французскихъ идей.

Консульство; конституція VIII года.—Народныя голосованія (плебисциты).—Избирательная система; списки уполномоченныхъ.—Преобразованіе администраціи.—Правосудіе; апелляціонные судьи; гражданскій кодексъ.—Новая финансовая система; контроль и взиманіе налоговъ.—Религіозный миръ; конкордатъ (1801–1802).—Орденъ Почетнаго Легіона (1802).—Народное образованіе; лицеи.—Экономическія реформы; кредитъ; французскій банкъ.—Результаты дѣятельности консульства.—Имперія; совѣщательный совѣтъ XII года (1804).—Сановники; новое дворянство.—Результаты дѣятельности Наполеона; военное искусство.—Финансы.—Кодексы.—Общественныя работы.—Промышленность; выставки.—Промышленныя послѣдствія континентальной блокады.—Университетъ (1806).—Императорскій абсолютизмъ.—Французская имперія и Европа въ 1810 г.—Распространеніе французскихъ идей въ Европѣ; Бельгія, Голландія, Рейнскія провинціи, Швейцарія.—Французскія идеи въ Италіи.—Разрѣшеніе хаотическаго состоянія Германіи.—Французскія идеи въ Германіи.—Испанскія и французскія идеи; конституція 1812 г.—Пруссія; реформы Штейна и Шарнгорста.—Французскія идеи въ Швеціи и Россіи.—Французскіе принципы, обращенные противъ Наполеона.

Новое правительство, установленное Наполеономъ послѣ 18-го брюмера, украсилось древнимъ наименованіемъ, заимствованнымъ изъ классическихъ воспоминаній, которыя были въ модѣ въ теченіе всей революціи. Живописецъ Давидъ, при Конвентѣ, извлекалъ изъ древняго міра модели для празднествъ, программы которыхъ онъ обязанъ былъ составлять, и для костюмовъ, рисунки которыхъ отъ него требовали. Директора и члены совѣтовъ возвратили почетное мѣсто римской тогѣ, съ присоединеніемъ къ ней странныхъ украшеній и шапки, къ которой они прицѣпляли забавные султаны. Отъ римской республики взято было и названіе новыхъ главъ такъ-называемаго республиканскаго пра-

вительства; въ этой республикѣ было *три* консула вмѣсто двухъ, а на самомъ дѣлѣ, былъ только одинъ *первый консулъ* Бонапартъ. „Этотъ человѣкъ,—говоритъ Сіэсъ,—все знаетъ, всего хочетъ и все можетъ".

Конституція VIII года была извлечена изъ сложныхъ проектовъ Сіэса, совершенно переработанныхъ Бонапартомъ. Это была монархическая конституція подъ республиканской внѣшностью, подобно тому, какъ конституція 1791 г. была, въ сущности, республиканской, оставаясь по виду монархической. До того времени исполнительная власть подчинена была законодательной; затѣмъ она была сравнена съ нею, а на этотъ разъ поставлена выше ея. Первый консулъ, избранный сперва на десять лѣтъ, а потомъ пожизненно (1802 г.), назначалъ и увольнялъ министровъ, посланниковъ, офицеровъ арміи и флота и агентовъ администраціи; отъ него исходило предложеніе и обнародованіе законовъ, объявленіе войны и заключеніе мирныхъ договоровъ. Помощниками ему служили члены новаго собранія, государственнаго совѣта, замкнутаго учрежденія, въ которомъ вырабатывались законы, вносившіеся на разсмотрѣніе законодательнаго собранія; этотъ совѣтъ былъ и высшимъ административнымъ судилищемъ. Онъ составлялъ одинъ изъ самыхъ важныхъ механизмовъ новаго правительства.

Исполнительная власть была сосредоточена и усилена, а законодательная—раздроблена и ослаблена. Она состояла изъ совѣщательнаго Трибуната, Законодательнаго собранія, молча подававшаго голоса, и сената, предназначеннаго наблюдать за поддержаніемъ конституціи.

Верховная власть народа, однако, все еще признавалась: конституція VIII года подвергнута была одобренію народа, что было названо древнимъ римскимъ выраженіемъ *плебисцита*. Измѣненія, внесенныя въ конституцію въ X году провозглашеніемъ Бонапарта пожизненнымъ консуломъ, также были утверждены плебисцитомъ, который потребовался еще разъ при установленіи имперіи.

Бонапартъ, впрочемъ, старался противодѣйствовать избирательной системѣ революціонныхъ собраній, которая казалась ему слишкомъ либеральной. Онъ заимствовалъ изъ проекта Сіэса систему списка уполномоченныхъ. Каждый французъ считался избирателемъ, но избиратели каждаго округа выбирали изъ своей среды *десятаго*, и изъ этихъ десятыхъ составлялся списокъ *уполномоченныхъ общины*. Изъ этого списка исполнительная власть заимствовала должностныхъ лицъ округа. Уполномоченные общины, въ свою очередь, выбирали изъ своей среды десятаго, который вносился въ *департаментскій списокъ*, изъ котораго заимствовались должностныя лица департамента. Граждане департаментскаго списка также выбирали изъ своего числа десятаго: это былъ

національный списокъ, изъ котораго сенатъ назначалъ членовъ Трибуната, Законодательнаго собранія и проч. Выборы, такимъ образомъ, проходили три ступени, не считая вмѣшательства исполнительной власти.

Бонапартъ приготовлялъ возвращеніе монархіи и воплощеніе въ своемъ лицѣ цѣлаго народа, въ силу народнаго права, подобно тому, какъ его воплощалъ въ себѣ Людовикъ XIV, въ силу божественнаго права; но онъ все-таки закончилъ административную дѣятельность Учредительнаго Собранія. Онъ установилъ простую іерархію чиновниковъ, умѣщавшуюся въ департаментскомъ дѣленіи. Онъ усилилъ дѣйствіе власти во всей Франціи своими *префектами* и *подпрефектами* и скрѣпилъ *политическое единство*, установивъ могущественную централизацію, пережившую всѣ кризисы. Онъ установилъ различіе между дѣйствіемъ и обсужденіемъ и учредилъ цѣлый рядъ мелкихъ собраній—департаментскихъ, окружныхъ и общинныхъ, параллельно ряду дѣйствующихъ должностныхъ лицъ въ округахъ, общинахъ и департаментахъ. Обсужденіе мѣстныхъ интересовъ было обезпечено, такъ же, какъ и мѣстное исполненіе постановленій верховной власти. У этой послѣдней были свои безусловно преданные представители, а населеніе имѣло своихъ уполномоченныхъ.

Судебныя инстанціи, установленныя Учредительнымъ Собраніемъ, были сохранены, но въ нихъ ощущался пробѣлъ: апелляціи переносились изъ одного суда въ другой. Бонапартъ учредилъ особые *апелляціонные суды* въ количествѣ 29, помѣщавшіеся въ тѣхъ городахъ, которые служили центрами юридической науки. Работы надъ *Гражданскимъ Кодексомъ*, начатыя Конвентомъ, были продолжены и закончены (1800—1803). Этотъ Кодексъ, основанный на принципахъ 1789 года, состоялъ изъ 36 законодательствъ, постановленныхъ и обнародованныхъ одно послѣ другого, затѣмъ приведенныхъ въ естественный порядокъ и соединенныхъ въ одно законодательство (1804). Они были развиты съ ясностью, до тѣхъ поръ неизвѣстною, съ замѣчательною логичностью и сжатостью, въ видѣ небольшихъ, весьма точныхъ статей, напоминавшихъ языкъ римскихъ юрисконсультовъ. Это былъ лучшій сводъ законовъ, какой былъ составленъ со временъ Юстиніана, выводъ изъ всѣхъ изслѣдованій французскихъ ученыхъ, удачное сочетаніе древняго письменнаго и стариннаго обычнаго права, примиреніе всѣхъ принциповъ римскихъ, греческихъ и христіанскихъ, которые столь долго сталкивались между собою, настоящій кодексъ современнаго общества и одинъ изъ наиболѣе совершенныхъ памятниковъ человѣческой мудрости.

Учредительному Собранію и Конвенту не удалось организовать настоящаго финансоваго управленія. Первый консулъ установилъ его на логическихъ основаніяхъ. Онъ отдѣлилъ *составленіе списковъ* отъ самаго *взиманія:* простая мысль, благодаря которой были устранены всѣ злоупотребленія и расхищенія общественныхъ суммъ[1]).

Особый законъ опредѣлилъ *общественный долгъ;* государственныя имущества были приписаны къ *кассѣ погашенія*, которая должна была понемногу продавать ихъ для выкупа обязательствъ и уменьшенія долга.

Гражданская конституція духовенства 1790 г. вызвала настоящій расколъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, католическая религія была устранена. Конституція III года провозгласила свободу вѣроисповѣданій, и католическое богослуженіе могло быть возстановлено во многихъ мѣстностяхъ. Уже въ концѣ 1799 г., первый консулъ разрѣшилъ отворить церкви, запертыя административными властями, и уладилъ религіозный вопросъ *конкордатомъ*, т. е. соглашеніемъ съ папой. Римскій дворъ не могъ не признать матеріальнаго положенія, созданнаго для церкви продажею имѣній, принадлежавшихъ духовенству; поэтому онъ требовалъ лишь вознагражденія, тѣмъ болѣе, что оно было обѣщано еще Учредительнымъ Собраніемъ. Было рѣшено, что, взамѣнъ отнятыхъ у него имѣній, духовенство получитъ содержаніе отъ государства. Первый консулъ присвоилъ себѣ право прежнихъ королей Франціи, начиная съ Франциска I, назначать епископовъ, которые утверждались папой. По соглашенію со святымъ престоломъ, Бонапартъ составилъ новое распредѣленіе епископствъ и архіепископствъ[2]). Конкордатъ, подписанный 15 іюля 1801 г., утвержденный Законодательнымъ Собраніемъ 8 апрѣля 1802 г. и торжественно обнародованный 18 апрѣля въ праздникъ Пасхи, возстановилъ религіозный миръ.

Одновременно съ конкордатомъ, Бонапартъ провелъ черезъ Законо-

---

[1]) Агентство прямыхъ сборовъ состояло изъ директора и инспектора въ каждомъ департаментѣ и 840 контролеровъ, распредѣленныхъ по округамъ. Эти чиновники опредѣляли суммы, подлежащія взиманію, но деньги не проходили черезъ ихъ руки, и списки ихъ служили только для контроля дѣйствій агентовъ, на которыхъ лежало полученіе сборовъ и которые не могли ни увеличить, ни уменьшить суммы, требовавшейся съ каждаго гражданина. *Сборщики* получали прямые налоги. Они вносили полученныя суммы въ кассу *частнаго сборщика*, въ рукахъ котораго сосредоточивались полученія съ каждаго округа; этотъ послѣдній собиралъ также всѣ суммы, исходившія изъ косвенныхъ налоговъ, и долженъ былъ передавать ихъ *главному сборщику* департамента, вносившему ихъ въ казну.

[2]) Число епископствъ равнялось пятидесяти, а архіепископствъ—десяти. Эти числа впослѣдствіи были измѣнены: число епископствъ было доведено до 72, а архіепископствъ—до 17.

дательное Собраніе законъ, имѣвшій цѣлью установить отношенія церкви и государства и предупредить притязанія римскаго двора. Въ силу этого закона, никакая папская булла не могла быть обнародована во Франціи безъ разрѣшенія правительства. Лишь съ согласія послѣдняго епископы могли назначать священниковъ.

Революція уничтожила ордена св. Людовика и св. Михаила. Почетное оружіе служило единственною наградой за храбрость. Наполеонъ пожелалъ создать знакъ отличія, общій для лицъ военнаго и гражданскаго званія, которымъ признавались заслуги передъ государствомъ. Онъ провелъ законъ объ орденѣ *Почетнаго Легіона* (19 мая 1802 г.). Это отличіе, не дававшее никакихъ преимуществъ, не нарушало равенства; напротивъ, оно подтверждало его, награждая всѣхъ по заслугамъ.

Бонапартъ желалъ возстановить общество, „найденное имъ въ прахѣ“, на „гранитныхъ основахъ“. Онъ зналъ, что ему приходится управлять поколѣніемъ, пострадавшимъ отъ революціи и проклинавшимъ ее; единственнымъ средствомъ спасти принципы этой революціи было привить ихъ будущимъ поколѣніямъ. Будущность Франціи зависѣла всего болѣе отъ воспитанія юношества. Первый консулъ сдѣлалъ немного для начальнаго образованія: онъ испугался потребныхъ на него расходовъ, что̀ было величайшей ошибкой съ его стороны. Онъ полагалъ, что среднее образованіе имѣетъ болѣе значенія; такъ какъ общественное мнѣніе, въ дѣйствительности, управляется средними классами, то эти послѣдніе, какъ ему казалось, имѣютъ болѣе нужды въ образованіи. Вслѣдствіе того, онъ уничтожилъ центральныя школы и замѣнилъ ихъ 29-ю заведеніями, получившими греческое названіе *лицеевъ*, въ которыхъ изящная словесность получила почетное мѣсто.

Для высшаго образованія, онъ учредилъ, еще во времена консульства, десять школъ *правовѣдѣнія* и шесть школъ *медицины*. Политехнической школѣ, уже существовавшей, были приданы многія улучшенія. Бонапартъ прибавилъ еще *Школу Путей Сообщенія* и учредилъ въ Компьенѣ *Школу Механическихъ Искусствъ*, которая впослѣдствіи была перенесена въ Шалонъ-на-Марнѣ и получила названіе *Школы Искусствъ и Ремеслъ*.

Бонапартъ, преобразовывая Францію, въ то же время понуждалъ ее къ труду, исправлялъ и проводилъ дороги и каналы, украшалъ столицу, поощрялъ земледѣліе, промышленность и торговлю. Ему принадлежитъ слава основанія кредита, благодаря благоразумному пользованію проектами Лоу и Учредительнаго Собранія. *Французскій банкъ*, организованный въ 1800 г. и послѣдовательно развивавшійся до 1806 г.,

былъ одновременно и частнымъ, и государственнымъ учрежденіемъ. Составленный изъ группы капиталистовъ, онъ принималъ вклады частныхъ лицъ и казны, учитывалъ торговые векселя и имѣлъ право выпуска *билетовъ*. Это было возвращеніемъ къ бумажнымъ деньгамъ. Не представляя сами по себѣ цѣнности, банковые билеты, простые клочки бумаги, значительно содѣйствовали умноженію общественнаго богатства. Какъ же это могло произойти? „Это произошло,—объясняетъ извѣстный экономистъ Росси,—вслѣдствіе того, что, вмѣсто множества малоизвѣстныхъ должниковъ, явился должникъ, котораго всѣ знаютъ и которому всѣ вѣрятъ,—банкъ. Банкъ принимаетъ *тратты* и даетъ фабрикантамъ *билеты*, уплачиваемые немедленно и обезпеченные металлической наличностью и портфелемъ банка. Своимъ кредитомъ онъ даетъ производителямъ то, чего имъ недоставало—возможность располагать своимъ капиталомъ. Благодаря кредиту банка, они получаютъ все, что имъ нужно. Такимъ образомъ, является непрерывная цѣпь кредиторовъ, замѣщающихъ другъ друга и съ большей или меньшей быстротой передающихъ одинъ другому болѣе или менѣе значительную часть капитала; этой передачи не могло бы быть, если бы первый кредиторъ не опирался на кредитъ банка“.

Дѣятельность банка имѣетъ не только коммерческое, но и финансовое значеніе: повышая или понижая учетъ, онъ управляетъ движеніями звонкой монеты. Если звонкая монета отливаетъ изъ его кассъ въ слишкомъ большомъ количествѣ, это означаетъ, что ощущается нужда въ деньгахъ; тогда банкъ поднимаетъ стоимость денегъ, повышаетъ учетъ, т.-е. онъ требуетъ болѣе высокаго процента на суммы, выдаваемыя имъ подъ коммерческіе векселя; этимъ онъ задерживаетъ слишкомъ быстрое опустѣніе своихъ кассъ. Если, напротивъ, звонкая монета залеживается въ его кассахъ, это указываетъ на ея изобиліе или на вялое состояніе торговли; тогда банкъ понижаетъ учетный процентъ, расширяетъ кредитъ и облегчаетъ обмѣнъ, чтобы усилить обращеніе денегъ и поднять ихъ цѣнность. „Банкъ,—говоритъ Росси,—долженъ быть уравнительнымъ маятникомъ монетной системы; онъ долженъ управлять ея общимъ движеніемъ и дѣлать колебанія ея медленными и однообразными“.

Консульство, такимъ образомъ, было для Франціи періодомъ дѣятельности и величія, въ теченіе котораго были закрѣплены главные результаты революціи. Соціальная революція завершилась умиротвореніемъ партій; экономическая революція развилась, благодаря энергичному толчку, какой былъ данъ ей возстановленіемъ порядка; политическая революція завершилась разумно задуманной и твердо уравно-

вѣшенной администраціей. Всѣ классы общества были въ мирѣ между собою; всѣ руки заняты были работой, и Франція, обновленная, великая въ мирѣ и въ войнѣ, являлась міру сіяющая славой, съ гражданскимъ кодексомъ въ одной рукѣ и со шпагой Маренго—въ другой.

Бонапартъ, имѣвшій столько правъ на признательность націи, погубилъ все сдѣланное имъ, пожелавъ пойти еще дальше. Не довольствуясь властью, какая была у него въ рукахъ, онъ захотѣлъ еще болѣе расширить и возвысить ее, назвавъ *императорской*. Послѣ воспоминаній республиканскаго Рима, появились воспоминанія императорскаго Рима, вмѣстѣ съ коронованнымъ воиномъ, который хотѣлъ быть въ одно и то же время Цезаремъ и Карломъ Великимъ.

Болѣе гордый, чѣмъ Карлъ Великій, Наполеонъ не пожелалъ отправиться въ Римъ, чтобы получить корону изъ рукъ папы: онъ заставилъ пріѣхать въ Парижъ папу Пія VII и, не отказываясь отъ религіознаго освященія своей власти, взялъ и самъ надѣлъ на себя корону (2 дек. 1804 г.). Въ эту минуту, когда нельзя было предвидѣть будущаго, казалось, это было послѣднимъ словомъ политической реакціи. Монархія, была возстановлена, и не прежняя феодальная монархія, а военная, отодвигавшая гражданственность и религію на второй планъ. Впрочемъ, новая верховная власть, хотя и освященная церковью, опиралась на голосованіе и верховную власть народа. Наполеонъ имѣлъ притязаніе увѣнчать въ своемъ лицѣ революцію, сыномъ которой онъ охотно называлъ себя.

Но на самомъ дѣлѣ онъ попиралъ ногами ея принципы. Онъ былъ, въ дѣйствительности, если не по праву, неограниченнымъ монархомъ. Конституція VIII года была передѣлана въ 1802 г., и Наполеонъ уже тогда получилъ всѣ королевскія права. Онъ усилилъ свою власть надъ сенатомъ, который долженъ былъ служить ему орудіемъ для измѣненія конституціи по его произволу. Онъ ограничилъ пятьюдесятью число членовъ трибуната и изъялъ изъ вѣдѣнія Законодательнаго Собранія трактаты, представленные особому совѣту. Списки уполномоченныхъ, которые были теперь несмѣняемыми, превратили избирательныя коллегіи въ пожизненныя. Въ выборахъ теперь не могло явиться никакихъ неожиданностей. Наполеону, провозглашенному императоромъ, ничего не пришлось измѣнить въ конституціи 1802 г. Сенату XII года приходилось имѣть дѣло лишь съ новымъ титуломъ, дарованнымъ первому консулу, и съ наслѣдственностью этого титула въ его потомствѣ. Чтобы загладить это новое притязаніе, Наполеонъ, видимо, усилилъ значеніе Законодательнаго Собранія, давъ ему право обсужденія вопросовъ, разсматривавшихся въ комитетахъ, и значеніе сената, предоставивъ

ему учрежденіе двухъ коммиссій—свободы печати и личной свободы, совершенно призрачныхъ при такомъ властителѣ.

Сенатъ XII года, чтобы увеличить блескъ престола, окружилъ его высшими сановниками, архиканцлеромъ, главнымъ казначеемъ, главнымъ избирателемъ, коннетаблемъ, генералъ-адмираломъ и другими полными генералами, изъ которыхъ самыми важными были шестнадцать маршаловъ имперіи. Эти послѣдніе своими знаменитыми именами прославили возобновленный санъ старой монархіи; другіе пышные титулы служили напоминаніемъ о германской имперіи. Такъ продолжалось смѣшеніе древнихъ и германскихъ традицій, которое мы вездѣ находимъ въ прошломъ Франціи.

Политическое честолюбіе привело Наполеона къ общественной реакціи. Онъ возстановилъ аристократію не только вокругъ трона, но и ниже его, даря обширныя имущества и создавая новое дворянство, не имѣвшее прежнихъ привилегій, но сохранявшее внѣшнее подобіе стариннаго дворянства, съ цѣлью служитъ примѣромъ для людей низшихъ сословій, возвеличенныхъ побѣдами. Пожизненными избирательными коллегіями Наполеонъ создалъ настоящую департаментскую аристократію, надѣленную политическими правами.

Первые годы имперіи были, впрочемъ, лишь продолженіемъ временъ консульства. Знаменитые Пресбургскій (1805) и Тильзитскій (1807) трактаты упрочили положеніе французской имперіи въ Европѣ. Удивительные успѣхи и военныя качества армій возбуждали народную гордость. Грустно думать, что цивилизація нуждается въ этомъ проявленіи силъ, и что войны, нисколько не уменьшаясь съ общественнымъ прогрессомъ, становятся столкновеніями все болѣе и болѣе ужасными. Едва ли можно утѣшаться тѣмъ, что война стала наукой и что человѣкъ всего болѣе въ ней проявилъ свою изобрѣтательность и примѣнилъ свою способность соображенія. Военное искусство было поставлено Наполеономъ на высокую ступень. Математическія комбинаціи его стратегіи и тактики далеко опередили все, что мы знаемъ о нихъ въ древности. Онъ установилъ правила, позволяющія передвигать массы людей, управлять ими, какъ машинами, подчинять одной волѣ сотни тысячъ отдѣльныхъ стремленій; онъ усовершенствовалъ новѣйшее войско, которое не можетъ не вызывать нашего удивленія своей дисциплиной, гибкостью, точностью и быстротою своихъ дѣйствій.

Даже среди самыхъ настоятельныхъ военныхъ работъ, Наполеонъ не забывалъ объ администраціи, къ которой онъ относился съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и къ военному дѣлу. Съ полей Моравіи и Польши онъ управлялъ своей имперіей, какъ-будто находился въ Парижѣ.

Возвратившись въ свою столицу, онъ работалъ съ лихорадочнымъ жаромъ надъ улучшеніемъ всѣхъ отраслей общественной дѣятельности.

Онъ усовершенствовалъ финансовую систему, введенную при консульствѣ, помѣстивъ сборщиковъ податей во всѣхъ главныхъ общинахъ, пошелъ наперекоръ народнымъ предразсудкамъ, присоединивъ къ прямымъ косвенные налоги, упорядочилъ счетоводство веденіемъ его по двойной системѣ, дополнилъ механизмъ банка, ввелъ во всей общественной службѣ строгую честность и бережливость: ему приходилось создавать не только администрацію, но и нравы администраціи.

Продолжая судебныя улучшенія, онъ велѣлъ закончить подготовленіе кодексовъ гражданскаго судопроизводства (1806), уголовнаго слѣдствія (1808) и уголовнаго кодекса (1810), давъ, такимъ образомъ, обществу гарантіи, въ которыхъ оно нуждается для своего поддержанія и защиты, хотя и сохранивъ, отчасти, въ этихъ уложеніяхъ остатки прежнихъ воззрѣній. Онъ преобразовалъ старое коммерческое законодательство и въ 1808 г. обнародовалъ торговый кодексъ.

Даже во времена Людовика XIV и Кольбера, общественныя работы не пользовались такимъ вниманіемъ: дороги, каналы и порты во Франціи и въ покоренныхъ странахъ поглощали значительныя суммы. Располагая золотомъ Европы, Наполеонъ не затруднялся помѣщать его въ эти производительныя работы, которыя, будучи продолжены послѣ него, придали другой видъ Франціи и Европѣ. Онъ понизилъ Симплонъ, Монъ-Сени и Монъ-Женевръ и провелъ по нимъ широкія дороги. Онъ велѣлъ продолжать работы надъ знаменитой Шербургской плотиной, начатой при Людовикѣ XVI. Онъ надѣлилъ Парижъ, Миланъ и Туринъ полезными или величественными памятниками. Онъ возродилъ благосостояніе Антверпена, и его заботливость, возраставшая вмѣстѣ съ честолюбіемъ, простиралась даже на Гамбургъ и Римъ.

Понимая всѣ современныя потребности, Наполеонъ сознавалъ могущество промышленности, назначилъ пенсію знаменитому *Жаккару*, усовершенствовавшему станокъ для тканья шелковыхъ матерій, поощрялъ хлопчато-бумажную промышленность, еще новую во Франціи, введенную двумя мануфактуристами, *Ришаромъ* и *Ленуаромъ*, распространившими употребленіе машины англичанина Аркрайта. Наполеонъ наградилъ *Оберкампфа*, распространившаго изготовленіе набивныхъ тканей, часовщиковъ *Карселя*, *Бреге́та* и др. Онъ обратился къ ученымъ, прося ихъ придумать способъ замѣны тростниковаго сахара *свекловичнымъ*, и этимъ создалъ новый источникъ богатства страны. Онъ вернулся къ *выставкамъ*, опыты которыхъ дѣлались еще при Ди-

ректоріи. Въ 1798 г. Франція видѣла первую промышленную выставку, но на ней было лишь 210 экспонентовъ; на выставкѣ 1806 г. ихъ было уже 1.422.

Правда, Наполеонъ, увлеченный внѣшней политикой, своей *континентальной блокадой*, повторилъ прежнія экономическія ошибки. Занимаясь между двумя кампаніями обсужденіемъ въ государственномъ совѣтѣ статей Торговаго Кодекса, онъ погубилъ внѣшнюю торговлю. Принимая народы за военныя машины и жертвуя интересами ихъ такъ же, какъ онъ жертвовалъ солдатами, онъ задумалъ закрыть всю Европу для англійской торговли. На всѣхъ границахъ опять происходили конфискація и уничтоженіе товаровъ. Европѣ пришлось отказаться отъ колоніальныхъ продуктовъ.

Впрочемъ, эта система, крайне тяжелая для приморскихъ странъ, привела къ результатамъ, одинаковымъ съ покровительственной системой Кольбера. „Надо заводить фабрики,—говорилъ Наполеонъ тѣмъ, кто жаловались ему,—самимъ добывать то, что прежде брали у другихъ, изготовлять свои бумажныя ткани, свой сахаръ, свое индиго. Все это вы будете производить сами. Пока я принимаю мѣры къ тому, чтобы возвратить свободу морямъ, французская промышленность будетъ создаваться и развиваться". Когда въ 1815 г. материкъ Европы вновь открылся для Англіи, она съ удивленіемъ увидѣла его наполненнымъ фабриками. Въ особенности отъ этого выиграла французская промышленность: другія націи, лишенныя англійскихъ товаровъ, требовали у Франціи тѣхъ предметовъ, какіе имъ были нужны, и Англія встрѣтилась въ ней съ самой оживленной конкурренціей.

Наполеонъ еще во время консульства организовалъ учебное дѣло. Оставалось еще образовать контигентъ лицъ, желающихъ посвятить себя трудному дѣлу воспитанія. Закономъ 10-го мая 1806 г. положено было начало *императорскому университету*, учрежденію, которому ввѣрялось обученіе и на членовъ котораго возлагались постоянныя или временныя учебныя обязанности. По мысли Наполеона, это было нѣчто въ родѣ свѣтской корпораціи. „Мнѣ нужно было,—говорилъ онъ,—создать гражданскую профессію, безкорыстную и серьезную, которая трудилась бы только для литературы и науки; это—идеалъ моего университета Франціи".

Новый Карлъ Великій былъ бы весьма польщенъ, если бы видѣлъ вокругъ себя плеяду великихъ писателей. „Если бы Корнель жилъ въ мое время,—говорилъ онъ,—я бы возвелъ его въ княжеское достоинство". Это не помѣшало ему, однако, относиться враждебно къ Шатобріану и изгнать m-me Сталь, лучшихъ писателей его времени. На-

полеонъ слишкомъ дорожилъ своей неограниченной властью, чтобы оказывать поддержку независимой литературѣ.

Онъ выше цѣнилъ науку и обращался лучше съ учеными, чѣмъ Людовикъ XIV съ поэтами. Почти всѣ извѣстные ученые были сдѣланы имъ сенаторами или баронами и получали денежныя пособія на ряду съ генералами. Художники испытывали также щедрость императора, и блескъ французской живописи возродился, благодаря *Давиду*, *Гро*, *Жерару*, *Жиродэ*, *Герену* и *Прюдону*.

Нравственныя, экономическія и административныя послѣдствія правленія Наполеона были достаточно плодотворны; въ періодѣ консульства и имперіи онъ твердо поставилъ устои современнаго общества. За то, съ политической точки зрѣнія, царствованіе его было исполнено реакціи противъ свободы, добытой революціей.

Увлекаемый своимъ честолюбіемъ, планами болѣе и болѣе грандіозными, онъ, подъ конецъ, пересталъ сообразоваться съ частными интересами; его раздражало всякое сопротивленіе, которое, сдерживая его, могло бы быть спасительно для него самого. Свободы обсужденія уже болѣе не существовало: Сенатъ и Законодательное Собраніе не находили другихъ словъ, кромѣ лести побѣдителю Европы. Трибунатъ, бывшій только тѣнью учрежденія того же имени, но все еще хранившій въ себѣ остатокъ оппозиціи, былъ уничтоженъ въ 1807 г. Депутатовъ даже не спрашивали, когда нужны были усиленные наборы, когда рекрутъ брали изъ разрядовъ, уже доставившихъ ихъ. Конскрипція сдѣлалась настоящимъ бичемъ народа; число уклонявшихся отъ нея равнялось почти пятидесяти тысячамъ.

Личная свобода ничѣмъ не была обезпечена. Наполеонъ допускалъ такія же произвольныя изгнанія, какъ и Людовикъ XIV. Печать была еще менѣе свободна, такъ какъ періодическая пресса находилась подъ единственнымъ наблюденіемъ полиціи, и для рукописей была установлена предварительная цензура. Свобода торговли, совершенно уничтоженная извнѣ, скоро была стѣснена и внутри. Въ 1811 г. неурожай заставилъ поднять цѣну хлѣба. Наполеонъ хотѣлъ самъ продовольствовать Парижъ и, по примѣру Конвента, установилъ высшій предѣлъ цѣны зернового хлѣба. Занятый спѣшнымъ выполненіемъ всѣхъ своихъ военныхъ и мирнымъ предпріятій, онъ полагалъ, что ограниченіе всякаго рода свободы будетъ прощено ему за славу и богатство, какія онъ обезпечивалъ Франціи. Но вмѣсто обезпеченія, онъ уничтожилъ ихъ своимъ желаніемъ властвовать надъ Европой.

Наполеонъ пытался вновь осуществить задачи Карла Великаго и Карла V въ такую эпоху, когда національности уже слишкомъ обосо-

бились, чтобы подчиниться единству, о которомъ мечталъ французскій императоръ. Онъ хотѣлъ въ теченіе десяти лѣтъ возстановить римскую имперію, слагавшуюся въ продолженіе семи вѣковъ. Впрочемъ, былъ моментъ, когда этотъ проектъ можно было считать удавшимся.

Въ 1810 г. французская имперія достигла своихъ послѣднихъ предѣловъ. Наполеонъ побѣдилъ Россію и Австрію при Аустерлицѣ (1805) завоевалъ Пруссію при Іенѣ, возстановилъ Польшу при Эйлау и Фридландѣ (1806 г.), покорилъ Испанію (1808 г.) и еще разъ разбилъ Австрію при Ваграмѣ (1809). Онъ входилъ побѣдителемъ въ Берлинъ, въ Мадридъ и два раза—въ Вѣну; простымъ декретомъ онъ уничтожилъ *свѣтскую власть папы* и подчинилъ Римъ Парижу; онъ былъ другомъ могущественнаго государя Сѣверной имперіи и зятемъ императора австрійскаго.

Имперія его простиралась отъ Гарильяно до устьевъ Эльбы и насчитывала въ себѣ 130 департаментовъ. Женева и Гентъ, Ницца и Антверпенъ, Ахенъ и Флоренція, Амстердамъ и Генуя, Гамбургъ и Римъ управлялись его префектами. Съ этой громадной имперіей связаны были, въ качествѣ союзныхъ государствъ, королевства Итальянское, Неаполитанское, Испанское и Вестфальское, Рейнская конфедерація, заключавшая созданныя имъ королевства Баварское, Виртембергское и Саксонское; въ составъ этихъ союзовъ входило и великое герцогство Варшавское. Наполеонъ называлъ себя еще „медіаторомъ“ Швейцаріи.

Пруссія, наполовину уничтоженная, существовала, лишь благодаря доброй волѣ Наполеона, который вполнѣ распоряжался ею. Австрія, значительно ослабленная, только-что вступила, по тайному соглашенію, въ систему французской имперіи. Такимъ образомъ, половина Европы была подъ властью Наполеона.

Другой половиной владѣла Россія, которая присоединила къ себѣ Финляндію, Валахію и Молдавію. Миръ и война зависѣли отъ согласія или отъ столкновенія самолюбій двухъ императоровъ.

Англія долго расплачивалась за свое морское владычество: изолированная, вынужденная къ контрабандной торговлѣ, она старалась, съ энергіей отчаянія, прорвать сѣть таможенъ, закрывавшую отъ нея материкъ. Придавленная громадой своихъ товаровъ, она едва дышала и уже готова была просить пощады.

Конвентъ отвѣтилъ на угрозы царствующихъ лицъ и вторженіе во французскую территорію пропагандой новыхъ началъ и освобожденіемъ народовъ. Онъ постановилъ 15 декабря 1792 г., что французскіе полководцы во всѣхъ странахъ, куда они вступятъ, должны будутъ про-

возгласить верховную власть народа и отмѣну феодальныхъ правъ. Въ рейнскихъ провинціяхъ, въ Бельгіи и Голландіи введены были французскіе законы, которые удержались тамъ.

Швейцарія, понуждаемая войсками, высланными Директоріей, также произвела революцію. Въ этой странѣ, хотя она и была республиканской съ XIV вѣка, преобладали аристократія и феодальныя традиціи. Во многихъ кантонахъ народъ находился еще въ подчиненномъ положеніи. Въ 1798 г. Директорія организовала новое правленіе по образцу французской конституціи III года. Новыя собранія установили безусловную свободу торговли между всѣми кантонами, уничтоженіе пытки и налога на евреевъ, разрѣшеніе браковъ между лицами различныхъ вѣроисповѣданій и полную отмѣну феодальныхъ правъ.

Въ 1803 г. Наполеонъ, въ качествѣ „медіатора“ или посредника, закончилъ умиротвореніе Швейцаріи и преобразованіе ея соціальнаго и политическаго строя. Онъ раздѣлилъ страну на 19 кантоновъ, вмѣсто 13, которые существовали въ 1789 г. *Федеральнымъ актомъ*, устанавливавшимъ единство Швейцаріи, уничтожались подчиненіе страны, и всѣ привилегіи мѣстныя, личныя и семейныя. Внутри страны отмѣнялись всякаго рода таможенные и дорожные сборы.

Французы до нѣкоторой степени расквитались съ Италіей за то, чѣмъ они обязаны были ей въ эпоху Возрожденія въ XV и XVI вв.; результатъ работы человѣческаго ума, оплодотвореннаго въ эту эпоху, принесенъ былъ обратно въ названную страну въ складкахъ знаменъ побѣдителей при Арколѣ и Риволи.

Италія была освобождена отъ австрійскаго ига и организована въ видѣ нѣсколькихъ республикъ, которыя потомъ, повинуясь теченіямъ, исходившимъ изъ самой Франціи, превращены были во французскія королевства. Нечего и говорить, что австрійское владычество замѣнилось тамъ наполеоновскимъ. Часть Италіи, одна изъ самыхъ богатыхъ, заключающаяся между Апеннинами и Средиземнымъ моремъ, даже была присоединена къ Франціи. *Итальянское королевство*, между Апеннинами и Адріатическимъ моремъ, управлялось родственникомъ Наполеона, принцемъ Евгеніемъ, а *Неаполитанское королевство*—другимъ его родственникомъ, Мюратомъ. Тѣмъ не менѣе, принципы 1789 г. примѣнены были въ странѣ, до тѣхъ поръ вполнѣ предоставленной феодальному гнету.

Французскіе кодексы, поощренія, оказанныя земледѣлію, и украшенія города Неаполя остались воспоминаніями объ управленіи Мюрата.

Въ сѣверномъ королевствѣ превосходныя дороги, проведенныя Наполеономъ черезъ Альпы, облегчали сношенія съ Франціей и Швей-

царіей. Миланъ, гдѣ заканчивался тогда великолѣпный соборъ и воздвигалась Симплонская арка, сдѣлался одною изъ самыхъ цвѣтущихъ столицъ Европы. Реформа различныхъ устарѣлыхъ законодательствъ, упорядоченіе финансовъ и уничтоженіе прежнихъ налоговъ и поборовъ, поощреніе промышленности, возникновеніе школъ и покровительство, оказываемое наукѣ, литературѣ и искусству,—все это ознаменовало для Италіи начало новой эпохи. Наполеонъ относился къ Италіи, языкъ которой былъ его роднымъ языкомъ, какъ къ странѣ, обитателей которой онъ хотѣлъ обратить въ націю, дружественную и родственную французской націи.

Въ Германіи многое было измѣнено, отчасти упрощено и обновлено французскимъ владычествомъ. Еще будучи консуломъ, Бонапартъ старался внести нѣкоторый порядокъ въ хаосъ германскихъ княжествъ и способствовалъ превращенію многихъ духовныхъ владѣній въ свѣтскія. Быть можетъ, ему слѣдовало бы смотрѣть философски на эту добычу, разрываемую нѣмецкими князьями, которая могла породить междоусобныя войны; но онъ предпочелъ создать по ту сторону Рейна приверженцевъ французовъ и полагалъ, что можетъ разсчитывать на признательность нѣмцевъ. Онъ пошелъ далѣе: разрушивъ Германскую имперію, онъ создалъ нѣмецкихъ королей, укрѣпивъ Виртембергъ, Баварію и Саксонію и создавъ имъ противовѣсъ во французскомъ королевствѣ Вестфаліи. Онъ поднялъ значеніе великихъ герцогствъ и, присоединивъ къ нимъ множество мелкихъ князей и имперскихъ рыцарей, подготовилъ паденіе феодальной системы, уже сильно поколебленной превращеніемъ духовныхъ владѣній въ свѣтскія въ 1803 г. Всѣ мелкіе герцоги, принцы и рыцари, владѣнія которыхъ оказывались между союзными государствами, утрачивали свою непосредственную власть: они сохраняли лишь внѣшнія почести, образуя привилегированную аристократію, высшій классъ среди своихъ подданныхъ. Этотъ коренной переворотъ, упрощавшій географію Германіи, освобождалъ народъ отъ содержанія мелкихъ дворовъ и цѣлыхъ армій чиновниковъ и сосредоточивалъ власть въ рукахъ нѣсколькихъ правителей, что было весьма полезно для Германіи, но не для Франціи.

Эти перевороты, подчиненіе большей части германскихъ князей покровителю Рейнской конфедераціи и продолжительное пребываніе французскихъ армій въ этихъ странахъ произвели въ нихъ глубокія общественныя и нравственныя перемѣны. Въ Саксоніи протестантская религія, даже при католическихъ курфирстахъ, угнетала религію католическую; теперь эта послѣдняя получила новыя права и свободу. На этотъ разъ примѣненіе французскаго принципа вѣротерпимости, встрѣ-

чавшаго столько сопротивленія со стороны римскаго двора, было выгодно для католицизма; въ католическихъ государствахъ, какъ, напр., въ Баваріи, оно принесло пользу протестантамъ, а на берегахъ Рейна и Майна—евреямъ, многочисленнымъ въ этихъ странахъ.

Нельзя было ожидать, чтобы Наполеонъ заботился о политической свободѣ; тѣмъ не менѣе, конституціи, какія онъ далъ великимъ герцогствамъ Варшавскому и Франкфуртскому и королевству Вестфальскому, были *представительными*, т. е. проникнутыми современнымъ духомъ, и феодальное угнетеніе повсюду было уничтожено. Король баварскій, Максимиліанъ-Іосифъ, назначилъ своимъ министромъ Монжеласа, француза по происхожденію и воспитанію, и въ этомъ королевствѣ произведены были обширныя реформы, при чемъ раздѣленія и уставы администраціи заимствованы были изъ Франціи. Впрочемъ, подготовленія къ введенію Наполеонскаго кодекса затянулись въ Баваріи до 1814 г. и не были доведены до конца, такъ же, какъ въ Виртембергѣ и Саксоніи, гдѣ удержалось старинное саксонское законодательство. Но французское законодательство получило перевѣсъ въ Баденѣ, въ Гессенъ-Дармштадтѣ, во Франкфуртѣ и въ Вестфаліи. Оно проникло и въ Польшу, благодаря тому, что великое герцогство Варшавское, состоявшее подъ властью короля саксонскаго, все-таки находилось подъ могущественнымъ вліяніемъ своего творца, Наполеона.

Испанцы не переставали протестовать противъ навязанной имъ новой династіи и, въ особенности, недовольны были тѣмъ, что, вмѣстѣ съ этой династіей, въ ихъ странѣ введены были и французскіе принципы. Вступивъ въ Мадридъ, Наполеонъ уничтожилъ инквизицію, убавилъ число монастырей на двѣ трети, уничтожилъ феодальныя права и отмѣнилъ провинціальныя таможни, суды сеньёровъ и проч. Испанскій народъ, все еще остававшійся въ невѣжествѣ, несмотря на весь прогрессъ XVIII вѣка, относился отрицательно къ этимъ благодѣяніямъ, которыя онъ не въ силахъ былъ оцѣнить и которыя навязывались ему противъ его желанія. Духовенство, пользовавшееся наибольшей властью въ Испаніи, возбуждало противъ французовъ и религіозныя страсти, и народное чувство.

Тѣмъ не менѣе, новые принципы имѣли такую силу, что болѣе просвѣщенная часть испанской націи задумала воспользоваться этими принципами противъ самихъ французовъ, которымъ она была обязана ими. Правительству короля Іосифа, организованному на подобіе императорскаго правительства, противустояли *Кортесы*, удалившіеся въ Кадиксъ. Не желая отстать въ примѣненіи либеральныхъ началъ, кортесы произвели коренныя измѣненія въ общественномъ строѣ и въ

государственномъ управленіи, уничтожили права сеньёровъ и привилегіи, пересмотрѣли законы о выморочныхъ наслѣдствахъ и майоратахъ и отмѣнили, такъ называемую, *месту,* которая, ради поощренія овцеводства, обязывала владѣльцевъ оставлять большія пространства земли не вспаханными, для безпрепятственнаго прохода бродячихъ стадъ мериносовъ. Идя въ своихъ политическихъ реформахъ далѣе либеральныхъ идей короля Іосифа, кортесы присоединили къ божественному праву Фердинанда VII противоположный принципъ верховной власти народа и избрали образцомъ для себя Учредительное Собраніе, противоположное власти Наполеона. Французская конституція 1791 г. повторилась въ испанской конституціи 1812 г., которая, послѣ реставраціи, составляла предметъ постоянныхъ требованій испанскихъ либераловъ. Нравственное преобразованіе Испаніи начинается со времени войны за независимость.

Однако, страны, оказывавшія сопротивленіе Франціи, преобразовывались быстрѣе, чѣмъ страны, повиновавшіяся ей. Доказательствомъ этого факта могла служить Пруссія. Почти уничтоженная, съ населеніемъ, уменьшившимся до пяти милліоновъ, занятая французскими войсками, вынужденная держать подъ ружьемъ лишь 42.000 человѣкъ, эта страна, находясь подъ желѣзной рукой Наполеона, все-таки сумѣла возродиться.

Наполеонъ, контролировавшій даже выборъ прусскихъ министровъ, разрѣшилъ королю Фридриху-Вильгельму воспользоваться услугами барона *Штейна*, нассаускаго уроженца, относительно намѣреній котораго французскій императоръ сильно ошибался. Штейнъ предпринялъ полное возрожденіе страны, уничтожилъ крѣпостное право, отмѣнилъ земельныя привилегіи дворянства, позволилъ горожанамъ и крестьянамъ пріобрѣтать земли, а дворянамъ—заниматься промышленностью и торговлей, или, другими словами, положилъ начало гражданскому равенству. Кромѣ того, онъ создалъ городское устройство, введя для выбора должностныхъ лицъ избирательное начало, доступное для всѣхъ гражданъ съ нѣкоторыми условіями ценза. Онъ требовалъ также, чтобы движеніе въ военной службѣ опредѣлялось не происхожденіемъ, а заслугами. Дворянство, тѣмъ не менѣе, оставалось высшимъ классомъ государства и занимало всѣ военныя должности, такъ какъ было исключительно военнымъ сословіемъ. Наполеонъ не могъ не замѣтить истинныхъ стремленій Штейна. Въ силу особаго декрета, объявленный врагомъ Франціи и Рейнской конфедераціи, прусскій министръ долженъ былъ укрыться въ Россію, откуда онъ продолжалъ поддерживать возбужденіе въ Германіи.

Шарнгорстъ, военный министръ, состоявшій сперва на службѣ въ Ганноверѣ, весьма искусными мѣрами обезпечилъ Пруссіи на будущее время народную армію. Ему пришла мысль сдѣлать военною всю націю, превративъ войско въ школу: введя начало обязательной военной службы, онъ не требовалъ сразу всего контингента рекрутъ, а заставлялъ послѣдовательно всѣхъ гражданъ проходить черезъ войско, замѣщая подготовленныхъ солдатъ новобранцами и не переходя предѣла, установленнаго Наполеономъ и опредѣлявшагося скуднымъ состояніемъ финансовъ. Онъ подготовилъ, такимъ образомъ, въ четыре года, отъ 1808 до 1812 года, нѣсколько разрядовъ, которые составляли, среди населенія, сильный резервъ опытныхъ солдатъ, готовыхъ по первому приказу вступить въ ряды войскъ.

Швеція, въ свою очередь, пожелала имѣть французскаго правителя. Наполеонъ дозволилъ избрать Бернадотта, въ качествѣ преемника короля Карла XIII. Бернадоттъ, безъ сомнѣнія, обманулъ его довѣріе и, что еще важнѣе,—довѣріе Франціи, ради сохраненія своей короны. Тѣмъ не менѣе, французскія идеи вмѣстѣ съ нимъ воцарились на Скандинавскомъ полуостровѣ и оказали свое преобразовательное вліяніе на эту страну, увлекая ее на путь современнаго движенія.

Наконецъ, и Россія въ 1812 г. была наводнена арміей, называвшейся арміей *двадцати націй*, но заключавшей въ себѣ 150.000 французовъ. Наполеонъ, слѣдуя величавой идеѣ, подобной тѣмъ, какими онъ любилъ прикрывать свое честолюбіе, намѣревался стать во главѣ Запада, чтобы подавить варварство Востока. Онъ желалъ задержать вторженія, поднявшись къ ихъ источнику. Это необычайное предпріятіе, бывшее прямой причиной его паденія, имѣло значительныя послѣдствія для самой Россіи, которую французы прошли до Москвы. Черезъ нѣкоторое время русскіе, обративъ противъ Наполеона армію двадцати націй, вступили въ Парижъ. Едва ли когда-нибудь приходилось видѣть подобное смѣшеніе народовъ, а слѣдовательно,—и идей. Когда войны окончились, и народы возвратились на свои мѣста, движеніе идей все-таки продолжалось. Господствующему классу въ Россіи, въ свою очередь, пришлось сообразоваться съ новѣйшими началами, которыя не остались погребенными въ снѣгахъ, подобно великой арміи.

Итакъ, это распространеніе французскихъ идей можно безъ преувеличенія сравнить съ распространеніемъ греческихъ идей, которыя разсѣивались македонскимъ завоевателемъ по всѣмъ путямъ Азіи. Новый Александръ, не смотря на императорскую мантію съ золотыми пчелами, въ которую онъ облекался иногда, былъ лишь выдвинувшійся изъ простого класса генералъ, исходившій отъ революціи, принципы

которой онъ распространялъ, не понимая ихъ. Эти недавно возведенные на престолъ короли, эти маршалы, въ блестящихъ мундирахъ и съ величественными султанами, которыми онъ окружалъ себя, были дѣтьми простолюдиновъ, и верховный глава ихъ любилъ вспоминать передъ коронованными особами старой Европы о первыхъ годахъ своей службы въ качествѣ артиллерійскаго офицера. Французскія арміи несли съ собою равенство, и повсюду, гдѣ онѣ появлялись, феодализмъ рушился къ великому облегченію народовъ. Трехцвѣтное знамя, показываясь во всѣхъ столицахъ, было знаменемъ новѣйшаго общества.

Воздушный телеграфъ Шаппа.

Если короли, въ концѣ концовъ, восторжествовали надъ Наполеономъ, то потому, что они поняли силу принциповъ, противъ которыхъ такъ долго боролись. Они обѣщали народамъ свободу, которую такъ неблагоразумно попиралъ Наполеонъ, и заставили властелина Европы очутиться подъ гнетомъ неудовольствія народовъ, возмутившихся противъ его тираніи. Повинуясь порыву, подобному тому, какой управлялъ французами въ 1792 г., народы Германіи устремились на Францію, которая должна была нести от-

вѣтственность за ошибки человѣка, слишкомъ далеко увлекшаго ее за собою. Во имя самихъ принциповъ революціи, отвергнутыхъ коронованнымъ солдатомъ, они пришли въ Парижъ, чтобы задушить эту революцію, которой Европа обязана, однако, своимъ обновленіемъ, своими новыми законами и громаднымъ прогрессомъ нашего вѣка. Это будетъ ясно для насъ, когда мы подведемъ итогъ современному движенію.

ГЛАВА XV.

Состояніе Европы послѣ 1815 г.

Европа въ 1815 г.—Священный Союзъ. — Различныя правительства во Франціи съ 1815 г.; Реставрація (1815—1830); Хартія 1814 г.—Попытки реакціи политической, экономической и соціальной.—Политическіе результаты реставраціи; представительное правленіе; отвѣтственность министровъ.—Іюльская монархія; парламентское правительство.—Цензъ для подачи голосовъ.—Политическія послѣдствія экономической революціи; успѣхи промышленныхъ классовъ; попытки общественныхъ преобразованій во Франціи.—Республика 1848 г.; всеобщая подача голосовъ; конституція 1848 г.—Конституція 1852 г.—Вторая имперія и ея реформы (1852—1870).—Національное Собраніе 1871 г.; Третья республика; конституція 1875 г.—Политическіе результаты современной эпохи во Франціи.—Европейскія державы съ 1815 г.; борьба новыхъ идей и стараго строя.—Великія войны послѣ 1848 г.; современная Европа.—Успѣхи передовыхъ идей; парламентскія правительства.—Англія; успѣхи либеральныхъ идей съ 1815 г.; освобожденіе католиковъ (1829).—Билль объ избирательной реформѣ (1831—1832).—Уничтоженіе рабства негровъ (1834); налогъ въ пользу бѣдныхъ.—Великія экономическія реформы Роберта Пиля; подоходный налогъ; отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ (1846).—Уничтоженіе Навигаціоннаго акта (1849); свобода колоній.—Избирательныя реформы 1867 и 1884 гг.—Англія и Ирландія.—Англійская конституція; правительство; парламентъ.—Аристократія; землевладѣльцы.—Мѣстная администрація; приходы; графства; правосудіе.—Характеръ англійскаго народа; политическій духъ Англіи.—Бельгія и ея конституція (1831).—Конституціонная монархія въ Испаніи (1837).—Португалія.—Голландія; конституція 1848 г.—Швейцарская конфедерація; федеральная конституція.—Данія.—Швеція; конституція 1866 г.—Итальянское королевство.—Св. Престолъ.—Конституціонная Австрія (1860—1867); австрійскій и венгерскій парламенты.—Конституціонное правленіе въ Пруссіи (1850—1857).—Германскій имперскій парламентъ (1871).—Военное могущество Германской имперіи.—Россія; освобожденіе крестьянъ (1861).—Земельныя владѣнія главныхъ государствъ; населеніе.—Военное могущество.—Морскія силы.—Финансовое могущество.—Современная политическая Европа.

Паденіе Наполеона повлекло за собою полное измѣненіе карты Европы. Онъ слѣдовалъ стариннымъ традиціямъ, перекраивая и раздробляя государства, не соображаясь съ національностями, и раздѣляя народы, какъ стада. Побѣдители, союзные государи, дѣлали то же са-

мое, и знаменитый *Вѣнскій* конгрессъ (1814—1815) былъ ничто иное, какъ торгъ, гдѣ различныя вожделѣнія умѣрялись лишь столкновеніемъ противуположныхъ самолюбій. Карта Европы совершенно измѣнилась съ 1789 г., и Франція дорого поплатилась за свои широкія стремленія и за упоеніе своими успѣхами. Она заплатила за нихъ, во-первыхъ, земельными потерями, а во-вторыхъ,—усиленіемъ враждебныхъ ей странъ, которыя были обновлены и просвѣщены ею.

Возвращенная къ границамъ 1789 г., она утратила всѣ выгоды, пріобрѣтенныя завоеваніями революціи, области, которыя дополняли ея естественныя границы, и даже *Савойю*. Къ сѣверу отъ нея образовались королевства *Бельгія* и *Голландія*. Пруссія и Баварія раздѣлили между собою Рейнскія провинціи и угрожали ея сѣверной границѣ, коварно оставленной открытою.

Прусское королевство увеличилось богатой Рейнской долиной, частью *Саксоніи*, *Помераніей* и пріобрѣло герцогство *Познанское*, составлявшее его долю при раздѣлѣ Польши. Хотя между его владѣніями находились еще постороннія государства, но оно, тѣмъ не менѣе, простиралось отъ Мозеля до Нѣмана, господствуя надо всей Сѣверной Германіей. *Австрія*, получившая вновь свои прежнія провинціи, затѣмъ *Венецію и Ломбардію* въ Италіи, одна только могла служить противовѣсомъ Пруссіи. Германская имперія не была возстановлена, но замѣнена *Союзомъ*, видимо управлявшимся *сеймомъ*, а въ дѣйствительности—Австріей и Пруссіей, вожделѣнія которыхъ взаимно уравновѣшивались.

Данія потеряла *Норвегію*, отданную Швеціи, и, благодаря нѣсколькимъ герцогствамъ, должна была войти въ составъ Германскаго союза, который вмѣсто того, чтобы ее защищать, лишилъ ее впослѣдствіи нѣкоторыхъ владѣній. Швейцарія увеличилась тремя кантонами, отдѣленными отъ земель, отнятыхъ у Франціи [1]).

Россія получила почти всю Польшу, и ея владѣнія вдвинулись грознымъ угломъ въ Германію.

Англія сохранила за собою владычество надъ морями.

Дѣйствія Вѣнскаго конгресса смягчены были провозглашеніемъ новыхъ принциповъ: безсрочнаго нейтралитета Швейцаріи, которая не могла уже служить предметомъ ничьихъ вожделѣній, уничтоженія торговли неграми и признанія свободы плаванія по рѣкамъ.

Тѣмъ не менѣе, въ строѣ Европы 1815 г. было много несправедливаго и опаснаго для Франціи. Тогдашняя Европа, въ сравненіи съ 1789 г.,

---

[1]) Нефшатель, женевская территорія и Валисъ. Нефшатель, впрочемъ, былъ отданъ Пруссіи и признанъ независимымъ лишь въ 1857 г.

отличалась невиданнымъ усиленіемъ Англіи и Россіи, бо̀льшимъ единствомъ Германіи и болѣе тѣсной связью ея съ Пруссіей и Австріей, полнымъ уничтоженіемъ самостоятельности Польши, отступленіемъ Швеціи къ сѣверу, а Турціи — къ югу, новой организаціей Швейцаріи и прекращеніемъ существованія флотовъ мелкихъ державъ. Въ дѣйствительности, равновѣсія въ Европѣ не было. Три континентальныя державы, вмѣстѣ съ морской державой, составляли такое страшное цѣлое, что Франція, даже соединивъ около себя второстепенныя державы, не могла бы выдержать натиска этихъ государствъ съ огромнымъ запасомъ людей. Германская и славянская расы получили преобладаніе въ Европѣ въ ущербъ франкской и латинскимъ расамъ.

Чтобы придать еще болѣе вѣса этимъ государствамъ, властители ихъ вступили въ тѣсный союзъ между собою, неблагопріятный принципамъ Революціи. Это былъ *Священный Союзъ*, заключенный между Россіей, Пруссіей и Австріей, обязавшимися поддерживать другъ друга во всѣхъ возможныхъ кризисахъ, вызванныхъ неудовольствіемъ народовъ. Священный союзъ имѣлъ цѣлью разрушить повсюду результатъ шестнадцатилѣтней дѣятельности Революціи.

Политическая реакція, повидимому, закончившаяся во Франціи при имперіи, не сказала еще своего послѣдняго слова, такъ какъ въ 1814 и 1815 гг. была возстановлена монархія Бурбоновъ. Братъ Людовика XVI, Людовикъ XVIII вступилъ на престолъ. Впрочемъ, эта реставрація не была безусловной, какъ возстановленіе Стюартовъ въ 1660 г. Новый король даровалъ хартію, которою обозначались предѣлы реакціи.

Вступленіе къ этой хартіи отвергало принципъ верховной власти народа и возстанавливало прежнее монархическое право. Но на дѣлѣ хартія признавала право страны на представительство въ *двухъ палатахъ*, на гласное обсужденіе законодательныхъ мѣръ, на голосованіе бюджета и налоговъ, а также на поддержаніе главныхъ учрежденій консульства и имперіи, или, иначе говоря, политической и общественной организаціи Франціи, съ какою она вышла изъ смуты и какую ей предстояло сохранить при всѣхъ буряхъ современной эпохи.

Одна изъ палатъ, *палата пэровъ*, была наслѣдственною; аристократы въ ней замѣняли и замѣщали другъ друга. Другая, *палата депутатовъ*, избиралась голосованіемъ двухъ степеней (законъ 1817 г.) при условіяхъ ценза, осложненныхъ въ 1820 г., такъ называемымъ, закономъ двойного голосованія. Благодаря тому, палата депутатовъ стала скорѣе органомъ земельной и финансовой аристократіи, чѣмъ народа.

Пользуясь присутствіемъ союзныхъ войскъ, Реставрація въ 1815 г. повторила эпоху изгнаній и отмстила за прежній терроръ другимъ терроромъ, къ счастью, непродолжительнымъ. Людовикъ XVIII, обладавшій скептическимъ и уравновѣшеннымъ умомъ, сумѣлъ воспротивиться шумнымъ домогательствамъ эмигрантовъ и, именно противъ нихъ, примѣнилъ принципы новаго представительнаго правительства, распустивъ палату 1815 г., болѣе роялистскую, чѣмъ онъ самъ, и исполненную крамолы подъ личиною преданности. Онъ слѣдовалъ политикѣ, за которую особенно стоялъ его министръ Деказъ, старавшійся поочередно сдерживать и удовлетворять ультра-роялистовъ и либераловъ. Но убійство герцога Беррійскаго (въ февралѣ 1820 г.) отдало власть въ руки ультра-роялистовъ, во главѣ министерства которыхъ стоялъ Виллель.

Тогда реакція проявилась вновь въ избирательныхъ законахъ и въ законахъ противъ печати и отразилась даже въ экономической сферѣ. Преувеличенная покровительственная система имѣла цѣлью лишь поддерживать выгоды крупныхъ собственниковъ; она была обращена въ своего рода политическую доктрину. Реакція поддерживалась и во внѣшней политикѣ: тѣ же генералы, которымъ пришлось внести въ Испанію французскіе принципы, посланы были отъ имени Священнаго союза возстановить на престолѣ съ неограниченною властью неспособнаго Фердинанда VII (1823). Палата, которая для избѣжанія частыхъ выборовъ, установила семилѣтній срокъ полномочія депутатовъ, вскорѣ была вовлечена преемникомъ Людовика XVIII, *Карломъ X* (1824—1830), въ реакцію, болѣе стремительную, чѣмъ она хотѣла.

Этотъ государь, который въ изгнаніи „ничему не научился и ничего не забылъ“, показалъ новому обществу зрѣлище освященія своей власти по старинному обычаю, съ костюмами и этикетомъ прошлаго вѣка. Подъ сводами собора въ Реймсѣ, онъ, дѣйствительно, заставилъ подняться изъ гроба прежнюю монархію. Уплатою милліарда, который по его настоянію, вотированъ былъ въ пользу эмигрантовъ, онъ удовлетворилъ своихъ товарищей по изгнанію и взялъ выкупъ съ революціи. Закономъ о святотатствѣ онъ возстановилъ прежнее подчиненіе государства церкви, что обнаружило вскорѣ могущество *конгрегаціи*, общества, учрежденнаго для защиты трона и алтаря. Карлъ X пытался даже произвести общественную революцію, предложивъ возстановить *законъ старшинства*. Этотъ проектъ не прошелъ въ палатѣ пэровъ, гдѣ засѣдало много сановниковъ, выдвинутыхъ революціей. Карлъ X почти лишилъ свободы прессу въ 1827 г., далъ большія права націо-

нальной гвардіи, составленной, впрочемъ, изъ буржуазіи, и рѣшился, наконецъ, увѣнчать эту неразумную политику открытымъ нарушеніемъ хартіи въ 1830 г. и попыткою возстановленія неограниченной власти.

Революція 1830 г. показала, что реставрація ошибалась относительно силы новыхъ идей во Франціи. Представительное правленіе, котораго она держалась, укрѣпилось въ теченіе 15 лѣтъ. Правильное вмѣшательство палатъ въ государственныя дѣла повело за собою, какъ неизбѣжное послѣдствіе, отвѣтственность министровъ.

Эта отвѣтственность была недостаточно опредѣлена и мало примѣнялась въ конституціяхъ Революціи, которыя предоставляли министрамъ лишь самую незначительную власть; впослѣдствіи она существовала только передъ властелиномъ, передъ Наполеономъ. Она становилась, однако, необходимой съ того времени, какъ министры, въ качествѣ помощниковъ короля, управляли обширной іерархіей чиновниковъ. Исполнительная власть оказывалась даже сильнѣе, чѣмъ при старой монархіи. Ей повиновались охотнѣе и, что́ было еще важнѣе, повиновались одинаково и повсюду, такъ какъ нигдѣ уже не существовало ни изъятій, ни особыхъ договоровъ, ни привилегированныхъ личностей, ни корпорацій: Конвентъ и Наполеонъ пріучили страну къ полному подчиненію. Гарантія противъ излишествъ власти заключалась, такимъ образомъ, въ контролѣ палатъ, а этотъ контроль могъ быть дѣйствительнымъ лишь при отвѣтственности министровъ.

Безъ сомнѣнія, Людовикъ XVIII и Карлъ X не допускали для депутатовъ права свергать министровъ. Но они вынуждены были присылать въ палаты такихъ министровъ, которые могли бы жить въ согласіи съ ними и добиваться большинства голосовъ для утвержденія законовъ и бюджета. Людовикъ XVIII, особенно расположенный къ герцогу Деказу, увидѣлъ себя вынужденнымъ пожертвовать имъ въ 1820 г., потому что роялистское большинство желало отказаться отъ либеральной политики. Герцогъ Ришельё, способствовавшій паденію Деказа, палъ въ свою очередь, желая умѣрить реакцію, восторжествовавшую, благодаря Виллелю (1821). Наконецъ, этотъ послѣдній, послѣ семилѣтняго управленія, долженъ былъ уступить обновленной палатѣ и замѣщенъ былъ *Мартиньякомъ* (1828). Такимъ образомъ, королевская власть прикрывалась министрами: они падали, вслѣдствіе своихъ ошибокъ, а король оставался непогрѣшимымъ. Неспособный понять выгоды этого порядка, Карлъ X задумалъ его нарушить, навязавъ палатѣ министерство *Полиньяка*, чтобы, съ помощью этого министерства, обратить въ ничто постановленія Хартіи. Дни 27, 28 и 29 іюля были отвѣтомъ на знаменитые *приказы*.

Это возстаніе уже само по себѣ могло служить доказательствомъ, насколько конституціонное правленіе вошло въ нравы страны. Громкія пренія въ палатахъ, и краснорѣчивыя рѣчи могучихъ ораторовъ позволяли всѣмъ гражданамъ принимать участіе въ политической жизни. Это была древняя республика съ возродившейся свободой, распространявшейся на всю страну, благодаря прессѣ, которая, проникая въ самые глухіе деревенскіе закоулки, превращала всѣхъ обитателей Франціи въ обитателей одного города, въ слушателей однихъ и тѣхъ же ораторовъ. Общественныя дѣла происходили на глазахъ у всѣхъ, отчеты о доходахъ и расходахъ освѣщены были яркимъ свѣтомъ, партіи мѣрялись силами другъ съ другомъ, мнѣнія сталкивались между собой, и администрація, находясь подъ общимъ наблюденіемъ, слѣдила за собою.

Такъ, несмотря на нѣсколько лѣтъ смуты, правительство Реставраціи подняло Францію, подавленную вторженіемъ, уплатило выкупъ, назначенный союзниками, возродило благосостояніе, и послѣдствія экономическаго переворота, задерживавшагося до тѣхъ поръ войнами, могли обнаружиться, благодаря внѣшнему и внутреннему миру. Нравственная и умственная дѣятельность стояли на одномъ уровнѣ съ дѣятельностью коммерческой, и Реставрація явилась эпохой обновленія для литературы, науки и искусства.

Послѣ іюльскихъ дней престолъ былъ такъ же быстро возстановленъ, какъ быстро онъ былъ ниспровергнутъ. Но монархія Людовика-Филиппа не походила уже на монархію Людовика XVIII, Преданія Революціи, на нѣкоторое время оттѣсненныя на задній планъ, опять брали верхъ. Принципъ верховной власти народа былъ открыто провозглашенъ и примѣнялся на дѣлѣ. Если хартія 1814 г. еще оставалась въ силѣ, то многое въ ней было измѣнено. Она уже не исходила отъ короля, а признавалась имъ; она была уже не уступкой, а договоромъ. Государь носилъ титулъ *короля французовъ*, т.-е. онъ царствовалъ уже не въ силу наслѣдственнаго права, а въ силу народнаго избранія.

Правительственный механизмъ только по внѣшнему виду оставался тѣмъ же самымъ. Правительство Реставраціи было *представительнымъ* т.-е. нація имѣла въ немъ своихъ представителей, но не имѣла власти. Правительство Людовика-Филиппа было *парламентскимъ*, т.-е. преобладающее значеніе принадлежало въ немъ парламенту, органу націи. По мѣткому выраженію Тьера, парламентскій государь „царствовалъ, но не управлялъ“. Людовикъ-Филиппъ долженъ былъ выбирать министровъ по желанію палаты, облекая ихъ властью, которая, въ дѣйствительности, исходила не отъ него. Министры были солидарны

между собою: они составляли однородный кабинетъ, который падалъ во всемъ своемъ составѣ при первомъ неблагопріятномъ голосованіи. Это была отвѣтственность и индивидуальная, и коллективная, благодаря которой министры, а слѣдовательно, и король, находились въ зависимости отъ палатъ. Такое правленіе можно было бы назвать республиканскимъ, если бы основа, на которую опиралось представительство страны, не была столь узкой.

Дѣйствительно, парламентъ не могъ быть названъ представителемъ всей націи. Избирательный цензъ былъ пониженъ съ 300 до 200 франковъ [1]). Даже представители либеральныхъ профессій не пользовались избирательнымъ правомъ, если не платили налога въ количествѣ, опредѣляемомъ закономъ. Такимъ образомъ, самые ученые люди лишались права, которымъ пользовался невѣжда, имѣвшій состояніе.

Вслѣдствіе того, новая династія не признавала открыто принципъ верховной власти народа и въ этомъ отношеніи близко стояла къ Реставраціи; тѣмъ не менѣе, дворянство и духовенство чуждались ея и обвиняли ее въ присвоеніи не принадлежащей ей власти. Эта династія не олицетворяла ни божественнаго, ни народнаго права; аристократія сторонилась отъ нея, и сама она не довѣряла народу; поэтому она старалась удовлетворить буржуазію, которая, при всей своей преданности, не сумѣла оградить ее.

Іюльское правительство устраняло народъ отъ власти именно въ такое время, когда развитіе земледѣлія, промышленности и торговли поднимало значеніе земледѣльческихъ и ремесленныхъ классовъ. Успѣхи промышленности и скученіе многочисленныхъ рабочихъ въ мастерскихъ и фабрикахъ во многомъ измѣнили внѣшній видъ общества. Съ одной стороны, машины облегчали трудъ человѣка, а съ другой, человѣкъ становился ихъ рабомъ и вынужденъ былъ вести жизнь крайне тяжелую, представлявшую рѣзкую противоположность довольству, которое все больше и больше распространялось въ обществѣ. Тогда рабочіе классы, не знакомые съ экономическими вопросами и съ правильнымъ отношеніемъ между трудомъ и капиталомъ, пришли къ убѣжденію, что общественный переворотъ еще не былъ законченъ. Они ошибочно смотрѣли на идею равенства, смѣшивая отношенія рабочихъ

---

[1]) Чтобы быть избирателемъ, надо было имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду и уплачивать 200 франковъ прямыхъ налоговъ. При цензѣ въ 100 фр. избирательнымъ правомъ пользовались лишь члены и корреспонденты Института. Предположеніе присоединить къ этимъ „добавочнымъ избирателямъ“ членовъ генеральныхъ совѣтовъ городскихъ мэровъ и ихъ помощниковъ, судей, профессоровъ, адвокатовъ, нотаріусовъ и врачей не имѣло успѣха.

и хозяевъ съ отношеніями народа и прежнихъ привилегированныхъ классовъ. Увлекаемые искусными ораторами, которые увѣряли ихъ, что выходъ изъ ихъ тяжелаго положенія заключается въ новомъ общественномъ переворотѣ, они пришли къ мысли о необходимости обновленія страны, хотя революція 1789 г. въ ней все сравняла и установила общество на основахъ вѣчныхъ законовъ природы и разума. Рабочіе классы вѣрили въ химеру о возможности уравненія имуществъ и въ этихъ видахъ требовали новой организаціи промышленности, регулирующей трудъ и выгоды каждаго, распредѣляя первый сообразно силамъ, а второй—сообразно потребностямъ отдѣльнаго лица, какъ будто послѣднее не обладаетъ непобѣдимымъ стремленіемъ сберегать свои силы и увеличивать свои потребности.

Движеніе идей въ этомъ направленіи было весьма замѣтнымъ съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, и многочисленныя теоріи отъ времени до времени волновали общество. Графъ *Анри де - Сенъ - Симонъ* (1760—1825), имѣвшій общихъ предковъ съ знаменитымъ авторомъ „Мемуаровъ“, основалъ во времена реставраціи *Школу индустріализма,* которая полагала въ основу общества науку и промышленность. Она проповѣдывала филантропію, но, преувеличивая недостатки современнаго общества, требовала коренныхъ измѣненій труда, собственности и религіи. Ученики Сенъ-Симона хотѣли установить безусловное равенство мужчины и женщины, уничтожить наслѣдства и ввести новое религіозное ученіе. Эта школа надѣлала много шума, собирала многочисленные митинги и выдѣлила особую секту, управлявшуюся *Анфантеномъ*, основанную на началахъ братства и старавшуюся производить впечатлѣніе оригинальностью костюмовъ и обычаевъ. Ассоціація сенъ-симонистовъ должна была прекратить свое существованіе по судебному приговору въ 1833 году.

Затѣмъ *Шарль Фурье*, родившійся въ Безансонѣ (1772—1837), хотѣлъ соединить людей, сообразно капиталу, труду и таланту, въ группы, серіи и фаланги. Онъ мечталъ превратить весь міръ въ громадный *фаланстеръ*, гдѣ царствовала бы всеобщая гармонія, и трудъ былъ бы удовольствіемъ, страстью. Одинъ изъ главныхъ учениковъ Фурье, *Консидеранъ*, требовалъ ассигнованія нѣсколькихъ милліоновъ для устройства образцоваго фаланстера. Эти школы, однако, имѣли не многихъ сторонниковъ въ низшихъ классахъ, которымъ непонятны были ихъ сложныя системы.

Другіе реформаторы требовали равенства заработковъ и состояній; между ними особенно былъ извѣстенъ *Кабе* (1788—1856), авторъ *Путешествія въ Икарію*. Онъ пытался осуществить свои идеи, основавъ

въ Соединенныхъ Штатахъ, на берегу Красной рѣки, колонію, не имѣвшую успѣха.

Луи Бланъ (1813—1882), кромѣ своихъ историческихъ трудовъ, составившихъ его славу, изложилъ свои мысли о преобразованіи общества въ книгѣ *Объ организаціи труда* и высказалъ идею о *правѣ на трудъ*. Ставя на мѣсто отдѣльной личности государство, онъ мечталъ о широкой ассоціаціи, подъ покровительствомъ этого послѣдняго. Ради возмѣщенія неизбѣжнаго неравенства между потребностями, онъ желалъ, чтобы всѣ надѣленные большими способностями помогали удовлетворенію нуждъ тѣхъ, у кого способностей было меньше. Такимъ образомъ, онъ отнималъ у дѣятельности то, что̀ служитъ ей стимуломъ, т.-е. приманку вознагражденія, и теорія его должна была бы привести только къ поощренію лѣни. Въ тотъ день, когда государство, распоряжаясь продуктами труда, захочетъ ихъ раздѣлить поровну, не принимая во вниманіе энергіи работниковъ, эта энергія исчезнетъ, и работа остановится.

Иною была система *Прудона* (1808—1865), оригинальнаго публициста; онъ былъ сыномъ бондаря и образовалъ себя самъ, подобно Руссо; въ нѣкоторыхъ страницахъ своихъ произведеній онъ проявляетъ замѣчательную силу мысли. Онъ порицалъ вмѣшательство государства въ дѣла частныхъ лицъ, доводя свою систему до полнаго безначалія. Его система должна была бы раззорить общество, такъ какъ она требовала уничтоженія самой крѣпкой основы его,—собственности, которая можетъ переходить изъ рукъ въ руки, но не можетъ исчезнуть. Она требовала также безвозмезднаго кредита, чѣмъ подрывала его вполнѣ, такъ какъ кредитъ не можетъ существовать безъ сбереженій, а поощреніемъ къ сбереженію служитъ лишь приманка прибыли, извлекаемой изъ пріобрѣтеннаго капитала. Чтобы давать взаймы, надо имѣть самому, а кто же будетъ стремиться къ обладанію деньгами, если онѣ не будутъ приносить никакой прибыли? Эта смѣсь теорій, по большей части, химерическихъ, нѣкоторое время могла ослѣплять, потому что онѣ сопровождались живой и бойкой критикой промышленной организаціи, но время не подтвердило ихъ справедливости. Безъ сомнѣнія, многія важныя экономическія задачи еще требуютъ своего рѣшенія, но ихъ рѣшеніе не можетъ состоять въ ниспроверженіи общества и въ измѣненіи условій, существующихъ, благодаря разуму и опыту вѣковъ.

Іюльское правительство обращало вниманіе на проповѣдь преобразовательныхъ идей лишь въ той мѣрѣ, въ какой она угрожала порядку. Оно не стремилось просвѣтить народъ и устранить одну изъ глав-

ныхъ причинъ его неудовольствія, допустивъ его къ участію въ политической жизни. Оно поддерживало существованіе легальнаго, привилегированнаго слоя, возвышавшагося надъ всею страной. Оно было низвергнуто.

Одержавъ надъ нимъ, 24 февраля 1848 г., побѣду безъ всякаго сопротивленія, народъ пожелалъ возвратиться къ республиканской формѣ, и первымъ дѣйствіемъ его вождей было провозглашеніе *всенароднаго голосованія* (декретъ временнаго правительства 5 марта 1848 года). Избирателемъ могъ быть каждый французъ, достигшій 21 года и пользующійся своими гражданскими правами. Такимъ образомъ, явилось разомъ, вмѣсто 300.000,—8 милліоновъ избирателей. Это было полнымъ торжествомъ верховной власти народа, и Національное Собраніе, собравшееся въ маѣ 1848 г., сочло долгомъ приступить къ выработкѣ демократической конституціи.

Вслѣдъ затѣмъ, вспыхнувшая тогда соціалистическая революція, залившая Парижъ кровью, въ роковые іюньскіе дни 1848 г., испугала средніе классы и сельское населеніе. Этотъ испугъ отразился на конституціи 1848 г., и она явилась лишь копіей конституціи 1791 г., установивъ одно собраніе и президента и сдѣлавъ ихъ обоихъ независимыми, подготовляя тѣмъ неизбѣжность столкновеній между ними [1]). Племянникъ Наполеона I, *Людовикъ-Наполеонъ*, благодаря обаянію своего имени, былъ избранъ президентомъ республики болѣе, чѣмъ пятью милліонами голосовъ. Ему предоставлено было примѣнить на дѣлѣ эту республиканскую конституцію, которую, въ теченіе четырехъ лѣтъ, онъ всѣми способами старался подорвать и которую онъ уничтожилъ, наконецъ, переворотомъ 2-го декабря 1851 г. Франція еще разъ должна была перейти отъ крайней свободы къ крайнему подчиненію.

Конституція 1852 г., составленная самимъ Людовикомъ-Наполеономъ и затѣмъ подвергнутая одобренію народа посредствомъ голосованія, была сколкомъ съ конституціи VIII года. Она уничтожала парламентскую свободу и сосредоточивала власть въ рукахъ президента, избиравшагося на десять лѣтъ. Она устраняла и отвѣтственность министровъ. Обѣ палаты, Законодательное Собраніе и Сенатъ, сохранили свое существованіе, но не имѣли уже никакой иниціативы, и про-

---

[1]) Конституція 12 ноября 1848 г. устанавливала единственное собраніе изъ 750 членовъ и президента, избиравшагося на четыре года, распоряжавшагося арміей и администраціей, но не имѣвшаго никакой власти надъ собраніемъ. Президентъ избирался всенароднымъ голосованіемъ. Собраніе и президентъ исходили изъ одного и того же источника и могли одинаково назвать себя представителями страны, что могло повести къ различнымъ пререканіямъ между ними.

исходившія въ нихъ пренія не становились достояніемъ страны, такъ какъ отчеты о нихъ подвергались безпощадной цензурѣ. Трибуна обречена была на безмолвіе. Законъ 17 февраля 1852 г. подчинилъ печать предостереженіямъ и пріостановкамъ, т. е. одной лишь административной власти, а, слѣдовательно, и произволу министровъ. Дѣятельность центральной власти опиралась на обширную іерархію всевозможныхъ чиновниковъ, повиновавшихся дисциплинѣ столь же строгой, какъ дисциплина имперіи.

Впрочемъ, немного уже было нужно для этой конституціи, чтобы сдѣлаться императорской. Имперія была возстановлена въ концѣ 1852 г и утверждена, въ свою очередь, народнымъ голосованіемъ. Исторія Франціи опять начиналась съ начала.

Новый императоръ увеличилъ еще свои полномочія правомъ заключать торговые трактаты отъ своего лица и измѣнять простыми приказами отношенія государственныхъ собраній къ исполнительной власти. Безъ сомнѣнія, императорская монархія основана была на народномъ голосованіи и въ заголовкѣ каждаго приказа напоминала о верховной власти народа. Тѣмъ не менѣе, она была чисто представительною, какъ монархія Бурбоновъ, и болѣе неограниченною, чѣмъ эта послѣдняя. Безмолвіе воцарилось во всей странѣ и продолжалось въ теченіе восьми лѣтъ. Наполеонъ, однако, самъ прервалъ его. Послѣ итальянской кампаніи 1859 г., пробудившей надежды свободномыслящихъ людей, онъ своею властью (коммерческимъ трактатомъ съ Англіею, 5-го января 1860 г.) положилъ начало *свободѣ торговли*, а 24 ноября того же года—*свободѣ политической*. Онъ далъ Сенату и Законодательному Собранію право вотировать *адресы*, или обращенія къ нему. Все, что говорилось въ обѣихъ палатахъ, должно было воспроизводиться in extenso въ «Оффиціальной Газетѣ". Министры безъ портфеля, вмѣстѣ съ государственными совѣтниками, отстаивали проекты законовъ. Въ 1861 г. императоръ отказался отъ права открывать чрезвычайные кредиты въ промежуткахъ между сессіями Законодательнаго Собранія. Въ 1867 г. Наполеонъ III, подъ давленіемъ обстоятельствъ, осложнившихся ошибками во внѣшней политикѣ, сдѣлалъ и дальнѣйшій шагъ: онъ заставилъ министровъ самихъ защищать свои дѣйствія передъ палатами и замѣнилъ *обращеніе* къ императорской власти правомъ требованія объясненій. Законъ 1868 г. возвратилъ печать въ вѣдѣніе судебной власти, а другой въ томъ же году установилъ *право собраній*. При всей своей медленности, эволюція подвигалась твердыми шагами. Она продолжалась въ 1869 г. и привела 2 января 1870 г. *къ парламентскому* правленію, возстановленному съ отвѣтственностью мини-

стровъ, правами иниціативы, интерпеляціи и поправокъ, признававшимися за депутатами. Затѣмъ, сенатъ утратилъ свою учредительную власть, и третье народное голосованіе утвердило эти глубокія измѣненія, возвращавшія императорскую монархію къ порядкамъ іюльской монархіи.

Эти неожиданныя перемѣны свидѣтельствовали, что императоръ не придерживался предразсудковъ и готовъ былъ подчиниться урокамъ опыта. Но имперія была военной монархіей: она могла существовать лишь при условіи давать странѣ славу и благосостояніе. Нельзя уже было надѣяться, что она, послѣ пораженія, спасетъ себя, давши свободу. Наполеонъ I также издалъ *Дополнительный актъ* передъ Ватерлоо. Конституціонный порядокъ не могъ спасти Наполеона III послѣ неслыханнаго погрома при Седанѣ. Императоръ допустилъ расширеніе по ту сторону Рейна другой монархіи, еще болѣе воинственной—Пруссіи, и даже способствовалъ ея росту. Вторженіе 1870 г. повело къ ниспроверженію императорскаго трона, и сама Франція вышла изъ этой ужасной войны ослабленною и даже искалѣченною.

Въ 1871 г. Франція опять имѣла возможность, при весьма тяжелыхъ обстоятельствахъ, избрать правительство по своему желанію. *Національное собраніе* сошлось въ Бордо 13 февраля 1871 года и, затѣмъ, въ Версали. Сперва ему пришлось бороться съ ужаснымъ возстаніемъ, вынудившимъ армію взять Парижъ еще разъ у коммуны, послѣ двухмѣсячной осады. Когда Собранію удалось умиротворить и освободить страну, оно приступило къ переработкѣ конституціи. Различныя предшествовавшія правительства не могли не оставить своихъ обломковъ и сторонниковъ. Въ самомъ составѣ Собранія 1871 г. можно было видѣть сокращенную внутреннюю исторію Франціи съ 1789 г. Одни требовали конституціи 1791 или 1848 г.; нѣкоторые члены возвращались даже къ воспоминаніямъ Конвента и Горы; другіе съ восторгомъ привѣтствовали бы Совѣтъ Пятисотъ и Совѣтъ старѣйшинъ; приверженцы императорскихъ преданій оставались вѣрными имъ, и еще многочисленнѣе были сторонники Реставраціи и Іюльской монархіи. Собранію 1871 г. приходилось разбираться среди всѣхъ этихъ кратковременныхъ конституцій, сообразоваться со всѣми опытами прежнихъ временъ, и отстаивать свое существованіе среди партій, съ ожесточеніемъ относившихся другъ къ другу. Послѣ долгой и трудной борьбы, о подробностяхъ которой мы не можемъ говорить здѣсь, оно выработало, наконецъ, конституцію 25 февраля 1875 г.

Въ этой конституціи, казавшейся временной всѣмъ монархистамъ, присоединившимся къ ней, оставалось нѣчто изъ всѣхъ предшество-

вавшихъ конституцій. Она удерживала всенародное голосованіе конституціи 1848 г. и императорскихъ конституцій, и названіе *Сената* для второй палаты, какое она имѣла при имперіи. Эта конституція возобновляла названіе *Палаты депутатовъ*, введенное іюльскимъ правительствомъ. Она пыталась стѣснить всенародное голосованіе, допустивъ для выбора Сената ограниченное и двухстепенное голосованіе. Законы должны были подвергаться *тремъ чтеніямъ*, какъ въ конституціи 1848 г. и въ конституціи эпохи Революціи. Исполнительная власть ввѣрялась *президенту*, избиравшемуся на семь лѣтъ палатами, какъ избранъ былъ Людовикъ-Филиппъ, и, кромѣ того, *неотвѣтственному*, какъ конституціонный монархъ. *Отвѣтственность министровъ* придавала новому правительству парламентскій характеръ по образцу 1830 г.

Но учрежденія зависятъ лишь отъ людей, которые ихъ примѣняютъ къ дѣлу. Народное собраніе разошлось въ концѣ 1875 г., и выборы въ новыя палаты дали республиканской партіи значительное большинство въ Палатѣ депутатовъ. Конституція 1875 г., выработанная подъ вліяніемъ монархистовъ, сдѣлалась конституціей республиканскаго правительства.

Работа, происходившая во Франціи въ 1789 г., заключалась, какъ мы видѣли, въ отысканіи равновѣсія между порядкомъ и свободою, одинаково необходимыми. Политическій строй во все это время былъ, какъ нельзя болѣе, подвижнымъ и неустойчивымъ. Конституція 1791 г., выработанная монархіей, привела къ республикѣ. Республиканская конституція III года привела къ возвращенію монархіи съ императорской властью. Имперія привела къ прежней монархіи, возстановленной подъ властью Бурбоновъ. Реставрація погибла, пытаясь возстановить прежній образъ правленія. Іюльское правительство пало, потому что не умѣло ни воспользоваться своей властью, ни удовлетворить либеральнымъ требованіямъ. Республика 1848 г. оказалась жертвою анархіи, которою воспользовался честолюбивый племянникъ Наполеона. Наконецъ, послѣ новой имперіи, продолжавшейся восемнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ удовлетворялись только потребности порядка, Франція, при третьей республикѣ, стремится укрѣпить свою почву, поколебленную столькими потрясеніями.

Она продолжаетъ свою трудную работу примиренія между традиціями власти и традиціями свободы, которыя приходили въ безпрестанныя столкновенія между собою во всѣ эпохи ея исторіи. Германскія и римскія начала находятся въ тѣмъ болѣе ожесточенной борьбѣ, что они освободились теперь отъ всякой феодальной примѣси. Задача на-

шего вѣка заключается въ томъ, чтобы привести ихъ къ согласному единенію, такъ какъ и тѣ, и другія отвѣчаютъ великимъ инстинктамъ человѣчества—стремленіямъ къ порядку и свободѣ, безъ которыхъ не можетъ быть ни общества, ни цивилизаціи.

Упорная борьба новыхъ началъ съ прежними порядками послѣ 1815 г. продолжалась не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Съ окончаніемъ войнъ имперіи, старыя монархіи полагали возможнымъ возвратиться къ своимъ вѣковымъ преданіямъ. Въ Европѣ происходила такая же реставрація, какъ и во Франціи. Но съ 1820 г. опять начались волненія въ Неаполѣ, въ Туринѣ и въ Испаніи. Они были подавлены арміями Священнаго союза; государи этого союза сблизились еще тѣснѣе на конгрессахъ въ Троппау, въ Лайбахѣ и въ Веронѣ, и согласились принять на себя охрану Европы. Революція въ Испаніи ускорила, впрочемъ, освобожденіе испанскихъ колоній, и Америка, возвративъ свою независимость на югѣ и на сѣверѣ, покрылась республиками. Одна лишь Бразилія, хотя и освобожденная, оставалась монархіей.

Перевороты, происходившіе въ Европѣ во время войнъ Революціи и Имперіи, не коснулись странъ, находившихся подъ владычествомъ турокъ. Но и эти страны были не спокойны, мечтая о скоромъ освобожденіи. Въ особенности, Греція, гордая славными воспоминаніями, тяготилась своимъ игомъ. Она возстала въ 1821 г., и европейскія державы сочли нужнымъ оказать ей помощь. Она вполнѣ получила свободу въ 1829 г., и въ 1832 г. изъ нея образовалось королевство *Греческое*.

Іюльская революція въ 1830 г. какъ-будто послужила сигналомъ для новыхъ волненій въ Европѣ. Польша возстала и долго сопротивлялась русскимъ войскамъ. Бельгія, силою присоединенная къ Голландіи, отдѣлилась отъ нея въ августѣ 1830 г. Германскіе и итальянскіе народы потребовали обѣщанныхъ конституцій. Всѣ угнетенныя народности обращали свои взоры къ Франціи, но правительство Людовика-Филиппа, слишкомъ занятое укрѣпленіемъ своей власти, никому не захотѣло оказать помощи. Изъ всѣхъ возставшихъ странъ, одна Бельгія пріобрѣла независимость и образовала новое королевство (1835 г.). Однако, это волненіе во многихъ странахъ повело къ тому, что конституціи ихъ сдѣлались гораздо либеральнѣе, какъ, наприм., въ Испаніи.

То же явленіе возобновилось еще съ большей силой въ 1848 г. Возстаніе вспыхнуло въ столицѣ Австріи, въ Вѣнѣ. Ломбардія, съ помощью короля пьемонтскаго, Карла-Альберта, освободилась отъ австрій-

скаго ига. Германскій союзъ былъ встревоженъ стремленіями сторонниковъ единства Германіи. Даже въ Берлинѣ произошли безпорядки. Никогда еще въ старой Европѣ не видали подобнаго потрясенія. Но ни Франція, ни Англія никому не оказали помощи, и можно было предвидѣть скорое возстановленіе прежняго порядка. Италія снова подпала подъ власть австрійцевъ. Поддержка Россіи помогла Австріи подавить возстаніе въ Венгріи. Прежнее положеніе возстановлено было и въ Германіи, и Европа оказалась такою же, какою ее установили трактаты 1815 г. Но потрясеніе это не прошло даромъ, и результаты его вскорѣ должны были обнаружиться.

Къ внутреннимъ вопросамъ присоединились другіе, болѣе важные—вопросы европейскаго равновѣсія. Соперничества между державами, сдерживаемыя въ 1815 г., теперь проявились въ полной силѣ.

Франція и Англія вступились за Турцію противъ Россіи и достигли своей цѣли въ знаменитой Крымской войнѣ (1854—1856). Наполеонъ III, примѣшивая вопросы національностей къ вопросамъ равновѣсія, освободилъ Ломбардію въ 1859 г., но оставилъ Венецію подъ властью Австріи. Послѣдствіемъ этой войны было объединеніе Италіи. Итальянское королевство образовалось въ 1861 г.

Объединеніе Италіи повело къ объединенію Германіи. Слѣдуя политикѣ Кавура, графъ *Бисмаркъ* приступилъ къ осуществленію этого единства въ пользу Пруссіи, такъ же, какъ итальянскій министръ осуществилъ его въ пользу Пьемонта. Бисмаркъ началъ сперва несправедливую войну съ Даніей, у которой, вмѣстѣ съ Австріей, отнялъ два герцогства (1864). Затѣмъ, обратившись противъ своего недавняго союзника, онъ, послѣ войны 1866 г., исключилъ Австрію изъ Германіи, уничтожилъ Германскій союзъ и утвердилъ владычество Пруссіи надъ сѣверной Германіей. Пораженіе Франціи въ 1870 г. позволило ему завершить германское единство и установить въ пользу прусскаго короля *Германскую Имперію* (1871).

Эта ужасная война глубоко измѣнила равновѣсіе силъ въ Европѣ. Россія, сохранявшая нейтралитетъ, благопріятный Пруссіи, получила возможность продолжать свою завоевательную политику на Востокѣ. Послѣ новой войны (1877—1878 гг.), конгрессъ, собравшійся въ Берлинѣ, утвердилъ дальнѣйшее расчлененіе Турціи. Къ списку государствъ Европы прибавились независимыя королевства *Румынское* (1883) и *Сербское* (1882) и княжества *Черногорское* и *Болгарское* (увеличившееся въ 1886 г. присоединеніемъ *Восточной Румеліи*).

Турція, такимъ образомъ, почти стерта съ карты Европы, и три могущественныя имперіи, Германская, Россійская и Австрійская, дер-

жатъ въ своей власти весь центръ и востокъ Европы. Хотя усиленіе германской и славянской расъ не могло быть выгоднымъ для Франціи, но она вездѣ могла видѣть торжество началъ, за которыя боролась такъ долго.

Англія первая дала Европѣ образецъ свободнаго правительства. Но французская революція слишкомъ опередила его, и англійская аристократія старалась продлить войны противъ Франціи, чтобы отвратить низшіе классы отъ опаснаго подражанія ей. Она возбудила патріотизмъ въ народѣ и старалась удовлетворить его, желая остановить вторженіе французскихъ идей. Однако, послѣ паденія Наполеона, когда материкъ открылся вновь для Англіи, эти идеи глубоко взволновали ея населеніе, настолько, что въ 1817 и 1819 гг. торіямъ пришлось употребить всю свою энергію, чтобы сдержать народныя угрозы въ большихъ городахъ. Отпаденія происходили даже въ ихъ рядахъ, и знаменитый *Джоржъ Каннингъ*, соединившись съ вигами, потребовалъ политическихъ реформъ, между тѣмъ, какъ *Гёскиссонъ* приступилъ къ реформамъ экономическимъ.

Несмотря на свою упорную защиту старой конституціи, герцогъ *Веллингтонъ*, побѣдитель при Ватерлоо, сдѣлавшійся главою кабинета въ 1827 г., долженъ былъ уступить движенію, которое вызвалъ Каннингъ и которое не было остановлено преждевременной смертью великодушнаго министра. Герцогъ вынужденъ былъ допустить отмѣну акта, воспрещавшаго протестантамъ, не принадлежавшимъ къ англиканской церкви, принимать участіе въ городскомъ управленіи.

Вслѣдъ затѣмъ разрѣшенъ былъ важный вопросъ о свободѣ католическаго вѣроисповѣданія. Вѣротерпимость начинала брать верхъ въ Европѣ, и Англія въ XIX вѣкѣ не могла уже поддерживать суровыхъ законовъ XVII столѣтія, тѣмъ болѣе, что часть Соединеннаго королевства, Ирландія, исповѣдывала католицизмъ, и могучій агитаторъ, истинный трибунъ, *О'Коннель* поднялъ въ ней народъ. *Робертъ Пиль*, членъ министерства торіевъ, примкнулъ къ либеральной партіи. Благодаря его усиліямъ, министерство признало само и заставило признать короля и лордовъ свободу католицизма. Общины вотировали этотъ законъ 30 марта 1829 г.: это былъ весьма важный актъ, полагавшій конецъ возмутительной несправедливости, отнимавшей у католиковъ права гражданъ.

Отголосокъ іюльской революціи повелъ къ паденію торіевъ и къ торжеству виговъ. Лордъ *Грей*, глава виговъ, образовалъ министерство, въ которое вступили лорды Голлэндъ, Альтропъ, Джонъ Россель и знаменитый Брумъ. 1 марта 1831 г. новый кабинетъ внесъ въ палату общинъ *билль о реформѣ*.

Мы уже знаемъ, какимъ образомъ составилась палата депутатовъ. Въ средніе вѣка, рядомъ съ кавалерами графствъ, представителями менѣе богатой части аристократіи, засѣдали депутаты городовъ и мѣстечекъ. Но не всѣмъ городамъ даровано было отъ короля право выбора депутатовъ. Съ теченіемъ времени, положеніе многихъ городовъ измѣнилось, и это неравенство обозначилось еще рѣзче. Нѣкоторые города, бывшіе мало извѣстными, сдѣлались центрами промышленнаго движенія и все-таки не могли имѣть голоса въ парламентѣ. Другіе, утративъ свое значеніе, сохраняли, однако, эту привилегію. Нѣсколько хижинъ, уцѣлѣвшихъ отъ прежнихъ мѣстечекъ (бурговъ), посылали депутатовъ въ парламентъ, а Манчестеръ не имѣлъ тамъ представителей. Избирательное право переходило, такимъ образомъ, въ руки бѣдняковъ, которые извлекали изъ него выгоды, или богатыхъ землевладѣльцевъ, которые, благодаря тому, что въ ихъ владѣніяхъ находилось какое-нибудь разрушенное мѣстечко, сами назначали депутата или возлагали на самихъ себя это полномочіе. Билль 1 марта 1831 г., подобно всѣмъ другимъ англійскимъ реформамъ, измѣнялъ избирательную систему, не уничтожая ея. Избирательное право опредѣлялось *доходомъ*. Шестьдесятъ полуразрушенныхъ мѣстечекъ утрачивали свою привилегію; сорокъ семь другихъ, находившихся въ меньшемъ упадкѣ, посылали въ парламентъ лишь одного депутата. Ливерпуль, Манчестеръ и нѣсколько другихъ значительныхъ городовъ получили представительство въ Палатѣ общинъ; Лондонъ и нѣкоторыя графства посылали большее число депутатовъ. Пониженіемъ ценза билль распространялъ избирательное право на большее число гражданъ, чѣмъ французскіе законы той же эпохи. Торіи боролись цѣлый годъ, чтобы не дать пройти этому закону. Министры обратились къ странѣ, Палата была распущена, выборы оказались благопріятными вигамъ, и новая палата приняла билль о реформѣ. Тогда торіи вынудили Верхнюю палату отвергнуть его; виги добились отъ короля назначенія нѣкотораго числа пэровъ для измѣненія большинства, и послѣ бурныхъ преній, вызывавшихъ волненіе въ народѣ, вигамъ удалось получить отъ Верхней палаты ея одобреніе билля о реформѣ (4 іюня 1832 г.).

Черезъ два года послѣ избирательной реформы, Англія уничтожила въ своихъ колоніяхъ *рабство негровъ*. Честь проведенія этого закона принадлежитъ преемнику лорда Грея, лорду *Мельбурну*, также вождю виговъ.

Лорду Мельбурну удалось проведеніе другой, не менѣе важной реформы, *закона о бѣдныхъ*. Пауперизмъ есть одна изъ язвъ богатой Англіи. Чтобы прекратить его, въ XVI в. издавались жестокіе законы

противъ бродягъ и нищихъ. Въ началѣ XVII вѣка, Елизавета обнародовала законы, которые возлагали заботу о бѣдныхъ на приходы и устанавливали налогъ, предназначенный къ облегченію участи неимущихъ (*poor rate*). Эти пособія заставляли иногда рабочихъ завидовать судьбѣ бѣдныхъ и служили поощреніемъ лѣни. Новый законъ, вотированный 14 апрѣля 1834 г., удерживалъ налогъ въ пользу бѣдныхъ, но упорядочивалъ взиманіе его и ввѣрялъ его распредѣленіе мѣстнымъ совѣтамъ (*board of guardians*). Во главѣ этой администраціи стояли три должностныхъ лица, которыя управляли ею и контролировали ее. Всякаго рода пособія на дому были отмѣнены; бѣдные, не имѣвшіе силы работать, помѣщались въ богадѣльни, а могущіе трудиться—въ рабочіе дома (*workhouses*).

Царствованіе королевы Викторіи, наслѣдовавшей въ 1837 г. своему дядѣ Вильгельму IV, только поддерживало этотъ прогрессъ, медленный, но постоянный. Финансовыя затрудненія обращали на себя особое вниманіе *Роберта Пиля*; для пополненія дефицита, онъ установилъ подоходный налогъ (*income-tax*) (1842) [1]. Безъ сомнѣнія, эта мѣра была тяжелою, но она значительно усилила доходы казны и установила равновѣсіе между доходами и расходами. Этотъ налогъ можетъ служить доказательствомъ особенностей характера каждаго народа: будучи принятъ въ Англіи, онъ до сихъ поръ не могъ быть проведенъ во Франціи.

Англійскій народъ всего болѣе терпѣлъ отъ покровительственной системы, поддерживавшейся крупными землевладѣльцами и увеличивавшей цѣну съѣстныхъ припасовъ. Вслѣдствіе того, земли приносили много, но рабочіе классы должны были покупать хлѣбъ по дорогой цѣнѣ. Противодѣйствіе такому порядку, начавшееся при Гёскиссонѣ, обнаружилось еще рѣзче, когда во главѣ его сталъ выдающійся экономистъ *Ричардъ Кобденъ*, мануфактуристъ изъ Манчестера. Онъ собралъ вокругъ себя многихъ послѣдователей и образовалъ, такъ-называемую, *Манчестерскую школу*, имѣвшую цѣлью—защиту торговой и политической свободы и мира. Возбужденіе достигло вскорѣ такихъ размѣровъ, что англійская аристократія была напугана имъ, и Робертъ Пиль, несмотря на свои консервативныя симпатіи, увидалъ, что слѣдуетъ уступить новому теченію. Не смущаясь сопротивленіемъ выдающихся вождей его партіи, Робертъ Пиль, примкнувъ къ идеямъ виговъ, своихъ

[1]) Этотъ налогъ былъ опредѣленъ сперва въ 2 франка 92 сант. на сто, для доходовъ въ 3.750 фр. и выше, и въ 2 фр. 8 сант. на сто, для доходовъ отъ 2.500 до 3.750 фр. Подоходный налогъ въ 1883–1884 гг. далъ 30.718,000 фунт. ст. (около 300 милліоновъ рублей).

противниковъ, рѣшился доставить верхъ этимъ идеямъ и, такимъ путемъ, уничтожить страшную лигу, образовавшуюся подъ именемъ *Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ*. Въ сессію 1846 г. онъ добился вотированія свободы торговли и освобожденія съѣстныхъ припасовъ отъ всякихъ пошлинъ; въ видѣ вознагражденія, онъ освободилъ поземельную собственность отъ нѣкоторыхъ, лежавшихъ на ней, повинностей относительно дорогъ; онъ разрѣшилъ также государственныя ссуды земледѣльцамъ. Когда Роберту Пилю удалось провести законъ объ уничтоженіи пошлины съ хлѣбныхъ злаковъ, онъ отказался отъ власти. „Я оставлю мое имя, — говорилъ онъ,—какъ предметъ ужаса для всѣхъ монополистовъ и многихъ, добивающихся монополій изъ эгоизма. Но, быть можетъ, его будутъ повторять иногда съ выраженіями сочувствія въ скромныхъ жилищахъ, гдѣ живутъ люди, удѣломъ которыхъ служитъ трудъ, и которые добываютъ свой насущный хлѣбъ въ потѣ лица. Быть можетъ, они будутъ произносить мое имя съ признательностью, когда будутъ отдыхать отъ своихъ трудовъ, питаясь обильной пищей, которая покажется имъ тѣмъ пріятнѣе, что не будетъ напоминать несправедливостей законодательства“. Робертъ Пиль оказался правымъ, и результаты его политики придали его имени высочайшій почетъ и величайшую популярность.

Вступивъ на этотъ путь, Англія не замедлила уничтожить послѣдніе слѣды запретительной системы. Не опасаясь уже болѣе конкуренціи, благодаря развитію своего морского могущества, она отмѣнила (въ іюнѣ 1849 г.), при управленіи лорда Росселя, одного изъ вождей партіи виговъ, Навигаціонный актъ, который велъ свое начало отъ Кромвеля (1650). Иностранныя суда приравнивались къ англійскимъ, какъ по отношенію къ ввозу, такъ и къ вывозу всякаго рода товаровъ и колоніальныхъ, и европейскихъ.

Министерство виговъ лорда Росселя предприняло, кромѣ того, освобожденіе колоній. Вмѣсто старой колоніальной системы, которая своими угнетеніями часто вызывала возмущенія, это министерство ввело *автономію* (1850), т.-е. самостоятельное управленіе колоній. Впрочемъ, Канада, Новая Шотландія и Новый Брауншвейгъ пользовались уже представительнымъ правленіемъ. Капская колонія получила двѣ палаты. Въ Австралійскихъ колоніяхъ была сперва только одна палата, двѣ трети членовъ которой были избранными, а одна треть назначалась губернаторомъ. Это служило лишь началомъ, и парламентская система развилась съ тѣхъ поръ во всѣхъ главныхъ колоніяхъ. Палаты существуютъ теперь и въ Сиднеѣ, и въ Мельбурнѣ. Въ 1868 г. англійскій парламентъ вотировалъ билль, соединявшій въ одинъ союзъ, подъ на-

званіемъ *Канадскихъ владѣній,* всѣ британскія владѣнія Сѣверной Америки. Генералъ-губернаторъ, назначаемый королевой, управляетъ дѣлами съ помощью парламента, засѣдающаго въ Оттавѣ.

Волненія въ Европѣ въ 1848 г. развили еще болѣе освободительныя стремленія низшихъ классовъ въ Англіи. Неоднократно въ столицѣ происходили колоссальные митинги, какіе можно видѣть только въ этой странѣ, гдѣ сотни тысячъ людей производятъ шумныя манифестаціи, не переходящія въ возмущенія и останавливающіяся передъ представителями закона. Эти митинги оказали внушительное впечатлѣніе на государственныхъ людей, которые сдѣлали новые шаги впередъ. Избирательная реформа 1832 г. развита была реформою 1867 г. (при торійскомъ министерствѣ Дерби-Дизраэли), признававшею право голоса за всѣми freeholder'ами (владѣльцами недвижимой собственности, свободной отъ недоимокъ) и распространявшею избирательное право на всѣхъ арендаторовъ, платившихъ не менѣе 300 фр. въ годъ. Число мѣстечекъ, посылавшихъ представителей, было опять уменьшено, и количество избирателей доходило теперь до 2 милліоновъ. Въ 1869 году, чтобы устранить неудобства шумныхъ общественныхъ выборовъ и предупредить возможность подкупа, предложена была тайная подача голосовъ, принятая въ 1872 г. (*Ballot-act*).

Одинъ изъ самыхъ выдающихся государственныхъ людей среди виговъ, *Гладстонъ* оказался еще смѣлѣе и, послѣ цѣлаго года борьбы, провелъ въ 1884 г. третью избирательную реформу, прибавившую новымъ пониженіемъ ценза къ числу прежнихъ еще два милліона избирателей. Это уже—почти всеобщее голосованіе. Кромѣ того, неправильные до тѣхъ поръ избирательные округи были совершенно измѣнены, ради болѣе справедливаго распредѣленія представительства между различными областями; эти измѣненія, выгодныя въ особенности для городовъ, увеличили число депутатовъ Палаты общинъ до 670.

Со времени образованія многочисленнаго ирландскаго пролетаріата лишеніемъ его земельной собственности при Кромвелѣ, Англія не переставала испытывать ожесточенную враждебность Ирландіи, которая то подчинялась ея власти, то вновь возмущалась противъ нея. Ирландцы, будучи католиками и терпя притѣсненія отъ англичанъ, ненавидѣли ихъ, какъ протестантовъ и угнетателей. Жестокая политика, которой долго слѣдовала Англія по отношенію къ родственному ей острову, привела только къ уменьшенію населенія послѣдняго [1]), вслѣдствіе нищеты и эмиграціи, но не уничтожила ни ирландской расы, ни ея не-

[1]) Населеніе Ирландіи быстро понизилось съ 8 на 5 милліоновъ.

нависти. Въ 1800 г. политическій союзъ Ирландіи и Великобританіи былъ окончательно установленъ, но ирландскіе депутаты, засѣдавшіе въ Палатѣ общинъ, только затрудняли ея дѣятельность, соединяясь съ противниками министерствъ, чтобы мѣшать преніямъ (obstruction). Робертъ Пиль, опасаясь одно время вліянія знаменитаго оратора О'Коннеля, сдѣлалъ попытку нѣкоторыхъ примирительныхъ мѣръ, но ирландцамъ онѣ показались недостаточными. Агитація только развивалась въ теченіе всего нынѣшняго вѣка, и Ирландія сдѣлалась настоящей раной на тѣлѣ Англіи.

Ирландцы, эмигрировавшіе въ Америку, вступили въ связь съ соотечественниками, оставшимися на родинѣ, и образовали тайныя общества, въ особенности, общество *фенієвъ*, не останавливавшееся даже передъ преступленіемъ. Англичане пытались, однако, привлечь къ себѣ населеніе острова уступками. Еще въ 1868 г., по предложенію Гладстона и Брайта, они отмѣнили господствующее значеніе англиканской церкви въ Ирландіи. Въ 1870 г. Гладстонъ пробовалъ доставить нѣкоторыя облегченія ирландскимъ фермерамъ поземельнымъ биллемъ (land-bill), но эти уступки не могли удовлетворить ирландцевъ, которые не мирились съ тѣмъ, что имъ приходилось обработывать въ качествѣ фермеровъ тѣ земли, какими они нѣкогда владѣли. Нищета не уменьшалась, а въ 1879 г. создалась обширная *аграрная лига* (land-league), имѣя во главѣ смѣлыхъ вождей и между ними—*Парнелля*. Тогда завязалась оживленная борьба, которую торіи, въ то время, когда у власти находились Дерби и Дизраэли, старались закончить силою и которая продолжалась, несмотря на уступки виговъ. Послѣдніе, при Гладстонѣ, устроили *аграрный судъ*, въ 1881 г., для улаженія недоразумѣній между арендаторами и землевладѣльцами (land-lords); но выдворенные фермеры (изгнанные изъ своихъ мызъ за неплатежъ аренды) мстили за это убійствами. Въ Ирландіи господствовалъ настоящій терроръ, который англичане старались прекратить, такъ-называемымъ, понудительнымъ биллемъ.

Въ этихъ обстоятельствахъ Гладстонъ, подавая примѣръ замѣчательной рѣшимости, предложилъ въ 1886 г. возвратить Ирландіи ея автономію и выкупить земли, чтобы вернуть ихъ ирландцамъ. Если бы это удалось, это было бы блестящимъ вознагражденіемъ за нѣсколько вѣковъ угнетенія и, во всякомъ случаѣ, достойнымъ уваженія признаніемъ прежнихъ ошибокъ. Уже одно это предложеніе, независимо отъ его дальнѣйшей судьбы, есть замѣчательная побѣда новѣйшихъ идей справедливости и національной независимости и можетъ считаться гордостью нашего вѣка.

Смѣлость и проницательность англійскихъ министровъ объясняютъ намъ, почему соединенное королевство Великобританіи послѣ 1688 г. не знало революцій. Англія производила свои реформы одну за другой, медленно, послѣ долгихъ и ожесточенныхъ споровъ. Она движется правильно, безъ толчковъ. Она измѣняетъ, не опрокидывая, исправляетъ, не уничтожая, сохраняетъ традиціи, не уклоняясь отъ прогресса. Удивительное зрѣлище представляетъ этотъ народъ, одушевленный такимъ политическимъ духомъ, сохраняющій средневѣковую организацію и исполненный въ то же время новѣйшихъ стремленій.

Правленіе его остается монархическимъ. Въ торжественныхъ церемоніяхъ старинный этикетъ соблюдается съ мелочной тщательностью. Министерство, *кабинетъ*, составляетъ только часть *Тайнаго совѣта*, существующаго до сихъ поръ. Министерство составляется изъ сановниковъ и напоминаетъ составъ старинныхъ министерствъ французскаго двора [1]). Когда министерство падаетъ, его паденіе ведетъ за собою обновленіе нѣкотораго числа придворныхъ сановниковъ. Наслѣдственная *Палата пэровъ* является высшимъ выраженіемъ національнаго представительства; при открытіи сессіи, члены Палаты общинъ выслушиваютъ у ея рѣшетки тронную рѣчь, заявляя этимъ о своемъ подчиненіи ей. Палата пэровъ состоитъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ пэровъ; въ ней есть даже члены женскаго пола, имѣющіе своихъ представителей. Согласіе Палаты пэровъ необходимо для утвержденія биллей, но инціатива финансовыхъ законовъ и дѣйствительная власть принадлежатъ Палатѣ общинъ.

Палата общинъ не можетъ быть названа представителемъ народа въ непосредственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ многіе изъ ея членовъ принадлежатъ, по происхожденію, къ самымъ знатнымъ семьямъ. Однимъ словомъ, правленіе Англіи, несмотря на то, что оно все болѣе и болѣе удѣляетъ мѣста демократіи, остается аристократическимъ.

Однако, англійская аристократія не имѣетъ въ себѣ ничего исключительнаго. Она не многочисленна, но не составляетъ замкнутой касты. Безпрестанно обновляемая знаменитостями страны, которыя почти всѣ заносятся въ книгу пэровъ, она, въ то же время, не дряхлѣетъ еще и потому, что свободно отдѣлывается отъ потомства этихъ знаменитостей, если оно не поддерживаетъ славы и заслугъ отцовъ. Кромѣ

---

[1]) Первый лордъ казначейства, лордъ-главный канцлеръ, лордъ-президентъ совѣта, лордъ-хранитель печати, канцлеръ казначейства, государственные секретари, военный, внутреннихъ дѣлъ, Индіи, первый лордъ адмиралтейства, главный начальникъ почтъ и проч.

того, *право старшинства* исключаетъ изъ ея среды младшихъ сыновей, заставляя ихъ самихъ пріобрѣтать себѣ положеніе; они ничѣмъ не нарушаютъ благородства своего дома, если посвящаютъ себя промышленности.

Настоящей аристократіей считается не аристократія лордовъ, а классъ землевладѣльцевъ (*gentry*), имѣющій особенно твердое и прочное положеніе. Въ числѣ фамилій, составляющихъ этотъ классъ, владѣющій обширными землями и богатыми мануфактурами, нѣкоторыя возводятъ свою достовѣрную исторію гораздо дальше дворянства, титулы котораго основаны на старинныхъ пергаментахъ. Это послѣднее— часто ничто иное, какъ потомство младшихъ линій, происходящихъ отъ главныхъ вѣтвей землевладѣльческаго класса и пріобрѣтшихъ свое положеніе, благодаря военной или общественной службѣ. Королю Вильгельму III представили, однажды, члена Палаты общинъ въ качествѣ родственника герцога Сомерсета. „Вы, — сказалъ король, чтобы вступить съ нимъ въ бесѣду, — вы изъ фамиліи герцога Сомерсета?“ — „Нѣтъ, ваше величество,—отвѣтилъ тотъ,—герцогъ Сомерсетъ изъ моей фамиліи“. А титулъ этого послѣдняго восходилъ къ 1546 г.

Феодальная собственность не имѣла въ Англіи такого презрительнаго характера, какъ на материкѣ. Въ дѣйствительности, тамъ не было крѣпостничества. Маколей замѣчаетъ по этому поводу, что если достовѣрные памятники говорятъ о существованіи крѣпостничества, то, во всякомъ случаѣ, этихъ свидѣтельствъ очень мало: въ громадномъ ворохѣ англійскихъ законовъ не встрѣчается ни одного, касающагося рабства, хотя бы съ цѣлью его отмѣны. Точно также не было, повидимому, ни одной англійской дворянской земли, которая не могла бы сдѣлаться собственностью крестьянина. Безъ сомнѣнія, собственность въ Великобританіи сосредоточена въ немногихъ рукахъ. Двѣ трети Англіи и Уэльса принадлежатъ 10,200 лицамъ, двѣ трети Шотландіи— 330 лицамъ и двѣ трети Ирландіи — менѣе чѣмъ 2.000 лицамъ. Но аренды тамъ долгосрочныя, и семьи фермеровъ живутъ на одномъ мѣстѣ изъ года въ годъ. Владѣлецъ, находясь среди нихъ въ теченіе бо́льшей части года, интересуясь хозяйствомъ и всѣми его успѣхами, способствуя своими капиталами всестороннему улучшенію его, а также полезнымъ учрежденіямъ, въ видѣ церквей, школъ и богадѣленъ, не возбуждаетъ никакой зависти въ странѣ, гдѣ старинное право всегда находится въ уваженіи, и не вызываетъ ни малѣйшаго раздраженія въ деревняхъ, гдѣ самый богатый лэндъ-лордъ обращается привѣтливо съ самымъ незначительнымъ крестьяниномъ.

Именно землевладѣльцы испо́лняютъ всѣ безвозмездныя и избира-

тельныя должности въ графствахъ, городахъ, мѣстечкахъ и приходахъ. *Приходъ* есть простѣйшая административная единица, управляемая совѣтомъ *(vestry)*. Приходы группируются въ *союзы приходовъ*, установленные закономъ 1834 г., съ цѣлью распредѣленія налога для бѣдныхъ и организаціи рабочихъ домовъ. Выше этихъ союзовъ стоятъ историческія дѣленія *графствъ*, весьма неравныхъ, такъ какъ графство Іоркъ въ сорокъ разъ больше графства Рётлэндъ. Въ графствахъ города имѣютъ свою особую администрацію. *Шерифъ* безвозмездно управляетъ графствомъ, а *лорду-намѣстнику* принадлежитъ въ немъ военная власть. Шерифъ имѣетъ высшее наблюденіе за полиціей, участвуетъ въ гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ, составляетъ списки присяжныхъ, засѣдаетъ въ судахъ и руководитъ выборами.

Мировые судьи также соединяютъ въ своей должности административныя и судебныя права. Избираемые изъ числа богатыхъ землевладѣльцевъ, они, въ собраніяхъ, происходящихъ черезъ каждые три мѣсяца, занимаются общими дѣлами графства и, кромѣ того, облечены весьма обширной судебной властью. Какъ мы видимъ, въ Англіи существуетъ еще прежнее смѣшеніе властей, но тамъ, при всей своей нелогичности, оно не представляетъ большихъ неудобствъ, вслѣдствіе ограниченности дѣйствій администраціи.

Германское начало *суда присяжныхъ* всегда было въ почетѣ по ту сторону Ламанша, и вопросъ о фактѣ рѣшается тамъ присяжными не только въ уголовныхъ, но и въ гражданскихъ дѣлахъ. Суды, рѣшающіе болѣе важныя уголовныя и гражданскія дѣла, засѣдаютъ два раза въ годъ подъ предсѣдательствомъ судей, являющихся изъ трехъ высшихъ судовъ Вестминстера [1]). Гражданскія дѣла меньшей важности вѣдаются мѣстными судами (новыми судами графствъ), имѣющимися въ каждомъ графствѣ и находящимися подъ предсѣдательствомъ одного судьи. Въ большихъ городахъ эти суды дѣйствуютъ безпрерывно и на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ графствахъ они переносятся поперемѣнно изъ одной населенной мѣстности въ другую. Мировые судьи графствъ, не получающіе жалованья, вѣдаютъ проступки и преступленія, не подлежащіе суду присяжныхъ [2]). Это не мѣшаетъ существованію старинныхъ

---

[1]) Эти три суда засѣдаютъ въ Лондонѣ въ Вестминстерскомъ дворцѣ и до сихъ поръ обозначаются своими старинными названіями—судъ королевской скамьи, судъ общихъ тяжбъ и судъ казначейства.

[2]) Мировой судья судитъ одинъ у себя на дому мелкіе проступки. Это—первая ступень правосудія. Собраніе судей, не менѣе двухъ, въ малыхъ засѣданіяхъ (съ присяжными) составляетъ вторую ступень. Третья образуется соединеніемъ мировыхъ судей не менѣе трехъ, въ засѣданіяхъ, происходящихъ черезъ каждые три мѣсяца.

судовъ графствъ, мѣстечекъ и городовъ. Историческое право всегда остается тамъ въ почетѣ.

Мы не можемъ вдаваться здѣсь въ подробности англійскаго государственнаго устройства, въ одно и то же время и сложнаго, и простого, въ которомъ централизація не получила еще преобладаніи. Армія набирается тамъ посредствомъ вербовки и состоитъ, кромѣ провинціальной *милиціи*, изъ значительнаго *резерва*, образуемаго *волонтерами*; экипажъ флота составляется также насильственнымъ наборомъ матросовъ. Проведеніе и поддержаніе дорогъ раздѣляются между приходами, графствами и частными предпринимателями, открывающими дороги съ извѣстнымъ сборомъ (turnpike-roads); желѣзныя дороги, отдаваемыя парламентомъ конкурирующимъ обществамъ, встрѣчаются въ излишнемъ количествѣ въ однѣхъ мѣстностяхъ и въ слишкомъ маломъ въ другихъ. На ряду съ установленной церковью, управляемой епископами, пользующимися большими доходами, существуетъ множество сектъ, поддерживаемыхъ добровольными сборами своихъ членовъ. Образовательными центрами служатъ четыре большіе университета—*Лондонскій*, *Оксфордскій*, *Кэмбриджскій* и *Іоркскій*, управляющіеся самостоятельно, живущіе собственными доходами, имѣющіе представителей въ парламентѣ и сохраняющіе, въ особенности, Оксфордскій и Кэбриджскій университеты, при полу-духовной организаціи, чисто-англиканскій характеръ. Кромѣ того, каждая церковь имѣетъ свои учебныя заведенія, школы и благотворительныя учрежденія. Въ этой области мы встрѣчаемъ безконечное разнообразіе и полное развитіе свободной ассоціаціи. Вездѣ мы видимъ обширныя зданія, воздвигнутыя и поддерживаемыя добровольными подписками; повсюду замѣчаемъ мы личную инициативу и энергію. Государство, однако, вмѣшивается все болѣе и болѣе въ дѣло народнаго образованія посредствомъ *инспекцій* и *субсидій*, слѣдуя примѣру континентальныхъ государствъ, считающихъ обученіе одною изъ самыхъ важныхъ вѣтвей общественной дѣятельности.

Англичанинъ чувствуетъ себя свободнымъ и гордится этой свободой такъ же, какъ богатствомъ и морскимъ, промышленнымъ и колоніальнымъ могуществомъ своей страны. Его личная неприкосновенность охраняется актомъ Habeas corpus и широкимъ примѣненіемъ суда присяжныхъ; его право вмѣшательства въ общественныя дѣла обезпечивается *выборами*, *свободой преній*, тысячами голосовъ *прессы*, имѣющей привычку не щадить людей, находящихся у власти, и *правомъ собраній*, которымъ народъ нерѣдко злоупотребляетъ: такъ, въ 1886 г. митинги вели къ грабежамъ, заставлявшимъ опасаться вторженія анархическихъ идей.

Взамѣнъ гарантій, какихъ онъ добился, англичанинъ принимаетъ на себя обязанности гражданина и обязательства, налагаемыя на него богатствомъ. Онъ не только участвуетъ въ расходахъ государства, но и въ расходахъ своего прихода, своей церкви, ведетъ или поддерживаетъ многочисленныя дѣла помощи и благотворительности, безвозмездно исполняетъ должности мирового судьи или администратора города, оставляетъ свое сельско-хозяйственное или промышленное дѣло, чтобы судить или управлять, и отказывается отъ мирнаго препровожденія времени у домашняго очага для скучныхъ и долгихъ пріемовъ или счетныхъ засѣданій. Англія, уступая общему стремленію къ единству, не подавила въ то же время мѣстнаго духа, а слѣдовательно, и личной энергіи. Она осталась германской страной, подвергшейся различнымъ преобразованіямъ, скорѣе въ силу необходимости, чѣмъ логической потребности, и сохранившей, на ряду съ весьма обширной политической свободой, множество помѣхъ, завѣщанныхъ прошлымъ,—и обычаевъ, имѣющихъ силу закона. Правленіе свободно въ Англіи, но общество ея деспотично, тогда какъ во Франціи, наоборотъ, общество всегда было либеральнѣе правительства. Англичанину кажется неприличной свобода свѣтскихъ нравовъ во Франціи, а французъ не въ силахъ приспособиться къ англійской жизни.

Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что Англія, помимо своей воли, направляется къ новому преобразованію развитіемъ промышленныхъ городовъ. Важныя задачи отношеній между рабочими и капиталомъ выдвигаются тамъ съ характеромъ не менѣе грознымъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, несмотря на холодный и упорный характеръ расы. При всемъ обаяніи, до сихъ поръ сохраняемомъ аристократіей, демократія поднимается все выше и выше, хотя и сдерживается умными министрами, старающимися направлять ее, чтобы не казалось, будто они слѣдуютъ за нею. И эта страна, подобно другимъ, слѣдуетъ закону непрерывнаго развитія, заставляющему народы искать самаго полнаго удовлетворенія для возможно большаго числа людей.

Общественное благоразуміе Англіи прежде всего выражается двумя признаками, которыхъ нѣтъ у французовъ—духомъ повиновенія и духомъ самопожертвованія. Это можетъ показаться страннымъ для народа свободнаго, самаго свободнаго, какой когда-либо существовалъ, по словамъ Монтескьё, до сихъ поръ не потерявшимъ значенія. Повиновеніе и самопожертвованіе, повидимому, безусловно противорѣчатъ понятію о свободѣ. Но это кажется только съ перваго взгляда; по зрѣломъ размышленіи, мы видимъ, что нѣтъ словъ, болѣе совмѣстныхъ, такъ какъ одно никакъ не можетъ обойтись безъ другого...

«...Первый и самый обычный признакъ политическаго разума англичанъ заключается въ убѣжденіи, что онъ не правъ, если не согласенъ съ большинствомъ. Пока продолжается борьба, она ведется энергично, и если никто не злоупотребляетъ своимъ правомъ, то никто и не поступается имъ. Всѣ доходятъ до крайняго предѣла, когда право каждаго грозитъ оказаться стѣснительнымъ для сосѣда. Англичане на митингѣ, подобно римлянамъ на форумѣ, иногда слишкомъ сильно толкаютъ другъ друга, но до настоящаго злоупотребленія силой они не доходятъ. Непреодолимое уваженіе къ свободѣ другого сдерживаетъ самыхъ разгоряченныхъ; большинство вотируетъ, и меньшинство склоняется передъ нимъ. Послѣднее относится почтительно къ первому; всѣ чувствуютъ, что, покоряясь сегодня, они могутъ быть увѣрены въ повиновеніи противника, если побѣдятъ завтра.

«...Средніе классы заимствовали у аристократіи принципы и обычаи, доставившіе ей могущество, а отечеству—величіе; они научились у нея привязанности къ религіи, вѣрности королю, народной гордости и сочувствію страданіямъ низшихъ классовъ...

«Они искренно привязаны къ своей религіи; это—одна изъ чертъ англійскаго характера. Англичане ни однимъ правомъ такъ не дорожатъ, какъ правомъ быть религіозными по-своему и принадлежать къ христіанской сектѣ по собственному выбору. Отсюда происходитъ разнообразіе церквей въ Англіи; но въ этой странѣ и расколъ какъ-будто связываетъ; это разнообразіе усиливаетъ только привязанность націи къ протестантскому началу, которое заключается лишь въ правѣ различнаго толкованія священныхъ книгъ. То, что въ другихъ мѣстахъ разрушаетъ вѣру, здѣсь укрѣпляетъ ее; здѣсь много церквей, но только одинъ протестантизмъ... Способность отличать выгоду, какую религія можетъ доставлять политикѣ, заставляетъ всѣ эти секты соблюдать одинаково празднованіе воскреснаго дня. Они соблюдаютъ его, какъ догматъ, какъ учрежденіе. Вѣра, политическій смыслъ и нравы соединяются для поддержанія обычая благочестиваго воскреснаго отдыха. При этомъ исчезаетъ всякое различіе сектъ; всѣ церкви протягиваютъ другъ другу руку, и въ тотъ же день, въ тѣ же часы, вся Великобританія соединяется, какъ единое сердце, въ одномъ и томъ же дѣйствіи религіозномъ, политическомъ и общественномъ...

«...Послѣ привязанности съ религіи слѣдуетъ преданность королю, не какъ привилегированному лицу, представителю дома Стюартовъ, Оранскаго или Брауншвейгскаго, но какъ представителю закона. Преданность лицу или фамиліи исчезла вмѣстѣ съ домомъ Стюартовъ; революція 1688 г. положила начало преданности королю, какъ олицетворенію закона.

«...Послѣ Бога и свободы, даже больше короля, англійскій народъ любитъ свою страну. Можно любить свою страну различнымъ образомъ. Нѣкоторые народы болѣе тщеславятся своей страной, чѣмъ привязаны къ ней. У англичанина нѣтъ такого тщеславія: онъ искренно любитъ родину; если за границей онъ, повидимому, чувствуетъ себя, какъ дома, то это происходитъ оттого, что онъ какъ бы носитъ съ собой свою родину или, по чьему-то остроумному замѣчанію, всегда окруженъ англійскимъ воздухомъ. Онъ менѣе другихъ народовъ страдаетъ тоскою по родинѣ, но болѣе другихъ преклоняется передъ нею. Тогда какъ иные народы, тщеславясь своей страной, какъ, напр., аѳиняне (авторъ, вѣроятно, хотѣлъ бы назвать и французовъ), не знаютъ ея прошедшаго и настоящаго, ея исторіи и географіи, англичанинъ, не хвастаясь любовью къ родинѣ, изучаетъ ее съ дѣтства и твердо знаетъ все, что она переживала. У другихъ народовъ отдѣльныя лица и партіи отвергаютъ свою связь съ славою предковъ; англичанинъ считаетъ себя солидарнымъ со всѣмъ прошлымъ своей страны...

«...Въ Англіи ребенку все говоритъ объ его странѣ; первыя слова, какія онъ лепечетъ, заключаются въ похвалахъ Англіи; въ молитвахъ, которыя онъ читаетъ, онъ проситъ для нея благословенія Божія; книги, по которымъ онъ учится, на каждой страницѣ напоминаютъ ему о ней. Въ юности, воображеніе его увлечено зрѣлищемъ ея свободы и коммерческаго величія; его учатъ слѣдить по всѣмъ морямъ пути ея кораблей, знать на всѣхъ материкахъ данниковъ ея промышленности; его заставляютъ изучать карту міра, чтобы знать, какое мѣсто занимаетъ въ ней его отечество.

«...Это приводитъ насъ къ лучшему доказательству политическаго смысла у среднихъ классовъ Англіи, а именно, къ тому вниманію, съ какимъ они относятся къ нуждамъ рабочихъ классовъ. Въ этой странѣ есть два бюджета для бѣдныхъ—установленный закономъ и добровольный, и два рода благотворительности—узаконенная и свободная.

„Учрежденія, основанныя свободной благотворительностью, неисчислимы. Она призрѣваетъ всѣхъ несчастныхъ, выкидываемыхъ на произволъ судьбы нищетою, смертью и равнодушіемъ близкихъ. Это, быть можетъ, не всегда дѣлается своевременно: волна нужды опережаетъ волну благотворительности; но тѣ, кто не нашли себѣ пріюта сегодня, найдутъ его завтра. Особые люди наблюдаютъ за этимъ, и никто не ставитъ предѣла своимъ пожертвованіямъ. Тамъ, гдѣ умолкаетъ милосердіе, говоритъ еще чувство гражданскаго долга. Оно открываетъ руку скупца, и самый суровый кредиторъ иногда раньше всѣхъ приходитъ на помощь бѣдняку. Нѣтъ ни одного города, гдѣ не было бы

одного или нѣсколькихъ подобныхъ учрежденій; въ нѣкоторыхъ городахъ единственное общественное зданіе есть благотворительное учрежденіе. Все это дѣлается безъ помощи правительства, на которое въ другихъ странахъ такъ охотно возлагается все общественное добро"... [1]).

Національный конгрессъ въ Брюсселѣ въ 1831 г. надѣлилъ Бельгію конституціей, основанной на французскихъ принципахъ [2]). Современная свобода печати, вѣроисповѣданія, обученія и сходокъ была поставлена во главѣ бельгійской конституціи и продолжала пользоваться почетомъ, несмотря на возникавшія отъ времени до времени недоразумѣнія, не уступая въ этомъ отношеніи Англіи, хотя въ послѣдней національная церковь находится въ рукахъ государства. Въ Бельгіи духовенство, получая содержаніе отъ правительства, совершенно не зависитъ отъ его власти, которая нисколько не вмѣшивается въ назначенія епископовъ и священниковъ и въ сношенія духовенства съ Римомъ. Право собраній тамъ безусловно, свобода преподаванія не ограничена, такъ же, какъ и свобода прессы: каждый можетъ, по собственному желанію, завести типографію или основать газету, безъ всякаго свидѣтельства, разрѣшенія или обезпеченія. Нельзя сказать, чтобы эта свобода, которою одинаково пользуются двѣ главныя партіи, раздѣляющія Бельгію, *либеральная и католическая*, не подвергалась порицаніямъ и даже угрозамъ со стороны партіи, находящейся въ менѣе выгодномъ положеніи. Однако, почти неизмѣнное равновѣсіе обѣихъ партій, препятствуя полному торжеству той или другой, охраняло, до настоящаго времени, эту свободу, къ которой страна успѣла привыкнуть.

Благодаря особому положенію, какое создаетъ ей нейтралитетъ, гарантированный державами, Бельгія имѣла возможность не вмѣшиваться ни въ какія европейскія столкновенія и спокойно развивать всѣ элементы своего промышленнаго и торговаго благосостоянія. Съ 1830 г. населеніе возросло болѣе, чѣмъ на одну треть (болѣе, чѣмъ на 1.200 милліоновъ) и достигаетъ теперь пяти милліоновъ. Бельгія—страна Европы съ самымъ плотнымъ населеніемъ.

---

[1]) Désiré Nisard, *Etudes de critique littéraire.—Les classes moyennes en Anglettere.*

[2]) Бельгійская конституція ведетъ свое начало съ 7-го февраля 1831 г. Законодательная власть находится въ рукахъ короля, Палаты представителей и Сената. Инициатива законовъ принадлежитъ королю и членамъ обѣихъ палатъ. Палата выбирается на четыре года и возобновляется на половину черезъ каждые два года; Сенатъ избирается на восемь лѣтъ и возобновляется на половину черезъ каждые четыре года. Чтобы быть избирателемъ, надо уплачивать, по крайней мѣрѣ, 42 франка прямыхъ налоговъ.

Абсолютная монархія, возстановленная въ Испаніи въ 1814 г., держалась до смерти Фердинанда VII въ 1833 г. Тогда началась продолжительная агитація, осложнявшаяся междуусобной войной, вызванной сторонниками *Донъ-Карлоса*. Борьба между этими послѣдними и сторонниками королевы Изабеллы была не только династической, но и принципіальной. Она происходила между новѣйшими идеими и старинным монархическимъ правомъ и закончилась тѣмъ, что регентшѣ Маріи Христинѣ удалось связать дѣло своей дочери Изабеллы съ либеральной партіей обнародованіемъ конституціи 1837 г.

Эта конституція устанавливала равенство передъ закономъ и доступъ всѣхъ гражданъ къ общественнымъ должностямъ, обезпечивала личную свободу и свободу печати, уничтожала всѣ исключительныя судопроизводства и распредѣляла правительственную власть между *кортесами* (состоявшими изъ двухъ Палатъ) и королемъ. Обѣимъ Палатамъ, наравнѣ съ королемъ, принадлежала иниціатива законовъ. Но всеобщая подача голосовъ оставалась ограниченной [1]).

Царствованіе Изабеллы II происходило при частыхъ потрясеніяхъ до 1868 г., когда революція лишила ее престола. Испанія съ 1868 до 1874 г. напрасно пыталась установить республиканское правительство. Въ 1874 г. она вернулась къ монархіи изъ фамиліи Бурбоновъ, но прогрессъ демократическихъ идей оказался настолько сильнымъ, что она и до сихъ поръ колеблется между монархіей и республикой.

Португалія, послѣ 1830 г., прошла чрезъ тѣ же превратности своей политической судьбы, какъ и Испанія. *Донъ-Педро*, отстаивая права своей дочери, доньи Маріи, противъ дона-Мигеля, надѣлилъ (въ 1834 г.) свою страну *Хартіей*, устанавливавшей конституціонное правленіе; въ 1836 г. торжество передовой партіи развило принципы, содержавшіеся въ этой Хартіи.

Конституціонное правленіе получило новыя улучшенія въ 1850 г.— вмѣшательство парламента въ утвержденіе трактатовъ, уничтоженіе смертной казни за политическія преступленія и т. п. Извѣстный цензъ для права избранія оставался въ своей силѣ. Король назначалъ чле-

---

[1]) Испанская конституція, измѣненная въ 1871 г., раздѣляетъ законодательную власть между королемъ и кортесами, состоящими изъ двухъ собраній—Сената и Палаты депутатовъ. Сенатъ составляется изъ соединенія сенаторовъ по праву, знатныхъ лицъ по происхожденію и по должности, пожизненныхъ сенаторовъ, назначаемыхъ королемъ, сенаторовъ, избираемыхъ государственными корпораціями, и наиболѣе вліятельныхъ гражданъ. Министры, засѣдающіе въ Палатѣ депутатовъ, выбираются на пять лѣтъ избирательными коллегіями. Въ каждой провинціи существуетъ еще мѣстное представительство.

новъ Палаты и пэровъ, созывалъ кортесовъ или отсрочивалъ ихъ засѣданія, имѣлъ право распускать Палату депутатовъ, избиравшуюся обыкновенно на четыре года, выбиралъ министровъ, пользовался, однимъ словомъ, всѣми прерогативами, признаваемыми за государями конституціонныхъ монархій. Браганцскій домъ, дорогóй для Португаліи, можетъ допускать для себя свободу обращенія, почти уничтожающую разстояніе между королемъ и его подданными. Король въ Лиссабонѣ гуляетъ вмѣстѣ съ публикой, такъ же, какъ бельгійскій король въ Брюсселѣ.

Нидерландская конституція, изложенная въ 1814 г., оставляла перевѣсъ власти на сторонѣ короля: отвѣтственности министровъ не существовало; *Генеральные штаты* состояли изъ двухъ палатъ, изъ которыхъ первая назначалась королемъ, и вотировали бюджетъ на десять лѣтъ. Въ 1848 г. король Вильгельмъ II совершенно измѣнилъ этотъ порядокъ. Онъ установилъ отвѣтственность министровъ и учредилъ Государственный совѣтъ, который долженъ былъ подготовлять проекты законовъ. Генеральные штаты состоятъ по-прежнему изъ двухъ палатъ, но члены первой изъ нихъ выбираются на девять лѣтъ провинціальными штатами; члены второй выбираются на четыре года избирателями, имѣющими извѣстный цензъ. Тѣ же избиратели выбираютъ и провинціальные штаты, но выборъ въ муниципальные совѣты требуетъ меньшаго ценза. Полная свобода вѣроисповѣданія допускается наравнѣ со свободою обученія и печати. Впрочемъ, важнѣйшіе вопросы, разбираемые въ Гагѣ, касаются почти исключительно колоніальныхъ владѣній, принадлежащихъ Голландіи въ дальнихъ моряхъ.

Хотя Швейцарія занимала уединенное положеніе въ своихъ горахъ, и нейтралитетъ ея былъ обезпеченъ, тѣмъ не менѣе, Европа не могла не быть заинтересована измѣненіями швейцарской конституціи, такъ какъ эти измѣненія были направлены къ увеличенію военной силы страны и ея вліянія на сосѣдей. Новая конституція была выработана въ 1848 г. на Бернскомъ сеймѣ и пересмотрѣна въ 1874 году. Союзное законодательство ввѣрено двумъ палатамъ: *Національному совѣту*, прямому представительству, пропорціональному населенію въ отношеніи одного депутата на 20.000 жителей, при чемъ депутаты избираются на три года, и *Совѣту штатовъ*, представляющему кантоны въ отношеніи двухъ депутатовъ на каждый или одного на половину кантона. Исполнительная власть принадлежитъ *Федеральному совѣту*, члены котораго (по одному на каждый кантонъ) избираются по списку обѣими соединенными палатами и замѣщаются новыми черезъ каждые три года, при чемъ допускаются вторичныя избранія. Феде-

ральный совѣтъ избираетъ изъ своихъ членовъ президента и вицепрезидента Союза, каждаго на одинъ годъ. Кромѣ того, существуетъ федеральный судъ для разбора гражданскихъ тяжбъ между Союзомъ и кантонами или между отдѣльными кантонами и проч.

Кантоны удержали свои особыя учрежденія и автономію, но эта автономія съ 1848 г. безпрестанно подвергалась различнымъ ограниченіямъ. Сторонники и противники пересмотра конституціи вступали постоянно въ борьбу между собой въ собраніяхъ и на выборахъ, въ особенности, съ 1864 до 1866 г. и въ 1871 г., когда поднятъ былъ важный вопросъ о военной централизаціи. По мѣрѣ того, какъ измѣнялись политическія и нравственныя условія Европы, Швейцарія все болѣе и болѣе втягивалась въ общій потокъ: монеты, таможни и войска отдѣльныхъ кантоновъ не существуютъ уже болѣе. Центральная власть завѣдуетъ почтами и телеграфами, наблюдаетъ за мѣрами и вѣсами и за выдѣлкой пороха и оружія.

Швейцарія все болѣе и болѣе стремится къ единенію: сторонники пересмотра конституціи желаютъ сосредоточенія финансовъ, такъ же, какъ и арміи, предоставленія Федеральному совѣту наблюденія за постройкой и эксплоатаціей желѣзныхъ дорогъ, обезпеченія свободы торговли и промышленности, вмѣшательства въ вопросы обученія и перенесенія высшаго образованія въ область союзнаго законодательства; однимъ словомъ, они желаютъ созданія швейцарской національности. До настоящаго времени, государствомъ былъ каждый кантонъ; никто не называлъ себя швейцарцемъ, а обитателемъ Бернскаго, Ваадтскаго, Сенъ-Галенскаго, Цугскаго и др. кантоновъ. Каждый кантонъ противился водворенію не только чужеземцевъ, но и швейцарцевъ другихъ кантоновъ. Община пользовалась въ кантонѣ почти полной независимостью, такою же, какъ кантонъ въ Союзѣ. Общины не легко разрѣшали вступленіе въ ихъ члены: онѣ составляли корпораціи, ревниво ограждавшія себя отъ всѣхъ, желающихъ принять участіе въ раздѣлѣ общинныхъ владѣній, и не желавшія, принимая въ свою среду сосѣдей, возлагать на себя новыя обязанности, такъ какъ каждая община должна содержать своихъ бѣдняковъ. Сторонники пересмотра конституціи стараются обезпечить каждому швейцарцу право переносить свое мѣстожительство въ другой кантонъ, свободно заниматься тамъ своей профессіей и пользоваться всѣми политическими правами; они желаютъ точно такъ же, чтобы бракъ, заключенный законнымъ образомъ въ одномъ кантонѣ, считался законнымъ и въ другомъ. Всѣ эти реформы еще не закончены, но военная централизація уже значительно подвинулась впередъ.

Въ Швейцаріи можно найти образцы всякаго рода правленія, за

исключеніемъ монархическаго: ограниченное пространство кантоновъ дало возможность демократіи развиться во всѣхъ ея формахъ. Въ кантонахъ Женевскомъ, Ваадтскомъ, Люцернскомъ, Фрейбургскомъ, Аргаускомъ, Базельскомъ, Шафгаузенскомъ, Нефшательскомъ и Тессинскомъ, демократія сохраняетъ парламентскій характеръ, т.-е. народъ управляется своими представителями. Въ кантонахъ Граубинденскомъ, Бернскомъ, Тургаускомъ, Валисскомъ, Сенъ-Галенскомъ также существуютъ Совѣты, но важные вопросы должны подвергаться усмотрѣнію *народныхъ собраній*: народъ тамъ отчасти вмѣшивается въ законодательство. Въ кантонахъ Ури, обоихъ Апенцельскихъ, Унтервальденскомъ, Гларусскомъ, Швицскомъ и Цугскомъ народъ составляетъ все: граждане собираются ежегодно на какомъ-нибудь полѣ или лугу для назначенія должностныхъ лицъ, улаженія споровъ, голосованія налоговъ, суда надъ преступниками и вотированія новыхъ законовъ. Это—первобытное, патріархальное правленіе. Цюрихскій кантонъ, населеніе котораго достигаетъ не менѣе 284.000 жителей, представляетъ съ 1869 г. самый полный образецъ торжества неограниченной демократіи. Народъ назначаетъ офицеровъ, выбираетъ судей и, съ помощью кантональнаго совѣта, избраннаго имъ самимъ, пользуется законодательною властью.

Несмотря на ощутительное уменьшеніе своей территоріи и своего могущества послѣ войны 1864 г., Данія, оказывавшая сопротивленіе двумъ большимъ имперіямъ, до сихъ поръ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди второстепенныхъ государствъ. Правленіе ея, соединившее прежнія традиціи съ новыми, свободными идеями, постепенно улучшалось послѣ основного закона 5 іюня 1849 г., установившаго, кромѣ провинціальныхъ собраній, учрежденныхъ въ 1831 г., общее представительство. Несмотря на несчастную войну 1864 г., король Христіанъ IX не пріостановилъ внутреннихъ реформъ, и Данія управляется теперь учрежденіями, установленными законами 28 іюля 1866 г. Власть съ неотвѣтственнымъ королемъ раздѣляютъ двѣ палаты, палата депутатовъ, или народная *(folksthing)*, насчитывающая 102 члена, избираемые прямою подачею голосовъ и замѣщаемые новыми черезъ каждые три года, и территоріальная палата *(landsthing)*, насчитывающая 66 членовъ, изъ которыхъ 12 назначаются пожизненно королемъ, 7 избираются Копенгагеномъ и 45 избирателями (двухстепенною подачею голосовъ). Обѣ соединенныя палаты образуютъ *риксдагъ*. *Народною церковью* признается евангелическая лютеранская церковь, въ дѣйствительности, преобладающая надъ другими, но и иныя вѣроисповѣданія пользуются полной свободой.

Швеція, утратившая Финляндію, но увеличенная Норвегіей, управляется съ 1815 г. династіей, основанной Бернадоттомъ. Этотъ послѣдній царствовалъ до 1844 г.; хотя онъ достаточно доказалъ, насколько онъ измѣнилъ своему отечеству, но, тѣмъ не менѣе, въ сношеніяхъ со своими подданными, онъ обнаруживалъ еще не мало французскихъ идей, иногда ставившихъ его въ затруднительное положеніе. Сынъ его, Оскаръ I, выказалъ въ управленіи столько же мудрости, сколько и искусства. Вмѣсто того, чтобы раздражать норвежцевъ, онъ далъ имъ нѣкоторыя льготы и даровалъ особый коммерческій морской флагъ; въ Швеціи онъ уничтожилъ прежніе ремесленные цехи и старался установить свободу торговли и промышленности. Поэтому въ Швеціи лишь въ слабой степени отразились волненія 1848 г.

Король Карлъ XV, съ 1860 г., началъ переустройство общинной организаціи (провинціальныхъ собраній, сходныхъ съ французскими генеральными совѣтами) и подготовилъ почву для законодательной реформы, которая была утверждена въ 1865 г. и принята въ Швеціи съ живѣйшей радостью. Сеймъ состоитъ, въ настоящее время, изъ двухъ палатъ, имѣющихъ во всѣхъ вопросахъ одинаковыя права и одинаковую власть; онъ собирается каждый годъ 15-го января, безъ особаго созыва, и засѣдаетъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Депутаты первой палаты (нѣчто въ родѣ сената) избираются на 9 лѣтъ провинціальными собраніями; члены второй палаты избираются на три года избирателями, уплачивающими извѣстный цензъ. Чтобы вознаградить утрату вліянія привилегированныхъ классовъ, причиненную этой новой организаціей, духовенству даровано право коллегіальнаго учрежденія, называемаго синодомъ, а дворянству—право сходиться въ особомъ собраніи черезъ каждыя четыре или пять лѣтъ.

Законы охраняли шведскую евангелическую церковь съ величайшею строгостью; Карлъ XV, пользуясь проектами, выработанными при Оскарѣ I, обнародовалъ приказъ 1860 г., предоставлявшій больше свободы тѣмъ, кто желалъ выйти изъ оффиціальной церкви, но сохранявшій наказанія штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ и изгнаніемъ для каждаго, пытавшагося распространять иныя ученія. Послѣ сейма 1869 года эти наказанія были значительно смягчены, и изгнаніе вовсе отмѣнено. Съ 1871 г. Норвегія имѣетъ особое представительство, ежегодные *стортинги*.

Итальянское королевство, образовавшееся въ 1861 г., управляется *статутомъ*, который король піемонтскій установилъ въ 1849 г. для своего маленькаго государства, и который, впослѣдствіи, распростра-

нялся на другія провинціи, по мѣрѣ ихъ присоединенія. Этотъ статутъ воспроизводилъ главныя положенія хартіи 1830 г. Король управляетъ съ помощью двухъ палатъ, *Сената* и *Палаты депутатовъ*; послѣдняя избирается ограниченною подачею голосовъ. Эти учрежденія, вызванныя единствомъ государства, не стѣсняли, однако, жизнь отдѣльныхъ провинцій, гдѣ они примѣнялись съ извѣстной осторожностью и нѣкоторыми ограниченіями. Политическая жизнь, впрочемъ, всегда сосредоточивалась тамъ въ городскихъ управленіяхъ: страна, давшая образецъ городской администраціи въ древности и сохранявшая въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ этотъ очагъ жизни, хотя иногда и полный раздоровъ, ревниво охраняетъ еще и теперь эту первоначальную свободу, самую полезную и самую лучшую школу для народовъ, желающихъ научиться поддерживать общую свободу. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что въ Италіи дворянство всегда сочувствовало прогрессу и всегда находилось во главѣ либеральнаго движенія.

Итальянская революція привела къ перемѣнѣ, сходной съ тою, какая произошла во Франціи послѣ 1789 г. и распространилась затѣмъ по всей Западной Европѣ. Въ Италіи правительство уничтожило (закономъ въ іюлѣ 1866 г.) бо̀льшую часть религіозныхъ орденовъ, назначивъ пожизненныя пенсіи ихъ членамъ; оно присоединило къ государственнымъ имуществамъ земельныя владѣнія всѣхъ духовныхъ корпорацій и епископствъ; эти имѣнія (по закону 1867 г.) были послѣдовательно распроданы или превращены въ аренды. Мы не имѣемъ возможности касаться здѣсь подробнѣе организаціи этого новаго государства, армія котораго преобразована, подобно другимъ арміямъ Европы, въ которомъ общественныя работы производятся съ большой энергіей, и торговля, развивающаяся отъ увеличенія желѣзныхъ дорогъ, получила еще болѣе значительный толчокъ прорытіемъ Суэзскаго канала, сближающаго Италію съ Индіей, и въ особенности, съ прорытіемъ Сенъ-Готардскаго туннеля.

Объединеніе Италіи повело къ уничтоженію свѣтской власти папъ. Новая королевская власть старалась установить независимость духовной власти, предоставивъ Св. Престолу извѣстныя царственныя права въ той части Рима, которая была отдѣлена для него, и облегчивъ посредствомъ извѣстныхъ законовъ его сношенія съ другими державами. Но Св. Престолъ не пожелалъ до сихъ поръ воспользоваться матеріальными выгодами, обезпеченными за нимъ. Папа, добровольнымъ заточеніемъ въ Ватиканѣ, не перестаетъ протестовать противъ хищенія, какому подвергся Св. Престолъ: онъ сохраняетъ прерогативы государя, имѣетъ при своемъ дворѣ пословъ и сохраняетъ въ Европѣ

вліяніе, которое, будучи чисто нравственнымъ, тѣмъ не менѣе, весьма значительно. Примиреніе интересовъ Италіи и интересовъ главы католической религіи составляетъ одну изъ задачъ, которую еще предстоитъ рѣшить современной эпохѣ.

Австрійская монархія, которая послѣ 1815 г., подъ руководствомъ министра Меттерниха, была какъ бы оплотомъ стариннаго порядка, должна была, подобно другимъ государствамъ, сдѣлать уступки идеямъ новѣйшаго времени. Съ 1860 г., послѣ войны съ Италіей, императоръ Францъ-Іосифъ I сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по пути конституціонныхъ реформъ и учредилъ въ 1861 г. парламентъ въ Вѣнѣ. Послѣ войны 1866 г., когда онъ вынужденъ былъ уступить преобладаніе въ Германіи Гогенцоллернскому дому, преемникъ Габсбурговъ рѣшился укрѣпить свою монархію сближеніемъ съ Венгріей. Онъ вѣнчался въ Буда-Пештѣ венгерской короной (въ 1867 г.) со старинными церемоніями, дорогими для венгерцовъ. Тогда имперія оказалась состоящею изъ двухъ отдѣльныхъ группъ и сдѣлалась Австро-Венгерскою монархіей. Императоръ въ Вѣнѣ и король въ Буда-Пештѣ,— Францъ-Іосифъ управляетъ съ помощью двухъ парламентовъ, австрійскаго и венгерскаго, двухъ министерствъ, двухъ бюджетовъ и затѣмъ общаго министерства и общаго парламента, рѣшающихъ вопросы, имѣющіе общій интересъ для обѣихъ частей государства, раздѣляемыхъ небольшой рѣкою Лейтой [1]).

Революція 1848 года глубоко взволновала Пруссію, и король Фридрихъ-Вильгельмъ III вступилъ на путь серьезныхъ уступокъ. Прусская конституція, установленная статутомъ 31 января 1850 г., нѣсколько разъ подвергалась измѣненіямъ до 1857 г. Ею установлены были двѣ палаты: *Палата господъ*, состоящая изъ наслѣдственныхъ членовъ, принадлежащихъ къ высшему дворянству, и изъ пожизненныхъ членовъ, и *Палата депутатовъ*, состоящая изъ 433 членовъ, избираемыхъ всею націею путемъ двухстепенной подачи голосовъ.

Но король Вильгельмъ I, по совѣту графа Бисмарка, рѣшился обойтись безъ содѣйствія палатъ для измѣненія военной организаціи и приведенія арміи въ положеніе, нужное для великой борьбы, какую онъ задумалъ. Правительство его было конституціоннымъ по праву,

---

[1]) Вѣнскій парламентъ состоитъ изъ *Палаты господъ* (князей, дворянъ, епископовъ и пожизненныхъ членовъ) и *Палаты представителей*, избираемыхъ прямой подачей голосовъ въ классахъ избирателей (крупныхъ землевладѣльцевъ, городовъ и сельскихъ округовъ). Венгерскій парламентъ состоитъ изъ *Стола магнатовъ*, князей, магнатовъ и епископовъ, палатиновъ, графовъ и бароновъ, и *Стола депутатовъ* отъ комитатовъ, округовъ и городовъ.

но неограниченнымъ на дѣлѣ. Блестящія побѣды, одержанныя прусскими арміями, оправдали его въ глазахъ націи, и патріотизмъ, какъ это было во Франціи во времена Наполеона, заставилъ умолкнуть свободу.

Не надо забывать, что дворянство занимаетъ до сихъ поръ первое мѣсто въ Прусскомъ государствѣ, которое, своей общественной организаціей, напоминаетъ еще феодальную форму. Дворяне составляютъ воинственный классъ, посвящающій себя военной службѣ и занимающій почти всѣ военныя должности. Безъ сомнѣнія, чины достаются имъ не иначе, какъ усердной работой и даются по заслугамъ; дворяне, сознавая это, съ величайшимъ стараніемъ занимаются военными науками. Такимъ образомъ, дворянство находится во главѣ арміи; оно же почти исключительно занимаетъ главныя мѣста въ дипломатіи, въ центральной и мѣстной администраціи и высшіе посты въ судахъ. Ему же принадлежатъ судебная и полицейская власть въ деревняхъ, попечительства надъ церквами и другія права, напоминающія феодальныя времена. Прусское государство можно назвать аристократическимъ и военнымъ.

Хотя и мало имѣя склонности къ конституціоннымъ теоріямъ, король прусскій, тѣмъ не менѣе, установилъ, согласно этимъ теоріямъ, строй новой Германской имперіи въ 1871 г.

Имперіи принадлежитъ законодательная власть. Были учреждены *Союзный совѣтъ* (Bundesrath), состоящій изъ представителей вассальныхъ государей, и *Рейхстагъ*, имперскій сеймъ, состоящій изъ депутатовъ, прямо присылаемыхъ населеніемъ на три года (по одному депутату на сто тысячъ жителей). Въ союзномъ совѣтѣ, изъ 58 голосовъ, Пруссіи принадлежитъ 17, и для нея достаточно слабаго давленія на мелкія государства, чтобы обезсилить оппозицію, какую она могла бы встрѣтить со стороны Баваріи и Виртемберга. Согласіе Союзнаго совѣта необходимо для объявленія войны отъ мени имперіи, по крайней мѣрѣ, при внезапномъ вторженіи въ предѣлы Германіи. Императоръ долженъ созывать его по требованію одной трети членовъ или голосовъ, такъ какъ нѣсколько голосовъ могутъ быть представлены однимъ лицомъ [1]).

---

[1]) Германская имперія состоитъ: 1) изъ королевства Прусскаго, король котораго считается императоромъ и главою Союза, 2) королевствъ Баварскаго, Виртембергскаго и Саксонскаго, 3) великихъ герцогствъ Баденскаго, Гессенскаго, Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахскаго, Мекленбургъ-Шверинскаго, Мекленбургъ-Стрелицкаго и Ольденбургскаго, герцогствъ Саксенъ-Альтенбургскаго, Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, Саксенъ-Мейнингенскаго и Брауншвейгскаго, княжествъ Ангальтскаго, Шварцбургскаго, Рейсскаго, Липпе, Вальдекскаго, Шаумбургъ-Липпе, городовъ Гамбурга, Бремена и Любека и изъ имперской области Эльзасъ-Лотарингіи.

Иностранная политика находится въ завѣдываніи *имперскаго канцлера*. Общій надзоръ состоитъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ имперіи, съ которымъ связаны коммиссія народнаго просвѣщенія, коммиссія мореплаванія, дисциплинарный судъ и имперскія дисциплинарныя палаты. Въ Берлинѣ сосредоточиваются имперское адмиралтейство и министерство юстиціи, но высшій судъ имперіи находится въ Лейпцигѣ. Наконецъ, у имперіи есть свое министерство финансовъ, управленіе желѣзныхъ дорогъ, контрольное управленіе (въ Потсдамѣ), управленіе почтъ и банкъ (въ Берлинѣ).

Германская имперія, заключающая въ своихъ предѣлахъ болѣе 45 милліоновъ обитателей, продолжаетъ прилагать силы къ дальнѣйшему усовершенствованію арміи, этого страшнаго орудія ея владычества. Заставивъ другія державы усилить свои вооруженія, Германская имперія должна была сдѣлать то же самое и у себя. У нея есть постоянная армія въ *400 тысячъ* человѣкъ. Двѣнадцать лѣтъ службы, которую должны нести подданные всѣхъ государствъ (7 — въ дѣйствующей арміи и въ резервѣ и 5—въ ландверѣ), позволяютъ поставить на военную ногу, безъ ландштурма и особыхъ запасовъ, 1.456.677 человѣкъ, 312.732 лошади и 2.080 пушекъ. Эта устрашающая организація создаетъ опасность для всѣхъ сосѣдей Германіи и заставляетъ ихъ преобразовывать свою военную систему и налагать на себя тяжелыя финансовыя жертвы.

Въ Россіи общественный переворотъ произошелъ помимо политическихъ реформъ. Александръ II старался покрыть забвеніемъ бѣдствія Крымской войны, содѣйствуя развитію внутренняго благосостоянія Россіи, и стяжалъ себѣ незабвенную славу великимъ актомъ освобожденія крестьянъ. Подготовлявшійся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, этотъ мирный и благодѣтельный переворотъ, обязанный своей иниціативой энергіи просвѣщеннаго Государя, совершился законодательнымъ актомъ 1861 г.

Вслѣдъ затѣмъ, рядомъ Императорскихъ указовъ, введены были въ судебную организацію нѣкоторыя начала, заимствованныя у Запада, съ гласнымъ судопроизводствомъ, съ судомъ присяжныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ и съ высшимъ кассаціоннымъ судомъ. Тѣлесныя наказанія были уничтожены въ арміи и остались только въ волостныхъ судахъ. Періодическая печать, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, получила болѣе свободы и стала быстро развиваться.

Чтобы судить о положеніи различныхъ государствъ Европы, надо принять во вниманіе и другіе элементы силы правительствъ. Россія представляетъ въ Европѣ громадную площадь съ самымъ многочислен-

нымъ населеніемъ. За нею идетъ Германская имперія, потомъ—Австро-Венгрія, Франція, Великобританія, Италія, Испанія, не считая второстепенныхъ державъ.

Но если отъ численности населенія мы перейдемъ къ отношенію ея къ величинѣ территоріи, то мы получимъ совершенно иной порядокъ: небольшія націи выступаютъ на первый планъ, какъ, напр., Бельгія, насчитывающая 190 жителей на квадратный километръ. За нею идутъ Голландія съ 126 жителями на томъ же пространствѣ, Англія—съ 112 Италія—98, Германія—84, Франція—71, Швейцарія—61, Австро-Венгрія—58, Данія—51, Португалія—48, Испанія—33 и Россія—16.

Слѣдуетъ прибавить, впрочемъ, что населеніе въ Россіи возрастаетъ очень быстро; уже черезъ небольшое число лѣтъ цифры измѣняются къ ея выгодѣ. Въ Германіи и Англіи населеніе также быстро увеличивается, не смотря на эмиграцію. Напротивъ, во Францію оно увеличивается лишь съ тревожною медленностью. Вычислено, что въ Германіи оно можетъ удвоиться въ 66 лѣтъ, а во Франціи—лишь черезъ 224 года. Это наводитъ на многія размышленія. Безъ сомнѣнія, могущество народа состоитъ не въ одной только численности его; но, отдавая должное умственной силѣ націи, нельзя забывать, что въ настоящее время численность, по преимуществу, составляетъ силу армій.

Изъ всѣхъ странъ, Россія можетъ выставить самыя значительныя массы людей. Франціи стоило большихъ усилій осуществленіе закона 1872 г., которымъ военная служба сдѣлана обязательной и продолжена до сорокалѣтняго возраста. Въ случаѣ войны, она могла бы выставить 1.500.000 человѣкъ. Германія, имѣющая возможность выставить такое же количество людей, довела до рѣдкой степени совершенства методическую организацію различныхъ родовъ оружія. Австро-Венгрія, по новымъ военнымъ законамъ, могла бы достигнуть той же цифры. Италія развила свою военную организацію до крайняго напряженія силъ. Даже Англія, не смотря на охрану своего флота, постаралась приблизиться къ другимъ государствамъ и можетъ располагать почти 600.000 человѣкъ.

Легко представить себѣ, что̀ такое было бы общее столкновеніе всѣхъ этихъ милліоновъ людей, съ усовершенствованнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, бьющимъ на большія разстоянія, безъ промежутковъ между выстрѣлами, съ пушками, выпускающими снаряды далѣе, чѣмъ на восемь километровъ, и могущими пробить стѣну на разстояніи четырехъ километровъ. Арміи, кромѣ того, располагаютъ услугами электрическаго и оптическаго телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, позволяю-

щихъ сосредоточивать на одномъ мѣстѣ огромныя массы войскъ. Военное искусство подверглось теперь еще большимъ измѣненіямъ, чѣмъ въ XV вѣкѣ.

Неужели его можно считать послѣднимъ словомъ нашей цивилизаціи? Неужели люди такъ много трудились лишь для того, чтобы изобрѣтать средства истребленія другъ друга, и проявили столько ума лишь для того, чтобы вернуться къ ученому варварству, еще болѣе страшному, чѣмъ варварство первобытное? Будемъ надѣяться, что этого не случится, и что повсемѣстныя вооруженія, уравнивая силы, будутъ нейтрализовать ихъ. Развивая все болѣе и болѣе военную науку и вынуждая націи поголовно носить оружіе, мы поймемъ, наконецъ, что такія крайности не могутъ оправдываться тщеславнымъ честолюбіемъ и что такія организаціи должны служить лишь для защиты своей территоріи и національной чести.

На морѣ такъ же, какъ и на сушѣ, адское искусство истребленія достигло такихъ результатовъ, что въ настоящее время трудно опредѣлить съ точностью морское могущество европейскихъ народовъ. Англія все еще остается впереди другихъ со своими 73 броненосными судами; въ суммѣ, она располагаетъ 350 паровыми судами, не считая парусныхъ. Въ этотъ счетъ не входятъ крейсеры, транспортныя суда, рекогносцировочныя суда, канонерки и проч., и принимаются во вниманіе только суда съ новымъ вооруженіемъ. Далѣе по порядку идутъ Франція (59 броненосцевъ), Россія (31), Голландія (21), Германія (13) Италія (11), Испанія (6).

Но этимъ желѣзнымъ чудовищамъ угрожаютъ миноноски, легкія, почти незамѣтныя, стоящія лишь нѣсколько сотъ тысячъ рублей, тогда какъ броненосцы стоятъ милліоны. Появленіе этихъ новыхъ судовъ должно повести къ дальнѣйшему преобразованію флота, которое было уже весьма значительнымъ, благодаря появленію паровыхъ судовъ. Трудно сказать, во что превратится морское могущество той или другой націи, если миноноскамъ удастся взорвать на воздухъ эти плавучія крѣпости, которыя человѣческій умъ считалъ своимъ лучшимъ созданіемъ.

Своеобразныя условія морской и сухопутной войны тяжело ложатся на бюджеты европейскихъ націй. Преобладаніе должно будетъ принадлежать самой богатой націи, т.-е. той, которая въ силахъ будетъ вынести наибольшія вооруженія. Въ этомъ смыслѣ Англія, которая уже столько вѣковъ не подвергалась никакому нашествію и своей торговлей стягивала къ себѣ деньги со всего міра, можетъ считаться величайшей финансовой державой. Мы не можемъ выразить могущества

ея въ цифрахъ, такъ какъ оно не измѣряется бюджетомъ, уступающимъ на одинъ милліардъ бюджету Франціи ($2^1/_2$ милліарда противъ $3^1/_2$ милліардовъ). Англія несетъ тяжесть долга въ 19 милліардовъ, и ея кредитъ—одинъ изъ самыхъ прочныхъ въ Европѣ.

Франція, не смотря на испытанныя ею потрясенія, представила блестящее доказательство богатства своихъ рессурсовъ. И на ней лежитъ тяжелый долгъ въ 20 милліардовъ, и ей приходится справляться съ бюджетомъ въ $3^1/_2$ милліарда франковъ; тѣмъ не менѣе, кредитъ ея можно назвать незыблемымъ и всемірнымъ. 10 мая 1886 г., по случаю займа въ 500 милліоновъ (покрытаго въ двадцать одинъ разъ), была внесена, въ дѣйствительности, въ видѣ обезпеченія, 247.000 подписчиками, въ одинъ день, сумма въ два милліарда.

Германская имперія, не смотря на громадный выкупъ, исторгнутый у Франціи въ 1871 г., далеко не обладаетъ тѣми же источниками богатства: впрочемъ, и ея бюджетъ доходитъ до 2 милліардовъ 700 милліоновъ. Бюджетъ Австро-Венгріи равняется двумъ милліардамъ, Италіи—милліарду 309 милліоновъ. Россія, состоятельность которой не соотвѣтствуетъ ея пространству и населенію, имѣетъ бюджетъ лишь въ $2^1/_2$ милліарда.

Если эти цифры даютъ понятіе о финансовомъ могуществѣ, до котораго достигли европейскія націи съ XV в., онѣ вмѣстѣ съ горделивымъ чувствомъ, вызываютъ и грустное, такъ какъ самая значительная часть ихъ бюджетовъ предназначена къ поддержанію вооруженій. Европу обогащаетъ торговля, какъ мы увидимъ далѣе, но въ то же время ее разоряютъ военные расходы.

Итакъ, замѣчательная растяжимость финансовъ, неслыханное развитіе морскихъ сооруженій и военныхъ силъ, значительный приростъ населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ общее развитіе политической свободы—таковы результаты работы, происходившей въ Европѣ съ начала нынѣшняго вѣка. Если въ нѣкоторыхъ государствахъ еще поддерживается старый порядокъ, напоминающій прежнюю монархію, феодализмъ и преобладаніе аристократіи, то и этимъ странамъ не чужды новѣйшія идеи. Россія освободила крѣпостныхъ. Испанія, Германія и Австрія ввели многія преобразованія въ государственное управленіе. Греція, Румынія, Сербія и Болгарія освободились отъ владычества турокъ, которые стоятъ, такъ сказать, лишь одной ногой въ Европѣ. Италія возвратила себѣ независимость; Бельгія сдѣлалась цвѣтущимъ государствомъ.

Повсюду, на сѣверѣ и на югѣ, общественные классы сблизились между собой, правительственныя учрежденія улучшились; болѣе или

менѣе свободная и смѣлая пресса устраняетъ возможность возвращенія прежняго гнета; рѣчи ораторовъ слышатся повсюду; министерства возникаютъ или падаютъ, сообразно волѣ общественнаго мнѣнія. Во Франціи, въ Швеціи, въ Бельгіи, въ Англіи и даже въ Испаніи демократія сдѣлала большія успѣхи. Нынѣшнюю Европу нельзя узнать, сравнивая съ Европой прошлаго вѣка. Никогда во всей исторіи міра не происходило подобнаго превращенія въ такое короткое время. Политическій прогрессъ какъ будто послѣдовалъ за толчкомъ, какой паръ далъ промышленности и торговлѣ. Но онъ исходитъ и отъ дѣятельности умственной, болѣе поразительной въ нашемъ вѣкѣ, чѣмъ во всѣ предыдущія эпохи. Безъ сомнѣнія, политическое положеніе заставляетъ еще желать многаго, но опасности, которыми оно угрожаетъ, устраняются, вѣроятно, все болѣе и болѣе ускоряющимся умственнымъ и экономическимъ прогрессомъ. Миръ и свобода должны будутъ выиграть еще болѣе отъ распространенія науки и благосостоянія. Разумъ, въ концѣ концовъ, восторжествуетъ надъ недостойными честолюбіями, такъ же, какъ онъ восторжествовалъ надъ злоупотребленіями власти.

ГЛАВА XVI.

Литература и искусства въ XIX вѣкѣ.

Обновленіе литературы; возрожденіе поэтическаго и религіознаго чувства; Шатобріанъ.—М-me де-Сталь.—Литературное движеніе во время Реставраціи; вліяніе иностранныхъ литературъ.—Лирическая поэзія; Ламартинъ.—Викторъ Гюго.—Споръ между классиками и романтиками; драмы В. Гюго.—Послѣднія произведенія В. Гюго.—Казиміръ Делавинь; Беранже.—Поэзія послѣ 1830 г.; Альфредъ де-Мюссе – Драма и комедія послѣ 1830 г.—Романъ.—Движеніе въ исторической наукѣ; Огюстенъ Тьерри; Гизо.—Тьеръ.—Минье; Мишле.—Ученость; ученыя общества.—Философское движеніе; Ройэ Кольяръ; Кузенъ; различныя школы.—Религіозное движеніе.—Политическая экономія.—Каѳедры; краснорѣчіе.—Пресса.—Литературная критика.—Англійская литература: поэзія, лэкисты.—Лордъ Байронъ.—Вальтеръ Скоттъ; историческій романъ.—Чарльзъ Диккенсъ.—Исторія и философія; Маколей.—Нѣмецкая литература.—Итальянская литература.—Искусства; Давидъ и его школа.—Гро; Жераръ.—Классики и романтики; Энгръ; идеализмъ.—Жерико.—Эженъ Делакруа.—Поль Деларошъ, Ари Шефферъ, Леопольдъ Роберъ.—Художники послѣ 1830 г., Орасъ Верне.—Мейссонье.—Ипполитъ Фландренъ, Кабанель.—Живопись Германіи, Англіи, Бельгіи и проч.—Скульптура.—Архитектура.—Музыка, классическая школа.—Серьезная опера Россини, Доницетти, Мейерберъ, Оберъ и др.—Комическія оперы: Боальдье, Адамъ, Оберъ, Герольдъ и друг.

XIX вѣкъ вызвалъ къ жизни новый міръ. Обществу, явившемуся на свѣтъ среди страданій, насильственно оторванному отъ прошлаго

и неувѣренному въ будущемъ, боязливому и довѣрчивому, гордому независимостью ума и стыдившемуся своихъ вѣчныхъ сомнѣній, счастливому своей свободой и угнетенному душевной пустотой, нужна была литература, которая выражала бы его тревоги и укрѣпляла бы его надежды. Многочисленная молодежь, выходившая изъ училищъ, жаждала движенія, вѣрованій и знаній: она старалась понять міръ, среди котораго она очутилась, и искала объясненія его у исторіи. Послѣдняя, во Франціи, дѣйствительно, начинается съ текущаго столѣтія. Встревоженное множествомъ потрясеній, волновавшихъ души, молодое поколѣніе съ жаромъ бросилось къ философіи, которая, сдѣлавшись свободной, касалась всевозможныхъ задачъ. Смутныя желанія, смятеніе души и потребность связать человѣка съ вѣчными истинами возбуждали поэтовъ. Вдохновеніе, исходившее изъ сердца, порвало, въ своемъ порывѣ, цѣпи, сковывавшія литературу, которая возникла изъ узкаго подражанія. Поэзія возродилась такъ же, какъ и философія, и исторія. Такимъ образомъ, изъ общественнаго обновленія произошло обновленіе литературное.

Въ началѣ вѣка, можно было уже различить двѣ школы, еще не вполнѣ отдѣлившіяся другъ отъ друга, что́ произошло лишь во время реставраціи. *Классическая школа* не шла далѣе подражанія Расину и Вольтеру. Она заключала въ себѣ утонченныхъ писателей, очаровывавшихъ нѣкоторые салоны: кружокъ *Дюси* [1]), *Андріё* [2]), *Коллена д' Арлевиля* [3]), *Пикара* [4]), оффиціальнаго оратора *Фонтана* [5]) и *Мари-Жозефа Шенье* [6]). Но уже новая школа, примыкавшая къ Бернардену де-Сенъ-Пьеру и Ж. Ж. Руссо, заботилась о возрожденіи литературы, сближая ее съ изученіемъ природы.

Шатобріанъ (1761—1848), который во время Революціи путешествовалъ по Америкѣ, пріобрѣлъ глубокій отпечатокъ этой мало изученной части свѣта, роскошь растительности и обширные лѣса которой плѣнили его мечтательную и меланхолическую натуру. Онъ вывезъ изъ этого путешествія прелестный романъ *Атала*, очаровывавшій новизною образовъ, изяществомъ чувства и своеобразнымъ колоритомъ языка. Потрясенія Революціи, забвеніе прежнихъ вѣрованій и тревожное состояніе умовъ, найденное имъ въ Европѣ, побудили его попытаться

---

1) Дюси, драматическій поэтъ (1733—1816).

2) Андріё, драматическій писатель и профессоръ (1759—1833).

3) Колленъ д' Арлевиль, авторъ остроумныхъ и легкихъ пьесъ (1755—1806).

4) Пикаръ, драматургъ (1769—1828).

5) Фонтанъ (1757—1821).

6) Мари-Жозефъ Шенье, критикъ и драматическій писатель (1764—1811).

успокоить эту тревогу и противодѣйствовать этому забвенію книгою *Геній Христіанства*, въ которой онъ краснорѣчиво доказывалъ, что христіанская религія—самая поэтическая изъ всѣхъ и наиболѣе благопріятствующая литературному и художественному вдохновенію. Эта апологія христіанства, появленіе которой совпало съ конкордатомъ, снискало автору покровительство перваго консула, но Шатобріанъ не замедлилъ сдѣлаться врагомъ императора: онъ долженъ былъ удалиться изъ Франціи и жить, скитаясь по свѣту, наблюдая, изучая и записывая, въ своихъ *Путевыхъ замѣткахъ отъ Парижа до Іерусалима*, все, что вызывало воспоминанія древности, язычества и христіанства, а затѣмъ создалъ трогательную религіозную эпопею *Мученики*. Въ настоящее время, напыщенный и торжественный стиль Шатобріана уже не производитъ впечатлѣнія, такъ же, какъ и полетъ его фантазіи и звучность его выраженій, но онъ понималъ таинственныя красоты природы и мастерски передавалъ душевныя движенія. Кроткій образъ Аталы, трогательная наивность Шактаса, мрачная мечтательность Ренэ, мужество Эвдоры и самоотверженность Кимодокеи восхищаютъ насъ, вмѣстѣ съ описаніями лѣсовъ Америки и Галліи, пейзажей Греціи, битвъ франковъ и величественныхъ сценъ въ Колизеѣ. Шатобріанъ оказывалъ серьезное вліяніе на современниковъ и первый придалъ жизненность исторіи, быть можетъ, скорѣе своими романами, чѣмъ *историческими изслѣдованіями*.

Женщина, дочь Неккера, *m-me де-Сталь* (1766—1817), либеральныя идеи которой навлекли на нее непріязнь Наполеона, открыла для критики новые горизонты своею книгою о *Литературѣ* (1800) и заняла мѣсто среди лучшихъ писателей двумя романами *Дельфина* и *Коринна*; послѣдній былъ вдохновленъ чуднымъ небомъ Италіи и одушевленъ живою любовью къ природѣ, древности и искусствамъ. Путешествуя по Германіи, она собрала тамъ матеріалы для книги о *Германіи*, которая, будучи запрещена Наполеономъ, могла появиться лишь въ 1814 г. Хотя теперь этотъ трудъ намъ кажется слишкомъ льстивымъ, онъ, тѣмъ не менѣе, обладаетъ изяществомъ точнаго и легкаго языка и оказалъ услугу Франціи, познакомивъ ее съ народомъ и литературой по ту сторону Рейна, до тѣхъ поръ ей неизвѣстными. *Разсужденіе о французской революціи* [1]) появилось лишь послѣ смерти m-me де-Сталь (1825).

---

[1]) Слѣдуетъ упомянуть еще о роялистскомъ писателѣ де-Местрѣ, напечатавшемъ свои *Разсужденія о Франціи* въ 1799 г. и книгу о *Папѣ*, въ 1807 г. *Де-Бональдъ* написалъ *Трактатъ о первобытномъ законодательствѣ* въ 1802 г., а *Кабанисъ* въ томъ же году выпустилъ свой трудъ объ *Отношеніи между физической и нравственной природой человѣка*.

Вслѣдъ за Шатобріаномъ, цѣлое поколѣніе устремилось по новому пути, куда его направило могучее вліяніе, явившееся съ береговъ Рейна и съ береговъ Ламанша. Свобода поэтическаго творчества, страстное увлеченіе драмой, подъемъ мысли, высокій полетъ воображенія,—таковы были образцы, какіе давали два великихъ поэта Германіи Шиллеръ и Гёте. „Наши эстетики,—говорилъ Гёте,—много говорятъ о поэтическихъ и не поэтическихъ сюжетахъ; въ сущности, въ каждомъ сюжетѣ есть своя поэзія: писатель долженъ найти ее".

Тщательное изученіе исторіи, вѣрованій среднихъ вѣковъ и обожаніе природы, характеризующія произведенія этихъ великихъ поэтовъ, отражаются и во французскихъ поэтахъ XIX вѣка. Они являются въ то же время и въ Англіи въ произведеніяхъ Вальтеръ-Скотта, школы лэкистовъ и лорда Байрона. Шиллеръ, Гёте и Байронъ способствовали разрушенію старыхъ предразсудковъ во Франціи и подготовили образованное общество къ литературному обновленію, которому предстояло совершиться, но которое совершилось не подъ ихъ вліяніемъ.

Это замѣчательное возрожденіе произошло при Реставраціи, т. е. въ эпоху, когда общество стало успокоиваться, и когда потрясенія великихъ переворотовъ еще не были позабыты. Такъ всегда бываетъ послѣ бурь; вѣкъ Людовика XIV также расцвѣлъ только послѣ Фронды. Литературное движеніе, составившее славу XIX вѣка, было еще значительнѣе, чѣмъ въ XVII столѣтіи. Оно создало не меньшее число произведеній, достойныхъ считаться классическими; оно породило и нѣсколько другихъ вполнѣ законченныхъ твореній и, кромѣ того, вызвало къ жизни множество идей. Поэты, историки, философы, ораторы и критики блистали одновременно, и міръ удивлялся плодовитости французской націи, которая въ то время, когда ее считали истощившейся, производила геніевъ наиболѣе разнообразныхъ и, кромѣ того, множество удивительныхъ талантовъ, которыхъ здѣсь невозможно перечислить.

Въ 1820 г. появился скромный сборникъ стихотвореній, озаглавленный *Поэтическія размышленія*. Живое чувство природы, краснорѣчивый голосъ сердца, удивительныя красоты многихъ элегій, какъ *Уединеніе*, *Отчаяніе*, *Озеро*, ослѣпительные образы, ясность, нѣжность и гармонія языка, до тѣхъ поръ неизвѣстныя, обнаружили во Франціи великаго лирическаго поэта *Альфонса де-Ламартина*. Ему тогда было тридцать лѣтъ. Свое образованіе, начатое дома, въ тѣнистомъ Мальи, онъ продолжалъ подъ упоительнымъ небомъ Италіи, въ Римѣ, среди развалинъ Колизея. Онъ читалъ итальянскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ писателей; поддѣльный Оссіанъ очаровывалъ его. „Съ палитры

Оссіана,—говорилъ онъ,—мое воображеніе заняло, конечно, всего болѣе красокъ". Отсюда поэтъ, безъ сомнѣнія, заимствовалъ склонность къ туманности, вносящую холодъ во многія изъ его лучшихъ произведеній. Ламартинъ вскорѣ вернулся, въ качествѣ дипломата, въ Италію, свѣтлое небо которой онъ такъ любилъ. Онъ написалъ тамъ второй томъ *Размышленій* (1823). Вліяніе Байрона чувствуется въ *Послѣдней пѣснѣ Чайльдъ-Гарольда*. Въ 1829 г. Ламартинъ издалъ *Поэтическія и религіозныя гармоніи*, наполненныя христіанскимъ вдохновеніемъ, но мечтательность занимала тамъ слишкомъ много мѣста. Послѣ Реставраціи онъ выпустилъ лишь поэму *Жоселенъ*, которая, несмотря на свои достоинства, не можетъ считаться классическимъ произведеніемъ. Ламартинъ сталъ измѣнять поэзіи: онъ принималъ участіе въ политическомъ движеніи и сдѣлался краснорѣчивымъ и пылкимъ ораторомъ, а затѣмъ—слишкомъ поэтическимъ историкомъ Революціи. Тѣмъ не менѣе, онъ представилъ собою примѣръ высокаго положенія, какого можетъ достигнуть писатель въ нашемъ вѣкѣ, такъ какъ въ 1848 г. онъ выдвинулся на первый планъ и игралъ значительную роль. Старость его была печальна, но это не по винѣ публики, которую нельзя упрекнуть въ неблагодарности.

Викторъ Гюго родился въ 1802 г. и, какъ сынъ генерала, еще ребенкомъ слѣдовалъ за французской арміей; затѣмъ, онъ жилъ уединенно съ матерью въ Парижѣ, въ старинномъ монастырѣ Фельянтинокъ. Въ десять лѣтъ онъ уже писалъ стихи; въ пятнадцать—представилъ ихъ въ академію; въ двадцать лѣтъ онъ выпустилъ въ свѣтъ свой первый сборникъ *Оды* (1822). Подъ классической формой, этотъ томъ уже обнаруживалъ въ авторѣ талантъ, неспособный рабски подчиняться правиламъ. *Оды и Баллады* (1824) были одушевлены уже болѣе могучимъ и разнообразнымъ поэтическимъ вдохновеніемъ. Здѣсь уже не было мягкой томности Ламартина, но не было и его неподражаемой гармоніи. Контуръ стихотвореній былъ болѣе характернымъ, мысль менѣе неопредѣленной, краски часто были болѣе яркими, но за то менѣе чистыми. Въ 1828 г. Гюго выпустилъ новый сборникъ, оцѣненный по достоинству, *Восточныя пѣсни*, столь ярко отражающія блескъ солнечныхъ странъ, а послѣ Реставраціи,—*Осенніе листья* (1831), книгу, полную нѣжной грусти, затѣмъ—*Сумеречныя пѣсни* (1835) и *Внутренніе голоса* (1837).

Новая поэзія имѣла горячихъ защитниковъ отъ критики послѣдователей XVIII вѣка. Какъ и въ прежнія времена, въ литературномъ мірѣ были сторонники *стараго* и *новаго*; онъ дѣлился теперь на *классиковъ* и *романтиковъ*. Классики, безспорно, были въ правѣ поддержи-

вать славу безсмертныхъ писателей вѣка Людовика XIV; безспорно, романтики устанавливали принципъ прогресса, доказывая право ума не слѣдовать произвольнымъ правиламъ. Но ненависть классиковъ ко всякому нововведенію, даже прекрасному, ихъ пристрастіе къ избитымъ метафорамъ, къ холодной миѳологіи, ложному благородству, поддѣльному изяществу были такъ же несправедливы и столь же противоположны искусству, какъ и любовь ихъ противниковъ къ некрасивой новизнѣ, грубости, крайней распущенности и несообразности выраженій и образовъ. Одни доходили до уничтоженія всякой поэзіи, а другіе—до противорѣчія здравому смыслу.

Викторъ Гюго написалъ воззваніе отъ лица своей партіи въ предисловіи къ *Кромвеллю* (1827). Онъ отрицалъ трагедію и допускалъ только *драму*, т. е. сложное дѣйствіе, свободное отъ всякаго закона и развивающееся лишь въ силу возрастающаго интереса и нравственнаго единства. Во Франціи была сдѣлана попытка ввести шекспировскія драмы. Графъ *Альфредъ де-Виньи* (1799—1863), уже извѣстный своими стихотвореніями *Моисей* и *Илія* и историческимъ романомъ *Сенъ-Марсъ*, далъ французскому театру переводъ *Отелло*. Но публика, подчиняясь ложной щепетильности, не простила Шекспиру его вольностей и не оцѣнила его величайшихъ красотъ.

Викторъ Гюго, тѣмъ не менѣе, написалъ нѣсколько пьесъ во вкусѣ великаго англійскаго поэта. Представленія *Эрнани* (1830) превратились въ настоящую борьбу, не всегда приводившую къ результатамъ, благопріятнымъ для новаторовъ; но время оправдало ихъ, и поэтъ присоединилъ къ своимъ блестящимъ драмамъ *Риголетто* (Le roi s'amuse) (1832), *Лукрецію Борджіа* (1833), *Марію Тюдоръ* (1833), *Маріонъ Делормъ* (1838), *Рюи Блазъ* (1838) и *Бургграфы* (1838).

Такой плодовитости еще не видали до тѣхъ поръ. Этотъ могучій геній, тѣмъ не менѣе, какъ и Ламартинъ, покинулъ музу для политики и явился въ Палатѣ пэровъ и въ Законодательномъ собраніи однимъ изъ самыхъ пылкихъ ораторовъ. Во время своего изгнанія, при второй имперіи, въ уединеніи на о. Джерсеѣ, онъ снова вернулся къ поэзіи и издалъ великія поэмы *Легенда вѣковъ* и *Созерцанія*. Въ этихъ поэмахъ широта его вдохновенія часто подавляетъ его самого и увлекаетъ его воображеніе къ мыслямъ и оборотамъ столь смѣлымъ, что они становятся иногда непонятными; впрочемъ, могучій поэтъ чувствуется вполнѣ въ памфлетѣ *Кары* (Chatiments).

В. Гюго затрогивалъ всѣ идеи, волновавшія нашъ вѣкъ, и сдѣлался, въ особенности, въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, апостоломъ человѣчности. Его благородный умъ, возбуждавшійся до утопіи, парилъ

за предѣлами дѣйствительности, и, въ своемъ полетѣ къ идеалу, онъ терялъ изъ виду землю. Ни одинъ поэтъ не оказывалъ бо̀льшаго вліянія и не пользовался большей популярностью. Въ этомъ можно было убѣдиться въ 1885 г., когда онъ умеръ, послѣ старости, окруженной всевозможнымъ почетомъ. Франція явилась на его похороны, походившія на апоѳеозъ, а *Тріумфальная арка*, которую онъ воспѣвалъ въ молодости, какъ символъ славы воинственныхъ побѣдъ, была превращена въ погребальный храмъ этого великаго генія.

Два другіе поэта, *Казимиръ Делавинь* (1793—1843) и *Беранже*, во времена Реставраціи, воодушевились воспоминаніями имперіи и либеральныхъ идей. *Мессеніанки*, изданныя въ 1818 г., напоминали бѣдствія вторженій, но, въ общемъ, произведенія Казимира Делавиня страдаютъ недостаткомъ вдохновенія и слишкомъ проникнуты ученостью; тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ его трагедій, сюжеты которыхъ онъ заимствовалъ изъ исторіи, до сихъ поръ исполняются на сценѣ. *Беранже* (1780 — 1857) умѣлъ изъ простыхъ пѣсенъ создавать цѣлыя оды. Будучи сперва типографщикомъ, а потомъ—приказчикомъ, онъ самъ дополнилъ свое образованіе, и его умъ, его ядовитыя эпиграммы доставили ему въ общественныхъ классахъ, враждебныхъ Бурбонамъ, большую популярность, которую еще болѣе увеличили возникшія противъ него гоненія. Служа эхомъ народныхъ неудовольствій, онъ воспроизводилъ ихъ съ чисто галльской ироніей; затѣмъ, возвышая тонъ, онъ пробуждалъ въ сердцахъ патріотическія чувства.

Выше этихъ поэтовъ, наряду съ Викторомъ Гюго и Ламартиномъ, слѣдуетъ поставить *Альфреда де-Мюссе* (1810—1857). Жизнь его была короче, и произведенія менѣе значительны, но онъ соединялъ свободу и причудливость романтиковъ съ чистотою формы классиковъ, силу—съ граціей, умъ—съ воображеніемъ, шутливость—съ вдохновеніемъ. Его короткія стихотворенія прелестны, когда въ нихъ не отражается нравственная распущенность, столь пагубная для этого прекраснаго таланта. Альфредъ де-Мюссе владѣлъ прозаической формой такъ же безукоризненно, какъ и стихотворной, и французскій театръ сохраняетъ въ своемъ репертуарѣ множество его *комедій*, живыхъ, легкихъ и остроумныхъ, написанныхъ самымъ изящнымъ языкомъ.

Здѣсь трудно перечислить всѣхъ поэтовъ, блиставшихъ вокругъ этихъ мастеровъ и послѣ нихъ: нѣжный и чувствительный *Бризё* [1]), строгій и религіозный *Лапрадъ* [2]), *Отранъ* [3]), пѣвецъ битвъ и полей,

[1]) Бризё (1806—1858).

[2]) Викторъ Лапрадъ (1812—1883).

[3]) Отранъ (1813—1877).

Мери, ясный и музыкальный, остроумный *Арсенъ Гуссе* [1]), *Анри Мюрже* [2]), *Моро* [3]), *Барбье* [4]), благородный авторъ *Ямбовъ*; *Теофиль Готье* [5]), чеканившій *Эмали* и *Камеи*; затѣмъ,—*Леконтъ де-Лиль* [6]), поклонникъ древности, народные поэты юга, *Ж. Ребу* [7]), *Жасменъ*, *Мистраль* [8]) и, наконецъ, наиболѣе любимые поэты нашихъ дней *Сюлли Прюдомъ* [9]), *Пальсронъ* [10]), *Франсуа Коппе* [11]) и *Деруледъ*, поэтъ-воинъ, вдохновлявшійся тяжелыми воспоминаніями войны 1870 г.

Благотворный толчекъ, данный драматической литературѣ споромъ между романтиками и классиками, долгое время давалъ себя чувствовать. Драма въ прозѣ замѣнила стихотворную трагедію. *Александръ Дюма̀-отецъ* [12]) почти перенесъ исторію на сцену, какъ онъ дѣлалъ это въ своихъ романахъ. Тѣмъ не менѣе, трагедія оставалась въ почетѣ. Никогда не цѣнили болѣе классиковъ и не истолковывали ихъ лучше; трагикъ *Тальма*, при имперіи и реставраціи, затѣмъ, послѣ 1830 г., знаменитая трагическая актриса *Рашель*—вызывали восторгъ публики, воплощая героевъ и героинь Корнеля и Расина. *Понсаръ* [13]), поощряемый вкусомъ публики, далъ нѣсколько удачныхъ опытовъ трагедіи (*Лукреція*, 1843) и драмы (*Шарлотта Корде*). Но онъ имѣлъ болѣе успѣха въ стихотворной комедіи (*Честь и деньги*, 1853).

Комедія, дѣйствительно, болѣе соотвѣтствуетъ нашему вѣку, утратившему идеализмъ. Ей придалъ высокій интересъ *Эженъ Скрибъ* [14]), почти неисчерпаемый въ разнообразіи замысловъ и весьма опытный въ созданіи интриги. *Эмиль Ожье* [15]), будучи въ то же время поэтомъ, написалъ нѣсколько пьесъ свободной и легкой прозой: онъ задавался изображеніемъ характеровъ. *Камиль Дусе* [16]) сохранилъ въ своихъ прелестныхъ и тонкихъ комедіяхъ живую и точную стихотворную

---

1) Арсенъ Гуссе (1815—1895).
2) Мюрже (1822—1861).
3) Эжезипъ Моро (1810—1838).
4) Огюстъ Барбье (1805—1882).
5) Теофиль Готье (1811—1872).
6) Леконтъ де-Лиль (1818—1893).
7) Ребу (1796—1864).
8) Мистраль (1830—1886).
9) Сюлли Прюдомъ род. въ 1839 г.
10) Пальеронъ род. въ 1834 г.
11) Франсуа Коппе род. въ 1842 г.
12) Александръ Дюма̀-отецъ (1803—1870).
13) Понсаръ (1814—1867).
14) Эженъ Скрибъ (1791—1861).
15) Эмиль Ожье (1820—1893).
16) Камиль Дусе, род. въ 1812.

форму. *Октавъ Фелье* [1]) былъ картиннымъ и изящнымъ прозаикомъ. *Александръ Дюма̀-сынъ* [2]), присоединившій еще болѣе блеску къ своему уже знаменитому имени, былъ однимъ изъ наиболѣе плодовитыхъ и смѣлыхъ драматурговъ; онъ часто дѣлалъ изъ своихъ пьесъ настоящія нравоученія, не уменьшая тѣмъ ихъ интереса и движенія. *Викторьену Сарду* [3]) особенно удавались остроумныя комедіи и драмы. Къ этимъ именамъ слѣдуетъ прибавить еще *Эрнеста Легувэ* [4]), *Луи Булье*, *Маріо Юшара* и *Эжена Лабиша* [5]), бывшаго олицетвореніемъ веселости, *Людовика Галеви* [6]), *Анри Борнье* [7]), *Пальерона*, *Онэ* и др.

Въ XIX вѣкѣ процвѣталъ всего болѣе литературный родъ, не имѣющій классическихъ образцовъ, удобный для наблюденія нравовъ и описанія характеровъ, родъ, въ который вводились исторія, философія, искусство, сатира и наука: это — *романъ*, который часто, позади своихъ остроумныхъ вымысловъ, даетъ вѣрную картину эпохи. Въ этомъ качествѣ, онъ могъ занять мѣсто въ литературѣ и пріобрѣсти общественное значеніе, иногда и разрушительное, если беззастѣнчивый авторъ старается лишь возбуждать болѣзненныя страсти.

Въ началѣ вѣка, братъ писателя по религіозно-общественнымъ вопросамъ, *Ксавье де-Мэстръ* [8]) восхищалъ Европу маленькими *новеллами*, полными чувства и граціи. *Шарль Нодье* [9]), занимательный повѣтствователь, касался безконечнаго множества сюжетовъ съ изящной легкостью.

А. Дюма̀-отецъ, писатель наиболѣе плодовитый и наиболѣе популярный, старался въ особенности оживить нѣкоторыя историческія эпохи. Несомнѣнно, онъ злоупотреблялъ своимъ воображеніемъ, но его романы, полные красокъ и интереса, крайне занимательны живостью разсказа и діалога. Онъ всего болѣе вредилъ себѣ растянутостью своихъ произведеній. Первоклассная писательница, *Жоржъ - Зандъ*

---

[1]) Октавъ Фелье (1812—1894).

[2]) Александръ Дюма̀-сынъ (1824—1896).

[3]) Викторьенъ Сарду́ род. въ 1831 г.

[4]) Эрнестъ Легувэ род. въ 1807 г.

[5]) Эженъ Лабишъ (1815—1888).

[6]) Людовикъ Галеви род. въ 1834 г.

[7]) Де-Борнье род. въ 1825 г.

[8]) Ксавье де-Мэстръ (1763—1852).—*Путешествіе по моей комнатѣ* и *Кавказскіе плѣнники*.

[9]) Шарль Нодье (1783—1844).

(1804—1876) сосредоточилась на наблюденіяхъ душевной жизни, хотя изображала страсти съ излишней снисходительностью, дѣлающей ея произведенія опасными для молодыхъ умовъ [1]). *Оноре де-Бальзакъ* (1799—1850) былъ правдивымъ живописцемъ буржуазныхъ нравовъ нашего вѣка [2]). *Теофиль Готье* всего болѣе любилъ описанія; никому лучше его не удавалось описывать пейзажи и живописныя сцены: читая его, какъ-будто видишь то, что онъ изображаетъ. *Сентинъ* и *Меримэ* [3]) написали нѣсколько произведеній, полныхъ чувства и изящества. *Октавъ Фелье*, одинъ изъ наиболѣе любимыхъ романистовъ, *Флоберъ* [4]), *Жюль Сандо* [5]), *Альфонсъ Карръ* [6]), *Шербюлье* [7]), *Альфонсъ Доде* [8]), *Эдмондъ* и *Жюль Гонкуры* [9]) и др. подняли романъ на небывалую высоту. *Эдмондъ Абу* [10]) писалъ книги, полныя остроумія, въ стилѣ, напоминающемъ Вольтера. Швейцарецъ *Тёпферъ* [11]) далъ нѣсколько новеллъ, которыя въ его время читались всѣми возрастами. Мы не можемъ перечислить здѣсь всѣхъ современныхъ романистовъ. весьма многочисленныхъ и разнообразныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые дошли до крайняго реализма или до преувеличенной безнравственности, удаляющей отъ нихъ серьезныхъ читателей.

Неоспоримую славу нашего вѣка составляетъ блестящее возрожденіе историческихъ изслѣдованій. *Огюстэнъ Тьерри* (1795—1856) своей преданностью наукѣ заслужилъ названіе Гомера исторіи, такъ какъ онъ ослѣпъ, какъ и отецъ греческой поэзіи. Его *Письма объ исторіи Франціи* вносятъ свѣтъ въ самыя темныя мѣста французскихъ лѣтописей. Его исторія *Завоеванія Англіи норманами* (1821) была настоящимъ памятникомъ, гдѣ искусно скрытая ученость только усиливала яркость и живость картинъ далекаго прошлаго.

Гизо (1787—1874), въ особенности, отличался критическимъ чутьемъ.

---

[1]) Авторъ касается только одной стороны дѣятельности знаменитой писательницы, упуская изъ виду ея соціальные романы, имѣющіе гораздо большее значеніе. *Прим. ред.*

[2]) Онъ доходилъ въ своихъ изображеніяхъ до такой силы и жизненности, которыя дѣлаютъ его творцомъ новѣйшаго реальнаго романа. *Прим. ред.*

[3]) Сентинъ (1798—1865); Проспѐръ Меримэ (1803—1870).

[4]) Густавъ Флоберъ (1821—1880).

[5]) Жюль Сандо (1811—1883).

[6]) А. Карръ (1808—1895).

[7]) Шербюлье род. въ 1828 г.

[8]) А. Доде род. въ 1840г. (1898).

[9]) Эдмондъ Гонкуръ (1822—1896); Жюль Гонкуръ (1830—1870).

[10]) Эдмондъ Абу (1828—1884).

[11]) Рудольфъ Тёпферъ (1799—1846).

Онъ былъ доктринеромъ въ исторіи такъ же, какъ и въ политикѣ. Отыскивая среди фактовъ заключающуюся въ нихъ идею и ихъ взаимную связь, выдѣляя изъ многочисленныхъ и различныхъ событій общій законъ, въ силу котораго они происходили, опуская случайности, чтобы слѣдить за общимъ движеніемъ человѣчества, онъ примѣнялъ къ исторіи строгіе пріемы философской индукціи. *Этюды изъ исторіи Франціи*, *Исторія цивилизаціи Европы* и *Исторія цивилизаціи Франціи* увѣковѣчили курсы, которые онъ съ большимъ блескомъ читалъ въ Сорбоннѣ. Кромѣ работы надъ этими лекціями, Гизо наблюдалъ за изданіемъ *Мемуаровъ, относящихся къ революціи въ Англіи*, и составилъ драгоцѣнное собраніе *Мемуаровъ, относящихся къ исторіи Франціи*. Кромѣ того, онъ написалъ *Исторію революціи въ Англіи*.

Тьеръ [1]), главнымъ образомъ, былъ повѣствователемъ. Онъ первый сосредоточилъ въ нѣсколькихъ томахъ исторію Революціи, а затѣмъ, въ свободное время, урывая его отъ своей чрезвычайно дѣятельной политической жизни, онъ написалъ, заручившись самыми достовѣрными документами, *Исторію консульства и имперіи*. Это именно исторія, какъ ее понимаетъ наше время, основанная на доказательствахъ, научная и ясная, логичная и убѣдительная, простая и сильная, гдѣ политика, дипломатія, финансы, промышленные и торговые вопросы занимаютъ свое мѣсто, на ряду съ битвами, описаніе которыхъ особенно удается автору. Несомнѣнно, большое количество подробностей иногда вредитъ достоинству цѣлаго, но императорская эпоха возстаетъ въ ней вся цѣликомъ, разсказанная, а не воспѣтая человѣкомъ многосторонне образованнымъ и судьею, скорѣе строгимъ, чѣмъ снисходительнымъ.

Минье [2]), другъ Тьера, посвятилъ себя вопросамъ исторіи среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени; онъ внесъ въ свои работы замѣчательную вѣрность изслѣдованія и критики. Находчивый въ выборѣ документовъ, умѣренный въ пользованіи ими и проницательный въ отысканіи причинъ, онъ умѣлъ связать общія идеи съ фактами и включить то и другое въ сжатыя рамки. Его слогъ, благородный и правильный, отличается точностью и твердостью. Книги его можно считать законченными образцами, и, если бы не нѣкоторая сухость, происходящая, безъ сомнѣнія, отъ крайне тщательной обработки, онъ былъ бы олицетвореніемъ идеальнаго историка.

---

[1]) Адольфъ Тьеръ (1797—1877).

[2]) Минье написалъ замѣчательныя *Историческія записки*, *Исторію Маріи Стюартъ*, *Исторію французской Революціи* и *Соперничество Франциска I съ Карломъ V*.

Пылкость, наоборотъ, придаетъ жизнь книгамъ *Мишле* [1]). Умѣя быть научнымъ и точнымъ, когда онъ этого хотѣлъ, Мишле всего болѣе былъ живописцемъ. Онъ воскрешаетъ цѣлыя эпохи и людей. Воображеніе заводитъ его порою за предѣлы мѣры и истины, но его плѣнительныя произведенія неудержимо притягиваютъ къ себѣ.

Исторія занимала столькихъ писателей, что мы здѣсь можемъ перечислить только ихъ имена: *Амедей Тьерри* [2]), *Барантъ* [3]), герцогъ *Брольи* [4]), *Эдгаръ Кинэ* [5]), *Луи Бланъ*, *Де-Віель-Кастель* [6]), написавшій *Исторію Реставраціи*, *Анри Мартэнъ* [7]), составившій многотомную *Исторію Франціи*, *Викторъ Дюрюи* [8]), написавшій мастерскую *Исторію римлянъ*, а также не менѣе прекрасную *Исторію грековъ*, *Камиллъ Руссе* [9]), авторъ замѣчательной *Исторіи Лувуа*, *Жюль Целлеръ*, историкъ Германіи, *Шерюэль*—историкъ Мазарини, *Валлонъ*, *Фюстель де-Куланжъ* и др.

Исторія затронула всевозможные вопросы, пользуясь обширными источниками, оказавшимися въ ея распоряженіи, благодаря археологіи и палеографіи. Египетскія древности были превосходно изслѣдованы цѣлой плеядой ученыхъ, шедшихъ по пути, открытому *Шамполіономъ*, *де-Руже*, *Маріэтомъ*, *Ампером*ъ, *Масперо* и др. Древности Греціи и Рима сдѣлались предметомъ записокъ и книгъ, большинство авторовъ которыхъ были учениками французской Аѳинской школы.

Школа Хартій была разсадникомъ неутомимыхъ архивистовъ, разбиравшихъ и читавшихъ безчисленные документы, составляющіе средневѣковую исторію Франціи. *Академія Надписей* продолжала трудолюбивыя изданія бенедиктинцевъ. *Академія нравственныхъ наукъ* доставила исторіи, такъ же, какъ и философіи, множество свѣдѣній въ своихъ цѣнныхъ *Запискахъ*. *Комитетъ историческихъ работъ*, учрежденный Гизо, при министерствѣ народнаго просвѣщенія, обнародовалъ *Собраніе неизданныхъ документовъ* и сталъ во главѣ *Трудовъ ученыхъ обществъ*, составившихъ цѣлую библіотеку.

---

[1]) Мишле (1798—1874). Кромѣ *Исторіи Франціи* и *Исторіи Революціи*, слишкомъ восторженной, Мишле принадлежатъ прелестныя произведенія, гдѣ онъ давалъ волю своему воображенію: *Птица*, *Насѣкомое*, *Море*.

[2]) Амедей Тьерри, братъ Огюстена (1797—1873).

[3]) Барантъ (1787—1866).

[4]) Де-Брольи (1821—1889).

[5]) Эдгаръ Кинэ (1803—1875).

[6]) Де-Віель Кастель (1800—1878).

[7]) Анри Мартенъ (1810—1883).

[8]) Викторъ Дюрюи (1811—1887).

[9]) Камиллъ Руссе, (1821—92).

Вліяніе Англіи и Германіи, которое мы отмѣтили по отношенію къ поэзіи, болѣе непосредственно дѣйствовало на возрожденіе философіи. Изученіе шотландца Рейда руководило Ройэ Кольяромъ въ его борьбѣ съ сенсуализмомъ XVIII в. Чтеніе Фихте, Шеллинга, Гегеля и Канта образовало его ученика Кузена. *Ройэ-Кольяръ* [1]) поддержалъ спиритуалистическія ученія, сильно поколебленныя Кондильякомъ, и связалъ философію XIX в. съ Декартомъ. *Де-Бональ* [2]) посвятилъ свою догматическую суровость и афористическую опредѣленность своего языка религіозной философіи, а въ политикѣ — интересамъ легитимизма.

Викторъ Кузенъ [3]) сперва колебался между всѣми системами. При Реставраціи, въ періодъ своего наибольшаго вліянія, онъ развивалъ, подтверждая и разъясняя своимъ яснымъ словомъ, нѣмецкія системы. Позднѣе, Кузенъ всю философію сводилъ къ нравственности; впрочемъ, онъ всегда давалъ преобладаніе исторіи философіи передъ самой философіей. Онъ создалъ *эклектизмъ*, систему, заключающуюся въ выборѣ изъ всѣхъ системъ того, что̀ кажется въ нихъ истиннымъ. Другой философъ, болѣе отвлеченный, строгій и оригинальный, но менѣе извѣстный, *Жуффруа* [4]), пытался въ то же время заключить философію въ психологію и этику.

Въ сущности, философія, распространявшаяся Кузеномъ, который скорѣе былъ популяризаторомъ и краснорѣчивымъ профессоромъ, чѣмъ мыслителемъ, была спиритуалистической и картезіанской. Она пріобрѣла ученаго послѣдователя въ лицѣ *Жюля Симона* [5]), заинтересовавшагося всего болѣе вопросами соціальными и искавшаго средства обезпечить благосостояніе низшихъ классовъ общества, затѣмъ — *Шарля Ремюза* [6]), *Равессона*, *Эмиля Сэссэ*, *Поля Жанэ*, *Франциска Буллье*, *Левека*, *Этьена Вашро́*, *Эрнеста Берсо* [7]) и *Каро* [8]). Послѣдній, въ особенности, будучи полемистомъ и блестящимъ профессоромъ, горячо защищалъ ученіе спиритуалистовъ, оспаривавшееся новыми школами.

---

[1]) Род. въ 1763 г., профессоръ Сорбонны въ послѣдніе годы имперіи, депутатъ при Реставраціи, Ройэ-Кольяръ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ представителей французской трибуны, главою школы доктринеровъ и предсѣдателемъ коммиссіи по народному образованію. Онъ умеръ въ 1845 г.

[2]) Де-Бональ (1754—1840).

[3]) Викторъ Кузенъ (1792—1867).

[4]) Жуффруа (1796—1842).

[5]) Жюль Симонъ (1814—1896).

[6]) Ремюза (1797—1875).

[7]) Берсо (1816—1880).

[8]) Каро (1826—1887).

Главнѣйшею изъ нихъ была позитивная школа *Огюста Конта* [1]), стремившаяся основать человѣческую религію. Ог. Контъ имѣлъ ученаго послѣдователя въ лицѣ *Литтрэ* [2]), который, помимо своихъ философскихъ работъ, создалъ прочный памятникъ французскаго языка большимъ *словаремъ*, плодомъ обширной учености и удивительнаго трудолюбія. *Тэнъ* [3]), не увлекаясь ученіями позитивистовъ, изощрялъ свой насмѣшливый умъ надъ академической философіей Кузена и вносилъ въ изслѣдованіе психологическихъ вопросовъ удивительную глубину, но нѣсколько фаталистическія и, отчасти, матеріалистическія тенденціи [4]).

Свободное обсужденіе религіозныхъ вопросовъ заняло видное мѣсто среди вопросовъ нашего вѣка. Графъ *Жозефъ-де Мэстръ* [5]), съ замѣчательной энергіей занялся ими, вернувшись къ средневѣковымъ теократическимъ идеямъ въ своихъ сочиненіяхъ: *С.-Петербургскіе вечера*, *Папа* и *Галликанская церковь*. Съ 1817 по 1823 г. аббатъ *Ламенэ* [6]), печаталъ свой *Опытъ объ индифферентизмѣ*, въ которомъ доказывалъ общественное значеніе религіи. Но въ этой книгѣ обнаружился уже принципъ, въ силу котораго Ламенэ долженъ былъ вступить въ жаркое состязаніе съ церковью: *авторитетъ*, который онъ признавалъ, какъ единственное средство познать истину, былъ лишь *здравый смыслъ*, мнѣніе человѣчества, и католицизмъ для него являлся лишь всеобщей формой мнѣнія человѣчества. Затѣмъ, Ламенэ напечаталъ *Слово вѣрующаго* и *Философскій очеркъ*. Походъ философовъ противъ католицизма встрѣтилъ среди духовенства краснорѣчивыхъ ораторовъ и публицистовъ: *Дюпанлу* [7]), *Лакордера* [8]) и *Гратри* [9]), а среди свѣтскихъ лицъ—оратора *Монталамбера* [10]). *Эрнестъ Ренанъ* [11]), принадлежа къ противному лагерю, выказалъ рѣдкій литературный талантъ, оспаривая божественное происхожденіе христіанства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, восхищаясь имъ.

---

[1]) Огюстъ Контъ (1798—1857).

[2]) Эмиль Литтрэ (1801—1881).

[3]) Ипполитъ Тэнъ (1828—1893).

[4]) Слѣдуетъ упомянуть еще въ числѣ философовъ, трудившихся надъ религіозными вопросами, *Ад. Франка*, *Жана Рейно*, *Борда-Демулена*, *Франсуа Гюэ* и др.

[5]) Жозефъ де-Мэстръ (1754—1821).

[6]) Ламенэ (1782—1854).

[7]) Дюпанлу (1802—1878).

[8]) Лакордеръ (1802—1861).

[9]) Гратри (1805—1872).

[10]) Монталамберъ (1810—1870).

[11]) Эрнестъ Ренанъ (1823—1894).

Вопросы политической экономіи, болѣе доступные человѣческому излѣдованію, обсуждались *Жаномъ Батистомъ Сэ* [1]), создавшимъ методъ для этой науки, до тѣхъ поръ смѣшивавшейся съ политикой. *Фредерикъ Бастіа* [2]), *Росси* [3]), *Луи Рейбо* [4]), *А. Токвиль* [5]), *Воловскій* [6]), *Мишель Шевалье* [7]), *Эдуардъ Лабуле* [8]), *Бодрильяръ* [9]), *Боне*, *Адольфъ Бланки* [10]), *Адольфъ Вюитри* [11]), *Левассёръ* [12]), *Фредерикъ Пасси* [13]), изучали вопросы промышленности, торговли и финансовъ, получившіе важное значеніе въ нашъ практическій вѣкъ. Къ ихъ числу слѣдуетъ присоединить знаменитаго *Прудона*, который, несмотря на свои парадоксы, проникъ глубокимъ взглядомъ въ организацію современнаго общества.

Политическая свобода могла быть только благопріятной общественному краснорѣчію. Уже во время революціи, графъ *Мирабо* напоминалъ своею пылкостью трибуновъ древняго Рима. При Реставраціи и Іюльской монархіи парламентское краснорѣчіе достигло значительной силы, благодаря горячимъ импровизаціямъ генерала *Фуа* [14]) и *Казимира Перье* [15]), сжатымъ разсужденіямъ *Манюэля* [16]), ловкимъ и остроумнымъ рѣчамъ *Бенжамена Констана* [17]), изящному и плѣнительному языку *Мартиньяка* [18]) строгому и внушительному голосу *Ройэ-Кольяра*, звучному и картинному слову *Шатобріана*, благородной логикѣ *де-Серра* [19]) и *Вильеля* [20]). Во время Іюльской монархіи славу и власть

---

[1]) Ж. Б. Сэ (1767—1832). Его главный трудъ—*Трактатъ о политической экономіи* (1803).

[2]) Фредерикъ Бастіа (1801—1850).

[3]) Росси, итальянецъ, преподававшій и писавшій на французскомъ языкѣ (1787—1848).

[4]) Луи Рейбо (1799—1879).

[5]) А. де-Токвиль (1805—1859).

[6]) Воловскій (1810—1876).

[7]) М. Шевалье (1806—1879).

[8]) Эд. Лабуле (1811—1884).

[9]) Бодрильяръ, (1821—92).

[10]) А. Бланки (1798—1854).

[11]) А. Вюитри (1813—1885).

[12]) Левассёръ, род. въ 1828 г.

[13]) Фр. Пасси, въ 1823 г.

[14]) Генералъ Фуа (1775—1825).

[15]) Казимиръ Перье (1777—1832).

[16]) Манюэль (1775—1827).

[17]) Бенжаменъ Констанъ (1767—1830).

[18]) Мартиньякъ (1776—1832).

[19]) Де-Серръ (1776—1822).

[20]) Вильель (1773—1854).

оспаривали другъ у друга два оратора: *Гизо*, своими строго обоснованными рѣчами, сжатымъ краснорѣчіемъ и возвышенными мыслями и языкомъ, и *Тьеръ*, пріятный собесѣдникъ, ясный ораторъ, блестящій и изящный, несмотря на многословіе. *Билльо* [1]) боролся съ этими мастерами въ своихъ нервныхъ и проницательныхъ рѣчахъ. *Берье* [2]), за возвышенность взглядовъ, величавость и пылкость своихъ періодовъ, заслужилъ названіе „короля ораторовъ“. Позднѣе, въ собраніяхъ блистали еще всегда сдержанный и строгій *Жюль Фавръ* [3]), *Эмиль Оливье* [4]), рѣзкій и непреклонный ораторъ, *Руэ* [5]), особенно сильный въ преніяхъ экономическаго характера, и *Гамбетта* [6]), могущественный трибунъ, умѣвшій волновать собранія и народъ.

Краснорѣчіе одушевляло и духовныхъ ораторовъ, какъ, напримѣръ, *Лакордера*, *Равиньяна*, *о. Феликса*, *о. Дидона*, *о. Монсабрэ* и др. Оно одушевляло и профессоровъ Сорбонны, а при Реставраціи толпа осаждала лекціи исторіи *Гизо*, литературы — *Вильмена* и философіи—*Кузена*.

Краснорѣчіе выразилось также въ памфлетѣ, благодаря *Полю-Луи-Курье* [7]), который въ своихъ нападкахъ на Реставрацію блисталъ пылкостью и остроуміемъ. Но великой трибуной явилась *пресса*, истинная руководительница современнаго общества, ежедневно, на весь міръ, обсуждающая политическіе и общественные вопросы. Нѣтъ возможности перечислить всѣ имена, обратившія на себя вниманіе въ этой непрерывной борьбѣ мнѣній, начиная съ *Армана Карреля* [8]), одного изъ самыхъ отважныхъ бойцовъ либеральнаго движенія при Реставраціи и Іюльской монархіи, до рѣзкаго *Прево-Парадоля* [9]) и неутомимаго *Эмиля де-Жирардена* [10]). Газеты стали считаться сотнями; журналъ «*Revue des Deux Mondes*» уже болѣе полувѣка оказываетъ гостепріимство всѣмъ уважаемымъ писателямъ, и полное собраніе его книгъ составитъ одинъ изъ интересныхъ памятниковъ литературной дѣятельности нашей эпохи.

---

[1]) Билльо (1805—1863).
[2]) Берье (1790—1868).
[3]) Жюль Фавръ (1809—1880).
[4]) Э. Оливье, род. въ 1825 г.
[5]) Руэ (1814—1884).
[6]) Гамбетта (1838—1882).
[7]) Поль-Луи-Курье, род. въ 1773 г., убитъ въ 1825 г.
[8]) Арманъ Каррель, род. 1880 г., убитъ на дуэли въ 1836 г.
[9]) Прево-Парадоль (1829—1870).
[10]) Эмиль де-Жирарденъ (1802—1881).

Газеты служатъ и великимъ отголоскомъ критики; на ихъ столбцахъ положили начало своей репутаціи люди, способствовавшіе анализомъ древнихъ или новыхъ произведеній образованію литературнаго вкуса публики. *Литературная критика*, еще тяжелая въ XVIII в. и напыщенная при *Лагарпѣ* [1]), сдѣлалась самостоятельнымъ литературнымъ родомъ, въ которомъ отличались мастера, какъ, напр., *Вильменъ* [2]), классическій авторъ оживленныхъ картинъ различныхъ періодовъ исторіи литературы; *Дезирэ-Низаръ* [3]), авторъ глубокой и изящной исторіи французской литературы; *Сенъ-Бёвъ* [4]), универсальный критикъ, остроумный и ѣдкій собесѣдникъ, изслѣдовавшій, такъ сказать, всѣ углы исторіи французской литературы и даже политики; затѣмъ, *Сенъ-Маркъ Жирарденъ* [5]), привлекательный критикъ *Жюль Жаненъ* [6]), *Жерюзэ* [7]), *Амперъ* [8]), *Арсенъ Гуссе*, возстановившій XVIII в., ученые *Викторъ Леклеркъ* [9]) и *Патенъ* [10]); далѣе, *Абу*, столь живой и ѣдкій, *Франсуа Сарсэ* [11]), сдѣлавшійся, какъ и Жаненъ, авторитетомъ театральной критики; *Тэнъ*, столь же глубокій критикъ, какъ и философъ, *Буассье* и *Мезьеръ*, одинаково изящные и ученые.

Ни одна эпоха не благопріятствовала въ такой мѣрѣ выдающимся талантамъ и, со временемъ, когда можно будетъ выдѣлить великія имена, литература XIX в. во Франціи, по числу ихъ, не уступитъ никакой другой эпохѣ. Но ей нужно стараться избѣгать парадоксовъ въ философіи, вымысловъ въ исторіи, ужаснаго или безнравственнаго въ романѣ, скандальныхъ успѣховъ на сценѣ, неясности и неудобопонятности въ поэзіи. Ей слѣдуетъ вдохновляться идеями своего вѣка, безъ рабскаго подчиненія имъ, сообразоваться со вкусами времени, не поддѣлываясь къ нимъ. Только тѣ писатели перейдутъ въ потомство, которые окажутся достаточно твердыми, чтобы не преклоняться передъ игомъ моды, не соблазняться легкими успѣхами и не уступать искушенію выгодной, но легкомысленной и безнравственной литературы.

---

[1]) Лагарпъ (1739—1803).
[2]) Вильменъ (1790—1870).
[3]) Д. Низаръ (1806—1888).
[4]) Сенъ-Бевъ (1804—1869).
[5]) Сенъ-Маркъ Жирарденъ (1801—1873).
[6]) Жюль Жаненъ (1804—1874).
[7]) Жерюзэ (1799—1865).
[8]) Жанъ-Жакъ Амперъ (1800—1864).
[9]) Викторъ Леклеркъ (1789—1865).
[10]) Патенъ (1793—1876).
[11]) Фр. Сарсэ, род. въ 1828 г.

Англійская литература въ нашемъ вѣкѣ снова пріобрѣла блескъ, какимъ она отличалась въ XVII столѣтіи, воспринимая и распространяя вмѣстѣ съ тѣмъ вокругъ себя современныя вѣянія. Съ конца прошлаго вѣка поэтическая школа *лэкистовъ*, *Уордсвортъ* [1]), *Кольриджъ* [2]), *Соути, Кэмпбэль* и *Уильсонъ* снова обратились къ чувству природы, доведенному до страстнаго поклоненія ей. Очарованные красотами живописныхъ озеръ Сѣверной Англіи и Шотландіи, эти поэты, и, въ особенности, первые два, одушевляли все, что они видѣли и воспѣвали.

Мятежная и кипучая душа *Байрона* (1788—1824) изливалась въ чудныхъ пѣсняхъ, выражавшихъ собою тревогу и страданія обновленнаго общества. Свои приключенія, путешествія, му́ки и радости, свои сомнѣнія и вѣрованія, свои мечты, опасенія и надежды онъ раскрываетъ и излагаетъ въ страстныхъ строфахъ. Онъ самъ—и *Корсаръ*, и *Манфредъ*, и *Чайльдъ-Гарольдъ*. Онъ переживалъ свои поэмы. Никто лучше его не проникалъ въ глубины человѣческаго сердца, и его сильный языкъ и блестящіе образы увлекаютъ читателя, несмотря на печаль, разлитую на многихъ слишкомъ безотрадныхъ страницахъ.

Его другъ *Шелли* [3]) слишкомъ увлекался метафизикой: его поэзія неясна и неопредѣленна. *Теннисонъ* [4]) скорѣе былъ послѣдователемъ школы лэкистовъ; это—поэтъ чувствительный и, въ то же время, религіозный и нравственный. Его прозвали „самымъ классическимъ изъ англійскихъ романтиковъ“.

Вальтеръ Скоттъ [5]) былъ также поэтомъ, но, какъ почитатель прошлаго, онъ оживлялъ его въ своихъ историческихъ романахъ, увлекавшихъ Англію и всю Европу. Это — настоящій художникъ и почти историкъ, который, несмотря на вымыселъ, понималъ эпохи, среди которыхъ выводилъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, и описывалъ и воспроизводилъ ихъ костюмы и идеи. Онъ отождествляется со своими героями, которыхъ, быть можетъ, слишкомъ много заставляетъ говорить, и даетъ намъ полную иллюзію. Его вліяніе было весьма значительно, и историческая школа пошла по этому пути вѣрнаго возстановленія прошлаго, какой открыло для нея воображеніе ученаго.

---

[1]) Уордсвортъ (1770—1850).

[2]) Самуэль Тэйлоръ Кольриджъ (1772—1834).

[3]) Шелли (1792—1822).

[4]) Теннисонъ (1809—1894).

[5]) Вальтеръ-Скоттъ родился въ Эдинбургѣ (1771—1832). Главныя произведенія его *Уэверлей, Антикварій, Айвенго, Монастырь, Кенильвортъ, Пиратъ, Квентинъ Дорвардъ* и т. д.

Чарльзъ Диккенсъ [1]) заслужилъ также европейскую славу своими нравоописательными романами. Внимательный и точный наблюдатель, не опускавшій ни одной подробности въ описаніяхъ, останавливавшійся даже надъ насѣкомымъ и надъ пучкомъ травы, онъ умѣлъ, въ то же время, быть трогательнымъ и нѣжнымъ, и въ этомъ была его главная сила. Никто лучше его не проникалъ въ нужды англійскаго общества и не способствовалъ возбужденію состраданія къ его бѣдствующимъ классамъ. Онъ умѣетъ и смѣяться, и его комическій даръ представляетъ счастливое сочетаніе съ его чувствительностью. Кромѣ того, это—моралистъ, пытающійся отвратить отъ порока, обнаруживая его ужасы и гибельныя послѣдствія.

Теккерей [2]) пріобрѣлъ также первоклассное значеніе обиліемъ и изяществомъ своихъ критическихъ статей, новеллъ и очерковъ нравовъ. Это—проницательный наблюдатель и веселый сатирикъ. Главное произведеніе его, *Ярмарка тщеславія,* полно картинъ и разнообразныхъ характеровъ и цѣнится особенно за легкость и изящество стиля. Государственный человѣкъ *Дизраэли* [3]), сдѣлавшійся лордомъ Биконсфильдомъ, былъ также извѣстенъ, какъ писатель и романистъ.

Англія имѣетъ первокласснаго историка въ лицѣ *Маколея* [4]), который въ своихъ *Критическихъ и историческихъ опытахъ* и, еще болѣе, въ *Исторіи Англіи со времени воцаренія Іакова II до смерти Вильгельма III*, далъ настоящій образецъ историческаго повѣствованія. Обладая большими свѣдѣніями, онъ скрываетъ свою ученость подъ совершенствомъ художественной формы и развертываетъ картину, гдѣ многочисленные и избранные факты переплетаются между собой, рисуетъ портреты, полные жизни и смягчаетъ исторію философскими размышленіями и, въ особенности, британскимъ *юморомъ*. Маколей достоинъ занять мѣсто на ряду съ мастерами древняго міра.

Кромѣ того, исторія въ Англіи насчитываетъ еще слѣдующихъ блестящихъ представителей: *Томаса Карлейля* [5]), сужденія котораго не всегда, впрочемъ, справедливы, *Галлама* [6]), лорда *Брума* [7]) *Меривэля*,

---

[1]) Чарльзъ Диккенсъ (1812—1870). Главныя произведенія его: *Оливеръ Твистъ*, *Приключенія Николая Никельби, Рождественскія сказки*, *Давидъ Копперфильдъ* и др. Онъ написалъ также *Исторію Англіи*. Диккенсъ удостоился погребенія въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

[2]) Теккерей (1811—1863).

[3]) Дизраэли или Израэли, сынъ литератора (1805—1881).

[4]) Томасъ Бабингтонъ, лордъ Маколей (1800—1859).

[5]) Томасъ Карлейль (1795—1881). Главный трудъ его *Исторія французской революціи*.

[6]) Галламъ (1777—1859) далъ очеркъ *Средневѣковой Европы и Исторію конституціонализма въ Англіи*.

[7]) Лордъ Брумъ (1778—1868) издалъ *Историческіе очерки государственнаго человѣка при Георгѣ III, и опытъ Объ англійской конституціи*.

затѣмъ знаменитаго историка Греціи *Грота* и *Бокля*, написавшаго оригинальную *Исторію цивилизаціи Англіи*.

Въ философіи Англія представила послѣдователей школы шотландца Рейда, главнымъ образомъ, *Дюгальда Стьюарта*, а затѣмъ вернулась къ традиціямъ *Давида Юма* въ лицѣ *Джона Стюарта Милля* [1]), философа и экономиста, *Александра Бэна* и *Герберта Спенсера*, предложившаго міровую систему, основою которой служитъ идея всемірной эволюціи. Эту идею *Чарльзъ Дарвинъ* хотѣлъ примѣнить къ естественной исторіи, отрицая неизмѣнность видовыхъ типовъ и утверждая, что типы измѣняются, совершенствуясь, благодаря *естественному подбору* и подъ вліяніемъ *борьбы за существованіе*.

Великіе нѣмецкіе писатели, Гёте и Шиллеръ принадлежатъ также первой половинѣ XIX столѣтія; именно тогда ихъ всѣми признанный и универсальный геній оказывалъ самое обширное вліяніе. Толчокъ, данный ими нѣмецкому уму, былъ продолжителенъ, и Германія произвела почти на всѣхъ поприщахъ замѣчательныхъ людей.

Въ началѣ вѣка, нѣмецкій патріотизмъ, пробужденный наполеоновскимъ владычествомъ, вызвалъ воинственныя и народныя пѣсни *Кернера* и *Морица Арндта* [2]), раздававшіяся по всей Германіи и возбуждавшія не только ея національное чувство, но и честолюбіе. Хотя нѣмцы сдѣлались врагами Франціи, многіе нѣмецкіе писатели съ удовольствіемъ жили въ этой странѣ, какъ, наприм., *Генрихъ Гейне* [3]), поэтъ и сатирикъ, не стѣснявшійся высказывать истину своимъ соотечественникамъ. Среди поэтовъ слѣдуетъ упомянуть еще *Рюккерта* [4]), *Жана Поля Рихтера* [5]), *Людвига Тика* [6]), *Л. Уланда* [7]), *Брентано* [8]), *Карла Гуцкова* [9]), множество драматическихъ авторовъ, и между ними *Коцебу*, убійство котораго въ 1819 г. надѣлало много шума и имѣло важныя политическія послѣдствія.

Романъ и фантастическая повѣсть съ большимъ успѣхомъ разра-

---

[1]) Джонъ Стюартъ Милль (1806—1872).

[2]) Арндтъ прожилъ сто лѣтъ (1769—1869). Онъ умеръ за годъ до войны 1870 г., когда осуществилась его мечта объ объединеніи *Германскаю отечества*, которое онъ желалъ распространить далеко по ту сторону Рейна.

[3]) Генрихъ Гейне (1799—1856). Онъ написалъ *Путевыя впечатлѣнія*, *Германія*, и т. д.

[4]) Рюккертъ (1789—1866).

[5]) Рихтеръ (1763—1825).

[6]) Людвигъ Тикъ (1773—1853).

[7]) Уландъ (1787—1862).

[8]) Брентано (1778—1842).

[9]) Гуцковъ, (1811—1878).

ботывались *Гоффманомъ* [1]), авторомъ *Фантастическихъ сказокъ*, *Арнимомъ* [2]) и писателями французскаго происхожденія *Ла-Моттъ-Фукэ* [3]) и *Шамиссо* [4]); а позднѣе, — знаменитымъ каноникомъ *Шмитомъ* [5]), *Ауэрбахомъ* и др.

Терпѣливый и серьезный характеръ нѣмцевъ не могъ не увлечься историческою наукой, уже пользовавшейся почетомъ въ предыдущемъ столѣтіи. Поэтому Германія приняла также широкое участіе въ великомъ движеніи археологическаго и историческаго изслѣдованія въ XIX в. Ученые труды Берлинской академіи и городовъ Готы, Іены, Лейпцига и др. изобилуютъ мемуарами, достойно цѣнимыми въ Европѣ. *Лепсіусъ* пошелъ по пути, открытому Шамполіономъ. *Нибуръ* [6]) одинъ изъ первыхъ углубился въ римскую исторію, но онъ слишкомъ подчинялъ вымысламъ собственнаго воображенія легенды, которыя разрушалъ. *Геренъ* [7]) написалъ *Руководство древней исторіи* и книгу о *Политикѣ и торговлѣ въ древности*, до сихъ поръ не утратившую значенія, несмотря на открытія, обновившія науку о древнихъ временахъ. Еще слѣдуетъ назвать историковъ *Ранке* [8]), *Момзена* [9]), *Фойгта* [10]), *Гервинуса*, написавшаго исторію XIX вѣка, *Курціуса*, изучавшаго Грецію, *Отфрида Мюллера* [11]), историка греческой литературы, *Августа Бекка* [12]), Георга Генриха *Пертца*, географовъ *Киперта*, *Августа Петерманна*, литературнаго критика *Шлегеля* и братьевъ *Гриммовъ* (Якоба и Вильгельма).

Философія, сдѣлавшая большіе успѣхи уже въ XVIII в., продолжала развиваться, благодаря *Якоби*, противополагавшему критическую философію философіи религіи. Ученіе Канта развивалось далѣе его послѣдователями *Фихте*, *Шеллингомъ* [13]) и *Гегелемъ* [14]). Самый знамени-

---

[1]) Гоффманъ (1776—1822).

[2]) Арнимъ (1780—1831).

[3]) Ла-Моттъ-Фукэ (1777—1843).

[4]) Шамиссо (1781—1838).

[5]) Шмитъ (1768—1854).

[6]) Нибуръ (1776—1831).

[7]) Геренъ (1760—1842).

[8]) Ранке (1795—1886) издалъ серьезные труды по исторіи Германіи, Пруссіи и исторіи папъ.

[9]) Момзенъ, род. въ 1817 г. Онъ написалъ обширную *Исторію Рима*.

[10]) Фойгтъ (1786—1863) написалъ исторію папы Григорія VII.

[11]) Отфридъ Мюллеръ (1797—1840).

[12]) Бёккъ (1785—1867).

[13]) Шеллингъ (1775—1854).

[14]) Гегель (1770—1831).

тый изъ нихъ, Гегель придавалъ слишкомъ много значенія опыту. Согласно его системѣ, вселенная есть не что иное, какъ развитіе, *эволюція идеи*. Идея, исходя отъ себя самой, становится природой и, возвращаясь къ самой себѣ, дѣлается духомъ. *Шопенгауеръ* [1]) основалъ *пессимистическую школу*. Затѣмъ *Теннеманъ, Шлейермахеръ, Риттеръ, Циглеръ* и др. основательно изслѣдовали исторію философіи, особенно философію древняго міра. Протестантская и раціоналистическая теологія имѣла знаменитыхъ представителей въ лицѣ ученыхъ *Штрауса* [2]) и *Бауера*.

Италія пробудилась въ концѣ прошлаго вѣка, благодаря *Альфіери*. Это пробужденіе ознаменовалось въ текущемъ столѣтіи еще драматическими пьесами *Манцони* [3]), Джузеппе *Монтанелли* [4]) и *Сильвіо Пеллико* [5]), который изложилъ въ прочувствованной прозѣ бѣдствія своего продолжительнаго заключенія. Государственный человѣкъ, *Феррари* былъ также историкомъ [6]). Графъ *Чезаре Бальбо* [7]) написалъ новеллы и исторію Италіи. Къ этимъ именамъ слѣдуетъ присоединить *Брофферіо* [8]), поэта, государственнаго человѣка и историка, и кавалера *Массимо д'Азеліо* [9]), бывшаго однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ поборниковъ итальянской независимости, а также и искуснымъ романистомъ.

Расцвѣтъ искусствъ во Франціи относится къ императорской эпохѣ. *Давидъ* [10]) освободилъ живопись отъ безжизненной приторности XVIII в. и возвратилъ французскую школу къ плодотворному изученію древняго міра. Будучи уже знаменитымъ, благодаря своему Велизарію и Горація̀мъ, когда вспыхнула революція, онъ сдѣлался живописцемъ ея великихъ событій и, въ то же время,—однимъ изъ ея страстныхъ дѣятелей. *Присяга въ залѣ Игры въ мячъ, Убійство Ле-Пелетье де-Сенъ Фарго* и *Смерть Марата* — главныя произведенія его, относящіяся къ этой эпохѣ. Арестованный послѣ 9-го термидора, онъ былъ вскорѣ освобожденъ и, отказавшись съ тѣхъ поръ отъ всякой политической роли, не покидалъ болѣе своей мастерской. Онъ былъ оторванъ отъ своей уединенной работы необыкновеннымъ человѣкомъ, захватывавшимъ

---

1) Шопенгауеръ (1788—1860).
2) Штраусъ (1808—1874).
3) Манцони (1784—1873).
4) Монтанелли (1813—1863).
5) Сильвіо Пеллико (1789—1854).
6) Онъ написалъ *Революція въ Италіи, Гвельфы и Гибелины.*
7) Бальбо (1789—1853).
8) Брофферіо (1802—1866).
9) Массимо д'Азеліо (1801—1866) написалъ романъ *Гекторъ Фіерамоска.*
10) Давидъ (1748—1825).

всѣхъ въ свою сферу дѣятельности—Бонапартомъ. Давидъ, получивъ званіе перваго живописца императора, создалъ знаменитыя картины *Похищеніе Сабинянокъ*, *Бонапартъ на горѣ Сенъ-Бернаръ*, *Коронованіе*, *Раздача орловъ*, *Леонидъ при Ѳермопилахъ* и проч. Ученики Давида, какъ это часто бываетъ, преувеличили недостатки своего учителя и писали такъ, какъ будто ваяли изъ камня. Но нѣкоторые изъ нихъ возстали противъ этой правильной и холодной живописи, соединивъ поклоненіе природѣ съ подчиненіемъ правиламъ искусства.

Во главѣ ихъ сталъ *Антуанъ Гро* [1]). Его картина *Зачумленные въ Яффѣ* была увѣнчана на выставкѣ 1806 г. Затѣмъ онъ написалъ *Битвы* при *Абукирѣ*, при *Пирамидахъ*, при *Эйлау* и, продолжая, при реставраціи, писать свои большія картины, украсилъ ими куполъ Пантеона; но, хотя онъ получилъ титулъ *барона*, онъ былъ глубоко опечаленъ успѣхами новой школы, порвавшей съ традиціей.

Жераръ [2]) вступилъ въ мастерскую Давида въ 1784 г. До 1806 г. онъ написалъ большое число портретовъ. Тогда императоръ заказалъ ему *Битву при Аустерлицѣ* и всѣ остальныя украшенія зала государственнаго совѣта (теперь уничтоженныя) въ Тюильри. Такъ же, какъ и Гро, онъ блисталъ еще при реставраціи. *Жиродэ* [3]) занялъ блестящее мѣсто среди учениковъ Давида своими миѳологическими и батальными картинами.

Геренъ [4]) и *Прюдонъ* [5]) стояли внѣ этой исторической школы и писали только сюжеты античные или фантастическіе. Они пріобрѣли извѣстность, равную своимъ собратьямъ, и въ Луврѣ можно любоваться картиною Прюдона, изображающею *Преступленіе, преслѣдуемое небеснымъ Правосудіемъ и Возмездіемъ*.

Литература такъ близко соприкасается съ искусствомъ, что споръ между *классиками* и *романтиками* не могъ не отразиться и на изящныхъ искусствахъ. Споръ этотъ раздѣлилъ живописцевъ такъ же, какъ онъ разъединялъ поэтовъ.

Энгръ съ блескомъ поддержалъ традиціи великихъ мастеровъ и въ особенности старался подражать Рафаэлю, котораго изучалъ въ теченіе своего двадцатипятилѣтняго пребыванія въ Италіи. Онъ сдѣлался главою школы *идеалистовъ*, оставшись вѣрнымъ поклоненію красотѣ и гармоническимъ линіямъ. Въ *Апоѳеозѣ Гомера* (1827) онъ сгруппиро-

---

[1]) А. Гро (1771—1835).
[2]) Жероръ (1770—1837).
[3]) Жиродэ (1767—1824).
[4]) Пьеръ Нарсисъ Геренъ (1774—1833).
[5]) Пьеръ Прюдонъ (1760—1823).

валъ вокругъ божественнаго пѣвца всѣхъ, почерпавшихъ изъ этого плодотворнаго источника — поэтовъ, музыкантовъ и ваятелей. Въ картинѣ *Мученіе св. Симфоріона* онъ доказалъ, что умѣлъ соединить изящество съ величіемъ и энергіей [1]).

Среди живописцевъ, первымъ, взявшимъ сторону романтиковъ и придававшимъ болѣе смѣлости своимъ произведеніямъ, былъ *Жерико* [2]). Онъ выдѣлился уже своими двумя картинами, не имѣвшими ничего общаго со школой Давида и Герена, его учителя: *Гвардейскій егерь* и *Раненый кирасиръ*, которыя до сихъ поръ составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній Квадратной залы въ Луврѣ. Въ то время, какъ Энгръ изучалъ Рафаэля въ Италіи, Жерико въ той же странѣ увлекся Микель Анджело, особенность котораго составляетъ знаніе и мощность рисунка. Жерико, въ свою очередь, написалъ знаменитую картину *Гибель Медузы*, гдѣ онъ съ рѣдкой силой изобразилъ ужасы этой мрачной сцены.

Эженъ Делакруа [3]), сдѣлавшійся, по смерти Жерико, главою школы, уже ранѣе обратилъ на себя вниманіе своей прекрасной картиной *Дантъ и Виргилій*. Онъ подвинулъ еще далѣе споръ противъ классическихъ теорій въ *Хіосскомъ избіеніи* (1824), *Смерти дожа Марино Фальеро* и *Греціи на развалинахъ Миссолунги* (1826). Его смѣлая кисть не ограничивалась законченностью оттѣнковъ; онъ любилъ контрасты и эффекты, достигавшіеся живостью колорита: эта живопись поражала цѣльностью и покоряла своимъ могуществомъ. Эженъ Делакруа, плодовитость котораго была поразительна и произведенія котораго были собраны на торжественной выставкѣ 1885 г., считается однимъ изъ лучшихъ мастеровъ французской школы.

Между двумя соперничавшими школами Энгра и Делакруа выдѣлялся другой художникъ, *Поль Деларошъ*, картины котораго отличались изяществомъ вкуса и рѣдкой правильностью рисунка, при чемъ забота о

---

[1]) Энгръ (1781—1867). При Реставраціи онъ создалъ еще *Обѣтъ Людовика XIII. Виргилія, читающаго Энеиду Августу и Октавіи, Анжелику, освобожденную Рожеромъ*, и множество прекрасныхъ картинъ, которыхъ трудно перечислить; слава его увеличилась послѣ 1830 г. Онъ написалъ *Іоанну Д'Аркъ, Источникъ* и много замѣчательныхъ портретовъ.

[2]) Жерико (1790—1824).

[3]) Э. Делакруа (1798—1863). Въ 1828 г. онъ написалъ *Христосъ въ Гевсиманскомъ саду, Юстиніанъ, Мильтонъ, диктующій Потерянный рай*, и *Смерть Сарданапала*. Кромѣ того, до революціи 1830 г. имъ написаны *Кардиналъ Ришелье* и *Битва гяура съ пашою*. Затѣмъ онъ создалъ великолѣпныя полотна *Вступленіе Балдуина Фландрскаго въ Константинополь, Битва при Пуатье, Епископъ Лѣжскій* и мн. др. Его многочисленныя произведенія разсѣяны по музеямъ и частнымъ картиннымъ галлереямъ.

точности простиралась у него до самыхъ мелкихъ подробностей историческихъ костюмовъ. По своей склонности къ правдивости, онъ приближался къ романтической школѣ, а чистотою линій и гармоніей красокъ примыкалъ къ школѣ классической [1]). Но особенностью его была чувствительность, подъ вліяніемъ которой онъ написалъ свою извѣстную картину *Казнь Анны Грей.*

Въ то же время началъ пріобрѣтать извѣстность *Ари Шефферъ* [2]), придавшій впослѣдствіи своей живописи нравственный и философскій характеръ. Въ ранней молодости онъ покинулъ Голландію и поселился во Франціи, гдѣ вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность своими историческими картинами: *Смерть Людовика Святого* (1817), *Самопожертвованіе шести гражданъ города Кале* и *Смерть Гастона де-Фуа* (1824). Послѣ того онъ старался поэтизировать живопись и началъ изучать *Фауста* Гёте, гдѣ могъ почерпнуть множество сюжетовъ для прелестныхъ картинъ. Онъ останавливался и на сюжетахъ религіозныхъ, напр., *Пастухи, ведомые ангеломъ*, *Цари-волхвы*, и въ особенности—*св. Августинъ* и *св. Моника.*

Леопольдъ Роберъ [3]) также держался въ сторонѣ отъ распри, раздѣлявшей художниковъ. Въ Римѣ онъ изучалъ болѣе природу и деревенскихъ жителей, чѣмъ музеи; онъ пытался изображать мужественныя фигуры и мощныя позы. Въ 1822 г. онъ выставилъ картину *Неаполитанскій импровизаторъ*, обратившую на себя общее вниманіе. Въ 1827 г. всѣ восхищались его *Праздникомъ Богоматери дель-Арко* и *Паломниками, отдыхающими въ Римской Кампаньи.* Лучшая картина его *Жнецы въ Понтійскихъ болотахъ* относится къ 1831 г.

Во время іюльской монархіи искусства не утратили блеска, пріобрѣтеннаго при реставраціи. Художникъ, сынъ батальнаго живописца и внукъ мариниста, прославилъ еще болѣе имя Вернэ [4]). При реставраціи, *Орасъ Вернэ* вдохновлялся императорской эпопеей (*Прощаніе въ Фонтенебло, Наполеонъ вечеромъ при Ватерлоо, Утесъ св. Елены, Воинъ-земледѣлецъ, Оборона заставы въ Клиши* и т. п.) и при Людовикѣ-Филиппѣ сдѣлался какъ бы оффиціальнымъ живописцемъ военной славы. Онъ украсилъ *Музей* въ *Версали* громадными полотнами *Взятіе*

---

[1]) Поль Деларошъ род. въ Парижѣ (1797—1856). Главныя произведенія его слѣдующія: *Іоасъ, спасенный среди труповъ Іосафатомъ*; *Снятіе со Креста, Св. Винцентъ де-Поль, Взятіе Трокадеро, Дѣти короля Эдуарда, Смерть Елизаветы, Кардиналъ Ришелье на Ронѣ, Смерть Мазарини* и мн. др.

[2]) Род. въ Голландіи (1795—1858).

[3]) Леопольдъ Роберъ (1794—1835).

[4]) Орасъ Вернэ (1789—1863).

Смалы и *Битва при Исли*, служащія не только оживленными картинами, но историческими документами, въ которыхъ фигуры—ничто иное, какъ портреты. Военная живопись, слѣдовавшая традиціямъ Ораса Вернэ, послужитъ для будущей исторіи драгоцѣннымъ вспомогательнымъ матеріаломъ. Наши отдаленные потомки выиграютъ въ сравненіи съ нами въ томъ, что увидятъ нашу эпоху и ея историческихъ лицъ вполнѣ живо, даже съ ихъ чертами лица. Быть можетъ, идеалъ, вслѣдствіе этого, пострадаетъ, но правда будетъ въ выигрышѣ.

Другой знаменитый художникъ, противоположно Орасу Вернэ, вмѣсто того, чтобы покрывать цѣлыя стѣны своими фигурами, старался заключить ихъ въ крошечныя рамки: это былъ *Мессонье*. Точность и тонкость, вмѣстѣ съ полнѣйшей вѣрностью, съ какими онъ передавалъ мелкія подробности часто весьма сложныхъ сценъ, заслужила общее удивленіе. Мессонье, однако, не всегда замыкался въ тѣсныя рамки: иногда онъ ихъ увеличивалъ, оставаясь, все-таки, однимъ изъ любимыхъ и дѣятельныхъ мастеровъ современной школы [1]).

Ипполитъ Фландренъ [2]) былъ представителемъ старинной религіозной традиціи и покрылъ стѣны многихъ церквей своими произведеніями религіознаго и идеальнаго характера. Съ большимъ успѣхомъ онъ писалъ и портреты. *Кабанель* [3]) слѣдовалъ традиціямъ Возрожденія и извѣстенъ, какъ по благородству своихъ религіозныхъ сюжетовъ, такъ и по изяществу миѳологическихъ картинъ. *Леманъ* [4]) былъ портретистъ, послѣдователь Энгра, продолжавшій его идеалистическія стремленія.

Деканъ [5]) писалъ разнообразныя картины, отличающіяся силой колорита и смѣлостью свѣтовыхъ эффектовъ. Ему въ особенности удавались пейзажи и животныя.

Перечислять всѣхъ художниковъ, достойно поддерживавшихъ славу французской школы живописи, было бы слишкомъ долго; назовемъ слѣдующихъ: *Роберъ Флёри*, *Синьоль*, *Жеромъ*, *Кабà*, *Ивонъ*, *Анри Ренье*, похищенный смертью въ полномъ расцвѣтѣ таланта и сдѣ-

---

[1]) Мессонье (1815—1891). Онъ пріобрѣлъ извѣстность *Фламандскими буржуа* (1834), *Шахматными игроками* (1836) и затѣмъ множествомъ картинъ въ томъ же родѣ, среди которыхъ особенно извѣстна *Игра въ шары*. Изъ военной живописи—*Наполеонъ III въ Сольферино*, *Кордегардія*, *Приказъ*, *Десэ въ Рейнской арміи*, *Аттака кирасиръ* и др.

[2]) Фландренъ (1809—1864).

[3]) Кабанель род. въ 1823 г.

[4]) Леманъ род. въ 1814 г.

[5]) Деканъ (1803—1860).

лавшійся жертвою своего патріотизма въ 1871 г., *Поль Бодри*, украсившій зданіе Новой оперы, *Жюль Бретонъ*, *Бугро*, *Эннеръ*, *Пюви-де-Шаваннъ*, *Жюль Лефебръ*, *Ж. П. Лоранъ*, *Детайль*, *де-Невилль*, затѣмъ, знаменитые пейзажисты *Миллэ*, *Франсэ*, *Руссо*, *Тройонъ*, *Діазъ*, *Коро*, *Шарль Добиньи* и романтикъ *Курбэ*, женщина *Роза Боннёръ* и т. д.; *Густавъ Дорэ* посвятилъ свой талантъ не столько живописи, сколько иллюстраціи, въ которой дѣлалъ чудеса. Слѣдуетъ также упомянуть объ *акварелистахъ*, все болѣе и болѣе многочисленныхъ и цѣнимыхъ. Ежегодная выставка картинъ представляетъ тысячи полотенъ и рисунковъ и, можно сказать безъ преувеличенія, что ни одна эпоха не была столь плодовитою. Картины французскихъ художниковъ высоко цѣнятся повсюду, что̀ свидѣтельствуетъ о достоинствахъ французской школы.

Сосѣднія съ Франціей страны также продолжали свои художественныя традиціи. Нѣмецъ *Овербекъ* основалъ въ Римѣ около 1810 г. колонію художниковъ, среди которыхъ особою извѣстностью пользовался *Корнеліусъ*. Почти всѣ мюнхенскіе живописцы были учениками Корнеліуса, тогда какъ дюссельдорфская школа вдохновлялась преимущественно романтическимъ и религіознымъ идеализмомъ Овербека. *Каульбахъ*, примыкающій къ школѣ Корнеліуса, въ своихъ картинахъ, былъ скорѣе художникомъ, чѣмъ историкомъ и философомъ. Дюссельдорфская школа дала еще *Кнауса*, а мюнхенская—*Пилота*, *Адама*, *Горшельта*, *Лира* и *Лембаха*, которые все болѣе и болѣе приближались къ правдѣ въ живописи.

Въ Англіи вовсе не было мастеровъ въ смыслѣ живописцевъ, создавшихъ вокругъ себя послѣдователей или школу. Тамъ господствовала безусловная свобода. Въ то же время, тамъ очень мало памятниковъ, украшенныхъ живописью, кромѣ зданія парламента, а правительство ничего не дѣлало для поощренія исторической живописи. Поэтому тамъ преобладаетъ жанровая живопись. Художники прославляютъ поэму труда, благополучія и бѣдствія домашняго очага, семейныя радости, и деревенскіе нравы, и обычаи старой Англіи. Среди англійскихъ художниковъ наиболѣе замѣчательны: *Тёрнеръ* [1]), *Эдвардъ Мэтью Уордъ* [2]), *Мёльриди* [3]), *Наклэйзъ* [4]), *Юзъ*, *Каррикъ*, *Уэбстеръ*, *О'Нэйль*, *Миллэсъ*, *Гольманъ Гёнтъ*. Эти два послѣдніе названы *прерафаэлистами*, т. е.

[1]) Тёрнеръ (1775—1851). Произведенія его многочисленны и занимаютъ обширное мѣсто въ Лондонской Національной галлереѣ.

[2]) Эдвардъ Мэтью Уордъ (1816—1879).

[3]) Мёльриди (1786—1863).

[4]) Наклэйзъ (1811—1870).

старавшимися возвратить живопись къ традиціямъ, существовавшимъ до Рафаэля.

Итальянская живопись представляетъ собою, такъ же, какъ и самое общество по ту сторону Альпъ, переходное состояніе. Итальянцы изучаютъ Италію, картины ея природы и разнообразные нравы этой живописной страны.

Фламандская школа пришла въ упадокъ въ XVIII в.; въ XIX столѣтіи она возродилась и, подобно французской школѣ, имѣла классиковъ и романтиковъ. *Франсуа Навэ* [1]) былъ послѣдователемъ Давида; но послѣ революціи 1830 г. восторжествовалъ романтизмъ, благодаря *Густаву Вапперсу* [2]) и *Антону Вирцу* [3]). *Луи Галлэ* ввелъ въ бельгійскую живопись трогательные и нѣжные мотивы [4]). Слѣдуетъ упомянуть еще *Биффэ* [5]), жанриста *Маду* [6]), *Генриха Лэйса* [7]), *Альфреда Стевенса*, *Эмиля Вотерса* и т. д.

Послѣ отдѣленія Бельгіи, голландское искусство вернуло себѣ свою оригинальность. Голландцы, отказавшись отъ традицій Давида, старались вдохновляться своими влажными лугами и картинами семейной жизни.

Австрія отдаетъ предпочтеніе жанровой живописи, но Венгрія произвела историческаго живописа *Мункачи* [8]).

Данія съ 1756 г. имѣетъ академію художествъ, но датскіе художники лишь весьма недавно покинули слѣпое подражаніе итальянцамъ; они вернулись къ національнымъ вкусамъ и изображаютъ домашніе нравы.

Въ Россіи академія художествъ, основанная императрицей Елизаветой въ 1758 г., была усовершенствована Екатериною II и долгое время производила лишь придворныхъ живописцевъ. Въ текущемъ столѣтіи сформировалась болѣе независимая школа, связанная съ русской жизнью и природой.

Въ началѣ вѣка, итальянецъ *Канова*, уже извѣстный въ прошломъ столѣтіи, довелъ искусство ваянія до античной чистоты и строгости.

---

[1]) Франсуа Навэ (1787—(1869).

[2]) Густавъ Вапперсъ (1803—1874).

[3]) Антонъ Вирцъ (1806—1865).

[4]) Главныя картины его: *Отреченіе Карла Пятаго*, *Отрѣзанныя головы* и *Послѣднія минуты графа Эдмонда*

[5]) Биффэ (1808—1882).

[6]) Маду (1796—1877).

[7]) Лэйсъ (1815—1869).

[8]) Мункачи, род. въ 1844 г

Соперникомъ его славы былъ датчанинъ *Торвальдсенъ* [1]), сынъ крестьянина, геній котораго пробудился въ Италіи; онъ занялъ мѣсто въ ряду классическихъ знаменитостей.

Въ Германіи, надолго задержанной строгостями протестантизма, не благопріятствовавшаго искусствамъ, также были свои ваятели: *Даннекеръ* [2]), *Кисъ* [3]), *Христіанъ Раухъ* [4]), *Ритшель* [5]), *Фридрихъ Драке* и др.

Во Франціи школа ваянія процвѣтала, и *Гудонъ* продлилъ ея славу до 1828 г. Одновременно съ послѣднимъ, она гордилась *Бозіо* [6]), *Бари* [7]), *Фойятье* [8]), авторомъ *Спартака* въ Тюильри, *Прадье* [9]) и, въ особенности, знаменитымъ *Давидомъ д'Анжеръ* [10]), изваявшимъ фронтонъ Пантеона и большое число статуй замѣчательныхъ лицъ, *Рюдомъ* [11]) сдѣлавшимъ смѣлый горельефъ на тріумфальной аркѣ въ Парижѣ, названный *Отъѣздомъ* или *Марсельезой*, затѣмъ, *Прео* [12]), *Кавелье* [13]), *Дантаномъ* [14]), *Фальгьеромъ*, *Клезенже* [15]), *Дюмономъ* [16]), *Гильомомъ*, *Боннасьё* [17]), *Полемъ Дюбуа*, *Мерсье*, *Шапю* и *Бартольди*, который сдѣлалъ гигантскую статую Свободы, помѣщенную въ гавани Нью-Іорка.

Современная архитектура слишкомъ научна, чтобы быть оригинальной. *Пьеръ Виньонъ* подражалъ античнымъ храмамъ при постройкѣ собора *Мадлены*; *Броньяръ* и *Лабаръ* дѣлали то же самое при постройкѣ *Биржи*, храма богатства. Затѣмъ, воздвигались колонны на подобіе римскихъ (Вандомская, Іюльская) и тріумфальныя арки (Каруселя

---

1) Торвальдсенъ (1769—1844). Онъ съ успѣхомъ воспроизводилъ античные сюжеты и обратилъ на себя всеобщее вниманіе *гробницей Пія VII* въ Римѣ, статуей *Понятовскаго* въ Варшавѣ и *Гутенберга* въ Майнцѣ. Онъ изваялъ также удивительный барельефъ: *Вступленіе Александра въ Вавилонъ*.

2) Даннекеръ (1759—1841).

3) Кисъ (1802—1865).

4) Раухъ (1777—1857).

5) Ритшель (1804—1861).

6) Бозіо (1767—1845).

7) Бари (1795—1875).

8) Фойятье (1795—1863).

9) Прадье (1792—1852).

10) Давидъ д'Анжеръ (1792—1856).

11) Рюдъ (1784—1855).

12) Прео (1809—1879).

13) Кавелье, род. въ 1814 г.

14) Дантанъ (1798—1878).

15) Клезенже (1814—1883).

16) Дюмонъ (1801—1884).

17) Боннасьё род. въ 1810 г.

и Звѣзды). Послѣдняя, по высотѣ и ширинѣ превосходитъ римскія арки; прекрасное положеніе еще болѣе возвышаетъ ея величіе. Соединеніе Лувра съ Тюильри, давно задуманное, было исполнено при второй имперіи *Висконти* и *Лефюэлемъ*, выстроившими грандіозные, хотя тяжеловатые павильоны и галлереи. Среди современныхъ архитекторовъ слѣдуетъ упомянуть *Лессюера, Кетеля* и *Балью*, перестроившаго городскую ратушу въ Парижѣ, уничтоженную въ 1871 г.; *Гарнье*, построившаго обширный и роскошный памятникъ, зданіе *Оперы*; *Абади*, *Бальи* и др. Но современные зодчіе заняты преимущественно новыми сооруженіями, вызываемыми успѣхами промышленности, гдѣ они болѣе примѣняютъ науку, чѣмъ искусство, какъ, напр., при постройкѣ віадуковъ, желѣзнодорожныхъ вокзаловъ и выставочныхъ зданій. Они дѣлаютъ дворцы и башни изъ желѣза, вмѣсто того, чтобы строить ихъ изъ камня или мрамора.

Музыка, получившая толчокъ въ XVIII в., въ текущемъ столѣтіи сдѣлалась однимъ изъ главныхъ искусствъ. Она достигла чудной гармоніи, благодаря нѣмецкимъ мастерамъ классической школы, *Бетховену* [1]), котораго сонаты, фантазіи, прелюдіи, рондо и разнообразныя темы выказываютъ глубокое знаніе и возбуждаютъ воображеніе; *Мендельсону* [2]), не менѣе гармоничному, но болѣе легкому и пѣвучему; *Шуберту* [3]), *Веберу* [4]), автору *Фрейшюца*, (Волшебный Стрѣлокъ), и *Шуману*. Италія также произвела замѣчательнаго композитора сонатъ, *Клементи* [5]).

Въ Италіи, въ Пезаро, родился одинъ изъ удивительныхъ современныхъ композиторовъ, *Россини* [6]), необычайная плодовитость котораго удивляла міръ; затѣмъ *Доницетти* [7]), *Беллини* [8]), *Верди* [9]) и

---

[1]) Бетховенъ род. въ Боннѣ (1770—1827).

[2]) Мендельсонъ род. въ Берлинѣ (1809—1847).

[3]) Шубертъ род. въ Вѣнѣ (1797—1828).

[4]) Веберъ (1786—1826).

[5]) Клементи род. въ Римѣ (1752—1832).

[6]) Россини род. въ Пезаро (1792—1868). Онъ выступилъ со множествомъ произведеній, написанныхъ для итальянскихъ театровъ; онъ создалъ *Севильскаго Цирюльника* (1816), *Отелло, Ченерентолу, Армиду, Семирамиду* (1823). Послѣ того онъ пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ поставилъ на сцену *Осаду Коринѳа* (1826), затѣмъ *Моисея, Графа Ори* (1828) и, наконецъ, свое лучшее произведеніе *Вильгельма Теля* (1826).

[7]) Доницетти род. въ Бергамо (1798—1848). Онъ написалъ *Лючію де-Ламермуръ*, представленную въ Неаполѣ въ 1835 г., потомъ—комическую оперу *Дочь Полка* и великолѣпную оперу *Фаворитка* (1840).

[8]) Беллини род. въ Катанѣ (1802—1835), замѣчателенъ въ особенности своими партитурами *Сонамбулы, Нормы* и *Пуританъ*.

[9]) Верди родился въ древнемъ графствѣ Пармскомъ въ 1814 г. и написалъ мно-

Керубини [1]). *Мейерберъ* [2]), хотя и родился въ Берлинѣ, но, подобно итальянцу Россини, жилъ въ Парижѣ, гдѣ создавалъ свои лучшія произведенія, на ряду съ *Галеви* [3]) и *Обером*ъ [4]). Эти знаменитые мастера, которыми будетъ восхищаться самое отдаленное потомство, развили новый музыкальный родъ—оперу: они создали изъ нея музыкальную поэму, могущественно вліяющую на толпу, трепещущую при горделивыхъ звукахъ *Вильгельма Теля*, страстныхъ порывахъ *Фаворитки*, молитвахъ *Жидовки*, потрясающихъ или нѣжныхъ аккордахъ *Гугенотовъ* и воинственномъ возбужденіи *Фенеллы*, способствовавшемъ, какъ это было въ Бельгіи въ 1830 г., возстанію цѣлаго народа. Пѣніе, аккомпанируемое оркестромъ, въ которомъ соединены разнообразные инструменты, до такой степени выражаетъ душевныя ощущенія, что увлекаетъ всѣхъ, и музыка, какъ новая способность, данная человѣку, передаетъ всевозможныя вдохновенія сердца. *Гуно* [5]), *Амбруазъ Тома* [6]) и *Масснэ* [7]) продолжали традиціи великихъ композиторовъ и заняли мѣста на ряду съ ними. Въ числѣ композиторовъ торжественнаго и возвы-

---

жество пьесъ для итальянскихъ театровъ. Любимыя произведенія его въ Европѣ *Риголетто*, написанная по драмѣ В. Гюго *Le roi s'amuse*, *Трубадуръ*, съ его трогательной музыкой, *Травіата* и *Аида*.

[1]) Керубини род. во Флоренціи (1790—1842). Онъ написалъ множество оперъ, не удержавшихся на сценѣ, хотя онъ былъ однимъ изъ первыхъ, показавшихъ эффектъ грандіозныхъ сочетаній вокальной и инструментальной музыки. Вторую половину своей жизни онъ былъ директоромъ капеллы Людовика XVIII и посвятилъ себя, главнымъ образомъ, религіозной музыкѣ, оставивъ множество весьма замѣчательныхъ духовныхъ пьесъ.

[2]) Мейерберъ (1794—1864), знаменитъ своими шедеврами: *Робертъ Дьяволъ* (1834), *Гугеноты* (1836), *Пророкъ* (1849) и *Африканка*, появившаяся на сценѣ послѣ его смерти. Онъ далъ также двѣ прелестныя комическія оперы *Шлоэрмельскій праздникъ* и *Сѣверная Звѣзда*.

[3]) Галеви род. въ Парижѣ (1799—1862); кромѣ *Жидовки*, онъ написалъ оперы *Кипрская царица* и *Карлъ VI* и комическія оперы *Молнія* и *Андорская домина*.

[4]) Оберъ род. въ Канѣ (1782—1871). Произведенія его весьма многочисленны. Кромѣ его большой оперы *Нѣмая изъ Портичи* (Фенелла) (1828), изъ его комическихъ оперъ слѣдуетъ назвать *Каменщикъ*, *Фра-Дьяволо*, *Бронзовый Конь*, *Посланница*, *Черное Домино*, *Коронные брилліанты*, *Доля Дьявола*, *Хаидэ*, *Манонъ Леско*, *Черкешенка* и *Первый день счастья*.

[5]) Гуно род. въ Парижѣ въ 1818 г. и сначала пріобрѣлъ извѣстность своими сочиненіями религіознаго характера; потомъ онъ написалъ лирическую драму *Сафо* и оперу *Фаустъ* (1859), поставившую его на ряду съ великими мастерами. Впослѣдствіи имъ были написаны *Мирейль*, *Ромео и Джульетта*, *Сенъ-Марсъ* (1877) и *Поліевктъ*.

[6]) Амбруазъ Тома род. въ Мецѣ въ 1811 г. Онъ написалъ *Каидъ* (1849), *Сонъ въ лѣтнюю ночь* (1850), *Венеціанскій карнавалъ* (1857), *Миньону*, одну изъ наиболѣе любимыхъ оперъ, и оперу *Гамлетъ*.

[7]) Масснэ род. въ 1842 г. Написалъ оперу „Лагорскій король“ (1877) и „Сида“ (1886).

шеннаго рода слѣдуетъ назвать еще *Рейе* [1]), *Сенъ-Санса* [2]), симфониста *Берліоза* [3]), піаниста *Шопена* [4]), *Листа* [5]) и др.

Музыка можетъ выражать и смѣхъ, и комическая опера такъ же сдѣлалась безконечнымъ источникомъ утонченныхъ наслажденій. Россини передалъ въ блестящемъ вдохновеніи веселость Фигаро въ *Севильскомъ Цирульникѣ*; Доницетти также умѣлъ снисходить до простоты и веселости. *Боальдьё* [6]) и *Ад. Адамъ* [7]) создали типичныя произведенія этого рода въ легкихъ и прелестныхъ мелодіяхъ оперы *Бѣлая дама*. *Герольдъ* [8]) также достигъ совершенства въ *Pré aux Clercs*. *Оберъ* обладалъ наиболѣе плодовитымъ и чисто французскимъ геніемъ; его простая, изящная, опредѣленная и остроумная музыка сдѣлала популярными оперы: *Черное Домино*, *Фра-Діаволо*, *Хаидэ*, *Коронные брилліанты* и т. п. Мы должны еще упомянуть о *Жанеттѣ* и *Галатеѣ Виктора Массэ* [9]), о мелодіяхъ *Фелисьена Давида* [10]), о *Ж. Бизе* [11]), *Лео Делибѣ* [12]) и вспомнить комическое вдохновеніе *Оффенбаха* [13]), *Лекока*, *Одрана* и *Гервэ*, создавшихъ изъ оперетки особый родъ музыки. XIX вѣкъ отличается серьезностью, и это мы имѣли случай доказать; но, со временемъ будутъ говорить, что это былъ вѣкъ, когда пѣли всего болѣе и всего лучше. Что бы ни говорили фанатическіе почитатели нѣмецкаго композитора *Вагнера* [14]), музыка Россини, Доницетти, Обера, Гуно и другихъ подобныхъ имъ мастеровъ, останется *музыкой будущаго*.

---

[1]) Рейе род. въ Марсели въ 1823 г., авторъ оперы *Зигурдъ*.

[2]) Сенъ-Сансъ род. въ Парижѣ, написалъ оперы „Этьенъ Марсель“ и „Генрихъ VIII“.

[3]) Берліозъ (1803—1869).

[4]) Шопенъ род. близъ Варшавы (1810—1849). Онъ ввелъ во Францію мазурку.

[5]) Листъ род. въ Райдингѣ (въ Венгріи) въ 1811 г., ум. въ 1886 г.

[6]) Боальдьё род. въ Руанѣ (1775—1834). Лучшія произведенія его *Красная Шапочка* и *Бѣлая дама*.

[7]) Адольфъ Адамъ (1803—1856). Наиболѣе извѣстныя партитуры его: *Шалэ*, *Почталіонъ изъ Лонжюмо*, *Тореадоръ*, *Жиральда* и пр.

[8]) Герольдъ род. въ Парижѣ (1792—1833). Ему принадлежатъ оперы *Погонщикъ муловъ*, *Марія*, *Цампа*, *Pré aux Clercs*.

[9]) Викторъ Массэ, род. въ Лоріанѣ въ 1822 г. Онъ написалъ оперы *Свадьба Жанетты*, *Галатея*, *Королева Топазъ*, *Павелъ и Виргинія*.

[10]) Фелисьенъ Давидъ (1810—1876), авторъ симфоніи *Пустыня* и комическихъ оперъ *Бразильская жемчужина*, *Лалла-Рукъ* и оперы *Геркуланумъ*.

[11]) Жоржъ Бизе род. въ Парижѣ (1838—1875), авторъ *Карменъ*.

[12]) Лео Делибъ род. въ 1836 г., авторъ *Лакмэ*.

[13]) Оффенбахъ род. въ Кельнѣ (1819—1880), написалъ болѣе шестидесяти произведеній, изъ которыхъ многія пріобрѣли обширную извѣстность.

[14]) Рихардъ Вагнеръ род. въ Лейпцигѣ (1813—1883). Онъ писалъ лирическія драмы, оригинальныя и сильныя, хотя нѣсколько туманныя: *Корабль призракъ*, *Тангейзеръ*, *Лоэнгринъ*, *Тристанъ и Изольда* и *Нибелунги*.

ГЛАВА XVII.

Науки и ихъ примѣненія къ промышленности.

Научное движеніе; естественныя науки: Кювье; Жоффруа Сентъ-Илеръ. — Александръ Гумбольдтъ. — Эли де-Бомонъ; Флурансъ. — Математика и физика: Амперъ; Араго; Біо.—Френель; Леонъ Фуко; Бабинэ.—Эрстетъ; Бунзенъ; Фарадэй.—Химія: Вокленъ; Гемфри Дэви. — Шеврёль; Тенаръ.—Гэ-Люссакъ.—Дюма; Баларъ.—Астрономія: Араго; Леверье. -- Метеорологическія наблюденія. — Медицина. — Физіологія: Клодъ Бернаръ.—Примѣненіе физическихъ наукъ: пароходство.—Локомотивы; желѣзныя дороги: Стефенсонъ; Сегэнъ. — Электромагнетизмъ и телеграфъ. — Телеграфы Уитстона и Морза. — Электричество, какъ промышленный дѣятель; гальванопластика; аппаратъ Румкорфа.—Свѣтъ; маяки.—Газовое освѣщеніе. — Электрическій свѣтъ.—Аэростаты.—Артезіанскіе колодцы.—Висячіе мосты.—Фотографія.—Телефонъ.—Фонографъ.— Прикладная химія; работы Пастёра.—Научное движеніе въ XIX вѣкѣ.

Научное движеніе, начавшееся, какъ мы видѣли, въ XVII, продолжалось въ XVIII вѣкѣ, и въ XIX столѣтіи двинулось съ силою, до тѣхъ поръ неизвѣстною.

Кювье [1]), уже прославившійся во времена имперіи, удивилъ ученыхъ возстановленіемъ допотопнаго міра, которое должно было разъяснить перевороты, происходившіе на земномъ шарѣ. Съ помощью лишь нѣсколькихъ костей, онъ распозналъ различные виды гигантскихъ животныхъ, которые предшествовали человѣку на землѣ.

Послѣдователь Кювье, *Жоффруа Сентъ-Илеръ* [2]), ограничившись изученіемъ живущихъ видовъ, установилъ начало анатомическаго *единства въ органическомъ строеніи*.

Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ людей нашего столѣтія былъ *Александръ фонъ-Гумбольдтъ*, родившійся въ Берлинѣ въ 1769 г. и умершій въ томъ же городѣ въ 1859 г.; но можно сказать также, что его отечествомъ былъ Парижъ, гдѣ онъ долго жилъ, или даже весь міръ, который онъ изъѣздилъ почти весь, сдѣлавъ его предметомъ своихъ универсальныхъ изслѣдованій.

Въ молодости, Гумбольдтъ занимался естественными науками, физикой, химіей, минералогіей и астрономіей. Послѣ нѣсколькихъ путешествій по Голландіи, Франціи и Англіи, онъ добился разрѣшенія испанскаго двора посѣтить его колоніи и, съ 1799 г. по 1804 г.,

---

[1]) Жоржъ Кювье (1769—1832).

[2]) Жоффруа Сентъ-Илеръ (1772—1844).

изслѣдовалъ Америку во всѣхъ отношеніяхъ. Вернувшись въ Европу съ богатыми коллекціями, часть которыхъ осталась навсегда въ рукахъ англичанъ, онъ избралъ Парижъ для обнародованія результатовъ своего путешествія. Это былъ громадный трудъ, въ которомъ ему помогали самые знаменитые ученые того времени. Въ 1828 г. Гумбольдтъ съ сожалѣніемъ долженъ былъ покинуть ихъ общество и уѣхать въ Берлинъ для чтенія публичныхъ курсовъ. Въ 1829 г. онъ опять предпринялъ путешествіе въ Сибирь и во внутреннюю Азію. Гумбольдтъ изложилъ результаты своихъ продолжительныхъ изслѣдованій въ превосходной книгѣ *Космосъ*, настоящей панорамѣ цѣлаго міра и науки.

Эли де-Бомонъ [1]) прославился геологическими изысканіями и продолжалъ изготовленіе геологической карты Франціи, начатой при Реставраціи. Англичанинъ *Оуэнъ* занялъ также видное мѣсто среди геологовъ.

Флурансъ [2]) посвятилъ себя изученію человѣка, изслѣдуя, съ помощью чрезвычайно тонкихъ опытовъ, отношенія между органами, управляющими умственными явленіями, и старался проникнуть въ тайны нервной системы. Соединяя въ себѣ ученость и литературный талантъ, Флурансъ, будучи несмѣняемымъ секретаремъ Академіи наукъ, былъ выбранъ членомъ Французской академіи въ 1840 г. *Броньяръ* [3]) (Александръ), занимаясь естественными науками и керамикой, пріобрѣлъ значительную извѣстность. Ботаникъ *Пирамъ де-Кандоль* [4]) преобразовалъ классификацію растеній.

Въ Англіи сэръ *Джонъ Леббокъ* выдавался, какъ естествоиспытатель, а ученіе *Чарльза Дарвина* объ *эволюціи* и *естественномъ подборѣ* пріобрѣло громкую славу.

Одновременно съ тѣмъ три человѣка далеко выдвинули математику, астрономію и физику своими отдѣльными трудами и общими усиліями. Это были *Амперъ* [5]), *Франсуа Араго* [6]) и *Біо* [7]). При имперіи, Біо и Араго путешествовали вмѣстѣ по Испаніи для продолженія измѣренія дуги земного меридіана. Въ 1803 г. Біо былъ выбранъ членомъ Академіи наукъ, 28 лѣтъ отъ роду, а Араго вступилъ туда же въ 1809 г., 23 лѣтъ.

---

1) Эли де-Бомонъ (1798—1874).
2) Флурансъ (1794—1867).
3) Броньяръ (1770—1847)
4) Пирамъ де-Кандоль (1778—1841).
5) Амперъ (1775—1836).
6) Франсуа Араго (1786—1853).
7) Біо (1774—1862).

Они оба изучали также начала охлажденія газовъ и поляризаціи свѣта. Араго замѣтилъ, что можно намагнитить стальной стержень, помѣстивъ его въ центрѣ электрическаго тока (1820). Онъ продолжалъ эти опыты вмѣстѣ съ Ампéромъ, и оба сдѣлали одно изъ самыхъ важныхъ открытій нашего вѣка, которое мы называемъ *электромагнетизмомъ*

Бывшій инженеръ *Френель* началъ свои научныя работы около 1815 г.; въ 1819 г. одна изъ его записокъ была увѣнчана Академіей наукъ, открывшей ему свои двери въ 1827 г. Френель умеръ въ 1827 г., обезсмертивъ свое имя примѣненіемъ свѣта для маяковъ.

Леонъ Фуко [1]) продолжилъ и дополнилъ прекрасныя открытія Френеля о свѣтѣ. Онъ прославился также значительными трудами о магнетизмѣ, теплотѣ и механикѣ. Одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ опытовъ онъ произвелъ въ 1851 г. въ Пантеонѣ, доказавъ вращеніе земли вокругъ своей оси при помощи маятника. Передвиженія маятника, намѣчавшіяся свободнымъ концомъ его, причемъ другой конецъ былъ укрѣпленъ къ своду зданія, могли происходить только вслѣдствіе вращенія земли вокругъ своей оси, такъ какъ плоскость колебанія оставалась постоянно неподвижной.

Бабинэ [2]) былъ одновременно физикъ и астрономъ; онъ пріобрѣлъ большую извѣстность устройствомъ физическихъ аппаратовъ и усовершенствованіемъ *пневматической машины.*

Ученые другихъ странъ соперничали съ французами. Датчанинъ *Эрстетъ* [3]), профессоръ физики въ Копенгагенѣ, сдѣлалъ важныя открытія по *электромагнетизму. Бунзенъ* [4]), профессоръ гейдельбергскаго университета, открылъ свои угольные элементы (1843), вошедшіе во всеобщее употребленіе.

Англичанинъ *Фарадэй* [5]) раскрылъ законы *электрической индукціи*, которыми воспользовались при устройствѣ индукціонной и электромагнитной машинъ, примѣняемыхъ для разнообразныхъ цѣлей. Электрическое освѣщеніе, разработка каменоломень, просверливаніе туннелей, взрываніе каменныхъ породъ—все это достигается при помощи индуктивныхъ катушекъ. Своими работами надъ разрѣженіемъ газовъ Фарадэй значительно содѣйствовалъ успѣхамъ химіи.

Всѣ науки находятся въ связи между собою; поэтому химія шла

---

[1]) Леонъ Фуко (1819—1868).

[2]) Бабинэ (1794—1872).

[3]) Іоганнъ Христіанъ Эрстетъ (1774—1851).

[4]) Бунзенъ род. въ 1811 г.

[5]) Мичель Фарадэй (1791—1867).

по слѣдамъ физики, подкрѣпляемая ею и поддерживая ее въ свою очередь. *Воклэнъ* [1]) сдѣлалъ важныя открытія и занялся анализомъ органическихъ веществъ. *Гёмфри Дэви* [2]) изслѣдовалъ закись азота, изобрѣлъ лампу для рудокоповъ, открылъ *калій* и *іодъ*. Шведъ *Берцеліусъ* [3]) открылъ силу, оказываемую вольтовымъ столбомъ на сложныя тѣла.

Ученикъ Воклена, *Шеврёль* (род. въ 1786 г.), который, по достиженіи имъ столѣтняго возраста, желалъ называться „первымъ студентомъ“ Франціи, съ увлеченіемъ посвятилъ себя изученію жирныхъ тѣлъ. Въ своихъ анализахъ надъ ними онъ различилъ жировое вещество отъ вещества маслянистаго и произвелъ прекрасный анализъ гватемальскаго индиго. До него было невозможно получить постепенные переходы различныхъ цвѣтовъ; благодаря удачному примѣненію химіи, Шеврёлю удалось преодолѣть это препятствіе, слѣдствіемъ чего явилось усовершенствованіе работъ на фабрикѣ гобеленовъ. „Выгоды отъ этого открытія слѣдуетъ считать сотнями милліоновъ“, говорилъ Дюма въ 1852 г.

Тенаръ [4]) извѣстенъ своими многочисленными работами по химіи. Открытія его получили разнообразныя примѣненія въ промышленности, но своей обширной славой онъ, главнымъ образомъ, былъ обязанъ своему профессорскому таланту. Его тщательно составленныя лекціи вскорѣ сдѣлались классическою книгой. Можно сказать вмѣстѣ съ Флурансомъ, что почти вся Европа училась химіи у Тенара.

Гэ-Люссакъ [5]) считается также однимъ изъ знаменитѣйшихъ химиковъ, хотя, по справедливости, его можно назвать универсальнымъ ученымъ. Онъ дѣлалъ знаменитыя восхожденія на горы, вмѣстѣ съ Біо (1804), научныя путешествія съ Гумбольдтомъ, преподавалъ физику, въ которую сдѣлалъ вкладъ, такъ же какъ и въ химію, своими работами и лекціями.

Ж. Б. Дюма [6]) подвинулъ химію еще далѣе. Съ 1828 по 1843 г. онъ издавалъ свой прекрасный трудъ „Химія въ примѣненіи къ искусствамъ“. Его изслѣдованія касались, главнымъ образомъ, органическихъ веществъ; онъ сдѣлалъ важныя наблюденія надъ щелочами, эѳирами и ихъ различными соединеніями, азотной кислотой и проч. *Баларъ* [7]) замѣстилъ Тенара и выдвинулся своими изысканіями надъ

---

[1]) Вокленъ (1763—1829).
[2]) Гёмфри Дэви род. въ Корнуоллѣ (1778—1829).
[3]) Берцеліусъ (1779—1848).
[4]) Тенаръ (1777—1857).
[5]) Гэ-Люссакъ (1778—1850).
[6]) Ж. Б. Дюма (1800—1884).
[7]) Баларъ (1802—1876).

бромомъ и его соединеніями. Онъ оказалъ большую услугу промышленности, такъ какъ ему удалось извлечь изъ морской воды сѣрнокислый натръ, при помощи котораго приготовляется сода. Къ этимъ именамъ присоединимъ еще *Лорана* [1]) и *Жерара* [2]), давшихъ теорію химическихъ эквивалентовъ, *Пелуза* [3]), *Сенъ-Клеръ - Девиля* [4]), *Дебрэ*, *Пастёра*, о которомъ мы скажемъ ниже, англичанъ — *Уольстона* [5]), *Томаса Грэгэма* [6]) и *Дальтона* [7]) и нѣмца *Либиха* [8]), профессора Мюнхенскаго университета.

Франсуа Араго, какъ мы уже говорили, продолжалъ вмѣстѣ съ Біо прекрасныя астрономическія работы, начатыя въ XVIII в. Какъ выдающійся писатель, онъ своими трудами много способствовалъ популяризаціи науки и, въ то же время, какъ директоръ обсерваторіи, заказалъ сдѣлать *Экваторіальный кругъ для Парижа*,—инструментъ, который можно было послѣдовательно поворачивать по направленію ко всѣмъ звѣздамъ небеснаго свода и наблюдать за ними во время ихъ суточнаго движенія; наблюденія эти облегчались усовершенствованіями, какія Леонъ Фуко сдѣлалъ въ телескопахъ.

Простымъ вычисленіемъ уклоненій, замѣчаемыхъ въ движеніи Урана, *Леверье* [9]) убѣдился въ существованіи еще неизвѣстной тогда планеты, служившей причиною этихъ возмущеній. Онъ опредѣлилъ теоретически массу, орбиту и положеніе этой новой планеты и въ 1846 году объявилъ Парижской академіи наукъ мѣсто, гдѣ эта планета будетъ находиться къ 1 января слѣдующаго года. Въ указанномъ мѣстѣ астрономы искали эту планету, и нѣмецъ М. Галле увидалъ ее 23 сентября на долготѣ, разнившейся только на два градуса отъ указанной долготы. Всѣ были удивлены точностью астрономическихъ вычисленій и необыкновенною силой отвлеченія, требуемой подобнымъ трудомъ; публика дала новой планетѣ имя Леверье, хотя наука присвоила ей названіе *Нептуна* для сохраненія однообразія солнечной системы. Астрономія продолжала дѣлать успѣхи, благодаря *Делонэ*, объяснившему измѣненіе *звѣздныхъ сутокъ*, математику *Жозефу Бертрану*, затѣмъ *Фею*, *Виллярсо* и др.

---

[1]) Лоранъ (1807—1854).
[2]) Жераръ (1816—1856).
[3]) Пелузъ (1807—1867).
[4]) Сенъ-Клеръ-Девиль (1818—1881).
[5]) Уольстонъ (1766—1828).
[6]) Томасъ Грэгэмъ (1805—1869)
[7]) Дальтонъ (1766—1844).
[8]) Либихъ (1803—1873).
[9]) Леверье (1811—1877).

Астрономія расширила область своихъ наблюденій и опытовъ. Леверье учредилъ во Франціи цѣлую сѣть станцій, предназначенныхъ для записи барометрическихъ и термометрическихъ колебаній, перемѣнъ вѣтровъ, количества дождя и направленія бурь. Эти наблюденія, сосредоточенныя въ особомъ Бюро, теперь отдѣлены отъ обсерваторіи и дополняются свѣдѣніями, присылаемыми изъ другихъ странъ, что̀ позволяетъ лучше изучать атмосферическія возмущенія. О буряхъ возвѣщается повсюду, гдѣ онѣ должны пройти, и, такъ какъ телеграфныя сообщенія опережаютъ ихъ, то суда успѣваютъ получить предостереженіе до выхода изъ гавани. Кромѣ того, эта наука обогощается ежедневнымъ наблюденіемъ почти всемірнаго движенія атмосферы, что̀ дастъ возможность установить прочныя основы для *метеорологіи*, науки еще новой, которая со-временемъ раскроетъ человѣку множество тайнъ природы.

Медицина, уже значительно подвинувшаяся въ предшествующемъ вѣкѣ, въ нашемъ столѣтіи поднялась до уровня другихъ наукъ. *Биша* [1]), умершій, едва достигнувъ 32 лѣтъ отъ роду, былъ однимъ изъ творцовъ, открывшихъ для нея широкій путь, и объединилъ въ своихъ превосходныхъ лекціяхъ все, что̀ было извѣстно до того времени объ организаціи и жизни. Его статуя вполнѣ заслуженно помѣщается во дворѣ зданія Медицинской школы въ Парижѣ. Одинъ изъ его учениковъ, *Бруссэ* [2]), краснорѣчивый профессоръ и горячій полемистъ, довелъ клиническую медицину до разумнаго наблюденія, до внимательнаго изслѣдованія органовъ. *Галль* [3]) изучалъ, главнымъ образомъ, мозгъ, *Корвизаръ* [4])—легкія и сердце, *Лаэннекъ* [5]) оказалъ величайшую услугу, открывъ систему *выстукиванія* и *выслушиванія* больного, сдѣлавшуюся всемірною. Къ этимъ именамъ слѣдуетъ присоединить *Мажанди*, *Буйльо*, *Труссо*, *Тардьё*, *Вюльпіана* и др., хирурговъ *Дюпюитрена*, *Вельпо*, *Нелатона* и множество другихъ, поднявшихъ во Франціи медицину и хирургію на высокую степень научности и точности.

Физіологія, новая наука, изучающая жизненные органы въ ихъ отправленіяхъ, обязана своимъ развитіемъ *Клоду Бернару* [6]). Этотъ ученый, проведшій почти всю свою жизнь въ лабораторіи Французской

---

[1]) Биша (1771—1802).
[2]) Бруссэ (1772—1838).
[3]) Галль (1758—1828).
[4]) Корвизаръ (1755—1821).
[5]) Лаэннекъ (1781—1826). Его именемъ названа одна изъ больницъ въ Парижѣ.
[6]) Клордъ Бернаръ (1813 - 1878).

коллегіи, открылъ механизмъ отдѣленія желудочнаго сока, значеніе, какое имѣютъ въ пищевареніи различныя выдѣленія пищевого канала, и издалъ важныя работы надъ печенью и поджелудочной железой. Одновременно съ тѣмъ, онъ много способствовалъ успѣхамъ *біологіи* и установилъ связь между философіей и опытной наукой. Это—одинъ изъ творцовъ современной науки и одинъ изъ тѣхъ, ученія которыхъ оказали наибольшее вліяніе.

Приложеніе науки къ промышленности произвело цѣлый рядъ чудесъ. Однимъ изъ первыхъ былъ паръ, такъ сказать, уничтожившій разстоянія. Инженеръ *Фультонъ* [1]), отвергнутый Франціей и мало понятый въ Англіи, вернулся на родину въ Соединенные Штаты, чтобы примѣнить паръ къ судоходству. Послѣ его смерти въ 1815 году, можно уже было оцѣнить громадные результаты его открытія, и рѣки Соединенныхъ Штатовъ уже бороздились быстро бѣгающими судами, видными издалека по своимъ длиннымъ облакамъ дыма. Въ 1818 г. *Даусонъ*, въ Англіи, устроилъ паровое судно для плаванія между Гревзендомъ и Лондономъ. Во Франціи, въ августѣ 1816 г., во время празднествъ въ честь бракосочетанія герцога Беррійскаго, *Жоффруа* пустилъ въ Пти-Берси пароходъ по Сенѣ. Тогда было учреждено нѣсколько пароходныхъ обществъ. Капитанъ Одріэль отправился, по порученію одного изъ нихъ, въ Англію для покупки парохода и попробовалъ переправиться на немъ черезъ Ламаншъ. Его застигла страшная буря, но паръ справился съ волнами и вѣтромъ, и капитанъ Одріэль могъ бросить якорь у Луврской набережной. Такимъ образомъ паръ могъ замѣнить паруса. Это подтвердилъ еще одинъ американскій корабль, удачно совершивъ переходъ изъ Саванны въ Ливерпуль (1819). Въ 1825 г. англійскій пароходъ *Enterprise* совершилъ путешествіе въ Индію. Съ 1825 до 1830 г. французскіе рѣки и порты стали уже правильно пользоваться услугами паровыхъ судовъ.

Фредерикъ Соважъ [2]) еще болѣе усовершенствовалъ систему паровыхъ судовъ, удачно примѣнивъ къ нимъ *винтъ*, и достигъ той цѣли, какую *Даллери* предвидѣлъ еще ранѣе, въ 1803 г.

Примѣненіе пара къ промышленности внушило Жозефу Кюньо еще въ 1770 г. мысль примѣнить его къ тягѣ повозокъ. Въ Америкѣ, *Оливеръ Ивэнсъ*, изобрѣтатель машины высокаго давленія, построилъ въ 1790 г. паровыя повозки, двигавшіяся по обыкновеннымъ дорогамъ. Но этотъ опытъ остался безъ результата. *Тревитикъ* и *Вивіенъ* [3])

[1]) Фультонъ, род. въ Пенсильваніи (1765—1815).

[2]) Фредер. Соважъ (1785—1837).

[3]) Тревитикъ и Вивіенъ, строители въ Корнуоллѣ.

были первыми, кому пришла мысль примѣнить локомотивъ къ дорогамъ съ *желѣзными рельсами*, употреблявшимися въ рудникахъ. Тотъ день, когда на этихъ путяхъ Тревитикъ и Вивіенъ замѣнили лошадей локомотивомъ, былъ днемъ изобрѣтенія *желѣзной дороги* (1804).

Съ 1812 г. *Джоржъ Стефенсонъ* [1]) началъ строить машины большого размѣра, употреблявшіяся для желѣзныхъ дорогъ въ рудникахъ Килингворта. Эти первые локомотивы дѣлали около 15 верстъ въ 4 часа, замѣняя просто прежніе обозы. Въ 1813 г. англійскій инженеръ *Блэкеттъ* замѣтилъ, что придавая локомотивамъ болѣе значительный вѣсъ, можно уменьшить треніе и придать колесамъ бо́льшую устойчивость.

Во Франціи общество каменноугольныхъ копей С. Этьена и Ривъ де-Жье устроило первую желѣзную дорогу въ 1829 г., и для усовершенствованія первоначальныхъ машинъ инженеръ *Сегэнъ* [2]), изъ Аннонэ, изобрѣлъ (1829) трубчатый котелъ, а чтобы усилить горѣніе, устроилъ поддувало передъ топкой.

Братъ Джоржа Стефенсона, Робертъ, придумалъ направить въ трубу печи струю пара, который, оказавъ свое дѣйствіе на поршень, служилъ для усиленія тяги. На конкурсѣ, открытомъ въ Англіи, Робертъ и Джоржъ Стефенсоны представили локомотивъ, устроенный по *системѣ Сегэна*. 6-го октября 1829 г. этотъ локомотивъ повезъ грузъ въ 800 пудовъ со скоростью 6 миль въ часъ. Безъ груза онъ пробѣжалъ двѣ мили въ 15 минутъ. Задача передвиженія была рѣшена. Желѣзная дорога изъ *Манчестера* въ *Ливерпуль*, которая должна была ограничиться перевозкою товаровъ, стала служить и для перевозки пассажировъ. Съ 1830 г. опыты и усовершенствованія продолжались. Въ настоящее время желѣзныя дороги достигли удивительнаго развитія и, какъ мы укажемъ далѣе, произвели поразительное преобразованіе во всемъ мірѣ. Торжествующій человѣкъ переносится съ головокружительною быстротой во всѣ концы своихъ обширныхъ владѣній. Теперь уже нѣтъ ни разстоянія, ни времени.

Мысль быстрой передачи извѣстій принадлежитъ весьма давнему прошлому. Въ различныя эпохи для этой цѣли пользовалось огненными и иными сигналами. Во время Революціи *Клодъ Шаппъ* придумалъ свою систему сигналовъ, передававшихся подвижными брусьями подъ различными углами и выставлявшихся на высокихъ зданіяхъ или башняхъ. Конвентъ принялъ систему Шаппа, и первая линія была

---

[1]) Джоржъ Стефенсонъ (1781—1848).

[2]) Сегэнъ (1786—1875).

устроена до сѣверной границы: слова соотвѣтствовали числамъ. 1 сентября 1794 г., въ полдень была отправлена депеша съ башни св. Екатерины въ Лиллѣ и, передаваясь со станціи на станцію, пришла въ Лувръ, въ Парижѣ. Конвентъ открывалъ засѣданіе. Карно вошелъ на трибуну и объявиль, что по телеграфу получено слѣдующее извѣстіе: „Конде возвращенъ республикѣ; сдача произошла сегодня утромъ въ шесть часовъ". Извѣстіе было встрѣчено неистовыми рукоплесканіями, и съ тѣхъ поръ повсюду были учреждены *воздушные телеграфы*, вызывающіе улыбку у насъ, привыкшихъ пользоваться электрическимъ телеграфомъ.

Въ 1800 г. *Вольта*, благодаря своему столбу, получилъ *электрическій токъ*, удобный для передачи. Въ 1811 г. *Земмерингъ* задумалъ уже проектъ телеграфа, проводя токи, разлагавшіе воду въ различныхъ сосудахъ, представлявшихъ 24 буквы алфавита. Въ 1820 г. Эрстетъ отмѣтилъ основной фактъ *электромагнетизма*. Если вокругъ намагниченной стрѣлки двигается токъ вольтова столба, то стрѣлка начинаетъ отклоняться, колебаться и отступаетъ отъ своего направленія къ сѣверу. *Амперъ* повторилъ этотъ опытъ и рѣшилъ примѣнить его къ телеграфу. „Возьмите,—говорилъ онъ,—столько намагниченныхъ стрѣлокъ, сколько буквъ въ азбукѣ, приведите ихъ въ движеніе проводниками, соединенными съ вольтовымъ столбомъ, и вы получите способъ сообщаться на всевозможныхъ разстояніяхъ". Араго открылъ основной фактъ, что электричество, вращаясь вокругъ пластинки изъ мягкаго желѣза, намагничиваетъ его. Стоитъ только прервать токъ, и намагничиваніе прекратится. Непрерывное движеніе въ обѣ стороны получается, благодаря желѣзной пластинкѣ, поперемѣнно намагничиваемой и размагничиваемой, притягивающей и отталкивающей, поочередно, другую желѣзную полосу. Это составляетъ основу всѣхъ системъ электрическаго телеграфа, безконечно разнообразныхъ съ точки зрѣнія механики.

Въ Англіи физикъ *Уитстонъ* придумалъ *телеграфъ со стрѣлками*, который былъ принятъ въ 1856 г. и вскорѣ, несмотря на сложность, былъ введенъ во всей странѣ. Онъ придумалъ также телеграфъ съ циферблатомъ, спеціально приспособленный для желѣзныхъ дорогъ.

Американецъ *Самуэлъ Морзъ* [1]) изобрѣлъ въ 1832 г. систему, получившую преобладаніе въ Америкѣ и въ Европѣ. Посредствомъ движенія *стальной полоски*, намѣчался рядъ *точекъ* или небольшихъ *линій* на плотной бумагѣ. При помощи этихъ точекъ или линій, которыя

[1]) Самуэль Морзъ ум. въ 1872 г.

увеличиваются или уменьшаются, смотря по продолжительности тока, и прерываются бѣлыми *интервалами* отдѣляющими слова, установлено нѣчто въ родѣ іероглифическаго языка, переводимаго затѣмъ на *алфавитъ Морза*. Первая телеграфная линія была устроена, такимъ образомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1844 г.; въ то же время во Франціи, былъ проведенъ вдоль желѣзной дороги изъ Парижа въ Руанъ телеграфъ *Фуа-Брегэ*, воспроизводившій на желѣзнодорожныхъ станціяхъ сигналы воздушнаго телеграфа. Но это было „младенчествомъ“ искусства. Въ 1854 г. былъ принятъ аппаратъ *Морза*.

Остроумныя системы слѣдовали одна за другой: американца *Блэна*, англичанина *Блэкуэля*, аппаратъ *Юза*. Аббатъ *Казелли*, во Флоренціи, придумалъ *пантелеграфъ*, гдѣ остріе выбиваетъ буквы, намѣчаемыя на бумагѣ. *Бонелли* изобрѣлъ печатающій телеграфный аппаратъ. Наконецъ, въ городахъ оказалось возможнымъ установить пневматическія трубы, посредствомъ которыхъ передается *карта-телеграмма*, въ томъ видѣ, какъ она написана отправителемъ; но это дѣлается уже безъ участія электричества.

Электричество, кромѣ того, является и силой, и орудіемъ. Въ 1837 г. англичанинъ *Спенсеръ* замѣтилъ, что токъ Вольтова столба разлагаетъ металлъ и заставляетъ его принимать какіе угодно отпечатки: это было началомъ *гальванопластики*. Вскорѣ стали воспроизводить медали, а затѣмъ новый способъ былъ примѣненъ для золоченія и серебренія металловъ. Лучшимъ открытіемъ, сдѣланнымъ съ того времени, было изобрѣтеніе *Румкорфа* [1]), фабриканта физическихъ инструментовъ въ Парижѣ, устроившаго превосходную машину для пользованія *индуктивнымъ электричествомъ*. Эта машина, очень простая и распространенная, даетъ возможность примѣнять электричество ко множеству механизмовъ. Другой строитель машинъ, *Фроманъ* примѣнилъ электричество для движенія сложныхъ машинъ, при помощи которыхъ выдѣлываются точные и чрезвычайно тонкіе инструменты. Электричество дало новую силу остроумному ткацкому станку Жаккара, а электрическій аппаратъ, придуманный *Бонелли*, съ успѣхомъ замѣнилъ картонныя части этой машины.

Марсель Депрэ, въ 1885 г., доказалъ, что электричествомъ можно пользоваться для передачи силы на большія разстоянія. Изъ Крейля онъ привелъ въ дѣйствіе машины, установленныя на сѣверной станціи желѣзной дороги въ Парижѣ.

---

[1]) Румкорфъ род. въ Германіи, но жилъ въ Парижѣ (1803 — 1877). Въ 1864 году онъ получилъ отъ французскаго правительства высшую награду въ 50.000 франковъ.

Электрическіе стѣнные часы явились еще новой услугой электричества. Посредствомъ одного регулирующаго часового механизма, можно обозначать на большихъ разстояніяхъ и на различныхъ циферблатахъ часъ, минуту и секунду. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи и Германіи, это указаніе времени уже вошло во всеобщее употребленіе. Въ городѣ Гентѣ, въ Бельгіи, время указывается электричествомъ болѣе, чѣмъ на ста циферблатахъ, помѣщенныхъ на столбахъ газовыхъ фонарей.

Френель при Реставраціи воспользовался изслѣдованіями свѣта для усовершенствованія или, скорѣе, изобрѣтенія маяковъ. Онъ придумалъ замѣнить рефлекторы *чечевицеобразными стеклами*, установленными такъ, чтобы отражать горизонтально свѣтовые лучи, исходящіе изъ ихъ фокуса. Восемь чечевицъ составляютъ аппаратъ. Эта система могла передавать девять десятыхъ падающихъ лучей, тогда какъ обыкновенные рефлекторы отражали только половину. Впрочемъ, оставалось еще одно неудобство: пучекъ лучей направлялся только на одну точку. Френель исправилъ это, придавъ маяку вращательное движеніе, которое не допускало смѣшивать свѣтъ маяка съ какимъ-либо другимъ. Такимъ образомъ, былъ созданъ настоящій маякъ.

Въ 1786 г. французскому инженеру *Филиппу Лебону* [1]) пришла мысль воспользоваться для освѣщенія газомъ, получающимся при перегонкѣ *дерева*. Въ 1789 г. Лебонъ пробовалъ устроить въ Гаврѣ первыя *термолампы*, но не имѣлъ успѣха. Англійскій инженеръ *Мёрдокъ*, знавшій объ опытахъ Лебона, освѣтилъ, при помощи газа, извлеченнаго изъ *каменнаго угля*, фабрику Джемса Уатта (1793). Въ 1804 г. *Уинзоръ* составилъ въ Англіи промышленное общество для *газоваго освѣщенія*. Въ 1816 г. Уинзоръ пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ встрѣтилъ большія затрудненія для введенія своей новой системы освѣщенія, первый образчикъ котораго былъ примѣненъ въ пассажѣ Панорамъ. Около 1820 г. былъ выстроенъ первый газовый заводъ для освѣщенія Люксембургскаго дворца и сосѣднихъ кварталовъ. Правительство Людовика XVIII взяло подъ свою охрану это новое изобрѣтеніе; въ 1822 году образовалось общество подъ покровительствомъ короля, при участіи Шапталя и другихъ лицъ, извѣстныхъ въ ученомъ и политическомъ мірѣ. Съ тѣхъ поръ ужасные масляные *фонари*, которые спускались и поднимались при помощи веревокъ, исчезли даже въ самыхъ маленькихъ городахъ.

---

[1]) Филиппъ Лебонъ род. около 1765 г. въ Брюме (Верхняя Марна), былъ убитъ въ 1804 г.

Газъ освѣщаетъ за недорогую цѣну и съ достаточной яркостью улицы, площади и магазины. Его проводятъ въ люстры въ театрахъ. Свѣтъ принимаетъ всевозможныя формы, смотря по рисунку трубъ и рожковъ. Во время иллюминацій, онъ проходитъ по всѣмъ выступамъ общественныхъ зданій, и его блестящія нити свѣтятся вдоль фасадовъ, вокругъ колоннъ и карнизовъ, заставляя выдѣляться, при помощи огня, всѣ причудливости архитектуры древнихъ и новыхъ памятниковъ. Газъ проникъ во внутренность жилыхъ помѣщеній: онъ освѣщаетъ, согрѣваетъ и царитъ, какъ въ гостиной, такъ и въ кухнѣ.

Несмотря на все свое удобство, газовое освѣщеніе имѣетъ уже соперника въ *электрическомъ освѣщеніи*. Благодаря электрическому току, проходящему между двумя концами проводящей проволоки, между этими двумя концами можно заставить *свѣтиться дугу*, свѣтъ которой зависитъ отъ силы электрическаго столба. Въ этомъ состоитъ принципъ, разнообразныя примѣненія котораго увеличиваются со дня на день. Въ 1876 г. русскій инженеръ *Яблочковъ* придумалъ *электрическую свѣчу*, составленную изъ двухъ параллельныхъ палочекъ угля и разъединенныхъ изолирующимъ веществомъ, известью. Между двумя оконечностями угольныхъ палочекъ, получающихъ электрическій токъ, свѣтящаяся дуга накаляется, и свѣтъ не прерывается, такъ какъ известь улетучивается по мѣрѣ горѣнія угля; этими свѣчами можно пользоваться для электрическаго освѣщенія залъ и комнатъ. Вольтовъ столбъ былъ даже замѣненъ паровой машиной, движеніе которой превращается въ электрическій токъ. Это упрощеніе дало возможность примѣнить электрическій свѣтъ въ большихъ размѣрахъ для освѣщенія площадей; и въ Лондонѣ, Парижѣ, Нью-Іоркѣ и Мадридѣ дѣлались опыты этого освѣщенія, которое, будучи сосредоточено въ яркихъ фокусахъ, распространяетъ на большое пространство свѣтъ, похожій на лунный.

Наконецъ, американецъ *Томасъ Эдиссонъ* и англичанинъ *Свэнъ* усовершенствовали въ 1878 г. *лампы накаливанія*, т.-е. лампы, въ которыхъ свѣтъ, производимый металлическимъ проводникомъ, достаточно нагрѣтъ электрическимъ токомъ, чтобы раскаляться до бѣлаго каленія и давать при этомъ сильный, немерцающій свѣтъ.

Съ конца прошлаго столѣтія, физики, какъ мы уже говорили, нашли возможность наполнять шары газомъ и подниматься на воздухъ. Послѣ опытовъ Монгольфье, Пилатра-де-Розье, Шарля и Робера Бланшара и др., придумали воспользоваться этимъ открытіемъ для военныхъ наблюденій, и воздушные шары общества *воздухоплавателей* летали надъ полемъ битвы при Флерюсѣ (26-го іюня 1794 года). Эти воздушные шары были прикрѣплены, но эти опыты не возобновля-

лись. Біо и Гэ-Люссакъ пользовались, впрочемъ, въ 1804 г. этимъ изобрѣтеніемъ для любопытныхъ научныхъ наблюденій въ высокихъ слояхъ воздуха.

Затѣмъ воздушные шары сдѣлались предметомъ развлеченія, и ни одинъ общественный праздникъ не обходился безъ участія воздухоплавателей, какъ, наприм., г-жи Бланшаръ, убитой въ 1819 г., Моргa, братьевъ Гринъ, Пуатвена, итальянца Цамбеккари, Годара и др. Въ 1863 г. огромный воздушный шаръ, вмѣстѣ съ *Надаромъ* и восемью другими его товарищами, былъ увлеченъ съ головокружительной быстротой къ Ганноверу, гдѣ онъ упалъ, дѣлая страшные скачки и опрокидывая все, попадавшееся на пути; воздухоплаватели были подняты, покрытые ранами.

Наука, между тѣмъ, принялась съ новымъ рвеніемъ за этотъ трудный вопросъ, съ которымъ связывается множество другихъ. Въ 1874 году *Кроче Спинелли* и *Сивель* достигли высоты 7.800 метровъ и добыли драгоцѣнныя данныя относительно разрѣженія воздуха на этой высотѣ. Они хотѣли подняться еще выше въ 1875 г. вмѣстѣ съ *Тиссандье*, но два первые воздухоплавателя погибли жертвами своего благороднаго служенія наукѣ. Теперь ученыхъ занимаетъ болѣе всего отысканіе способа управлять воздушными шарами, примѣняя двигательныя силы, употребительныя на водѣ и на сушѣ. Человѣкъ стремится подчинить себѣ воздухъ и обуздать вѣтры такъ же, какъ онъ обуздалъ волны.

На самой землѣ уже нѣтъ болѣе тайнъ для человѣка. Онъ умѣетъ проникать въ ея глубины; онъ знаетъ, гдѣ онъ найдетъ водныя пространства и какъ онъ выведетъ воду на земную поверхность. Онъ уже зналъ это съ давнихъ временъ, судя по колодцамъ, вырытымъ въ Италіи въ средніе вѣка, и по пробуравленнымъ колодцамъ въ *Артуа*, изъ которыхъ самый древній (въ Лиллѣ) восходитъ къ царствованію Людовика Толстаго. *Бернаръ Палисси* описываетъ инструментъ, придуманный имъ, который весьма сходенъ съ нашимъ буравомъ.

Въ XIX в., благодаря точному изученію законовъ равновѣсія жидкостей, *артезіанскіе колодцы* получили большое распространеніе. *Эрикаръ-де-Тюри* и *Дегузэ* разработали теорію и усовершенствовали практику буренія. Колодезь въ *Гренелѣ* въ Парижѣ (1833—1844) выбросилъ воду изъ глубины 548 метровъ и далъ 4.000 литровъ воды въ минуту. Наиболѣе полезныя услуги артезіанскіе колодцы оказали въ Алжирѣ и въ пустынной области Сахары: повсюду, гдѣ добывалась вода, являлся источникъ жизни въ палимой солнцемъ странѣ.

Успѣхи математики, механики и промышленности дали возможность

соединять берега рѣкъ или края глубокихъ долинъ удивительными мостами, въ сотни разъ болѣе замѣчательными, чѣмъ работы римлянъ. Уже въ XVII и XVIII вв. была извѣстна теорія висячихъ мостовъ, но первый постоянный висячій мостъ для проѣзда экипажей былъ выстроенъ въ Америкѣ *Финдлеемъ*. Англія и Франція послѣдовали этому примѣру, и въ настоящее время можно указать въ Англіи знаменитый мостъ *Менэ*, въ Швейцаріи висячій—мостъ *Фрейбурга*, во Франціи—мосты въ *Кюбзакѣ* и *Руанѣ*. Въ Америкѣ смѣлый мостъ соединяетъ берега Ніагары, надъ самымъ паденіемъ водопада: онъ состоитъ изъ двухъ этажей,—одинъ для желѣзной дороги, другой—для экипажей и пѣшеходовъ. Мостъ въ Бруклинѣ между Нью-Іоркомъ и его пригородомъ еще длиннѣе и шире. Столбы, разставленные на 500 метровъ, возвышаются на 85 метровъ надъ поверхностью воды; настилка—шириною въ 40 метровъ, и самые высокіе корабли могутъ проходить подъ нею, не наклоняя головы, т.-е. своихъ мачтъ.

Фотографія была открытіемъ, примѣненіе котораго стало весьма распространеннымъ. Этимъ открытіемъ мы обязаны *Ніепсу* и *Дагерру*. Ніепсъ [1]) первый нашелъ средство закрѣплять, химическимъ дѣйствіемъ свѣта, изображеніе внѣшнихъ предметовъ. Начало этихъ работъ относится къ 1813 г. Онъ вошелъ въ сношенія съ Дагерромъ, изобрѣтателемъ діорамы. Этотъ послѣдній усовершенствовалъ пріемы Ніепса, который умеръ въ 1833 г., не успѣвъ порадоваться счастливымъ результатамъ своихъ трудовъ.

Дагерръ [2]) одинъ продолжалъ эти изслѣдованія и достигъ фотографическихъ изображеній въ 1839 г. Онъ объявилъ объ этомъ открытіи Академіи наукъ и, въ торжественномъ засѣданіи 10 авг. 1839 г., Араго объяснилъ новый способъ. Но онъ могъ воспроизводить лишь предметы неодушевленные: усовершенствованіе привело къ воспроизведенію живыхъ существъ. Въ 1847 г. *Бланкаръ-Эвраръ* открылъ способъ фотографированія на бумагѣ. Фотографія, помимо своего пріятнаго и важнаго примѣненія въ жизни, позволяя постоянно имѣть передъ глазами изображенія дорогихъ намъ лицъ, оказала также значительныя услуги наукѣ. Метеорологическіе инструменты отмѣчаютъ сами свои собственныя показанія. Кромѣ того, посредствомъ увеличенія, воспроизводятся предметы микроскопическіе, что имѣетъ огромное значеніе для естественныхъ наукъ.

Цезарь разсказываетъ, что у галловъ въ деревняхъ были люди, обя-

---

[1]) Ніепсъ (1765–1833).
[2]) Дагерръ (1788—1851).

занностью которыхъ было передавать громкимъ голосомъ отъ одного мѣста до другого различныя новости и приказанія. Извѣстіе о разгромѣ римлянъ при Генабумѣ было передано такимъ способомъ въ одинъ день жителямъ Герговіи, несмотря на разстояніе въ 80 миль. Въ наше время это дѣлается съ бо̀льшимъ удобствомъ: человѣческій голосъ переносится теперь на далекія пространства электричествомъ. Сперва устраивались *электрическіе вибраторы* (1847—1872), и въ 1861 г. *Филиппъ Рейсъ* устроилъ первый *телефонъ*, передававшій только отдѣльные звуки, звуки музыкальные. Американецъ, уроженецъ Англіи, *Грэгэмъ Бэлль* передавалъ уже самое слово. Его аппаратъ обратилъ на себя вниманіе на Филадельфійской выставкѣ въ 1876 г.; посредствомъ него, Грэгэмъ Бэлль могъ вести разговоръ на разстояніи 20 верстъ. Аппаратъ этотъ былъ тѣмъ болѣе удобенъ, что проводникомъ звуковъ ему служила обыкновенная телеграфная проволока. Другіе аппараты были устроены *Говеромъ* и *Эдиссономъ*, и пользованіе телефономъ распространяется все болѣе и болѣе въ Америкѣ и Европѣ для сообщенія не только внутри города, но и между весьма отдаленными другъ отъ друга городами. Это—еще новый способъ уничтоженія времени и пространства.

Въ этомъ направленіи пошли еще дальше. Простой типографскій корректоръ *Леонъ Скоттъ* нашелъ во Франціи способъ, которымъ слово записывалось само собою. Затѣмъ, знаменитый механикъ *Эдиссонъ*, дополнивъ рѣшеніе этой задачи, сталъ воспроизводить металломъ это слово, заключенное въ металлѣ. Это былъ *фонографъ* (1877), собирающій, сохраняющій и затѣмъ производящій звуки въ такомъ видѣ, въ какомъ они были ему переданы; для этого любопытнаго открытія до сихъ поръ не умѣли, однако, найти вполнѣ полезнаго примѣненія.

Приложеніе химіи къ промышленности, начало которому положилъ Шапталь при консульствѣ и имперіи, было продолжено *Тенаромъ*, *Шеврёлемъ*, *Дюма* и *Баларомъ*, и труды этихъ ученыхъ дали сильный толчокъ производствамъ красокъ, маслъ, химическихъ продуктовъ и проч. Химики открыли новый металлъ *аллюминій*, замѣняющій въ нѣкоторыхъ случаяхъ серебро. Способы добыванія аллюминія найдены были *Сентъ-Клеръ-Девиллемъ* вмѣстѣ съ *Дебрэ*.

Наконецъ, *Пастеръ* [1]), путемъ терпѣливыхъ и методическихъ изслѣдованій, направлявшихся изумительнымъ геніемъ, проникъ въ міръ безконечно малыхъ существъ, и ему удалось вырвать у природы тайны, дающія возможность оказывать наиболѣе важныя услуги человѣ-

---

[1]) Луи Пастёръ (1822—1895).

честву. Въ своей лабораторіи высшей Нормальной школы въ Парижѣ, онъ сперва посвятилъ себя (1857) весьма спорному вопросу о самопроизвольномъ зарожденіи; онъ опровергъ это ученіе и обратился къ изслѣдованію того значенія, какое имѣетъ пыль, содержащаяся въ воздухѣ, для гніенія твердыхъ веществъ и жидкостей. Онъ сдѣлалъ важное изслѣдованіе надъ производствомъ уксуса и пива и отыскалъ причины болѣзни винъ. Утверждая, что эти болѣзни являются слѣдствіемъ организмовъ, образующихся въ винѣ, онъ доказалъ, что, для сохраненія его безъ измѣненія, достаточно нагрѣвать въ теченіе нѣсколькихъ минутъ до температуры отъ 55 до 60 градусовъ. Вниманіе его было привлечено болѣзнью *шелковичнаго червя*, подрывавшей промышленность нѣсколькихъ департаментовъ; Пастёръ опредѣлилъ эту болѣзнь, признавъ причину ея въ яйцахъ бабочекъ, и указалъ практическое средство распознавать больныя или дурныя яйца. Въ Нижнихъ Альпахъ, въ Ардешѣ, Гардѣ, Дромѣ и повсемѣстно, гдѣ разводятъ шелковичнаго червя, благосостояніе было возстановлено. Затѣмъ, неутомимый химикъ, несмотря на свою болѣзнь, открылъ и разводилъ микробовъ и достигъ того, что превратилъ ихъ въ настоящую *вакцину* заразительныхъ болѣзней. Его вниманіе было сперва привлечено сибирской язвой рогатаго скота, и онъ нашелъ средство предохранять отъ нея животныхъ. Онъ изслѣдовалъ *холеру*, вмѣстѣ со своими учениками, при чемъ одинъ изъ нихъ, *Тюиллье*, умеръ въ Египтѣ жертвою своего мужества. Въ концѣ 1885 г. Пастеръ извѣстилъ Академію наукъ заявленіемъ столь же трогательнымъ, какъ и скромнымъ, что онъ открылъ бациллу *водобоязни*, этой ужасной болѣзни, уносившей ежегодно множество жертвъ. Благодаря прививкѣ ея, удалось въ первые мѣсяцы 1886 г. спасти болѣе тысячи человѣкъ. Все это составляетъ неоспоримо важныя заслуги Пастера, за которое человѣчество ему обязано благодарностью и удивленіемъ.

Воображеніе не можетъ охватить всѣ чудеса, добытыя наукой. Несомнѣнно, что въ нашу эпоху собраны всѣ результаты методовъ прошлыхъ вѣковъ, но какіе плоды извлекли изъ нихъ химики, физики, инженеры, математики и астрономы! Природа раскрываетъ одну за другою свои тайны и готова помочь человѣку обнаружить и другія: покоренный паръ оказываетъ промышленности неоцѣнимыя услуги; электричество, переносящее мысль и слово и дающее свѣтъ, становится могущественнымъ двигателемъ. Ученые анализировали всѣ вещества, разложили всѣ тѣла, освободили и утилизировали газы. Они заставили солнце закрѣплять на бумагѣ изображенія людей и странъ и пытаются бороться со смертью. Эти мирныя завоеванія приносятъ болѣе славы,

чѣмъ завоеванія военныя, такъ какъ дѣлаютъ человѣка властелиномъ природы, которой долгое время онъ былъ игрушкой и жертвой. Эти плодотворныя побѣды способствуютъ благосостоянію и сближенію народовъ,—однимъ словомъ, цивилизаціи. Эти высшія побѣды, давая намъ возможность оцѣнить человѣческій умъ, слишкомъ принижаемый нѣкоторыми философами, доказываютъ, что онъ происходитъ отъ высшаго начала, чѣмъ простая матерія, такъ какъ господствуетъ надъ этой матеріей, подчиняя ее себѣ и управляя ею. Чѣмъ дальше расширяется наука, чѣмъ выше поднимается человѣкъ, тѣмъ болѣе мы видимъ доказательствъ, что разумъ находится въ тѣсной связи съ высшимъ и безконечнымъ разумомъ.

ГЛАВА XVIII.

Экономическое развитіе и нравственный прогрессъ.

Земледѣліе. — Сельскохозяйственные выставки и съѣзды. — Земледѣліе въ Европѣ.— Промышленность; механическія производства; первые опыты ихъ въ XVIII в.; Гайзъ; Аркрайтъ; бумагопрядильныя фабрики; станки Дженни. — Пряденіе льна и пеньки; Филиппъ Жираръ.—Выдѣлка шелковыхъ издѣлій; Жаккаръ.—Набивные ситцы; Оберкампфъ.—Механическая выдѣлка бумаги.—Книгопечатаніе; литографія.—Фарфоровыя фабрики XVIII в. въ Саксоніи и Франціи.—Хрусталь.—Различная промышленность.— Выдѣлка свекловичнаго сахара.—Могущество металлической промышленности.—Промышленная дѣятельность различныхъ народовъ.—Промышленныя ассоціаціи; кооперативныя общества. — Торговля; желѣзныя дороги. — Художественныя работы; тунели Монъ-Сени и Сенъ-Готарда. — Переворотъ, произведенный желѣзными дорогами. — Почта; всемірный почтовый союзъ.—Телеграфы.—Подводные телеграфы.—Заатлантическое судоходство. — Прорытіе Суэцкаго и Панамскаго перешейковъ; Фердинандъ Лесепсъ.—Всемірныя выставки. — Международныя коммиссіи; распространеніе метрической системы.—Единство монеты. — Кредитъ; его учрежденія; страхованіе.—Свобода торговли и торговые договоры.—Торговая дѣятельность различныхъ народовъ.— Результаты экономическаго переворота; увеличеніе средней продолжительности жизни.—Нравственный прогрессъ.—Общественное образованіе во Франціи.—Педагогика въ XVIII в.—„Эмиль“ Руссо; народное образованіе. — Общественное образованіе въ Европѣ.—Педагогика въ Германіи и Швейцаріи.—Успѣхи законодательства.—Уменьшеніе преступности.—Попечительныя учрежденія.—Благотворительность; учрежденія общественной благотворительности.

Наука измѣнила условія земледѣлія, промышленности и торговли. Земледѣліе, основывавшееся на преданіяхъ, сдѣлалось разумнымъ и послѣдовательнымъ. Оно само стало наукой, благодаря *Матье Домбалю* [1]), Риффелю, Буссэнго, Гаспарену и множеству другихъ, создав-

[1]) Матье Домбаль, знаменитый агрономъ (1777—1843).

шихъ спеціальныя школы, анализировавшихъ почвы, изучавшихъ плодопеременныя хозяйства, примѣнявшихъ удобренія и научившихъ людей извлекать даже изъ скудной почвы превосходные продукты. Известь и мергель, амміакальныя и калійныя соли, фосфаты и гуано стали употреблять для усиленія плодородія полей.

Успѣхи механики и сила пара дали возможность замѣнить ручную работу. Съ конца XVIII в. стали устраивать *молотилки, сѣялки* и *вѣялки*. Въ обширныхъ равнинахъ Сѣверной Америки недостатокъ рабочихъ рукъ, изощряя духъ изобрѣтательности, привелъ къ изобрѣтенію *сѣнокосильныхъ* и *жатвенныхъ машинъ*. Паровая машина явилась на помощь земледѣльцу. Она исполняетъ различныя работы на фермѣ или переходитъ изъ селенія въ селеніе, предлагая услуги тамъ, гдѣ въ ней имѣютъ нужду. Во многихъ мѣстахъ она замѣняетъ лошадей и воловъ для вспашки земли. Машины жнутъ хлѣбъ, связываютъ въ снопы, затѣмъ молотятъ, отдѣляютъ солому и вѣютъ зерно, замѣщая, такимъ образомъ, рабочихъ, недостатокъ которыхъ чувствуется въ деревнѣ.

Земледѣліе получило большой толчокъ, благодаря *сельскохозяйственнымъ выставкамъ*, устраивавшимся во Франціи съ 1844 г. Съ того времени число ихъ значительно увеличилось, и онѣ вызываютъ соревнованіе, выставляя усовершенствованныя породы скота, сельскохозяйственныя машины, орудія и улучшенные аппараты. Въ то же время они являются торжествами, на которыхъ празднуются мирныя и благодѣтельныя побѣды. Кромѣ того, свободныя ассоціаціи или *сельскохозяйственные съѣзды*, поддерживаемые пособіями правительства, обсуждаютъ лучшіе способы обработки почвы, поощряя распространеніе ихъ наградами и устройствомъ выставокъ.

Въ *Англіи* земледѣліе находится въ большомъ почетѣ. Благодаря содѣйствію капитала, который безъ боязни затрачивается на это дѣло, англичане достигли урожая вдвое болѣе того, какой получается во Франціи. Тамъ издается множество книгъ, относящихся къ полевымъ работамъ. Повидимому, страны, отъ природы менѣе другихъ благопріятныя для земледѣлія, всего болѣе занимаются его изученіемъ. Въ *Швеціи* насчитывается множество земледѣльческихъ школъ, образцовыхъ фермъ и молочныхъ хозяйствъ. Въ 1811 г. тамъ была основана Королевская земледѣльческая академія. *Голландцы* съ ожесточеніемъ отвоевали землю у волнъ, наступавшихъ на ихъ страну. Осушеніе Гарлемскаго озера и *польдеровъ* открыло для земледѣлія обширныя пространства, лежащія на шесть и даже на восемь саженъ ниже уровня моря. Такимъ образомъ, было отвоевано около 15.000 десятинъ. *Да-*

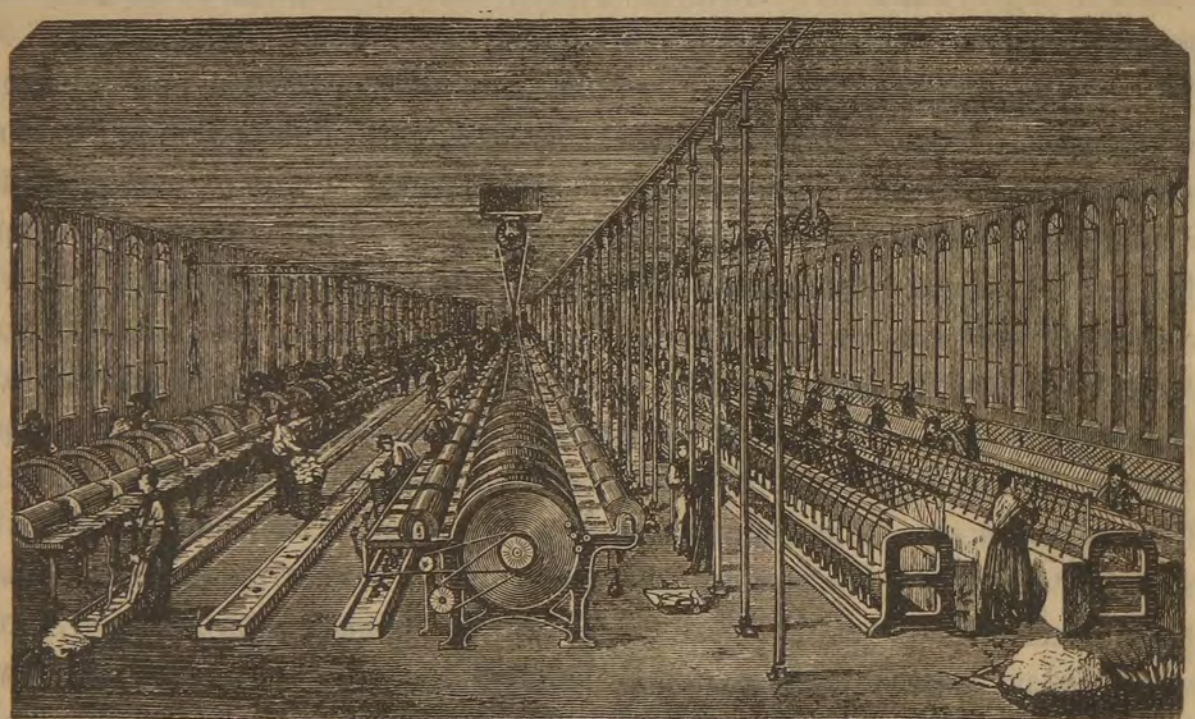
нія первая, съ начала XIX в., подала примѣръ устройства земледѣльческихъ школъ. *Бельгія* должна была лишь продолжать традиціи древнихъ обитателей Фландріи, высокое качество которыхъ признавалось еще въ средніе вѣка. Развитіе этихъ качествъ привело къ тому, что въ настоящее время Бельгія — страна, наилучше обработанная и наиболѣе производительная. Жители *Швейцаріи* неизмѣнно любятъ сельскую жизнь, и земледѣльческое образованіе привилось и распространилось тамъ весьма быстро. Въ центрѣ Европы, въ *Австро-Венгріи* только съ 1848 г. были отмѣнены феодальныя права и уничтожена зависимость крестьянъ отъ господъ. Но съ того времени земледѣльческое развитіе страны пошло быстрыми шагами. Россія вступила на тотъ же путь. Ея громадныя черноземныя поля, вмѣстѣ съ венгерскими, служатъ главными житницами Европы. Любуясь на виноградники, расположенные по всѣмъ склонамъ, куда достигаетъ солнце, необходимое для вызрѣванія винограда, глядя на хлѣбныя моря Франціи, Венгріи и Россіи, на луга Нормандіи, Англіи и Голландіи, невольно хочется воскликнуть вмѣстѣ съ Бюффономъ: „Какъ прекрасна воздѣланная природа!“ Въ Европѣ нѣтъ, такъ сказать, уголка земли, удобнаго для обработки, который не былъ бы украшенъ злаками, красильными растеніями, виноградниками, хмѣлемъ или пастбищами. Теперь нельзя уже найти обширныхъ залежей, какихъ было много еще во Франціи въ прошломъ столѣтіи, и земледѣльческій трудъ уважается повсюду, какъ первое условіе народнаго богатства. Во времена варварства, Европа представляла собою лѣсъ, перерѣзанный кое-гдѣ немногими полями: теперь это — поле, перерѣзанное немногими лѣсами, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это—прелестный садъ.

Нѣкогда у человѣка были только собственныя руки и нѣсколько грубыхъ орудій: теперь онъ обладаетъ тысячами орудій, одно другого остроумнѣе, и безконечнымъ разнообразіемъ сильныхъ машинъ и тонкихъ механизмовъ, при помощи которыхъ онъ перерабатываетъ сырой матерьялъ съ быстротою, позволяющею придавать производству почти безконечное распространеніе.

До XVIII в. пряжа получалась лишь съ помощью *прялки и колеса.* И это послѣднее, повидимому, восходитъ не далѣе XV в. Около 1764 г. фабрикантъ ткацкихъ бёрдъ въ Лэйѣ, въ графствѣ Ленкестерскомъ, *Томасъ Гайзъ*, придумалъ и сдѣлалъ, съ помощью часового мастера *Кайя,* прядильную машину, которую, на радости, назвалъ именемъ своей дочери *Дженни* (spinningjenny). Эта остроумная Дженни должна была замѣнить долгій трудъ другихъ женщинъ, привязанныхъ къ своему колесу. *Гайзъ* не сумѣлъ извлечь выгодъ изъ этого открытія, которое

было приписано плотнику *Гаргривсу*, вслѣдствіе нѣкоторыхъ усовершенствованій; настоящую цѣнность ему придалъ *Ричардъ Аркрайтъ* [1]).

Это былъ бѣдный цирюльникъ, но полный энергіи, воображенія и находчивости: онъ досталъ образецъ машины *Гайза*, затѣмъ денегъ, получилъ патентъ и въ 1768 г. открылъ первую бумагопрядильню въ Ноттингэмѣ, въ 1771 г. вторую въ Кромфортѣ (графство Дерби), и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ самыхъ богатыхъ мануфактуристовъ въ Англіи. Въ 1779 г. *Самуэль Кромптонъ* [2]) придумалъ новыя машины, которыя назвалъ *мельницы-Дженни*, не замедлившія распространиться во



Внутреннее устройство бумагопрядильни.

Франціи съ 1784 г., а потомъ—и въ Европѣ. Усовершенствованныя впослѣдствіи, онѣ сдѣлались „самодѣйствующими“ станками Дженни, которые автоматически производятъ различныя дѣйствія при обработкѣ хлопчатой бумаги.

У французовъ также былъ ученый механикъ *Вокансонъ* [3]), который, въ числѣ своихъ многихъ остроумныхъ изобрѣтеній, старался привести въ дѣйствіе не прялку, а ткацкій станокъ. Его безплодныя попытки, подрывавшіяся рутиной промышленниковъ, были возобновлены въ Англіи, гдѣ успѣхъ станковъ Аркрайта возбудилъ дѣятельность ме-

---

[1]) Ричардъ Аркрайтъ (1732—1792).
[2]) Самуэль Кромптонъ (1753—1827).
[3]) Жакъ Вокансонъ (1709—1782).

ханиковъ. Эдмондъ *Картрайтъ* [1]) придумалъ между 1785 и 1787 гг. ткацкій станокъ, который вскорѣ былъ усовершенствованъ. Съ того времени дѣло быстро двинулось впередъ. Въ 1820 г. въ Англіи и Шотландіи было уже 160.000 станковъ; въ настоящее время ихъ болѣе 500.000. *Ришаръ* и *Ленуаръ Дюфренъ*, въ царствованіе Наполеона I, ввели во Франціи англійскія машины, и въ 1814 г. на нихъ вырабатывалось уже болѣе восьми милліоновъ килограммовъ бумажной пряжи.

Ришаръ, присоединившій къ своей фамиліи имя Ленуара, разорился въ 1814 г., вслѣдствіе чужеземнаго вторженія, и въ то же время изобрѣтатель, *Филиппъ Жираръ* [2]), оказавшій большую услугу изобрѣтеніемъ станковъ для пряденія льна и пеньки, вслѣдствіе равнодушнаго отношенія къ его дѣлу, потерялъ охоту продолжать его на родинѣ и покинулъ Францію. Его чертежи и пріемы перешли въ Англію, гдѣ въ 1826 г. была устроена фабрика для пряденія льна, и позднѣе Франція выписывала оттуда машины Жирара (1833), заслуга котораго, впрочемъ, была, наконецъ, ею оцѣнена.

Механическіе способы пряденія шелка были давно извѣстны, такъ какъ ихъ относятъ ко второй половинѣ XV в. и приписываютъ болонскому промышленнику *Борнезано Луккези;* но они были весьма не совершенны. Въ XVIII в. *Вокансонъ* придумалъ новые способы и представилъ образцы машинъ, коллекція которыхъ, завѣщанная Людовику XVI, послужила основой коллекціи *Консерваторіи искусствъ и ремеслъ*, устроенной Конвентомъ.

Ліонскій ремесленникъ, *Жаккаръ* [3]), проведшій все свое дѣтство среди станковъ, увлекся механикой и въ 1801 г. получилъ награду на національной выставкѣ. Ему удалось устроить машину для выдѣлки сѣтей, и онъ былъ посланъ въ Парижъ для представленія своей машины въ Консерваторію (1803).—„Такъ это ты,—сказалъ Карно, обращаясь къ нему,—предполагаешь сдѣлать вещь, недоступную для человѣка—узелъ изъ натянутой нити?“. Механизмъ, объясненный Бонапарту и одобренный имъ, оправдалъ притязанія Жаккара, котораго оставили при Консерваторіи, поручивъ ему исправленіе машинъ; тамъ онъ изобрѣлъ ткацкіе станки для выдѣлки двухстороннихъ бархатныхъ лентъ и другія машины для бумажныхъ тканей съ двойнымъ и тройнымъ челнокомъ. Онъ возстановилъ старинный станокъ Вокансона. За-

---

1) Эдм. Картрайтъ (1743—1824).

2) Филиппъ Жираръ (1775—1845).

3) Жаккаръ, род. въ Ліонѣ (1752—1834).

тѣмъ онъ вернулся въ Ліонъ съ порученіемъ устроить тамъ мастерскую узорчатыхъ тканей и гобеленовыхъ ковровъ по способамъ, имъ изобрѣтеннымъ. Старинныя ткацкія машины, уснащенныя веревками и педалями, требовали для ткача помощника при работѣ. Благодаря Жаккару, всѣ эти трудныя обязанности были устранены; станокъ замѣнялъ человѣка или ребенка (такъ какъ часто механическія работы, весьма вредныя для здоровья, исполнялись бѣдными дѣтьми и дѣвушками). Вслѣдствіе усовершенствованій, придуманныхъ Жаккаромъ, для верченія колеса достаточно было одного человѣка. Между тѣмъ, рабочіе думали, что эта машина должна ихъ раззорить, требуя меньшее число рукъ; они переломали машины, а изобрѣтателя хотѣли бросить въ Рону. Истина обнаружилась только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Эта машина, какъ и всѣ другія, ускоряя работу, отнюдь не уменьшаетъ ее, а увеличиваетъ, такъ какъ потребленіе производства увеличивается по мѣрѣ пониженія цѣнъ. Жаккаръ умеръ въ Улэнѣ, близъ Ліона, 82 лѣтъ (1834), а въ 1840 г. сыновья тѣхъ рабочихъ, которые изломали, въ припадкѣ гнѣва, станокъ Жаккара, воздвигли статую своему скромному искусному изобрѣтателю.

Народы Востока обладали искусствомъ красить ткани. Европейцы пытались имъ подражать и въ XVIII в. узнали ихъ способы. Съ 1743 г. основано множество фабрикъ въ Парижѣ, Севрѣ, Корбелѣ, Нантѣ и проч. Въ 1746 г. трое изъ обитателей *Мюльгаузена,* имена которыхъ увѣковѣчились вмѣстѣ съ ихъ знаменитыми потомками, *Самуэлъ Кехлинъ*, *Ж. Г.Дольфусъ* и *Ж. Шмальтцеръ* основали фабрику, сдѣлавшуюся исходной точкой промышленнаго благосостоянія этого вполнѣ новаго города. Выдѣлка ситцевъ или набивныхъ тканей распространилась вслѣдъ затѣмъ въ Нормандіи и въ Германіи.

Нѣмецъ, *Филиппъ Оберкамфъ* [1]), пришедшій работать въ Парижъ, основалъ въ *Жуи*, въ долинѣ Бьевры (1759), знаменитую фабрику (теперь закрытую), гдѣ, пользуясь изобрѣтеніями англичанъ, онъ усовершенствовалъ *печатаніе* тканей посредствомъ валовъ. Ткани Жуи пріобрѣли извѣстность и вызвали повсемѣстное подражаніе. Эти усовершенствованія были приняты и развиты въ Мюльгаузенѣ, сдѣлавшемъ своей спеціальностью эту промышленность, имѣвшую большое распространеніе, и успѣхи окрашиванія, благодаря успѣхамъ химіи, подняли ее до высокой степени совершенства.

Усовершенствованія въ механикѣ, при помощи пара, отразились особенно на выдѣлкѣ бумаги. Въ 1799 г. первая машина, приспособ-

---

[1]) Оберкамфъ, род. въ Вейзенбахѣ (1738—1815).

ленная для этой цѣли, появилась во Франціи (въ Эссонѣ), на писчебумажной фабрикѣ *Франсуа Дидо*; это производство было усовершенствовано въ Англіи, откуда оно было вновь заимствовано Франціей (1814). Въ то же время было открыто множество новыхъ веществъ, пригодныхъ для превращенія въ бумагу. Въ 1772 г. нѣмецкій ученый Іоганнъ-Карлъ *Шефферъ* напечаталъ въ Регенсбургѣ томъ, содержавшій 81 образецъ бумаги, сдѣланной изъ различныхъ матеріаловъ.

Въ настоящее время усовершенствованіе этого дѣла достигло такихъ размѣровъ, что на превосходной бумажной фабрикѣ въ Эссонѣ можно видѣть, какъ древесный стволъ подхватывается машиной, раскалывается на нѣсколько кусковъ и исчезаетъ, превращаясь въ стружки; затѣмъ выходитъ въ видѣ тѣста, которое, понемногу высыхая, сплющивается и появляется, наконецъ, въ видѣ бумажнаго листа. Эта великолѣпная фабрика, первая въ Европѣ, пользуется ежедневно тысячью паровыхъ лошадиныхъ силъ, и ея труба поднимается надъ крышей на 32 сажени (при общей высотѣ въ 57 саж.), съ верхнимъ поперечникомъ почти въ 2 сажени. Четырнадцать писчебумажныхъ машинъ этой образцовой фабрики ежедневно производятъ до *милліона* кв. метровъ бумаги, которой можно покрыть около 100 десятинъ земли.

Со временъ Гуттенберга до настоящаго столѣтія книгопечатаніе совершенствовалось весьма медленно. Съ конца XVIII в. деревянный печатный станокъ былъ замѣненъ желѣзнымъ и чугуннымъ (Стэнгопа). Братья *Дидо* ввели его во Франціи въ 1818 г. *Бауэру* и *Кёнигу* въ Германіи удалось устроить механическій станокъ, который былъ купленъ владѣльцемъ англійской газеты *Times*. 28 декабря 1814 г. объявленіе, помѣщенное на первомъ мѣстѣ газеты, возвѣстило міру, что этотъ нумеръ отпечатанъ на станкѣ, приведенномъ въ движеніе паромъ. Въ 1823 г. печатаніе посредствомъ пара было введено во Франціи, и съ того времени книгопечатаніе быстро пошло впередъ. Наконецъ, благодаря усовершенствованіямъ, сдѣланнымъ *Маринони* въ печатныхъ машинахъ, явилась возможность отпечатывать до 20.000 листовъ въ часъ, и газеты могли съ поразительной быстротой удовлетворять любознательности публики. Было высчитано, что листы, печатающіеся ежедневно на 40 машинахъ типографіи Лагюра, составили бы полосу около 900 верстъ длиною.

Въ 1798 г. бѣдный мюнхенскій актеръ *Алоизій Зенефельдеръ* изобрѣлъ *литографію*, не замедлившую вскорѣ распространиться во Франціи (1814 г.), а затѣмъ—и въ остальной Европѣ. Между 1830 и 1837 гг. была изобрѣтена *хромолитографія*.

Гончарная промышленность, какъ одна изъ самыхъ необходимыхъ,

относится къ весьма давнему времени и, какъ мы видѣли, развивалась во всѣ времена, а въ эпоху Возрожденія она вызвала настоящія чудеса керамики. Но выдѣлка посуды для обыденнаго употребленія стала развиваться во Франціи лишь съ XVII в., когда одинъ придворный герцоговъ Нивернесскихъ, *Конрадъ*, учредилъ въ Неверѣ, при помощи итальянскихъ рабочихъ, фабрику гончарныхъ издѣлій по образцу фабрики въ *Фаенцѣ*, въ Италіи. Съ того времени посуда эта получила названіе фаянса. Эта муравленная посуда находила много потребителей, но въ XVIII в. ей пришлось выдерживать конкурренцію съ тонкимъ фаянсомъ, изобрѣтеннымъ въ Англіи, производство котораго пріобрѣло обширное развитіе во Франціи съ 1820 г.

Впрочемъ, тѣ и другія издѣлія затмевались *фарфоромъ*. Этимъ именемъ въ средніе вѣка назывался перламутръ, и, вслѣдствіе сходства въ бѣлизнѣ, оно было примѣнено къ китайской посудѣ. Но въ Европѣ нигдѣ нельзя было найти глины, похожей на *као-линъ* китайцевъ. Іоганну-Фридриху *Боттгеру* въ Саксоніи прежде всѣхъ удалось въ 1709 г. выдѣлать бѣлый и прозрачный фарфоръ. Устроивъ, по приказанію принца-курфирста, большую фабрику въ укрѣпленномъ замкѣ Альберта въ *Мейсенѣ*, онъ находился тамъ подъ строгимъ надзоромъ, чтобы не разгласилась тайна производства; однако, это не помѣшало секрету вскорѣ проникнуть въ Россію, Швейцарію, Голландію, Англію и Францію. Но не легко было найти подходящую глину; г-жа Дарнэ, жена хирурга изъ Сенъ-Ирье, въ Лимузенѣ, открыла ее въ 1768 г., и эта глина была признана схожей съ китайскимъ као-линомъ. Тогда на королевской фабрикѣ въ Севрѣ, гдѣ выдѣлывался тонкій, искусственный или стекловидный фарфоръ, называемый *старымъ севромъ*, стали вырабатывать новый фарфоръ, возбудившій живѣйшій восторгъ. Это производство пріобрѣло такое развитіе въ Лиможѣ, что могъ удовлетворяться спросъ на посуду для обыденнаго употребленія. Севрская фабрика поддержала свою художественную славу: ея химики, рисовальщики, живописцы, позолотчики, лѣпщики и даже обжигальщики — настоящіе ученые.

XIX в. продолжалъ лишь держаться почтенныхъ преданій изготовленія знаменитаго богемскаго и венеціанскаго стекла, а также—и зеркалъ, превосходная фабрика которыхъ въ Сенъ-Гобенѣ не переставала давать замѣчательные образцы. Но выдѣлка *хрусталя* (силикатъ калія и свинца) относится лишь къ прошлому вѣку. Начавшееся около 1790 г. на стеклянномъ заводѣ Сенъ-Луи, въ Лотарингіи, это производство получило большое развитіе на хрустальной фабрикѣ въ *Баккарà*, прежнемъ стеклянномъ заводѣ св. Анны, гдѣ основанное въ 1822 г. общество

ввело множество новыхъ приспособленій и инструментовъ. Хрустальная фабрика Баккара сдѣлалась первой въ Европѣ.

Мы вышли бы изъ назначенныхъ себѣ рамокъ, если бы стали разсматривать многочисленныя усовершенствованія во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Фабрикація башенныхъ часовъ, имѣвшихъ громадные размѣры въ средніе вѣка, дошла, особенно послѣ изобрѣтенія маятника, до выдѣлки переносныхъ часовъ. Въ XVII в. изобрѣтеніе спиральной пружины, въ качествѣ уравнительнаго маятника, позволило изготовлять карманные *часы* и такіе же часы *съ репетиціей;* въ XVIII в. это производство достигло высокаго совершенства, благодаря англичанамъ Грэгэму и Гаррисону, швейцарцу Луи Брегету, французамъ Леруа и Лепоту, а позднѣе, въ XIX в., Лепину. Производство стѣнныхъ часовъ, сосредоточенное въ Швейцаріи и Савойѣ, укрѣпилось и во Франціи, въ департаментахъ Дуба и Юры, благодаря Фредерику Жаппи, основавшему великолѣпную фабрику въ Бокурѣ, близъ Монбельяра (1767). Трое сыновей его продолжали это дѣло. Въ 1815 г. во время чужеземнаго вторженія, ихъ учрежденіе подверглось пожару, но ни хозяева, ни рабочіе не потеряли бодрости, и фабрика возникла вновь. Фирма Жаппи считается одной изъ самыхъ почтенныхъ въ средѣ французской промышленности.

XIX в., также благодаря успѣхамъ науки, создалъ прекрасную фабрикацію художественной *бронзы*, дающую возможность воспроизводить во множествѣ лучшіе образцы скульптуры. Онъ усовершенствовалъ мастерства *токарное* и *столярное*, распространяющія мебель до самыхъ глухихъ закоулковъ провинцій, не отказываясь отъ художественныхъ традицій и подражая чудеснымъ произведеніямъ мебельныхъ мастеровъ XVI и XVII вв. Нельзя не упомянуть также о производствѣ музыкальныхъ инструментовъ, ювелирныхъ издѣлій и проч. Искусство вступило теперь въ союзъ съ промышленностью, создающею ежедневно самыя остроумныя сочетанія для удовлетворенія всѣхъ потребностей и всѣхъ прихотей человѣка, дѣлая комфортъ доступнымъ большинству.

Промышленность улучшила и питаніе. Такъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка произошелъ настоящій переворотъ въ производствѣ *сахара*. До тѣхъ поръ его извлекали лишь изъ сахарнаго тростника, и опыты нѣмецкаго химика *Маргграфа* [1]), съ цѣлью извлечь его изъ сока свекловицы, возбудили вниманіе лишь нѣсколькихъ ученыхъ. Войны Революціи и Имперіи и континентальная блокада закрыли доступъ сахарному тростнику во Францію; это заставило обратиться вновь къ изы-

[1]) Маргграфъ род. въ Берлинѣ (1709—1780).

сканіямъ, начатымъ въ прошломъ вѣкѣ и пользовавшимся теперь особеннымъ поощреніемъ Наполеона. Они привели къ удачному результату на заводѣ, устроенномъ въ Пасси, Бенжаменомъ *Делессеромъ*; обрадованный Наполеонъ, самъ привезъ орденъ изобрѣтателю въ 1812 г. *Креспель Делиссъ*, съ своей стороны, получилъ превосходные результаты въ Лиллѣ и надѣлилъ сѣверные департаменты Франціи новой промышленностью, не мало содѣйствовавшей ихъ благосостоянію. Производство сахара во Франціи доходитъ до 250 милліоновъ килограммовъ; потребность въ немъ въ этой странѣ и за предѣлами ея такъ велика, что колоніальнаго сахара не достало бы, если бы запасы его не пополнялись свекловичныхъ сахаромъ.

Но всего болѣе поражаетъ насъ могущество, достигнутое металлургической промышленностью, въ постройкѣ желѣзныхъ машинъ, мостовъ, принадлежностей желѣзныхъ дорогъ, пушекъ и морскихъ вооруженій. Для производства этихъ громадныхъ работъ понадобилось сосредоточеніе значительныхъ массъ рабочихъ въ обширныхъ учрежденіяхъ и изобрѣтеніе гигантскихъ машинъ. *Крёзо* во Франціи (въ деп. Сены и Луары) еще въ 1782 г. было дикой и необитаемой долиной. Желѣзодѣлательный заводъ, устроенный въ то время, началъ развиваться лишь съ 1837 г. Теперь это—цѣлый городъ изъ огня и дыма, съ поднимающимися надъ нимъ высокими трубами, изъ которыхъ одна имѣетъ до 40 саж. высоты. Тысячи сверкающихъ устьевъ печей озаряютъ ночной мракъ, обозначая цѣлую линію горновъ; всѣ постройки завода соединены между собою желѣзной дорогой, и болѣе 20.000 рабочихъ трудятся въ этихъ громадныхъ мастерскихъ надъ сплющиваніемъ и вытягиваніемъ желѣза для выдѣлки орудій, которыя служатъ, въ свою очередь, для выработки различныхъ частей тяжелыхъ локомотивовъ, котловъ, поршней, колесъ, рельсовъ, колецъ, перекладинъ мостовъ и проч.

Въ Прирейнской Пруссіи, близъ Эссена, заводъ *Крупна*, скромно возникшій въ 1810 г. въ видѣ небольшой кузницы, сдѣлался однимъ изъ самыхъ удивительныхъ учрежденій этого рода въ цѣломъ свѣтѣ. Ему принадлежатъ каменноугольныя копи въ Эссенѣ и Бохумѣ и 547 желѣзныхъ рудниковъ въ Германіи и Испаніи; 4 парохода исключительно занимаются перевозкой иностранной руды. Мастерскія, вырабатывающія литую сталь, рельсы, локомотивныя и вагонныя колеса, артиллерійскія орудія и снаряды, содержатъ до 11 доменныхъ печей, 439 паровыхъ котловъ, 350 машинъ, съ общей силою 17.500 лошадиныхъ силъ, 1.542 различныхъ печей и горновъ и 81 механическій молотъ. Мастерскія, зданія и литейни соединяются 59 километрами желѣзныхъ

дорогъ и телеграфной сѣтью въ 60 килом. Мастерскія Круппа могутъ отлить около 4.500 пудовъ стали въ годъ. Онѣ потребляютъ ежедневно: 2.200 тоннъ (132.000 пудовъ) каменнаго угля, 15.300 куб. метровъ воды и 24.700 куб. метровъ газа. Въ теченіе этого времени они могутъ выпустить 2.700 рельсовъ, 150 локомотивныхъ колесъ, 1.000 вагонныхъ рессоръ, 1.500 артиллерійскихъ снарядовъ.

Чтобы составить понятіе о промышленномъ могуществѣ, какого достигъ заводъ Круппа, нужно было бы описать отдѣльно каждую изъ машинъ, употребляемыхъ этими мастерскими, составляющими цѣлый городъ, и прослѣдить за всѣми ихъ операціями. Особенное вниманіе обращаетъ на себя громадный механическій молотъ, вѣсъ котораго измѣняется отъ 3.000 до 5.000 килограм. (отъ 180 до 300 пуд.), скользящій между вертикальными колоннами. Движимая паромъ, эта масса можетъ размельчать самыя твердыя вещества и, при извѣстномъ регулированіи своего хода, можетъ опускаться съ достаточной медленностью, чтобы закупорить стеклянную бутылку, не разбивъ ея. Это—одно изъ чудесъ человѣческаго генія, получившее въ настоящее время общее примѣненіе на большихъ механическихъ заводахъ.

Не смотря на общій успѣхъ промышленности, во главѣ ея все еще стоитъ Англія. „По мѣрѣ того,—говоритъ Тэнъ,—какъ вы подвигаетесь въ этой каменноугольной странѣ, воздухъ омрачается дымомъ; фабричныя трубы, возвышающіяся, какъ обелиски, скучиваются сотнями и покрываютъ равнину, насколько можетъ окинуть глазъ; многочисленные перекрещивающіеся ряды высокихъ, однообразныхъ зданій изъ краснаго кирпича, проносятся передъ вашими глазами, точно ряды трудолюбивыхъ, дѣятельныхъ ульевъ. Высокія печи пылаютъ въ туманѣ; я насчиталъ ихъ шестнадцать въ одномъ мѣстѣ; обломки руды громоздятся точно горы; локомотивы двигаются автоматически и быстро, какъ черные муравьи, и вдругъ, разомъ, вы попадаете въ чудовищный городъ. На одномъ заводѣ работаетъ 5.000 рабочихъ; на другой мануфактурѣ насчитывается 300.000 веретенъ.

„Все кажется здѣсь построеннымъ въ несоразмѣрныхъ пропорціяхъ, точно руками гигантовъ. Вы входите на какой-нибудь заводъ и ничего не видите, кромѣ желѣзныхъ столбовъ, толщиною со стволъ дерева, цилиндровъ—въ обхватѣ не меньше человѣческаго туловища, трубъ локомотивовъ, похожихъ на большіе дубы. Справьтесь, по статистическимъ даннымъ, сколько миль тканей эти люди выдѣлываютъ каждый годъ, сколько тысячъ тоннъ они ввозятъ и вывозятъ, на сколько милліардовъ они производятъ и потребляютъ; прибавьте къ этому промышленныя или торговыя области, которыя они основали въ Америкѣ,

въ Азіи, въ Индіи, въ Австраліи,—и, быть можетъ, тогда, сосчитавъ людей и цѣнности, принявъ въ разсчетъ, что столица ихъ въ семь или восемь разъ больше столицы Франціи, что населеніе ихъ удвоилось въ теченіе 50 лѣтъ, что колоніи ихъ, во всѣхъ странахъ съ здоровымъ климатомъ, становятся воспроизведеніемъ ихъ родины, вы получите отвлеченное и несовершенное понятіе о величіи совершаемаго ими дѣла“ [1]).

Англія съ гордостью перечисляетъ свои громадные заводы въ Лондонѣ, въ Манчестерѣ, царственномъ городѣ хлопка, окруженнаго городами, какъ бы по волшебству возникшими около него. Съ такою же гордостью она называетъ Ольдгемъ, Больтонъ, Престонъ, Рочдель, затѣмъ Бирмингемъ, Шеффильдъ, Мертиръ-Тидфиль, города желѣза и стали; Ноттингэмъ центръ шерстяной промышленности, вмѣстѣ съ Лидсомъ, Брэдфордомъ и др., затѣмъ, Глазго въ Шотландіи, Бельфастъ въ Ирландіи и проч. Англія играетъ роль громадной глыбы каменнаго угля и желѣза, изъ которой обитатели ея извлекаютъ величайшія выгоды.

Франція, не достигая промышленнаго могущества своей сосѣдки, можетъ, однако, гордиться, кромѣ Крёзо, о которомъ мы говорили выше, заводами Эндре, Фуршамбо, Эмфи, Лашосадъ, промышленной группой Сентъ-Этьенъ и Ривъ де-Жіэръ, заводами Парижа и Сенъ-Дени, Корлеля и Эссона, желѣзодѣлательными заводами Монтатера, близъ Креля, бумажными фабриками Ангулема, великолѣпными фабриками Руана и Нижней Сены, Эры и Эры и Луары; тродолюбивыми муравейниками Сѣвернаго департамента (Лиль, Рубэ, Туркуэнь) и проч. и множествомъ другихъ промышленныхъ городовъ, доставляющихъ этой странѣ почетное мѣсто во всѣхъ родахъ производства. Бельгія представляетъ собой громадную фабрику: достаточно назвать Брюссель, Гентъ, Ліежъ, Вервье, Монсъ, Шарлеруа, Турнэ, Куртрэ, Намюръ, Малинъ и проч.

Часть Рейнской долины, принадлежащая Пруссіи, усѣяна дѣятельными городами, гдѣ вырабатываются желѣзныя издѣлія и ткани (Эльберфельдъ, Крефельдъ, Эссенъ съ знаменитымъ заводомъ Круппа). Сѣи,ієэл изобилующая рудниками, и Саксонія также содержатъ весьма важныя промышленныя учрежденія.

Австро-Венгрія, выдающаяся по своему земледѣльческому и лѣсному богатству, развила ткацкую промышленность въ Моравіи, въ Богеміи, Нижней Австріи, Галиціи и Венгріи. Она занимается горнымъ

---

[1]) H. Taine. *Histoire de la littérature anglaise.*

дѣломъ и выдѣлкою чугуна, желѣза и стали на обширныхъ заводахъ Штиріи, Каринтіи и Трансильваніи. Швейцарія, не смотря на земледѣльческія наклонности своего населенія, вступаетъ въ промышленную конкуренцію съ сосѣдними странами. Швеція и Россія слѣдуютъ общему движенію. Москва, промышленная столица имперіи, привлекаетъ къ своей дѣятельности Владиміръ, Тулу, Калугу, Нижній-Новгородъ и проч. Если Испанія, за исключеніемъ Каталоніи, болѣе медленно движется по пути прогресса, то Италія развиваетъ свою фабричную дѣятельность въ Миланѣ, Генуѣ, Удино и Флоренціи, сохраняя господствующее положеніе въ отрасляхъ промышленности художественнаго характера.

Это непрерывное распространеніе промышленнаго движенія вызвало множество задачъ, изучаемыхъ политической экономіей, и скопленіе рабочихъ въ копяхъ, заводахъ и фабрикахъ измѣнило для значительной части населенія условія общественной жизни. Владѣльцы большихъ промышленныхъ предпріятій пытались улучшить участь рабочихъ, привлекая ихъ въ извѣстной мѣрѣ къ выгодамъ эксплоатаціи или сооружая вокругъ заводовъ небольшіе дома, пріобрѣтеніе которыхъ доступно рабочимъ. Въ Англіи и Эльзасѣ, въ особенности,—въ Мюльгаузенѣ, такимъ образомъ составились „рабочія поселенія“, гдѣ работникъ, занятый въ теченіе многихъ часовъ, находитъ послѣ трудового дня отраду домашняго спокойствія и семейную жизнь, столь важную въ нравственномъ отношеніи.

Рабочіе, въ особенности, въ Англіи, съ своей стороны, по собственному почину, изыскивали средства уменьшить тяжесть своего положенія и обезпечить себя путемъ сбереженій. Они образовали ассоціаціи, изъ которыхъ замѣчательнѣе другихъ кооперативныя общества. Въ 1864 г. Рочдельскіе піонеры, съ цѣлью уменьшенія ежедневныхъ расходовъ каждаго, составили союзъ для пріобрѣтенія нужныхъ продуктовъ сообща и стали покупать товары оптомъ, пользуясь, такимъ образомъ, къ своей выгодѣ, разницей между оптовыми и розничными цѣнами. Это общество быстро достигло процвѣтанія, и скромныя средства его настолько возрасли, что черезъ двадцать лѣтъ приносили уже значительный дивидендъ. „Рочдель—городъ въ графствѣ Ланкастерскомъ, лежащій на Рочѣ въ 17 килом. къ сѣверу отъ Манчестера; въ немъ по преимуществу развита выдѣлка суконъ, фланелей и бумажныхъ нитей и тканей. Это—одинъ изъ городовъ въ, которомъ не замѣчается ни памятниковъ, ни мѣстъ для прогулки, ни общественныхъ мѣстъ, ни даже чистыхъ, правильныхъ улицъ; это — случайное скопленіе фабрикъ и вокругъ нихъ — домовъ рабочихъ унылаго и

однообразнаго вида. Этотъ городъ не замѣчателенъ ни многолюдствомъ, ни богатствомъ; своею славою, растущею со дня на день, онъ обязанъ исключительно тремъ большимъ кооперативнымъ обществамъ.

„Первое по времени происхожденія и своему значенію, потребительное общество, основанное въ 1844 г. послѣ стачки ткачей шерстяныхъ матерій. Въ первое время въ немъ было не болѣе 40 членовъ, и общая сумма ихъ взносовъ равнялась лишь 28 ф. ст. (около 260 р.). Они приняли названіе „*Рочдельскихъ піонеровъ справедливости*“ (Equitable pioneers of Rochdale). Говорили, что въ 1844 г. довольно было ручной телѣжки, чтобы увезти всѣ ихъ товары, и это было близко къ истинѣ. Тогда у нихъ продавались только колоніальные товары, мука, масло и овсяная крупа. Единственная лавка открывалась только въ субботу вечеромъ, и члены общества въ ней торговали безвозмездно. Многіе изъ основателей, осмѣиваемые сосѣдями, притѣсняемые хозяйками, затрудняемые, быть можетъ, обязательствомъ еженедѣльной уплаты, переставали вѣрить въ дѣло и уходили изъ него. Въ немъ остались только люди съ сильнымъ характеромъ, которыхъ не могло поколебать даже отпаденіе друзей и которые вскорѣ вознаграждены были видимымъ успѣхомъ. Общественный капиталъ увеличился съ 28 до 400 ф. ст.; въ это время Рочдельская сберегательная касса, основанная и поддержанная капиталистами, тѣмъ не менѣе, стала испытывать нужду въ деньгахъ. Это заставило нерѣшительныхъ вернуться въ народную кассу, гдѣ они находили полную обезпеченность и солидность, не говоря уже о преимуществѣ имѣть дѣло исключительно съ товарищами, принимать въ немъ лично участіе и никому не обязываться. Въ теченіе одного года капиталъ магазина утроился и, соотвѣтственно съ тѣмъ, увеличились его дѣла. Открыты были новыя лавки, и продавцы стали получать жалованье, что̀ позволяло торговать ежедневно отъ утра до вечера. Къ продажѣ колоніальныхъ товаровъ и муки, которая имѣетъ особенно важное значеніе для Англіи, гдѣ хлѣбъ почти повсюду печется дома, съ теченіемъ времени присоединилась продажа мяса, готоваго платья и обуви“ [1]).

Примѣръ Рочдельскихъ піонеровъ нашелъ подражателей, и кооперативныя общества возникли въ Англіи сотнями, осуществляя задачу дешевой жизни и представляя собою настоящую сберегательную кассу.

Другія общества, „Торговые союзы“ (Tradés Unions) образовались въ виду другой цѣли. Въ этихъ обществахъ рабочіе находятся подъ управленіемъ руководителей и повинуются центральной власти, кото-

---

[1]) Jules Simon, *Les sociétés cooperatives*, Revue des Deux Mondes, 1-e janv. 1866.

рую они называютъ „исполнительной“. Эти общества, въ случаяхъ стачекъ, поддерживаютъ рабочихъ безъ различія ремеслъ.

По преимуществу въ Германіи образовались „Кредитныя общества“, возникшія въ 1850 г. въ Прусской Саксоніи. При небольшихъ взносахъ со стороны рабочихъ, съ нихъ собирается капиталъ, изъ котораго могутъ черпать тѣ изъ нихъ, которые нуждаются въ кредитѣ.

Во Франціи не привились ни кооперативная, ни кредитная системы. Французскимъ рабочимъ, повидимому, всего болѣе нравятся „производительныя кооперативныя общества“, т.-е., эксплоатація какого-либо предпріятія собственными соединенными силами. Эта система, впрочемъ, мало примѣнима къ большому числу участниковъ.

При всемъ могуществѣ своихъ вспомогательныхъ средствъ, промышленность не могла бы развиваться, если бы не было облегчено распространеніе ея продуктовъ. XVII и XVIII вв. провели много новыхъ дорогъ и соединили рѣки каналами. Но на сколько отдаленными намъ кажутся эти времена, когда путешествовали въ тяжелыхъ и неудобныхъ дилижансахъ и почтовыхъ каретахъ съ безотрадною медленностью! Въ настоящее время лошади уже замѣнены паромъ, и кареты передвигаются длинными рядами по рельсамъ, влекомыя настоящими желѣзными чудовищами, дышащими огнемъ, оглашающими окрестности свистомъ и оставляющими за собой длинную полосу бѣлаго дыма.

Желѣзныя дороги считаются въ числѣ величайшихъ чудесъ въ новѣйшей промышленности. Для примѣра достаточно указать на одну французскую компанію *Paris-Lyon-Mediterranée* съ огромными вокзалами и съ мастерскими, похожими на города, съ 2.456 машинами и 83.766 вагоновъ всякаго рода. Если бы всѣ эти вагоны поставить одинъ за другимъ, то начало этого поѣзда находилось бы въ Ліонѣ, а конецъ—въ Парижѣ (около 500 верстъ). Прибавивъ къ этой цифрѣ число машинъ и вагоновъ другихъ французскихъ компаній, англійскихъ, германскихъ, австрійскихъ и проч., мы получаемъ понятіе о громадности подвижного состава желѣзныхъ дорогъ.

Одна только сѣть Ліонской компаніи занимаетъ 4.690 километровъ, и эту цифру слѣдуетъ учетверить, если мы хотимъ знать протяженіе рельсовъ, такъ какъ путь вездѣ двойной, и каждый изъ нихъ состоитъ изъ двухъ линій рельсовъ. На этой сѣти пассажирскіе вагоны пробѣгаютъ 32.850.337 килом., а товарные—21.705.106 килом., т.-е., въ суммѣ, 54.555.443 километра, между тѣмъ, какъ окружность земного шара по экватору не болѣе 40.000 километровъ. Эти 40.000 килом. представляютъ лишь пробѣгъ одного года одного машиниста Ліонской компаніи. Эта компанія перевозитъ въ годъ 35 милліоновъ

пассажировъ и около 4 милліардовъ тоннъ товаровъ. Быстрота движенія поразительная. Такъ называемые „поѣзда-молніи“ пробѣгаютъ 60 и 80 килом. въ часъ и привозятъ изъ Марселя въ Парижъ въ 15 часовъ.

Путешествіе на всѣхъ линіяхъ совершается съ величайшими удобствами: вагоны можно назвать гостиными, превращающимися на ночь въ спальни, удовлетворяющими всѣмъ требованіямъ современной утонченности. Это—послѣднее усовершенствованіе матеріальной культуры, и человѣкъ съ самыми смѣлыми мечтами едвали когда-нибудь надѣялся въ такой степени восторжествовать надъ природой.

Греческій историкъ Полибій описываетъ, какъ настоящее чудо, искусныя работы, предпринятыя Аннибаломъ, чтобы переправить своихъ слоновъ черезъ Рону. Гораздо труднѣе было переправлять черезъ рѣки локомотивы, вѣсъ которыхъ не можетъ идти въ сравненіе съ вѣсомъ слоновъ. Это удалось съ помощью желѣзныхъ мостовъ чрезвычайной крѣпости. *Віадуки*, съ помощью которыхъ уничтожаются различія уровня почвы и прокладывается путь надъ цѣлыми долинами, своей высотою превосходятъ самыя горделивыя работы римлянъ. Локомотивъ врѣзывается теперь въ горы, благодаря туннелямъ, и не останавливается даже передъ массивной стѣною Альпъ. Прорытіе Монсенисскаго туннеля было однимъ изъ лучшихъ доказательствъ высокой степени совершенства, достигнутаго механикой. Длина этого туннеля около 12 верстъ, и, чтобы прорыть его, нужно было 14 лѣтъ. Альпы прорыты были и въ другомъ мѣстѣ: Сенъ-Готардъ, несмотря на свою массивность, съ 1882 г. пропускаетъ локомотивы черезъ туннель длиною около 15 верстъ.

Желѣзныя дороги произвели въ промышленности и торговлѣ переворотъ болѣе значительный, чѣмъ тотъ, какой былъ вызванъ открытіями XV в. А между тѣмъ прошло не многимъ болѣе пятидесяти лѣтъ со времени ихъ изобрѣтенія! Ими уничтожаются разстоянія и горы; окраины одной и той же страны приводятся въ быстрое сообщеніе; милліарды пудовъ товаровъ переносятся съ одного конца Европы въ другой. Цѣлыя населенія заняты постройкой и эксплоатаціей этихъ дорогъ, безпрестанно открывающихъ промышленности и торговлѣ новые выходы, приводящихъ въ неслыханное до тѣхъ поръ смѣшеніе людей и идеи, перемѣшивающихъ при этомъ непрерывномъ обмѣнѣ интересы всѣхъ націй, открывающихъ всѣ страны торговцамъ и туристамъ, измѣняющихъ нравы и обычаи этими ежедневными сближеніями,—развѣ во всемъ этомъ не замѣчается глубочайшаго превращенія старой Европы, нарушающаго множество традицій и предраз-

судковъ? И не вытекаетъ ли изъ этой легкости сообщенія логической необходимости невольнаго сближенія всѣхъ европейскихъ народовъ? Стоило ли прорывать Альпы, строить переправы черезъ рѣки, еслибы человѣкъ, со своими законами и со своею взаимной непріязнью, уничтожалъ послѣдствія своихъ удивительныхъ открытій? Локомотивъ не можетъ быть задержанъ: онъ не долженъ наталкиваться ни на какія препятствія, и, рано или поздно, всѣ препятствія исчезнутъ. Безъ сомнѣнія, мы видимъ Европу еще не такою, какою она должна быть: съ одной стороны, ее бороздятъ ежедневно тысячи поѣздовъ съ пассажирами и товарами, а съ другой—на ней сверкаетъ щетина штыковъ, не говоря о стѣсненіяхъ свободной торговли. Но это противорѣчіе будетъ выясняться съ каждымъ днемъ, и когда оно всѣми будетъ понято, оно перестанетъ существовать.

Давно прошло уже и то время, когда г-жа де-Севинье сожалѣла о бѣдныхъ почтальонахъ, которые по горамъ и по доламъ, въ жаръ и въ холодъ, возили ея письма въ Провансъ. Въ наши дни письма перевозятся съ такою же скоростью, какъ и путешественники; газеты получаются почти въ одно время во всѣхъ пунктахъ Франціи. Народы Европы почувствовали потребность еще болѣе облечить эти непрерывныя сношенія путемъ *всемірнаго почтоваго союза.* Этотъ союзъ, уравнявшій почтовые тарифы и согласовавшій ихъ между собою, былъ заключенъ въ Бернѣ 9-го октября 1874 г. и расширенъ парижскимъ трактатомъ 1-го іюня 1878 года; въ него входятъ теперь и главныя государства Азіи, Африки и Америки.

Телеграфъ дополняетъ желѣзную дорогу, облегчая сношенія мысли. Европа превратилась въ одинъ городъ: ни въ одномъ углу ея не совершается ни одного важнаго событія, о которомъ тотчасъ же не оповѣщалось бы повсюду. Постройка телеграфныхъ линій, столь простая и сравнительно дешевая, позволяетъ увеличивать число ихъ почти до безконечности.

Желѣзныя дороги проводятся подъ землею, а телеграфы—подъ водой. Въ 1849 г. съ помощью каучука, вывезеннаго съ Малайскаго архипелага и представляющаго превосходный изоляторъ, оказалось возможнымъ изготовить телеграфный кабель, который былъ уложенъ въ 1851 г. между Дувромъ и Кале; это было труднымъ дѣломъ, но успѣхъ его поощрилъ къ изготовленію болѣе толстыхъ и длинныхъ кабелей. Подобные кабели были протянуты по дну Чернаго моря, а наконецъ—черезъ Атлантическій океанъ.

Съ помощью громаднаго корабля *Грэтъ-Истерна*, электрическій кабель былъ уложенъ между Ирландіей (Валенція) и Ньюфаундлэндомъ.

Европа, такимъ образомъ, была связана съ Америкой. Съ 1865 до 1872 г. были погружены еще новыя нити, и теперь три кабеля связываютъ Англію съ Америкой. Франція въ 1869 г. пожелала имѣть свой кабель, который идетъ отъ Бреста къ маленькому островку (Сенъ-Пьеръ) близъ Ньюфаундлэнда; двѣ другія линіи связываютъ ее съ Антильскими островами и съ Южной Америкой. Европа соединена телеграфными нитями и съ Азіей, и недалеко то время, когда весь міръ будетъ окутанъ ими.

Новыя потребности торговли и духъ предпріимчивости привели къ созданію океанскаго судоходства. Прежнія суда оказались недостаточными: явилась необходимость ихъ расширить и, придавая имъ болѣе вѣса, придать имъ въ то же время болѣе быстроты хода. Эта задача была разрѣшена, и изъ верфей выпускались поразительныя, по своимъ размѣрамъ, суда, вмѣщавшія 8.000 и болѣе тоннъ и приводившіяся въ движеніе машинами болѣе 1.500 лошадиныхъ силъ. „Гретъ-Истернъ", построенный со спеціальною цѣлью укладки электрическаго кабеля, вмѣщалъ 24.000 тоннъ и двигателя въ 2.600 лошадиныхъ силъ. Тяжесть увеличивала скорость, такъ какъ ею увеличивалось сопротивленіе морскому волненію. Для полученія этой тяжести, употреблялось въ дѣло желѣзо, а для усиленія быстроты, колеса замѣнены были винтомъ. Въ настоящее время почтовые пароходы въ одну недѣлю переплываютъ Атлантическій океанъ, и большіе порты Европы, Лондонъ Ливерпуль, Антверпенъ, Амстердамъ, Гавръ, Бордо, Марсель и пр., находятся въ прямыхъ и быстрыхъ сношеніяхъ со всѣми частями свѣта. Океанъ сталъ дорогой, которую безпрерывно бороздятъ суда всевозможныхъ размѣровъ. Пароходы, поддерживающіе сообщеніе между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, настоящіе пловучіе дворцы, гдѣ скука однообразнаго переѣзда сокращается всевозможными развлеченіями, концертами и даже спектаклями. Нельзя было бросить болѣе гордаго вызова стихіямъ.

Для желѣзныхъ дорогъ теперь прорываютъ горы, для пароходовъ—перерѣзываютъ перешейки. Уничтоженіемъ преграды, отдѣлявшей Средиземное море отъ Краснаго и препятствовавшей сближенію Европы и Индіи, міръ обязанъ французской иниціативѣ. Естественныя затрудненія увеличивались недоброжелательнымъ отношеніемъ египетскаго правительства и недовѣрчивостью Англіи; долгое время англійскіе дипломаты старались вліять на вице-короля Египта, а также и на самого султана, чтобы помѣшать одному изъ полезнѣйшихъ предпріятій нашего вѣка. 15-го декабря 1858 г. *Фердинандъ Лессепсъ*, бывшій французскій дипломатъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ публичнаго разъясненія

важности этого предпріятія, поѣздокъ и переговоровъ, составилъ, наконецъ, *Компанію Суэцкаго перешейка*. Начиная съ марта слѣдующаго года, землекопныя работы не прекращались, пока въ 1869 г. волны Краснаго и Средиземнаго морей не слились между собою. Каналъ отъ Портъ-Саида до Суэца имѣетъ длину въ 160 километровъ. Каналъ прѣсной воды, открывающійся въ Измаиліи, приноситъ воду Нила и дѣлаетъ возможнымъ обработку почвы. Вся эта мѣстность стала обитаемой, и въ ней основываются новые города. Болѣе 3.000 судовъ ежегодно проходятъ черезъ каналъ.

Успѣхъ этого громаднаго предпріятія вызвалъ другое, подобное ему, подъ управленіемъ того же Лессепса. Онъ предпринялъ прорытіе Панамскаго перешейка. Этотъ каналъ долженъ имѣть 73 километра длины, отъ Колона (Аспинваля) до Панамы.

Быстрота сообщеній привела къ созданію *всемірныхъ выставокъ*, на которыхъ каждый народъ старается показать успѣхи своей промышленности и ознакомиться съ успѣхами, достигнутыми другими народами. Первая всемірная выставка была устроена въ 1851 г. въ Англіи, по иниціативѣ принца Альберта, супруга королевы Викторіи, въ изящномъ *Хрустальномъ дворцѣ*, выстроенномъ для этого международнаго торжества. Въ 1855 г. настала очередь Франціи созвать другія націи, которыя, за исключеніемъ Россіи, занятой въ то время войною, прислали свои произведенія; все это было собрано въ Елисейскихъ поляхъ, въ обширномъ зданіи, выстроенномъ наскоро, и отличавшемся, скорѣе, размѣрами, чѣмъ величественностью: 20.000 экспонентовъ соперничали тамъ между собою. Англія устроила новое состязаніе въ 1862 г., происходившее въ Кенсингтонскомъ дворцѣ. На этой выставкѣ перебывало болѣе шести милліоновъ посѣтителей. Затѣмъ, Франція, возбужденная соревнованіемъ, устроила превосходную выставку въ 1867 г. Это былъ уже не дворецъ, а громадный циркъ изъ желѣза и чугуна на Марсовомъ полѣ въ Парижѣ. Въ 1873 г. всемірная выставка опять привлекла многочисленную толпу въ *Вѣну*, а въ 1876 г. Новый Свѣтъ, слѣдуя примѣру Стараго, устроилъ такую же выставку въ *Филадельфіи*. Въ 1878 г. Марсово поле въ Парижѣ было еще разъ превращено въ громадный желѣзный дворецъ, къ которому присоединенъ былъ другой, каменный, въ Трокадеро, уцѣлѣвшій до настоящаго времени. Даже Австралія пожелала имѣть свою выставку и устроила одну изъ нихъ въ *Сиднеѣ* въ 1879 г., а другую—въ *Мельбурнѣ* въ 1880 г., не говоря уже о частныхъ выставкахъ въ Италіи, Бельгіи, Голландіи и проч.

Въ Лондонѣ въ 1851 г. возникла мысль о *международномъ статистическомъ конгрессѣ*, состоявшемся въ *Брюсселѣ* въ 1853 г., затѣмъ

въ *Парижѣ* (1855), въ Вѣнѣ (1857), въ *Лондонѣ* (1860) и т. д. Кромѣ того, устраивались многочисленные конгрессы для обсужденія вопросовъ научныхъ, медицинскихъ и экономическихъ, которые, въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, сближаютъ ученыхъ всѣхъ странъ въ обширную семью, гдѣ различныя національности стараются отличиться лишь пыломъ своего усердія и значеніемъ своихъ открытій.

Въ 1855 г. основалось также общество для распространенія *метрической системы*. Голландія, Бельгія, Италія, затѣмъ Испанія и Португалія приняли эту столь раціональную систему. Въ Англіи (1864), постановленіемъ парламента, она была допущена, но не сдѣлана оффиціальной. Въ 1869 г. французское правительство, въ отвѣтъ на желаніе, высказанное Парижской академіей наукъ, пригласило правительства разныхъ странъ принять участіе въ коммиссіи, на обязанности которой лежало изготовить *метръ*, какъ международную единицу мѣры. Предложеніе это было принято, депутаты различныхъ державъ собрались въ Парижѣ (1870—1872), образовали постоянный комитетъ, и дипломатическою конференціей было утверждено *международное бюро вѣсовъ и мѣръ*.

Сношенія различныхъ странъ между собою сдѣлались столь частыми, что *единство монеты* становится все болѣе и болѣе необходимымъ. Всѣ народы единогласно отдаютъ предпочтеніе *десятичной системѣ*, столь ясной и простой, какъ для большихъ, такъ и для самыхъ мелкихъ вычисленій. Старинныя привычки, впрочемъ, такъ сильны, что единство монеты могло осуществиться лишь въ *Швейцаріи*, *Бельгіи* и *Италіи*. Въ 1866 г. между этими странами была заключена монетная конвенція, и теперь уже болѣе 70 милліоновъ человѣкъ пользуются въ торговлѣ одной и той же монетной системой. Въ 1867 г. десятичная система введена была и въ Румыніи.

Торговля живетъ кредитомъ. Поэтому кредитныя учрежденія, *банки*, получили неслыханное до тѣхъ поръ развитіе. Въ Англіи, кромѣ государственнаго банка, существуетъ множество частныхъ банковъ (болѣе 2.250), одинаково пользующихся привилегіей выпуска бумажныхъ денегъ. Во Франціи эта привилегія принадлежитъ одному *Французскому банку*. Но и въ этой странѣ существуютъ многочисленныя кредитныя общества подъ различными наименованіями, имѣющія цѣлью принимать вклады частныхъ лицъ, выдавать деньги подъ товары, учитывать векселя и т. п. Разнообразныя государственныя ренты, *акціи* обществъ и различныя облигаціи повели къ развитію денежныхъ рынковъ, или *биржъ*, находящихся въ общеніи между собою. Въ этомъ громадномъ обращеніи коммерческихъ цѣнностей происходятъ иногда

смуты, вслѣдствіе политическихъ или экономическихъ причинъ, ведущія за собою катастрофы или *крахи*, называющіяся этимъ словомъ послѣ финансоваго кризиса, происшедшаго въ Вѣнѣ. Частыя раззоренія, вслѣдствіе биржевыхъ операцій, показываютъ, какъ опасно забывать уроки, которые должны быть памятны послѣ слишкомъ смѣлыхъ операцій Лоу. *Страхованіе* отъ пожара и отъ другихъ стихійныхъ бѣдствій и *страхованіе жизни* получили въ новѣйшее время замѣчательное развитіе.

Англія, смѣло выступивъ противъ прежнихъ предразсудковъ, начала въ 1846 г. торговыя реформы, широко открывъ свои двери иностранному хлѣбу и скоту и отказавшись отъ *запретительной системы*. Франція въ 1860 г. внезапно очутилась на пути свободной торговли по волѣ императора Наполеона III; коммерческій трактатъ съ Англіей былъ навязанъ французской промышленности, недостаточно подготовленной къ борьбѣ съ англійскою конкурренціей. Впрочемъ, Франція отъ запретительной системы перешла только къ покровительственной, и довольно высокія пошлины поддерживались также на товары изъ сосѣднихъ странъ, которыя почти безпошлинно впускали къ себѣ французскія вина и земледѣльческіе продукты.

Пруссія въ 1870 г. принудила Францію Франкфуртскимъ трактатомъ принять невыгодную статью, въ силу которой Пруссіи предоставлены были права наиболѣе благопріятствуемой державы, чѣмъ широко воспользовалась германская промышленность. Экономическая система, вообще, была предметомъ оживленныхъ преній во французскихъ палатахъ, при чемъ покровительственныя теоріи взяли верхъ, не добившись, однако, полнаго торжества. Торговые трактаты подверглись большимъ измѣненіямъ, и Франція, такъ же, какъ и вся Европа, колеблется между свободной и покровительственной торговлей. Америка, въ свою очередь, стала на сторону протекціонизма и высокими тарифами ограждаетъ себя отъ ввоза европейскихъ продуктовъ, даже произведеній искусства, какъ-будто эти послѣднія имѣютъ рыночную цѣнность и могутъ процвѣтать, благодаря покровительственному тарифу.

Безъ сомнѣнія, народы имѣютъ право и даже обязанность защищать законные интересы своей промышленности, но развѣ для этого нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ фиктивныхъ преградъ, тогда какъ люди повсюду уже одолѣли всѣ естественныя преграды? На самомъ дѣлѣ, стоитъ ли прорывать горы и прорѣзывать перешейки, удвоивать скорость локомотивовъ и пароходовъ, увеличивать число телеграфовъ и телефоновъ, если международная торговля встрѣчаетъ на всѣхъ границахъ сѣти таможень, задерживающихъ ея движенія и затрудняющихъ

ся усилія? Успѣхи наукъ и постоянное смѣшеніе народовъ требуютъ реформы экономическихъ законовъ и общаго соглашенія между націями. Это должно быть одною изъ задачъ будущаго.

Несмотря на существующія стѣсненія, торговая дѣятельность народовъ, тѣмъ не менѣе, представляетъ необычайное зрѣлище. Трудно даже представить себѣ количество ежегодно заключающихся сдѣлокъ и множество обмѣниваемыхъ товаровъ. Англія значительно превосходитъ всѣ другія государства обширностью и богатствомъ своихъ колоній въ Африкѣ, Азіи и Америкѣ и своими разнообразными сношеніями со всѣми странами. Лондонъ является средоточіемъ ея торговли, распространенной по цѣлому свѣту. Достаточно взглянуть на массу судовъ, заключающихся въ докахъ этого города, а также въ портахъ Ливерпуля, Гулля, Бристоля, Портсмута, Соутгэмптона въ Англіи, Антверпена въ Бельгіи, Амстердама и Роттердама въ Голландіи, Гавра, Нанта, С. Назэра, Бордо и Марселя во Франціи, Неаполя, Генуи и Венеціи въ Италіи, Тріеста въ Австріи, Гамбурга въ Германіи и Константинополя въ Турціи, чтобы убѣдиться въ громадности торговыхъ оборотовъ нашего времени.

Возрастаніе земледѣльческаго, промышленнаго и торговаго богатствъ отражается и въ благосостояніи низшихъ классовъ, нѣкогда столь удрученныхъ нуждою. Во Франціи и въ главныхъ странахъ Европы развитіе промышленности доставило возможность самымъ бѣднымъ классамъ лучше одѣваться и лучше питаться. Въ 1815 г. Франція потребляла 52 милліона гектолитровъ пшеницы; въ 1886 г. потребленіе ея возросло до 82 милліоновъ. Потребленіе мяса удвоилось; въ Парижѣ оно достигаетъ 54 килограм. въ годъ на человѣка. Потребленіе соли, составлявшее въ 1788 г. $1^1/_2$ килограм. на каждаго жителя Франціи, превосходитъ теперь 9 килограм. Потребленіе сахара увеличилось съ 1812 г. въ шестнадцать разъ. Повидимому, и средняя продолжительность жизни возросла во Франціи съ начала нынѣшняго вѣка: въ 1801 г. во Франціи умирало 28 челов. на 1.000; въ 1883 г.—22. Въ прошломъ вѣкѣ средняя продолжительность жизни была не болѣе 28 лѣтъ; теперь она доходитъ до 40. Впрочемъ, уменьшеніе цифры рожденій въ этой странѣ весьма озабочиваетъ экономистовъ, и въ особенности моралистовъ.

Дѣломъ нашего вѣка было созданіе *народнаго просвѣщенія*, заботу о которомъ приняло на себя государство. Не слѣдуетъ слишкомъ низко ставить успѣховъ, достигнутыхъ двумя предшествующими вѣками, но они были дѣломъ лишь отдѣльныхъ лицъ.

Вопросы образованія и воспитанія, которые уже въ XVII в. привлекали къ себѣ вниманіе выдающихся умовъ того времени, занимали

всѣхъ философовъ XVIII в.—Кондильяка, Дидро, Гельвеція, энциклопедистовъ и проч. Руссо внесъ страстное возбужденіе въ этотъ вопросъ своей книгой „Эмиль“, вызвавшей самые оживленные споры. Онъ совѣтовалъ, чтобы до 12 лѣтъ воспитаніе было чисто физическимъ, и съ жаромъ отстаивалъ права природы, слишкомъ часто непризнававшіяся, благодаря неразумному усердію и пагубному самолюбію родителей. Руссо предназначалъ возрастъ отъ 12 до 15 лѣтъ умственному образованію, изученію наукъ физическихъ, астрономіи, географіи, чтенію путешествій и проч., но онъ хотѣлъ, чтобы ребенокъ самъ открывалъ, такъ сказать, всѣ физическіе законы; онъ примѣшивалъ химерическія идеи къ превосходнымъ правиламъ методики, совѣтуя изучать не столько *слова*, сколько *вещи*,—совѣтъ, примѣненія котораго можно желать лишь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ въ современномъ обученіи. Эмиль въ 15 лѣтъ не долженъ былъ знать ни исторіи, ни гуманистическихъ наукъ, ни религіи, но онъ долженъ былъ знать какое-нибудь ремесло. Это—самая слабая часть системы Руссо, значительно отодвигающая развитіе симпатическихъ чувствъ, выработку нравственнаго и религіознаго чувства. Эмиль, дитя природы, рисковалъ походить во всемъ на своего учителя и, подобно ему, по преимуществу, повиноваться во всемъ своимъ страстямъ.

Даже парадоксы Руссо, не вредившіе истинамъ, смѣло провозглашавшимся имъ, въ замѣчательной степени подвинули воспитательный вопросъ. Съ другой стороны, борьба парламентовъ противъ іезуитовъ, изгнаніе этого знаменитаго ордена, державшаго до тѣхъ поръ образованіе въ своихъ рукахъ, привели къ настоящей революціи въ организаціи обученія. Города завладѣли іезуитскими коллегіями и водворили въ нихъ учителей духовныхъ или свѣтскихъ, но свободнаго образа мыслей. Въ пылу борьбы, генеральный прокуроръ Ла-Шалотэ выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе: „Опытъ національнаго воспитанія“. Съ половины XVIII в. философы и парламентъ провозгласили, что образованіе должно носить гражданскій характеръ и находиться въ рукахъ правительства. Революція пыталась примѣнить на дѣлѣ эти теоріи. Статья конституціи 4-го сентября 1791 г. гласила: „Будетъ создано и организовано народное образованіе, общее для всѣхъ гражданъ, безвозмездное относительно предметовъ обученія, одинаково необходимыхъ всѣмъ людямъ“. Но Законодательное Собраніе не имѣло времени войти въ подробности мѣръ, предложенныхъ докладомъ Талейрана (10 и 11 сентября 1791 г.). Замѣчательный докладъ представилъ собранію и Кондорсэ (20—21 апр. 1792 г.). Но Конвентъ замѣнилъ всѣ эти проэкты Закономъ Лаканаля (17 ноября 1794 г.) и уста-

новилъ, какъ мы уже говорили, обширную систему народнаго просвѣщенія, которая не могла быть примѣнена въ эти смутныя времена, но которая сдѣлалась началомъ всѣхъ послѣдующихъ успѣховъ его.

Наполеонъ I осуществилъ часть плановъ Конвента, организовавъ среднее и высшее образованіе и основавъ университетъ. Іюльское правительство установило начальное обученіе прекраснымъ закономъ 1833 года, созданнымъ министерствомъ Гизо. Бюджетъ народнаго просвѣщенія съ 3 милліоновъ былъ увеличенъ до 17 милліоновъ франковъ. Законъ 15 марта 1850 г. установилъ свободу обученія, плодотворное начало, къ сожалѣнію, служившее оружіемъ въ рукахъ партій. Среднее образованіе всего болѣе ощущало на себѣ политическія колебанія: нѣсколько подавленное съ 1852 до 1856 г., оно поднялось вновь лишь въ министерство Рулана и въ особенности Дюрюи.

Между 1863 и 1869 гг., когда портфель министерства народнаго просвѣщенія былъ въ рукахъ *Дюрюи*, народное образованіе, въ особенности первоначальное, получило усиленное движеніе. Этотъ министръ въ знаменитомъ докладѣ предложилъ систему *обязательнаго обученія*, которая была принята уже ранѣе во многихъ европейскихъ государствахъ, и всего шире въ Германіи. Законъ 10 апрѣля 1867 г. распространилъ принципъ *даровой* обученія и заставилъ каждую общину съ населеніемъ болѣе 500 человѣкъ открыть общественную школу для дѣвочекъ. Классы для взрослыхъ и общинныя библіотеки получили значительное развитіе; число неграмотныхъ рекрутъ, доходившее до 36 на 100 въ 1850 году, уменьшилось въ 1868 г. до 21 на 100. Сумма, причитавшаяся на долю народнаго образованія въ бюджетѣ народнаго просвѣщенія, равнявшаяся въ 1848 г. лишь 4 милліонамъ франковъ, въ 1869 г. поднялась до 11 милліоновъ. Другой законъ, 1865 г., установилъ, впрочемъ, довольно нерѣшительно „спеціальное среднее образованіе“, сдѣлавшееся впослѣдствіи дополненіемъ, а не соперникомъ классической системы.

Война 1870 г. дала понять выгоды, доставляемыя народу образованіемъ. Поэтому начальное обученіе получило новый, еще болѣе сильный толчекъ. Въ *школьную кассу* вносились значительныя суммы для вспомоществованія при постройкѣ школъ; во всѣхъ департаментахъ, гдѣ не было *нормальныхъ школъ для учителей*, появились эти школы. Въ то же время возникли вновь *школы для учительницъ*, установлены были экзамены на новыхъ основаніяхъ, программы были измѣнены, и дѣтскія убѣжища преобразованы подъ названіемъ *материнскихъ школъ*. Въ 1882 г. начальное обученіе сдѣлано было повсемѣстно обязательнымъ и даровымъ. Многочисленныя реформы введены были

и въ среднихъ, и въ спеціальныхъ, и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Расходы, касавшіеся народнаго просвѣщенія, въ бюджетѣ 1883 г. превышали уже 134 милліона фр., изъ которыхъ 88 милліоновъ были посвящены лишь начальному обученію. Какъ это далеко отъ нѣсколькихъ милліоновъ, удѣлявшихся на этотъ важный предметъ въ началѣ вѣка! И эта цифра не даетъ еще полной мѣры пожертвованій, какія налагаетъ на себя Франція, такъ какъ къ нимъ слѣдуетъ еще прибавить значительныя суммы, ассигнуемыя департаментами и общинами.

Въ Англіи, какъ мы говорили выше, народное образованіе находится въ рукахъ общества, и государство оказываетъ ему только пособіе. Это пособіе возрастаетъ, однако, все болѣе и болѣе; въ 1883 г. оно доходило до 40 милліоновъ рублей на наши деньги. Съ 1870 г. палата общинъ принимаетъ уже болѣе прямое участіе въ наблюденіи за народнымъ образованіемъ. Съ 1880 г. администраціи мѣстныхъ школъ вмѣняется въ обязанность способствовать обязательному посѣщенію школы.

Эта обязательность давно уже существуетъ въ Германіи, гдѣ она поддерживается строгими законами относительно дѣтей до 14-лѣтняго возраста. Народное образованіе уже съ начала новой исторіи въ Германіи было предметомъ самой серьезной заботливости. Подъ вліяніемъ религіозныхъ идей, нѣмецкіе протестанты, въ особенности,—піетисты, и въ числѣ ихъ Франке (1663 — 1727 г.), значительно содѣйствовали его распространенію. Франке основалъ въ Галле два весьма важныхъ учебныхъ заведенія, и его ученики создали первыя реальныя школы въ Германіи. Многія государства придали обязательность начальному обученію, и Фридрихъ II установилъ эту обязательность для Пруссіи въ 1763 г., вскорѣ послѣ тяжелыхъ испытаній Семилѣтней войны. Одинъ изъ прусскихъ бароновъ, Роховъ (1734—1805 г.), положилъ основаніе сельскимъ школамъ.

Въ концѣ XVIII появился настоящій проповѣдникъ народнаго обученія—*Песталоцци* (1746—1827 г.), родившійся въ Цюрихѣ, въ Швейцаріи. Посвящая съ самымъ рѣдкимъ безкорыстіемъ свою жизнь часто неблагодарной работѣ, разыскивая дѣтей съ самыми ограниченными способностями съ цѣлью просвѣтить ихъ, Песталоцци основалъ пріютъ для бѣдныхъ дѣтей въ Нейгофѣ, затѣмъ—пріютъ для сиротъ въ Станцѣ, нѣсколько начальныхъ школъ, институтъ въ Берту и, наконецъ, институтъ въ Ивердёнѣ. Занятый постоянно отыскиваніемъ наилучшихъ методовъ, убѣжденный, что обученіе есть наука и притомъ очень трудная, онъ пытался распространять свои идеи въ сочиненіяхъ: „Ве-

черъ пустынника", „Леонардъ и Гертруда", „Книга матерей" и проч. Онъ желалъ, чтобы обученіе было „интуитивнымъ", т.-е. достигало разума путемъ чувствъ, по возможности устраняя отвлеченность, возбуждая любопытство и желаніе учиться. Это былъ настоящій педагогическій методъ, и начальное обученіе пыталось примѣнять его въ XIX в., хотя не всегда съ успѣхомъ.

Фрёбель, родившійся въ Тюрингіи (1802—1852 г.), поклонникъ метода Песталоцци, заботился въ особенности о томъ, чтобы оживить преподаваніе въ школѣ. Его систему „Дѣтскихъ садовъ" не слѣдуетъ понимать буквально: это—чисто аллегорическое выраженіе, заключающее сравненіе между ребенкомъ и растеніемъ,—садомъ и школой. Фрёбель, не думая объ измѣненіи матеріальныхъ условій школъ, пользуется предметами, говорящими чувству ребенка, чтобы развлекать и поучать его, какъ, наприм., мячикомъ, шаромъ или кубомъ, дощечками, палочками, листочками бумаги и т. п. Онъ обращался къ инстинктамъ ребенка и пользовался его любовью къ игрѣ, чтобы развивать его умъ. *Дистервегъ*, директоръ Нормальной школы въ Берлинѣ, особенно заботился о распространеніи идей Фрёбеля.

Мы должны упомянуть еще *П. Жирара* (1785—1850 г.), одного изъ выдающихся педагоговъ Швейцаріи.

Въ Австріи, имперскимъ школьнымъ закономъ съ 1869 г., посѣщеніе школы сдѣлано обязательнымъ; тотъ же законъ былъ принятъ въ Венгріи въ 1868 г. Данія, Швеція и Норвегія давно уже внесли эту обязательность въ свое законодательство. Швейцарія, раздѣлявшая съ Германіей величайшую заботливость о развитіи народнаго образованія, включила обязательность обученія въ федеральный актъ 1874 г. Испанія провозгласила тотъ же принципъ въ 1857 г., но никогда не примѣняла его на дѣлѣ. Италія приняла его въ 1877 г., а Португалія—въ 1878 г. Въ Бельгіи и Голландіи, несмотря на стараніе либеральныхъ партій, до сихъ поръ его еще не удалось ввести.

Соотвѣтственно съ прогрессомъ народнаго образованія, происходилъ прогрессъ законодательства, свидѣтельствовавшій о возрастающемъ смягченіи нравовъ. Законъ 1832 г. уничтожилъ во Франціи смертную казнь за преступленія противъ собственности и за выдѣлку фальшивой монеты. Тотъ же законъ далъ присяжнымъ возможность смягчать суровость уголовнаго кодекса. Изъ этого послѣдняго исчезли также желѣзный ошейникъ, наложеніе клеймъ и отсѣченіе правой руки у отцеубійцъ. Республика 1848 года уничтожила смертную казнь за политическія преступленія и положила конецъ рабству въ колоніяхъ. При второй имперіи, въ 1852 году, законъ о реабилитаціи, полу-

чившій новое распространеніе въ 1864 году, далъ осужденнымъ возможность возстанавливать свои права и свое званіе, которыхъ они лишены были судебнымъ приговоромъ. Законъ 31 мая 1854 года уничтожилъ „гражданскую смерть“, въ силу которой осужденный лишался права владѣнія, и собственность его принадлежала уже наслѣдникамъ. Съ 1854 г. принудительныя работы должны были отбываться въ колоніяхъ, а не на галерахъ, оставившихъ по себѣ самую печальную память. Законъ 1863 г. измѣнилъ 65 статей уголовнаго кодекса и отнялъ у нѣкоторыхъ дѣйствій характеръ преступленія; другой законъ, 1865 г., дозволилъ судебнымъ слѣдователямъ освобождать подсудимыхъ отъ задержанія, со внесеніемъ залога или безъ него. Такъ называемый „законъ коалицій“, внесенный въ палату Эмилемъ Оливье, измѣнилъ три статьи уголовнаго кодекса, давъ возможность свободнаго обсужденія размѣровъ заработной платы между хозяевами и рабочими. Въ 1867 г. отмѣна личнаго задержанія за долги уничтожила этотъ остатокъ древняго законодательства, превращавшаго должника въ залогъ для кредитора. Наконецъ, кодексъ военнаго правосудія былъ согласованъ съ прогрессомъ нравовъ, и суровость его была облегчена, что̀ не принесло никакого ущерба дисциплинѣ. Съ 1871 г. было введено или подготовлено не мало усовершенствованій и въ судопроизводствѣ.

Этотъ прогрессъ законодательства соотвѣтствовалъ, впрочемъ, уменьшенію числа преступленій. Если этого нельзя сказать о преступленіяхъ противъ личности, вызываемыхъ страстью, то уваженіе къ собственности замѣтно возросло. Съ 1826 до 1830 г. ежегодное среднее число обвиненныхъ за преступленія противъ собственности во Франціи было 5.306, изъ общаго числа преданныхъ суду, равнявшагося 7.130. Въ 1882 г. было предано суду 4.880 лицъ, изъ которыхъ подверглись осужденію 2.911.

Общество съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе демократизируется, и интересы большинства все болѣе и болѣе признаются и охраняются. Съ 1848 г. обращено вниманіе на увеличеніе числа учрежденій, позволяющихъ трудящимся классамъ откладывать сбереженія на черный день. *Сберегательныя кассы*, возникшія при Реставраціи, въ настоящее время повсюду распространены во Франціи и по всей Европѣ. Во Франціи въ 1883 г. насчитывалась 4.535.431 сберегательная книжка, что̀ представляло сумму въ 1.745.757.857 франковъ. Къ этимъ кассамъ прибавлены были *почтовыя* сберегательныя кассы, которыя еще болѣе облегчаютъ возможность сбереженій. Закономъ 1850 г. учреждена была касса *пенсіоновъ* для стариковъ, бюджетъ которой доходитъ

въ настоящее время до 500 милліоновъ; затѣмъ кассы *страхованій* на случай смерти и несчастія, не говоря уже о многихъ частныхъ страховыхъ обществахъ, упомянутыхъ выше.

Изъ этихъ новѣйшихъ учрежденій оказываютъ всего болѣе услугъ и всего значительнѣе распространяются общества взаимопомощи, которыя во Франціи разрѣшены были законами 1850 и 1852 годовъ. Въ 1882 году число разрѣшенныхъ правительствомъ обществъ этого рода доходило до 5.188. Они состоятъ изъ рабочихъ и служащихъ, оказываютъ помощь въ случаѣ болѣзни и обезпечиваютъ полученіе пенсіоновъ въ старости. Капиталъ ихъ, не превосходившій 10 милліоновъ въ 1852 г., увеличился до 107 мил. въ 1882 г. Въ Англіи и въ другихъ странахъ также существуетъ большое число этихъ обществъ, свидѣтельствующихъ о солидарности современнаго человѣчества.

Бѣдствія, которыя не могутъ быть облегчены упомянутыми выше учрежденіями, облегчаются благотворительностью. Со времени Революціи, во Франціи возложена была на муниципалитеты обязанность помогать бѣднымъ посредствомъ такъ называемыхъ *бюро благотворительности*. Число этихъ бюро доходитъ въ настоящее время до 14.000, и число лицъ, которымъ они оказываютъ помощь, достигаетъ, приблизительно, до 1.500.000, при нормальномъ капиталѣ въ 50 милліоновъ. Это, конечно, немного въ такой обширной странѣ, какъ Франція, но не надо забывать, что, кромѣ общественной благотворительности, въ ней широко распространена и благотворительность частная.

Число богадѣленъ доходитъ во Франціи до 1.636 съ 166.381 кроватью; въ 1881 г. болѣе 462.000 больныхъ пользовались лѣченіемъ въ больницахъ, и болѣе 63.000 стариковъ, разслабленныхъ и неизлѣчимо больныхъ, содержались въ пріютахъ. Для всѣхъ этихъ дѣлъ благотворительности собранъ былъ капиталъ въ 124.729.976 франковъ. Къ этимъ учрежденіямъ надо прибавить еще лѣчебницы для душевнобольныхъ, пріюты для сиротъ и убѣжища для малолѣтнихъ дѣтей, безплатныя амбулаторіи, убѣжища для выздоравливающихъ и проч.

Это—большой успѣхъ, достигнутый нашимъ вѣкомъ. Въ прошломъ вѣкѣ, несмотря на помощь, оказывавшуюся многочисленными духовными конгрегаціями, нищета въ Парижѣ была ужасна. Число нищихъ доходило до громадной цифры: въ 1768 г. 50.000 ихъ задержано было разомъ на парижскихъ улицахъ. Оффиціальное годичное число ихъ превосходило 100.000 въ столицѣ, въ которой насчитывалось тогда не болѣе 600.000 жителей. Впрочемъ, уже въ XVI в. мы видимъ первое начало общественной благотворительности, т.-е., свѣтское и правильное

завѣдываніе помощью неимущимъ, организаціи которой парламентъ содѣйствовалъ многократными постановленіями. При Людовикѣ XVI раздавались щедрыя пособія, и его благотворительность долго вспоминалась народомъ. Администрація больницъ дѣлалась предметомъ все болѣе и болѣе дѣятельнаго и строгаго надзора. Послѣ пожара 1772 г., продолжавшагося одиннадцать дней и уничтожившаго бо́льшую часть больницъ и *Hôtel Dieu*, появились краснорѣчивыя записки о порядкахъ въ больницахъ. Эти порядки были чрезвычайно плачевны, и донесенія Тенона и Ларошфуко-Ліанкура заставляютъ содрагаться отъ ужаса. Въ Hôtel Dieu заключалось 25 палатъ для больныхъ съ 1877 кроватями, большими, малыми и средними. На большихъ лежали по 4, а иногда по 6 и по 8 больныхъ разомъ; среднія—раздѣлялись на двѣ перегородкой изъ досокъ и давали мѣсто двумъ больнымъ.

„Въ настоящее время,—говоритъ Максимъ Дюканъ въ прекрасной книгѣ, посвященной имъ изученію Парижа,—больного раздѣваютъ служители и укладываютъ на удобную желѣзную кровать, окруженную со всѣхъ сторонъ бѣлыми занавѣсями, и имѣющую эластическій тюфякъ, тонкій матрацъ, валикъ и подушку. Съ верхней перекладины опускается толстый шнурокъ, снабженный на нижнемъ концѣ кускомъ дерева, въ видѣ ручки бурава, въ которомъ больной находитъ точку опоры, когда желаетъ приподняться. Всѣ палаты имѣютъ мозаичные полы и содержатся съ удивительной чистотой. Это, конечно, необходимо въ подобныхъ мѣстахъ, но нельзя не удивляться ослѣпительной чистотѣ занавѣсей, оконныхъ стеколъ, мебели, паркета и проч.“ [1]).

Общественная благотворительность Парижа, со своими великолѣпными больницами и всевозможными пріютами, одна обладаетъ бюджетомъ въ 42 милліона франковъ, превосходящимъ бюджетъ многихъ большихъ городовъ. Общій бюджетъ благотворительности для всей Франціи едва ли можетъ быть приведенъ въ ясность, такъ какъ, кромѣ общественныхъ учрежденій, въ немъ участвуютъ многія частныя общества и духовныя конгрегаціи, не желающія отказываться отъ дѣла благотворенія, нѣкогда составлявшаго ихъ привилегію. Трудно вычислить все, что̀ тратится на этотъ предметъ богатыми классами въ видѣ подписокъ, баловъ и благотворительныхъ базаровъ; трудно опредѣлить суммы, собираемыя на воспитаніе покинутыхъ дѣтей, просвѣщеніе и обученіе ихъ какому-нибудь ремеслу, на облегченіе страданій, жертвъ труда и еще болѣе жертвъ порока, на устройство убѣжищъ для отчаявшихся (дома трудолюбія, ночлежные пріюты и проч.), на

---

[1]) Maxime Ducamp: „*Paris et ses organes*“.

уходъ за стариками, больными и т. д. Еще менѣе возможно опредѣлить, что̀ дѣлается тайною благотворительностью, слѣдующею евангельскому правилу—не знать, что́ она даетъ. Если XIX в. далъ необычайный толчокъ промышленности и торговлѣ, если онъ создалъ безконечные источники богатства, онъ открылъ столь же безконечные источники милосердія. Высшіе классы во Франціи, въ Англіи и большей части европейскихъ странъ никогда еще не относились съ бо̀льшимъ сожалѣніемъ къ человѣческимъ бѣдствіямъ. Съ помощью здравой экономической политики, эти послѣднія будутъ уменьшаться все болѣе и болѣе, но ихъ не уничтожитъ никакая общественная система, такъ какъ для этого надо было бы уничтожить всѣ случайности и пороки. Благотворительность будетъ всегда необходима, и сколько бы она ни умножала своихъ усилій, дурныя страсти всегда будутъ доставлять ей случаи новой борьбы и возможности оказанія самой разнообразной помощи. XIX вѣкъ, что бы о немъ ни говорили пессимисты, взялъ верхъ надъ всѣми другими, между прочимъ, и на почвѣ благотворительности. Онъ выдвинулъ сострадательный характеръ современнаго общества, настолько проникнутаго христіанскими началами, что они осуществляются даже руками тѣхъ, которые не признаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ религіознаго духа. Если нашему обществу и свойственны нѣкоторые недостатки, то его все-таки нельзя обвинять въ сухости сердца, и всеобщее сожалѣніе, обнаруживающееся со всѣхъ сторонъ къ незаслуженно или заслуженно несчастнымъ, безъ сомнѣнія, будетъ вмѣнено этому обществу въ достоинство, болѣе чѣмъ всѣ успѣхи, какихъ оно достигло въ распространеніи благосостоянія и въ устраненіи болѣзни и смерти.

ГЛАВА XIX.

Распространеніе европейской цивилизаціи по всему міру.

Стремленіе европейской цивилизаціи распространиться по остальнымъ частямъ свѣта.—Америка; быстрый подъемъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. — Правительство; федеральный строй Соединенныхъ Штатовъ; свобода отдѣльныхъ штатовъ.—Отмѣна рабства (1865).—Земледѣльческое богатство Соединенныхъ Штатовъ; минеральныя богатства; каменный уголь, желѣзо, нефть и пр.—Промышленность и торговля; желѣзныя дороги.—Образованіе.—Американское общество.—Англійская Америка; Канадскія владѣнія.—Южная Америка; освобожденіе испанскихъ колоній.—Бразилія; республики Южной и Центральной Америки.—Мексика.—Африка; владѣнія англичанъ. — Французы въ Африкѣ; Сенегалъ; дѣятельность Франціи въ Алжирѣ. — Тунисъ. — Изслѣдованія Африки; Нигеръ; истоки Нила.—Ливингстонъ; Южная и Центральная Африка. — Камеронъ; Стэнли. — Международная африканская ассоціація; свободное государство Конго.—Оговэ; Альфредъ Маршъ и маркизъ де-Компьенъ; Саворньянъ ди Брацца; французская колонія въ Конго; изслѣдованія на югѣ Алжира.—Швейнфуртъ; Нахтигаль. — Португальскія колоніи: Серпа Пинто. — Германскія колоніи.—Океанія.—Колоніальныя владѣнія голландцевъ.—Англичане въ Австраліи.—Европейскія государства и Азія; владычество англичанъ въ Индіи.—Матеріальное положеніе Индіи; народонаселеніе; желѣзныя дороги.—Произведенія Индіи.—Промышленность и искусство.—Умственное состояніе; касты; религіи.—Китай.—Китайская цивилизація; народонаселеніе; правительство.—Религія; законодательство.—Земледѣліе.—Промышленность.—Прогрессъ Китая.—Японія.—Правленіе и прогрессъ въ Японіи.—Французскія колоніи.—Французскія колоніи въ Кохинхинѣ.—Камбоджа.—Тонкинъ и Аннамъ.

Древній міръ былъ заключенъ въ тѣсныхъ предѣлахъ. Германская и христіанская цивилизація безпрерывно распространялась все далѣе и далѣе: она покорила Европу.

Съ XVI столѣтія она стремится подчинить себѣ весь міръ. Въ началѣ XIX вѣка земной шаръ былъ уже изслѣдованъ, за исключеніемъ внутренней Африки. Португальцы, испанцы, голландцы, англичане и французы основывали повсемѣстно цвѣтущія колоніи. Но распространеніе европейской расы шло гораздо быстрѣе въ наше время, и теперь нѣтъ страны, куда она не проникала бы съ энергіей и постоянствомъ, совершенно измѣняя наружный видъ другихъ материковъ.

На первомъ планѣ должна быть поставлена Америка. На сѣверѣ этого материка англосаксонская, а въ срединѣ и на югѣ испанская расы уничтожили и почти истребили туземное населеніе.

При установленіи Сѣверо-Американскаго Союза въ 1787 г. въ него входило только 13 штатовъ; въ настоящее время ихъ насчитывается 38. Число жителей Соединенныхъ Штатовъ во время первой переписи въ 1790 г. не достигало 4 милліоновъ человѣкъ; теперь оно превосхо-

дитъ 50 милліоновъ. Европейская эмиграція много способствовала этому быстрому росту народонаселенія: Германія и особенно Ирландія доставили значительную часть эмигрантовъ.

Соединенные Штаты представляютъ конфедерацію независимыхъ штатовъ, связанныхъ лишь потребностью общей защиты и общихъ интересовъ. Граждане отдѣльныхъ штатовъ вовсе не возлагаютъ на правительство заботу дѣйствовать вмѣсто нихъ. Свобода отдѣльной личности внутри штата и свобода штатовъ внутри Союза — таково начало конституціи Союза и отдѣльныхъ штатовъ.

Въ Союзномъ правительствѣ заключаются три особыхъ власти— *законодательная*, *исполнительная* и *судебная*. Самая значительная изъ нихъ, законодательная власть, олицетворяется двумя палатами; *палата представителей* выбирается каждые два года общею и прямою подачей голосовъ; другая палата, называемая *сенатомъ*, составляется изъ двухъ сенаторовъ отъ каждаго штата, избираемыхъ мѣстными избирательными собраніями, и каждые два года обновляется на одну треть. Изъ соединенія обѣихъ палатъ образуется *конгрессъ*, управляющій страною: онъ проводитъ законы, устанавливаетъ налоги и повинности, заключаетъ займы и торговые договоры и имѣетъ право набирать войско и приводить его на военное положеніе. Сенату принадлежитъ право измѣненія биллей палаты представителей и вмѣшательство во многія дѣйствія исполнительной власти. Эта власть ввѣряется *президенту*, который не можетъ проектировать законовъ, и министры котораго не засѣдаютъ въ конгрессѣ; тѣмъ не менѣе, онъ можетъ возбудить вновь обсужденіе законовъ, съ которыми онъ не согласенъ. Онъ считается главнокомандующимъ арміи и флота Союза, но посланники, министры, члены совѣтовъ и судьи верховнаго суда назначаются имъ только съ согласія сената. Президентъ выбирается на четыре года коллегіей избирателей отъ каждаго штата; онъ можетъ быть избранъ и во второй разъ.

Судебная власть весьма простой организаціи состоитъ изъ верховнаго суда и судовъ округовъ, устанавливаемыхъ конгрессомъ. Эти суды разсматриваютъ только политическія дѣла, дѣла, относящіяся къ морскому праву и къ различнымъ трактатамъ, столкновенія между двумя или нѣсколькими штатами и т. п. Верховный судъ можно назвать судилищемъ Союза, президента—рукою его, а конгрессъ—мыслью и волею всѣхъ штатовъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Свобода гражданъ находится подъ защитой *habeas corpus*, дѣйствіе котораго можетъ пріостанавливаться лишь въ особенно важныхъ случаяхъ; граждане имѣютъ право собраній и петицій. Они не предъяв-

ляютъ никакихъ требованій къ государству во всемъ, что касается ихъ матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ. У каждаго города — свой бюджетъ, свои учебныя заведенія, свои больницы и тюрьмы и свои общественныя работы, о которыхъ онъ долженъ заботиться. Это—самая полная децентрализація, какую можно себѣ представить.

Не опасаясь иностранныхъ вторженій, Союзъ могъ освободить себя отъ содержанія громадныхъ армій, подавляющихъ бюджеты европейскихъ государствъ. Армія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ представляетъ лишь малочисленное ядро (около 25.000 человѣкъ), около котораго, въ случаѣ необходимости, собирается милиція, какъ это было въ ужасную войну 1861—1865 г. Флотъ Союза, имѣющій для него болѣе важное значеніе, гораздо многочисленнѣе. Въ немъ насчитывается 24 броненосныхъ судна, и въ общемъ, 158 военныхъ судовъ, на которыхъ число пушекъ превосходитъ 1.000.

Бюджетъ не болѣе 2 милліардовъ франковъ (415 милліоновъ долларовъ), но къ нему надо еще прибавить бюджеты отдѣльныхъ штатовъ. Государственный долгъ, хотя и увеличившійся, благодаря междоусобной войнѣ, послѣдующею системой постепенныхъ погашеній доведенъ до 8 милліардовъ, и Союзъ можетъ гордиться тѣмъ, что онъ — единственная держава, уменьшающая свой долгъ.

Этотъ цвѣтущій Союзъ, однако, едва не былъ разрушенъ. Дѣйствительно, уже простого взгляда на различныя географическія условія Соединенныхъ Штатовъ, на различія характера и нравовъ между обитателями Сѣвера и Юга достаточно для объясненія, почему тѣ и другіе захотѣли разорвать прежнюю связь между собою. Пуританское и плебейское происхожденіе сѣверянъ, ихъ религіозный и философскій духъ, ихъ лихорадочная дѣятельность представляли полную противоположность аристократическому происхожденію и высокомѣрію плантаторовъ Юга, менѣе шумливыхъ, болѣе чувствительныхъ къ жизненнымъ удобствамъ, менѣе падкихъ на прибыли, болѣе искусныхъ въ администраціи и болѣе способныхъ подчиняться дисциплинѣ. Югъ, доставлявшій весь хлопокъ Соединенныхъ Штатовъ, но не обладавшій ни промышленностью, ни торговлей, желалъ освободиться отъ опеки Сѣвера; онъ не хотѣлъ больше его посредничества въ сношеніяхъ съ Европой и его покровительственныхъ тарифовъ, стѣснительныхъ для южанъ. Но выше всѣхъ этихъ вопросовъ тарифныхъ, промышленныхъ и торговыхъ и противоположностей характера стоялъ вопросъ о *рабствѣ*.

Въ Сѣверныхъ Штатахъ, гдѣ господствовалъ библейскій духъ и гдѣ рабство, въ виду умѣреннаго климата, не могло оправдываться инте-

ресами земледѣлія, бо́льшая часть мѣстныхъ жителей отвергали его, какъ нѣчто позорное. Но оно поддерживалось въ обѣихъ Каролинахъ и въ Георгіи, знойный климатъ которыхъ не допускаетъ европейцевъ къ работамъ на плантаціяхъ; тамошніе хозяева видѣли въ неграхъ-невольникахъ необходимое орудіе для воздѣлыванія риса, индиго и, въ особенности, хлопка. Въ 1828 г., такъ называемымъ *компромиссомъ Миссури* было постановлено, что рабство не должно быть терпимо сѣвернѣе 36° с. ш. Но Союзъ простирался гораздо дальше къ югу, и въ 1850 г. насчитывалось 16 свободныхъ и 15 невольничьихъ штатовъ. Съ 1801 до 1850 г. число рабовъ утроилось; въ 1869 г. оно доходило почти до 4 милліоновъ. Южане въ 1850 г. добились другого *компромисса*, который позволялъ имъ преслѣдовать и разыскивать бѣглыхъ невольниковъ на всей территоріи Союза и предписывалъ властямъ содѣйствовать преслѣдователю; благодаря тому, происходили сцены крайне оскорбительныя для человѣческаго достоинства. Югъ долго сохранялъ политическое преобладаніе въ Союзѣ, и невольничьи Штаты пользовались имъ не только для поддержанія, но и для распространенія того, что они называли своимъ „особымъ учрежденіемъ“. Мужественный старецъ, Джонъ Браунъ, былъ повѣшенъ въ 1860 г. южанами за попытку освободить невольниковъ силою, и его смерть, которая сочтена была мученическою всѣми сѣверянами, возбудила въ нихъ ревность къ освобожденію невольниковъ. Именно въ это время равновѣсіе между партіями нарушилось въ пользу партіи *республиканской* и Сѣверныхъ Штатовъ. Слова *республиканцы* и *демократы* въ Сѣверной Америкѣ не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, какой придается имъ въ Европѣ. По ту сторону Атлантическаго океана республиканская партія расположена къ бо́льшей централизаиіи; демократы требуютъ, напротивъ, распространенія свободы отдѣльныхъ штатовъ: они преобладали на Югѣ, потому что децентрализація благопріятствовала злоупотребленіямъ рабовладѣльцевъ. Демократы Юга были раздражены и встревожены, когда узнали, что республиканцы провели въ президенты одного изъ своихъ кандидатовъ, Линкольна, и вновь начали борьбу за отмѣну невольничества.

Въ 1861 году Союзъ распался. Южная Каролина, Миссисипи, Флорида, Элебема, Георгія, Луизіана, Техасъ, а затѣмъ Виргинія, Теннесси, Арканзасъ и Сѣверная Каролина составили отдѣльную конфедерацію. Штаты, оставшіеся вѣрными Союзу и, кромѣ того, болѣе населенные, обладали нервомъ войны—деньгами. У плантаторовъ Юга не было другихъ средствъ, кромѣ ихъ земли и работы невольниковъ. Но они получили болѣе аристократическое воспитаніе и лучше умѣли вла-

дѣть оружіемъ, чѣмъ нью-іоркскіе купцы; южные штаты доставляли союзному войску и флоту почти всѣхъ офицеровъ, которые оставили свои посты и вернулись подъ знамена своихъ штатовъ. Югъ тотчасъ же создалъ флотъ и, кромѣ того, организовалъ партизанскую войну, которая давно уже вывелась въ Европѣ.

Эта борьба, длившаяся четыре года съ различными превратностями, съ битвами между громадными арміями, продолжавшимися по два и по три дня, вынудила Сѣверные Штаты увеличить свой флотъ и завести настоящее войско: у нихъ было подъ ружьемъ 600.000 человѣкъ, но бо́льшая часть этой арміи была распущена по окончаніи войны. Было исчислено, что болѣе 2.600.000 волонтеровъ принимали участіе въ дѣйствіяхъ союзнаго войска. Государственный долгъ возросъ; значительные выпуски бумажныхъ денегъ внесли большую смуту въ коммерческія сношенія. Тѣмъ не менѣе, источники благосостоянія Соединенныхъ Штатовъ такъ многочисленны, что бѣдствія войны изгладились въ непродолжительномъ времени. Югъ, съ своей стороны, покрылся фабриками: онъ сдѣлался промышленнымъ и торговымъ.

Эта война, нерѣдко столь безчеловѣчная, принесла, къ счастію, весьма гуманные плоды. 22-го сентября 1862 года Линкольнъ провозгласилъ освобожденіе всѣхъ невольниковъ въ штатахъ или частяхъ штатовъ, противившихся Союзу. Федеральное правительство признало негрскія республики Либерію и Гаити. 31 января 1865 года конгрессъ восторженно вотировалъ поправку къ конституціи, уничтожавшую рабство, и законодательства возмутившихся штатовъ одно за другимъ присоединились къ этой поправкѣ. Америка можетъ быть названа теперь настоящею страной свободы.

Благосостояніе страны, нѣсколько задержанное этимъ страшнымъ кризисомъ, было возстановлено немедленно послѣ окончанія его. Трудно назвать другую страну, въ которой совершалось бы такое быстрое преуспѣяніе земледѣльческое, промышленное и торговое. Громадныя равнины Запада, нѣкогда покрытыя высокими травами, среди которыхъ ползали змѣи, превратились въ необозримыя хлѣбныя поля. Они походятъ на громадную шашечную доску, вспаханную и засѣянную хлѣбомъ: въ этой новой странѣ переселенцы разбивали участки исключительно въ видѣ прямоугольниковъ. Повсюду прямая линія ограничиваетъ земли фермъ, занимающія въ среднемъ 64 гектара (количество, отводимое каждому переселенцу и увеличивающееся во столько разъ, сколько въ семьѣ его содержится взрослыхъ лицъ).

Америка отправляетъ теперь въ Европу такое количество хлѣба, что эта послѣдняя испытываетъ большую тревогу за будущность соб-

ственнаго земледѣлія. Соединенные Штаты питаютъ европейскія фабрики, кромѣ того, хлопкомъ и табакомъ.

Зеленѣющая поверхность почвы скрываетъ неисчерпаемыя минеральныя сокровища—каменный уголь, желѣзо, нефть и золото. Въ особенности, Пенсильванія содержитъ залежи каменнаго угля, не уступающія, по своему протяженію, каменноугольнымъ бассейнамъ Англіи. Кромѣ того, она обладаетъ источниками, даже подземными озерами *нефти*. Открытіе этихъ озеръ, относящееся не далѣе, какъ къ 1859 г., привлекло въ Пенсильванію множество переселенцевъ. Цѣлые города, какъ, наприм., Ойль-Сити (Oil-City), какъ-будто выростали изъ земли, чтобы потомъ исчезнуть, когда истощались источники; тогда другіе города возвышались въ мѣстахъ, гдѣ буреніе указывало присутствіе названнаго горючаго вещества, и полезнаго, и опаснаго въ то же время, потому что оно освѣщаетъ, но и вызываетъ страшные пожары. *Желѣзо* встрѣчается въ Сѣверной Америкѣ въ видѣ настоящихъ горъ. Соединенные Штаты доставляютъ половину количества желѣза, добываемаго Англіей, но со временемъ они будутъ доставлять вдвое больше нея. Въ началѣ нынѣшняго вѣка извлечено было изъ земли лишь нѣсколько сотъ тоннъ каменнаго угля; въ настоящее время его извлекается около 100 милліоновъ тоннъ. Эта добыча пока еще уступаетъ добычѣ Англіи (163 милліона тоннъ), но, въ виду почти безконечнаго запаса этого матеріала, Соединенные Штаты, съ быстротою, какою отмѣчены всѣ отрасли ихъ дѣятельности, не замедлятъ и въ этомъ дѣлѣ занять первое мѣсто.

Въ 1848 г. распространился слухъ, что на землѣ одного калифорнскаго поселенца найдены куски золота, и что въ почвѣ, разрытой въ нѣсколькихъ мѣстахъ, оказались на небольшой глубинѣ золотоносныя жилы. Американцы и европейцы толпами направились въ эту страну, до тѣхъ поръ почти неизвѣстную. Самыя богатыя залежи были найдены въ рѣчныхъ пескахъ бассейна р. Сакраменто; кромѣ того, и горы содержали золотоносный кварцъ. Искатели золота устремились на береговыя мѣста, болѣе удобныя для разработки, и каждый собиралъ отъ 3 до 4 унцій въ день, т.-е. на 50—60 долларовъ. Но плоскія береговыя мѣста вскорѣ перестали давать такую богатую добычу; пришлось обратиться къ рудникамъ и разбивать кварцъ, для чего требовались сильныя паровыя машины. Простые искатели наживы должны были отказаться отъ такой эксплоатаціи, доступной лишь крупнымъ капиталистамъ. Добываніе золота стало менѣе значительнымъ, но зато—болѣе правильнымъ. Съ 1848 г. Калифорнія дала драгоцѣннаго металла на 6 милліардовъ франковъ и теперь еще продолжаетъ давать ежегодно на 170 милліоновъ франковъ.

Первые годы разработки рудниковъ, которые можно назвать „героическимъ вѣкомъ“ (понимая это слово, какъ „первобытный“), ознаменованы были кровавыми столкновеніями: герои кинжала и пистолета, скуаттеры (squatters), какъ ихъ называли, наводняли золотоносные берега. Это былъ страшный періодъ, когда преступленія не останавливало даже постоянное примѣненіе закона Линча, когда пожары уничтожали хижины, выстроенныя піонерами, когда игра и развратъ разоряли золотоискателей, стремившихся съ жадностью воспользоваться богатствомъ, быстро пріобрѣтеннымъ и столь же быстро расточаемымъ. Открытіе другихъ рудниковъ въ Невадѣ, Колорадо, Айдего, Монтанѣ и, въ особенности, въ Австраліи отвлекло отъ Калифорніи наиболѣе буйный элементъ. Золотая горячка утихла въ ней. Американцы вскорѣ поняли, что имъ предстоятъ тамъ бо́льшія выгоды, чѣмъ извлеченіе частицъ золота изъ каменистыхъ горныхъ скатовъ: они стали распахивать тамошнюю плодородную почву, эксплоатировать лѣса, строить города. Населеніе Калифорніи достигаетъ уже почти милліона. Въ столицѣ ея, Санъ-Франциско, возникшей только недавно, насчитывается болѣе 250.000 жителей. Съ тѣхъ поръ, какъ началась обработка земли, страна производитъ болѣе хлѣба, чѣмъ потребляетъ, и даетъ ячменя болѣе, чѣмъ всѣ Соединенные Штаты, взятые вмѣстѣ. Она вывозитъ строевой лѣсъ, продукты своихъ ртутныхъ мѣсторожденій, шерсть, кожи и проч.

Штадъ Невада и территорія Ютаха доставляютъ безпрерывно возрастающее количество серебра, и рудники ихъ разрабатываются лишь съ 1880 г. Соединенные Штаты даютъ ежегодную добычу драгоцѣнныхъ металловъ болѣе, чѣмъ на 500 милліоновъ франковъ; Линкольнъ, говоря объ этихъ залежахъ, обнаруживающихся во многихъ штатахъ, называлъ ихъ „главнымъ сокровищемъ земного шара“.

Эти массы звонкой монеты, пущенныя въ обращеніе, произвели экономическую революцію, подобную той, какая произошла въ XVI вѣкѣ. Переходъ, однако, былъ менѣе рѣзкимъ, и, вмѣсто внезапной перемѣны, вызванной изобиліемъ звонкой монеты, послѣ недавняго недостатка ея, наступилъ лишь болѣе быстрый прогрессъ въ накопленіи этой монеты. Легкость сосредоточенія капиталовъ послѣ 1850 г., безъ сомнѣнія, была весьма благопріятна для развитія промышленности и торговли.

Желѣзо, золото и серебро не исчерпываютъ собою металлургическаго богатства Соединенныхъ Штатовъ: вокругъ большихъ озеръ находятся замѣчательныя залежи *мѣди*; онѣ были найдены также въ Мерилэндѣ, въ Пенсильваніи, въ Массачусетсѣ, въ Нью-Іоркскомъ штатѣ и проч. Поэтому металлургическая промышленность во всѣхъ ея

отрасляхъ получила громадное распространеніе, въ особенности, въ сѣверныхъ штатахъ. Обширныя заводскія зданія находятся во множествѣ въ Нью-Іоркѣ, въ Филадельфіи, Чикаго, Бостонѣ, Сенъ-Луи, Цинцинати, Питсбургѣ, Кливлэндѣ, Буффало, Детруа, Ньюаркѣ, Мильуоки. Американцы, примѣняя пріемы европейской промышленности со свойственною имъ смѣлостью, сравнялись съ Европой и даже превзошли ее силою своихъ машинъ, длиною и толщиною трубъ, силою поршней и смѣлою постройкой своихъ висячихъ мостовъ. Доказательствомъ того можетъ служить упомянутый выше мостъ въ Бруклинѣ, связывающій этотъ пригородъ съ самимъ Нью-Іоркомъ. Въ Европѣ нельзя найти столь величественнаго сооруженія.

Будучи богатымъ рынкомъ сырого матеріала, Америка сдѣлалась вмѣстѣ съ тѣмъ и страной мануфактуръ. Соединенные Штаты вырабатываютъ сами свои ткани и, для большаго поощренія своей промышленности, ввели у себя покровительственную систему. Европа, имѣвшая прежде большія преимущества надъ Сѣв. Америкой, уже болѣе не находитъ въ ней легкаго сбыта своихъ произведеній.

Самой лихорадочной торговой дѣятельностью отличается Нью-Іоркъ, важнѣйшій изъ городовъ Союза, насчитывающій болѣе $1^1/_2$ милліона жителей, не говоря о сосѣднихъ городахъ Бруклинѣ и Джерсей-Сити. Этотъ городъ соперничаетъ съ Парижемъ и Лондономъ и, на ряду съ ними, принадлежитъ къ міровымъ столицамъ. Въ Филадельфіи около 900.000 жителей. Въ Чикаго, растущемъ съ необычайною быстротой, болѣе 500.000 жителей, а западный соперникъ его, Сенъ-Луи, имѣетъ ихъ болѣе 350.000. Въ Соединенныхъ Штатахъ, кромѣ того, много городовъ съ 300, 200 и 150.000 обитателей. Величайшая легкость сообщеній, судоходство по большимъ озерамъ, громаднымъ рѣкамъ и ихъ притокамъ благопріятствуютъ развитію торговли. Послѣ англичанъ, американцы могутъ быть названы самыми усердными путешественниками; ихъ можно встрѣтить повсюду. Торговый флотъ ихъ содержитъ 24.368 судовъ, съ общей вмѣстимостью въ 4.165.933 тонны. На рѣкахъ пароходы въ нѣсколько ярусовъ, а на моряхъ гигантскіе паровые суда—перевозятъ путешественниковъ и товары, и это движеніе безпрерывно возрастаетъ. Общій торговый оборотъ Соединенныхъ Штатовъ выражается приблизительно въ суммѣ 8 милліардовъ франковъ.

Практическій геній ихъ всего болѣе выразился въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Пользу ихъ они поняли раньше европейцевъ и начали проводить рельсовые пути тамъ, гдѣ даже не было простыхъ дорогъ. Несчастные случаи, происходившіе на ихъ желѣзныхъ дорогахъ,

не останавливали ихъ, и въ семь лѣтъ, отъ 1862 до 1869 г., они провели между Атлантическимъ и Тихимъ океанами желѣзный путь почти въ 4.800 килом., по которому можно пересѣчь американскій материкъ въ одну недѣлю. Успѣхъ этого громаднаго предпріятія способствовалъ построенію другихъ подобныхъ путей, между прочимъ *Сѣверной Тихоокеанской* желѣзной дороги, направляющейся къ Орегону. Почта и телеграфъ получили соотвѣтственное развитіе, и Америка, какъ мы знаемъ, была родиной телефона.

Пуританамъ, основавшимъ колонію въ Массачусетсѣ, принадлежитъ честь провозглашенія еще въ 1635 г. принципа, что „воспитаніе дѣтей націи должно быть дѣломъ самой націи". Уже въ 1642 году они ввели обязательное обученіе. Ни одна страна не жертвуетъ такъ много на народное образованіе; всѣ американскіе города соперничаютъ между собою количествомъ всевозможныхъ учебныхъ заведеній. Въ 1880 г. расходы на общественныя школы во всѣхъ штатахъ достигали 80.732.838 долларовъ, т.-е., болѣе 160 милліоновъ рублей.

Несмотря на свое практическое направленіе, американцы не пренебрегали и высшей умственной культурой. У нихъ есть свои знаменитые литераторы и ученые. Въ Европѣ получили большую извѣстность американцы: Фениморъ Куперъ, Эдгаръ По, Лонгфелло и Бичеръ-Стоу, а также историки: Уильямъ Прескоттъ, Вашингтонъ Ирвингъ и Мотлэй, философъ Эмерсонъ и др.

Оригинальное, сильное, хотя и юное общество въ Америкѣ организовалось съ поразительной быстротой, благодаря тому, что въ его рукахъ оказались совершенно готовыя орудія цивилизаціи, которыя Европа вырабатывала съ такимъ трудомъ. У него не было традицій, но не было за то историческихъ препятствій, затруднявшихъ свободу его движеній. Оно могло широко примѣнить къ дѣлу жизненные принципы англо-саксонской расы и, съ политической точки зрѣнія, представило замѣчательный примѣръ серьезно организованной демократіи. Американцы свободно распространялись по обширнымъ пространствамъ, распахивали землю, строились, работали и торговали, не заботясь ни о чемъ, кромѣ поддержанія порядка. Разсчитывая всего болѣе на индивидуальную энергію, они старались не ограничивать ее никакими стѣснительными законами. При такомъ строѣ способности человѣка развиваются во всей своей широтѣ. Скромный земледѣлецъ, мелкій приказчикъ могутъ достигать самыхъ высокихъ положеній; многіе милліонеры, государственные люди и даже президенты поднимаются тамъ изъ низшихъ слоевъ населенія. Ихъ возвышеніе, впрочемъ, не нарушаетъ равенства, коренящагося тамъ въ нравахъ еще глубже,

чѣмъ въ законахъ. Въ сѣверо-американскомъ обществѣ нѣтъ кастъ; различія тамъ существуютъ только по отношенію къ богатству, и рѣзкость этихъ различій сглаживается, по возможности, широкой частной и общественной благотворительностью.

Въ этомъ заключается одно изъ главныхъ достоинствъ американскаго общества, глубоко религіознаго, несмотря на множество вѣроисповѣданій, пользующихся одинаковой свободой. Протестантизмъ тамъ преобладаетъ, но и католицизмъ имѣетъ многочисленныя церкви и епископства. Религіозный духъ чувствуется, въ особенности, въ сѣверныхъ штатахъ, гдѣ еще живы пуританскія традиціи.

Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы въ нравственномъ отношеніи Соединенные Штаты стояли выше европейскихъ государствъ. Крайняя свобода, доходящая до распущенности, жажда обогащенія, необузданная страсть къ роскоши, невоздержность и грубость нравовъ, несмотря на внѣшній лоскъ, не даютъ права этому обществу, хотя и блестящему, считать себя образцовымъ. Помимо того, тамъ существуетъ такое смѣшеніе расъ, что общество въ каждомъ штатѣ имѣетъ, такъ сказать, свою особую физіономію. Это общество имѣетъ всѣ качества и недостатки молодости: живость, пылкость, страстность въ работѣ и наслажденіяхъ, грубость манеръ, смѣлость, доходящую до наглости, удивительное упорство въ борьбѣ съ природой, изобрѣтательность и предпріимчивость, но оно не въ силахъ соперничать блескомъ литературы и искусствъ со старыми европейскими обществами, ревниво хранящими традиціи древности, возобновленныя и подкрѣпленныя ими. Американцы могутъ гордиться, что они открыли для цивилизаціи обширный материкъ, но ихъ гордость не должна переходить извѣстныхъ предѣловъ, такъ какъ за Европой остается бо̀льшее изящество цивилизаціи, памятниковъ литературы и искусства, бо̀льшая нравственность и сдержанность общественной жизни и бо̀льшее равновѣсіе учрежденій.

Франція, колонизовавшая берега рѣкъ Св. Лаврентія и Миссиссипи, допустила англичанъ занять свое мѣсто. Послѣдніе организовали къ сѣверу отъ Великихъ озеръ, отъ Атлантическаго до Тихаго океана, колоніальное государство, которое не можетъ соперничать съ тѣмъ, которое они потеряли, но которое, тѣмъ не менѣе, достойно вниманія, несмотря на суровость климата. Отказавшись отъ безсмысленныхъ строгостей прежней колоніальной системы, англичане понемногу дали свободу своимъ колоніямъ въ Колумбіи и Канадѣ, которыя составляютъ теперь почти самостоятельныя государства подъ именемъ *Канадскихъ владѣній*. Французская раса, въ сущности, продолжаетъ еще преобладать на рѣкѣ Св. Лаврентія, въ Квебекѣ и Монреалѣ. Тамъ удержа-

лись чисто французская цивилизація и даже нравы, костюмы и языкъ XVIII в. Англичане утвердились далѣе въ Верхней Канадѣ, въ Оттавѣ, и проникаютъ оттуда до ледяныхъ береговъ Гудзонова залива и рѣки Мэкензи. Несмотря на малочисленность населенія этихъ обширныхъ странъ, изъ которыхъ лишь немногія доступны для земледѣлія и обитанія, успѣхи современной промышленности выражаются тамъ довольно значительнымъ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ. Англичане и американцы въ XVIII в. вновь обратились къ изслѣдованіямъ обледенѣлыхъ земель, служащихъ продолженіемъ С. Америки по направленію къ полюсу. Они отыскивали сѣверо-западный проходъ не ради его пользы для торговли, но ради доказательства, что Атлантическій океанъ и на сѣверѣ, такъ же, какъ на югѣ, сообщается съ Тихимъ. Англійскій капитанъ, Россъ, въ 1818—1819 гг. открылъ о. Мельвиль, а въ 1829 г.—полуостровъ Бутію. Парри проникъ въ 1819—20 гг. до пролива Барроу. Сэръ Джонъ Франклинъ, послѣ смѣлыхъ странствованій среди льдовъ, исчезъ въ 1845 г. со своими кораблями Эребусъ и Терроръ. Долгое время его мужественная вдова отправляла суда въ поиски за нимъ, но имъ не удавалось даже найти слѣдовъ благородной жертвы преданности науки. Только въ 1859 г. англійскій капитанъ Мак-Клинтокъ нашелъ на о. короля Вильгельма жестяной ящикъ, въ которомъ находилось донесеніе матросовъ Франклина въ 1847 г.; оказалось, что всѣ эти матросы умерли съ голоду.

Стремленія открыть сѣверо-западный проходъ продолжались по направленію Баффинова моря. Американецъ Мак-Клюръ разрѣшилъ задачу, отправившись изъ Берингова пролива (1850—1854). Когда уже онъ не въ силахъ былъ двигаться по морю, онъ пошелъ пѣшкомъ по льдинамъ и достигъ пролива Барроу, открытаго Россомъ. Такимъ образомъ, онъ доказалъ возможность проѣхать изъ одного моря въ другое, но этотъ положительный результатъ столь долгихъ путешествій имѣлъ интересъ уже только для чистой науки.

Въ 1854 г. д-ру Кэну показалось, что онъ видитъ по направленію къ полюсу открытое море. Д-ръ Гейсъ достигъ въ 1861 г. 81°35′ с. ш., а капитанъ Нэрсъ въ 1876—83°24′. Это уже не далеко отъ полюса.

Въ началѣ XIX в. Испаніи принадлежала бо́льшая часть американскаго материка,—Мексика, Средняя и Южная Америка, за исключеніемъ Бразиліи. Но Испанія не могла отрѣшиться отъ старинныхъ заблужденій и отъ монополій. Она старалась изолировать отъ всего міра свои колоніи, протяженіе которыхъ не соотвѣтствовало ея внутренней силѣ. Она относилась съ величайшимъ презрѣніемъ не только къ коренному населенію, но и къ креоламъ и даже—къ испанцамъ,

рожденнымъ въ Америкѣ, которые были устранены отъ всѣхъ общественныхъ должностей. Воздѣлываніе виноградной лозы и оливковаго дерева не допускалось въ Мексикѣ, которая должна была получать все, что̀ ей было нужно, изъ Испаніи. Наученныя примѣромъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и возбуждаемыя слухами объ европейскихъ революціяхъ, населенія испанской Америки стремились къ коммерческой и политической свободѣ.

Вторженіе французовъ въ Испанію (въ 1808 г.) и воцареніе новой династіи послужили поводомъ къ первому потрясенію, но до 1815 г. ни одной изъ колоній не удалось получить свободу. Испанская революція 1820 г., обезсиливъ монархію Фердинанда VII, дала возможность колоніямъ разорвать свои узы, что̀, однако, не обошлось безъ борьбы: Боливару и Санъ-Мартину пришлось выдержать ожесточенную битву прежде, чѣмъ имъ удалось освободить штаты Южной Америки, которые между 1820 и 1826 гг. организовались въ республики Колумбію, Перу и Чили. Средняя Америка и Мексика также добились независимости. Съ 1817 г. начала организоваться Аргентинская конфедерація.

Это знаменитое движеніе имѣло весьма важныя экономическія послѣдствія: оно уничтожило монополіи. Новый Свѣтъ теперь весь былъ открытъ для европейской торговли. Съ политической точки зрѣнія результаты были менѣе удачными. Креолы оказались малоспособными къ самоуправленію, и повсюду, отъ Мексики до Буэносъ-Айреса, царствовала анархія. Молодыя республики съ излишнею поспѣшностью ввели въ среду неподготовленнаго населенія политическія системы и ученія Европы. Несмотря на постоянныя смуты, республики, однако, не пришли въ упадокъ.

Бразилія занимаетъ двѣ пятыхъ части южно-американскаго материка, превосходя своею поверхностью поверхность Франціи почти въ 14 разъ. Но населеніе ея слишкомъ рѣдко для такого огромнаго пространства, орошаемаго громадными рѣками Амазонкой и Параной. Бразилія встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненія въ своей роскошной растительности и громадныхъ лѣсахъ, непроходимыхъ отъ переплетающихся деревьевъ и ліанъ, отъ широкихъ рѣкъ, отъ невыносимаго зноя, вызывающаго къ жизни множество растеній и насѣкомыхъ, но и порождающихъ міазмы въ остаткахъ растительности, скопляющихся огромными массами и разлагающихся. Дѣло колонизаціи тамъ труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и приливъ эмигрантовъ въ эту страну весьма не великъ. Тѣмъ не менѣе населеніе увеличивается; во многихъ мѣстахъ проведены желѣзныя дороги, и Бразилія, благодаря своимъ превосходнымъ произведеніямъ (кофе, сахаръ, табакъ, цѣнныя деревья), обѣщаетъ,

при дальнѣйшемъ развитіи производительности и торговли, удовлетворить надеждамъ, возбужденнымъ плодородіемъ ея почвы, которая орошается величайшими рѣками міра и пользуется самымъ благопріятнымъ климатомъ.

Кругомъ Бразиліи живутъ лихорадочною жизнью республики, раскинувшіяся на просторѣ въ пампасахъ рѣки Ла-Платы или сжатыя между высокою цѣпью Андъ и Тихимъ океаномъ. Величественные потоки Парана и Парагвай, выходящіе изъ центральнаго плоскогорья Бразиліи, направляются къ юго-востоку, охватывая государство Парагвая и часть территоріи Аргентины. Эти рѣки соединяются въ 270 миляхъ отъ океана и затѣмъ орошаютъ своими соединенными водами громадные Аргентинскіе пампасы. Въ 70 миляхъ къ этой двойной рѣкѣ присоединяется еще Уругвай, также текущій изъ Бразиліи и орошающій территорію республики, получившей отъ него свое имя. Изъ этого сочетанія трехъ водныхъ путей, принадлежащихъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ во всей Америкѣ, образуется рѣка Ла-Плата, изливающая свои обильныя воды въ Атлантическій океанъ чрезъ роскошное устье въ 35 миль шириною.

Тамъ лежатъ громадныя пространства, привлекающія колонистовъ. Аргентина заключаетъ поверхность, въ 4 или 5 разъ превышающую поверхность Франціи, и, между тѣмъ, въ ней—немногимъ болѣе трехъ милліоновъ жителей. Эмиграція еще нерѣшительно распространяется въ этой странѣ, безпрестанно волнуемой революціями, и Аргентинская республика только еще начинаетъ извлекать пользу изъ благопріятныхъ условій своей богатой почвы, обилія текущихъ водъ и здороваго климата. Парагваю дорого обошлась продолжительная борьба, которую онъ долженъ былъ выдержать противъ Аргентины и Бразиліи. Развитіе Уругвая также было задержано войнами, вызывавшимися завистью его сосѣдей. Чили, Перу и др. андскія республики не переставали бороться между собою.

Тѣмъ не менѣе, съ начала нынѣшняго вѣка, населеніе прежнихъ испанскихъ колоній болѣе чѣмъ удвоилось. Тамъ строятся теперь желѣзныя дороги. Громадныя стада Аргентины, мѣдные рудники Чили, перуанское гуано, кофе, табакъ и хининъ Колумбіи поддерживаютъ довольно дѣятельную торговлю. Въ Буэносъ-Айресѣ теперь уже болѣе 300.000 жителей, въ портѣ Санъ-Яго—около 200.000 и въ Вальпарайсо—болѣе 100.000. За матеріальнымъ развитіемъ слѣдуетъ развитіе умственное и нравственное. Просвѣщеніе распространяется; газеты, выходящія тысячами экземпляровъ, пользуются полнѣйшею свободой; библіотеки и школы умножаются.

Въ Мексикѣ, послѣ мимолетнаго правленія Итурбида, установилась федеральная республика. Новая конституція, составленная по образцу конституціи Соединенныхъ Штатовъ, получила окончательную форму въ 1824 г. Съ тѣхъ поръ двѣ партіи, федералисты и монархисты, не переставали оспаривать власть другъ у друга, и почти всѣ президенты были низвергнуты своими соперниками. Эти перевороты благопріятствовали честолюбію Соединенныхъ Штатовъ, которые отняли у республики двѣ провинціи—Калифорнію и Новую Мексику (1846). Европа нѣсколько разъ вмѣшивалась въ эту борьбу, и, послѣ совмѣстной дѣятельности Испаніи и Англіи, въ 1861 г., французское правительство, при Наполеонѣ III, позволило вовлечь себя въ безумное предпріятіе—возстановленіе монархіи въ Мексикѣ подъ властью эрцгерцога Максимиліана. Мексиканская война, продолжавшаяся отъ 1862 до 1867 г., правда, привела къ установленію этой имперіи, но французскія войска не могли оставаться въ странѣ и должны были покинуть ее, въ виду враждебнаго отношенія Соединенныхъ Штатовъ. Мексиканская имперія быстро пала, и императоръ Максимиліанъ испыталъ въ Керетаро печальную участь Итурбида.

Эта долгая война была полезнымъ испытаніемъ для Мексики; съ того времени она обратила главное вниманіе на внутреннія улучшенія и вступила въ новую эпоху—эпоху серьезной работы. Въ этой странѣ, поверхность которой въ три раза превышаетъ поверхность Франціи, насчитывается немного болѣе 10 милліоновъ жителей. Въ 1862 г. въ ней была лишь одна желѣзная дорога; во время французской экспедиціи начали строить линію изъ Веракруца въ Мексико. Въ настоящее время желѣзнодорожная сѣть имѣетъ болѣе 5.000 километровъ длины.

Африканскій материкъ почти до нашихъ дней оставался за предѣлами исторіи. Первые колонизаторы его, португальцы, занимали лишь нѣсколькихъ узкихъ прибрежныхъ полосъ. Но и этотъ материкъ все болѣе и болѣе подпадаетъ подъ власть европейскихъ державъ, послѣ того, какъ неустрашимые путешественники раскрыли таящіяся въ немъ богатства.

Прочнымъ пріобрѣтеніемъ, результатъ котораго уже достаточно обнаружился, можно считать пріобрѣтенія Англіи и Франціи. Первыя находятся на рѣкѣ Гамбіи, на берегахъ Гвинейскаго залива и въ Капской колоніи, отнятой у голландцевъ въ 1815 г. Эта колонія получила отъ Англіи свободное правленіе по образцу европейскихъ правительствъ. Тамъ разрабатываются минеральныя богатства—каменный уголь, мѣдь, золото и, въ особенности, алмазы, открытые въ 1867 г. на берегахъ рѣки Вааля. Изъ этой колоніи англичане распространились до р. Оран-

жевой и отчасти покорили дикую страну зулусовъ, но потомки голландцевъ, *буры*, поддержали свою независимость въ Оранжевой и Трансваальской республикахъ.

Франція также не перестаетъ обращать вниманіе на колонизацію Африки. Не говоря о мелкихъ островахъ, она всего болѣе старается развить ее въ Сенегалѣ и Алжирѣ. Сенегалъ получилъ большое развитіе при второй имперіи. Губернаторъ Федербъ своимъ энергичнымъ и разумнымъ управленіемъ распространилъ французское владычество на Кайоръ, Бондо и Бамбукъ. Послѣ погрома 1870 г. пришлось отказаться отъ нѣкоторой части этихъ завоеваній, но затѣмъ поступательное движеніе возобновилось, и, послѣ новыхъ войнъ, Кайоръ былъ присоединенъ къ колоніи. Для лучшей эксплоатаціи богатствъ страны съ роскошною растительностью и для открытія сообщенія съ Верхнимъ Нигеромъ и Суданомъ, французское правительство рѣшилось построить три линіи желѣзныхъ дорогъ; въ 1884 г. была открыта вѣтвь отъ Дакара до Руфиска. Населеніе тамъ пока еще малочисленно, и торговля незначительна, но то и другое увеличивается съ каждымъ годомъ.

Однимъ изъ самыхъ полезныхъ завоеваній Франціи въ нынѣшнее столѣтіе было завоеваніе Алжирской области. Начатое при Карлѣ X, который хотѣлъ наказать алжирскаго дея за неуважительное отношеніе къ Франціи и уничтожить морскіе разбои, оно продолжалось при Людовикѣ-Филиппѣ и послѣдующихъ правительствахъ.

Городъ Алжиръ былъ взятъ 4-го іюля 1830 г.; затѣмъ французы оставили за собой порты Оранскій и Бонскій. Изъ этихъ трехъ пунктовъ французы распространились внутрь страны. Въ 1834 г. началась тринадцатилѣтняя борьба съ знаменитымъ эмиромъ, полководцемъ и пророкомъ Абдель-Кадеромъ, маскарскимъ беемъ. На югѣ французы далеко перешли предѣлы, на которыхъ останавливались римляне.

Преобразованіе Алжирской области казалось сперва весьма труднымъ дѣломъ. Французы видѣли передъ собою многочисленное туземное населеніе, враждебное и религіи, и нравственности Запада. Они не оказывали надъ нимъ никакого насилія и постепенно примирили его съ собою. Но колонизація подвигалась съ большимъ трудомъ и требовала продолжительнаго времени. Колонизаціи, вызывавшей развитіе земледѣлія, не легко было сладить съ кочевымъ духомъ арабовъ. Однако, съ шестидесятыхъ годовъ она сдѣлала замѣчательные успѣхи. Въ Алжирской области, раздѣленной на три департамента, со всѣми учрежденіями, охраняющими общественное спокойствіе, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ возрастаютъ земледѣліе и промышленное благосостояніе. Эта страна, служившая нѣкогда житницей для Рима, начала вывозить

прекрасный хлѣбъ и плоды,—апельсины, винныя ягоды и миндаль. Винодѣліе тамъ преуспѣваетъ, какъ нельзя лучше. Недавно введена тамъ культура хлопка. Лѣса, занимающіе 2 милліона гектаровъ, доставляютъ значительныя количества строевого и цѣннаго лѣса. Скотоводство продолжаетъ процвѣтать въ Алжирѣ: кромѣ знаменитыхъ лошадей, тамъ разводятъ многочисленныя стада рогатаго скота и овецъ. Въ этой странѣ проведено уже болѣе полуторы тысячъ километровъ желѣзныхъ дорогъ; проѣзжія дороги проходятъ черезъ Атласъ и горы Кабиліи; телеграфная сѣть идетъ на протяженіи болѣе 6.000 километровъ. Искусно устроенное орошеніе и артезіанскіе колодцы, вырытые въ Сахарѣ, позволяютъ отвоевывать плодородную землю у пустыни. Строятся новые города и деревни, открываются школы не только для европейцевъ, но и для арабовъ, учреждаются коллегіи, лицеи, литературныя и ученыя общества, благотворительныя заведенія и проч.,—однимъ словомъ, все, что характеризуетъ нашу цивилизацію, пересаживается въ Алжирскую область и развивается тамъ. Страна, управляемая гражданскимъ губернаторомъ и имѣющая своихъ представителей въ парламентѣ, все болѣе и болѣе становится африканской Франціей.

Весьма благопріятнымъ для Алжирской области должно оказаться распространеніе французскаго вліянія на Тунисъ. Тунисская область, граничащая съ Алжиромъ на востокѣ и составляющая съ нимъ одну географическую область, находится подъ покровительствомъ Франціи съ 1861 г. Преобразованное управленіе бея обѣщаетъ возможность ввести въ эту страну всѣ улучшенія, уже осуществившіяся на алжирской почвѣ. Не слѣдуетъ забывать, что Тунисъ нѣкогда считался самою плодородною страною въ мірѣ. Болѣе 2.000 торговыхъ судовъ посѣщаютъ его порты, и желѣзнодорожная сѣть его постепенно возрастаетъ.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ карта Африки была пустою и нѣмою. Въ настоящее время она покрыта надписями; неустрашимые изслѣдователи, преодолѣвая бо̀льшія опасности, чѣмъ мореплаватели XVI в., проникли въ глубь неизвѣстныхъ странъ и раскрыли африканскій материкъ для европейцевъ, которые до тѣхъ поръ держались только узкой береговой полосы. Исторія первыхъ изслѣдователей внутренней Африки есть длинный списокъ мучениковъ науки, такъ какъ они, по бо̀льшей части, пали жертвою свирѣпости дикихъ племенъ. Эта исторія начинается съ Мунго Парко въ концѣ прошлаго вѣка, за которымъ слѣдуютъ Клаппертонъ, Рене Калье, Лендеръ, Бартъ, Фогель и др. Благодаря этимъ ученымъ и мужественнымъ путешественникамъ, стали

извѣстны Суданъ, Сенегалъ, теченіе Нигера и бассейнъ озера Чадъ, а также—и дикое черное населеніе этихъ странъ.

Еще большее волненіе вызвано было въ Европѣ извѣстіемъ объ открытіи источниковъ Нила, остававшихся неизвѣстными до нашего времени. Уже съ прошлаго вѣка слѣдовали одна за другою попытки добраться до нихъ. Спикъ и Бёртонъ въ 1858 году отправились изъ Занзибара на восточномъ берегу, пересѣкли горную цѣпь съ высокими вершинами Кеніа и Килиманджаро и вступили на другое плоскогорье, гдѣ открыли громадное озеро Танганьику. Кромѣ того, они узнали, что къ сѣверу оттуда находятся другія озера. Спикъ во второмъ путешествіи, которое онъ совершилъ съ Грантомъ, рѣшился достигнуть этихъ озеръ, въ которыхъ можно было предположить истоки Нила. Между 1860 и 1862 гг. Спикъ и Грантъ, открывъ озеро Укереве, названное ими озеромъ Викторіи, убѣдились, что изъ него вытекаетъ большая рѣка. Услыхавъ, что эта рѣка впадаетъ въ другое озеро, они поднялись къ сѣверу и достигли Нила.

Самымъ своеобразнымъ и замѣчательнымъ путешественникомъ былъ простой протестанскій миссіонеръ *Давидъ Ливингстонъ*. Выѣхавъ съ мыса Доброй Надежды въ 1840 году, онъ изслѣдовалъ Южную Африку, озеро Нгами и долину Замбези. Въ 1852 г. онъ достигъ Санъ-Паоло де-Лоанда, на западномъ берегу. На возвратномъ пути, по долинѣ Замбези, онъ открылъ водопады Викторіи, въ которыхъ рѣка, шириною въ 1.800 метровъ, низвергается въ пропасть, вдвое превышающую глубину Ніагары. Оттуда Ливингстонъ добрался до Килиманс на восточномъ берегу, пройдя болѣе 3.700 килом. О немъ такъ долго не было извѣстій, что на поиски его былъ посланъ американецъ Стэнли, которому и удалось встрѣтить его въ Уджиджи. Стэнли предлагалъ ему вернуться въ Англію, но Ливингстонъ отказался и умеръ черезъ два года отъ истощенія силъ. Тѣло его было доставлено лейтенантомъ Камерономъ и погребено въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

Камеронъ пожелалъ послѣдовать его примѣру и, съ 1873 по 1875 г., проѣхалъ по бассейну Конго всю Африку. Вступивъ въ нее съ востока, онъ выѣхалъ на западѣ изъ Бенгуэлы, пройдя 5.500 километровъ.

Стэнли, въ свою очередь, совершилъ большое трехлѣтнее путешествіе (1874—1877), опредѣлилъ водораздѣлъ Нила и Конго и прослѣдилъ теченіе послѣдней изъ этихъ рѣкъ. Затѣмъ онъ поступилъ на службу Международной африканской ассоціаціи, давно еще учрежденной для уничтоженія торговли черными невольниками, но затѣмъ преобразованной въ общество съ цѣлью способствовать изслѣдованію

неизвѣстныхъ частей Африки. Подъ покровительствомъ и предсѣдательствомъ бельгійскаго короля Леопольда II, съ помощью комитетовъ другихъ странъ, африканская ассоціація отправила новыя экспедиціи, снаряженныя какъ нельзя лучше. Стэнли учредилъ многія станціи въ бассейнѣ Конго, но такъ какъ другія державы заявили притязаніе на извѣстную часть территоріи ассоціаціи, то эти притязанія были подвергнуты обсужденію конференціи въ Берлинѣ въ 1884 г. На этой конференціи были признаны существованіе *свободнаго государства Конго* и свобода торговаго судоходства по этой рѣкѣ.

Французы, въ свою очередь, съ 1872 г. дѣлали попытки проникнуть во внутрь экваторіальной Африки, черезъ берегъ Габуна и бассейнъ Огове. Страна эта была изучена Альфредомъ Маршемъ и маркизомъ Компьеномъ въ 1872—74 гг. Въ 1876 г. началъ свои замѣчательныя изслѣдованія Саворньянъ ди-Брацца, офицеръ французскаго флота. Онъ совершилъ два путешествія, которыя дали ему возможность объѣхать громадную территорію и заключить договоръ съ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ правителей этой страны, царемъ Макоко. Онъ основалъ станціи Франсвилль и Браццавилль и заставилъ мѣстныя племена признать покровительство Франціи. Трактатомъ 1855 г. была установлена новая французская колонія съ границей по лѣвому берегу Конго. Эта колонія, заключающая не менѣе 500.000 квадр. килом. весьма плодородной почвы, много обѣщаетъ въ будущемъ.

Не мало смѣлыхъ экспедицій французскихъ ученыхъ и изслѣдователей отправлены были изъ Алжирской области черезъ Сахару. Путь для нихъ открытъ былъ Рене Калье еще до завоеванія Алжира (1828). За нимъ слѣдовали многіе французскіе путешественники, изъ которыхъ иные пали жертвою своего научнаго рвенія, все-таки не открывъ пути, который долженъ связать Алжиръ съ Сенегаломъ.

Ученый ботаникъ Георгъ Швейнфуртъ направился въ западную область бассейна Нила и посѣтилъ страну, обитаемую *ніамъ-ніамами* и малорослыми *акками* (1868—1871). Нѣмецкій путешественникъ Нахтигаль совершилъ путешествіе, не менѣе заслуживающее удивленія. Выѣхавъ изъ Триполи въ 1869 г., онъ посѣтилъ область озера Чадъ, Багирми, Вадаи и въ 1874 г., чрезъ Дарфуръ и Кордофанъ, прибылъ въ Хартумъ, мѣсто сліянія Бѣлаго и Голубого Нила.

Португальцы, первые изслѣдователи и властелины африканскаго берега, не остались равнодушными къ этимъ путешествіямъ, показавшимъ имъ, какую пользу они могли бы извлечь изъ своего продолжительнаго обладанія страною. Въ 1877 г. португальское правительство послало экспедицію подъ начальствомъ майора Серпа Пинто, который, изучивъ притоки Замбези,

спустился къ югу черезъ пустыню Калагари и, пройдя всю южную Африку, прибылъ въ Дурбанъ, въ колоніи Наталь.

Германія, стоявшая до послѣдняго времени въ сторонѣ отъ колоніальной политики, пожелала также водрузить свое знамя въ отдаленныхъ странахъ: она учредила факторіи въ Камерунѣ, на берегу Гвинейскаго залива, и заставила признать за собою право на обладаніе западнымъ берегомъ Африки отъ мыса Фріо до рѣки Оранжевой.

Не слѣдуетъ забывать, что католическіе миссіонеры во всей Африкѣ, какъ и въ другихъ частяхъ свѣта, предшествовали миссіонерамъ науки. Ихъ армія, безпрерывно возобновлявшаяся, оставила на всѣхъ африканскихъ берегахъ своихъ воиновъ и своихъ мучениковъ. Африканскія миссіи установились на твердыхъ основаніяхъ съ 1840 г. и насчитываютъ 26 епископствъ, викаріатовъ, префектуръ и делегацій; онѣ утвердились не только въ европейскихъ колоніяхъ, но и въ Абиссиніи, на берегахъ Гвинеи, у кафровъ, на Мадагаскарѣ, въ Зангвебарѣ, въ области Конго и даже въ Суданѣ и Сахарѣ. Миссіи эти, по бо́льшей части, французскія. Религія, наука, политика и торговля дружно стремятся теперь къ мирному завоеванію африканскаго материка, недавно еще столь мало извѣстнаго, а теперь осаждаемаго со всѣхъ сторонъ. Цѣлые народы, въ теченіе вѣковъ находившіеся въ состояніи варварства, находятся наканунѣ просвѣщенія. Въ началѣ этой книги мы говорили, что черная раса не имѣетъ исторіи: теперь исторія начинается для нея.

Начиная съ XVI в., европейцы открыли между Азіей и Америкой цѣлый міръ острововъ, изъ которыхъ многіе отличаются замѣчательнымъ плодородіемъ. Въ XIX столѣтіи французскіе и англійскіе мореплаватели не оставили ни одного острова не изслѣдованнымъ и достигли даже антарктическихъ земель къ югу отъ Америки. Англичанинъ Джемсъ Россъ (1841) проникъ далѣе всѣхъ по направленію къ южному полюсу. Можно сказать, что въ настоящее время человѣку извѣстны самыя крайніе предѣлы его мѣстообитанія. Эти путешествія и открытія способствовали обогащенію и теоретической науки. Физика земного шара обязана имъ опредѣленіемъ магнитныхъ полюсовъ и термическаго экватора, изученіемъ вѣтровъ и морскихъ теченій, а ботаника и зоологія—изслѣдованіемъ различныхъ животныхъ и растительныхъ видовъ.

Голландцы сохранили и развили могущество колоніальныхъ владѣній, которыя они пріобрѣли въ Океаніи еще въ XVII в. Эти владѣнія охватываютъ Яву, Суматру и Зондскіе острова и содержатъ болѣе 20 милліоновъ жителей. Они управляются государственною властью, но участіе въ правленіи предоставляется и туземцамъ, прежніе вожди

которыхъ лишь обращены въ вассаловъ. Съ 1859 г. въ Нидерландской Индіи уничтожено невольничество. Вмѣстѣ съ тѣмъ, голландцы стараются просвѣтить туземцевъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и облегчить для нихъ возможность существованія. Они постоянно увеличиваютъ число школъ, и въ Батавіи существуетъ центральная коммиссія народнаго образованія. Голландскія колоніи, находясь въ счастливомъ климатѣ, развиваются съ изумительною быстротой. Кофе, сахаръ, рисъ, индиго, чай, кошениль и корица—составляютъ главные предметы вывоза. Голландцы стараются акклиматизировать въ своихъ владѣніяхъ строевыя деревья и новые виды деревьевъ, въ родѣ гвоздичнаго и т. п. На о. Явѣ теперь уже нѣсколько сотъ километровъ желѣзныхъ дорогъ.

Англичане въ концѣ прошлаго столѣтія отправляли преступниковъ въ Австралію и основали пенитенціарныя учрежденія въ Ботани-Бей и Портъ-Джексонѣ. Колоніи преступниковъ, которымъ отводилась земля, къ 1840 г. достигли такого процвѣтанія, что правительство, желая поощрить эмиграцію свободныхъ людей, перестало посылать туда преступниковъ. Въ 1851 году открытіе золотыхъ рудниковъ дало новый толчекъ эмиграціи. Изысканія привели вскорѣ къ благопріятнымъ результатамъ на обширномъ пространствѣ 12 градусовъ широты и 11 градусовъ долготы. Изъ этихъ рудниковъ поступилъ не одинъ милліардъ драгоцѣннаго металла на европейскій рынокъ. Въ то же время европейскія фабрики пользуются шерстью многочисленныхъ стадъ, пасущихся на громадныхъ равнинахъ Австраліи: этотъ источникъ богатства не уступаетъ золотымъ рудникамъ. Въ настоящее время Мельбурнъ и Сидней имѣютъ каждый болѣе 300.000 жителей и приняли видъ большихъ европейскихъ городовъ.

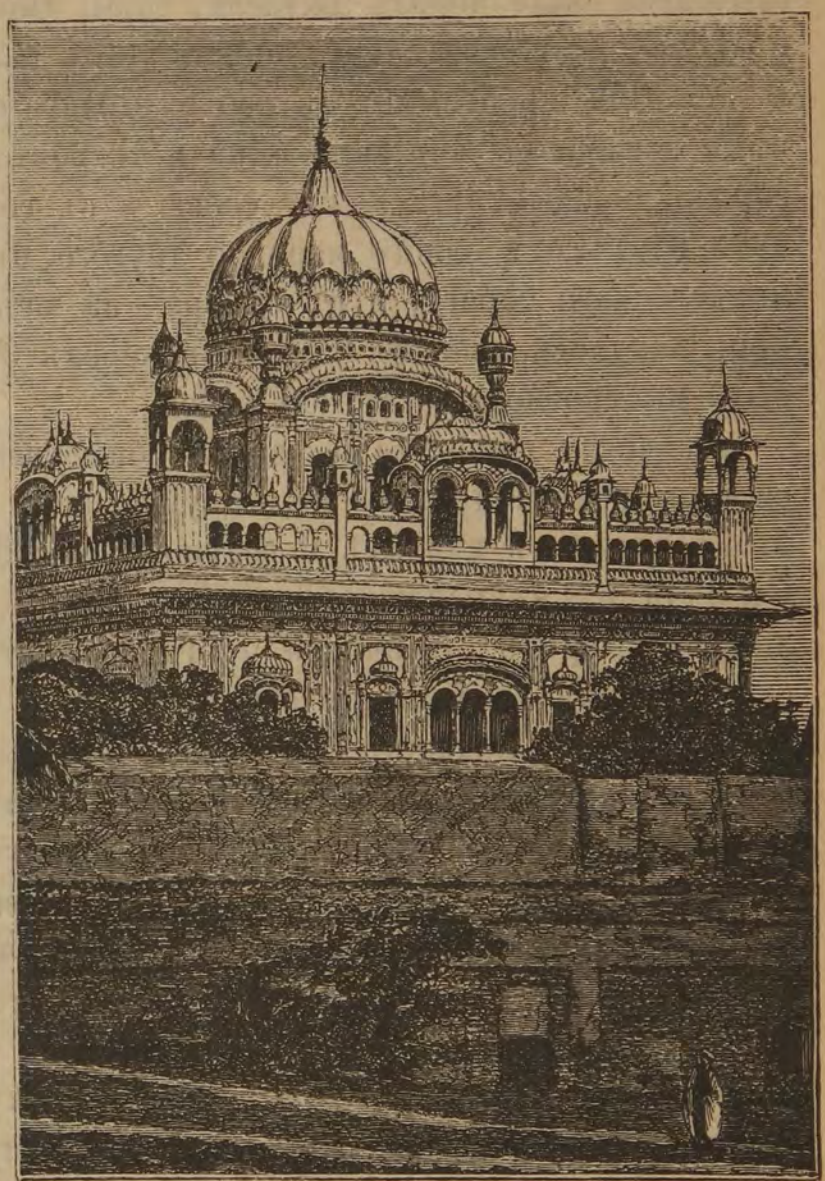
Какъ ни значительна была колонизація въ Океаніи и Африкѣ, Азія, со своими богатыми продуктами и 800 милліоновъ обитателей, представляетъ самое обширное поприще для дѣятельности европейцевъ. Тамъ по преимуществу проявляется соперничество между великими державами.

Англичане еще въ XVIII в. установили свою власть надъ Индостаномъ. Они постепенно закончили покореніе его и овладѣли *Дели*, древней столицей монгольской имперіи (1813). Они распространились по долинѣ Инда, подчинили себѣ Синдъ, королевство Лагорское, Пенджабъ и начали завоеваніе Индо-Китая.

Затѣмъ, они вздумали распространить свою власть за предѣлы Индіи и проникли въ Афганистанъ, но походъ въ эту страну закончился пораженіемъ при Курлъ-Кабулѣ. Англичане, тѣмъ не менѣе, не

отказались отъ своего намѣренія и, между 1879 и 1881 гг., утвердили свое вліяніе въ долинѣ Кабула.

Власть англичанъ въ Индіи была, впрочемъ, поколеблена страшнымъ возстаніемъ въ 1857 г. Индія сдѣлалась театромъ избіенія, пожаровъ и жестокой мести со стороны англичанъ, которые въ концѣ концовъ восторжествовали надъ инсургентами. Это былъ внушительный урокъ для Великобританіи. Она воспользовалась имъ и взяла на себя управленіе Индіей, назначивъ государственнаго секретаря Индіи и Совѣтъ изъ 15 членовъ; въ 1878 г. министръ Дизраэли заставилъ провозгласить королеву императрицей Индіи. Начиная съ 1860 г., въ колоніи находились только королевскія войска. Правосудіе было организовано по образцу англійскаго; преграда, раздѣлявшая англичанъ отъ туземцевъ, была уничтожена, и эти послѣдніе могли предъявлять притязанія на общественныя должности. Совѣтъ былъ преобразованъ въ министерство при генералъ-губернаторѣ, который могъ назначать въ него и туземцевъ. Въ 1862 г. три индуса засѣдали въ Калькуттѣ, рядомъ съ высшими сановниками англійской администраціи.



Архитектура Индіи.—Дворецъ въ Лагорѣ.

Индійская имперія имѣетъ болѣе 3.800.000 квадр. килом., съ населеніемъ въ 252.660.550 обитателей, въ числѣ которыхъ англичанъ лишь около 80.000. Это отношеніе служитъ лучшимъ доказательствомъ превосходства европейцевъ, которые въ такомъ небольшомъ числѣ могутъ управлять столь значительными массами людей, и въ частности

это служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ политическаго искусства англичанъ.

Англія поняла, какими средствами она можетъ обезпечить свое владычество въ Индіи. Она прежде всего занялась матеріальнымъ улучшеніемъ страны. Обширная сѣть желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ проведена была черезъ джунгли, горы, скалы и непроходимые лѣса, съ невообразимыми затрудненіями, такъ какъ Индія кишитъ ядовитыми и хищными животными: въ ней ежегодно отъ 15 до 18 тысячъ человѣкъ погибаютъ жертвами змѣй и тигровъ. Желѣзная дорога связала города долины Ганга между собою и съ городами Декана. Рельсовые пути идутъ отъ одного моря до другого, отъ Малабарскаго—до Коромандельскаго берега, и съ сѣвера—на югъ. Постройка желѣзныхъ дорогъ началась лишь въ 1853 г., и черезъ 30 лѣтъ съ небольшимъ ихъ было выстроено уже 16.000 килом.

Къ числу наиболѣе полезныхъ общественныхъ работъ принадлежатъ системы орошенія, имѣя цѣлью уменьшить вліяніе засухи, обычной въ этомъ знойномъ климатѣ и ведущей за собою ужасающія голодовки. Съ 1771 г., въ различныя времена погибло отъ голода нѣсколько милліоновъ жертвъ. Причиной этого несчастія были засухи, слишкомъ ограниченная поверхность обрабатываемой земли (менѣе одной трети всей Индіи) и жадность торговцевъ, которые, несмотря на плохіе урожаи, не переставали вывозить хлѣбъ. Отчасти эти бѣдствія зависятъ и отъ суевѣрія жителей, которые умираютъ съ голода, не рѣшаясь ѣсть мясо нѣкоторыхъ животныхъ, не дозволенное ихъ религіей. Рогатый скотъ индусы считаютъ священнымъ и никогда не ѣдятъ его, ограничиваясь почти исключительно растительной пищей.

Индусы, кромѣ хлѣба, производятъ въ значительномъ количествѣ опіумъ, вывозимый въ Китай, хлопокъ, джутъ, весьма полезное прядильное растеніе, рисъ, чай, кофе, прянности, сахаръ и различныя благовонныя вещества.

Крупная промышленность не развита въ Индіи; причиною того не можетъ быть недостатокъ каменнаго угля, такъ какъ поверхность каменноугольнаго бассейна исчисляется въ 70.000 кв. килом. Индія во всѣ времена была страною ткацкой и художественной промышленности. Многія, весьма извѣстныя ткани ведутъ оттуда свое начало,—каковы ситцы, коленкоръ, мадеполамъ и др. Кашмирскія шали поддерживаютъ до сихъ поръ свою высокую репутацію и цѣнность.

Индусы весьма искусны въ чеканкѣ чашъ, ларцовъ, оружія, въ выдѣлкѣ различныхъ вещей изъ аметиста, горнаго хрусталя, съ инкрустаціей изъ золота, рубиновъ и изумрудовъ. Ничто не можетъ срав-

ниться съ роскошью индійскихъ раджей, дворцы, террасы и мамвзолеи которыхъ приводятъ путешественниковъ въ изумленіе. Оригинальная архитектура дворцовъ, буддистскихъ храмовъ и мусульманскихъ мечетей, съ изящными балконами и кружевами изъ мрамора, даютъ высокое понятіе о воображеніи этихъ народовъ, столь долго находившихся въ упадкѣ, послѣ того, какъ они были родоначальниками нашей цивилизаціи. Индусы выдѣлываютъ драгоцѣнныя вещи съ удивительнымъ разнообразіемъ. Большою тонкостью работы отличаются вещи лакированныя и сдѣланныя изъ сандаловаго дерева съ рѣзьбой и инкрустаціей изъ слоновой кости. Въ Калькуттѣ и Бомбеѣ выдѣлывается мебель изъ желѣзнаго и чернаго дерева, вся ажурная, какъ кружево. Къ этой старинной индусской промышленности англичане, укрѣпившись на берегахъ Ганга, присоединили и новѣйшую. Индія начинаетъ работать не только для себя, но и для другихъ странъ. Торговые обороты ея превышаютъ три милліарда франковъ; это немного по отношенію къ ея населенію, но прогрессъ ея идетъ, не останавливаясь.

Несмотря на существованіе кастъ и двухъ древнихъ религій, брамянской и буддійской, европейскія идеи замѣтно распространяются въ Индіи, и въ ней уже прекратилось самосожженіе вдовъ, столь прославленное въ ея исторіи. Повсюду открываются школы, въ которыхъ число учениковъ въ послѣднія 50 лѣтъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ сто разъ. Высшія коллегіи учреждены въ Калькуттѣ, Пунѣ, Дели, Агрѣ Бенаресѣ и др., и молодые индусы легко усвоиваютъ новѣйшую науку, колыбель которой находилась въ ихъ странѣ. Ученыя общества возникли по образцу Азіатскаго общества въ Калькуттѣ; рядомъ съ нимъ образовались и музеи, какъ, напр., въ Аллахабадѣ.

Такимъ образомъ, Индія, въ которой столько вѣковъ прозябали братья европейской расы, теперь возрождается къ жизни. Много еще пройдетъ времени, пока просвѣщеніе распространится въ такой громадной массѣ людей, но трудно найти для него страну болѣе благопріятную, чѣмъ богатыя и теплыя долины бассейна Ганга, съ возвышающимися надъ ними громадными вершинами Гималаевъ, чѣмъ плоскогорья Декана, высота которыхъ умѣряетъ зной и въ которыхъ разсыпаны всѣ дары природы съ неистощимымъ изобиліемъ.

Древнѣйшее государство въ мірѣ, *Китай*, также привлекалъ къ себѣ европейскія державы, которыя всѣ вмѣстѣ не могутъ сравниться съ нимъ по обширности и по населенности. Китай упорно уклонялся отъ торговыхъ сношеній, и англичанамъ приходилось ограничиваться только торговлей опіумомъ, который китайцы курятъ съ непреодолимою страстью. Китайское правительство хотѣло, однако, прекратить ввозъ и этого

продукта, что̀ повело къ войнѣ 1840—1842 гг. Британскія эскадры блокировали берега и заняли большіе города Амой, Нингпо и Шанхай. Англійскія суда поднялись по Янцекіангу и появились передъ Нанкиномъ. Императорскій каналъ, которымъ сообщаются сѣверныя и южныя провинціи, былъ закрытъ, и тогда китайцы, коварство которыхъ не одинъ разъ затягивало переговоры, рѣшились подписать трактатъ. Китай открылъ пять гаваней для всѣхъ иностранцевъ и уступилъ Англіи о. Гонконгъ въ Кантонской бухтѣ.

Французское правительство при Людовикѣ-Филиппѣ воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы заключить, съ своей стороны, торговые трактаты съ Китаемъ, но эти трактаты были лишь новымъ обманомъ. Въ 1859 г. французы и англичане пришли къ убѣжденію, что эта страна откроется для нихъ лишь послѣ серьезной военной экспедиціи. 12.000 французовъ, подъ командою генерала Кузена-Монтобана, и 23.000 англичанъ, подъ начальствомъ генерала Гранта, были посланы въ Китай. Форты Пейхо были взяты въ августѣ 1860 г. Побѣды при Чангъ-Кіа и Паликіао открыли дорогу въ Пекинъ, и пожаръ лѣтняго дворца, который зажгли англичане, вынудилъ китайское правительство къ уступкамъ. 24-го октября въ Пекинѣ подписана была конвенція съ Франціей. Свита изъ 2.000 человѣкъ сопровождала посла, при торжественномъ въѣздѣ его въ китайскую столицу. Это вступленіе Европы въ столицу, до сихъ поръ закрытую для иностранцевъ, было любопытнымъ и единственнымъ въ исторіи зрѣлищемъ. Пекинскіе трактаты увеличили до шестнадцати порты, открытые для европейцевъ. Но Европа до сихъ поръ еще не справилась съ коварствомъ китайцевъ.

Нечего удивляться, что имперія, столь обширная и столь населенная, какъ Китай, процвѣтавшая уже сотни вѣковъ, долго отказывалась отъ сношеній съ европейцами, которые казались ей варварами, которыхъ, въ своемъ высокомѣріи, она считала низшей и хищнической расой. Небесная имперія начинаетъ понемногу отвыкать отъ своего предубѣжденія, а Европа начинаетъ другими глазами смотрѣть на Китай. Теперь для насъ стала понятною политическая и общественная организація этого государства, напоминающая строй древнихъ государствъ. Мы болѣе понимаемъ теперь религіозный характеръ высшей власти, ведущій къ традиціонному деспотизму богдыхана, настолько скрытаго отъ глазъ подданныхъ, что въ Пекинѣ улицы должны быть безлюдными и дома закрытыми, когда онъ проѣзжаетъ по городу; мы понимаемъ и религіозный характеръ отцовской власти, такъ же безграничной, и обожаніе предковъ, гробницы которыхъ превращаются въ алтари. Это именно то, что мы видимъ въ началѣ исторіи у грековъ

и римлянъ. Женщина еще не вышла тамъ изъ подчиненнаго положенія; она живетъ уединенно и замкнуто, и полигамія, дозволенная закономъ, поддерживаетъ ея униженіе.

Тѣмъ не менѣе, государственная власть организована тамъ весьма искусно. Два главныя государственныя учрежденія составляютъ великій секретаріатъ (неко) и государственный секретаріатъ (хун-хи-ху); первый, состоящій изъ шести высшихъ сановниковъ, управляетъ всей администраціей, но вліяніе его подавляется теперь государственнымъ секретаріатомъ, издающимъ императорскіе эдикты и наблюдающимъ за всей администраціей, гражданской и военной. Администрація раздѣлена между шестью совѣтами или министерствами—гражданской администраціей (липу), финансовой (гупу), обрядовъ и церемоній (ли-пу), военной (пинг-пу), судебной (хсинг-пу) и общественныхъ работъ (кунг-пу). Кромѣ того, существуетъ администрація покоренныхъ странъ и управленіе иностранныхъ дѣлъ (Тсунг-ли-яменъ). Всѣ мандарины или чиновники—люди, получившіе образованіе, подвергавшіеся долгому обученію и назначенные по конкурсу. Они живутъ подъ постояннымъ страхомъ, который, въ свою очередь, внушаютъ своимъ подчиненнымъ. Это—примѣненіе старой деспотической системы древнихъ азіатскихъ государствъ.

Въ Китаѣ нѣтъ общественныхъ классовъ; тамъ господствуетъ самое полное равенство, но между образованными людьми и невѣжественной массой существуетъ глубочайшее различіе. Образованные люди придерживаются вѣроисповѣданія Конфуція (550—479 до Р. Х.), которое есть нѣчто въ родѣ философскаго ученія, устанавливающаго правила государственнаго управленія столько же, сколько и религіозной жизни, и ставящаго идеаломъ іерархію ученыхъ и философовъ, которые исполняютъ различныя общественныя должности, и во главѣ которыхъ находится императоръ. Буддизмъ и таоизмъ [1]) также весьма распространены, не говоря уже о почитаніи предковъ, существующемъ совмѣстно съ различными ученіями.

Хотя бо̀льшая часть этихъ ученій создана была философами, но они не повели къ смягченію правосудія, которое до сихъ поръ еще весьма жестоко. Въ Китаѣ не только удержались варварскія казни, существовавшія въ Европѣ до 1789 г., но въ немъ допускаются и столь ужасныя, какъ разсѣченіе человѣка на 125 кусковъ. Малѣйшія вины тамъ наказываются палочными ударами, отъ которыхъ никто не избавленъ, не исключая и высшихъ сановниковъ.

---

[1]) Тао—одно изъ именъ высшаго существа у китайцевъ. Культъ Тао, выполняемый сектой таот-се, былъ основанъ Лаотсе въ XVI в. до нашей эры.

Въ Китаѣ вся земля обработывается съ величайшимъ стараніемъ, хотя земледѣльческія орудія весьма несовершенны. Земледѣліе можно тамъ сравнить съ садоводствомъ. Орошеніе практикуется въ крупныхъ размѣрахъ, ради воздѣлыванія риса, занимающаго $^1/_8$ часть обработываемаго пространства. Кромѣ овощей и плодовъ, Китай производитъ хлопокъ, сахарное сорго, апельсины, шелковицу, сладкіе пататы и проч. Почти повсюду лѣса тамъ вырублены, чтобы дать мѣсто воздѣлыванію различныхъ растеній, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено чайное дерево. Земледѣліе всегда почиталось въ Китаѣ, какъ главный источникъ жизни. Китаецъ мало занимается луговодствомъ и разведеніемъ скота; быками онъ пользуется только для работы. Пища его состоитъ, главнымъ образомъ, изъ риса, овощей, рыбы и домашней птицы; онъ употребляетъ, по преимуществу, свиное мясо.

Въ Китаѣ, какъ земледѣліе, такъ и промышленность держатся традицій. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ китайцы были искусны въ выдѣлкѣ тканей и металлическихъ издѣлій. Промыслы у этого развитого и трудолюбиваго народа, переходя отъ отца къ сыну, превратились въ искусства. Каждый предметъ дѣлается однимъ мастеромъ-художникомъ, такъ какъ раздѣленія труда тамъ не существуетъ. Извѣстно, что китайцы изобрѣли раньше другихъ бумагу, компасъ, порохъ и книгопечатаніе. Но всѣ эти изобрѣтенія должны были пройти черезъ руки европейцевъ, чтобы принести дѣйствительно полезные результаты. Впрочемъ, большое число знаковъ, необходимыхъ для китайскаго языка, въ которомъ каждый слогъ представляетъ извѣстную идею, затрудняло употребленіе подвижныхъ буквъ. Книги китайцевъ, по большей части, пишутся кистью на шелковистой бумагѣ.

Земля въ Китаѣ содержитъ въ своихъ нѣдрахъ металлы, соль и каменный уголь; послѣдній добывается уже въ такомъ количествѣ, что эта страна занимаетъ шестое мѣсто среди тѣхъ, которыя добываютъ это вещество. Металлургія всегда довольно высоко стояла у китайцевъ: они искусны въ изготовленіи сплавовъ мѣди, свинца, олова, цинка, серебра и золота. Соприкосновеніе съ европейцами могло, конечно, только содѣйствовать развитію этой промышленности.

Выдѣлка шелка составляетъ національный промыселъ китайцевъ. Именно отъ нихъ научились ему персы, и отъ нихъ, вѣроятно, исходили первыя шелковыя матеріи, восхищавшія римскихъ патриціевъ. Мандарины носятъ богатыя шелковыя одежды, и шелковыя ткани покрываютъ стѣны дворцовъ.

Китайцы достигли большого искусства въ выдѣлкѣ лаковъ, ларцовъ,

фарфора, эмали и бронзы. Лаки они приготовляютъ изъ клейкой жидкости, извлекаемой изъ растенія *Rhus vernicifera*, весьма опаснаго вещества, до котораго рабочіе не должны дотрогиваться. Кантонскій лакъ чернаго цвѣта, а пекинскій—краснаго; съ помощью этихъ лаковъ, приготовляются рабочія шкатулки, жардиньерки, вазы, вѣера, этажерки и проч. Фарфоровыя издѣлія, изготовленіе которыхъ нѣкогда составляло одинъ изъ главныхъ промысловъ, становятся рѣже въ Китаѣ. Въ Нанкинѣ нѣкогда существовала башня изъ фарфора въ 29 метровъ вышиною; она была разрушена полудикими пиратами, тайпингами. Старинныя вазы и тарелки встрѣчаются все рѣже и рѣже и продаются за огромныя деньги. Художественный фарфоръ вытѣсняется новѣйшимъ, обыденнымъ.

Фарфоровая башня въ Нанкинѣ (нынѣ разрушенная).

Слѣдуетъ замѣтить, что китайцы вообще не обладаютъ художественными идеями. Правда, китайскій фарфоръ, столь извѣстный въ Европѣ, обладаетъ неподражаемыми красками, оригинальностью формы и особенной бѣлизной, вслѣдствіе чего любители керамики отводятъ ему первое мѣсто въ своихъ коллекціяхъ. Но для художника и человѣка со вкусомъ маленькая севрская куколка или саксонская фигурка представляютъ гармонію линій и изящество контуровъ, которыхъ нельзя найти въ уродливыхъ китайскихъ издѣліяхъ.

Во всякомъ случаѣ, сношенія Европы съ Китаемъ открываютъ этой странѣ новое будущее. Уже съ 1882 г. въ открытыхъ портахъ насчитывалось 440 европейскихъ торговыхъ домовъ, изъ которыхъ болѣе половины принадлежатъ англійскимъ фирмамъ. Китайцы, которыхъ обвиняютъ въ неподвижности, понемногу выходятъ изъ этого состоянія. Они заказываютъ суда въ Европѣ, покупаютъ улучшенное оружіе, и если военныя суда ихъ не рѣшались аттаковать французскій флотъ, то сухопутныя войска въ тонкинскую войну выказывали лучшія качества, чѣмъ безпорядочныя толпы, сражавшіяся при Паликіао. Китай

имѣетъ теперь аккредитованныхъ пословъ на Западѣ, изъ которыхъ иные—люди, хорошо образованные.

Безъ сомнѣнія, деспотизмъ тяготѣетъ еще надъ китайскимъ народомъ, и опіумъ продолжаетъ оказывать на него пагубное дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе, Европѣ слѣдуетъ быть на сторожѣ: въ Китаѣ около 400 милліоновъ жителей, которые легко могутъ возобновить прежнія монгольскія нашествія, но съ усовершенствованнымъ вооруженіемъ и тактикой, заимствованной отъ насъ. Надо надѣяться, что эта опасность будетъ предотвращена непрерывнымъ прогрессомъ цивилизаціи, которая будетъ проникать все глубже и глубже въ эту массу, не колебля ее и не отрывая отъ столь плодородной почвы. Не забудемъ также, что эта страна составляетъ новое завоеваніе цивилизаціи. Китайцы еще не строятъ желѣзныхъ дорогъ, и, вообще, отъ нихъ можно ожидать многаго, чего теперь еще нельзя и предвидѣть.

Другое государство еще плотнѣе замыкалось отъ европейцевъ: мы говоримъ о *Японіи*. Японія состоитъ, какъ мы знаемъ, изъ четырехъ большихъ острововъ и многочисленныхъ островныхъ группъ, составляющихъ длинную дугу протяженіемъ въ 800 миль. Въ XVII в. эти страны открылись для миссіонеровъ, которымъ удалось обратить въ христіанство значительное число туземцевъ. Но въ 1637 г. страшное избіеніе истребило христіанъ. Съ этого времени Японія замкнулась, воздвигнувъ непреодолимую преграду для европейцевъ.

Только голландцы могли сообщаться съ японцами, и то они должны были держаться на небольшомъ островкѣ близъ Нагасаки и подвергаться множеству суровыхъ стѣсненій. Въ 1851 г. Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ удалось заключить трактатъ съ Японіей. Тогда другіе народы попытались проникнуть въ брешь, пробитую американцами. Подобный же трактатъ англійскій адмиралъ Стерлингъ 14 октября 1854 г. заключилъ въ Нагасаки. Голландцы добились тѣхъ же преимуществъ 9 ноября 1855 г. Пользуясь несогласіями Японіи съ Китаемъ въ 1858 г., Франція и Англія добились еще болѣе серьезныхъ уступокъ. Лордъ Эльджинъ въ августѣ 1857 г. появился передъ Іеддо съ тремя военными кораблями и вынудилъ подписаніе новаго трактата 26 числа названнаго мѣсяца. Черезъ мѣсяцъ французскій посланникъ, баронъ Гро, заключилъ такой же договоръ. Американскій консулъ и русскій адмиралъ Путятинъ, съ своей стороны, потребовали предоставленія имъ новыхъ выгодъ.

Французы, англичане и русскіе могли теперь свободно останавливаться въ открытыхъ портахъ Хакодаде, Канагавѣ, Хіого и Нагасаки. Съ 1862 г. для иностранцевъ открылись Іеддо и Осака. Бомбардиров-

ка Симоносаки въ 1864 г. убѣдила японцевъ, что сопротивленіе европейскому оружію для нихъ невозможно. Въ 1865 г. микадо далъ свое оффиціальное согласіе на заключеніе трактата, и вскорѣ въ Японіи произошелъ любопытный переворотъ.

Тайкунъ, свѣтскій правитель, съ которымъ европейцы только и имѣли дѣло, былъ, въ дѣйствительности, лишь довѣреннымъ лицомъ микадо. Давно уже тайкунъ неправильно присвоилъ себѣ верховную власть и сталъ во главѣ восемнадцати великихъ *дайміосовъ*, управлявшихъ страною. Съ того времени, какъ иностранцы были допущены въ Японію, тайкунъ старался установить неограниченную власть надъ дайміосами; южные дайміосы возстали, покинули Іеддо и отправились въ Кіото, резиденцію микадо. Послѣ того, какъ войска тайкуна были разбиты, микадо простилъ его, и онъ сдѣлался простымъ сановникомъ. Микадо вступилъ въ Іеддо 25 ноября 1868 г. Затѣмъ возстали сѣверные дайміосы противъ микадо, но они были побѣждены и подчинились ему.

Микадо занялся сосредоточеніемъ администраціи въ странѣ, въ которой держался до тѣхъ поръ почти феодальный строй; онъ преобразовалъ всѣ *ханы*, или *дайміаты*, въ простые *кены*, или департаменты; онъ организовалъ, съ помощью французской военной миссіи, японскую армію. Микадо поощрялъ изученіе иностранныхъ языковъ, началъ строить желѣзныя дороги, открылъ военный арсеналъ въ Іокоскѣ и учредилъ монетный дворъ въ Осакѣ. Микадо, до тѣхъ поръ скрытый отъ всѣхъ, сталъ показываться народу, подобно всѣмъ европейскимъ государямъ; онъ принималъ пословъ и, въ формѣ французскаго генерала, производилъ смотры и объѣзжалъ провинціи своего государства. Іокагама освѣтилась газомъ.

Японія принимала участіе во всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1878 г., гдѣ занимала видное мѣсто. Кромѣ земледѣльческихъ богатствъ, эта страна обладаетъ оригинальною промышленностью: она изготовляетъ великолѣпныя ткани съ несравненною яркостью красокъ и выказываетъ высокое искусство въ выдѣлкѣ лакированныхъ издѣлій, ларцовъ, расписанныхъ фарфоровыхъ вазъ и украшеній изъ перламутра, черепахи, слоновой кости и проч.

Нетерпимость къ христіанамъ, доставившая столь печальную славу японцамъ, тѣмъ не менѣе, продолжала существовать, и въ 1869 г. преслѣдованія христіанъ возобновились: множество японцевъ, остававшихся христіанами, вынуждены были или отречься отъ своей вѣры, или подвергнуться позорнымъ наказаніямъ и высылкѣ. Это вызвало протестъ европейскихъ державъ, который, послѣ нѣкоторой борьбы,

привелъ къ отмѣнѣ постановленій противъ христіанъ. Японію, съ ея многочисленнымъ компактнымъ населеніемъ, ея флотомъ и арміей, можно считать азіатской Англіей. Эта держава, несомнѣнно, имѣетъ большое будущее. Трактаты, заключенные съ Китаемъ и Японіей, могли быть выгодными для Франціи лишь въ томъ случаѣ, если бы она ближе стояла къ этимъ странамъ. Поэтому она завела довольно обширныя колоніи въ Индо-Китаѣ. На этотъ полуостровъ англичане вступили еще съ начала нынѣшняго вѣка и отняли отъ Бирманской имперіи нѣсколько провинцій на западномъ берегу, но остальная часть полуострова оставалась независимой. Въ ней заключались два обширныя государства — Сіамское королевство и Аннамская имперія; первое занимало средину полуострова; вторая простиралась по всему восточному берегу; къ ней принадлежали три или четыре королевства и нѣсколько завоеванныхъ странъ—Тонкинъ, Кохинхина и Камбоджа.

Японская ваза съ изображеніемъ мандариновъ.

Внесенное іезуитами въ XVII в. христіанство значительно распространилось въ Кохинхинѣ въ прошломъ столѣтіи, въ царствованіе императора Гіалонга, который избралъ своимъ совѣтникомъ епископа Адрана. Названный государь въ междоусобной войнѣ просилъ даже помощи у Франціи и уступилъ Людовику XVI Туранскую бухту (1787). Хотя французская революція прервала эти сношенія, завязавшіяся съ Аннамской имперіей, христіанство не склонилось передъ преслѣдованіями, которымъ подверглось вскорѣ послѣ того: число христіанъ въ Аннамской имперіи считалось не менѣе 500.000 человѣкъ. Французское правительство сочло нужнымъ оказать помощь столь важнымъ миссіямъ и для этой цѣли воспользовалось силами, отправленными въ Китай, создавъ себѣ точку опоры въ этихъ странахъ. Послѣ труднѣйшей войны, прославленной сопротивленіемъ аннамитовъ (1861—1862), императоръ Ту-Дукъ вынужденъ былъ подписать трактатъ, предоставившій миссіонерамъ и христіанамъ свободу вѣроисповѣданія и отдавшій Франціи въ нижней Кохинхинѣ три провинціи — Сайгунъ, Біэнъ-Хоа и Мито. Этими но-

выми провинціями французская колонія округлилась, и будущее ея обезпечено.

Названныя провинціи орошаются нижнимъ теченіемъ Меконга и его притоковъ, которые почти всѣ доступны для судоходства. Эти рѣки можно сравнить съ рукою, пальцы которой обозначаются большими рѣками или каналами, связанными между собою и текущими въ берегахъ, покрытыхъ роскошною растительностью или рисовыми плантаціями, дающими главный источникъ пропитанія странѣ. По направленію къ сѣверу, мѣстность становится менѣе низкой и сырой, и климатъ болѣе здоровымъ; горы покрыты тамъ великолѣпными лѣсами, доставляющими строевыя и цѣнныя деревья. Городъ Сайгунъ расположенъ въ 60 миляхъ отъ моря, и, тѣмъ не менѣе, корабли доходятъ до него. Торговое движеніе возросло съ той поры, какъ этотъ портъ открытъ для флаговъ всѣхъ государствъ.

Пока французы не появлялись въ Аннамскомъ царствѣ, внутренняя часть Индо-Китая была совершенно неизвѣстна. Изслѣдованіе этого полуострова возбудило ревность многихъ, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ назвать Мугò, д-ра Бастіана, Франси Гарнье и др. Французское покровительство, оказанное королю Камбоджи, Нородому, по его собственному желанію, облегчало изслѣдованіе этого интереснаго королевства, не только со стороны его естественныхъ богатствъ, но и со стороны археологической. Именно, среди его лѣсовъ встрѣчаются странныя развалины, оставленныя какимъ-то народомъ, называемымъ *кмерами*. Въ Ангкорѣ найдены были памятники колоссальныхъ размѣровъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ путешественники приходятъ въ изумленіе передъ странными остатками исчезнувшей цивилизаціи — курганами, въ видѣ пирамидъ, скульптурными скалами, исполинскими фигурами Будды и каменными оградами съ возвышающимися надъ ними башнями.

Черезъ Тонкинъ и его главную рѣку Сонгъ-Кой можно довольно глубоко проникнуть въ Западный Китай. Лейтенантъ Франси Гарнье въ 1873 г. проѣхалъ долину Голубой рѣки, въ Китаѣ, по ту сторону озера Тунгтина, и убѣдился, что отдаленнымъ провинціямъ Китая выгодно было бы направлять свои товары черезъ Тонкинъ. Гарнье оказалъ бы, вѣроятно, и другія, еще болѣе важныя услуги географической наукѣ, если бы въ концѣ 1873 г. не палъ въ Тонкинѣ жертвою своей пылкой храбрости въ борьбѣ съ отрядомъ пиратовъ. Русскій путешественникъ, Пржевальскій, нѣмецкій ученый, баронъ Рихтгофенъ и французъ, Арманъ Давидъ—также изслѣдовали различныя части Китая.

Эти изслѣдованія убѣдили французское правительство распростра-

нить свою дѣятельность на Аннамъ и Тонкинъ. Императоръ Аннама призналъ, или, скорѣе, вынужденъ былъ признать, въ 1874 г. французскій протекторатъ и открылъ иноземнымъ кораблямъ порты Гайфонъ, Ганой и Кинъ-Гонъ. Чтобы обезпечить выполненіе этого трактата, въ Тонкинъ были посланы французскія войска, къ сожалѣнію, слишкомъ малочисленныя; главнокомандующій ихъ, Анри Ривьеръ, блестящій офицеръ и выдающійся писатель, погибъ 19 мая 1883 г., защищаясь въ Ганоѣ противъ шаекъ разбойниковъ, носившихъ названіе Черныхъ Флаговъ. Тогда была отправлена настоящая военная экспедиція. Укрѣпленія Сонъ-Тай и Бакъ-Нинъ, защищаемыя пиратами и регулярными китайскими войсками, были взяты. Французы преслѣдовали Черные Флаги до Хонгъ-Хоа, который также былъ взятъ, и Китай 11 мая 1884 г. подписалъ трактатъ, предоставивъ Франціи установить свое вліяніе въ Тонкинѣ и поддерживать протекторатъ надъ Аннамомъ.

Едва этотъ трактатъ былъ подписанъ, и французскія войска отправлены въ верхній Тонкинъ, какъ новое коварство со стороны китайцевъ заставило еще разъ обнажить оружіе. Адмиралъ Курбе вышелъ въ море со своей эскадрой и 23 августа 1884 г. высадился на берегу самого Китая. Пробившись черезъ тѣснины рѣки Фу-Чеу, онъ разрушилъ арсеналъ, построенный, съ большими расходами, въ городѣ того же имени, и около двадцати китайскихъ кораблей. Кромѣ того, онъ выслалъ летучій отрядъ на обширный о. Формозу. Смѣлыя дѣйствія французскаго флота и взятіе Пескадорскихъ острововъ произвели большой шумъ въ Европѣ; но адмиралъ Курбе отчасти былъ подавленъ собственнымъ торжествомъ: онъ не выдержалъ утомленія этой продолжительной компаніи.

Въ Тонкинѣ новая экспедиція, подъ начальствомъ генерала Бріеръ де-Лиля, дала возможность французскому отряду генерала Негріе побѣдоносно вступить въ Лангъ-Сонъ 13-го февраля 1885 года. Французы прошли черезъ Лангъ - Сонъ и разрушили китайскій портъ, но небольшой отрядъ ихъ, застигнутый болѣе значительными силами, вынужденъ былъ отступить послѣ нѣсколькихъ дней славной борьбы. Это отступленіе не имѣло, однако, вліянія на рѣшеніе Китая, который возобновилъ Тіенъ - Тсинскій трактатъ и очистилъ Тонкинъ. Въ концѣ того же года (1885) генералъ Курси, подвергшись нападенію въ Гуэ, окончилъ дѣло тѣмъ, что вызвалъ настоящую революцію и смѣстилъ аннамскаго императора. Но Аннамъ — страна обширная и гористая, и усмиреніе ея далеко еще не закончено.

Аннамская имперія и Тонкинъ заключаютъ населеніе численностью болѣе 21 милліона, изъ которыхъ около 15 милліоновъ приходится на

Тонкинъ. Эта обширная страна открыта теперь для колонизаціи, но теплый и сырой климатъ ея представляетъ большія опасности для эмигрантовъ. Сколько жертвъ уже погребено въ Индо-Китаѣ и сколько высоко-развитыхъ людей погибло на Тонкинской дельтѣ! Сколько великодушныхъ пожертвованій принесено уже для открытія новаго торговаго пути съ Китаемъ и для просвѣщенія идеями и искусствами Европы полуварварскихъ и полуязыческихъ населеній, которыя нимало не заботятся о нихъ!

Франція, отставшая въ развитіи своихъ колоній отъ Англіи и Россіи, уже болѣе полувѣка, какъ возобновила свою колоніальную дѣятельность. И она стремится имѣть свои азіатскія владѣнія, подобно тому, какъ она уже имѣетъ владѣнія африканскія. Ревнивые американцы не позволяютъ теперь европейцамъ основывать новыя колоніи на материкѣ Америки, но Африка и Азія содержатъ еще достаточно обширныя пространства, чтобы дать мѣсто эмиграціи многихъ могущественныхъ народовъ. Франція колонизовала сѣверъ Африки; она держитъ въ своихъ рукахъ Сенегалъ и огромную территорію Конго, и заставила признать свои прежнія права на о. Мадагаскаръ. Она занимаетъ значительную часть полуострова Индо-Китая, бассейны Меконга и Сонгъ-Коя и лежащія между ними страны. Населеніе ея колоній нѣкогда исчислялось съ небольшимъ въ 4 милліона; теперь въ Тунисѣ, Тонкинѣ и Аннамѣ въ колоніяхъ ея болѣе 27 милліоновъ жителей, не считая территоріи Конго, населеніе которой еще не поддается исчисленію.

Безъ сомнѣнія, на ряду съ внѣевропейскими владѣніями Англіи, французскія колоніи могутъ показаться незначительными, но въ пріобрѣтеніи ихъ нельзя не видѣть серьезнаго усилія нѣкогда предпріимчиваго народа, въ нашемъ вѣкѣ, впрочемъ, утратившаго охоту къ колонизаціи, хотя и не лишеннаго способности къ ней.

Частная иниціатива создала ассоціацію, имѣющую цѣлью распространенія французскаго языка. Америку раздѣляютъ между собою испанскій и англійскій языки. Послѣдній является наиболѣе обыденнымъ и на берегахъ Африки и Азіи. Поэтому въ чужихъ и варварскихъ странахъ приходится поддерживать школы съ преподаваніемъ французскаго языка.

Ассоціація достигла уже благопріятныхъ результатовъ въ Сиріи, въ Тунисѣ и въ Турціи, гдѣ она поддерживаетъ французскихъ духовныхъ лицъ, учредившихъ тамъ еще въ отдаленномъ прошломъ французскія школы; тоже можно сказать относительно Японіи и Южной Америки, въ особенности, Аргентины, гдѣ среди испанскаго населенія живетъ до 70.000 французовъ. Жители Канады поддерживаютъ на

берегахъ р. Св. Лаврентія французскій языкъ и французскіе нравы, но въ другихъ мѣстахъ приходится вести борьбу за нихъ.

Распространять языкъ,—значитъ,—распространять книгу, а распространеніемъ книги распространяются идеи извѣстнаго народа. Франція не обладаетъ громаднымъ населеніемъ Россіи и колоніальною силою Англіи, но она вездѣ можетъ завоевать себѣ мѣсто своею любезностью и общительностью, своею литературой, наукой и искусствомъ, превосходство которыхъ остается неоспоримымъ.

Итакъ, нынѣшній міръ сосредоточивается въ Европѣ, создающей промышленность, науку и искусство, являющейся двигательницей всѣхъ успѣховъ ихъ и заботящейся о распространеніи этихъ послѣднихъ на другія части свѣта. Бѣлая раса торжествуетъ надъ всѣми. Придя къ болѣе справедливымъ чувствамъ по отношенію къ расамъ обездоленнымъ, она не стремиться подчинить себѣ темную расу; напротивъ, она заботится объ ея освобожденіи. Желтая раса оказываетъ ей большее сопротивленіе, гордясь своею полуцивилизаціей, изъ оцѣпенѣлаго состоянія которой она никогда бы не желала выйти, если бы европейскія пушки не тревожили ея дремоты. За желтой расой остается обширность ея мѣстообитаній и громадная масса ея населеній. Быть можетъ, приводить ее въ движеніе не совсѣмъ безопасно, такъ какъ отъ нея можно ожидать новыхъ вторженій, съ болѣе усовершенствованнымъ вооруженіемъ, которое она получила отъ самой Европы. Однако, эта случайность не должна казаться ни близкой, ни даже вѣроятной. Китайцы не имѣютъ недостатка ни въ силѣ, ни въ тонкости ума, и въ послѣднемъ отношеніи даже не уступаютъ европейцамъ. Они сумѣютъ оцѣнить благодѣнія нашей промышленности. Чудеса, ежедневно создаваемыя нашею наукой, могутъ только возбуждать удивленіе этихъ сотенъ милліоновъ людей, которые пожелаютъ ими воспользоваться. Они будутъ работать вмѣстѣ съ нами и для насъ; они примутъ участіе въ нашей исторіи. Возможно, что имъ не захочется быть ни русскими, ни англичанами, ни французами. Возможно, съ другой стороны, что многіе изъ нихъ окажутся жертвами вѣкового соперничества державъ, не прекращающагося за предѣлами странъ, прилегающихъ къ Каспію и Тигру. Но эти народы слишкомъ долго подчинялись унизительному рабству, чтобы бояться подчиненія европейцамъ.

Нашему потомству предстоитъ увидѣть Азію, изборожденную желѣзными дорогами и телеграфами; поѣзда будутъ перевозить въ ней пассажировъ и товары въ Индію по Закаспійской дорогѣ, а затѣмъ черезъ Сибирь—въ Пекинъ. Большіе города этой части свѣта, колыбели человѣческаго рода, будутъ перестроены, украшены, снабжены

новѣйшимъ комфортомъ, не теряя своей оригинальности и привычекъ, свойственныхъ каждому климату; горы будутъ прорѣзаны, и локомотивъ, быть можетъ, пересѣчетъ запутанный узелъ Гинду-Куша. Въ Африкѣ, съ ея милліонами черныхъ людей, великолѣпными долинами Замбези, Конго и Нигера, возникнутъ, при разработкѣ этихъ мѣстностей, внѣевропейскія Франція, Англія, Бельгія и Португалія.

Эта мечта не болѣе несбыточна, чѣмъ надежды первыхъ завоевателей Америки. Въ четыре вѣка этотъ двойной материкъ сдѣлался одною изъ самыхъ дѣятельныхъ и интересныхъ частей свѣта. Англійскія владѣнія на сѣверѣ, обширная республика Соединенныхъ Штатовъ, пятнадцать испанскихъ республикъ въ центрѣ и на югѣ и прекрасная Бразилія придаютъ ея картѣ величайшее разнообразіе; энергія ихъ населеній, которая какъ-будто возросла на этой дѣвственной почвѣ, позволила имъ подняться до высокаго уровня и явиться въ числѣ самыхъ смѣлыхъ піонеровъ цивилизаціи.

Подобные результаты вполнѣ оправдываютъ наши надежды. Кто рѣшится сказать, что въ Африкѣ и въ Азіи не произойдутъ такія же удивительныя превращенія, какія произошли въ Америкѣ? Кто станетъ утверждать, что европейцы, несмотря на убійственные климаты, не найдутъ въ себѣ новыя силы, въ виду величія предпринятаго ими дѣла? Развѣ нельзя считать возможнымъ, что желтыя и черныя населенія, столь долго находившіяся въ подавленномъ или полусонномъ состояніи, проснутся отъ соприкосновенія съ европейцами, и цивилизація возсіяетъ отъ острововъ Японіи до предѣловъ Монголіи, отъ Сибири—до Индо-Китая, отъ Аннама—до Афганистана и отъ Алжира—до мыса Доброй Надежды, какъ она сіяетъ уже отъ рѣки Св. Лаврентія до Амазонки и Ла-Платы? Въ европейской христіанской цивилизаціи заключается сила, вынуждающая ее не останавливаться до тѣхъ поръ, пока она не обойдетъ весь міръ. Она была бы ложной цивилизаціей, если бы въ концѣ концовъ не сумѣла сдѣлаться всемірной, какъ истина.

КОНЕЦЪ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Общій выводъ.—Единство исторіи цивилизаціи; постепенное развитіе человѣка.—Законы; правительства; религіи древности. — Литература; науки. — Характеръ древней цивилизаціи. —Христіанство; новая цивилизація; Средніе вѣка.—Новѣйшее общество; его матеріальные успѣхи. — Нравственное состояніе. — Современный человѣкъ.—Недостатки и опасности цивилизаціи нашего времени.

Ходъ цивилизаціи возвращаетъ насъ къ странамъ, откуда она исходитъ, на Востокъ. Народы Европы, усовершенствовавшись, несутъ на свою первоначальную родину промышленность и науки, едва лишь затронутыя ихъ азіатскими предками. Нельзя сказать, чтобъ они сами достигли послѣдняго предѣла усовершенствованія: до этого еще далеко. Несмотря на *преобразованія экономическія, усовершенствованія нравственныя и измѣненія политическія*, сдѣлавшія современныя правительства болѣе соотвѣтствующими человѣческому достоинству, народы Европы до сихъ поръ еще стоятъ другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ. Военное искусство развивали они съ еще бо́льшей тщательностью, чѣмъ всѣ другія. Тѣмъ не менѣе, XIX вѣкъ отличается отъ прежнихъ чудесами, какія онъ создалъ: онъ былъ свидѣтелемъ полнаго разцвѣта прогресса общественнаго, умственнаго и политическаго, вышедшаго изъ кризиса 1789 года. Онъ призналъ *свободу* основою большинства правительствъ, осуществивъ во многихъ странахъ равенство, единственно возможное, *равенство гражданское*. Онъ проповѣдывалъ, хотя и не всегда примѣняя на дѣлѣ, *братство народовъ* и взаимную связь человѣчества.

Но это не исключаетъ заслугъ предшествовавшихъ вѣковъ; каждый изъ нихъ имѣлъ свою задачу. XVIII вѣкъ *философскимъ и экономическимъ движеніемъ* подготовилъ торжество свободныхъ идей, такъ же, какъ XVII вѣкъ централизаціей и порядкомъ впервые далъ образецъ націй вполнѣ организованныхъ и дисциплинированныхъ. XVI вѣкъ — былъ вѣкомъ броженія, когда

всѣ элементы, изъ которыхъ впослѣдствіи должно было сложиться новое общество, волновались и смѣшивались, и когда человѣческій духъ освобождался отъ продолжительнаго рабства, тяготѣвшаго надъ нимъ въ теченіе среднихъ вѣковъ.

Средніе вѣка, сами по себѣ, были періодомъ непрерывной работы. Именно въ то время обозначались народности, формировались языки, вырабатывались учрежденія, тѣмъ труднѣе устанавливавшіяся, что имъ приходилось освобождаться отъ германскихъ обычаевъ и воспоминаній римской древности. Дѣйствительно, германскій міръ, смягченный христіанствомъ и упорядоченный римскими законами, сдѣлался міромъ современнымъ. Трудно сказать, въ какомъ мѣстѣ можно было бы порвать цѣпь временъ: она связана нераздѣльно. Ни древность римская и греческая, ни древность Востока не могутъ быть выдѣлены изъ исторіи человѣчества безъ того, чтобы не нарушилась ея послѣдовательность.

Исторія эта развертывается съ поразительною цѣльностью. Первобытный человѣкъ, близкій къ животнымъ, но болѣе слабый, чѣмъ они, такъ какъ онъ родится боззащитнымъ, сильнѣе ихъ своимъ разумомъ. Онъ покоряетъ силы природы, овладѣваетъ огнемъ, извлекаетъ изъ почвы желѣзо; онъ изготовляетъ себѣ орудія, оружіе, одежды, хижины. Онъ истребляетъ хищныхъ звѣрей, расчищаетъ лѣса и начинаетъ пользоваться благами земледѣлія, наполняющаго его житницы, или на обширныхъ, травянистыхъ равнинахъ пасетъ громадныя стада, доставляющія ему обезпеченную жизнь, взамѣнъ незначительныхъ заботъ. Древніе поэты воспѣвали простые и чистые нравы этихъ первыхъ людей, богатыя жатвы, мычаніе быковъ, обиліе молока у коровъ, свиней, возвращающихся изъ лѣсу, переполненнаго желудями, борющихся между собою козлятъ, пастуховъ, стрѣляющихъ изъ лука, хозяина, лежащаго на травѣ, счастливаго богатствомъ плодородной осени, который ѣстъ и пьетъ съ товарищами, и дѣтей, тѣснящихся къ отцу, покрывающему ихъ нѣжными поцѣлуями [1]). Это былъ земледѣльческій и пастушескій вѣкъ; *золотой вѣкъ,* по словамъ поэтовъ. Дѣйствительно, зрѣлище природы ежегодно возобновляющейся, доставляетъ такъ много радости,—при видѣ прорастающей молодой травы, плотной и зеленой, испещренной цвѣтами, наливающихся колосьевъ хлѣба, золотящагося на іюльскомъ солнцѣ, виноградной лозы на скатахъ холмовъ, краснѣющей, зрѣющей и

---

[1]) Виргилій, „*Георгики*“, кн. II.

обѣщающей обильный сборъ [1]), разнообразныхъ овощей, свѣжихъ ручьевъ, темныхъ и спокойныхъ лѣсовъ,—что сельская природа и теперь еще, для нашихъ утомленныхъ и истощенныхъ обществъ, пресыщенныхъ нездоровыми удовольствіями городовъ, служитъ живымъ источникомъ, въ которомъ каждый ищетъ обновленія и оживленія. Человѣкъ столько же созданъ для природы, сколько и природа для человѣка!

Менѣе восторженная, чѣмъ поэзія, *исторія* знаетъ, что въ эти первые вѣка царило глубокое невѣжество и слѣпое суевѣріе. Жизнь была простою, но грубой и суровой. Въ тоже время, человѣкъ созданъ для жизни общественной. Если необходимы полевыя работы, то не менѣе нужны и другія искусства. Древесные стволы были спущены сперва на рѣки, а затѣмъ—на бурныя моря, и человѣкъ сталъ плавать съ „сердцемъ, закованнымъ тройною броней“, по выраженію Горація. Онъ посѣтилъ различныя части своего обитанія, оцѣнилъ произведенія природы дальнихъ странъ, сталъ обмѣнивать ихъ одни на другія. Кромѣ того, человѣкъ придумалъ улучшить свою жизнь множествомъ изобрѣтеній: онъ расширилъ свои жилища, сдѣлалъ ихъ болѣе удобными, и понемногу украсилъ ихъ мебелью художественной работы. Описанія Гомера свидѣтельствуютъ, что уже въ его время промышленность и торговля давали возможность человѣку украшать свою жизнь.

Когда образовались общественныя группы, и были построены города, естественный законъ пришлось дополнить *письменными законами*. Человѣкъ не можетъ обойтись безъ общества, хотя и потрясаетъ его своими страстями. Явилась необходимость въ *правительствахъ*, и человѣкъ, ослѣпленный зрѣлищемъ природы, полный страха, внушаемаго ему стихіями, приводившимися въ ярость какой-то невидимой силой, искренній почитатель Божества, имена и изображенія Котораго онъ создалъ во множествѣ, отдалъ сначала себя, свою семью и свое племя подъ покровительство различныхъ божествъ, и истолкователей ихъ воли. Вождями народовъ въ то время были жрецы. Мы видѣли, какъ, при зарожденіи древнихъ обществъ, богамъ посвящались поля, домашній очагъ, жатва, могилы предковъ, причемъ послѣдніе причислялись къ семейнымъ и отечественнымъ божествамъ. Отечество, дѣйствительно, было землею предковъ, почвой, на кото-

---

[1]) Виргилій, „Георгики“, кн. II.

рой утвердились ихъ потомки, полями, которыя воздѣлывали множество поколѣній, насаждая на нихъ деревья, открывая и направляя источники; это былъ родной имъ климатъ, и одни привязывались къ холоднымъ странамъ съ такою же любовью, какъ другіе—къ странамъ съ благодатнымъ солнцемъ.

Но человѣкъ не могъ довольствоваться одними матеріальными нуждами: онъ обладалъ привязанностями, религіознымъ чувствомъ. Всеобщность этого чувства, его постоянство на протяженіи всѣхъ вѣковъ и во всемъ разнообразіи вѣрованій, указываютъ, что человѣкъ всегда признавалъ себя одушевленнымъ особымъ чувствомъ, возвышавшимъ его надъ животными, и какъ бы находящимся подъ десницею Существа, Которое есть начало всякой жизни и всякой власти. Во всѣхъ древнихъ миѳологіяхъ можно найти преданія о паденіи, которое повлекло за собою бѣдствія, какимъ подвергался человѣкъ отъ ядовитыхъ змѣй, хищныхъ волковъ, непогоды, силы вредной растительности [1]), раздоровъ, столкновеній и войнъ. Вся религія древняго міра заключается въ молитвѣ и очистительныхъ жертвоприношеніяхъ. Человѣкъ бралъ на себя задачу не только облегчить свое существованіе: онъ долженъ былъ умилостивлять Божество и бороться съ дурными страстями, подвергавшими его небесному возмездію. Такимъ образомъ, зародилась нравственная жизнь.

Первые порывы страха и благодарности къ Божеству выражались гимнами, и *поэзія* получила начало отъ религіи, такъ же, какъ и первое искусство—музыка. Сперва человѣкъ пѣлъ; затѣмъ онъ сталъ разсуждать и, съ помощью *исторіи*, сохранялъ воспоминанія о прошлыхъ событіяхъ; пріучаясь все болѣе и болѣе уединяться отъ внѣшняго міра, онъ углублялся въ себя и пришелъ къ отвлеченнымъ понятіямъ, составляющимъ предметъ *философіи*. При помощи подобныхъ же отвлеченій, онъ отыскалъ законы чиселъ и *математическихъ* истинъ. Небеса уже обнаружили передъ его наблюдательнымъ глазомъ нѣкоторые астрономическіе законы. Съ этого времени началась настоящая жизнь человѣка; она стала полною, когда умъ его сдѣлался просвѣтленнымъ, и сердце—смягченнымъ.

Этотъ умственный прогрессъ, оказывая вліяніе на условія жизни человѣческихъ обществъ, сдѣлалъ ихъ болѣе соотвѣтству-

---

[1]) Виргилій, „*Георгики*“, кн. I.

ющими законамъ справедливости, мудрости, доброжелательности и свободы, которые правительства старались поддержать. Этотъ прогрессъ отразился на благосостояніи усовершенствованіемъ промышленности, благодаря постоянному упражненію мысли. Грубые люди первобытныхъ временъ превратились въ изящнаго и краснорѣчиваго аѳинянина, а глубокомысленный и свободный римлянинъ сдѣлался властителемъ міра.

Древняя цивилизація кажется намъ поразительной, когда мы изучаемъ ея памятники, города и литературныя произведенія. Гигантскіе размѣры египетскихъ пирамидъ, развалины Парѳенона, церкви, храмы и римскія термы показываютъ, что уже въ тѣ отдаленныя времена человѣкъ достигалъ обширныхъ замысловъ, а въ произведеніяхъ ваянія обладалъ законченнымъ и изящнымъ вкусомъ. Греческое искусство восторжествовало чистотою линій, мягкостью очертаній, простымъ и естественнымъ изяществомъ, которому можно подражать, но котораго нельзя превзойти. Греческіе и римскіе писатели возбудили и затронули всевозможныя идеи, выражали всѣ чувства и душевныя движенія и послужили образцами для всѣхъ другихъ народовъ. Если въ политикѣ Востокъ является образцомъ *деспотизма* и церемоніальныхъ обрядностей,—Греція и Римъ пользовались *свободой* до злоупотребленія ею, и лишились ея, первая—въ пользу Рима, а второй—въ пользу цезарей. Древній міръ выработалъ *законы*, уставы, формы права, а также и правила войны. Именно онъ медленно накоплялъ трудами своихъ ученыхъ и государственныхъ людей всѣ сокровища идей, которыми впослѣдствіи должны были проникнуться политика, литература и искусство всего міра. Древніе, это—почтенные отцы современной цивилизаціи.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ подъемъ духа, свидѣтельствуемый лучшими произведеніями того времени, человѣкъ римскаго и греческаго періодовъ все-таки носилъ въ себѣ нѣкоторую грубость сердца варварскихъ временъ. Онъ былъ одержимъ гордостью семейной или кастовой; онъ обладалъ толпою подчиненныхъ ему людей. Не имѣя жалости къ побѣжденнымъ, онъ обращалъ ихъ въ рабство, и это рабство, съ одной стороны, и гордость, съ другой, поддерживали въ человѣческомъ обществѣ пороки, противорѣчившіе его видимому блеску. Даже женщину, эту половину самого себя, человѣкъ низводилъ на низшую ступень и въ обществѣ добровольно лишалъ себя ея облагораживающаго вліянія. Кромѣ того, эти поэты, философы, историки,

художники, ораторы, всѣ эти люди, сдѣлавшіе доступными для потомковъ литературныя красоты и обнаружившіе, такимъ образомъ, часть красоты безконечнаго, о Божествѣ имѣли еще неясныя понятія, принося ему кровавыя жертвы, не будучи въ состояніи подняться выше уровня грубой нравственности, просвѣтленной еще не вполнѣ развитымъ разумомъ.

Впрочемъ, въ одномъ уголкѣ міра, евреи ревниво оберегали среди языческихъ ученій преданіе о единомъ Богѣ, чистомъ Духѣ, Творцѣ и Началѣ всего существующаго. Въ ихъ священныхъ книгахъ были изложены правила нравственности и общежитія. Но евреи не допускали въ свой храмъ иноземцевъ и не открывали имъ своихъ книгъ. И когда явился Христосъ, призывающій къ себѣ всѣхъ людей, они отвергнули его и распяли. Они отказались признать въ немъ Мессію, Спасителя міра. Затѣмъ римляне, послѣ борьбы и преслѣдованій новой религіи, вскорѣ повѣрили во Христа, а вмѣстѣ съ ними—и весь извѣстный въ то время міръ.

Это, какъ мы уже говорили, есть настоящій узелъ исторіи цивилизаціи.

Въ то время появились *германцы*. Хотя они вскорѣ были обращены въ христіанство, они сначала внесли съ собой мракъ и варварство. Но у этихъ народовъ были правила и обычаи, которые должны были глубоко измѣнить правила и обычаи римлянъ. Въ особенности, они противопоставили принципъ *личности* принципу *государства*. Древніе, доводя до крайности идею государства, пришли ко всеобщему деспотизму, подавлявшему всѣхъ. Германцы, преобладаніемъ индивидуализма, наоборотъ, низвели понятіе о государствѣ до состоянія, вызвавшаго *всеобщее раздробленіе*. Римляне подчинили міръ власти одного человѣка; германцы разъединили его между безчисленнымъ множествомъ *сеньоровъ*, которые создали то, что́ называлось феодальною системой.

Римляне любили порядокъ до рабскаго подчиненія ему; германцы любили свободу, граничившую съ безначаліемъ; первые объединили цивилизованный міръ въ общее отечество, вторые создали такое же число отечествъ, сколько было мѣстностей. И у тѣхъ, и у другихъ—произошло уничтоженіе понятія объ отечествѣ: у однихъ—крайнимъ распространеніемъ, у другихъ—съуженіемъ государства. Чѣмъ болѣе Римъ поглощалъ народовъ, тѣмъ менѣе эти народы знали и любили Римъ. Чѣмъ больше германцы увеличивали число королевствъ и сеньорій, тѣмъ меньше можно

было говорить объ отечествѣ. Связь, соединявшая народы, порвалась бы сама собою безъ *религіознаго единства*, которое сдержало сцѣпленіе этихъ раздробленныхъ королевствъ и не допустило до всеобщаго разложенія, такъ какъ никогда еще не бывало одновременно подобнаго безначалія и подобнаго рабства.

Тѣмъ не менѣе, понемногу среди этого безпорядка слагался новый міръ. Въ то же время, какъ подавленные классы освобождались, высшіе классы гуманизировались, идеи порядка возстанавливались; подъ защитою государей организовались и націи. Характернымъ признакомъ новаго міра должно было быть разнообразіе въ единствѣ и направляющимъ началомъ — порядокъ въ свободѣ.

Въ средніе вѣка и въ теченіе новыхъ временъ понятіе государства разъяснилось, права его опредѣлились, согласуясь съ правами личности; *чувство родины* развилось, согласуясь съ чувствомъ религіознаго братства во времена крестовыхъ походовъ, а позднѣе—съ чувствомъ всемірнаго братства. Европа, которую Греція и Римъ назначили преемницей и наслѣдницей традицій древняго міра, образовалась изъ народовъ, соперничавшихъ между собой, хотя и христіанъ, несходныхъ другъ съ другомъ, хотя и близкихъ по происхожденію, почти даже одной крови. Появились французы, англичане, нѣмцы, итальянцы, испанцы, фламандцы, австрійцы, а затѣмъ славянская раса, просвѣтившись, въ свою очередь, воплотилась въ русскомъ народѣ. Въ средніе вѣка было рѣшено, что Европа не можетъ быть однимъ государствомъ, какъ этого желалъ Карлъ Великій, такъ какъ она не хотѣла принадлежать ни *Германской имперіи*, ни *Святому престолу*. У народовъ германскаго племени былъ слишкомъ могучій инстинктъ индивидуальности, и въ XVI вѣкѣ Карлъ Пятый опять потерпѣлъ пораженіе своихъ честолюбивыхъ замысловъ, такъ же, какъ и Наполеонъ въ XIX вѣкѣ, несмотря на свой военный геній.

Тѣмъ не менѣе, при всемъ своемъ разнообразіи, Европа стремится, со временъ новой эпохи, къ объединенію, по крайней мѣрѣ, своихъ учрежденій, интересовъ и умственнаго прогресса. Надъ всѣми различными отечествами образовалось понемногу *отечество европейское*, съ почти одинаковымъ развитіемъ гражданскихъ правъ, промышленности, торговли, литературы и искусствъ. Для насъ должно быть особенно важно опредѣлить характеръ этой цивилизаціи и стараться предугадать ея будущее.

Съ матеріальной точки зрѣнія, современный человѣкъ воз-

вратилъ себѣ, и даже съ избыткомъ, выгоды, предоставленныя ему древнимъ міромъ и отнятыя у него вторженіемъ варваровъ. Правда, Мемфисъ и Ѳивы, Ниневія и Вавилонъ, съ ихъ удивительными памятниками, греческіе города съ геометрической правильностью ихъ зданій, дорическими, іонійскими и коринѳскими колоннами, самый Римъ, заключавшій въ себѣ соединеніе всѣхъ архитектуръ, такъ же, какъ и всѣхъ религій, представляли грандіозное зрѣлище, дѣлающее честь человѣческому генію. Но наряду съ памятниками, частныя жилища были бѣдны, если это не были римскія виллы съ ихъ изящными портиками, атріумомъ, расписанными залами и мозаичными полами. Въ древности заботились только о славѣ города и государства. Кромѣ того, климатъ южныхъ странъ, гдѣ разцвѣла античная цивилизація, допускалъ беззаботное отношеніе къ жилищу гражданина и не требовалъ большой изобрѣтательности и усилій для обезпеченія благосостоянія. Средніе вѣка гордились своими замками и соборами; рядомъ съ ними ютились лишь хижины рабовъ, похожія на жилища первобытнаго человѣка, или деревянные, городскіе дома, маленькіе, тѣсные, скученные одинъ возлѣ другого, безъ воздуха и свѣта. *Возрожденіе* умножило число дворцовъ, такъ же, какъ и церквей, и *гражданская архитектура* сдѣлалась столь же художественной, какъ и архитектура религіозная.

Въ городахъ новыхъ временъ можно видѣть, какъ понемногу увеличивалось число жилищъ аристократовъ или горожанъ, прочно построенныхъ изъ лучшихъ матеріаловъ, съ разумнымъ расположеніемъ свѣтлыхъ, обширныхъ, красивыхъ комнатъ. Народы Сѣвера, вынужденные ограждать себя отъ непогодъ, развили у себя то, что называется англійскимъ словомъ *комфортъ*. Безъ сомнѣнія, большое скопленіе народонаселенія вызвало постройку слишкомъ обширныхъ домовъ, многоэтажныхъ казармъ, гдѣ скучивается множество семействъ, но каждая квартира располагается такъ, чтобы способствовать уединенію частной жизни и семейнаго круга. Даже въ менѣе богатыхъ частяхъ города замѣтно стараніе придать бо̀льшее удобство и уютность внутренней части домовъ. Если сравнить великолѣпные дома современной аристократіи и даже скромные домики рабочихъ съ первобытными хижинами, мы будемъ поражены предпріимчивымъ духомъ человѣка, сумѣвшаго создать себѣ жилища, соотвѣтственно своимъ потребностямъ. Теперь каждый житель маленькаго города чувствуетъ себя болѣе удобно устроившимся, чѣмъ сеньоры прежнихъ

временъ въ холодныхъ, пустынныхъ залахъ своихъ наслѣдственныхъ замковъ.

Мы можемъ теперь обозрѣть все, что было изобрѣтено для внутренняго убранства домовъ, для усовершенствованія промышленности съ цѣлью облегченія отдыха и приданія домашнему очагу уютности и отрады, разнообразія и удобства, въ видѣ постелей и мебели, изящныхъ шкафовъ, разнообразныхъ столовъ, люстръ, лампъ, стѣнныхъ часовъ, зеркалъ, бронзовыхъ вещей, фарфоровыхъ вазъ, картинъ и тысячи бездѣлушекъ, украшающихъ гостиныя. Если бы мы захотѣли оцѣнить богатства, собранныя въ домахъ нашихъ городовъ, мы не имѣли бы возможности этого сдѣлать. Современный человѣкъ пользуется такими удобствами жизни, какихъ не имѣлъ человѣкъ древняго міра.

Несомнѣнно, что многіе города, которые задыхались въ средніе вѣка въ укрѣпленныхъ стѣнахъ, представляютъ до сихъ поръ еще безконечное множество извилистыхъ улицъ. Но за то какой просторъ во многихъ большихъ городахъ! Сколько широкихъ улицъ, хорошо вымощенныхъ, опрятныхъ, съ хорошимъ воздухомъ, освѣщенныхъ по вечерамъ газомъ и даже электричествомъ! Какъ въ нихъ организована помощь для борьбы съ пожарами, эпидеміями, какъ поддерживается тамъ порядокъ и безопасность! Сколько въ столицахъ бульваровъ, обсаженныхъ деревьями, окаймленныхъ ярко освѣщенными магазинами, въ которыхъ выставлены образцы утонченной промышленности и всевозможные соблазны роскоши, иногда даже безсмысленной! Примѣромъ такого города можетъ служить *Парижъ*. Это—столица моды и изящества, и всѣ другіе города стараются подражать ей. Это — Аѳины, это — Римъ древняго міра съ отпечаткомъ изящества, до котораго никогда не поднимались его затмившіеся соперники.

Современные люди, безспорно, не могутъ гордиться своей одеждой: живописность ея исчезла. Недостаточно красивое однообразіе нашей одежды, распространяющейся теперь въ большей части Европы, заставляетъ сожалѣть о разнообразныхъ нарядахъ и яркихъ краскахъ, какими нѣкогда различались между собой націи и даже жители провинцій. Впрочемъ, это—подробность второстепенная, и наше однообразіе удовлетворяетъ желанію равенства, распространяющемуся все болѣе и болѣе въ Европѣ. Пища также улучшается; средняя продолжительность жизни увеличивается, и опрятность, эта необходимость, эта отрада цивилизованнаго

человѣка, становится теперь обязательной для всѣхъ классовъ. Этому, раньше многаго другого, учатъ и дома, и въ школѣ.

Никто уже не путешествуетъ ни въ римскихъ паланкинахъ, носимыхъ рабами, ни въ тяжелыхъ повозкахъ и дилижансахъ ни въ переносныхъ каретахъ. Исчезли и ужасныя дороги съ глубокими колеями. Человѣкъ, удобно усѣвшись въ катящемся вагонѣ, скользитъ, съ быстротою вѣтра, по стальнымъ лентамъ и, уносимый паромъ, переносится черезъ Европу въ нѣсколько дней, или въ пловучихъ залахъ, чокаясь стаканами, слушая музыку, пересѣкаетъ Атлантическій или Тихій океанъ и въ шесть мѣсяцевъ объѣзжаетъ земной шаръ. А телеграфъ и телефонъ! Кто могъ мечтать о подобныхъ чудесахъ и подобныхъ способахъ сношеній?

Итакъ, каковы бы ни были коммерческіе успѣхи финикіянъ, первыхъ изслѣдователей морей, грековъ и римлянъ, ихъ нельзя сравнить съ неслыханнымъ развитіемъ современной торговли и промышленности. Нельзя сосчитать милліарды рублей, перемѣщающихся ежедневно въ европейскихъ городахъ, цѣнность обмѣниваемыхъ товаровъ и фабричныхъ произведеній. Воображеніе чувствуетъ себя безсильнымъ, если оно переносится къ исходной точкѣ, которою былъ человѣкъ нагой и лишенный всего, ведущій борьбу съ мамонтомъ и гигантскимъ оленемъ!

Матеріальная цивилизація, повидимому, достигла своего крайняго предѣла: она можетъ развиваться далѣе, только распространяясь по другимъ странамъ и проникая еще глубже въ низшіе классы.

Можно ли сказать то же самое и о нравственной цивилизаціи? Безспорно, современный человѣкъ разрѣшилъ уже важныя задачи: онъ учредилъ правительства, которыя почти повсемѣстно основаны на свободѣ. Почти повсюду въ Европѣ пытаются, по крайней мѣрѣ, достигнуть согласованія общаго порядка съ правами отдѣльныхъ лицъ, общественнаго интереса съ интересомъ частнымъ. Власть народа до извѣстной степени признается или, по крайней мѣрѣ, уважается. Это уже болѣе не деспотизмъ египетскій, ассирійскій, ни, даже болѣе разумный, деспотизмъ римской имперіи. *Законъ* господствуетъ; *правосудіе* распространяется надо всѣми. *Собственность* обезпечена; *подати* соразмѣрны, гражданинъ уже болѣе не приносится въ жертву государству, какъ въ древности, и государство, въ свою очередь, поддерживается свободнымъ и разумнымъ содѣйствіемъ гражданъ.

Образованіе, бывшее нѣкогда достояніемъ привилегированныхъ

избранниковъ, сдѣлалось всеобщимъ благомъ. Это—общественная служба. *Совѣсть* свободна, а если вѣротерпимость, укрѣпившаяся съ такимъ трудомъ, еще не повсемѣстна, то, по крайней мѣрѣ, она признается въ принципѣ. Солидарность между народами проявляется во всѣхъ политическихъ кризисахъ, а милосердіе къ несчастнымъ выражается ежедневно дѣятельною помощью и щедростью. Новѣйшая цивилизація не только освободила Европу отъ ея древней язвы—*рабства*, но она освободила отъ него Америку и Африку, гдѣ такъ долго происходила ужасная торговля неграми. Новѣйшій человѣкъ со всѣхъ точекъ зрѣнія стоитъ выше древняго.

Онъ не уступаетъ ему и по отношенію къ искусству. Безъ сомнѣнія, ничто не можетъ умалить заслугъ древнихъ, нашихъ учителей въ литературѣ и искусствахъ. Но, начиная съ XVI вѣка, какую славную вереницу писателей и художниковъ могутъ вызвать въ нашей памяти Италія, Франція, Бельгія, Испанія, Англія и Германія! Новая литература, въ свою очередь, сдѣлалась классической; зодчіе, ваятели и живописцы создали множество удивительныхъ произведеній, наполняющихъ наши города и музеи. Какъ почтительныя дѣти древности, мы можемъ, безъ особой гордости, сравниться съ нашей матерью, и если мы не поднялись на высшій уровень въ литературѣ и искусствахъ, то мы создали болѣе въ количественномъ отношеніи. Въ нашемъ искусствѣ больше учителей и, въ особенности, больше учениковъ.

Посмотримъ на современнаго человѣка, того, который, благодаря своему богатству, можетъ собрать у себя въ галлереѣ произведенія Теньеровъ, Рубенсовъ, Ванъ-Диковъ, Делакруа и даже пріобрѣсти нѣкоторые итальянскіе шедевры. Домашняя жизнь его гораздо проще, чѣмъ у Лукулла, которому прислуживали тысячи рабовъ. Вы едва отличите его въ простой темной каретѣ отъ другого, менѣе избалованнаго судьбой. Онъ привыкъ къ простотѣ среди изобилія. Столъ его ни въ чемъ не напоминаетъ продолжительныхъ пиршествъ временъ упадка Рима. Его залы, украшенныя чудесами современнаго мебельнаго искусства, обставлены дорогими предметами, художественной бронзой, картинами великихъ мастеровъ, вазами съ рѣдкими цвѣтами, и служатъ для пріемовъ общества, одѣтаго въ однообразный костюмъ и не считающаго достоинствомъ вычурность одежды. Однѣ лишь женщины состязаются тамъ въ кокетствѣ и изяществѣ, и придаютъ этому обществу отпечатокъ изысканной вѣжливости,

не извѣстной древнимъ. Этотъ современный человѣкъ, дающій жизнь множеству отраслей промышленности, и самъ ведетъ дѣятельную жизнь: онъ или финансистъ, или коммерсантъ, или фабрикантъ. Онъ разсчитываетъ, получаетъ и отправляетъ депеши, увеличиваетъ заказы и распоряженія, жадно читаетъ газеты, а окончивъ дѣла, охотится, ѣздитъ верхомъ, развлекается игрой, ѣдетъ въ театръ, покупаетъ новыя книги, что̀ не обязываетъ его читать ихъ, посѣщаетъ мастерскія художниковъ. Его служащіе, даже прислуга—свободные граждане, сохраняющіе свое достоинство. Тутъ нѣтъ толпы голодныхъ кліентовъ, являвшихся привѣтствовать богатаго римлянина, въ ожиданіи раздачи денегъ. Только нѣсколько бѣдняковъ стучатся въ его двери и никогда не уходятъ безъ помощи, не считая милостыни, тайно раздаваемой рукою женщины. Правда, многое слѣдовало бы исправить въ жизни современныхъ людей: комедіи не даромъ высказываютъ имъ многія истины, которыя ихъ смѣшатъ, но не улучшаютъ, какъ нѣкогда аѳинянъ; однако, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, у нихъ остается много качествъ, значительно возвышающихъ ихъ надъ римскимъ патриціемъ, бросавшимъ своихъ рабовъ въ садки на съѣденіе рыбамъ, или рукоплескавшимъ, съ толпою плебеевъ, смерти гладіаторовъ.

Можемъ ли мы сказать, что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ? Современное общество, гордящееся своими побѣдами надъ природой, рискуетъ впасть въ *матеріализмъ*. Слишкомъ легкомысленное, увлекающееся скачками, какъ греки временъ Византіи, восхищающееся двусмысленностями, отуманиваемое звукомъ золота и пѣсенъ, оно слишкомъ часто утрачиваетъ склонность къ серьезнымъ изслѣдованіямъ, возвышеннымъ разсужденіямъ, къ уваженію семейныхъ обязанностей и личному достоинству. Оно даетъ образованіе дѣтямъ, но не умѣетъ ихъ воспитывать. Оно облегчаетъ жизнь трудящихся классовъ, но подаетъ имъ дурные примѣры. Оно возбуждаетъ зависть бѣдныхъ и сообщаетъ имъ свой духъ религіознаго скептицизма, разрушающаго надежду и вызывающаго смуту.

Современной цивилизаціи грозитъ двоякая опасность: внутренняя и внѣшняя. Ложныя ученія, вооружающія трудъ противъ капитала, угрожаютъ уничтоженіемъ промышленности и собственности, основамъ каждаго общества. Политическое соперничество народовъ, со дня на день, можетъ привести къ столкновеніямъ тѣмъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ военные снаряды ужаснѣе и арміи

многочисленнѣе. Можетъ произойти столкновеніе милліоновъ людей. Это было бы возвращеніемъ къ варварству. Мы вовсе не желаемъ при этомъ вызывать призрака азіатскаго вторженія; но это было бы меньшей опасностью, чѣмъ та, которая угрожаетъ Европѣ въ самой Европѣ.

Что же, однако, дѣлать? Вспоминать постоянно уроки исторіи. Цивилизація выросла, благодаря уваженію къ семьѣ, къ собственности, религіи, порядку, свободѣ, труду и мужественнымъ доблестямъ. Будемъ слѣдовать этимъ укрѣпляющимъ добродѣтелямъ.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, огорчаться этими печальными предвѣщаніями и безнадежнымъ пессимизмомъ. Современная цивилизація охраняется отъ опасности разложенія силой своего распространенія. Римская имперія пала потому, что заключена была въ тѣсные предѣлы, черезъ которые не могла переступить. Современная цивилизація не знаетъ иныхъ границъ, кромѣ предѣловъ міра. Она должна уничтожить еще много препятствій, срыть много горъ, запрудить много рѣкъ, просвѣтить и дисциплинировать много націй. Отсутствіе дѣятельности погубить ее не можетъ. Она обладаетъ внутренней и божественной силой, которая распространяетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ охраняетъ ее. Конечно, случайности, войны, бѣдствія могутъ еще внести смуту въ государства, но можно надѣяться, что цивилизація не остановится. Мы ее опредѣлили, какъ *матеріальный прогрессъ* и *нравственное усовершенствованіе.* Но нравственное совершенствованіе безконечно, а прогрессъ, идущій съ быстротою, какую онъ пріобрѣлъ въ наше время, открываетъ длинный путь человѣчеству для продолжительныхъ надеждъ и обширныхъ замысловъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Средніе вѣка.

Стр.

Глава I. Вторженіе варваровъ. Германское общество 1
Глава II. Восточная имперія. Возстановленіе Западной имперіи 21
Глава III. Арабы. Багдадскій и кордовскій калифаты. Мусульманская цивилизація 34
Глава IV. Феодальная система. 48
Глава V. Феодальная и католическая Европа отъ XI до XIV вѣка 59
Глава VI. Средневѣковое общество 80

Новыя времена.

Глава VII. Новыя государства въ XV и XVI вѣкахъ. Великія морскія открытія. 130
Глава VIII. Эпоха возрожденія въ XV и XVI вѣкахъ. 141
Глава VIII. Реформація 188
Глава IX. Семнадцатый вѣкъ. Религія. Политика. Общественные интересы . . 197
Глава X. Литература, науки и искусства въ XVII вѣкѣ 222
Глава XI. Художественное, научное и философское движеніе въ XVIII вѣкѣ. . 256
Глава XII. Европа XVIII вѣка въ экономическомъ и политическомъ отношеніи. Причины французской революціи 1789 года. 285

Современная эпоха.

Глава XIII. Современная эпоха 311
Глава XIV. Консульство и имперія. Наполеоновская Европа. Распространеніе французскихъ идей 334
Глава XV. Состояніе Европы послѣ 1815 г. 352
Глава XVI. Литература и искусства въ XIX вѣкѣ 393
Глава XVII. Науки и ихъ примѣненіе къ промышленности. 425
Глава XVIII. Экономическое развитіе и нравственный прогрессъ 441
Глава XIX. Распространеніе европейской цивилизаціи по всему міру. 471
Заключеніе. 506
Алфавитный указатель собственныхъ именъ, помѣщенныхъ въ 1 и 2 т.

Алфавитный указатель историческихъ именъ.

А.

Ааронъ, 88 *).
Аббасиды, II, 39.
Абд-ер-Рахманъ, II, 39.
Абеляръ, II, 106.
Абидосъ, 175.
Абсида, 343.
Абу, II, 402.
Абу-Бекръ, II, 39.
Абу-Джіафаръ, II, 40.
Абуль-Феда, II, 43.
Аввакумъ, 89.
Августинъ св., 349; II 92.
Августъ, 289, 294, 310, 322.
Авдій, 89.
Аверроесъ, II, 42, 113.
Авеста, 127.
Авицена, II, 42, 113.
Австралія, II, 288.
Агамемнонъ, 182, 187.
Аггей, 89.
Агисъ, 229.
Аграрная Лига, II, 372.
Агриппа, 319.
Агриппина Младшая, 323.
Аданъ, 110.
Адансонъ, II, 266.
Адаръ, 62.
Аддисонъ, II, 276.
Адодъ, 110.
Адонаи, 82.
Адонисъ, 111.
Адріанъ, 98.
Адруметъ, 104.
Азеліо, II, 414.
Азелла, 351.
Акарнанія, 175.
Аксіосъ, 219.
Акціи, II, 287.
Алансонское герцогство, II, 132.
Аларконъ, II, 237.
Алая роза, II, 133.
Алгебра, II, 44.
Александрійская школа 333.
Александрія, 98, 222.
Александръ, 54, 198.
Алкей, 184.
Алкиной, 182.
Алкманъ, 185.
Алкуинъ, II, 30.
Аллоды, II, 51.
Аллегри, II, 179.
Аллори, II, 174.
Алхимія, II, 44.
Альбано, II, 183, 246.
Альберони, II, 300.
Альбертъ Великій, II, 105.
Альбигойцы, II, 95.
Альбукеркъ, II, 137.
Альгамбра, II, 46.
Алькасаръ, II, 45.
Алькантара, II, 134.
Альмамунъ, II, 40, 42.
Аль-Манзоръ, II, 40.
Альмейда, II, 121.
Альфаки, II, 41.
Альфіери, II, 283, 264.
Альфонсъ X, II, 79.
Альфонсъ Великодушный, II, 142.
Аль-Хакемъ, II, 43.
Амадисъ Галльскій, II, 153.
Амазисъ, 45, 176.
Амбарваліи, 240.
Амвросій, 348.
Аменемхатъ, 27.
Америго Веспучи, II, 138.
Америка, II, 137.
Амизъ, 175.
Амилькаръ, 117.
Аміо, II, 151.
Аммонато, II, 169.
Амонтонъ, II, 242.
Амори Шартрскій, II, 107.
Амосъ, 89.
Амосъ Коменскій, II, 232.
Амперъ, 32, 33; II, 409, 426, 433.
Амранъ, 54, 55.
Амри, II, 42.
Аму-Дарья, 118.
Амфиктіонъ, 148.
Амфиполисъ, 161.
Амфитріонъ, 307.
Амьенъ, II, 107.
Анакреонъ, 185.
Анаксагоръ, 194.
Анаксимандръ, 194.
Анаксименъ, 194.
Анастасій, II, 22.
Ангильбертъ, II, 30.
Англійскій банкъ, II, 286.
Ангроманьу, 128.
Андалузія, II, 7.
Андромаха, 153, 182.
Анжу, II, 132.
Анкетиль-Дюперонъ, 127.
Аннибалъ, 117, 275.
Ансельмъ, II, 107.
Антигона, 189
Антигонъ Дозонъ, 229.
Антиной, 323.
Антіохія, 227.
Антіохъ, 227.
Антіохъ Епифанъ, 277.
Антонелло, II, 171.
Антонины, 231, 323, 335.
Антоній, 293.
Антоній Падуанскій, II, 107.
Антоній св., 350.
Ану, 62.
Ао, 62.
Апамея, 227.
Апеллесъ, 197, 210.
Апеннины, 237.
Аписъ, 35, 36.
Апіанъ, II, 160.
Аппіанъ, 231.
Аппіи, 249.
Аполлонія, 176.
Аполлонъ, 138, 146, 207.
Апологія христіанства, 232.
Арабески, II, 45.

*) Цифры, предъ которыми поставлена римская цифра II, означаютъ страницы II тома, а безъ этой цифры—страницы I тома.

Арабы, II, 34.
Араго, II, 426.
Арадъ, 104.
Аранда, II, 302.
Аратъ, 229.
Арбеллы, 222.
Арбрисель, II, 90.
Аргіоненида, 161.
Ареццо, II, 124.
Ариманъ, 128.
Аристархъ, 226.
Аристидесъ, 209.
Аристидъ, 179.
Аристотель, 156, 162, 197, 221.
Аристофанъ, 164, 190.
Арій, 346.
Арійцы, 17, 118.
Аріостъ, II, 144.
Аркадій, 352.
Аркрайтъ, II, 444.
Армада, II, 195.
Арндтъ, II, 412.
Арнимъ, II, 412.
Арно, II, 233.
Арріанъ, 231.
Артезіанскіе колодцы, II, 437.
Артуа, II, 132.
Архелай, 219.
Архилохъ, 184.
Асдрубалъ, 117.
Ассирія, 52.
Ассурбанипалъ, 66, 75.
Ассуръ, 52, 62.
Астаротъ, 111.
Астарта, 111.
Атала, II, 394.
Атергатисъ, 111.
Атталы, 228.
Аттика, 158, 163.
Аттій, 307.
Аура-Мазда, 128, 129.
Ахей, 134.
Ахейскій союзъ, 229.
Ахиллесъ, 153, 182.
Ахмедъ-ель-Рази, II, 42.
Ахмесъ, 28.
Аѳанасій св., 347.

Б.

Баалъ, 110.
Бабилъ, 54.
Бабинэ, II, 427.
Базилика, 342.
Базошъ, II, 148.
Баифъ-де, II, 150.
Байронъ, II, 410.
Баккара, II, 448.
Баларъ, II, 428.
Балеарскіе о-ва, 115.
Бальбо, II, 414.
Бальбоа, II, 138.
Бальзакъ, II, 223; II, 402.
Бальи, II, 66; II, 262.
Бальмесъ, 8.
Банажъ, II, 237.
Баннеръ, II, 201.
Барантъ, II, 404.
Барбарелли, II, 180.
Барбье, II, 400.
Барка, 117.
Барроу, II, 239.
Бартэ, II, 266.
Бастіа, II, 407.
Бахъ, II, 284.
Бегистунъ, 73.
Бейрутъ, 104.
Бекеръ, 20.
Беккарія, 283.
Бёккъ, II, 413.
Бёклендъ, 9.
Бэконъ Роджеръ, II, 105, 107, 113, 130.
Бэконъ Франситъ, II, 235.
Бела, 107.
Белитанъ, 111.
Беллини, II, 180; II, 422.
Белло, II, 150.
Беллона, 139.
Беллэ-дю, II, 150.
Белъ, 54, 55, 62, 110.
Бембо, II, 143.
Бенвенуто Челини, II, 167, 168.
Бенедиктинцы, II, 91.
Бенедиктъ Аніанскій, II, 30.
Бенедиктъ Нурсійскій св., II, 16.
Бенефиціи, II, 12, 31.
Бени-Гасанъ, 28, 44.
Бентиволіо, II, 143.
Бенъ-Джонсонъ, II, 235.
Бёньенъ, II, 236.
Беранже, II, 399.
Берингъ, II, 288.
Беритъ, 104.
Беркенъ, II, 162.
Берклей, II, 278.
Берліозъ, II, 424.
Бернардъ Веймарскій, II, 201.
Бернардъ св., II, 91, 106.
Бернаръ Клодъ, II, 430.
Бернгардъ Турскій, II, 94.
Берни, II, 144.
Бернини, II, 147, 265.
Бернсторфъ, II, 298.
Бернулли, II, 239; II, 260.
Берозъ, 52, 55.
Берругете, II, 183.
Берсо, 9; II, 405.
Бертоле, 21; II, 265.
Бертонъ, II, 486.
Бертранъ, 9; II, 429.
Берцеліусъ, II, 428.
Берье, II, 408.
Бетанкуръ, II, 128.
Бётлеръ, II, 236.
Бетховенъ, II, 422.
Бѣлая роза, II, 133.
Бэйль, II, 237.
Бэконъ, 3, 6; II, 235.
Бэлль, II, 439.
Бэнъ, II, 412.
Библіена, II, 144.
Библія, 80.
Бильо, II, 408.
Біо, II, 426.
Бирсъ-Нимрудъ, 55.
Бисмаркъ, II, 366.
Биша, II, 430.
Бланка, II, 302.
Бланкаръ-Эвраръ, II, 438.
Бланки, II, 407.
Блекеттъ, II, 432.
Блэкуэль, II, 434.
Боденъ, II, 151.
Бодрильяръ, II, 407.
Божё Анна, II, 132.
Бойль, II. 242.
Боккачіо, II, 128.
Бокль, II, 412.
Бомануаръ, II, 112.
Бомарше, II, 275.
Бомонъ-де, II, 426.
Бонавентура св., II, 107.
Бональ-де, 8; II, 405.
Бонапартъ, 21; II, 327, 289, 290.
Бонеръ Роза, II, 419.
Бордё, II, 266.
Борисѳенъ, 175.
Барке, 176.
Боркъ, II, 279.
Борисъ, II, 278.
Борнье, II, 401.
Борромини, II, 244.
Борсиппа, 55.
Босканъ, II, 153.
Боссюэ, 30, 35, 41; II, 228.
Босфоръ, 175.
Боттà, 57, 73.
Бошанъ, 21.
Боядоръ, II, 137.
Боярдо, II, 144.
Брадлэй, II, 261.
Бразидъ, 161.
Брама, 119.

Браманте, II, 164.
Брантомъ, II, 148, 151.
Брауверъ, II, 253.
Бревіарій, II, 10.
Брегетъ, II, 387.
Брентано, II, 412.
Бриггсъ, II, 239.
Бризё, II, 399.
Бріарей, 135.
Брольи, II, 404.
Броньяръ, II, 426.
Броссъ-де, II, 165, 243.
Брофферіо, II, 414.
Брумъ, II, 411.
Брунелески, II, 164.
Бруно св., II, 90.
Бруссэ, II, 430.
Брюанъ, II, 245.
Брюжъ, II, 239.
Буа-Гильберъ, II, 274.
Буало, II, 227.
Буароберъ, II, 231.
Бугэ, II, 262.
Будда, 121.
Буэ Эме, 9.
Букерсъ, II, 187.
Буленвилье, II, 232.
Буль, II, 258.
Бувенъ, II, 427.
Бургавъ, II, 243.
Бургунды, II, 7.
Бурдалу, II, 228.
Бурдейль, II, 151.
Буржуа, 9.
Буржуазія, II, 73.
Буфле, II, 268.
Бушардонъ, II, 257.
Буше, II, 259.
Буше де-Пертъ, 19.
Бюде, II, 146.
Бюлланъ, II, 167.
Бюффонъ, II, 264, 266.

В.

Ваалтисъ, 111.
Ваалъ, 54, 82, 111.
Вавилонъ, 52.
Вагнеръ, II, 424.
Ваддеръ, II, 253.
Вазари, II, 174.
Вакхъ, 138, 186, 207.
Валгалла, II, 6.
Валентинъ, II, 248.
Валерій Максимъ, 279.
Валла, II, 143.
Веллей Патеркулъ, 315.
Валленштейнъ, II, 201.
Валлиснери, II, 266.
Валькиріи, II, 6.
Вальтеръ Скоттъ, II, 410.
Вандализмъ, II, 9.
Вандалы, II, 7.
Вануччи, II, 142.
Ванъ-Дикъ, II, 252.
Ванкуверъ, II, 288.
Варе, II, 233.
Варуна, 119.
Василій св., 347.
Васко-де-Гама, II, 137.
Вассалы, II, 48.
Ватабль, II, 146.
Ватто, II, 259.
Ведій Поліонъ, 289.
Веды, 81, 119.
Везалій, II, 161.
Вейденъ-фанъ-деръ, II, 184.
Векселя, II, 100.
Веласкесъ, II, 247.
Велизарій, II, 21.
Веллингтонъ, II, 367.
Велуръ, II, 253.
Вендидадъ, 127.
Венера, 62, 138, 207.
Веніаминъ Тудельскій, II, 103.
Венсенъ, II, 239.
Вергельдъ, II, 12.
Верди, II, 422.
Верне, II, 260, 417.
Веровезе, II, 181.
Верто, II, 231.
Вертъ, II, 201.
Веста, 138, 240.
Вестминстерскій дворецъ, II, 213.
Вестъ-готы, II, 8.
Вѣнскій конгрессъ, II, 306.
Вивіани, II, 208.
Вивіенъ, II, 431.
Виги, II, 212.
Византія, II, 25.
Визитокъ орденъ, II, 200.
Вико, II, 282.
Виландъ, II, 282.
Виланы, II, 54.
Вилларсо, II, 371.
Виллани, II, 114.
Виллонъ, II, 111, 147.
„Вильгельмъ Мейстеръ“, II, 244.
Вильель, II, 407.
Вильменъ, 184; II, 409.
Винкельманъ, II, 280.
Винклеръ, II, 263.
Винчи, см. Леонардо да Винчи.
Виньи, де, II, 398.
Виньоли, II, 164.
Виргилій, 239, 311.
Висконти, II, 422.
Виспередъ, 127.
Вишну, 120.
Виѳанія, 228.
Віетъ, II, 161.
Вобанъ, II, 202, 238.
Вовенаргъ, II, 271.
Вожеласъ, II, 223.
Возрожденіе, II, 141.
Вокансонъ, II, 444.
Воклэнъ, II, 428.
Воловскій, II, 407.
Вольней, 4, 26.
Вольта, II, 265, 433.
Вольтеръ, II, 269.
Вольфъ, II, 280.
Врангель, II, 201.
Вуатюръ, II, 223.
Вуверманъ, II, 255.
Вулканъ, 138.
Вульгата, 349.
Вуэ, II, 248.
Вюитри, II, 407.

Г.

Габироль, 99.
Габріель, II, 257.
Гадесъ, 104, 105.
Газали, II, 42.
Гай, 317.
Гайднъ, II, 284.
Гайзъ, II, 443.
Галеви, II, 401, 423.
Галикарнасъ, 175.
Галилей, II, 239.
Галіенъ, 228.
Галламъ, II, 411.
Галласъ, II, 201.
Галлей, II, 240.
Галлеръ, II, 280.
Галлиполи, 175.
Галлэ, II, 420.
Галль, II, 430.
Гальвани, II, 265.
Гамбетта, II, 408.
Ганза, II, 98.
Ганзейскій, союзъ, II, 101.
Ганнонъ, 117.
Гарвей, II, 243.
Гаргантюа, II, 133.
Гарпіи, 138.
Гарригу, 9.
Гарсиласо-де-ла-Вега, II, 153.
Гарунъ-аль-Рашидъ, II, 40, 42.
Гаюи, II, 266, 267.
Гверчино, II, 246.
Гвидо Рени, II, 246.

Гвичардини, II, 146.
Геба, 138.
Гебейль, 104.
Гебріанъ, II, 201.
Гевеліусъ, II, 240.
Гегель, 51; II, 413.
Геджра, 19; II, 36.
Гедрозія, 223.
Геереиъ, 104.
Гезіодъ, 135, 183.
Гёйгенсъ, II, 240.
Гейденъ, II, 255.
Гейне, II, 280, 412.
Гекторъ, 182.
Геликонъ, 138.
Гельвецій, II, 270.
Гемаръ, 99.
Гендель, II, 284.
Генеральные штаты, II, 66, 310.
Генрихъ III, II, 70.
Генрихъ IV, II, 60, 201.
Генсборо, II, 260.
Генуя, II, 64.
Геральдика, II, 83.
Гератъ, 223.
Гербы, II, 83.
Гервинусъ, II, 413.
Гердеръ, II, 280.
Геренъ, II, 415.
Герике, II, 242.
Геркулесъ, 111, 140.
Германдада, II, 134.
Германцы, II, 4.
Гермусъ, 175.
Геродотъ, 20, 27, 35, 42, 43, 55, 104, 123, 191.
Герольдмейстеры, II, 83.
Герулы, II, 8.
Гершель, II, 261.
Гёскиссонъ, II, 367.
Геснеръ, II, 280.
Гесперисъ, 176.
Гёте, II, 281, 311.
Гётлингъ, II, 266.
Гэй Люссакъ, II, 428.
Гиббонъ, II, 279.
Гиберти, II, 168.
Гидальги, II, 78.
Гизехъ, 48.
Гизо, 7; II, 402.
Гикъ-Су, 28.
Гилахъ, 54.
Гильомъ Овернскій, II, 106.
Гинду-Кушъ, 118.
Гипподамъ, 204.
Гиппократъ, 200.
Гиппонаксъ, 184.
Гиппонъ, 349.
Гиспалисъ, 104.
Гладстонъ, II, 371.
Глюкъ, II, 284.
Гоббема, II, 255.
Гоббсъ, II, 235.
Говертъ-Антверпенскій, II, 253.
Гогартъ, II, 260.
Гогенцолерны, II, 255.
Годенъ, II, 262.
Голубые, II, 24.
Гольбахъ, II, 270.
Гольбейнъ, II, 185.
Гольдсмитъ, II, 277.
Гомеръ, 109, 137, 142, 152, 181.
Гонгора, II, 238.
Гонзаго, II, 143.
Гонкуръ, II, 402.
Гонорій, 352.
Горацій, 184, 312.
Горъ, 38.
Готье, II, 400.
Гоффманъ, II, 243, 413.
Гоцци, II, 283.
Гракхи, 285.
Граника, 221.
Грантъ, 20.
Гратри, II, 406.
Граціи, 138.
Грсаръ, 232.
Грегэмъ, II, 429.
Грёзъ, II, 260.
Грей, II, 263, 367.
Гренада, II, 118.
Гренгуаръ, II, 148.
Грессе, II, 268.
Гретри, II, 284.
Греція, 132.
Григорій VII, папа, II, 60.
Григорій VIII, папа, II, 141.
Григорій Назіанскій св., 307.
Григорій Нисскій св., 347.
Григорій Турскій, II, 14.
Гриммъ, II, 413.
Грихальва, II, 138.
Гро, II, 415.
Гротъ, II, 412.
Гужонъ, II, 169.
Гуманисты, II, 143.
Гумбольдтъ Александръ, II, 425.
Гуніадъ Іоаннъ, II, 136.
Гунны, II, 8.
Гуно, II, 423.
Гунтъ, 27.
Гурнэ, II, 274.
Гуссэ, II, 400.
Густавъ Адольфъ, II, 197, 201.
Густавъ Ваза, II, 191.
Густавъ III, II, 297.
Гуттенъ-фонъ-Ульрихъ, II, 141.
Гуттенбергъ, II, 131, 142.
Гуцковъ, II, 412.
Гюго Викторъ, II, 397.
Гюйонъ, II, 233.

Д.

Давидъ, царь I, 92, 96. II, 414.
Давидъ, Дагеръ, II, 438.
Дагонъ, 111.
Даламберъ, II, 227, 270.
Далибаръ, II, 264.
Дальтонъ, II, 429.
Дампиръ, II, 288.
Данай, 134.
Дане, II, 146.
Даніилъ, 53, 89.
Дантанъ, II, 421.
Данте-Алигіери, II, 114.
Дарвинъ, II, 412.
Дарій, 124, 178.
Даръ-уль-Гарбъ, II, 38.
Даръ-уль-Исламъ, II, 38.
Двѣнадцать таблицъ, 253.
Дебрэ, II, 439.
Дэви, II, 428.
Девилль, II, 429.
Девиль Сенъ Клеръ, II, 370.
Девкальонъ, 137.
Дегузэ, II, 437.
Деказъ, II, 355.
Деканъ, II, 418.
Декартъ, II, 225, 208, 241.
Декларація правъ, II, 213, 314.
Декуріи, 263.
Декуріонъ, 263.
Делавинь, II, 399.
Делакруа, II, 416.
Деларошъ, II, 416.
Делиль, II, 268.
Делонэ, II, 371.
Делормъ, II, 168.
Делосъ, 174.
Деннеръ, II, 260.
Де-Серръ, II, 407.
Дельфійскій оракулъ, 146.
Демавендъ, 123.
Деміа, II, 232.
Демосѳенъ, 167, 199, 218.
Денонъ, 21.
Депрэ, II, 434.
Деркето, 111.
Де-Ту, II, 151.

Детушъ, II, 269.
Де-Фо, II, 276.
Дешанъ, II, 128.
Дженнеръ, II, 267.
Джіойа, II, 115.
Джокондо, II, 165.
Джонсонъ, II, 277.
Джоотто, II, 169.
Дигестъ, II, 22.
Дитрихъ, II, 260.
Дидро, II, 270.
Дизраэли, II, 411.
Диккенсъ, II, 411.
Диктаторъ, 255, 258.
Директорія, II, 331.
Діарбекиръ, 68.
Діазъ, II, 137.
Діана, 138, 207.
Діогенъ, 198.
Діодоръ, 21, 41, 54, 56, 62, 75, 106.
Діодоръ Синопскій, 216.
Діодоръ Сицилійскій, 231.
Діоклеціанъ, 336.
Діоне, 111.
Діонисій Галикарнасскій, 231.
Діоцезы, 339.
Добантонъ, II, 266.
Довъ, II, 254.
Доде, II, 402.
Дозонъ, 229.
Доле, II, 162.
Доламьё, 21.
Доминиканцы, II, 91.
Доменикино, II, 183, 246.
Доменикъ св., II, 91.
Донаръ, II, 6.
Донателло, II, 168.
Доницетти, II, 422.
Доре, II, 419.
Дорійцы, 134.
Драйденъ, II, 236.
Дріады, 139.
Дунсъ-Скоттъ, II, 105.
Дусе, II, 400.
Дюбартасъ, II, 150.
Дюгальдъ-Стьюартъ, II, 278.
Дюма Ж. Б., II, 428.
Дюма-отецъ, II, 400.
Дюма-сынъ, II, 401.
Дюпанлу, II, 406.
Дюреръ, II, 186.
Дюрюи, II, 404, 464.
Дюси, II, 394.
Дютильюа, II, 303.
Дюфэ, II, 264.

Е. Э.

Еверъ, 52, 78.
Евреи, 77.
Евстохія, 349.
Евфратъ, 51.
Египетъ, 20.
Екклезіастъ, 87.
Елена, 182.
Елена св., 342.
Естьены, II, 142.
Эакъ, 138.
Эдризи, II, 43.
Эвбея, 175.
Эвергетъ, 226.
Эвклидъ, 199, 226.
Эвмениды, 188.
Эвридика, 180.
Эвришидъ, 147, 188.
Эвротасъ, 160.
Эгингардъ, II, 30.
Эдда, 81.
Эддисонъ, II, 436, 439.
Эдилы, 255, 261.
Эдипъ, 187.
Эдризи, II, 112.
Эдуардъ I, II, 78.
Эйкъ-фанъ, II, 171.
Эйлеръ, II, 261.
Эламъ, 52.
Электра, 188.
Элефантина, 32.
Элея, 194.
Эліунъ, 110.
Элленіонъ, 176.
Элленъ, 133.
Эль, 110.
Эльба о., 115.
Эльбрусъ, 122.
Эльвендъ, 51, 122.
Эмпедоклъ, 195.
Энгръ, II, 415.
Эней, 239.
Энній, 307.
Энциклопедія, II, 235.
Эолида, 175.
Эолійцы, 175.
Эолъ, 133, 138.
Эпаминондъ, 218.
Эпиктетъ, 233.
Эпикуръ, 198.
Эразмъ, II, 147.
Эратосѳенъ, 226.
Эретрія, 175.
Эррера, II, 147, 253.
Эрстетъ, II, 427.
Эрта, II, 6.
Эскулашъ, 140, 200.
Эскуріалъ, II, 39.
Эсте, II, 143.
Эсхилъ, 10, 144, 186, 187.
Эсхинъ, 220.
Этрусски, 238.

Ж.

Жаккаръ, II, 445.
Жаненъ, II, 409.
Жанъ Мёнгъ, II, 98.
Жеганъ Брюггскій, II, 149.
Желе Клодъ, II, 248.
Жераръ, II, 415.
Жераръ III., II. 429.
Жерико, II, 416.
Жерсонъ, II, 128.
Жерюзэ, II, 409.
Жильберъ, II, 268.
Жиродэ, II, 415.
Жирарденъ, II, 408.
Жираръ, II, 445.
Жираръ II., II, 466.
Жирондисты, II, 325.
Жодель, II, 150.
Жоли, 9.
Жолье, II, 221.
Жомаръ, 26.
Жоржъ Зандъ, II, 401.
Жоффруа, II, 431.
Жоффруа Сентъ-Иларъ, II, 425.
Жоффруа Вильгардуенскій, II, 111.
Жуанвиль, II, 82, 112.
Жувене, II, 218.
Журданъ, II, 327.
Жуффруа, II, 405.
Жюстъ, II, 169.
Жюсье, II, 266.

З.

Закинтъ, 174.
Законодательное собраніе, II, 324.
Заратустра, 126, 128.
Захарія, 89.
Зевкисъ, 209.
Зеленые, II, 24.
Земмерингъ, II, 433.
Зендъ-Авеста, 81.
Зенефельдеръ, II, 447.
Зенонъ, 194, 198.
Зефиръ, 138.
Золотая булла, II, 118.
Зороастръ, 126.
Зундеръ, см. Кранахъ, II, 186.

И.

Ибнъ-Гайянъ, II, 42.
Ивэнсъ, II, 431.

Ивикъ, 185.
Ивъ Шартскій, II, 107.
Изабелла, II, 118.
Изида, 49.
Иктинъ, 204.
Иларій св., 348.
Иліада, 137, 182.
Илу, 62.
Имамы, II, 37.
Имперскіе города, II, 71.
Имхотепъ, 37.
Инвеститура, II, 54.
Индія, 118.
Индра, 119.
Инквизиція, II, 92.
Институты, II, 22.
Ипполитъ св., 332.
Ипса, 227.
Ипсамбулъ, 33.
Иранъ, 118, 122.
Иранцы. 17.
Ирина, II, 26.
Ирландія, II, 322.
Исайя, 89.
Исламъ, II, 35.
Истаръ, 62.
Истмійскія игры, 149.
Итака, 153, 182.
Ификратъ, 218.

I.

Іализъ, 175.
Іафетъ, 17.
Іеронимъ св., 348.
Іессеи, 97.
Іоаннъ Златоустый св., 348.
Іегова, 82.
Іезекіиль пр., 89, 106, 109.
Іеремія пр., 89.
Іероглифы, 48.
Іерусалимъ, 78.
Іоиль пр., 89.
Іона пр., 89.
Іонійцы, 158.
Іонъ, 134.
Іорденсъ, II, 252.
Іосифъ, 99, 226, 231; II, 359.
Іуда, 99.
Іясна, 127.

K.

Кааба, II, 34.
Кабанель, II, 418
Кабе, II, 359.
Кабиры, 111.
Каботто, II, 138.
Кабулъ, 223.
Кавальери, II, 239.
Кади, II, 41.
Кадиксъ, 104.
Кадмея, 218.
Кадмъ, 134.
Казелли, II, 434.
Каиръ, II, 42.
Кай, (см. Гай), 317.
Калатрава, II, 134.
Калиннъ, 183.
Калипсо, 182.
Калисѳенъ, 222, 223.
Калифы, II, 38.
Калликратъ, 204.
Кальвинъ, II, 152, 192.
Кальдеронъ, II, 238.
Кальо, II, 249.
Кальпурнія, 306.
Камбизъ, 124.
Камиръ, 175.
Камюсъ, II, 262.
Камоэнсъ, II, 154.
Кампанъ, 238.
Кампоманесъ, II, 302.
Кандагаръ, 223.
Кандоль-де, II, 426.
Каннингъ, II, 367.
Канова, II, 257, 420.
Кантъ, II, 282.
Капетинги, II, 65.
Капитолій, 319.
Капитулы, II, 88.
Капуцины, II, 199.
Караваджіо, II, 180.
Караччи, II, 182.
Карданъ, II, 161.
Кареньо, II, 248.
Карлейль, II, 411.
Карлъ Мартелъ, II, 19.
Карлъ Великій, II, 28.
Карлъ Лысый, II, 48.
Карлъ X, II, 355.
Карлъ Орлеанскій, II, 111.
Кармелитокъ орденъ, II, 200.
Кармелиты, II, 92.
Карнавалъ, II, 93.
Карнакъ, 30.
Карнеадъ, 283.
Каро, II, 405.
Каррель, II, 408.
Карръ, II, 402.
Картезіанцы, II, 90.
Картехъ, 104.
Картье, II, 138.
Карѳагенъ, 104, 114, 116, 275.
Касра, 54.
Кассини, II, 240.
Кастель, II, 404.
Кастилія, II, 118.
Кастильехо, II, 152.
Катакомбы, 330.
Катана, 175.
Катары, II, 95.
Катонъ, 283.
Катуллъ, 309.
Каульбахъ, II, 419.
Кафиры, II, 38.
Кафьери, II, 257.
Квесторъ, 255, 260.
Квинтиліанъ, 316.
Квинтъ-Курцій, 55, 315.
Квиринъ, 239, 240.
Кедронъ, 78.
Кекропсъ, 134.
Келлеръ, 19, 13.
Кельнъ, II, 108.
Кепэ, II, 274.
Кеплеръ, II, 239.
Керамика, 73; II, 163.
Керъ-нетеръ, 39.
Керубини, II, 423.
Кефалонія, 274.
Кэвендишъ, II, 266.
Кидна, 221.
Кизикъ, 174.
Кимонъ, 179.
Кимъ, 175.
Кине, II, 404.
Кино, II, 231.
Киносцефалы, 230.
Киппертъ, II, 413.
Киприъ, 104, 174.
Кирвэгъ, II, 266.
Киренаика, 176.
Киренъ, 176.
Киропеліонъ, 227.
Киръ, 53, 79, 124, 218.
Китай, II, 492.
Клавдій, 249.
Клезусъ, II, 160.
Клелія, 244.
Клеоменъ, 229.
Клеонъ, 216.
Клеопатра, 293.
Клервоскій монастырь, II, 91.
Клермонскій соборъ, II, 62.
Клеро, II, 261, 262.
Клисѳенъ, 168.
Клитемнестра, 189.
Клитъ, 223.
Клопштокъ, II, 280.
Клюни, II, 90.
Кобденъ, II, 369.
Когорнъ, II, 202.
Когорты, 263.
Кодръ, 165.
Коэльо, II, 183.

Коксци, II, 185.
Кокъ, II, 253.
Колизей, 321.
Колленъ д'Арлевилль, II, 394.
Коломбъ, II, 169.
Колоны, 301; II, 13.
Колумбъ, II, 137.
Кольберъ, II, 208, 218.
Кольриджъ, II, 410.
Комитъ, 340.
Комиціи, 256.
Комминъ, II, 148.
Компиталіи, 240.
Конвентъ, II, 325.
Конде, II, 201.
Кондильякъ, II, 270.
Конрадъ II, II, 68.
Консидеранъ, II, 359.
Констанъ, II, 407.
Константинополь, 345.
Константинъ, 338.
Константій Хлоръ, 342.
Консулы, 257.
Консусъ, 240.
Контъ Огюстъ, II, 406.
Конфуцій, 81.
Копенгагенъ, II, 258.
Коперникъ, II, 159.
Коппе, II, 400.
Коранъ, II, 35.
Корвизаръ, II, 430.
Корвинъ Матвѣй, II, 136.
Коринна, 184.
Коринѳъ, 175, 230.
Корифей, 186.
Коріоланъ, 265.
Корнеліи, 249.
Корнелій Непотъ, 275.
Корнеліусъ, II, 419.
Корнелія, 243.
Корнель Пьеръ, II, 224.
Корпораціи, II, 96.
Корреджіо, II, 179.
Корсика, 115.
Кортесы, II, 79.
Кортесъ, II, 138.
Корцира, 175.
Косъ, 175.
Котіора, 175.
Коулей, II, 263.
Коуперъ, II, 277.
Краббъ, II, 278.
Крамеръ, II, 261.
Кранахъ, II, 186.
Крассъ, 280, 291, 309.
Кребильонъ, II, 269.
Крейцеръ, 110.
Крестовые походы, 100.
Кристоль, 9.
Критобулъ, 222.
Критъ, 104, 174.
Кромвель, II, 198, 211.
Кромптонъ, II, 444.
Кротонъ, 175.
Круппъ, II, 450.
Ксенофанъ, 194.
Ксенофонтъ, 92, 156.
Ксеркъ, 179.
Ксутъ, 134.
Ктезій, 52, 73, 123.
Куза, II, 159.
Кузенъ Ж., II, 169, 183.
Кузенъ В, II, 405.
Кукъ, II, 288.
Куріалы, 340.
Курціусъ, II, 413.
Курье, II, 408.
Кустель, II, 233.
Кусту, II, 246.
Кушиты, 52.
Куюнджикъ, 58.
Кювье, 8; II, 425.
Кюжасъ, II, 150.
Кюньо, II, 263.

Л.

Лабиринтъ, 27.
Лабишъ, II, 401.
Ла-Боэти, II, 151.
Ла-Брюйеръ, II, 230.
Лабулэ, II, 407.
Лавуазье, II, 265.
Лагарпъ, 93; II, 409.
Лагиды, 79.
Лагранжъ, II, 261.
Лаэнекъ, II, 430.
Лазаристы, II, 200.
Лакайль, II, 262.
Лаканаль, II, 329.
Лакондаминъ, II, 262.
Лакордеръ, II, 406.
Лаландъ, II, 262.
Ламартинъ, 93; II, 396.
Ламенэ, II, 406.
Ла-Метри, II, 270.
Ла-Моттъ, II, 268.
Ла-Моттъ-Фукэ, II, 413.
Лампсакъ, 175.
Лансело, II, 233.
Лаодикея, 227.
Лаокоонъ, 207, 323.
Лаперузъ, II, 288.
Лапласъ, II, 262.
Лапо-ди, II, 163.
Лапрадъ, II, 399.
Ларисса, 175.
Ла-Рошфуко, II, 230.
Ларте, 9.
Латинъ, 239.
Латифундіи, 280.
Лафонтенъ, II, 230.
Лаціумъ, 238.
Лёббокъ, II, 368
Лебонъ, II, 435.
Лебрёнъ, II, 249.
Левассёръ, II, 407.
Леверье, II, 429.
Левкада, 175.
Левктры, 160, 218.
Лево, II, 244.
Левъ Армянинъ, II, 25.
Левъ Изаврянинъ, II, 25.
Левъ III, папа, II, 29.
Легисты, II, 66.
Легіоны, 263.
Легувэ, II, 401.
Ледюкъ, II, 244.
Лейбницъ, II, 237, 239.
Лейдрадъ, II, 30.
Лейярдъ, 58, 73.
Леклеркъ, II, 237.
Леклеркъ В, II, 409.
Леконтъ де-Лиль, II, 400.
Лемерсье, II, 244.
Леманъ, II, 418.
Ле-Монье, II, 262.
Лены, II, 49.
Леонардо-да-Винчи, II, 173, 183.
Леонидъ, 159.
Леонтіонъ, 175.
Лепе, II, 267.
Лепсіусъ, 27, II, 413.
Лептисъ, 104.
Лесажъ, II, 275.
Лесбосъ, 174, 175.
Леско, II, 167.
Лессингъ, II, 280.
Лесюёръ, II, 249.
Летронъ, 32.
Летъ-Помпоній, II, 144.
Лжедекреталіи, II, 70.
Либихъ, II, 429.
Ливингстонъ, II, 486.
Ливій Андроникъ, 307.
Лидсъ, II, 251.
Лизиппъ, 207, 222.
Ликургъ, 158, 159.
Лили, II, 155.
Лилій, II, 160.
Линдосъ, 175.
Линней, II, 266.
Линъ, 140.
Листъ, II, 424.
Литтрэ, II, 406.
Лициній, 309.
Лициній, 342.
Лициній Столонъ, 286.

Лойола, II, 153.
Локкъ, II, 236.
Локры, 173, 176.
Лонгомонтанъ, II, 240.
Лонперье, 73.
Лопе-де-Вега, II, 154.
Лоранъ, II, 429.
Лофтусъ, 54, 73.
Лоу, II, 286.
Лувръ, 47; II, 167.
Лувуа, II, 202.
Лудій, 324.
Лузіады, II, 154.
Луи, II, 257.
Луи Бланъ, II, 360.
Луини, II, 179.
Луканъ, 314.
Лукіанъ, 233.
Лукрецій, 8, 308.
Лукреція, 243.
Луксоръ, 32.
Луперкаліи, 240.
Луцилій, 308.
Людовикъ Наполеонъ, II, 361.
Людовикъ Добрый, II, 48.
Людовикъ Сварливый, II, 75.
Людовикъ XI, II, 132.
Людовикъ, XIV, II, 204, 226.
Людовикъ XV, II, 259.
Людовикъ XVI, II, 305.
Людовикъ XVIII, II, 354.
Люлли, II, 231.
Лютеръ, II, 152, 189.

М.

Мабли, II, 271.
Мавзолей, 204.
Маворсъ или Марсъ, 239.
Мавръ, св., II, 16.
Магабарата, 119.
Магелланъ, II, 138.
Маги, 129.
Магометъ, II, 35.
Мадера, 105.
Мазарини, II, 198.
Мазаччо, II, 170.
Маймонидъ, 100.
Макавеи, 79, 97.
Македонія, 175, 219.
Макіавелли, II, 145.
Маклубехъ, 54.
Маколей, II, 411.
Максиминъ, 336.
Макферсонъ, II, 278.
Малага, 104.
Малахія, 89.
Малебраншъ, II, 232.
Малербъ, II, 223.
Мальзербъ, II, 305.
Мальта, 115.
Манеѳонъ, 21, 226.
Маниулы, 263.
Манлій, 264.
Мансаръ, II, 244.
Мантенья, II, 179.
Манто, 145.
Ману, 119.
Мануцій Альдъ, II, 142.
Манцони, II, 414.
Марешаль, II, 243.
Мариво, II, 275.
Маріетъ, 23, 36.
Марій, 287.
Маріоттъ, II, 242.
Маркграфъ, II, 449.
Маркетъ, II, 221.
Марко-Поло, II, 103, 112.
Маркъ Аврелій, 233, 323.
Маркъ Антоній, 309.
Марло, II, 155.
Мармонтель, II, 275.
Маро, II, 148.
Марокко, 116.
Марсель, 9, 176.
Мартенъ, II, 404.
Мартинъ Турскій, II, 92.
Мартиньякъ, II, 356, 407.
Мархіи, II, 33.
Марцелла, 351.
Марціалъ, 314.
Маснэ, II, 422.
Масперо, 23, 40, 44.
Массими, II, 164.
Массильонъ, II, 267.
Массоръ, 99.
Масуди, II, 42.
Маханидъ, 230.
Меандръ, 175.
Мегара, 175.
Мегюль, II, 284.
Медичи Іоаннъ, II, 143.
Медичи Козьма, II, 143.
Медичи Лаврентій, II, 143.
Мезре, II, 231.
Мейерберъ, II, 423.
Мёйленъ, Фангдаръ, II, 250.
Мейссонье, II, 418.
Мекка, II, 37.
Меланхтонъ, II, 190.
Мелита, 54.
Мельбурнъ, II, 368.
Мелькартъ, 111.
Мёльриди, II, 419.
Мемлингъ, II, 184.
Мемнонъ, 32, 221.
Менандръ, 190.
Менгсъ, II, 260.
Мендельсонъ, II, 422.
Мендоса, II, 152.
Менехмы, 308.
Меншенброкъ, II, 264.
Меньянъ, 9.
Метапонтъ, 175.
Мёрдокъ, II, 435.
Мери, 27.
Мериме, II, 402.
Меритъ, II, 255.
Меркурій, 62, 207.
Меродахъ, 62.
Мерсенскій эдиктъ, II, 51.
Мерси, II, 201.
Мэры, II, 72.
Месоди (Массуди), II, 42.
Месопотамія, 52.
Мессоръ, 240.
Местлинъ, II, 160.
Местръ-де, II, 401.
Метаморфозы, 313.
Метсисъ, II, 184.
Метцу, II, 254.
Меценатъ, 310.
Мешенъ, II, 262.
Мешхедъ, 223.
Мидяне, 123.
Микале, 176.
Микель Анджело, II, 165, 168.
Микены, 153.
Микеринъ, 24.
Миланскій эдиктъ, 342.
Миланъ, 337.
Милетъ, 175.
Милль Джонъ Стюартъ, II, 412.
Мильтонъ, II, 236.
Минерва, 128, 203, 207.
Миносъ, 138.
Минье, II, 403.
Миньяръ, II, 250.
Мирабо, II, 407.
Миронъ, 206.
Мистеріи, II, 111.
Мистраль, II, 400.
Митра, 128.
Митридатъ, 277, 288.
Михаилъ III, II, 26.
Михаилъ Заика, II, 25.
Михей, 89.
Мишле, II, 404.
Мишна, 100.
Мишокамень, 63.
Мнезиклъ, 204.
Моверсъ, 112.
Могавиль, 54.
Моисей, 79, 80, 85, 89.
Моисей Маймонидъ, 100.
Молва, 139.

Молохъ, 111.
Молчаніе, 139.
Мольеръ, II, 227.
Момзенъ, II, 413.
Монгольфье, II, 263.
Монжъ, 21.
Монлери, II, 81.
Монталамберъ, II, 406.
Монтальва, II, 153.
Монтанелли, II, 414.
Монтанъ, 333.
Монтаньяры, II, 326.
Монтень, II, 151.
Монтескьё, II, 270.
Монтефельтро, II, 143.
Мопертюи, II, 262.
Моралесъ, II, 183.
Морво, II, 265.
Морганьи, II, 267.
Морзъ, II, 433.
Морлендъ, II, 242.
Моро, II, 400.
Мортилье, 9.
Морфей, 139.
Моссулъ, 58.
Моцартъ, II, 284.
Мудо, II, 183.
Муэдзины, II, 37.
Музей, 140.
Музы, 137, 207.
Муміи, 40.
Мункаччи, II, 420.
Мурильо, II, 247.
Муслимы, II, 38.
Мюллеръ, II, 413.
Мюллеръ Іоганнъ, II, 280.
Мюнстерскій конгрессъ, II, 203.
Мюрже, II, 400.
Мюссэ, II, 399.

Н.

Набисъ, 230.
Наве, II, 420.
Навзикая, 182.
Навкратисъ, 176.
Навуходоносоръ, 53.
Надаръ, II, 437.
Наксосъ, 174, 175.
Нантскій эдиктъ, II, 198.
Наполеонъ, 21; II, 334.
Наумъ пр., 89.
Національное собраніе, II, 361.
Наяды, 139.
Неаполь, 176; II, 303.
Неархъ, 223.
Неби-Уюнъ, 59.
Нэбо, 54, 62.
Невмы, II, 123.
Немезида, 139, 207.
Немейскія игры, 149.
Непиръ, II. 239.
Нептунъ, 135, 138.
Нергалъ, 62.
Нереиды, 138.
Нехо, 104.
Нибуръ, II, 413.
Низаръ, II, 409.
Никій, 209.
Никейскій соборъ, 344.
Николай V, II, 143.
Николь, II, 233.
Никомедія, 337.
Нилъ, 20.
Нимрудъ, 60.
Нимъ, 100.
Ниневія, 52.
Нинъ, 53.
Нирвана, 122.
Нисрохъ, 63.
Ніобея, 207.
Новеллы, II, 22.
Нодье, II, 401.
Нолле, II, 263.
Номиналисты, II, 105.
Номы, 41.
Норберъ Клервоскій, II, 91.
Нормальная Школа, II, 329.
Норманны, II, 48.
Нотація, II, 123.
Ньюкоменъ, II, 263.
Ньютонъ, II, 239.

О.

Оанесъ, 62.
Оберкамфъ, II, 446.
Оберъ, II, 423.
Обинье, д', II, 150.
Овербекъ, II, 419.
Овидій, 313.
Оденстагъ, II, 6.
Одеонъ, 204.
Одинъ, II, 7.
Одиссея, 137, 182.
Одоакръ, II, 8.
Оды, 312.
Ожье, II, 400.
Озирисъ, 37, 36.
Оиль языкъ, II, 107.
О'Коннель, II, 367.
Октавій, 293.
Окъ языкъ, II, 107.
Оливье, II, 408.
Олимпійскія игры, 149.
Олимпъ, 138.
Олинфъ, 175.
Омаръ, II, 39.
Оммайяды (Омміады), II, 39.
Ономакритъ, 140.
Оппертъ, 56, 73.
Оппій, 284.
Оригенъ, 332.
Орканья, II, 168, 170.
Орландъ, II, 145.
Орлеанскій Карлъ, II, 147.
Орлеанскій Филиппъ, II, 286
Ормуздъ, 127, 128.
Орфей, 140, 181.
Осія пр., 89.
Османъ, II, 39.
Оссіанъ, II, 278.
Остготы, II, 8.
Отранъ, II, 399.
Оуэнъ, II, 426.
Офиръ, 104.

П.

Павелъ, 318.
Павелъ Дьяконъ, II, 30.
Павелъ св., 327.
Павзаній, 160.
Павла, 351.
Паксосъ, 174.
Пакувій, 324.
Палата депутатовъ, II, 354.
Палата пэровъ, II, 354.
Палеса, 138.
Палестина, 78.
Палестрина, II, 188.
Палисси, II, 187.
Пальеронъ, II, 400.
Пандекты, II, 22.
Пандора, 135.
Паненосъ, 209.
Паніонія, 176.
Пантеонъ, 319.
Панута, II, 146.
Панъ, 240
Папенъ, II, 242.
Папиніанъ, 317.
Парацельсъ, II, 161.
Паре, II, 162.
Парижъ, II, 87.
Парки, 139.
Парламентъ, II, 66, 76.
Пармантье, II, 266.
Пармеджіано, II, 180.
Парменидъ, 194.
Парнелль, II, 372.
Паросъ, 174.
Парразій, 209.
Парѳенонъ, 202.
Парѳенопея, 176.

Паскаль, 78; II, 225, 241.
Пасси, II, 407.
Пастёръ Луи, II, 439.
Патарины, II, 95.
Патенъ, II, 409.
Патриціи, 249.
Патроклъ, 182.
Пахомій св., 350.
Пачеко, II, 247.
Пачіоли, II, 158.
Пеке, II, 243.
Пелагій, 350.
Пеллико, II, 414.
Пелопидъ, 218.
Пелопонезская война, 215.
Пелопонезъ, 157.
Пелопсъ, 134.
Пелузъ, II, 429.
Пенелопа, 153.
Пентауръ, 48.
Пепины, II, 19.
Пергамъ, 228.
Перголезе, II, 284.
Периклъ, 169, 179.
Периплъ, 116.
Перро, II, 231, 245.
Персей, 140.
Персеполь, 129, 222.
Персы, 124.
Перуджино, II, 172.
Перуцци, II, 164.
Пэры, II, 12.
Перье, II, 407.
Песталоцци, II, 465.
Пестумъ, 203.
Петрарка, II, 114.
Петроній, 314.
Петръ Бруйскій, II, 94.
Петръ Пизанскій, II, 30.
Петръ Пустынникъ, II, 62.
Петръ св., 327.
Пизанскій Андреа, II, 168.
Пизанскій Николай, II, 168.
Пизанъ-де Христила, II, 85, 128.
Пизарро, II, 138.
Пизистратъ, 165.
Пикаръ, II, 240, 394.
Пико-де-Мирандола, II, 143.
Пиколломини, II, 201.
Пикусъ, 239.
Пилонъ, II, 169.
Пиль, II, 367, 369.
Пиндаръ, 128, 185.
Пинель, II, 267.
Пиронъ, II, 269.
Пирронъ, 198.
Пирготелъ, 211, 222.
Питана, 175.
Питтъ, II, 279.
Пиччини, II, 284.
Пиѳагоръ, 94, 140.
Пиѳійскія игры, 149.
Пиѳія, 146, 147.
Плавтъ, 307.
Плано-Карпини, II, 103.
Пласъ, 58.
Платонъ, 164, 196.
Плебеи, 250.
Плебсъ, 340.
Плиній Младшій, 317.
Плиній Старшій, 107.
Плистонасъ, 160.
Плотинъ, 226.
Плутархъ, 142, 206, 288.
Плутонъ, 121, 138.
Плутусъ, 138.
Полибій, 230.
Полигнотъ, 208.
Поликлетъ, 206.
Полиньякъ, II, 356.
Полиціано, II, 143.
Помбаль, II, 300.
Помона, 138, 240.
Помпей, 290.
Помпиньянъ, II, 268.
Понсаръ, II, 400.
Понсе-де-Леонъ, II, 153.
Понтъ, 228.
Понтъ-Эвксинскій, 175.
Попъ, II, 277.
Портеръ, 54.
Порта-де-ла, II, 164.
Португалія, II, 300.
Порфирій, 333.
Поръ-Рояль, II, 200.
Постель, II, 146.
Потидея, 175.
Поттеръ, II, 255.
Почетный легіонъ, орденъ, II, 338.
Пракситель, 206.
Прево-Парадоль, II, 408.
Превотальные города, II, 74.
Пресвитеріане, II, 198.
Преторъ, 256, 259.
Приматичи, II, 167, 183.
Пристлей, II, 265.
Пританеи, 166.
Пріамъ, 153, 182.
Пробъ, 326.
Прозерпина, 138.
Проконсулъ, 258.
Прометей, 10, 135, 144.
Пропилеи, 204.
Пропонтида, 175.
Протей, 138.
Прудонъ, II, 360, 407.
Прюдонъ, II, 415.
Псаметихъ, 176.
Птоломей, 226.
Публиканцы, 282.
Пульчи, II, 144.
Пуническія войны, 275.
Пурбусъ, II, 185.
Пурбюсъ, II, 250.
Пуритане, II, 198.
Пуссенъ, II, 248.
Пюже, II, 245.

Р.

Ра, 37, 38.
Рабанъ Мавръ, II, 30.
Раблэ, II, 152.
Радамантъ, 138.
Рамазанъ, II, 36.
Рамайяна, 119.
Рамбулье, II, 223.
Рамзесъ, 28, 31, 48.
Рамо, II, 283.
Рамсденъ, II, 264.
Рамусъ, II, 151, 161.
Ранке, II, 413.
Ранцау, II, 201.
Расинъ, II, 227.
Расши, 99.
Ратуша, II, 72.
Рафаэль, II, 165, 177.
Рея, 111, 135.
Реалисты, II, 105.
Ребу, II, 400.
Регіомонтанусъ, II, 159.
Регіумъ, 177.
Рейбо, II, 407.
Рейдъ, II, 278.
Рейнгольдъ, II, 160.
Рейнольдсъ, II, 260.
Рёнсбрукъ, II, 103.
Рейсъ, II, 439.
Рейхстагъ, II, 388.
Рембрандтъ, II, 254.
Ремюза, II, 405.
Ренодо, II, 234.
Ренанъ, II, 406.
Реомюръ, II, 263.
Реставрація, II, 357.
Ретикусъ, II, 160.
Рецъ, II, 231.
Рибера, II, 247.
Риго, II, 250.
Риголетто, II, 398.
Римъ, 235.
Риторика, II, 105.
Риттеръ, II, 414.
Рихманъ, II, 264.
Рихтеръ, II, 412.
Ричардсонъ, II, 277.
Ричъ, 54.
Ришельё, кард., II, 197.

Ришельё, герц., II, 356.
Роббія, II, 168.
Робервальъ, II, 239.
Робертсонъ, II, 279.
Роберъ, II, 417.
Робеспьеръ, II, 325.
Родосъ, 174.
Розье-де, II, 263.
Ройэ-Кольяръ, II, 405.
Рокъ, 139.
Роленъ, II, 233.
Романо, II, 178.
Романскій стиль, II, 118.
Рёмеръ, II, 241.
Ромулъ, 239.
Ронсаръ, II, 148.
Росселинъ Компьенскій, II, 107.
Россель, II, 367.
Росси, II, 407.
Россини, II, 422.
Россо II, 167, 183.
Роулинсонъ, 73.
Рубенсъ, II, 251.
Руэ, II, 408.
Руже-де, 22.
Румкорфъ, II, 434.
Руссо Жанъ-Жакъ, II, 268, 271.
Рыцарство, II, 65.
Рюисдаль, II, 255.
Рюккертъ, II, 412.
Рютбёфъ, II, 110.

С.

Саванаролла, II, 146.
Садолетъ, II, 143.
Саддукеи, 97.
Саида, 104.
Сайденгэмъ, II, 243.
Сакіямуни, 121.
Саліи, 240.
Саллюстій, 310.
Салманасаръ, 53, 76.
Сальваторъ Роза, II, 246.
Сальвій Юліанъ, 317.
Самарія, 79, 83.
Самаркандъ, 223.
Самосъ, 62, 174.
Сандо, II, 402.
Саннацаро, II, 143.
Сансовино, II, 168.
Санхоніатонъ, 109.
Санъ-Галло, II, 164.
Саразенъ, II, 245.
Саргониды, 53.
Саргонъ, 59, 71.
Сарданапалъ, 53.
Сардинія, 115.
Сарду, II, 401.
Сарды, 125.
Сарепта, 108.
Сарсэ, II, 409.
Сарто-дель, II, 174, 183.
Саси-де, II, 233.
Сатурналіи, 240.
Сатурнъ, 62, 135.
Сафо, 184.
Саху, 37.
Свевы, II, 7.
Свэнъ, II, 436.
Свифтъ, II, 277.
Симеонъ Столпникъ св., 350.
Священный Союзъ, II, 354.
Сэ, II, 407.
Севилья, 104.
Севинье-де, II, 229.
Сегэнъ, II, 432.
Седенъ, II, 269.
Сезострисъ, 28.
Сейдъ, II, 35.
Селевкъ, 207.
Селевкиды, 79.
Селевкія, 227.
Селинонтъ, 175.
Семирадима, 53.
Сенатъ, 256.
Сенегалъ, 116.
Сенека, 241, 317.
Сенешали, II, 66, 82.
Сеннахерибъ, 53, 70, 76.
Сенсуалисты, II, 237.
Сентинъ, II, 402.
Сенъ-Бёвъ, II, 409.
Сенъ-Жюстъ, II, 327.
Сенъ-Пьеръ, II, 271.
Сенъ-Пьеръ-де, Бернарденъ, II, 274.
Сенъ-Реаль, II, 232.
Сенъ-Сансъ, II, 424.
Сенъ-Симонъ, II, 268, 311.
Сенъ-Сюльписъ, II, 200.
Септимій Северъ, 332.
Сераписъ, 225.
Сервандони, II, 257.
Сервантесъ, II, 153.
Сервій Туллій, 250.
Серръ-де, II, 407.
Серсо-дю, II, 168.
Сети, 28, 31.
Сетъ, 38.
Сибарисъ, 175, 177.
Сива, 120.
Сивель, II, 437.
Сидоній, 14.
Сидонъ, 104, 108.
Сидъ, II, 224.
Сіена, 32.
Симонидъ, 184.
Симонъ Жюль, II, 405.
Синопъ, 175.
Синъ, 62.
Сиракузы, 175, 177.
Сирены, 138.
Сицилія, 115.
Скопасъ, 206.
Скоттисты, II, 107.
Скотть Вальтеръ, II, 410.
Скоттъ Леонъ, II, 439.
Скрибъ, II, 400.
Смарагдъ, II, 30.
Смитъ Адамъ, II, 274.
Снидерсъ, II, 252.
Соважъ, II, 431.
Сократъ, 150, 195.
Солиманскія горы, 122.
Соломонъ, 79, 92.
Солонъ, 142, 163, 166, 184.
Сорбонна, II, 104.
Сорленъ, II, 231.
Сорлингскіе о-ва, 105.
Соси, 73.
Сотеръ, Птоломей, 225.
Софоклъ, 188.
Софоній, 89.
Спаланцани, II, 267.
Спалатро, 223.
Спарта, 154, 158, 161, 171.
Спартакъ, 290.
Спенсеръ, II, 155.
Спенсеръ, II, 412, 455.
Спикъ, 20; II, 486.
Спинелли, II, 437.
Спиноза, 101; II, 237.
Спорады, 104, 174.
Сталь-де, г-жа, II, 395.
Стезихоръ, 185.
Стэнли, II, 486.
Стернъ, II, 277.
Стефенсонъ, II, 432.
Стилль, II, 276.
Столѣтняя война, II, 126.
Страбонъ, 21, 27, 55, 62. 231.
Стримонъ, 219.
Сузіана, 52, 125.
Сузы, 125.
Сулла, 288.
Суппа, II, 7.
Сунниты, II, 39.
Суперинтенденты, II, 191.
Сурбаранъ, II, 247.
Суры, II, 33.
Суфло, II, 257.
Сфинксъ, 24.
Сфорца, II, 143.
Схоластика, II, 105.
Сципіонъ, 276.
Сюзерены, II, 50.
Сюлли, II, 217.
Сюлли Прюдомъ, II, 400.

Т.

Талмудъ, 99.
Танаисъ, 175.
Тануччи, II, 303.
Тарентъ, 176.
Тарквиній, 251.
Тарталій, II, 161.
Тартаръ, 135.
Тартессъ, 104.
Тасси-де, II, 243.
Тассъ, II, 145.
Таухира, 176.
Тацитъ, 5, 315.
Тезей, 140.
Теккерей, II, 411.
Телефонъ, II, 379.
Тенаръ, II, 428.
Теннисонъ, II, 410.
Теньеръ, II, 253.
Тэнъ, II, 406.
Теогонія, 183.
Теодерихъ, II, 8.
Теодульфъ, II, 30.
Тепферъ, II, 402.
Тербургъ, II, 254.
Тереза св., II, 153.
Теренцій, 308.
Теренцій Варронъ, 308.
Терминусъ, 240.
Термы, 321.
Тернеръ, II, 419.
Тернандръ, 213.
Терроръ, II, 326.
Тертуліанъ, 332.
Тибръ, 207, 238.
Тибуллъ, 313.
Тигръ, 104.
Тикъ, II, 412.
Тилли, II, 201.
Тильзитскій трактатъ, II, 341.
Тимоѳей, 213.
Тинторетто, II, 181.
Тираны, 121.
Тиртей, 142, 184.
Тиръ, 104, 111, 114; II, 7.
Титъ Ларцій, 258.
Тиссандье, II, 437.
Титъ, 98, 312.
Титъ Ливій, 311.
Тихо-де-Браге, II, 160.
Тиціанъ, II, 180.
Токвиль, II, 407.
Тома, II, 423.
Томисты, II, 107.
Томсонъ, II, 277.
Торвальдсенъ, II, 421.
Торіи, II, 212.
Торреджіано, II, 168.
Торричелли, II, 241.
Торстенсонъ, II, 201.
Тосканелли, II, 158.
Трамбле, II, 261.
Трапезонтъ, 175.
Трапписты, II, 200.
Тревитикъ, II, 431.
Третье сословіе, II, 73.
Трибоніанъ, II, 22.
Трибуны, 252, 261.
Тридцатилѣтняя война, II, 201.
Триклиніумъ, 302.
Триполисъ, 104.
Трисино, II, 144.
Тритонъ, 138.
Тріопиконъ, 176.
Трогъ-Помпей, 316.
Троя, 153.
Троянская война, 152.
Трубадуры, II, 111.
Труверы, II, 109.
Тудески, II, 30.
Туранцы, 17, 52.
Туринскій патеръ., 48.
Турнефоръ, II, 243.
Турниры, II, 83.
Турноль, 9.
Тутмесъ, 28.
Тюильери, II, 168.
Тюрго, II, 305.
Тюрень, II, 201.
Тюрки, 17.
Тьерри, II, 402, 404.
Тьеръ, II, 403.

У.

Уаттъ, II, 263.
Уилеръ, II, 264.
Уинзоръ, II, 435.
Уитсонъ, II, 433.
Уландъ, II, 412.
Улемы, II, 37.
Улиссъ, 142, 174.
Ульпіанъ, 318.
Университетъ, II, 104.
Уольстонъ, II, 429.
Уордсвортъ, II, 410.
Урбанъ II, II, 63.
Уранъ, II, 261.
Урсулинокъ орденъ, II, 200.
Утика, 104.
Учредительное собраніе, II, 313.

Ф.

Фаберъ, II, 201.
Фабій Пикторъ, 310, 324.
Фабій, 249.
Фабіола, 351.
Фабліо, II, 110.
Фабриціусъ, II, 241.
Фаваръ, II, 269.
Фавнъ, 207, 239, 324.
Фавръ, II, 408.
Фагонъ, II, 243.
Фабіи, 249.
Фаланстеры, II, 359.
Фальконе, II, 257.
Фарадэй, II, 427.
Фаренгейтъ, II, 263.
Фарисеи, 97.
Фарнезе, II, 164.
Фарнезскій быкъ, 208, 323.
Фарсала, 314.
Федръ, 314.
Фэй, II, 429.
Феликсъ, 8.
Фелльянты, II, 199.
Фелье, II, 401.
Фенелонъ, II, 228.
Феодализмъ, II, 49.
Феоды, II, 49.
Ферари Л., II, 161.
Фердинандъ Католикъ, II, 133.
Фердинандъ Кордовскій, II, 159.
Ферма, II, 239.
Фермеры, II, 75.
Феррари, II, 414.
Фетида, 138.
Феціалы, 240.
Фидій, 204.
Филанджіери, II, 283.
Филиппики, 309.
Филиппъ, 160, 219, 222, 336.
Филонъ, 226.
Филопеменъ, 230.
Филы, 33.
Фильоль, 9.
Финикія, 104.
Фирміанъ, II, 303.
Фильдингъ, II, 277.
Фитъ, II, 252.
Фихте, II, 282.
Фичини, II, 143.
Флавіаны, 335.
Фламиній, 230.
Фламины, 240.
Фландренъ, II, 418.
Фландрія, II, 91.
Флери, II, 232, 418.
Флемстидъ, II, 240.
Флоберъ, II, 402.
Флора, 140, 238.
Флоренція, II, 71.
Флоріанъ, II, 275.
Флоръ, 315

Флурансъ, II, 426.
Фогтъ, II, 413.
Фокіонъ, 220.
Фоксъ, II, 279.
Фонтанъ, 22.
Фонтанъ, II, 394.
Фортуна, 240.
Фортунатъ, II, 14.
Фоссъ-де, II, 252.
Фосъ Мартинъ, II, 185.
Фра-Джіованни, II, 170.
Фракія, 175.
Франклинъ, II, 263.
Франсіада, II, 148.
Францисканцы, II, 91.
Францискъ Ассизскій, II, 91.
Францискъ I, II, 146, 148.
Французскій банкъ, II, 338.
Французская Коллегія, II, 147.
Фребель, II, 466.
Френель, II, 427, 435.
Фрея, II, 7.
Фрига, II, 7.
Фронда, II, 204.
Фта, 37.
Фруассаръ, II, 128.
Фуа, II, 407.
Фуэросы, II, 79, 302.
Фуко, II, 427.
Фукье, II, 250.
Фультонъ, II, 431.
Фуріи, 138.
Фурія, 351.
Фуркруа, II, 265.
Фурье, 22; II, 359.
Фюстель де Куланжъ, II, 404.
Фьозоле, II, 168.

Х.

Хабрій, 218.
Халкедонія, 175.
Халкидика, 175.
Хамиты, 17.
Ханаанская земля, 79.
Хаосъ, 135.
Харонъ, 139.
Хартія, II, 69.
Хеопсъ, 24.
Херилъ, 222.
Херонея, 206, 219.
Хефренъ, 24.
Хирамъ, 92.
Хіосъ, 174, 175.
Хлодовикъ, II, 8.
Хоанесъ, II, 183.
Хоэфоры, 187.
Хорасанъ, 122.
Хорсабадъ, 57, 59, 67, 73.
Хроносъ, 135.

Ц.

Цвингли, II, 191.
Цезарь, 294.
Цельсій, II, 263.
Цензоръ, 285.
Центавръ, 207.
Центуріонъ, 263.
Церазъ, 175.
Церера, 138.
Цехъ, II, 96.
Цибела, 135.
Циглеръ, II, 414.
Циклады, 104.
Циклъ Артура, II, 109.
Цинцинатъ, 258.
Цирцея, 182.
Цицеронъ, 4, 241, 309.
Ціаксаръ, 123.

Ч.

Чаттертонъ, II, 278.
Чаусеръ, II, 155.
Чезельденъ, II, 267.
Чимабуэ, II, 169.
Чериго, 174.

Ш.

Шамборъ, II, 167.
Шамиссо, II, 413.
Шампень, II, 250.
Шамполіонъ, 21, 22, 44, 48.
Шашъ, II, 330.
Шапталь, II, 266, 439.
Шарнгорстъ, II, 350.
Шарронъ, II, 152.
Шартье А., II, 148.
Шартье Ж., II, 114.
Шатобріанъ, 81; II, 120, 394.
Шварцъ, II, 130.
Швейнфуртъ, II, 487.
Шевалье, II, 407.
Шеврёйль, II, 439.
Шедёвръ, II, 96.
Шекспиръ, II, 155.
Шеле, II, 265.
Шелли, II, 410.
Шеллингъ, II, 413.
Шенье, II, 268, 324.
Шербюлье, II, 402.
Шериданъ, II, 279.
Шефферъ, II, 417.
Шиллеръ, II, 281.
Шіиты, II, 39.
Школа Хартій, II, 404.
Шлегель, 187; II, 413.
Шлейермахеръ, II, 414.
Шлёцеръ, II, 280.
Шлиманъ, 153.
Шмерлингъ, 9.
Шопенгауэръ, II, 414.
Шопенъ, II, 424.
Шталь, II, 243.
Штейнъ, II, 349.
Штраусъ, II, 414.
Шу, 38.
Шубертъ, II, 422.
Шуманъ, II, 429.

Ю.

Юбилей, 91.
Ювеналъ, 314.
Югурта, 287.
Юзъ, II, 419.
Юліанъ, 346.
Юліи, 249.
Юлій Цезарь, 291.
Юмъ, II, 278.
Юнгъ, II, 277.
Юнона, 138, 207.
Юпитеръ, 62, 135, 136, 203.
Юстиніанъ, II, 21.
Юстинъ, 315, II, 21.
Юстинъ св., 332.

Я.

Яблочковъ, II, 436.
Ягве, 82.
Яноби, II, 413.
Яма, 119.
Ямвлихъ, 333.
Янсенисты, II, 233.
Янсенсъ, II, 253.
Янусъ, 289.
Японія, II, 497.

Ѳ.

Ѳаворъ, 78.
Ѳалесъ, 193.
Ѳаресъ, 52.
Ѳемида, 139.
Ѳемистоклъ, 179.
Ѳеогнитъ, 142, 184.
Ѳеодора, II, 27.
Ѳеокритъ, 220.
Ѳеосписъ, 186.
Ѳермопилы, 159.
Ѳивы, 30.
Ѳома Аквинскій, II, 107.
Ѳукидидъ, 152, 169, 192.

Продолжается подписка на два журнала:

XXXII г. „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ XXXII г.

и

„Педагогическій Листокъ“

на 1900 годъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ „Дѣтское Чтеніе“ разрѣшенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни; журналъ *одобренъ* Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній включенъ въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ журналѣ „*Дѣтское Чтеніе*“ помѣщаются: а) повѣсти, разсказы и сказки (оригинальные и переводные); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу свѣту), изъ книгъ и журналовъ; ж) шутки, игры и занятія; и) задачи, ребусы, шарады и проч.

„*Педагогическій Листокъ*“, въ 1900 г. будетъ выходить *восемь разъ* въ годъ (въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ) книжками отъ 6-ти до 8-ми листовъ. Разрѣшенъ къ выпискѣ въ учительскія библіотеки (1896 г.).

Въ „*Педагогическомъ Листкѣ*“ будутъ печататься статьи по вопросамъ домашняго воспитанія, элементарнаго обученія въ школѣ и дома, по гигіенѣ домашней и школьной, законовѣдѣнію, очерки по всемірной литературѣ, общей географіи и общественно-школьнымъ вопросамъ, а также будутъ помѣщаться, кромѣ статей спеціально-педагогическаго характера и статьи общенаучныя для самообразованія учителя, *періодическій указатель* дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое изложеніе и разборъ *вновь выходящихъ книгъ* для дѣтей, учебныхъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Подписная цѣна:

Дѣтское Чтеніе съ Пед. Лист.		Дѣтское Чтеніе безъ Пед. Лист.		Пед. Лист. безъ Дѣтскаго Чтенія.	
Безъ дост. на 1 г.	5 р. — к.	Безъ дост. на 1 г.	4 р. 50 к.	Безъ дост. на 1 г.	1 р. 50 к.
Съ дост. „ 1 „	6 „ — „	Съ дост. „ 1 „	5 „ — „	Съ дост. „ 1 „	2 „ — „
Безъ дост. „ 1/2 „	3 „ — „	Безъ дост. „ 1/2 „	2 „ 25 „	Безъ дост. „ 1/2 „	1 „ — „
Съ дост. „ 1/2 „	3 „ — „	Съ дост. „ 1/2 „	2 „ 50 „	Съ дост. „ 1/2 „	1 „ — „
Безъ дост. „ 1/4 „	1 „ 50 „	Безъ дост. „ 1/4 „	1 „ 15 „		
Съ дост. „ 1/4 „	1 „ 50 „	Съ дост. „ 1/4 „	1 „ 25 „		

За границу на „Дѣтское Чтеніе“ съ Педагогическимъ Листкомъ“ **8** р.

Плата за объявленія въ журналѣ: за страницу **20** р., за полстраницы **10** р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Большая Молчановка, домъ № 24, Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. (Книгопродавцы пользуются уступкой 30 к. съ экземпляра).

Издательница *Е. Н. Тихомирова.* Редакторъ *Д. И. Тихомировъ.*

ФАБРИКА
Н.В.ГАЕВСКАГО
В.О. 5 лин. 54
СКЛ. ВЛАДИМІРСК. ПР. 4

Дюкудре

Исторія
Цивилизаціи

Т. I-II

М.Ф.